научный рецензируемый цитируемый журнал

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВАК И БЕЛЫЙ СПИСОК

KANT

№ 3(60)

сентябрь 2026

ISSN 2222-243X

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ ••• ОТКУДА БЕРУТСЯ ПРАВИЛА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ В ОБРАЗОВАНИИ: ТИПОЛОГИЯ ПРАВИЛ ЛОРРЕЙН ДАСТОН ••• «DIGITAL HOMO» КАК СУБЪЕКТ ЦИФРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ ••• ОТ ТОВАРА К ЦИФРОВОМУ ОБРАЗУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕЩИ В КУЛЬТУРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ XXI ВЕКА ••• ФЕНОМЕН ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ••• СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ ••• ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВА-НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРТИНА ЖАКА ••• ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ И МАРКСИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ И.Т. ФРОЛОВА ••• АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА ДЛЯ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ ••• ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

KANT

3(60)’2026

KANT ориентирован на междисциплинарный диалог. Издается с 2011 года. Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь). Индексируется в РИНЦ, Google Scholar, PhilPapers, DOI

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года. Подписной индекс по каталогу «Пресса России» — Т62200.

ISSN 2222-243X

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК РФ (Q2) по следующим отраслям науки: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика. Список ЕГПНИ (Белый список)

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО “Издательство
СТАВРОЛИТ”

издательство

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Григорьев А.Ф., д-р культурологии, проф. (Ставрополь, Россия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Агаркова Л.В., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Бакланов И.С., д-р филос. н., проф. (Москва, Россия)
Билалов М.И., д-р филос. н., проф. (Махачкала, Дагестан)
Бичеев Б.А., д-р филос. н.(Элиста, Калмыкия)
Бобрышов С.В., д-р пед. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Великая Н.Н., д-р ист. н., проф., (Армавир, Россия)
Воеводин А.П., д-р филос. н., проф.(Луганск, ЛНР)
Воробьев Н.Н., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Грачев С.И., д-р полит. н., проф. (Н. Новгород, Россия)
Гурнович Т.Г., д-р э. н., проф. (Краснодар, Россия)
Давыдянц Д.Е., д-р э. н., проф.(Ставрополь, Россия)
Деменчонок Э.В., д-р филос., проф. (Пич-Каунти, США)
Жидков В.Е., д-р т. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Захарова Е.Н., д-р э. н., проф., (Майкоп, Россия)
Косов Г.В., д-р полит. н., проф. (Москва, Россия)
Костина А.В., д-р культурологии, д-р филос. н., проф. (Москва, Россия)
Костюкова Е.И., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Крохичева Г.Е., д-р э. н., проф. (Ростов-на-Дону, Россия)
Кудрина Е.Л., член РАЕН, д-р пед. н., проф.(Москва, Россия)
Лю Сяоянь, д-р филолог. н., проф. (Пекин, КНР)
Плугина М.И., д-р психол. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Прабхакара Джатьяло Рао, профессор лингвистики (Хайберабат, Индия)
Скрипкина А.В., д-р пед. н., доц. (Москва, Россия)
Солопанова О.Ю., д-р пед. н., проф. (Краснодар, Россия)
Тамов А.А., д-р э. н., проф. (Майкоп, Россия)
Туравец Н.Р., д-р пед. н., проф. (Белгород, Россия)
Фурсов В.А., д-р э. н., проф. (Ставрополь, Россия)

ИЗДАТЕЛЬ: **ООО «Издательство СТАВРОЛИТ»**
ИНН/КПП **2635120079/263501001**
Адрес изд-ва, редакции, типографии: **355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44**
E-mail: info@stavrolit.ru; Сайт: stavrolit.ru/kant

© «KANT», 2026, №3(60), 1–506 с.

Выпускающий редактор *А.Д. Григорьева*
Дизайн обложки М.А. Зоря
Техническое редактирование и верстка *П.В. Арсентьев*
Корректура *К.Д. Ковтун*

Подписано в печать 25.09.2026. Выход в свет 26.10.2026. Формат 84 x 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PalatinoLinotype. Уч.-изд. л. 91,08. Тираж 1000 экз. Заказ № 672. Цена свободная.

Уважаемые читатели!

Журнал «KANT» ориентирован на междисциплинарный диалог с последующей публикацией исследований, в фокусе которых находятся проблемы образовательного пространства, экономические тенденции и их неэкономические следствия, прежде всего в свете философского осмысления.

Построенная на традиционных этических принципах научной периодики, разработанных COPE, и полагающаяся на стандарты Международной социологической ассоциации редакционная политика журнала направлена на создание открытой площадки обмена научной информацией, результатами фундаментальных и прикладных исследований специалистов академического и экспертно-аналитического профиля.

В своей деятельности редакция журнала руководствуется принципами научности, профессионализма, объективности. Журнал нацелен на создание и поддержку единого пространства научной коммуникации в стремлении преодолеть информационную пропасть между изданиями регионального, федерального и международного уровня.

Критериями статей служат актуальность, научная новизна и научная достоверность представленных материалов, практическая значимость, уровень оригинальности представленного материала, а также качество его изложения. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией на основе мнений ведущих ученых, привлекаемых в качестве рецензентов и экспертов.

шеф-редактор журнала
к. полит. н. М.А. Григорьева

Содержание

Философия 5.7

Аликов Ю.А. **Кризис идеологии и проблема нового метанарратива в современной социально-политической философии: западные и деколониальные перспективы**----4

Аширов А.А., Кешишян М.О. **Откуда берутся правила использования ИИ в образовании: Типология правил Лоррейн Дастон как инструмент анализа**----11

Бакланов И.С., Бакланова О.А., Ивлев В.Ю. **Цифровая трансформация ценностных систем в обществе знаний**----20

Бурханов Р.А., Поляков А.А. **Понятия государства-нации и государства-цивилизации В философско-культурологической концепции Мартина Жака**----27

Быкова Н.И. **Проблемы миропонимания и поиска ответов на важнейшие антропологические вопросы в амбивалентности символических образов кинокартины Т. Малика «Древо жизни»**----33

Ван Ч. **Трансформация социального порядка в Китае в условиях глобализации: социально-философский анализ**----39

Величко И.В. **Рыцарь-герой в культуре Средневековья: социокультурный генезис и трансформация идеала**----45

Воробьев Д.В. **Учение св. Григория Богослова о вечности как о вневременности: вечность как вневременность и вечность как неизменность**----53

Вялых В.В., Самоделкина Т.К., Воробьев Д.О. **Актуальность социальной философии Платона для политики современных государств**----59

Гарипова Г.Р., Силиванец А.В. **Трансформация региональной мифологии в контексте информационной культуры: социально-философский анализ рекламной коммуникации**----64

Губанова Т.И. **Служение богу через веру как смысложизненная проблема русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков**----73

Гусак О.И. **Коммуникативные основания легитимности власти в оптике представителей молодежной среды: социальные и политические аспекты**----79

Гутова С.Г., Богатырь В.С. **Воспитание целостной личности: философско-антропологический подход**----88

Егошин В.И. **Феномен волонтерства как пространство формирования идентичности молодого поколения**----97

Закирова Т.В. **Гуманистическая и марксистская парадигма исследования человека в трудах И.Т. Фролова: историко-философский анализ**----104

Клецов А.А., Маслов Р.В., Ревзин С.Р. **Трансформация античных философских понятий νοῦς и πνεῦμα в ранний период эллинистической эпохи: идеализация, конвергенция, этизация и теологизация**----110

Севумян Э.Н. **«Digital homo» как субъект цифрового потребления и потребитель гиперреальности: философско-антропологический анализ**----117

Севумян Э.Н. **От товара к цифровому образу: трансформация вещи в культуре потребления XXI века**----125

Сёмина Г.В. **Феномен трансформации профессиональной идентичности в современном социокультурном пространстве: экспликация моделей Homo juridicus и Homo hospitalis**----133

Стеценко И.А., Стеценко В.В. **Влияние социального мифотворчества на молодёжную политику государства: от манипуляций общественным сознанием к позитивным трансформациям**----139

Хабибуллина З.Н., Сабитова А.Р. **Социальный выбор: между прошлым и будущим**----146

Черных И.А. **Духовность как основа воспитания личности с устойчивыми моральными и нравственными ориентирами**----154

Яруллин Р.Ф. **Методологический потенциал неофеноменологии Ж. Ваарденбурга для современного религиоведения**----159

Экономика 5.2

Алединов И.Э., Каджаметова Т.Н. **Факторы и угрозы кадровой безопасности предприятий сферы туристско-рекреационных услуг в условиях санкционного давления**----------169

Гаркуша С.В. **Направления применения современных цифровых технологий и искусственного интеллекта в обеспечении повышения эффективности сотрудников ИТ-компаний**----------175

Дышловой И.Н., Коряжкин Н.Н. **Искусственный интеллект как фактор трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятий**----------182

Егоров П.М., Анисимов А.Ю. **Разработка модели компенсационного плана в системе оплаты труда в условиях бизнес-циклов торговой компании**----------188

Кахаров А.А. **Ценностно-ориентированный подход к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере**----------195

Краснопоясовская В.Е. **Роль внешней торговли в стратегии Китая по осуществлению «развития и безопасности»**----------201

Кузьмич Н.П. **Национальные проекты как инструмент социально-экономического развития и обеспечения экономической безопасности**----------210

Липина О.А. **Развитие теории управления изменениями в контексте реализации государственных программ развития стратегических отраслей**--------216

Мухаметов О.Р. **Суверенные риски в условиях нетрадиционной денежно-кредитной политики (на примере стран еврозоны)**----------224

Назарова Е.В., Андрущук В.В. **Механизмы адаптации денежно-кредитного регулирования к неоднородности денежных шоков в странах с формирующимися рынками**----------232

Петрушин А.В., Балашова С.А. **Анализ влияния принципов устойчивого развития на прибыльность управляющих компаний в мировой практике**----------238

Помогайбина Е.П. **Культурная политика и бюджетные приоритеты: поиск баланса эффективности**----------249

Прибылов В.П. **Управление стратегическими человеческими ресурсами организации в условиях цифровой трансформации**----------255

Рассказова И.Н. **Разработка динамичной OLAP-модели системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности организации**----------262

Сейдаметова З.С., Темненко В.А. **Структура и динамика Глобальной Экономики в XXI веке. XXIII. Главная Часть Глобального Юга в 2010-2024**----------270

Сейдаметова З.С., Темненко В.А. **Структура и динамика Глобальной Экономики в XXI веке. XXIV. Динамика экономической продуктивности крупнейших стран Глобальной Экономики**----------282

Углицких О.Н., Сизон Ю.Е. **Трансформация механизмов взаимодействия участников долгового рынка России**----------291

Ушаков А.С. **Управление цифровой трансформацией промышленных предприятий: инструментарий и приоритеты устойчивого развития**-----296

Федоров В.М. **Методика экспресс-анализа адаптивного потенциала в системе антикризисного управления интегрированными корпоративными структурами**----------304

Педагогика 5.8

Акифи О.И., Самосенкова Т.В. **Пересборка образования: почему взрослым инженерам нужна микроархитектура**---311

Андреев О.Е. **Проблемы и перспективы преемственности среднего профессионального и высшего образования в условиях модернизации системы взаимодействия «колледж–вуз»**----------320

Ван Ш. **Музыкальность как предмет научного анализа**----------328

Губина А.И. **Функциональное моделирование как педагогическая технология формирования дискурсивной компетенции иностранных студентов на занятиях по русскому языку**----------334

Залазаева О.В., Журавлёва Л.С. **Постсоветское образовательное пространство: трансформация ценностных ориентиров и вызовы для подготовки педагогических кадров**----------341

Ильясова О.А. **Педагогическая технология проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации**----------349

Климова О.Ю., Захарова М.А., Исакович Е.А. **Использование нейросетей в обучении иностранному языку и вопросы интеграции искусственного интеллекта в учебный процесс**----------357

Комлева Е.В., Герасимова К.Ю., Мирошникова Д.В. **Деловой дискурс в формате межкультурной коммуникации: сущностные характеристики, содержательная составляющая и основные уровни процесса обучения**----------364

Кравцова В.И. **Модель формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридного обучения**----------371

Кулаков А.А. **Педагогическая технология формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза**----------381

Кутузова З.Ю. **Интеграция дидактических и педагогических подходов в процессе формирования профессиональной компетентности учителей иностранных языков**----------393

Лоба И.С. **Адаптивная модель диагностики и коррекции учебных дефицитов старшеклассников в системе подготовки к ОГЭ/ЕГЭ в Запорожской области**----------399

Лукаш С.Н. Рубилкина Р.А. **Системная совокупность педагогических условий конструктивно-модельной деятельности в образовательном процессе ДОО в единстве идеального и технологического компонентов**----------409

Мартынюк Э.С. **Сущностные характеристики компетенции самообразования будущего учителя иностранного языка**----------418

Машкова А.С., Балыков В.В., Аль-Хаяни М.Г.М. **Межкультурная коммуникация и социокультурная интеграция иностранных граждан в российской образовательной среде**----------425

Миклошевич К.С. **Экзистенциальная направленность ценностно-мотивационных характеристик формирования позиции сотрудника ОВД как субъекта индивидуальной образовательной траектории в условиях аномии образовательной среды**----------433

Морковкин В.В. **Моделирование формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда**----------442

Неборский Е.В. **«Цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» в сфере образования: выявление потенциального сценария методом контрастивного анализа**----------448

Сопига В.А., Гранина Н.Ф. **Педагогические основы формирования медиаграмотности обучающихся средствами гуманитарного образования**----------456

Степанов В.И., Степанова Н.В. **Оценка роли государственного и частного высшего образования в достижении Целей устойчивого развития**----------464

Торкунова Ю.В., Гафиятуллина А.Р. **Возможности персонализации адаптированной подготовки будущих специалистов в условиях цифровой трансформации**----------470

Холевчук Ю.А. **Педагогическая профилактика деструктивного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде**----------477

Целковая Ю.М., Алейникова Н.Г., Захарченко Н.С. **Социокультурный феномен системы музыкального образования в России**----------485

Обзор

Григорьев А.Ф., Григорьева М.А. **Ценностно-смысловые константы как устойчивое основание развития культуры — человека — общества**--------493

THE CRISIS OF IDEOLOGY AND THE PROBLEM OF A NEW METANARRATIVE IN CONTEMPORARY SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY: WESTERN AND DECOLONIAL PERSPECTIVES

Alikov Yuriy Alexandrovich, *MS of Finance, Leading Consultant, Control Division, Department of Administration and Control, Ministry of Finance of the Russian Federation; Moscow (Russia)*

The article examines the crisis of ideology and the problem of a new metanarrative in contemporary social and political philosophy. The relevance of the topic is determined by the erosion of confidence in the grand ideologies of modernity, the fragmentation of regimes of legitimation, and the growing competition among projects of universality. The purpose of the study is to compare Western and decolonial responses to the question of whether a new common language can connect knowledge, political order, and collective action. To achieve this goal, the paper differentiates between metanarrative, legitimation, and universality; analyzes Western projects of renewed universality and decolonial approaches; and interprets empirical indicators of the crisis of legitimation and epistemic asymmetry. The methodological framework combines postmodern critique of metanarratives, communicative universalism, post-Marxist theory of hegemony, ecological political ontology, and decolonial concepts such as epistemologies of the South, the pluriverse, transmodernity, coloniality of power, and necropolitics. The study shows that projects of the universal cannot be understood as a restoration of a grand narrative: Western theory more often describes the situation as an internal crisis of modernity, whereas decolonial thought stresses the historical entanglement of universalism with coloniality. As a result, the article proposes the concept of a reflexive weak metanarrative understood as a framework of translation between different forms of knowledge and collective experience rather than a total philosophy of history. It is concluded that this weak and reflexive form of universality is the most adequate response to the current phase of the crisis of ideology.

Keywords: *crisis of ideology; metanarrative; legitimation; social and political philosophy; universality; decoloniality; epistemic justice; pluriverse.*

EDN: AAOBBW ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.1***

Цитировать: *Аликов Ю.А. Кризис идеологии и проблема нового метанарратива в современной социально-политической философии: западные и деколониальные перспективы // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 4–10. EDN: AAOBBW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.1*

УДК 101.1
5.7.7

© Аликов Ю.А., 2026

Кризис идеологии и проблема нового метанарратива в современной социально-политической философии: западные и деколониальные перспективы

Статья посвящена кризису идеологии и проблеме нового метанарратива в современной социально-политической философии. Своевременность обращения к теме определяется тем, что ослабление доверия к классическим идеологиям модерна сопровождается фрагментацией режимов легитимации, ростом институционального недоверия и конкуренцией различных проектов универсальности. Цель исследования заключается в сопоставлении западных и деколониальных ответов на вопрос о возможности нового общего языка, способного связывать знание, политический порядок и коллективное действие. Для достижения этой цели решаются задачи разграничения понятий метанарратива, легитимации и универсальности, анализа западных моделей новой универсальности и деколониальных подходов, а также интерпретации эмпирических индикаторов кризиса легитимации и эпистемической асимметрии. Методологическую основу составляют концепции постмодернистской критики метанарративов, коммуникативного универсализма, постмарксистской гегемонии, экологической политической онтологии, а также деколониальные подходы, включая эпистемологии Юга, концепцию плюриверса, трансмодерн, колониальность власти и некрополитику. Установлено, что современные проекты всеобщего не могут быть поняты как восстановление единого «большого рассказа»: западная теория чаще интерпретирует происходящее как внутренний кризис модерности, тогда как деколониальная мысль подчеркивает

историческую связь универсализма с колониальностью. В качестве результата предлагается понятие рефлексивного метанарратива слабого типа, понимаемого как рамка перевода между различными формами знания и коллективного опыта без претензии на новую тотальную философию истории. Сделан вывод о том, что именно такая форма всеобщего наиболее адекватна текущей фазе кризиса идеологии и задает перспективу дальнейшей межэпистемической координации.

Ключевые слова: *кризис идеологии; метанарратив; легитимация; социально-политическая философия; универсальность; деколониальность; эпистемическая справедливость; плюриверс.*

АЛИКОВ Юрий Александрович,
магистр финансов, ведущий консультант Отдела по контролю Департамента управления делами и контроля, Министерство финансов Российской Федерации; Москва (Россия)
SPIN-код: 4764-6720
ORCID ID: 0009-0005-7551-3147
ResearcherID: PXB-1541-2026

Введение

Современная социально-политическая философия развивается в ситуации, которую Ж.-Ф. Лиотар определил как недоверие к метанарративам [2]. Классические идеологии модерна (либеральный прогрессизм, марксистская эмансипация, национальные версии исторического предназначения) утратили прежнюю самоочевидность. Однако исчезновение старых оснований не устранило потребность в общем языке, способном связывать знание, политический порядок и коллективное действие. Цель исследования — сопоставить западные и деколониальные ответы на вопрос о новом метанарративе и показать, почему сегодня продуктивнее говорить не о восстановлении «большого рассказа», а о множественных режимах легитимации. Научная новизна состоит в том, что кризис идеологии рассматривается как глобально несимметричный процесс: его нельзя описать только как внутреннюю эволюцию западной модерности.

История вопроса и логика исследования

Проблема метанарратива в поздней модерности формировалась как минимум в трех взаимосвязанных дискуссиях. Первая — связана с постмодернистской критикой философии истории и с отказом рассматривать общественное развитие как движение по единой линии прогресса. Вторая — касается нормативной теории демократии и поиска процедур, которые могли бы обосновывать обязательность норм без обращения к единому субстанциальному основанию. Третья — вырастает из деколониального поворота, показавшего, что универсалистские языки модерности исторически сопровождались исключением множества субъектов и форм знания.

Именно поэтому вопрос о новом метанарративе сегодня не сводится к простому выбору между универсализмом и релятивизмом. Гораздо важнее определить, на каких условиях возможно общее, если политические сообщества остаются глубоко неоднородными, а глобальная циркуляция знаний воспроизводит устойчивые центры и периферии. В этой перспективе исследование опирается не только на понятийный анализ, но и на сопоставление конкурирующих логик легитимации: процедурной, гегемонической, планетарной и межэпистемической.

С этой точки зрения, сравнение западных и деколониальных подходов имеет не только историографическое, но и методологическое значение. Оно позволяет увидеть, что спор о новом метанарративе разворачивается одновременно на разных уровнях: как спор о допустимых основаниях универсальности, как спор о границах политического сообщества и как спор о том, какие формы знания получают статус общезначимых. Поэтому постановка исследовательского вопроса требует удерживать вместе нормативное измерение проблемы, связанное с возможностью общего языка, и эпистемическое измерение, связанное с распределением права говорить от имени всеобщего. Такая двойная перспектива помогает избежать двух крайностей: либо редукции кризиса идеологии к культурному релятивизму, в котором любое общее заранее подозрительно, либо его сведения к поиску новой сильной универсальной формулы, которая вновь подчиняет различие заранее заданному центру.

Кризис идеологии как кризис режимов легитимации

Если рассматривать идеологию не только как систему идей, но и как форму символического связывания общества, то нынешний кризис проявляется в нескольких измерениях одновременно. Во-первых, ослабевает доверие к универсальным историческим обещаниям: прогресс, эмансипация, национальное предназначение и модернизация больше не обладают прежней самоочевидностью. Во-вторых, усиливается конкуренция между различными регистрами оправдания политического порядка — правовым, моральным, технократическим, цивилизационным и идентичностным. В-третьих, расширение цифровой медиасреды способствует тому, что режимы легитимации становятся фрагментарными и ситуативными, а политическая мобилизация все чаще строится на коротких эмоциональных циклах.

В этой связи кризис идеологии уместно описывать как кризис масштаба. Обществам по-прежнему нужны схемы, позволяющие связывать локальный опыт с более широким горизонтом коллективного действия, однако прежние большие повествования воспринимаются как чрезмерно жесткие и подозрительные. Возникает напряжение между необходимостью общего языка и недоверием к тем формам всеобщего, которые исторически предъявляли себя как единственно возможные. Это напряжение и образует центральную проблему статьи.

В аналитическом плане важно различать метанарратив, легитимацию и универсальность. Метанарратив задает широкую схему связи истории, знания и порядка; легитимация отвечает на вопрос, почему нормы и институты признаются обязательными; универсальность обозначает притязание на общезначимость. Поэтому кризис метанарратива означает не конец теории, а переход от жестких и централизованных оснований к более конфликтным и открытым формам оправдания общего.

После постмодернистской критики философия уже не может исходить из единственного субъекта истории или единой линии прогресса. Но без минимального универсального горизонта невозможны ни политическая координация, ни критика господства, ни межкультурный перевод. Отсюда и возникает вопрос о форме всеобщего, совместимой с опытом различия.

Следовательно, универсальность в современной теории выступает не содержательно заданной истиной, а проблемой формы. Один и тот же социальный порядок может быть устойчивым на институциональном уровне, но дефицитным в отношении символического признания. Напротив, яркая мобилизационная рамка способна временно объединять акторов, не обеспечивая при этом долгосрочной нормативной приемлемости. Такая дихотомия особенно заметна в обществах, где формальная демократическая процедура сочетается с поляризацией, недоверием к экспертным посредникам и ростом спроса на упрощенные картины мира.

Отсюда вытекает методологическое требование различать как минимум три уровня анализа. На макроуровне рассматриваются исторические модели универсализма и их связь с модерностью. На мезоуровне анализируются институты, через которые общие нормы получают признание или, напротив, теряют его. На микроуровне фиксируются языки политической идентификации и повседневные практики согласия и несогласия. Такая оптика позволяет избежать ложной альтернативы между чисто философским и чисто эмпирическим описанием кризиса.

При таком подходе продуктивно рассматривать универсальность не как готовое содержание, а как режим сборки разнородного опыта. В этом режиме ключевым становится вопрос не только о том, какие нормы могут быть признаны обязательными, но и о том, каким образом различные исторические контексты получают возможность участвовать в формировании самих критериев обязательности. Иначе говоря, обсуждение нового метанарратива смещается из плоскости поиска окончательного основания в плоскость институционально и дискурсивно организованной переводимости. Именно поэтому современная теория вынуждена учитывать не только конфликт интерпретаций, но и конфликт условий высказывания: кто располагает инфраструктурой знания, кто задает язык описания кризиса и кто получает право представлять локальный опыт как репрезентативный для целого. Без учета этой второй линии анали-

за универсальное неизбежно возвращается в форме скрытого монолога.

Западные проекты новой универсальности

В западной теории поиск нового общего ведется по нескольким линиям. Экологическая политическая онтология связывает универсальность с планетарной взаимозависимостью людей и нечеловеческих акторов [1; 3]. Коммуникативный универсализм сохраняет общезначимость как результат процедурного согласования [8]. Постмарксизм показывает, что универсальное не дано заранее, а возникает как временный эффект гегемонической артикуляции [10]. Метамодернизм фиксирует колебание между надеждой на целостность и устойчивым недоверием к ней [15], а технофутуристические сценарии пытаются сделать новым горизонтом технологическое преобразование человека и общества [9].

Несмотря на различия между перечисленными подходами, их объединяет стремление сохранить возможность нормативной координации после распада классических идеологических блоков. Экологическая линия подчеркивает пределы антропоцентрического политического воображения и тем самым расширяет сам круг участников общего мира. Коммуникативная линия переносит центр тяжести на процедуры взаимного признания и публичного обоснования. Постмарксистская и метамодернистская линии, в свою очередь, акцентируют временный, незавершенный и конфликтный характер всякого универсального единства.

Характерно, что ни один из этих проектов не может быть безоговорочно описан как возвращение к старому типу всеобщего. Даже там, где речь идет о новом общем горизонте, он мыслится либо как процесс, либо как открытая рамка, либо как эффект координации, а не как уже данная субстанция истории. Тем самым западные концепции постепенно переходят от сильного универсализма к моделям, в которых общее должно постоянно подтверждаться в практике перевода, спора и институционального посредничества.

Таблица 1 — **Западные проекты новой универсальности**

Направление	Ключевая идея	Ограничение
Экологическая политическая онтология	Универсальность понимается через планетарную взаимозависимость	Сложно распределять ответственность и согласовывать интересы
Коммуникативный универсализм	Общее возникает как результат процедурного согласования	Недостаточно учитывается неравенство власти
Постмарксизм	Универсальное есть временный эффект гегемонии	Общее остается принципиально нестабильным
Метамодернизм	Культура колеблется между надеждой и иронией	Слабая институциональная программа
Технофутуризм	Единый горизонт связывается с технологическим будущим	Риск технократической редукции

Источник: составлено автором.

Деколониальные подходы к проблеме всеобщего

Деколониальная перспектива радикализирует проблему. Для А. Кихано модерность изначально неотделима от колониальности власти [13]. Б. де Соуза Сантос связывает социальную справедливость с эпистемической справедливостью и развивает проект эпистемологий Юга [14]. А. Мбембе показывает пределы универсализма через анализ зон насилия и смерти [11]. У. Мигноло и А. Эскобар предлагают мыслить мир как плюриверс, то есть сосуществование множества миров без единого центра [5; 12], а Э. Дуссель формулирует идею трансмодерна как включения исключенных исторических субъектов [4]. Отсюда следует, что вопрос состоит не в отказе от всеобщего, а в демонтаже монополии одной традиции на право говорить от его имени.

Деколониальная критика при этом важна не только как отрицание западной нормативной гегемонии, но и как предложение иной логики теоретического синтеза. Ее сильная сторона состоит в том, что она смещает центр внимания с вопроса о том, какая теория верна универсально, к вопросу о том, кто вообще получает право быть источником универсализируемого знания. Тем самым проблема

всеобщего переводится в плоскость эпистемической репрезентации, исторической памяти и асимметрии доступа к институтам высказывания.

Вместе с тем радикальная версия плюриверсального подхода сталкивается с собственным пределом. Если различие мыслится исключительно как несводимость миров друг к другу, становится трудно описать механизмы совместного действия в условиях общих угроз — климатических, технологических, биополитических или военных. Поэтому наиболее продуктивные версии деколониальной мысли не отвергают всякое общее, а стремятся переопределить условия его возникновения: не через монологический центр, а через признание множественности исходных позиций и права на теоретический перевод.

Таблица 2 — **Деколониальные подходы**

Направление	Ключевая идея	Ограничение
Эпистемологии Юга	Справедливость требует признания множественности знаний	Трудна институционализация межэпистемического перевода
Плюриверс	Мир мыслится как сосуществование множества миров	Риск размывания критериев общего
Трансмодерн	Модерность переосмысливается через включение исключенных субъектов	Неочевидно, как соединить критику и нормативное наследие модерна
Некрополитическая критика	Универсальность анализируется через ее исключения и зоны насилия	Позитивная модель порядка разработана слабее

Источник: составлено автором.

Эмпирические индикаторы кризиса легитимации и эпистемической асимметрии

Эмпирические данные не доказывают философские положения, но помогают увидеть социальные корреляты кризиса легитимации. По данным OECD, национальным правительствам доверяют 39% респондентов, парламентам — 37%, политическим партиям — 24%. Согласно Pew Research Center, 59% опрошенных в 24 странах не удовлетворены работой представительной демократии, а 74% считают, что избранные должностные лица не заботятся о мнении таких людей, как они. Исследования об искусственном интеллекте показывают иные, но не менее важные разрывы: в ряде стран Глобального Юга принятие ИИ выше, чем в западных обществах, однако высокий запрос на регулирование сохраняется по обе стороны этого условного разделения. Наконец, данные UNESCO демонстрируют устойчивую эпистемическую асимметрию: государства G20 концентрируют почти 89% исследователей и более 90% мировых расходов на исследования. [1]

Важно, что сами по себе подобные индикаторы не задают единой причинной схемы. Они лишь фиксируют разрыв между институциональной формой политического порядка и степенью ее признания различными социальными группами. Именно этот разрыв и делает привлекательными квазиметанарративы, предлагающие простую символическую картину мира, понятных виновников и обещание ускоренного восстановления целостности.

Показательно и то, что эпистемическая асимметрия проявляется не только в распределении ресурсов науки, но и в распределении права на интерпретацию глобальных проблем. Кто формулирует универсальные стандарты развития, цифровой этики, безопасности или устойчивости, тот во многом определяет и язык политической рациональности. Поэтому кризис идеологии следует связывать не просто с ослаблением старых идей, а с конфликтом вокруг того, какие центры знания и какие формы опыта могут претендовать на статус общеобязательных.

MAGA как пример квазиметанарративной мобилизации

Кризис легитимации проявляется и в форме мобилизационных идеологий, ими-

[1] По данным:

Edelman Trust Barometer Flash Poll: Trust and Artificial Intelligence at a Crossroads. Edelman, 2025.

OECD Survey on Drivers of Trust in Public Institutions: 2024 Results. Paris: OECD, 2024.

Pew Research Center. Representative Democracy Remains a Popular Ideal, but People Around the World Are Critical of How It's Working. Washington, DC, 2024.

UNESCO Science Report 2021: The Race Against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO, 2021.

тирующих целостный исторический смысл. Движение MAGA показательно тем, что соединяет национал-консервативные, постлиберальные и исполнительско-суверенистские линии, но не создает общезначимой рамки для плюралистического порядка [6]. Его интеграция строится скорее на аффекте утраты, обиды и обещании восстановления величия, чем на универсализируемом проекте будущего. Поэтому MAGA можно описать как квазиметанарратив: он силен как средство политической консолидации, но слаб как основание легитимации для общества в целом.

С философской точки зрения, этот пример важен, потому что позволяет отделить мобилизационный эффект от собственно нормативной универсализируемости. Квазиметанарратив может быть чрезвычайно действенным на уровне идентичности, электоральной энергии и эмоциональной сборки политического субъекта. Но чем сильнее он опирается на дихотомию «подлинного народа» и враждебных посредников, тем слабее его способность выступать общей рамкой для разнотипного общества.

В более широком контексте подобные формы мобилизации свидетельствуют о смене режима идеологической работы. Классические идеологии модерна стремились объяснить ход истории и встроить индивида в долгий горизонт коллективного будущего. Современные квазиметанарративы чаще действуют через режим постоянной актуализации угрозы, символическую войну за знаки принадлежности и ускоренную циркуляцию лояльностей. Это делает их сильными как инструмент политической консолидации и одновременно нестабильными как основание долговременной легитимации.

Рефлексивный метанарратив слабого типа

В этих условиях продуктивно говорить о рефлексивном метанарративе слабого типа. Он не является новой тотальной философией истории и не претендует на окончательное описание человечества. Его задача скромнее: обеспечивать перевод между различными эпистемологиями, нормативными языками и формами коллективного опыта. Такой метанарратив рефлексивен, поскольку учитывает собственную историческую ограниченность; переводим, поскольку действует через сопоставление, а не через диктат единственного языка; и антимонополистичен, поскольку лишает любую традицию исключительного права говорить от имени всеобщего.

Такое понимание позволяет соединить два требования, которые обычно противопоставляются друг другу. С одной стороны, сохраняется идея общего горизонта, без которого невозможно ни критиковать доминирование, ни строить устойчивые институты координации. С другой — этот горизонт не мыслится как завершенная система истин, подчиняющая себе различие. Он остается процедурно открытым и исторически самокритичным.

Практическое значение слабого метанарратива особенно заметно в тех областях, где взаимодействуют разные дисциплины, культуры и нормативные языки: в политике памяти, в глобальном регулировании технологий, в климатическом управлении, в дискуссиях о справедливом развитии. Во всех этих случаях требуется не столько единая философия истории, сколько институционализированная способность сопоставлять частные рациональности, переводить конфликтующие требования и формировать временные режимы согласия без устранения различий.

Отсюда следует, что практическая состоятельность слабого метанарратива зависит не столько от его декларативной всеобщности, сколько от способности порождать процедуры проверки и пересмотра собственных оснований. Такая рамка оказывается жизнеспособной лишь тогда, когда она допускает возвратное воздействие периферийных позиций на язык центра, а не просто переводит уже установленные категории в иные культурные контексты. В противном случае межэпистемический перевод превращается в ассимиляцию, а требование открытости остается риторическим жестом. Поэтому институциональные формы слабого универсального должны быть ориентированы не на устранение конфликта как такового, а на поддержание процедур, в которых конфликт может быть артикулирован, сопоставлен и временно упорядочен без утраты различия. В этом смысле слабый метанарратив выступает не альтернативой политике, а условием ее ненасильственной координации в мире множественных рациональностей.

Межэпистемический перевод и институциональные формы слабого универсального

Слабый рефлексивный метанарратив не существует вне институтов перевода. Его носителями могут выступать академические и экспертные площадки, транснациональные форумы, практики общественной экспертизы, механизмы участия затронутых сообществ и формы совместного производства знания. Речь идет не о гармоническом консенсусе, а о создании процедур, в которых различие не устраняется заранее, но становится предметом обоснованного сопоставления.

В этом отношении перспективной оказывается логика многоуровневой легитимации. На одном уровне требуется минимальный универсальный словарь прав, ущерба, ответственности и признания. На другом — признание исторически конкретных форм опыта, которые не сводятся к западной траектории модерности. Наконец, на третьем уровне необходимы инструменты проверки переводимости: можно ли перенести категорию из одного контекста в другой без утраты содержания, не превращая чужой опыт в приложение к уже готовой теории.

Именно здесь пролегает граница между слабым универсализмом и скрытой реставрацией сильного метанарратива. Если перевод понимается как одностороннее присвоение, вновь возникает монополия центра. Если же он строится как обратимая процедура, допускающая изменение самого универсального языка под воздействием периферийных и ранее исключенных позиций, то общее приобретает действительно рефлексивный характер. В таком виде метанарратив остается не итоговой схемой истории, а подвижной архитектурой координации.

Заключение

Таким образом, современный кризис идеологии означает не конец универсального, а распад прежней монополии на него. Западные и деколониальные теории по-разному отвечают на этот вызов, но сходятся в одном: без некоторой формы общего невозможны ни критика господства, ни политическая координация, ни институциональная легитимация. Наиболее адекватным ответом на нынешнюю фазу кризиса выступает не новый жесткий метанарратив, а слабая и рефлексивная рамка всеобщего, совместимая с множественностью миров. Проведенный анализ показывает, что спор о метанарративе фактически является спором о способах связывания разнородных форм опыта, знаний и политических притязаний. Поэтому дальнейшее развитие социальной и политической философии связано не с поиском окончательной универсальной доктрины, а с разработкой институтов и понятий, способных удерживать одновременно различие, переводимость и нормативную требовательность. Именно в этом направлении идея слабого метанарратива может служить продуктивной исследовательской и практической рамкой.

Литература

1. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 336 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М.; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
3. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry. — 2009. — Vol. 35, №2. — P. 197–222.
4. Dussel E. Philosophy of Liberation. — Eugene, OR: Wipf and Stock, 2003. — 224 p.
5. Escobar A. Pluriversal Politics: The Real and the Possible. — Durham: Duke University Press, 2020. — 232 p.
6. Field L. K. Furious Minds: The Making of the MAGA New Right. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 2025. — 432 p.
7. Gillespie N., Lockey S., Ward T., Macdade A., Hassed G. Trust, Attitudes and Use of Artificial Intelligence: A Global Study 2025. — Melbourne, 2025.
8. Habermas J. Modernity — An Incomplete Project // The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture. — Port Townsend, WA, 1983. — P. 3–15.
9. Harari Y. N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. — New York: Harper, 2017. — 464 p.
10. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. — London: Verso, 1985. — 197 p.
11. Mbembe A. Necropolitics // Public Culture. — 2003. — Vol. 15, №1. — P. 11–40.
12. Mignolo W. D. On Pluriversality and Multipolar World Order // Constructing the Pluriverse: The Geopolitics of Knowledge. — Durham, 2018. — P. 90–116.
13. Quijano A. Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America // Nepantla: Views from the South. — 2000. — Vol. 1, №3. — P. 533–580.
14. Santos B. de S. Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide. — London: Routledge, 2014. — 284 p.
15. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. — 2010. — Vol. 2, iss. 1.

Where do the rules for the use of AI in education come from: Lorraine Daston's typology of rules as an analytical tool

Ashirov Aziz Abdybekovich, *Postgraduate student*

Keshishian Maria Ovanesovna, *Assistant*

National Research University ITMO, St. Petersburg (Russia)

The article addresses the problem of the origin and justification of rules governing the use of artificial intelligence in education, as well as the conditions of their effectiveness. The relevance of the study is обусловлена the rapid diffusion of AI in educational practice and the need to develop regulatory approaches that take into account the specificity of pedagogy rather than merely administrative requirements. Based on an analysis of international documents, institutional university policies, and local educational practices, the authors demonstrate that existing models of AI governance predominantly reproduce the logic of "thin" rules—brief and unambiguous prescriptions that exclude interpretation and displace pedagogical judgment. The aim of the study is to identify the sources of rules for the use of AI in education and to assess their alignment with the needs of educational practice. To achieve this aim, the study addresses the following objectives: to analyze existing approaches to AI regulation at the international and institutional levels; to identify the dominant type of rules; and to compare these with the requirements of pedagogical practice. The methodological framework is based on Lorraine Daston's concept distinguishing between "thin" and "thick" rules, as well as paradigm rules understood as models of thinking and action. In dialogue with this framework, the authors draw on Richard Hughes Gibson's argument that defining the role of AI in higher education is a pedagogical rather than an administrative problem. The findings show that the gap between "thin" rules produced by formal regulation and the "thick" rules required by educational practice has philosophical foundations and reflects a broader historical tendency toward the algorithmization of norms and the displacement of human judgment. The article concludes by arguing for a shift in AI governance in education from a prohibitive logic to a paradigmatic one, focused on the creation and dissemination of exemplary pedagogical practices.

Keywords: *artificial intelligence in education; AI regulation; academic integrity; thick and thin rules; pedagogical judgment; tacit knowledge.*

EDN: AGGLIK ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.2***

Цитировать: *Аширов А.А., Кешишян М.О. Откуда берутся правила использования ИИ в образовании: Типология правил Лоррейн Дастон как инструмент анализа // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 11–19. EDN: AGGLIK. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.2*

УДК 01
5.7.8

Откуда берутся правила использования ИИ в образовании: типология правил Лоррейн Дастон как инструмент анализа

© Аширов А.А., Кешишян М.О., 2026

Исследование посвящено проблеме происхождения и обоснования правил использования искусственного интеллекта в образовании, а также условиям их действенности. Своевременность обращения к теме определяется быстрым распространением ИИ в образовательной практике и необходимостью выработки нормативных подходов, способных учитывать специфику педагогической деятельности, а не только административные требования. На материале международных документов, институциональных политик университетов и локальных образовательных практик показано, что существующие модели регулирования ИИ воспроизводят преимущественно логику «тонких» правил, по Л. Дастон, — кратких и однозначных предписаний, исключающих интерпретацию и вытесняющих педагогическое суждение. Целью исследования является выявление источников формирования правил использования ИИ в образовании и анализ их соответствия требованиям образовательной практики. Для достижения цели решаются задачи: проанализировать существующие подходы к регулированию ИИ на международном и институциональном уровнях; выявить доминирующий тип правил; сопоставить его с требованиями педагогической деятельности. Методологической основой исследования выступает концепция Лоррейн Дастон, различающая «тонкие» и «толстые» правила, а также правила-па-

АШИРОВ Азиз Абдыбекович, *аспирант*
ORCID ID 0009-0003-4757-8838

КЕШИШЯН Мария Ованесовна, *ассистент*

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург (Россия)

радигмы как образцы мышления и действия. В теоретическом диалоге с данной концепцией используется аргумент Ричарда Хьюса Гибсона о педагогической, а не административной природе определения роли ИИ в высшем образовании. В результате установлено, что разрыв между «тонкими» правилами формального регулирования и «толстыми» правилами, необходимыми для образовательной практики, имеет философские основания и связан с исторической тенденцией алгоритмизации норм и вытеснения человеческого усмотрения. Обоснована необходимость переориентации разработки правил использования ИИ с запретительной логики на парадигмальную, предполагающую создание и распространение образцов продуктивной педагогической практики.

Ключевые слова: *искусственный интеллект в образовании; регулирование ИИ; академическая честность; тонкие и толстые правила; педагогическое суждение; неявное знание.*

Введение

Тема регулирования ИИ в образовательных контекстах чрезвычайно разработана. Так, только за первые четыре месяца 2026 года электронная библиотека «КиберЛенинка» индексирует 221 статью по запросу «регулирование искусственного интеллекта в образовании». Акторы разных уровней — от международных организаций до отдельных преподавателей — выделяют свои подходы и методологические основания для формирования правил использования ИИ. При этом адресаты этих правил также различаются: одни документы обращены к разработчикам законодательства, другие — к создателям и операторам самих систем ИИ, третьи — к конечным «пользователям».

В статье «Автоматизированные интеллектуальные системы: этический и нормативно-технический подходы к регулированию» Гарбург и Углева выделяют два основных подхода к регулированию ИИ. Первый — нормативно-технический — основан на оценке, предупреждении и управлении рисками на момент пользования технологией. Логика этого подхода во многом технодетерминистична: предполагается, что риски поддаются измерению и классификации, а регулирование должно следовать за ними. Второй — нормативно-этический — устанавливает принципы разработки и процессы введения в эксплуатацию, смещая акцент с последствий на намерения и ценности: важно не только то, что делает система, но и как она создавалась и какие ценности были в неё заложены [1].

При этом авторы фиксируют принципиальное напряжение между этими подходами: почему этика ИИ терпит неудачу? «на практике этика часто рассматривается как постороннее влияние, как излишек или своего рода “надстройка” к техническим проблемам, как не имеющая обязательной силы рамка, навязываемая учреждениями, находящимися за пределами технического сообщества» [1, с. 111]. Иными словами, этические принципы существуют, но не становятся рабочим инструментом: они декларируются, но не встраиваются в повседневные практики принятия решений. Это ставит под вопрос не содержание принципов, а механизм их действия — то, каким образом норма вообще становится обязательной для конкретного актора в конкретной ситуации.

Схожая картина наблюдается на уровне международных документов. Консультационный документ ЮНЕСКО [1], адресованный парламентариям, систематизирует девять подходов к регулированию ИИ и также подчёркивает, что ни один из них не является универсальным: на практике они комбинируются в зависимости от национального контекста и конкретных задач. Примечательно, что среди этих подходов ЮНЕСКО выделяет «*facilitating and enabling approach*» — логику, при которой регулирование не запрещает, а создаёт условия для ответственного использования.

[1] Consultation paper on AI regulation: Emerging approaches across the world / UNESCO. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000390979

В данной статье за основу взят расширенный вариант определения «регулирование», под которым понимается — любые документы, закрепляющие способы действия и мышления и предусматривающие санкции за отступление от них. В этом смысле регулирование охватывает как международные рекомендации и национальное законодательство, так и институциональные политики университетов. Однако опыт показывает, что попытки регулировать использование ИИ не исчерпываются такими документами. В образовательной практике возникают локальные правила, создаваемые преподавателями для конкретных курсов и адаптированные к конкретным педагогическим задачам. Эти правила существуют в ином регистре: в большинстве случаев они не опираются на формальную санкцию и не претендуют на универсальность. Напряжение между формальным регулированием сверху и локальными практиками снизу оказывается для нас аналитически продуктивным: оно позволяет поставить вопрос о том, что вообще делает правило действующим — юридическая сила или укоренённость в практике.

Далее представлена попытка разработать подобный документ для магистратуры. Ключевой вопрос, вынесенный на обсуждение с участием студентов и преподавателей, — «зачем вообще нужны правила использования ИИ, в каких ситуациях и какого рода?». Он касался не только учебного процесса, но и административных аспектов. Примечательно, что большинство участников не стремились передавать агентность ИИ; напротив, запрос на правила формулировался, скорее, как вопрос о том, «как делать лучше», а не «как запретить» — что оказывается созвучно логике enabling approach, описанной ЮНЕСКО, однако возникает не из законодательной инициативы, а из образовательной практики.

Этот опыт позволил поставить под сомнение достаточность исключительно нормативно-этического подхода к регулированию и приступить к поиску других решений. Возможно, для осмысления правил использования ИИ необходимо обратиться к более фундаментальному вопросу: откуда вообще берутся правила и что делает их обязательными?

Существующие правила использования ИИ в образовании

Институциональные правила использования искусственного интеллекта в высшем образовании — явление сравнительно недавнее, но распространившееся с необычной скоростью. По данным опроса ЮНЕСКО, проведённого в 2023 году, менее 10% из более чем 450 опрошенных образовательных институций располагали формально принятыми руководствами или мерами в области ИИ [2]. Уже к 2025 году картина кардинально изменилась: исследование американских университетов показало, что 94% из топ-50 вузов США разработали руководства по генеративному ИИ, адресованные преподавательскому составу [2]. Переход от почти полного отсутствия регулирования к массовому принятию институциональных документов занял менее двух лет. Сам этот темп свидетельствует о том, что университеты испытывали острую потребность в правилах — но вопрос о том, какого рода правила они в итоге произвели, заслуживает отдельного рассмотрения.

Сравнительные исследования университетских мер выявляют разнообразие форматов. Сяо предлагает типологию институциональных ответов, выделив три стратегии: ожидание (*waiting*), запрет (*banning*) и принятие (*embracing*) [16]. Ряд других специалистов, изучив 14 университетов Большой десятки в США, определяют спектр от жёстко ограничительных до открыто интегративных подходов [17] (при том что и те, и другие апеллировали к схожим ценностям). В ходе анализа 15 европейских норм и правил Страке фиксирует аналогичное разнообразие по степени формализации, нормативной силе и предполагаемому адресату [15]. Однако за типологическим разнообразием обнаруживается устойчивое сходство базовой логики. Обзоры, охватывающие университеты из разных регионов мира — Северной Америки, Европы, Азии — выделяют одну и ту же доминанту: нарратив академической честности и ориентация на управление рисками [4; 7].

[2] UNESCO survey: Less than 10% of schools and universities have formal guidance on AI / UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/articles/unesco-survey-less-10-schools-and-universities-have-formal-guidance-ai

Академическая честность выступает центральным и практически универсальным нормативным основанием этих документов. Цзинь и др., изучив 40 университетов из шести мировых регионов, констатировали «повсеместную озабоченность академической честностью и этичным использованием ИИ» как главную особенность всех рассмотренных документов [7]. Контент, созданный при помощи ИИ, как правило, квалифицируется как не представляющий собственной работы студента и приравнивается к академическому проступку [10]. Практическим воплощением этой логики становятся конкретные механизмы: обязательное раскрытие факта использования ИИ, ограничения на долю генерируемого контента, требования проверки достоверности, запреты на передачу персональных данных.

Шифф охарактеризовал общую направленность подобных мер формулой «образование для ИИ, а не ИИ для образования»: регулирование сосредоточено на управлении рисками, а не на трансформации педагогических практик [14].

Первое наблюдение, которое в ходе статьи будет рассмотрено более детально: правила использования ИИ в образовании формулируются преимущественно как запреты и ограничения, адресованные конечному пользователю.

Наряду с содержательной логикой, исследования выявляют характерное распределение агентности. Студенты оказываются главным объектом регулирования: именно их поведение подлежит нормированию, именно им предъявляются требования к прозрачности и ответственности. Преподаватели занимают посредническую позицию: им нередко делегируется право устанавливать условия использования ИИ в рамках конкретных курсов, однако они редко участвуют в выработке самих правил. Гимире и Эдвардс фиксируют нарастание формализации, при которой вопросы педагогической целесообразности вытесняются на второй план, — процесс, который они описывают формулой «от рекомендаций к управлению» [6]. Анализируя американские университеты, МакДональд приходит к аналогичному выводу: педагогическое измерение — вопросы о том, как именно использование ИИ может быть продуктивным, — в большинстве норм практически отсутствует [11].

Второе наблюдение: по мере формализации регулирования педагогическое суждение вытесняется процедурами, а преподаватель из участника выработки правил превращается в их исполнителя.

Ло, применив к правилам 20 ведущих университетов мира рамку Бакки «Что представлено как проблема?» [3], показала, что правила не только реагируют на существующие проблемы, но и конструируют их, определяя, какие аспекты использования ИИ считаются проблематичными, а какие остаются невидимыми [10].

Центральным конструктом оказывается понятие «оригинальности»: большинство правил молчаливо предполагает, что оригинальная работа производится студентом самостоятельно, без помощи ИИ или других внешних агентов. Это предположение, по наблюдению Дж. Ло, порождает «критическое замалчивание» относительно распределённого и технологически опосредованного характера современного производства знания. Иными словами, правила не только не содержат моделей продуктивного взаимодействия с ИИ — они активно исключают саму возможность того, что такое взаимодействие может быть частью академической работы.

Третье наблюдение: в существующих политиках отсутствуют образцы и модели того, как выглядит ответственная и продуктивная работа с ИИ; пространство регулирования заполнено запретами, но в нём нет примеров.

Обозначенная логика воспроизводится не только в западных университетах. Исследования системы мер и правил, действующих в Азии и на постсоветском про-

[3] Кэрол Бакки — австралийский политолог, профессор Университета Аделаиды. В книге «Analysing Policy: What's the Problem Represented to Be?» (2009) она разработала аналитическую рамку WPR («What's the Problem Represented to Be?» — «Что представлено как проблема?»). Рамка исходит из того, что политические документы не просто реагируют на существующие проблемы, а сами их конструируют: в самом выборе формулировок, категорий и мер уже содержится определённое понимание того, в чём состоит проблема и кто несёт за неё ответственность. Анализ по методу WPR направлен на выявление этих скрытых предположений.

странстве показывают, что незападные институции в большинстве случаев следуют образцам, сложившимся в США и Европе, адаптируя их к локальному контексту [4]. При этом перенос нормативных рамок не является нейтральным: вместе с формой документа переносятся и заложенные в нём предположения — о субъектах образовательного процесса, об отношениях между студентом, преподавателем и технологией, о том, что считается нарушением, а что нормой [14]. Правила использования ИИ в образовании оказываются не техническими регламентами: они воплощают определённую модель отношений и определённое понимание того, что такое образование.

Три зафиксированных наблюдения — доминирование запретительной логики, вытеснение педагогического суждения процедурами и отсутствие образцов продуктивной практики — указывают на общие тенденции. Но для того, чтобы понять, почему эти тенденции воспроизводятся столь устойчиво и являются ли они неизбежнымы, необходимо обратиться к более широкому пониманию того, что такое правило и какие формы оно может принимать.

Теория правил применительно к правилам в образовании

Похожая постановка вопроса встречается у Ричарда Хьюса Гибсона, профессора английского языка в Уитонском колледже. Анализируя опыт семинара с коллегами-преподавателями, Гибсон приходит к выводу, что определение роли ИИ в высшем образовании — это педагогическая, а не административная проблема, которая, вероятно, найдет разнообразные решения в разных дисциплинах, возможно, даже внутри разных кафедр. Попытки точечно запретить отдельные инструменты — например, ChatGPT — он считает бесперспективными: генеративный ИИ интегрируется во всё большее число сервисов, и административный запрет неизбежно превращается в гонку вооружений с технологическими компаниями, которую образовательные институции не могут выиграть [4]. Вместо этого Гибсон предлагает переосмыслить саму природу правил в образовании. Опираясь на концепцию Лоррейн Дастон, он противопоставляет регулятивным механизмам парадигмальные правила — не списки запретов и предписаний, а образцы и модели поведения, которым можно следовать: «студентам нужно больше, чем просто технологии, и ответ не может заключаться в простом добавлении списка правил и запретов и в без того переполненный учебный план. Им нужны модели того, как ориентироваться в этих новых реалиях — парадигмы для их практики, модели жизни».

Обращаясь к более широкому репертуару форм, которые правила вообще могут принимать, историк науки Лоррейн Дастон в книге «Rules: A Short History of What We Live By» показывает, что правила далеко не всегда были алгоритмами. Анализируя древнегреческое понятие *κανών* (канон), она выделяет три основных семантических кластера: правила как инструменты измерения и счёта, правила как модели или образцы для подражания и правила как законы или предписания [5].

Чтобы описать различия внутри этих форм, Дастон вводит понятия «толстых» и «тонких» правил. Толстые правила включают в себя контекст, примеры, наблюдения и даже исключения. Они не стремятся предусмотреть все возможные случаи заранее — их задача иная: картографировать область практики, указывая, где правило работает, а где требует адаптации. Хороший пример толстого правила — средневековый рецепт, который не просто перечисляет ингредиенты и шаги, но объясняет, как должно выглядеть тесто на ощупь, как меняется цвет соуса в зависимости от огня, когда опытный повар может отступить от пропорций. Такое правило обращается к практикующему как к человеку, способному наблюдать и судить.

Тонкие правила устроены принципиально иначе. Они формулируются как краткие предписания или процедуры и предполагают последовательность шагов, которые могут быть выполнены без дополнительной интерпретации. Современная инструкция по эксплуатации прибора, регламент подачи документов или пункт силлабуса «использование ChatGPT запрещено» — всё это тонкие правила. Их сила в однозначности: они не тре-

[4] Gibson R.H. A new rule of education for the age of AI / R.H. Gibson. URL: https://hedgehogreview.com/web-features/thr/posts/a-new-rule-of-education-for-the-age-of-ai

буют от исполнителя ни опыта, ни суждения, ни глубокого понимания смысла.

Дастон прослеживает исторический процесс, который она называет «утончением» правил. По мере развития современных форм управления, бюрократии и организации знаний правила всё настойчивее тяготеют к тонкости: желание сделать результат предсказуемым и воспроизводимым приводит к тому, что контекст и исключения вытесняются из формулировки, а само правило превращается в алгоритм. Дастон формулирует это так: правила представляли собой множество вещей, прежде чем стать алгоритмами — инструкциями, разделёнными на шаги настолько мелкие и недвусмысленные, что их могла выполнить даже машина. Механизм этого процесса не случаен: чем больше организация стремится к единообразию и контролю, тем сильнее давление в сторону тонких правил. Законы дополняются процедурами их применения, правила практических искусств трансформируются в регламенты, а педагогические принципы — в пункты институциональных политик допустимого использования.

В этом процессе, по мнению Дастон, теряются правила как модели и образцы для подражания или правила как парадигмы. Чтобы прояснить, что из себя представляют эти правила, она обращается к Томасу Куну, который показал, что научное знание передаётся не через явные правила, а через образцы — конкретные решённые задачи, на которых студент учится распознавать тип проблемы и способ действия. Учёный, усвоивший парадигму, не всегда может объяснить, почему он действует именно так, а не иначе: часть знания остаётся неявной, воплощённой в навыке, а не в формулировке. Это и есть то, что Майкл Полани называл «*tacit knowledge*» — знанием, которое нельзя полностью эксплицировать, но которое определяет качество практики [13].

Следование правилу, таким образом, редко бывает полностью механическим. Оно требует способности к усмотрению — умения распознавать значимые различия между ситуациями, которые могут казаться похожими. Опытный преподаватель, читая студенческую работу, не просто сверяет её с критериями оценивания: он замечает, где аргумент неожиданно сильнее шаблона, а где формально правильный текст лишён понимания. Это усмотрение не алгоритмизируется — оно накапливается в практике и передаётся через образцы.

Именно поэтому запретительных правил пользования ИИ недостаточно. Тонкое правило — «не использовать ИИ при написании эссе» — не объясняет студенту, зачем писать самому, что именно происходит в процессе письма и как это — мыслить через формулировку. Чтобы выполнять правило академической честности не формально, а осмысленно, нужно знать, каково это — быть академически честным — в практике и на примерах, в столкновении с конкретными ситуациями, где граница неочевидна. Это знание передаётся не через запрет, а через парадигму.

Университетская политика использования ИИ как случай «утончения» правил

Типология Дастон позволяет увидеть в трёх наблюдениях, зафиксированных в первом разделе, не разрозненные особенности институциональных документов, а проявления единого процесса, который Дастон описывает как историческое «утончение» правил: движение от контекстуально насыщенных, допускающих интерпретацию форм регулирования к кратким, однозначным предписаниям, исключающим усмотрение.

Ниже каждое наблюдение представлено в этой оптике.

Первое наблюдение — доминирование нарратива академической честности — соответствует преобладанию того, что Дастон относит к третьему семантическому кластеру: правил как законов и предписаний. Типичная формулировка университетской политики — «использование ИИ при написании эссе запрещено» или «контент, созданный при помощи ИИ, не является собственной работой студента» — представляет собой такое правило в чистом виде. Его нормативная сила обеспечивается санкцией: нарушение квалифицируется как академический проступок.

Такие правила выполняют определённую работу, и было бы заблуждением утверждать, что они бесполезны. Они фиксируют границу, создают минимальную предсказуемость и дают институции инструмент для фикса-

ции нарушений. Но они не делают — и не могут делать — того, что делают правила другого типа. Правило «не использовать ИИ при написании эссе» не объясняет студенту, зачем писать самому. Оно не показывает, что именно происходит в процессе письма — как формулировка проясняет мысль, как поиск слова обнаруживает неточность аргумента, как столкновение с сопротивлением материала отличает понимание от его имитации. Для этого нужно правило иного рода — то, что Дастон относит к другому кластеру: правило как образец, как парадигма. Чтобы выполнять требование академической честности не формально, а осмысленно, студент должен знать, каково это — быть академически честным, — не из определения в кодексе, а из наблюдения за практикой, из разбора пограничных случаев, из собственного опыта различения.

Иными словами, проблема не в том, что правила академической честности «плохие», а в том, что они претендуют стать единственными и достаточными. Регулятивное правило занимает место, которое должно быть разделено между правилами разных типов: запрет устанавливает границу, но без образца он не объясняет, что находится по обе стороны этой границы и почему она проведена именно здесь.

Второе наблюдение — вытеснение педагогического суждения процедурами, зафиксированное Гимиреи Эдвардсом в формате «от рекомендаций к управлению» [6]. Рекомендации — по природе толстые: они допускают интерпретацию, предполагают контекст и оставляют пространство для усмотрения. Формализованное управление тяготеет к тонкости: оно требует однозначных процедур, которые можно воспрозвести без дополнительных интерпретаций.

Этот переход не случаен и не является следствием чьей-либо ошибки. Дастон показывает, что давление в сторону утончения возникает всякий раз, когда организация стремится к единообразию и контролю. Чем крупнее институция, чем разнообразнее практики, которые она пытается регулировать, тем в большей степени организации и отдельные её участники нуждаются в правилах, не требующих дополнительной интерпретации. Университет, насчитывающий сотни курсов и десятки дисциплин, не может позволить себе толстое правило для каждого случая — это потребовало бы столько же экспертного усмотрения, сколько существует ситуаций применения. Поэтому институциональные документы с высокой вероятностью будут тонкими: не потому, что их авторы не понимают сложности проблемы, а потому что жанр институциональной политики структурно тяготеет к однозначности.

Здесь обнаруживается существенное ограничение: задача, которую институция ставит перед преподавателем, а именно определить, как можно использовать ИИ в конкретном курсе, — по своей природе требует толстого правила. Она предполагает учёт дисциплинарной специфики, целей курса, уровня студентов, характера заданий. Но инструменты, которые институция предоставляет для решения этой задачи, — формулировки для силлабуса, перечни допустимых и недопустимых действий, — принадлежат к регистру тонких правил.

Толстая задача решается тонкими средствами.

Третье наблюдение — «критическое замалчивание» Дж. Ло относительно распределённого характера производства знания — в типологии Дастон описывается как отсутствие правил-как-моделей. Существующие политики содержат запреты (что нельзя делать), процедуры (как раскрывать факт использования ИИ, как цитировать генеративный инструмент) и санкции (что произойдёт в случае нарушения). Но они не содержат образцов того, как выглядит продуктивная и ответственная работа с ИИ — какого типа взаимодействие допустимо, желательно или даже необходимо для достижения образовательных целей.

Это отсутствие неслучайно.

Парадигмальные правила — правила-как-модели — возникают иначе, чем регулятивные. Регулятивное правило может быть сформулировано административно: комитет собирается, определяет границы допустимого и фиксирует их в документе. Правила-парадигмы не могут быть произведены таким способом. Они формируется в практике: через накопление случаев, через обсуждение пограничных ситуаций, через передачу неявного знания от более опытного практикующего к менее опытному. Кун показал это на примере научных парадигм: студент-физик усваива-

ет не правило, а образец решения задачи, и затем учится распознавать, какие новые задачи подобны этому образцу. Аналогичным образом студент, обучающийся работать с ИИ, нуждается не в списке разрешённых и запрещённых действий, а в образцах — конкретных примерах того, как опытный исследователь или преподаватель использует ИИ, где проходит граница между продуктивным и непродуктивным использованием, и как эта граница определяется в контексте конкретной дисциплины и задачи.

Отсутствие парадигм в политиках, таким образом, — не упущение, которое можно исправить дополнительным пунктом в документе. Это следствие того, что институциональные политики по своей природе производят тонкие правила, тогда как парадигмы принадлежат к иному регистру нормативности — к тому, который Дастон связывает с практикой, образцом и усмотрением.

Описанная ситуация не уникальна для образования. В более широкой литературе по управлению ИИ зафиксирована аналогичная проблема, хотя и в другой терминологии. Миттельштадт показал, что этические принципы ИИ — прозрачность, справедливость, подотчётность — сами по себе не обеспечивают этичного поведения: в отличие от медицинской этики, у AI-этики нет устоявшейся профессиональной практики, общепринятых методов перевода принципов в действия и механизмов ответственности. Жобен, Иенкаи Вайена, проанализировав 84 документа по этике ИИ, обнаружили конвергенцию на уровне принципов (пять ключевых ценностей встречаются почти повсеместно) и расхождение на уровне реализации [8].

В терминологии Дастон эта проблема описывается точнее. Принципы — это толстые правила: они формулируют ценности, допускают интерпретацию и предполагают суждение при применении. Процедуры их реализации — тонкие правила: чек-листы, критерии аудита, стандарты отчётности. Между первыми и вторыми зияет разрыв, который Дастон называет ключевой проблемой любого нормативного порядка: толстые правила без тонких остаются декларациями, тонкие без толстых — бюрократическими процедурами, утратившими связь с целями. Об этом говорят Гарбук и Углева, когда пишут, что этика ИИ «рассматривается как надстройка, не имеющая обязательной силы»: принципы существуют, но между ними и повседневной практикой нет связующего звена — нет образцов, которые показывали бы, как эти принципы реализуются в конкретных ситуациях.

Итак, три наблюдения, зафиксированные в первом разделе, оказываются проявлениями одной логики. В различных вариациях университетская политика использования ИИ воспроизводит преимущественно один тип правил — регулятивные предписания, тонкие по форме и ориентированные на управление рисками по содержанию. Два других типа — правила как модели (парадигмы, образцы практики) и правила как инструменты (средства, помогающие ориентироваться в практике) — в этих документах систематически отсутствуют.

Это не означает, что существующие меры и правила бесполезны или должны быть отменены. Тонкие правила делают ровно то, что могут: устанавливают границы, определяют санкции, создают минимальную общую рамку, которая при этом не обращена к сути запрета: почему вообще нужно запрещать и наказывать за использование ИИ. Проблема возникает тогда, когда тонкие правила претендуют исчерпать всё пространство регулирования — когда запрет выступает единственной формой нормативного ответа на практику, которая требует суждения, контекста и образцов. Вопрос, таким образом, не в том, нужны ли тонкие правила, а в том, чем их необходимо дополнить.

Заключение

Типология Дастон направлена на то, чтобы восстановить полноту нормативного репертуара через дополнение предписаний образцами, моделями и инструментами ориентации. Понятия «толстых» и «тонких» правил уточняют области применимости и порядок действий. «Тонкое» правило часто опирается на более «толстое»: когда формальное предписание оказывается неприменимым, необъяснимым или не поддающимся интерпретации в конкретной ситуации, практикующий неизбежно обращается к более широкому контексту — к пониманию смысла, который за этим правилом стоит. Это означает, что за

каждым «тонким» правилом стоит поддерживающий фундамент, на который можно опираться, когда «тонкое» перестаёт работать. Задача образования — не скрывать это «толстое» правило за фасадом предписаний, а делать его видимым: обсуждать, передавать через образцы и развивать через совместную практику.

Вместе с тем проблема, поставленная в статье, выходит за пределы вопроса об ИИ в образовании. «Утончение» правил — это процесс, воспроизводящийся всюду, где бюрократическая логика сталкивается с практиками, требующими усмотрения: в медицине, в праве, в управлении исследованиями. Образование — не единственная, но, показательная область, где разрыв между «тонким» и «толстым» становится наиболее ощутимым, поскольку образование это частично передача того знания, которое не поддаётся полной формализации.

Литература

1. Гарбук С.В. Автоматизированные интеллектуальные системы: этический и нормативно-технический подходы к регулированию / С.В. Гарбук, А.В. Углева // Человек. — 2024. Т. 35, №4. — С. 97–116. https://doi.org/10.31857/S0236200724040067
2. An Y. Investigating the higher education institutions' guidelines and policies regarding the use of generative AI in teaching, learning, research, and administration / Y. An, J. H. Yu, S. James // International Journal of Educational Technology in Higher Education. — 2025. — №1. — P. 1–23.
3. Chan C.K.Y. A comprehensive AI policy education framework for university teaching and learning / C.K.Y. Chan // International Journal of Educational Technology in Higher Education. — 2023. — №1. — P. 38.
4. Dai Y. University policies on generative AI in Asia: Promising practices, gaps, and future directions / Y. Dai, S. Lai, C. P. Lim, A. Liu // Journal of Asian Public Policy. — 2025. — № 2. — P. 260–281.
5. Daston L. Rules: A short history of what we live by / L. Daston — Princeton: Princeton University Press, 2022. — 384 p.
6. Ghimire A. From guidelines to governance: A study of AI policies in education / A. Ghimire, J. Edwards // Artificial Intelligence in Education. — 2024. — P. 1–15. https://doi.org/10.48550/arXiv.2403.15601
7. Jin Y. Generative AI in higher education: A global perspective of institutional adoption policies and guidelines / Y. Jin, L. Yan, V. Echeverria, D. Gasevic, R. Martinez-Maldonado // Computers and Education: Artificial Intelligence. — 2025. — № 8. — P. 100348.
8. Jobin A. The global landscape of AI ethics guidelines / A. Jobin, M. Ienca, E. Vayena // Nature Machine Intelligence. — 2019. — № 9. — P. 389–399.
9. Kuhn T.S. The structure of scientific revolutions / T.S. Kuhn — Chicago: University of Chicago Press, 1962. — 264 p.
10. Luo J. A critical review of GenAI policies in higher education assessment: A call to reconsider the "originality" of students' work / J. Luo // Assessment & Evaluation in Higher Education. — 2024. — № 5. — P. 651–664.
11. McDonald N. Generative artificial intelligence in higher education: Evidence from an analysis of institutional policies and guidelines / N. McDonald, A. Johri, A. Ali, A. Hingle Collier // Computers in Human Behavior: Artificial Humans. — 2025. — № 3. — P. 100121.
12. Mittelstadt B. Principles alone cannot guarantee ethical AI / B. Mittelstadt // Nature Machine Intelligence. — 2019. — № 11. — P. 501–507.
13. Polanyi M. The tacit dimension / M. Polanyi — New York: Doubleday, 1966. — 128 p.
14. Schiff D. Education for AI, not AI for education: The role of education and ethics in national AI policy strategies / D. Schiff // International Journal of Artificial Intelligence in Education. — 2022. — № 3. — P. 527–563.
15. Stracke C.M. Analysis of artificial intelligence policies for higher education in Europe / C. M. Stracke, D. Griffiths, D. Pappa et al. // International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence. — 2025. — № 2. — P. 124–137.
16. Waiting, banning, and embracing: An empirical analysis of adapting policies for generative AI in higher education / P. Xiao, Y. Chen, W. Bao. 2023. — https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.18617
17. Wu C. AI governance in higher education: Case studies of guidance at Big Ten universities / C. Wu, H. Zhang, J. M. Carroll // Future Internet. — 2024. — №10. — P. 354.

THE DIGITAL TRANSFORMATION OF VALUE SYSTEMS IN THE SOCIETY OF KNOWLEDGE

Baklanov Igor Spartakovich, *DSc of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)*

Baklanova Olga Aleksandrovna, *DSc of Philosophy, Associate Professor, National Research Moscow State University of Civil Engineering; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia)*

Ivlev Vitaly Yuryevich, *DSc of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)*

The article is devoted to the analysis of the digital transformation of value systems as an independent social-philosophical process unfolding in the conditions of the society of knowledge's formation. The correlation between the concepts «society of knowledge» and «postindustrial society» is considered, and the determination of value and valuable orientations, as well as the factors influencing their formation, is specified. It is shown that digitalization does not merely extend the technological infrastructure of knowledge, but acts as an independent factor of value systems' transformation, generating new axiological configurations. Special attention is paid to the commodification of knowledge, personal data and value preferences as a key mechanism of this transformation. The concepts of «digital axiology», «digital realities», «infosphere», «network society» and «surveillance capitalism» are analyzed, revealing the mechanisms of algorithmic construction of values. The axiological projection of forms of knowledge according to Max Scheler is specified with respect to digital society.

Keywords: *society of knowledge; digital transformation; value systems; value orientations; forms of knowledge; digital axiology; digital realities; digital identity; network society; data commodification; artificial intelligence.*

EDN: AGQDCB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.3***

Цитировать: *Бакланов И.С., Бакланова О.А., Ивлев В.Ю. Цифровая трансформация ценностных систем в обществе знаний // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 20–26. EDN: AGQDCB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.3*

УДК 1
5.7.7

© Бакланов И.С., Бакланова О.А., Ивлев В.Ю., 2026

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, *доктор философских наук, профессор, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва (Россия)*

БАКЛАНОВА Ольга Александровна, *доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва (Россия)*

ИВЛЕВ Виталий Юрьевич, *доктор философских наук, профессор, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва (Россия)*

Цифровая трансформация ценностных систем в обществе знаний

Статья посвящена анализу цифровой трансформации ценностных систем как самостоятельного социально-философского процесса, разворачивающегося в условиях формирования общества знаний. Рассматривается соотношение концептов «общество знаний» и «постиндустриальное общество», уточняется определение ценности и ценностных ориентаций, а также факторы, влияющие на их формирование. Показано, что цифровизация не просто расширяет технологическую инфраструктуру знания, но выступает самостоятельным фактором трансформации ценностных систем, порождая новые аксиологические конфигурации. Особое внимание уделено коммодификации знания, персональных данных и ценностных предпочтений как ключевому механизму этой трансформации. Анализируются концепты «цифровой аксиологии», «цифровых реальностей», «инфосферы», «сетевого общества» и «надзорного капитализма», раскрывающие механизмы алгоритмического конструирования ценностей. Уточняется аксиологическая проекция форм знания по Максу Шелеру применительно к цифровому обществу.

Ключевые слова: *общество знаний; цифровая трансформация; ценностные системы; ценностные ориентации; формы знания; цифровая аксиология; цифровые реальности; цифровая идентичность; сетевое общество; коммодификация данных; искусственный интеллект.*

Проводя социально-философскую рефлексию над проблемой становления и развития общества знаний сегодня едва ли возможно без учета экономических и социокультурных последствий процессов цифровизации. Данные процессы все больше

переплетаются с другими процессами общественной жизни. Теперь они стали неотъемлемой частью жизнедеятельности современных социальных субъектов и общественных институтов. Именно поэтому цифровая трансформация ценностных систем заслуживает самостоятельного анализа, а не растворения и концептуального размытия в более широкой и достаточно основательно освоенной проблематике общества знаний. Вместе с тем многозначность самого термина — преднамеренное употребление слова «знание» во множественном числе — отнюдь не случайна: она указывает на то, что общество знаний в принципе не поддаётся описанию через единую универсальную модель. Слишком велик разброс культурных традиций, языковых практик и способов самоидентификации, чтобы описать их единой эвристически плодотворной моделью. И, кроме того, без учёта этого разброса субъект попросту не смог бы определить своё место в стремительно меняющемся под влиянием новых технологий социальном ландшафте. Понятие «общество знаний» вошло в научный оборот ещё в 1960–1970-е годы, однако единого подхода к описанию его внутренней логики в обществоведении так и не сложилось. Отчасти это связано с тем, что общество нового типа динамично формируется не одной, а сразу несколькими разнородными формами знания, среди которых доминирующим и весомым остаётся научно-техническое, но все же отнюдь не единственным.

Среди конкурирующих объяснительных моделей наиболее устойчивой оказалась та, что фактически отождествляет общество знаний с обществом постиндустриальным. Основания для такого отождествления заложил ещё Д. Белл, увидевший в постиндустриальном обществе прежде всего общество, организованное и структурно центрированное вокруг производства и практического применения научно обоснованного теоретического знания [7]. Сегодня эта оптика нуждается в существенном уточнении: то, что у Белла выступало абстрактным «теоретическим знанием», в цифровую эпоху приобрело вполне конкретную материально-техническую форму — форму данных, которые усиленно добываются, обрабатываются, продаются и покупаются почти так же, как в индустриальную эпоху классического Модерна интенсивно добывались, перерабатывались и продавались сырьевые ресурсы. То есть данные представляют собой базовый ресурс функционирования цифровой экономики: знания в «обществе знаний» не просто циркулируют [9], они приобретают статус социально и экзистенциально значимой ценности для социальных субъектов, которые, в свой очередь, практически всегда пытаются максимально монетизировать имеющиеся у них и доступные им знания. Показательно и то, как меняется статус самой познавательной деятельности: то, что раньше можно было счесть частным увлечением любознательного ученого-одиночки, живущего на государственном содержании, всё отчётливее осмысляется как труд, направленный на общее благо и подчинённый внешним, социально заданным и значимым целям. Одновременно преобразуется и роль знания как ресурса — из просто значимого оно превращается в определяющее, и вместе с этим сдвигом перестраивается сама архектоника социального уклада. Складывается то, что П. Дракер обозначал как «посткапиталистическое общество», — «данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создаёт новые движущие силы социального и экономического развития» [10, с. 98]. Цифровизация доводит эту логику до предела: знание сегодня всё чаще существует изначально в оцифрованном, машиночитаемом виде, а его производство и обращение опосредуются платформами и алгоритмами обработки больших данных. В результате знание как ресурс приобретает свойства дорогого товара в самом строгом смысле слова — оно различным образом масштабируемо и измеримо, делимо на пакеты, поддаётся ценообразованию и обмену, а его ценность всё чаще определяется не столько фактическим содержанием, сколько пригодностью и удобностью для алгоритмической переработки.

Если на начальном этапе концептуализации «общества знаний» исследователей интересовал прежде всего сам факт возрастания ценности информации и распространения информационных технологий, то сегодня центр тяжести сместился к этическим и эстетическим последствиям этого процесса — а значит, аксиологический анализ общества

знаний и его цифрового измерения оказывается не факультативным дополнением для любознательных, а необходимым условием его фундаментального понимания.

Заметим при этом, что вопрос о природе ценностей значительно старше самого термина «аксиология»: его истоки прослеживаются ещё в доантичной мысли, тогда как само понятие было предложено независимо друг от друга французским философом П. Лапи в 1902 году и немецким мыслителем Э. фон Гартманом двумя годами позже. Любая ценность существует лишь относительно того, кто её удерживает: она вплетена в желания, устремления и жизненные ориентиры конкретного индивида, группы или сообщества, а не присуща предмету самому по себе. Философская традиция обычно различает два полюса такой значимости — то, к чему субъект тянется (счастье, благо), и то, чего он избегает (болезнь, смерть), — и граница между ними задаёт саму возможность нравственного и жизненного выбора; о втором полюсе русский мыслитель Н.О. Лосский писал, что он всегда препятствует человеку на пути к «абсолютной полноте бытия» [15, с. 102].

Показательно, что именно в эту категорию ценностей, называемых «отрицательными», для многих наших современников попадает виртуальное пространство социальных сетей: вместо обещанного расширения возможностей и увеличения интеллектуальных сил человек нередко получает часы бесцельного пролистывания ленты, за которым стирается не столько внешний мир, сколько его собственная субъектность. Он все больше утрачивает способность самому принимать решения и нести за них ответственность. Отчуждение при этом приобретает специфически цифровую форму: чем плотнее человек включён, инкорпорирован в сеть, тем более фрагментированным и товарным становится его собственный образ как набор данных, пригодных для анализа и продажи третьим лицам. Американская исследовательница Шерри Тёркл точно фиксирует эту двойственность формулой «одиночество вместе», когда постоянная подключённость в сети создаёт лишь иллюзию участия и близости, но не восполняет дефицита глубокого, устойчивого межличностного контакта [22], а цифровая идентичность, собираемая из профилей, лайков и метаданных, всё меньше нуждается в целостном, автономно существующем субъекте — зато всё лучше и лучше поддаётся коммерческой сегментации и таргетированию.

Ценности, формируемые в обществе знаний, — это не абстракции, а специфически культурные феномены. Показательно, что они редко ограничиваются фиксацией уже наличного положения дел: одновременно они проецируют желаемые сценарии развития событий, задают эмоциональный тон переживания текущего момента и заново пересобирают историческую память, — прошлое в этой оптике не столько вспоминается, сколько выстраивается заново под давлением актуальных ценностных приоритетов в особый исторический нарратив [1]. Именно поэтому пересмотр системы ценностей затрагивает не только повседневную жизнь отдельного человека, но и способен изменить понимание смысла и цели исторического развития общества в целом. Ценность, в отличие от цели, придаёт значимость не единичному акту деятельности, а всей линии поведения субъекта в её целостности, тогда как сама цель есть неразрывное единство знания и оценки — именно на этом уровне ценности и знания оказываются неразделимы.

Процессы цифровизации задают качественно новый контекст для трансформации ценностных ориентаций, выходящий за рамки простого расширения информационно-коммуникационной инфраструктуры. В научном дискурсе последних лет закрепляется понятие «цифровая аксиология», отражающее радикальную мировоззренческую трансформацию, связанную с появлением принципиально новых ценностных установок цифровой эпохи; при этом единого, унифицированного мнения о содержании ценностей нового цифрового общества пока не сложилось.

Существенный вклад в осмысление онтологического статуса цифровой среды вносит концепция отечественного исследователя В.И. Пржиленского о «цифровых реальностях» и способах их конструирования [17]: цифровая реальность не просто отражает уже существующие социальные практики, но выступает конструируемой средой, в которой знание, факт и ценность приобретают новую, опосредованную алгоритмами фор-

му существования. В этом смысле цифровая реальность создаёт собственные механизмы легитимации ценностей, альтернативные традиционным институтам (семье, религии, университету). В свою очередь, это усиливает противоречивость и множественность ценностных систем, о которой писал ещё Макс Шелер применительно к формам знания (что рассмотрено нами будет чуть позже).

Близкие идеи развивает британско-итальянский теоретик, один из основоположников философии информации Лучано Флориди в концепции «инфосферы» и состояния «onlife», в котором граница между онлайн- и офлайн-существованием размывается настолько, что становится нерелевантной для описания повседневной жизни современного субъекта [21]. Информационная среда утрачивает роль внешнего инструмента и становится конститутивным элементом самого человеческого бытия, что заставляет пересмотреть классические представления об автономии ценностного выбора. В результате, социальный субъект вырабатывает ценности не только «изнутри», но и в ходе непрерывного взаимодействия с рекомендательными алгоритмами, персонализированными новостными лентами и цифровыми ассистентами. Он срастается с ними, превращаясь в «инфорга» — информационный организм. То есть цифровые потоки, коды и алгоритмы все больше участвуют в продуцировании ценностей субъекта.

Самостоятельную линию критики цифровой трансформации ценностей задаёт теория «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф: в ней персональные данные и поведенческие паттерны пользователей обращаются в товар, а сама способность предсказывать и корректировать человеческое поведение превращается в новый источник прибыли и, что существенно, — различных форм проявлений власти [11]. Коммодификация здесь перестаёт быть метафорой и становится точным обозначением механизма, при помощи которого повседневный опыт человека — вплоть до его ценностных предпочтений — извлекается, обрабатывается и реализуется на рынках поведенческих данных (то есть данных о предпочтениях и поведениях субъекта в сети) без ведома и полноценного согласия того, кому этот опыт принадлежит. Ценности в такой ситуации не просто ретранслируются цифровой средой, но оказываются предметом намеренного конструирования и неуемного коммерческого использования: платформенные алгоритмы не столько фиксируют предпочтения пользователей, сколько формируют и затем закрепляют их в интересах экономических субъектов, прежде всего корпораций. Эта тенденция перекликается с шелеровской идеей «знания ради господства», обретающей в цифровую эпоху новое, алгоритмическое воплощение.

Зигмунт Бауман характеризует современность как «текучую»: в начале XXI века социальные формы, в том числе ценностные системы, теряют устойчивость раньше, чем успевают рутинизироваться и институционализироваться [6]. Цифровая среда лишь усиливает эту текучесть — ускорение информационных потоков и постоянная доступность новых образцов поведения и потребления делают ценностные ориентации более подвижными, перестраиваемыми, ситуативными и легко пересматриваемыми в рамках общественного сознания на глобальном и уровне локальных сообществ. Мануэль Кастельс соотносит эти процессы со становлением «сетевого общества», где информационные потоки превращаются в структурообразующий фактор социальности, а привычные иерархии ценностей сменяются горизонтальными, узловыми конфигурациями смыслов [14]. По Кастельсу, именно инкарторированность в информационные сети или, напротив, исключённость из них задаёт новую форму социального неравенства — «цифровой разрыв», имеющий не только технологическое, но и ценностное измерение: доступ к разнообразным ресурсам цифровой экономики оказывается условием полноценного участия социальных субъектов в производстве и трансляции ценностей. Один из лидеров Давосского экономического форума Клаус Шваб определяет происходящие сдвиги как «четвёртую промышленную революцию», в рамках которой сращивание физических, цифровых и биологических технологий трансформирует не только производство, но и представления человека о самом себе, своей идентичности и приватности [19].

Существенно, что российская философская традиция привносит в этот дискурс собственный методологический вклад, к

которому обращались и авторы настоящей статьи. Так, в более ранней работе одного из них — В.Ю. Ивлева — в соавторстве с М.Л. Ивлевой и В.А. Иноземцевым обосновывается формирование новой философско-методологической парадигмы науки в условиях информационного общества и показывается, что цифровизация преобразует не только объект, но и сам способ научного познания — от линейного накопления фактов к сетевому, распределённому производству знания [12]. В более узком, эпистемологическом ракурсе в той же соавторской линии становление новой эпистемологической парадигмы увязывается с «когнитивной революцией», в ходе которой методология изучения знания вынуждена рассматривать цифровые инструменты обработки информации как неотъемлемую часть познавательного процесса [13]. Другой соавтор настоящей статьи — И.С. Бакланов — совместно с С.И. Пелевиным прослеживает развитие технологического сознания (как особой формы социального восприятия и рефлексии динамики технологий) от информационного общества к обществу знаний и далее — к обществу цифровому, показывая, что каждому из этих этапов присуща собственная конфигурация ценностных приоритетов: если информационное общество ценностно ориентировано на доступ к данным, то цифровое — на умение алгоритмически преобразовывать эти данные в персонализированные решения и практики их применения [4].

Эта логика созвучна и другим более ранним работам авторов настоящей статьи: о прагматическом и экзистенциальном измерениях знания в современных социальных процессах [3], а также же исследованию специфики российской социальности в оптике социального конструкционизма [5]. Конструктивистская методология оказывается особенно плодотворной именно в приложении к цифровой реальности, ведь та в буквальном смысле конструируется одновременно технически (кодом, алгоритмом, интерфейсом) и социально (практиками пользователей, институциональными регламентами, культурными ожиданиями). Никлас Луман, трактуя общество как самореферентную социальную систему, предвосхищает эту двойственность: элементарной единицей социального у него выступает не отдельный индивид, а коммуникация, — и это превращает цифровые каналы коммуникации из вспомогательного средства в конститутивное условие существования современных ценностных систем [16].

Следует помнить, что ценности представляют собой особого рода отношения, не сводимые к характеристикам обозначаемых ими предметов и феноменов. С другой стороны, ценности — форма универсализированной репрезентации повседневной жизни социальных субъектов и проекции их устремлённости в будущее; они выступают ориентирами индивида в рамках социальных практик — как повседневно воспроизводимых, так и инновационных, к числу которых сегодня относится и цифровая практика. Таким образом, процесс формирования и развития общества знаний невозможен без динамичных ценностных ориентиров и ни в коем случае не может считаться «аксиологически нейтральным» — тем более в условиях, когда сами каналы трансляции ценностей опосредуются цифровыми технологиями.

Аксиологическая неоднородность самого знания была подробно показана Максом Шелером, выделявшим три его формы: знание ради господства и власти, перекликающееся с описанной впоследствии Мишелем Фуко фигурой «знания-власти» [18]; знание сущностное — знание «о способах бытия и сущностной структуре всего, что есть» [20, с. 7], то есть по преимуществу знание научное; и знание метафизическое, сакральное, обращающее рефлексирующего человека к «метафизике абсолютного». В обществе знаний, которое одновременно и постиндустриально, и цифрово, безусловное первенство получает именно первая форма — знание-господство: то самое бэконовское «*knowledge is power*», которое в экономике платформ и больших данных закономерно преобразуется в формулу «data is power», ведь подлинным могуществом располагает сегодня не столько отдельный познающий субъект, сколько инфраструктура, контролирующая доступ к данным [11].

Проведённый анализ показывает, что цифровая трансформация ценностных систем в обществе знаний — процесс не производный, а самостоятельный: он не сводим ни к техническому переоснащению уже сложившихся социальных практик, ни к простому прод-

лению логики информационного общества. Центральным механизмом этой трансформации оказывается коммодификация — обращение знания, персональных данных и даже самих ценностных предпочтений пользователя в товар, циркулирующий на рынках поведенческих данных [11]. Индивид по-прежнему выстраивает иерархию ценностей сообразно собственным установкам, однако всё чаще делает это через цифровую среду — рекомендательные алгоритмы, персонализированные интерфейсы, внешнее управление контентом на цифровых платформах, — которая не столько нейтрально отражает его предпочтения, сколько деятельно их формирует и монетизирует. Знание становится доступнее — не только в количественном отношении, но и в качественном — по мере того, как технизация и цифровизация проникают во все сферы общественной жизни; это действительно открывает перед социальными субъектами более широкое поле для ценностного самоопределения. Однако то же самое расширение доступа оборачивается новыми формами уязвимости — от алгоритмической сегментации ценностных сообществ до цифрового неравенства в доступе к ресурсам знания. Поэтому дальнейшее развитие общества знаний требует не только наращивания технологической инфраструктуры, но и целенаправленной аксиологической рефлексии над цифровой средой, включая выработку этических и правовых механизмов, ограничивающих коммодификацию персональных данных и ценностей человека, превращение их в товар.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. — М.: Европа, 2007. — 608 с.
2. Бакланов И.С. Онтологический и онтический статус интеллектуализма и форм знания в учении Макса Шелера / И.С. Бакланов // Научная мысль Кавказа. — 2004. — №S12. — С. 46–53.
3. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Авдеев Е.А. Знание в современных социальных процессах: прагматический и экзистенциальный аспект / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, Е.А. Авдеев // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №3. — С. 674.
4. Бакланов И.С. Технологии и технологическое сознание в эпоху постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу / И.С Бакланов, С.И. Пелевин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2022. — №1. — С. 60–67.
5. Бакланова О.А. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов // Вопросы социальной теории. — 2015. — Т. 7, №1-2. — С. 168–177.
6. Бауман З. Текучая современность / Зигмунт Бауман / Пер. с англ. Ю.В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Дениэл Белл, пер. с англ. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
8. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Энтони Гидденс, пер. с англ. В. Анурин. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.
9. Гончаров В.Н. Социальная концепция информационного общества / В.Н. Гончаров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — №6-2. — С. 27–30.
10. Дракер П. Посткапиталистическое общество / Питер Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М.: Academia, 1999. — С. 67–100.
11. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф, пер. с англ. А.Ф. Васильева. — М.: Издательство Института Гайдара, 2024. — 784 с.
12. Ивлев В.Ю. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества / В.Ю. Ивлев, М.Л. Ивлева, В.А. Иноземцев. — М.: Семрик, 2012. — 133 с.
13. Ивлев В.Ю. Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке / В.Ю. Ивлев, М.Л. Ивлева, В.А. Иноземцев. // Известия МГТУ МАМИ. — 2013. — Т. 6, №1(15). — С. 91-99.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс, пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
15. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. / Н.О. Лосский. — Париж: YMCA Press, 1931. — 135 с.
16. Луман Н. Общество как социальная система / Никлас Луман, пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Логос, 2004. — 232 с.
17. Пржиленский В.И. Цифровые реальности и способы их конструирования / В.И. Пржиленский // После постпозитивизма: сборник научных статей. — М.: Русское общество истории и философии науки, 2022. — С. 559–561.
18. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Мишель Фуко. — М.: Магистериум-Касталь, 1996. — 448 с.

19. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб, пер. с англ. — М.: ЭКСМО, 2016. — 208 с.
20. Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. — М.: Гнозис, 1994. — С. 3-14.
21. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Luciano Floridi. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 248 p.
22. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / Sherry Turkle. — New York: Basic Books, 2011. — 384 p.

THE CONCEPTS OF THE NATION-STATE AND THE CIVILIZATION-STATE IN PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL FRAMEWORK OF MARTIN JACQUES

Burkhanov Rafael Ayratovich, *DSc of Philosophy, Professor, Professor*

Polyakov Artem Alexandrovich, *Postgraduate student*

Surgut State University, Surgut (Russia)

The purpose of the study is to analyze the concepts of "state-civilization" and "nation-state" in philosophical and cultural framework of Martin Jacques. The scientific novelty of the article lies in identifying the heuristic potential of these concepts for the study of China — both ancient and modern. The objectives of the study are, based on the book "When China Rules the World", firstly, to analyze the concepts of "state-civilization" and "nation-state" and, secondly, to identify the foundations that determine the specific nature of Chinese culture. It was established that in concept of the English thinker, firstly, defines criteria for distinguishing two types of social organization — Western and Eastern (Chinese); secondly, it offers an alternative to universalist theories of global modernization; and thirdly, it substantiates the need for a cultural-civilizational approach to the study of China's distinctive civilization; thirdly, an alternative to universalist theories of global modernization is proposed.

Keywords: *Martin Jacques; culture; civilizational approach, civilization-state; nation-state; China.*

EDN: ALIQMY ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.4***

Цитировать: *Бурханов Р.А., Поляков А.А. Понятия государства-нации и государства-цивилизации в философско-культурологической концепции Мартина Жака // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 27–32. EDN: ALIQMY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.4*

Понятия государства-нации и государства-цивилизации в философско-культурологической концепции Мартина Жака

УДК 1(091)
5.7.8

© Бурханов Р.А., Поляков А.А.., 2026

Цель исследования — анализ фундаментальных понятий «государство-нация» и «государство-цивилизация» в философско-культурологической концепции Мартина Жака. Научная новизна статьи связана с обоснованием эвристического потенциала этих концептов в контексте исследования Китая, древнего и современного. Задачи исследования состоят в том, чтобы на материале книги «Когда Китай правит миром», во-первых, определить основания, обусловливающие специфику культуры Китая; во-вторых, выявить различия государства-нации и государства-цивилизации в обществах Запада и Китая. В результате установлено, что в концепции английского мыслителя сформулированы критерии различия двух типов социальной организации — западной и восточной (китайской); обоснована необходимость культурно-цивилизационного подхода к изучению Китайской самобытной цивилизации; предложена альтернатива универсалистским теориям глобальной модернизации.

Ключевые слова: *Мартин Жак; культура; цивилизационный подход; государство-цивилизация; государство-нация; Китай.*

БУРХАНОВ Рафаэль Айратович, *доктор философских наук, профессор*
SPIN-код: 3538-1868
ORCID: 0000-0003-4910-3759

ПОЛЯКОВ Артем Александрович,
аспирант
ORCID: 0009-0000-2090-1154

Сургутский государственный университет, Сургут (Россия)

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения незападных культурно-цивилизационных образований, в частности, Китайской цивилизации. Это предполагает обновление принципов, подходов и категорий современного обществознания. Среди них важнейшими понятиями являются «государство-нация» и «государство-цивилизация» [1, с. 56-73; 2, с. 749-753; 3, с. 106-124; 4, с. 80, 85-87; 5, с. 42-44; 8, с. 235].

Государства-цивилизации возникли в доиндустриальную эпоху. Их ведущей подсистемой являются духовные ценности, на основе которых организуется и функционирует государственно-политическая власть, а также осознается самоидентичность входящих в него народов и этносов. Государства-нации

возникли в индустриальную эпоху; исторически этот процесс, прежде всего, происходил в западных странах, где в Новое и Новейшее время источники власти постепенно перемещались в структуры гражданского общества [2, с. 751].

Книга Мартина Жака «Когда Китай правит миром»

Это интересное и новаторское исследование выдающегося английского ученого-обществоведа внесло большой вклад в дискуссию о специфике Китайской цивилизации, месте и роли китайского государства в современном и будущем мировом порядке. Оно способствовало пересмотру устоявшихся представлений о модернизации, социально-политическом развитии и универсальности западной модели цивилизационного развития. Главная инновация этой работы — введение и развернутое обоснование концептуальной оппозиции «государство-цивилизация» (state-civilization) и «государство-нация» (state-nation).

Понятие государства-цивилизации Мартин Жак сделал центральным элементом своей теоретической модели, объясняющей культурно-историческую эволюцию Китая, его современное положение и будущую роль в мире. «Китай — не просто государство-нация, — подчеркивал он. — В гораздо большей степени Китай — это государство-цивилизация» [7, p. 8]. В отличие от государств-наций на Западе, которые сформировались на основе общих правовых законов и политических институтов Европы, государство-цивилизация в Китае образовалось на основе общей истории, культуры, ценностей и традиций Поднебесной.

Теоретико-методологические основания концепции Мартина Жака

Теоретический фундамент его книги строится на критике «западоцентризма» в философии культуры и социально-политических науках. Доминирование Запада на протяжении последних двух столетий, отмечает английский мыслитель, привело к формированию устойчивого убеждения в универсальности его исторического опыта и институтов. Предполагалось, что в ходе экономического развития все общества станут похожими на западные: они будут создавать демократические институты, принимать либеральные ценности, формировать государства-нации европейского типа. Среди ученых-обществоведов широко распространилось мнение, будто цивилизационное развитие Китая также должно происходить в соответствие с западной парадигмой. При этом аналитики акцентировали внимание на чертах сходства Китая с Западом, игнорируя существенные различия между ними [7, с. 15].

Мартин Жак выделил три ключевых элемента западоцентричной картины мира, которые являются эмпирически необоснованными и теоретически ошибочными.

Во-первых, отождествление модернизации с вестернизацией, которое выражается в положении: «быть современным» значит «быть западным». В XIX–XX вв. весь мир смотрел на Европу, а затем и на США, как на единственный образец развития. Но модернизация не тождественна вестернизации, возражает английский исследователь. Можно стать современным, не став западным. Современность не заставит все народы и государства принять одни и те же политические институты и ценности [7, p. 11].

Во-вторых, универсализация государства-нации как единственно легитимной формы социально-политической организации. Вестфальская система, в которой суверенные территориальные государства являются главными игроками, а каждое из них стремится сформировать гомогенную нацию, долгое время воспринималось на Западе как венец политической эволюции. Мартин Жак поставил под сомнение эти идеи. Для Китая, утверждал он, форма государства-нации — лишь временная, поздняя и во многом внешняя оболочка. Под ней скрывается более старая и устойчивая цивилизационная сущность.

В-третьих, универсализация западных ценностей — прав человека, либеральной демократии и индивидуализма — как якобы общечеловеческих устремлений. Но эти ценности, подчеркивал философ, представляют собой всего лишь специфический культурный продукт европейского Просвещения. Они не могут быть перенесены на почву других цивилизаций, в частности Китая, где долгое время доминировали иные системы — конфуцианский коллективизм, приоритет обязанностей над правами, патерналистское государство.

Из этой критики вырастает центральное положение книги «Когда Китай правит миром» — «оспариваемая современность» (*contested modernity*). Мартин Жак пришел к выводу, что XXI столетие станет эпохой, когда современность перестанет быть исключительной собственностью Запада. Китай (а в перспективе и другие незападные державы) не просто догонит Запад экономически, но и предложит свою версию современности, основанную на иных культурных и цивилизационных основаниях. По мере того как Китай будет становиться доминирующей силой в мировой экономике, возникнет новая глобальная современность, в которой фундаментальные ценности будут формироваться под мощным влиянием китайской истории и культуры [7, p. 12].

Этот тезис противостоит как концепции «конца истории» американского политолога Френсиса Фукуямы, согласно которой в ходе дальнейшего развития человечества «бóльшая часть третьего мира будет оставаться на задворках истории» [6, с. 145], так и упрощенным версиям теории модернизации, предполагающим постепенную эволюцию всех обществ к западной модели.

В своей методологии исследования британский мыслитель придерживался историко-культурного подхода, который он противопоставил внеисторическому экономическому детерминизму. Его представители утверждали, что по мере роста ВВП и урбанизации в Китае сформируется так называемый «средний класс», который будет требовать от властей политических свобод и демократии. Но эта концепция оказалась ошибочной, поскольку она игнорировала специфику культуры Китая, «средний класс» которого ценит стабильность и порядок, а также лоялен государству, обеспечивающему определенный уровень благосостояния этого класса.

Рассматривать современный Китай сквозь призму его политических институтов («Коммунистическая партия», «авторитарный режим», «однопартийная система» и т.п.), как это делают западные исследователи, непродуктивно, подчеркивает английский политолог. КПК в КНР — не то же самое, что КПСС в СССР, поскольку эта партия действует в другой культурной среде и решает другие задачи легитимации.

Чтобы понять нынешнее и будущее поведение Китая, необходимо понять его историю, культуру и самоидентификацию. Для этого следует вернуться в далекое прошлое, так как современный Китай является продуктом своей уникальной истории и цивилизации [7, p. 5]. В этом смысле концепция Мартина Жака представляет собой одну из версий культурно-ориентированного конструктивизма, согласно которому культурная идентичность государства определяет его интересы.

Государство-цивилизация и государство-нация: основания идентичности и критерии различия

Центральная концептуальная оппозиция книги «Когда Китай правит миром» выстраивается вокруг двух идеальных типов общественно-политической организации. Ее автор не изобретает понятие «государство-нация», но дает ему четкое определение, чтобы оттолкнуться от него при характеристике Китая: «Стандартное государство-нация является продуктом относительно недавнего европейского происхождения; его история насчитывает несколько столетий, а не тысячелетий. Оно, как правило, обладает большей или меньшей этнической гомогенностью, единым языком и культурой» [7, с. 124].

В государстве-нации идентичность находится в сфере политического: его граждане объединены институциональной системой правовых законов и судопроизводства, а также общей политической историей последних столетий. В государстве-цивилизации идентичность находится в сфере культурного и исторического. «Идентичность китайцев основана не на чувстве принадлежности к нации, а на чувстве принадлежности к цивилизации, — пишет Мартин Жак. — Это чувство проистекает из общей истории, общей культуры, общей письменности и ощущения уникальности на протяжении тысячелетия» [7, p. 185]. Так, китайская иероглифическая письменность, понятная носителям разных диалектов страны, на протяжении многих веков была мощным инструментом поддержания цивилизационного единства на огромной территории.

Природа легитимности. Государство-нация основывает свою легитимность на общественном договоре и демократических

процедурах, а государство-цивилизация — на других основаниях. При решении вопроса о легитимности правящего режима Китая, британский социолог применил разработанную еще в древности концепцию «Небесного мандата» (Тянь мин), которая имеет влияние и в современном Китае. Согласно конфуцианской традиции правитель получает «мандат Неба» на управление. Этот мандат не является абсолютным и может быть отозван, если правитель оказывается неспособным поддерживать порядок, обеспечивать процветание и защищать народ от страданий [7, p. 256]. «Коммунистическая партия Китая понимает, что ее легитимность, по сути, зависит от ее способности обеспечивать экономический рост, социальную стабильность и национальную безопасность, т.е. от сохранения "мандата Неба"» [7, p. 258].

Высшие политические ценности. Здесь контраст между двумя цивилизационными моделями — западной и восточной (китайской) — особенно резок, считает Мартин Жак. Западная философская и политическая мысль ставит во главу угла свободу индивида от государства. Для Китая же главной ценностью является порядок и единство: «Великой священной целью китайского государства всегда было поддержание единства и территориальной целостности китайского мира. Единство и порядок были высшими ценностями; фрагментация и смута — величайшими бедствиями. Это придает китайской политической культуре совершенно иную направленность по сравнению с Западом» [7, p. 196].

Отношения власти и общества. Западная модель строится на общественном договоре формально равных друг другу индивидов, отмечает английский ученый. Китайская модель, напротив, строится по аналогии с патерналистской семьей. Согласно конфуцианской традиции, государство представляет собой расширенную семью, где Император — Сын Неба — является Отцом своего народа. Это создает четкую структуру иерархии и подчинения, а также обязательств и взаимной ответственности, в которой доминируют не права, а обязанности. Долг индивида перед семьей, обществом и государством — это моральная основа китайского общества [7, p. 212-213].

Отношение к пространству и границам. Для западного государства-нации граница священна: это линия, где заканчивается его суверенитет. Но для китайского государства-цивилизации характерно иное понимание. Традиционная китайская концепция пространства была не линейной (границы и рубежи), а концентрической: Империя помещалась в центр, который был окружен зонами убывающего влияния и культурной близости [7, p. 197]. Это наследие до сих пор влияет на внешнеполитическое мышление в Китае, подчеркивает философ.

Темпоральность. Английский ученый фиксирует еще одно важное различие между двумя типами цивилизационного развития: «Западные правительства мыслят электоральными циклами — четырех- или пятилетними периодами. Китай, напротив, мыслит десятилетиями и поколениями. Это наследие цивилизации, которая научилась думать в долгую» [7, p. 257]. Отсюда вытекает способность к долгосрочному стратегическому планированию, не скованному электоральными циклами.

Культурно-философские истоки китайской модели цивилизации

Мартин Жак не ограничивается формальным сравнением государства-нации и государства-цивилизации, а прослеживает культурно-философские корни китайской модели цивилизации. Будучи основанной не на этнической, а на цивилизационной идентичности, китайское государство-цивилизация обладает бóльшим культурным разнообразием, чем западные государства-нации, которые стремятся к культурной и языковой гомогенизации [7, p. 215].

Фундаментом китайской «ментальной вселенной» служит конфуцианская этика. На протяжении почти двух тысячелетий конфуцианство было центральной организующей идеей Поднебесной. Оно сформировало особый взгляд на мир и особое понимание социальных отношений, природы власти и роли государства [7, p. 147].

В настоящее время в китайской политической культуре значимыми являются три конфуцианских принципа. Во-первых, принцип сыновней почтительности (сяо) переносится на отношение к государству, поскольку в конфуцианской мысли лояльность государству (чжун) рассматривается как естественное

расширение сыновней почтительности (сяо). Государство — это семья в большем масштабе. Во-вторых, приоритет обязанностей над правами задает иную, чем на Западе, систему координат. В-третьих, меритократический принцип отбора элиты через экзамены создал в Китае традицию правления наиболее образованных и способных, которая не имела аналогов в доиндустриальной Европе [7, p. 146-147, 213].

Концепция «Тянься» (Поднебесная)

По мнению Мартина Жака, — это ключ к пониманию традиционного китайского взгляда на мировой порядок. «Тянься буквально означает "все под Небом". Эта концепция предполагала, что мир не разделен на суверенные государства, а представляет собой единое цивилизационное пространство, центром которого является Китай — Срединное государство (Чжунго)» [7, p. 194], — подчеркивает британский мыслитель.

В отличие от распространенной на Западе Вестфальской системы равных суверенных государств, «Тянься» утверждает иерархию, где Китай находится в центре, а остальные народы располагаются на разных ступенях в зависимости от степени близости к китайской культуре. При таком понимании традиционные китайские ценности по своему статусу должны быть выше заимствованных из других стран западных ценностей.

Эта концепция получила новый импульс развития в XXI в. По мере того, как Китай возвращает себе достойное место в мире, древние представления о центральности и превосходстве китайской цивилизации вновь всплывают на поверхность социально-политической жизни, проявляясь в современном дискурсе о «возрождении китайской нации» [7, p. 195].

Традиция «Небесного мандата» объясняет специфический тип легитимности, характерный для Китайской цивилизации. Это способ обосновать право Императора на управление страной, а также определить условия, при которых оно может быть утрачено. «Мандат на правление» мог быть передан новой династии, если старая династия становилась некомпетентной, коррумпированной или жестокой, что приводило к усилению страданий народа и нарушению космической гармонии.

В современном Китае Коммунистическая партия эффективно выступает в роли хранителя «Мандата Неба». Ее легитимность основана на положительных результатах деятельности: экономическом росте, повышении уровня жизни, восстановлении национального достоинства. Отзыв такого мандата в принципе возможен, если правящая партия потерпит неудачу [7, p. 255-258].

Все три элемента — конфуцианство, «Тянься» и «Небесный мандат» — образуют живую матрицу современной китайской жизни и политики, подчеркивает Мартин Жак. Они не являются «пережитками», которые исчезнут в ходе проведения модернизации. Напротив, Китай модернизируется на собственных условиях, оставаясь укорененным в своей истории и культурных традициях [7, p. 278].

Подход видного английского мыслителя к исследованию Китайской цивилизации бросает вызов двум главным направлениям в социально-политической теории — реализму и либерализму. Реализм рассматривает все государства как в принципе одинаковые политические устройства, движимые универсальными мотивами: стремлением к силе, безопасности, выживанию и т.д. Мартин Жак утверждает, что это лишь часть правды. По его мнению, Китай будет наращивать свою мощь, но формы, способы и конечные цели этого усиления будут определяться его цивилизационной идентичностью. Китайская версия глобального лидерства существенно отличается от американской версии.

Либеральный институционализм предполагает, что экономическая взаимозависимость и совместное участие в деятельности политических организаций постепенно приведут к конвергенции политических режимов, в результате чего все они рано или поздно станут либеральными демократиями. Но экономическая взаимозависимость не меняет культурную идентичность, возражает британский политолог. Китай глубоко интегрирован в мировую экономику, но это не сделало его политическую систему западной демократией и не сделает никогда. Напротив, Китай использует эту интеграцию для продвижения и укрепления собственной цивилизационной модели.

Таким образом, Мартин Жак предлагает свою версию культурно-ориентированного

конструктивизма, в которой идентичность государства определяет его интересы, а не наоборот. Идентичность Китая — это, прежде всего, идентичность государства-цивилизации, поскольку в его культуре интенции государства-нации никогда не были доминирующими. С этим соглашается американский политолог Люсьен Пай: «Китай — это цивилизация, притворяющаяся… национальным государством (*nation-state*)» [8, с. 235].

Заключение

Анализ идей, содержащихся в книге «Когда Китай правит миром», позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, дихотомия концептов «государство-цивилизация» и «государство-нация», предложенная ее автором, обладает значительными эвристическими возможностями. Она проблематизирует универсалистские допущения классических теорий модернизации и ставит вопрос о культурно-цивилизационной обусловленности политических форм.

Британский ученый показывает, что философско-культурологические и социально-политические концепции современного Китая не укладываются в прокрустово ложе западных категорий — «тоталитаризм», «авторитаризм», «демократия», «коммунистический режим» и т.п. — и требуют иного, более конкретного и более развитого категориального аппарата для исследования.

Во-вторых, в книге Мартина Жака обосновывается необходимость культурно-цивилизационного подхода к анализу социально-политических систем. Социальную жизнь и политические институты нельзя изучать в отрыве от культурного кода конкретной цивилизации, ее истории и философской традиции. То, что на Западе воспринимается как отклонение от нормы, может оказаться закономерным воплощением другой «цивилизационной логики».

В-третьих, концепция «оспариваемой современности» имеет прямое отношение к широкой дискуссии о множественности форм современности и, следовательно, о множественности логико-концептуальных моделей и подходов ее постижения. Если современность перестает быть исключительным синонимом Запада, то XXI в. может стать эпохой сосуществования и конкуренции нескольких версий современного общества, каждая из которых будет опираться на свою культурно-цивилизационную традицию. Подъем Китая знаменует собой нечто гораздо более значимое, чем просто появление новой великой державы, подчеркивает Мартин Жак. Он означает фундаментальную перестройку международного порядка и конец исключительного господства Запада [7, с. 502].

Литература

1. Багдасарян В.Э. О методологии государства-цивилизации. Русский ракурс / В.Э. Багдасарян // Изборский клуб (Русские стратегии). — 2024. — №7-8. — С. 56-73
2. Бурханов Р.А. Государство-цивилизация: методология исследования, сущность, основные черты (философско-культурологический анализ) / Р.А. Бурханов // Манускрипт. — 2025. — Т. 18. — Вып. 2. — С. 749-753.
3. Володин А.Г. Индия как «государство-цивилизация» / А.Г. Володин // Общественные науки и современность. — 2022. — №6. — С. 106-124. https://doi.org/10.31857/S0869049922060089
4. Журавлева Л.А. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина // Образование и право. — 2023. — №9. — С. 80-88. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-9-80-88
5. Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как ответ на вызовы «нового мирового порядка» / В.И. Спиридонова // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина (г. Москва, 10-12 ноября 2015 г.) / отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров. — М.: Институт Наследия, 2016. — С. 39-48.
6. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. — 1990. — №3. — С. 134-148.
7. Jacques M. When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World / M. Jacques. — London: Penguin Press, 2009. — XIX, 540 c.
8. Pye L.W. The Spirit of Chinese Politics / L.W. Pye. — Cambridge: Harvard University Press, 1992. — XII, 264 p.

The problems of worldview and the search for answers to the most important anthropological questions in the ambivalence of the symbolic images in T. Malick's film «The Tree of Life»

Bykova Natalia Ivanovna, *PhD of Pedagogy, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University, Omsk (Russia)*

This article examines issues in contemporary cinema. Cinema is one of the most popular art forms. Due to the availability of content in the media industry, the quality of produced products and their content is of paramount importance. The changing pace of life, the numerous opportunities provided by online sources—all this and many other factors lead to a decline in quality. In this regard, an important factor is the study and attraction of viewers to profound and serious films that raise social, moral, ethical, and philosophical issues. The purpose of the study is to determine the conceptual significance of symbolic images in the film «The Tree of Life» (2011) by renowned director T. Malick. The film addresses issues of worldview and the search for answers to crucial anthropological questions. The main objectives of the study are focused on the study and analysis of the film's figurative symbolism. The methodological basis of the study: a problem-analytical approach, which makes it possible to identify the images essential for understanding the concept, and a historical-theoretical method, which allows for understanding the ideological basis of the film in a cultural and historical context. The scientific novelty of this study lies in its identification of the underlying concepts in T. Malick's film «The Tree of Life». Conceptually significant images include symbols such as the sun, tree, door, desert, and ocean. The study found that the film's fundamental ideas are revealed through its visual design, built on symbolic images whose ambivalent perception imbues the film's ideological and artistic perception with a deeper and more ambiguous meaning.

Keywords: *film concept; Terrence Malick; «The Tree of Life»; cinematic art; artistic image; symbol; visual design; visuals.*

EDN: BSZNWT ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.5***

Цитировать: *Быкова Н.И. Проблемы миропонимания и поиска ответов на важнейшие антропологические вопросы в амбивалентности символических образов кинокартины Т. Малика «Древо жизни» // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 33–38. EDN: BSZNWT. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.5*

УДК 1
5.7.8

Проблемы миропонимания и поиска ответов на важнейшие антропологические вопросы в амбивалентности символических образов кинокартины Т. Малика «Древо жизни»

© Быкова Н.И., 2026

Исследование поднимает проблемы миропонимания и поиска ответов на важнейшие антропологические вопросы в современном киноискусстве. Кино — один из самых массовых видов искусств. По причине доступности контента в медиаиндустрии важнейшим является вопрос о качестве производимой продукции и ее содержательном наполнении. Изменившийся темп жизни, многочисленные возможности, предоставляемые интернет-источниками, становятся причиной снижения качества продуктов искусства. В этом аспекте важным фактором является анализ инструментов привлечение внимания зрителя к глубоким и серьезным кинопроизведениям, поднимающим вопросы социального, нравственно-этического и философского характера. Цель исследования — выявить концептуальную значимость образов символов в фильме известного режиссера Т. Малика «Древо жизни» (2011). К числу таких образов отнесены следующие символы: солнце, дерево, дверь, пустыня, океан. Основные задачи исследования ориентированы на изучение и анализ образной символики фильма. Методологическая база: проблемно-аналитический подход, дающий возможность определить основные для понимания концепции образы и историко-теоретический метод, позволяющий осмыслить идейную основу фильма в культурно-историческом контексте. Научная новизна заключается в выявлении смыслообразующих концептов в фильме Т. Малика «Древо жизни». В результате исследования установлено, что основополагающие идеи произведения раскрываются через визуальное решение фильма, построенное на

БЫКОВА Наталья Ивановна, *кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)*

ORCID ID: 0000-0001-8798-2390

символических образах, амбивалентное восприятие которых наполняет идейно-художественное восприятие картины более глубоким и многозначным содержанием.

Ключевые слова: *концепция фильма; Терренс Малик; фильм «Древо жизни»; искусство кино; художественный образ; символ; изобразительное решение; визуальный ряд.*

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью обратить внимание на современное состояние киноискусства, в частности на идейно-нравственные аспекты. Искусство кино в последние десятилетия ориентировано, в первую очередь, на широкую целевую аудиторию и ценностные ориентации этой аудитории. Клиповое мышление, массовое производство медийного контента и многие другие факторы становятся причиной изменения многих аспектов в аудиовизуальной индустрии. Как отмечает О.А. Митрошенков, искусство движется по пути тиражирования привычных и рутинных идей, приносящих хороший доход [14, с. 16-17]. Искусство кино, как один из самых дорогих в производстве готового продукта видов искусств, зависит от окупаемости фильма в прокате. Отсюда неизбежная тенденция — ориентирование на интерес определенной целевой аудитории зрителей. Нельзя не согласиться с мнением И.А. Черных о том, что «сложившаяся в современном обществе социокультурная ситуация демонстрирует смещение ценностных приоритетов в сторону их девальвации» [19, с. 284].

Стремление к легкости и развлекательности становится неотъемлемой частью современной жизни. Произведения искусства, поднимающие серьезные нравственные и философские проблемы требуют внимательного отношения к ним. Вдумчивое чтение книг, осмысленный просмотр фильмов — все это порождает необходимость прикладывать усилия для осмысления глубоких тем и проблем. Темпоритм современного общества порождает физические и психологические перегрузки и массовый читатель и зритель все чаще выбирает наиболее легкие для понимания произведения искусства [8, с. 13].

Намеченная тенденция представляет собой процесс взаимовлияния. Все чаще крупные кинокомпании и режиссеры задумываются об окупаемости в ущерб содержательной стороне. В связи с этим остро встает вопрос о «приобщении современного человека к духовному, к духовным ценностям» [19, с. 285].

В качестве объекта исследования рассматривается искусство кино. Литература и кино — два вида искусства, позволяющие не просто рассказать о проблеме, но проникнуть в ее суть и осмыслить. Предмет исследования — творчество Терренса Малика, фильм «Древо жизни» (2011). Картины Т. Малика малоизвестны отечественному зрителю, несмотря на то, что его работы входят в перечень лучших фильмов мирового кинематографа и были участниками многих ведущих кинофестивалей. В 2015 году на Московском международном кинофестивале был представлен фильм «Рыцарь кубков».

В научной литературе периодически появляются материалы, затрагивающие вопросы эстетики и визуального решения фильмов [1; 2; 15]. Тем не менее исследователи отмечают, что философская сторона работ режиссера остается малоизученной [20].

Цель — определить роль символических образов и их концептуальное значение для понимания идеи фильма. Цель исследования предполагает решение следующих задач: проанализировать концепцию фильма «Древо жизни»; выявить образы-символы, осмыслить роль наиболее значимых образов в концептуальном решении замысла фильма.

Теоретической базой исследования выступили труды отечественных и зарубежных теоретиков кино (А. Базен, Б. Балаж, Э. Кракауэр, Д. Бордуэлл, К. Томпсон, Дж. Смит,), исследователей эстетики и семиотики кино (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), специалистов в сфере режиссуры кино (А.А. Тарковский), искусствоведов (Н.И. Быкова, Ю.В. Михеева, В.Ф. Познин).

Среди отечественных и зарубежных писателей и режиссеров, сохраняющих тенденцию

создавать глубокие и серьезные произведения искусства, особняком стоит Терренс Малик (род. 1943). Творчество Т. Малика представляет интерес для исследования, так как каждый его фильм — это авторское произведение искусства. Имея философское образование, режиссер стремится к диалогу со зрителем, перед которым ставит множество вопросов о жизни и смерти, о Боге и человеке, о семье и ответственности, о чувстве долга и нравственно-этических нормах. Его картина мира отличается индивидуальностью и многозначностью. Индивидуальная ценностная картина мира, как отмечает С.В. Дрожжина, отражая мировоззрение личности, представляет собой свод идеалов, наполненный этическими нормами, формирующими оценочные суждения [7, с. 201]. Картина мира Т. Малика во всех его работах многозначная, наполненная глубоким философским смыслом. В фильмах режиссера герои часто обрисованы схематично, они являются носителями определенной авторской идеи. Иногда зритель практически ничего не знает о персонажах, кроме нескольких фактов из их жизни. Вспоминаются в этой связи слова Ж.-П. Сартра, который говорил о том, что человек должен совершать выбор, за который несет ответственность [17]. Герои Т. Малика, как правило, не свободны в своем выборе. Это принципиальная авторская установка. Они зависимы от ситуации, в которой оказались. Этим и привлекают герои — своим поиском. Они мыслят и, пытаясь ответить на вопросы, привлекают к внутреннему диалогу или спору зрителя.

Интересен в этом аспекте фильм «Древо жизни» («The Tree of Life»), который был признан одним из лучших фильмов 2011 года и получил Золотую пальмовую ветвь на Каннском кинофестивале. Углубленная философичность и многозначные символические образы повлияли на восприятие фильма зрительской аудиторией. Картина остается недостаточно понятой зрителями. Онтологические размышления режиссера о природе пространства и времени, о планетарном, космическом миропонимании Вселенной и Человека сложно воспринимаются через визуально-образный ряд в кинематографе.

Французский теоретик кино А. Базен писал об уникальной способности кино запечатлеть время и пространство в особом контексте [2, с. 1972]. Одним из ярких примеров такого специфического построения пространственно-временного континуума является фильм Т. Малика «Древо жизни», который можно назвать философской медитацией о природе человеческого существования [1, с. 51].

В фильме две сюжетные линии, переплетающиеся в единое пространство. Первая сюжетная линия — это несколько эпизодов из жизни семьи О'Брайен. Отец семейства — мистер О'Брайен (Брэд Питт), мать — миссис О'Брайен (Джессика Честейн), трое сыновей. В центре внимания внутренний мир старшего сына Джека (Хантер МакКракен и Шон Пенн в детстве и зрелом возрасте).

Вторая сюжетная линия — это эпическая история происхождения жизни во Вселенной. Хронометраж фильма более двух часов (139 минут). Визуальное решение построено на длинных планах, среди которых доминируют картины природы и образы вселенского масштаба. Зритель погружается в удивительную атмосферу космоса, зарождения жизни на земле от первых существ в океане до динозавров и человека. Возникают планеты, зарождается жизнь. Все в этой вселенной рождается и умирает. Жизненные циклы повторяются. В кадре жизнь и смерть динозавров. Что это значит, с точки зрения существования космоса? Мимолетное событие для истории эволюции планеты, которой миллиарды лет. Визуальная часть этой сюжетной линии захватывает зрителя яркими красками и соответствующим музыкальным решением. Кадры сменяются один за другим, и визуальный ряд доминирует над содержательным. В этой части фильма зритель не успевает осмыслить увиденное в процессе просмотра, и понимание смыслов приходит только тогда, когда развитие действия возвращается на сюжетную линию семьи О'Брайен.

Для героев вопрос о жизни и смерти — это не просто риторические размышления. Им приходится пережить смерть одного из братьев. Зарождение и гибель планет и населяющих их существ не воспринимается так трагично, как смерть конкретного человека для членов его семьи. Именно потеря сына и брата становится отправной точкой для размышления героев, режиссера и зрителей над вопросами о смысле существования человека

и бытия в целом. Что есть Бог, Жизнь, Смерть? В чем смысл происходящего? Каждый из героев пытается ответить на эти вопросы, задавая их Богу, себе и друг другу.

В фильме практически нет диалогов. Присутствует закадровый голос и внутренние монологи персонажей, которые не всегда понятны зрителю, так как возникают на уровне сознательных и подсознательных импульсов.

Событий в фильме крайне мало, так же, как и диалогов. Поэтому весь содержательный идейно-философский смысл увиденного раскрывается, в первую очередь, через визуально-образный ряд. Это отличительная черта Т. Малика. Авторская стилистика построена на своеобразном визуальном решении каждого значимого эпизода в фильмах режиссера.

В качестве концептуально значимых образов в данной картине можно выделить несколько: солнце, дерево, дверь, пустыня, океан. Фильм называется «Древо жизни». Этимология названия картины сразу обращает внимание зрителя на соответствующую проблематику. Древо жизни — это многозначный символ, воспринимающийся в картине на уровне нескольких смыслообразующих концептов.

В первую очередь, древо жизни ассоциируется в сознании зрителя с семьей О'Брайен, которую мы видим в разные периоды их жизни. Дети сажают дерево. Деревья растут в саду их дома. На этом уровне восприятия Древо жизни ассоциируется именно с семьей, плодородием, преемственностью поколений. Этот уровень смысла считывается однозначно. В то же время древо жизни — это и символ вечности и бессмертия. Вселенская линия фильма подводит именно к такому восприятию образа. Данное наполнение символа воспринимается неоднозначно зрителем. Так как дерево, как и человек и все живущее на плане, подвержено угасанию. Понимание этой символики затруднено без осмысления всего образно-метафорического ряда.

Одним из базовых концептов фильма является образ солнца. Солнце появляется в кадре уже на второй минуте фильма и сопровождает героев на протяжении всей картины. Каждый раз, когда персонажи обращаются к Богу, к себе или к миру вокруг с неразрешимыми экзистенциальными вопросами, в кадре появляется солнце и сверкает лучами или освещает путь или манит вдалеке. Оно возникает на фоне пустыни или океана. Довольно часто солнце светит сквозь ветви дерева. Красочные кадры солнечного диска привлекают внимание зрителей, и образ древа жизни наполняется более глубоким содержанием. Кадры с солнцем, которое светит сквозь листву дерева, иногда повторяются несколько раз на протяжении фильма, что подводит к более философичной трактовке образа. Человек взрослеет, меняется, умирает. Вечным остается солнечный свет сквозь листья дерева. Символ наполняется мыслями о вечности и бессмертии. Дерево погибнет, но солнце будет светить еще миллионы лет. И будет новое дерево, освещенное лучами солнца. Для героев фильма прошла целая жизнь, но солнце также светит и наблюдает за происходящим на земле.

Именно образ солнца дополняет новым содержанием понятие «древо жизни», ассоциируя его не столько с жизнью, сколько с вечностью и бессмертием.

Еще один важный символ — это дверь. Амбивалентность восприятия образа во многом объясняется его подачей в фильме. Традиционно дверь ассоциируется в сознании с неким переходом из одного состояния в другое, с выбором жизненного пути. В фильме Т. Малика образ двери повторяется неоднократно, но понимание его метафорического наполнения происходит постепенно с осмыслением всех концептов фильма и всего визуально-образного решения. Дверь, которую видит герой, или в которую входит персонаж, выглядит двояко: достаточно новая и полностью разрушенная через несколько секунд. Причем эти образы могут следовать один за другим.

Чаще всего дверь ведет в каменную пустошь, но она открывает и дорогу к солнцу Образ солнца в контексте открывающейся двери принимает иное содержание. Это уже не столько безмолвный вечный наблюдатель за жизнью и смертью на земле. Это путеводная звезда, которая завет за собой, и герой, преодолевая сомнения и детские обиды, движется по пустыне вслед за солнцем и манящими его образами.

Режиссер не ставил задачи дать однозначные ответы на вечные вопросы бытия. Поэтому символика наполнена разноплано-

вым содержанием, близким к концепции Т. Малика или далеким от нее. Амбивалентность восприятия символических образов, с одной стороны, заложена замыслом и стилистикой фильма, с другой стороны, предполагается на уровне сложного эпического повествования.

Концептуально важным является еще один символ — это пустыня. Несколько раз в душевных сомнениях и духовных исканиях Джек представляет себя идущим по пустынным просторам, не находя ответов на вопросы. Образ пустыни меняется в конце фильма, когда происходит трансформация на ментальном уровне, герой ощущает, что он может найти ответы на свои вопросы. И тогда в пустыне появляется тот, кто ведет его дальше к объединению с семьей, отпущению детских обид, прощению. Зритель не сразу понимает, кто проводник в этой каменной пустыне, так как в вдалеке виден образ женщины, возможно, матери. Спустя некоторое время образ трансформируется, и проводником героя становится он сам. Джек видит себя в детстве. Режиссер приводит героя к осознанию мысли о том, что только он сам может найти выход из своего каменного лабиринта.

Заключение

Искусство кино, являясь аудиовизуальным видом искусства, опирается на визуально-образный ряд. Изобразительное решение каждого эпизода зависит от конкретных целей и задач, определяющих смысл того или иного кадра в фильме. Язык кино — это та актуальная область исследования, которая затрагивает множество вопросов колористического, звукового, монтажного решения фильма. М.Ю. Лотман в работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» подчеркивает мысль о том, что кино — это сложная знаковая система [13]. Как правило, режиссеры стремятся к тому, чтобы зритель максимально точно и близко к замыслу считал заложенную в визуальном решении информацию. Эта установка касается фильмов, затрагивающих простые и всем понятные истины.

Такие режиссеры, как Т. Малик, стремятся максимально усложнить образный ряд картины с целью наполнения фильма более глубоким идейно-художественным смыслом. Стилистика фильмов Т. Малика часто построена на многозначных символических образах, которые режиссер дополнительно наполняет разноплановым содержанием, чтобы погрузить зрителя в атмосферу мыслетворчества, пригласить к диалогу с героями. Концепция замысла строится на амбивалентности символики, противоречивом, двойственном отношении ко многим вопросам. Режиссер не дает ответов, он предлагает героям и зрителям поиск своих путей решения. Поэтому визуальный ряд фильма «Древо жизни» выстроен таким образом, чтобы многие символы переосмысливались в процессе просмотра, наполняясь разноплановым содержанием.

Литература

1. Аспандиярқызы Г., Чеснова О. А. Отражение реальности в аспекте онтологических концепций в мировом кино // Arts Academy. — 2024. — №2. — С. 29-56.
2. Базен А. Что такое кино? — М.: Искусство, 1972. 384 с.
3. Балаж Б. Кино: становление и сущность нового искусства. — М.: Прогресс, 1968.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975.
5. Бордуэлл Д., Томпсон К., Смит Дж. Искусство кино. Введение в историю и теорию кинематографа. — М.: Эксмо, 2024. — 656 с.
6. Быкова Н.И. Цветовая антитеза как один из основных смыслообразующих концептов фильма Терренса Малика «Дни жатвы» // Философия и культура. — 2025. — №4. — С. 18-31. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.4.74126 EDN: QQSYTN
7. Дрожжина С.В. Критерии экзистенциальных ценностей индивидуальной ценностной картины мира в пространстве экофилософии // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 200-2005.
8. Ерофеева К.Л. Владимир Соловьев о назначении искусства: актуальные аспекты // Интерактивная наука. — 2020. — №4(50). — С.11-17.
9. Бычков В.В. Софиология как основа теургической эстетики // Соловьевские исследования. — 2006. — Вып. 13. — С. 44–71
10. Бычков В.В. О духовности в искусстве // Вопросы философии. — 2018. — №5. — С. 76–87.
11. Кандинский В. О духовном в искусстве / пер. А. Лисовского. — Нью- Йорк: Международное литературное содружество, 1967. — 160 с.
12. Кракауэр З. Природа фильма: реабилитация физической реальности. — М.: Искусство, 1974.
13. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин, 1973. — 138 с
14. Митрошенков О.А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. — 2005. — №11. — С. 37–46.

15. Михеева Ю.В. Синий цветозвук в фильме: из глубины к свету // Художественная культура. — 2022. — № 3. — С. 308–335.
16. Познин В.Ф. Цвет как элемент драматургии фильма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. — 2021. — Т. 11. Вып. — №3. — С. 410–436.
17. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опят феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр; пер. с фр. В.И. Колядко. — М.: АСТ, 2024. — 925 с.
18. Тарковский А.А. Уроки режиссуры. — М., 1993. — 93 с.
19. Черных И. А. Ценности духовной культуры как один из ориентиров социализации современного человека // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 284-288.
20. Tucker Thomas, Kendall Stuart. Terrence Malick: film and philosophy Bloomsbury Academic. — 2011. — 240 p.

TRANSFORMATION OF SOCIAL ORDER IN CHINA UNDER GLOBALIZATION: A SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Wang Zhongjun, *Postgraduate student, Moscow State University of Technology, Moscow (Russia)*

The article examines the transformation of social order in contemporary China under globalization. The relevance of the topic is determined by the fact that globalization increasingly appears not only as economic interdependence, but also as a factor changing institutions, value hierarchies, cultural identity and mechanisms of social integration. The aim of the study is to identify the social-philosophical meaning of the Chinese way of localizing global challenges. The article clarifies the relationship between globalization and social order, reveals the main tensions arising in Chinese society under openness, marketization and technological interdependence, and explains how Chinese modernization becomes a mechanism for maintaining governability and cultural continuity. The methodology is based on Ulrich Beck's concept of reflexive modernization, Anthony Giddens's interpretation of time-space distanciation, Roland Robertson's theory of glocalization and Shmuel Eisenstadt's idea of multiple modernities. The novelty of the research lies in interpreting Chinese modernization not as a simple case of catching-up development, but as a form of reworking global impulses within a specific civilizational and institutional context. It is concluded that China's social order is shaped through the balance of openness and control, market dynamics and social integration, national identity and participation in global governance.

Keywords: *globalization; localization; China; social order; social and political philosophy; Chinese modernization; cultural identity; public governance; glocalization.*

EDN: BXMDKG ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.6***

Цитировать: *Ван Ч. Трансформация социального порядка в Китае в условиях глобализации: социально-философский анализ // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 39–44. EDN: BXMDKG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.6*

Трансформация социального порядка в Китае в условиях глобализации: социально-философский анализ

УДК 316
5.7.7

© Ван Ч., 2026

В статье рассматривается трансформация социального порядка в современном Китае в условиях глобализации. Своевременность обращения к теме определяется тем, что глобализация все чаще выступает не только как экономическая взаимозависимость, но и как фактор изменения институтов, ценностных иерархий, культурной идентичности и механизмов социальной интеграции. Цель исследования состоит в выявлении социально-философского смысла китайского способа локализации глобализационных вызовов. Для достижения цели решаются задачи: уточнить связь глобализации и социального порядка; показать основные напряжения, возникающие в китайском обществе под воздействием открытости, рынка и технологической взаимозависимости; определить, каким образом китайская модернизация превращается в механизм сохранения управляемости и культурной преемственности. Методологическая основа статьи связана с концепциями рефлексивной модернизации У. Бека, пространственно-временного растяжения социальной жизни Э. Гидденса, глокализации Р. Робертсона и множественных модерностей Ш. Эйзенштадта. Новизна исследования заключается в рассмотрении китайской модернизации не как простого варианта догоняющего развития, а как формы переработки глобальных импульсов внутри особого цивилизационного и институционального контекста. Установлено, что китайский социальный порядок формируется через баланс открытости и контроля, рыночной динамики и социальной интеграции, национальной идентичности и участия в глобальном управлении.

Ключевые слова: *глобализация; локализация; Китай; социальный порядок; социально-политическая философия; китайская модернизация; культурная идентичность; государственное управление; глокализация.*

ВАН Чжунцзюнь,
аспирант, Московский государственный технологический университет, Москва (Россия)
ORCID: 0009-0006-0263-4869

Введение

Глобализация обычно описывается через движение капитала, технологий, информации и людей. Однако для социально-политической философии важнее другое: вместе с этими потоками меняется сама ткань общественного порядка. Иными становятся границы политического сообщества, формы лояльности, способы распределения доверия, представления о развитии и справедливости. Поэтому вопрос о Китае в условиях глобализации не сводится к тому, насколько успешно страна включилась в мировую экономику; он затрагивает и то, что З. Бауман связывал с человеческими последствиями глобальной взаимозависимости [1, с. 10–16]. Более существенным является вопрос о том, как глобальные импульсы перерабатываются внутри китайского общества и каким образом эта переработка влияет на устойчивость его социального порядка.

В классических теориях глобализации подчеркивались растущая взаимозависимость, пространственно-временное расширение социальных связей и возникновение новых рисков, выходящих за рамки национального государства. У. Бек связывал современность с производством рисков, которые не удерживаются внутри прежних институциональных границ [2, с. 21–25]. Э. Гидденс показывал, что модерность «растягивает» социальные отношения и выводит локальные практики в зависимость от удаленных событий [3, с. 64–68]; в этом же ряду Д. Хелд и соавторы рассматривали глобальные трансформации как изменение политических, экономических и культурных связей [11, с. 16–23]. Р. Робертсон предложил рассматривать глобализацию не как простую унификацию, а как взаимное формирование глобального и локального [12, с. 25–30]. Для анализа Китая эта логика особенно важна: внешняя открытость не уничтожает локальный контекст, а заставляет его изменяться и заново формулировать собственные основания.

В российской и зарубежной литературе китайский опыт часто анализируется через экономический рост, место Китая в мировой торговле, инициативу «Пояс и путь» и поиск новой модели глобального управления [5; 6, с. 100–120; 7, с. 76–87]. Такая перспектива необходима, но она не исчерпывает проблему. Социально-философский подход переносит внимание на то, каким образом экономическая и технологическая включенность влияет на ценности, институты, образ будущего и представление о должном общественном порядке. Именно здесь обнаруживается методологическая граница исследований, в которых Китай выступает лишь как крупный участник мировой экономики.

Цель исследования состоит в выявлении социально-философского смысла трансформации социального порядка в Китае в условиях глобализации. Исследовательский вопрос можно сформулировать так: каким образом китайское общество сохраняет внутреннюю связность при воздействии глобальных рынков, технологических изменений и внешних ценностных моделей? Решение этого вопроса требует не апологии и не критики китайской модели, а рассмотрения ее как противоречивого механизма локализации, в котором открытость соединяется с государственным планированием, модернизация — с культурной преемственностью, а включенность в глобальные процессы — с защитой собственной институциональной траектории.

Глобализация и изменение оснований социального порядка

Социальный порядок в данной статье понимается не только как совокупность институтов и правил. Он включает устойчивые ожидания, ценностные рамки, формы легитимности, практики доверия и способы соединения индивидуальных интересов с коллективными целями. Глобализация воздействует на все эти уровни одновременно. Она открывает общество для новых возможностей, но вместе с тем нарушает привычные связи между территорией, культурой, рынком и политической властью. По этой причине глобализация всегда несет в себе двойственный эффект: расширяет пространство выбора и одновременно повышает потребность в механизмах согласования.

В китайском случае эта двойственность обнаруживается в логике реформ и открытости. Включение в мировое хозяйство способствовало развитию производства, урбанизации, технологическому обновлению и росту мобильности, но параллельно с этим те же процессы усилили социальную дифференци-

ацию, изменили отношения между городом и деревней, сформировали новые ожидания в сфере образования, труда, потребления и статуса. Здесь глобализация проявляется не как внешний фон, а как внутренний фактор перестройки общества. Исследователи китайской модернизации справедливо отмечают, что ее социально-психологические последствия не исчерпываются ростом материального благосостояния: на низовом уровне сохраняются вопросы доверия, справедливости и достоинства [15, с. 324–326].

Именно поэтому категория локализации оказывается продуктивной. Локализация не означает отказ от глобализации и не совпадает с изоляцией. Скорее, она описывает способность общества переводить внешние импульсы на собственный институциональный язык. В Китае такой перевод осуществляется через роль государства, долгосрочное планирование, ценность социальной стабильности, риторику культурной уверенности и идею модернизации с китайской спецификой. В результате социальный порядок не просто адаптируется к глобализации, а переопределяет ее приемлемые формы.

В этом смысле Китай демонстрирует одну из версий того, что Ш. Эйзенштадт называл множественными модерностями. Модернизация здесь не сводится к повторению западной институциональной траектории, хотя и использует универсальные элементы современности: индустриальное развитие, технологическое обновление, бюрократическую рациональность, рынок, массовое образование. Особенность китайского случая состоит в том, что эти элементы встроены в систему, где приоритет отдан политической управляемости и долгосрочной социальной интеграции [10, с. 1–6].

Отсюда возникает первое существенное противоречие: глобализация повышает зависимость от внешних потоков, а социальный порядок требует внутренних центров координации. Китайская практика показывает, что государство в условиях глобализации не обязательно теряет значение. Напротив, оно может усиливаться как субъект отбора, фильтрации и институционального оформления внешних влияний. Такой вывод не снимает проблемы контроля и бюрократизации, но позволяет избежать упрощенной схемы, согласно которой глобализация неизбежно ведет к ослаблению государства.

Китайский социальный порядок перед вызовами открытости

Результаты китайских реформ часто описываются через экономические показатели, но для анализа социального порядка важнее характер возникших напряжений. Первое из них связано с отношением открытости и стабильности. Китайская модернизация невозможна без участия в мировом разделении труда, международной торговле, образовательном обмене и технологическом сотрудничестве. Вместе с тем открытость увеличивает чувствительность общества к внешним кризисам, информационным конфликтам и колебаниям глобальных рынков. Поэтому социальная стабильность становится не консервативным лозунгом, а условием управляемого участия в глобализации.

Второе напряжение касается соотношения рынка и социальной интеграции. Рыночные механизмы создали пространство инициативы, конкуренции и роста, но одновременно породили новые формы неравенства и статусной дифференциации. Б.А. Хейфец и В.Ю. Чернова показывают, что Китай стал одним из ключевых выгодополучателей глобализации, однако его участие в ней опиралось не на отказ от государственного регулирования, а на собственную комбинацию открытости и стратегического управления [6, с. 100–120]. Для социальной философии важен именно этот момент: рынок используется как инструмент развития, но не признается единственным источником общественного порядка.

Третье напряжение связано с культурной идентичностью. Глобализация переносит не только технологии и капитал, но и символические образцы: модели успеха, потребления, индивидуального поведения, политического языка. В ответ китайский дискурс усиливает темы культурной уверенности, цивилизационной преемственности и национального возрождения; близкая постановка вопроса прослеживается в работах о новой модели китайской глобализации и глобализации культуры [7, с. 80–84]. Эти темы не следует понимать только как идеологические формулы. В социальном плане они работают как меха-

низмы смысловой интеграции, позволяющие удерживать связь между быстрыми изменениями и представлением о непрерывности китайской истории.

Четвертое напряжение связано с технологической глобализацией. Цифровые платформы, искусственный интеллект, большие данные и сетевые коммуникации изменяют не только экономику, но и структуру повседневной жизни. Они создают новые возможности управления, но одновременно ставят вопросы о доверии, автономии, безопасности и границах вмешательства институтов в социальное поведение. Для Китая эта тема особенно значима, поскольку цифровое развитие включено в государственные стратегии модернизации. Здесь локализация означает стремление использовать технологическую глобализацию как ресурс развития, не допуская полной зависимости от внешних инфраструктур и норм.

Пятое напряжение относится к языку легитимности. В западной политической традиции модернизация часто связывалась с расширением индивидуальной автономии, плюралистической конкуренцией и ограничением государства. Китайская модель предлагает иной язык: развитие, порядок, коллективную цель, государственную эффективность, постепенность и социальную гармонию. Это не устраняет внутренних проблем китайского общества, но показывает, что современный социальный порядок может описываться разными политико-философскими словарями. Именно поэтому спор о Китае является не только спором об институтах, но и спором о праве на интерпретацию современности.

Локализация глобализации и смысл китайской модернизации

Китайский ответ на глобализацию можно обозначить как институциональную локализацию; в современных дискуссиях о «реглобализации» это особенно важно, поскольку речь идет уже не о снятии национальных различий, а о новом согласовании глобальных и локальных уровней [14, с. 73–78]. Его смысл состоит в том, что внешние импульсы не принимаются автоматически и не отвергаются целиком, а проходят через систему национальных приоритетов. В экономике это выражается в сочетании участия в мировом рынке с поддержанием стратегических отраслей и внутреннего спроса; в политике — в сохранении ведущей роли государства; в культуре — в попытке представить традицию не как пережиток прошлого, а как ресурс модернизации. В.Н. Шевченко в этой связи говорит о возвращении Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации [8, с. 106–119].

Китайская модернизация поэтому не является простым ответом на внешний вызов. Она выступает способом производства социального порядка. Ее задача состоит не только в росте экономики, но и в соединении разных уровней общества: центра и регионов, города и деревни, рынка и планирования, личных стратегий и национального проекта. В официальном китайском дискурсе эта связь выражается в понятиях народоцентричности, общего процветания, национального возрождения и сообщества единой судьбы человечества [9, с. 45–52]. Для философского анализа важно не повторять эти понятия как готовые оценки, а выявить их функцию: они задают нормативную рамку, в которой развитие должно оставаться социально управляемым.

Особое место занимает идея глокализации. В ней снимается ложный выбор между глобальным и национальным. Современный Китай не может быть понят ни как закрытая цивилизация, ни как пассивная часть мировой системы. Его социальный порядок складывается на пересечении внешних потоков и внутренних фильтров. Поэтому китайский опыт уместно рассматривать как пример того, что глобализация становится реальной только в локальных формах. Эта мысль согласуется с тезисом Р. Робертсона о взаимной производности глобального и локального [12, p. 29–35].

Теоретическая значимость китайского случая заключается в пересмотре универсалистского понимания модернизации. Если модернизация может иметь несколько институциональных форм, то социально-политическая философия должна анализировать не только степень приближения общества к западному образцу, но и способы, которыми оно формирует собственную современность; в российской философской дискуссии схожий вопрос ставится через противоречие глобализации и автаркии в XXI веке [4, с. 55–64].

Китайская модель не может быть механически перенесена в другие страны, но она разрушает представление о единственной траектории перехода к современному обществу; философская версия в такой постановке проблемы представлена, в частности, в обсуждении системы «тянься» как альтернативного языка мирового порядка [13, с. 15–20].

В то же время такая трактовка не должна превращаться в некритическую схему. Локализация глобализации сохраняет противоречия: между эффективностью управления и участием общества, между технологическим контролем и автономией личности, между культурной преемственностью и риском идеологизации традиции, между социальной стабильностью и возможностью открытого обсуждения конфликтов. Эти напряжения не являются внешними по отношению к китайской модели; напротив, они составляют ее внутреннюю динамику. Поэтому более точным является вывод не о завершенности китайского социального порядка, а о его постоянной перенастройке под давлением глобальных и внутренних изменений.

Именно в этом пункте статья выходит за пределы страноведческого описания. Китайский опыт показывает, что социальный порядок в XXI веке складывается не через простую защиту от глобализации, а через способность общества перерабатывать ее эффекты. Там, где такой переработки нет, глобальные потоки могут разрушать доверие и институциональную связность. Там, где она возникает, глобализация становится материалом для нового этапа национального развития. Вопрос состоит не в том, открыть или закрыть общество, а в том, какие ценностные и институциональные формы позволяют ему оставаться целостным при открытости.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, глобализация в китайском случае выступает не только внешнеэкономическим процессом, но и фактором изменения социального порядка. Она затрагивает ценности, институты, формы доверия, культурную идентичность и способы легитимации власти. Поэтому ее нельзя рассматривать исключительно в терминах торговли, инвестиций или международного положения Китая.

Во-вторых, трансформация социального порядка в Китае осуществляется через механизм локализации. Глобальные импульсы переводятся в язык национальных приоритетов, государственной управляемости, культурной преемственности и модернизационного проекта. Такая локализация не равна изоляции; она является способом включения в глобализацию на собственных основаниях.

В-третьих, китайская модернизация демонстрирует возможность множественной современности. Ее значение для социально-политической философии состоит в том, что она заставляет отказаться от отождествления модернизации с единственной западной институциональной формой. Универсальные проблемы развития, справедливости, стабильности и технологического обновления могут решаться различными историко-культурными способами.

В-четвертых, китайский опыт остается противоречивым. Он соединяет открытость и контроль, рынок и государственное регулирование, цифровую модернизацию и новые риски для автономии человека, культурную идентичность и необходимость межцивилизационного диалога. Именно эта противоречивость делает его продуктивным предметом социально-философского исследования: в ней виден не готовый образец, а одна из возможных траекторий формирования социального порядка в глобальную эпоху.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека / З. Бауман; пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2004. — 188 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
3. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. — М.: Праксис, 2011. — 352 с.
4. Гилев Я.Ю. Глобализация и автаркия в XXI веке / Я.Ю. Гилев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2022. — №1. — С. 55–64.
5. Карлусов В.В. Китай: эволюция концепции глобализации и поиск руководством страны модели глобального управления / В.В. Карлусов // Мировое и национальное хозяйство. — 2024. — №2(66). — С. 2-21. EDN: TLNIFO
6. Хейфец Б.А. Роль Китая в глобализации мировой экономики / Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова // Россия

и современный мир. — 2021. — №2(111). — С. 100–120.
7. Чжао Хун. Путь Китая к новой модели глобализации: от концепций глобализации к глобализации культуры / Чжао Хун, М.Н. Фомина // Век глобализации. — 2025. — №2. — С. 76–87. DOI: https://doi.org/10.30884/vglob/2025.02.07.
8. Шевченко В.Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России / В.Н. Шевченко // Век глобализации. — 2018. — №3. — С. 106–119. DOI: https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.10.
9. Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 4 / Xi Jinping. — Beijing: Foreign Languages Press, 2022. — 722 p.
10. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities / S.N. Eisenstadt // Daedalus. — 2000. — Vol. 129, №1. — P. 1–29.
11. Held D. Global Transformations: Politics, Economics and Culture / D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton. — Stanford: Stanford University Press, 1999. — 515 p.
12. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. — London: Sage, 1995. — P. 25–44.
13. Zhao T. The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of a World Institution / T. Zhao. — Oakland: University of California Press, 2021. — 332 p.
14. Benedikter R. What is Re-Globalization? / R. Benedikter // New Global Studies. — 2021. — Vol. 15, iss. 1. — P. 73–84. DOI: https://doi.org/10.1515/ngs-2020-0051.
15. Zhang J. The Impact of Chinese-style Modernisation on the Social-psychological Behaviours of Chinese Individuals: Evidence from Sociological and Psychological Research / J. Zhang, N. Zhao // Psychology and Developing Societies. — 2023. — Vol. 35, iss. 2. — P. 324–346. DOI: https://doi.org/10.1177/09713336231180962.

THE KNIGHT-HERO IN MEDIEVAL CULTURE: SOCIO-CULTURAL GENESIS AND TRANSFORMATION OF THE IDEAL

Velichko Ilya Vladimirovich, *Assistant, Tula State University, Tula (Russia)*

The study is devoted to the analysis of the knightly ideal as a significant phenomenon in the cultural life of medieval Europe. Drawing on the tools of comparative-historical and hermeneutical approaches, the evolutionary trajectory of the knight-hero image is reconstructed — from its rootedness in pagan antiquity and the ancient world — through the period of sanctification and institutionalization of the knightly estate — to its radical reinterpretation in the late medieval era. The duality organically inherent in chivalric culture is identified: its social-corporate component, which oriented the knight toward compliance with suprapersonal behavioral standards and collective expectations, and its moral-personal component, which presupposed an inner, voluntary aspiration toward virtue. Specific attention is devoted to the syncretic worldview of early medieval society, the participation of the Catholic Church in the codification of chivalric values, the divergence between the declared ideal and actual practices, and the degeneration of living chivalric norms into empty ceremonialism in the late Middle Ages. The thesis is advanced that the knight-hero, as a cultural archetype, embodies the apex of the chivalric ideal — the ultimate image of one who remains faithful to duty and service precisely where historically concrete knighthood proves unequal to this task. The article concludes that the chivalric ideal, notwithstanding its proclaimed unattainability, never lost its cultural vitality throughout the medieval period and created the preconditions for subsequent transformations in the Renaissance era.

Keywords: *chivalric ideal; knight-hero; Middle Ages; social-corporate culture; Christianization; pagan origins; chivalric virtues; courtly love; tragic dimension; transformation of ethos.*

EDN: CDGBOD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.7***

Цитировать: *Величко И.В. Рыцарь-герой в культуре Средневековья: социокультурный генезис и трансформация идеала // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 45–52. EDN: CDGBOD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.7*

Рыцарь-герой в культуре Средневековья: социокультурный генезис и трансформация идеала

УДК 130.2
5.7.8

© Величко И.В. , 2026

Исследование посвящено изучению рыцарского идеала в качестве значимого явления культурной жизни средневековой Европы. С опорой на инструментарий сравнительно-исторического и герменевтического подходов восстанавливается эволюционная траектория образа рыцаря-героя — от его укоренённости в языческой архаике и античном мире — сквозь период освящения и институционализации рыцарского сословия — вплоть до коренного переосмысления в позднесредневековую эпоху. Выявляется органически присущая рыцарской культуре двойственность: её социально-корпоративная составляющая, ориентировавшая рыцаря на соблюдение надличностных поведенческих стандартов и коллективных ожиданий, и нравственно-личностная составляющая, предполагавшая внутреннюю, добровольную устремлённость к добродетели. Предметом анализа выступают синкретическое мировидение раннесредневекового общества, участие Католической церкви в кодификации рыцарских ценностей, расхождение между декларируемым идеалом и реальными практиками, а также вырождение живых рыцарских норм в пустую обрядность в позднем Средневековье. Выдвигается положение о том, что рыцарь-герой как культурный архетип олицетворяет вершину рыцарского идеала — предельный образ того, кто сохраняет верность долгу и служению именно там, где конкретно-историческое рыцарство с этой задачей не справляется. В заключение устанавливается, что рыцарский идеал, невзирая на декларируемую недостижимость, не утрачивал культурной живительной силы в течение всего Средневековья и создал предпосылки для последующих трансформаций в эпоху Ренессанса.

ВЕЛИЧКО Илья Владимирович,
ассистент, Тульский государственный университет, Тула (Россия)
SPIN-код: 7228-3923
ORCID ID: 0009-0009-5722-8552
ResearcherID: QQC-2802-2026

Ключевые слова: *рыцарский идеал; рыцарь-герой; Средневековье; социально-корпоративная культура; христианизация; языческие истоки; рыцарские добродетели; куртуазность; трагизм идеала; трансформация этоса.*

Введение

Рыцарство принадлежит к числу тех явлений, изучение которых открывает перед исследователем в области философии культуры и философской антропологии необъятный горизонт. Возникнув как закономерный ответ на вполне конкретные запросы западноевропейского христианского общества, рыцарское сословие выстраивало собственный образ в сознательном противопоставлении прочим группам средневековой социальной иерархии. При этом оно вбирало в себя наследие языческого воинского союза и одновременно укоренялось в христианской духовной традиции. Подчеркнем, рыцарский идеал в своей полноте так и не был реализован в исторической практике и сохранил своё значение главным образом как ценностный ориентир и нормативный образец, — однако именно эта принципиальная незавершённость обеспечила его воплощениям поразительную вариативность и культурное долголетие.

Вопрос о происхождении рыцарского идеала и его последующих видоизменениях привлек внимание широкого круга отечественных и зарубежных исследователей — среди них А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман, Й. Хейзинга, Ф. Кардини, М. Кин и другие. Тем не менее, ряд вопросов по-прежнему требует специального осмысления: каким образом взаимодействуют между собой социально-корпоративное и нравственно-индивидуальное начала в рыцарском идеале и что именно делает облик рыцаря-героя культурным архетипом, возвышающимся над рыцарством историческим, при всём его несовершенстве.

Задача данного исследования — проследить социокультурную историю образа рыцаря-героя, начиная с его зарождения в недрах языческой и античной традиции и заканчивая трансформационными процессами позднего Средневековья. В методологическом отношении исследование опирается на сравнительно-исторический и герменевтический подходы, в рамках которых рыцарство рассматривается в единстве двух аналитических измерений: имплицитного, связанного с субъективным нравственно-духовным самоощущением рыцаря — его личными ценностными установками и внутренними мотивами служения, и эксплицитного, детерминированного конкретными социально-историческими обстоятельствами.

Языческие и античные истоки рыцарского идеала

Истоки связей рыцарства с культурой античности, по известному наблюдению М. Оссовской, восходят еще ко временам гомеровского эпоса. В самом деле, образ героя гораздо старше образа непосредственно рыцаря. Однако онтологические корни рыцарского образа уходят ещё глубже — в пласт греческой архаики: греческий герой всегда выступает существом, причастным к сакральному, будь то по происхождению от богов или через особое их благоволение, о чем свидетельствует, например, В.А. Апрелева: «Царь-герой в античной культуре — всегда родственник богов, рождённый или смертной женщиной от бога (Геракл), или богиней от смертного (Ахиллес). В любом случае у героя-полубога есть один решающий признак его человеческого естества — он смертен, как самый обычный человек» [1, с. 133]. Из этого следует, что в античности прообраз рыцаря существовал в облике героя. Греческое слово «герой» органично вмещало в себя два нераздельных значения: великого воина, прославившегося ратными деяниями, и существа, соприкоснувшегося с миром богов. Именно эта двусоставность — воинского первенства и сакральной отмеченности — образует смысловую сердцевину рыцарского идеала, унаследованную Средними веками.

Еще в архаических культурах складывались предпосылки, из которых формировался будущий рыцарский образ. Среди них особое место занимает скандинавский институт берсерков — воинов, чья боевая ярость достигала ритуального неистовства. Надев шкуру зверя, такой воин, по верова-

ниям соплеменников, воплощал его в себе и оказывался исключён из обычного уклада племенной жизни. А.Я. Гуревич предлагает такую интерпретацию этого феномена: «в данном случае мы имеем дело с рационализацией в культуре деструктивных сторон поведения «архаического индивида» — того внутреннего злого начала его природы, с которым впоследствии придётся иметь дело средневековому христианству» [6, с. 311].

Постепенно, на протяжении столетий, это стихийное разрушительное начало перерабатывалось культурой и преображалось в понятие воинской доблести — *virtus*. Ф. Кардини обращает внимание как на трансформацию *virtus*-ярость в *virtus*-доблесть, так и на поразительное сходство в понимании этого понятия у самых разных европейских народов — от древнего Рима до рыцарей позднего Средневековья [9, с. 111]. Однако стоит отметить, что средневековые авторы воспринимали ярость в качестве доблести, усматривая в ней «символическое отображение божественной ревности» [5]. И в данном случае в системе рыцарской символики исключительную роль играл меч. Ж. Флори указывает на его глубокую вписанность в христианское смысловое пространство: «именно меч, в конечном счёте, представляется точкой соединения, связующим звеном между идеологией защиты... и рыцарством. Меч, символ власти, который церковь торжественно передавала королям во время церемоний коронации, позже она будет вручать рыцарям на церемониях посвящения» [16, с. 110].

В сознании средневекового человека меч был наделён значением, сопоставимым со значением креста: он указывал на спасение, покровительство высших сил и принадлежность к священному миропорядку. Здесь обнаруживается принципиальная граница между христианской и языческой символическими системами: христианский символ всегда отсылает к трансцендентной, сверхчувственной реальности, тогда как языческий артефакт сопряжен с конкретными, осязаемыми объектами природного мира. Можно сказать, что именно это различие отличает рыцаря (в будущем исключительно христианина) от конного воина (язычника) — рыцарь принадлежит миру символическому, смысловому, духовному, конный же воин — миру природному.

Христианизация рыцарства и его социально-корпоративный характер

Каждый член средневекового социума принадлежал к тому или иному сословию, где за ним закреплялась та или иная социально-корпоративная роль и особая функция. Рыцарство же как социокультурный феномен развивалось и создавалось как неотъемлемая часть средневекового сословно-корпоративного общества, принадлежа к сословию «воюющих». Сословный порядок определял рамки деятельности для каждого сословия: воинам предписывалось вести боевые действия, но лишь в установленных пределах и при определённых условиях, что и трансформировало их из простых воинов в организованное сословие. Рыцарство воспринималось не как рядовая профессиональная военная корпорация, но как угодная Богу избранная элита, призванная нести перед лицом Господа особую ответственность за защиту Церкви и всего христианского народа. О.В. Ауров пишет, что рыцарская идеология суть «синтез двух идей: концепции *bellum iustum* (справедливой войны) и переосмысления образа *miles* Christi (христианского воина» [2, с. 219].

Богословское измерение рыцарского призвания было последовательно разработано Р. Льюлем в «Книге о рыцарском ордене», где автор одним из первых предпринимает попытку разработки этического кодекса рыцарства. Согласно Р. Льюлю, само возникновение рыцарства — не историческая случайность, а проявление Промысла Божия, установившего на земле сакральный порядок силы и защиты: рыцарем избирается достойнейший из тысячи — наиболее благородный и доблестный, призванный передать свои качества следующим поколениям [14, с. 77]. Важнейшей вехой в духовной истории рыцарства стали слова Бернарда Клервоского, утверждавшего, что рыцарство «неустанно ведёт двоякую войну: против плоти и крови, и против духовного воинства зла на небесах» [5].

Корпоративная сплочённость рыцарского сословия питалась прежде всего осознанием принадлежности к духовно освящённой элите, а сама иерархия общества воспринималась как установленная самим Господом Богом. Поддерживая эту идею, католическая церковь и папский престол всемерно укре-

пляли в рыцарях чувство братства, единства и сопричастности. При этом по мере развития средневекового общества доступ в рыцарское сословие всё последовательнее ограничивался: если в XI в. рыцарского звания мог удостоиться любой крещёный человек, то к XII в. оно превратилось в наследственную привилегию сыновей рыцарей [12, с. 111].

В более ранний период, до ужесточения сословных границ, вступление в рыцарское братство могло открыть перед человеком незнатного происхождения возможность подняться по ступеням общественной лестницы, и на этом пути именно личные достоинства претендента зачастую оказывались решающими. Вместе с тем многие современники воспроизводили весьма нелестный портрет реального рыцарства, чья повседневная военная и социальная жизнь разительно расходилась с провозглашаемыми христианскими ценностями. Так, Ю.В. Садов отмечает, что этические нормы обращения с поверженными и захваченными в плен противниками стали неотъемлемой частью аристократической культуры Европы. Следует, однако, признать, что пленников редко отпускали на свободу безвозмездно; нормандский военачальник Раймон де Гро вполне прагматично замечает, что гуманность к пленным — это не столько проявление глубокой человеколюбивости, сколько способ извлечь выгоду, получить щедрый выкуп [15, с. 299]. «Рыцарская эпоха, как бы она ни поэтизировалась и воспевалась, по сути оставалась эпохой бесчеловечной жестокости и массовых убийств» [15, с. 300]. Примечательно, но именно на этом нелицеприятном историческом фоне образ рыцаря обретал особую яркость и притягательность.

Рыцарский идеал: структура и внутренние измерения

В своей целостности рыцарский идеал оказывается явлением сложным и многосоставным. Ю.М. Лотман подчёркивает, что культурная установка рыцарского идеала не рассчитана на свое практическое воплощение в жизни и при этом «сама по себе представляет героический эксцесс. К этим правилам можно стремиться, но нельзя их достигнуть, и осуществление их всегда представляет собой своего рода уникальное чудо [13, с. 87]. Именно такая структура идеала — заведомо превышающего человеческие возможности, однако нормативно обязательного — формирует особый тип рыцаря-героя как человека, отчётливо сознающего пропасть между должным и действительным, но неизменно следующего долгу, высоко держа «социально-корпоративное» знамя рыцарственности. Ю. М. Лотман отмечал, что: «обычное не ценится. Ценность приписывается тому же действию, но совершённому или в неслыханных масштабах, или в невероятно трудных условиях, делающих его практически невозможным» [13, с. 92].

Ценностный мир раннесредневекового рыцаря находит развернутое художественное освидетельствование в «Песни о Роланде». Смерть теряет устрашающий смысл, поведение Роланда подчинено принципу исторического оправдания: для него подлинно значимым остаётся лишь суд потомков — как будущие рыцари оценят его деяния. А.Я. Гуревич усматривал в этом черту рыцарского социоцентризма: слава обладает особым достоинством именно потому, что переживает человека и откладывается в исторической памяти поколений [6, с. 111]. В этом смысле духовный мир «Песни о Роланде» представляет собой органичный сплав языческого и христианского: по своей сути Роланд язычник, по форме же христианин. Языческое стремление восстановить земное равновесие через справедливую месть перекликается здесь с христианским упованием на воздаяние в Царстве Небесном.

Развитие средневековой культуры вело к неуклонному обогащению как внутреннего содержания рыцарского идеала, так и к развитию его социального служения. К середине XII в. оформился разветвлённый кодекс рыцарских добродетелей, включавший куртуазность, готовность к самопожертвованию, мужество перед лицом опасности, преданность сеньору и верность нравственному долгу. Отдельным и особо значимым компонентом рыцарского идеала стало служение прекрасной Даме. Как пишет Й. Хейзинга, женская любовь вносила в суровый рыцарский мир «живое тепло», но что немаловажно, «глубокие черты аскетичности, мужественного самопожертвования, свойственные рыцарскому идеалу, теснейшим образом связаны с эротической основой этого подхода к жизни»

[17, с. 104]. Куртуазность при этом, отнюдь, не исчерпывалась умением добиться расположения избранницы — она распространялась на весь поведенческий уклад придворного существования. На праздничных пирах и собраниях рыцарь превращался в субъекта публичной самопрезентации, тогда как турниры становились площадкой ритуализированного соперничества.

Обязательным элементом рыцарского кодекса была щедрость, которую рыцарь демонстрировал публично, утверждая тем самым своё положение. А.Я. Гуревич отмечает, что ещё в классическом средневековом диалоге «Спор наживалы и мота» негативные проявления этой добродетели — мотовство и расточительство — квалифицируется как предосудительный порок [6, с. 153]. Данная антиномия — между рыцарским идеалом щедрости как добродетели и её практическим вырождением в расточительство — есть лишь частное проявление более ощутимого противоречия, пронизывавшего всю систему средневековых ценностей: устремлённость к всеобъемлющему нравственному синтезу неизменно разбивалась о конкретные ограничения человеческой природы. Л.П. Карсавин на этот счет сообщает: «величие и трагедия Средневековья заключалось в его неосуществлённом стремлении к всеобъемлющему синтезу» [10, с. 92].

Рыцарский идеал немыслим вне религиозного фундамента и его важнейшие черты — жертвенность и самоотречение — были взращены христианской аскетической традицией. Согласно С.И. Бакланову и Н.М. Кучугуре, «религия в эпоху Премодерна выполняет функцию дефинициирующую, она определяет, какую природу имеют те или иные нормы и ценности: социальную, гуманитарную (выработанную отдельным человеком) или трансцендентную, надмирную» [3, с. 510]. С.И. Бакланов и Н.М. Кучугура представляют аскетизм как определяющий элемент рыцарского идеала, который, тем не менее, в повседневной жизни рыцаря искажался так же, как и другие его элементы. Уместно напомнить, что Н. А. Бердяев выделял аскетичность как «концентрацию внутренней силы и овладение собой» [4, с. 264]. Через аскезу и внутреннюю самодисциплину проявляется рыцарство как социальный и вневременной феномен, «внёсший в мир героические ценности — ценность жертвенной чести и жертвенной верности, но при этом так и не осуществлённый до конца» [4, с. 264]. Именно как идеал и духовный ориентир и ценен феномен рыцарства, указывающий путь к недостижимому совершенству личности через аскезу и преодоление самого себя.

Трансформация рыцарского идеала в позднем Средневековье

Позднее Средневековье принесло с собой глубокий и системный кризис рыцарского идеала. Практическая недостижимость идеала неизбежно влечёт его превращение в ритуальную форму, в торжественную, но лишённую внутреннего огня оболочку. В позднем Средневековье феодальные устои по-прежнему живы, что подтверждает сохранение рыцарских владений, представлений о том, что владение землёй и манорами дарует статус и престиж, а также традиций пышных церемоний с участием знатных гостей и свидетелей. [7, с. 88]. Однако если для Роланда коллективное следование воинскому кодексу с братством по оружию лишь раздувало внутренний огонь идеала, то в позднюю эпоху то же групповое переживание, напротив, этот огонь гасило и подменяло живую устремлённость на пышный церемониал. Помпезность, демонстративная роскошь и изощрённые куртуазные манеры знатного сословия, как утверждает Й. Хейзинга, «теперь сохраняют всего-навсего игровой характер» [17, с. 569].

Эпоха позднего Средневековья была более богата на войны и конфликты, нежели эпоха раннего, и сама по себе становилась всё более воинственной, однако эта воинственность не предполагала востребованности исконно рыцарского духа. В ту эпоху рыцарь представлял собой ключевую фигуру для мирского уклада, и само средневековое общество стремилось, по мере своих возможностей, с должным уважением относиться к идее воинской доблести, которую высшее сословие выражало через целую систему сложнейших церемоний и ритуалов. Но, с другой стороны, по замечанию М. Кина, рыцарская «школа приключений» всё очевиднее превращалась в «школу разбоя» [11, с. 403-404]: отряды кондотьеров и ландскнехтов пользовались устойчивой репутацией мародёров, не знавших никаких

правил. Ландскнехт — наёмник без принципов, готовый служить любому платёжеспособному хозяину, — стал живым антиподом подлинному рыцарю. И.А. Ильин так характеризует состояние, к которому ведёт подобное вырождение воинского призвания: «плохо, если у правителя и у воина не окажется необходимых им отрицательных свойств; но гораздо хуже, если в их душе исчезнут необходимые положительные качества, если начнётся идеализация отрицательных свойств и их господство, если они начнут принимать дурное за хорошее... Правитель или воин с заглушённою или извращённою совестью не нужны никому — ни делу, ни людям, ни Богу» [8, с. 356].

Разрыв между провозглашаемыми нормами и реальным поведением по понятным причинам провоцировал рост общественного недовольства: слова и дела рыцарей расходились друг с другом всё сильнее. Й. Хейзинга и М. Кин, анализируя поведение рыцарства в условиях реальных боевых действий, приходят к аналогичному выводу: именно на войне расхождение между идеалом и жизнью обнажалось с наибольшей очевидностью, поскольку «требования стратегии приносились в жертву стремлению к прекрасному» [17, с. 130].

Окончательный удар по рыцарству как военному сословию был нанесён нововведениями в военном деле: массовое внедрение огнестрельного оружия и быстрый рост наёмной пехоты в XVI в. превращало тяжёлую рыцарскую конницу в анахронизм. Рыцарство угасало и как социальный институт, уступая историческое место дворянству, аристократии и складывавшемуся буржуазному сословию. Примечательно, что именно тогда, когда живая рыцарская традиция иссякала, литература принялась создавать её ностальгические и архетипические образы и непревзойдённым примером этого стал Дон Кихот М. де Сервантеса.

Рыцарь-герой как культурный архетип

Анализ исторической судьбы рыцарства позволяет провести принципиальное разграничение между рыцарством как конкретным социальным институтом и рыцарем-героем как культурным архетипом. Рыцарское сословие существует лишь постольку, поскольку оно вдохновлено идеалом; идеальный, архетипический рыцарь-герой — это тот, кто удерживает верность подлинной рыцарской идее именно там и тогда, когда вписанное в реальную историю рыцарство от неё отрекается.

Основанием образа рыцаря-героя является долг — то внутреннее качество, которое удерживало рыцарский идеал от полного угасания. Принципиально важно, что рыцарь-герой выполняет свое служение по собственному нравственному убеждению, а не под давлением внешних обязательств. Его связь с сеньором, церковной иерархией и сословными установлениями реальна, но она не исчерпывает и не определяет его рыцарской сути. Именно этот суверенитет внутреннего нравственного закона и отличает подлинного рыцаря-героя: «в душе воина должны жить могучие, непреступные грани, отделяющие обязательное от запретного; и эти грани не могут поддерживаться одною механическою дисциплиною: здесь необходима духовная автономия, осмысливающая дисциплину началами веры, преданности, совести и чести», как утверждает И.А. Ильин [8, с. 359].

Вместе с тем в образе рыцаря-героя заключено неустранимое и трагическое противоречие: он обречён на принципиальную неосуществимость. Н.А. Бердяев отмечал, что рыцарство «внёсшее в мир героические ценности — ценность жертвенной чести и жертвенной верности», «так и не было до конца осуществлено» [4, с. 264]. Истинный рыцарь обречён действовать в мире, пронизанном несовершенством, и каждая его попытка следовать идеалу разбивается о сопротивление реальности и встречает непонимание. Причина этого кроется в самой природе рыцарского идеала: он по определению превосходит горизонт обыденного опыта, требуя от своего носителя самопожертвования и верности принципам, несовместимых с прагматическими нормами повседневной жизни. М. Кин свидетельствует: «считалось, что было всего несколько рыцарей, которых, судя по их деяниям и карьерам, можно было считать почти идеальными и вполне соответствующими литературным образцам» [11, с. 412]. В этой исключительной редкости — подлинная мера рыцаря-героя: он не норма, а уникальный прецедент; не тиражируемый образец, а архетипический полюс, ценность которого

прямо пропорциональна его удалённости от обыденного. Рыцарь-герой возвышается над стандартами социальной реальности, и именно это делает его непонятным и неудобным для окружающих. Однако именно в этом неустанном противостоянии несовершенству и коренится его подлинный героизм.

Заключение

Предпринятое исследование позволяет сформулировать несколько ключевых положений о природе и исторической судьбе рыцарского идеала. Образ рыцаря-героя имеет корни в языческой архаике и греко-римской героике. Через осмысление сакральной отмеченности воина в германо-скандинавской традиции и трагической смертности полубожественного героя в античной культуре складываются онтологические основания рыцарского этоса. Решающим фактором последующей трансформации стала христианизация: первобытная «звериная ярость» переплавилась в воинскую доблесть — virtus, а прежний статус воина-избранника был переосмыслен в горизонте христианского призвания и служения.

Классическое средневековое рыцарство внутренне противоречиво: социально-корпоративное начало обязывает рыцаря соответствовать коллективным образцам, тогда как нравственно-личностное требует самостоятельного и искреннего усвоения добродетелей. Это противоречие порождает характерное напряжение: рыцарский идеал не достижим по самой своей природе, однако именно эта недостижимость и наделяет его исторической жизнеспособностью. В раннем Средневековье общее для всего рыцарского братства устремление к идеалу, подкреплённое ритуалом посвящения, придавало ему силу; в позднем — вело к ритуализации и опустошению. В то же время рыцарский идеал сам по себе демонстрирует свою устойчивую жизнестойкость и востребованность — изменяясь под давлением времени, он сохраняет свои ключевые сущностные черты.

Рыцарь-герой как культурный архетип воплощает то, что реальное историческое рыцарство лишь провозглашало: он несёт службу по внутреннему нравственному закону, а не под давлением сословных установлений, и хранит верность рыцарской идее именно там, где исторически реальное рыцарство её предаёт. Трагизм этого образа — в его принципиальной несовместимости с прагматикой реальной жизни — станет сквозным мотивом ренессансных и романтических переосмыслений рыцарского идеала в последующие века, а также сохранит его, пусть и в сильно трансформированном временем виде, до наших дней.

Литература

1. Апрелева В.А. Феноменология сакральной власти и жертвенности царя-героя в контексте античной культуры // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2012. — №32(291). — С. 133-138.
2. Ауров О.В. Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве: «О рыцарях и о том, что им надлежит делать» (Partid. II.21) / О.В. Ауров // Шаги / Steps. — 2023. — Т. 9, №2. — С. 213-242.
3. Бакланов И.С. Отражение социальных норм, моральных идеалов и гендерных диспозиций общества Премодерна в средневековом рыцарском романе / И.С. Бакланов, Н.М. Кучугура // Манускрипт. — 2024. — Т. 17, №4. — С. 507-512.
4. Бердяев Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 664.
5. Бернард Клервоский. Похвала новому рыцарству // В кн.: Мельвиль М. История ордена тамплиеров / пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько. — СПб.: Евразия, 2006. — 363 с. — С. 49-62.
6. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе / А.Я. Гуревич. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — 424 с.
7. Золотов В.И. Социальные аспекты «бастардного феодализма» в истории английского общества позднего средневековья / В.И. Золотов // Вестник Брянского государственного университета. — 2023. — №4(58). — С. 84-94.
8. Ильин И.А. Поющее сердце. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин. — М.: АСТ, 2020. — 416 с.
9. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. — М.: Прогресс, 1987. — 384 с.
10. Карсавин Л.П. Культура средних веков / Л.П. Карсавин. — Киев: Символ & AirLand, 1995. — 208 с.
11. Кин М. Рыцарство / М. Кин. — М.: Научный мир, 2000. — 520 с.
12. Кухтенкова О.А. Рыцарская этика. Содержание понятия благородства в представлениях средневекового общества (XI-XIII века) / О.А. Кухтенкова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2010. — Том. 11, вып. 2. — С. 216-223.
13. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М.: Прогресс; Гнозис, 1992. -272 с.
14. Льюль Р. Книга о любящем и возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона / Рамон Льюль. — СПб.: Наука, 1997. — 293 с.

15. Садов Ю.В. «Рыцарское» отношение к военнопленным: мифы и реальность / Ю.В. Садов // Специальная техника и технологии транспорта. — 2024. — №23. — С. 297-303.
16. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства / Ж. Флори. — СПб., 1999. — 313 с.
17. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. Homo ludens. Эссе / М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 1232 с.

THE DOCTRINE OF ST. GREGORY THE THEOLOGIAN ON ETERNITY AS TIMELESSNESS: ETERNITY AS TIMELESSNESS AND ETERNITY AS IMMUTABILITY

Vorobev Dmitry Valerievich, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod (Russia)*

The purpose of the study is to analyze the doctrine of St. Gregory the Theologian about the eternity of God. The article examines two points of view regarding what we understand by the word: "eternity". On the one hand, eternity is unlimited duration in time. On the other hand, eternity is also the absence of any temporal duration. In this sense, eternity is timelessness, and eternal is that which is timeless. Eternal is that which is not extended in time. This is something that doesn't continue. All discussions regarding the eternity of God, from the point of view of St. Gregory the Theologian, speak only of His, God's, timelessness. They tell us that God's existence being removed from its relation to time and of His existence being outside of time. According to St. Gregory, there is another understanding of eternity, namely: eternity as immutability. When we say, therefore, that God is eternal, we mean by this that He is unchangeable, that He is always equal (identical) to Himself and cannot become what He was not before. The result of the study is a conclusion that eternity as timelessness and eternity as immutability in Gregory the Theologian are two sides of the same coin. These are not two different qualities, but one quality. This is what belongs to God, whose being is above all change and any temporal sequence.

Keywords: *Eternity; timelessness; immutability; God the Father; God the Son; time; world.*

EDN: CKTNLC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.8***

Цитировать: *Воробьев Д.В. Учение св. Григория Богослова о вечности как о вневременности: вечность как вневременность и вечность как неизменность // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 53–58. EDN: CKTNLC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.8*

Учение св. Григория Богослова о вечности как о вневременности: вечность как вневременность и вечность как неизменность

УДК 1(091)
5.7.2

© Воробьев Д.В., 2026

Целью данного исследования является анализ учения св. Григория Богослова о вечности Бога. В статье рассматриваются две точки зрения относительно того, что нам следует понимать под словом: «вечность». С одной стороны, вечность — это есть неограниченная протяженность во времени. С другой стороны, вечность — это есть и отсутствие всяческой временной протяженности. В этом смысле вечность — это вневременность. А вечно — это то, что вневременно. То, что не протяженно во времени. То, что не длительно. Все рассуждения относительно вечности Бога, с точки зрения св. Григория Богослова, единственным образом говорят лишь о Его, Бога, вневременности. О том, что Его существование изъято из отношения со временем. О том, что Он существует вне времени. Согласно св. Григорию, существует еще одно понимание вечности, а именно: вечность как неизменность. Когда мы, следовательно, говорим, что Бог — вечен, то понимаем под этим, что Он неизменен, что Он всегда равен (тождественен) Самому же Себе и не может стать тем, чем не был прежде. Результатом исследования является вывод, согласно которому вечность как вневременность и вечность как неизменность у Григория Богослова — это две стороны одной медали. Это не два разных качества, а суть одно. То, что является принадлежностью Бога, существование которого выше всякого изменения и любой временной последовательности.

Ключевые слова: *вечность; вневременность; неизменность; Бог-Отец; Бог-Сын; время; мир.*

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Валерьевич, *доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)*
SPIN-код: 3227-0340
ORCID ID: 0000-0003-2434-1443
ResearcherID: V-6842-2018

Введение

Отличительной чертой взглядов св. Григория Богослова на основы христианской веры и на догмат Святой Троицы является его учение о вечности Бога. Мнение людей о Боге разнообразно. Одни признают существование Сына как некую данность, но ставят Его существование в отношение со временем и задаются вопросом: «Что было до рождения Сына, а, если Он рождается во времени, то вправе ли мы вообще говорить о рождении, быть может следует говорить о Его сотворении»? Другие же, признавая существование Бога-Отца и наделяя Его неограниченной временной протяженностью, спрашивают себя: «Может ли Бог-Отец быть, но не являться при этом Отцом, то есть быть вне наличия Сына»? Или: «Имеет ли временное начало отечество Бога-Отца и если имеет, что делал Отец до рождения Сына»? Третьи допускают существование Божественного начала и ставят вопрос: «Что было до Бога»? Приведенные в беспокойство своими же собственными вопросами они чаще всего говорят, что ответа эти вопросы не существует, а, если он где-то и есть, то совсем не доступен для нашего понимания.

С точки зрения св. Григория Богослова, все эти вопросы являются некорректными, но ответ на них существует. Они становятся некорректными в свете идеи вечности Бога, которая предполагает отсутствие времени. То есть вечности, как вневременности. Должно при этом сказать, что ответ на вопрос предполагает в реальности два варианта (в зависимости от того какой это вопрос: корректный или некорректный). Можно ответить прямо и сразу, то есть дать непосредственно четкий ответ. Это если корректный вопрос. А можно дать полное обоснование тому, почему он является некорректным. И это так же будет являться ответом.

Вечность как вневременность

Где пребывает Бог? С точки зрения св. Григория Богослова, на этот вопрос существуют два варианта ответа. Или Он пребывает нигде. Или где-либо. Если Он пребывает нигде, то всякий пытливый ум обязательно скажет, что это «пребывание нигде» означает Его, Божье, не существование. Это значит, что «Бог есть то же самое, что и не существующее» [3, с.195]. Словом, если Бог существует (пребывает) нигде, то это значит, что Он и вовсе не существует [4, с. 337]. Если Бог существует где-то, то здесь опять-таки возникают два варианта ответа. Либо Он существует в мире, то есть в пространстве и времени (поскольку пространство и время являются атрибутами Им сотворенного мира). Либо вне (выше) мира, то есть вне отношений с пространством и временем. Но, если Бог существует в мире, то Он существует или в чем-либо (где-нибудь, в какой-то части этого мира), или повсюду [4, с. 337]. Если Он существует в какой-то части этого мира, то Он уже ей ограничен. Если Он существует повсюду, то уже ограничен всем миром, как содержимое содержащим [4, с. 338], как превышаемое превышающим. Как пребывающий всюду (везде) в этом мире, Бог в таком случае заполнял бы его без остатка и полностью. То есть фактом собственного наличия исключал бы наличие чего-либо иного помимо Себя Самого в сотворенном Им мире, а значит, и наличие того самого места, которое бы отделяло Его от этого мира. Но как в таком случае, заключает св. Григорий, «можно представить себе превышающее (мир) и превышаемое (Бог), если нет места (среды), которое бы разделяло то и другое»? Превышаемое в таком случае становится равным превышающему, а содержимое содержащему. «Таковы затруднения, если Бог в мире» [4, с. 338].

Указанные трудности говорят нам о том, согласно св. Григорию, что существование Бога выше всяких пространственных и временных отношений [3, с.196]. А рассмотренный ранее вариант, связанный с «существованием Бога нигде», можно интерпретировать как то, что Бог существует нигде во времени и нигде в пространстве. Ни в одном месте из сотворенного Им мира. То есть существование Бога опять-таки изъято из отношения со временем и пространством. Господь Бог существует вне времени и пространства, которые Сам же и создал.

Усиление мысли относительно вневременности Бога достигается св. Григорием посредством введения в его рассуждения понятия вечности. Причем, речь здесь идет о такой вечности, которая определяется как отрицание временного начала и временного конца, а в конечном итоге и самого времени [3, с.196]. Начнем с того, что существуют два основных

понимания вечности, равно как и два основных подхода в понимании бесконечности (больше люди ничего не придумали), а именно: временная и пространственная бесконечности. Первое (временная бесконечность, она же — бесконечность во времени) предполагает собой неограниченную протяженность во времени или то, что мы называем длительностью. Второе, соответственно, неограниченную протяженность в пространстве. В привычном для нас понимании, вечность — это есть именно бесконечность во времени, а вечное есть, следовательно, то, что обладает неограниченной протяженностью во времени, неограниченной длительностью. Это то, говорим мы, что длится бесконечно. То, что не имеет временного начала и временного конца. То, что не возникает и не погибает.

В привычном опять же для нас понимании, временное начало (возникновение) и временной конец (гибель) — это суть то, что накладывает ограничение на временную протяженность чего-либо. То есть делает это что-либо ограниченным в своей временной протяженности. Это суть временная граница, которая отделяет существование чего-либо от его же не существования. То, что мы называем вечным (неограниченным в своей длительности), по этой причине не может иметь своего временного начала и временного конца, а то, что имеет временное начало и временной конец (возникает и погибает), не может быть вечным. Это суть два несовместимых момента.

Но есть и другое понимание вечности. С одной стороны, вечность — это есть неограниченная протяженность во времени, но, с другой стороны, вечность — это есть и отсутствие всяческой временной протяженности. Слово «вечность», таким образом, может означать и отсутствие всяческой длительности, то есть вневременность. Вечное, в этом смысле, есть то, что вневременно. То, что существует вне времени. То, что не обладает длительностью, временной протяженность. Существование чего лишено всяческих временных отношений. Именно такая вечность и служит принадлежностью Бога. Когда мы, следовательно, говорим, что Бог является вечным, то это вовсе не означает, что Он существует во времени и обладает неограниченной временной протяженностью. Это значит, что Он вневременен, что Его существование изъято из отношений со временем. Или, выражаясь словами, св. Григория Богослова, выше всяческих временных отношений. Поскольку, далее, временное начало и временной конец — это суть принадлежность времени, а вечность Бога — это вневременность, подобное положение вещей и объясняет тот факт, почему, согласно св. Григорию, вечность, которую следует приписывать Богу, «совершенно справедливо определять, как отрицание временного начала и временного конца» [3, с.196]. Одно вытекает из другого.

Далее, согласно св. Григорию, «предлоги «до» и «после» можно использовать лишь применительно конечных, временных отношений» [3, с. 46]. Такие слова, как «когда», «прежде», «после», «сперва» не исключают наличие времени [4, с.352] и даже напротив — предполагают его. Применительно же к Божеству, которое существует вне времени, использование этих предлогов и слов следует избегать [7, с. 490]. Мало того, их использование становится совершенно бессмысленным. Бессмысленно, например, задаваться вопросом: что было до Бога? Речевая конструкция «что было до Бога» по сути своей является эквивалентом высказывания: «что было до Его возникновения». Поскольку временное начало и временной конец имеют место во времени, а существование Бога изъято из отношения со временем и пространством, ни то, ни другое не может являться Его принадлежностью. Бог не имеет ни временного начала, ни временного конца. Он не возникает и неуничтожим. Но, если какое-то что-то не обладает временным началом, то есть не возникает, бессмысленно задаваться вопросом: что было до его возникновения? Что было до его временного начала? «До» и «после» существуют там, где существует время. А, точнее сказать, они существуют во времени [7, с. 482]. Если нет времени, не может быть никакого «до» и никакого «после». И «откуда» быть тоже не может, поскольку нет никакого пространства.

Как известно, любой процесс (будь то движение чего-либо или его изменение) разворачивается во времени, причем из прошлого в будущее. «Было» и «будет» являются, следовательно, принадлежностью времени, а кроме того предполагают, со слов св. Григория, его, времени, делимость [4, с. 444]. И, будучи,

принадлежностью времени, они не могут быть принадлежностью Божества, обладающего вневременным существованием. В Боге нет, таким образом, «ни прошлого, ни будущего, а есть лишь одно настоящее» [3, с.196]. Можно также сказать, что Бог существует ни в прошлом, ни в будущем, а лишь в одном настоящем. Божество, с точки зрения святителя, это ни то, что *было*, ни то, что *будет*, а то, что *есть* [4, с.444]. Или есть в настоящем. В том, что мы называем: «сейчас». В *миге* или в *мгновении* [7, с. 489]. Это достаточно тонкий момент, поскольку «сейчас» не обладает длительностью. Оно не длится, не протяженно во времени, не продолжается [1, с. 219]. И точно таким же отсутствием всяческой временной протяженности является вечность Бога. Бог, следовательно, существует сейчас и всегда (всегда — то есть опять-таки вечно), поскольку «всегда» применительно к Богу и то, что мы называем «сейчас» предполагают вневременность — отсутствие всяческой временной протяженности. *Всегда* и *сейчас*, таким образом, сходятся в Боге.

Поскольку существование Бога выше всяческих временных отношений, то это равно касается и всех Его Ипостасей. Существование всех трех Его Ипостасей также изъято из времени. Соответственно, рождение Сына Отцом и исхождения св. Духа от Бога-Отца также изъято из отношения с ним. Однако такие слова, как: «рождение» и «происхождение» («исхождение» — если речь идет о св. Духе) предполагают процесс, а, как известно, всякий процесс в привычном для нас понимании проистекает во времени, причем опять же из прошлого в будущее. Во всяком рождении присутствует время, тогда как рождаемое (подобно творимому) созидается во времени [4, с. 257]. И нет ли в таком случае здесь явного противоречия? С точки зрения св. Григория, противоречия нет. Когда мы говорим о рождении Сына Богом-Отцом, то имеем ввиду не процесс в привычном для всех понимании, каким-то странным и непонятным для нас образом, разворачивающийся вне времени. Речь, скорее, идет о причине. О том, что Он, Бог-Отец, служит Причиной, Виновником Сына. Источником Его, Сына, существования. Сочетание слов: «рождается от Отца» говорит нам о том, что Сын имеет источник своего существования в Боге-Отце [3, с. 604]. При этом то, что мы чаще всего называем *виновником* или *причиной*, или *причиной* и *следствием* — не обязательно существуют во времени. Они могут быть и вне времени. В таком случае, то, что мы называем причиной и следствием, не могут быть *раньше* и *позже*. Такая причина не может быть первоначальнее следствия. Согласно св. Григорию Богослову, Виновнику нет никакой необходимости быть первоначальнее Тех, для Кого Он Виновник, подобно тому как солнцу нет никакой необходимости быть первоначальнее света [4, с. 352].

Вечность Сына и вечность Отца — это, следовательно, одна и та же вневременность-вечность. Пребывая вне времени, Сын не может иметь временного начала, быть «начальным в отношении ко времени» [10, с. 163]. Его рождение — это не временное начало, поскольку такое рождение существует вне времени, а временное начало является принадлежностью времени. А главный вопрос ариан: «что было до Сына?» или их выражение: «было время, когда Сына не было, когда Он еще не пришел в бытие», или, что Сын и св. Дух уже после Отца, здесь неуместны, поскольку «после», «было» и «до» существуют во времени. Там, где нет времени, не может быть никакого «было» и «до».

Часто задаваемый арианами вопрос: «Может ли Бог-Отец существовать, но при этом не существовать в качестве Отца, а в каком-то ином качестве?» в свете идеи вневременности Отца и Сына обретает четкий ответ. И этот ответ отрицательный. Понятно, что при отсутствии Сына Он не может быть назван Отцом, но может ли Он существовать, будучи неназванным Отцом? Быть просто Богом, но не Богом-Отцом [8, с. 526]? Согласно св. Григорию, такого быть однозначно не может. Чтобы существовать, но при этом не быть Отцом, существовать, но не в качестве Отца, Он должен быть раньше [2, с. 181], первоначальнее Сына. Или, если сказать по-другому, Его отечество должно иметь свое временное начало. Однако отечество Бога-Отца не может иметь своего временного начала, поскольку Он, Бог-Отец, пребывает вне времени. Подобно тому, как Бог-Отец никогда не начинал своего бытия (поскольку Он не обладает временным началом), Он никогда и не начинал Своего Отечества. Не начинал быть Отцом [10, с. 163]. Он — «Отец не во вре-

мени, а от вечности» [3, с. 277]. Отец от вневременности. Его отечество в равной степени вечно и потому вневременно, как и Его существование [4, с. 353]. Итак, что мы имеем? Что рождение Сына и, таким образом, отечество Бога-Отца — это не есть приобретенное качество, которым Он, Бог-Отец, ранее не обладал. Там, где нет времени, не может быть никакого «ранее». Получается так, что отечество — это есть необходимое условие Его, Бога-Отца, существования. Отец является необходимым условием существования Сына, поскольку Он есть Его Виновник, источник (причина) Его, Сына, существования [5, с. 12]. Но и Сын в свою очередь является необходимым условием существования Бога-Отца, поскольку, как уже было отмечено ранее, Бог-Отец не может существовать вне наличия Сына. Он не может существовать, но при этом не существовать в качестве Отца. Не может быть и при этом не быть Отцом. Из этого следует важная мысль, которую несколько ранее уже употреблял св. Афанасий Александрийский, а именно: Бог обладает безусловным существованием, а вот три Его Ипостаси — нет, поскольку каждая из Его Ипостасей является необходимым условием существования каждой другой Ипостаси.

Итак, Отец не первоначальнее Сына, поскольку ни Он, ни Сын не стоят под временем [10, с. 163]. Существование Бога-Отца и «рождение единородного Сына полностью совпадают» [10, с. 163]. Существование Отца не может быть большим рождения Сына. А Сыновство «не есть недостаток по сравнению с Отечеством» [10, с. 165].

Вечность как неизменность

Согласно св. Григорию Богослову, время — это не то, что существует само по себе, включает в себя все вещи и при этом от них независимо. Оно существует в самих вещах в форме их изменений. И если бы не существовало таких изменений в вещах, из-за которых вещи то возникают, то исчезают, становятся не равными самим же себе, то есть не теми, чем были прежде, тогда не было бы места для времени [9, с. 118]. Оно бы попросту не существовало. К этому пониманию времени близко другое его понимание, согласно которому время — это не есть какая-то объективная данность, а есть мера всех изменений. Время, иными словами, с его единицами измерения — это такая линейка, придуманная людьми, посредством которой они измеряют длительность всяких вещей, их смену друг другом, а также их изменяемость — становление не тем, чем они были ранее. Однако, и в том, и в другом случае существование времени целиком и полностью зависит от изменений. В первом случае все изменения в вещах — это и есть само время. Во втором — если бы не было изменений в вещах, то, соответственно, и не было бы необходимости придумывать линейку, посредством которой можно было бы их, изменения, мерить.

Поскольку время предполагает наличие изменений, то, в соответствии с этим, вневременность, как отрицание времени и вечность, как вневременность — предполагает отсутствие таковых. Получается так, что вечность — это не только вневременность, но и неизменяемость.

Бог есть полностью самодостаточен в том самом смысле, что для того, чтобы существовать Ему достаточно Самого Себя. Он содержит причину собственного существования в Самом же Себе, и можно сказать, что Сам является этой причиной. Он обладает безусловным существованием в том самом смысле, что не существует никаких внешних причин (в форме чего-то иного, помимо Его Самого), которые бы выступали в качестве условий Его существования. Поскольку Он обладает причиной собственного существования в Самом же Себе, то является неизменным [4, с. 554]. Он не может быть больше и меньше. Не может оскудевать. Всегда тождественен Самому Себе. И не может сделаться чем-то иным относительно Себя прежнего. Не может стать тем, чем не был ранее. И поскольку неизменяемость предполагает вневременность, а вневременность — вечность, Бог является вечным. Господь неизменен, и именно в силу того, что Он неизменен, его существование изъято из отношения со временем. И если ранее мы говорили о том, что отечество Бога-Отца не может быть обретенным качеством, поскольку оно существует вне времени и не может иметь своего временного начала, то теперь мы можем сказать, что отечество Бога-Отца не может быть Им обретенным качеством, именно в силу Его неизменности [6, с. 498]. И действительно, если Бог-Отец неизменен, то Он не может приобрести некое качество, ка-

ким ранее не обладал. Его отечество и, следовательно, рождение Сына, и, следовательно, Его, Сына, существование, является необходимым условием существования Бога-Отца. Вслед за св. Афанасием Александрийским, мы опять приходим к тому, что существование Бога безусловно, чего нельзя сказать о Его Ипостасях, поскольку каждая Ипостась является необходимым условием существования другим Ипостасям.

Заключение

Сколько-нибудь подробного развития учения о вечности как неизменности у св. Григория нет. Есть, правда, несколько характерных высказываний. Их можно встретить в его многочисленных письмах и лаконичных стихах. Они отличаются краткостью форм и связаны, например, с самобытностью Бога, с тем, что Он Сам есть причина Себе Самому и потому всегда равен Себе Самому. В отличии от неизменности, вечность как отрицание времени занимает в работах св. Григория видное место, если не больше — центральное.

Важно при этом помнить, что вечность как вневременность (*timelessness*) и вечность как неизменность (*immutability*) у св. Григория — это даже не то, что мы называем различными сторонами одной и той же медали. И уж тем более не два разных начала, не две разных вечности, а суть одна вечность. Это та самая вечность, что является принадлежностью Бога, существование которого выше всякого изменения и любой временной последовательности.

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь. — М.: Канон, 2000. — 464 с.
2. Афанасий Великий, Архиепископ Александрийский. Творения: в 3-х томах. — Т. 1. — М.: Сибирская Благозвонница, 2015. — 864 с.
3. Виноградов Н. П. Догматическое учение святого Григория Богослова: магистерская дисс. — Казань: Казанский университет, 1887. — 508, XII с.
4. Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Сибирская Благозвонница, 2010. — 895 с.
5. Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: в 2-х томах. — Т. 2. — М.: Сибирская Благозвонница, 2010. — 944 с.
6. Епифпнович С.Л. Лекции по патрологии — СПб.: Воскресенье, 2010. — 608 с.
7. Лосский В.Н. Боговидение. — М.: АСТ, 2003. — 759 с.
8. Попов И.В. Труды по патрологии. — Т. 1. — Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 2005. — 744 с.
9. Сильвестр Малеваский, Архимандрит. Опыт православного богословия: в 5 томах. — Т.2. — СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии, 2008. — 652 с.
10. Флоровский Г.В. Восточные отцы церкви. — М.: АСТ, 2003. — 637 с.

THE RELEVANCE OF PLATO'S SOCIAL PHILOSOPHY FOR THE POLITICS OF MODERN STATES

Vyalykh Vladimir Vladimirovich, *PhD of Political sciences, Associate Professor*

Samodelkina Tatyana Kuvandykovna, *PhD of Medical sciences, Associate Professor*

Vorobyov Dmitry Olegovich, *Senior Lecturer*

Orenburg State Medical University, Orenburg (Russia)

Plato's theory is rightfully considered one of the most influential political concepts in the history of philosophy. Despite the controversial responses to it in the academic community, it is fundamental and remains relevant: not only does it explain the viability of democracy as a form of government, but it also serves as a social and political practice for governing society. A critic of democracy, Plato recognized that democracy has authoritarian preconditions for development and cannot exist without the use of authoritarian, and sometimes totalitarian, political practices. Modern Western democracies—primarily the United States—in some aspects of their development correspond more closely to the ancient concept of democracy than to the French Enlightenment. The purpose of this study is to analyze key aspects of Plato's theory and demonstrate their relevance to contemporary political discourse.

Keywords *authoritarianism; totalitarianism; democracy; politics; power; humanism; social engineering.*

EDN: CXRCBI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.9***

Цитировать: *Вялых В.В., Самоделкина Т.К., Воробьев Д.О. Актуальность социальной философии Платона для политики современных государств // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 59–63. EDN: CXRCBI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.9*

Актуальность социальной философии Платона для политики современных государств

УДК 1(091)
5.7.7

© Вялых В.В., Самоделкина Т.К., Воробьев Д.О., 2026

Одной из наиболее влиятельных политических концепций в истории философии по праву считается теория Платона. Несмотря на противоречивые отклики в научной среде в адрес теории, она носит фундаментальный характер и сохраняет актуальность: не только объясняет жизнеспособность демократии как вида государственного устройства, но и выступает в качестве социальной и политической практики управления обществом. Критик демократии, Платон признавал, что демократия имеет авторитарные предпосылки развития и не может существовать без использования авторитарных, а порой и тоталитарных политических практик. Современные западные демократии — прежде всего США — в некоторых аспектах своего развития соответствуют скорее античному представлению о демократии, а не эпохи французского просвещения. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать ключевые аспекты теории Платона и показать, насколько они актуальны в современном политическом дискурсе.

Ключевые слова: *авторитаризм; тоталитаризм; демократия; политика; власть; гуманизм; социальная инженерия.*

ВЯЛЫХ Владимир Владимирович, *кандидат политических наук, доцент*

SPIN-код: 1367-4060

САМОДЕЛКИНА Татьяна Кувандыковна, *кандидат медицинских наук, доцент*

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Олегович, *старший преподаватель*

SPIN-код: 1364-2870

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург (Россия)

Платон являлся одним из крупнейших мыслителей эпохи Античности, и его политическая теория — лишь одна из частей — пусть и значительная — созданной им философской системы. Взгляды философа на развитие общества и государства были изложены им в книгах «Государство» и «Законы», в свою очередь являвшиеся частью корпуса сочинений под названием «Диалоги». Отметим, что Платону предоставился уникальный шанс проверить на практике применимость своих политических взглядов: однажды он отправился ко двору персидского царя-деспота Дария Первого. Эта поездка едва не закончилась для

философа трагически, но позволила понять два важных для его теории момента. Первый — демократия и автократия есть противоположные формы бытия власти по своим политическим и социокультурным основаниям; второй — демократия в определенных ситуациях может и должна использовать авторитарные практики для своего воспроизводства и существования. Оба эти момента нашли отражение в политической теории Платона, но об этом чуть позже.

Теория Платона во многом предвосхитила появление в политологии понятия «добросовестный авторитаризм» [3, с. 96]. Использующая его Л. Гомбоева считает, что в условиях развития автократий — как эффективных, так и посредственных — многие жесткие, а подчас и жестокие решения правителя были продиктованы исключительно гуманистическими соображениями. Среди таких можно выделить заботу о всеобщем благе, спасение государства от какой-либо угрозы и, наконец, установление в обществе социальной справедливости. Последняя является одной из краеугольных в теории Платона и его ключевой идеал. Она достигается тогда, когда каждый человек занимает место в обществе согласно своим природным способностям и выполняет соответствующую функцию. Таких функций Платон выделял три — по числу сословий. Первые: правители-философы (доминирует разум, интеллект) — их добродетель мудрость. Только они, обладая высшим знанием, способны управлять справедливо. Вторые: воины (стражи) (доминирует дух, эмоции) — их добродетель мужество. Их задача — защищать государство. И третьи: производители (земледельцы, ремесленники, торговцы; доминируют вожделения) — их добродетель умеренность. Они обеспечивают материальные потребности общества.

Подобная структура выглядит нормальной, но есть нюансы, подробно отраженные в исследовании Болбековой [2]. Прежде всего, Платон категорично решает проблему коррупции: чтобы правители и воины не были подвержены корысти и личным интересам, философ предлагает лишить их частной собственности. Кроме того, для стражей вводится общность жён и детей — государство берёт на себя их воспитание. Болбекова отмечает: в такой модели, чем выше положение человека в иерархии, тем меньше у него личных прав. При этом для производителей сохраняются частная собственность, семья и свобода выбора, но им закрыт доступ к управлению и военной службе.

Возникает вопрос: является ли государство Платона правовым? Здесь Болбекова выделяет важный нюанс: в диалоге «Государство» Платон практически не прописывает детальные законы. Автор статьи делает вывод: Платон полагал, что по-настоящему мудрые правители-философы в законах почти не нуждаются — они способны принимать оптимальные решения напрямую, опираясь на знание истины [2]. Это одна из слабых точек модели с политико-правовой точки зрения: отсутствие проработанной законодательной базы и судебной системы. В более позднем диалоге «Законы» Платон смягчает позицию: он признаёт необходимость законов, которые должны регулировать все сферы жизни, и предлагает систему наказаний, направленную на исправление, а не только на кару.

Одним из наиболее известных исследований политической теории Платона провел философ XX века К. Поппер в своей работе «Открытое общество и его враги». Суть концепции автора в том, что он противопоставляет два типа обществ: открытое — условно демократическое и закрытое — условно тоталитарное. По мысли автора, в начале Платон создавал свой проект исходя из политических и социокультурных реалий современной ему — пусть и критикуемой им же — афинской демократии. Но впоследствии в политической теории стали явственно проступать черты тоталитаризма. Прежде всего — избранность, элитарность власти не только как обладания политическими полномочиями, но и высшим, истинным знанием. Власть в государстве Платона, по наблюдению Болбековой, была сосредоточена в руках узкого круга «мудрых», что игнорировало потенциал широких слоёв населения. Второй момент — стремление Платона к «консервации» сложившейся политической системы, ее развитие без учёта сложности и изменчивости реальной социальной жизни. [2]

Стоит напомнить, что Платон определял бытие — государства в том числе — как мир идей; ключевой идеей его государства была идея блага, которое, по мысли автора, не толь-

ко должно было быть всеобщим, но и носить стабильный, неизменный характер. А это, в свою очередь, требовало подчинения социального бытия общества единому организационному началу. Это начало должно было регулировать все сферы жизни — не только политику и экономику, но и искусство, поэзию, воспитание. Только так была достижима гармония, которая, как считал Платон, совершенно невозможна в условиях демократии по причине дезорганизованности и разрозненности ее организационной и политической культуры. В таких условиях личная свобода неизбежно должна быть подавлена во имя всеобщего блага, что в перспективе может привести к тоталитарным тенденциям. Но только так, по мнению Платона, могло существовать и выживать современное государство; именно этот порядок он противопоставлял хаосу демократии, где принятие важных политических решений происходит разрозненно, а люди, его осуществляющие, не обладают достаточной мудростью [6].

Интерес представляет точка зрения Б.А. Исаева, по мнению которого Платон не был принципиальным противником демократии как политической системы, но критиковал ее как политический режим, в котором властью обладают люди, не имеющие для этого достаточно компетентности. [4, с. 85]. Рассуждая дальше, Платон полагает, что демократия регулярно сталкивается с вызовами своему существованию. Здесь речь идет не только о войнах, экономических кризисах и природных катастрофах, но и о агрессии со стороны других форм государств. Среди «врагов» демократии Платон выделял олигархию, тимократию и, разумеется, тиранию, которую считал худшим из возможных типов власти. И в этом аспекте эффективность демократии зависит от ее способности к «выживанию», противопоставлению своих экономических, военных и человеческих ресурсов другим, враждебным формам власти. «Выживание», по мысли Платона, требует напряжения всех сил и быстрого принятия политических решений, к которому демократия чаще всего оказывается неспособной. Выход философ видел только один: если демократия хочет быть способной преодолевать вызовы своему существованию, ее правители должны быть готовы действовать даже деспотическими методами, ибо выживание государства также есть благо, которое необходимо достигать любой ценой. Учитывая многообразие тимократий и деспотий, у демократии, по мысли Платона, нет другого выхода кроме как усиливать свои военные и экономические возможности, расширять свою территорию, тем самым становясь империей.

Эта мысль автора представляется особенно важной, поскольку обозначает две важные тенденции в развитии современных демократий. Первая — для своего развития и выживания демократия должна быть готова использовать отдельные элементы авторитарной власти; существующий институциональный и социокультурный базис позволит не допустить авторитарного «отката» и сохранить «базовые» демократические настройки. Вторая тенденция — в демократии, при условии наличия у нее достаточных экономических, политических и военных ресурсов, рано или поздно формируется запрос на имперский вектор развития. Если обратиться к истории, то Древняя Греция не создавалась как империя, но впоследствии стала ей; если брать примеры из современности, то можно выделить Евро Союз и США. В случае ЕС сперва он создавался как экономический блок, насчитывавший несколько членов; сегодня — по уровню военно-технического и экономического развития и парадигме внешней политики ЕС можно — с поправкой на современные реалии — назвать неоимперией. США, бывшие всего лишь одной из колоний Британии, за сравнительно короткий промежуток времени также нарастили военный и экономический потенциал, достаточный для обретения статуса сверхдержавы и проведения неоимперской внешней политики.

Одним из аргументов критики Платона по отношению к тирании и деспотии было сосредоточение всей полноты власти в руках одного человека. Но разве не к тому же самому он призывал в условиях демократии? Этот момент требует уточнения и пояснения. Клименко и Лезина считают, что политическая программа Платона Поппер в большей степени институциональная, чем персоналистская [5, с. 4]. Что это означает на практике? Прежде всего — идею деперсонификации власти. Для ряда политических культур некоторых государств характерна

сакрализация правителя как властвующего субъекта. В условиях автократий или персоналистских диктатур политическая система зависит от действий и воли одного человека, либо приближенных к нему лиц. Соглашаясь с авторами, отметим, что в условиях, к примеру, американской демократии императивом развития США является функционирование политических институтов, и уже во вторую очередь личность главы государства. Говоря проще, основой воспроизводства американской демократии является не президент, но система институтов, которые выступают в роли гаранта его власти, а не наоборот. Попытка адаптировать эти институты «под себя» может иметь для главы государства негативные последствия, что, в частности, показали события конца первого срока Д. Трампа. Пытаясь изменить принципы действия основных институтов, расширить свои полномочия, Трамп фактически вступил в конфликт с самим государством и проиграл, несмотря на весь свой капитал и влияние. Таким образом, объектом сакрализации в условиях демократии выступает не один человек, а сама система, эффективность которой не зависит от конкретного лидера, а от функционирования ее институтов.

Следующий момент теории Платона, последовательно реализуемой во внутренней и внешней политике США — ее гуманистический императив. Противоречащие самой сути демократии, а иногда и откровенно авторитарные действия США во внутренней и внешней политике позитивно легитимируются необходимостью восстановления справедливости, защиты демократии, предотвращения военных конфликтов и т.д. По сути, речь здесь идет о привнесении свободы и демократии в жизнь других государств как неких универсальных благ, истинное понимание сути которых доступно лишь США. В «Диалогах» среди прочего Платон писал, что врагом демократии может стать не только деспотическое государство, но любое обладающее противоположным демократическому пониманию идеи блага. Эта риторика находит выражение в политике военных интервенций, целью которых прежде всего является дезавуирование суверенитета другого государства и насильственное включение его в орбиту политического влияния США. Свержение законных правителей в Афганистане и Ираке, дестабилизация внутриполитической обстановке в ряде арабских государств (Египет, Сирия, Ливия), фактическое похищение действующего главы государства (Венесуэла) — всё это позитивно легитимируется в массовом сознании гуманистической риторикой о важности соблюдения гражданских прав, эффективности рыночной экономики и демократической политической модели в противовес всем остальным.

Мы считаем, что при наличии очевидных недемократических интенций социально-политический проект Платона предполагает все же мягкую форму авторитаризма, а не тоталитаризм. Хотя философ и призывает к тотальной переделке человеческой природы, и принуждения самих индивидов к укреплению статус-кво государства он понимает, что всего этого нельзя достичь только репрессивными и принудительными практиками. Поэтому Платон утверждает необходимость применения различных методов манипуляции общественным мнением, сознанием людей, включающих обман (царская ложь), дезинформацию, подавление инакомыслия и другие. Философ не только подвергает жесткой цензуре искусство и литературу, но и допускает «царскую ложь», которая должна быть исключительным правом правительства. Оно должно навязывать обществу некоторые мифы, которые призваны внедрять в общество мифологему о справедливости. Эти способы и виды манипуляции, предполагаемые Платоном, составляют экзистенциальное измерение образа жизни в идеальном государстве и редуцируются под знаком разумного к таким социально-политическим и идеологическим абстракциям, как «всеобщее благо», «счастье прекрасного целого», «справедливость» и т. д. Последние исключают автономность связи индивида со своей семьей, народом, историческими обычаями и традициями, актуализируют своеобразный авторитарно-иррациональный аспект в функционировании социальной системы, связанный с незримыми для индивидов императивами следовать в своей жизнедеятельности господствующим образцам и

нормам, причем без всякого рационального осознания их подлинного смысла и значения.

Заключение

Обобщая написанное выше, отметим несколько ключевых моментов. Платон одним из первых в истории указал на диалектику развития демократии, вынужденной обеспечивать свое существование и выживание отнюдь недемократическими практиками. Кроме того, он обосновал заложенную в демократии тенденцию к имперской форме развития, связанной не только с политической и социально-экономической, но и культурной экспансии. Отдельного упоминания заслуживает мысль Платона о гуманистических предпосылках ограничительных, а порой и репрессивных практиках действия любой формы власти, в том числе и демократической. Ключевой максимой гуманистической риторики США является необходимость противостоять многочисленным современным автократиям, а также не допустить реализации тоталитарного политического проекта в глобальном масштабе.

Среди современных государств в большей степени идеи Платона реализованы во внутренней и внешней политике США. Являясь демократическим государством по своим социокультурным и политическим основаниям, США тем не менее часто действуют авторитарными методами как во внутренней, так и во внешней политике. При этом существующая в американском государстве институциональная база не позволяет США полностью стать авторитарным, либо эволюционировать в сторону тоталитаризма. И в заключении упомянем еще одну мысль Платона о том, что, по мере развития цивилизации и усложнения происходящих в ней политических процессов, всё сложнее будет выделить «чистую» форму бытия власти. Именно поэтому олигархии, деспотии, тимократии, политии и демократии будут вынуждены использовать некоторые политические практики друг друга, даже если это противоречит их социокультурным основаниям. Делать это будет необходимо не только для выживания, но и для развития, что на своем примере сегодня демонстрируют США.

Литература

1. Апрелева В.А. Актуальность и смысл политико-правового учения Платона // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2011. — №2(16). — С. 4-12.
2. Болбекова М.Ю. Идеальный порядок Платона: политико-правовой анализ // Скиф. — 2023. — №3(79). — С. 84-88.
3. Гомбоева Л.В. Добросовестный авторитаризм // Философская мысль. — 2017. — №5. — С. 94-105.
4. Исаев Б.А. Древнегреческие историки и философы о сущности демократии, ее конфликте с тиранией и олигархией и современный взгляд на этот процесс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2018. — №31(4). — С. 85–95.
5. Клименко А.С., Лезина Е.П. Концепция «открытого общества» Карла Поппера // Контентус. — 2018. — №1(66). — С. 57-63.
6. Шумкина К.П., Лезина Е.П. Политико-правовое учение Платона: идеальное государство // Контентус. — 2019. — №1(78). — С. 13-19.

TRANSFORMATION OF REGIONAL MYTHOLOGY IN THE CONTEXT OF INFORMATION CULTURE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF ADVERTISING COMMUNICATION

Garipova Galiya Rizvanovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Silivanets Angelina Vladimirovna, *PhD of Philological sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

This study examines the transformation of the mythological foundations of traditional regional communities under the influence of digital transformation and the subsequent transformation of views on the worldview as an information canvas. The analysis focuses on the regional contexts of the Republic of Bashkortostan, whose language and culture blend Eastern and Western influences, and whose mythology contains diverse references to folk culture and geocultural monuments. Particular attention is paid to the interaction of three principles: regional mythology, advertising, and information culture. The goal of the study is to identify, within this complex symbiosis, the socio-philosophical aspects of advertising's influence on the preservation and transmission of mythological principles in culture, and to assess the consequences of this influence on society's information culture. A common approach to researching this issue is to consider the mythological aspects of information culture as a process through which mythological influence influences advertising. Information culture should become a tool that helps define the boundaries of the semantic field of advertising, preventing regional mythology from becoming an object of consumption and being absorbed into marketing messages. In turn, advertising, as a form of communication in the context of the digital revolution in society, acts as a tool for neo-mythologization: it helps construct a new reality and, as a result, influences citizens' identities. In this case, the conclusions are clear: mythology is reflected and stereotyped in advertising images and acquires commodity properties as an image, trademark, and brand. The results of the analysis allow us to conclude that the rapid pace of the information revolution in society has led to a conflict between traditional culture and the new market (consumer) culture—essentially, a conflict of values.

Keywords: *information; information picture of the world; regional mythology; advertising communication; social philosophy; Republic of Bashkortostan; axiology; social construction; neo-mythologization.*

EDN: CXXQBB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.10***

Цитировать: *Гарипова Г.Р., Силиванец А.В. Трансформация региональной мифологии в контексте информационной культуры: социально-философский анализ рекламной коммуникации // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 64–72. EDN: CXXQBB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.10*

УДК 141.7
5.7.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Гарипова Г.Р., Силиванец А.В., 2026

ГАРИПОВА Галия Ризвановна, *кандидат философских наук, доцент*
SPIN-код: 1917-4645
ORCID: 0000-0003-4284-292X
ResearcherID: HRB-9663-2023

СИЛИВАНЕЦ Ангелина Владимировна, *кандидат филологических наук, доцент*
SPIN-код: 4733-3970
ORCID: 0000-0002-7348-6959

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Республика Башкортостан (Россия)

Исследование обращается к теме трансформации мифологических основ традиционного регионального сообщества под влиянием цифровой трансформации и следующей за ней трансформации взглядов на картину мира как на информационное полотно. Анализ касается региональных контекстов Республики Башкортостан, в языке и культуре которого переплетаются восточный и западный колорит, а мифология содержит разнообразные отсылки к народной культуре и геокультурным памятникам. Особое внимание в работе уделено взаимодействию трех начал: региональной мифологии, рекламном процессе и информационной культуре. Цель исследования — выявить в таком сложном симбиозе социально-философские аспекты влияния рекламы на процесс сохранения и передачи мифологических начал в культуре, а также и оценить последствия этого влияния на информационную культуру общества. Обычным для исследования данного вопроса является рассмотрение мифологических аспектов информационной культуры как процесса влияния мифологической составляющей на рекламную деятельность. Информационная культура должна стать тем инструментом, который поможет очертить границы семантического поля рекламного процесса, не позволив региональной мифологии стать объектом потребления и раствориться в маркетинговых сообщениях. В свою очередь, ре-

клама как форма коммуникации в условиях цифровой революции в обществе выступает в качестве инструмента нео-мифологизации: она помогает строить новую реальность и, как следствие, влияет на идентичность граждан. В этом случае выводы очевидны: мифология отражается и стереотипизируется в рекламных образах и приобретает товарные начала как образ, товарный знак, бренд. Результаты анализа позволяют сделать заключение, что столь бурное протекание информационной революции в обществе привело к конфликту между традиционной культурой и новой рыночной (потребительской) культурой, по сути, к конфликту ценностей.

Ключевые слова: *информационная культура; информационная картина мира; региональная мифология; рекламная коммуникация; социальная философия; Республика Башкортостан; аксиология; социальное конструирование; нео-мифологизация.*

Введение

Современное общество опирается на информационную картину мира, сегодня сложно представить человека вне рамок информационного пространства: человек от него зависит и функционирует во многом благодаря информационному окружению. Этот тезис можно применить к большей части общества — общества работающих, достигших совершеннолетия и участвующих в общественно-политической жизни людей.

Говоря об информационной картине мира, стоит обратиться и к понятию культуры, в частности, культуры информационной, являющейся отражением субъектно-объектных отношений в рамках цифрового пространства. Информационная культура — это не простой набор навыков и умений, включающих способность находить, обрабатывать и сохранять информацию, в современном обществе информационная культура — более емкое понятие. В информационной культуре с течением времени накапливаются опыт, традиции, ценности, которые сложились именно в цифровой среде. С одной стороны, это актуализация общекультурного наследия, с другой — это активное внедрение традиционной мифологии в социально-экономические отношения через рекламный процесс. Такой способ переработки мифологии предполагает значительную трансформацию традиционных представлений и, как нам представляется, мифологическая картина мира предстает в искаженном виде. Для таких регионов, как Республика Башкортостан, это может проявляться, с одной стороны, в положительном смысле — как удачный опыт передачи культурного опыта обществу через взаимодействие традиционного и современного, с другой стороны, в погоне за рекламным эффектом отдельные факты могут создавать неверное представление о традициях и ценностях, народных культурных кодах.

В настоящее время возрастает роль коммуникативных практик в формировании социальной реальности. Отдельные регионы могут выступать в качестве объекта исследования формирования социокультурного конструкта для рекламной коммуникации, ее медиа-репрезентации, например, через региональные бренды активно формируется региональный имидж.

В условиях достаточно высокой конкуренции в борьбе за потребителя, за внутреннее преимущество в производстве товаров и услуг региональные власти активно привлекают технологии брендирования. И именно в этой сфере возникает проблема, которую следует определить в качестве предмета исследования: процессы информатизации и цифровизации активно вмешиваются в коллективное сознание и трансформируют его, меняя традиционную мифологию и историческую память.

Изучение мифа как онтологической составляющей культуры рассматривается в трудах зарубежных и отечественных авторов. В данной работе мы опирались на работу «Философия символических форм» Э. Кассирера [8], «Диалектика мифа» А.Ф. Лосева [11], «Мифологии» Р. Барта [1], «Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ» Л.А. Иткуловой [7].

Отдельные аспекты исследуемой проблемы рассматривались в работах М. Кастельса [9], обращавшегося к изучению цифровых основ современного общества, Ж. Бодрийяра [4] и Н.Б. Кирилловой [10], изучавших взаимовлияние общества потребления и медиакультуры. Некоторые вопросы, связанные с конструированием социальной реальности, отражены в работах П. Бергера и Т. Лукмана [2]; вопросы, связанные с информационной безопасностью, освещались в трудах Л.В. Мрочко, О.Г. Мрочко, О.В. Берген [12]; проблемы использования этнокультурных традиций в региональном туризме исследовались Е.Ю. Бикметовым, О.Н. Игнатьевой и М.С. Рассказовым [3]; социально-духовные основания информационной культуры — Г.Р. Гариповой [5]; теоретические и практические вопросы регионального брендинга — Р.Р. Сулеймановой, Р.В. Нигматуллиным, Э.Н. Ямаловой и др. [13].

В качестве проблемы исследования определяется противоречие между актуальной необходимостью ведения успешной рекламной коммуникации и риском размывания традиционных мифологических форм культуры, их сакрального смысла.

Цель исследования — проанализировать с точки зрения социальной философии причины трансформации региональной мифологии в контексте информационной культуры на примере рекламной деятельности в Республике Башкортостан.

Научная новизна поставленных задач состоит в том, что:

— введен термин «информационная культура региона» как самостоятельная категория, которая описывает взаимодействие традиционных, мифологических смыслов и современных коммуникационных технологий (в частности, рекламы);

— определено, что нео-мифологизация воспроизводит процесс присвоения традиционных сакральных форм мифа для построения идентичности;

— онтологическая сущность знака в брендинге определена как переход от сакрального смысла к товарному знаку;

— выявлены особенности аксиологических конфликтов, связанные с потребительским нарративом, и определено их влияние на традиционную систему ценностей региональной культуры Башкортостана.

В качестве методологической базы исследования были использованы методы социально-философского анализа, в рамках которого рекламная коммуникация рассматривается как социальная технология управления общественным сознанием, а не просто как часть интегрированных маркетинговых коммуникаций. Аксиологический подход применялся в случае оценки потребительских нарративов о региональных ценностях. Герменевтический подход частично использовался при анализе мифологических символов.

Онтологическое пространство мифа и его проекция на информационную культуру региона

Информационную культуру чаще воспринимают как определенный уровень развития коммуникативных учений и навыков, таких, например, как владение компьютером, умение готовить и разрабатывать учебный материал в электронном виде, владение компьютерными программами различной сложности. Этому пониманию способствовало то обстоятельство, что в образовательных учреждениях повсеместно вводится компетенция владения информационно-коммуникативными технологиями. В социальной философии понимание информационной культуры, несомненно, глубже: это способ знаково-символического существования сознания, отражение в знаково-символической форме окружающего мира, предстающее как информационная картина мира.

Информационная картина мира человека нашего времени формируется в первую очередь информационной средой, которая оказывает значительное влияние на восприятие индивидуумом традиционных ценностей. Можно даже говорить о том, что в информационной картине мира нашего современника происходит трансформация ценностного отношения к некоторым аспектам культуры, составляющим основу единства нации. Механизмы такой трансформации прослеживаются в рекламном поле, где все чаще используются общекультурные российские бренды, например, такие как образы русской литературы.

Русская литература, наряду с русским балетом, советским цирком, сибирскими морозами и автоматом Калашникова, является не

только брендом, представляющим Россию в мировом пространстве, но и частью самосознания каждого россиянина. Ярким примером, демонстрирующим механизм трансформации такого российского бренда, как русская литература является серия рекламных роликов банка «ВТБ», в которых известные сюжеты и образы претерпевают качественное изменение и нравственные проблемы подменяются бытовыми, утилитарными: волшебным образом разрешаются финансовые проблемы «маленького человека» Акакия Акакиевича Башмачкина, связанные с покупкой новой шинели (Н.В. Гоголь «Шинель»); получивший поддержку банка Обломов — прародитель обломовщины — женится на Ольге (И.А. Гончаров «Обломов»); помощь банка спасает несчастную, бесправную Катерину и объединяет ее с любимым (А.Н. Островский «Гроза»). С одной стороны, такой подход вводит составляющие культурного кода в активное информационное пространство, актуализируя их, с другой стороны, посягает на основы российской идентичности как национальной ценности. Таким образом, картина мира современного носителя российской культуры опрощается, духовное исчезает, то есть в рекламном дискурсе, транслируемом СМИ, происходит утрата уникальности традиционной культуры.

Рассмотренный механизм трансформации бренда действует и в рамках региональной информационной культуры, представляющей собой локально расположенную семиосферу, в которой происходит воспроизводство коллективных представлений о прошлом, настоящем и будущем. Примером может послужить любое территориально-национальное объединение России, в каждом регионе комплект представлений будет содержательно разным не только с мифологической точки зрения, но и в информационно-культурном плане в целом.

Онтологическая сущность знака в брендинге: переход от сакрального смысла мифа к товарному знаку

При изучении обозначенной проблемы следует говорить о знаке не как о единице информации, а, рассматривая знак через призму социальной философии, говорить о нем как о носителе смысла, который конструирует социальную реальность, формирует окружающую действительность.

Мифы Республики Башкортостан изобилуют символикой, которая отражает сакральный смысл. Это образ курая как растения и музыкального инструмента, символизирующего единство племен, составляющих этнос; образ башкирского меда как национального продукта; образ Салавата Юлаева как национального героя и т.д. Эти образы, являющиеся сегодня визуальными маркерами Башкортостана, несут в себе глубинные смыслы — они представляют собой онтологическую основу коллективной идентичности региона.

Проецируя символическую систему рассмотрения мира на рекламную деятельность, нетрудно заметить, что это явление ярко демонстрирует описанный Ж. Бодрийяром [4] переход от знаков к товарам, в результате которого знаки приобретают материальную, экономическую ценность и значимость. Такая трактовка природы знака предоставляет просторное поле для анализа символических форм, которые изначально имели отношение к своему предмету, но с течением времени утратили связь с ним, получив новые характеристики и функции. Например, когда мы видим образ курая на молочной продукции, башкирский орнамент на современной одежде [6], ценность знака снижается, уступая продуктовой ценности. Сакральные символы, связанные с народными кодами единства, родства крови, исторической памяти, теряют свою актуальность перед необходимостью представлять товар и осуществлять его продвижение.

Рассмотренный пример демонстрирует феномен симулякров: реклама создает новую реальность, внешне аналогичную реальной, но содержательно подменяющую ее. Так, образ региона становится рекламным симулякром со вполне прагматической целью — его продвижения (Край курая, башкирская Швейцария), и расстояние от исторической точности, подлинной мифологии региона все возрастает. Возникает рекламный образ (гиперреальность как «потемкинская деревня») для туристов как потребителей рекламного продукта, которые узнают регион именно с помощью медиасимулякров — «Салават Юлаев» (не герой, а хоккейная команда), му-

зей «Шульган-Таш» (не пещера), лисья шапка и т.п. Семантическое поле символа размывается и возникает «семиотическая перегрузка», в результате которой один и тот же знак может означать многое: и символ Родины, и национальный продукт, и патриотический символ, и знак товара природного происхождения. В этом, на наш взгляд, и состоит главная опасность — знак теряет свою изначальную сущность, перестает быть сакрально важной частью мифа, идентичность становится фрагментарной и ситуативной.

В центре мифологической картины мира башкир находится отраженная в фольклоре устная народная традиция, донесшая до нас эпос «Урал-батыр» с его сакральными символами Жизни и Смерти, символизацией сакральных объектов природы (Уральские горы, горы Торатау, Янгантау) и сильным культом предков (мавзолей Хусейн-бека, мавзолей Тура-хана). Это часть культурной истории народа, социальные регуляторы, которые отражают онтологическую устойчивость сообщества. Мифы выполняют роль инструмента освоения действительности, образующего смыслы окружающего мира (понятный космос смыслов по Э. Кассиреру [8]).

Сегодня под влиянием цифровизации происходит трансформация содержательных основ мифа. Передача сакрального содержания мифа через устное сообщение перестало играть ключевую роль, происходит даже утрата ценности печатного слова — все перешлю в «цифру». Рекламная деятельность вышла за рамки простого инструмента продвижения, рекламный продукт становится частью культуры и, в частности, может выступать каналом трансляции культурных кодов, в том числе мифов. При трансляции в рекламном сообщении мифологические смыслы преобразуются, становятся гипертрофированными, реклама вносит изменения в содержательный смысл мифологических источников.

Получается, что в социально-философском контексте реклама на просторах цифровой реальности создает некую «вторую реальность», отличную от традиционной. По Р. Барту [1], история принимает форму природных элементов, а культурные коды становятся потребительскими знаками: если символ народного единства курай, помещается на торговую марку, становится элементом упаковки или частью рекламного макета — он превращается в элемент рыночного обмена и теряет свою роль регулятора, элемента живой традиции, что в корне трансформирует сущность традиции, онтологию знака.

В итоге мы видим, что информационную культуру региона можно представить как поле конкуренции торговых смыслов — туристических, инвестиционных, рекламных [13]. Таким образом, современная реклама сильно упрощает смысловое пространство традиционных мифологических символов ради расширения возможностей трансляции и продвижения.

Аксиологические конфликты: реклама и мифология

Принципиально значимым является проблема конфликта ценностей в сакральном, традиционном содержании мифов и в рекламном, маркетинговом пространстве коммуникаций. Информационная культура как способ хранения, переработки и сохранения сообщений в разных форматах упрощенно представляется нам способностью к информационно-аналитической работе и способностью использовать информационно-коммуникативные технологии в переработке и хранении информации. Рассматривая информационную культуру через призму аксиологии как науки о ценностях, можно представить ее как набор ценностей, связанных со способностью к сохранению и передаче информации в максимально целом, «истинном» значении. Информационная культура Республики Башкортостан в этом смысле представляет собой большой объем исторической памяти, который содержит в себе ценности коллективизма, уважения к старшим, единства с природой, что отражено в мифологии. Ценности рекламного менеджмента лежат в иной плоскости, это ценности финансового успеха, узнаваемости, максимального комфорта, потребления.

Ценностный конфликт происходит тогда, когда проявляется подмена одних ценностей другими, возникает аксиологический диссонанс, например, то, что почиталось ранее как символ родства и единения, сейчас может представать как символ натуральности или успешной жизни, что в корне меняет сакральную сущность мифологических символов.

Ярким примером такой «подмены» является узнаваемый региональный бренд башкирский мед. Первоначальная сущность этого традиционного для башкир продукта состоит в том, что он добывается в результате бортничества — традиционного промысла, заключающегося в добыче меда у диких пчел и имеющего для этого этноса глубокий сакральный смысл. Пчела для башкир — тотемное животное, по одной из версий, это даже отразилось в самоназвании этноса «башкорт» (баш. корт — пчела). Бортевые деревья были не просто имуществом, они составляли богатство рода: деревья с бортями клеймились тамгой — особым родовым знаком и передавались по наследству от отца к сыну. В традиционной культуре мед — это дар земли, результат симбиоза человека и природы. Таким образом, добываемый у диких пчел мед был частью «природной» жизни башкир и олицетворял связь с родной землей, с родом. В рекламной коммуникации башкирский мед — это бренд, непосредственно привязанный к территории, премиальный продукт, элемент здорового образа жизни. Происходит подмена ценности «бытия» (единства с природой) ценностью «имения» (обладания полезным продуктом). Для социального сознания это означает сдвиг от созерцательного отношения к природе к потребительскому. Таким образом, меняя содержательные смыслы, региональный символ теряет изначальную ценность, которая подменяется ценностью маркетинговой. И проблема состоит не только в «наложении» смыслов, реклама сегодня может значительно влиять на образ жизни, менять его, убеждая потребителя в том, что «хорошо» и что «плохо», формируя образ мышления.

Мифы — отражение национальных символов, и когда они становятся частью нарратива потребителя, который находится в поиске в цифровой среде, образ региона и ценностного пространства его мифов приобретает потребительский контекст. Сегодня образ региона у туристов, молодого поколения, у внешней аудитории (инвесторов, бизнесменов, политиков) скорее будет ассоциироваться с неким набором туристических услуг и региональных брендов, а не с богатой историко-культурной составляющей культуры башкирского народа и других народов, населяющих Башкортостан.

Тем не менее, из этого не следует, что историческая память вытесняется рекламными слоганами. Проблему составляет скорее восприятие должного и имеющегося смысловых пространств, создающее двойственную ситуацию: с одной стороны, государственная политика, направленная на сохранение языка, культуры, традиции, что отражено в нормативной базе регионального законодательства, с другой стороны, необходимость продвижения региона через его коммерческую привлекательность, а значит, через «встраивание» культурных кодов в процесс продвижения. С точки зрения социальной философии, возникает риск утери сакральности: под воздействием рекламных сообщений меняется или уже изменилось отношение местного населения к своему наследию, поскольку ценным стало то, что приносит доход, поднимает экономику региона. Особенно актуально это для природных объектов, составляющих туристическую привлекательность региона, таких как пещера Шульган-Таш (Капова пещера), находящаяся на территории Бурзянского района Республики Башкортостан.

Пещера Шульган-Таш тесно связана с башкирскими эпическими традициями. В эпосе «Урал-батыр», являющемся космогоническим мифом, главный герой Урал-батыр создает «светлый мир», его старший брат Шульган становится владыкой потустороннего «черного мира», и озеро Шульган у входа в пещеру — вход в подземный мир. В соответствии с эпосом «Акбузат», пещера по повелению главного героя, внука Урал-батыра Хаубана вырублена подземными дивами во главе с Шульганом, чтобы стать стойлом для волшебного крылатого коня Акбузата — прародителя лошадей, которые в быте и культуре башкир-кочевников занимают важнейшее место. Таким образом, пещера Шульган-Таш связана с древними представлениями башкир о сотворении мира, о появлении человека, о добре и зле и даже о социальных и морально-этических нормах, что является важной составляющей культурного наследия этноса.

Сегодня пещера находится на территории Государственного природного биосферного заповедника «Шульган-Таш», где разместился одноименный историко-музейный комплекс, открытый после реконструкции в 2022 г. Целью реконструкции было

продвижение имиджа региона с целью привлечения больших инвестиций в регион, однако при этом пещера, которая и сущностно, и материально составляет основу мифологии башкир, стала просто дестинацией — местом притяжения для туристов. Пример наглядно демонстрирует, как природа становится предметом потребления, обрастая очевидно «реальными» признаками материальной ценности (отель, ресторан, кемпинг, местная кухня и пр.), и перестает быть объектом поклонения даже для местных жителей, которые теперь погружены в жизнь коммерчески успешного предприятия, ставшего для них местом получения экономической выгоды, поскольку многие здесь работают.

Процесс видоизменения ценностной основы мифологии очевиден, но здесь есть и позитивные результаты, некий конструктивный элемент. Например, внимание к культурным и историческим памятникам со стороны органов власти (пусть только выборочное) дает очевидно положительный результат для экономики региона и местности, где они располагаются. Производственная деятельность — строительство, обновление, реставрация — позволяет сохранять и поддерживать памятники материальной культуры. Без этого внимания многие объекты, связанные с мифологическими образами (геологические пласты в Янгантау, горы Торатау и Ямантау и др.), попросту исчезли бы.

Рассмотрение обозначенных аксиологических конфликтов, с точки зрения социально-философского анализа, помогает продвинуться в определении границ ценностных установок с целью нахождения баланса, который бы не позволил культурному пласту потерять свою значимость и глубину смысла под натиском торгового-денежного интереса.

Ценностный конфликт мифологических и рекламных символов можно рассмотреть на примере некоторых кейсов рекламного менеджмента в Республике Башкортостан, описывающих ключевые бренды региона.

Кейс 1: Геокультурный брендинг

Продвижение туристического продукта часто использует образы священных мест: горы, пещеры, озера, природные источники в рекламных буклетах и соцсетях позиционируются как «локации для контента», «точки притяжения». Сакральное пространство профанируется, превращаясь в услугу. Это влияет на информационную культуру молодежи: отношение к земле формируется не через благоговение, а через функциональность (удобно ли добраться, красивое ли получится фото).

Гора Иремель в самосознании башкир занимает особое место, это священная гора, на которой живут боги, место силы. В соответствии с эпосом «Урал-батыр», на горе берет свое начало главная река региона — Агидель, которая появилась благодаря тому, что сын Урал-батыра Идель рассек гору, чтобы добыть для людей питьевую воду. Башкиры связывали с этим местом климатические изменения, засуху, дожди, у подножия горы проводились обряды, старейшины родов просили благоприятной погоды и избавления от засухи.

Сегодня в окрестностях Иремеля создан природный парк, а гора стала популярной дестинацией для туристов. Находящееся у подножия село Тюлюк превратилось в большую туристическую базу для желающих посетить гору, различные сайты и блоги рекламируют его как место с развитой туристической инфраструктурой, где есть точки продаж, оборудованные кемпинги, туристские базы разной степени комфортности, различного рода транспорт (включая вездеходы), который может доставить туристов к точке начала восхождения на гору. Гора привлекает и различного рода современных эзотериков, которые подвергают переосмыслению духовное содержание легенд, связанных с этим местом,

Кейс 2: Символы национальной культуры и истории как бренд

Сегодня рекламный процесс подвергает брендированию даже символы национальной культуры и истории: использование цветов флага, орнаментов и образов национальных героев в коммерческой рекламе (от банков до магазинов одежды) ведет к «семиотической инфляции». Если символ означает и патриотизм, и скидку, и качество, он перестает означать что-то конкретное, так размывается ценностное ядро информационной культуры.

Образ Салавата Юлаева в истории и культуре башкир занимает настолько важное место, что можно говорить о его мифологизации. Салават Юлаев — башкирский национальный герой, предводитель башкир в Крестьянской войне 1773–1775 гг., сподвиж-

ник Емельяна Пугачева. Трепетное отношение башкир к своему герою демонстрируется устным народным творчеством. Герой почитается не только как историческая личность, но и как поэт-импровизатор: подлинников стихов Салавата не сохранилось, однако их тексты дошли до наших дней, передаваясь устно из поколения в поколение как величайшая ценность. В фольклорных произведениях сохранилось много легенд и преданий о Салавате, одним из самых трогательных является предание, повествующее о появлении на Урале горного хрусталя: в народе считается, что горный хрусталь — это слезы людей, плакавших о судьбе юного Салавата, боровшегося за счастье народа, но погубленного врагами.

Узнаваемое имя героя сегодня растиражировано настолько, что нет сферы, в которой отсутствует это известное наименование. Самым известным носителем этого имени (и уже брендом) является хоккейный клуб «Салават Юлаев», и, пожалуй, в этом случае можно считать использование имени героя оправданным, поскольку спортсмены отстаивают спортивную честь республики. Однако использование мифологизированного имени в качестве названия в коммерческой сфере (бизнес-центр, торговое предприятие, фирма) и сфере быта (ателье, бар, центр бытовых услуг) обесценивает символ. Отдельно следует сказать об использовании имени героя в геокультурном брендинге: в башкирских преданиях сохранилось указание на множество пещер, в которых герой находил убежище, в народе они до сих пор называются пещерами Салавата. Сегодня это популярные у туристов места, которые в рекламных сообщениях позиционируются в первую очередь как легкодоступные для посещения дестинации.

Несмотря на обозначенные проблемные точки, необходимо отметить, что следует отказаться от исключительно критического подхода к проблеме трансформации региональной мифологии. В условиях всеобщего глобализационного процесса и размывания экономических границ может оказаться, что именно коммерциализация некоторых сфер деятельности станет фактором сохранения культуры. Товары как носители смыслов, упаковка с отсылкой к народной культуре и ремеслам иногда оказываются единственной отсылкой к культурному коду, который идентифицирует этнические особенности культуры регионов. Задача социальной философии состоит в очерчивании границ этического отношения к традиционным ценностям, за пределами которых находится непозволительное и потребительское отношение, не имеющее связи с ценностными ориентациями общества. Очевидная необходимость философской рефлексии проявляется в том, что аксиологические конфликты выявляют проблему, за которой следует необходимость принятия решений.

Заключение

Проанализировав особенности трансформации традиционной мифологии под воздействием информационной культуры на примере Республики Башкортостан, следует отметить, что на современном этапе информационная культура региона выступает в качестве онтологического пространства, в котором происходит сложное взаимодействие традиционной мифологии и рекламной деятельности. Результатом этого процесса является то, что сакральные символы теряют свою значимость, превращаясь в товарные знаки и символы.

Цифровизация и формирование информационной культуры неизбежно породили в современном обществе аксиологические конфликты, которые особенно ярко проявляются на региональном уровне. Их возникновение является главным образом результатом несоответствия характеристик традиционных культурных ценностей региона и характеристик информационной культуры, построенной в основном на культуре потребления.

Минимизация последствий цифровизации и влияния информационных процессов на традиционную мифологию, на наш взгляд, возможна через внедрение практики общественной, философско-этической экспертизы тех проектов, которые интегрируются в бизнес и политику под эгидой региональной идентичности. Подобный контроль может проводиться Общественными советами при Федеральной антимонопольной службе РФ в регионах, которые контролируют процесс осуществления рекламной деятельности, именно с учетом местной, региональной специфики. Их роль могла бы возрасти в свя-

зи с контролем и над сообщениями в цифровой среде, использующими региональную мифологию для разных целей. Некий баланс в соотношении экономического успеха региона и духовной составляющей общества может строиться на информационной культуре региона, основанной на культурных ценностях.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. — М.: Академический Проект, 2008. — 351 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. Бикметов Е.Ю., Игнатьева О.Н., Рассказова М.С. Проблемы и перспективы применения маркетинговых инструментов в управлении развитием внутреннего туризма в Республике Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2026. — №2. — С. 109–115.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. — М.: Республика, 2006. — 268 с.
5. Гарипова Г.Р. Социально-духовные основания информационной культуры // Социально-духовная жизнь как предмет философских исследований: монография. — Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. — С. 97–116.
6. Гарипова Г.Р., Силиванец А.В. Культура башкирского народа через призму рекламной деятельности: симбиоз или когнитивный диссонанс? // Евразийский юридический журнал. — 2025. — №8(207). — С. 548–551.
7. Иткулова Л.А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. — 222 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. — Т. 1: Язык. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — 272 с.
9. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с.
10. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Академический Проект, 2006. — 448 с.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). — М.: ЯСК, 2021. — 696 с.
12. Мрочко Л.В., Мрочко О.Г., Берген О.В. Медиакультура и медиабезопасность студенческой молодежи: информационное влияние // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2018. — №3(19). — С. 152–159.
13. Региональный брендинг: от теории к практике: монография / Р.Р. Сулейманова, Р.В. Нигматуллин, Э.Н. Ямалова и др.; под ред. Р.Р. Сулеймановой. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. — 164 с.

SERVING GOD THROUGH FAITH AS A LIFE-AND-LIFE PROBLEM IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Gubanova Tatyana Ivanovna, *Postgraduate student, Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)*

The search for the meaning of life has always been the main idea of human reflections. Starting from the renunciation of worldly goods: material goods and physical pleasures, Russian religious philosophers of the XIX–XX centuries identified the main categories: freedom, love and creativity. Freedom is an action in accordance with subjective goals and objectives, but in compliance with borders and existing laws. Transcendent love helps to overcome selfishness and gain true values. Creativity, as a product of free will and love for the Almighty, brings a person closer to God. So V.S. Solovyov, N.A. Berdyaev, E.N. Trubetskoy and S.L. Frank deduce the highest human destiny — serving God through faith, love and creativity. The article presents the main ways of developing the national spirit of Russia through the definition of "All-unity" and "God-manhood".

Keywords: *meaning of life; existentialism; freedom; love; creativity; faith; conciliarity; all-unity; God-manhood.*

EDN: CZBKCL ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.11***

Цитировать: *Губанова Т.И. Служение богу через веру как смысложизненная проблема русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 73–78. EDN: CZBKCL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.11*

УДК 1(091)
5.7.2

Служение богу через веру как смысложизненная проблема русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков

© Губанова Т.И., 2026

Актуальность данной темы обусловлена анализом пути преодоления кризиса веры и смысла жизни в рамках русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков. Поиск смысла жизни всегда являлся основной идеей человеческих размышлений, отталкиваясь от отрицания желаний плоти: материального блага и физических удовольствий, русские религиозные философы выделяли основные категории: свобода, любовь и творчество. Свобода — действие в соответствии с субъективными целями и задачами, но с соблюдением границ и существующих законов. Трансцендентная любовь — преодоление эгоизма и обретение истинных ценностей. Творчество же — синтез свободной воли и любви к Всевышнему, сближающий человека с Богом. Так, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой и С.Л. Франк определили высшее предназначение человека — служение Богу через веру, любовь и творчество. Новизна темы заключается в формулировке основных путей развития национального духа России посредством определения понятий «Всеединство» и «Богочеловечество». Методологическую основу работы составляет диалектический метод, а также историко-философский подход.

Ключевые слова: *смысл жизни; свобода; любовь; творчество; вера; соборность; всеединство; Богочеловечество.*

ГУБАНОВА Татьяна Ивановна, *аспирант,*
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул (Россия)
SPIN-код: 1055-8418
ORCID ID: 0009-0006-3145-4162

Историко-философский анализ таких ценностей культуры, как совесть, свобода выбора жизненного пути и вероисповедания являются в современной России актуальными [1]. Человек как существо мыслящее и разумеющее, начиная с истоков Древности, наполняет смыслом, анализирует окружающую среду и внутреннее «Я». Самосознание и мировоззрение на порядок сложнее в организации и структурной характеристике, поскольку зачастую являются вещами субъективными и зависящими от точек зрения индивидуумов. Так, каждый человек определяет для себя жизненные цели, задачи и ориентиры, опираясь на социальный, научный и жизненный опыты.

Направление в философии, которое изучает смысловые ценности жизни — экзистен-

циализм. Главным образом, он «расходится с традицией рационалистической философии и науки, трактующей опосредование как основной принцип мышления, и стремится постигнуть бытие как некую непосредственную нерасчленённую целостность субъекта и объекта, а выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом своего "бытия-в-мире"» [11, с. 788]. В данном направлении философы рассматривают бытие с точки зрения трансцендентного, основываясь на высшем предназначении. Выводится оно из модусов (свойств проявления) человеческого бытия: заботы, страха, решимости, совести и др., что погружает человека в пограничное состояние и направляет на рассуждения о собственной значимости и предназначении. Смысл жизни каждый человек определяет в соответствии со своей средой обитания и внутренними установками, но всё же цели объединяются и подразделяются на различные философские школы. В современном обществе большинство людей ставят в приоритет материальное благо, собственное благополучие либо жизнь во имя других, что обесценивает человеческую сущность.

Противоположную современной точке зрения занимал Н.А. Бердяев, отвергая «идолопоклонство» вещам и жизнь во имя служения другим: «Для меня не ставилась проблема "плоти" … для меня ставилась проблема свободы. Я не мог мыслить так, что "плоть" греховна или "плоть" свята, я мог мыслить лишь о том, есть ли "плоть" отрицание свободы и насилие или нет» [3, с. 26]. Н.А. Бердяев — один из русских философов, который не отрицал влияние физических желаний на природу человека. Не строя теории о полном умерщвлении потребностей и аскетическом образе жизни (стоики), он приходит к выводам, что человек в постоянном их удовлетворении теряет свободу выбора и становится рабом своих желаний: «Дух должен бороться с духом же (с соблазнами духа, которые выражаются и в плоти)» [3, с. 27]. Исходя из человеческой сущности и её особенностей взаимосвязи с окружающей средой, человек не может не удовлетворять ряд потребностей: дыхание, еда, вода и т.д., но важно не переходить черту в чувственную и материальную чрезмерность: «По своему чисто отрицательному характеру такая свобода может быть только условием для получения высшего блага, а не самим этим благом» [9, с. 15].

Ранее В.С. Соловьев рассуждал о эвдемонизме и гедонизме как о направлениях, неспособных дать развитие духовной жизни и обретение истинных ценностей. Установка на удовлетворение плотских желаний приводит сначала к перенасыщению, а после — утрате смысла существования. Материальные и физические блага не способны дать человеку осмысленность. Жизнь во имя других людей тоже не приводит человека к обретению истинного предназначения. Полное посвящение себя семье, друзьям, близким людям приводит к восприятию этого как должного окружающими и обесцениванию вложенного в них труда: «Семья есть иерархическое учреждение, основанное на господстве и подчинении» [3, с. 64]. Соблюдение грани между интересами собственного благополучия и посвящения себя другим — представляет собой срединный путь.

В русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков центральными категориями были обозначены «свобода», «любовь» и «творчество». «Свобода — это способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости» [11, с. 351]. Чтобы дополнить данное определение и выделить основные отличительные аспекты, обратимся к рассмотрению свободы в рамках истории философии. Так, свобода действия связывалась с рядом подходов: 1) реализация своих желаний и получение удовольствий, воплощение животных и социальных потребностей (отсутствие страха и страданий у эпикурейцев и жизнь в насаждениях телесных и умственных у гедонистов); 2) противоположное мнение сформулировал Платон и его последователи о границе допустимости свободы: так они утверждали, что чувственные порывы необходимо сдерживать, при полном подчинении своим желаниям, мы становимся их рабами; 3) связь с физическим и ментальным здоровьем у Рене Леруша, поскольку трудно быть свободным с рядом телесных и ментальных ограничений, 3) связь человека с историческими реалиями: по К. Ясперсу, человек становится свободным, не в тот момент, когда приспосабливается к временным событиям и

борется с природными желаниями, о когда принимает позицию «социальной активности» и пытается изменить жизнь страны, государства к лучшему [5]. Отсюда и две крайности в определении: действие в соответствии со своими интересами, но с учтением границ допустимости и объективных условий.

Русские религиозные философы конца XIX — начала XX веков продолжили рассуждения о свободе воли: «Пусть только человек будет внутренне свободен от привязанности к внешним и случайным предметам, и он будет неизменно удовлетворен и благополучен» [9, с. 190]. Человек не должен зависеть от материального блага и внутренних плотских желаний, ведь так выбор уже осуществляется не человеком, а его подсознательной безвольностью. Реализовать жизненные ценности важно посредством нравственных, этических воззрений, поскольку покупка вещей и поиск удовольствий имеет свойство пресыщения, и дальнейшее их удовлетворение становится затруднительным. Совесть является внутренним регулятором нашего поведения, заложенная социально-политическими установками в детстве: она возводит границы допустимости нашего выбора.

Помимо свободы моральных интересов Е.Н. Трубецкой отмечал свободу личностную, уход от интересов сугубо своих в пользу национальных «Мы называем свободным того человека и тот народ, который не зависит от внешнего гнета, не подчиняется неограниченному господству чужой воли, сам располагает своими судьбами и управляет собою» [10, с. 536]. Продолжая мысли К. Ясперса, Евгений Николаевич движется дальше, рассуждая о свободе как об инструменте межличностных отношений — «ценю свою свободу, но и уважаю чужую». Поэтому выявляется важность не только в этических ограничениях, но и в борьбе за свободу большинства.

С личностным выбором тесно связана категория «любви», поскольку она является ещё одним ограничителем свободы, но способствует реализации смысложизненных целей. Следуя предпочтенным путем, человеку важно преодолеть корыстность личной жизни: «Любовь есть такое преодоление нашей корыстной личной жизни, которое именно и дарует нам блаженную полноту подлинной жизни и тем осмысляет нашу жизнь» [12, с. 34]. С точки зрения историко-философского анализа, было обозначено, что любовь бывает плотская и эстетическая (земная), а также трансцендентная (святая).

В эпоху Позднего Возрождения Ф. Бэкон отмечал о важности обеих форм, поскольку одна связывает с реальностью земной, а другая — с Божественной. Данных рассуждений придерживался в своей философии и Н.А. Бердяев: «В любви есть проникновение в красоту лица другого, видение лица в Боге, победа над уродством, торжествующим в падшем мире» [3, с. 68]. Данное чувство играет большую роль в выборе жизненных ориентиров, но должно быть этически возвышенным. В философии Н.А. Бердяева любовь, воплощенная в чувствах к другому человеку, есть разочарование, поскольку имеет свойство ограничивать и заканчиваться. В.С. Соловьёв, а впоследствии также Е.Н. Трубецкой, рассуждают о высшей форме воплощения любви — Софии, как абсолютной божественной мудрости. С их точки зрения, она является синтезом вечной божественной жизни и тварной естественной формы. Пропасть между человеком и Господом в Софии преодолевается посредством существования её в мире, но не развития и совершенствования во времени (всё, что изменяется в мире, греховно и смертно). София, продукт нераздельного единства двух существ, но не слияния.

Синтез свободы и любви выводит на одно из жизненных предназначений — творчество. Посредством творческого процесса решаются критические вопросы страха, смерти и бессмысленности: «свобода по самому своему понятию — способность творить новое, от века не бывшее… Это безусловное значение творческого акта человека во времени» [10, с. 192]. Ещё в Античное время творчество понимали как способность создавать совершенные образцы — это особенность, что переходила от Божественной сущности. Активно творческая деятельность стала развиваться в эпоху Возрождения, когда рамки дозволенности в искусстве расширились, и стали появляться новые направления. Под творчеством в философии понимается как категория, в основе которой процесс создания автором качественно нового продукта и способ сохранения культурного наследия: «Мы называем гениальными людей, у которых живая творческая сила

не тратится вполне на внешнее дело плотского размножения, но идет еще и на внутреннее дело духовного творчества в той или другой области» [9, с. 205]. То есть в искусстве, помимо создания нового продукта, происходит увековечивание человека во времени. В творчестве русские религиозные философы конца XIX — начала XX веков также проследили связь с Богом. Создание окружающего мира и нас рассматривается как творческий процесс Всевышнего, поэтому создание человеком нового сближает его с Мирозданием. Именно Всевышний когда-то создал мир из ничего, это же продолжает делать человек: преображает окружающий мир посредством художественных открытий. Кроме того, Бог, по воззрению С.Л. Франка, требует творческого акта от человека как ответную реакцию на его труды. Таким образом, люди избавляются от греховности рождения и жизни. Отсюда выводится высшая цель человеческого существования — обращение к Богу. Данные мысли прослеживаются и у Н.А. Бердяева: «Бог присутствует не в имени Божьем, не в магическом действии, не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте» [3, с. 148-149]. Всевышний как прародитель этого мира и всего в нём, как дух, наполняющий каждый элемент. Он абсолют, совершенное воплощение.

Основные категории «свободу», «любовь» и «творчество» в русской религиозной философии связали с высшим предназначением — служению Богу. Понятие «служение» подразумевает не только подчинение воли другого, но и как признак духовности — благоговение перед Высшими силами. Каждый человек вправе выбрать религиозные догмы, как смысложизненный ориентир, и ввести себя в физические рамки и ограничения. Служение Богу не отрицает акта выбора [5; 6]. Согласно воззрениям С.Л. Франка, свобода земная имеет оковы: потребности, страхи, желания, что всё равно нас ограничивают, тогда как обращение в веру даёт нам свободу физическую и телесную. Разделял мысли С.Л. Франка — Н.А. Бердяев. Вера и выполнение нравственных законов сугубо индивидуально и не навязано: «Бог есть свобода и дает свободу. Он не Господин, а Освободитель, Освободитель от рабства мира» [12, с. 147]. Выбор религиозного пути не обязывает человека, но, если он сделан — освобождает от мирской суеты и подчиненности внешним обстоятельствам. Это выбор в пользу духовно-нравственного развития и самосовершенствования.

В.В. Розанов определил, что вера буквально творит чудеса, в её честь совершаются подвиги, меняются люди — она имеет большую силу, но не иррациональна. Главный признак философской веры — знание, то есть доказательство истинности суждений за счет субъективного (постижение) или объективного (осуществление). Это не догматические неоспоримые истины, это постижение всех наших уровней бытия при помощи рассудка, но всё же выходящих за его рамки (трансцендентное). Вера заключается не только в убежденности существования Высших сил, но и в познавательных особенностях истины [13]. По В.С. Соловьёву, религия — это «связь человека и мира с безусловным началом», тогда как вера — начальный акт познавательной деятельности (всё передается в опыте). С.Н. Булгаков развивает эту мысль. Говоря о вере, философ связывает степень её проявления с существованием конкретного религиозного органа — сердца [4]. Без духовно-религиозного просвещения человека невозможно и постижение истин бытия. Причём доказательства Бога обосновываются зачастую русскими религиозными философами вопросом, а разве может быть иначе? Вера подразумевает ещё и следование установленным истинам [2].

Западная философия, то есть среднеземноморские философы приписывали Богу имманентность (Дж. Бруно, Ф.В. Шеллинг) или трансцендентность (Платон, Ф. Аквинский). Русские же религиозные философы конца XIX — начала XX веков брали за основу диалектические воззрения И. Канта, что Всевышний — это синтез имманентного и трансцендентного, его проявление в сущности каждой вещи, явления (понятие «духа») и выход за границы реальности: эмпирического познания, опыта. Так, по В.С. Соловьеву, Бог одновременно связан и с природой, и в то же время независим по отношению к миру. Исходя из этого, философ разработал идею «Богочеловека». Рассуждал об этой взаимосвязи и Н.А. Бердяев: «Сущность христианства и величайшая его новизна была в раскрытии человечности Бога, в боговочеловечении, в преодолении пропасти

между Богом и человеком» [3, с. 267]. В противовес теории Ф.В. Ницше о «Сверхчеловеке», В.С. Соловьев не основывается на превышении сил Божественных человеком, а видит идеал воплощения — соединение Творца и человека. Философ выводит триаду в этике: в нас заключается несовершенство, в Боге — совершенство, как основная задача — совершенствование [7]. По Е.Н. Трубецкому, богочеловек — это выход из порочного жизненного круга и обретение «безусловного жизненного предназначения». Исторические корни идеи восходят к писаниям в Новом Завете и конкретной линии — явление Иисуса Христа.

Для восхождения к высшей форме — «богочеловеку», по В.С. Соловьеву, необходимо преодолеть нравственное зло, в частности трёх: телесных, разумных и духовных. После соблюдения этических норм на протяжении жизни происходит победа над смертью, что завершает процесс перехода: «истина богочеловечества, основанная на истине богочеловека, на живом явлении самого Бога, — дарует нам уверенность — и вместе с тем требует нашей веры, что существо, распятое и умершее на кресте, есть единородный Сын Божий, в котором обитает вся полнота Божества и которое своим воскресением незыблемо утвердило победу жизни над смертью, смысла жизни над ее бессмыслием» [11, с. 83]. С.Л. Франк продолжает воззрения В.С. Соловьева о обретении высшего предназначения посредством веры. Не отделяясь от лежащей в основе духовной жизни, человек сохраняет Бога в себе и восходит к богочеловеку. Один из путей восхождения — свободный творческий акт, момент единения святого духа и человека. Е.Н. Трубецкой рассматривает синтез Бога и человека как единственный выход из порочного бессмысленного круговращения. В богочеловеке сочетание божественного не преобладает над человеческой сущностью, они сосуществуют в гармонии [10]. Выводится понятие «богочеловечества».

Необходимость национальной идеи и сплоченности народа возникла ещё в годы Великой Отечественной войны (1812), когда Россия понесла большие потери — как экономические, так и человеческие. В это время предпочтение начинает отдаваться немецкой классической философии, происходит разделение на славянофилов и западников, выводится категория «соборность» А.С. Хомяковым. Русские религиозные философы конца XIX — начала XX веков как продукт своей эпохи выразили идеи народного единства и избранности. Богочеловечество, по В.С. Соловьеву, — это единство всего культурного прогресса и исторического развития общества, переход от «зверочеловечества» (существ, подчиненных основным инстинктам) к «богочеловечеству» (воплощение божественного в людях). По Е.Н. Трубецкому, — это нравственное сочетание телесной, духовной и умственной жизни каждого человека. Сообразно этой позиции богочеловечество подразумевает преемственность религиозных традиций.

Категория «всеединство», по Е.Н. Трубецкому, есть продолжение мыслей В.С. Соловьева о сплоченности народа. Его осуществление состоит в мировом воссоединении, целостности. Всеединство, если исходить из библейских мотивов, — это союз рождения альфы и омеги, начала и конца всего сущего. Реализовать всеединство возможно путём: 1) признания Бога в каждом человеке и 2) приобщения к коллективно-духовному опыту человечества [9]. Это воплощение единого сознания, для которого открываются все истины Мироздания: видение святого духа в каждом предмете и явлении реальности.

Идеи «богочеловечества» и «всеединства» есть смысловые ценности, определяющиеся как познание Бога и воссоединение с ним единым человеческим организмом: «Благодать, являющаяся в Богочеловечестве… есть окончательное и полное раскрытие того самого всеединства, которое лишь несовершенным, внешним образом открывается в законе» [10, с. 128]. По Е.Н. Трубецкому, Всеединство — это начальный этап обретения Бога, тогда как Богочеловечество — конечный.

Человек, мыслящее существо, ищет смысл жизни, опираясь на личный и общественный опыт, рассматривает бытие через призму субъективного опыта, включая страх, совесть и другие модусы, влияющие на выбор предназначения. Многие люди ошибочно видят смысл жизни в материальном благополучии или служении другим. Русские религиозные философы, такие как В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой и С.Л. Франк, утверждали, что потакание плотским желаниям лишает человека свободы, а полное посвящение себя другим обесценивает личность.

Таким образом, смысл жизни, по мнению русских религиозных философов начала XIX — конца XX веков, связан со свободой, любовью и творчеством. Свобода — это действие в соответствии со своими интересами, но с учетом границ и объективных условий. Любовь — преодоление эгоизма, дающее полноту жизни. Творчество — способ увековечить себя и создать новое.

Высшее предназначение человека — служение Богу. Вера освобождает от мирской суеты и направляет к духовному развитию. Соловьев видел идеал в "богочеловеке" — соединении Творца и человека. Для достижения этого необходимо преодолеть нравственное зло. Идеи "богочеловечества" и "всеединства" отражают стремление к познанию Бога и воссоединению с ним.

Литература

1. Ан С.А. Свобода вероисповедания как ценность человеческого бытия // Ценности человеческого бытия: материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. С.А. Ан. — Барнаул. АлтГПУ, 2016. — С. 94–97.
2. Астапов С.Н. Доказательства бытия Бога: дискурс русской религиозной философии / С.Н. Астапов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2023. — Т. 39, Вып. 2. — С. 381–392.
3. Бердяев Н. Самопознание. — М.: Эксмо, 2008. — 640 с.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
5. Ильин И.А. О русской идее / И.А. Ильин // Русская философия как ценностная основа воспитания духовности и субъектности личности: тезисы VI Всероссийской науч.-прак. конф. (РГППУ, 15–16 октября 2009). — Екатеринбург, 2009. — С. 419-422.
6. Ильина И.А. Служение как экзистенциальная сущность человека в богословско-философских идеях. Философия религии и религиоведение, философская антропология, философия культуры / И.А. Ильина, А.В. Клецков // Контекст и рефлексия: Философия мира и человека. — 2019. — Т. 8, №5А. — С. 265–270.
7. Панычик А.В. Проблема смысла жизни в работах русских религиозных философов / А.В. Панычик, П.А. Пономарев // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2021. — Т. 14, №1. — С. 284–290.
8. Розанов В.В. Свобода и вера / В.В. Розанов. — М.: Русский Вестник, 1894. — №1. — С. 265–287.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра. Сочинения. — М.: Мысль, 1988. — Т. I. — 892 с.
10. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 656 с.
11. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 576 с.
12. Франк С. Смысл жизни. — М.: АСТ, 2004. — 157 с.
13. Ясперс К.Т. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левина. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

COMMUNICATIVE BASES OF THE LEGITIMACY OF POWER IN THE OPTICS OF REPRESENTATIVES OF THE YOUTH ENVIRONMENT: SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS

Gusak Oleg Igorevich, *Postgraduate student, Gatchina State University, Gatchina (Russia)*

The purpose of this study is a socio-philosophical analysis of the communicative mechanisms of power legitimization and to identify the characteristics of their perception among young people. The relevance of the study lies in the transformation of public communication under the influence of digitalization, the development of the internet, and the expansion of public debate, which are changing the interaction between society and political institutions. The problem is that classical models of legitimacy insufficiently explain the recognition of power by modern youth. Elements of Max Weber's sociological concept and Jürgen Habermas's theory of communicative action are used as a historical and methodological basis. The principle of historicism, the method of cultural-philosophical analysis, and systems analysis are employed. The scientific novelty of the study lies in the socio-philosophical understanding of the communicative mechanisms of power legitimization in the context of the transformation of the modern public sphere and the analysis of the characteristics of youth's perception of the legitimacy of political institutions. The analysis concluded that the legitimacy of power is increasingly dependent less on legal procedures and more on inclusion in public debate and the ability to reasonably justify decisions. An analysis of international cases shows that restrictions on digital communications and a lack of transparency are perceived by the younger generation as exclusion from the public sphere, which leads to a weakening of the communicative foundations of legitimacy even while the formal legitimacy of power is maintained. The conclusion is that young people are not objects, but active subjects, in the communicative legitimization of power, and their reactions serve as an indicator of the state of the public sphere and the quality of governance communication. The sustainability of power requires transparency, explainability of decisions, and a presence in everyday digital communication. Prospects for further research lie in the empirical study of specific forms of youth digital participation and the development of effective models of dialogue between the state and youth audiences.

Keywords: *social philosophy; youth; politics; legitimacy; power; political communications.*

EDN: DEFIYN **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.12**

Цитировать: *Гусак О.И. Коммуникативные основания легитимности власти в оптике представителей молодежной среды: социальные и политические аспекты // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 79–87. EDN: DEFIYN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.12*

УДК 101.1
5.7.7

© Гусак О.И., 2026

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В ОПТИКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Целью исследования является социально-философский анализ коммуникативных механизмов легитимации власти и выявление особенностей их восприятия в молодежной среде. Актуальность исследования обусловлена трансформацией общественной коммуникации под влиянием цифровизации, развитием интернет-среды и расширением публичных дискуссий, что меняет взаимодействие между обществом и политическими институтами. Проблема заключается в том, что классические модели легитимности недостаточно объясняют признание власти современной молодежью. В качестве историко-методологической основы применены элементы социологической концепции М. Вебера и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Использованы принцип историзма, метод культурно-философского анализа, системный анализ. Научная новизна исследования заключается в социально-философском осмыслении коммуникативных механизмов легитимации власти в контексте трансформации современной публичной сферы и анализа особенностей восприятия легитимности политических институтов молодежью. В ходе анализа удалось заключить, что легитимность власти всё меньше зависит от правовых процедур и всё больше — от включённости в публичную дискуссию и способности к аргументированному обоснованию решений. Анализ международных кейсов показывает, что ограничение цифровых коммуникаций и отсутствие

прозрачности воспринимаются молодым поколением как исключение из публичной сферы, что ведёт к ослаблению коммуникативных оснований легитимности даже при сохранении формальной законности власти. В заключение дается вывод, что молодежь выступает не объектом, а активным субъектом коммуникативной легитимации власти, а её реакция служит индикатором состояния публичной сферы и качества управленческой коммуникации. Устойчивость власти требует прозрачности, объяснимости решений и присутствия в среде повседневной цифровой коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением конкретных форм цифрового участия молодежи и разработкой эффективных моделей диалога между государством и молодежной аудиторией.

Ключевые слова: *социальная философия; молодежь; политика; легитимность; власть; политические коммуникации.*

ГУСАК Олег Игоревич, *аспирант, Гатчинский государственный университет, Гатчина (Россия)*
ORCID: 0009-0004-6737-9251
ResearcherID: PYY-8351-2026

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена все большей трансформацией современных форм общественной коммуникации, развитием цифровой среды и изменением характера взаимодействия между обществом и политическими институтами. В условиях популяризации медиа контента, блогинга, интернет-среды и расширения пространства публичных дискуссий процессы формирования легитимности власти в значительной степени оказываются связанными с коммуникативными практиками. Межличностные и межгрупповые коммуникации создают фон, в рамках которого происходит обсуждение политических решений, формирование общественного мнения и конструирование представлений о справедливости политических отношений. Указанная проблема приобретает актуальность в контексте анализа молодежной аудитории. Она является одной из наиболее активных групп участников современных коммуникационных процессов и формирует собственные представления о легитимности власти в публичных обсуждения. Таким образом, целью исследования является социально-философский анализ коммуникативных оснований легитимности власти и выявление особенностей их восприятия в молодежной среде. В качестве историко-методологической основы исследования применены элементы социологической концепции М. Вебера и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, а также работы современных отечественных авторов. Принцип историзма и метод культурно-философского анализ позволяет рассмотреть легитимность власти как динамический процесс, который формируется в коммуникациях и социальном взаимодействии в среде современной молодежи с целью выявления его особенностей. Также применен системный анализ эмпирико-теоретического материала в совокупности с принципом историзма.

Обсуждение

Вопрос легитимности власти — основной в социально-политической философии. Для подтверждения этого достаточно посмотреть формулировки тезисов проблемного поля этой специальности. Можно отметить пункт — требование изучения влияния массовых коммуникаций на социальные процессы, в том числе и на политические отношения. Именно легитимность властных отношений как свойство, признаваемое законом и соответствующее ему (согласно С. И. Ожегову), а также, в трактовке философской традиции в качестве длительного согласия большинства принять данное правление в качестве законного, отражающее качества, вытекающие из социального согласия и соответствия ценностным нормам граждан, обеспечивает устойчивость политического порядка и признание власти со стороны общества .

В классической историко-философской и социологической традициях легитимность рассматривалась как исторически складывавшаяся система. Отсюда решающая роль системного метода как теоретико-методологического основания легитимности. Наиболее влиятельной типологией легитимного го-

сподства считается структура, предложенная М. Вебером. Он выделял традиционную, харизматическою и рационально-правовую легитимность [2, с. 10-11]. Указанная классификация легитимации властных отношений на протяжении длительного времени сохраняла ценность для анализа политических систем. Однако в условиях позднего модерна середины XX столетия и усложнения социальной структуры общества классические основания легитимности оказываются недостаточными для объяснения устойчивости власти. Отметим, что особенно это проявилось в отношении молодежи как специфической социально-возрастной группы. Молодежь в меньшей степени ориентируется на традиционные формы авторитета и в большей степени воспринимает власть через призму публичного объяснения, диалога и символического взаимодействия [12, с. 95; 6, с. 36]. В этом контексте легитимность власти формируется через процессы межличностной и межгрупповой коммуникации, а не через институциональную закреплённость и иерархию.

Ю. Хабермас подчеркивал, что во многих философских теориях игнорируется важность взаимодействия между актором и миром (властью). В современном обществе легитимность политической власти зависит от ее способности быть включенной в общественное обсуждение. Здесь решения должны аргументированно обосновываться и обсуждаться. В свою очередь, взаимопонимание, признание условий ситуации и целей каждого действия должны быть абсолютными для всех акторов [18, с. 287-288]. Власть, не включенная в коммуникативные процессы, не признается, несмотря на сохранение законности. Это актуально для молодежной среды, где коммуникация — не вспомогательный (второстепенный), а основной способ социального взаимодействия.

Современные цифровые технологии только усиливают указанную тенденцию. Молодёжь узнаёт о политике в основном из соцсетей, новостных заголовков, онлайн-обсуждений и через возможность оставить свой отзыв или вопрос. Если власть объясняет свои решения сложным или казённым языком, а настоящего диалога с молодыми людьми нет, то возникает чувство отчуждения. В итоге власть начинает восприниматься как что-то чужое, далёкое и существующее лишь на бумаге. В теоретико-методологическом смысле это означает ослабление коммуникативных оснований легитимности, несмотря на сохранение общепризнанных институциональных механизмов управления.

В социальной философии власть рассматривается в качестве институционального механизма управления обществом, а также в качестве особой формы социального взаимодействия, основанной на коммуникации. В рамках такого подхода легитимность власти рассматривается как результат коммуникативных процессов (обмена смыслами, интерпретациями и оценками), в ходе которых формируется общественное признание власти. Следовательно, власть существует не только в форме принуждения или административного регулирования. Как отмечает Е.Е. Беляцкая, власть есть форма коммуникации, воспроизводящая социальные ожидания и нормы взаимодействия; именно через коммуникацию согласуются интересы и возникают представления о допустимости и правомерности политических решений [1, с. 102]. При этом различные социальные группы, взаимодействуя друг с другом, формируют коллективные представления о политическом порядке. Коммуникативный характер власти предполагает, что ее устойчивость зависит от способности поддерживать процессы социального взаимодействия и обеспечивать возможность общественного обсуждения принимаемых решений. На основе социально-философского анализа отметим, что признание власти обществом напрямую связано с тем, насколько граждане принимают базовые принципы политической системы. Прежде всего это формируется через процессы общественной коммуникации, где граждане оценивают действия власти.

Также отметим, что легитимность власти является результатом сложного взаимодействия между государством и обществом. Признание власти формируется в процессе социального взаимодействия, в рамках которого государственные институты и гражданское общество вырабатывают согласованные представления о допустимых формах политического управления и объединяющую идеологию [4, с. 283]. Поэтому легитимность

власти может рассматриваться как результат социального компромисса, возникающего в процессе взаимодействия различных социальных групп. В рамках этого процесса особую роль играет коммуникация, которая позволяет согласовывать интересы и формировать общественное признание политических институтов.

Современные социальные философы активно обсуждают проблему трансформации публичной сферы, которая выступает пространством для формирования легитимности власти. Именно в публичной сфере происходит обсуждение политических решений и формируется общественная оценка деятельности государственных институтов, формируется множество различных мнений, которые сосуществуют в социальных дискуссиях, при этом создавая устойчивое гражданское общество [16, с. 13].

Публичная сфера выполняет функцию посредничества между государством и обществом, а публичное обсуждение политических решений способствует формированию общественного согласия и позволяет гражданам участвовать в процессе легитимации власти. Вместе с тем развитие информационных технологий создает новые формы общественного взаимодействия и расширяет возможности участия граждан в обсуждении общественно значимых вопросов. Следовательно, механизмы формирования легитимности активнее переносятся в пространство публичной коммуникации, где формируются общественные интерпретации политических решений.

Одним из главных факторов, определяющих особенности восприятия политической власти молодежью, является процесс политической социализации. В социально-философском и социологическом контексте политическая социализация понимается как процесс усвоения индивидами политических норм, ценностей, моделей поведения, посредством которых осуществляется включение личности в политическую систему общества. В ходе данного процесса у молодежи формируются базовые представления о политических институтах, власти и критериях ее легитимности, а также устойчивые политические установки и ценностные ориентации, определяющие дальнейшее отношение индивида к политическим институтам. По замечанию С.В. Масеева и В.А. Чигрина, «именно политическая социализация молодежи является необходимым условием формирования политической и электоральной культуры граждан нашего общества» [12, с. 62].

Особенность политической социализации молодежи заключается в том, что она происходит в условиях формирования политической идентичности личности. При этом уровень политического интереса среди молодых граждан остается неоднородным. Значительная часть молодежи проявляет интерес к политике лишь эпизодически, а повышение уровня участия зависит от различных факторов (образование, воспитание, возраст и т.д.) [12, с. 57].

К числу основных компонентов политической социализации традиционно относят семью, образовательные учреждения, средства массовой информации, государственные институты и общественные организации. Через взаимодействие с данными институтами молодежь получает представление о политической системе и формирует собственные оценки политической реальности. Заметим, что политическая социализация молодежи тесно связана с государственной молодежной политикой. Она направлена на создание институциональных механизмов включения молодежи в общественно-политическую жизнь и формирование гражданской активности молодых граждан. Такие механизмы включают молодежные форумы, грантовые организации, общественные объединения, образовательные проекты и различные формы гражданского участия [9].

Следует учитывать, что в современных условиях политическая социализация молодежи происходит в цифровой среде. Интернет и социальные сети становятся для них основными каналами политической информации. В результате молодые граждане включаются в многоканальную политическую коммуникацию, где различные интерпретации политических событий конкурируют друг с другом. Следовательно, политическая социализация современной молодежи характеризуется более сложной структурой информационных источников и более высоким уровнем самостоятельности в формировании политических оценок.

Кроме того, необходимо затронуть вопрос о феномене публичности в форми-

ровании легитимности власти. По словам И.М. Дзялошинского, роль государства, которое всегда предполагает определённую публичность власти, позволяет отражать, защищать и направлять её, в том числе административными или правовыми средствами [5, с. 2]. В этом отношении молодёжь выступает важным показателем состояния легитимности власти, поскольку именно в молодёжной среде наиболее явно проявляется разрыв между формальными властными структурами и их признанием. Сами коммуникации в этой связи выступают как основной механизм диалога — тот самый «мостик», который позволяет молодым избирателям показывать свои ожидания, а власти — легитимизировать свои решения в глазах подрастающего поколения.

В современной России молодежь выступает не только объектом внимания со стороны государства, но и активным субъектом процессов легитимации власти. Специфика молодежной социальной группы заключается в расположенности к коммуникативным формам взаимодействия и к способам публичного обоснования политических решений. В отличие от старших поколений, ориентированных преимущественно на стабильность и традиционные источники авторитета, молодежь в большей степени оценивает власть через призму публичного диалога, прозрачности и признания. Анализ политической активности молодежи в России показывает, что современные молодые граждане все чаще воспринимают себя как субъекты общественно политического взаимодействия. Молодежь не ограничивается пассивным восприятием политических процессов, а активно участвует в формировании общественного мнения, обсуждении политических решений и оценки деятельности государственных институтов [13, с. 21-22]. Все это дает возможность рассматривать молодежную среду как канал коммуникативной легитимации власти, в рамках которого формируется общественное признание или непризнание властных отношений.

Для молодёжи легитимность власти во многом определяется тем, насколько правдивы её публичные заявления. Живя в плотном информационном потоке, молодые люди постоянно сверяют официальные сообщения с независимыми источниками. Если они видят, что обещания не совпадают с реальными результатами, доверие к власти подрывается. А это, в свою очередь, повышает вероятность негативных настроений [3, с. 26-27].

Вторым значимым аспектом легитимности власти выступает требование нормативной правильности, связанное с восприятием чувства справедливости в молодежной среде, процедур участия и равенства возможностей. Эмпирические исследования ценностных ориентаций молодежи показывают, что она придает особое значение таким категориям, как доверие, социальная справедливость, открытость власти и ответственность мероприятий государственных институтов. Тогда как политические практики, воспринимаемые как закрытые или формальные, формируют у молодежи ощущение исключения из публичной среды, что негативно сказывается на уровне признания власти [14, с. 743–748].

Также отметим, что в формировании коммуникативной легитимности власти участвует требование искренности. Молодежь склонна воспринимать политических акторов в качестве носителей институциональных ролей, а также публичных субъектов, чьи намерения, ценности и мотивы подлежат оценке. Использование избыточно формализованного или идеологизированного языка снижает уровень доверия и усиливает дистанцию между властью и молодежной аудиторией. Поэтому форма прямого обращения, публичного объяснения решений и признания проблем становятся ресурсами легитимации.

Цифровая публичность при этом усиливает влияние молодежи на процессы легитимности власти. Здесь социальные сети и онлайн-платформы становятся главными каналами коммуникации между государством и молодежью, постепенно вытесняя традиционные формы информационного воздействия. И хотя органы власти не придают данным методам коммуникации особо значения, согласно данным исследований К.В. Подьячева и И.А. Халий, молодежь более вовлечена в коммуникации на платформах и социальных сетях в сравнении с традиционными каналами коммуникаций [13, с. 267-269]. Это означает, что легитимность власти в молодежной среде все чаще формируется в горизонтальных коммуникационных структу-

рах, где контроль над интерпретацией политических решений ограничен.

Практика показывает, что расширение роли медиа в политической сфере приводит к трансформации традиционных моделей гражданского участия. При этом развитие медиакоммуникаций меняет структуру политической активности молодежи. Однако, по мнению Е.Ю. Кукшинова, нередко такая активность ограничивается символическими формами участия, при которых молодежь остается в стороне [8, с. 38]. Это приводит к возникновению новых форм политической активности, которые реализуются в цифровой среде. К ним относятся:

— обсуждение политических событий в социальных сетях;

— участие в онлайн компаниях и сетевых дискуссиях.

Указанные формы активности отличаются от традиционных (например, участие в партиях или электоральных компаниях). В то же время расширение роли медиа ведет к снижению традиционных форм гражданского участия. Медиасреда способствует замещению реального политического участия медиазависимыми формами активности, включая подписание медиа петиций, интернет-дискуссии и кратковременные акции в сети (например флешмобы) [8, с. 35]. В результате формируется особый тип политической активности, который характеризуется высокой степенью информационной вовлеченности. Однако он не всегда сопровождается непосредственным участием в институциональной политике. Степень интереса к политике и уровень политических знаний напрямую влияют на готовность молодых граждан участвовать в общественно-политической жизни. Согласимся с Ю.Н. Рябухиной, что «политическая вовлеченность является одним из факторов повышения степени политического участия, и чем выше уровень политической вовлеченности, тем активнее участие в политической деятельности» [15].

При этом политическая вовлеченность может проявляться на различных уровнях. Базовый уровень предполагает информированность о политических событиях и участие в выборах. Умеренный, помимо вышеперечисленного, способен осознанно распространять политическую информацию и делиться взглядами с другими людьми. Продвинутый уровень вовлеченности, при котором люди сами способны оказывать влияние на политических участников или же сами становятся таковыми [15]. Это наглядный пример того, как политическая вовлеченность выступает механизмом формирования гражданской активности молодежи. Кроме того, молодежная политика является фактором социализации молодежи и формировании ее гражданской активности. В этой случае государственные молодежные программы, направленные на поддержку общественных инициатив, могут способствовать развитию гражданской ответственности и повышению уровня участия молодежи в общественной жизни [17, с. 772].

Социально-философское осмысление рассматриваемых в данном исследовании процессов подтверждается современными теориями легитимности, подчеркивающими значение публичного объяснения и аргументации. Легитимная власть в демократических и постдемократических обществах предполагает наличие обязанностей по объяснению политических решений, направленных на получение общественного признания и доверия. В этих условиях современные изменения общественной жизни показывают смену характера политического участия молодежи. Речь идет не столько о росте политизированности, сколько о смене форм социальной субъектности, где центральную роль начинают играть цифровые коммуникации, сетевые взаимодействия и запрос на публичное объяснение управленческих решений.

Для социальной философии это значит, что при оценке легитимности власти уже недостаточно смотреть только на законы и формальные процедуры. Всё большее значение приобретает другое — признают ли власть разные группы общества, особенно молодёжь, готова ли она с ней соглашаться и доверять ей через общение, диалог, обсуждение.

Теоретико-методологический анализ проблемы коммуникационных оснований легитимности власти показывает, что современная молодежь формирует свою гражданскую идентичность в цифровой среде. Ограничение или игнорирование этой среды воспринимается как исключение из публичной сферы, что затрагивает не только технический, но и нормативный/моральный

аспект гражданского признания. Так, например, молодежные выступления в Непале осенью 2025 года начались после решения властей ограничить доступ к ряду цифровых платформ, что объяснялось регуляторными соображениями . Для значительной части молодежи этот шаг был воспринят как ограничение возможности участия в публичной коммуникации. Это вызвало массовую негативную реакцию. Правозащитные источники указывали, что недовольство касалось не только цифровых ограничений, но и более широких социальных проблем — коррупции, занятости, перспектив роста. Такие же запросы молодежи исследователи отмечают в протестах на Мадагаскаре . В Сербии в 2025 г. студенческие и молодежные акции были связаны с требованием расследования и выявления ответственных лиц за трагические события в городе Нови-Сад. Участники акций подчеркивали необходимость прозрачности и подотчетности институтов власти . Здесь мы можем явно увидеть, что молодежь ориентируется на процедурную легитимность: важны объяснимость решений, ясность процедур, открытость информации. Именно так проявляется переход от традиционного доверия к институциональному авторитету и требованию рационально обоснованной публичной политики. Сообщения СМИ из Мексики показывают, что молодежная активность часто связана с вопросами безопасности, качества жизни и доступа к социальным услугам . Молодое поколение стремится участвовать в обсуждении социальных приоритетов политики, а отсутствие понятного объяснения даже обоснованных решений воспринимается как дистанция власти.

Анализ международных кейсов молодежной активности позволяет сделать вывод, что речь идет не о росте политической конфронтации как таковой, а о структурном изменении условий воспроизводства легитимности власти. Трансформируется сама среда социального взаимодействия: публичная сфера приобретает цифровой характер, а процессы признания и доверия смещаются в пространство онлайн коммуникации. В этих условиях меняются нормативные ожидания от институтов власти. М. Кастельс отмечает, что в условиях сетевых структур политическое влияние реализуется через участие в производстве смыслов и интерпретаций в цифровых сетях [21]. Следовательно, легитимность власти сегодня зависит не только от институционального статуса, но и от присутствия в цифровой публичности. Отсутствие власти в этой среде воспринимается как дистанция. Логика формирования легитимности власти дополняется концепцией «глубокой медиатизации», согласно которой социальная реальность все больше структурируется медиа технологиями, а общественные отношения опосредуются коммуникационными платформами [21, с. 15-17]. В такой ситуации игнорирование цифровых форм коммуникации означает выпадение власти из повседневного социального опыта молодежи. М. Уоренн подчеркивает, что демократические институты поддерживают доверие через различные процедуры открытости, участия и общения сторон напрямую и объяснимости решений [23, с. 10, 15]. Близкую позицию занимает Н. Луман, определяя доверие как основу власти и коммуникации, например, через предсказуемость действий институтов [10, с. 16]. Факты современной социально-политической жизни показывают, что если решения социального характера не сопровождаются ясными объяснениями, то доверие разрушается не из-за содержания политики, а из-за непрозрачности происходящего.

Далее обратимся к философии поколений как части демографических исследований, которая позволяет понять, почему именно молодежь наиболее чувствительна к коммуникативным сбоям. Поколения формируются в разных историко-социальных условиях, что определяет их способ восприятия социальной реальности, как указывал К. Мангейм [22, с. 313]. Современная молодежь социализируется в условиях постоянной онлайн-коммуникации, горизонтальных связей и мгновенной обратной связи. Поэтому закрытость институтов власти воспринимается ими как отклонение от нормы. В современной политической философии усиливается идея, что власть должна наряду с действиями публично обосновывать свои решения. Российские исследователи также связывают легитимность с прозрачностью, рефлексивностью и способностью институтов быть открытыми для общественного и правового контроля [7, с. 116]. Западные теории политической

философии и государственного управления подчеркивают переход от директивной модели управления к координационной, основанной на взаимодействии различных акторов. Например, управление рассматривается ими как процесс интерпретации и согласования смыслов. Тогда государственное управление становится более эффективным, способным к оперативным реакциям и устойчивости [19, с. 60]. Следовательно, эффективность власти зависит от ее способности быть участником коммуникационного процесса, а не только источником решений.

Заключение

В статье проведен социально-философский анализ коммуникативных оснований легитимности власти и выявлены особенности их восприятия в молодежной среде. Установлено, что легитимность власти всё меньше зависит от правовых процедур и всё больше — от включённости в публичную дискуссию и способности к аргументированному обоснованию решений. Анализ международных кейсов показал, что ограничение цифровых коммуникаций и отсутствие прозрачности воспринимаются молодым поколением как исключение из публичной сферы, что ведёт к ослаблению коммуникативных оснований легитимности даже при сохранении формальной законности власти. Молодежь выступает не объектом, а активным субъектом коммуникативной легитимации власти, а её реакция служит индикатором состояния публичной сферы и качества управленческой коммуникации. Устойчивость власти требует прозрачности, объяснимости решений и присутствия в среде повседневной цифровой коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением конкретных форм цифрового участия молодежи и разработкой эффективных моделей диалога между государством и молодежной аудиторией.

Литература

1. Беляцкая Е.Е. Коммуникативная природа власти и ее трансформация в условиях цифровизации культуры // Вестник Полоцкого государственного университета. Педагогические науки. — 2023. — №2(40). — С. 101-104. DOI: 10.52928/2070-1640-2023-40-2-101-104.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Макс Вебер; перевод с немецкого и вступительная статья А. Ф. Филиппова. — М.: РИПОЛ классик, 2018. — 288 с.
3. Винокуров Н.В. Молодежь как субъект политической активности в России в условиях современных трансформаций / Н.В. Винокуров // Этносоциум и межнациональная культура. — 2022. — №5(167). — С. 20-29.
4. Гаязова Р.А. Легитимность государственной власти как результат социально-компромиссного взаимодействия общества и государства / Р.А. Гаязова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2011. — Т. 17, №2. — С. 280-283.
5. Гражданские коммуникации и гражданское общество / науч. ред. и сост. И.М. Дзялошинский. — М.: б.и., 2009. — 294 с.
6. Исаева Е.А., Фролов А.А., Беляков А.А., Гребенко Е.Д. Лояльность молодежи к современной российской власти // Южно-российский журнал социальных наук. — 2021. — Т. 22, №4. — С. 22-41. DOI 10.31429/26190567-22-4-22-41.
7. Карнаушенко Л.В. Легитимность права: объективные и субъективные аспекты // Общество и право. — 2022. — №4(82). — С. 115-118.
8. Кукшинов Е.Ю. Медиатизация молодежи как фактор сокращения политического участия в современных демократиях // Вестник Московского университета. — 2013. — №6. — С. 33-40.
9. Кулинич А.А. Трансформация государственной молодежной политики в постсоветской России // Дальневосточный федеральный университет, Владивосток. — 2020. — №1. — С. 419-427.
10. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
11. Манова М. Отношение молодежи к политической культуре в современном обществе // Карельский научный журнал. — 2020. — Т. 9, №3(32). — С. 93-96. DOI: 10.26140/knz4-2020-0903-0022.
12. Масеев С.В., Чигрин В.А. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — 2018. — №4 70). — С. 54-63.
13. Подьячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // М. Вестник РУДН. — 2020. — Т. 20, №2, — С. 263-276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
14. Початкова Е.И. Общественно значимые ценности в оценках молодежи: эмпирическое исследование восприятия деятельности государственных служащих Свердловской области / Е.И. Початкова, М.В. Певная // Регионология. — 2025. — Т. 33, №4(133). — С. 735-753. DOI 10.15507/2413-1407.129.033.202504.735-753.
15. Рябухина Ю.Н. Политическая вовлеченность как ключевой фактор влияния на участие молодежи в политической сфере / Ю.Н. Рябухина // Теория и практика общественного развития. — 2012. — №1. — С. 145-148.

16. Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса // Социум и власть. — 2009. — №4(24). — С. 9-13.
17. Труханова Д.А. Современная молодежная политика как фактор социализации молодежи // Вестник науки. — 2023. — Т. 3, №11(68). — С. 770-774.
18. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. — Т. 1 Гл. 3. — М.: Весь Мир, 2022. — 880 с.
19. Bevir M. Governance. A very short introduction. — New York: Oxford University Press, 2012. — 132 с.
20. Castells M. Networks of Outrage and Hope. — Cambridge: Polity Press, 2012. — 346 p.
21. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. — Malden: Polity Press, 2017. — 278 p.
22. Mannheim K. The sociological problem of generations // In P. Kecskemeti (Ed.), Essays on the Sociology of Knowledge. — New York: Oxford University Press, 1952. — С. 163-195.
23. Warren M. E. Democracy and Trust. — Cambridge: University Press, 1999. — 361 p.

EDUCATION OF A HOLISTIC PERSONALITY: A PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL APPROACH

Gutova Svetlana Georgievna, *DSc of Philosophical sciences*

Bogatyry Vitaliy Sergeevich, *Postgraduate student*

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia)

The article analyzes the philosophical problem associated with the formation of existential uncertainty as a dominant factor in the education of the modern personality. The aim of the study is to identify the philosophical-anthropological foundation in the process of forming a holistic personality capable of making existential choices under conditions of value uncertainty, and to provide a theoretical justification for a two-stage model of education built on the principle: from value-semantic dialogue to social design. The paper focuses on the complex process of developing a holistic personality grounded in its own identity. It argues that at the current stage of social relations, there is a need to integrate the philosophical-anthropological approach into the education of the younger generation, since young people today find themselves in a situation of difficult existential choice. The authors propose shifting attention to an integrative model of educating a holistic person as opposed to fragmented, utilitarian models of personality that reduce human existence to a mere set of socially demanded functions of the present time. The philosophical-theoretical and methodological foundation of the research draws on the concepts of M. Scheler (the human being as a spiritual entity capable of transcendence), H. Plessner (eccentric positionality as a condition for reflexive distance), K. Jaspers (existential communication), and M. Buber (the philosophy of dialogue with the Other). The article proposes a two-stage model of education built from value-semantic dialogue to the design of social practices. It is concluded that a holistic personality is a necessary condition for building stable social ties; identity and the ability for self-determination are the basis for implementing social practices oriented both toward the individual and social life as a whole.

Keywords: *holistic personality; philosophical anthropology; education; existential communication; situation of uncertainty; philosophy of dialogue; identity; self-determination; youth values.*

EDN: DHYRFJ **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.13**

Цитировать: *Гутова С.Г., Богатырь В.С. Воспитание целостной личности: философско-антропологический подход // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 88–96. EDN: DHYRFJ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.13*

УДК 141
5.7.8

© Гутова С.Г., Богатырь В.С., 2026

Воспитание целостной личности: философско-антропологический подход

В статье анализируется философская проблема, связанная с формированием экзистенциальной неопределённости как доминанты в области воспитания современной личности. Цель исследования состоит в выявлении философско-антропологического основания в процессе формирования целостной личности, способной к экзистенциальному выбору в условиях ценностной неопределенности и теоретическом обосновании двухэтапной модели воспитания, которая выстраивается по принципу: от ценностно-смыслового диалога к социальному проектированию. В работе акцентируется внимание на сложном процессе образования целостной личности, опирающейся на свою идентичность. Обосновывается, что на современном этапе развития общественных отношений, существует необходимость интеграции философско-антропологического подхода в сферу воспитания молодого поколения, поскольку именно молодежь сегодня оказывается в ситуации сложного экзистенциального выбора. Предлагается акцентировать внимание на интегративной модели воспитания целостного человека в противовес фрагментарным, утилитарным моделям личности, редуцирующих человеческое существование до простого набора востребованных в настоящем времени социальных функций. В качестве философско-теоретической и методологической основы исследования выступают концепции М. Шелера (человек как духовное существо, способное к трансценденции), Х. Плеснера (эксцентрическая позициональность как условие рефлексивной дистанции), К Ясперса (экзистенциальная коммуникация) и М. Бубера (философия диалога с Другим). В статье предложена двухэтапная модель воспитания, выстроенная

ГУТОВА Светлана Георгиевна, *доктор философских наук*
SPIN-код: 4349-6608
ORCID ID: 0000-0002-7947-166X

БОГАТЫРЬ Виталий Сергеевич, *аспирант*
SPIN-код: 8526-3912

Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск (Россия)

от ценностно-смыслового диалога к проектированию социальных практик. Делается вывод, что целостная личность является необходимым условием для выстраивания устойчивых социальных связей, идентичность и способность к самоопределению являются основой для осуществления социальных практик, ориентированных как на индивида, так и на общественную жизнь в целом.

Ключевые слова: *целостная личность; философская антропология; воспитание; экзистенциальная коммуникация; ситуация неопределённости; философия диалога; идентичность; самоопределение; ценности молодежи;*

Введение

Воспитать человека будущего — задача для настоящего поколения, требующая совместных усилий всех социальных институтов: от семьи, образования до государства. Современная молодежь находится в сложной позиции, поскольку формирование ее мировоззрения приходится на переломный этап и обнаруживает серьезные пробелы в области состыковки традиционных и новых ценностей. В современных исследованиях экзистенциальная неопределённость часто рассматривается как исходная ситуация молодёжи. Это состояние глубокого внутреннего разлома было задолго до современных исследований описано немецким философом Карлом Ясперсом, который назвал его «духовной ситуацией времени» [15]. Еще в XX веке, он писал: «…Целое являет собой напряжение несоединимого. Оно для нас — не предмет, а в неопределенном горизонте местопребывание людей как самосущих экзистенций, их творений как зримых образов, возвеличение сверхчувственного в чувственном — и все это в погружении в бездну небытия» [15 с, 351]. Философ замечает, что традиционные формы мышления, такие как религия, философия, гуманизм, больше не могут дать убедительные ответы, в то же время человек тянется к знаниям, и здесь есть выход, так как: «Образование делает индивида посредством его бытия соучастником в знании целого» [15, с. 353]. В.В. Баркова, используя термин «многомерный целостный человек», очень точно характеризует сущностные основания человека, подчеркивая, что его целостность — в неразрывности соматических, психических и социокультурных качеств, которые суть философские категории, отражающие «… матричные смыслы самостного присутствия в мире. Только в таком контексте человек может быть понят как существо, способное реализовывать себя в нестандартных, уникальных формах своей бытийности» [3, с. 43].

В рамках данного исследования представление о целостной личности включает такое видение состояния субъекта, при котором отсутствует внутреннее противоречие между мыслительными процессами, чувствами и действиями, преодолевается конфликт между собственными интересами и множеством социальных установок, возникающих в диалоге с другими. Данное состояние характеризуется способностью человека к самопознанию, ориентированностью на диалог с внешним миром, стремлением к свободе, когда поступки становятся результатом собственного осознанного выбора. При этом целостность личности не может быть завершенной, то есть иметь вид статичного качества, она представляет собой непрерывный процесс становления, включающий рефлексивное осмысление опыта, последовательное преодоление внутренних противоречий, кризисов и постепенное обретение единства — сначала с самим собой, а затем и с другими участниками подлинной коммуникации.

Современный молодой человек испытывает тягу к такой целостности, но обнаруживает себя в трансграничном состоянии, то есть в горизонте, где прежние системы ценностей уже утратили свою ясность и стали менее востребованы в динамично развивающемся обществе, а новые ещё не обрели четкости, устойчивости и часто имеют временный характер (востребованы здесь и сейчас). Сначала глобализация, а затем информатизация и цифровизация в ускоренном темпе воздействуя на сознание молодых людей, не столько расширяют для них возможности выбора,

сколько порождают множественность и даже избыточность альтернатив, что оказывается критичным при условии отсутствия прозрачных критериев их иерархии. Вследствие такого «*разрыва*» внутри самосознания, самооценки и саморефлексии, возникает ситуация, когда мы имеем дело не просто с когнитивной неопределённостью, но еще и с состоянием «*экзистенциального разрыва/опустошения*», когда человек больше не понимает, ради чего он делает тот или иной выбор. Наблюдаемый среди молодого поколения рост тревожности, депрессивных состояний, ощущения «брошенности» (при максимально осуществляемой опеке со стороны общества и условно видимой социальной включённости) является очевидной симптоматикой именно этого антропологического и социального сдвига. Технологический прогресс, на который возлагалось столько надежд человечества, обещавший нам прозрачность, контроль, заботу и безопасность, вдруг обернулся для целого поколения еще большим количеством проблем, умножением латентных рисков и, что особенно опасно, размыванием смысловых ориентиров.

Поднимая вопрос о воспитании современной личности (именно в таких напряженных условиях), надо отметить, что сложившаяся ситуация требует системного подхода, поскольку в настоящее время трансформируется «… значение и смысл самого антропологического фактора эволюции, что выражается в изменении всех ключевых способов взаимодействия людей, особенно в области коммуникаций, а также основных мировоззренческих принципов, ориентиров, установок, потребностей» [7, с. 12]. Проблема воспитания не может быть решена посредством стандартных приемов социализации в виде упрощенного конформизма, то есть на уровне элементарной адаптации к быстроменяющимся условиям. Согласимся с выводами Е.А. Авдеевой, что сейчас именно философская антропология может выступить «… в качестве опоры для системы образования, без которой она легко попадает под власть рыночной образовательной услуги, безвозвратно теряющей возможность для преобразования и изменения человека в качестве цели своего существования» [1, с. 191]. На стыке междисциплинарных исследований, например биологии человека и биоэтики, современные авторы также обращают внимание на необходимость «… опираться на гуманистические философско-антропологические основания и идеалы» [8, с. 6]. Возможно, сегодня требуется такой взгляд на проблему (или своего рода методологическая рамка), который бы схватывал личность не просто как набор заданных характеристик или ограниченный набор социальных ролей, а как уникальное единство ее телесного, душевного и духовного бытия, осознанное максимально широко с позиции философско-антропологический подхода.

Философско-теоретическое основание: понятийные ресурсы философской антропологии и философии экзистенциализма

В отличие от психологических или социологических редукций, философская антропология ставит вопрос о сущностной структуре человека. Так в работах классика философской антропологии Макса Шелера человек определяется как «духовное существо» (ens spirituale), «*Человек есть место встречи*», где соединяется жизнь, порыв и дух [14 с. 95]. Однако в этом случае коннотации возникают не в конфессиональном, а в трансцендентальном смысле. В рамках философско-антропологического подхода «дух» понимается как способность «отстранения от наличного», отказ от исключительно органической детерминации. Духовность как измерение человеческого бытия есть не что иное, как направленность к восприятию сущностей и свободному предпочтению ценностей.

Для молодого человека, когда мировоззрение только формируется и ещё пластично, эта способность проявляется как постоянный и напряжённый поиск идеалов, который часто имеет форму идеалистического максимализма. В таком случае, отказ от «духовного измерения» редуцирует процесс воспитания новой личности к упрощенному поведенческому инжинирингу, не способному на целостное видение человека и не затрагивающему вопрос о том, какой должна быть эта личность? Какие ценности должны доминировать и к какому идеалу в итоге она должна стремится? К. Ясперс по этому поводу писал, что отсутствие чёткой иерархии ценностей, неизбежно делает человека «духовно дезориентированным» [15].

В работах Хельмута Плеснера вводится еще одно важное для философской антропологии понятие — «эксцентрическая позициональность», которое фиксирует сущность человека вне тождества исключительно с собственным телом или же только со своей психикой. По мысли Плеснера: «Человек не просто находится на границе, в промежуточной сфере между внешним (телесно-физиологический аспект) и внутренним (духовно-психический аспект) миром, он сам и есть эта граница — «пограничная реальность, в которой живет человек как целый» [9, с. 334]. Человек, по мнению мыслителя, всегда несколько «вынесен вовне», то есть он способен занять отстраненную позицию по отношению к самому себе [9, с. 343]. Такая структурная дистанция делает возможной принципиально отстраненную рефлексию, например, в виде самоиронии, критического самоанализа, диалогичности и т.д. В антропологии А. Гелена человек не имеет жёсткой инстинктивной программы, его сущность не сводится к единству психических и телесных характеристик, она определяется, прежде всего, через его способность к действию [5]. Для интегративной модели важно, что личность как целостность может рассматриваться как процесс компенсации изначальной «недостаточности», превращающий уязвимость в источник самоопределения и активного действия.

С позиции философско-антропологического подхода Плеснера, человек переживает «эксцентрическую позициональность» как несовпадение «себя-наличного» и «себя-возможного». Отсюда типичные для незрелого возраста состояния (на начальном этапе усвоения социальных норм и слабо выраженного присутствия в значимых социальных практиках: управлении, профессиональной реализации, создании новой семьи и т.д.), включающие ощущения раздвоенности, неустойчивой самооценки и поиска аутентичности. В результате можно наблюдать, как получают легитимизацию и становятся со временем нормой, такие молодежные практики, как, например: протестные формы поведения, нигилистические жесты, эскапизм (как уход в субкультуры, виртуальные миры). Очевидно, что в условиях трансформации ценностной системы и исключения «духовного измерения» в понимании сущности человека, такое отношение общества к прежде осуждаемому поведению молодежи, получает здесь своё антропологическое объяснение, подчеркивающее, то, что мы имеем дело не с простыми «отклонениями», а всего лишь со способами апробации границ собственной самости.

Сложившаяся ситуация, по мысли К. Ясперса, преодолевается в подлинном диалоге, в «экзистенциальной коммуникации» (где одна экзистенция встречается с другой). Философ утверждает: «… экзистенция постигает себя лишь в сообществе с другой экзистенцией, а это возможно только в коммуникации» [16, с. 352]. Для нашей модели важна мысль о том, что встреча с Другим, в пространстве которого рождаются новые смыслы, не даётся молодому человеку автоматически, поскольку сама еще требует определенных усилий и даже риска. Условием безграничной коммуникации, по Ясперсу, становится философская вера, ибо с ней обретается подлинность «самобытия экзистенции». Не имея возможности достичь внешней определённости, человек способен обрести внутреннюю, экзистенциальную устойчивость, вместе с тем, он должен решиться на свободный, ответственный выбор, так создается возможность открыться подлинной коммуникации, настроиться на диалог с другими людьми. Ясперс пишет: «Благодаря ограничениям, я вытаскиваю себя из забвения и привожу в существование» [17]. Отсюда важный вывод, для современного сознания, попавшего в ловушку: кризис неопределённости, при всей своей болезненности, может стать для человека тем спасительным «ограничением», тем пограничным состоянием, в котором только и возможно рождение его подлинной личности. Человек, преодолевая множественность, стремится к тому, что может дать ему форму (придать смысл его существованию), то есть Абсолюту, как высшей ценности бытия — «Форма должна не упразднять хаос, но, как в воронку, втягивать его, сохраняя саму его возможность и необходимость, ибо вне хаоса свободы исчезает феномен человека» [12, с. 123].

Применение данных философских конструкций, разработанных в концепциях классиков философской антропологии и экзистенциальной философии, в анализе проблем воспитания целостной личности, позволяет в данном ключе смещать фокус с внешней

адаптацией (конкретным видам деятельности, специфическим социальным практикам) на внутреннее становление, изменение человеческой самости и затем вновь возвращаться к активному, осознанному действию. Вместо трансляции так называемых «правильных» ценностей, в процессе воспитания цельной личности создаются условия для экзистенциального диалога, где молодой человек не использует готовые решения (проявляя социальный конформизм), а напротив, научается вопрошать о собственном месте в мире, делать самостоятельный выбор, принимая ответственность на себя, искать ответы на вечные вопросы о смысле человеческого бытия.

Критика наличных практик как процесс преодоления традиционализма, фрагментарности и утилитаризма

Современные системы воспитания довольно часто стремятся обосновать правильность своей позиции, сохраняя приверженность одной из двух противоположных крайностей. В первом случае, речь идет о жёстко регламентированном воспитании, которое опирается на некоторые элементы советской традиции, не склонной учитывать равный диалог поколений и плюрализм ценностей (здесь духовное присутствует в большей степени в идеологическом ключе). Во втором случае, доминирование исключительно прагматичного стандарта воспитания — «рыночно ориентированного» человека. В современной ситуации есть смысл обозначить промежуточное состояние как «фрагментарность сознания», когда идентичность не очевидна, система ценностей размыта и практически не востребована, так как личность все время переконструируется, подстраивается под новые образцы подражания под воздействием агрессивно активной информационной среды [13].

В современной системе образования часто акцент делается не столько на воспитании качеств цельной личности, сколько на максимально эффективной адаптации молодых людей к сложившейся экономической ситуации, которая предполагает правильный выбор профессии (профориентация, тренинги soft skills). Социализация, сосредоточенная в руках конкретных социальных институтов, стремится отслеживать вопросы, связанные с контролем свободного времени (его должно быть как можно меньше) и, соответственно, пристальным вниманием к организации досуга молодежи. И в том, и в другом случае личность упрощается, а затем разделяется на простейшие функции, например, редуцируясь к целенаправленно формируемой профессиональной, либо досуговой, либо гражданской позиции. В этом случае, ценностно-смысловое ядро в сознании личности, а именно вопрос о том, *«что есть благо?», «что значит для меня свобода, возможность выбора?» и «в чем смысл существования?»* остаётся за пределами воспитательной концепции.

В результате проводимой целенаправленной воспитательной (часто бюрократической) политики, устремленной на упрощенное видение человеческого бытия, редуцирования личности до простейшего набора социально востребованных функций, по отношению к молодому поколению поступательно применяется принцип отчуждения, то есть происходит процесс отделения сущности человека и замена ее на симуляцию. В этом случае цельность и самодостаточность личности не только не являются идеалом воспитания, а, напротив, становятся препятствием к ее комфортному пребыванию в обществе. П.С. Гуревич, посвятивший теме целостного человека ряд фундаментальных работ, констатировал: «Целостность человека как некое антропологическое свойство? Устарело. Человек (антропоид, техноид, гуманоид) в силу базовой потребности в разнообразии согласится на раздробленность, которая сулит гипертрофию какого-нибудь качества. Человек превратится в деталь сконструированного суперорганизма наподобие пчелиного улья или сообщества муравьев … дальнейшая эволюция пойдет разными путями. Не человек, а человекообразные…» [6, с. 20]. Гуревич, утверждает, что целостность больше не является «залогом существования человека», он называет человека будущего «дивидуум», то есть делимый, раздробленный [6, с. 24-25], отмечая, что эпоха прославления человека завершилась, и начался новый период «*человека трансформируемого*».

Действительно, активное участие молодого человека в жизни общества может имитировать социальную инициативность, проявление собственных потребностей в самореали-

зации. Однако это не является абсолютным правилом, поскольку личность не может контролироваться социальными институтами, общественными организациями в таких масштабах, она способна ускользать от всякого рода формализации, бюрократизации, ведущим к нивелированию индивидуальности. Стремясь к самоопределению и обретению подлинной идентичности, полноценная личность обозначает себя в обществе через творческую активность, иногда через протестное поведение. Социальная среда, в таком случае, вступает в диалог с так называемым «девиантом» и предлагает компенсацию (материальную или в виде безопасности) в форме поощрений за хорошее, то есть максимально управляемое (нормальное) поведение.

Игнорирование в воспитательном процессе экзистенциального запроса личности превращает социализацию в целом в набор манипулятивных техник, в сочетании с досуговым обслуживанием, что еще более способствует усилению экзистенциальной дезориентации. Проявлением внутреннего протеста (в отсутствии смысла) может быть сознательно транслируемый молодым человеком цинизм, равнодушие, апатия, эскапизм (например, сознательный уход в виртуальные миры, погружение в оккультные религиозные практики) или следование радикальным идеологиям. «… деструктивные действия совершают люди, которые не смогли удовлетворить свои фундаментальные потребности, прежде всего потребность в самоутверждении… Неудовлетворенность основных потребностей порождает у человека состояние фрустрации, высокую тревожность, утрату смысла жизни… Разрушая, личность преодолевает свою ничтожность, изолированность от общества [13, с. 148].

Воспитание целостной личности как интегративная модель: от диалога к социальному проектированию

Преодоление фрагментарности, редукции, формализации и утилитарности может быть осуществлено в рамках такой воспитательной модели, которая стремится избегать механического соединения различных принципов формирования мировоззрения. Одновременно с этим модель должна быть ориентирована на единство в понимании сущности человеческого бытия как телесного (чувствующего), разумного (возможность развертывания интеллектуального потенциала) и духовного (экзистенциальное тождество «Я», укорененного и обретающего смысл в трансцендентном). Такая антропологическая модель, но с различными коннотациями, в том или ином виде была представлена в самых разных философских концепциях, главной идеей которых была идея целостной личности. Представленная в нашем исследовании модель исходит из антропологических констант, где главный акцент делается на внутренней связи рефлексии и ценностных оснований с практическим действием. Подобный подход к пониманию человеческого бытия развивал Мартин Бубер, выдвинув идею о существовании двух основополагающих отношений человека к миру — «Я — Оно» и «Я — Ты». В своем учении философ показывает, что объективирующее, монологическое отношение «Я — Оно» основано на познании и использовании мира как совокупности объектов. Однако подлинное бытие, раскрывается лишь в диалогическом отношении «Я — Ты», которое является событием встречи и взаимного утверждения [4]. М. Бубер обосновывает, что полноценное практическое действие и ценностное осмысление мира оказываются невозможны в рамках чистой рефлексии, их не может быть и внутри отношения «Я — Ты», поскольку при обращении к «Ты» уже никто не может быть сторонним наблюдателем «Лишь там, где все средства упразднены, происходит встреча» [4]. Таким образом, рефлексия и ценностные основания обретают свою подлинность и действенность только будучи включенными в сам диалог, в «участное мышление», где человек всегда уже находится в отношении к Другому и миру.

Таким образом, философия диалога М. Бубера вносит в модель экзистенциальное измерение межличностной встречи. В отличие от инструментального обмена информацией экзистенциальная коммуникация, по мысли Бубера, есть событие соприкосновения с бытием Другого в отношении, где субъект перестаёт быть объектом манипуляции и предстаёт как единственная и неповторимая самоценность. Всякая подлинная жизнь, отмечает мыслитель, есть встреча, и становление «Я» возможно только через отношение к «Ты» [4].

Модель, опирающаяся на экзистенциальную коммуникацию, уже не просто передает знания и техники убеждения, а реализует взаимную направленность внутреннего действия. «Сильнейшая и глубочайшая действительность есть там, где все входит в действие, весь человек целиком, без остатка, и всемогущий Бог — сплавленное воедино Я и безграничное Ты [Б. 45]. В контексте разрабатываемой модели это означает переход от трансляции «правильных» ценностей к диалогу. «Встреча» с Другим выстраивается как личное взаимодействие и задаёт ту качественную границу, за которой коммуникация уже перестаёт быть манипуляцией, становясь условием подлинного самоопределения. Всякая подлинная жизнь есть встреча: «Море и реки — кто вознамерится здесь разделять и устанавливать границы? Это только одно течение от Я к Ты, течение все более бесконечное, один безграничный поток Действительной Жизни» — пишет Бубер. [4, с. 54]. Такая коммуникация требует от участника целостной вовлечённости, исключая редукцию Другого к функции или средству.

Опираясь на философско-антропологический подход и концептуальное целостное видение человеческого бытия, попробуем сконструировать воспитательную интегративную модель, которая последовательно осуществляется в несколько этапов.

Первый этап условно обозначим как экзистенциально-коммуникативный. В понимании специфики такой коммуникации, будем отталкиваться от утверждения, что: «экзистенциальная коммуникация есть не что иное как истинная коммуникация, зародившаяся вместе с человеком» [11, с. 87]. На данном этапе предполагается создание интеллектуально-коммуникативного пространства, в котором возможен диалог и философская рефлексия, подразумевающая размышления над вопросами: Что есть человек? Какова природа ценностей? В чем состоит ценность человеческой жизни? Как меняют нашу жизнь размышления о смерти? Этот диалог не может существовать в плоскости уже заданных констант, он должен осмысляться как личностно-значимая проблема. Форма реализации: дискуссионные клубы, философские споры, сократические диалоги, герменевтические мастерские, групповые обсуждения на различных виртуальных платформах (наиболее близкая форма диалога для современной молодежи), игровые практики и т.д. Такие пространства должны формироваться целенаправленно, согласимся с современными исследователями, что: «Необходимо создавать и культивировать пространства (как физические, так и виртуальные), где возможно неформальное, личностное и глубокое общение, свободное от потребительских и инструментальных мотивов» [11, с. 88].

Принципиально условие реализации этого шага — отсутствие односторонней доминантной оценочной позиции, установка на понимание. Молодой человек в таком диалоге может свободно выражать собственную экзистенциальную позицию, сталкивать её с другими, пересматривать под давлением аргументов. Этот шаг аккумулирует интеллектуальный потенциал и разворачивает человека к саморефлексии, к пониманию, прежде собственных мотивов и потребностей. Так формируется рефлексивный минимум, без которого любое социальное действие остаётся традиционным поведением: подражанием, или позицией конформизма.

В работах К. Ясперса можно усмотреть тот самый выход из кризиса, для этого человеку, оказавшемуся в пограничной ситуации, необходимо совершить «экзистенциальный выбор»: «Свободный в выборе, я связываю себя этим выбором, совершаю поступок и несу ответ за последствия. Только светлое сознание этого решения делает мой выбор экзистенциальным выбором» [17, с. 146]. Однако здесь философ видит ловушку, поскольку именно этот экзистенциальный выбор (который только и способен вернуть человеку устойчивость) сам блокируется состоянием неопределённости. Так возникает замкнутый круг неопределённости, который способен разрушить саму возможность обретения подлинного существования. Выход из порочного круга видится в переходе от рефлексии к открытому диалогу и конкретному социальному действию, который превращается сотрудничество и соучастие. На реализацию этого «диалога — действия» и направлен следующий этап воспитательной модели, где не только внешний мир становится объектом преобразования, но и сам человек становится проектом. Современные исследователи творчества А. Богданова считают, что данное им

определение человека расположено в этом же смысловом поле, ибо человек — «это не готовая структура, не нечто заданное природой, а результат процессов целенаправленной организации, формирования и активного взаимодействия с социальной, культурной и трудовой средой» [2, с. 84].

Второй этап воспитательного процесса внутри предложенной интегративной модели условно можно обозначить как проективно-деятельностный. Отправной точкой на этом этапе становятся действующие «экзистенциальные инсайты», которые преобразуются в социальные практики. На этом уровне осуществляется движение от индивидуальной к общественно значимой (коллективной) ценности, так возникает общность понимания и выявляются проблемы, которые молодой человек признаёт как фундаментальные, всеобщие. К примеру, это может быть попытка ответить на вопрос о природе социального неравенства, об одиночестве современного человека в перенаселенном мире, о трансформации гуманизма под воздействием информационных технологий и т.д. Для практического результата необходимо совместными усилиями разработать и реализовать различные социальные проекты (возможно в игровой форме — создание симуляций), где нескольким участникам приходится делать реальный выбор между альтернативными ценностями и нести ответственность за последствия. Здесь важно то, что проектирование не должно навязывается извне как «социально полезная деятельность», оно естественно вырастает из предшествующего диалога, когда происходит осознание конкретным человеком или группой некоторой социальной проблемы как личностной, затрагивающей и его собственные интересы. В действительности для разрешения противоречий «… гуманизм из абстрактных формулировок должен перейти в сферу практики» [10, с. 135].

Данная модель, где есть возможность двигаться от самопознания к социальной реализации, не является принципиально новой для философии, однако в современной системе образования, часто ориентированного в плане воспитания на «декоративную риторику», она сложно реализуема. Предложенная интегративная двухэтапная модель формирования целостной личности направлена не на конструирование статичной, завершенной, идеальной личности, в первую очередь она нацелена на создание возможности для полноценного развития. У такой целостной личности в процессе воспитания обнаруживается со временем устойчивая способность к автономному смыслополаганию и умению брать ответственность как за себя лично, так и за решения общих социальных проблем, опираясь при этом на признание потенциальной множественности ценностных систем.

Заключение

В результате представленного анализа философско-антропологических оснований воспитания целостной личности можно сделать следующее выводы. Во-первых, несмотря на экзистенциальный кризис, с которым столкнулось сегодня молодое поколение, в системе воспитания в настоящее время существует запрос на преодоление этого «состояния неопределенности», что может быть осуществлено благодаря интегративной модели, цель которой — сформировать личность, укоренённую в собственной идентичности, способную к саморефлексии и социально активному действию.

Концептуальным основанием для структурирования и содержательного наполнения интегративной модели воспитания являются ключевые философские конструкты, разработанные в классической теории философской антропологии и в учении экзистенциализма. Предложенная модель, инициирующая личное самоопределение и становление человека в «событии — встрече с Другим», таким образом, опирается на несколько значимых философских конструкций: «духовная сущность человека», «эксцентрическая позициональность», «экзистенциальная» коммуникация» и «диалогическое отношение с Другим». Утилитаризм и фрагментарность, повсеместно применяемые на практике в воспитании, формируют функционально редуцируемого «упрощенного человека», часто неспособного к экзистенциальному выбору. Преодоление сложившейся ситуации возможно при условии отказа от жестких монологических стратегий в воспитательном процессе и отхода от исключительно инструментального отношения к личности.

Предложенная модель не является очередным утопическим проектом воспитания идеальной личности, она вполне может быть реализована, поскольку вырастает из единства взаимосвязанных фундаментальных антропологических структур. К ним относятся — способность личности к трансценденции, рефлексивной дистанции, экзистенциальной коммуникации и диалогу. Модель может быть адаптирована к разным социальным и культурным контекстам.

Таким образом, воспитание целостной личности, на основе философско-антропологического подхода, становится своего рода специальной «гуманитарной практикой», цель которой позволить личности самоопределиться в процессе экзистенциального переживания границ своего Я и затем, включении в это поле общественно-значимых событий. Такая работа с внутренним миром личности, является, безусловно, сложной, но одновременно и реализуемой, и востребованной, поскольку необходимым условием становления современного молодого поколения является формирование устойчивой идентичности в эпоху социальной фрагментации и ценностной неопределенности.

Литература

1. Авдеева Е.А. Философско-антропологические основания гуманитаризации системы образования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. — 2011. — №4. — С. 186-191.
2. Бабкова О.М. Человек как проект в творчестве Александра Богданова: философско-антропологический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. — 2025. — №8(502). — С. 81-86. DOI 10.47475/1994-2796-2025-502-8-81-86.
3. Баркова В. В. Некоторые аспекты исследования природы многомерной целостности человека // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — №2(412). — С. 40-45.
4. Бубер М.Я и Ты / под ред. С.Я. Левит; послесл. П.С. Гуревича. — М.: Высшая школа, 1993. — 175 с.
5. Гелен А. Человек. Его природа и его положение в мире / пер. с нем. И.А. Михайлова. — М.: РОССПЭН, 2015. — 382 с.
6. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. — 2009. — №3. — С. 19-32.
7. Гутова С.Г., Богатырь В.С. Особенности формирования современной личности: философско-антропологический подход // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: сб. ст. II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24 сентября 2024 года. — Чебоксары: Среда, 2024. — С. 11-13.
8. Орешников И.М. Гуманистические философско-антропологические основания и идеалы биологии человека и биоэтики XXI века // История и педагогика естествознания. — 2017. — №2. — С. 5-10.
9. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. и авт. послесл. А.Г. Гаджикурбанов. — М.: РОССПЭН, 2004. — 367 с.
10. Поломошнов П.А. Гуманизм и кризис идентичности личности // KANT. — 2018. — №3(28). — С. 131-136.
11. Потапов М.М., Барбашов А.Б., Гойхман Г.М. Экзистенциальные формы коммуникации в современных условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2026. — №1. — С. 86-94.
12. Ростова Н. Антропологическая форма как смысл феномена человек // Философская антропология. — 2015. — Т. 1, №2. — С. 165-183.
13. Самохина Н.Н. Идеология экстремизма и терроризма как форма деструктивного поведения: философский анализ / Н.Н. Самохина, С.Г. Гутова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — №12-2(74). — С. 145-149.
14. Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 31–95.
15. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс. — М.: АСТ, 2024. — 256 с.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
17. Ясперс К. Философия: в 3 кн. / пер. с нем. А.К. Судакова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: Канон+, 2012. — Кн. 2: Просветление экзистенции. — 447 с.

THE PHENOMENON OF VOLUNTEERISM AS A SPACE FOR THE FORMATION OF IDENTITY OF THE YOUNG GENERATION

Egoshin Vadim Igorevich, *Assistant of Department of Social Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)*

In the context of the transformation of value orientations and the spiritual fragmentation of modern society, volunteerism is becoming a significant factor in self-knowledge and self-determination. This article examines the phenomenon of volunteerism as a unique space for the formation of identity among the younger generation. Volunteering is conceptualized as a form of existential choice and spiritual self-affirmation, facilitating the integration of the individual and collective dimensions of human existence. The analysis concludes that volunteerism acts as a form of spiritual self-affirmation, fostering a sense of belonging, responsibility, and spiritual maturity. Through involvement in a common cause and awareness of one's own mission, a person becomes a subject of moral action and spiritual culture.

Keywords: *volunteering; goodness; spirituality; identity; personality; youth; conciliarity; philosophical anthropology; existentialism; empathy.*

EDN: DPQAEN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.14***

Цитировать: *Егошин В.И. Феномен волонтерства как пространство формирования идентичности молодого поколения // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 97-103. EDN: DPQAEN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.14*

Феномен волонтерства как пространство формирования идентичности молодого поколения

УДК 177.7
5.7.7

© Егошин В.И. 2026

В условиях трансформации ценностных ориентиров и духовной фрагментации современного общества волонтерство становится значимым фактором самопознания и самоопределения личности. В статье рассматривается феномен волонтерства как особое пространство формирования идентичности молодого поколения. Волонтерство осмысляется как форма экзистенциального выбора и духовного самоутверждения личности, способствующая интеграции индивидуального и соборного измерения человеческого бытия. Результаты анализа приводят к заключению, что волонтерство выступает как форма духовного самоутверждения, способствующая формированию чувства сопричастности, ответственности и духовной зрелости, через приобщение к общему делу и осознание собственной миссии человек становится субъектом нравственного действия и духовной культуры.

Ключевые слова: *волонтерство; добро; духовность; идентичность; личность; молодежь; соборность; философская антропология; экзистенциализм; эмпатия.*

ЕГОШИН Вадим Игоревич, *ассистент кафедры социальной работы, Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)*

Введение

Современное общество переживает период различных глубоких социокультурных трансформаций, которые связаны с цифровизацией, изменением системы ценностей и ослаблением традиционных форм социализации. [3, с. 44]. Данные процессы особенно остро и ярко отражаются на молодом поколении, а вопрос формирования идентичности приобретает экзистенциальное значение и сопряжен с кризисом самоопределения, размыванием моральных ориентиров и неопределенностью жизненных перспектив. В этой связи особую значимость приобретают социальные практики, в которых возможно не только участие в общественно полезной деятельности, но и формирование целостного мировоззрения, ценностного ядра личности и чувства сопричастности. И одной из таких практик выступает волонтерство.

Волонтерская деятельность в современном мире давно вышла за рамки эпизодического альтруизма, превратившись в устойчивую форму социальной активности и самореализации личности. «Волонтерство не воспринимается как односторонняя помощь, ведь

благодаря помощи другим людям, человек помогает в первую очередь себе» [4, с. 1016]. Можно сказать, для молодежи такого рода социальная активность становится своеобразным пространством личностного роста, в котором человек через оказания заботы о других, через участие в решении общих задач обретает понимание собственной значимости и ответственности. И именно здесь волонтерство раскрывается как феномен формирования идентичности — внутреннего чувства «Я», которое основано на ценностях, солидарности, служении и доброте.

Несмотря на наличие огромного числа исследований, посвященных различным аспектам волонтерского движения (психологическим, социологическим, правовым и т.д.), философская сторона данного явления освещена, на наш взгляд, недостаточно. В отечественной гуманитарной мысли волонтерство чаще всего рассматривается как инструмент воспитания социальной активности или как элемент гражданского общества, но реже всего — как форма духовно-нравственного и экзистенциального самоопределения личности. Между тем именно философский анализ позволяет увидеть в волонтерстве не просто социальный механизм, а особый способ бытия человека в мире, через который он осознает себя, свое место и даже смысл существования.

Актуальность обращения к феномену волонтерской деятельности в контексте формирования идентичности обусловлена тем, что для современного молодого человека волонтерство становится одним из немногих пространств, где происходит не навязанное, а внутренне переживаемое становление личности. В условиях современного общества, когда нарастает индивидуализм и цифровое отчуждение, волонтерство позволяет пережить опыт сопричастности, эмпатии и солидарности, формируя, тем самым, у личности целостное мировоззрение и ценностную устойчивость. Добровольческая деятельность создает возможности для интеграции индивидуального и общественного, личного и коллективного, что делает ее мощным инструментом формирования гражданской и духовной идентичности.

Самопознание и проблема идентичности

Проблема идентичности имеет длительную философскую историю, которая восходит к античному пониманию человека как существа, стремящегося к самопознанию. Если обратиться к Сократу, то его идея «познай самого себя» становится центральным принципом, задающим направление для всей последующей европейской антропологии. В эпоху же Нового времени вопрос о самотождественности личности получает новое содержание — человек осмысляется как автономный субъект, обладающий разумом и свободой.

У Рене Декарта утверждается концепция субъекта, существующего через акт мышления «Я мыслю, следовательно, я существую». Данная установка определила рационалистическую модель идентичности, в которой «Я» мыслится как устойчивое и неделимое начало, которое обеспечивает непрерывность человеческого существования.

Но, уже Иммануил Кант вносит существенную корректировку в эту линию мысли. Для него же человек — это не только мыслящий субъект, но и нравственное существо, способное к самоопределению на основе внутреннего закона. Кант связывает идентичность личности с моральной автономией, способностью действовать по велению разума, а не внешних обстоятельств. Таким образом, идентичность приобретает не только когнитивный, но и этический смысл — она выражает единство сознания и совести, мышления и долга.

В философии XIX–XX веков проблема идентичности развивается в двух направлениях — экзистенциальном и феноменологическом. В экзистенциальном плане личность осмысляется как существо, обретающее себя в акте выбора, ответственности и свободы. Идентичность тут понимается как процесс, а не как данность. Человек «становится собой» через преодоление отчуждения, через экзистенциальное усилие быть подлинным. Карл Ясперс подчеркивал, что подлинное существование раскрывается только в «пограничных ситуациях» — при опыте страдания, любви, ответственности, когда человек сталкивается с вопросом о смысле своего бытия. В этом контексте волонтерская деятельность

может рассматриваться как форма экзистенциального выбора, в котором личность утверждает себя через служение другим.

Феноменологическая традиция смещает акцент с внутренней рефлексии на опыт «бытия в мире». Здесь идентичность личности формируется в теле, в восприятии, в общении с другими людьми. Человек не существует изолированно: его «Я» конституируется в поле межсубъективности. Это положение становится особенно важным для понимания идентичности волонтера, поскольку именно во взаимодействии, в совместном действии и эмпатическом опыте происходит осознание своей уникальности и сопричастности. Таким образом, феноменология утверждает идею открытого, диалогического «Я», которое строит себя через встречу с «Другим».

В русской философской мысли понятие идентичности традиционно связывалось с духовным измерением человеческого существования. Для Н.А. Бердяева, человек — это не биологическое или социальное существо, а личность, которая наделена свободой и творческим духом. Его подлинная идентичность проявляется не в приспособлении к миру, а в стремлении к внутреннему преображению. В этой связи волонтерство можно рассматривать как практику духовного творчества — как акт, через который личность выходит за пределы своего эгоизма и утверждает себя в нравственном действии.

Особое место занимает идея соборности, отраженная в трудах А.С. Хомякова, П.А. Флоренского и Н.Ф. Федорова. Соборность понимается как форма духовного единения людей, основанного на любви и соработничестве. В контексте формирования идентичности это означает, что человек становится личностью не в изоляции, а через включенность в общность, через опыт служения и ответственности перед другими. Н.Ф. Федоров видел в деятельной любви путь к преодолению разобщенности и смерти, а в нравственном действии — основу истинного человеческого существования. Его идеи оказываются созвучными современным пониманиям волонтерской деятельности как формы совместного усилия, направленного на утверждение жизни и добра.

Современные философские и социологические концепции трактуют идентичность как динамический конструкт, который возникает в процессе социального взаимодействия и саморефлексии. Эрик Эриксон вводит понятие «кризиса идентичности» — периода, когда человек находится в поисках согласия между внутренним «Я» и внешним миром, окружающим его [8]. Для молодежи этот кризис особенно остро переживается, и именно в таких формах активности, как волонтерство, возможен его конструктивный выход. Участие в добровольческих практиках помогает молодому человеку обрести чувство значимости, осознать свою причастность к сообществу и сформировать позитивную социальную и духовную идентичность.

Таким образом, философское осмысление идентичности личности показывает, что она формируется не только через саморефлексию, но и через действие, направленное вовне. Человек становится собой в отношении к другим людям, через опыт эмпатии, заботы и ответственности. В этом смысле волонтерство выступает не просто социальной деятельностью, а пространством экзистенциального самоутверждения и духовного становления личности.

Волонтерство как пространство со-бытия и реализации принципа соборности

Современная философия человека исходит из того, что личность формируется в процессе активного взаимодействия с окружающим миром. Человек становится самим собой не в изоляции, а в действиях, в поступках, которые соединяют внутренний замысел и внешнее проявление. В этом смысле волонтерство представляет собой особую форму человеческой активности, где внутреннее стремление к добру получает конкретное воплощение в помощи другим людям. Через добровольное служение личность раскрывает свое подлинное «Я», осознавая собственную ценность и предназначение.

Волонтерскую деятельность можно рассматривать как экзистенциальную практику самопознания, в которой человек встречается с реальностью другого человеческого опыта — боли, смерти, одиночества, нужды, надежды. Подобная встреча не является утилитарной: она предполагает открытость, эмпатию и готовность разделить ответственность. В этом

акте заботы и соучастия личность обретает возможность выйти за пределы собственного эгоизма и почувствовать себя частью общего человеческого бытия. В терминах философии диалога волонтер вступает в отношение «Я — Ты», в котором другой человек воспринимается не как объект помощи, а как полноправный субъект, носитель достоинства и смысла. Именно в таком отношении рождается подлинное самопонимание — «Я» открывается через «Ты».

Экзистенциальный смысл волонтерской деятельности проявляется в том, что она требует свободного выбора. Человек добровольно принимает решение действовать во благо других, не из внешнего принуждения, а по внутреннему убеждению. Таким образом, волонтерство становится актом самоопределения, через который личность подтверждает свою способность быть причиной собственных поступков. В духе философии Карла Ясперса и Виктора Франкла, можно утверждать, что смысл человеческого существования раскрывается в ответственности за другого. Когда человек осознанно выбирает помогать, он тем самым утверждает ценность жизни, не только чужой, но и своей собственной.

Особенность волонтерства как феномена состоит в том, что оно соединяет в себе индивидуальное и коллективное измерения. С одной стороны, волонтер действует из личного импульса, руководствуясь внутренними мотивами, — это сфера индивидуального выбора. С другой стороны, его деятельность всегда включена в пространство со-бытия, в сеть человеческих отношений, где реализуется принцип соборности. В рамках этой соборности происходит важный процесс — переход от «Я» к «Мы», что и определяет развитие идентичности. Молодой человек, участвуя в волонтерских инициативах, не только помогает другим, но и учится быть частью общего дела, осознавая себя элементом большего целого.

Опыт волонтерства формирует у личности чувства внутренней причастности к миру и людям, что становится фундаментом духовного взросления. В философии Н.А. Бердяева это состояние можно описать как выход из мира необходимости в пространство свободы духа. Добровольное служение — это форма творческой свободы, в которой человек не просто подчиняется социальным нормам, но утверждает нравственное измерение своего существования. Через действие, мотивированное добром, он реализует себя как субъект духовной культуры.

Волонтерство как школа нравственного опыта: ответственность, отзывчивость и сострадание

Для молодого поколения участие в волонтерской деятельности часто становится первым опытом подлинной ответственности и самостоятельности. В отличие от учебной или профессиональной деятельности, где результат задается внешними критериями, волонтерство предполагает внутреннюю мотивацию и моральный выбор. Здесь человек сталкивается с вопросом «Зачем я это делаю?», и ответ на него становится частью процесса самопознания. Постепенно в сознании формируется новая идентичность — идентичность человека деятельного, способного к сочувствию, эмпатии и солидарности.

Кроме того, волонтерство несет в себе важный аксиологический потенциал. «Оно формирует систему личностных ценностей, среди которых — ответственность, доброта, коммуникабельность, отзывчивость и сострадание» [1, с. 38]. И здесь необходимо отметить, что «небезосновательным представляется то обстоятельство, что сострадание служит одним из направлений процесса мыслительного гносеологического постижения мира» [2, с. 131]. В этом смысле волонтерство можно рассматривать как школу нравственного опыта, где личность учится не только помогать другим, но и понимать себя как часть морального сообщества.

Таким образом, волонтерство выполняет двойную функцию: оно является формой социальной активности и одновременно пространством духовного самопознания. Через добровольное участие в общем деле человек утверждает себя как личность, открывает смысл собственного существования и выстраивает внутреннюю систему координат. Самоопределение, происходящее в контексте волонтерской деятельности, становится основой для формирования устойчивой идентичности, объединяющей индивидуальное и общественное, личное и универсальное.

Формирование идентичности личности невозможно вне системы ценностей, через которую человек осознает себя и свое место в мире. «Ценности выступают в качестве объектов интересов человека, а в его сознании реализуются в виде повседневных ориентиров не только в предметной, но и в социальной реальности» [7, с. 4]. Для волонтера, чья деятельность изначально ориентирована на помощь другим, именно ценностно-смысловое ядро становится фундаментом, на котором строится его мировоззрение и жизненная позиция.

Центральной категорией философского осмысления волонтерства выступает добро. В отличие от абстрактного морального идеала, добро в волонтерской практике проявляется как действие, как деятельная любовь. По выражению Н.А. Бердяева, «добро должно быть живым, творческим актом, а не исполнением предписаний». Волонтер реализует добро не через внешние формы, а через внутреннее побуждение, которое «характеризуется тягой к волонтерской работе вследствие интереса к ней и ощущения личностью ценности данной деятельности» [6, с. 147]. Добровольность делает это действие подлинным, а не навязанным. Именно в этом проявляется нравственная зрелость личности способная к свободному нравственному действию.

Важнейшим ценностным измерением волонтерства, безусловно, является эмпатия — способность понимать и сопереживать другому. С философской точки зрения эмпатия — это не просто эмоциональная реакция, а форма постижения бытия другого человека. Эммануэль Левинас рассматривал встречу с «Другим» как событие, в котором раскрывается сама сущность этики: «лицо другого» призывает к ответственности, заставляет выйти за пределы собственного «Я». В этом смысле волонтерский опыт можно трактовать как воплощение этики ответственности: помогая, человек принимает на себя часть чужого мира, участвует в судьбе другого. Через этот опыт формируется новый тип сознания — сознание сопричастности, основанное не на абстрактной морали, а на личностном участии.

Особое место в системе ценностей волонтера занимает идея служения. Она объединяет в себе мотивы духовного долга, любви к ближнему и осознания своей миссии. В философии Н.Ф. Федорова служение выступает как форма «общего дела», в котором человек преодолевает индивидуализм и реализует высшее предназначение — быть соработником в деле добра и жизни. Волонтерская деятельность воплощает эту идею на практике: в каждом акте помощи присутствует стремление восстановить гармонию между людьми, вернуть миру элемент человечности.

Неотъемлемой частью ценностной структуры волонтерства является соборность — категория, выражающая духовное единение людей в совместном действии. В ней соединяются индивидуальная свобода и коллективное усилие, личная инициатива и общая цель. Волонтерская идентичность формируется именно в этом поле соборности: человек осознает себя как личность не вопреки другим, а вместе с ними. Подобная коллективная сопричастность имеет не только социальный, но и онтологический смысл — она отражает саму природу человеческого существования как «бытия в мире с другими».

Наряду с добром, эмпатией и служением, важную роль играет категория ответственности. В отличие от обязанности, продиктованной внешними нормами, ответственность волонтера рождается из внутреннего чувства сопричастности. Это ответственность за состояние мира, за жизнь других людей, за сохранение человеческого достоинства. Такой подход сближает волонтерство с экзистенциальной этикой Виктора Франкла, для которого смысл человеческого существования раскрывается в способности отвечать за свое отношение к миру. В каждом акте помощи волонтер утверждает ценность жизни, смысл бытия и собственную способность быть носителем добра.

Волонтерство как практика нравственного возрождения

Ценностно-смысловое пространство волонтерской идентичности имеет также духовное измерение. Для многих участников добровольческих движений волонтерство становится не только социальной активностью, но и формой духовного опыта, возможностью прикоснуться к высшему — к идеалам любви, милосердия, сострадания. Эти категории можно рассматривать как универсальные основания человеческого бытия, объединяющие людей независимо от национальных, ре-

лигиозных или культурных различий. Таким образом, волонтерство становится практикой нравственного возрождения, формой воплощения духовных ценностей в реальности.

Можно сказать, что в системе ценностей волонтерства происходит синтез духовного и социального. С одной стороны, это конкретная деятельность, которая направлена на решение общественных проблем, а с другой — способ внутреннего роста, самопознания и смыслообразования. В процессе волонтерской практики человек открывает в себе источник добра и тем самым формирует устойчивую идентичность, основанную не на внешних статусах, а на внутреннем опыте.

Таким образом, ценностно-смысловые основания идентичности волонтера включают в себя добро, эмпатию, служение, соборность и ответственность. Эти категории образуют целостную духовно-нравственную систему, в которой личность осознает себя не как изолированный субъект, а как часть живого морального целого. Именно через эти ценности волонтерство становится пространством формирования зрелой, ответственной и духовно ориентированной идентичности молодого поколения. Авторы научных трудов Т.А. Попова и А.Е. Мазанова в ходе авторского исследования, подкрепленными эмпирическими результатами, делают вывод, что «в отличие от лиц, не занимающихся волонтерской деятельностью, у волонтеров удовлетворенность результатами жизни, интернальность, принятие риска, гармоничность жизненных предназначений находились на высоком уровне» [5, с. 35].

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что проведенный философский анализ позволяет утверждать, что волонтерство представляет собой не только социальное или культурное явление, но и особое экзистенциальное пространство, в котором личность раскрывает и утверждает свою идентичность. В условиях трансформации ценностей, цифровизации и духовной фрагментации современного общества волонтерская деятельность становится одним из немногих способов подлинного самопознания, самореализации и смыслообразования для молодого поколения.

Опыт участия в добровольческих практиках формирует у личности чувство сопричастности, ответственности и духовной зрелости. Через помощь другим человек открывает собственную способность быть источником добра и любви, преодолевает эгоцентризм и обретает внутреннюю целостность. Таким образом, волонтерсство выступает как форма духовного самоутверждения, соединяющая личностное и общественное, индивидуальное и соборное измерения человеческого бытия.

Анализ ценностно-смысловых оснований волонтерской идентичности показывает, что ее ядро составляют категории добра, эмпатии, соборности и ответственности. Эти категории не только определяют моральный облик волонтера, но и задают направление его внутреннего развития. Через приобщение к общему делу и осознание собственной миссии человек становится субъектом нравственного действия и духовной культуры. В этом проявляется аксиологическая природа волонтерства — она формирует не просто социально активного, но и духовно зрелого человека.

Таким образом, феномен волонтерства в философском измерении можно рассматривать как путь формирования идентичности личности, где соединяются познание себя и служение другим. Для молодого поколения — это пространство обретения смысла, выстраивания собственной жизненной позиции и понимания себя как части большего целого — общества, культуры, человечества. Волонтерство предстает не просто как социальная практика, но как форма бытия человека, открытого миру, другому и самому себе. В нем выражается глубинная потребность личности в самопреодолении, в утверждении духовной свободы и в создании нравственного смысла собственного существования.

Литература

1. Алексеёнок А.А., Путилина Ю.Ю. Волонтерство как фактор формирования личности студенческой молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. — 2022. — №17(4). — С. 31-46.
2. Егошин В.И. Гносеологическое понимание волонтёрства в современной философской науке / В.И. Егошин // KANT. — 2024. — №1(50). — С. 130-134. — DOI 10.24923/2222-243X.2024-50.23. — EDN HOUZHG.

3. Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — №11(1). — С. 43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48.
4. Назарова Г.И. Волонтерство как форма социальной активности молодежи // Форум молодых ученых. — 2018. — №4 (20). — С. 1013-1016.
5. Попова Т.А., Мазанова А.Е. Осмысленность жизни и ответственность личности волонтеров // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. — 2021. — №4. — С. 21-39.
6. Стегний В.Н., Никонов М.В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2018. — №1. — С. 146-156.
7. Торабаева М.Х. Роль ценностных ориентаций в формировании опосредованной взаимосвязи между социальной и экзистенциальной идентичностью / М. Х. Торабаева // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10, № 2. — 47PSMN222.
8. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. — М.: Флинта, 2006. — 342 с.

THE HUMANISTIC AND MARXIST PARADIGM OF HUMAN RESEARCH IN THE WORKS OF I.T. FROLOV: A HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Zakirova Tatiana Valeryevna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg (Russia)*

The relevance of the study is due to the need for a critical rethinking of the theoretical foundations of modern philosophical anthropology in the context of the transformation of ideas about man that have occurred over the past three decades. In the context of the dominance of Western concepts (transhumanism, posthumanism, structuralism) in the Russian philosophical environment, there is a need to turn to an alternative tradition represented by Soviet humanistic Marxism. The purpose of the article is to reconstruct the humanistic and Marxist paradigm of human research in the works of I.T. Frolov, identifying its heuristic potential for modern historical and philosophical reflection. The methodological basis of the work consists of the historical-philosophical method, which involves contextual analysis of philosophical teachings, the principles of comparativistics and intercultural philosophy, which make it possible to compare Soviet and Western European traditions of philosophical anthropology. The results of the study demonstrate that Frolov developed the concept of scientific humanism, integrating the Marxist theory of social development with the ethical regulation of scientific and technological progress. In contrast to both Western (Fromm, Habermas, Žižek) and modern Russian approaches, Frolov maintains an anthropocentric position that is reducible neither to biological reductionism nor to postmodern deconstruction of the subject. The conclusions substantiate the need to include the heritage of Soviet philosophical anthropology in the current historical and philosophical discourse as an independent tradition with an original conceptual apparatus for analyzing modern anthropological crises.

Keywords: *I.T. Frolov; history of philosophy; Soviet philosophy; humanism; Marxism; scientific and technological revolution; philosophical anthropology; posthumanism; ethics of science; transhumanism.*

EDN: EVMXER ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.15***

Цитировать: *Закирова Т.В. Гуманистическая и марксистская парадигма исследования человека в трудах И.Т. Фролова: историко-философский анализ // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 104–109. EDN: EVMXER. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.15*

УДК 1(091)
5.7.2

© Закирова Т.В., 2026

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ И МАРКСИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ И.Т. ФРОЛОВА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического переосмысления теоретических оснований современной философской антропологии в контексте трансформации представлений о человеке, произошедшей за последние три десятилетия. В условиях доминирования западных концепций (трансгуманизма, постгуманизма, структурализма) в российской философской среде возникает потребность в обращении к альтернативной традиции, представленной советским гуманистическим марксизмом. Целью исследования является реконструкция гуманистической и марксистской парадигмы исследования человека в творчестве И.Т. Фролова и выявление её эвристического потенциала для современной историко-философской рефлексии. Методологическая основа работы включает историко-философский метод, предполагающий контекстуальный анализ философских учений, а также принципы компаративистики и межкультурной философии, позволяющие сопоставить советскую и западноевропейскую традиции философской антропологии. Результаты исследования демонстрируют, что Фролов разработал концепцию научного гуманизма, интегрирующую марксистскую теорию общественного развития с этическим регулированием научно-технического прогресса. В отличие от западных (Фромм, Хабермас, Жижек) и современных российских подходов, Фролов сохраняет антропоцентрическую позицию, не сводимую ни к биологическому редукционизму, ни к постмодернистской деконструкции субъекта. Выводы обосновывают

необходимость включения наследия советской философской антропологии в актуальный историко-философский дискурс в качестве самостоятельной традиции, обладающей оригинальным концептуальным аппаратом для анализа современных антропологических кризисов.

Ключевые слова: *И.Т. Фролов; история философии; советская философия; гуманизм; марксизм; научно-техническая революция; философская антропология; постгуманизм; этика науки; трансгуманизм.*

ЗАКИРОВА Татьяна Валерьевна, *кандидат философских наук, доцент, Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко, Оренбург (Россия)*

SPIN-код: 8284-1780

Введение

Этика науки и проблема человека в контексте стремительного развития биотехнологий, искусственного интеллекта и нанотехнологий приобретают в XXI веке беспрецедентную остроту. Философская рефлексия над пределами человеческой природы, допустимостью её технологического изменения и границами научного экспериментирования становится не просто академическим упражнением, но насущной практической потребностью. В этой ситуации закономерно возникает вопрос о теоретических ресурсах, которыми располагает современная философия для осмысления этих вызовов.

Особое место в ряду мыслителей, обращавшихся к данной проблематике, принадлежит выдающемуся советскому философу Ивану Тимофеевичу Фролову (1929–1999). Как свидетельствуют архивные материалы и публикации последних лет, Фролов разработал учение о научном гуманизме, в котором была осмыслена современная стадия научно-технической революции, превращающая человека в объект научно-технического воздействия, а природу — в техногенную среду [7, с. 8]. Актуальность обращения к наследию Фролова обусловлена не только глубиной его теоретических построений, но и тем обстоятельством, что в современной российской философии, по справедливому замечанию ряда исследователей, наблюдается доминирование западных концепций при почти полном отсутствии самостоятельной рефлексии над антропологическими проблемами.

За последние тридцать лет произошли кардинальные изменения в трактовке человека как в мировой, так и в отечественной философии. Трансгуманизм и постгуманизм, структурализм и постструктурализм, идеи Ф. Ницше, М. Хайдеггера, З. Фрейда, Ж. Делёза и Ж. Деррида стали восприниматься значительной частью российского философского сообщества как непререкаемые авторитеты. В этой ситуации обращение к альтернативной традиции, представленной советской гуманистической мыслью, приобретает не только историко-философское, но и актуальное теоретическое значение.

Цель исследования — реконструировать гуманистическую и марксистскую парадигму исследования человека в творчестве И.Т. Фролова, выявив её эвристический потенциал для современной философской антропологии и этики науки. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать концепцию научного гуманизма Фролова в её историко-философском контексте; 2) сопоставить фроловскую парадигму с альтернативными подходами (Э. Фромм, Ю. Хабермас, С. Жижек, Э. Агацци); 3) выявить специфику советской философской антропологии в её отличии от западных и современных российских концепций; 4) определить значение наследия Фролова для современной дискуссии о пост- и трансгуманизме.

Методологическую основу работы составляют историко-философский метод, предполагающий контекстуальный анализ философских учений, а также принципы компаративистики и межкультурной философии, позволяющие осуществить непредвзятое сопоставление различных философских традиций. Особое значение имеет отказ от постколониальной оптики, рассматривающей советскую философию как маргинальную по отношению к «западному канону»; напротив, в данной работе советская философская антропология рассматривается как самостоятельная и оригинальная традиция, требующая адекватной историко-философской реконструкции.

Структура статьи включает три основных раздела. В первом разделе рассматривается

концепция научного гуманизма Фролова в её историческом и теоретическом контексте. Во втором разделе проводится сопоставительный анализ фроловской парадигмы с подходами западных мыслителей, так или иначе опиравшихся на марксистскую традицию. В третьем разделе анализируются современные вызовы (трансгуманизм, постгуманизм) и оценивается потенциал фроловского наследия для ответа на них.

Концепция научного гуманизма И.Т. Фролова: историко-философская реконструкция

Иван Тимофеевич Фролов занимает особое место в истории советской философии. Как академик АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы философии» (1968–1977) и основатель Института человека РАН, он сумел создать оригинальное направление философской мысли, получившее название «научный гуманизм». В отличие от многих советских философов, ограничивавшихся комментированием классиков марксизма-ленинизма, Фролов поставил в центр своей рефлексии реальные проблемы, порождённые научно-технической революцией второй половины XX века.

Центральный тезис Фролова заключается в том, что развитие науки и техники, при всех его несомненных достижениях, несёт в себе угрозу для человеческого существования. «Научно-техническая революция превращает человека в объект научно-технического воздействия, а природу — в техногенную среду» [8, с. 8]. Этот тезис, высказанный в 1970-е годы, оказался пророческим: сегодня мы наблюдаем процессы, о которых Фролов предупреждал полвека назад — от генной инженерии до создания систем искусственного интеллекта, ставящих под вопрос само понятие человеческой исключительности.

Фролов не был наивным технооптимистом, но он не был и технофобом. Его позиция — это позиция ответственного гуманизма, стремящегося направить развитие науки и техники на благо человека. Он сформулировал основные принципы регулирования научных исследований, применение которых позволило бы разрешить глобальные проблемы цивилизации, порождённые бесконтрольным развитием научно-технического прогресса [7, с. 8]. Эти принципы включают: приоритет человеческой жизни и достоинства над технологической эффективностью; демократический контроль над научными исследованиями; интеграцию этических и социальных аспектов в саму ткань научной деятельности.

Важно подчеркнуть, что гуманизм Фролова не был абстрактным декларированием ценности человека. Опираясь на марксистскую теорию, он рассматривал человека как совокупность общественных отношений, что позволяло избежать как биологического редукционизма, так и идеалистического волюнтаризма. Человек для Фролова — это не изолированный атом, не «мыслящий тростник» Паскаля и не «сверхчеловек» Ницше, а существо, чья сущность раскрывается в истории, в труде, в общении с другими людьми. Именно эта диалектическая связь индивидуального и социального составляет ядро фроловской антропологии.

Сравнительный анализ: Фролов и западная гуманистическая традиция

Для понимания места Фролова в истории философии необходимо сопоставить его концепцию с подходами западных мыслителей, которые также развивали гуманистическую и марксистскую проблематику. Наиболее значимыми здесь представляются Эрих Фромм, Юрген Хабермас, Славой Жижек и Эвандро Агацци.

Эрих Фромм, один из виднейших представителей франкфуртской школы, как и Фролов, стремился синтезировать марксизм с гуманистической психологией и антропологией [9]. Франкфуртская школа в целом характеризовалась «стремлением марксистский экономический подход к проблемам социальной жизни заменить философско-антропологическим подходом». Однако между Фроммом и Фроловым существует существенное различие. Фромм, особенно в поздний период, склонялся к мистико-религиозной трактовке гуманизма, усматривая в марксизме прежде всего критику отчуждения при сохранении «мессианского» измерения. Фролов же оставался в рамках светского, научно обоснованного гуманизма, не апеллируя к трансцендентным инстанциям.

Более того, если Фромм и другие представители франкфуртской школы «отказались

от отождествления развития науки, техники, рационализма вообще с действительным прогрессом человеческого общества» [1], то Фролов не противопоставлял науку и гуманизм, но стремился к их синтезу. Для него наука не была враждебна человеку по своей сути; враждебным могло быть лишь её бесконтрольное, этически нерегулируемое применение.

Юрген Хабермас, другой выдающийся представитель франкфуртской школы второго поколения, также обращался к проблемам этики науки и антропологии. В поздних работах, особенно в книге «Будущее человеческой природы» (2001), Хабермас анализирует моральные границы генной инженерии и либеральной евгеники. Хабермас, подобно Фролову, настаивает на необходимости этического регулирования биотехнологий, но его аргументация строится на иных основаниях — на теории коммуникативного действия и дискурсивной этике. Для Хабермаса ключевым является понятие «видовой этики», предполагающей, что вмешательство в геном человека подрывает условия возможности морального субъекта как автономного и ответственного существа.

Фролов, не используя терминологии Хабермаса, по сути приходит к сходным выводам, но с позиций марксистского гуманизма. Для него неприкосновенность человеческой природы — это не столько условие автономии субъекта, сколько условие возможности социальной справедливости и солидарности. Если допустить возможность генетического конструирования «улучшенных» людей, то социальное неравенство станет биологически наследуемым, что подорвёт саму основу гуманистического проекта.

Славой Жижек, словенский философ, работающий на стыке лакановского психоанализа, гегельянства и марксизма, представляет собой фигуру, во многом противоположную Фролову [3]. Жижек, как и многие современные российские философы, активно использует постструктуралистский инструментарий и критикует «гуманизм» как идеологическую иллюзию, маскирующую реальные механизмы власти. Для Жижека «смерть человека», о которой возвестил Мишель Фуко, — это не трагедия, а возможность освобождения от «гуманистической» идеологии, привязывающей субъекта к его идентичности.

Фролов, напротив, рассматривает гуманизм как безусловную ценность. Для него «смерть человека» — это не теоретический тезис, а реальная угроза, порождаемая развитием технологий и капиталистических отношений. В этом расхождении проявляется фундаментальное различие между советским гуманистическим марксизмом и западным постмарксизмом.

Эвандро Агацци — итальянский философ, один из основоположников философии техники и этики науки [2]. В отличие от Фролова, Агацци не является марксистом; его философские основания лежат в неопозитивизме и аналитической традиции. Тем не менее, Агацци, подобно Фролову, настаивает на необходимости этического регулирования науки и рассматривает ответственность учёного как ключевую категорию. Агацци развивает концепцию «сложной этики» (*etica complessa*), учитывающую множественность ценностных систем и необходимость диалога между ними. Фролов, напротив, исходит из более универалистской позиции, полагая, что гуманистические ценности имеют объективное основание в природе человека и законах общественного развития.

Наследие Фролова в контексте современных антропологических дискуссий

Последние три десятилетия ознаменовались радикальной трансформацией философской антропологии как на Западе, так и в России. Особенно влиятельными стали направления трансгуманизма и постгуманизма, которые по-разному, но одинаково радикально ставят под вопрос традиционное понимание человека.

Трансгуманизм — это интеллектуальное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность «улучшения» человека с помощью технологий. Трансгуманисты (Н. Бостром, Р. Курцвейл и др.) рассматривают человеческое тело как устаревшую конструкцию [11], которую следует модернизировать с помощью импланта-

[1] Социальная теория франкфуртской школы. Философия XX века // Alumni.mgimo.ru : сайт выпускников МГИМО. URL: https://alumni.mgimo.ru/page/adaptive/id379773/blog/11245344/

тов, генной инженерии и загрузки сознания в компьютер. С этой точки зрения, человек — это переходная стадия на пути к «постчеловеку» (*posthuman*).

Постгуманизм, представленный такими мыслителями, как Д. Харауэй, К. Вулф, Р. Брайдотти, менее технооптимистичен, но не менее радикален [12]. Постгуманизм критикует сам принцип антропоцентризма, утверждая, что человек никогда не был автономным, самодостаточным субъектом, а всегда существовал в сети отношений с другими существами — животными, машинами, технологиями. «Человеческая исключительность» — это, согласно постгуманистам, идеологический миф, который следует преодолеть.

Одним из наиболее ярких представителей этого направления является Жан-Мари Шеффер, чья книга «Конец человеческой исключительности» (2007) представляет собой систематическую критику антропоцентризма. Шеффер утверждает, что «на протяжении как минимум полутора столетий мы знаем вне всяких разумных сомнений, что люди — это живые существа среди других живых существ и что единство человечества — это единство биологического вида» [13]. Философ ставит вопрос: почему, несмотря на этот очевидный факт, философия и гуманитарные науки продолжают настаивать на тезисе человеческой исключительности? Ответ Шеффера: потому что этот тезис выполняет идеологическую функцию, поддерживая определённую иерархию ценностей [10].

Подход Шеффера, при всей его внешней убедительности, вызывает серьёзные возражения. Если человеческая исключительность — это всего лишь идеологический миф, то на каком основании мы можем утверждать права человека, запрещать пытки, защищать достоинство? Биологический редукционизм, к которому склоняется Шеффер, не способен обосновать моральные нормы. Фролов, напротив, сохраняет антропоцентрическую позицию, не впадая при этом в наивный антропоцентризм. Для него уникальность человека заключается не в его «божественном» происхождении и не в абсолютном отличии от животных, а в способности к сознательной, целеполагающей деятельности и к моральной рефлексии.

Джорджо Агамбен, итальянский философ, автор концепции «*homo sacer*», предлагает иной путь. В своей работе «Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь» Агамбен вводит различение между *zōē* (простой, биологической жизнью) и *bios* (политически квалифицированной жизнью), восходящее к Аристотелю [1]. Согласно Агамбену, вся западная политическая традиция строится на исключении «голой жизни» из сферы политики — и одновременно на включении этой исключённой жизни в саму структуру суверенной власти. Современное биополитическое состояние, которое Агамбен анализирует на примере концлагеря как «номоса» модерна, представляет собой ситуацию, в которой *zōē* и *bios*, исключение и включение, перестают различаться.

Агамбен, в отличие от Шеффера, не утверждает, что человеческая исключительность — это миф. Скорее, он показывает, что эта исключительность всегда была зыбкой и проблематичной, что сам политический порядок держится на исключении того, что он не может включить. Подход Агамбена интересен тем, что он позволяет критиковать биовласть, не впадая в биологический редукционизм. Однако для Агамбена, как и для Фуко, «человек» — это исторический конструкт, а не универсальная сущность.

В современной российской философии проблема человека и границ человеческого также привлекает внимание исследователей. В.А. Кутырев, один из наиболее радикальных критиков техногенной цивилизации, в работах «Человеческое и иное» [4] и «Человечество и технос» [5] развивает апокалиптическую по своему пафосу картину вытеснения человека технологиями. Кутырев, подобно Фролову, предупреждает о гибели гуманизма, но его риторика значительно более пессимистична. Если Фролов верит в возможность регулирования научно-технического прогресса, то Кутырев склонен рассматривать этот процесс как необратимый.

Н.Н. Ростова, автор работ по философии постгуманизма, в частности «Мягкая сила постгуманизма», занимает более аналитическую позицию [6]. Ростова не столько критикует постгуманизм, сколько пытается понять его логику и выявить его скрытые предпосылки. Она показывает, что постгуманизм не является монолитным направлением; внутри него существуют различные течения — от ра-

дикального антигуманизма до попыток «реконфигурации» гуманизма в новых условиях.

На этом фоне наследие Фролова приобретает особое значение. Фролов предлагает третий путь — не технооптимистический трансгуманизм, не деструктивный постгуманизм и не апокалиптический антимодернизм. Его путь — это путь ответственного, рефлексивного гуманизма, который принимает вызовы науки и техники, но настаивает на том, что человек не может быть редуцирован к своим биологическим или функциональным характеристикам.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. И.Т. Фролов разработал оригинальную концепцию научного гуманизма, в рамках которой марксистская теория общественного развития была интегрирована с этическим регулированием научно-технического прогресса. Эта концепция сохраняет своё эвристическое значение для осмысления современных антропологических кризисов.

2. В отличие от западных мыслителей, развивавших гуманистическую и марксистскую проблематику (Фромм, Хабермас, Жижек), Фролов сохранил верность светскому, научно обоснованному гуманизму, не склоняясь ни к религиозному мистицизму, ни к постструктуралистской деконструкции субъекта.

3. Современные концепции трансгуманизма (Шеффер, Бостром) и постгуманизма (Агамбен, Харауэй), при всей их влиятельности, не могут служить адекватной теоретической основой для этики науки, поскольку они либо редуцируют человека к его биологическим характеристикам, либо растворяют его в сетях отношений, лишая моральной субъектности.

4. Наследие Фролова, а также других представителей советской гуманистической мысли, остаётся недостаточно востребованным в современной российской философии, которая в значительной степени ориентируется на западные образцы. Между тем, именно в этом наследии могут быть найдены концептуальные ресурсы для самостоятельного ответа на вызовы XXI века.

5. Включение советской философской антропологии в актуальный историко-философский дискурс необходимо не только по соображениям академической полноты, но и в силу практической значимости этой традиции. В условиях, когда западный постгуманизм всё чаще используется для легитимации технологических экспериментов над человеком, альтернатива, представленная Фроловым и его последователями, приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, во-первых, с более детальным анализом концепции научного гуманизма в контексте всей советской философской традиции; во-вторых, с сопоставлением фроловского подхода с современными российскими исследованиями в области философской антропологии (В.А. Кутырев, Н.Н. Ростова и др.); в-третьих, с разработкой на основе фроловского наследия конкретных этических рекомендаций для регулирования современных биотехнологий и технологий искусственного интеллекта.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. — М.: Европа, 2011. — 256 с.
2. Агацци Э. Ответственность учёного // Вопросы философии. — 2012. — №1. — С. 12–23.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. — М.: Художественный журнал, 1999. — 236 с.
4. Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. — СПб.: Алетейя, 2019. — 352 с.
5. Кутырев В. А. Человечество и технос: антропология отчуждения. — СПб.: Алетейя, 2021. — 300 с.
6. Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма // Философские науки. — 2020. — №3. — С. 45–59.
7. Фролов И. Т. Научно-техническая революция и развитие человека. — М.: Канон-плюс, 2025. — 494 с.
8. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. — М.: Знание, 1989. — 335 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с англ. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.
10. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. — М.: Весь Мир, 2014. — 144 с.
11. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 352 p.
12. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. — New York: Routledge, 1991. — P. 149–181.
13. Schaeffer J.-M. La fin de l'exception humaine. — Paris: Gallimard, 2007. — 640 p.

TRANSFORMATION OF THE ANCIENT PHILOSOPHICAL CONCEPTS NOYΣ AND ΠΝΕΥΜΑ IN THE EARLY PERIOD OF HELLENISTIC ERA: IDEALIZATION, CONVERGENCE, ETHIZATION AND THEOLOGIZATION

Kletsov Aleksey Alexandrovich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, MCs of Theology, Assistant Professor*

Maslov Roman Vladimirovich, *DSc of Philosophy, Professor*

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov (Russia)

Revzin Stanislav Ruvimovich, *PhD of Economics, Assistant Professor, Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin, Saratov (Russia)*

In written form, the term νοῦς (in its morphological form νόος) is first found in the Homeric epic, while πνεῦμα appears in Aeschylus (in particular, πνεῦμα βίου, «breath of life»). From the 6th century BC to the 4th century AD, Greek philosophers filled the literary and epic concepts of νοῦς and πνεῦμα with ontological and philosophical-psychological meanings. There is a transition from the archaic and immanentalist concepts of νοῦς and πνεῦμα to meanings that denote the «presence» of the eternal «rational» divine principle in man (in the case of νοῦς, also the transcendent). The purpose of the study is to analyze the changes in perception and interpretation of the concepts of νοῦς/Λόγος and πνεῦμα (i.e. mind/mind and spirit) in Hellenistic philosophy, as well as to evaluate the synergetic effect of the intertwining of the ideas of Greek Stoicism and Hellenistic Judaism in the period from the 3rd century BC to the 1st century AD, manifested by the end of the period under review in the form of convergence the meanings of Νοῦς/Λόγος and πνεῦμα (i.e. mind/mind and spirit) in parallel with their dematerialization. In the study, based on a historical and categorical analysis, it is shown that from the 3rd century BC to the 1st century AD in the environment of Greek Stoicism and Hellenistic Judaism, firstly, the concepts of νοῦς (Λόγος in case of Philo) and πνεῦμα continue to transform to-wards their dematerialization and idealization/transcendentalization (with the exception of the early Stoicism of Zeno and Chrysippus) with the simultaneous convergence of their semantic fields; secondly, in this period these concepts are being filled with the ethical and theological meanings; thirdly, in the tradition of Posidonius–Philo, the entities denoted by the concepts νοῦς/Λόγος and πνεῦμα, in fact (but not always in form) are combined into a single dihedral entity, which can be called «πνεῦμα-νοῦς» (respectively, «πνεῦμα νοερὸν» by Posidonius and «πνεῦμα θεῖον» according to Philo).

Keywords: *categories of mind and spirit; mind; nous; pneuma; ancient anthropology; stoics; Philo of Alexandria; Posidonius; ethization.*

EDN: FEECPI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.16***

Цитировать: *Клецов А.А., Маслов Р.В., Ревзин С.Р. Трансформация античных философских понятий νοῦς и πνεῦμα в ранний период эллинистической эпохи: идеализация, конвергенция, этизация и теологизация // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 110–116. EDN: FEECPI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.16*

УДК 1(091)
5.7.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ νοῦς И πνεῦμα В РАННИЙ ПЕРИОД ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: ИДЕАЛИЗАЦИЯ, КОНВЕРГЕНЦИЯ, ЭТИЗАЦИЯ И ТЕОЛОГИЗАЦИЯ

© Клецов А.А., Маслов Р.В., Ревзин С.Р., 2026

КЛЕЦОВ Алексей Александрович, *кандидат физико-математических наук, магистр теологии, доцент*
SPIN-код: 4548-2180
ORCID ID: 0000-0002-3108-8864
ResearcherID: D-9092-2013

МАСЛОВ Роман Владимирович, *доктор философских наук, профессор*
SPIN-код: 3222-0554
ORCID ID: 0000-0002-4837-0081

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

В письменной форме термин νοῦς (в его морфологической форме νόος, «разум») впервые встречается в гомеровском эпосе, а πνεῦμα — у Эсхила (в частности, πνεῦμα βίου, «дыхание жизни»). С VI в. до н.э. по IV в. н.э. греческие философы наполняют литературно-эпические понятия νοῦς и πνεῦμα онтологическими и философско-психологическими смыслами. Происходит переход от архаических и имманенталистских представлений о νοῦς и πνεῦμα к значениям, обозначающим «присутствие» вечного «разумного» божественного начала в человеке (в случае νοῦς'а еще и трансцендентного). Цель исследования состоит в анализе изменений восприятия и трактовки понятий νοῦς/Λόγος и πνεῦμα (разума и духа) в эллинистической философии, а также в оценке синергетического эффекта переплетения идей греческого стоицизма и эллинистического иудаизма в период с III века до н.э по I в. н.э., проявившегося к концу рассматриваемого периода в виде сближения смыслов νοῦς/Λόγος и πνεῦμα (т.е. разума/ума и духа) параллельно с их дематериализацией. Методом историко–категориального анализа выявлено, что с III в. до н.э. по I в. н.э. в среде греческого стоицизма и эллинистического иудаизма,

во-первых, понятия νοῦς (Λόγος у Филона) и πνεῦμα продолжают трансформироваться в сторону их дематериализации и идеализации/трансцендентализации (за исключением раннего стоицизма Зенона и Хрисиппа) с одновременным сближением их смысловых полей; во-вторых, в этот же период происходит наполнение этих понятий этическими и теологическими смыслами; в-третьих, в традиции Посидония–Филона, сущности, обозначаемые понятиями νοῦς/Λόγος и πνεῦμα, по факту (но не всегда по форме) объединяются в единую двухгранную сущность, которую можно назвать «πνεῦμα-νοῦς» (соответственно, «πνεῦμα νοερὸν» по Посидонию и «πνεῦμα θεῖον» по Филону).

Ключевые слова: *категории разума и духа; эллинистическая психология; пневма; Филон Александрийский; Посидоний из Апамеи; стоики; этизация.*

РЕВЗИН Станислав Рувимович, *кандидат экономических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Саратов (Россия)*
SPIN-код: 2870-7625
ORCID ID: 0000-0002-7557-9438
ResearcherID: MVX-6908-2025

Введение. Понятие νοῦς (и λόγος) в раннеэллинистической мысли

Актуальность темы исследования состоит в том, что трактовка и роль категорий разума (ума) и духа (νοῦς/λόγος и πνεῦμα) в трудах эллинистических авторов до сих пор оказывает существенное влияние на развитие современных психологических и психотерапевтических теорий, а также на методологию научного познания. Цель исследования состоит в анализе изменений восприятия и трактовки понятий νοῦς/λόγος и πνεῦμα (разума и духа) в эллинистической философии, а также в оценке синергетического эффекта переплетения идей греческого стоицизма и эллинистического иудаизма в период с III века до н.э по I в. н.э., проявившегося к концу рассматриваемого периода в виде сближения смыслов νοῦς/λόγος и πνεῦμα (т.е. разума/ума и духа) параллельно с их дематериализацией.

Относительно понятий νοῦς и λόγος (разума/ума) в раннеэллинистической мысли можно сказать, что в эллинистическую эпоху происходит некоторый возврат к архаическому — натуралистическому и, отчасти, холистическому, — пониманию космоса, человека и его души (три ключевые философские школы эллинистического периода — стоическая, скептическая и эпикурейская, — в той или иной степени возвращаются к онтологии досократиков). В этот период несколько модифицируется смысловая нагрузка понятия νοῦς (при этом сам термин в большинстве случаев заменяется другими — в частности, τὸ ἡγεμονικόν, λόγος, — чтобы подчеркнуть единство души и отойти от конно-тации νοῦς'а как «органа» чистого созерцания). У стоиков IV–II вв. до н. э. (в частности, у Зенона, Клеанфа, Хрисиппа) ум (в терминах стоицизма — τὸ ἡγεμονικόν, «главенствующий») — «божественное» начало, имеющее материальную основу–субстрат — «огненное дыхание» (πνεῦμα πυρῶδες), пронизывающее собой весь мир–космос. Космология стоиков, по Хрисиппу, выглядит следующим образом: космос управляется «согласно уму-нусу и провидению» (κατή νοῦν καὶ πρόνοιαν), при этом ум-нус целиком пронизывает весь космос (Диоген Лаэртий, VII, 138). Наряду с материальным «огненным дыханием», стоическая онтология признает имманентный («сущий в материи») космосу логос (λόγος) — смысловую (дающую смысл) энергию («действующее начало») мира–космоса. Совместно с пневмой, логос есть «начало бытия», «бог» (Диоген Лаэртий, VII, 134).

Очевидно, что стоики неразрывно соединяли «огненное дыхание» с «божественным» логосом (стоическая онтология абсолютно монистична): νοῦς (τὸ ἡγεμονικόν-λόγος) и πνεῦμα у стоиков являются двумя проявлениями двуединой субстанции (этот подход был усвоен Филоном). Таким образом, логос–гегемоникон является как бы «разумным» аспектом двуединой субстанции — «разумной огненной пневмы». Здесь усматривается параллель этого «разумного» аспекта пневмы (логоса-ума) с упанишадическим понятием «праджня атман» — самосознающим аспектом праны — дыхания Всекосмического Человека Пурушы [8, с. 546].

С течением времени стоическое понимание πνεῦμα πυρῶδες («огненного дыхания-пневмы») под влиянием набирающего популярность платонизма спиритуализируется и идеализируется. Уже в I в. до н. э. у стоика–платоника Посидония из Апамеи «огненная пневма» абстрактно трактуется как Нус, или имманентный мир платоновских идей (κόσμος νοητός) [2, с. 826]. И в своей антропологии Посидоний, отчасти, следует пифагорейско-платоновской психологии, называя управляющее начало человека (το ἡγεμονικόν) разумным началом (λογιστική ἀρχή) [9, с. 482]. Это разумное начало его души («разумная душа», λογικὴ ψυχή) — индивидуальный ум–логос человека, — есть «разумное дыхание-пневма» (πνεῦμα νοερὸν), имманентно присутствующее в человеке (ср. с πνεῦμα θεῖον Филона Александрийского). А.Ф. Лосев пишет, что у «Посидония получалось, таким образом, что мы в полном смысле слова вдыхаем этот Нус.» [2, с. 827]. При этом ум–логос человека представляет собой «разумную пневму» в очень разреженном («тонком») состоянии [3, с. 273]. Эллинистические теории о человеке укоренены в весьма развитой в то время медицинской науке. Эти теории метафизически гораздо более экономичны, чем аристотелевская. В связи с изложенным мы склонны согласиться с Дж. Аннас, что эллинистические психологические теории — это первые систематические учения об уме и мышлении («philosophies of mind») [6, с. 9].

Одним из значительных представителей синтетического философско-религиозного подхода (возникшего в Александрии), обогатившим смысловое поле понятий νοῦς и πνεῦμα, является иудео-греческий философ-теолог-мистик Филон Александрийский (см. о нем: [10]). Многое можно понять о его философской системе из одного того факта, что Филон глубоко почитал Платона и называл его «святейшим Платоном» (Philo of Alexandria. Quod det. pot, с. 13). В начале новой эры Филон Александрийский совершает весьма успешную попытку соединить трансцендентное божество с имманентным духом человека, примиряя дуализм платонизма с монизмом стоиков. Вероятно, отталкиваясь от зачаточного учения о Мемре как Слове Божием, а также от учения Псевдо–Аристотеля о сущности и силах божества, он различает трансцендентную сущность Бога и Его имманентные силы, явленные в творении, к которым относится Логос — посредник между Богом Яхве и миром. Уже в Танахе древних евреев мы находим упоминания об имманентном присутствии в мире (по Своим действиям) Бога Яхве (например, у пророка Иеремии: «Рече Господь: Еда небо и землю не Аз наполняю?»). Философское осмысление имманентного присутствия своей силой (δύναμις) трансцендентного по существу (ουσία) божества в мире появляется в I в. до н.э. в псевдоаристотелевском трактате «О мире».

В целом, понятие Логоса у Филона несет в себе как имманентный, так и трансцендентный смысл (здесь Филон явно следует традиции Посидония из Апамеи): «Бог Филона трансцендентен… бесконечно далек от мира по своему существу, и в то же время в Своих силах Он имманентен миру, присущ ему, как животворящий дух, как мироправящий разум. Подобный взгляд мы находим и у многих предшественников Филона, следовавших Посидонию. <…> Учение о силах Божества дополняет собою учение о Его абсолютной трансцендентности» [4, с. 163, 166].

Филон, продолжая трансцендентно-имманенталистскую линию Платона и Посидония, и, в то же время, вводя в философию религиозную идею посредника между Богом и миром, отождествляет Ум–Нус Платона с Логосом Бога как Словом Божиим (Мемрой): «Пожелав сотворить сей видимый мир, прежде Он (Бог) стал создавать умопостигаемый (νοητός), чтобы, воспользовавшись им как бестелесным и боговиднейшим образцом, создать (затем) телесный … можно сказать, что умопостигаемый мир (κόσμος νοητός) есть не что иное, как Логос Бога, уже занятого творением мира…» [5, с. 53–54].

Логос Филона отличен от стоического, поскольку он обладает некоторыми личностными чертами. Для Филона Логос — это образ (личностного) Бога Яхве, «второй Бог», Сын Божий, эманация Бога. Отметим, что Филон, возможно впервые, вводит в философию абсолютно трансцендентное, непостижимое и, в то же время, личностное — в данном случае, иудейского Бога Яхве.

Далее, развивая идею Платона об имманентном присутствии божественного

Нуса–Ума в человеке, Филон провозглашает индивидуальный ум человека причастным Божественному Уму–Логосу: «Ведь в соответствии с тем единым для всего (Умом, послужившим) как бы первообразом, был создан (ум), существующий у каждого в отдельности, и в некотором смысле являющийся богом того, кто его содержит и хранит. Ведь тем Логосом, которым обладает величайший Водительствующий во всем мире, обладает, как видно и человеческий ум в человеке» [5, с. 66].

Таким образом, у Филона Ум–Логос Бога становится личным имманентным атрибутом человека (имманентно «пребывает» в нем как индивидуальный ум), наделяя его способностью к мистическому Боговидению. С другой стороны, ум человека возвышается до трансцендентной высоты, т.е. практически выводится за пределы человеческой природы. Можно сделать вывод, что у Филона индивидуальный ум (νοῦς, λόγος) человека есть имманентно «присутствующий» в человеке λόγος Бога., то есть происходит теологизация антропологии.

Понятие πνεῦμα
в раннеэллинистической мысли

Относительно понятия πνεῦμα (дыхания) в раннеэллинистической мысли уже отмечалось, что в эллинистическую эпоху происходит некоторый возврат к архаическому пониманию космоса, человека и его души. В то же время, в Александрийском «научном центре» (Мусеоне) быстрыми темпами развивается эллинистическая медицинская наука, одним из базовых понятий которой становится понятие пневмы. Однако, именно стоики идут дальше всех своих предшественников в смысловом наполнении этого понятия. Отталкиваясь от «огня» (πῦρ) Гераклита, разумного «воздуха–аира» (ἀήρ) Анаксимена–Диогена, и, скорее всего, от иудейского руах (или нешама), стоики термином ‘πνεῦμα’ обозначают «огневидное дыхание» — объединяющую и оживотворяющую всё жизненную материальную силу, пронизывающую космос [2, с. 200], который представляется, как и у досократиков–гилозоистов, живым организмом (Диоген Лаэртий, VII, с. 142-143). В стоической онтологии (начиная, как минимум, с Хрисиппа) πνεῦμα (неразрывно соединенная с логосом), безусловно, играет роль классического первоначала–архе. Заметим, что первые стоики обозначают эту основополагающую субстанцию не только термином «пневма». В частности, Клеанф использовал термин «Мировая душа».

Скорее всего, именно Хрисиппу принадлежит окончательная разработка теории пневмы [6, с. 46] (Хрисиппу также принадлежит концепция напряжения (τόνος) для описания интенсивности движений пневмы: благодаря своим движениям пневма наделяет существа качеством, единством и согласованностью). Согласно Хрисиппу, пневма представляет собой смесь первоэлементов воздуха и огня (такой состав пневмы объясняет ее способность выполнять многочисленные функции в космосе). Стоики признают пневму началом «божественным» и отождествляют его с «творческим огнем», πῦρ τεχνικόν (термин Зенона), который пронизывает космос-организм как его дыхание. Согласно Клеанфу, «(мировая) душа пронизывает весь космос, и мы, как ее часть, имеем (свою) душу». Приведем типичное определение пневмы у стоиков (по Посидонию из Апамеи): «дыхание интеллектуальное/разумное/мыслящее и огневидное (πνεῦμα νοερὸν καὶ πυρῶδες), не имеющее формы, но превращающееся во что угодно и сопричастное всему» (Stoicorum Veterum Fragmenta II, с.774; 885).

Таким образом, в лице стоиков наблюдается возврат от чисто психофизиологического значения пневмы у античных врачей и Аристотеля к ее архаическому смыслу, как «божественного», животворящего (а в случае человека еще и дающего разумность) первоначала–субстрата [1, с. 201]. История развития концепции πνεῦμα в стоицизме подробно изложена в [11].

Все в мире (включая души людей), согласно стоическому учению (начиная с Хрисиппа), есть различная степень «напряженности» (тонуса) всекосмического «разумного огненного дыхания–пневмы». Эта «разумная пневма» в человеке представляет собой его «внутреннюю пневму» (которая при этом подобна, но не тождественна индивидуальному духу у Филона и в христианской антропологии). В III в. до н. э эллинистические врачи Александрийского «научного центра» Мусеона (в частности, Эрасистрат Кеосский)

свяжут «внутреннюю пневму» с централизованной системой сердца-сосудов-нервов [6, с. 19-20].

Во II в. до н.э. средний стоик Панеций производит своего рода «диверсию» против стоического натурализма: «огненное дыхание–пневма» у него перестает быть материальным, огненным началом, и начинает превращаться в абстрактное идеальное начало, близкое к Платоновскому Ну-су. Этот переход, вероятно, обусловлен акцентированием внимания Панеция на целесообразности в природе. Развивая учение Панеция, в I в. до н. э. Посидоний из Апамеи понимает пневму как «вместилище» платоновских идей, κόσμος νοητός [2, с. 826] (по сути, приравнивая идеи Платона семенным логосам стоиков), т.е. отождествляет пневму с Умом–Нусом Платона (дематериализует материальную пневму). При этом, с одной стороны, стоическое понимание пневмы под влиянием платонизма идеализируется, а с другой стороны, платоновский мир идей имманентализируется. Данная конвергенция трансцендентности Нуса и имманентности пневмы окажет значительное влияние, как на филоновскую, так и на раннехристианскую антропологию и пневматологию.

Окончательная спиритуализация/дематериализация философского (стоического) понятия пневмы, а также его теологизация (то есть коннотация пневмы с трансцендентным Богом) происходит в среде эллинистического иудаизма («Премудрость Соломона», Филон и др.), где термином πνεῦμα, главным образом, обозначаются:

1) Дух Божий, Руах Элохим, πνεῦμα θεοῦ (в Александрийском кодексе Септуагинты ветхозаветный термин Руах «дыхание, ветер, дух» переведен словом πνεῦμα в более чем 70% случаев, причем под πνεῦμα в Септуагинте практически всегда подразумевается Дух Божий (πνεῦμα θεοῦ); в случае употребления Руах для обозначения индивидуального духа человека переводчики на греческий, как правило, не употребляли термин πνεῦμα);

2) дух человеческий, как компонент его природы, дарованный Богом (в эллинистическом иудаизме πνεῦμα всегда ассоциирована с божественным [7, с. 35]).

Уже в Танахе имманентное присутствие (Шехина) в мире трансцендентного Бога не редко выражается через Духа Божьего (Руах Элохим), т.е. Руах, Дух, выступает в качестве образа Божественного Самооткровения. В первой половине I в. н.э., размышляя в русле эллинистического иудаизма (то есть, по сути, продолжая линию Посидония и Псевдо-Аристотеля), Филон Александрийский употребляет термин πνεῦμα (встречается у Филона более 150 раз) для обозначения:

1) ветхозаветного Духа Божия (πνεῦμα θεοῦ, Руах Элохим), как имманентной силы трансцендентного Бога Яхве, неотделимой от Самого Бога [7, с. 25];

2) данного человеку Богом божественного духа (πνεῦμα θεῖον) (смысловой эквивалент разумной части души человека, λογική ψυχή) — вдунутого в Адама дыхания Божьего (нешама хайа***): «Ведь тело возникло, когда Создатель взял персть и придал ей форму человека, а душа — вовсе не от рожденного (материи), но от Отца и Владыки всего. Ведь то, что Он вдохнул, было не чем иным, как божественным духом (πνεῦμα θεῖον), посланным от блаженной и благословенной природы (Бога), словно ее колония, в помощь нашему роду, чтобы он, хотя и смертный в видимой своей части, в невидимой обретал бы таким образом бессмертие… и возник он одновременно смертным и бессмертным, смертным по своему телу, а бессмертным по своему разуму» [5, с. 135]; Филон отмечает, что πνεῦμα θεῖον пребывает в человеке не постоянно, т.к. природа последнего вещественна и греховна.

Филоновское понимание духа человека как божественного духа (πνεῦμα θεῖον) (в смысле дара Божия и образа Божия (Philo of Alexandria. De Opificio Mundi, с. 72–74) или даже имманентной силы трансцендентного Бога) окажет значительное влияние на понятие индивидуальной пневмы-духа в гностической и раннехристианской антропологии I-II веков.

Наконец, Филон наполняет понятие πνεῦμα этическим смыслом, различая в человеческой душе, на основании пифагорейско-платоновской психологии, разумное (доброе) и «неразумное» (злое) начало, и говоря, что божественный дух, πνεῦμα θεῖον (становящийся индивидуальным духом человека) вдунут именно в разумную (добрую) душу (λογικὴ ψυχή) (Philo of Alexandria. Legum Allegoriae III, с. 18), поэтому Бог виден лишь

уму человека. Следствием этого является деление Филоном людей на два класса — тех, которые живут согласно божественному духу (уму), и тех, кто живет согласно удовольствиям плоти (неразумной души) (Philo of Alexandria. De Plantatione, c. 55).

Результаты и их обсуждение

В эпоху раннего эллинизма, с III в. до н.э. по I в. н.э. происходит трансформация (и, отчасти, обогащение) смыслов понятий νοῦς и πνεῦμα. Стоики, несмотря на то что полагали всекосмический νοῦς (τὸ ἡγεμονικόν, λόγος) «божественным» началом, поместили его на материальную «подложку» — пневму (отсюда их синтетическое наименование этой субстанции — πνεῦμα νοερόν, «разумное дыхание»); индивидуальный ум-логос человека при этом представлял собой «разумное дыхание» максимальной интенсивности/тонуса. Наконец, Филон Александрийский, продолжая линию Платона и платонизирующего стоика Посидония, показал, что Ум-Логос (как имманентная миру сила трансцендентного Бога) становится личностным атрибутом человека, имманентно «пребывающим» в нем в качестве индивидуального ума (эквивалент λογικὴ ψυχή, «разумной души»). С другой стороны, через посредство Логоса-Бога ум человека фактически выводится Филоном за пределы человеческой природы. Отметим, что в магистральных линиях античной греческой философии манифестацией божественного/трансцендентного в человеке признается интеллектуальное начало (νοῦς, λόγος, λογικὴ ψυχή, λογιστική ἀρχή), а чувственное начало — «неразумная душа», — остается на низшем, материальном, «земном» уровне.

Говоря о трансформации понятия πνεῦμα, следует подчеркнуть, что стоики возвратились от преимущественно психофизиологического значения пневмы античных врачей к смыслу «божественного» всепроникающего материального начала-субстрата, при этом индивидуальная душа человека признавалась его «внутренней пневмой». Посидоний, следуя за своим учителем Панецием, преодолевая чистый натурализм раннего стоицизма, отождествил «разумное дыхание-пневму» с платоновским Умом-Нусом, придав пневме статус ноэтически идеального, однако, не выводя ее за пределы космоса, то есть оставаясь строгим монистом. Наконец, синтезируя ветхозаветный монотеистический иудаизм с платонизирующим стоицизмом Посидония, и стараясь балансировать между абсолютной трансцендентностью Бога Яхве и имманентностью человеческого духа-пневмы, Филон употребил термин πνεῦμα для обозначения дарованного человеку Богом божественного духа, πνεῦμα θεῖον (эквивалентного его разумной душе, λογική ψυχή) — вдунутого в перво-человека Адама дыхания Божия. Тем самым он вновь трансцендентировал человеческий дух-пневму. (повторив то, что сделал Платон с Нусом-Умом). По-видимому, именно Филону принадлежит первенство в отождествлении духа-пневмы человека (πνεῦμα θεῖον), как его высшего компонента, дарованного Богом (учение эллинистического иудаизма), с разумной (λογική) частью души (пифагорейско-платоническое учение), произведя окончательную смысловую конвергенцию этих понятий.

Заключение

В итоге мы видим, что в течение трех с небольшим веков, с III в. до н.э. по I в. н.э., античный греко-семитский гений постепенно наполняет понятия νοῦς и πνεῦμα новыми, теологическими и этическими, смыслами. В частности, происходит переход от неэтизированных и, видимо, чисто имманенталистских (в случае стоицизма) представлений о νοῦς и πνεῦμα к сложному двухгранному, идеализированному, трансцендентно-имманентному и этизированному понятию «разумной божественной силы/энергии», бытовавшему в философском дискурсе на рубеже эр в двух основных вариантах:

1) πνεῦμα νοερόν («разумного дыхания») Посидония, присутствующего в человеке в форме разумного начала души (λογιστική ἀρχή = το ἡγεμονικόν);

2) πνεῦμα θεῖον («божественного духа») Филона, представленного в человеке в форме λογική ψυχή («разумной души») или, что то же самое, в форме λόγος («ума-логоса»).

Таким образом, к началу I в. н.э., в традиции платонизирующего стоицизма Посидония и иудео-эллинской религиозной философии (эллинистического иудаизма) Филона Александрийского, происходит окончательная дематериализация (спиритуализация), а

в случае Филона — и трансцендентализа́ция, понятий νοῦς/λόγος и πνεῦμα, а также их конвергенция, т.е. сближение их смысловых полей. Наконец, к этому же времени намечается важная для дальнейшего развития философской этики (в русле пифагорейско-платоновского и христианского направлений) этизация и теологизация понятий νοῦς/λόγος и πνεῦμα (т.е. наполнение их этико-теологическим смыслом разумно-упорядочивающего нравственного начала в человеке).

Литература

1. Клецов А.А. Эволюция понятий νοῦς и πνεῦμα в античной философской психологии. // Межрегиональные Пименовские чтения. — 2021. — №18. — С. 198–202.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм, Т. V. — М.: АСТ, 2000. — 960 с.
3. Секст Эмпирик. Сочинения. В 2 т. / пер. Н.В. Брюлловой-Шаскольской и А.Ф. Лосев. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. — М.: Мысль, 1976. — Т. 2 — 424 с.
4. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе и его истории // Сочинения. — М., 1994. — С. 43–480.
5. Филон Александрийский. О сотворении мира согласно Моисею. // Толкования Ветхого Завета / пер. с греч. и комм. А.В. Вдовиченко, М.Г. и В.Е. Витковских, О.Л. Левинской. — М.: Греко-латинский кабинет М.Ю. Шичалина, 2000. — С. 51–113.
6. Annas J. E. Hellenistic Philosophy of Mind. — Berkeley: University of California Press, 1992. — 245 p.
7. Isaacs M.E. The Concept of Spirit. A Study of Pneuma in Hellenistic Judaism and its Bearing on the New Testament. — London: Heythrop Monographs, 1976. — 196 p.
8. McEvilley Th. The Shape of Ancient Thought. Comparative Studies in Greek and Indian Philosophies. — New York: AllworthPress, 2002. — 732 p.
9. On the doctrines of Hippocrates and Plato = De Placitis Hippocratis et Platonis / Galen; edition, translation and commentary by Phillip de Lacy. — Berlin: Akademie Verlag, 2005. — 3 vol. — 836 p. — (Corpus medicorum graecorum, V / 4,1,2).
10. Runia D.T. Philo in early Christian literature: A survey. — Assen: van Gorcum; Minneapolis: Fortress Press, 1993. — 418 p. — (compendia rerum ludaicarum ad Novum Testamentum; sect. 3, Jewish traditions in early Cristian lit.; Vol. 3).
11. Verbeke G. L'évolution de la doctrine du pneuma du stoïcisme à St. Augustin: étude philosophique. Louvain-Paris: Éditions de l'Institut Supérieur de Philosophie, 1945. — 572 p.

«DIGITAL HOMO» AS A SUBJECT OF DIGITAL CONSUMPTION AND A CONSUMER OF HYPERREALITY: A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Sevumyan Elina Norairovna, *PhD of Economics, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don (Russia)*

The article examines «digital homo» as a subject of digital consumption and a consumer of hyperreality. The problem is considered in a philosophical and anthropological perspective: the digital environment functions not only as a channel of access to goods, services and information, but also as a space in which trust, consumer self-understanding, symbolic recognition and regimes of visibility are formed. The aim of the article is to reveal the anthropological meaning of the digital human whose consumption unfolds through platforms, profiles, ratings, visual representations and recommendation mechanisms. The methodological basis includes philosophical anthropology, cultural-philosophical analysis, hermeneutics of digital practices, conceptual analysis and elements of critical theory. It is argued that digital homo cannot be reduced to a technological user or to a participant in e-commerce. It is an anthropological figure of digital culture in which desire, choice, trust and identity acquire a platform dimension. Digital hyperreality is interpreted not as a mere illusion, but as an operative mode of experience in which the object appears through an image, interface, review, rating and socially marked representation.

Keywords: *«digital homo»; digital consumption; hyperreality; philosophical anthropology; consumer culture; symbolic exchange; consumer identity; digital platform; digital human; philosophy of culture.*

EDN: FXCMKW **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.17**

Цитировать: *Севумян Э.Н. «Digital homo» как субъект цифрового потребления и потребитель гиперреальности: философско-антропологический анализ // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 117–124. EDN: FXCMKW. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.17*

«DIGITAL HOMO» КАК СУБЪЕКТ ЦИФРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 130.2
5.7.8

© Севумян Э.Н., 2026

В статье исследуется «digital homo» как субъект цифрового потребления и потребитель гиперреальности. Проблема рассматривается не в технологическом, а в философско-антропологическом измерении: цифровая среда выступает не только каналом доступа к товарам и услугам, но и пространством, где формируются доверие, потребительское самопонимание, символическое признание и режимы видимости. Цель исследования состоит в раскрытии антропологического смысла цифрового человека, чье потребление разворачивается через платформы, профили, рейтинги, визуальные репрезентации и рекомендательные механизмы. Методологическую основу работы составляют философская антропология, культурно-философский анализ, герменевтическая интерпретация цифровых практик, концептуальный анализ и элементы критической теории культуры. Показано, что «digital homo» не может быть сведен к пользователю техники или участнику электронной коммерции. Это антропологическая фигура цифровой культуры, в которой желание, выбор, доверие и идентичность получают платформенное измерение. Гиперреальность цифрового потребления трактуется не как простая иллюзия, а как практически действенный режим опыта, где вещь предстает человеку через изображение, интерфейс, отзыв, рейтинг и социально маркированный образ. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятия «digital homo» и в выявлении тех культурных механизмов, через которые цифровая платформа участвует в производстве потребительской идентичности.

Ключевые слова: *«digital homo»; цифровое потребление; гиперреальность; философская антропология; культура потребления; символический обмен; потребительская идентичность; цифровая платформа; «digital human»; философия культуры.*

СЕВУМЯН Элина Норайровна, *кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону (Россия)*

Введение

Цифровой человек давно вышел за пределы роли внешнего пользователя технических устройств. Экран, профиль, лента, рейтинг, аватар, поисковая выдача и рекомендательная система стали не добавочными средствами коммуникации, а привычными формами ориентации в повседневности. Поэтому понятие «*digital homo*» следует рассматривать не как эффектную метафору интернет-пользователя, а как обозначение новой антропологической конфигурации. В ней человек вступает в отношение с вещами, образами, другими людьми и самим собой через цифровые посредники, которые одновременно показывают, сортируют, сохраняют и оценивают его действия.

Потребление в такой среде уже не исчерпывается покупкой вещи. Оно становится длительным процессом видимости, сравнения, символического подтверждения и включения в цифровой порядок. В авторской модели это исходное смещение выражено через тезис: «потребление перестает быть только экономической категорией, становится чем-то большим, обретает язык, смысл, символичность» [13, с. 3]. Для настоящего исследования данное положение принципиально: «digital homo» потребляет не только товары и услуги, но и способы быть представленным, узнаваемым, оцененным, включенным в социально значимое поле цифровой культуры.

Классическая теория потребления связывала потребность, доход, вещь, полезность и социальное положение. У Дж.М. Кейнса потребление рассматривалось через зависимость от дохода и склонности к расходованию [10]. Марксистская традиция выявила, что товарная форма не является нейтральной: вещь включена в систему общественных отношений, стоимости и обмена [11]. Веблен показал демонстративную сторону потребления, где объект способен служить знаком престижа [8]. Бурдье перенес анализ в пространство вкуса, различия и социальной классификации [7]. Бодрийяр радикализировал эту линию: в обществе потребления объект обращается как знак, а его символическая значимость может превосходить практическую функцию [4; 5; 6].

Цифровая эпоха не разрушает эту традиционную логику, а переводит ее в иной режим. Статус больше не сводится к обладанию вещью; он поддерживается формами цифровой видимости. Товар получает экранную оболочку: карточку, визуальный сценарий, рейтинг, отзыв, историю бренда, знак популярности, отметку надежности. Пользователь выбирает не только предмет, но и способ его платформенного предъявления. Именно в этом пункте «digital homo» становится потребителем гиперреальности: он встречает вещь уже не как непосредственный объект, а как изображение, метрику, обещание опыта и социально обработанный знак.

Актуальность темы вырастает из этого противоречия. С одной стороны, цифровое потребление расширяет доступ к товарам, сервисам, информации и формам самовыражения. С другой стороны, оно делает человеческое самоотношение зависимым от подписок, поисковых запросов, истории покупок, сохраненных изображений, рекомендаций и публичных реакций.

Информационное общество меняет не только технические каналы коммуникации; оно перестраивает социальный опыт и способы культурной ориентации [3; 18]. В условиях платформенной экономики этот опыт становится измеримым, архивируемым и возвращаемым человеку в виде новых сценариев поведения [15; 17; 19].

Исследовательская проблема статьи состоит в следующем: каким образом «digital homo», находясь внутри цифрового общества потребления, становится субъектом гиперреальности, то есть потребителем не столько вещи как таковой, сколько ее визуальной, рейтинговой, знаковой и алгоритмически усиленной формы. Такая постановка не может быть сведена к экономике электронной торговли или маркетинговому анализу. Она требует философско-антропологического рассмотрения, поскольку затрагивает желание, выбор, доверие, память, телесность, социальное признание и идентичность в мире цифровых посредников.

Цель исследования состоит в философско-антропологическом анализе «digital homo» как субъекта цифрового потребления и потребителя гиперреальности. Для достижения цели необходимо раскрыть «digital homo» как антропологическую фигуру цифровой культуры; показать переход от потребления вещи к потреблению платформенно-

го образа; рассмотреть гиперреальность как среду символического обмена; определить риски и возможности цифрового самопонимания субъекта. Объектом исследования выступает цифровое общество потребления. Предметом является «digital homo» как субъект цифрового потребления и потребитель гиперреальности. Методологическую основу составляют философская антропология, культурно-философский анализ, герменевтическая интерпретация цифровых практик, концептуальный анализ и элементы критической теории культуры. Научная новизна заключается в трактовке «digital homo» не как пользователя техники и не как участника электронной коммерции, а как особой антропологической формы цифровой культуры. В этой форме человек потребляет, оставляет данные, конструирует образ себя, ищет признание, участвует в символическом обмене и одновременно становится объектом платформенной интерпретации. Центральный тезис статьи состоит в том, что «digital homo» формируется там, где потребление перестает быть только отношением к вещи и превращается в способ цифрового самопонимания, зависящий от платформенной видимости, символического признания и алгоритмически организованной репрезентации опыта.

«Digital homo»: от пользователя к субъекту цифровой культуры

Понятие «digital homo» фиксирует сдвиг, который не объясняется одним распространением гаджетов, сетевых сервисов или мобильных приложений. Речь идет о человеке, чья повседневность собрана через цифровые формы присутствия. Он не просто заходит на платформы; он существует в них экономически, коммуникативно, социально и символически. Его маршруты, покупки, привычки, реакции, вкусы и контакты получают форму данных.

Поэтому цифровой субъект оказывается одновременно действующим лицом и объектом описания. В исходной исследовательской рамке прямо поставлена задача анализа феномена «цифровой человек» («digital homo») как потребителя гиперреальности. Эта формула соединяет две линии: антропологическую и культурно-семиотическую. «digital homo» не равен пользователю интернета. Это субъект, который переживает реальность через медиатизированные образы, но одновременно сам участвует в производстве этих образов. Он смотрит, выбирает, оценивает, комментирует, сохраняет, делится, оставляет след; каждый из этих жестов может быть включен в дальнейшую символическую циркуляцию.

В классической культуре потребления человек вступал в отношение с вещью, магазином, рекламой, модой, социальным окружением. В цифровой культуре между субъектом и объектом возникает дополнительный слой платформенной инфраструктуры. Она показывает, скрывает, сортирует, предлагает, сравнивает и запоминает. Человек видит не рынок как таковой, а отобранную и оформленную витрину. Это меняет саму структуру опыта: мир потребления предстает не открытым множеством возможностей, а пространством управляемой видимости.

На уровне повседневной практики «digital homo» остается активным потребителем. Он выбирает товары, подписывается на сервисы, смотрит видео, сохраняет изображения, оставляет отзывы, оценивает, комментирует. Но на другом уровне его активность сразу превращается в материал для анализа и предсказания. Платформа собирает цифровой след, строит профиль, возвращает субъекту рассчитанные предложения, затем вновь фиксирует реакцию на них. Так возникает петля: действие, данные, профиль, рекомендация, новое действие [12; 16]. Эта петля не уничтожает свободу субъекта, но меняет среду, в которой свобода осуществляется. Пользователь по-прежнему может согласиться или отказаться, купить или закрыть страницу, изменить запрос или покинуть платформу. Однако видимые варианты распределены не нейтрально. Одни объекты получают преимущество за счет рейтинга, рекламного продвижения, визуальной привлекательности, отзывов, значков доверия; другие остаются на периферии. Формальная возможность выбора сохраняется, но горизонт выбора уже организован цифровым посредником.

Именно здесь «digital homo» расходится с классической фигурой потребителя. Классический потребитель хотел, сравнивал и покупал. Цифровой субъект дополнительно видит, как его желание возвращается к нему в

форме подсказки. Он узнает себя через историю просмотров, персональные подборки, «похожие» объекты и повторные предложения. Потребление становится частью самопонимания: человек уже спрашивает не только, что ему нужно, но и почему система считает тот или иной образ, товар или стиль жизни для него подходящим.

Критическая теория культуры позволяет увидеть в этом процессе не только удобство, но и новую форму стандартизации. Адорно и Хоркхаймер связывали культурную индустрию с производством готовых схем восприятия и удовольствия [2]. В цифровой культуре эта логика не исчезает, а получает более гибкое выражение. Массовый шаблон принимает вид индивидуальной рекомендации. Пользователь встречает не общий рекламный призыв, а обращение к собственной уникальности; однако такая уникальность часто оказывается результатом типологизации профиля.

«Digital homo» существует в мире, где идентичность непрерывно переводится в данные. Это не означает, что человек исчезает за профилем. Однако профиль начинает влиять на то, какие возможности становятся заметными, какие предложения повторяются, какие желания закрепляются как «свои».

Потребительская идентичность складывается уже не только из вкуса, класса, дохода, образования или жизненного стиля. В нее включается цифровое отражение: история кликов, лента, подписки, рейтинги доверия, алгоритмически собранные предпочтения. Так формируется новая антропологическая ситуация. Человек представлен самому себе не только через память, речь, телесный опыт и социальную биографию, но и через цифровой след. Прошлое поведение становится механизмом будущей навигации. Поэтому «digital homo» живет в двойной перспективе: в мире вещей и в мире репрезентаций, в пространстве телесного опыта и в пространстве данных, в культуре желания и в культуре прогнозирования.

Гиперреальность как среда цифрового потребления

Гиперреальность в контексте цифрового потребления не следует понимать как простое исчезновение реальности. Более точной является иная формулировка: образ, интерфейс, рейтинг и визуальная репрезентация начинают предшествовать опыту вещи и задавать условия ее восприятия. Пользователь сначала встречает товар как фотографию, описание, отзыв, подборку, стиль и обещание. Реальный предмет оказывается вторичным по отношению к цифровой форме его предъявления. Гиперреальность не отменяет мир, а становится способом его потребительского переживания. Символический обмен представляет собой движение от реальности к репрезентации и гиперреальности [13, с. 189; 13, с. 223]. Для анализа «digital homo» это положение задает необходимый теоретический ракурс. Цифровой человек входит в потребление через репрезентации. Он все чаще выбирает не вещь непосредственно, а образ вещи, уже включенный в символический порядок платформы.

Бодрийяр показал, что общество потребления функционирует как система знаков [4; 5]. Вещь потребляется не только из-за пользы, но как знак различия, статуса, принадлежности и включенности. Цифровая среда усиливает эту логику, поскольку товар существует как знак до покупки, в момент покупки и после нее. До покупки он представлен карточкой и визуальным рядом; в процессе выбора встроен в сравнение; после покупки может стать отзывом, фотографией, публикацией, элементом профиля или материалом для новой рекомендации.

Виртуальная платформа тем самым не просто обслуживает уже существующий спрос и «трансформирует сам процесс потребления, но создает новые формы взаимодействия между потребителями, что способствует возникновению уникальных символических систем» [13, с. 6]. Эта формулировка важна для всей логики статьи: платформа производит не только удобство доступа, но и новые формы символической связи между людьми, вещами и образами.

Гиперреальность цифрового потребления возникает в цикле непрерывной репрезентации. Пользователь видит не только товар, но и других потребителей; не только цену, но и социальную оценку; не только предложение, но и возможный сценарий жизни. Маркетплейс, социальная сеть, видеоплатформа или сервис подписки предъявляют объект как часть мира, где уже присутствуют

чужие взгляды, реакции, оценки, выборы и ожидания. Желание оказывается коллективно усиленным, хотя переживается как личное.

Сводить гиперреальность к иллюзии было бы ошибкой. Для «digital homo» она практически действенна. Цифровой образ товара способен вызвать реальную покупку, реальную эмоцию, реальную зависть, реальное чувство недостаточности, реальное стремление принадлежать к определенному стилю жизни. Гиперреальное действует потому, что встроено в практику. Оно не является фантазией вне мира; оно становится режимом доступа к миру. Особую роль приобретает визуальность. Вещь предъявляется в цифровой культуре как тщательно отобранный образ. Фотография, видео, обзор, распаковка, визуальный стиль бренда и пользовательская демонстрация формируют ожидание до встречи с предметом. «Digital homo» оказывается потребителем визуально упакованного мира. Он нередко желает не предмет в его практической функции, а форму его появления, не использование, а образ обладания, не событие, а возможность символически присоединиться к обещанному опыту.

Именно здесь раскрывается связь с символическим обменом. Потребитель приобретает товар, но одновременно обменивается знаками: статусом, вкусом, видимостью, репутацией, принадлежностью. Лайк, отзыв, подписка, сохранение, репост и комментарий становятся минимальными актами участия в символической циркуляции. «digital homo» является не только потребителем гиперреальности, но и ее соавтором: каждый его след может быть использован для дальнейшей видимости объекта.

Современные исследования цифрового потребления показывают, что поведение пользователей в сетевой среде связано с качеством жизни, безопасностью, доверием и структурой потребительского выбора [12; 14; 16]. Философский смысл этой связи состоит в том, что цифровой субъект действует в среде, где выбор приобретает публичную и вычислимую форму. Даже если покупка остается частной, ее след может быть сохранен, обработан, учтен и возвращен человеку в виде нового предложения.

Отсюда следует, что гиперреальность цифрового потребления имеет не только эстетический, но и антропологический характер. Она меняет способы желания, памяти и признания. Человек помнит не только то, что пережил, но и то, что сохранил, отметил, просмотрел, добавил в избранное. Потребительская память распределяется между сознанием и платформой. Платформа напоминает о желаниях, которые могли бы исчезнуть, и тем самым продлевает их жизнь. «Digital homo» действует внутри культурного порядка, где вещь, знак, данные и образ уже не существуют изолированно. Товарность соединяется с визуальностью, статус соотносится с профилем, доверие переводится в рейтинг, идентичность закрепляется цифровой историей. Гиперреальность выступает не внешним обманом, а средой, в которой современный субъект учится хотеть, выбирать, сомневаться и подтверждать себя.

Антропологические пределы и возможности «digital homo»

Философско-антропологический анализ «digital homo» требует выйти за пределы описания платформенных механизмов. Главный вопрос состоит не в том, какие сервисы использует человек, а в том, что происходит с человеческим опытом, когда он все чаще проходит через цифровые посредники. Цифровой субъект получает новые возможности самовыражения, коммуникации, доступа к знаниям, товарам и сообществам. Но одновременно он становится зависимым от инфраструктур, которые задают формы видимости, признания и ориентации.

В этой точке «digital homo» находится между расширением и уязвимостью. Он может быть более информированным, мобильным и включенным, чем классический потребитель. Избыточность цифровой среды, однако, вынуждает его доверять алгоритмам фильтрации. Без них мир оказывается перегруженным и плохо обозримым. С ними он становится удобнее, но не обязательно прозрачнее. Человек получает навигацию ценой частичной передачи собственной ориентации внешней системе [1; 15; 19].

Один из наиболее существенных рисков связан с сокращением паузы между желанием и действием. Цифровая среда стремится ускорить переход: увидел, сравнил, нажал, заказал, поделился. Человеческое желание,

напротив, нуждается во времени. Оно должно иметь возможность созреть, столкнуться с сомнением, пройти через оценку необходимости и соразмерности. Там, где платформа постоянно сокращает этот промежуток, субъект рискует утратить навык внутренней задержки.

Другой риск связан с профилированием идентичности. Платформа работает не с целостным человеком, а с набором признаков: частотами, реакциями, маршрутами, повторениями, предпочтениями. Затем этот неполный образ начинает влиять на последующие возможности субъекта. «Digital homo» может оказаться внутри зеркала, которое не отражает его как личность, а рассчитывает как вероятностную модель. Такое зеркало показывает не столько то, кем человек является, сколько то, кем он может стать в логике системы.

Цифровое неравенство придает этой проблеме социальную остроту. Доступ к гиперреальности распределен неодинаково. Одни пользователи лучше владеют цифровой грамотностью, понимают риски данных, умеют управлять настройками, фильтрами, профилями и публичностью. Другие остаются пассивными участниками среды, для которых цифровой порядок становится не пространством свободы, а пространством навязанной видимости. В этом смысле цифровое неравенство является не только технической, но и антропологической проблемой [17; 18].

Отдельного рассмотрения требует безопасность цифрового потребления. Сахбиева анализирует безопасность потребления в контексте цифровизации экономических отношений [12]. Для философии культуры это понятие нуждается в расширении. Речь идет не только о защите платежей, персональных данных и прав потребителя. Безопасность «digital homo» включает способность распознавать символическое давление, искусственную срочность, манипуляцию рейтингами, зависимость от признания и навязанные сценарии самопрезентации.

При этом «digital homo» не следует изображать исключительно жертвой платформ. Цифровой субъект способен к рефлексии. Он может понимать работу интерфейса, ограничивать уведомления, критически относиться к рекомендациям, очищать цифровые следы, отказываться от избыточной самопрезентации, выбирать более осознанные формы потребления. Здесь появляется возможность цифровой зрелости. Она связана не с отказом от технологий, а с умением сохранять человеческую меру внутри них.

Объяснимый искусственный интеллект в таком контексте приобретает философское значение. Обычно исследования объяснимого искусственного интеллекта связаны с технической прозрачностью моделей [1]. В ситуации «digital homo» объяснимость нужна прежде всего человеку. Если субъект не понимает, почему ему предъявляется определенный товар, образ, новость, услуга или человек, он не может в полной мере оценить собственный выбор. Непрозрачность алгоритма становится непрозрачностью самого горизонта действия.

Положительный потенциал «digital homo» состоит в возможности нового типа участия. Цифровой субъект не только потребляет готовые символы, но и участвует в их создании. Он может оценивать, комментировать, создавать контент, формировать сообщества, поддерживать альтернативные практики потребления, распространять экологические и этические нормы. Цифровая среда в этом отношении не только угрожает субъектности, но и открывает новые формы культурного действия.

Поэтому задача философской антропологии не сводится к критике цифровизации. Более продуктивно выявить, где «digital homo» теряет меру, а где приобретает новые формы свободы. Потребление в цифровой культуре может вести к гиперреальности, зависимости и профилированию. Но оно же может стать пространством рефлексии, солидарности, ответственного выбора и символической грамотности. Решающее значение имеет не сам факт цифрового посредничества, а способность субъекта понимать его устройство.

Существенным остается вопрос: кому принадлежит образ человека в цифровом обществе потребления? Если субъект конструирует себя через платформы, а платформы одновременно конструируют его видимость, то идентичность оказывается совместным продуктом. Она создается на пересечении личного выбора, социальной оценки, алгоритмического ранжирования и культурных кодов. «digital homo» должен научиться видеть это пересечение, иначе свобода будет сведена к движению внутри уже готовых сценариев.

«Digital homo» как потребитель гиперреальности является предельной фигурой современной культуры потребления. В нем сходятся вещь и знак, тело и профиль, желание и рекомендация, свобода и алгоритмическая настройка. Его антропологическая задача состоит не в бегстве из цифровой среды, а в восстановлении способности понимать, какие формы реальности, признания и желания эта среда производит.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать «digital homo» как одну из наиболее выразительных антропологических фигур цифрового общества потребления. Он отличается от классического потребителя не только использованием цифровых сервисов. Его отличие состоит в особом способе включенности в культуру платформенной видимости, рейтингов, профилей, данных и гиперреальных репрезентаций. Его потребление разворачивается между вещью и образом, потребностью и знаком, личным выбором и алгоритмически организованным горизонтом возможностей.

Философско-культурный смысл феномена «digital homo» заключается в том, что потребление становится формой самопонимания. Человек узнает себя через цифровые следы, рекомендации, подписки, сохраненные образы, историю покупок и публичные реакции. Платформа не только обслуживает выбор, но и участвует в построении пространства, где этот выбор становится возможным, заметным и социально значимым. Поэтому «digital homo» потребляет гиперреальность не как иллюзию, а как практически действенную среду повседневного существования.

Научная новизна статьи состоит в трактовке «digital homo» как субъекта, чья идентичность формируется на пересечении символического обмена, цифровой медиатизации и платформенной интерпретации. В этой перспективе гиперреальность понимается не только как постмодернистская метафора, но и как рабочая структура цифрового потребления: объект сначала появляется как репрезентация, получает рейтинг и социальную маркировку, затем включается в практику выбора и возвращается в культуру как новый знак.

Антропологические риски «digital homo» связаны с ускорением желания, профилированием идентичности, зависимостью от алгоритмов видимости, цифровым неравенством и утратой паузы между импульсом и действием. Однако цифровой человек не является полностью пассивным. Он способен вырабатывать критическую грамотность, управлять цифровыми следами, распознавать механизмы платформенного давления и формировать более ответственное потребление.

Следовательно, «digital homo» как потребитель гиперреальности требует дальнейшего философского анализа. Исследование цифровой культуры не может ограничиваться экономикой платформ или техническим описанием искусственного интеллекта. Оно должно обращаться к проблемам желания, видимости, признания, памяти, телесности, символического обмена и человеческой меры. Именно здесь философская антропология получает особую задачу: показать, как в цифровом обществе потребления сохраняется, изменяется или утрачивается собственно человеческое.

Литература

1. Аверкин А.Н. Объяснимый искусственный интеллект как часть искусственного интеллекта третьего поколения // Речевые технологии. — 2023. — № 1. — С. 4–10.
2. Адорно Т.В., Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. — М.: Ad Marginem Press, 2024. — 96 с.
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 330–342.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской; предисл. С.Н. Зенкина. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкина. — Тула: [б. и.], 2013. — 202, [1] с.
7. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. — М. : Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2007. — 288 с.
8. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институтов / пер. с англ. С. Сорокиной. — СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с.
9. Казанская И.В., Ямщиков С.В., Ромашкина А.П. Потребление и потребительское поведение в цифровую эпоху // Гуманитарные, социально- экономические и общественные науки. — 2022. — №1.

— С. 43–47. DOI: 10.23672/t1024-0645-1658-b. EDN: NKNNPT
10. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. — М.: Экономика, 1993. — 955 с.
11. Маркс К. Капитал. — М.: АСТ, 2024. — 544 с.
12. Сахбиева А.И. Индикаторы безопасности потребления в контексте цифровизации экономических отношений // KANT. — 2023. — №4(49). — С. 122–127. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-49.23. EDN: IKVSUI
13. Севумян Э.Н. Культурная модель общества потребления и символического обмена в цифровую эпоху: дисс. … д-ра филос. наук. — Луганск, 2025.
14. Севумян Э.Н. Методологические основания трансформации культуры потребления: от классической политической экономии к цифровизации // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 253–260. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.38. EDN: PPXNBX
15. Слонимская М.А. Сетевые формы организации экономики: монография / М.А. Слонимская; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси. — Минск: Беларуская навука, 2018. — 281 с.
16. Цветкова И.Ю., Копасовская Н.Г., Большакова И.В., Кундина Л.Ю. Исследование поведения потребителей в цифровой среде для оценки влияния цифровизации на качество жизни населения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — №3(67). — С. 50–62. DOI: 10.52452/18115942_2022_3_50. EDN: YWAUEU
17. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сб. ст. / Национальная академия наук Беларуси, Объединенный институт проблем информатики; редкол.: А.В. Тузиков (председатель) [и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2020. — 267 с.
18. Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. — 2021. — Т. 10, №1. — С. 121–132. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.11. EDN: ZEAHFW
19. Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / К. Шваб. — М.: Эксмо, 2016. — 208 с.

FROM COMMODITY TO DIGITAL IMAGE: THE TRANSFORMATION OF THE THING IN THE CONSUMER CULTURE OF THE 21ST CENTURY

Sevumyan Elina Norairovna, *PhD of Economics, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don (Russia)*

The article examines the transformation of the thing in the consumer culture of the 21st century: from a material commodity to a digital image that precedes possession, structures trust and participates in the formation of consumer identity. The purpose is to reveal the philosophical and anthropological meaning of the digital image as a new cultural form of the commodity in a platform environment. The study relies on philosophical anthropology, philosophy of culture, critical theory, conceptual analysis and hermeneutics of digital practices. The scientific novelty lies in interpreting the digital image not as an external advertisement, but as an independent mediator that shapes visibility, expectation, symbolic value and consumer trust. The article shows that the commodity now exists as an object of exchange and as an image constructed through aesthetics, rating, social proof, behavioral data and symbolic promise.

Keywords: *commodity; digital image; thing; consumer culture; symbolic exchange; hyperreality; philosophical anthropology; digital platform; consumer identity; digital culture.*

EDN: GIVFIM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.18***

Цитировать: *Севумян Э.Н. От товара к цифровому образу: трансформация вещи в культуре потребления XXI века // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 125–132. EDN: GIVFIM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.18*

От товара к цифровому образу: трансформация вещи в культуре потребления XXI века

УДК 130.2
5.7.8

© Севумян Э.Н., 2026

В статье анализируется переход вещи из статуса материального товара в статус цифрового образа, который все чаще предшествует непосредственному опыту обладания и задает рамку потребительского доверия. Актуальность исследования определяется тем, что в платформенной культуре субъект встречает товар не как изолированный предмет, а как экранную конструкцию: изображение, карточку, рейтинг, отзыв, рекомендацию, короткое видео, блогерскую демонстрацию и алгоритмически отобранную витрину. Цель исследования состоит в философско-антропологическом осмыслении цифрового образа вещи как новой формы культурного существования товара. В работе раскрывается вещь как товар, знак и носитель социального различия; рассматривается цифровая репрезентация как посредник между потребностью, желанием и покупкой; выявляются последствия смещения от обладания к экранному присутствию. Методологическую основу составляют философская антропология, философия культуры, критическая теория общества потребления, концептуальный анализ и герменевтика цифровых практик. Научная новизна состоит в том, что цифровой образ рассматривается не как внешнее рекламное сопровождение товара, а как самостоятельный культурный медиатор, организующий видимость, ожидание, доверие и символическую ценность вещи. Показано, что товар XXI века существует одновременно как предмет обмена, знаковая форма и экранная сборка, в которой соединяются эстетика, социальное доказательство, данные поведения и обещание определенного образа жизни. Теоретическая значимость исследования связана с уточнением антропологического статуса вещи в платформенной культуре и с раскрытием новой связи между материальностью, образом, данными и желанием.

Ключевые слова: *товар; цифровой образ; вещь; культура потребления; символический обмен; гиперреальность; философская антропология; цифровая платформа; потребительская идентичность; цифровая культура.*

СЕВУМЯН Элина Норайровна, *кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону (Россия)*

Введение

В культуре потребления XXI века вещь все реже входит в человеческий опыт как простая материальная данность. До того, как ее можно взять в руки, примерить, использовать или отвергнуть, она уже оказывается увиденной: в карточке товара, фотографии, коротком видео, обзоре, рейтинге, отзыве, подборке похожих предложений, блогерской демонстрации, рекламной ленте. Субъект встречает не только предмет, но и его подготовленную экранную форму, в которой материальность заранее обработана эстетически, социально и алгоритмически.

Такой переход нельзя объяснить одним удобством электронной торговли. Меняется сам культурный статус вещи. Товар уже не замыкается в физическом наличии, функции и цене. Он существует в потоке изображений, сравнений, реакций и рекомендаций, то есть получает вторую, платформенную жизнь. Вещь остается предметом, но одновременно становится образом, обещанием, сценой будущего пользования, элементом возможной самопрезентации. Следовательно, цифровая культура перестраивает не только каналы покупки, но и способ встречи человека с предметным миром.

Классические теории общества потребления давно показали, что товар не исчерпывается полезностью. У Бодрийяра вещь включена в систему знаков и различий: потребляется не только предмет, но и его социальное значение [2; 3; 4]. У Бурдье вкус и стиль жизни выступают механизмами социального различения [5]. Белл рассматривал информационное общество как среду, где знание, коммуникация и символическая организация опыта приобретают новую значимость [1, с. 330–342]. В цифровую эпоху эти линии сходятся: вещь становится знаком, знак переводится в данные, а данные возвращаются субъекту в форме персонализированной витрины.

Актуальность исследования определяется тем, что экранная репрезентация в платформенной культуре все чаще предшествует самому товару. Потребитель выбирает не из непосредственного ряда предметов, а из изображений, отзывов, рейтингов и рекомендательных сценариев. Поэтому вопрос о вещи приобретает философско-антропологическое измерение: что именно желает субъект, когда желает товар, уже предъявленный ему как цифровой образ? Речь идет не о простой замене реальности картинкой, а о новом порядке предметности, где материальное, знаковое и вычислительное действуют совместно.

Исследовательская проблема может быть сформулирована следующим образом: каким образом товар в культуре потребления XXI века переходит в режим экранной репрезентации и как этот переход изменяет антропологический статус вещи, потребителя и желания. Существенно не то, что покупка стала онлайн-процессом. Важнее другое: цифровая репрезентация участвует в производстве доверия, ожидания, идентичности и социального признания.

Цель статьи состоит в философско-антропологическом анализе перехода от товара к цифровому образу в культуре потребления XXI века. Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрыть вещь как товар, знак и элемент символического обмена; показать цифровой образ как форму платформенного существования вещи; проанализировать роль рейтингов, отзывов и рекомендаций в формировании доверия; определить антропологические последствия смещения от обладания к экранному присутствию. Объектом исследования выступает культура потребления XXI века. Предметом является цифровой образ вещи как форма трансформации товара в платформенной культуре.

Методологическую основу составляют философская антропология, культурно-философский анализ, критическая теория общества потребления, герменевтика цифровых практик и концептуальная работа с понятиями «товар», «вещь», «образ», «репрезентация», «символический обмен», «потребительская идентичность». Научная новизна заключается в том, что экранная репрезентация вещи рассматривается не как вторичная реклама и не как техническое описание товара, а как самостоятельная культурная форма, внутри которой предмет получает видимость, ценность, доверие и место в структуре желания. Центральный тезис статьи состоит в следующем: в XXI веке вещь начинает потребляться еще до материального обладания, поскольку ее цифровой образ заранее организует ожидание, доверие и воображаемую сцену будущего пользования.

Вещь как товар, знак и социальная форма

Вещь никогда не была нейтральным предметом пользования. Она включалась в труд, обмен, память, статус, наследование, моду, принадлежность и различие. Культура потребления усилила эту многослойность: вещь стала товаром, а товар получил значение не только через функцию, но и через способность быть увиденным, оцененным, сопоставленным и включенным в социальную коммуникацию. Поэтому движение от вещи к цифровому образу начинается не с интернета, а с более раннего превращения вещи в знак.

Товар как экономический объект имеет цену, назначение и место в системе обмена. Но культура потребления всегда добавляла к нему символическую оболочку. Одежда, автомобиль, гаджет, книга, мебель, косметика, образовательный курс или туристическая поездка становятся не просто предметами и услугами. Они выражают стиль жизни, уровень достатка, культурную ориентацию, вкус, моральную позицию, желание принадлежать к определенной группе или, напротив, отличаться от нее. Уже до цифровизации товар был сообщением.

Именно поэтому бодрийяровский анализ общества потребления остается методологически значимым. Потребительская вещь получает смысл не только в акте использования, но и в системе различий, где объект отсылает к коду, статусу, ожиданию удовольствия и участию в современности [2; 3]. Цифровая среда не отменяет эту знаковую природу товара. Она делает ее более наглядной, ускоренной и технически управляемой: знак уже не только циркулирует, но и подсчитывается, ранжируется, персонализируется.

Бурдье позволяет увидеть другой аспект этой логики. Вкус кажется личным качеством, однако он связан с социальным пространством, образованием, привычками, ресурсами и формами культурного капитала [5]. Вещь в обществе потребления становится маркером различия: через нее субъект показывает себя, узнает других и занимает место в символически организованной иерархии. Цифровая культура переносит это различие в область экранной видимости: теперь значение имеет не только обладание вещью, но и то, как она представлена, показана, сохранена, прокомментирована.

Особую антропологическую остроту этой теме придает идея расширенного «Я», предложенная Расселом Бэлком. Его формула «наше имущество является основным фактором и отражением нашей идентичности» [12, с. 139] объясняет, почему вещь не может рассматриваться только как внешний предмет. Она участвует в самоописании субъекта: закрепляет память, статус, привычки, личные границы, привязанности и образ желаемой жизни. Человек узнает себя не только в мыслях и отношениях, но и в вещах, которые выбирает, хранит, демонстрирует или от которых отказывается.

В XXI веке эта связь меняет форму. Если раньше вещь включалась в идентичность преимущественно через обладание и использование, то теперь она начинает действовать до покупки. Пользователь может сохранить товар в избранном, добавить в корзину, отправить ссылку, обсудить дизайн, посмотреть обзоры, сравнить аналоги, вернуться к нему через неделю и все же не приобрести. Но вещь уже вошла в воображаемую биографию субъекта: как возможность, как желаемый образ, как набросок будущего себя.

Современная вещь существует сразу в нескольких режимах. Первый режим материальный: предмет производится, продается, используется, изнашивается. Второй — знаковый: предмет что-то сообщает о владельце или пользователе. Третий — цифровой: предмет представлен через изображение, рейтинг, отзыв, ссылку, алгоритмическую связь, пользовательскую реакцию и платформенную память. В культуре XXI века эти режимы не сменяют друг друга, а накладываются. Именно их наложение делает товар не просто объектом покупки, а сложной культурной формой.

Такое наложение меняет структуру желания. Желание направляется уже не только на предмет, но и на обещание опыта, заключенное в образе. Пользователь может желать не саму вещь, а фотографию с ней, стиль жизни, который она обещает, статус, который ей приписан, реакцию аудитории, возможность включить предмет в собственный визуальный нарратив. Товар становится частью воображаемой сцены признания.

Исследования цифрового потребительского поведения показывают, что выбор в

сетевой среде связан с новыми формами доверия, сравнения и взаимодействия [6, с. 43–47]. Это значит, что вещь не просто переходит в онлайн-магазин. Она включается в другой порядок социального опыта: ее ценность поддерживается данными, отзывами, пользовательскими фотографиями, обсуждениями, метриками и репутационными знаками. Предмет начинает жить в сети до, во время и после акта покупки.

Поэтому цифровой образ вещи одновременно продолжает прежнюю логику символического потребления и радикально ее перестраивает. Старый товар-знак нуждался в рекламе, витрине, моде и социальной демонстрации. Новый товар-образ циркулирует постоянно: его можно искать, сохранять, пересылать, оценивать, визуально редактировать, сравнивать, продвигать и включать в рекомендательные цепочки. Он не только сообщает значение, но и собирает данные о том, как это значение воспринимается.

Итак, трансформация вещи начинается с того, что товар становится не только объектом обмена, но и элементом символического различия. Цифровая культура усиливает этот процесс, превращая вещь в образ, который можно потреблять еще до обладания. Поэтому вопрос о товаре в XXI веке становится вопросом о новой предметности: вещь существует не только в материальном мире, но и в пространстве экранной видимости, социальных реакций и платформенной памяти.

Цифровой образ вещи: платформа, репрезентация и доверие

Цифровой образ вещи возникает там, где товар представлен как упорядоченная визуально-текстовая конструкция. В карточке товара соединяются фотография, цена, описание, рейтинг, отзывы, условия доставки, похожие предложения, статус продавца, рекомендации и визуальный сценарий использования. На первый взгляд, это лишь вспомогательная информация. В действительности именно эта конструкция чаще всего становится первым опытом встречи субъекта с вещью.

Платформа не просто показывает товар, она собирает его в определенный образ. Одни свойства выводятся на первый план, другие остаются в тени; одни фотографии создают доверие, другие вызывают сомнение; одни отзывы формируют ощущение коллективной проверки, другие почти не замечаются.

Потребитель видит не вещь как таковую, а платформенную версию вещи, составленную из визуальности, текста, чисел, чужих эмоций и алгоритмической сортировки.

Доверие к товару в сетевой культуре все чаще возникает не из непосредственного контакта, а из сопровождающих его знаков. Количество звезд, число покупок, фотографии пользователей, отметка платформы, быстрый ответ продавца, позиция в выдаче, наличие видеообзора — все это образует инфраструктуру доверия. Субъект доверяет не предмету в руках, а его цифровой репутации. Поэтому безопасность потребления в условиях цифровизации экономических отношений становится отдельной исследовательской проблемой [8, с. 122–127].

Цветкова и соавторы показывают, что цифровая среда влияет на поведение потребителей и качество жизни населения [9, с. 50–62]. Для анализа вещи это принципиально. Экранный образ определяет не только скорость покупки, но и критерии оценки. Покупатель сравнивает предметы через интерфейс, принимает агрегированные отзывы как форму опыта других, ориентируется на рейтинги, воспринимает рекомендации как предварительную экспертизу. Оценка вещи становится сетево опосредованной.

Рейтинг сокращает сложность выбора. В мире товарного избытка потребитель не способен изучить каждый предмет непосредственно. Рейтинг обещает быстрое суждение: другие уже посмотрели, купили, проверили, подтвердили. Но он не является чистой истиной. Он зависит от правил платформы, качества отзывов, активности продавцов, коммерческого продвижения и самой архитектуры видимости. Цифровой образ облегчает выбор и одновременно создает новые зоны уязвимости.

Отзывы также меняют статус товара. Вещь получает биографию до того, как войдет в жизнь конкретного человека. Чужие фотографии, истории использования, жалобы, похвалы, сравнения и короткие комментарии создают вокруг предмета поле ожиданий. Пользователь видит товар не как пустую возможность, а как уже прожитый другими опыт. Это усиливает доверие, но подчиняет

восприятие тому фрагменту опыта, который платформа сделала видимым.

Рекомендация добавляет к цифровому образу еще один слой. Она делает вещь как будто адресованной именно этому субъекту. Алгоритм не просто показывает объект; он помещает его в персональную траекторию, связывает с прежними поисками, просмотрами, покупками, интересами и сходством с другими пользователями. Один и тот же предмет получает разные смысловые окружения для разных людей. Поэтому экранная форма вещи становится не универсальной, а персонализированной.

Важный теоретический ориентир здесь дает работа Р. Бэлка о расширенном Я в цифровом мире. Автор отмечает, что технологические изменения «резко повлияли на то, как мы потребляем, представляем себя и общаемся». [13, с. 477]. Эта формула позволяет увидеть: цифровой образ вещи связан не только с покупкой. Он участвует в самопрезентации, коммуникации и конструировании идентичности. Вещь оказывается частью цифрового репертуара, через который субъект показывает себя и считывает других.

Н. Рогова и С. Матта фиксируют сходный сдвиг: "потребители могут выражать свою идентичность не только через свое имущество и покупательское поведение." [14, с. 55]. Для рассматриваемой темы это означает, что цифровой образ вещи может быть потреблен как знак идентичности даже без фактической покупки. Достаточно сохранить, показать, обсудить, включить в подборку, использовать как элемент желаемого будущего или как фрагмент цифрового самоописания.

Особенно наглядно это проявляется в социальных сетях. Еда, одежда, интерьер, книга, гаджет, поездка или косметика превращаются в материал визуального нарратива. Человек демонстрирует не только обладание предметом, но и умение включить его в эстетически узнаваемую сцену жизни.

Вещь становится посредником между телом, камерой, аудиторией, платформой и стилем. Брендовые сообщества усиливают эту логику. Х. Дж. Шау, А.М. Мунис и Э.Дж. Арнольд пишут, что практики имеют «анатомия» и включают «навыки, способности и культурно приемлемые потребительские проекты» [15, с. 30]. Значение товара, следовательно, производится не только фирмой и не только индивидуальным покупателем. Оно поддерживается сетевым коллективом, который обсуждает, демонстрирует, оценивает и воспроизводит образ вещи.

Такую экранную форму нельзя понимать как простую картинку. Это культурная сборка, в которой соединены визуальная привлекательность, социальное доказательство, алгоритмический отбор, пользовательский опыт, брендовый контекст и ожидание будущего обладания. Именно эта сборка делает товар видимым и желаемым. Предмет, не получивший цифрового образа, в платформенной культуре рискует остаться практически невидимым.

В таком мире меняется и понятие качества. Качество вещи уже не сводится к материалу, долговечности, функции или надежности. Оно частично определяется тем, как вещь представлена, насколько убедительно выглядит, как оценивается другими, какие эмоции вызывает в ленте, насколько легко включается в желаемый образ жизни. Материальные свойства не исчезают, но все чаще проходят через цифровую форму предъявления.

Следовательно, переход от материального товара к экранной репрезентации означает изменение порядка доверия. Раньше вещь подтверждала себя главным образом через непосредственное употребление. Теперь она должна подтвердить себя до употребления: через изображение, рейтинг, отзыв, рекомендацию, историю бренда и алгоритмическую видимость. Потребитель выбирает не только предмет; он доверяет конфигурации знаков, которая делает предмет культурно приемлемым.

От обладания к экранному присутствию: антропологические последствия

Переход от материального товара к цифровому образу меняет не только рынок, но и положение субъекта в культуре потребления. Человек все чаще имеет дело не с вещами непосредственно, а с их возможными образами. Он может долго рассматривать товары, сравнивать, сохранять, обсуждать и воображать обладание, не совершая покупки. Поэтому потребление частично переносится из акта приобретения в режим экранного присутствия.

Экранное присутствие вещи означает, что она участвует в жизни субъекта как образ, еще не ставший собственностью. Вещь может быть желанной, знакомой, эмоционально значимой, включенной в планы и фантазии, хотя физически ее нет. Возникает промежуточная область между отсутствием и обладанием. Пользователь уже как будто вписал предмет в собственную биографию, но еще не вступил с ним в материальное отношение.

Эта промежуточность усиливает власть ожидания. Экранная форма часто гладка, эстетизирована и очищена от случайности. Она обещает удобство, красоту, статус, эффективность, принадлежность. Реальная вещь неизбежно сложнее: она может не подойти, быстро надоесть, оказаться менее удобной, чем казалась, не совпасть с фотографией или не дать ожидаемого признания. Разрыв между образом и опытом становится одним из источников потребительского разочарования.

Бодрийяровская тема симулякра получает здесь конкретное культурное выражение [4]. Цифровой образ не просто искажает вещь. Он может оказаться более убедительным, чем сама вещь, потому что заранее упакован в обещание. Потребитель желает не только материальный предмет, но и ту версию жизни, которую предмет демонстрирует. В этом смысле экранная форма способна предшествовать реальности и задавать ей норму.

Субъект оказывается в ситуации, где желание все чаще формируется до опыта. Он видит готовые сценарии: как вещь должна выглядеть, как ее используют другие, какие эмоции она якобы вызывает, в какой стиль жизни вписывается. Потребительское воображение становится более управляемым. Оно питается не только личной потребностью, но и чужими образами, платформенными подсказками, алгоритмическими повторениями.

Эта трансформация влияет на идентичность. Если раньше вещи расширяли Я преимущественно через обладание, то теперь экранные образы расширяют Я через возможное обладание, публичное желание и визуальное самоописание. Сохраненная подборка, список желаний, персональная лента, цифровая корзина, подписки на бренды и демонстрация понравившихся товаров создают образ субъекта не меньше, чем реальные покупки. Человек становится не только владельцем вещей, но и куратором своих возможных вещей.

В этом заключены и свобода, и риск. Свобода состоит в расширении поля выбора: можно сравнивать, изучать, откладывать решение, искать альтернативы, читать чужой опыт, отказываться от импульсивной покупки. Риск состоит в том, что широта выбора превращается в постоянное напряжение. Когда любой предмет представлен как потенциально доступный и желанный, субъект живет в режиме незавершенного выбора. Желание не завершается обладанием, а обновляется новыми образами.

Разумова фиксирует изменения потребительского поведения 2020-2023 гг., связанные с новыми вызовами рынка и возможностями для потребителей [7, с. 63–74]. В контексте данной статьи это означает, что экранная репрезентация вещи существует внутри более широкой перестройки потребительских стратегий: растет роль онлайн-каналов, цифровой доступности, сравнения, отзывов, скорости и доверия к платформенным механизмам.

Цифровая трансформация как совокупность новых понятий и практик показывает, что речь идет не только о переводе старых процессов в электронную форму [10]. Меняется культурная грамматика потребления. Вещь становится частью информационного потока: она описывается, индексируется, сравнивается, персонализируется и включается в цифровой след пользователя.

Предметный мир уже невозможно анализировать без учета инфраструктуры данных. Чернов рассматривает цифровизацию как тенденцию развития современного общества и особый предмет научного дискурса [11, с. 121–132]. Для философии культуры это важно потому, что цифровизация вещи меняет не только технологическую оболочку товара, но и способ его смыслового существования. Вещь получает новую онтологию: она существует как предмет, изображение, ссылка, метрика, рекомендация, пользовательский опыт и элемент профиля.

Антропологический риск этой ситуации связан с ослаблением непосредственного отношения к вещи. Человек может все больше взаимодействовать не с предметом, а с его цифровыми обещаниями. Поэтому способность различать потребность, желание, пре-

стиж и алгоритмическое наведение становится особенно значимой. Без этой способности экранная форма начинает управлять ожиданием, а ожидание управляет покупкой.

Другой риск состоит в утрате длительности. Цифровой образ быстро обновляется. Новая фотография, новая модель, новый обзор, новый рейтинг или новая рекомендация легко вытесняют прежний предмет. Культура потребления ускоряется не только потому, что товары производятся быстрее, но и потому, что образы стареют быстрее вещей. То, что материально еще пригодно, может выглядеть символически устаревшим.

Тем не менее, переход к цифровому образу нельзя оценивать только негативно. Он может повышать информированность потребителя, расширять доступ к альтернативам, помогать избегать неудачных покупок, поддерживать устойчивые практики, делать видимыми локальные товары и независимых производителей. Проблема заключается не в самом образе, а в том, способен ли субъект понимать его устройство и сохранять критическую дистанцию.

Критическая цифровая грамотность в этой ситуации должна быть не только технической, но и культурной. Она включает способность видеть, как изображение работает с желанием, как рейтинг производит доверие, как рекомендация структурирует выбор, как отзыв превращает чужой опыт в аргумент, как платформа распределяет видимость. Такая грамотность возвращает человеку активную позицию в мире цифровых образов.

Следовательно, трансформация вещи в цифровой образ не уничтожает материальность, а меняет порядок доступа к ней. Вещь остается предметом употребления, но путь к ней проходит через экранную репрезентацию, знаки доверия, данные поведения и социальную видимость. Философская антропология в этих условиях должна рассматривать вещь не только как объект обладания, но и как форму опосредованного самоотношения субъекта в цифровой культуре.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в культуре потребления XXI века вещь проходит сложную трансформацию: от товара как предмета обмена к цифровому образу как форме экранного, знакового и платформенного существования. Товар больше не входит в опыт потребителя только через покупку и использование. Он заранее существует как изображение, рейтинг, отзыв, рекомендация, ссылка, сохранение, пользовательская история и обещание определенного образа жизни.

Философско-антропологический смысл этой трансформации состоит в изменении отношения между субъектом и предметным миром. Вещь начинает действовать на человека до обладания: формирует ожидание, вызывает желание, поддерживает сравнение, участвует в самопрезентации и становится частью воображаемой идентичности. Потребитель все чаще имеет дело не с вещью как таковой, а с цифровой сценой ее возможного присутствия в собственной жизни.

Научная новизна исследования заключается в трактовке цифрового образа вещи как самостоятельного культурного медиатора. Он не является лишь рекламной оболочкой или техническим описанием товара. Экранная репрезентация организует видимость, доверие, социальное доказательство, символическую ценность и порядок выбора. Именно поэтому переход от товара к цифровому образу следует рассматривать как одну из значимых форм изменения культуры потребления XXI века.

Основные риски данной трансформации связаны с ослаблением непосредственного опыта, ускорением устаревания образов, зависимостью доверия от платформенных метрик, подменой потребности символическим обещанием и усилением гиперреального режима желания. Однако экранная репрезентация вещи не является только угрозой. Она может расширять информированность, поддерживать сравнение, делать видимыми альтернативы и открывать новые формы ответственного выбора.

Следовательно, дальнейшее исследование данной темы должно быть направлено на выявление условий, при которых цифровая репрезентация вещи не подменяет реальность, а помогает субъекту осмысленно ориентироваться в ней. Человеческая мера цифрового потребления заключается в способности различать вещь, образ, знак, рейтинг, желание и реальную потребность. Только при сохранении этой различительной способности пе-

реход от товара к цифровому образу может стать не формой утраты предметного мира, а возможностью более зрелого отношения к нему.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 330–342.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 268 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О. А. Печенкина. — Тула: [б. и.], 2013. — 202 с.
5. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2007. — 288 с.
6. Казанская И.В., Ямщиков С.В., Ромашкина А.П. Потребление и потребительское поведение в цифровую эпоху // Гуманитарные, социально- экономические и общественные науки. — 2022. — №1. — С. 43–47. — DOI: 10.23672/t1024-0645-1658-b.
7. Разумова С.В. Поведение потребителей 2020–2023: вызовы и возможности // BENEFICIUM. — 2024. — №1(50). — С. 63–74. — DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.1(50).63-74.
8. Сахбиева А.И. Индикаторы безопасности потребления в контексте цифровизации экономических отношений // KANT. — 2023. — №4(49). — С. 122–127. — DOI: 10.24923/2222-243X.2023-49.23.
9. Цветкова И.Ю., Копасовская Н.Г., Большакова И.В., Кундина Л.Ю. Исследование поведения потребителей в цифровой среде для оценки влияния цифровизации на качество жизни населения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — №3(67). — С. 50–62. — DOI: 10.52452/18115942_2022_3_50.
10. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сб. ст. / Национальная академия наук Беларуси, Объединенный институт проблем информатики; редкол.: А.В. Тузиков (председатель) [и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2020. — 267 с.
11. Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. — 2021. — Т. 10, №1. — С. 121–132. — DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.11.
12. Belk R.W. Possessions and the Extended Self // Journal of Consumer Research. — 1988. — Vol. 15, №2. — P. 139–168. — DOI: 10.1086/209154.
13. Belk R.W. Extended Self in a Digital World // Journal of Consumer Research. — 2013. — Vol. 40, №3. — P. 477–500. — DOI: 10.1086/671052.
14. Rogova N., Matta S. The role of identity in digital consumer behavior: A conceptual model and research propositions based on gender // AMS Review. — 2023. — Vol. 13. — P. 55–70. — DOI: 10.1007/s13162-022-00237-z.
15. Schau H.J., Muniz A.M. Jr., Arnould E.J. How Brand Community Practices Create Value // Journal of Marketing. — 2009. — Vol. 73, №5. — P. 30–51. — DOI: 10.1509/jmkg.73.5.30.

THE PHENOMENON OF PROFESSIONAL IDENTITY TRANSFORMATION IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE: EXPLICATION OF THE MODELS OF HOMO JURIDICUS AND HOMO HOSPITALIS

Semina Galina Viktorovna, *Acting Vice-Rector for Academic and Educational Work, Pacific Institute of Entrepreneurship, Tourism and Law, Petropavlovsk-Kamchatsky (Russia)*

In the context of the subject field of philosophical anthropology and philosophy of culture, the phenomenon of professional identity transformation in the modern socio-cultural space is investigated. The research is aimed at identifying and substantiating the anthropological foundations of two contrasting modes of human activity — normative and legal (jurisprudence) and communicative and service (hospitality). Based on the analysis of classical concepts of man (from ancient kalokagaty to the German classical anthropology of I. Kant, dialectics of G. The mechanisms of formation of the value-semantic core of future specialists are revealed. The legal space is analyzed through the prism of anthropological doctrines of justice and duty, while the hospitality industry is conceptualized as a representation of the cultural universality of the "Other" and the phenomenology of intersubjectivity. At the same time, the translation of historical and philosophical knowledge does not act as an abstract and didactic element, but as a fundamental anthropological factor in the "assembly" of the personal and professional culture of the subject of activity within the framework of reproducing the constants of the Russian civilizational code.

Keywords: *philosophical anthropology; philosophy of culture; historical and philosophical context; Homo juridicus; Homo hospitalis; strange-welcoming; intersubjectivity; value-semantic dominants; culture of hospitality; Hegel's triad.*

EDN: GJVNUL ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.19***

Цитировать: *Сёмина Г.В. Феномен трансформации профессиональной идентичности в современном социокультурном пространстве: экспликация моделей Homo juridicus и Homo hospitalis // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 133–138. EDN: GJVNUL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.19*

УДК 141
5.7.8

ФЕНОМЕН ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭКСПЛИКАЦИЯ МОДЕЛЕЙ HOMO JURIDICUS И HOMO HOSPITALIS

© Сёмина Г.В., 2026

В контексте предметного поля философской антропологии и философии культуры исследуется феномен трансформации профессиональной идентичности в современном социокультурном пространстве. Исследование нацелено на выявление и обоснование антропологических оснований двух контрастных модусов человеческой деятельности — нормативно-правового (юриспруденция) и коммуникативно-сервисного (гостеприимство). На основе анализа классических концепций человека (от античной калокагатии до немецкой классической антропологии И. Канта, диалектики Г. Гегеля и феноменологии XX в.) раскрываются механизмы формирования ценностно-смыслового ядра будущих специалистов. Правовое пространство анализируется сквозь призму антропологических доктрин справедливости и долга, в то время как сфера гостеприимства концептуализируется как репрезентация культурной универсалии «Другого» и феноменологии интерсубъективности. Трансляция историко-философского знания при этом выступает не абстрактно-дидактическим элементом, а фундаментальным антропологическим фактором «сборки» личностной и профессиональной культуры субъекта деятельности в рамках воспроизводства констант российского цивилизационного кода.

Ключевые слова: *философская антропология; философия культуры; историко-философский контекст; человек юридический; человек гостиприимный; страннопримство; интерсубъективность; ценностно-смысловые доминанты; культура гостеприимства; гегелевская триада.*

СЁМИНА Галина Викторовна,
и.о. проректора по учебной и воспитательной работе, Тихоокеанский институт предпринимательства, туризма и права, Петропавловск-Камчатский (Россия)

Введение

Динамичные социокультурные трансформации начала XXI в., сопряженные с процессами тотальной цифровизации и дегуманизации профессиональных пространств, актуализируют проблему поиска фундаментальных оснований человеческой идентичности. В рамках современной высшей школы наметился глубокий антропологический кризис, выраженный в «технократическом редукционизме» образования, когда подготовка специалистов прагматических профилей (юриспруденция, сфера сервиса и гостеприимства) сводится к механическому освоению функциональных компетенций.

С позиции философской антропологии профессиональная деятельность не может быть оторвана от ценностно-смыслового ядра личности. Размывание гуманитарного фундамента ведет к профессиональной деформации: правовому формализму (легализму) у юристов и превращению коммуникации в формализованные речевые стандарты и алгоритмы обслуживания у специалистов сферы сервиса. В данном контексте трансляция историко-философского знания выступает не абстрактно-дидактической надстройкой, а ключевым антропологическим фактором «сборки» целостной личности, способной удерживать субъектность в условиях кризиса культуры.

Существенный вклад в понимание праксиологического и эпистемологического потенциала философии в последние годы внесли исследования А.А. Гусейнова, подробно анализирующего реактуализацию кантианских этических концепций долга [3], а также работы Н.А. Дмитриевой, рассматривающей антропологический проект в цифровую эпоху [5]. Проблемы дегуманизации и вызовы «цифрового человека» в образовательном пространстве детально исследовались В.А. Чалым [12] и Т.Г. Щедриной, зафиксировавшей антропологический поворот в отечественной философии культуры [13]. Специфика формирования профессионального мышления через призму философской антропологии отражена в трудах К.А. Очеретяного [9] и М.С. Киселевой, обосновавшей тезис о зависимости профессиональной идентичности от общей культурной идентичности субъекта [7]. Вместе с тем, междисциплинарный сравнительный анализ антропологического потенциала историко-философского знания одновременно в нормативных (правовых) и сервисно-коммуникативных (гостеприимство) пространствах до сих пор не был предметом самостоятельного концептуального осмысления, что определяет поле данного исследования.

Научная новизна исследования заключается в теоретико-антропологическом обосновании и экспликации моделей Homo juridicus (человека юридического) и Homo hospitalis (человека гостеприимного) на основе интеграции классического историко-философского наследия в систему высшего междисциплинарного образования. Впервые правовое поле и сфера гостеприимства сопоставляются как комплементарные антропологические модусы человеческого бытия — нормативно-долженствующий (через этику И. Канта) и интерсубъективно-диалогический (через феноменологию «Другого» Э. Левинаса). Доказано, что применение историко-философского кейс-метода позволяет преодолеть профессиональный легализм и отчуждение в сервисных практиках.

Методологическую матрицу работы составил комплекс подходов, релевантных предметному полю философской антропологии. Антропологический подход позволил рассмотреть профессиональную культуру как экзистенциальный модус бытия человека. Для деконструкции и адаптации концепций немецкой классической философии и феноменологии к современным прикладным контекстам использовались историко-философский и компаративный методы. Основой для экспликации онтологического статуса гостеприимства послужил феноменологический метод (в частности, концепты интерсубъективности). А методы ситуационного моделирования и кейс-анализа применялись для верификации теоретических положений в практике реального вузовского обучения юристов и отельеров.

«Homo juridicus»: антропологические основания правосознания и феномен долга в классической традиции

Исследование антропологического измерения правовой культуры требует обращения

к фундаментальным истокам конструирования субъектности в классической философской традиции. В условиях прагматизации современного высшего образования фигура правоведа зачастую редуцируется до оператора нормативно-технической базы. Такой подход неизбежно порождает феномен, который в рамках философской антропологии можно охарактеризовать как «экзистенциальное отчуждение субъекта права». Преодоление данного кризиса возможно через реактуализацию модели Homo juridicus (человека юридического), укорененной в историко-философском контексте.

Гносеологическим и этическим фундаментом для «сборки» антропологической оптики будущего юриста выступает практическая философия Иммануила Канта. Формулируя в своей антропологии центральный вопрос о сущности человека, И. Кант жестко связывает его бытие с понятиями автономии, свободы воли и нравственного закона. Модель человека у И. Канта антропологически центрирована: личность провозглашается абсолютной самоценностью, «целью в себе», которая ни при каких обстоятельствах не может быть низведена до статуса «средства» для достижения утилитарных, экономических или узкогосударственных задач. И. Кант писал: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [6, с. 242]. Эта классическая максима И. Канта служит антропологическим щитом от бюрократического легализма. Для будущего юриста она означает, что любая норма позитивного права должна проходить внутреннюю экспертизу на предмет сохранения человеческого достоинства субъекта правоотношений.

Для формирования подлинного, а не декларативного правосознания критическое значение имеет кантианская дихотомия легальности и моральности, разворачивающаяся вокруг структуры категорического императива. И. Кант предлагает уникальную антропологическую модель субъекта, который подчиняется правовому порядку не в силу внешнего гетерономного принуждения или страха перед санкцией государственного аппарата, а на основании внутреннего, автономного признания долга. Долг в кантианской традиции — это не слепое повиновение, а высшая форма проявления разумной свободы человека.

Внедрение антропологического кейс-метода, как теоретического конструкта, в практику преподавания философии для студентов юридических направлений позволяет эффективно нивелировать системный риск — профессиональную деформацию в виде правового формализма (легализма), при котором буква нормативного акта полностью заслоняет его гуманистический смысл. Через практический разбор судебных коллизий абстрактная теория И. Канта о свободе и долге превращается в живой инструмент профессионального целеполагания.

В рамках практического модуля «Философия» студентам предлагается проанализировать реальные судебные коллизии. Например, судебный пристав-исполнитель, строго следуя предписанию закона и процессуальным срокам, обязан запустить процедуру отчуждения единственного жилья у многодетной семьи из-за технической ошибки банка, повлекшей формальную просрочку платежа. На этапе дискуссии студенты, действующие в рамках узкопрофессиональной логики, изначально констатируют легальность действий исполнительной власти («закон есть закон»). Однако при включении кантианского методологического инструментария оптика радикально меняется. Студенты осуществляют деконструкцию ситуации через призму второй формулировки категорического императива: относится ли данное правоприменение к человеку как к цели? Юрист, действующий как истинный Homo juridicus, начинает понимать, что слепой формализм в данном случае разрушает само антропологическое основание права — справедливость.

Через этот небольшой практический пример абстрактная теория И. Канта о свободе и долге превращается в живой инструмент профессионального целеполагания. Студент осознает, что юридический акт — это всегда ответственный антропологический выбор, напрямую трансформирующий бытие «Другого».

«Homo hospitalis»: феномен отечественного странноприимства и феноменология «Другого»

Если пространство юриспруденции антропологически центрировано вокруг категорий долга и нормативного ограничения, то сфера гостеприимства и сервисных практик разворачивается в совершенно ином экзистенциальном регистре. В эпоху позднего капитализма индустрия сервиса подверглась глубокой коммерциализации, при которой гостеприимство трансформировалось в жесткую контрактную систему, регулируемую экономическими скриптами и алгоритмами. С позиции философской антропологии это приводит к отчуждению: живая человеческая коммуникация подменяется симулякром, где «Другой» (клиент, гость) воспринимается исключительно как источник прибыли. Преодоление этого кризиса требует экспликации модели Homo hospitalis (человека гостеприимного), укорененной в феноменологической традиции и константах отечественной культуры.

Философско-антропологическим базисом для деконструкции коммерческого сервиса выступает диалогическая философия М. Бубера, постулирующая экзистенциальную ценность диалога «Я и Ты», и феноменология «Другого» Э. Левинаса. В концепции Э. Левинаса встреча с «Ликом Другого» является первичным онтологическим и этическим актом. «Другой» не может быть ассимилирован моим «Я», он обладает абсолютной инаковостью. Обосновывая феномен «Лика Другого» и преодолевая коммерческие скрипты, Эммануэль Левинас писал: «...Лик поворачивается ко мне, и в этом его движении заявляет о себе его нищета... Но это призывание является приказом. Ответственность, в которую меня ввергает Лик Другого, является изначально асимметричной: я отвечаю за "Другого", не ожидая взаимности» [8, с. 134]. Гостеприимство, таким образом, — это не транзакция, а безусловная ответственность перед тем, кто входит в мое пространство. Ж. Деррида, развивая эту мысль, указывает на феномен «абсолютного гостеприимства», требующего открытости незнакомцу без предъявления предварительных условий [4, с. 56]. А Мартин Бубер — на подлинность общения: «...если я созерцаю человека как свое "Ты", он не является вещью среди вещей и не состоит из вещей. Он — не "Оно", не замкнутая в себе схема» [1, с. 22]. В контексте подготовки отельеров эти мысли совершают переворот: гость перестает быть «объектом потребления» (Оно) или безликим пунктом бронирования, а раскрывается как суверенное «Ты».

В эпоху развитых рыночных отношений индустрия сервиса подвергается глубокой коммерциализации. Гостеприимство зачастую трансформируется в жесткую контрактную систему, регулируемую технологическими картами и формализованными правилами речевого взаимодействия. С позиции философской антропологии это приводит к глубокому отчуждению. И странноприимство в таком ракурсе становится покупкой комфорта, а не антропологическим событием встречи двух сознаний. Феномен странноприимства как укорененная в традиционной российской культуре и христианской этике ментальная константа, означающая сакральную готовность «принимать странников» (путешественников, паломников, нуждающихся), безвозмездно обеспечивая их кровом, едой и защитой, выступает здесь историческим и духовным фундаментом отечественной модели взаимодействия с человеком. Странноприимство в отечественной традиции всегда выходило за рамки простой бытовой вежливости, раскрываясь через категории соборности и духовного единения, где отношение к гостю строилось как к высшей ценности.

Однако в условиях современных социокультурных и экономических реалий постиндустриального общества данная категория неизбежно претерпевает терминологическую и праксиологическую трансформацию. В связи с этим в рамках данного исследования осуществлен сознательный переход к понятию «культура гостеприимства». Данное выражение позволяет сохранить исходный этический и гуманистический потенциал отечественного феномена «хлебосольства», но при этом переводит его в плоскость актуального научно-образовательного дискурса, адаптированного к задачам подготовки современных специалистов. Для российского цивилизационного контекста данная феноменологическая модель отражена в архетипе странноприимства и хлебосольства, укорененном в категориях соборности А.С. Хомякова [11, с. 210] и духовных основах общества С.Л. Франка [10, с. 88].

В практике подготовки специалистов сферы гостеприимства обращение к феноменологии позволяет преодолеть синдром «профессионального выгорания» и фальши, переводя услугу в ранг культурного и этического события, когда студент учится лишь механически улыбаться по регламенту. Студентам можно предложить разобрать ситуационный кейс с прибытием в отель глубокой ночью гостя после отмены авиарейса, находящегося в состоянии сильного эмоционального стресса. Формально его бронь аннулирована, свободных номеров стандартной категории нет, а по регламенту (скрипту) сотрудник обязан вежливо отказать и предложить самостоятельно искать альтернативные варианты.

Действуя в рамках «коммерческого сервиса», сотрудник минимизирует издержки отеля, однако, через призму феноменологии Э. Левинаса и концепта «культуры гостеприимства» (странноприимства) ситуация меняется. Студент учится видеть в госте не «проблемного клиента», а «Лик Другого», взывающий к базовой человеческой потребности в безопасности и признании. Практический синтез заключается в поиске нестандартного человеческого решения (предоставление технического помещения для отдыха, координация с другими службами вопреки жесткому скрипту). Это переводит услугу в ранг культурного и этического события, формируя подлинного Homo hospitalis.

Диалектика профессиональной культуры: гегелевский синтез закона и гостеприимства

Описанные выше модели Homo juridicus и Homo hospitalis в контексте антропологического проектирования не должны рассматриваться как изолированные или взаимоисключающие субстанции. Их взаимосвязь подчинена строгой логике диалектической триады (тезис — антитезис — синтез) Г. Гегеля [2, с. 240]. Пространство Права (тезис) — это сфера абстрактного права, внешних границ, формального равенства и строгого долга. Человек здесь защищен государством, но атомизирован. Недостаток тезиса в его потенциальной холодности и легализме, способном превратить общество в механический конгломерат изолированных индивидов. А пространство Гостеприимства (антитезис) — сфера абсолютной открытости, снятия границ, эмпатии и безусловного принятия «Другого». Это отрицание жесткости закона во имя милосердия и странноприимства. Однако чистый антитезис без нормативной опоры уязвим: он либо дегенерирует в коммерческий симулякр (где эмпатия продается), либо приводит к размыванию безопасности и порядка. Синтезом в данном случае будет целостный субъект профессиональной культуры. Связывая понятия Закона и Гостеприимства, можно привести цитату Г. Гегеля о том, что «...противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» [2, с. 65]. Высшим синтезом гегелевской триады выступает междисциплинарная антропологическая «сборка» личности специалиста в системе координат отечественной мысли.

Таким образом, юрист, обогащенный философией гостеприимства, перестает быть карающим автоматом и начинает видеть в правоприменении служение человеку. Специалист сервиса, овладевший логикой правового долга, переводит гостеприимство из хаотического эмоционального порыва в статус устойчивой культурной константы и профессиональной ответственности. Диалектическое движение от формального права к открытому гостеприимству находит свое высшее разрешение в соборной природе отечественной культуры. Закон (тезис) и Гостеприимство (антитезис) сливаются в категории Правды-Справедливости и Соборности, где «...соборность есть внутренняя, органическая основа общества, то невидимое духовное единство, без которого немыслимо никакое внешнее правовое или экономическое общение», как писал Семен Франк [10, с. 142]. Профессионал, удерживающий этот код, сочетает верность долгу с искренним служением человеку. В этом диалектическом единстве и воспроизводится российский цивилизационный код, утверждающий приоритет духовных и антропологических ценностей над техническими алгоритмами.

Заключение

Проведенное историко-философское и теоретико-антропологическое исследование позволяет сформулировать ряд существен-

ных выводов, имеющих важное значение для развития предметного поля философии культуры. В ходе проведенного исследования доказано, что современное высшее образование прагматических профилей испытывает острый антропологический дефицит, выраженный в редукции личности будущего специалиста к сумме утилитарных компетенций. Трансляция историко-философского знания обоснована в работе не как вспомогательный дидактический элемент, а как фундаментальный антропологический фактор «сборки» целостной субъектности и профессиональной идентичности студента.

На основе рецепции практической философии И. Канта эксплицированы антропологические основания правосознания. Показано, что интеграция кантианских концептов долга и категорического императива через систему ситуационных кейсов позволяет преодолеть профессиональную деформацию будущих юристов (Homo juridicus) в виде правового формализма (легализма), возвращая правоприменению его исходный гуманистический смысл. А через призму диалогической философии М. Бубера и этики «Другого» Э. Левинаса осуществлена деконструкция коммерциализированного «сервисного контракта» в сфере гостеприимства. Восстановление подлинного статуса специалиста сферы сервиса (Homo hospitalis) связано с актуализацией культурной константы странноприимства, где коммуникация переводится из плоскости рыночной транзакции в регистр экзистенциальной ответственности перед «Ликом Другого». Применение методологии гегелевской триады позволило выявить внутреннее единство нормативно-правового (тезис) и коммуникативно-сервисного (антитезис) пространств человеческой деятельности. Их снятие в рамках целостной профессиональной культуры (синтез) знаменует собой воспроизводство базовых элементов российского цивилизационного кода — приоритета Правды-Справедливости над формальной инструкцией и Соборности над эгоцентрическим отчуждением.

Таким образом, предложенная междисциплинарная модель преподавания философии закладывает прочный теоретический фундамент для дальнейших исследований структуры и механизмов трансляции национального цивилизационного кода в эпоху глобальных культурных трансформаций.

Литература

1. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер. — М.: Высшая школа. 1993. — 175 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. — Т. 2 / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Мысль. 1971. — 248 с.
3. Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали: кантианские мотивы // Вопросы философии. — 2023. — №5. — С. 5-17.
4. Деррида Ж. О гостеприимстве / Ж. Деррида. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 216 с.
5. Дмитриева Н.А. Кантианский антропологический проект в цифровую эпоху // Философские науки. — 2024. — Т. 67, №2.- С. 42-58.
6. Кант И. Критика практического разума // Соч. в 6 т. — Т. 4, ч. 1. — М.: Мысль, 1965. — 544 с.
7. Киселева М.С. Культурная идентичность и профессиональное мышление: антропологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2024. — №78. — С. 112-124.
8. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. — М.; СПб.: Университетская книга, 2000. — 416 с.
9. Очеретяный К.А. Антропология профессий в постиндустриальном обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2023. — Т. 12, №4А. — С. 89-98.
10. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — 511 с.
11. Хомяков А.С. О старом и новом / А.С. Хомяков. — М.: Современник, 1988, — 462 с.
12. Чалый В.А. Свобода воли и категорический императив в современных междисциплинарных исследованиях // Кантовский вестник. — 2024. — Т. 43, №1. — С. 14-29.
13. Щедрина Т.Г. Проблема субъектности в отечественной философии культуры: антропологический поворот // Вопросы философии. — 2025. — №3. — С. 31-44.

THE INFLUENCE OF SOCIAL MYTH-MAKING ON YOUTH POLICY OF THE STATE: FROM PUBLIC CONSCIOUSNESS MANIPULATION TO POSITIVE TRANSFORMATIONS

Stetsenko Irina Aleksandrovna, *DSc of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Stetsenko Vladimir Vadimovich, *Senior Lecturer*

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch), Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog (Russia)

The article raises the issue of social myth-making and its impact on public policy in the field of education and upbringing. Social myth-making actualizes the role of the manipulative aspect of public consciousness with the involvement of mass media. The relevance of the interdisciplinary study of the phenomenon of "social myth-making" in modern socio-political discourse is due to the lack of a holistic view of the process of myth-making and contradictory approaches to its study. Through scientometric methods, attributive characteristics of the process of social myth-making have been identified, as well as approaches to this process within the framework of scientific research discourse. Social myth — making is considered from the standpoint of the phenomenological approach of A.F. Losev, A.M. Pyatigorsky, M.K. Mamardashvili — myth as a cultural universal. The purpose of the study is to understand the current risks, challenges and threats that social myth–making poses to the Russian state and society when it is carried out by anti-state political actors. The article analyzes various social myths promoted by the media and propaganda media. In socio-philosophical subject knowledge, the point of view on the social myth as an axiological phenomenon that organizes and regulates the existence of society is becoming widespread. Special attention is focused on the concepts of "information and psychological wars", "network wars" and "network society" in the context of the manipulative aspect of public consciousness. The scientific novelty of the article lies in an innovative approach to social myth, which involves an emphasis on the positive aspects of this manifestation of social life, taking into account the challenges, threats and risks of modern socio-cultural reality. As a result, the thesis on the need to strengthen state control over social myth-making is substantiated, as well as proposals aimed at improving its effectiveness.

Keywords: *social myth-making; social myth; media; propaganda; youth policy; spiritual and moral values; network wars; network society.*

EDN: HHZZFD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.20***

Цитировать: *Стеценко И.А., Стеценко В.В. Влияние социального мифотворчества на молодёжную политику государства: от манипуляций общественным сознанием к позитивным трансформациям // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 139–145. EDN: HHZZFD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.20*

УДК 130.2
5.7.7

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА НА МОЛОДЁЖНУЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА: ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ К ПОЗИТИВНЫМ ТРАНСФОРМАЦИЯМ

В статье поднимается проблематика социального мифотворчества и его влияния на государственную политику в области образования и воспитания. Социальное мифотворчество актуализирует роль манипулятивного аспекта общественным сознанием с привлечением средств массовых коммуникаций. Актуальность междисциплинарного исследования феномена «социального мифотворчества» в современном общественно-политическом дискурсе обусловлена отсутствием целостного представления о процессе мифотворчества и противоречивостью в подходах к его изучению. Посредством наукометрических методов выявлены атрибутивные характеристики процесса социального мифотворчества, подходы к этому процессу в рамках научно-исследовательского дискурса. Социальное мифотворчество рассматривается с позиции феноменологического подхода А.Ф. Лосева, А.М. Пятигорского, М.К. Мамардашвили — миф как культурная универсалия. Цель исследования — осмысление актуальных рисков, вызовов и угроз, которые представляет для российского государства и общества социальное мифотворчество, когда оно осуществляется антигосударственными политическими акторами. В статье анализируются различные социальные мифы, продвигаемые СМИ и средствами пропаганды. В социально фило-

© Стеценко И.А., Стеценко В.В., 2026

СТЕЦЕНКО Ирина Александровна, *доктор педагогических наук, доцент*
SPIN-код: 6978-3150
ORCID ID: 0000-0001-6333-5228

СТЕЦЕНКО Владимир Вадимович, *старший преподаватель*
SPIN-код: 5064-1683,
ORCID ID: 0009-0000-0695-1331

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал), Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрог (Россия)

софском предметном знании получает распространение точка зрения на социальный миф как аксиологический феномен, который организует и регулирует бытие социума. Особое внимание фокусируется на концептах «информационно-психологические войны», «сетевые войны» и «сетевое общество» в контексте манипулятивного аспекта общественным сознанием. Научная новизна статьи заключается в инновационном подходе к социальному мифу, который предполагает акцент на положительных сторонах этого проявления общественной жизни с учётом вызовов, угроз и рисков современной социокультурной реальности. В результате обосновывается тезис о необходимости усиления государственного контроля за социальным мифотворчеством, а также вносятся предложения, направленные на повышение его эффективности.

Ключевые слова: *социальное мифотворчество; социальный миф; СМИ; пропаганда; молодёжная политика; духовно-нравственные ценности; сетевые войны; сетевое общество.*

Введение

С учетом актуальных трендов в области распространения информационных войн и «цветных» революций, процессов цифровизации, манифестируемых, например, такими проявлениями, как разрушение духовно-нравственных основ российского общества и его атомизация, деструктивное информационное влияние на молодежь, разжигание межнациональных и религиозных конфликтов, формирование негативного информационного фона вокруг образа России, возрастает значимость «сцепки» государственной культурной политики с вопросами повышения качества информационной безопасности и национальной политики. В современных реалиях, когда против российского государства осуществляется активная подрывная деятельность в информационной сфере, социальное мифотворчество и его влияние на общественную жизнь становится значимой проблематикой.

Современный нарратив мифотворчества, отличающийся динамичностью, ситуативностью и создающий эффект гиперреальности, актуализирует роль манипулятивного аспекта общественным сознанием с привлечением средств массовых коммуникаций.

Актуальность рассмотрения мифологической картины мира человека в современных реалиях объясняется отсутствием целостного представления о процессе мифотворчества и противоречивости в подходах в научно-исследовательском дискурсе, деструктивным характером и влиянием на сознание человека. В связи с этим, исследование обращено к проблеме осмысления актуальных рисков, вызовов и угроз, которые представляет для российского государства и общества социальное мифотворчество, когда оно осуществляется антигосударственными политическими акторами.

Определение мифа как культурной универсалии и ценностно-смысловой форму рефлексии над социальной реальностью, позволяет выделить основные аспекты мифотворчества, которые направлены на конструирование стратегии формирования аксиологических установок молодежи в рамках образовательной политики: идеологическая направленность, символичность, эмоциональность и многофункциональность. В этом ключе социальное мифотворчество рассматривается с позиции феноменологического подхода и ориентируется на исследовательские стратегии А.Ф. Лосева, А.М. Пятигорского, М.К. Мамардашвили. Различные атрибутивные характеристики социальной мифологии отражены в исследованиях С.О. Елишева, С.С. Калиниченко, Р.Б. Квеско, Г.В. Осипова, В.В. Петрова, А.П. Ситникова, Т. Шинн и др.

Содержание концепта мифотворчество

С позиции социально-философского знания содержание концепта мифотворчество включает особый вид культуротворческой деятельности, результатом которой становятся

различные мифологемы, способные влиять на то, каким образом развивается знание и духовная жизнь в социуме.

Представитель психоаналитической школы изучения мифа К.Г. Юнг относился к мифотворчеству как к непрерывному процессу, свойственному для всех этапов существования человечества [14]. Мифотворчество понималось как непрерывный процесс, определяющий историческое развитие в трудах русского исследователя А.Н. Афанасьева, который также отмечал, что данный феномен не ограничивается первобытным сознанием, для него характерно постоянное развитие и устремленность к будущему [1]. М. Элиаде считал вечные мифологические ценности точкой притяжения, которая раскрывает имманентные человеческие свойства [13].

Мифотворчество как отдельная категория обладает имманентной взаимосвязью с таким процессом как социальная архаизация, который трактуется А.П. Ситниковым как макросоциальный феномен, связанный с масштабными изменениями, вызванными трансформацией общества и его институтов [11].

Анализ мифотворчества позволяет говорить о нём в качестве неотъемлемого компонента жизни человека, объединяющего в себе важнейшие достижения духовной и культурной деятельности общества. Данный феномен отражает обобщение истории конкретным народом, его идентификация таких фигур, как герой и антигерой, определение того, что является добром или злом. Для мифотворчества характерен акцент на тех событиях, которым суждено проникнуть в людскую память, выступить элементом связи между поколениями, стать выражением определенных обычаев, а также осуществить появление и развитие традиционных представлений. Справедливой представляется точка зрения, согласно которой мифотворчество является самым ранним способом обобщить, осмыслить и сохранить для будущего поколения всесторонний опыт коллективного бытия.

Особой формой мифотворчества выступает социальное мифотворчество. Данный процесс объясняется некоторыми исследователями как работа над социальными мифами, общественными иллюзиями в различных измерениях жизнедеятельности. В свою очередь социальный миф трактуется как сформировавшееся на уровне бессознательного мировоззрение, влияющее на общественную деятельность человека в чьих-то интересах [3].

Процесс формирования социального мифа описывается В.В. Петровым. Согласно позиции исследователя, включаясь в социальные отношения и воздействуя на различные явления в социуме, миф адаптируется к актуальным тенденциям и в результате приобретает статус элемента системы общества — социального мифа [10].

Информационное пространство и социальное мифотворчество

Во многом социальная мифология и её проблематика актуализируется в связи с тем, что современному социальному мифу соответствует форма не архаичного, отжившего своё вымысла, а переживаемого, действующего, встроенного в реалии и наделяющего их смыслами феномена. Взаимодействуя с мифом, человек проникается иллюзией миропонимания, что даёт мифу возможность войти в массовое сознание, которое также во многом основывается на мифе. Ввиду того, что пространство коммуникации является средой для рождения мифа, любой прогресс в данной сфере расширяет социальную мифологию.

В настоящее время получает распространение точка зрения на социальный миф как на ценность, которая организует и регулирует бытие социума. Именно поэтому проблема определения места и роли социального мифотворчества в жизнедеятельности общества сохраняет свою значимость.

Социальное мифотворчество используется различными акторами политической жизни для оптимизации и повышения эффективности процесса управления (в том числе скрытого) общественными явлениями. Несмотря на многообразие форм, которые принимает социальный миф, общим можно считать одно — его первопричину, это власть, воля, заданная извне цель, иными словами присутствие субъекта, заинтересованного в строго определенной интерпретации фактов. Однозначной также представляется связь данного феномена с идеологической, политической и аксиологической подоплёкой в общественном дискурсе.

Следует рассмотреть содержание основного комплекса социальных мифов, трансли-

руемых извне в российское информационное пространство.

Г. Шиллер говорит о пяти традиционно продвигаемых и популяризируемых мифологемах, которые используются для манипулятивных воздействий американской пропагандой. К ним относятся мифы о таких категориях, как: индивидуализм и личный выбор, нейтралитет, человеческая природа, социальные конфликты, плюрализм СМИ [12].

В постсоветской России активное распространение получило либерально-западническое мифотворчество. Среди комплекса подобных заблуждений Г.В. Осиповым выделяются мифы о том, что: административно-приказная система всегда не эффективна; демократия — это самоцель и способ решить любые проблемы; приватизация — это средство достижения изобилия; возможен безболезненный переход к новому политическому и социально-экономическому укладу; существует так называемый «русский империализм»; постсоветским странам позволят присоединиться к евро-атлантической цивилизации; реформы российского социума не требуют научного подтверждения и обоснования; необходима безраздельная свобода СМИ; Запад желает России добра; рынок способен решить любые социальные противоречия [9].

Как показывает практика, зачастую социальные мифы приобретают форму информационного оружия, выступая как средство манипулирования сознанием масс, искажения истины, духовного давления.

Глубинный смысл комплекса социальных мифов, распространяемого западной политической пропагандой (также с помощью внутрироссийских агентов влияния) заключается в стремлении всеми возможными способами (в том числе противоправными) не допустить духовного возрождения России, её возвращения к традиционным ценностям и смыслам.

Как полагает Г.В. Осипов, для подобного негативного социального мифотворчества, тесно сливающегося с авторитарной моделью мышления, характерно вытеснение научного знания из восприятия сложившегося социально-политического порядка, что также создаёт преграды в развитии государства и общества. В этих условиях страна и народ рискуют стать объектом безответственного и некомпетентного социального экспериментирования, ведущего к национальным кризисам и катастрофам [9].

Особое воздействие социальное мифотворчество оказывают на молодежь. В этой связи показательным примером может служить Холодная война, которая некоторыми исследователями именуется как война информационная. Именно советскую молодежь выбрала западная пропаганда как главную цель информационно-психологических воздействий, результатом чего стало успешное распространение социальных мифов о преимуществах американского образа жизни, которые при этом игнорируют его многочисленные проблемы.

Долговременное отсутствие последовательной политики по трансляции среди молодежи традиционных представлений о ценностях и образе жизни, имеет своим результатом распространение социальных мифов о мнимом превосходстве, которым якобы обладает западный образ жизни, при этом отличающийся индивидуализмом, гедонизмом, перепотреблением, развратом и насилием.

Усвоение антироссийских социальных мифов происходит с помощью средств массовой информации, пропагандистских ресурсов, а также того, что сейчас называется «новыми СМИ» (к ним относят блогосферу, соцсети, сетевые комьюнити, а также иные веб-ресурсы). Следует отметить, что дети и молодежь гораздо активней усваивают информацию из подобных сомнительных источников, чем воспринимают позитивные социальные образы, полученные из традиционных институтов социализации, таких как семья, школа, вуз. Эти обстоятельства обусловлены тем, что зачастую семейному (индивидуальному) и религиозному (селективному) воспитанию, а также школьному и вузовскому воспитанию (часто имеющему несистемный характер) недостаёт эффективности.

К сходной проблематике обращается В.В. Петров, который показывает, что развитие виртуальной коммуникации послужило рычагом стихийного социального мифотворчества. Автором выявлено, что виртуальное пространство является благоприятной средой распространения социальных мифов, влияющих на формирование личности. Также обосновано, что стихийное наполнение вирту-

ального пространства социальными мифами может выражаться в снижении показателей эффективности образовательной деятельности [10].

Деструктивная информация и практики манипуляций общественным сознанием

Рассматривая процессы мифотворчества, полагаем целесообразным более детально остановиться на концепте «сетевые войны» и смежных понятиях в трудах российских исследователей.

Основным контентом современных сетевых войн является деструктивная информация, искажающая реальную действительность — миф, фейк/мем, внедряемый в социальную систему и влияющий на институты власти.

Концепция сетевых войн имманентно связана с понятием «информационно-психологической войны», рассматриваемым А.В. Манойло, как столкновение между политическими акторами, обусловленное перераспределением ролей, руководящих мест и властных функций в политическом руководстве информационным обществом. При этом А.В. Манойло отмечает, что конфликт в информационно-психологическом пространстве может принимать форму целенаправленного, особым образом организованного явного или завуалированного информационного воздействия на жизненно важные системы общества для получения превосходства над противником в информационной среде и нанесения ущерба материальным и идеологическим основам противника [7].

Несколько иную позицию занимают исследователи В.А. Лисичкин и Л.А. Шелепин, которые определяют информационно-психологическую войну следующим образом: новый тип конфликтов, в котором задействуются каналы прямого влияния на духовную сферу жизни и общественное сознание. Актор информационно-психологической войны стремится расколоть единство общества в стране противника, для того чтобы заставить народные массы действовать в требуемом русле даже против государственных, общественных и личных интересов [4].

А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, П.П. Баранов обращают внимание на факт того, что в стратегии геополитических оппонентов России произошёл сдвиг к применению комплекса гибких информационных, идеологических, социально-психологических технологий, называемых в совокупности «мягкая сила». В качестве ведущих направлений сетевой войны, инженерии, ведомой западными странами против России, авторы выделяют: подрыв морально-нравственных основ российского общества и его разобщение, негативное информационное воздействие на население, прежде всего, на молодежь, как наиболее восприимчивую часть общества, разжигание межнациональной и религиозной розни, дестабилизация социокультурной сферы, создание отрицательного информационного фона вокруг образа России через СМИ [8].

Одна из главных категорий сетевой войны, это так называемое сетевое общество, специфика которого в том, что традиционную вертикаль статусов и иерархические связи в нём заменяет виртуальное равенство и горизонтальные связи. А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, П.П. Баранов указывают на такие аспекты сетевого общества, как социальный атомизм, космополитизм, индивидуализм, что может быть особо опасно в нашей стране, где отсутствует эффективная государственная деятельность по продвижению патриотических и морально-нравственных качеств [8].

В настоящий момент противоборство государств осуществляется с применением различных технологий социального управления и воздействия, среди которых ученые выделяют: трансляцию в общественное сознание апатии и социальной пассивности, контроль образования и информационных потоков, подрыв авторитета традиционных религий, запрет духовно-нравственного просвещения, пропаганда деструктивных и агрессивных идей через СМИ, искажение исторических фактов, культ потребительства, создание управляемого хаоса, распространение сепаратистских идей, создание структур так называемого гражданского общества, нацеленных на противостояние государству.

Как видно из приведенных примеров, приемы и методы, которые используют антироссийские СМИ и пропагандисты для формирования негативных социальных мифов, отличаются многочисленностью и разнообразием.

Позитивный социальный миф как фактор положительных социальных трансформации

Вместе с этим необходимо осознать, что социальное мифотворчество способно оказывать различное влияние на социализацию и формирование аксиологических установок молодых граждан. Социальному мифу может придаваться негативная направленность и в этом случае он будет служить рычагом для различных манипуляций, а также дестабилизации общества. В то же время позитивный социальный миф способен стать причиной положительных социальных трансформации, выражая собой устойчивые коллективные представления, которые поддерживают оптимизм, сплачивают людей и помогают справляться с жизненными трудностями.

Социальный миф может как вдохновлять на патриотизм и гражданственность, так и дезинформировать, внушить чувство презрения к собственной Родине. Он может принимать участие в развитии полноценных личностных качеств гражданственности, однако при этом способен на формирование эгоистичного потребителя, поддающегося скрытому управлению и предающего национальные, общественные и государственные интересы.

Вместе с этим на опасность отрыва человека от социального мифотворчества указывал ещё К.Г. Юнг. Для человека, полагающего возможной жизнь без мифа, характерно выпадение из социальной нормы. Такой индивид, похожий на вырванное с корнем растение, теряет реальную связь с прошлой, родовой жизнью, продолжающей себя в нём, а также отдаляется от современного человеческого содружества [14].

Можно отметить такие функции позитивного социального мифа, как: психотерапевтическое воздействие в масштабах общества, мотивационное влияние, интеграционное воздействие. Направление развития общества можно задавать при помощи методов социальной и конструирования.

Социальное мифотворчество способно облегчить груз непонимания сложностей бытия, наполнить содержание мира смыслами, объяснить его устройство, определить целеполагание человеческой деятельности, а также приближает человека к пониманию его места в мире. Во многом именно благодаря социальному мифу человек начинает ощущать внутреннюю защищенность, становится способен психологически противостоять потенциальным угрозам.

В то же время, по мнению многих исследователей, которые занимаются социальным мифотворчеством и его влиянием на молодых граждан России, в данном аспекте проблематики в значительной мере превалируют угрозы и риски, обусловленные недостатком внимания государства к данному общественному явлению.

Следует согласиться с С.О. Елишевым, по мнению которого практика социального мифотворчества должна быть поставлена под государственный контроль, так как этого требует национальная безопасность и защита традиционного для России и её граждан комплекса ценностно-смысловых ориентиров [2].

Заключение

Позитивное социальное мифотворчество может стать важным дополняющим и направляющим фактором единой государственной политики в области культуры, образования и воспитания.

Государству целесообразно осуществлять с помощью социального мифотворчества такие направления корректирующей пропаганды, как распространение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также формирование системы традиционных духовно-нравственных представлений у молодых граждан.

Позитивным социальным мифом возможно органично дополнить традиционный ценностный базис российского социума, что способствует усилению его консолидации, а также позитивно повлияет на формирование самоидентификации молодых россиян, их социализацию и гражданско-правовое самосознание.

Необходимо подчеркнуть важность объединения усилий различных субъектов в рамках положительного социального мифотворчества на основе традиционного духовно-нравственного ценностного базиса. Кроме органов власти данная деятельность должна быть представлена различными общественными объединениями и организациями, образовательными и воспитательными учреждениями, а также религиозными конфессиями.

Содержание, а также возможные источники для позитивного социального мифа следует искать в советском и российском историческом прошлом, фигуры и события которого отражают такие идеалы, как справедливость, самопожертвование, патриотизм и гражданственность. Только подобное наполнение социального мифа обеспечит его переход от орудия для манипуляций сознанием к фактору позитивных общественных трансформаций.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: статьи по фольклору, этнографии и мифологии. — М.: Индрик, 1996. — 640 с.
2. Елишев С.О. Роль средств массовой информации и пропаганды в социальных и политических процессах // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. — 2025. — Т. 31. — №4. — С. 29-50.
3. Калиниченко С.С., Квеско Р.Б., Шинн Т. Определение места мифодизайна как социокультурного феномена // Известия Томского политехнического университета. — 2008. — Т. 312. — №6. — С. 118–120.
4. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. — М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 445 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. — М.: Мысль, 1994. — 559 с.
6. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Сознание и символ. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 217 с.
7. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — 3-е изд., стер. — М.: Горячая линия — Телеком, 2012. — 543 с.
8. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Баранов П.П. Основы национальной безопасности. — М.: Риор: ИНФРА-М, 2017. — 224 с.
9. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. — М.: Норма, 2000. — 543 с.
10. Петров В.В. Социальное мифотворчество в виртуальном образовательном пространстве // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2024. — №78. — С. 94-104.
11. Ситников А.П. Социальное мифотворчество: актуализация архаизации массового сознания // Гуманитарий Юга России. — 2021. — Т. 10 (52), — №6. — С. 54-65. DOI 10.18522/2227-8656.2021.6.4
12. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. Я.Н. Засурского. — М.: Мысль, 1980. — 326 с.
13. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. — СПб.: Алетейя, 1998. — 249 с.
14. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. с нем., предисл. А. В. Брушлинского. — М.: Прогресс, 1993. — 336 с.

SOCIAL CHOICE: BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

Khabibullina Zilya Nailovna, *DSc of Philosophy, Associate Professor*

Sabitova Alfiya Rashitovna, *PhD of Philosophy*

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

This study focuses on the procedural specifics of social choice as a significant characteristic of socio-historical transformations, allowing us to trace the dynamics and formation of value orientations from the past to the future. The aim of the study is to identify the ideological and spiritual foundations of social choice in the context of societal transformation, taking into account the interconnection between historical memory, the design of the future, and the institutional mechanisms of social self-determination. In this regard, the research objective is to understand the role of social choice through the lens of the functional role of historical memory in structuring public decisions and to analyze the institutional mechanisms that ensure its implementation in the context of technological transformations in society. The article reveals the value characteristics of social choice, examines the theoretical and methodological approaches to the analysis of social choice, and the role of social choice in the processes of social development. The scientific novelty of the study lies in the revelation of the ambivalence of social choice as a universal socio-cultural phenomenon that serves as a measure of value-based activity in the process of development from the past to the future. As an attribute of social practice, social choice allows for finding a balance not only in favorable conditions, but also for accumulating optimal solutions in conflict situations. The theoretical basis of the study was formed by the elements of the foresight approach (A. Razumov), related to the construction of the future and the axiological approach of I.V. Makaryev. It has been established that the worldview principles of comprehension in the context of "past-present-future" influence the successful social reproduction of values, where social choice through the prism of tradition and innovation, the synthesis of historical experience.

Keywords: *social choices; historical memory; future design; value orientations; ambivalence; institutional mechanisms; social development and traditions.*

EDN: HSPDJL **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.21**

Цитировать: *Хабибуллина З.Н., Сабитова А.Р. Социальный выбор: между прошлым и будущим // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 146–153. EDN: HSPDJL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.21*

УДК 101.1
5.7.7

© Хабибуллина З.Н., Сабитова А.Р., 2026

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

ХАБИБУЛЛИНА Зиля Наиловна, *доктор философских наук, доцент*
SPIN-код: 1858-2756
ORCID: 0000-0003-4933-6296

САБИТОВА Альфия Рашитовна, *кандидат философских наук*
SPIN-код: 5718-5563
ORCID: 0000-0003-2769-3727

Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)

Данное исследование посвящено процессуальной специфике социального выбора как значимой характеристики общественно-исторических трансформаций, позволяющий проследить за динамикой и формированием ценностных ориентиров от прошлого к будущему. Целью исследования является выявление мировоззренческих и духовных основ социального выбора в условиях трансформации общества, учитывающие взаимосвязь исторической памяти, проектного конструирования будущего и институциональных механизмов общественного самоопределения. В связи с этим, задача исследования связана с осмыслением роли социального выбора через призму функциональной роли исторической памяти в структурировании общественных решений и с анализом институциональных механизмов, обеспечивающих его реализацию в условиях техногенных трансформаций общества. В статье раскрывается ценностная характеристика социального выбора, рассматриваются теоретико-методологические подходы к анализу социального выбора и роль социального выбора в процессах общественного развития. Научная новизна исследования состоит в том, что раскрыта амбивалентность социального выбора как универсального социокультурного феномена, являющегося мерилом ценностной деятельности в процессе развития от прошлого к будущему. Как атрибут социальной практики, социальный выбор позволяет искать баланс не только в лояльных условиях, но и аккумулировать оптимальные решения в конфликтных ситуациях. Теоретическую базу исследования составили элементы форсайт-подхода (А. Разумов), связанные с конструированием буду-

щего и аксиологического подхода И.В. Макарьева. Установлено, что мировоззренческие принципы осмысления в контексте «прошлое-настоящее-будущее» влияют на успешное общественное воспроизводство ценностей, где социальный выбор через призму традиции и новации, синтез исторического опыта и проектов будущего определяет траекторию будущего.

Ключевые слова: *социальный выбор; историческая память; проектирование будущего; ценностные ориентиры; амбивалентность; институциональные механизмы; общественное развитие; традиции.*

Введение

Актуальность данного исследования связана с необходимостью осмысления структурных трансформаций в общественно-историческом бытии. Прежние понятия уступают место феноменам, которые ведут к их пересмотру. Социальный выбор в такой ситуации приобретает особую значимость в определении вектора развития общества. Социальный выбор, отчасти, представляет собой сложную процедуру национального самоопределения, который затрагивает фундаментальные основания коллективной идентичности, социальной справедливости и политической легитимности. Историческая память, институциональное наследие и культурная традиция сталкиваются с цифровизацией, модернизацией и глобальной интеграцией. Общество вынуждено пытаться сохранить идентичность и одновременно адаптироваться к новым условиям. В этой связи социальный выбор выступает в роли процесса, где прошлое и будущее не столько противопоставляются, сколько взаимно конструируются в публичном дискурсе.

В работе используются системный подход для выявления атрибутивного характера социального выбора, сравнительный анализ, позволяющий проследить специфику развития выбора от прошлого к будущему, герменевтический подход, раскрывший особенности категорий в контексте хронологических представлений. Применялся также аксиологический подход как мерило качественных преобразований в социуме. Теоретическую базу исследования составляют труды российских и зарубежных авторов, посвященные проблемам социального выбора, социокультурных ценностей, значимости исторической памяти в формировании ценностей современного общества, в том числе работы А. Разумова (2015) [9], где социальный выбор рассматривается как форма ценностно-ориентированной деятельности, И.В. Макарьева (2024) [8], который акцентирует внимание на институциональных механизмах, опосредующих процессы общественного самоопределения, а также труды в области современной гуманитаристики (*Дж. Деланти* (2024) [17], Е.А. Сергодеева (2025) [12]) и социальной эпистемологии (У. Бек (1992) [16], С.В. Бусов (2013) [3], Р. Хартмут (2024) [18]).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке учебно-методических материалов в практике преподавания социально-философских дисциплин, в том числе посвященным проблемам ценностного выбора, социальной ответственности и проектирования будущего. Кроме того, представленный в статье опыт динамики развития социального выбора от прошлого к настоящему может быть востребован в реализации социокультурных проектов, направленных на развитие критического мышления и рефлексивного анализа социальных процессов.

Со времен Античности философия изучала пространство возможностей и пыталась выявить будущий вектор общественного развития. Мир становится гораздо сложнее и многообразнее благодаря цифровизации и росту технологического могущества. В обществе увеличивается пространство рисков и растет цена ошибки. Ценностные ориентиры, историческая память, традиции, культура — все это позволяет обществу помнить прошлое и предвидеть будущее. Социальный выбор между прошлым и будущим не является чисто временной дилеммой. Время, согласно Канту, — это трансцендентальная форма внутреннего чувства, а не объективная форма

бытия материи [3, с. 34]. Философский анализ социального выбора позволяет рассматривать его как особую форму коллективного действия, опосредованного ценностными ориентациями, историческими предпосылками и институциональными механизмами. Социальный выбор охватывает не только акт принятия решения, но и процесс конституирования смыслового пространства, в рамках которого определенные альтернативы становятся возможными и легитимными. Общество рефлексирует собственную историческую траекторию и конструирует образ желаемого будущего.

Общество существует во времени не линейно, а рефлексивно, постоянно возвращаясь к собственным истокам, интерпретируя события и тем самым формируя основания актуального социального выбора. Таким образом, прошлое необходимо рассматривать как структурный компонент социального бытия. Любое понимание осуществляется в горизонте сложившихся устойчивых предпосылок. Историчность рассматривается как условие возможности понимания. Все решения и действия общества предопределены структурой культурных символов, закрепленных в языке, в институтах и коллективной памяти. Даже радикально модернизационные проекты опираются на определенную традицию, пусть и в форме ее отрицания. Общества формируют устойчивые символические образы прошлого, через которые поддерживается коллективная идентичность. Эти образы оказывают большое влияние на социальный выбор, так как они определяют представления о допустимых и недопустимых формах общественного развития.

Историческая память выполняет функцию фундамента, обеспечивающего преемственность общественного развития. Через обращение к традиции общество формирует устойчивые представления о справедливости, порядке и коллективной идентичности. Историческая память и традиция выступают ресурсом легитимации, но одновременно ограничивают возможности радикальной трансформации, если они превращаются в закрытые системы предписаний. Показано, что память активно конструируется и используется в политическом конфликте [21, с.1475] и может выступать ареной для конфликтующих интерпретаций. Проблемы колониального наследия, политических репрессий и социальных травм формируют новую повестку для социального выбора. Решения в сфере публичной политики все чаще включают оценку исторических несправедливостей.

П. Рикер рассматривает память как пространство для пересечения воспоминаний, забвений и прощений [20, с. 276]. Это означает, что прошлое — как источник для примирения, так и источник для конфликта. Социальный выбор в таких условиях оказывается зависимым от доминирующей интерпретации исторического опыта. Различные версии прошлого формируют различные траектории будущего развития. Таким образом, борьба за будущее начинается с борьбы за прошлое. Понимание прошлого как живого, активного элемента социокультурной действительности позволяет рассматривать его влияние не только на прошлые события, но и на современные выборы и будущие представления. «Если прошлое фактически ушло и вернуть его уже нельзя, то различные стороны этого прошлого в самых порой причудливых, много раз опосредованных формах, через огромное количество превращений, существуют в настоящем и очень сильно на него влияют» [8, с. 21].

В рамках философско-герменевтического подхода настоящее может быть осмыслено как пространство интерпретации, где традиция подвергается переосмыслению и включается в новые исторические контексты. В эру цифровизации горизонт планирования сокращается и происходит феномен социальной акселерации, при котором темпы изменений начинают превышать способность общества к их осмыслению. В результате настоящее превращается в пространство высокой неопределенности. Именно в настоящем происходит соединение прошлого и будущего, в котором создаются коллективные решения и определяются направления дальнейшего развития общества. Социальный выбор в настоящем представляет собой динамический процесс, в котором историческая память, традиции и образы будущего взаимодействуют друг с другом, формируя при этом новые модели общественного порядка.

Будущее в социальной философии рассматривается как пространство проектных

возможностей и идеальных ориентиров, которые направляют общественные действия. Современные подходы к пониманию будущего подчеркивают необходимость его концептуализации не как линейного процесса, а как социокультурного конструкта, формируемого в настоящем [17, с. 155]. Если прошлое укоренено в коллективной памяти, то будущее существует в форме ожиданий, прогнозов и нормативных моделей. Будущее всегда связано с пространством рисков, так как оно не гарантировано исторической логикой. Этическое измерение будущего активно обсуждается в моральной философии. Д. Парфит анализирует проблему обязательств перед будущим поколением [19, с. 385]. Таким образом, усиливается аргументация того, что социальный выбор должен учитывать потенциальное благо тех, кто еще не участвует в общественных процессах. Будущее превращается в моральный корректор настоящего. «Будущее является достоянием всех, но, прежде всего, оно должно быть привилегий творческой, моральной личности, — считает А. Разумов, — Тогда будущее станет для всех более привлекательным и оправдает появление «Я» из глубины времен» [9, с. 153].

Феноменологическое понимание будущего лежит в основе концепции резонанса Р. Хартмута [18, с.7]. Он предполагает, что будущее может восприниматься как угроза ускорения и отчуждения или как возможность восстановления содержательной связи между субъектом и миром. Социальный выбор в данном случае связан с выбором модели модернизации: ускоренной технократической или ориентированной на восстановление социального смысла.

Социальный выбор в контексте будущего — это нормативная рефлексия о том, что должно происходить с обществом далее. Философия будущего обращает внимание на то, что представления о будущем не только отражают ожидания, но и формируют действия в настоящем. Чрезвычайным событием, зримо показавшим, что человечество плохо справляется с прогнозированием будущего, стала пандемия коронавируса, совпавшая с очередным спадом мировой экономики, время преодоления которого пока не поддается предсказанию [1, с. 61]. Современное общество характеризуется ускорением социальных процессов, что усиливает неопределенность и усложняет процесс коллективного выбора. У. Бек рассматривал будущее как область структурированной неопределенности [16, с. 139], где социальный выбор уже становится механизмом институционального управления рисками. В этом смысле выбор представляет собой распределение ответственности за возможные последствия развития.

Будущее в социальном выборе выступает как пространство политического воображения, поскольку оно требует не только технического прогнозирования, но и этической оценки. Вопрос о том, какое будущее необходимо желать, связан с представлениями о справедливости, свободе и достоинстве личности. «Не только будущее («волна будущего»), но и прошлое рассматривается как сила, а не в духе всех наших метафор, как бремя, которое человеку приходится на себя брать и от мертвого груза которого живущие могут или даже должны избавиться по мере своего марша в будущее» [2, с. 16]. Социальный выбор реализуется через институциональные механизмы — политические процедуры, правовые нормы. Именно институты обеспечивают практическое воплощение решений. В условиях темпоральной рефлексивности возрастает значение институтов, способных интегрировать различные временные ориентации. Они должны обеспечивать баланс между сохранением устойчивости и открытостью к инновациям.

Важной характеристикой современного общества является рост темпоральной рефлексивности как способности общества осознавать свою историческую идентичность. Различные социальные группы предлагают собственные версии прошлого и сценарии будущего. «Образ будущего является стержневым компонентом мировоззрения и самосознания личности» [12, с. 263]. Таким образом, выбор оказывается не только институциональной процедурой, но и борьбой за символическое господство, приобретая характер конкуренции нарративов. Темпоральная рефлексивность порождает необходимость новых форм диалога, способных интегрировать временные перспективы. Без подобной интеграции общество рискует оказаться в состоянии фрагментации, когда прошлое и будущее

используются как средства взаимного исключения.

Социальный выбор всегда опирается на определенную систему ценностей: безопасность или свобода, стабильность или инновация, коллективная солидарность или индивидуальная автономия. Конфликт между прошлым и будущим нередко маскирует более глубокие противоречия. Философский анализ социального выбора позволяет установить, что он осуществляется при условии признания множественности ценностей и их открытого обсуждения. В связи с процессами глобализации и культурной ассимиляции ценности социокультурных пространств проникают в ценностную матрицу общества, меняется характер периферийных ценностей, и это способствует тому, что многие из них начинают приобретать самостоятельный статус и значимость в этом социокультурном пространстве [11, с. 282].

Модель социального выбора основывается на следующих принципах: 1) темпоральная интеграция — признание взаимной обусловленности прошлого и будущего в структуре общественного решения; 2) нормативная открытость — возможность критической переоценки традиции и проектов развития; 3) институциональная медиативность — опосредование коллективного самоопределения устойчивыми процедурами легитимации. В рамках данной модели социальный выбор понимается как динамический процесс, в котором общество формирует собственную историческую траекторию, интегрируя опыт и проект. Он выступает формой рефлексивного самоопределения, обеспечивающей устойчивость и развитие социальной системы.

Развитие общества от прошлого к настоящему происходит через трансформацию ценностей. Процесс этот сложный и долгий, сопровождаемый переоценкой ценностей всех сфер жизнедеятельности человека. Тем более, исторические события, радикальные перемены, природные и цивилизационные кризисы оказывают прямое или косвенное воздействие на жизнь человека, подводя его к ситуации социального выбора. Исходя из ценностных предпочтений, связанных с цивилизационной эпохой, они могут быть интегрирующими или дезинтегрирующими, объединяющими или разъединяющими. По системе ценностных ориентаций каждого члена общества можно получить информацию об отношении к обществу и мотивацию поведения, оказывающую воздействие на все стороны жизни человека. Социальный выбор координирует и отсекает ненужное, позволяя сохранить более значимые на данный момент приоритеты, в которых отображается самобытность культуры общества.

Социальный выбор становится особенно актуальным в периоды радикальных социальных изменений, так как ситуация неопределенности побуждает к поиску альтернативных ценностей. Дилемма между прошлым и будущим осмысливается по-разному. Критическое осмысление прежних ценностей может перерасти в полное отрицание традиционных ценностей и опыта предшествующих поколений. «В обществе повсеместно средствами массовой коммуникации и пропаганды осуществляется деятельность, способствующая дерационализации сознания, результатом которой является опредмечивание коллективных страхов, ценностная девальвация и личностная апатия. Все это в совокупности является проявлением современной мифологии, которая может выражаться либо в форме определенной идеологии, либо как структура сознания, основанная на архетипах времени и пространства» [14, с. 133]. С одной стороны, смена ценностей — закономерный процесс в развитии социума. Однако ценности модернизации, стремящиеся заменить традиционные устои общества, не всегда оправдывают ожидания населения на стабильную, счастливую жизнь.

Для россиянина всегда важное значение имеет вопрос справедливости, который в общественном сознании закрепился на уровне запроса на стабильность в основных сферах жизнедеятельности человека. Таким гарантом институциональной устойчивости в понимании людей выступает государство. В связи с этим социальный выбор концентрируется на вопросе, связанном с деятельностью государства, которое должно обеспечить запрос населения на стабильную экономическую и политическую жизнь. Осмысление значимости культуры, истории, традиций в жизни преобладает над инновационными ценностями информационного общества. «Выбор и свобода взаимосвязаны между собой, и каждый раз,

делая свободный выбор, человек должен стремиться к тому, чтобы возможностей последующих выборов становилось больше, позволяя современному человеку использовать свой потенциал на высоком уровне. Но трудность свободного выбора в том, что каждый выбор по-своему уникален и неповторим» [10, с. 110]. Наоборот, желание найти баланс между прошлым и будущим на всех уровнях осмысления позволит сохранить бесценный опыт поколений и уверенно смотреть в будущее.

Социально-экономическая трансформация общества предполагает противостояние между традиционными и новыми ценностями. Однако этот процесс разрешаемый: с одной стороны, устоявшиеся ценности выступают гарантом стабильности, с другой стороны, новации и всевозможные технологии современных жизненных реалий демонстрируют темпоральность развития социума. Поэтому, несмотря на наличие «точек противостояния», существует преемственность поколений и потребность в обществе в социальной справедливости, гражданственности. Сплоченность общества и социальный выбор народа напрямую связаны с уважением к социальной памяти и преемственности поколений, так как национально-гражданская идентичность россиян остается одним из значимых в иерархии ценностей. Индивид в процессе деятельности рефлексирует над условиями реализации социального выбора, над вариативными возможностями решения проблемы. Такой подход присущ субъекту, который ценит потенциал свободного выбора, так как увеличивает шансы в реализации поставленных задач.

Альтернативность выбора представляет собой сложную систему, зависящую от многих характеристик. Человек должен учитывать все эти факторы, от неравномерности темпов развития до необратимости определенных изменений в историческом времени [3, с. 33]. Разностороннее осмысление с опорой на потенциал синергетического подхода позволяет преодолеть разрыв между необходимостью и случайностью, свободой и ответственностью. Синергетическая парадигма применимо к обществу фиксирует проявления свободы в зоне социальных бифуркаций как выбор, который формирует новую структуру соотношения возможностей. Избегая крайностей, следует искать меру относительности как свободы, так и порядка в их единстве.

Ситуация тотального выбора не позволяет человеку «насладиться» свободой, наоборот, она становится тягостной, когда всегда и везде необходимо принимать решение. Такой акт сужает свободу человека и может довести до стресса и апатии. Здесь проявляется антиномичность в действии. С одной стороны, совершая акт выбора, человек проявляет свою свободу. С другой стороны, современное, быстроменяющееся общество требует от человека постоянного принятия решений, когда человек не в состоянии вникать в специфику каждого и часто выбор делает вынужденно или по инерции. Т.е., зависимость от выбора может принять абсолютно разный характер. «Человек не может во всем соответствовать идеалам общества… в информационном обществе перестает быть самим собой, границы личного и публичного настолько размыты, что возможности внешнего управления человеческим поведением возрастают многократно» [15, с. 254].

Между прошлым и будущим — длительный путь эволюционного развития. Человек, как мыслящее существо, способное к свободе и творчеству, понимает свои сильные стороны, осуществляя осознанный ответственный выбор. Проблемы двойственности восприятия роли знаний в решении социальных проблем касается В. Виндельбанд. При всем уважении к «полноте знания» он отмечает следующее: «Чем больше человек знает, тем яснее он может разобраться в положении вещей и во всех возможных последствиях своих поступков, тем целесообразнее он, конечно, может выбирать, но тем чаще у него возникают сомнения по поводу таких действий, которые он, может быть, предпринял бы при непосредственном возбуждении» [4, с. 566].

Социальный выбор всегда обусловлен соотношением определенных общественных форм. В традиционных обществах данные формы зрели постепенно, выражая интересы разных групп людей в конкретных условиях места и времени. Такой выбор отличался длительностью интервалов между принятием решений, постоянством и стабильностью. В современном обществе, с его меняющейся динамикой, рисками, неустойчивостью, труднее становится согласовать интересы разных со-

обществ и государств. «В движении истории будущее определяет наступление событий, когда выступает в качестве цели. В выборе среди возможных вариантов решения должны присутствовать рассудок и воображение, память и ожидание [9, с. 146]. В глобальном мире позитивное развитие невозможно вне отношений, стремящихся к устойчивому согласию. Должны быть системообразующие ценности, отражающие объективно значимое для существования человека и социальных отношений. Социальный выбор человека создает открытость миру и решимость совершить адекватный шаг, вобравший в себя ценностный мир человека. Выбор может быть сопоставим устремленностью к идеям добра, любви, истины как ориентации на солидарность, дружбу, партнерство, значимых и для построения современных социальных отношений. Открытость миру и умение выстраивать социокультурные, экономические и политические отношения на самых разных уровнях в динамичном разнообразном мире требует ориентации на такие подлинные ценности.

Радикальные изменения в жизни общества сопровождаются обострением вопроса о будущем человечества. Будущее невозможно осмысливать вне обращения к прошлому. Для нашей культуры значимым является морально-нравственный выбор каждого россиянина. Кроме этого, надо помнить специфику социально-гуманитарного знания, где «прошлое — действительность, вспоминаемая настоящим», по Л.П. Карсавину [7, с. 56]. Или же, в продолжение мысли, обратимся к Х.Г. Гадамеру, заявлявшему «даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» [5, с. 236].

Именно футурологический контекст познания будущего требует обращения к собственному прошлому. Человек способен аккумулировать свой жизненный опыт и в зависимости от поставленных целей переосмыслить «непреходящее прошлое», выискивая те константы, которые позволят найти более значимые для будущего смыслы, т.е., «из наполняющей все жизни. Тогда чужие, прошлые и будущие оценки могут быть восприняты как собственные, ибо мы содержим чужие Я одновременно в себе. Тогда возможны совпадения в оценках, потому что все мы в конечном счете происходим из одной и той же основы полноты жизни и можем чувствовать друг в друге или друг с другом» [13, с. 175]. Индивид, осмысливая жизнь, всегда обращается к истории. Именно прошлый жизненный путь и накопленный опыт представляют субъекту энергетический материал для планирования и конструирования будущих целей.

В формировании ценностной системы социокультурного мира приоритетное значение имеют мировоззренческие принципы, которые требует осмысления в контексте «прошлое-настоящее-будущее». Они способствуют успешному общественному воспроизводству ценностей, где социальный выбор позволяет индивиду сузить поле деятельности и приблизиться к цели. Для достижения стабильности общества необходимо определиться с приоритетными ценностями, осознать их значимость в контексте соотношения компонентов «традиции — новации».

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что социальный выбор представляет собой сложный социокультурный процесс, формирующийся на пересечении исторической памяти, ценностных ориентаций и институциональных механизмов. Показано, что он не сводится к акту индивидуального решения, а выступает формой коллективного действия, опосредованного культурными и историческими условиями. Из века в век человечество создавало историю и продолжает оберегать и передавать последующим поколениям культурные ценности, совершая каждый раз социальный выбор в пользу смысла жизни, идеалов добра, солидарности и уважения.

Выявлено, что амбивалентность социального выбора проявляется в необходимости соотнесения традиции и новации, что обеспечивает как преемственность общественного развития, так и возможность его трансформации. В условиях глобальных трансформаций социальный выбор требует более глубокой теоретической рефлексии. Общество, ори-

ентированное исключительно на прошлое, утрачивает способность к инновациям, а общество, игнорирующее прошлое, лишается культурной устойчивости. Социальный выбор не является полностью автономным актом свободной воли, он формируется внутри исторически сложившихся режимов истины. Современный мир характеризуется усилением роли настоящего и кризисом долгосрочных исторических проектов, что влияет на процесс социального выбора.

В качестве перспектив дальнейших исследованиях, представляется целесообразным рассмотреть социальный выбор как целенаправленный акт человеческой деятельности, обладающий собственной структурой и внутренней динамикой, обеспечивающий вариативность траекторий общественного развития.

Литература

1. Адыгезалова С., Абасов А. Философия будущего: новые идеи // METAFIZIKA. — 2020. — Т. 3, №3. — С. 55-74. DOI: 10.29228/metafizika.16. EDN: OGKTTY.
2. Арендт Х. Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во института Гайдара, 2014. — 416 с.
3. Бусов С.В. Проблематика свободы и выбора в истории философии и социальной практики // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. — 2013. — №2(14). — С. 31-40. EDN: QCVOZB.
4. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история / пер. с нем. — М.: Юрист, 1995. — 687 с. EDN: SZGSKR.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод. — М.: RUGRAM, 2012. — 704 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. — М.: ЭКСМО. 2015. — 885 с.
7. Карсавин Л. Философия истории. — СПб.: Комплект, 1993. — 350 с.
8. Макарьев И.В. "Без прошлого нет и будущего": взаимосвязь прошлого и будущего как философская проблема // Вестник Вятского государственного университета. — 2024. — №2. — С. 18-26. DOI: 10.25730/VSU.7606.24.018. EDN: SQJGFU.
9. Разумов А. История, познание, личность: выбор будущего // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: сб. ст. Всероссийской научной конференции 27-28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва). В 3-х т. — Т. 1. / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. М.С. Киселевой. — М.: Научная мысль, 2015. — 288 с. — С. 140-154.
10. Сабитова А.Р. Роль свободного выбора в жизни человека // Манускрипт. — 2019. — Т. 12. Вып. 4. — 2019. — С. 107-111. DOI: 10.30853/manuscript.2019.4.22. EDN: TYGMDP.
11. Сабитова А.Р. Ценностные аспекты социального выбора // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — №3. — С. 280-286. EDN: KKFFDI.
12. Сергодеева Е.А., Димитрова С.В., Гуляк И.И. Образ будущего как темпоральная характеристика мировоззрения // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 262-267. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-57.41. EDN: PTNQPW.
13. Трельч Э. Историзм и его проблемы / пер. с нем. — М.: Юрист, 1994. 719 с.
14. Хабибуллина З.Н. Мифологизация массового сознания // Манускрипт. — 2018. — №12(98). — Ч. 1. — С. 129-133. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-1.28. EDN: YORHMD.
15. Хабибуллина З.Н. Поиск ценностей в глобализирующемся мире // Khabibullina, Z.N. Value searches of the globalizing world. Amazonia Investiga, 2021. — №10(43). — С. 248-256. DOI: 10.34069/AI/2021.43.07.24. EDN: NZYNQM.
16. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. SAGE Publications Ltd. 1992. — 272p.
17. Delanty G. Introduction: Social theory and the idea of the future // European Journal of Social Theory. — 2024. — Vol. 27(2). — P. 153-173. DOI: 10.1177/13684310241236373. EDN: LVLMSZ.
18. Hartmut R. Resonans as a medio-passive, emancipatory and transformative power: a reply to my critics // The Journal of Chinese Sociology. — 2023. — Vol. 10 (1). — P. 1-11.
19. Parfit D. Reasons and Persons. — Oxford University Press, USA, 1986. — 560 p.
20. Ricoeur P. Oneself as another. — University of Chicago Press, 1995. — 374 p.
21. Sierp Aline. The Politics of Memory: Between History, Identity and Conflict // Government and Opposition. — 2025. — Vol. 60 (4). — P. 1464-1483. DOI: 10.1017/gov.2025.10011. EDN: KFGQYG.

SPIRITUALITY AS THE BASIS FOR THE EDUCATION OF AN INDIVIDUAL WITH STABLE MORAL AND ETHICAL GUIDELINES

Chernykh Irina Aleksandrovna, *DSc of Philosophy, St. Luke Lugansk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Lugansk (Russia)*

Against the backdrop of the current spiritual crisis, the issue of reviving the spiritual principles of human existence, as well as moral and ethical guidelines for relating to the surrounding world, has become pressing. One of the priority approaches to addressing this issue is the substantiation of the priority of spiritual and moral education as a determining factor in the development of the modern individual. It is education, as an integral part of higher professional education, that can shape individuals who can resist the spiritual degradation of modern society. The scientific novelty of this study lies in its use of phenomenological and structural-functional approaches to the analysis of human existence to explicate the structure and content of the category of the individual's spiritual world, reveal the significance of spirituality as a factor in human self-determination, and identify patterns in the development of a modern, spiritually developed individual. The results of the analysis allow us to conclude that, in the current context of student education in higher education, in order to develop a high level of spirituality in students, special attention must be paid to the potential of teaching humanities and extracurricular activities, which are the leading forms of affirming spiritual ideals and moral values. They are the ones who can implement targeted organizing influences on the spiritual component of existence.

Keywords: *spirituality; spiritually developed personality; spiritual components of personality; spiritual education; spiritual values.*

EDN: HVUYZE ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.22***

Цитировать: *Черных И.А. Духовность как основа воспитания личности с устойчивыми моральными и нравственными ориентирами // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 154–158. EDN: HVUYZE. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.22*

УДК 1.130:122
5.7.8

© Черных И.А., 2026

ДУХОВНОСТЬ КАК ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ С УСТОЙЧИВЫМИ МОРАЛЬНЫМИ И НРАВСТВЕННЫМИ ОРИЕНТИРАМИ

ЧЕРНЫХ Ирина Александровна, *доктор философских наук, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки Министерства здравоохранения Российской Федерации, Луганск (Россия)*

На фоне проблем современного духовного кризиса актуальным стал вопрос возрождения духовных принципов существования человека, его моральных и нравственных ориентиров в отношении к окружающему миру. Одним из приоритетных подходов в решении данной проблемы является обоснование приоритетности духовно-нравственного воспитания как определяющего фактора в процессе формирования современной личности. Именно воспитание как неотъемлемая часть высшего профессионального образования способно сформировать личность, которая сможет противостоять духовной деградации современного общества. Научная новизна исследования состоит в том, что в ней на основе феноменологического и структурно-функционального подходов к анализу человеческого бытия эксплицируется структура и содержание категории духовного мира личности, раскрывается значение духовности как фактора самоопределения человека и выделяются закономерности формирования современной духовно развитой личности. Результаты анализа позволяют заключить, что в современных условиях обучения студентов в высшей школе с целью формирования высокого уровня духовности личности студента необходимо уделять особое внимание потенциалу преподавания гуманитарных дисциплин, внеаудиторным мероприятиям, являющимся ведущими формами утверждения духовного идеала, нравственных ценностей. Именно они могут реализовать целенаправленные организующие воздействия на духовную составляющую бытия.

Ключевые слова: *духовность; духовно развитая личность; духовные составляющие личности; духовное воспитание; духовные ценности.*

Постановка проблемы

В современных условиях на фоне проблем духовного кризиса и поиска путей выхода из него с особой остротой встает вопрос о духовности и факторах ее возрождения. Преодоление духовного кризиса, назревшего в современном обществе, возможно лишь на основе возрождения духовных принципов существования человека, его моральных и нравственных ориентиров в отношении к окружающему миру. В связи с этим особенно актуальными остаются вопросы духовности, связанные с особенностями воспитания духовно развитой, высокоморальной личности. Речь идет о воспитании свободной, открытой личности на основе общечеловеческих и национальных ценностей — ценностей христианской мировой культуры, проверенных тысячелетним практическим опытом человечества, признанных многими странами и государствами мира. Процесс воспитания человека, который противостоял бы духовной деградации современного общества, осуществляют многие институты общества, но особую роль в этом арсенале играет образование, а точнее, учебные заведения разных уровней. Отдельное место можно отвести высшему профессиональному образованию.

Определить место и роль духовности в процессе воспитания современной молодежи возможно только на основе использования разнообразных методологических подходов. Междисциплинарный синтез, учитывающий философский, психологический и педагогический подходы к трактовке понятий «духовность», «духовное развитие», «воспитание духовности личности» позволяет выделить составляющие духовности современного человека и определить оптимальные пути их формирования.

История вопроса

Современная парадигма «человек — человечество» предполагает, что объектом воспитания и субъектом развития общества является человек, который представляет собой генетическое, биологическое, социальное, культурное сочетание. Поэтому в контексте исследований формирования духовно развитой личности к понятию «духовность» обращаются и философы, и психологи, и педагоги.

Педагоги касаются исследований процесса формирования духовности молодежи на основе поиска новых продуктивных педагогических подходов в воспитании. Особым явлением в исследовании духовности молодежи, ее идеалов и нравственных убеждений есть педагогическое наследие В.А. Сухомлинского. Выдающийся педагог отмечал, что «...одухотворение воспитательного процесса является важным путем развития чувственно-эмоциональной сферы учащихся. Отсутствие духовности приводит к пустоте души» [10, с. 284].

В психологии проблем духовности касались А. Маслоу [5], Г. Олпорт [6], С. Рубинштейн [8]. В своих работах ученые определяют духовность как познание мира, себя, предназначение себя в этом мире.

В научном философском дискурсе понятие духовности относится к наиболее общим, предельным характеристикам человека и его жизни. Первые представления о духовности связаны с именами Платона [7] и Аристотеля [1]. Древние философы одни из первых попытались отделить духовное от телесного. Причем духовное относили к особым качествам человека и считали его таким же необходимым для человека, как и телесное.

С развитием философской мысли проблема духовности углублялась, на каждом этапе приобретала новые формы. Средневековая философия пыталась понять этот феномен через постижение природы «веры»: немецкая классическая философия — через «абсолютную идею» [3] и «любовь» [11]; феноменология — через механизм «понимания»; представители экзистенциализма апеллируют к самоценности «духовного» измерения самой жизни.

На рубеже XIX–XX веков понятие «духовность» представлено как основа формирования мировоззренческой культуры личности. Тут духовность определялась как идеал, на который ориентировалась личность в своем развитии, это ориентация на высшие, абсолютные ценности. Такой точки зрения придерживались Н.А. Бердяев [2], А.Ф. Лосев [4], В.С. Соловьев [9].

В контексте обсуждения проблемы формирования духовно развитой личности понятие «духовность» можно рассматривать на основе его сопоставления с понятием «дух». «Дух» — это внутреннее состояние человека, его мо-

ральная сила, душевное состояние. «Душа» — это внутренний мир человека, его мысли, чувства, настроение, характер. Духовность — это сила, которая влияет на душу, тревожит ее, увлекает и способствует активности. Но важно подчеркнуть, что понятие «духовое» не тождественно понятию «идеальное». Идеальные вещи (мысли, настроения, волевой акт, стремление) оформляют (в идеальной форме) дух, но не представляют его непосредственно. Дух остается за идеальными вещами. Это же самое касается и материальных вещей, которые «оформляют» дух в материальную форму. То, что идеальные вещи «оформляют» дух «больше непосредственно», а материальные «больше опосредованно» (через идеальные), не изменяет сути дела [12].

На основе вышеизложенного можем отметить, что духовность — это внутренняя сущность человека, которая раскрывается через мировоззренческую позицию личности, ее понимание смысла жизни, постоянной внутренней работы над своими нравственными качествами, стремление к активной деятельности. Духовность предполагает выход за рамки корыстных интересов, личной выгоды.

Духовные потребности как мотивационная система личности

Сформированность духовно-целостной личности определяется через потребностно-ценностную составляющую, которая проявляется в духовных потребностях. Духовные потребности как мотивационная система личности содержат познание себя, понимание смысла жизни, самосовершенствование, самореализацию. К духовным потребностям также можно отнести потребности эстетической составляющей. Это потребности в красоте, гармонии, эстетическом удовольствии. Формирование духовных потребностей реализуется через активную деятельность и познание личностью духовных ценностей. Духовные ценности — творения человеческого духа, зафиксированные в достижениях науки, искусства, морали, культуры. Именно это и способствует закреплению позитивных форм ценностных приоритетов жизни, их репродукции, транслированию и сохранению как святыни во всех проявлениях жизни человека и общества.

Познавательно-интеллектуальный компонент духовности проявляется на уровне умственной деятельности личности. Актуальными на этом уровне являются качества пытливости, наблюдательности, критичности, самостоятельности и глубины мышления, что способствует повышению адаптационного потенциала человека в условиях трансформации духовной составляющей современного общества.

Волевой уровень духовности личности можно определить по степени проявления целенаправленности, настойчивости, самообладания, что дает сущностную характеристику процесса самоопределения, саморазвития и самоидентификации субъекта социальной реальности и является условием, формой и сущностью процесса возрождения духовности в бытии человека через определение его места в социальных практиках современного общества.

Поведенческо-деятельностный компонент духовности проявляется в духовных поступках и деятельности, что составляет сущность духовности личности, которая в процессе превращения человека в духовное и социальное существо сочетает свой внутренний мир с внешним миром.

Чувственно-эмоциональная составляющая духовности проявляется в способности к переживанию разнообразных чувств, эмоций, эмоциональных состояний. Способность к чувственно-эмоциональным переживаниям доказывает, что духовное развитие субъекта включено в культурно-мировоззренческие модели.

Гуманистический уровень, проявляющийся во взаимоотношении с окружающими людьми и демонстрирующий уважение к человеку, его внутреннему миру, способность поставить себя на место другого человека, способствует созданию новых форм социальных отношений в духовной реальности.

Каждое из выделенных измерений духовной составляющей как субъекта, так и общества в целом раскрывает свои многочисленные аспекты в разных стратегиях философского понимания. Это и определяет дальнейшие поиски адекватных теоретико-методологических способов понимания приобщения современного молодого поколения к духовным практикам. Такая модель структуры духов-

ности личности демонстрирует психологические ориентиры гармонично построенного воспитания личности с высоким духовным потенциалом, что способствует расширению представления о процессах формирования личностного и духовного начал в человеке. Целенаправленное формирование перечисленных компонентов и составляет основу духовного развития.

Именно поэтому человек и отчужденность — явления, исключающие друг друга. Состояние отчужденности является источником внутреннего беспокойства, активизирующего стихию духовной жизни, ослабляя действие его «формирующего единства», и при определенных условиях (прежде всего продолжительности) ведет к высвобождению душевной стихии из-под власти этого единства — довольно болезненной процедуры, которая может иметь негативные последствия.

Свобода, даваемая от рождения, адекватная человеческой природе и является основой духовной жизни.

Оптимальные пути формирования духовных потребностей личности

Актуальность данного исследования обусловлена объективной необходимостью изучения оптимальных путей формирования духовных потребностей личности и необходимостью определения качественно новых подходов и педагогических технологий воспитания студента как духовно развитой личности. Нравственное воспитание, поиски качественно новых подходов к нравственному становлению личности молодежи являются главной задачей преподавателей, кураторов академических групп вузов.

Сложность формирования духовности у молодежи на современном этапе связана с тем, что определенная часть ее вообще отрицательно относится к формированию любых идеалов. Проблема формирования духовности личности, духовных ценностей рассматривается с позиций новых задач педагогического образования: воспитание неповторимой личности, способной к самосовершенствованию и самовоспитанию, стремящейся осознать духовные ценности, воспринять их как свои собственные и действовать в жизни в соответствии с ними.

Проблема духовного воспитания молодежи в вузе на материале изучения гуманитарных наук приобретает новое качество в современных условиях. На занятиях преподаватели представляют лучшие образцы литературы, формируют активную жизненную позицию у молодежи. Но отмечаем, что еще не решена проблема духовных ценностей, идеалов как система нравственной рефлексии.

Одним из источников, позволяющим понять особенности морально-духовного воспитания, осознания практического воплощения его в учебно-воспитательный процесс есть нравственно-духовный опыт поколений. Внеаудиторная работа предполагает сотрудничество преподавателя-куратора и студента, субъект-субъектные отношения в процессе поисково-познавательного коллективного труда, воспитания личности на народных традициях, формирования активной жизненной позиции. Как один из вариантов такой работы может стать привлечение студентов к проведению праздников, конкурсов, подготовка выставок, конференций.

Следует также подчеркнуть роль искусства в формировании духовного мира личности. Использование искусства в роли целенаправленного воспитательного средства стало возможным, начиная с эпохи Возрождения, когда произошло его выделение из единого синкретического жизненного ансамбля как самостоятельной деятельности. В художественном искусстве закрепились принципы индивидуализации и неповторимости, объективного и субъективного.

Творчество обусловлено самим способом человеческого существования и находит свое проявление в любом фрагменте или разновидности деятельности каждого индивида, потому что оно всегда индивидуально и неповторимо. Это может быть «творчество как комбинирование», «как процесс решения нестандартных задач», «субъективное новое». «Все, что вызывает переход из небытия в бытие — творчество», — писал Платон, обосновывая в философии категорию «творчество». Поэтому творчество — это не просто важная черта человека, а сама его формируемая сущность, которая открывается в онтогенезе постепенно, с расширением и углублением масштабов человеческой деятельности.

Духовность, по мнению С. Крымского, приводит к своеобразному смысловому объединению образа с нравственным зако-

ном личности. Она выступает как «внутренний человек», человек-сердце, сокровенный субъект собственных творческих интенций. Духовность «...связана со взрывом своего собственного образа, своей судьбы и роли, одним словом со встречей с самим собой» [13]. Человек морален из-за способности к симпатии, к сопереживанию.

Студент, почувствовав успех от собственных усилий во время педагогических тренингов или собственноручно изготовленной и защищенной модели духовного идеала, будет стремиться к саморазвитию и самореализации, а полученные самостоятельно знания становятся убеждениями, залогом морально-духовного становления личности в условиях высшей школы.

Обозначенные духовные практики представляют собой процесс становления личности, изменяют не только образ жизни человека, но и создают потенциальные условия для изменения понимания смысла жизни. Конструируя новые ценности и смыслы, создают новый тип отношений, стремящийся наиболее полно воспроизвести содержание ценностей и идеалов, открытых в практиках преображения, социального творчества синергийно претворяющей линии модернизации смысла истории.

Заключение

На основе всего вышеизложенного, можем заключить, что главная задача современной высшей школы — формировать новую духовную личность на основе внедрения принципов духовно-нравственного развития в систему образования. В современных условиях обучения студентов в высшей школе с целью формирования высокого уровня духовности личности студента необходимо уделять особое внимание потенциалу преподавания гуманитарных дисциплин, внеаудиторным мероприятиям, являющимся ведущими формами утверждения духовного идеала, нравственных ценностей. Именно они могут реализовать целенаправленные организующие воздействия на духовную составляющую бытия. Преподаватели должны передавать учащимся духовные ценности, накопленные предыдущими поколениями, сохраняя и приумножая потенциал духовных традиций. Но при этом, безусловно, побуждать личность к саморазвитию и самовоспитанию, способствуя духовным усилиям индивида на пути духовного совершенствования.

Поскольку среди приоритетных задач любого государства особое место занимает воспитание духовно развитой личности гражданина, то в образовании этого государства четко должны быть определены ведущие направления новых путей и средств развития педагогического образования, формирования у молодежи современного мировоззрения, духовности, развития творческих способностей и навыков самообразования и самореализации личности. Только в таком случае возможна разработка социально-философской концепции духовности, которая на основе сосредоточенности общественного внимания и концентрации всех усилий на обеспечении всесторонней духовной безопасности личности и всего общества будет интегрировать основные парадигмы и стратегии укрепления духовной основы социальных практик.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. — С. 33.
2. Бердяев Н.А. Дух и свобода: о человеке, его свободе и духовности / Н.А. Бердяев. — М.: АСТ, — 2009. — 356 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [перевод с немецкого Г. Шпета]. — М.: АСТ, 2021. — 768 с.
4. Лосев А.Ф. Дух / А.Ф. Лосев // Философская энциклопедия: в 4-х т. — М.: Энциклопедия, 1962. — Т. 2. — С. 413–414.
5. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. — М.: Смысл, 1999. — 425 с.
6. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт. — М.: Смысл, 2002. — 462 с.
7. Платон. Диалоги / Платон. — М.: Мысль, — 2008.
8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: человек и мир. / С.Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, — 2003. — 512 с.
9. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия / В.С. Соловьев. — М.: Республика, — 1996. — 479 с.
10. Сухомлинский В.А. Избранные произведения: в 5-ти т. — К.: Рад. школа, 1980. — Т. 5. — 678 с.
11. Фейербах Л. Избранные философские произведения / Л. Фейербах. — М.: ГИПЛ, 1955. — 675 с.
12. Франк С. Реальность и человек / сост. П.В. Алексеев; прим. Р.К. Медведевой. — М.: Республика, 1997.
13. Юнк К. Современность и будущее / К. Юнк. — Минск, 1992.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF J. WAARDENBURG'S NEO-PHENOMENOLOGY FOR CONTEMPORARY RELIGIOUS STUDIES

Yarullin Ruslan Faridovich, *Postgraduate student, Kazan Federal University, Kazan (Russia)*

The article examines the methodological potential of Jacques Waardenburg's neo-phenomenology for contemporary philosophy of religion and religious studies. The relevance of the topic is determined by the need to combine empirical rigor in the analysis of religious facts with attention to the meanings that these facts acquire for believers, religious authorities and communities. The purpose of the article is to clarify the extent to which Waardenburg's project can be operationalized without turning it into a closed universal method. To achieve this purpose, the paper analyzes the transition from religion as a system to religion as an interpreted practice, the actor-oriented perspective, and the problems of subjective meaning, intention, context and verification of scholarly interpretation. The methodological basis of the study includes historical analysis of religious studies, conceptual reconstruction, comparative methodology and hermeneutic analysis. The novelty of the article lies in interpreting Waardenburg's neo-phenomenology as a transitional methodology that combines phenomenological attention to meaning with hermeneutic understanding, analysis of actors and the requirement of source-based verification. As a result, the article proposes an operational model that includes identifying a religious fact, describing its context, identifying actors, reconstructing subjective meaning, analyzing intention, comparing the reconstruction with self-descriptions, verifying it through sources, correlating understanding with explanation and explicitly marking interpretive limits. The paper concludes that the value of Waardenburg's project lies not in a finished technique, but in a research framework that helps preserve the balance between the meaning of religious life and scholarly verifiability.

Keywords: *Jacques Waardenburg; neo-phenomenology of religion; methodology of religious studies; philosophy of religion; religious actor; interpretation; subjective meaning; intention; Islam.*

EDN: HZHRHI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.23***

Цитировать: *Яруллин Р.Ф. Методологический потенциал неофеноменологии Ж. Ваарденбурга для современного религиоведения // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 159–168. EDN: HZHRHI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.23*

УДК 001:8
5.7.9

Методологический потенциал неофеноменологии Ж. Ваарденбурга для современного религиоведения

© Яруллин Р.Ф., 2026

Исследование посвящено методологическому потенциалу неофеноменологии Жака Ваарденбурга для современной философии религии и религиоведения. Актуальность темы определяется необходимостью соединить эмпирическую строгость анализа религиозных фактов с вниманием к тем значениям, которые эти факты имеют для верующих, религиозных авторитетов и общин. Цель исследования — показать, в какой мере проект Ваарденбурга может быть операционализирован без превращения его в закрытый универсальный метод. Для достижения этой цели рассматриваются переход от религии как системы к религии как интерпретируемой практике, акторно-ориентированная перспектива, проблема субъективного значения, интенции, контекста и проверки исследовательской интерпретации. Методологическую основу работы составляют историко-религиоведческий анализ, понятийная реконструкция, сравнительно-методологический подход и герменевтический анализ. Научная новизна состоит в трактовке неофеноменологии Ваарденбурга как переходной методологии, соединяющей феноменологическое внимание к смыслу с герменевтическим пониманием, анализом актора и требованием источниковой проверки. В результате предложена операциональная модель, включающая выделение религиозного факта, описание контекста, выявление акторов, реконструкцию субъективного значения, анализ интенции, сопоставление с самоописаниями, проверку источниками, соотнесение понимания с объяснением и фиксацию границ интерпретации. Особое внимание уделяется границам применимости модели: реконструкции интенций, риску исследовательской проекции, статусу эмпатии, роли

ЯРУЛЛИН Руслан Фаридович, *аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)*

ORCID ID: 0009-0004-3924-2362

власти и необходимости различать самоописания акторов и научную интерпретацию в условиях методологического плюрализма. Сделан вывод, что ценность проекта Ваарденбурга заключается не в завершенной методике, а в исследовательской рамке, позволяющей удерживать баланс между смыслом религиозной жизни и научной проверяемостью.

Ключевые слова: *Жак Ваарденбург; неофеноменология религии; методология религиоведения; философия религии; религиозный актор; интерпретация; субъективное значение; интенция; ислам.*

Введение

Современное религиоведение развивается в условиях методологического плюрализма: религия описывается как система верований, социальный институт, культурная традиция, форма повседневной практики, символический порядок и способ самоописания человека и сообщества. Эта множественность подходов продуктивна, но она обостряет вопрос о том, каким образом исследователь может соединить эмпирическую строгость с вниманием к внутреннему смыслу религиозной жизни. Именно в этом пункте методологический проект Ж. Ваарденбурга сохраняет значение для философии религии и религиоведения.

Ваарденбурга обычно рассматривают как историка методологии и автора фундаментального труда «Classical Approaches to the Study of Religion» [19; 20]. Такая характеристика справедлива, однако она неполна. В поздних работах он не только систематизирует классические подходы, но и предлагает критическую реконструкцию феноменологии религии: от поиска сущности религиозного — к анализу значений, интенций, контекстов и акторов. Тем самым Ваарденбург занимает промежуточное положение между классической феноменологией, герменевтикой, антропологией религии и современными исследованиями lived religion.

Актуальность обращения к его проекту определяется тем, что современный религиовед по-прежнему сталкивается с двойной задачей. С одной стороны, он должен устанавливать факты: тексты, ритуалы, институты, высказывания, нормы и практики. С другой стороны, он не может ограничиться внешним описанием, поскольку религиозный факт становится предметом религиоведческого анализа лишь тогда, когда выявлено его значение для конкретных верующих, групп, авторитетов или традиций. Ваарденбург формулирует эту задачу через различение объективных фактов и субъективных значений [1, с. 21–24].

Историографически проект Ваарденбурга оценивается неоднозначно. Дж. Дэниелс показывает, что неофеноменология не является радикальным разрывом с Г. ван дер Леувом, но отличается более выраженной герменевтической чувствительностью и стремлением соединить понимание с объяснением [6, с. 43–55]. Й. Гебелт подчеркивает, что исследование интенций у Ваарденбурга связано не с произвольной интерпретацией фактов исследователем, а со значением религиозных фактов для конкретных людей и общин [9, S. 157–163]. Т. С. Самарина, напротив, справедливо указывает на слабую операциональную разработанность проекта: критика классической феноменологии у Ваарденбурга представлена убедительнее, чем практическая методика исследования [2, с. 121–123].

Важным материалом для уточнения методологического потенциала Ваарденбурга является его поздний исламоведческий корпус, прежде всего Muslims as Actors. В предисловии к этой книге он предлагает изучать ислам не только как религиозную систему или идеологию, но и через то, как мусульманские авторитеты, отдельные мусульмане и группы читают, интерпретируют ислам и действуют с ним [25, с. V]. Именно здесь особенно ясно проявляется переход от религии как готовой системы к религии как интерпретируемой практике.

Цель исследования — выявить методологический потенциал неофеноменологии Ваарденбурга и показать, в какой мере этот потенциал может быть операционализирован без превращения его проекта в закрытый

универсальный метод. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить смысл перехода от религии как системы к религии как интерпретируемой практике; раскрыть связь проекта Ваарденбурга с акторно-ориентированной перспективой; обозначить его методологические границы; предложить сжатую операциональную модель применения неофеноменологии в современном религиоведении.

Научная новизна статьи состоит в трактовке неофеноменологии Ваарденбурга как переходной методологии, соединяющей феноменологическое внимание к смыслу с герменевтическим пониманием, анализом религиозного актора и требованием источниковой проверки. Авторский вклад заключается не в приписывании Ваарденбургу готовой методики, а в реконструкции исследовательской логики, которую можно развивать в современной религиоведческой практике.

Существенно, что термин «переходная методология» здесь не означает неопределенность или эклектичность. Речь идет о такой исследовательской позиции, которая сохраняет феноменологическое внимание к смыслу, но отказывается от эссенциалистской претензии на описание религии как особой автономной сущности. В этом смысле Ваарденбург важен не как автор еще одной дефиниции религии, а как мыслитель, уточняющий условия религиоведческого понимания: что именно подлежит описанию, как реконструируется значение и каким образом интерпретация может быть проверена.

Методологическую основу исследования составляют историко-религиоведческий анализ, понятийная реконструкция, сравнительно-методологический подход и герменевтический анализ. Историко-религиоведческий анализ помещает проект Ваарденбурга в контекст трансформации феноменологии религии во второй половине XX века. Понятийная реконструкция выявляет связь между категориями религиозного факта, субъективного значения, интенции и понимания. Сравнительно-методологический подход позволяет отличить неофеноменологию от редукционистских объяснительных моделей и от конфессионального описания.

Для философии религии существенно, что Ваарденбург не решает онтологический вопрос о реальности Бога, священного или откровения. Его задача иная: показать, как определенные объекты, тексты, практики и события получают религиозное значение для людей. Поэтому интенция у него не тождественна психологическому мотиву, а субъективное значение не равно произвольному переживанию. Речь идет о значении-для-актора, выраженном в языке, практике, самоописании, авторитете и коллективной памяти.

В исследовательском плане это означает различение трех уровней. Онтологический уровень связан с вопросом о реальности религиозного объекта; этот вопрос не устраняется, но не решается средствами эмпирического религиоведения. Эпистемологический уровень касается того, как исследователь получает знание о значении религиозного факта. Методологический уровень определяет процедуры, позволяющие соотнести самоописание актора, исторический контекст и внешнее объяснение. Такое различение защищает статью от смешения философского, богословского и религиоведческого регистров.

Религия как интерпретируемая практика

Один из главных сдвигов в позднем творчестве Ваарденбурга состоит в переходе от рассмотрения религии как относительно замкнутой системы к анализу религии как поля интерпретаций и действий. Классическое описание догматов, институтов, ритуалов и канонических текстов остается необходимым, однако оно не раскрывает, каким образом эти формы усваиваются, переосмысляются, оспариваются и применяются конкретными участниками религиозной жизни.

Ваарденбург не отвергает системное описание религии, но показывает его недостаточность. Текст становится авторитетным не только потому, что занимает место в каноне, но и потому, что читается, цитируется, толкуется и используется в определенной ситуации. Ритуал является не только повторяющейся формой поведения, но и способом организации опыта, памяти, дисциплины, принадлежности или надежды. Институт не только регулирует религиозную жизнь, но и задает легитимные формы говорения от имени традиции.

Тем самым системный и практический уровни анализа не противопоставляются. Доктрина, канон, институт и ритуальная норма образуют устойчивую рамку традиции, но эта рамка становится действенной только через конкретные акты чтения, обучения, молитвы, дисциплины, спора и памяти. Поэтому религиоведческое исследование должно двигаться от структуры к употреблению и обратно: структура объясняет возможность значения, а употребление показывает, какие значения реально актуализируются в жизни акторов.

В Muslims as Actors Ваарденбург подчеркивает, что исследователь должен изучать различные значения, которые ислам и отдельные его элементы имели для приверженцев в конкретных контекстах; эти значения возникают из авторитетных текстов, форм группового поведения и способов интерпретации [25, с. V]. Далее он характеризует религии как открытые системы значения, функционирующие подобно языковым системам [25, с. VII]. Эта формула принципиальна: религия не сводится к фиксированному набору признаков, а существует как динамическое поле смыслообразования.

Особенно важным является различение объективного и субъективного значения. Объективное значение текста может быть установлено филологически или исторически, однако оно не совпадает с тем значением, которое данный текст имеет для читающего, слушающего, произносящего или интерпретирующего его верующего [25, с. 31]. Между этими уровнями возможен разрыв, и именно этот разрыв делает религиоведческую работу методологически сложной: исследователь должен учитывать и историко-филологический смысл, и значение-для-актора.

Такой подход позволяет определить религиозный факт как факт-в-значении. Эмпирически можно установить, что молитва произнесена, пост соблюден, фетва опубликована, паломничество совершено, символ помещен в публичное пространство. Но религиоведческий анализ не завершается этой фиксацией. Необходимо выяснить, что данный факт значит для тех, кто в нем участвует, кто его комментирует, кто на него ссылается и кто признает или оспаривает его религиозный статус.

Формула «факт-в-значении» позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность — наивный объективизм, при котором религиозное явление считается полностью описанным после фиксации его внешней формы. Вторая — субъективизм, при котором значение отрывается от источников и превращается в свободную догадку исследователя. Ваарденбург удерживает промежуточную позицию: значение субъективно в том смысле, что оно является значением-для-актора, но оно доступно анализу, поскольку выражено в текстах, ритуалах, практиках, институциональных отношениях и речевых формах.

Например, пост может быть внешне описан как воздержание от пищи и питья в определенный период. Однако для участников он может означать послушание Богу, дисциплину тела, покаяние, солидарность с общиной, память о бедных, подтверждение идентичности или способ публичного самопредставления. Эти значения не выводятся автоматически из самой практики; они реконструируются через тексты, проповеди, интервью, нормы, наблюдение и контекст.

В этом отношении поздний Ваарденбург созвучен исследованиям lived religion, где религиозность анализируется не только через официальную доктрину, но и через практики жизни, телесность, семейную память, повседневные формы принадлежности и неформальные авторитеты [3; 13; 14]. Однако его подход не растворяется в описании повседневности: он сохраняет феноменологический вопрос о направленности религиозного действия и о предполагаемом объекте интенции.

Созвучие с *lived religion* особенно заметно там, где исследователь сталкивается с несовпадением официальной доктрины и практик повседневной религиозности. Однако у Ваарденбурга сохраняется более выраженная методологическая осторожность: он не растворяет религию в повседневности, а спрашивает, почему именно данная практика воспринимается как религиозно значимая и какие интенции связывают ее с предполагаемым объектом веры. Поэтому его подход может быть полезен как посредник между феноменологическим анализом смысла и современными эмпирическими исследованиями религиозной жизни.

Актор, контекст и интенция

Под акторно-ориентированной перспективой в настоящей статье понимается не акторно-сетевая теория и не единая школа, а методологическая установка, в которой религия анализируется через действия, самоописания, интерпретации и практики конкретных участников религиозной жизни. Актором может быть отдельный верующий, религиозный авторитет, община, институция, проповедник, паломник, переводчик, участник ритуала или группа, претендующая на право говорить от имени традиции.

Актор не является абстрактным носителем религии и не сводится к функции социальной структуры. Он действует внутри языка, традиции, института, системы авторитетов и исторической ситуации, но именно через его действия и интерпретации религиозная система получает конкретную форму существования. В этом смысле Ваарденбург не столько «предвосхищает» современные подходы в строгом генеалогическом смысле, сколько создает предпосылки для их методологического сопоставления.

Первый важный акцент — внимание к верующим как акторам. В классической феноменологии верующий часто выступал как носитель религиозного опыта, через который раскрывается сущность религии. В редукционистских моделях он мог превращаться в функцию социального интереса или идеологической структуры. Ваарденбург предлагает иной фокус: верующий является тем, для кого религиозный факт имеет значение и кто выражает это значение в речи, действии, практике и самоописании.

Такое понимание актора важно и для анализа коллективных субъектов. Общины, религиозные движения, институции и авторитеты не просто передают готовое содержание традиции; они отбирают, комментируют и нормируют его. Внутри одной традиции могут существовать конкурирующие способы интерпретации, и каждый из них претендует на связь с подлинным смыслом источников. Следовательно, акторно-ориентированный анализ должен учитывать не только индивидуальное переживание, но и борьбу за право легитимной интерпретации.

Второй акцент — анализ религиозного самопонимания. Самоописание не является непогрешимым источником: оно может быть нормативным, полемическим, стратегическим или неполным. Но без него исследование религии рискует превратиться во внешнюю классификацию, в которой исчезает значение факта для самих участников. Поэтому мусульманские высказывания об исламе у Ваарденбурга рассматриваются как интерпретации, а не как простые фактические сообщения [25, с. V, 31].

Третий акцент — учет контекста. Религиозное значение не существует вне исторических, социальных и коммуникативных условий. Один и тот же символ может иметь различный смысл в литургии, семейной памяти, политическом конфликте, музейном пространстве или межрелигиозном диалоге. Поэтому анализ значения должен включать ситуацию, в которой оно производится, признается, передается и оспаривается. Здесь Ваарденбург сближается с герменевтической проблематикой историчности понимания у Гадамера [8] и с идеей множественности смысловых уровней у Рикера [15].

Контекст при этом не следует понимать как внешний фон, добавляемый после анализа. Он участвует в самом формировании значения. Высказывание религиозного лидера, произнесенное в богослужебной, образовательной, политической или медийной ситуации, будет иметь разные адресаты, разные прагматические функции и разные критерии авторитетности. Поэтому реконструкция значения требует внимания к жанру источника, статусу говорящего, адресату, ситуации употребления и возможному полемическому горизонту.

Четвертый акцент — отказ от внешней редукции религии только к социальной функции. Ваарденбург не исключает объяснение: религиозные практики действительно могут иметь социальные, политические и культурные последствия. Однако объяснение не должно заменять понимание. Если молитва объясняется только как механизм интеграции, а пост — только как техника дисциплины, исследователь утрачивает вопрос о том, что эти практики значат для молящегося или постящегося.

С этой точки зрения понятие интенции является центральным. Интенция обозначает не скрытый психологический мотив, а на-

правленность действия, веры, высказывания или переживания на смысловой полюс: Бога, священный текст, спасение, общину, традицию, чистоту, благодать или иной предполагаемый объект. Религиовед не решает вопрос об онтологической реальности этого объекта, но реконструирует его роль в структуре значения [1, с. 139–142].

Отличие интенции от психологического мотива имеет принципиальное значение. Мотив может быть скрытым, смешанным или недоступным даже самому участнику; интенция же реконструируется как смысловая направленность выражения. Например, один и тот же обряд может быть мотивирован привычкой, страхом, послушанием, семейным ожиданием или личным благочестием, но его интенциональная структура раскрывается через то, на какой объект и какой религиозный горизонт он направлен. Это делает анализ менее психологизирующим и более методологически контролируемым.

Такое понимание позволяет расположить Ваарденбурга между разными методологическими линиями. С К. Гирцем его сближает внимание к символическим системам [10], с У. К. Смитом — критическая осторожность в отношении категории religion [17], со Н. Смартом — интерес к описанию религиозных проявлений [16]. Но собственный акцент Ваарденбурга заключается в анализе значения-для-актора, то есть в вопросе о том, как религиозный факт становится значимым в конкретной ситуации.

Методологические границы проекта

Методологическая значимость Ваарденбурга не устраняет ограничений его проекта. Напротив, именно их выявление позволяет использовать неофеноменологию более ответственно. Первая граница связана с реконструкцией интенций. Интенция не дана исследователю непосредственно; она выводится из текстов, ритуалов, интервью, институциональных документов, наблюдения и контекста. Следовательно, исследователь работает не с прозрачным внутренним фактом, а с гипотезой, степень обоснованности которой должна быть показана.

Вторая граница — риск исследовательской проекции. Поскольку анализ субъективного значения требует воображения и эмпатической способности, исследователь может принять собственную интерпретацию за смысл, действительно действующий для верующих. Особенно велик этот риск при изучении исторически удаленных традиций, закрытых сообществ, конфликтных ситуаций и источников, созданных внешними наблюдателями. Именно здесь критическое замечание Самариной о слабой применимости неофеноменологии становится методологически существенным [2, с. 121–123].

Проекция особенно опасна там, где исследователь работает с близкими ему религиозными традициями или, напротив, с традициями, воспринимаемыми как чужие и экзотические. В первом случае существует риск апологетического сближения с внутренней перспективой, во втором — риск внешней экзотизации. Поэтому неофеноменологическая установка должна включать рефлексию над собственным языком описания, над выбранными категориями и над тем, какие источники получают привилегированный статус в исследовании.

Третья граница — неопределенный статус эмпатии. Эмпатия помогает сформулировать гипотезу о значении, но не может служить критерием ее истинности. Она допустима только в связке с дистанцией, источниковой проверкой и учетом альтернативных интерпретаций. Иначе феноменологическое понимание превращается в неконтролируемое вчувствование, от которого Ваарденбург как раз стремился уйти [1, с. 132–134].

Четвертая граница — трудность проверки субъективных значений. Верующий не всегда способен ясно сформулировать смысл ритуала, символа или текста; самоописания могут быть нормативными, стратегическими или полемическими. Поэтому исследователь должен различать индивидуальное, групповое, институционально-нормативное и публично-стратегическое значение. Это различение защищает анализ от ошибки, при которой голос одной группы принимается за голос всей традиции.

Пятая граница связана с проблемой власти и конфликта. Ваарденбург говорит о множественности интерпретаций, но не всегда подробно анализирует, почему одни интерпретации получают статус нормативных, а другие вытесняются или объявляются ошибочными.

В современной перспективе это ограничение необходимо компенсировать анализом авторитета, дисциплины, институций и механизмов легитимации. В данном пункте проект Ваарденбурга требует критического дополнения через подходы, подобные генеалогии религии у Т. Асада [5].

Именно поэтому современное развитие неофеноменологии должно включать анализ условий признания значения. Недостаточно выяснить, что символ, текст или практика значат для определенной группы; необходимо также понять, кто имеет власть закреплять это значение как нормативное, какие образовательные и институциональные механизмы его воспроизводят, какие альтернативные интерпретации исключаются и какие формы публичности делают одни религиозные голоса слышимыми, а другие — маргинальными.

Наконец, важно учитывать незавершенный статус самого проекта. Ваарденбург не создает замкнутую методологическую систему; он формулирует исследовательскую ориентацию, открытую для корректировки. Его сильная сторона — постановка вопроса о значении религиозного факта для актора. Его слабая сторона — недостаточная детализация процедур, позволяющих проверить реконструкцию этого значения. Поэтому наиболее продуктивный путь состоит не в отказе от неофеноменологии, а в ее операциональном развитии.

Операциональная модель применения неофеноменологии

Под операционализацией здесь понимается перевод общих методологических принципов в последовательность исследовательских действий. Такая модель не претендует на универсальность и не заменяет источниковедение, полевое исследование, дискурс-анализ, историческую критику или социологический анализ. Ее задача — удержать ваарденбурговский баланс между фактом, значением, актором, контекстом и проверкой.

Практическая ценность такой модели состоит в том, что она задает проверяемую последовательность вопросов. Исследователь не ограничивается декларацией о необходимости понять религиозный смысл, а обязан показать, какие источники использованы, какие акторы представлены, какие самоописания учтены, какие альтернативные интерпретации возможны и почему предложенная реконструкция является более обоснованной. Тем самым неофеноменология приобретает форму не догматического метода, а исследовательской дисциплины.

При этом необходимо различать два уровня. К первому относятся элементы, непосредственно выводимые из работ Ваарденбурга: интерес к религиозному факту, субъективному значению, интенциональности, контексту, пониманию и проверке. Ко второму относятся авторские аналитические уточнения: источниковая триангуляция, явный анализ власти и обязательная фиксация границ интерпретации. Именно эти уточнения делают проект пригодным для современной исследовательской практики (табл.).

Таблица — **Операциональная модель применения неофеноменологии Ваарденбурга**

Этап	Исследовательское действие	Контрольная функция
1. Факт	Зафиксировать текст, практику, символ, институт или высказывание.	Что именно является эмпирическим материалом?
2. Контекст	Описать историческую, социальную и коммуникативную ситуацию.	В каких условиях факт получает значение?
3. Акторы	Определить участников, авторитеты, адресатов и группы.	Для кого факт значим и кто его интерпретирует?
4. Значение	Реконструировать значение-для-актора на основе источников.	Не подменяется ли оно гипотезой исследователя?
5. Интенция	Выявить направленность действия и предполагаемый объект.	На что направлено действие или высказывание?
6. Самоописания	Сопоставить выводы с языком и нарративами участников.	Как сами акторы объясняют практику?
7. Проверка	Привлечь дополнительные тексты, наблюдения, интервью и документы.	Какие данные подтверждают или уточняют реконструкцию?
8. Объяснение	Соотнести значение с институтами, властью, нормами и средой.	Какие условия делают значение действенным?
9. Границы	Указать степень вероятности, источниковые пределы и альтернативы.	Где заканчивается обоснованность интерпретации?

Предложенная схема показывает, что неофеноменология не сводится к общему призыву «понять верующего». Исследователь

сначала устанавливает материал, затем определяет круг акторов, реконструирует значение-для-актора, выявляет интенциональную структуру, сопоставляет реконструкцию с самоописаниями и только после этого переходит к объяснению условий, в которых данное значение становится возможным и действенным.

Особое значение имеет последний этап — фиксация границ интерпретации. В гуманитарном исследовании не все выводы обладают одинаковой степенью надежности: одни подтверждены текстом или документом, другие основаны на сопоставлении источников, третьи имеют характер вероятностной реконструкции. Явное различение этих уровней повышает убедительность работы и защищает ее от необоснованных обобщений, например от переноса выводов, сделанных на материале одной общины, на всю религиозную традицию.

В качестве методической иллюстрации можно рассмотреть публичное религиозное высказывание о соблюдении поста в Рамадан: текст проповеди, ответ религиозного авторитета или публикацию религиозной организации. На первом этапе фиксируется сам текст и ситуация его произнесения. На втором — описывается контекст: месяц Рамадан, локальная община, социальная ситуация адресатов, язык высказывания и возможная полемика вокруг религиозной дисциплины. На третьем этапе выявляются акторы: религиозный авторитет, слушатели, семьи, молодежь, работающие верующие и внешние наблюдатели.

Далее реконструируются значения поста: послушание Богу, очищение, дисциплина тела, солидарность с общиной, память о бедных, подтверждение мусульманской идентичности. Интенционально пост направлен не просто на отказ от пищи, а на предполагаемый объект религиозного отношения: Бога как адресата послушания, общину как пространство признания или самого верующего как субъекта духовной дисциплины. Реконструкция сопоставляется с самоописаниями участников и проверяется через проповеди, вопросы верующих, тексты традиции, наблюдение и полемические материалы.

Такая иллюстрация не является полноценной эмпирической апробацией, поскольку не задает самостоятельный корпус источников. Ее функция скромнее: показать аналитическую траекторию. Ваарденбургговский подход позволяет увидеть, что один и тот же религиозный факт может обладать различными значениями для разных акторов, а задача исследователя состоит в том, чтобы не смешивать эти значения и не подменять их собственным объяснением.

Методологический статус предложенной модели можно определить как эмпирически дисциплинированную герменевтику религии. Она не решает вопрос об истинности религиозных утверждений и не заменяет философско-богословскую дискуссию об онтологическом статусе священного. Но она уточняет, каким образом определенные факты становятся религиозно значимыми для людей и групп. В этом состоит ее философско-религиоведческий смысл: она переводит вопрос «что есть религия?» в более проверяемый вопрос «как, для кого и при каких условиях факт получает религиозное значение?»

В этом смысле модель имеет три функции. Реконструктивная функция позволяет выявить, какие элементы действительно присутствуют в проекте Ваарденбурга. Эвристическая функция переводит его понятия в набор исследовательских вопросов. Критическая функция задает пределы применения модели и препятствует превращению понимания в неконтролируемую интуицию. Совокупность этих функций делает неофеноменологию продуктивной не как окончательную методику, а как рамку для анализа религиозного значения.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что неофеноменология Ваарденбурга значима не только как этап истории религиоведческой методологии. Она может быть использована как переходная исследовательская рамка, позволяющая изучать религию как интерпретируемую практику при сохранении научной дистанции и источниковой проверки.

Первый результат статьи состоит в уточнении статуса ваарденбургговского подхода. Он соединяет феноменологическое внимание к смыслу, герменевтическую установку на понимание, анализ актора и требование контекстуальной проверки, но не образует завершенной универсальной методики. Поэтому продуктивное использование Ваарденбурга

возможно только при указании качества источников, границ реконструкции и альтернативных объяснений.

Второй результат связан с предложением операциональной модели. Ее девять этапов — выделение факта, описание контекста, выявление акторов, реконструкция субъективного значения, анализ интенции, сопоставление с самоописаниями, проверка дополнительными источниками, соотнесение понимания с объяснением и фиксация границ — переводят ключевые понятия Ваарденбурга в последовательность исследовательских действий. Новизна модели заключается в аналитической реконструкции логики проекта, а не в утверждении, будто все этапы были прямо разработаны самим Ваарденбургом.

Третий результат состоит в выявлении ограничений неофеноменологии. Она требует защиты от исследовательской проекции, некритического использования эмпатии, слабой верификации субъективных значений и недостаточного учета власти. Поэтому ее необходимо применять вместе с источниковой триангуляцией, анализом институциональных условий и вниманием к тому, какие голоса внутри традиции представлены, а какие исключены.

Таким образом, методологическая ценность Ваарденбурга состоит не в создании окончательного метода, а в формулировании рамки, ориентированной на смысл, актора, контекст, интерпретацию и проверяемость. Эта рамка позволяет современному религиоведению избежать двух крайностей: редукции религии к внешней социальной функции и некритического воспроизведения религиозного самопонимания без научной проверки.

Литература

1. Ваарденбург Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе о работах Герарда ван дер Леу. Классические подходы к изучению религии: цели, методы и теории исследования. Введение и антология / пер. с англ.; под общ. ред. Е.И. Аринина. — Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. — 408 с.
2. Самарина Т.С. Религиоведческое наследие Жака Ваарденбурга: критический анализ // Религиоведение. — 2019. — №3. — С. 117–126. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.117-126.
3. Ammerman N. T. Sacred Stories, Spiritual Tribes: Finding Religion in Everyday Life. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. — 376 p.
4. Ammerman N. T. Studying Lived Religion: Contexts and Practices. — New York: New York University Press, 2021. — 288 p.
5. Asad T. Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. — Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1993. — 335 p.
6. Daniels J. How New Is Neo-Phenomenology? A Comparison of the Methodologies of Gerardus van der Leeuw and Jacques Waardenburg // Method & Theory in the Study of Religion. — 1995. — Vol. 7. — P. 43–55. DOI: 10.1163/157006895X00207.
7. Engler S., Stausberg M. (eds.). The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion. — 2nd ed. — London; New York: Routledge, 2022. — 670 p.
8. Gadamer H.-G. Truth and Method. 2nd rev. ed. — London; New York: Continuum, 2004. — 601 p.
9. Gebelt J. Über die Intentionen der Intentionsforschung. Zur Neophänomenologie der Religionen von Jacques Waardenburg // Wege und Welten der Religionen. Forschungen und Vermittlungen: Festschrift für Udo Tworuschka / Hrsg. J. Court, M. Klöcker. — Frankfurt am Main: Lembeck, 2009. — S. 157–163.
10. Geertz C. Religion as a Cultural System // Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. — New York: Basic Books, 1973. — P. 87–125.
11. Hughes A. W., McCutcheon R. T. (eds.). What Is Religion? Debating the Academic Study of Religion. — New York: Oxford University Press, 2021. — 378 p.
12. Martin C. A Critical Introduction to the Study of Religion. — 3rd ed. — London; New York: Routledge, 2023. — 232 p.
13. McGuire M. B. Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. — 288 p.
14. Orsi R. A. Between Heaven and Earth: The Religious Worlds People Make and the Scholars Who Study Them. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005. — 264 p.
15. Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. — Fort Worth: Texas Christian University Press, 1976. — 107 p.
16. Smart N. The Phenomenon of Religion. — London: Macmillan, 1973. — 144 p.
17. Smith W. C. The Meaning and End of Religion. — New York: Macmillan, 1963. — 340 p.
18. Waardenburg J. Religion between Reality and Idea: A Century of Phenomenology of Religion in the Netherlands // Numen. — 1972. — Vol. 19. — P. 128–203.
19. Waardenburg J. Classical Approaches to the Study of Religion: Aims, Methods and Theories of Research. — Vol. 1: Introduction and Anthology. — Hague; Paris: Mouton, 1973. — 742 p.
20. Waardenburg J. Classical Approaches to the Study of Religion: Aims, Methods and Theories of Research. — Vol. 2: Bibliography. The Hague; Paris: Mouton, 1974.

21. Waardenburg J. Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw. — Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. — 298 p.
22. Waardenburg J. Religionen und Religion: Systematische Einführung in die Religionswissenschaft. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1986. — 301 S.
23. Waardenburg J. In Search of an Open Concept of Religion // Religion in History: The Word, the Idea, the Reality / ed. by M. Despland, G. Vallée. — Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1992. — P. 225–240.
24. Waardenburg J. Christians, Muslims, Jews, and their religions // Islam and Christian-Muslim Relations. — 2004. — Vol. 15. No. 1. — P. 13–33.
25. Waardenburg J. Muslims as Actors: Islamic Meanings and Muslim Interpretations in the Perspective of the Study of Religions. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. — 466 p.

FACTORS AND THREATS TO PERSONNEL SECURITY OF TOURISM AND RECREATION ENTERPRISES UNDER SANCTIONS PRESSURE: THEORETICAL SYSTEMATIZATION

Aledinov Isa Ernesovich, *Postgraduate student*

Kajametova Tamila Narimanovna, *DSc of Economics, Associate Professor*

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Sinferovol (Russia)

The study is devoted to the theoretical systematization of factors and threats to personnel security of tourism and recreation enterprises under sanctions pressure, caused by the transformation of the external environment and the increasing complexity of mechanisms for the formation of human resources in the industry. The relevance of the study is determined by the simultaneous intensification of traditional sectoral problems (high staff turnover, seasonal employment instability, shortage of qualified personnel) and the emergence of qualitatively new constraints associated with sanctions. The purpose of the study is to clarify the conceptual framework and to develop a classification approach to factors and threats to personnel security, taking into account industry specifics. To achieve this purpose, the following objectives are solved: differentiation of the categories "factor", "threat", and "risk"; formulation of an author's definition of personnel security; systematization of factors and development of a classification of threats. The methodological basis of the study includes a comparative analysis of scientific approaches to interpreting personnel security, as well as systemic and structural-logical approaches to understanding the relationship between factors, threats, and risks within the context of tourism and recreation activities under sanctions. The results identify three groups of personnel security factors: external, internal, and sanctions-induced, the latter justified as an independent type of impact. A classification of threats by source, nature, and time horizon is proposed. It is established that sanctions-induced threats are predominantly qualitative and structural, with medium- and long-term effects, creating systemic risks for sustainable industry development.

Keywords: *personnel security; tourism and recreation sector; sanctions pressure; personnel security factors; personnel security threats; sanctions-induced threats; human resource potential; enterprise economic security.*

EDN: IHJFYP ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.24***

Цитировать: *Алединов И.Э., Каджаметова Т.Н. Факторы и угрозы кадровой безопасности предприятий сферы туристско-рекреационных услуг в условиях санкционного давления // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 169–174. EDN: IHJFYP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.24*

УДК 338.48

5.2.3

ФАКТОРЫ И УГРОЗЫ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

© Алединов И.Э., Каджаметова Т.Н., 2026

Исследование посвящено теоретической систематизации факторов и угроз кадровой безопасности предприятий туристско-рекреационной сферы в условиях санкционного давления, что обусловлено трансформацией внешней среды и усложнением механизмов формирования кадрового потенциала отрасли. Актуальность обращения к теме определяется одновременным усилением традиционных отраслевых проблем (высокой текучести кадров, сезонности занятости, дефицита квалифицированных специалистов) и возникновением качественно новых ограничений, связанных с санкционными воздействиями. Целью исследования является уточнение понятийного аппарата и разработка классификационного подхода к факторам и угрозам кадровой безопасности с учетом отраслевой специфики. Для достижения цели решены задачи: разграничены категории «фактор», «угроза» и «риск»; предложено авторское определение кадровой безопасности; систематизированы факторы и разработана классификация угроз. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ научных подходов к трактовке кадровой безопасности, а также системный и структурно-логический подходы к интерпретации взаимосвязи факторов, угроз и рисков с учетом специфики туристско-рекреационной деятельности и санкционного контекста. В результате выделены три группы факторов кадровой безопасности: внешние, внутренние и санкционно-инду-

АЛЕДИНОВ Иса Эрнесович, *аспирант*

КАДЖАМЕТОВА Тамила Нариманович, *доктор экономических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь (Россия)

цированные, обоснована необходимость рассмотрения последних как самостоятельного типа воздействий. Предложена классификация угроз по источнику, характеру и временному горизонту. Установлено, что санкционно-индуцированные угрозы преимущественно носят качественный и структурный характер и реализуются в средне- и долгосрочной перспективе, формируя системные риски для устойчивого развития отрасли.

Ключевые слова: *кадровая безопасность; туристско-рекреационная сфера; санкционное давление; факторы кадровой безопасности; угрозы кадровой безопасности; санкционно-индуцированные угрозы; кадровый потенциал; экономическая безопасность предприятия.*

Постановка проблемы

Кадровая безопасность предприятий выступает одним из фундаментальных элементов системы экономической безопасности организации, определяя ее способность сохранять кадровый потенциал, противодействовать деструктивному влиянию персонала и обеспечивать устойчивое функционирование в условиях внешних шоков. Направленность и интенсивность угроз кадровой безопасности во многом детерминируются отраслевой спецификой предприятия, характером его встроенности в международные экономические связи и степенью зависимости от внешней среды.

Туристско-рекреационная сфера испытывает комплексное воздействие санкционного давления, принципиально изменившего условия ее функционирования. Эти процессы носят неоднородный характер: с одной стороны, переориентация туристских потоков на внутренний рынок создает дополнительный спрос на персонал, с другой — уход зарубежных платформ, ограничение международной профессиональной кооперации и блокировка зарубежных образовательных программ формируют качественно новые угрозы кадровому потенциалу отрасли. Одновременно сохраняются традиционные отраслевые проблемы — высокая текучесть кадров, сезонная нестабильность занятости и дефицит квалифицированных специалистов — которые в условиях санкций существенно усугубляются.

Таким образом, необходимо провести теоретическую систематизацию факторов и угроз кадровой безопасности применительно к предприятиям туристско-рекреационной сферы, уточнить понятийный аппарат с учетом отраслевой специфики, а также предложить классификацию угроз, отражающую санкционный контекст функционирования отрасли.

Анализ публикаций по проблеме

Вопросы кадровой безопасности предприятий рассматриваются в современной научной литературе как одно из приоритетных направлений исследования экономической безопасности организации. Исследователи отмечают, что кадровая безопасность формируется под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов, а ее обеспечение требует системного подхода к управлению персоналом.

Сущностные характеристики кадровой безопасности и ее место в системе экономической безопасности предприятия рассматриваются в работах О.А. Масленниковой [6], а также К.А. Кайгородцевой и А.А Тургаевой [5], где внимание акцентируется, во-первых, на вопросах обеспечения безопасности персонала как неотъемлемого условия защиты компании от различных угроз, во-вторых, на методах привлечения и удержания квалифицированных сотрудников как ключевом инструменте обеспечения кадровой безопасности. Кроме того, систематизированы факторы и мероприятия по поддержанию безопасности в условиях нестабильной среды. Структурные аспекты кадровой безопасности предприятия исследуются в публикации С.И. Соколановой и О.А. Лымаревой [7], где предложена авторская трактовка ее структурных элементов. Классификация рисков и угроз кадровой безопасности представлена в работе Н.В. Тимофеевой и Ю.М. Минниковой [8], в которой систематизированы основные деструктивные воздействия на кадровый потенциал организации.

Отраслевая специфика туристско-рекреационной сферы как контекст формирования кадровых угроз отражена в ряде самостоятельных исследований. Н.Д. Волканова и М.В. Журий [2] анализируют стратегические вызовы развития отрасли в современных условиях, указывая на трансформацию требований к кадровому составу предприятий. Э.Ф. Алиева и З.О. Адаманова [1] рассматривают теоретические основы и практические направления управления развитием туризма и рекреации в регионе, акцентируя внимание на организационных механизмах, определяющих условия формирования кадрового потенциала отрасли.

Обобщение представленных исследований показывает, что, несмотря на значительный научный задел как в области кадровой безопасности, так и в изучении туристско-рекреационной сферы, комплексная теоретическая систематизация факторов и угроз кадровой безопасности применительно к предприятиям данной отрасли с учетом санкционного давления остается недостаточно разработанной, что обусловливает необходимость углубленного исследования данной проблематики.

Результаты исследования и их обсуждение

Кадровая безопасность предприятия представляет собой состояние защищенности кадрового потенциала организации от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее ее устойчивое функционирование и достижение стратегических целей. Совокупность кадровых рисков и угроз будет варьироваться от компании к компании, влияя на выбор методов обеспечения кадровой безопасности конкретным хозяйствующим субъектом. [5]. Понимание природы факторов и угроз кадровой безопасности необходимо для формирования эффективной системы управления персоналом, способной адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды.

На основании изученных источников, можно выделить несколько ключевых подходов к определению понятия кадровой безопасности: как устойчивого кадрового обеспечения через институты, ESG и цифровизацию [6], через минимизацию кадровых рисков и угроз экономической безопасности [5; 8], в качестве одного из структурных элементов кадровой безопасности [7]. Представленные подходы отражают многоаспектность понятия и свидетельствуют об отсутствии единой устоявшейся трактовки в научной литературе. При этом ни один из рассмотренных подходов не учитывает в полной мере отраслевую специфику туристско-рекреационных предприятий и современный санкционный контекст. В связи с этим предлагается следующее определение: кадровая безопасность предприятий туристско-рекреационной сферы — это состояние защищенности кадрового потенциала организации от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее ее устойчивое функционирование с учетом сезонного характера деятельности, высокой зависимости от международной кооперации и сервисной специфики отрасли.

Для корректной систематизации факторов и угроз кадровой безопасности необходимо разграничить ключевые понятия, используемые в данном исследовании. В научной литературе понятия «фактор», «угроза» и «риск» нередко употребляются как синонимичные, однако между ними существуют принципиальные содержательные различия, игнорирование которых снижает точность научного анализа. Содержательное разграничение данных понятий, принятое в рамках настоящего исследования, представлено в таблице 1.

Таблица 1 — **Разграничение базовых понятий в контексте кадровой безопасности**

Понятие	Содержание	Соотношение понятий
Фактор	Условие или обстоятельство, оказывающее влияние на состояние кадровой безопасности предприятия	Первичен — создает предпосылки для возникновения угроз
Угроза	Совокупность условий и обстоятельств, создающих реальную опасность кадровому потенциалу организации	Производна от факторов — отражает их негативную реализацию
Риск	Вероятность реализации угрозы с оценкой возможного ущерба для кадрового потенциала	Является количественным выражением угрозы

Таким образом, фактор выступает исходным условием, формирующим среду кадровой безопасности предприятия и определяющим характер воздействия внешней и внутренней среды на его кадровый потенциал.

Угроза представляет собой уже конкретизированное негативное воздействие, возникающее вследствие неблагоприятного сочетания факторов и создающее реальную опасность для количественных и качественных характеристик персонала. Риск, в свою очередь, отражает вероятностную оценку возможного ущерба от реализации той или иной угрозы и служит инструментом ее измеримого выражения. Данное соотношение носит иерархический характер: неблагоприятное сочетание факторов порождает угрозы, которые при определенных условиях трансформируются в риски с конкретными последствиями для организации. Игнорирование данной иерархии на практике приводит к подмене понятий и снижению эффективности управленческих решений в сфере кадровой безопасности. В контексте туристско-рекреационной сферы указанная цепочка приобретает особую актуальность, поскольку санкционное давление одновременно усиливает действие уже существующих факторов и генерирует качественно новые угрозы, не имеющие аналогов в докризисный период функционирования отрасли.

Систематизация факторов кадровой безопасности является необходимой основой для последующей классификации угроз. На основе анализа научной литературы и специфики функционирования туристско-рекреационных предприятий предлагается выделить три укрупненные группы факторов, авторская систематизация которых представлена на рисунке [4].

Рисунок — **Факторы кадровой безопасности предприятий сферы туристско-рекреационных услуг**

Представленные на рисунке факторы свидетельствуют о многоуровневом характере воздействия на кадровую безопасность предприятий туристско-рекреационной сферы.

Внешние факторы формируют общие условия функционирования рынка труда и определяют параметры кадрового предложения, доступного предприятиям отрасли. Демографические тенденции, связанные с сокращением численности трудоспособного населения и оттоком молодежи в крупные городские агломерации, ограничивают возможности комплектования штата квалифицированными специалистами. Социально-экономические факторы, в частности динамика реальных доходов населения и уровень безработицы, влияют на привлекательность занятости в туристско-рекреационной сфере по сравнению с другими отраслями. Нормативно-правовые изменения в сфере трудового и миграционного законодательства дополнительно корректируют условия найма и удержания персонала.

Внутренние факторы отражают способность самой организации формировать, удерживать и развивать кадровый потенциал. Организационно-управленческие факторы определяют качество систем найма, адаптации и оценки персонала, тогда как мотивационные факторы характеризуют конкурентоспособность предприятия на рынке труда с точки зрения оплаты труда и нематериального стимулирования. Социально-психологический климат и корпоративная культура оказывают существенное влияние на лояльность сотрудников и уровень текучести кадров, который в туристско-рекреационной сфере традиционно остается высоким.

Санкционно-индуцированные факторы представляют собой качественно новый тип воздействия, не имеющий аналогов в докризисный период функционирования отрасли. Уход зарубежных технологических платформ и систем управления персоналом нарушает сложившиеся процессы подбора и администрирования

кадров. Ограничение доступа к международным образовательным программам и профессиональным сертификациям сдерживает развитие компетентностного потенциала отрасли. Разрыв профессиональных связей с иностранными партнерами и дефицит специалистов, владеющих иностранными языками и международными стандартами обслуживания, формируют долгосрочные структурные диспропорции в кадровом обеспечении туристско-рекреационных предприятий.

Выявленные факторы кадровой безопасности создают предпосылки для формирования конкретных угроз, воздействующих на кадровый потенциал предприятий туристско-рекреационной сферы [3]. В целях настоящего исследования угрозы систематизированы по трем основаниям: группе источника, характеру воздействия и временному горизонту реализации. Предлагаемая классификация угроз кадровой безопасности предприятий туристско-рекреационной сферы представлена в таблице 2.

Таблица 2 — **Классификация угроз кадровой безопасности предприятий туристско-рекреационной сферы**

Группа угроз	Конкретные угрозы	Характер	Временной горизонт
Внешние	Сокращение предложения квалифицированного персонала на региональных рынках труда	Количественный	Среднесрочный
	Усиление межотраслевой конкуренции за кадры со стороны более высокооплачиваемых секторов	Количественный	Краткосрочный
	Ужесточение нормативно-правового регулирования в сфере занятости и миграции	Структурный	Долгосрочный
Внутренние	Высокий уровень текучести кадров вследствие сезонности деятельности	Количественный	Краткосрочный
	Низкий уровень мотивации и лояльности персонала	Качественный	Среднесрочный
	Недостаточность внутрикорпоративных систем обучения и развития персонала	Качественный	Долгосрочный
Санкционно-индуцированные	Ограничение доступа к зарубежным образовательным программам и сертификациям	Качественный	Долгосрочный
	Дефицит специалистов со знанием иностранных языков и международных стандартов	Структурный	Среднесрочный
	Разрыв международной профессиональной кооперации и утрата компетентностных связей	Структурный	Долгосрочный

Представленная в таблице 2 классификация угроз позволяет выявить ряд существенных закономерностей. По характеру воздействия угрозы подразделяются на количественные, снижающие численность и доступность персонала, качественные, ведущие к деградации профессиональных компетенций, и структурные, формирующие устойчивые диспропорции в кадровом обеспечении отрасли. По временному горизонту реализации краткосрочные угрозы проявляются в текущем операционном периоде и требуют незамедлительного реагирования, среднесрочные накапливаются постепенно и могут быть нейтрализованы при своевременном управленческом вмешательстве, тогда как долгосрочные угрозы носят стратегический характер и оказывают наиболее глубокое деструктивное воздействие на кадровый потенциал предприятий. Примечательно, что санкционно-индуцированные угрозы преимущественно относятся к качественным и структурным, а их временной горизонт носит среднесрочный и долгосрочный характер, что свидетельствует об их особой опасности для устойчивого развития туристско-рекреационной сферы.

Таким образом, кадровая безопасность предприятий туристско-рекреационной сферы формируется под воздействием разнородных факторов и угроз, природа которых существенно усложняется в условиях санкционного давления. Санкционно-индуцированные воздействия не просто усиливают традиционные угрозы, но и порождают качественно новые вызовы для кадрового потенциала отрасли, требующие самостоятельного теоретического осмысления и практического реагирования со стороны управленческих структур.

Заключение

Проведенная теоретическая систематизация факторов и угроз кадровой безопасности предприятий сферы туристско-рекреацион-

ных услуг в условиях санкционного давления позволяет сформулировать ряд ключевых выводов.

Во-первых, анализ существующих подходов к трактовке понятия «кадровая безопасность» выявил отсутствие единого определения, учитывающего отраслевую специфику туристско-рекреационных предприятий. В связи с этим предложено определение, включающее сезонный характер деятельности, сервисную специфику отрасли и повышенную уязвимость к санкционно-индуцированным воздействиям как сущностные характеристики кадровой безопасности в данной сфере.

Во-вторых, уточнено соотношение базовых понятий «фактор», «угроза» и «риск», имеющих иерархический характер: факторы формируют среду кадровой безопасности, угрозы представляют собой конкретизированные негативные воздействия на кадровый потенциал, а риски отражают вероятностную оценку возможного ущерба от их реализации.

В-третьих, систематизация факторов кадровой безопасности туристско-рекреационных предприятий позволила выделить три укрупненные группы: внешние, внутренние и санкционно-индуцированные. Выделение последних в самостоятельную группу обусловлено их качественно новой природой, не сводимой к традиционным внешним воздействиям.

В-четвертых, предложенная классификация угроз по группе источника, характеру воздействия и временному горизонту реализации показала, что санкционно-индуцированные угрозы преимущественно носят качественный и структурный характер со среднесрочным и долгосрочным горизонтом реализации, что определяет их особую опасность для кадрового потенциала отрасли.

Литература

1. Алиева Э.Ф. Управление развитием туризма и рекреации в регионе: теоретические основы и практические направления деятельности / Э.Ф. Алиева, З.О. Адаманова // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства: сб. науч. тр. / под общей редакцией З.О. Адамановой. — Симферополь: Ариал, 2023. — С. 53-56. EDN OZUEOL.
2. Волканова, Н. Д. Стратегия развития туристско-рекреационной сферы Российской Федерации в современных условиях / Н.Д. Волканова, М.В. Журий // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сб. науч. тр. — Симферополь: АРИАЛ, 2023. — С. 7-11. EDN QSFIPC.
3. Геворгян М.С. Перспективы предпринимательства в туристско- рекреационной сфере: тренды и возможности / М.С. Геворгян, Е.Ю. Золкин // Знания и научный прогресс: новые подходы и актуальные исследования: сб. науч. тр. по материалам XXII Международной научно-практической конференции, Анапа, 23 декабря 2024 года. — Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов, 2024. — С. 28-35. EDN SIURMG.
4. Казак А.Н. Цифровые технологии в туристско-рекреационной сфере / А.Н. Казак, Н.Е. Петренко // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования: сб. науч. тр. IX Международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 мая 2024 года. — Симферополь: Ариал, 2024. — С. 329-330. EDN EETWXP.
5. Кайгородцева К.А., Тургаева А.А. Роль кадровой безопасности в аспекте экономической безопасности // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15, №s5. — 50FAVN223.
6. Масленникова О.А. Методический подход к формированию кадрового потенциала в сфере туризма в России: интегративная модель в парадигме Индустрии 5.0 // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. — 2025. — Вып. 20, №4С. 505-526. DOI:10.17072/1994-9960-2025-4-505-526.
7. Соколанова С.И. Структура кадровой безопасности предприятия / С.И. Соколанова, О.А. Лымарева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — №11-3(105). — С. 92-95. DOI 10.24412/2411-0450-2023-11-3-92-95. EDN WGSTKG.
8. Тимофеева Н.В. Риски и угрозы кадровой безопасности предприятия / Н.В. Тимофеева, Ю.М. Минникова // Задачи и возможности международного трансфера инновационных технологий: сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции, Калуга, 30 декабря 2023 года. — Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2023. — С. 180-183. EDN IDWRVL.

APPLICATION AREAS OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF EMPLOYEES IN IT COMPANIES

Garkusha Sergey Vitalievich, *Postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow (Russia)*

The purpose of the study to systematize the areas of applying modern digital technologies and artificial intelligence that actually improve employee efficiency in IT companies, and to identify the conditions under which this gain is achieved. The methodology relies on comparative and content analysis of Russian and international studies published in 2023–2026, as well as on secondary analysis of empirical data from HSE University, RUSSOFT, Selectel, Stack Overflow, McKinsey, Stanford HAI, Microsoft Research, GitHub and DORA. It is based on the author's interpretation of IT labor efficiency as a multi-component category. The findings show that the greatest managerial effect comes not from the isolated adoption of individual tools, but from their assembly into four interconnected contours — production-engineering, coordination-knowledge, HR-analytical and developmental-cultural. Digital technologies and AI raise performance by reducing the time of routine operations, cutting coordination losses, accelerating access to corporate knowledge, improving the quality of managerial decisions, expanding hiring and retention options, and personalizing learning. At the same time, without redesigning the managerial contour, a local gain in speed is accompanied by risks: a decline in delivery stability, reduced trust in model output, and slower skill accumulation among junior employees. The novelty lies in the author's integrated managerial model of digital technology and AI application for IT companies, shifting the focus from local automation to the design of the digital work environment. The practical significance is determined by the applicability of the results in building systems of performance management, training, recruitment and digital team collaboration.

Keywords: *digital technologies; artificial intelligence; IT companies; employee efficiency; labor productivity; HR analytics; digital transformation; software development; knowledge management; human resource management.*

EDN: INJQCS ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.25***

Цитировать: *Гаркуша С.В. Направления применения современных цифровых технологий и искусственного интеллекта в обеспечении повышения эффективности сотрудников ИТ-компаний // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 175–181. EDN: INJQCS. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.25*

НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ИТ-КОМПАНИЙ

УДК 338.24
5.2.6

© Гаркуша С.В., 2026

Цель исследования — систематизировать направления применения современных цифровых технологий и искусственного интеллекта, повышающие эффективность сотрудников ИТ-компаний, и определить условия, при которых этот прирост достигается. Методология опирается на сравнительный и контент-анализ русскоязычных и зарубежных работ 2023–2026 гг., а также на вторичную обработку эмпирических данных НИУ ВШЭ, РУССОФТ, Selectel, Stack Overflow, McKinsey, Stanford HAI, Microsoft Research, GitHub и DORA. В основу положена авторская трактовка эффективности труда в ИТ как многокомпонентной категории. Установлено, что наибольший управленческий эффект дает не точечное внедрение отдельных инструментов, а их сборка в четыре взаимосвязанных контура — производственно-инженерный, координационно-знаниевый, кадрово-аналитический и развивающе-культурный. Показано, что цифровые технологии и ИИ повышают результативность за счет сокращения времени типовых операций, снижения коммуникационных потерь, ускорения доступа к корпоративным знаниям, роста качества управленческих решений, расширения возможностей найма и удержания, персонализации обучения. Одновременно зафиксировано, что без перестройки управленческого контура локальный выигрыш в скорости сопровождается рисками: падением стабильности поставки, снижением доверия к выводу моделей, замедленным накоплени-

ем компетенций у младших специалистов. Научная новизна состоит в авторской интегральной модели управленческого применения цифровых технологий и ИИ для ИТ-компаний, переносящей акцент с локальной автоматизации на проектирование цифровой среды труда. Практическая значимость определяется применимостью результатов при выстраивании систем управления эффективностью, обучения, рекрутинга и цифрового взаимодействия команд.

Ключевые слова: *цифровые технологии; искусственный интеллект; ИТ-компании; эффективность сотрудников; производительность труда; HR-аналитика; цифровая трансформация; разработка программного обеспечения; управление знаниями; управление персоналом.*

ГАРКУША Сергей Витальевич, *аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва (Россия)*

Введение

Обновленная в 2024 году Национальная стратегия развития искусственного интеллекта закрепила курс на расширение вычислительных мощностей и ускоренное внедрение ИИ в экономике [1]. Вместе с тем, дефицит кадров в российской ИТ-индустрии изменил саму постановку вопроса об эффективности труда. Еще несколько лет назад ее рассматривали преимущественно как задачу HR-службы, сегодня это вопрос производственной мощности компании. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2024 г. 70% руководителей ИТ-компаний оценивали деловой климат как благоприятный, 53% запускали новые проекты по разработке отечественного программного обеспечения, а 61% по-прежнему называли нехватку высококвалифицированных специалистов главным ограничителем роста, более 80% связывали основной прирост спроса 2025 г. с решениями в области информационной безопасности и технологиями ИИ [2]. Складывается парадокс: спрос растет, а нанимать некого. Отсюда и управленческий сдвиг — рост эффективности сотрудника все чаще достигается не наращиванием штата, а высвобождением его времени от рутины и переводом этого времени в зону более сложной, дорогой по добавленной стоимости работы.

Отечественные исследования обращаются к теме фрагментарно, по отдаленно пересекающимся траекториям. Цифровизацию HR-аналитики и кадровых процессов разбирают работы В.И. Абрамова и А. Мухиткызы [2], В.А. Авдеенкова с соавторами [3], И.Г. Ивановой и Г.О. Искандарян [4]. Применение ИИ непосредственно в HR-менеджменте — подбор, прогнозирование текучести, оценку компетенций — рассматривают С.В. Окладникова и А.С. Панкрашов [7], Л.Г. Руденко [9], В.В. Сурков [10], Е.В. Абилова и Е.А. Колесник [1]. Инженерный контур и роль больших языковых моделей в средах разработки анализируют А.Ю. Ишанхонов с соавторами [5] и В. Мещеряков [6], а положение самих ИТ-организаций под давлением ИИ — С.К. Тургаев [11] и Д.С. Пащенко [8]; цифровую трансформацию рекрутинга в ИТ исследует И.Г. Юркова с коллегами [12]. Каждый из этих пластов проработан, но между собой они почти не сшиты.

И здесь возникает разрыв. Публикации описывают либо HR-функцию, либо инженерный конвейер, либо общие эффекты цифровой трансформации, однако редко собирают их в единую управленческую модель повышения эффективности сотрудников именно ИТ-компании. Тем временем, ценность темы не в перечне инструментов, а в ответе на четыре связанных вопроса: какие направления применения цифровых технологий и ИИ дают прирост эффективности, через какие управленческие механизмы они его дают, при каких условиях механизм срабатывает и какие риски его гасят. В связи с этим, предметом исследования управленческие механизмы применения цифровых технологий и ИИ для роста результативности их труда. Цель состоит в систематизации этих направлений и выявлении условий, при которых технологии действительно повышают эффектив-

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024).

[2] Лола И. С., Асосков Д. Г. ИТ-отрасль в 2024 году: обзор деловых тенденций. — М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1028544603.html

ность, а не имитируют ее. Методическую базу составили сравнительный и контент-анализ работ 2023–2026 гг. и вторичная обработка открытых эмпирических данных — отраслевых обследований НИУ ВШЭ, опроса РУССОФТ, исследования Selectel, а также зарубежных обзоров McKinsey, Stanford HAI, DORA, GitHub, Microsoft Research [13] и Stack Overflow. Такая оптика соединяет академическую и прикладную перспективы и позволяет оценивать не декларируемые, а фактические условия отдачи. Дальнейшее изложение построено вокруг четырех контуров эффективности, после чего предлагается их сборка в авторскую модель.

Эффективность сотрудника ИТ-компании плохо измеряется одной метрикой. Попытка свести ее к объему выпущенного кода или числу закрытых задач искажает реальную ценность труда и хорошо знакома разработчикам по эффекту «строчек ради строчек». Корректнее трактовать ее как многокомпонентную категорию: индивидуальная производительность, длительность цикла разработки, доля повторной работы, качество кода и сервисов, скорость онбординга, устойчивость командного взаимодействия, качество управленческих решений, уровень выгорания. Цифровые технологии и ИИ создают отдачу прежде всего тогда, когда снимают с человека типовые операции и возвращают ему время на работу с высокой интеллектуальной отдачей.

Производственно-инженерный контур

Самое заметное направление — прямая поддержка разработки: ассистенты в IDE, автодополнение и рефакторинг кода, генерация тестов и документации, интеллектуальный code review, поиск дефектов, поддержка DevOps. Зарубежная эмпирика дает здесь сильные аргументы. В эксперименте GitHub разработчики с Copilot завершали задачу в среднем на 55,8% быстрее контрольной группы [3]; в серии полевых экспериментов Microsoft, Accenture и одной компании из списка Fortune 100 на выборке 4 867 человек прирост числа выполненных задач составил 26,08%, причем заметнее всего выигрывали менее опытные специалисты [13]. Российская динамика идет в ту же сторону: по данным РУССОФТ, доля софтверных компаний, применявших генеративный ИИ в разработке, выросла с 24,9% в 2023 г. до 45,4% в 2024 г., а объем выполненных с его помощью работ оказался эквивалентен годовой занятости уже не 1,7 тыс., а 19,5 тыс. специалистов [4]. Для отрасли, живущей в режиме кадрового голода, это способ нарастить мощность без пропорционального найма. Работы А.Ю. Ишанхонова с соавторами и В. Мещерякова подтверждают тот же механизм на материале LLM в средах разработки и веб-разработки [5; 6]. Оговорка существенна: максимум отдачи возникает, когда модель работает не вместо инженера, а в режиме соисполнителя — отечественные GigaChat и YandexGPT встраиваются в рабочий процесс по той же логике, что и Copilot. Стэнфордский AI Index уточняет границы выигрыша: на структурированных задачах он достигает 26% в разработке ПО и 14–15 % в клиентской поддержке [5].

Координационно-знаниевый контур

Данный контур направлен на согласования, поиск информации, чтение документации, уточнение требований, переключения между инструментами. Платформы совместной работы, корпоративные базы знаний, AI-поиск по документации, автоматические сводки встреч и умная маршрутизация задач нередко дают больший прирост, чем сугубо code-centric инструменты. Atlassian в обследовании 2025 г. зафиксировал почти всеобщую экономию времени — о выигрыше сообщили 99% разработчиков, а 68% — оценили его более чем в 10 часов в неделю, при этом сопоставимый объем времени по-прежнему теряется на организационное трение, то есть согласования и совещания вместо реальной работы [6]. Вывод для руководителя жесткий. Внедрить один лишь Copilot недостаточно: если циф-

[3] Peng S., Kalliamvakou E., Cihon P., Demirer M. The impact of AI on developer productivity: evidence from GitHub Copilot. 2023. arXiv:2302.06590.

[4] Применение ИИ в разработке ПО выходит на новый уровень // РУССОФТ. 2025. URL: https://russoft.org/news/primenenie-ii-v-razrabotke-po-vyhodit-na-novyj-uroven/

[5] AI Index Report 2025 // Stanford HAI. 2025. URL: https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report

[6] State of Developer Experience Report 2025 // Atlassian. 2025. URL: https://www.atlassian.com/blog/developer/developer-experience-report-2025

ровой ландшафт взаимодействия команды не перестроен, локальный выигрыш в скорости кодирования растворяется в хаосе информационных потоков, и компания платит за инструмент, не получая системного эффекта.

Кадрово-аналитический контур

Третье направление объединяет цифровой рекрутинг, HR-аналитику, оценку компетенций, прогноз текучести, анализ вовлеченности, внутреннюю мобильность. Согласно последним исследованиям, кадровые решения все чаще опираются на интеграцию данных о навыках, нагрузке, обучении и рисках ухода [1; 2; 3]. Для ИТ-компании в условиях дефицита это критично, и метрикой служит не скорость публикации вакансии, а сокращение времени кадрового подбора, точность сопоставления профиля кандидата с ролью, удержание уже работающих на условиях кадрового продвижения и персональных траекторий развития. И.Г. Юркова с коллегами отдельно показывают, что в ИТ-рекрутинге, где конкуренция за таланты особенно ощутима, результат определяется качеством предиктивной оценки и скоростью обратной связи [12]. Сюда же относится гибридная занятость: по российским полевым данным, около 30% ИТ-специалистов рассматривают удаленный формат как ключевой фактор выбора работодателя [7].

Развивающе-культурный контур

Распространенное представление об ИИ исключительно как инструменте автоматизации неполно. Положительный эффект достигается в полной мере там, где цифровые технологии становятся частью среды обучения. По данным Selectel, российские компании чаще делают ставку на обучение действующих сотрудников работе с ИИ — около 40%, — чем на массовый внешний наем [8]. Полевые данные по ИТ-компаниям добавляют любопытную деталь: молодые сотрудники осваивают ИИ быстрее и нередко становятся внутренними проводниками практик. На международном уровне разработчики массово занимаются самообучением работе с AI-инструментами, и этот сдвиг фиксируют отраслевые опросы. На практике готовность компании к ИИ формируется не покупкой лицензий, а обменом кейсами, знаниями, опытом и навыками и дополняется в условиях среды, где новый инструмент можно протестировать без давления немедленной окупаемости.

Области риска применения цифровых технологий и ИИ в ИТ-компаниях

Влияние цифровой аналитики на систему мотивации и контроля имеет области риска, которые следует учитывать. С одной стороны, прозрачность задач растет, узкие места процессов видны, управленческие решения принимаются быстрее. С другой — избыточная алгоритмизация контроля легко считывается командой как цифровой надзор и подрывает автономию высококвалифицированных специалистов. В сфере интеллектуального труда это ощутимо действует на мотивацию, поскольку результативность держится на свободе решений и глубине погружения в задачу. Мониторинговые инструменты оправданы только как средство снятия процессных потерь, а не как способ усилить надзорную функцию менеджмента.

Картина, однако, не сводится к формуле «ИИ равно рост производительности». По обследованию ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, среди организаций, применяющих ИИ, более половины отмечали рост качества продукции и эффективности процессов, а 45% — прирост производительности труда; главными барьерами назывались дефицит кадров, сложность интеграции в существующие процессы и нехватка данных [9]. Опросы Selectel добавляют отсутствие подходящих бизнес-задач и трудность оценки окупаемости. Еще жестче ограничивает результат проблема доверия. По данным Stack Overflow за 2025 г., 50,6% профессиональных разработчиков пользуются AI-инструментами ежедневно, но при этом 46% — скорее не доверяют точности вывода, а

[7] Сдвиги в структуре занятости ИТ-компаний под воздействием внешних шоков / А. Аузан [и др.]. М.: Институт национальных проектов, 2024.

[8] Исследование: треть российских компаний ускорили бизнес-процессы благодаря внедрению ИИ // Selectel. 2026. URL: https://selectel.ru/blog/research-implementing-ml-in-business/

[9] Искусственный интеллект в России: разработка и применение. — М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1053986532.pdf

доля «высоко доверяющих» составляет лишь 3% [10]. Цифры DORA показывают цену игнорирования этого вопроса: рост AI-adoption на 25% сопровождается снижением пропускной способности поставки на 1,5% и ее стабильности на 7,2%, если контуры контроля и обратной связи не перестроены [11]. Скорость без надежности конвертируется в технический долг — и центральным направлением управленческого применения ИИ становится не только автоматизация, но и институционализация доверия через нормы верификации, автотесты, короткие циклы обратной связи и пересмотр метрик (табл.).

Таблица — **Направления применения цифровых технологий и ИИ в ИТ-компаниях**

Контур и инструменты	Управленческий механизм	Эффект	Риск	Условие результативности
Производственно-инженерный: ассистенты в IDE, автотесты, code review	Снятие рутины кодирования, ускорение типовых операций	Прирост выполненных задач до 26% (Microsoft); −55,8% времени (GitHub)	Технический долг, падение стабильности поставки	Соисполнение «человек + модель», автотесты, обязательный review
Координационно-знаниевый: платформы совместной работы, AI-поиск, базы знаний	Сокращение коммуникационных потерь и контекстных переключений	Экономия свыше 10 ч/нед у 68% разработчиков (Atlassian)	Растворение выигрыша в организационном трении	Перестройка цифрового ландшафта, единые базы знаний
Кадрово-аналитический: цифровой рекрутинг, HR-аналитика, прогноз текучести	Повышение точности найма, удержания и развития	Сокращение time-to-hire, рост удержания специалистов	Восприятие аналитики как цифрового надзора	Внутренняя мобильность, гибридный формат, этика данных
Развивающе-культурный: внутренняя академия, peer-learning, обмен кейсами	Распространение практик, снижение сопротивления изменениям	Рост AI-готовности (≈40% компаний делают ставку на обучение)	Поверхностное освоение инструмента без верификации	Среда безопасного тестирования, наставничество

Источник: составлено автором.

Сопоставление материала позволяет предложить интерпретацию, в которой результативная модель повышения эффективности строится как связка четырех контуров (рис.). Производственно-инженерный поднимает скорость и качество разработки; координационно-знаниевый снижает потери на согласованиях и поиске; кадрово-аналитический повышает точность найма, удержания и развития; развивающе-культурный обеспечивает распространение практик и снижает сопротивление изменениям. В этой сборке ИИ перестает быть набором разрозненных сервисов и работает как единая управленческая инфраструктура. Новизна модели — в переносе акцента с локальной автоматизации на системное проектирование цифровой среды труда.

Рисунок — **Интегральная модель четырех контуров эффективности сотрудников ИТ-компании**

Источник: составлено автором.

[10] Developer Survey 2025 // Stack Overflow. 2025. URL: https://survey.stackoverflow.co/2025/ai

[11] Impact of generative AI in software development // DORA. 2026. URL: https://dora.dev/ai/gen-ai-report/

Заключение

Современные цифровые технологии и искусственный интеллект работают в ИТ-компании не как ускорители отдельных операций, а как инструмент перестройки всей архитектуры интеллектуального труда. Их влияние на эффективность проявляется через сокращение цикла, снижение повторной работы, рост доступности знаний, повышение качества решений, расширение кадрового резерва и персонализацию обучения. Положительный эффект при этом достигается лишь при интеграции технологий в бизнес-процессы, развитой культуре обмена знаниями, системе верификации результатов модели, обучении персонала и прозрачных правилах использования инструментов.

Авторская модель строится вокруг связки четырех контуров, и каждый из них закрывает свой тип управленческих потерь. Производственно-инженерный контур сокращает время типовых операций разработки и удерживает качество кода. Координационно-знаниевый снимает потери на согласованиях, поиске информации и контекстных переключениях. Кадрово-аналитический повышает точность решений о найме, удержании и внутренних переходах. Развивающе-культурный превращает единичные удачные практики в норму компании и снижает сопротивление изменениям. Каждый контур измерим собственным набором показателей — от длительности цикла поставки и доли повторной работы до time-to-hire и охвата сотрудников внутренним обучением работе с моделями, — а потому пригоден для управленческого контроля, а не только для описания технологического ландшафта.

Существеннее другое: контуры дают прирост эффективности лишь совместно. Ускорение выполнения задач на 26%, зафиксированное в полевых экспериментах Microsoft, обесценивается, если высвобожденное время уходит в организационное трение, о котором сообщают те же разработчики, экономящие свыше 10 часов в неделю по данным Atlassian. Точный подбор специалиста не конвертируется в результат без среды, где новичок быстро получает доступ к корпоративному знанию. Обучение работе с ИИ не удерживается, если инженерный контур не оснащен автотестами и обязательным code review: цену такого разрыва показывают данные DORA о снижении стабильности поставки на 7,2% при росте внедрения ИИ на 25%. Отсюда следует управленческое правило, которое автор считает основным выводом работы: фактический прирост эффективности задается не самым сильным, а самым слабым контуром, по логике узкого места.

В прикладном режиме модель работает как диагностический инструмент. Руководителю она задает четыре вопроса — где теряется время инженера, где теряется время команды, насколько точны кадровые решения и как компания распространяет удачные практики — и позволяет оценить зрелость каждого контура до закупки лицензий. Такая последовательность меняет порядок внедрения: сначала выравнивается наиболее слабое звено, затем масштабируется направление с измеримой отдачей, и лишь после этого имеет смысл сравнивать поставщиков инструментов. На взгляд автора, здесь и проходит граница между предложенной моделью и распространенной практикой, при которой компания начинает с ассистента в IDE, а спустя год обнаруживает, что коммуникационные и кадровые потери поглотили весь выигрыш в скорости кодирования.

Так, по оценке McKinsey, ИИ хотя бы в одной функции применяют около 78% организаций, тогда как полный набор практик масштабирования внедрила лишь треть [12] PwC отмечает, что отрасли, наиболее способные использовать ИИ, демонстрируют втрое более высокий рост выручки на сотрудника, а вакансии с AI-навыками сопровождаются премией к зарплате около 56% [13]. Ключевой управленческий ресурс ИТ-компании — не закупка инструментов, а массовые прикладные AI-компетенции у middle- и senior-специалистов, способных встроить модель в процесс без потери качества и безопасности.

Новизна модели состоит в смене единицы управленческого анализа: ею становится не отдельный инструмент и не отдельная функция, а цифровая среда труда, спроек-

[12] The state of AI: how organizations are rewiring to capture value // McKinsey & Company. 2025. URL: https://www.mckinsey.com

[13] The fearless future: 2025 Global AI Jobs Barometer // PwC. 2025. URL: https://www.pwc.com

тированная как целое, где технологические, коммуникационные, кадровые и обучающие решения увязаны между собой. Ограничение исследования очевидно: модель построена на вторичной обработке открытых данных и нуждается в проверке на панели российских ИТ-компаний. Именно такая модель управления, а не очередная волна автоматизации, способна стать для российских ИТ-компаний источником устойчивого роста производительности без разрушения качества, доверия и профессионального развития команд.

Литература

1. Абилова Е.В., Колесник Е.А. Внедрение технологий искусственного интеллекта в HR-процессы // Управление человеческими ресурсами. — 2025. — Т. 10, №3. — С. 31-36. DOI: 10.47475/2618-9852-2025-10-3-31-36 EDN: MKESKO
2. Абрамов В.И., Мухиткызы А. Цифровизация HR-аналитики в компании: характеристики, преимущества, практики // Лидерство и менеджмент. — 2024. — Т. 11, №3. — С. 887-908. DOI: 10.18334/lim.11.3.121557 EDN: VPGFWW
3. Авдеенков В.А., Андреев А.В., Бунькин В.И., Мастяев Ф.А. Цифровизация HR-процессов в российских организациях: современное состояние и перспективы // Вопросы инновационной экономики. — 2025. — Т. 15, № 1. — С. 271-282. DOI: 10.18334/vinec.15.1.122505 EDN: AWPBMB
4. Иванова И.Г., Искандарян Г.О. Цифровые технологии в HR: современные тренды управления персоналом в России // Московский экономический журнал. — 2024. — №10. — С. 144-158. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_10_404 EDN: AZOGYQ
5. Ишанхонов А.Ю., Пшиченко Д.В., Можаровский Е.А., Алуев А.С. Роль больших языковых моделей в интегрированных средах разработки нового поколения // Программные системы и вычислительные методы. — 2024. — №4. — С. 140-150. DOI: 10.7256/2454-0714.2024.4.72022 EDN: KMTOBG
6. Мещеряков В. Анализ влияния генеративного искусственного интеллекта на продуктивность и качество кода в контексте трансформации процессов веб-разработки // Современные инновации, системы и технологии. — 2026. — Т. 6, №1. — С. 3001-3010. DOI: 10.47813/2782-2818-2026-6-1-3001-3010 EDN: WSVNGG
7. Окладникова С.В., Панкрашов А.С. Применение технологий искусственного интеллекта в HR-менеджменте // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. — 2023. — №50(2). — С. 117-125. DOI: 10.21822/2073-6185-2023-50-2-117-125 EDN: IIYDNS
8. Пащенко Д.С. Внедрение инструментов искусственного интеллекта в IT-компаниях по результатам европейских исследований 2023-2025 годов // Мир новой экономики. — 2025. — Т. 19, №4. — С. 114-122. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-4-114-122 EDN: PVXYDH
9. Руденко Л.Г. Тренды применения искусственного интеллекта в HR-менеджменте // Государственная служба. — 2024. — №6(152). — С. 96-105. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-6-96-105 EDN: KUUDCK
10. Сурков В.В. Методы использования технологий искусственного интеллекта в системе управления человеческими ресурсами организации // Journal of Monetary Economics and Management. — 2025. — №1. — С. 175-182. DOI: 10.26118/2782-4586.2025.61.63.027 EDN: FVPOGR
11. Тургаев С.К. Анализ современного положения IT-организаций в условиях развития искусственного интеллекта // Вестник Евразийской науки. — 2024. — Т. 16, № s6. EDN: PCLNVX
12. Юркова И.Г., Каткова Ю.Э., Кузина У.А. Цифровая трансформация рекрутинга: анализ технологий подбора персонала в IT-компании // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 9, № 10. — С. 197-202. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.09.023 EDN: VWGFBI
13. Cui K.Z., Demirer M., Jaffe S., Musolff L., Peng S., Salz T. The effects of generative AI on high-skilled work: evidence from three field experiments with software developers // Management Science. — 2026. — DOI: 10.1287/mnsc.2025.00535 EDN: YEGFXJ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT SYSTEMS IN ENTERPRISES

Dyshlovoy Igor Nikolaevich, *DSc of Economics, Associate Professor*

Koryazhkin Nikita Nikolaevich, *Postgraduate student*

Institute of Economics and Management, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea (Russia)

The purpose of the study is to systematize the theoretical and methodological foundations of the transformation of human resource management systems in enterprises under the conditions of artificial intelligence development and to develop a model of this transformation. The article examines the evolution of human resource management concepts, the directions of artificial intelligence impact on personnel functions of enterprises, the principles and approaches to the integration of technologies into the personnel management system, and proposes a transformation model based on artificial intelligence. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive theoretical and methodological conceptualization of artificial intelligence as a systemic factor in the transformation of human resource management in enterprises. As a result, the stages of evolution of human resource management concepts have been systematized, the key directions of artificial intelligence impact on personnel management functions have been identified, the principles and methodological approaches to the integration of technologies into personnel processes have been defined, and a transformation model has been developed covering all stages — from diagnostics to scaling.

Keywords: *human resource management; artificial intelligence; transformation; digitalization; personnel processes; technology integration.*

EDN: IOKEYH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.26***

Цитировать: *Дышловой И.Н., Коряжкин Н.Н. Искусственный интеллект как фактор трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятий // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 182–187. EDN: IOKEYH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.26*

УДК 338.24

5.2.3

© Дышловой И.Н., Коряжкин Н.Н., 2026

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ

ДЫШЛОВОЙ Игорь Николаевич, *доктор экономических наук, доцент*

КОРЯЖКИН Никита Николаевич, *аспирант*

Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым (Россия)

Цель исследования — систематизировать теоретические и методические основы трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятий в условиях развития искусственного интеллекта и разработать модель данной трансформации. В статье рассматриваются эволюция концепций управления человеческими ресурсами, направления воздействия искусственного интеллекта на кадровые функции предприятий, принципы и подходы к интеграции технологий в систему управления персоналом, а также предлагается модель трансформации на основе искусственного интеллекта. Научная новизна исследования заключается в комплексном теоретическом и методическом осмыслении искусственного интеллекта как системного фактора трансформации управления человеческими ресурсами предприятий. В результате систематизированы этапы эволюции концепций управления человеческими ресурсами, выявлены ключевые направления воздействия искусственного интеллекта на функции управления персоналом, определены принципы и методические подходы к интеграции интеллектуальных технологий в кадровые процессы, разработана модель трансформации, охватывающая все этапы — от диагностики до масштабирования.

Ключевые слова: *управление человеческими ресурсами; искусственный интеллект; трансформация; цифровизация; кадровые процессы; интеграция технологий.*

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта выступает одним из ключевых факторов трансформации систем управле-

ния в современной экономике. Управление человеческими ресурсами как важнейшая подсистема менеджмента предприятия не является исключением — внедрение интеллектуальных технологий кардинально меняет логику, инструментарий и результативность кадровых процессов.

Изучению различных аспектов применения искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами посвящены работы М.Ш. Хайдаровой [1], Ч. Дуань, Е.Г. Калабиной [2], Ж. Чжоу [3]. К проблеме обоснования преимуществ внедрения искусственного интеллекта в практику управления персоналом предприятий обращается И.В. Охременко [4]. Инновационные подходы к управлению человеческими ресурсами в эпоху искусственного интеллекта исследуют М.И. Чажаев, Е.В. Новикова, М.М. Минкаилова [5]. В этой связи актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного теоретического и методического осмысления искусственного интеллекта как системного фактора трансформации управления человеческими ресурсами предприятий и разработки модели данной трансформации. Достижение обозначенной цели исследования предполагает решение следующих задач: 1) систематизировать этапы эволюции концепций управления человеческими ресурсами в условиях технологических изменений, 2) выявить ключевые направления воздействия искусственного интеллекта на функции управления персоналом предприятий, 3) определить принципы и методические подходы к интеграции искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами, 4) разработать модель трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятия на основе искусственного интеллекта.

В статье применяются следующие методы исследования: анализ и синтез, систематизация и классификация, сравнительный анализ, структурный подход, графический метод визуализации. Теоретической базой послужили публикации отечественных и зарубежных исследователей в области управления человеческими ресурсами и цифровой трансформации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенной модели предприятиями различных отраслей при разработке и реализации стратегий интеграции искусственного интеллекта в систему управления персоналом.

Результаты исследования и их обсуждение

Управление человеческими ресурсами представляет собой важнейшую подсистему общего менеджмента предприятия, обеспечивающую формирование, развитие и эффективное использование кадрового потенциала в интересах достижения стратегических целей организации [6]. Эволюция данной концепции прошла четыре ключевых этапа, представленных на рисунке 1.

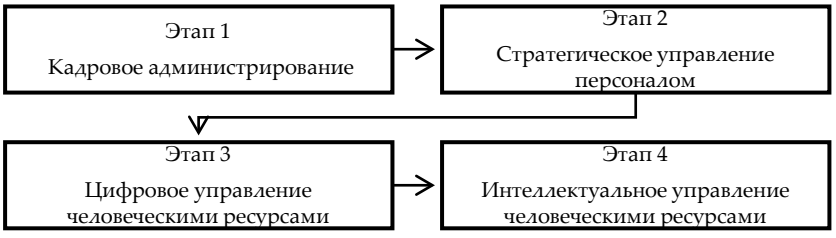

Рисунок 1 — **Этапы эволюции концепций управления человеческими ресурсами**

Первоначально управление человеческими ресурсами носило преимущественно административный характер: персонал рассматривался как статья затрат, а основными инструментами служили нормирование труда, табельный учет и система дисциплинарных взысканий. По мере усложнения рыночной среды сформировался стратегический подход, в рамках которого персонал стал восприниматься как ключевой актив предприятия. Развитие информационных технологий ознаменовало переход к цифровому управлению человеческими ресурсами, характеризующемуся автоматизацией процессов и аналитическим подходом к кадровым решениям. Современный этап определяется стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, которые качественно меняют не только инструментарий, но и саму логику управления персоналом — от реактивного администрирования к проактивному, персона-

лизированному управлению человеческими ресурсами предприятий.

Каждый из обозначенных этапов формировал новую логику взаимодействия организации с персоналом, последовательно смещая акцент с контроля и администрирования в сторону развития и интеллектуализации управленческих процессов. Наиболее наглядно данная трансформация прослеживается при сопоставлении традиционного и интеллектуального управления человеческими ресурсами, представленном в таблице 1.

Таблица 1 — **Сравнительная характеристика традиционного и интеллектуального управления человеческими ресурсами**

Параметр сравнения	Традиционное управление человеческими ресурсами	Интеллектуальное управление человеческими ресурсами
Роль персонала	Исполнитель функций	Стратегический актив и партнер
Основа принятия решений	Опыт и интуиция руководителя	Данные, алгоритмы, предиктивная аналитика
Ключевые инструменты	Личные беседы, анкеты, аттестация	Искусственный интеллект, машинное обучение, чат-боты
Скорость кадровых процессов	Недели и месяцы	Часы и минуты
Персонализация	Групповые решения	Индивидуальные траектории развития
Роль специалиста по управлению персоналом	Администратор кадрового делопроизводства	Стратегический партнер бизнеса
Прогнозирование потребностей	Реактивное — по факту возникновения	Проактивное — на основе анализа данных
Охват контроля	Выборочный, периодический	Непрерывный, автоматизированный

Сравнительный анализ показывает, что внедрение искусственного интеллекта затрагивает не отдельные функции управления персоналом, а трансформирует всю систему управления человеческими ресурсами предприятия. Если в традиционной модели кадровые решения основывались преимущественно на опыте и интуиции руководителя, носили групповой и реактивный характер, то интеллектуальное управление человеческими ресурсами предполагает непрерывный анализ данных, персонализацию управленческих воздействий и проактивное прогнозирование потребностей организации в персонале.

Качественные изменения в системе управления человеческими ресурсами находят свое конкретное выражение в трансформации отдельных кадровых функций предприятий [7]. Искусственный интеллект охватывает все ключевые функции управления человеческими ресурсами предприятий, качественно меняя логику каждого из этих процессов. Основные направления данной трансформации систематизированы в таблице 2.

Наиболее ощутимые изменения претерпевает функция подбора персонала — интеллектуальные системы позволяют в короткие сроки обрабатывать значительные массивы данных о кандидатах, снижая влияние субъективного фактора [8]. В сфере обучения и развития искусственный интеллект обеспечивает формирование персонализированных траекторий с учетом индивидуальных компетенций сотрудника [9]. Оценка эффективности трансформируется от периодической аттестации к непрерывному мониторингу результативности, а системы мотивации приобретают гибкий персонализированный характер [3].

Таблица 2 — **Направления трансформации функций управления человеческими ресурсами под влиянием искусственного интеллекта**

Функция	Технологии искусственного интеллекта	Эффект
Подбор персонала	Автоматизированный скрининг резюме, предиктивная аналитика, чат-боты	Сокращение сроков подбора, повышение объективности кадровых решений
Обучение и развитие	Адаптивные платформы обучения, системы рекомендаций, интеллектуальные тренажеры	Повышение эффективности обучения, снижение затрат на подготовку персонала
Оценка эффективности	Системы анализа производительности, алгоритмы оценки компетенций	Объективность оценки, своевременное выявление отклонений
Мотивация и удержание	Предиктивная аналитика текучести кадров, системы персонализированной мотивации	Снижение текучести кадров, повышение вовлеченности персонала

Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами сопряжено с рядом существенных рисков и ограничений, систематизированных на рисунке 2.

Рисунок 2 — **Риски внедрения искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятий**

Одним из ключевых является риск алгоритмической предвзятости — интеллектуальные системы способны воспроизводить существующие стереотипы при подборе и оценке персонала. Недостаточная прозрачность алгоритмических решений порождает недоверие сотрудников и организационное сопротивление изменениям. Этические вопросы, связанные со сбором и обработкой персональных данных работников, также требуют особого внимания при проектировании интеллектуальных систем [10].

Таким образом, искусственный интеллект оказывает системное воздействие на все ключевые функции управления человеческими ресурсами предприятий, обеспечивая качественно иной уровень кадровых решений. Эффективность интеграции искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятия определяется соблюдением ряда ключевых принципов, представленных на рисунке 3.

Принцип постепенности предполагает поэтапное внедрение интеллектуальных технологий — от автоматизации отдельных операций к комплексной трансформации системы. Принцип человекоцентричности означает, что искусственный интеллект выступает инструментом поддержки решений, но не подменяет профессиональное суждение специалиста. Принцип измеримости требует установления конкретных показателей эффективности на каждом этапе интеграции. Принцип системности предусматривает согласованное внедрение технологий во все функции управления человеческими ресурсами, исключая фрагментарный подход. Принцип адаптивности обеспечивает способность системы корректировать применяемые технологии в соответствии с изменяющимися потребностями предприятия.

Реализация обозначенных принципов обеспечивается посредством применения совокупности методических подходов к интеграции искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятий [6], систематизированных в таблице 3.

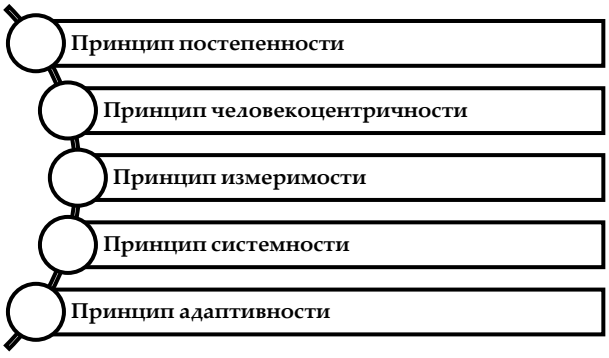

Рисунок 3 — **Принципы интеграции искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятий**

Таблица 3 — **Методические подходы к интеграции искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятий**

Методический подход	Содержание	Ожидаемый результат
1	2	3
Диагностический	Оценка текущего уровня зрелости системы управления человеческими ресурсами и готовности предприятия к внедрению ИИ	Определение точек интеграции и приоритетных направлений трансформации

Продолжение табл. 3

1	2	3
Процессный	Поэтапное внедрение интеллектуальных технологий в отдельные кадровые процессы	Снижение рисков внедрения, управляемость трансформации
Компетентностный	Развитие цифровых компетенций персонала и специалистов по управлению человеческими ресурсами для работы с интеллектуальными системами	Преодоление организационного сопротивления, повышение эффективности использования технологий
Аналитический	Формирование системы показателей оценки эффективности внедрения искусственного интеллекта в кадровые процессы	Обеспечение измеримости результатов трансформации

Представленные методические подходы носят взаимодополняющий характер и реализуются в комплексе — диагностический подход определяет исходные условия трансформации, процессный обеспечивает управляемость внедрения, компетентностный формирует кадровую готовность предприятия, а аналитический позволяет оценить достигаемые результаты. Совокупное применение данных подходов создает методическую основу для системной и последовательной интеграции искусственного интеллекта в практику управления человеческими ресурсами предприятий.

Обобщение теоретических подходов, анализ направлений трансформации функций управления человеческими ресурсами и систематизация методических принципов интеграции искусственного интеллекта позволяют перейти к построению модели трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятия. Предлагаемая модель носит комплексный характер и охватывает последовательные этапы — от диагностики текущего состояния системы управления человеческими ресурсами до оценки результатов трансформации и ее масштабирования, представленные на рисунке 4.

Рисунок 4 — **Модель трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятия на основе искусственного интеллекта**

Представленная модель носит циклический характер — результаты оценки эффекта трансформации на четвертом блоке служат основой для корректировки и масштабирования на пятом, обеспечивая непрерывное совершенствование системы управления человеческими ресурсами предприятия. Отличительной особенностью модели является ее комплексность — она охватывает весь путь трансформации от диагностики исходного состояния до достижения качественно новых результатов управления персоналом на основе искусственного интеллекта.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы.

1. Эволюция концепций управления человеческими ресурсами прошла четыре последовательных этапа — от кадрового администрирования через стратегическое и цифровое управление к интеллектуальному, где искусственный интеллект выступает системообразующим фактором трансформации всей архитектуры кадровых процессов предприятия.

2. Искусственный интеллект оказывает комплексное воздействие на все ключевые функции управления человеческими ресурсами — подбор персонала, обучение и развитие, оценку эффективности, мотивацию и удержание сотрудников, обеспечивая переход от реактивного администрирования к проактивному, персонализированному управлению на основе данных.

3. Эффективная интеграция искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятий требует соблюдения принципов постепенности, человекоцентричности, измеримости, системности и адаптивности, а также комплексного применения диагностического, процессного, компетентностного и аналитического методических подходов.

4. Предложенная модель трансформации системы управления человеческими ресурсами предприятия на основе искусственного интеллекта охватывает пять последовательных блоков — от диагностики зрелости системы до корректировки и масштабирования — и носит циклический характер, обеспечивая непрерывное совершенствование кадровых процессов.

Полученные результаты создают теоретическую и методическую основу для дальнейших исследований в области оценки экономического эффекта от внедрения искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами предприятий, а также разработки отраслевых моделей трансформации с учетом специфики конкретных видов экономической деятельности.

Литература

1. Хайдарова М.Ш. Адаптивный искусственный интеллект в управлении человеческими ресурсами / М.Ш. Хайдарова // Экономика и социум. — 2024. — №3-2(118). — С. 851-864. — EDN BMSCSX.
2. Дуань Ч. Обзор исследований в области управления человеческими ресурсами в эпоху искусственного интеллекта / Ч. Дуань, Е.Г. Калабина // Экономическое развитие России. — 2026. — Т. 33, №1. — С. 154-157. — EDN BVMOIR.
3. Чжоу Ж. Вызовы искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами — анализ на основе шести модулей / Ж. Чжоу // Интернаука. — 2025. — №42-4(406). — С. 36-39. — EDN URFKBQ.
4. Охременко И.В. Преимущества использования искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами / И.В. Охременко // Современный менеджмент: проблемы, анализ тенденций, перспективы развития: сб. ст. VII Международной научно-практической конференции, Волгоград, 27 февраля 2025 года. — Волгоград: Университетская книга, 2025. — С. 80-82. — EDN UDSYAW.
5. Чажаев М.И. Инновационные подходы к управлению человеческими ресурсами в эпоху искусственного интеллекта / М.И. Чажаев, Е.В. Новикова, М.М. Минкаилова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 7, №10(163). — С. 193-198. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.07.022. — EDN ZIKPOP.
6. Акжигитов В.В. Внедрение искусственного интеллекта в систему управления человеческими ресурсами организации / В.В. Акжигитов, М.С. Санталова // Вестник Академии управления и производства. — 2025. — №4. — С. 342-347. — EDN WAQRNR.
7. Мурадалиева А.А. Применение искусственного интеллекта для улучшения управления человеческими ресурсами в организации / А.А. Мурадалиева, Н. Г. Казимирова // Управление человеческими ресурсами и финансами: современные концепции и эффективные технологии: сб. ст. II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21–25 ноября 2023 года. — Ростов-на-Дону: РИНХ, 2024. — С. 33-36. — EDN ESAZSU.
8. Коновалова В.Г. Технологии искусственного интеллекта в системах управления человеческими ресурсами: проблемы и неоднозначные последствия внедрения / В Г. Коновалова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2025. — Т. 14, №2. — С. 11-17. — DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-2-11-17. — EDN LFUBSX.
9. Марченко Д.А. Цифровизация управления человеческими ресурсами / Д.А. Марченко, М.Ю. Маковецкий // Организационно-управленческие аспекты экономического развития предприятий и регионов: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 15 мая 2024 года. — Омск: Омский государственный технический университет, 2024. — С. 46-53. — EDN IKPZWP.
10. Грибов Р.В. Применение искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами / Р.В. Грибов // К.Э. Циолковский. Проблемы индустриализации космоса и рационального использования земных ресурсов: сб. ст. 60-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского, Калуга, 16–18 сентября 2025 года. — Калуга: Эйдос, 2025. — С. 275-277. — EDN NEFGKH.

DEVELOPMENT OF A COMPENSATION PLAN MODEL IN THE WAGES SYSTEM UNDER THE CONDITIONS OF BUSINESS CYCLES OF A TRADING COMPANY

Egorov Peter Mikhailovich, *Postgraduate student*

Anisimov Alexander Yuryevich, *PhD of Economics, Associate Professor*

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow (Russia)

The article is devoted to the development of an adaptive compensation plan model for a trading company in the context of changing phases of the business cycle. The relevance is due to the fact that traditional wage systems do not take into account the cyclical nature of the business, which reduces motivation during the growth phase and creates an excessive financial burden during the downturn of the company's business cycle. The purpose of the research is to create a model that flexibly responds to changes in strategic priorities depending on the phase of the company's business cycle. To achieve this goal, the following tasks have been solved: systematization of the factors of the value of positions, the construction of a tariff-discharge grid, the design of a variable part based on KPIs, the justification of the mechanism for balancing the constant and variable parts of remuneration. The methodological base of the research includes systematic and process approaches. Questionnaires and in-depth interviews were used to assess motivation. Grading was performed using a point-factor method based on eight factors with six-level scales. The variable part is calculated using multiplicative KPI coefficients. The verification was carried out by correlation and regression analysis using the example of a trading company. The scientific novelty of the research lies in the synthesis of the point-factor grading method, the theory of business cycles and the industry specifics of trade organizations within the framework of a single adaptive compensation plan model. The author's unique contribution consists in the theoretical substantiation and practical development of a mechanism for rebalancing the permanent and variable parts of remuneration depending on the phase of the company's business activity. It is suggested that at the stages of economic growth and recovery, it is advisable to maintain a predominant share of the fixed part of the payment in order to attract and retain qualified sellers, whereas at the stages of maturity and recession, the share of the variable part should be increased in order to reduce operational leverage and increase cost manageability. The testing of the model in the trading company confirmed the positive efficiency of remuneration for employees who exceed the planned tasks, while for those who do not fulfill the plan it is negative. Regression analysis revealed a stable direct relationship between the level of digitalization of sales and the growth of nominal wages, which justifies the inclusion of incentives for the development of digital channels in the model. Thus, the proposed model solves the problem of creating a mechanism that simultaneously ensures the company's resilience to external shocks, staff motivation and optimization of operating costs, regardless of market conditions.

Keywords: *remuneration; compensation plan; business cycle; grading; KPI; trading company; motivation; factor assessment of positions.*

EDN: IRQJNY **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.27**

Цитировать: *Егоров П.М., Анисимов А.Ю. Разработка модели компенсационного плана в системе оплаты труда в условиях бизнес-циклов торговой компании // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 188–194. EDN: IRQJNY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.27*

УДК 331.2
5.2.3

© Егоров П.М., Анисимов А.Ю., 2026

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КОМПЕНСАЦИОННОГО ПЛАНА В СИСТЕМЕ ОПЛАТЫ ТРУДА В УСЛОВИЯХ БИЗНЕС-ЦИКЛОВ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ

Исследование посвящено разработке адаптивной модели компенсационного плана для торговой компании в условиях смены фаз бизнес-цикла. Актуальность обусловлена тем, что традиционные системы оплаты труда не учитывают циклический характер бизнеса, что снижает мотивацию на этапе роста и создаёт избыточную финансовую нагрузку на этапе спада бизнес-цикла компании. Целью исследования выступает создание модели, гибко реагирующей на изменение стратегических приоритетов в зависимости от фазы бизнес-цикла компании. Для достижения поставленной цели решены задачи: систематизация факторов ценности должностей, построение тарифно-разрядной сетки, проектирование переменной части на основе KPI, обоснование механизма баланса постоянной и переменной частей вознаграждения. Методологическая база исследования включает системный и процессный подходы. Для оценки мотивации применены анкетирование и глубинные интервью. Гре-

йдирование выполнено балльно-факторным методом по восьми факторам с шестиуровневыми шкалами. Переменная часть рассчитана через мультипликативные KPI-коэффициенты. Верификация проведена корреляционно-регрессионным анализом на примере торговой компании. Научная новизна исследования заключается в синтезе балльно-факторного метода грейдирования, теории бизнес-циклов и отраслевой специфики торговых организаций в рамках единой адаптивной модели компенсационного плана. Уникальный авторский вклад состоит в теоретическом обосновании и практической разработке механизма ребалансировки постоянной и переменной частей вознаграждения в зависимости от фазы деловой активности компании. Предложено, что на этапах экономического роста и восстановления целесообразно удерживать преимущественную долю фиксированной части оплаты для привлечения и удержания квалифицированных продавцов, тогда как на этапах зрелости и спада следует наращивать долю переменной части с целью снижения операционного рычага и повышения управляемости затрат. Апробация модели в торговой компании подтвердила у сотрудников, перевыполняющих плановые задания положительную эффективность оплаты труда, тогда как у не выполняющих план — отрицательную. Регрессионный анализ выявил устойчивую прямую связь между уровнем цифровизации продаж и ростом номинальной заработной платы, что обосновывает включение в модель стимулов за освоение цифровых каналов. Таким образом, предложенная модель решает задачу создания механизма, одновременно обеспечивающего устойчивость компании к внешним шокам, мотивацию персонала и оптимизацию операционных расходов независимо от рыночной конъюнктуры.

Ключевые слова: *оплата труда; компенсационный план; бизнес-цикл; грейдинг, KPI; торговая компания; мотивация; факторная оценка должностей.*

ЕГОРОВ Петр Михайлович, *аспирант*
SPIN-код: 9780-0495
ORCID: 0009-0000-8229-7036,
ResearcherID: QKZ-5088-2026

АНИСИМОВ Александр Юрьевич,
кандидат экономических наук; доцент
SPIN-код: 9732-9601
ORCID: 0000-0002-8113-4523,
ResearcherID: Q-3824-2017

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва (Россия)

Введение

Актуальность темы разработки модели компенсационного плана в системе оплаты труда торговой компании особенно высока в современных условиях, когда внешняя среда характеризуется высокой волатильностью и сменой фаз деловой активности [14]. Актуальность темы обусловлена несколькими ключевыми факторами: несоответствие классических моделей оплаты труда современным реалиям, так как они не способствуют повышению мотивации сотрудников в периоды роста и несут чрезмерную финансовую нагрузку в периоды спада; проблема асимметрии информации и риск «морального вреда» в силу того, что продавцы зачастую обладают лучшей информацией о состоянии рыночного спроса, чем руководство [9]; необходимостью сбалансированного управления издержками и мотивацией [10], в силу того что в фазе активного роста компании необходимо стимулировать привлечение новых клиентов, тогда как в фазе зрелости приоритет смещается в сторону удержания существующих; учет краткосрочных и долгосрочных целей в зависимости от фазы бизнес-цикла, так как меняются стратегические задачи от захвата доли рынка до стабилизации денежного потока и в этой связи разработка гибкой модели компенсации позволяет переключить фокус продавцов с «количества» на «качество» продаж и наоборот, используя различные комбинации базовых ставок, комиссионных бонусов за выполнение целей по валовой прибыли [7].

В то же время отметим, что в современной экономической парадигме система оплаты труда (СОТ) перестала быть просто инструментом распределения фонда заработной платы, трансформировавшись в стратегический механизм управления эффективностью

бизнеса. Особую актуальность это приобретает в сфере торговли, где персонал является ключевым носителем добавленной стоимости [6]. Проблема заключается в том, что традиционные системы, будь то фиксированные оклады или прямые проценты с продаж, не учитывают циклический характер развития компании: переход от стадии запуска к росту, зрелости и возможному спаду [13]. В этой связи возникает необходимость разработки модели компенсационного плана в системе оплаты труда в условиях бизнес-циклов торговой компании.

Таким образом, разработка модели компенсационного плана, которая динамически учитывает фазы бизнес-цикла, позволяет решить комплексную научно-практическую задачу: создать механизм, одновременно обеспечивающий устойчивость компании к внешним шокам, мотивацию персонала на достижение ключевых показателей и оптимизацию операционных расходов в любой рыночной ситуации. Цель исследования заключается в разработке адаптивной модели компенсационного плана, способной гибко реагировать на изменение стратегических задач компании в рамках ее бизнес-цикла. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: провести систематизацию факторов ценности должностей предприятий сферы торговли; построить тарифно-разрядную сетку для сотрудников предприятий торговли, спроектировать переменную часть на основе KPI и обосновать механизм баланса постоянной и переменной частей вознаграждения.

Теоретической основой исследования выступают труды ученых в нескольких направлениях: функциональной роли заработной платы, специфика торговых предприятий и концепции бизнес-циклов. Функциональная роль заработной платы раскрыта в трудах Б.М. Генкина, Н.А. Волгина, выделявших ее воспроизводственную, стимулирующую и регулирующую функции [3;4]. Специфика торговых организаций отражена Е.С. Дашковой, которая рассматривает затраты на персонал как инвестиции в человеческий капитал [5], и И.М. Четвертаковым, обосновавшим деление затрат на условно-постоянные и переменные [12]. Концепция бизнес-циклов применительно к компенсациям разработана зарубежными исследователями П. Мадхани и Д. Рузье, доказавшими, что на этапе роста компании должны повышать долю фиксированной оплаты для удержания талантов, тогда как в рецессию — наращивать переменную часть для минимизации финансовых рисков [8;15]. Отечественные авторы, такие как Е.Н. Ветлужских и Т.А. Рябчикова, дополнили эту теорию практическими инструментами KPI и грейдирования [2;11]. Однако в литературе сохраняется дефицит комплексных исследований, синтезирующих грейдирование должностей, цикличность деловой активности и торговую специфику в единый компенсационный план.

Методика исследования

Методологическая база исследования построена на принципах системного и процессного подходов, что позволило рассмотреть СОТ как неотъемлемый элемент архитектуры бизнес-процессов торговой компании [1]. Исследование проводилось в несколько этапов с применением комплекса количественных и качественных методов (табл. 1).

Таблица 1 — **Этапы, методы и результаты исследования**

Этап исследования	Методы	Результат
1 этап. Оценка мотивации сотрудников торговых компаний	Анкетирование и глубинное интервью	Выявлены ценностные ориентации сотрудников торговых компаний
2 этап. Факторный анализ и грейтирование должностей	Балльно-факторный метод, метод экспертной оценки	Отобраны 8 универсальных факторов (Ф1–Ф8): управление сотрудниками, ответственность, самостоятельность, опыт, специальные знания, уровень контактов, сложность работы и цена ошибки
3 этап. Проектирование переменной части заработной платы сотрудников торговой компании	Количественные показатели оценки эффективности оплаты труда	Разработана модель расчета заработной платы категорийного менеджера или менеджера по закупкам
Этап 4. Верификация и регрессионный анализ.	Метод наименьших квадратов, расчет t-критерия Стьюдента и F-критерия Фишера	Уравнение регрессии показало сильную прямую связь ($R^2 > 0,89$) между цифровизацией продаж и ростом номинальной заработной платы, что обосновало включение в модель стимулов за освоение цифровых каналов.

На первом этапе проведена диагностика уровня мотивации сотрудников компании ООО «Веллтекс» при использовании методов анкетирования и глубинных интервью с руководителями отделов. Опросник включал блоки оценки удовлетворенности трудом, условиями работы, системой премирования и моральным климатом.

В результате диагностики определены три мотивационных профиля компании ООО «Веллтекс»:

— «стабильность и среда», 28% сотрудников ценят стабильность, атмосферу в коллективе. Материальный фактор оказался вторичным по отношению к надежности;

— «карьера и доход», 35% сотрудников ориентированы на содержание поставленных задач, уровень оплаты и карьерный рост, требовательность к системе премирования;

— «комфорт и условия», 26% сотрудников ценят близость работы к дому, наличия социального пакета и удобство.

Параллельно выявлялись ценностные ориентации: стабильность, уровень дохода, карьерный рост, социальный пакет. Статистическая обработка позволила сегментировать персонал на мотивационные группы, ориентированные на стабильность, на доход, на условия труда, что легло в основу дифференциации компенсационного пакета.

На втором этапе проведена факторная оценка и грейдирование должностей. Для устранения субъективизма в установлении базовых окладов применен балльно-факторный метод. Экспертной группой, состоящей из топ-менеджеров и ведущих специалистов, были отобраны восемь универсальных факторов (Ф1-Ф8): управление сотрудниками, ответственность, самостоятельность, опыт, специальные знания, уровень контактов, сложность работы и цена ошибки. Каждый фактор описан шкалой из шести уровней (A–F) с присвоением баллов от 10 до 60 (табл. 2).

Таблица 2 — **Факторная оценка уровней в рамках грейдирования должностей**

Факторы оценки	Уровень «A» (10 баллов)	Уровень «F» (60 баллов)
Управление сотрудниками	Нет подчиненных	Руководство группой подразделений
Ответственность	Только за свою работу	Полная финансовая ответственность за направление
Самостоятельность	Жесткие инструкции	Участие в стратегии компании
Опыт работы	Не требуется	Значительный опыт управления
Специальные значения	Среднее образование	Высшее образование
Уровень контрактов	Обычное общение	Контакты с первыми лицами партнеров
Сложность работы	Однообразная	Стратегическое видение и интеграция
Цена ошибки	Влияние только на свою работу	Финансовые потери в штабе компании

Источник: составлено авторами.

Путем факторного анализа описаний рабочих мест и должностных инструкций проведена балльная оценка всех позиций сотрудников компании разных должностей. Полученные суммы баллов легли в основу распределения должностей по 16 тарифным разрядам. Результаты грейдирования представлены на рисунке.

Согласно данным, наибольшее количество баллов получает коммерческий директор — 470, на второй позиции начальник отдела (менеджер по продажам) — 240, логист — 170, продавец -150 и уборщик — 80. Разница полученных баллов получена в соответствии со степенью ответственности, сложности работы и степени участия в контактах с партнёрами.

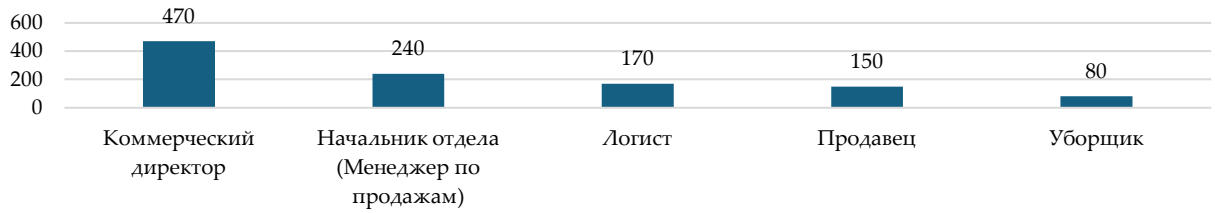

Рисунок — **Результаты грейдирования компании ООО «Веллтекс»**

Источник: составлено авторами.

На третьем этапе проведено проектирование переменной части оплаты. Для ключевых бизнес-процессов (закупки, логистика, продажи) были разработаны карты KPI. Модель расчета заработной платы категорийного менеджера или менеджера по закупкам представлена формулой (1):

$$ЗП=Ф+П\times K, \quad (1)$$

где Ф — фиксированный оклад;
П — базовая премиальная ставка;
К — поправочный коэффициент.

Поправочный коэффициент рассчитывается мультипликативно по формуле (2):

$$K=K_1*K_2*K_3*K_n, \quad (2)$$

где K_1 — коэффициент выполнения плана оборота;
K_2 — норматив оборачиваемости;
K_3 — доля неликвидных товаров и т.д.

Для измерения эффективности оплаты труда (ЭОТ) предложена формула (3), используемая на этапе сравнения прироста доплат и производительности:

$$Э_{от} = \frac{П_Ф}{ЗП_{доп}}, \quad (3)$$

где $П_ф$ — фактическое выполнение плана (в %);
$ЗП_{доп}$ — процент доплаты за перевыполнение плана.

На четвертом этапе проведена верификация и корреляционно-регрессионный анализ, оценена теснота связи между объемом интернет-торговли, индексом потребительских цен и уровнем заработной платы сотрудников за период 2017–2024 гг. Уравнение регрессии показало сильную прямую связь ($R^2 > 0,89$) между цифровизацией продаж и ростом номинальной заработной платы, что обосновало включение в модель стимулов за освоение цифровых каналов.

Результаты исследования

Реализация предложенной методики позволила получить следующие научно-практические результаты.

Разработана система грейдов. На основе суммирования баллов по восьми факторам построена тарифно-разрядная сетка в разрезе отдельных должностей (табл. 3).

Таблица 3 — **Распределение должностей по разрядам**

Категория	Должность	Сумма баллов	Разряд	Базовый оклад, руб.
Высшие руководители	Генеральный директор	480	15–16	120 000
Заместители	Коммерческий директор	470	12–14	90 000
Специалисты	Главный бухгалтер	350	10–12	50 000
Менеджеры	Менеджер по продажам	240	6–8	40 000
Младший персонал	Логист	170	3–5	35 000
Обслуживающий персонал	Уборщик	80	1–2	25 000

Источник: составлено авторами.

За базу принят 6-й разряд с коэффициентом 1,0 для позиции менеджера по продажам. Введение «вилок» в разрядах создало прозрачную систему горизонтального и вертикального роста.

В рамках модели компенсационного плана разработан интегрированный компенсационный пакет, включающий восемь компонентов (К1–К8 и КП) для различных должностей. Установлено, что для высшего звена приоритетами выступают стратегические бонусы (опционы), для менеджеров по продажам — индивидуальные проценты с продаж, для обслуживающего персонала — премии за выполнение нормативов и социальный пакет (табл. 4).

Таблица 4 — **Эффективность оплаты труда сотрудников**

Сотрудник	План продаж, руб.	Фактические продано, руб.	Выполнение плана, %	Доплата, %	Эффективность оплаты труда по плану, %
1	30000	22800	76	5	- 4,8
4	30000	42900	143	5	8,6
5	30000	39900	133	5	6,6

Источник: составлено авторами.

Анализ таблицы 4 показал, что при доплате 5% у четвертого и пятого сотрудника, перевыполняющих план, показатель эффективности оплаты труда был положителен и

достигал 8,6% и 6,6%, соответственно, тогда как у сотрудника №1 был не довыполнен план и уходил в минус. Данные свидетельствуют о справедливости предложенной модели.

В рамках адаптация к бизнес-циклам ключевым научным вкладом выступает обоснование механизма ребалансировки. В стадии роста и восстановления компании рекомендуется удерживать долю фиксированной части на уровне 70–80 % для привлечения квалифицированных продавцов и стимулирования сложных задач по захвату рынка. В стадии зрелости и спада для снижения операционного рычага, и повышения гибкости затрат долю переменной части предложено наращивать до 50–60 %, привязывая вознаграждение к маржинальности и оборачиваемости, а не только к валовому объему.

Для проверки гипотез и валидации факторов влияния на оплату труда применен метод корреляционно-регрессионного анализа. Проведена оценка параметров модели парной линейной регрессии методом наименьших квадратов (МНК). Исследованы взаимосвязи среднемесячной заработной платы (Y) и объема Интернет-торговли (X1), индекса потребительских цен (X2), индекса производительности труда (X3) и ключевой ставки ЦБ РФ (X4). Результаты корреляционного анализа в разрезе выделенных факторов представлены в таблице 5.

Таблица 5 — **Результаты вертификации корреляционно-регрессионного анализа**

Показатели	**Объем Интернет-торговли (X1)**	**Индекс потребительских цен (X2)**
Коэффициент корреляции (r_{xy})	0,95 – высокая корреляция согласно шкале Чеддока	0,66 – заметная связь согласно шкале Чеддока
Коэффициент детерминации (R^2)	0,89 (89% вариации объясняется этим фактором)	0,44 (44% вариации объясняется этим фактором)
Средняя ошибка апроксимации ($\overline{A}$)	8,27% – хорошее качество модели	15,82% – качество модели неудовлетворительное
Уравнение регрессии	y=9,96x + 28312,92	Y=3054,18x-272470,61
Интерпретация результата	Положительный драйвер (+11,66). Единственный устойчивый фактор роста	Отрицательный вклад (-950,33) В рамках данной модели рост ИПЦ (при фиксации других факторов) оказывает понижательное давление на реальный уровень оплаты труда, так как не компенсируется пропорционально ростом выручки.

Источник: составлено авторами.

Корреляционный анализ (по шкале Чеддока) выявил весьма высокую связь между объемом интернет-торговли и ростом средней заработной платы в отрасли (r = 0,945). Регрессионная модель доказала, что ежегодный прирост доли онлайн-продаж на 1% обеспечивает потенциал роста заработной платы на 0,9%, что подтверждает необходимость включения в мотивацию продавцов KPI по развитию цифровых каналов.

Заключение

Проведённое исследование решает актуальную научно-практическую задачу — разработку адаптивной модели компенсационного плана, учитывающей динамику бизнес-циклов торговой компании. В отличие от традиционных систем оплаты труда, где применяется фиксированный оклад или прямой процент с продаж, предложенная модель позволяет гибко реагировать на изменение стратегических задач бизнеса: на этапах роста и восстановления удерживать долю постоянной части на уровне 70–80 % для привлечения квалифицированных кадров, а на этапах зрелости и спада увеличивать переменную часть до 50–60 %, снижая тем самым операционный рычаг и повышая управляемость затрат.

Теоретическая значимость работы заключается в синтезе процессного подхода, балльно-факторного метода грейдирования и теории деловых циклов применительно к мотивации персонала торговых организаций. Практическая ценность подтверждена созданием рабочей тарифной сетки на 16 разрядов, внедрением KPI-коэффициентов и апробацией модели в ООО «Веллтекс», где отмечен рост эффективности оплаты труда у перевыполняющих план сотрудников до 8,6%.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на автоматизацию расчёта интегральной эффективности вознаграждения в ERP-системах (например, «1С:Предприятие»), а также на расширение модели за счёт учёта отраслевых осо-

бенностей различных сегментов розничной и оптовой торговли.

Литература

1. Бармута К.А. Бизнес-процессы торговых организаций: особенности, задачи, этапы проектирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — №3. — С. 163-170. DOI: 10.17513/vaael.3298 EDN: RXJPQU
2. Ветлужских Е.Н. Мотивация и оплата труда: Инструменты. Методики. Практика. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — 160 с.
3. Волгин Н.А., Демидов И.Ф. Методика оценки эффективности системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях // Управленческие науки. — 2015. — Т. 5, №3. — С. 19-28. EDN: VCVBPJ
4. Генкин Б.М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях. — М.: Норма, 2004. — 432 с. EDN: QQFUHZ
5. Дашкова Е.С. Современные системы вознаграждения персонала: монография. — Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2020. — 112 с.
6. Егоркина Ю.А. Повышение производительности труда на предприятии в условиях оптимизации расходов / Ю.А. Егоркина, Г.С. Кюрджиев, Э.А. Магомедова // Эпомен. — 2020. — №47. — С. 53-59. EDN: YTESMQ
7. Егоров П.М. Критерии оценки эффективности системы оплаты труда сотрудников торговых компаний // Экономические науки. — 2024. — №3(232). — С. 467— 472. DOI: 10.14451/1.232.467 EDN: DJIRXB
8. Мелехина Т.И. Заработная плата. Особенности бухгалтерского и налогового учета. — М.: Московский гуманитарный университет, 2017. — 78 с.
9. Одегов Ю.Г., Логинова Е.В. Современные тренды в работе с персоналом: обзор современных практик // Вестник Омского университета. Серия "Экономика". — 2016. — №4. — С. 101-109. EDN: UTPKTY
10. Производительность труда: проблемы реализации национального проекта / Г.А. Белякова, Л.А. Багдасарян, В.В. Бородкина, С. М. Михайлова // Экономика и предпринимательство. — 2020. — №9. — С. 236-239. DOI: 10.34925/EIP.2020.122.9.047 EDN: MUUCVN
11. Рябчикова Т.А. Оплата труда персонала. — Томск: ТУСУР, 2016. — 113 с.
12. Четвертаков И.М. Организация, нормирование и оплата труда в АПК. — Воронеж: ВГАУ, 2016. — 139 с. EDN: WYUCIX
13. Яковлев Р.А. Оплата труда в организации / Р.А. Яковлев. — 2-е изд., [перераб. и доп.]. — М.: МЦФЭР, 2005. — 525 с. EDN: QQIXAB
14. Madhani P.M. Rebalancing Fixed and Variable Pay in Sales Organization: A Business Cycle Perspective // Compensation & Benefits Review. — 2010. — Vol. 42, №3. — P. 44-51. DOI: 10.1177/0886368709359668
15. Rouziès D., Coughlan A.T., Anderson E., Iacobucci D. Determinants of Pay Levels and Structures in Sales Organizations // Journal of Marketing. — 2009. — Vol. 73, №6. — P. 92-104.

A VALUE-BASED APPROACH TO PROVIDING SERVICES TO YOUNG PEOPLE IN THE CULTURAL AND LEISURE SECTOR

Kakharov Akmal Akhmatovich, *Postgraduate student, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol (Russia)*

This article provides a conceptual justification for a value-based approach to the provision of economically motivated cultural and leisure services. Based on an analysis of the evolution of approaches to the economic interpretation of the category "value," it presents the fundamental concepts underlying a value-based approach to providing cultural and leisure services to young people. The most significant approaches to studying the influence of culture on the economic behavior of young people are highlighted: institutional, economic, and entrepreneurial. Within the institutional approach, various mechanisms for accumulating trust are considered, including economic, religious, and social mechanisms. The economic approach is based on studying the influence of culture on economic behavior through an analysis of the perception of income opportunities (temporary or permanent). The entrepreneurial approach is based on studying the factors and conditions for the development of entrepreneurial initiatives among young people.

Keywords: *service sector economics; experience economy; cultural and leisure sector; youth; values; value-based approach.*

EDN: JHZXRK ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.28***

Цитировать: *Кахаров А.А. Ценностно-ориентированный подход к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 195–200. EDN: JHZXRK. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.28*

Ценностно-ориентированный подход к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере

УДК 330.341
5.2.3

© Кахаров А.А., 2026

В статье приводится концептуальное обоснование содержания ценностно-ориентированного подхода применительно к предоставлению услуг в культурно-досуговой сфере на экономической основе. На основе анализа эволюции подходов к экономической трактовке категории «ценность» приведены базовые понятия, положенные в основу ценностно-ориентированного подхода к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере. Выделены наиболее значимые подходы к исследованию влияния культуры на экономическое поведение молодежи: институциональный, экономический, предпринимательский. В рамках институционального подхода рассмотрены различные механизмы накопления доверия — экономический, религиозный, социальный механизмы. Экономический подход опирается на исследование влияния культуры на экономическое поведение посредством анализа восприятия возможностей получения заработка (временного или постоянного). Предпринимательский подход опирается на исследование факторов и условий развития предпринимательских инициатив среди молодежи.

Ключевые слова: *экономика сферы услуг; экономика впечатлений; культурно-досуговая сфера; молодежь; ценности; ценностно-ориентированный подход.*

КАХАРОВ Акмал Ахматович, *аспирант, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь (Россия)*
SPIN-код: 3573-2799
ORCID ID: 0009-0002-0917-654X

Введение

Развитие культурно-досуговой сферы приобретает особое значение в современных условиях социально-экономического развития России. Это связано, во-первых, с интегративной ролью традиционных духовно-нравственных ценностей и их укреплением в обществе; во-вторых, формированием ценностного каркаса экономики культуры для молодежи; в-третьих, ориентацией предоставления услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере в обеспечении экономического суверенитета страны в целом.

В известной работе С. Шварца предложена универсальная теория ценностей, выделяются десять мотивационных типов и их куль-

турные инварианты [24]. Согласно его теории, ценности — это трансситуативные цели, регулирующие поведение и выбор. В свою очередь, М. Рокич рассматривает ценности как устойчивые убеждения, определяющие предпочтительные способы поведения, что нашло распространение в экономике культуры [23]. А. Кнафо, С. Роксас, Л. Сагив анализируют, как ценности функционируют в разных культурах, и как они формируют социальные и культурные практики. Особое внимание они уделяют молодежи как группе с высокой динамикой ценностных изменений [21].

Среди работ российских исследователей стоит выделить работу Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, в которой показано, как ценности определяют культурное поведение, переход от самосовершенствования к гедонистическим практикам и роль культуры в условиях социальной нестабильности [7]. Кроме того, необходимо обратить внимание на исследование А.Г. Рубцова «Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи», в которой прослеживаются изменения ценностных установок молодежи под влиянием цифровизации, глобализации и культурных трендов [13]. По заключению А.А. Кондаковой, система ценностей «формируется из трёх базовых источников: общепринятые культурологические ценности; ценности, которые человек перенимает из общения с социумом; ценности, которые возникают из собственного мировоззрения» [9, с. 120]. В целом, исследование проблемы развития культурно-досуговой сферы на основе ценностного подхода рассматривается в современных научных исследованиях с разных позиций в области философии, социологии, психологии, педагогики. В то же время недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с исследованием экономического содержания ценностного подхода.

Проблема исследования предоставления услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере через призму ценностей является междисциплинарной и комплексной, что требует обоснования авторского видения предмета исследования с позиций экономической науки. Ценности определяют содержание разнообразия культурных услуг и оказывают влияние на экономическое поведение молодых людей. На основе этого, целью исследования является концептуальное обоснование содержания ценностно-ориентированного подхода применительно к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере на экономической основе.

Эволюция подходов к экономической трактовке категории «ценность»

Категория «ценность» имеет глубокое междисциплинарное значение. В таблице приведены базовые понятия, положенные нами в основу ценностно-ориентированного подхода к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере.

Таблица — **Эволюция подходов к экономической трактовке категории «ценность» применительно к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере**

Сфера понимания	Содержание
Ценность как субъективная полезность блага	Австрийская экономическая школа: теория предельной полезности трактует ценность как субъективную полезность блага для потребителя. Согласно К. Менгеру, «ценность – это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и благосостояния, поэтому вне их сознания она [ценность] не существует [11, с. 158]. Источником ценности является субъективная полезность блага для потребителя.
Ценность измеряется предельной пользой вещи	Маржиналист Е. Бем-Баверк указывает, что «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи» [15, с. 79]. Анализируя труды Е. Бем-Баверка, А.Д. Зарецкий пишет, что «полезность имеет ценностный характер. Ценности – это переменная составляющая концепта полезности» [5, с. 140].
Ценность как равновесная рыночная цена	Неоклассический подход, опирающийся на понимание ценности А. Маршаллом: ценность (стоимость) товара в равной мере определяется полезностью и издержками производства [10].
Ценность как мировоззренческая константа	Нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»]

Продолжение табл.

Сфера понимания	Содержание
Ценность как значимость экономического блага для человека или общества	Ценность как значимость экономического блага для человека или общества определяемую его полезностью, редкостью и ролью в удовлетворении потребностей. В научной статье А.Д. Зарецкого подчёркивается, что ценность как экономическая категория присуща именно рыночной экономике и тесно связана с формированием человеческого капитала [5].
Ценность «за пределами цены»	Специалисты в области экономики культуры М. Хаттер и Д. Тросби обосновывают необходимость выхода за рамки чисто рыночного понимания ценности и утверждают, что «ценность существует и за пределами цены» [20].
Ценность как способ самовыражения и модификации экономического поведения	Для современной молодежи потребление выступает основным способом самовыражения и социализации. Как отмечает С.С. Зубарева, «для современной молодежи потребление есть процесс формирования идентичности, где транслируемый образ жизни является важной частью проявления ценностей и ценностных ориентаций» [6, с. 130].

Источник: составлено автором.

Изучив различные источники к пониманию ценностно-ориентированного подхода, важно определиться с базовыми трактовками основополагающих понятий. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. №809, под традиционными ценностями понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

Взаимосвязь культуры и экономического поведения

Исследование научной проблемы обоснования содержания ценностно-ориентированного подхода применительно к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере основывается на синтезе различных подходов — как нормативно-правового, так и научного. Согласно Основ законодательства Российской Федерации о культуре, «культурные блага — условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей» [1]. Исходя из базовых понятий, закрепленных в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре», необходимо отметить, что услуги в культурно-досуговой сфере должны предоставляться гражданам для удовлетворения ими своих культурных потребностей.

Рассмотрим наиболее значимые научные подходы к пониманию взаимосвязи культуры и экономического поведения. По мнению А.А. Аузана, А.И. Бахтигараевой, В.А. Брызгалина и др., «культура есть характеристика коллективная, но вместе с тем она влияет на предпочтения индивидов в процессе принятия решений. Например, в идентичных ситуациях представитель общества с более высоким уровнем доверия чаще предпочтет кооперироваться с незнакомцем, чем представитель «не доверяющего» общества» [14, с. 77]. Развивая идеи влияния культуры на экономическое развитие в институциональном контексте, исследователи А.И. Бахтигараева, А.А. Ставинская в ходе анализа динамики уровня доверия у российской молодежи указывают на то, что «основной механизм влияния доверия на экономику — снижение уровня различных типов трансакционных издержек. Также высокий уровень доверия снижает трансакционные издержки оппортунистического поведения контрагентов» [2, с. 94]. Развивая подход к влиянию такого института культуры, как доверие на экономическое развитие, А.И. Бахтигараева, А.А. Ставинская делают вывод о важности исследования воздействия образования и, прежде всего, университетского сообщества на уровень доверия молодежи к институциональной среде [2]. В своем исследовании ученые раскрывают роль ценностных составляющих в формировании доверия среди молодежи.

В научной литературе рассматриваются различные механизмы «накопления доверия» [2, с. 95-96]:

[1] Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).

— экономический механизм накопления доверия на основе межпоколенческой передачи этнических и религиозных черт через семейную социализацию и решения о семейной сегрегации [16]. В другой работе — А. Бисина, Т. Вердиера [17] — показано, что культурные механизмы передачи межпоколенческого опыта между родителями и детьми имеют совершенно иные последствия, нежели эволюционные механизмы отбора в отношении динамики распределения признаков в популяции, в связи с чем особый интерес представляют механизмы, определяющие взаимодействие между эволюционным отбором и культурной передачей;

— религиозный механизм накопления доверия. В основу данного механизма положены еще исследования Макса Вебера, изложенные в его знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» [3]. Развивая идею М. Вебера, Л. Гуисо, Л. Зингалес отмечают существование сильной связи между интенсивностью религиозных убеждений и экономическими установками поведения [19];

— социальный механизм накопления доверия. Данный вид механизма основан на важности социальных взаимодействий как внутри семьи, так и отдельных социальных групп. Р.И. Капелюшников, Н.В. Демина, исследуя потребление культурных благ в России, указывают на важную роль структуры семьи [8, с. 46]. Несмотря на то, что «у тех, кто живёт в семьях с маленькими детьми, меньше свободного времени и ниже доход, так что им труднее выбираться в кино, театры или музеи», тем не менее, «в семьях с детьми-подростками культурная активность поддерживается на достаточно высоком уровне» [8, с. 46].

Б. Файденберг, Э. Филд, Р. Панде раскрыли интересную закономерность в реагировании социальных групп на риски в кредитовании: «частота социальных взаимодействий могут позитивно влиять на распространение норм честности, кооперации, что в конечном итоге вызовет и рост доверия [18].

Иным подходом, изучающим взаимосвязь между культурой и экономическим поведением молодежи, является изучение предпринимательской активности. В статье И.А. Зайцевой, А.Е. Крикуновой сделан акцент на важности развития предпринимательских инициатив среди молодежи. Авторы рассматривают социальный контракт как «ключевой инструмент социально-экономической модернизации, способствующий переходу от культуры патернализма к культуре самостоятельности и социальной ответственности» [4, с. 692].

В контексте рассмотрения важности роли предпринимательства в развитии экономических инициатив среди молодежи отметим также и значимость исследований, посвященных финансовой адаптации молодежи к новым социальным и экономическим условиям. В работе О.А. Нестеровой, О.В. Санфировой и А.И. Копытовой исследуются экономические и поведенческие аспекты финансовой адаптации молодежи в условиях изменений [12]. Авторы рассматривают «финансовое поведение молодых людей сквозь призму психологии, социологии и экономики, выделяя ключевые факторы, влияющие на принятие финансовых решений» [12, с. 323].

Таким образом, исходя из проведенного выше анализа, можно выделить такие подходы к исследованию влияния культуры на экономическое поведение молодежи:

— институциональный подход: исследование влияния культуры на экономическое поведение различных социальных групп через призму формирования доверия к институциональной среде посредством механизмов воздействия, опирающихся на экономические стимулы, религиозные убеждения, социальные взаимодействия. Институциональный подход к экономическому развитию в трудах А.А. Аузана рассматривает в том числе важность культуры как основы экономических отношений;

— экономический подход: исследование влияния культуры на экономическое поведение посредством анализа восприятий молодежью возможностей получения заработка (временного или постоянного). В данном случае, если смотреть с позиции неоклассики, то спрос на культурные блага происходит по мере выбора индивидами объёмов благ (включая культурных) таким образом, чтобы «с максимальной полнотой удовлетворять свои предпочтения при бюджетных ограничениях, задаваемых ценами и доходом» [22]. Как отмечают Р.И. Капелюшников, Н.В. Демина, при наличии положительной связи между доходом и потреблением культурных благ

важно «стимулировать спрос на культурные блага, что требует ускорения темпов экономического роста» [8, с. 71];

— предпринимательский подход: исследование факторов и условий развития предпринимательских инициатив среди молодежи. Как отмечают В.С. Автономов, А.С. Воробьев, П.Б. Кононенко и др. в своей статье «Культура как новый фронтир в экономической науке», «предпринимательская активность, наряду с ценностями и убеждениями, грамотностью, доверием, семейными связями, отношением к работе, восприятием бедности, являются инвариантами культуры» [1, с. 190].

Заключение

Принимая во внимание приведенные выше результаты теоретического рассмотрения содержания ценностно ориентированного подхода применительно к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере, отметим следующее.

1. В основу проведения исследований положена научная гипотеза, опирающаяся на представление, что предоставление услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере должно иметь ценностную основу.

2. Рассмотрены этапы эволюции подходов к экономической трактовке категории «ценность» применительно к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере.

3. Выделены наиболее значимые подходы к исследованию влияния культуры на экономическое поведение молодежи: институциональный, экономический, предпринимательский. В рамках институционального подхода рассмотрены различные механизмы накопления доверия — экономический, религиозный, социальный механизмы.

Обоснована целесообразность в глубоком изучении экономического содержания ценностно ориентированного подхода к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере.

Указанные выше нами подходы к исследованию взаимосвязи культуры и экономического поведения молодежи затрагивают в определенной степени вопрос ценностей, однако ценности выступают как одна из компонент в системе с другими факторами, влияющими на развитие услуг культуры. Считаем целесообразным в качестве перспектив дальнейших исследований рассмотреть экономические условия реализации ценностно ориентированного подхода к предоставлению услуг для молодежи в культурно-досуговой сфере.

Литература

1. Автономов В.С., Воробьев А.С., Кононенко П.Б., Расков Д.Е., Тульчинский Г.Л. Культура как новый фронтир в экономической науке // Экономическая политика. — 2017. — Т. 12. №5. — С. 178—193. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-5-09
2. Бахтигараева А.И., Ставинская А.А. Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи // Вопросы экономики. — 2020. — №7. — С. 92-107. https:// doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-92-10
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: АСТ, 2025. — 352 с.
4. Зайцева И.А. Социальный контракт как инструмент развития предпринимательских инициатив среди молодежи / И.А. Зайцева, А.Е. Крикунов // Экономика, предпринимательство и право. — 2026. — Т. 16, №2. — С. 673-692. — https://doi.org/10.18334/epp.16.2.124643
5. Зарецкий А.Д. Человеческие ценности в современных экономических отношениях // Основы экономики, управления и права. — 2012. — №1(1). — С. 139-142.
6. Зубарева С.С. Культурная идентичность современной молодежи в контексте общества потребления // Гуманитарий Юга России. — 2018. — Т. 7, №4. — С. 127-140.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. — 2018. — Т. 9, №4. — С. 170-191.
8. Капелюшников Р.И., Демина Н.В. Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация // Экономическая социология. — 2021. — Т. 22, №2. — С. 42-80. https://doi.org/10.17323/17263247-2021-2-42-80
9. Кондакова А.А. Ценностные ориентации современной молодежи и их роль в формировании молодёжной политики Российской федерации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2023. — №10. — С. 116-122.
10. Маршалл А. Принципы политической экономии / А. Маршалл; пер. с англ. Р.И. Столпера. — Т. 3 / пер. В.И. Бомкина, В.Т. Рысина. — М.: Прогресс, 1984. — 351 с.
11. Менгер К. Избранные работы / К. Менгер. — М.: Территория будущего, 2005. — 494 с.
12. Нестерова О.А. Экономические и поведенческие аспекты финансовой адаптации молодежи в условиях изменений / О.А. Нестерова, О.В. Санфирова, А.И. Копытова // Креативная экономика. — 2026. — Т. 20, №2. — С. 323-344. https://doi.org/10.18334/ce.20.2.124

13. Рубцов А.Г. Трансформация ценностных ориентаций современной молодёжи // Право и практика. — 2023. — №4. — С. 258-263. https://doi.org/10.24412/2411-2275-2023-4-258-263
14. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / А.А. Аузан, А.И. Бахтигараева, В.А. Брызгалин, А.В. Золотов и др. // Вопросы экономики. — 2020. — №7. — С. 75-91. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-75-91
15. Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е. Ф. Борисов. — М. : Юристъ, 1997. — 530 с.
16. Bisin A., Verdier T. "Beyond the melting pot": Cultural transmission, marriage, and the evolution of ethnic and religious traits // Quarterly Journal of Economics. — 2000. — Vol. 115, №3. — Pp. 955-988. https://doi.org/10.1162/003355300554953
17. Bisin A., Verdier T. The economics of cultural transmission and the evolution of preferences // Journal of Economic Theory. — 2001. — Vol. 97, №2. — Pp. 298-319. https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2678
18. Feigenberg B., Field E., Pande R. The economic returns to social interaction: Experimental evidence from microfinance // Review of Economic Studies. — 2013. — Vol. 80, №4. — Pp. 1459-1483. https://doi.org/10.1093/restud/rdt016
19. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People's opium? Religion and economic attitudes // Journal of Monetary Economics. — 2003. — Vol. 50, №1. — Pp. 225-282. https:// doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00202-7
20. Hutter M., Throsby D. Beyond Price. Value in Culture, Economics and the Arts // Journal of Culture Economy. — 2008. — Vol. 32. — Pp. 321–324. https://doi.org/10.1007/s10824-008-9076-9
21. Knafo A., Roccas S., Sagiv L. The Value of Values in Cross-Cultural Research // Psychology and Culture. — 2011. — Vol. 2. №1.
22. McCarthy K.F., Ondaatje E.H., Zakaras L. Guide to the Literature on Participation in the Arts. — Santa Monica: RAND, 2001.
23. Rokeach M. The Nature of Human Values. — New York: Free Press, 1973. — 438 p.
24. Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values… // Advances in Experimental Social Psychology. — 1992. — Vol. 25. — Pp. 1–65.

THE ROLE OF FOREIGN TRADE IN CHINA'S STRATEGY FOR ACHIEVING «DEVELOPMENT AND SECURITY»

Krasnopoyasovskaya Vera Evgenievna, *Director of International Cooperation, National Coordination Center for International Business Cooperation, Moscow (Russia)*

The turbulence of global markets combined with the fragmentation of logistics chains dictates the need to rethink classical theories of international exchange. Beijing's foreign economic policy has shifted from extensive maximization of foreign exchange earnings to the formation of a sovereign, protected geo-economic ecosystem. This underscores the acute relevance of studying new non-tariff mechanisms of Chinese regulation. The scientific discourse around these processes is currently burdened by a conceptual contradiction. In practice, a conflict is unfolding between the PRC's objective need for global openness to maintain the pace of modernization and the imperative need for strict state control over trade flows in order to eliminate vulnerabilities. In order to comprehend this dualism, the aim of the study is to conceptualize the functional transformation of foreign trade as a basic mechanism of the party-state doctrine of "coordinating development and security." In the course of the analysis, it is argued that by mid-2026, export-import operations have turned into a key instrument for hedging strategic risks and asymmetrically deterring geopolitical opponents. It is noted that the targeted diversification of agricultural and energy imports, relying on Russian resources, combined with extraterritorial export controls over critical minerals, form a new institutional contour of China's survivability. The author's contribution is manifested in the presentation of a holistic analytical framework that links changes in macroeconomic indicators, the evolution of Chinese legislation, and the priorities of top leadership, with the subsequent translation of these patterns into structural recommendations for Russian exporters.

Keywords: *foreign trade policy; geoeconomics; coordination of development and security; food security; technological sovereignty; export control; energy sustainability.*

EDN: JTBBMD ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.29***

Цитировать: *Краснопоясовская В.Е. Роль внешней торговли в стратегии Китая по осуществлению «развития и безопасности» // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 201–209. EDN: JTBBMD. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.29*

РОЛЬ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В СТРАТЕГИИ КИТАЯ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ «РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ»

УДК 339.5
5.2.5

© Краснопоясовская В.Е., 2026

Нарастающая турбулентность мировых рынков в сочетании с фрагментацией трансграничных логистических цепочек диктуют потребность в переосмыслении классических теорий международных экономических обменов. Внешнеэкономический курс одного из главных мировых торгово-производственных игроков и стратегического партнера России — Пекина сместился от экстенсивной максимизации валютной выручки к формированию суверенной, защищенной геоэкономической экосистемы. И это обуславливает необходимость системного изучения комплекса новых нетарифных механизмов китайского регулирования. Научный дискурс относительно сообразности, долгосрочности и эффективности данных процессов и инструментов сегодня усложняется концептуальным противоречием нужд и возможностей китайской экономики и государства. Так, на практике разворачивается серьезный конфликт между объективной потребностью экономики КНР в глобальной открытости для минимального поддержания темпов модернизации, с одной стороны, и императивной необходимостью жесткого государственного контроля над торговыми потоками ради устранения внешних уязвимостей на новом этапе, с другой. В целях осмысления проявившегося дуализма в комбинированной модели развития экономики Китая в фокус данного исследования поставлена цель — концептуализировать функциональную трансформацию внешней торговли как базового механизма новой партийно-государственной доктрины Китая — «координации развития и безопасности». В ходе проведенного анализа аргументировано, что к середине 2026 г. проводимые экспортно-импортные операции КНР превратились, по-

мимо собственно экономико-финансовой значимости, в ключевой инструмент хеджирования стратегических рисков и асимметричного сдерживания геополитических оппонентов. Отмечено, например, что целенаправленная диверсификация аграрного и энергетического импорта, которая опирается на российские ресурсы, в сочетании с экстерриториальным экспортным контролем над важнейшими минералами формируют новый институциональный «контур выживаемости» Китая. Авторский вклад проявился здесь в представлении целостной аналитической «рамки», связывающей воедино изменение макроэкономических показателей, эволюцию китайского законодательства, приоритеты высшего руководства КНР и ведущих компаний, с последующей трансляцией этих закономерностей в структурные рекомендации для экономического блока государственных органов РФ и российских предприятий — экспортеров.

Ключевые слова: *внешнеторговая политика; геоэкономика; координация развития и безопасности; продовольственная безопасность; технологический суверенитет; экспортный контроль; энергетическая устойчивость.*

КРАСНОПОЯСОВСКАЯ Вера Евгеньевна,
директор по международному сотрудничеству, Национальный координационный центр международного делового сотрудничества, Москва (Россия)

Введение

Современная архитектура глобальной экономики претерпевает в последние годы серьезные структурные изменения. Они вызваны усилившейся геополитической турбулентностью и макроэкономической нестабильностью в большинстве регионов планеты. Относительно долго внешняя торговля рассматривалась теоретиками экономической науки и практиками бизнеса, в основном, через призму сравнительных преимуществ, либерализации рынков, накопления капитала. Между тем, сегодня эта классическая парадигма в большой мере утрачивает свою былую универсальность, что становится актуальным и для Китая. Как подчеркивают Д. Ван [1], Ш. Дань, Н. В. Михайлова [2], внешнеторговая политика Китайской Народной Республики (КНР) переживает существенные преобразования. Из традиционного экономического инструмента стимулирования макроэкономического роста она неуклонно превращается в сложный механизм реализации государственной стратегии «координации развития и безопасности». Как представляется, данный концептуальный сдвиг в модели развития одного из крупнейших игроков мировой экономики полностью меняет «правила игры» на международных рынках.

Как известно, исторически экспортноориентированная модель развития Китая была традиционно нацелена на максимизацию валютной выручки, а в последние несколько десятков лет — и на массированный трансфер технологий. Также в качестве задач подразумевалась тесная интеграция в производственные цепочки развитых стран. К середине 2020-х гг. — и сейчас, в июле 2026 г., это совершенно очевидно — руководство КНР последовательно трансформирует стратегию государственного управления национальной экономикой и позиционирование в мировой экономике. Следует отметить, что внешнеторговые отношения в рамках новой парадигмы более не являются самоцелью для китайского партийно-государственного аппарата. По сути, торговля стала более сложным инструментом, — важнейшим «контуром» обороны и стратегического наступления. В соответствии с принятой в китайских партийных и правительственных кругах практикой, в центре управленческой активности современного руководства страны оказалась императивная установка, высказанная Председателем КНР Си Цзиньпина, направленная на «обеспечение баланса между качественным экономическим ростом и бескомпромиссной защитой национальных интересов». Безопасность в рассматриваемом контексте трактуется весьма широко. Она включает энергетическую, продовольственную, технологическую, нституциональную устойчивость вкупе с контролем над критическими потоками данных.

На фоне перманентного развития практик санкционного давления США и Европы, включая «вторичные» санкции за сотрудничество с третьими странами, с учетом усиливающейся фрагментации мировых рынков, что сопровождается целенаправленными попытками технологического сдерживания со стороны западных стран, китайское государство переформатирует свои подходы, в том числе используя торговые рычаги, чтобы проактивно снижать внешние уязвимости.

Системная модернизация экономики теперь неразрывно связана и с укреплением технологического суверенитета. Экспортный контроль, диверсификация логистических цепочек, переориентация товарных потоков на дружественные юрисдикции служат не рядовой рефлекторной реакцией на внешние шоки. Как видится, это уже превратилось в тщательно выверенную, долгосрочную государственную стратегию.

Цель исследования состоит в анализе роли внешней торговли как инструмента обеспечения упомянутой концепции «развития и безопасности» в современном Китае. Логика работы выстроена последовательно. В отличие от традиционных научных подходов, где фокус смещен на торговый баланс, в данной работе рассматривается система внешнеторговых отношений через призму институциональных преобразований. Будут охарактеризованы изменения стратегических установок государства, трансформация целей госуправления, эволюция функций торговой политики, внедрение новых регуляторных инструментов, достижение качественного развития экономики. Как представляется, понимание логики и динамики указанных процессов весьма актуально для адаптации внешнеэкономической стратегии России в условиях проекта «Разворот на Восток».

В изученном при подготовке статьи корпусе источников (научная литература и аналитические отчеты) автор использует различные методологические оптики, чтобы раскрыть содержание трансформации внешнеэкономического курса КНР. Так, Д. Ван, Ш. Дань, Н. В. Михайлова, В. Дунчэн, М. А. Шапор [1-3; 8] применяют макроэкономический и структурный подходы, концентрируясь на влиянии деглобализации, эволюции стратегий Китая. В свою очередь, А.М. Кумуков, Е.С. Гундарь, М.Б. Нармаев, С. Чэн [4; 5; 7] задействуют политологический и нормативно-правовой ракурсы для анализа Инициативы по глобальной безопасности и эволюции концепции в партийных документах. М.А. Питухина, В.А. Гуртов, А.Д. Белых оценивают современные геополитические риски через призму формирующейся многополярности [6]. Западные и международные эксперты, в частности, З. Го [1], Л. Мюлливирта [2], Б. Шаепе, Ю. Шан [3], Ц. Чжоу, Дж. Тан [4], Ч.Н. Ван [5], Б. Вэй [6], А. Рен, а также авторы профильных отраслевых сводок, опираются на эмпирический и геоэкономический анализ, оценивая практические последствия китайского экспортного контроля, инвестиций в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и абсолютного доминирования в секторе чистой энергетики.

При написании статьи использовался перечень общепринятых комплексных и отраслевых научных методов: системный анализ помог рассмотреть внешнюю торговлю как неотъемлемый элемент единого контура «развития и безопасности»; структурно-функциональный метод позволил выявить изменение роли государственных институтов и механизмов экспортного регулирования; сравнение задействовано в целях сопоставления прежних и текущих стратегических установок официального Пекина на основе официальных документов; статистический метод обеспечил фактологическую достоверность при оценке динамики диверсификации импорта и объемов высокотехнологичного экспорта.

---

[1] Guo Z. What China's 2025 White Paper Says About Its Maritime Strategy // URL: https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/what-chinas-2025-white-paper-says-about-its-maritime-strategy

[2] Myllyvirta L Analysis: Clean energy drove more than a third of China's GDP growth in 2025/ M. Myllyvirta, B. Schaepe // URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-import-export-2025/

[3] Shang Y. China's Import-Export in 2025: Full-Year Data, Trends, and 2026 Outlook / Y. Shang, Q. Zhou // URL: https://www.china-briefing.com/news/chinas-import-export-2025/

[4] Tang J. China's New Sanctions Arsenal Is Challenging the U.S. — and Creating a Business 'Nightmare' // URL: https://www.kharon.com/brief/us-china-trade-sanctions-rare-earths

[5] Wang Ch. N. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2025 / Ch. N. Wang // URL: https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2025/

[6] Wei B. GACC: China's foreign trade value hits new peak in 2025 / B. Wei, A. Ren // URL: https://www.mysteel.net/news/5110046-gacc-chinas-foreign-trade-value-hits-new-peak-in-2025

Изменение стратегической установки государства (концепция «Координация развития и безопасности»)

Концептуальный сдвиг в государственном планировании развития экономики КНР в новых условиях получил официальное закрепление на высшем политическом уровне. Стратегическая установка на «координацию развития и безопасности» стала лейтмотивом партийного дискурса последних лет. Отправной точкой этого изменения стало выдвижение Си Цзиньпином в 2014 г. концепции всеобъемлющей национальной безопасности (总体国家安全观) и последующее закрепление на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (2020 г.) формулы «统筹发展和安全» — «координации, или согласованного продвижения развития и безопасности». Впервые комплексно описываемый подход был закреплен в рамках Белой книги «Национальная безопасность Китая в новую эпоху», которая опубликована Информационным бюро Госсовета КНР 12 мая 2025 г. В характеризуемом документе доктринально зафиксирован постулат о том, что экономическая безопасность должна выступать в качестве прочного базиса, а политическая — незыблемой основы для всестороннего развития страны [5]. Таким образом, развитие становится материальной базой безопасности, а последняя служит необходимым условием для развития, и только обогащая страну, можно укрепить ее устойчивость перед лицом внешних угроз.

В сопоставлении с более ранними руководящими подходами, когда количественный экономический рост ставился во главу угла, нынешняя доктрина требует сведения к минимуму системных рисков. В частности, в упомянутой Белой книге 2025 г. прямо указывается на возвращение менталитета «холодной войны» и нестабильность Азиатско-Тихоокеанского региона, который стал эпицентром конкуренции великих держав [5].

С целью более глубокого понимания выраженности и масштабности происходящих изменений в КНР целесообразно сравнить риторику документов разных лет. Если в Белой книге по обороне 2019 г. ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризовалась как «в целом стабильная» [6], то в документе 2025 г. появился отдельный раздел, который посвящен «серьезным вызовам в поддержании общей стабильности» [5]. Экономическая глобализация, как подчеркивается китайским руководством, столкнулась со «встречными течениями». В связи с этим Инициатива глобальной безопасности, активно продвигаемая китайской дипломатией, призвана дополнить Инициативу пояса и пути, образуя безопасную среду для последующей торговой экспансии. Эта концепция начала активно внедряться еще на второй коллективной учебной сессии Политбюро ЦК КПК 20-го созыва в январе 2023 г. Тогда Си Цзиньпин подчеркнул, что ускоренное формирование новой модели развития — это стратегическое решение. Оно продиктовано необходимостью перехвата инициативы в будущем [7]. По-видимому, смещение политического курса в том числе означает, что без надежного внутреннего «ядра» экономики (стратегия «двойной циркуляции») избыточная зависимость от внешней торговли создает критические уязвимости.

Трансформация целей государственного управления

Смена макроэкономической парадигмы закономерно повлекла за собой корректировку целевых управленческих ориентиров. Относительно долго управленческий аппарат КНР оценивался, главным образом, по показателям роста валового внутреннего продукта и объемам привлеченных прямых иностранных инвестиций. Сегодня критерии эффективности стали многомерными, более сложными. Приоритетом во многом стало обеспечение непрерывности, автономии, безопасности производственных цепочек. Госуправление переориентировалось на устранение так называемых «узких мест» в экономическом базисе страны против «безудержного роста» ранее. Рассматриваемый процесс включает в себя, в том числе, форсированное импортозамещение критических

[7] Xi Jinping Emphasizes the Need to Accelerate the Construction of the New Development Pattern and Enhance the Security Initiative in Development During the Second Collective Study Session of the Politburo of the CCP Central Committee // URL: https://interpret.csis.org/translations/xi-jinping-emphasizes-the-need-to-accelerate-the-construction-of-the-new-development-pattern-and-enhance-the-security-initiative-in-development-during-the-second-collective-study-session-of-the-politb/

технологий, обеспечение гарантированной стабильности поставок сырья, защиту информационной инфраструктуры.

В этой связи законодательство в сфере киберпространства, в том числе, Закон о безопасности данных, теперь требует от крупных национальных компаний строгих мер по защите информации. Оно существенно ограничивает передачу критически важных массивов данных за рубеж. Примечательно, что понятие «большой безопасности» охватывает даже такие сферы, как глубоководные исследования, полярные регионы [9]. Впрочем, трансформация целей, по мнению руководства КНР, не означает изоляции экономики. Напротив, речь идет о «высококачественной» открытости, при которой государство устанавливает жесткий контроль над стратегическими узлами взаимодействия с внешним миром. Институциональный подход ориентирован на создание адаптивной системы, которая способна выдерживать внешние геоэкономические шоки и давление, будь то торговые войны, санкционные ограничения, разрывы глобальных логистических цепочек и т. д. Управление иностранным капиталом также изменилось: так, например, в то время, как некоторые сектора автомобилестроения были исключены из формального документа — негативного списка для иностранных инвестиций в КНР, процедура проверки влияния капиталовложений на национальную безопасность была значительно ужесточена.

Изменение функций внешнеторговой политики

Функционал в рассматриваемой области отношений, как представляется, претерпел серьезную качественную эволюцию. Международная торговля для Китая перестала быть просто средством формирования финансовой прибыли. К середине 2026 г. она бесповоротно оформилась как ключевой инструмент хеджирования рисков и обеспечения выживаемости нации. Особенно отчетливо анализируемые процессы проявляются в «узких местах» для Китая — сферах продовольственной и энергетической безопасности.

Так, снижение зависимости от политически ангажированных поставщиков стало абсолютным императивом для китайского руководства. Пекин целенаправленно сокращает закупки зерновых культур из стран, которые потенциально способны использовать экспорт как политическое оружие. Статистические данные в этом ключе весьма показательны. В 2024 г. Китай импортировал значительный объем кукурузы, достигавший 8,4 млн тонн. Однако в 2025 г. этот объем резко упал до 3,8 млн тонн. И львиная доля поставок (около 2,5 млн тонн) пришлась на Бразилию, тогда как на США — лишь скромные 169 тысяч тонн [8]. Спад импорта из США не является исключительно следствием тарифных барьеров (хотя пошлины на американскую агропродукцию достигали существенных значений). Это результат продуманной стратегии. Одновременно с диверсификацией поставщиков КНР форсированно стимулирует внутреннее аграрное производство. В 2025 г. урожай кукурузы в Китае впервые превысил психологическую отметку в 300 млн тонн, достигнув рекордных 301 млн тонн [9]. Происходит ускоренное коммерческое внедрение генетически модифицированных (ГМО) сортов. Их посевные площади достигли 3,7 млн гектаров. Как результат, совокупный импорт снижается, а продовольственная устойчивость уверенно растет. На основании отмеченного подчеркнем, что внешняя торговля в аграрном секторе теперь выполняет функцию балансира. Импортируется лишь то, что необходимо для компенсации внутреннего дефицита. Причем поставки идут, в основном, из максимально надежных юрисдикций (табл. 1).

Схожие тенденции наблюдаются в энергетическом контуре. Китай диверсифицирует источники углеводородов, отдавая явное предпочтение сухопутным маршрутам и стратегическим союзникам. Российская Федерация играет здесь немаловажную роль, помогая КНР смягчить так называемую «Малаккскую дилемму» — потенциальную угрозу перекрытия морских торговых путей [6]. За весь 2025 г.

[8] US overtakes Brazil in corn exports to China early 2026 // URL: https://ukragroconsult.com/en/news/us-overtakes-brazil-in-corn-exports-to-china-early-2026/

[9] Global Critical Minerals Outlook 2026. Executive summary // URL: https://www.iea.org/reports/global-critical-minerals-outlook-2026/executive-summary

Why China's grain buying has changed // URL: https://www.argusmedia.com/en/news-and-insights/market-opinion-and-analysis-blog/china-grain-market-outlook-imports-global-trade-impact

КНР закупила в России 100,72 млн тонн сырой нефти. Эта тенденция лишь усилилась в текущем периоде.

Таблица 1 — **Динамика и структура обеспечения КНР зерновыми ресурсами (на примере кукурузы, 2024-2025 гг.)**

Показатель	2024 г.	2025 г.	Динамика; стратегическое изменение	Ключевой внешний бенефициар
Внутреннее производство кукурузы	< 300 млн т	301 млн т	Достижение исторического рекорда. Рост самообеспеченности	Внутренний агропромышленный комплекс
Общий объем импорта кукурузы	8,4 млн т	3,8 млн т	Падение более чем в 2 раза в рамках стратегии продовольственной безопасности	Бразилия (доля импорта выросла до 2,5 млн т.)
Импорт из США	1,4 млн т	169 тыс. т	Выраженное падение; маргинализация доли рынка	-

Составлено на основе профильных отраслевых сводок.

С помощью динамики начала 2026 г. подтверждается структурный характер партнерства: в первом полугодии импорт российской нефти вырос на 16,7% в годовом выражении, достигнув 57,28 млн тонн, а стоимость поставок увеличилась на 31,1%, составив 33,13 млрд долларов [10]. Значителен прогресс и в газовой индустрии. Так, по итогам 2025 г. поставки российского сжиженного природного газа (СПГ) в Китай выросли на 18,3% и составили 9,799 млн тонн. В целом, на Россию теперь приходится около 28% всего газового импорта КНР, включая трубопроводные поставки, оборот которых в 2025 г. достиг 9,41 млрд долларов [11]. Видимо, указанные процессы выходят за границы коммерческих транзакций. Формируется геоэкономический симбиоз. И благодаря ему укрепляется энергетический базис китайской «индустриальной машины» в реалиях глобальной неопределенности.

Появление новых инструментов регулирования внешней торговли

В ответ на технологическое и политическое (тарифы) давление со стороны США, Китай перешел от стратегии простого зеркального реагирования к деятельному формированию собственного регуляторного контура. Внедрение нового инструментария экспортного контроля на фоне рисков внешнего давления стало закономерным шагом для государства, которое, кроме того, осознало свою монопольную силу в ряде важнейших сырьевых ниш.

Определяющим шагов стало принятие Государственным советом КНР «Положения об экспортном контроле товаров двойного назначения» (Указ №792) [3; 8]. Оно официально вступило в силу 1 декабря 2024 г. В рассматриваемом нормативном акте системно интегрированы ранее разрозненные ведомственные правила в единую, строгую правовую архитектуру. Важно, что в Положении впервые четко установлен принцип экстерриториальной юрисдикции. Данный механизм (во многом аналогичный американскому) позволяет Китаю контролировать оборот товаров, произведенных за рубежом, если они содержат определенную долю китайских компонентов либо созданы с использованием китайских технологий. Новая система отменила необходимость предварительной регистрации для экспортеров, упростив бюрократические процедуры, но одновременно весомо ужесточила аудит конечных пользователей и целей использования продукции. Экспортный контроль начал применяться как стратегическое оружие. В течение 2024 — 2025 гг. Министерство коммерции КНР последовательно вводило соответствующие ограничения. Сначала под удар попали элементы галлий и германий. В сентябре 2024 г. был установлен жесткий контроль над экспортом сурьмы — металла, крайне важного для производства боеприпасов, инфракрасных датчиков, полупроводников. Затем, в октябре 2025 г., Пекин совершил еще один решительный шаг, анонсировав экспортный контроль над ключевыми узлами цепочки поставок литий-ионных аккумуляторов. Ограничения затронули катодные материалы, графитовые аноды, специализированное оборудование для их производства. По оценкам экспертов,

[10] Китай нарастил закупки российской нефти и СПГ // URL: https://caliber.az/post/kitaj-narastil-zakupki-rossijskoj-nefti-i-spg

[11] Красовская Е. Россия закрывает около 28% газового импорта Китая // URL: https://oilcapital.ru/news/2026-05-20/rossiya-zakryvaet-okolo-28-gazovogo-importa-kitaya-5600780?utm_source=gemini.google.com&utm_medium=referral&utm_campaign=gemini.google.com&utm_referrer=gemini.google.com

полная остановка торговли графитом для батарей поставила бы под угрозу производственные мощности за пределами страны на сумму более 300 млрд долларов в год (табл. 2).

Таблица 2 — **Эволюция инструментов экспортного контроля КНР (2024–2025 гг.)**

Регуляторная мера	Период введения	Ключевой объект контроля	Стратегическая цель и экономический эффект
Ограничения на экспорт сурьмы	Сентябрь 2024 г.	Сурьма, сопутствующие минералы, технологии выплавки	Защита ресурсов для национального ВПК; ограничение доступа конкурентов к материалам для оптоэлектроники
Положение об экспортном контроле товаров двойного назначения	Декабрь 2024 г.	Единый список технологий, ПО, товаров двойного назначения	Введение экстерриториальной юрисдикции; создание правовой базы для санкционного сдерживания
Контроль над цепочками поставок элементов питания	Октябрь 2025 г.	Катодные прекурсоры, графитовые аноды, оборудование	Защита доминирующего положения КНР на мировом рынке чистой энергетики и электротранспорта

Составлено автором.

Описанные механизмы дают возможность Китаю как защищать свои инновации, так и асимметрично отвечать на внешнее давление (и даже формировать соответствующий «сдерживающий» арсенал решений). Выстраивается достаточно жесткая система, при которой нарушение китайских интересов чревато мгновенным отсечением оппонентов от важнейшего сырья. Резюмируем еще раз, что внешняя торговля стала выполнять функцию действенного средства геополитического сдерживания.

Обеспечение качественного развития в экономике и сфере безопасности

Государственная стратегия «развития и безопасности», в свою очередь, требует незыблемого макроэкономического базиса. В этой связи, несмотря на структурное замедление традиционных секторов (таких, как рынок недвижимости), экономика Китая демонстрирует устойчивость за счет динамичного роста высокотехнологичных производств. Общий объем внешней торговли КНР товарами в 2025 г. (по данным на начало 2026 г.) достиг исторического максимума в 45,47 трлн. юаней (порядка 6,36 трлн долларов США), увеличившись на 3,8% по сравнению с предыдущим годом. Экспорт вырос на 6,1%, достигнув почти 27 трлн. юаней. Фундаментом этого устойчивого роста стала так называемая «Новая тройка» технологичных экспортных товаров: электромобили (EV), литиевые аккумуляторы, солнечные панели. Отраслевые данные показывают, что в 2025 г. секторы чистой энергетики обеспечили для экономики Китая рекордные 15,4 трлн. юаней (2,1 трлн долларов), что составило около 11,4% национального ВВП. Без учета вклада «зеленого сектора» экономический рост КНР в 2025 г. составил бы лишь 3,5% вместо официально заявленных 5,0%. Эти высокотехнологичные отрасли играют уникальную двоякую роль. С одной стороны, они обеспечивают масштабный приток иностранного капитала, расширяют производственные мощности, стимулируют занятость (аспект экономического развития). Например, в мае 2026 г. экспорт китайских электромобилей только в страны АСЕАН достиг рекордных 1,2 млрд долларов. При этом Таиланд и Филиппины стали крупнейшими реципиентами китайского автопрома в регионе [12]. С другой стороны, они весомо снижают зависимость КНР от импортного ископаемого топлива, тем самым напрямую способствуя энергетическому суверенитету (аспект безопасности). В дополнение к отмеченному, абсолютное доминирование в производстве зеленых технологий ставит мировую экономику в определенную технологическую зависимость от Китая. Создается мощнейший геоэкономический «щит». И преодолеть его западным странам в ближайшей перспективе будет очень сложно.

Отдельного внимания заслуживает изменение географической структуры внешней торговли. Китай планомерно снижает зависи-

[13] China's EV exports hit record $9.2 billion in May as ASEAN demand surges // URL: https://ember-energy.org/latest-updates/chinas-ev-exports-hit-record-9-2-billion-in-may-as-asean-demand-surges/

мость от рынков США и Европейского Союза. Государства АСЕАН и страны-участницы инициативы «Один пояс, один путь» формируют все большую долю китайского товарооборота. В 2024 г. на страны ОПОП впервые пришлось более 50% всей внешней торговли Китая. В 2025 г. обозначенная тенденция укрепилась: торговля со странами Африки выросла на 18,4%, а с Латинской Америкой — на 6,5%. Одновременно с этим, инвестиционное взаимодействие в рамках BRI в 2025 г. достигло рекордных уровней: общая сумма контрактов и инвестиций превысила 213 млрд. долларов; из них 93,9 млрд. долларов пришлось на энергетические проекты [13]. Диверсификация рынков сбыта и логистических коридоров планомерно нивелирует уязвимость Пекина перед угрозами тарифных войн.

Заключение

К середине 2026 г. внешнеторговая политика Китая прошла точку невозврата в своей функциональной трансформации. Из сугубо экономического инструмента стимулирования макроэкономического роста посредством экспортной экспансии она превратилась в сложный, многоуровневый механизм обеспечения выживаемости, устойчивости государства. Координация развития и безопасности проявляется в выверенных, системных шагах руководства (от масштабной переориентации импорта стратегического сырья, зерновых ресурсов на дружественные юрисдикции до формирования жесткой, экстерриториальной системы экспортного контроля над критическими минералами и технологиями).

Современный Китай больше не стремится к глобальной открытости ради нее самой; он целенаправленно формирует защищенную, автономную, но при этом глобально доминирующую экономическую экосистему. Развитие высокотехнологичных секторов, в частности, «Новая тройка», не только компенсирует стагнацию традиционных отраслей, но и создает прочный геоэкономический «фундамент». Стратегия безопасности в новую, турбулентную эпоху требует, чтобы национальные интересы превалировали над сиюминутной коммерческой выгодой.

В складывающихся условиях понимание и экстраполяция логики действий китайского партийно-государственного аппарата становится весьма значимым — в контексте выстраивания результативных двусторонних торгово-экономических отношений. В целях адаптации к новой архитектуре китайской экономической безопасности российским госинститутам и корпоративному сектору нужно во многом пересмотреть подходы к экономическому взаимодействию в новых условиях. Так, требуется синхронизация российского агропромышленного экспорта с критериями продовольственной безопасности КНР. Поскольку простой экспорт сельскохозяйственного сырья зачастую сталкивается с инфраструктурными и конкурентными барьерами, стратегически оправданным шагом видится инициирование совместных предприятий по глубокой переработке агропродукции непосредственно на приграничных территориях Дальнего Востока. Благодаря предлагаемому подходу обеспечатся поставки продукции с высокой добавленной стоимостью по защищенным сухопутным маршрутам. Это смягчит риски гипотетических морских блокад для Китая и закрепит за Россией долгосрочный статус надежного продовольственного гаранта.

Помимо этого, новая правовая реальность требует оперативной институциональной адаптации к экстерриториальному экспортному контролю КНР. Вступление в силу новых положений означает, что поставки критической китайской микроэлектроники и оборудования могут быть легко заблокированы без должного бюрократического подтверждения. Российским промышленным компаниям целесообразно ускорить внедрение внутренних программ комплаенса, которые отвечают стандартам Министерства коммерции КНР, чтобы обеспечить прозрачность каналов отчетности, получать долгосрочные генеральные лицензии, надежно защитить импорт от внезапных логистических остановок.

Наконец, первостепенное значение приобретает технологическая интеграция РФ в цепочки создания стоимости секторов чистой энергетики и электротранспорта, ставших главной «движущей силой» китайского экономического роста. Инициирование масштабных совместных проектов по добыче и пер-

[13] China's foreign trade hits new high in 2024 // URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202501/13/content_WS6784a546c6d0868f4e8eec59.html

вичной переработке минералов (лития, меди, графит) на территории РФ с привлечением передовых китайских технологий поможет существенно диверсифицировать российский экспорт. Взаимовыгодное связывание отечественной ресурсной базы с наиболее динамично развивающимся сектором экономики Китая гарантирует стабильные доходы, менее подверженные колебаниям мировых цен на традиционные углеводороды.

С авторской точки зрения, реализация перечисленных структурных шагов позволит экономике РФ не просто реактивно отвечать на конъюнктурные колебания азиатских рынков, но и органично, с долгосрочной выгодой для себя, встроиться в новую китайскую парадигму «координации развития и безопасности».

Литература

1. Ван Д. Деглобализационные процессы в мировой экономике и их влияние на внешнеторговую динамику Китая / Д. Ван // Проблемы теории и практики управления. — 2025. — №12. — С. 101-110.
2. Дань Ш. Эволюция стратегий и новое лицо Китая в мировой торговле / Ш. Дань, Н.В. Михайлова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2025. — Т. 15, №6. — С. 46-54. — DOI 10.26794/2226-7867-2025-15-6-46-54.
3. Дунчэн В. Экономическая деглобализация и трансформация структуры внешнеторговых потоков Китая / В. Дунчэн // Проблемы теории и практики управления. — 2025. — №9. — С. 19-29.
4. Кумуков А.М. Особенности реализации концепции национальной безопасности в современном Китае / А.М. Кумуков, Е.С. Гундарь // Общество: политика, экономика, право. — 2025. — №6(143). — С. 31-38. — DOI 10.24158/pep.2025.6.3.
5. Нармаев М.Б. Китайская концепция глобальной безопасности и ее проекция на международные отношения / М.Б. Нармаев // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2025. — Т. 15, №11(128). — С. 2401-2409. — DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.026.
6. Питухина М.А. Многополярность в Арктике: новые экономические возможности и геополитические риски для России, Индии и Китая / М.А. Питухина, В.А. Гуртов, А.Д. Белых // Экономика и управление. — 2024. — Т. 30, №8. — С. 925-935. — DOI 10.35854/1998-1627-2024-8-925-935.
7. Чэн С. Подход к совершенствованию правовой системы национальной безопасности Китая в концепции «Инициативы по глобальной безопасности» / С. Чэн // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2025. — Т. 14, №8(73). — С. 1927-1938. — DOI 10.35775/PSI.2025.73.8.009.
8. Шапор М.А. Методологические аспекты влияния различных категорий международных режимов и государства на внешнюю торговлю страны (на примере Китая) / М.А. Шапор // Горизонты экономики. — 2026. — №2(95). — С. 193-203.

NATIONAL PROJECTS AS A TOOL FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND ECONOMIC SECURITY

Kuzmich Natalia Pavlovna, *PhD of Economics, Assistant Professor, Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshchensk (Russia)*

The relevance of the study is confirmed by the increasing role of national projects in overcoming technological dependence, ensuring economic security, and, in general, in the socio-economic development of the country and its individual regions. The study establishes the reasons for the emergence of national projects, their role in the implementation of strategic goals and economic security. The article lists the advantages and disadvantages of project management in achieving the goal of socio-economic development of the country and regions. Attention is focused on regional projects, their purpose and role in the socio-economic development of the region. Scientific novelty lies in the study of groups of national projects implemented in the Amur Region, which are grouped into three key areas: social direction, direction for the improvement of spaces and infrastructure development, and production and economic direction. The purpose of the study is to identify key trends, difficulties and opportunities associated with the practical implementation of large-scale development programs for the country. The hypothesis is that, although the system of national projects requires further improvement, their implementation has a positive effect on socio-economic development and ensuring the economic security of the country and regions. Legislative sources, government websites, and national project passports were used as an information base. Systematization of information on the researched issues, using analytical, comparative, and generalizing methods, allowed us to identify key trends in their implementation. Each method was used in accordance with its functional capabilities, ensuring the scientific validity and validity of the results obtained. The study's findings can be used by government agencies to improve the effectiveness of national projects and achieve national development goals.

Keywords: *adaptation; public administration; infrastructure; quality of life; national project; project approach; region; regional project; socio-economic development; strategy.*

EDN: KDXBBQ **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.30**

Цитировать: *Кузьмич Н.П. Национальные проекты как инструмент социально-экономического развития и обеспечения экономической безопасности // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 210–215. EDN: KDXBBQ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.30*

УДК 338.2
5.2.3

© Кузьмич Н.П., 2026

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Актуальность исследования подтверждается возрастающей ролью национальных проектов в преодолении технологической зависимости, обеспечении экономической безопасности, и, в целом, в социально-экономическом развитии страны и отдельных ее регионов. В исследовании установлены причины появления национальных проектов, их роль в осуществлении стратегических целей и экономической безопасности. В статье перечисляются достоинства и недостатки проектного управления при реализации цели социально-экономического развития страны и регионов. Акцентировано внимание на региональных проектах, их назначении и роли в социально-экономическом развитии региона. Научная новизна состоит в исследовании групп национальных проектов, реализуемых в Амурской области, которые сгруппированы в три ключевые направления: социальное направление, направление по улучшению пространств и развития инфраструктуры, производственно-экономическое направление. Цель исследования — определить ключевые тренды, сложности и возможности, связанные с практическим воплощением масштабных программ развития страны. Гипотеза состоит в том, что хотя система национальных проектов нуждается в дальнейшем совершенствовании, но их реализация благоприятно сказывается на социально-экономическом развитии и обеспечении экономической безопасности страны и регионов. В качестве информационной базы применялись законодательные источники, сайт органов власти, па-

спорта национальных проектов. Систематизация информации об исследуемой проблематике, использование методов анализа, сравнения и обобщения позволили выявить основные тенденции в их реализации. Каждый метод был использован в соответствии со своими функциональными возможностями, что позволило обеспечить научную достоверность и аргументированность полученных результатов. Результаты исследования могут быть использованы органами власти для повышения эффективности исполнения нацпроектов и достижения национальных целей развития.

Ключевые слова: *адаптация; государственное управление; инфраструктура; качество жизни; национальный проект; проектный подход; регион; региональный проект; социально–экономическое развитие; стратегия.*

КУЗЬМИЧ Наталья Павловна, *кандидат экономических наук, доцент, Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск (Россия)*
SPIN-код: 4323-2925
ORCID ID: 0000–0003–4105–4921

Введение

Современные реалии ставят перед страной задачи по обеспечению экономического и социального развития на длительную перспективу, решать которые необходимо не только с учетом внешних и внутренних ограничений, но и в условиях риска и неопределенности. Стремясь адаптироваться к текущим особенностям мирового развития, экономический курс страны позволяет повысить качество жизни населения по многим направлениям и развивать экономику страны.

Национальные проекты играют существенную роль в системе государственного управления и комплексного решения социально-экономических проблем. Основная цель реализации национальных проектов заключается в повышении качества жизни населения, что указано в основополагающих документах, прежде всего в тексте Указа Президента России от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Указом Президента Российской Федерации №474 от 21 июля 2020 года «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» были продлены 14 национальных проектов, которые были разработаны ранее. В соответствии с Указом №309 от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» утверждено 19 национальных проектов.

Решение поставленных задач в документе требует мобилизации всех внутренних ресурсов, совершенствования государственного управления. Введенные недружественными странами антироссийские санкции не только не дали того эффекта, который они намеревались получить, но и стали стимулом для поиска путей реализации имеющегося у России потенциала для перехода на более высокий уровень технологического развития.

Национальные проекты, стартовавшие в 2018 г., распространялись на базовые сферы: здравоохранение, образование, цифровую экономику, инфраструктуру и экологию. Тем не менее, они реализовывались комплексно через взаимодействие федеральной, региональной и муниципальной власти.

Национальный проект представляет собой инструмент государственного, регионального и муниципального управления, социально-экономического развития, посредством которого обеспечивается достижение стратегических целей и задач российского общества [4]. Порядок реализации национального проекта определяет его паспорт, где указываются: стоимость, исполнители, сроки завершения, целевые нормативы и т.д.

Целевые установки определены на основе сложившегося за определенный промежуток времени негативного характера развития отраслей. При этом, выполнение национальных проектов на региональном уровне воплощает методы проектного управления в регионе, поэтому принципиально важно учитывать опыт реализации национальных проектов на региональном уровне [7].

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей реализации национальных проектов. Многие ученые в своих работах анализируют возможности реализации национальных проектов в реги-

онах. Так, В.В. Абряндина [1], основываясь на анализе реализации нацпроектов, делает вывод о том, что прослеживается перспектива улучшения состояния экономической деятельности. А.А. Волоцков [3] в своих работах анализирует показатели реализации национальных проектов, отмечает, что условием успешности их реализации выступает повышение эффективности проектного управления на всех уровнях власти. П.С. Звягинцев [5] исследовал роль национальных проектов в управлении экономической безопасностью России. М.Р. Шамсутдинова с соавторами [10] рассматривают специфику государственного управления в условиях реализации национальных проектов и признают существование факторов, снижающих показатели их эффективности. Особо важным этапом в реализации национальных проектов ученые считают мониторинг после выполнения нацпроекта. М.Г. Полозков [9] проанализировал вопросы, касающиеся роли национальных проектов в социально-экономическом развитии регионов страны и т.д.

Результаты исследования и их обсуждение

Национальные проекты показали свою высокую значимость и эффективность, они постепенно усложняются и совершенствуются, они эволюционируют во времени, сохраняя цели социального развития. В то же время те национальные проекты, реализация которых началась в 2025 г., более проработаны с точки зрения структуры, механизмов финансирования, возникающих рисков, и нацелены на решение конкретных задач. Они занимают важнейшую позицию в системе государственного управления, комплексно и системно решают среднесрочные и долгосрочные социально-экономические проблемы, с их помощью осуществляется экономическая безопасность страны.

Основной упор при разработке национальных проектов сделан на развитие региональной экономики за счет выделения на региональный уровень межбюджетных трансфертов через региональные проекты в форме субсидий, субвенций и иных форм межбюджетных трансфертов. Часть национальных проектов реализуется с использованием внебюджетных частных источников. Механизмы государственно-частного партнерства активно используются в проектах улучшения социальной и инженерной инфраструктуры, повышения качества жизни и изменения экологической обстановки и т.д.

Следует отметить, что преимущества проектного управления перед программно-целевым подходом состоят в четком распределении ответственности, ориентации на конкретные результаты, учета специфики региона, повышении прозрачности процессов и усилении взаимодействия между властью и бизнесом.

В настоящее время сформирован портфель национальных проектов 2025-2030 гг., состоящий из 19 национальных проектов. Каждый национальный проект располагает масштабными целями по дальнейшему развитию страны. В Амурской области будет реализовываться 12 национальных проектов. Амурская область обладает значительным потенциалом для устойчивого развития, но его реализация требует системного подхода.

Рисунок показывает, что национальные проекты в Амурской области можно сгруппировать в три ключевые направления: социальное направление, направление по улучшению пространств и развития инфраструктуры, производственно-экономическое направление.

Первое — социальное направление — является стратегически значимым для каждого региона и страны. Мероприятия социального направления сосредоточены на улучшении демографической ситуации, поддержки семей. Существенное обновление жилого фонда, повышение рождаемости способствует воспроизводству трудовых ресурсов, а высококвалифицированные кадры необходимы для развития высокотехнологичных отраслей. Рынок труда позволяют адаптировать к изменяющимся экономическим условиям трансформированные программ повышения квалификации, переквалификации и непрерывного образования. При этом, человеческий капитал выступает в качестве основного двигателя экономического роста, потому финансирование в данное направление относится к инвестициям в будущее.

Вторым стратегическим направлением является улучшение пространств и развитие инфраструктуры. Модернизация инфра-

структуры активизирует развитие строительной отрасли для повышения комфорта и удобства жителей, создавая основные средства для промышленности, дополнительные рабочие места. Улучшение условий проживания населения благоприятно отражается на экономическом развитии. Приоритетной задачей, позволяющей улучшать общую экономическую ситуацию, является развитие транспортной и инженерной инфраструктуры. Также давно требуют решения экологические проблемы.

Рисунок — **Группы национальных проектов по ключевым направлениям в Амурской области**

Источник: составлен автором по данным [1].

Между тем, национальные проекты откроют дополнительные положительные возможности для экономики, если при их реализации получит развитие промышленное производство. Создание соответствующей производственной инфраструктуры с использованием отечественного оборудования послужит мощным драйвером для ведения бизнеса в регионе [8].

Производственно-экономическое направление реализации национальных проектов направлено на создание условий для непрерывного личностного развития граждан, предоставления возможностей для профессионального и карьерного роста, реализации предпринимательского потенциала граждан, увеличения количества молодых людей, вовлеченных в предпринимательскую деятельность. Экономическая политика технологического и технического переоснащения является частью государственной политики по обеспечению национальной безопасности страны, по созданию условий для эффективной работы организаций и ускоренной их цифровой трансформации. Создается возможность не просто замены программного обеспечения, но и глубокой перестройки производственных процессов под новые технологические платформы. Для этого необходимо подготовить огромное количество высококвалифицированных специалистов, имеющих компетенции в области технологий искусственного интеллекта и робототехники и т.д. Агропромышленный комплекс должен устойчиво развиваться, быть защищен от различного рода угроз и рисков для

[1] Национальные проекты 2025-2030 гг: сайт. – Благовещенск, 2025. — URL: https://mpk.amurobl.ru/pages/natsionalnye-proekty1749/natsionalnye-proekty-2025-2030/

максимальной продовольственной самообеспеченности региона. Приоритеты развития сельского хозяйства включают повышение производительности труда, развитие малых форм предпринимательства, обеспечение продовольственной безопасности. Рост производительности труда означает относительное высвобождение рабочей силы, увеличение эффективности труда за счет вовлеченности работников в трудовой процесс.

Если говорить конкретно о национальных проектах, то одной из угроз национальной безопасности является количественная и качественная ограниченность трудовых ресурсов, недостаточный уровень квалификации специалистов. С учетом этого положения, разработан национальный проект «Кадры», который является ключевым звеном Стратегии научно-технологического развития России, и в Амурской области представлен тремя региональными проектами.

К 2030 г. намечено по региональному проекту «Активные меры содействия занятости (Амурская область)» создать условия для расширения возможности для занятости в целях сокращения дефицита кадров. Для реализации этого проекта из бюджета субъекта выделено 170 млн руб. Из бюджета субъекта РФ для реализации регионального проекта «Образование для рынка труда (Амурская область)» выделяется 2,979 млн руб. [12]. Еще один региональный проект — «Управление рынком труда (Амурская область)» — призван создать механизмы для вовлечения в занятость молодых людей и неработающих граждан. Все региональные проекты в рамках национального проекта «Кадры» связаны с Государственной программой «Содействие занятости населения» и представляют собой долгосрочную стратегию, направленную на достижение технологического суверенитета страны благодаря подготовке высококвалифицированных специалистов.

Безусловно, научный и технический прогресс предъявляет серьезные требования в отношении профессиональных знаний, квалификации и компетенций потенциальных работников, их интеллектуальному, культурному уровню, личной ответственности к осуществлению эффективной трудовой деятельности. В настоящее время наблюдается стремительное изменение технологий во всех сферах, потому требоваться будут работники со способностью и склонностью к постоянному обучению и самосовершенствованию, так как современная экономика нуждается в максимизации эффективности использования трудового потенциала.

Существенное воздействие на реализацию национальных проектов оказывает макроэкономическая ситуация и внешнеполитический фон, которые повышают риски недостижения целевых показателей в установленные сроки. Предугадать направление влияния данных воздействий практически невозможно. Важно своевременно реагировать на возникающие риски и угрозы и активно вовлекать все заинтересованные стороны в достижение целей национальных проектов. Следует учесть, что в реализации большинства национальных проектов велика роль инвестиционно-строительного комплекса, поскольку они направлены на улучшение и расширение инфраструктуры, условий и качества жизни людей, что невозможно осуществить без участия фондообразующей отрасли — строительство.

Однако при реализации национальных проектов выявлены недостатки, отражающиеся на их подготовке и осуществлении. Ниже представлены некоторые из них:

1. Слабо осуществляется мониторинг как этап контроля реализации и оценки эффективности национальных проектов.
2. Неполная объективность и обоснованность оценки целевых нормативов, индикаторов.
3. Сложности реализации адекватной оценки необходимых ресурсов, что порождает необоснованную стоимость работ.
4. Не учитываются многие взаимосвязи между целями национальных проектов и т.д. [2, 3, 6, 11].

Тем не менее, несмотря на имеющиеся изъяны в разработке и внедрении национальных проектов, они вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие и безопасность России. При этом, при корректировке и доработке национальных проектов, учет отмеченных недостатков будет способствовать повышению качества их осуществления и даст возможность оперативно реагировать на появляющиеся разнообразные риски и угрозы.

Основными путями совершенствования управления национальными проектами в регионе могут стать:

— сбалансированное финансирование, сочетание бюджетных и внебюджетных источников;

— развитие кадрового потенциала;

— учет региональной специфики, постоянно меняющихся условий внешней среды;

— улучшение информационного сопровождения реализации национальных проектов;

— усиление контроля и прозрачности и т.д.

Заключение

Очевидно, что система национальных проектов нуждается в дальнейшем методологическом, нормативно-правовом, организационном, кадровом и технологическом совершенствовании. Тем не менее, реализация национальных проектов способствует образованию совокупности эффектов — экономического, социального, экологического. Национальные проекты — это ключевой инструмент развития России, они масштабны и охватывают практически все сферы жизни россиян посредством взаимодействия и объединения усилий федеральной, региональной и муниципальной власти. Успех национальных проектов будет определяться их способностью обеспечить не только количественные показатели, но и глубокие качественные изменения в экономике, социальной сфере, экологии, технологическом развитии страны.

Литература

1. Абряндина В.В. Структурный анализ и конститутивные особенности реализации национальных проектов / В.В. Абряндина // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2020. — №10(67). — С. 45-50. DOI: 10.33938/2010-45. EDN: FBDQBJ
2. Бондарева Н.Н. Организационно-методические вопросы разработки и реализации национальных проектов / Н.Н. Бондарева, Н.И. Комков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие.). — 2019. — Т. 10, №3. — С. 369-379. DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.3.369-379. EDN: OTZLDW
3. Волоцков А.А. Анализ показателей реализации национальных проектов Российской Федерации / А.А. Волоцков // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — 2025. — Т. 27, №1. — С. 16-26. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2025.1.2. EDN: QMIVKJ
4. Жохова В.В. Роль национальных проектов в развитии социального предпринимательства в Приморском крае / В.В. Жохова// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2021. — Т. 17, №9. — С. 1670-1694. DOI: 10.24891/ni.17.9.1670. EDN: SECQMN
5. Звягинцев П.С. Роль национальных проектов в управлении экономической безопасностью России / П.С. Звягинцев // Экономическая безопасность. — 2025. — Т. 8, №11. — С. 3311-3328. DOI: 10.18334/ecsec.8.11.124243. EDN: XCBUVK
6. Кузьмич Н.П. Проектное управление в реализации социально ориентированных направлений устойчивого развития сельских территорий региона / Н.П.Кузьмич// Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2026. — №1. — С. 52-59. DOI: 10.33983/2075-1826-2026-1-52-59. EDN: XLTHZS
7. Мухачёва А.В. Национальные проекты в социальной сфере: эффективность реализации, региональные риски, применение цифровых технологий / А.В. Мухачёва // Муниципалитет: экономика и управление. — 2025. — №1(50). — С. 49-66. EDN: NPDJQB
8. Патракеева О.Ю. Оценка реализации национальных проектов в сфере транспортной инфраструктуры (на примере регионов ЮФО) / О.Ю. Патракеева// Региональная экономика. Юг России. — 2023. — Т. 11, №4. — С. 182-189. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.4.16. EDN: XIAZQW
9. Полозков М.Г. Национальные проекты в социально-экономическом развитии регионов России / М.Г. Полозков // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2024. — №1. — С. 16-24. DOI: 10.33983/2075-1826-2024-1-16-24. EDN: AGUVBY
10. Шамсутдинова М.Р. Особенности государственного управления в условиях реализации национальных проектов / М.Р. Шамсутдинова, Н.Ю. Сопилко, В.К. Спильниченко // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 6, №2. — С. 110-116. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.06.011. EDN: DZLWAJ
11. Яськова Н.Ю. Инвестиционные горизонты совместной деятельности по достижению целей национальных проектов / Н.Ю. Яськова, С.Ю. Самойлов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2025. — Т. 15, №1. — С. 20-30. DOI: 10.21285/2227-2917-2025-1-20-30. EDN: UKLEAN

TOWARDS A THEORY OF CHANGE MANAGEMENT IN THE IMPLEMENTATION OF STATE DEVELOPMENT PROGRAMS FOR STRATEGIC SECTORS OF THE ECONOMY

Lipina Olga Aleksandrovna, *Senior lecturer, Higher School of Technology and Energy, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg (Russia)*

This article examines the mechanisms of change management at the enterprise level in the context of implementing state development programs for strategic economic sectors. The relevance of the study is determined by a fundamental discrepancy between the prescriptive framework of state development initiatives and the conceptual insufficiency of classical change management models, which were originally designed for internally driven business transformations rather than for externally imposed program-based change. This gap is further compounded by the misalignment between the pace of regulatory adjustments, the technological maturity of digital platforms, and the adaptive capacity of enterprises operating in strategic sectors. The study aims to refine the conceptual framework of change management by accounting for three critical dimensions: the expansion of the change management object to the ecosystem level, the shift towards a continuous (rather than episodic) nature of organizational change, and the emergence of platform-based coordination mechanisms as key drivers of institutional adaptation. The theoretical foundation integrates classical and contemporary change management theories and models (K. Lewin, J. Kotter, ADKAR), the diffusion of innovations framework (E. Rogers), ecosystem and the stakeholder approachs, which collectively enable the interpretation of public – private interactions as a multi-level process of organizational and institutional adaptation. The analytical approach combines comparative analysis, logical-analytical reasoning, a systematic review of the scientific literature, and interpretive analysis of management practices. The findings demonstrate that, in the context of state development programs, change management should be redefined as a continuous process as a continuous process of coordinating the interests of the state, private actors, and digital platforms, in order to facilitate enterprise adaptation to externally determined development paths. The study argues that the formation of a public – private ecosystem (PPE) enhances the coordination of stakeholder actions, reduces institutional barriers, and facilitates the more effective implementation of strategic industry priorities. The authors introduce a conceptual model of adaptive change management, which integrates a proactive approach to managing resistance within the ecosystem and draws upon the learning organization model as a systemic mechanism for generating diagnostic information to support organizational learning.

Keywords: *public-private ecosystem; adaptive change management model; strategic industry; state digital platform.*

EDN: KHFOHN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.31***

Цитировать: *Липина О.А. Развитие теории управления изменениями в контексте реализации государственных программ развития стратегических отраслей // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 216–223. EDN: KHFOHN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.31*

УДК 338.2
5.2.3 / 5.2.6

© Липина О.А., 2026

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ

Статья посвящена исследованию механизмов проведения организационных изменений на предприятиях в условиях реализации государственных программ развития стратегических отраслей экономики. Актуальность обусловлена фундаментальным расхождением между жёсткими параметрами государственных программ и ограниченностью классических моделей управления изменениями, ориентированных на внутреннюю инициативу бизнеса, а также разрывом между темпами регуляторных изменений, технологической готовностью цифровых платформ и адаптационными возможностями организаций. Целью исследования является уточнение понятия управление изменениями с учетом расширения объекта управления изменениями до экосистемы, перехода к непрерывному характеру изменений, возникновения платформенных механизмов координации. Теоретическую базу исследования составили положения классических и современных концепций управления изменениями (К. Левина, Дж. Коттера, ADKAR), теория динамических способностей (Д. Тис, Г. Пизано и Э. Шуен), экосистемный и стейкхолдерский подходы, позволяющие интерпретировать государственно-частные взаимодействия как многоуровневый процесс организационной и

институциональной адаптации. В работе применены методы сравнительного и логико-аналитического анализа, обобщения научной литературы и интерпретации управленческих практик. В результате показано, что в условиях государственных программ управление изменениями следует рассматривать как непрерывный процесс согласования интересов государства, бизнеса и цифровых платформ, обеспечивающий адаптацию организаций к внешне заданной траектории развития. Обосновано, что формирование государственно-частной экосистемы (ГЧЭ) повышает согласованность действий участников, снижает институциональные барьеры и способствует более эффективной реализации стратегических отраслевых приоритетов. Представлена авторская концепция адаптивной модели управления изменениями, использующей подход проактивного управления сопротивлением в экосистеме, основанный на модели самообучающейся организации как системном механизме для получения диагностической информации для организационного обучения.

Ключевые слова: *государственно-частная экосистема; адаптивная модель управления изменениями; стратегическая отрасль; государственная цифровая платформа.*

ЛИПИНА Ольга Александровна,
старший преподаватель,
Высшая школа технологии и энергетики,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург (Россия)
SPIN-код: 8445-4929
ORCID: 0009-0003-4156-8313

Введение

В настоящее время в Российской Федерации формируется объективная потребность в исследовании проблематики управления организационными изменениями на предприятиях, функционирующих в стратегически значимых отраслях экономики, имеющие критическое значение для безопасности страны, (оборонно-промышленный комплекс, энергетика, фармацевтическая промышленность, информационные технологии). В современных условиях организации данных отраслей сталкиваются с необходимостью осуществления глубоких структурно-технологических преобразований. Данная необходимость обусловлена совокупностью внешних факторов, включая цифровую трансформацию экономики, внедрение технологий искусственного интеллекта, реализацию политики импортозамещения, а также воздействием государственного регулирования, выражающимся в разработке и реализации государственных программ развития, содержащих целевые индикаторы и показатели эффективности. Однако, на уровне конкретных организаций, выполнение таких программ нередко сталкивается с проблемой организационной инерции, дефицита ресурсов, сопротивления персонала, несогласованности интересов участников и недостаточной зрелости управленческих практик. В результате возникает разрыв между нормативно заданной траекторией развития и реальной способностью предприятий к адаптации. В этих условиях классические модели управления изменениями, разработанные преимущественно для внутренних преобразований компании, оказываются недостаточными.

Развитие теории управления изменениями прошло несколько стадий от трактовки понятия «изменения» как механистического, дискретного процесса, инициируемого в ответ на возникающие отклонения (К. Левин, Дж. Коттер, М. Хаммер, Дж. Хаятт), до понимания «управления изменениями» как системной, непрерывной функции, обеспечивающей адаптацию организации к динамичной внешней среде (Э. Петтигрю [15], П. Сенге [10], Д. Тис [17], К. Вейк, И. Адизес [2]). На протяжении XX – начала XXI веков сформировался обширный массив теоретических концепций, моделей и подходов к управлению изменениями, отражающий развитие теории управления от классических линейных моделей К. Левина и Дж. Коттера до современных адаптивных концепций, базирующихся на идеях обучающейся организации (П. Сенге), динамических способностей (Д. Тис), гибких методологий (Agile) и поведенческой экономики (Р. Талер, К. Санстейн). Анализ эволюции определений понятия «изменение» позволяет проследить логику развития теоретических представлений, представленную на рисунок 1.

Рисунок 1 **– Эволюция теорий управления изменениями (составлено автором)**

Смена акцентов отражает закономерное движение теории управления изменениями от линейных моделей первого поколения к проявлению гуманистического подхода в теориях управления изменениями второго поколения. Данный подход нашел свое отражение в переходе от жесткого администрирования к психологии изменений (модель ADKAR, модель перехода У. Бриджеса). Однако обе модели были сформированы в эпоху относительно стабильной внешней среды и исходят из предпосылки о возможности последовательного, линейного проведения изменений, имеющих четкое начало и завершение.

В рамках процессуальной теории Э. Петтигрю было впервые использовано понятие трансформации как фундаментальное, системное изменение организации, затрагивающее одновременно ее стратегию, структуру, культуру и базовые представления о способах функционирования [15]. Теория цикла Э. Деминга закрепила понимание изменений как непрерывного процесса, интегрированного в повседневную деятельность организации [6; 8]. Данная концепция впоследствии послужила теоретическим фундаментом для формирования подходов к непрерывному совершенствованию (Кайдзен), концепции обучающейся организации (П. Сенге) и, в более широком смысле, для разработки современных адаптивных моделей управления изменениями в условиях цифровой трансформации. Теория PDCA ввела в управление изменениями принцип обратной связи и итеративности. Э. Деминг встроил в сам цикл изменений механизм непрерывного обучения на основе данных. Это положение стало теоретическим предвестником современных Agile-методологий, где короткие итерации и постоянная обратная связь от пользователей являются краеугольным камнем управления изменениями в цифровой среде. Это положение перекликается с современными представлениями о динамических способностях (Д. Тис) и необходимости формирования у организации устойчивой способности к непрерывному обновлению в условиях турбулентной внешней среды.

Цифровая трансформация фиксирует новую природу самих изменений, когда они из единичных проектов переходят в системное явление, требующее от менеджмента не столько способности реализовывать заранее разработанные планы, сколько навыков управления сложностью, поддержания динамической стабильности и обеспечения стратегической гибкости.

Несмотря на значительный вклад классических теорий в понимание процессов организационных изменений, а также их применение в контексте реализации государственных программ, развитие стратегических отраслей сталкивается с рядом ограничений:

— государственные программы развития включают не отдельные предприятия, а целые отрасли и комплексы предприятий, затрагивая множество взаимосвязанных субъектов;

— в условиях государственных программ изменения инициируются внешним регулятором (государством) и навязываются предприятиям, что создает дополнительное сопротивление и требует иных подходов к управлению;

— не учитывается специфика платформенных механизмов координации, возникающих при цифровой трансформации отраслей;

— не учитывается институциональная сложность государственно-частных взаимодействий;

— в условиях государственных программ изменения носят непрерывный характер.

Результаты исследования и их обсуждение

Объединяющим началом для рассмотренных теоретических подходов выступает последовательный отказ от представления об изменениях как о дискретном, линейном проекте с четкими границами начала и завершения, и переход к пониманию изменений как перманентного процесса, интегрированного в повседневную деятельность организации, что в полной мере соответствует вызовам цифровой трансформации (ЦТ) и турбулентности современной внешней среды.

Управление изменениями в организациях-участниках стратегических отраслей достигает максимальной эффективности при условии интеграции трёх теоретических оснований:

— теорий организационных изменений (обеспечивают понимание стадийности преобразований и механизмов преодоления сопротивления);

— стратегического менеджмента (задаёт целевую направленность и критерии эффективности);

— экосистемного подхода (учитывает распределённость власти, многоакторность и роль потребителя как активного участника изменений).

В случае реализации государственных программ стратегического развития, включая программы ЦТ, управление изменениями в организациях стратегической отрасли приобретает специфические черты, где драйверы изменений носят внешний, директивный характер и связаны с необходимостью обеспечения соответствия требованиям государственных программ для продолжения операционной деятельности. В этом случае организация обладает ограниченной автономией в выборе траектории развития из-за необходимости соответствовать государственным требованиям (локализация, инновации, цифровизация и др.), что формулирует концепцию «принудительной адаптации», описывающей процессы управления изменениями в организациях, где инициатива изменений исходит от внешнего агента (в данном контексте — государства), определяющего обязательные требования, сроки и целевые показатели. В то же время, организация-участник стратегической отрасли сохраняет свободу в выборе способов, методов и тактических решений в рамках своей операционной деятельности, но лишена свободы выбора стратегических целей, ключевых параметров деятельности и сроков достижения требуемых состояний, которые задаются внешним агентом (государством) в форме нормативно-правовых требований, государственных программ и директивных указаний, что имеет отражение в принципе ограниченной автономии.

Таким образом, в отличие от классических теорий управления изменениями для организации-участника стратегической отрасли можно сформулировать следующее теоретическое основание управления изменениями: организация сохраняет свободу в выборе способов и методов реализации изменений (тактическая гибкость), но лишена свободы выбора целей, сроков и ключевых параметров изменений (стратегическая жёсткость). Драйверы изменений формируются не только через рыночные и технологические факторы, но и через регуляторное, политическое и институциональное окружение, включая действие государственных органов, муниципальных и наднациональных институтов, которые задают не только характер и масштаб изменений, но и их стратегическую необходимость и приоритетность [1]. Пространство стратегических решений сжато до коридоров развития, заданных государственными программами. Эффективность изменений имеет два

измерения: внешнее (соответствие требованиям) и внутреннее (издержки соответствия, операционная устойчивость). Государство выступает одновременно как фактор изменений (установление нормативных рамок), драйвер изменений (прямое финансирование и инициирование) и оркестратор, координирующий взаимодействие всех участников на платформенной основе (включая негосударственный сектор) и осуществляющий контроль выполнения. Организация — участник стратегической отрасли не может отказаться от изменений или отложить их без существенных санкций (вплоть до прекращения операционной деятельности).

Одним из ключевых направлений развития теории управления изменениями в контексте реализации государственных программ является расширение объекта управления изменениями.

Если в классических моделях объектом изменений выступала отдельная организация, то в новых условиях объектом изменений становится экосистема, представляющая собой совокупность взаимосвязанных участников, включая государственные органы, предприятия, цифровые платформы, институты развития и другие организации.

Экосистема выступает в качестве специфической организационной формы, координирующей деятельность независимых, но комплементарных компаний для формирования комплексного ценностного предложения конечным потребителям и генерации дополнительной стоимости. Данная трансформация ориентирована на создание цифровых общественных благ и формирование сервисных экосистем, функционирующих по платформенному принципу с вовлечением множества стейкхолдеров. В современной управленческой науке существует понимание, что экосистема является особым типом кооперационной структуры, выходящий за рамки отдельной организации. Как отмечает академик РАН РФ Г.Б. Клейнер [4], экосистема – это «закономерное расширение предприятия как институционального понятия и как формы организации реальной экономической деятельности». Р. Аднер определяет экосистему через понятие «структуры», ориентированной на совместное создание ценности множеством участников, связанных отношениями комплементарности [11], где отмечается стирание между внутренней и внешней средой организации [5; 7]. Расширение объекта управления изменениями до уровня экосистемы позволяет отразить учет множественности субъектов изменений, а также системный и постоянный характер изменений, отражая динамику внешней среды и взаимодействия участников.

Построение государственно-частной экосистемы (ГЧЭ) с ядром в виде цифровой платформы полностью соответствуют концепции «Государство-как-платформа», адаптированной российскими экспертами Центра стратегических разработок. Согласно этой концепции, государство создает технологическую платформу для кооперации органов власти, бизнеса и общества. ГЧЭ понимается как устойчивая многоуровневая система взаимодействий, в которой государство, бизнес, наука и иные участники объединены общими целями и связаны не только договором, но и совместным созданием ценности [9]. В этом случае классическое государственно-частное партнёрство (ГЧП) имеет ряд ограничений в связи с описанием конкретного проекта и применением контрактной формы.

Платформенные механизмы координации выполняют несколько функций в управлении изменениями:

— информационная (обеспечение сбора, обработки и распространение информации, необходимой для принятия решений);

— коммуникационная (создание каналов для коммуникации между участниками экосистемы для распространения лучших практик);

— координационная (согласование действий множества участников, позволяя достигать синергетических эффектов);

— институциональная (институциональные механизмы, формирующие правила взаимодействия и снижающие транзакционные издержки);

— обучающая (платформы для организационного обучения, позволяя участникам экосистемы учиться на опыте друг друга).

На основе проведенного теоретического анализа предлагается модель управления изменениями, интегрирующая экосистемный подход с классическими теориями управления изменениями (рис. 2).

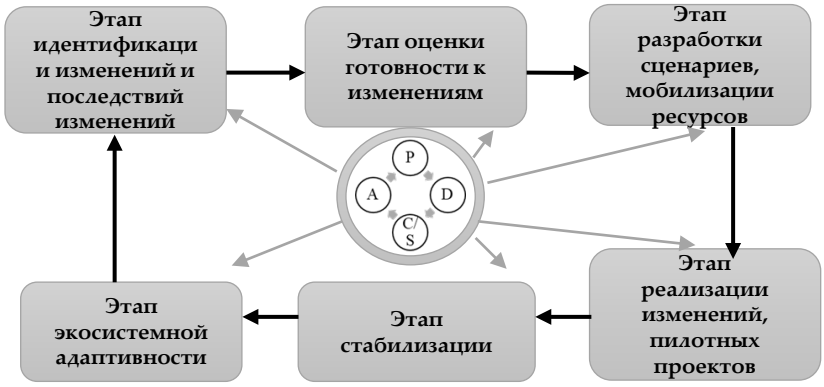

Рисунок 2 — **Этапы адаптивной модели управления изменениями**

Составлено автором.

Данная модель включает шесть ключевых этапов:

1. Этап идентификации изменений и их последствий. В контексте ГЧЭ задача управления изменениями на этом этапе состоит в идентификации изменений в связи с требованиями государственных программ, регуляторных изменений, технологических трендов и других факторов, влияющих на деятельность предприятий.

2. Оценка готовности предприятий к организационным изменениям, которая включает в себя установление уровня цифровой зрелости, финансовой способности, тип организационной культуры, готовность персонала, технологические возможности каждого из потенциального участника экосистемы.

3. Этап разработки сценариев и мобилизации ресурсов для реализации изменений, включающий государственную поддержку, ресурсы партнеров, возможности цифровых платформ и другие источники.

4. Этап трансформации, реализации изменений и реконфигурации ресурсов. На данном этапе запускается пилотный проект, на котором в режиме обратной связи собирается информация для корректировки проекта. Это требует учета взаимосвязей между участниками и возможных побочных эффектов, согласование интересов участников и управление сопротивлением изменениям.

5. Этап стабилизации, интеграции опыта и распространения лучших практик (экосистемное обучение), которые распространяются через платформенные механизмы, что позволяет повышать экосистемную адаптивность всех участников.

6. Этап экосистемной адаптивности, состоящий из сбора обратной связи и оптимизации, формирования устойчивой способности к непрерывным изменениям. Это достигается через создание институциональных, организационных и культурных механизмов, поддерживающих адаптивность всех участников.

Микроуровень адаптивной модели управления изменениями представляет собой циклическую итеративную структуру (PDCA + Agile-спринты), в которой обучение (построение самообучающейся организации) и работа с сопротивлением (постоянная диагностика уровня готовности и сопротивления) являются не отдельными этапами или инструментами, а сквозными процессами.

В отличие от классических моделей управления изменениями, предлагаемая модель учитывает множественность субъектов изменений, непрерывный характер изменений и наличие платформенных механизмов координации. Особое внимание в модели уделяется механизмам согласования интересов различных участников экосистемы и управления сопротивлением изменениям на уровне экосистемы в целом.

Ключевым вызовом управления изменениями в контексте государственных программ является согласование интересов различных участников экосистемы: государства, бизнеса и цифровых платформ. Как показывают исследования, разные группы стейкхолдеров имеют различные, иногда противоречивые, интересы и мотивы участия в изменениях.

На основе анализа управленческих практик выделяются следующие механизмы согласования интересов участников ГЧЭ:

1. Институциональные механизмы (нормативно-правовые акты, регулирующие государственно-частное партнерство, стандарты взаимодействия с цифровыми платформами, правила участия в государственных программах).

2. Организационные механизмы (создание советов по управлению программами, рабочих групп, проектных офисов, совместных комитетов), которые обеспечивают оператив-

ное принятие решений и гибкость в реагировании на изменения.

3. Коммуникационные механизмы (создание каналов для информационного обмена между участниками), обеспечивающие прозрачность взаимодействия и позволяют своевременно выявлять и разрешать конфликты интересов.

4. Мотивационные механизмы (создание стимулов для участников к активному участию в изменениях, состоящие в финансовых стимулах), (субсидии, налоговые льготы), создание нематериальных стимулов (статус, признание, награды), а также санкции за невыполнение обязательств.

5. Механизмы управления сопротивлением, которое может проявляться не только на уровне отдельных предприятий, но и на уровне целых групп стейкхолдеров, в том числе межорганизационными барьерами.

Важно отметить, что в отличие от традиционных подходов, рассматривающих сопротивление как препятствие, которое необходимо преодолеть, адаптивная модель рассматривает сопротивление как источник информации о проблемах и барьерах изменений. Ключевые принципы адаптивной модели управления сопротивлением включают в себя:

— проактивный подход, позволяющий предотвратить возникновение сопротивления через анализ интересов стейкхолдеров, диагностику организационной культуры и идентификацию потенциальных барьеров;

— рассмотрение сопротивления как источника информации о проблемах и барьерах изменений;

— гибкое изменение стратегии изменений на основе анализа сопротивления, которое может указывать на необходимость корректировки целей, сроков, методов или коммуникационной стратегии;

— использование модели самообучающейся организации как системного механизма для получения диагностической информации, для которой сбор и анализ информации о сопротивлении становится частью регулярных процессов организационного обучения;

— коллективное управление сопротивлением, включающее вовлечение участников экосистемы в процесс управления сопротивлением.

ЦТ организации стратегической отрасли выступает не изолированным процессом, а драйвером включения организации в более широкую экосистемную кооперацию. В зависимости от текущего состояния отрасли и степени зрелости цифровых платформ, организация может двигаться по одной из двух траекторий:

1. Траектория участия: организация подключается к уже существующей экосистеме, адаптируя свои внутренние процессы к платформенным стандартам.

2. Траектория построения: организация (часто совместно с государством или другими частными партнёрами) инициирует создание новой экосистемы, выступая в роли оркестратора, выступая в роли «якорного» участника.

В обоих случаях внутренняя ЦТ организации становится неотделимой от экосистемного контекста и необходимой предпосылкой устойчивого функционирования экосистемы, выступая сквозным процессом, который на каждом этапе проявляется в адаптации внутренних IT-архитектур, изменении бизнес-процессов и формировании новых компетенций.

Заключение

Проведенное исследование показало, что классические модели управления изменениями, разработанные для условий относительно стабильной внешней среды и ориентированные на внутреннюю инициативу бизнеса, не в полной мере соответствуют условиям реализации государственных программ развития стратегических отраслей. В работе предложено расширение понятийного аппарата в определении государственно-частной экосистемы как устойчивой институционально и технологически поддержанной формы координации государства, бизнеса и других стейкхолдеров, ориентированной на совместное создание общественно-экономического эффекта и реализацию стратегических отраслевых программ, а также уточнение понятия управление изменениями с учетом расширения объекта управления изменениями до экосистемы, перехода к непрерывному характеру изменений, возникновения платформенных механизмов координации.

Предложены механизмы согласования интересов государства, бизнеса и цифровых

платформ: институциональные, организационные, коммуникационные, мотивационные и механизмы управления сопротивлением. Обосновано, что согласование интересов является ключевым условием успешной реализации программных изменений.

Ключевым принципом предложенной адаптивной модели управления изменениями является рассмотрение сопротивления как источника информации о проблемах и барьерах изменений, требующей адаптации стратегии изменений.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на дальнейшее изучение механизмов проведения изменений в фармацевтической промышленности, разработку методик количественной оценки экосистемной адаптивности и количественной оценки экосистемной готовности к изменениям участников экосистемы.

Литература

1. Авдеева И.Л. Методология стратегического управления изменениями в контексте современных вызовов и возможностей экономики / И.Л. Авдеева // Среднерусский вестник общественных наук, 2022. — Т. 17, №1. — С. 186-200. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-1-186-200 EDN: IFQUHP
2. Адизес И. Управление изменениями без потрясений и конфликтов / И. Адизес. – М.: Альпина Паблишер, 2026. – 260 с.
3. Головина О.Д. Возможности внедрения модели управления изменениями Дж. Коттера в проектный менеджмент организации / О.Д. Головина, О.А. Воробьева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право, 2022. – Т. 32, №5. – С. 805-810. – DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-5-805-810 EDN: HQEDXJ
4. Клейнер Г.Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Экономическая наука современной России, 2020. — №1(88). — С. 7–22.
5. Козырев А.Н. Цифровые экосистемы и платформенная экономика: новые формы организации взаимодействия // Вопросы инновационной экономики, 2022. — Т. 12, №2.— С. 89–104.
6. Кунаков Е.П. Применение новых подходов к циклу Деминга / Е.П. Кунаков // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. – 2022. – Т. 20. – №1. – С. 61-70. DOI: 10.18503/1995-2732-2022-20-1-61-70 EDN: XYQQND
7. Логинова О.В. Цифровые экосистемы в стратегическом управлении промышленными предприятиями // Экономика и управление, 2021. — №8. — С. 45–52.
8. Нив Г. Организация как система: принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга / Г. Нив; пер. Ю. Рубаник, Ю. Адлер, В. Шпер; под редакцией Ю. Адлера, Ю. Рубаника, В. Шпера. — 3-е изд. — М.: Альпина Паблишер, 2024. — 368 с.
9. Попов А.К. Экосистема как механизм государственно-частного партнерства / А.К. Попов // Теоретическая экономика. — 2024 — №3. — С. 45-56. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-3-45-56 EDN: ZIJZEV
10. Сенге П. Танец перемен: новые проблемы самообучающихся организаций / П. Сенге, А. Клейнер, Р. Росс, Б. Смит, Дж. Рот, Ш. Робертс; пер. с англ. Б.С. Пинскера; науч. ред. Б. М. Шпотова. – М.: Олимп-Бизнес, 2017. – 624 с.
11. Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy // Journal of Management, 2017. — Vol. 43(1). — P. 39-58. DOI: 10.1177/0149206316678451
12. Dawson P., Andriopoulos C. Managing Change, Creativity and Innovation/ LA, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: SAGE Publications Ltd.London, Sage Publications, 2017. — 638 pp.
13. Endrejat P.C. Draw it, Check it, Change it: Reviving Lewin's Topology to Facilitate Organizational Change Theory and Practice / Paul C. Endrejat, Bernard Burnes // The Journal of Applied Behavioral Science. — 2022. — V. 60(1). — P. 1-26. DOI: 10.1177/00218863221122875 EDN: PUBFEP
14. Hayes J. The theory and practice of change management. — Palgrave-Macmillan, 2014. — 548p. DOI: 10.1007/978-1-137-28902-5
15. Pettigrew A.M. Studying organizational change and development: Challenges for future research / A.M. Pettigrew, R.W. Woodman, K.S. Cameron // Acad. of management j. Madison (Miss.). — 2001. — Vol. 44, №4. — P. 697-713. DOI: 10.2307/3069411 EDN: DOYQQL
16. Phillips J., Klein J.D. Change Management: From Theory to Practice/ J. Phillips, J.D. Klein// TechTrends, 2023. – №67. – P. 189-197. DOI: 10.1007/s11528-022-00775-0 EDN: HTDWKP
17. Teece D. Explicating dynamic capabilities: The nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance // Strategic Management Journal, 2007. — Vol. 28. — P. 1319–1350.

SOVEREIGN RISKS UNDER UNCONVENTIONAL MONETARY POLICY (EVIDENCE FROM THE EURO AREA)

Mukhametov Oskar Rustyamovich, *Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics; Analyst, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow (Russia)*

This article assesses the effect of the European Central Bank's unconventional monetary policy on the sovereign risk of the largest euro area countries. The relevance of the study stems from the persistence of accommodative unconventional instruments in central banks' toolkits during periods of monetary tightening. Sovereign risk is quantified using the probability of default derived from five-year credit default swap spreads for Germany, France, Italy, and Spain. The empirical analysis covers the period 2009–2025 and compares the level and volatility of each country's sovereign risk depending on the period of unconventional monetary policy implementation. The statistical significance of the results was tested using nonparametric Mann — Whitney and Levene's tests. The results show that the transition from sterilized interventions to net purchases of securities was accompanied by a statistically significant reduction in sovereign risk and a reduction in the fragmentation of debt markets in the euro area. The positive effect of net purchases of government bonds was more pronounced for Spain and Italy, meaning the European Central Bank acted as a market maker of last resort. The probability of default for these countries continued to decline during the period of monetary tightening, but France's sovereign risk increased following the widening of the government budget deficit. Thus, unconventional monetary policy remains an effective tool for minimizing sovereign risk, but requires complementary macroprudential measures to contain systemic imbalances.

Keywords: *unconventional monetary policy; quantitative easing; quantitative tightening; sovereign risk; sovereign default; credit default swap; European Central Bank; euro area.*

EDN: KRGOLM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.32***

Цитировать: *Мухаметов О.Р. Суверенные риски в условиях нетрадиционной денежно-кредитной политики (на примере стран еврозоны) // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 224–231. EDN: KRGOLM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.32*

УДК 339.74
5.2.5

© Мухаметов О.Р., 2026

СУВЕРЕННЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ НЕТРАДИЦИОННОЙ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРОЗОНЫ)

МУХАМЕТОВ Оскар Рустямович, *старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аналитик, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва (Россия)*

SPIN-код: 4046-5157
ORCID ID: 0000-0003-2768-1216
ResearcherID: GSD-5284-2022

В статье оценивается влияние нетрадиционной денежно-кредитной политики Европейского центрального банка на суверенный риск крупнейших стран еврозоны. Актуальность исследования обусловлена сохранением стимулирующих нетрадиционных инструментов в арсенале центральных банков даже в периоды монетарного ужесточения. В качестве индикатора суверенного риска использована вероятность дефолта, выраженная из спредов пятилетних кредитно-дефолтных свопов Германии, Франции, Италии и Испании. Эмпирический анализ охватывает период 2009–2025 гг. и основан на сравнении уровня и волатильности суверенного риска каждой страны в зависимости от периода применения нетрадиционной денежно-кредитной политики. Статистическая значимость результатов проверена непараметрическими тестами Манна — Уитни и Левена. Результаты показывают, что переход от стерилизуемых интервенций к нетто-покупкам ценных бумаг сопровождался статистически значимым снижением суверенного риска и сокращением фрагментации долговых рынков в еврозоне. Положительный эффект нетто-покупок государственных облигаций оказался более выраженным для Испании и Италии, то есть Европейский центральный банк выполнял функцию маркет-мейкера последней инстанции. Вероятность дефолта этих стран продолжила снижаться в период монетарного ужесточения, однако суверенный риск Франции увеличился вслед за расширением дефицита государственного бюджета. Таким образом, нетрадиционная денежно-кредитная политика остаётся эффективным инструментом минимизации суверенного риска, однако требует дополнения макропруденциальными мерами для сдерживания системных дисбалансов.

Ключевые слова: *нетрадиционная денежно-кредитная политика; количественное смягчение; количественное ужесточение; суверенный риск; суверенный дефолт; кредитно-дефолтный своп; Европейский центральный банк; еврозона.*

Введение

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. привел к существенной трансформации инструментария денежно-кредитной политики (ДКП) в развитых странах. Так как процентные ставки центральных банков достигли эффективной нижней границы (*effective lower bound*), для обеспечения финансовой и ценовой стабильности регуляторы обратились к нетрадиционной ДКП. Среди ее инструментов наиболее широкое распространение получило количественное смягчение, то есть регулярные покупки центральными банками государственных облигаций на вторичном рынке [5]. При продолжительных интервенциях центральный банк принимает на себя роль маркет-мейкера последней инстанции, поэтому участники финансовых рынков рассматривают покупки ценных бумаг регулятором как аналог пут-опциона на соответствующие активы [6]. В этой связи программы количественного смягчения способствовали снижению суверенного риска в большинстве стран, что транслировалось по каналу ребалансировки портфелей в уменьшение вероятности дефолта корпоративных эмитентов [15].

Наиболее широкий спектр инструментов нетрадиционной ДКП применил Европейский центральный банк (ЕЦБ), так как еврозона столкнулась не только с продолжительным кредитным сжатием после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., но и с фрагментацией финансовых рынков в период суверенного долгового кризиса. В этой связи с 2009 г. ЕЦБ последовательно расширил инструментарий нетрадиционной ДКП от точечных стерилизованных интервенций до масштабных нетто-покупок государственных ценных бумаг, обеспеченных облигаций и корпоративных долговых обязательств. Кроме того, ЕЦБ внедрил руководство о намерениях (forward guidance), использовал отрицательную процентную ставку по депозитам овернайт и предоставлял банкам ликвидность через целевые долгосрочные операции рефинансирования [2].

При этом стимулирующие нетрадиционные инструменты сохранили актуальность для развитых стран и в период сдерживающей ДКП. В частности, после перехода к политике количественного ужесточения и повышению процентных ставок в 2022 г. ЕЦБ внедрил инструмент защиты трансмиссии, который предполагает покупки государственных облигаций отдельных стран для предотвращения фрагментации финансовых рынков в еврозоне [1]. Таким образом, в настоящее время воздействие на суверенный риск остается основным каналом обеспечения финансовой стабильности посредством нетрадиционной ДКП.

В то же время для еврозоны характерны межстрановые диспропорции в макроэкономических условиях, которые определяют и различия в уязвимости стран к рискам для финансовой стабильности, включая суверенный риск. В данном исследовании оценено влияние нетрадиционной ДКП ЕЦБ на суверенный риск крупнейших стран еврозоны с наиболее ликвидными финансовыми рынками (Германия, Франция, Италия и Испания). В качестве индикатора суверенного риска использована вероятность дефолта перечисленных стран, извлеченная из спредов кредитно-дефолтных свопов (credit default swap, CDS). Новизна исследования состоит в сопоставлении динамики вероятности суверенного дефолта в разные периоды применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ. Рассматриваемые периоды отличаются, с точки зрения, инструментария нетрадиционной ДКП, а также масштаба и направленности импульса. В этой связи результаты эмпирического анализа могут быть использованы при разработке оптимальной ДКП в условиях повышенной волатильности на финансовых рынках.

[1] The Transmission Protection Instrument. European Central Bank. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2022/html/ecb.pr220721~973e6e7273.en.html

Материалы и методы

Одним из индикаторов суверенного риска является вероятность суверенного дефолта, которая в эмпирических исследованиях оценивается несколькими способами. Во-первых, она может быть определена на основе исторической частоты переходов стран с определённым кредитным рейтингом в состояние дефолта [9]. Во-вторых, вероятность суверенного дефолта может быть извлечена из цен рыночных инструментов, включая облигации [8], акции [14] или опционы [7], при этом могут быть учтены и условные обязательства государственного бюджета [11]. В-третьих, модели раннего предупреждения (*early warning system*) оценивают вероятность дефолта посредством эконометрических методов и алгоритмов машинного обучения как функцию от макроэкономических дисбалансов, включая уровень государственного долга, дефицит бюджета, объем международных резервов и прочие переменные [10].

В данном исследовании вероятность суверенного дефолта извлекается из спреда CDS. Данный инструмент представляет собой страховой контракт, по которому покупатель регулярно платит продавцу премию, в то время как продавец обязуется компенсировать покупателю убытки в случае наступления заранее оговоренного кредитного события, включая дефолт или реструктуризацию задолженности определенного заемщика [3]. Соответственно, CDS позволяет покупателю хеджировать кредитный риск по облигациям или кредитам без необходимости продавать данный актив, в то время как продавец использует контракт для получения дохода от премий, принимая на себя кредитный риск. Спред CDS отражает восприятие кредитоспособности эмитента участниками финансового рынка и изменяется в зависимости от изменения его финансового положения.

Для расчета вероятности дефолта на основе спреда CDS учитывается следующая схема взаимодействия между продавцом и покупателем страхового контракта [2]. Продавец CDS несет следующие ожидаемые потери:

$$L=p(1-RR), \quad (1)$$

где p — вероятность дефолта эмитента задолженности, RR — коэффициент возврата долга (recovery rate).

В условиях эффективных финансовых рынков спред CDS представляет собой приведенную стоимость ожидаемых потерь продавца:

$$S=\frac{p(1-RR)}{1+r}, \quad (2)$$

где r — ставка дисконтирования.

Так как контракт CDS предполагает регулярные выплаты премии со стороны покупателя в адрес продавца, спецификация спреда должна учитывать вероятность дефолта эмитента задолженности в разные периоды. В соответствии с моделью постоянного риска (constant hazard model) вероятность дефолта задается следующим образом:

$$p(T(i))=1-e^{-\lambda T(i)}, \quad (3)$$

где λ — интенсивность дефолта, которая представляет собой постоянную величину в каждый период i на горизонте T периодов.

Учитывая постоянную интенсивность дефолта λ, спред CDS (2) может быть переписан следующим образом:

$$S(T)=\frac{B(\lambda,T)}{A(\lambda,T)}(1-RR), \quad (4)$$

где A — приведенная стоимость премий со стороны покупателя в адрес продавца CDS, B — приведенная стоимость компенсации со стороны продавца в адрес покупателя CDS при дефолте эмитента задолженности.

Приведенная стоимость премий зависит от интенсивности дефолта, которая является постоянной величиной:

$$A(\lambda,T)=a_1(\lambda)+...+a_n(\lambda), \quad (5)$$

где a — приведенная стоимость премии со стороны покупателя в адрес продавца CDS в каждом периоде.

При расчете a учитывается вероятность, что эмитент задолженности не объявил дефолт до выплаты премии в период i:

$$a_i(\lambda)=e^{-[\lambda+y(i)]T(i)}, \quad (6)$$

где y — безрисковая ставка, используемая для дисконтирования выплат премии.

[2] Chan-Lau J. A. Market-based estimation of default probabilities and its application to financial market surveillance. International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/-/media/websites/imf/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/wp/2006/_wp06104.pdf

Приведенная стоимость компенсации со стороны продавца CDS также зависит от постоянной интенсивности дефолта:

$$B(\lambda,T)=b_1(\lambda)+...+b_n(\lambda), \quad (7)$$

где b — приведенная стоимость ожидаемой компенсации со стороны продавца в адрес покупателя CDS в каждом периоде.

При расчете b учитывается вероятность, что эмитент задолженности объявил дефолт в промежутке между началом периода i и его завершением:

$$b_i(\lambda)=e^{-y(i)T(i)}\,(e^{-\lambda T(i-1)}-e^{-\lambda T(i)}). \quad (8)$$

Для расчета вероятности суверенного дефолта крупнейших стран еврозоны (Германия, Франция, Италия и Испания) в данном исследовании использованы спреды CDS сроком 5 лет, которые являются наиболее ликвидным сегментом рассматриваемого рынка [1]. Выбранные контракты предполагают ежеквартальные выплаты премии со стороны покупателя в адрес продавца CDS [3]. Для всех стран использован одинаковый коэффициент возврата долга, который фиксирован на уровне 40% в соответствии с методологией рейтингового агентства Fitch [4]. В качестве безрисковой ставки выступила ставка Euribor сроком 1 год [5].

Хронологические рамки эмпирического анализа охватывают период с января 2009 г. по декабрь 2025 г., что позволяет учесть основные периоды применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ [2]:

1) июль 2009 г. — май 2014 г. (точечные стерилизуемые интервенции ЕЦБ в отдельных сегментах долгового рынка);

2) июнь 2014 г. — февраль 2020 г. (нетто-покупки государственных и корпоративных ценных бумаг, отрицательные процентные ставки, руководство о намерениях);

3) март 2020 г. — июнь 2022 г. (дополнительные нетто-покупки государственных и корпоративных ценных бумаг в рамках «пандемических» интервенций, отрицательные процентные ставки, руководство о намерениях);

4) с июля 2022 г. (количественное ужесточение, повышенные процентные ставки).

Для выбранных стран еврозоны оценены описательные статистики вероятности суверенного дефолта в каждом из перечисленных периодов применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ. Среди описательных статистик наибольший интерес представляют медиана и стандартное отклонение, которые отражают устойчивый уровень и волатильность суверенного риска соответственно. Для оценки статистической значимости сдвигов в уровне суверенного риска использован непараметрический U-критерий Манна — Уитни, который проверяет гипотезу о равенстве медиан вероятности дефолта без требования нормального распределения данных [4]. Для проверки гипотезы о равенстве волатильности суверенного риска применен тест Левена (вариант Брауна — Форсайта с центрированием по медиане), который сравнивает абсолютные отклонения наблюдений от центра распределения, обеспечивая робастность результатов к нетипично высоким показателям в периоды рыночного стресса [16].

Результаты и обсуждение

Динамика вероятности суверенного дефолта для крупнейших стран еврозоны представлена на рисунке 1. Наиболее заметные межстрановые различия в уровне суверенного риска наблюдались в период долгового кризиса, так как вероятность дефолта Испании и Италии увеличилась сильнее в сравнении с Германией и Францией. В мае 2012 г. заложенная в спреды CDS вероятность дефолта Испании и Италии составляла 9,3% и 8,8%, соответственно. Данная вероятность дефолта характерна для эмитентов из рейтинговых эшелонов не выше уровня BB [13], однако крупнейшие рейтинговые агентства поддерживали кредитные рейтинги Испании [6] и Италии [7] в этот период на инвестиционном уровне. При этом после долгового кризиса

[3] Credit Default Swap Rates (CDS) // Investing. com. URL: https://www.investing.com/rates-bonds/world-cds

[4] CDS spreads and default risk: Interpreting the signals. AsianBondsOnline. URL: https://asianbondsonline.adb.org/publications/external/2010/CDS_Spreads_and_Default_Risk_FR_12_Oct2010.pdf

[5] Rates. European Money Markets Institute. URL: https://www.emmi-benchmarks.eu/benchmarks/euribor/rate/

[6] Spain — Credit Rating. Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/spain/rating

[7] Italy — Credit Rating. Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/italy/rating

вероятность суверенного дефолта в Италии оставалась существенно выше показателя Испании, который приблизился к траектории Франции. В то же время Германия отличалась наименьшей и наиболее стабильной вероятностью дефолта, которая не превышала 2% на протяжении всего периода.

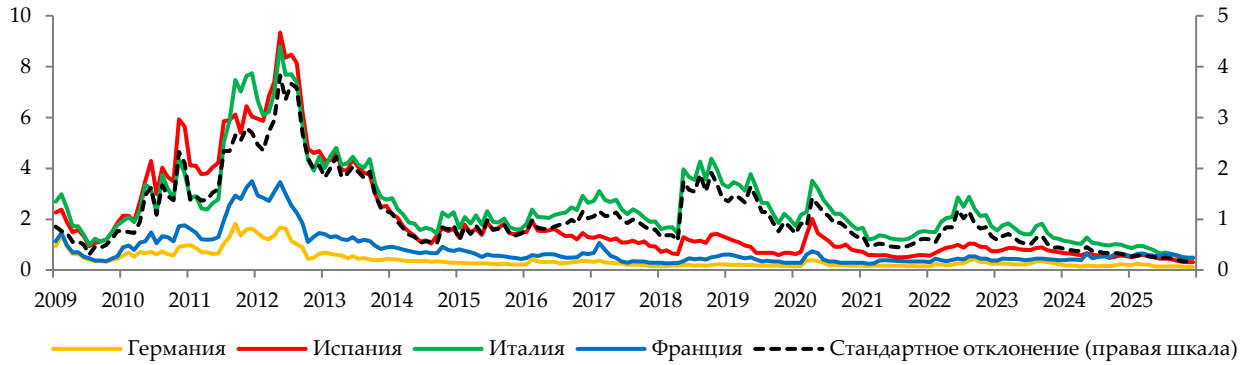

Рисунок 1 — **Вероятность суверенного дефолта отдельных стран еврозоны в январе 2009 г. — декабре 2025 г. (%)**

Источник: рассчитано автором на основе данных сайта Investing.com и Европейского института денежных рынков.

Стандартное отклонение вероятности дефолта для стран выборки на рисунке 1 выступает индикатором фрагментации долговых рынков в еврозоне, устранение которой было одной из целей применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ. В этой связи целесообразно рассмотреть описательные статистики вероятности суверенного дефолта стран еврозоны в каждом периоде применения нетрадиционной ДКП, представленные в таблице 1.

Таблица 1 — **Распределение вероятности дефолта крупнейших стран еврозоны в январе 2009 г. — декабре 2025 г. в разрезе периодов применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ (%)**

Период	Индикатор	Германия	Испания	Италия	Франция
1	Медиана	0,6	4,0	3,7	1,2
	Максимум	1,8	9,3	8,8	3,5
	Минимум	0,3	0,9	1,0	0,3
	Стандартное отклонение	0,4	2,0	2,0	0,8
2	Медиана	0,2	1,2	2,2	0,5
	Максимум	0,4	1,9	4,4	1,1
	Минимум	0,1	0,6	1,4	0,3
	Стандартное отклонение	0,1	0,3	0,7	0,2
3	Медиана	0,2	0,7	1,6	0,3
	Максимум	0,4	2,0	3,5	0,7
	Минимум	0,2	0,5	1,2	0,3
	Стандартное отклонение	0,1	0,4	0,6	0,1
4	Медиана	0,2	0,6	1,1	0,5
	Максимум	0,4	1,0	2,9	0,7
	Минимум	0,1	0,3	0,5	0,4
	Стандартное отклонение	0,1	0,2	0,6	0,1

Источник: рассчитано автором на основе данных сайта Investing.com и Европейского института денежных рынков.

Наиболее высокий уровень суверенного риска для всех стран наблюдался в первом периоде, когда ЕЦБ отреагировал на долговой кризис ограниченными стерилизуемыми интервенциями на рынке государственных облигаций. В этот период медианная вероятность дефолта в странах выборки варьировалась от 0,6% в Германии до 4,0% в Испании. Расширение стимулирующих мер ЕЦБ за счет нетто-покупок ценных бумаг и руководства о намерениях во втором периоде сопровождалось существенным снижением вероятности суверенного дефолта и ее волатильности во всех странах. Однако в Италии этот процесс был менее выраженным, ее медианная вероятность дефолта в этот период составляла 2,2% и почти в два раза превышала показатель Испании. Дополнительные интервенции на рынках ценных бумаг в условиях пандемии COVID-19 предотвратили увеличение вероятности дефолта в странах выборки, однако в Испании наблюдалось повышение ее волатильности. Наконец, переход к сдерживающей ДКП посредством сокращения активов на балансе ЕЦБ вместе с повышением процентных ставок в четвертом периоде не сопровождался по-

вышением суверенного риска в Испании и Италии, что обусловлено стабилизационными мерами регулятора в виде инструмента защиты трансмиссии. При этом во Франции медианная вероятность дефолта в этом периоде выросла и достигла 0,5%, что сопоставимо с показателем Испании.

Для каждой страны проведено попарное сравнение медианного значения и стандартного отклонения между периодами для определения наиболее эффективного дизайна антикризисных мер. Статистическая значимость различий между показателями в разные периоды оценена посредством теста Манна — Уитни для медианной вероятности дефолта и тестом Левена для стандартного отклонения данного индикатора. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 — **Динамика уровня и волатильности вероятности дефолта крупнейших стран еврозоны в январе 2009 г. — декабре 2025 г. в разрезе периодов применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ (п.п.)**

Страна	Сравниваемые периоды	Разность медиан (тест Манна – Уитни)	Разность стандартных отклонений (тест Левена)
Германия	1 и 2	-0,42***	-0,33***
	1 и 3	-0,47***	-0,33***
	1 и 4	-0,43***	-0,32***
	2 и 3	-0,05***	0,00
	2 и 4	-0,01**	0,01
	3 и 4	0,04	0,01
Испания	1 и 2	-2,67***	-1,71***
	1 и 3	-3,18***	-1,69***
	1 и 4	-3,29***	-1,86***
	2 и 3	-0,51***	0,01
	2 и 4	-0,62***	-0,15***
	3 и 4	-0,11**	-0,17**
Италия	1 и 2	-0,98***	-1,28***
	1 и 3	-1,56***	-1,37***
	1 и 4	-2,10***	-1,44***
	2 и 3	-0,58***	-0,09
	2 и 4	-1,12***	-0,16
	3 и 4	-0,54***	-0,07
Франция	1 и 2	-0,70***	-0,65***
	1 и 3	-0,86***	-0,71***
	1 и 4	-0,73***	-0,74***
	2 и 3	-0,16***	-0,06***
	2 и 4	-0,03	-0,08***
	3 и 4	0,14***	-0,03

*Примечание: «***» и «**» обозначают статистическую значимость на уровне 1% и 5% соответственно.*

Источник: рассчитано автором на основе данных сайта Investing.com и Европейского института денежных рынков.

Результаты указывают на статистически значимое ослабление суверенного риска после перехода ЕЦБ к нетто-покупкам ценных бумаг во втором и третьем периодах. При этом вместе с уровнем системного рискам во всех странах сократилась и его волатильность. Кроме того, выявлено статистически значимое сокращение вероятности дефолта во всех странах в условиях пандемии COVID-19. Однако волатильность суверенного риска в этот период сократилась только во Франции, то есть снижение вероятности дефолта в прочих странах не было последовательным. Наконец, несмотря на сдерживающие меры ДКП, в четвертом периоде вероятность дефолта продолжила статистически значимо снижаться в Испании и Италии, в то время как во Франции суверенный риск усилился.

Таким образом, результаты эмпирического анализа указывают на эффективность нетрадиционной ДКП ЕЦБ, с точки зрения ослабления фрагментации долговых рынков в еврозоне. В частности, разброс вероятности дефолта между крупнейшими странами еврозоны с наиболее ликвидными финансовыми рынками существенно снизился благодаря стимулирующим мерам ЕЦБ. Однако ввиду особенностей нетрадиционной ДКП ЕЦБ в разные периоды ее применения траектория суверенного риска в рассмотренных странах оставалась неоднородной. Межстрановые различия в динамике уровня и волатильности вероятности суверенного дефолта позволяют сформулировать следующие выводы относительно эффективной антикризисной нетрадиционной ДКП.

Во-первых, нетто-покупки ценных бумаг центральным банком более эффективны для обеспечения финансовой стабильности в сравнении с точечными стерилизуемыми интервенциями. При этом стабилизационный эффект данных мер является более выраженным в более уязвимых странах с высоким государственным долгом, фискальными и внешнеэкономическими дисбалансами, так как их государственные облигации характеризуются более высокой премией за риск (например, в Испании и Италии).

Соответственно, в период количественного смягчения участники финансовых рынков воспринимают центральный банк как маркет-мейкера последней инстанции, что обеспечивает стабилизационный эффект от нетто-покупок ценных бумаг.

Во-вторых, потенциальные негативные эффекты сдерживающей нетрадиционной ДКП могут быть ограничены точечными стабилизационными мерами со стороны центрального банка. В период количественного ужесточения и повышения процентных ставок с 2022 г. вероятность суверенного дефолта продолжила снижаться в Испании и Италии, государственные облигации которых в явном виде подпадают под действие инструмента защиты трансмиссии. При этом дефицит государственного бюджета в Испании и Италии в этот период сокращался, составив 2,5% ВВП и 3,1% ВВП соответственно в 2025 г. [8]. В то же время суверенный риск Франции усилился ввиду увеличения государственного долга и расходов на его обслуживание вслед за повышением процентных ставок. В 2025 г. дефицит государственного бюджета Франции вырос до 5,1% ВВП. Таким образом, в отличие от количественного смягчения, участники финансовых рынков не рассматривают инструмент защиты трансмиссии в качестве средства минимизации суверенного риска через реализацию ЕЦБ функции маркет-мейкера последней инстанции.

Вместе с положительными эффектами нетрадиционной ДКП необходимо упомянуть ее потенциальные негативные последствия, выявленные в эмпирических исследованиях. В частности, нетто-покупки ценных бумаг в условиях низких процентных ставок и применения руководства о намерениях приводят к искажению рыночного ценообразования активов [12], стимулируя чрезмерное увеличение вложений инвесторов в финансовые инструменты с высоким уровнем риска [17]. Соответственно, переход в будущем к сдерживающей ДКП может привести к существенному повышению волатильности на финансовых рынках, обостряя риски для финансовой стабильности. В этой связи расширение стимулирующей нетрадиционной ДКП необходимо совмещать с усилением макропруденциального регулирования, направленного на ограничение системного риска.

Заключение

В статье рассмотрена траектория суверенного риска в крупнейших странах еврозоны с наиболее ликвидными финансовыми рынками (Германия, Испания, Италия и Франция) в 2009–2025 гг. в разрезе основных периодов применения нетрадиционной ДКП ЕЦБ. Суверенный риск оценен на основе спредов пятилетних CDS в предположении о постоянной интенсивности дефолта. Результаты эмпирического анализа подтвердили эффективность нетрадиционной ДКП ЕЦБ, с точки зрения ослабления суверенного риска. Наиболее выраженный стабилизационный эффект был достигнут в периоды масштабных нетто-покупок ценных бумаг, которые сопровождались устойчивым снижением как уровня, так и волатильности вероятности дефолта, особенно в уязвимых странах с высокими фискальными дисбалансами (Испания, Италия). Соответственно, переход от стерилизуемых интервенций к количественному смягчению повышает доверие участников рынка к ДКП и способствует сокращению фрагментации долговых рынков.

В периоды сдерживающей ДКП (количественное ужесточение и повышение процентных ставок) суверенный риск в странах-бенефициарах инструмента защиты трансмиссии продолжил снижаться, в том числе ввиду сокращения дефицита государственного бюджета. Однако вероятность дефолта увеличилась во Франции, где суверенная долговая нагрузка возросла вследствие повышения расходов бюджета. Это свидетельствует о том, что стабилизационные интервенции способны ограничивать негативные последствия сдерживающей ДКП, однако их эффективность варьируется в зависимости от исходных макроэкономических условий и восприятия участниками финансовых рынков готовности регулятора действовать в качестве маркет-мейкера последней инстанции.

Практическая значимость работы заключается в подтверждении того, что нетрадиционная ДКП остаётся действенным инструментом минимизации суверенного риска и ослабления фрагментации финансовых

[8] World Economic Outlook (WEO). International Monetary Fund. URL: https://data.imf.org/en/datasets/IMF.RES:WEO

рынков. Однако ее применение может быть сопряжено с негативными вторичными эффектами, включая искажение рыночного ценообразования и накопление системных рисков. В этой связи оптимальная стратегия предполагает сочетание стимулирующих мер ДКП с усилением макропруденциального регулирования, а также использование стерилизуемых интервенций в периоды количественного ужесточения. Полученные выводы могут быть использованы при разработке антикризисной макроэкономической политики в условиях фрагментации финансовых рынков.

Литература

1. Григорьева Е. Детерминанты суверенного риска России / Е. Григорьева // Деньги и кредит. — 2021. — №4(80). — С. 74-97. https://doi.org/10.31477/rjmf.202104.74
2. Мухаметов О.Р. Неоднородное влияние нетрадиционной денежно-кредитной политики на финансовую стабильность в странах еврозоны / О.Р. Мухаметов // Современная Европа. — 2025. — №2(130). — С. 79-91. https://doi.org/10.7868/S303459952502007X
3. Abid A., Abid F., Kaffel B. CDS-based implied probability of default estimation / A. Abid, F. Abid, B. Kaffel // The Journal of Risk Finance. — 2020. — №4(21). — P. 399-422. https://doi.org/10.1108/JRF-05-2019-0079
4. Asare B., Arthur Y.D., Obeng B.A., Alija S., Orhani S. Mann-Whitney U test for two independent groups / B. Asare, Y.D. Arthur, B.A. Obeng, S. Alija, S. Orhani // Journal of Research in Didactical Sciences. — 2026. — №1(5). — P. 13-31. https://doi.org/10.51853/jorids/512
5. Bernanke B.S. The new tools of monetary policy / B.S. Bernanke // American Economic Review. — 2020. — №4(110). — P. 943-983. https://doi.org/10.1257/aer.110.4.943
6. Broeders D., de Haan L., van den End J.W. How quantitative easing changes the nature of sovereign risk / D. Broeders, L. de Haan, J.W. van den End // Journal of International Money and Finance. — 2023. — №137. — P. 102881. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2023.102881
7. Culp C.L., Nozawa Y., Veronesi P. Option-based credit spreads / C.L. Culp, Y. Nozawa, P. Veronesi // American Economic Review. — 2018. — №2(108). — P. 454-488. https://doi.org/10.1257/aer.20151606
8. Dionne G., Gauthier G., Hammami K., Maurice M., Simonato J.G. Default risk in corporate yield spreads / G. Dionne, G. Gauthier, K. Hammami, M. Maurice, J.G. Simonato // Financial Management. — 2010. — №2(39). — P. 707-731. https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01089.x
9. Dos Reis G., Pfeuffer M., Smith G. Capturing model risk and rating momentum in the estimation of probabilities of default and credit rating migrations / G. Dos Reis, M. Pfeuffer, G. Smith // Quantitative Finance. — 2020. — №7(20). — P. 1069-1083. https://doi.org/10.1080/14697688.2020.1726439
10. Fuertes A.M., Kalotychou E. Optimal design of early warning systems for sovereign debt crises / A.M. Fuertes, E. Kalotychou // International Journal of Forecasting. — 2007. — №1(23). — P. 85-100. https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2006.07.001
11. Gapen M., Gray D., Lim C.H., Xiao Y. Measuring and analyzing sovereign risk with contingent claims / M. Gapen, D. Gray, C.H. Lim, Y. Xiao // IMF Staff Papers. — 2008. — №1(55). — P. 109-148. https://doi.org/10.1057/palgrave.imfsp.9450026
12. Giménez Roche G.A., Janson N. From conventional to unconventional monetary policies: The failure of the market-maker of last resort / G.A. Giménez Roche, N. Janson // The World Economy. — 2019. — №1(42). — P. 296-317. https://doi.org/10.1111/twec.12659
13. Khromova E. Dynamic mapping of probability of default and credit ratings of Russian banks / E. Khromova // Journal of Corporate Finance Research. — 2020. — №4(14). — P. 31-46. https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.14.4.2020.31-46
14. Oshiro N., Saruwatari Y. Quantification of sovereign risk: using the information in equity market prices / N. Oshiro, Y. Saruwatari // Emerging Markets Review. — 2005. — №4(6). — P. 346-362. https://doi.org/10.1016/j.ememar.2005.09.001
15. Soenen N., Vander Vennet R. ECB monetary policy and bank default risk / N. Soenen, R. Vander Vennet // Journal of International Money and Finance. — 2022. — №122. — P. 102571. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2021.102571
16. Vallejo G., Ato M. Modified Brown–Forsythe procedure for testing interaction effects in split-plot designs / G. Vallejo, M. Ato // Multivariate Behavioral Research. — 2006. — №4(41). — P. 549-578. https://doi.org/10.1207/s15327906mbr4104_6
17. Vu A.N., Katsiampa P. Non-standard monetary policy measures and bank systemic risk in the Eurozone / A.N. Vu, P. Katsiampa // Review of Quantitative Finance and Accounting. — 2025. — №4(64). — P. 1491-1542. https://doi.org/10.1007/s11156-024-01339-4

MECHANISMS FOR ADAPTING MONETARY POLICY TO HETEROGENEOUS MONETARY SHOCKS IN EMERGING MARKET COUNTRIES

Nazarova Elena Vladimirovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Andrushchuk Viktoriia Viktorovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow (Russia)

This article examines the mechanisms for adapting monetary policy to the heterogeneity of monetary shocks in emerging market countries. The relevance of this study lies in the growing fragmentation of the global financial space and the asymmetry of external impulses, which calls into question the applicability of universal monetary rules to structurally heterogeneous economic systems. The aim of this paper is to systematize and conceptually substantiate the qualitatively different modes of central bank responses to demand, supply, and terms of trade shocks, based on the specifics of the transmission mechanism channels in Emerging Market (EM) countries. The emphasis is on uncovering the asymmetry in the impact of monetary impulses in the context of a dualistic production structure. The methodological framework draws on the concepts of open-ended neo-Keynesian macroeconomics, the theory of financial frictions, and the global financial cycle, complemented by a structural and functional analysis of institutional constraints. It is shown that the heterogeneity of the EM economic space predetermines the phenomenon of forced procyclicality, in which an adequate response to inflationary pressure generated by currency depreciation inevitably deepens the downturn in sectors dependent on domestic credit. Effective adaptation is achieved not through fine-tuning a single key rate, but through diversifying the toolkit with non-monetary stabilizers targeting specific vulnerabilities. The theoretical significance of this work lies in enriching the conceptual framework for monetary policy analysis by integrating the microeconomic factor of economic agent heterogeneity. Its practical value lies in developing principles for flexible policy design, free from rigid rules and sensitive to the identification of the nature of the shock.

Keywords: *monetary policy; emerging markets; shock heterogeneity; transmission mechanism; exchange rate; capital flows; macroprudential regulation; structural duality.*

EDN: KVXDZT **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.33**

Цитировать: *Назарова Е.В., Андрущук В.В. Механизмы адаптации денежно-кредитного регулирования к неоднородности денежных шоков в странах с формирующимися рынками // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 232–237. EDN: KVXDZT. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.33*

УДК 336.711.6
5.2.1

© Назарова Е.В., Андрущук В.В., 2026

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ К НЕОДНОРОДНОСТИ ДЕНЕЖНЫХ ШОКОВ В СТРАНАХ С ФОРМИРУЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ

НАЗАРОВА Елена Владимировна, *кандидат экономических наук, доцент*

ORCID: 0000-0002-9130-3538

АНДРУЩУК Виктория Викторовна, *кандидат экономических наук, доцент*

ORCID: 0000-0003-3659-0148

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва (Россия)

Статья посвящена исследованию механизмов адаптации денежно-кредитного регулирования к неоднородности денежных шоков в странах с формирующимися рынками. Актуальность работы связана с нарастающей фрагментацией глобального финансового пространства и асимметрией внешних импульсов, которая ставит под сомнение возможность применения универсальных монетарных правил к структурно неоднородным экономическим системам. Цель исследования заключается в систематизации и обосновании качественно различных режимов реакции центральных банков на шоки спроса, предложения и условий торговли, исходя из специфики каналов трансмиссионного механизма в странах с формирующимися рынками (Emerging Markets — далее EM). Акцент сделан на раскрытие асимметрии воздействия монетарных импульсов в условиях дуализма производственной структуры. Методологической базой послужили концепции неокейнсианской макроэкономики открытого типа, теория финансовых трений и положения о глобальном финансовом цикле, дополненные структурно-функциональным анализом институциональных ограничений. Показано, что неоднородность экономического пространства EM предопределяет феномен вынужденной процикличности, при котором адекватная реакция на инфляционное давление, порождённое ослаблением валюты, неизбежно углубляет спад в секторах, зависимых от внутреннего кредита.

Эффективная адаптация достигается не через настройку ключевой ставки, а за счёт диверсификации инструментария с подключением немонетарных стабилизаторов, направленных на конкретные точки уязвимости. Теоретическая значимость работы состоит в расширении аппарата анализа монетарной политики через включение микроэкономического фактора гетерогенности экономических агентов. Практическая ценность заключается в формировании принципов гибкого управления политикой, свободной от жёстких правил и чувствительной к идентификации природы шока.

Ключевые слова: *денежно-кредитная политика; формирующиеся рынки; неоднородность шоков; трансмиссионный механизм; валютный курс; потоки капитала; макропруденциальное регулирование; структурная дуалистичность.*

Введение

Эволюция монетарной среды последнего десятилетия характеризуется устойчивым нарастанием волатильности и непредсказуемости трансграничных потоков капитала, что определяет актуальность проблематики адаптивности регуляторных режимов. Для центральных банков стран с формирующимися рынками (ЕМ) усложнение внешнего фона сопровождается новыми вызовами, так, в отличие от экономик с развитой и диверсифицированной структурой, где ключевой мандат сводится к сглаживанию стандартного делового цикла, монетарные власти ЕМ вынуждены функционировать в рамках структурной сложности, где импульсы денежно-кредитной политики должны функционировать в условиях непохожих друг на друга хозяйственных укладов. Проблема исследования заключается в том, что теоретические подходы, сфокусированные на моделях общего равновесия для гомогенных экономик, не дают полного объяснения нелинейным эффектам монетарной политики при возникновении неоднородных шоков.

Научный дискурс в области монетарного регулирования прошёл значительную эволюцию, так, труды Клариды, Гали и Гертлера заложили основу неокейнсианского подхода к таргетированию инфляции, предложив рассматривать правило процентной ставки как оптимальный ответ на шоки спроса и предложения [7, с. 1673]. Эта парадигма, ставшая основой политики ведущих центробанков, предполагала симметричность воздействия шоков на различные сегменты хозяйственного организма. Но последующий анализ выявил несостоятельность такого подхода применительно к периферии мирового хозяйства. Дальнейшее развитие связано с исследованиями, которые выявили, что структурная зависимость от внешнего фондирования вынуждает регуляторов ЕМ систематически отклоняться от оптимальных правил, заложенных в неокейнсианских моделях [4, с. 382; 13, с. 18]. Этот подход получил развитие в гипотезе глобального финансового цикла, которая показывает, что динамика монетарных условий в ЕМ определяются не только внутренними факторами, но и колебаниями отношения к риску на глобальных рынках и решениями ФРС США [14, с. 17]. Таким образом, способность центрального банка ЕМ проводить автономную политику ставится под сомнение самим фактом наличия свободного, но частичного трансграничного движения капитала.

Ранние работы объединяли внешние потрясения в общий индекс неопределённости, а современная аналитическая практика настаивает на необходимости выявления их типологии, например в работе [9, с. 621] предлагается доминантно-валютная парадигма, показывающая, что широкое использование доллара в ценообразовании на товарных рынках ЕМ меняет традиционные представления о роли валютного курса как амортизатора шоков. Воздействие номинальной девальвации на инфляцию будет отличаться в зависимости от того, чем она была вызвана. В присутствии агентов с различным доступом к инструментам хеджирования валютных рисков единая ставка рефинансирования создаёт разнонаправленные макроэкономические послед-

ствия [6, с. 3]. Схожий подход в исследованиях, посвящённых балансовым каналам, где уязвимость балансовых счетов к колебаниям премии за риск рассматривается как первичный ответ проциклической реакции монетарных властей [11, с. 2]. Также, в научной литературе фиксируется отход от универсализма, выражающийся в признании того, что эффективность денежно-кредитной политики в значительной степени ограничена немонетарными структурными факторами, что, как следствие, требует разработки комбинированных подходов к стабилизации [1; 2].

Таким образом, несмотря на наличие исследований отдельных аспектов проблемы, сохраняется недостаток в систематизации механизмов адаптации, а также, малоизученным остаётся вопрос о том, каким образом центральный банк должен модифицировать не только параметры, но и саму архитектуру инструментария, чтобы одновременно учитывать присутствие шоков различной природы, и их неодинаковое воздействие на гетерогенную ткань экономики.

Цель статьи заключается в обосновании принципов дифференцированной реакции монетарных властей ЕМ на различные типы шоков.

Методологическую основу составляет структурно-функциональный анализ, позволяющий связать макроэкономическую динамику с институциональными особенностями несовершенных рынков ЕМ.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевой детерминантой экономик с формирующимися рынками (ЕМ), отличающей их от зрелых систем, является не столько темп догоняющего развития, сколько глубокая структурная двойственность. Она проявляется в сосуществовании в едином правовом поле нескольких гетерогенных экономических укладов, функционирующих как автономные анклавы. Один из них тесно интегрирован в глобальные товарные и финансовые цепочки, номинирует выручку и обязательства в резервных валютах и демонстрирует низкую эластичность спроса на кредит по отношению к внутренней ставке процента. Другой ориентирован преимущественно на внутренний рынок, зависим от банковского кредитования в национальной валюте и имеет гораздо более высокую чувствительность к стоимости фондирования [8, с. 433]. В силу описанной структурной дивергенции понятие целостной денежно-кредитной политики становится де-факто номинальным. Наблюдается существенный разрыв в эффективности процентных ставок: если для рыночного сектора таргетирование инфляции выступает жестким бюджетным ограничением, то для субсидируемых и капиталоизбыточных отраслей оно формирует лишь нейтральный экстернальный фон.

Эта дуалистичность получает дополнительную значимость в контексте идентификации природы шока. Так, внешний шок условий торговли, выражающийся в резком падении цен на ключевые статьи сырьевого экспорта, приводит к иной динамике, нежели внутренний шок спроса или внешний шок глобальной ликвидности. Анализ показывает, что именно шок условий торговли активирует самый неблагоприятный сценарий, при котором происходит одновременная реализация инфляционных и рецессионных рисков. При этом, ослабление национальной валюты, вызванное сокращением притока экспортной выручки, через механизм эффекта переноса стимулирует инфляцию издержек для внутренне ориентированного сектора [5, с. 93]. В то же самое время экспортно-ориентированный сектор, несмотря на формальное улучшение ценовой конкурентоспособности, страдает от сжатия внешнего спроса, и это не позволяет ему абсорбировать инфляционный навес через расширение производства. В результате возникает стагфляционная ловушка, неразрешимая в рамках линейных правил Тейлора, и как следствие, центральный банк сталкивается с ситуацией, когда выбор антиинфляционной политики влияет на сектор внутреннего спроса, углубляя рецессию и увеличивая разрыв выпуска [10, с. 9].

Актуальные макроэкономические данные подтверждают тезис о гетерогенном и проциклическом характере воздействия шоков на экономики ЕМ. Ужесточение денежно-кредитной политики ФРС США в 2024 г. стало причиной замедления роста ВВП стран с формирующимися рынками в среднем на 0,7 п.п., при этом инфляционное давление снизилось с 5,8% до 4,5%, но в наиболее уязви-

мых секторах, зависимых от внутреннего кредита, эффект сжатия экономической активности был в 1,5 раза сильнее. Последовавшее смягчение монетарной политики в 2025 г., выразившееся в снижении ключевых ставок в ряде ЕМ в среднем на 0,5 п.п., способствовало восстановлению темпов экономического роста до прогнозируемых 4,0%. Динамика ключевых макроэкономических показателей в странах ЕМ приведена в таблице 1.

Таблица 1 — **Динамика ключевых макроэкономических показателей в странах ЕМ, 2023–2026 гг., %** [1]

Показатель	2023	2024	2025	2026 (прогноз)
Рост ВВП ЕМ	4,0	3,3	4,0	4,2
Средняя инфляция ЕМ	5,8	4,5	4,2	4,0
Изменение ключевой ставки (п.п.)	+1,5	+2,0	–0,5	–1,0

Анализ механизмов передачи монетарных импульсов показал, что в условиях неоднородной структуры работа стандартных каналов подвергается искажениям, смещая фокус с процентного на балансовый канал. Так, процентный канал, который в теоретических моделях выступает основным рычагом воздействия на совокупный спрос, в реалиях ЕМ снижается в силу ограниченного доступа значительной доли заёмщиков к организованному кредитному рынку и высокой доли неформального финансирования. При этом, более действенным становится балансовый канал, описанный применительно к фирмам, но получающий макроэкономическое звучание в условиях высокой долларизации пассивов [3, с. 31]. Теоретическая схема данного искажения заключается в том, что любой внешний шок, вызывающий отток капитала и ослабление национальной валюты, приводит к пропорциональному росту рублёвого эквивалента внешнего корпоративного долга, что ухудшает чистую стоимость капитала компаний-заёмщиков, снижает их кредитоспособность и провоцирует дальнейший отток капитала и давление на валютный курс. Центральный банк оказывается институционально в ловушке, где отказ от повышения ставки чреват неконтролируемой девальвацией с последующим коллапсом балансов, а повышение ставки ограничивает и без того слабый внутренний инвестиционный спрос.

Эта коллизия усугубляется тем, что современная монетарная теория, уточнённая концепцией доминантно-валютного ценообразования, лишает валютный курс его традиционной буферной роли [9, с. 612]. Поскольку подавляющая часть контрактов в международной торговле стран ЕМ номинируется в долларах, ослабление национальной валюты практически не ведёт к краткосрочному росту чистого экспорта из-за неэластичности объёмов, но при этом напрямую передаётся в инфляцию через удорожание импортируемых промежуточных товаров и потребительского импорта. И, как следствие, классическая дилемма между стабилизацией инфляции и стабилизацией выпуска, трансформируется в мнимый выбор, где стабилизация одного параметра ведёт к дестабилизации другого при использовании единственного инструмента процентной ставки [7, с. 1681]. Это противоречие служит основанием необходимости расширения инструментального набора и перехода к политике адаптации как к осознанному комбинированию мер.

Преодоление феномена вынужденной проциклично сти требует описания такой конфигурации регулятивной политики, которая была бы способна разделить цели по различным инструментам, исходя из принципа комплементарности. Отправной точкой может являться отказ от монизма, свойственного таргетированию инфляции, в пользу признания множественности целей и инструментов. Идентификация природы шока становится не только аналитической процедурой, но ключевым триггером, запускающим институциональную конфигурацию. Качественная характеристика инструментов денежно-кредитной политики в зависимости от идентификации типа шока приведена в таблице 2.

[1] International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2025: A Critical Juncture amid Policy Shifts. – Washington, DC: IMF, 2025. URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/Issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025

Банк России. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/165924/onrfr_2025_2027.pdf

Таблица 2 — **Качественная характеристика инструментов денежно-кредитной политики в зависимости от идентификации типа шока**

Тип шока	Характер инфляционного давления	Ограничение для реакции ключевой ставкой	Необходимая комплементарная политика	Ожидаемая роль валютного курса
Положительный шок внутреннего спроса	Классическая инфляция спроса	Риск переохлаждения отсутствует и ограничения минимальны	Нейтральная либо умеренно рестриктивная макропруденциальная политика	«Свободное плавание» при умеренной волатильности
Отрицательный шок совокупного предложения	Стагфляция издержек	Необходимость не убить предложение чрезмерным сжатием спроса	Стимулирующие меры поддержки ликвидности при жёстком контроле инфляционных ожиданий	Ограниченное вмешательство для предотвращения вторичных эффектов
Отрицательный шок условий торговли	Импортируемая инфляция через девальвацию	Коллапс внутреннего спроса при ужесточении; коллапс балансов при бездействии	Активное макропруденциальное ужесточение по валютным операциям, нормы резервирования, контрциклический буфер	Активные вербальные и реальные интервенции для подавления панических настроений

Приведённая классификация показывает, что эффективная адаптация заключается не в прямой регулировании ставки, а в способности регулятора быстро переключать режимы, обоснование гибкости можно найти в работах, посвящённых разделению монетарной и макропруденциальной функций [12, с. 9]. И, согласно данному подходу, инструменты второго контура обладают свойством точечного воздействия, и они позволяют дестимулировать избыточную валютную экспансию банков или бегство от национальной валюты, не повышая общую стоимость кредита для всей экономики. Таким образом, при шоке условий торговли макропруденциальная политика принимает на себя функцию подавления финансовой дестабилизации и сдерживания оттока капитала, освобождая процентную политику от необходимости жертвовать внутренним выпуском ради стабилизации валютного курса. Сравнительный анализ стандартного и адаптивного подходов к монетарной трансмиссии при неоднородных шоках приведён в таблице 3.

Таблица 3 — **Сравнительный анализ стандартного и адаптивного подходов к монетарной трансмиссии при неоднородных шоках** [2]

Характеристика	Стандартный подход	Адаптивный дизайн
Ключевой приоритет	Безусловное таргетирование инфляции	Стабилизация многомерного благосостояния
Инструментальная база	Моноинструментальная	Ставка плюс динамические макропруденциальные нормативы
Роль валютного курса	Побочный продукт ценовой стабильности	Самостоятельный объект мониторинга и косвенного воздействия
Источник проциклично сти	Риск реализации балансовых эффектов при любом ужесточении	Дифференциация: точечное ужесточение для валютной сферы, нейтральность или смягчение для рублёвой
Реакция на неидентифицированный шок	Высокая вероятность ошибки с существенными потерями благосостояния	Применение режима минимизации сожалений

Преимущество адаптивного подхода заключается в его акценте не на поиск точного значения равновесной ставки, а на формирование устойчивой институциональной структуры, которая способна гасить шоки различной природы.

И допущение о существовании двухконтурной системы позволяет уйти от классической дихотомии, в рамках которой центральный банк вынужден выбирать между инфляцией и безработицей. При шоке предложения использование макропруденциальных послаблений для наиболее пострадавших сек-

[2] РА Эксперт. Запас прочности истощается: обзор долгового рынка 2024–2025. URL: https://raexpert.ru/researches/ua/bond_2024/

Евразийская экономическая комиссия. Макроэкономический доклад 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf

Alfaro L. et al. The strength of monetary policy in emerging markets // VoxEU. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/strength-monetary-policy-emerging-markets

торов при сохранении умеренной риторики в отношении инфляционных ожиданий способно минимизировать разбалансировку экономической системы. Такой подход связан с представлениями, где структурная неоднородность требует не усреднения параметров, а дифференциации режимов управления [15, с. 11]. Практическая реализация этой концепции требует высокой степени доверия к регулятору, что является предметом отдельного анализа.

Заключение

Как показал проведённый анализ, эффективная адаптация достигается через диверсификацию инструментария, например благодаря активному применению макропруденциальных мер наряду с тонкой настройкой процентных ставок, странам ЕМ удалось добиться роста в 2025 г., несмотря на глобальную нестабильность. Прогнозы на 2026 г. предполагают сохранение этой траектории на фоне продолжения цикла смягчения монетарной политики.

Таким образом, на основе выявления структурной дуалистичности как признака экономик ЕМ показано, что инструментальная и целевая монистичность стандартных монетарных правил вступает в противоречие с гетерогенностью хозяйственной среды. Различные природы денежных шоков делают невозможным выбор одного вида реакции в правиле процентной ставки без существенных потерь общественного благосостояния. Установлен источник этой несостоятельности, основанный на гипертрофии балансового и валютного каналов трансмиссии при блокировке процентного канала, что обуславливает феномен вынужденной процикличности.

Показано, что идентификация природы шока не является вспомогательным элементом анализа, а выполняет роль фактора, определяющего выбор вида стабилизационной политики. И в дифференциации инструментов по целям видится способ преодоления дилеммы между подавлением инфляции и углублением спада. Теоретическая значимость полученных выводов состоит в расширении неокейнсианской парадигмы за счёт включения микроэкономического принципа неоднородности агентов в анализ макрофинансовой стабильности. С практической точки зрения, сформулированные принципы могут стать методологической основой для пересмотра операционных руководств центральных банков ЕМ, смещая фокус с калибровки ставки на выстраивание многовекторной системы раннего реагирования и точечного воздействия.

Литература

1. Разыграев А.А. Трансформация денежно-кредитной политики в условиях цифровизации экономики: вызовы и перспективы // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17, №2S. — С. 1-10.
2. Шульц Д.Н., Цоколаева З.Э. О некоторых аспектах оптимизации денежно-кредитной политики // Экономическое развитие России. — 2022. — Т. 29, №3. — С. 9–21.
3. Bernanke B.S., Gertler M. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission // Journal of Economic Perspectives. — 1995. — Vol. 9, №4. — Pp. 27–48.
4. Calvo G.A., Reinhart C. Fear of Floating // Quarterly Journal of Economics. — 2002. — Vol. 117, №2. — Pp. 379–408.
5. Ca' Zorzi M., Hahn E., Sánchez M. Exchange Rate Pass-Through in Emerging Markets // SSRN Electronic Journal. — 2007. — Vol. 4. — Pp. 84–102.
6. Camara S., Ramirez Venegas S. The Transmission of US Monetary Policy Shocks: The Role of Investment & Financial Heterogeneity. — 2022. — 57 p.
7. Clarida R., Galí J., Gertler M. The Science of Monetary Policy: A New Keynesian Perspective // Journal of Economic Literature. — 1999. — Vol. 37, №4. — Pp. 1661–1707.
8. Ghironi F. Macroeconomic Interdependence under Incomplete Markets // Journal of International Economics. — 2006. — Vol. 70, №2. — Pp. 428–450.
9. Gopinath G., Itskhoki O. Dominant Currency Paradigm: A Review // Annual Review of Economics. — 2021. — Vol. 13. — Pp. 607–638.
10. Kaminsky G.L. Currency and Banking Crises: The Early Warnings of Distress // SSRN Electronic Journal. — 1999. — Vol. 99, №178. — Pp. 1–41.
11. Lee S.J., Liu L.Q., Stebunovs V. Risk-Taking Spillovers of U.S. Monetary Policy in the Global Market for U.S. Dollar Corporate Loans // Journal of Banking & Finance. — 2022. — Vol. 138. — Art. 105550.
12. Nier E., Jácome L.I., Osinski J., Madrid P. Institutional Models for Macroprudential Policy // IMF Staff Discussion Note. — 2011. — Vol. 11, №18. — Pp. 1–25.
13. Reinhart C.M., Rogoff K.S. This Time is Different: Eight Centuries of Financial Folly. — Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2008. — 125 p.
14. Rey H. Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence // National Bureau of Economic Research. — 2015. — 42 p.
15. Shin H.S. Macroprudential Policies beyond Basel III // BIS Papers. — 2011. — Vol. 60. — Pp. 5–15.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT PRINCIPLES ON THE PROFITABILITY OF ASSET MANAGEMENT COMPANIES IN GLOBAL PRACTICE

Petrushin Andrey Valerievich, *Chief risk officer, Joint Stock Company AAA Capital Management, Moscow (Russia)*

Balashova Svetlana Alekseevna, *PhD of Economics, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba, Moscow (Russia)*

The strengthening of the global ESG agenda and the transformation of financial markets have increased the relevance of assessing how sustainable development principles affect the performance of asset management companies. The study aims to identify the degree and nature of the relationship between ESG indicators and key financial metrics at both the country and corporate levels. The analysis focuses on the institutional conditions in which management companies operate, the quality of the national ESG environment, and individual corporate ESG assessments. The methodological framework combines international ESG rankings, linear normalization of heterogeneous indicators, and correlation analysis of financial metrics for 2022-2024. The empirical base includes the Yale Environmental Performance Index, international ESG ratings, and public financial statements of asset management companies. The results reveal a positive relationship between the quality of a country's ESG environment, the corporate ESG ratings of management companies, and indicators such as ROE, ROA, Net Income / AUM, and Net Income / Revenue. The findings support the conclusion that ESG factors are associated with higher profitability and stronger investment attractiveness of management companies. The scientific novelty of the study lies in combining the country and corporate levels of analysis within a single empirical framework. The practical significance consists in the possibility of using the results by management companies, investors, and regulators when developing sustainable finance strategies.

Keywords: *ESG principles; sustainable development; asset management companies; investment efficiency; institutional environment; financial performance; investment strategies; sustainable investing.*

EDN: KYHXUH **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.34**

Цитировать: *Петрушин А.В., Балашова С.А. Анализ влияния принципов устойчивого развития на прибыльность управляющих компаний в мировой практике // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 238–248. EDN: KYHXUH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.34*

УДК 330.322
5.2.5

© Петрушин А.В., Балашова С.А., 2026

Анализ влияния принципов устойчивого развития на прибыльность управляющих компаний в мировой практике

В условиях усиления глобальной ESG-повестки и трансформации финансовых рынков вопрос о влиянии принципов устойчивого развития на результативность управляющих компаний приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. Исследование посвящено количественной оценке влияния устойчивого развития на прибыльность управляющих компаний в мировой практике. Целью работы является выявление степени и характера связи между ESG-показателями и ключевыми финансовыми метриками на страновом и корпоративном уровнях. В фокусе анализа находятся институциональные условия функционирования компаний, качество национальной ESG-среды и индивидуальные ESG-оценки управляющих компаний. Методологическая база сформирована на основе интегрированного подхода, сочетающего сопоставление международных ESG-оценок, линейную нормализацию разнотипных показателей и корреляционный анализ финансовых метрик за 2022-2024 гг. Эмпирическая база включает Environmental Performance Index Yale, международные ESG-рейтинги и публичную финансовую отчетность управляющих компаний. Установлена положительная связь между качеством ESG-среды страны, корпоративными ESG-рейтингами и показателями ROE, ROA, Net Income / AUM, Net Income / Revenue. Полученные результаты подтверждают, что ESG-факторы связаны с ростом прибыльности и инвестиционной привлекательности управляющих компаний. Научная новизна исследования состоит в сопоставлении странового и корпоративного уровней анализа в единой эмпирической логике. Практическая значимость заключает-

ПЕТРУШИН Андрей Валерьевич,
начальник службы управления рисками, АО «ААА Управление Капиталом», Москва (Россия)
SPIN-код: 9315-6981
ORCID ID: 0009-0001-1952-7043
ResearcherID: PQW-3880-2026

БАЛАШОВА Светлана Алексеевна, *кандидат физико-математических наук, доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия)*
SPIN-код: 8307-9357
ORCID ID: 0000-0003-1797-8825
ResearcherID: N-8285-2016

ся в возможности использования результатов управляющими компаниями, инвесторами и регуляторами при разработке стратегий устойчивого финансирования.

Ключевые слова: *ESG-принципы; устойчивое развитие; управляющие компании; инвестиционная эффективность; институциональная среда; финансовая результативность; инвестиционные стратегии; устойчивое инвестирование.*

Введение

В условиях преобразования мировой финансовой архитектуры и роста значимости устойчивого развития принципы экологической, социальной и корпоративной ответственности (Environmental, Social, Governance, ESG) приобретают системообразующее значение для трансформации экономических моделей и устойчивого сбалансированного роста [2; 7]. Мировая экономика, особенно после формулирования Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, сталкивается с необходимостью перехода от ориентированных на краткосрочную прибыль стратегий к долгосрочным подходам, учитывающим не только финансовые, но и нефинансовые параметры развития [3; 8].

ESG-принципы сегодня рассматриваются не просто как набор этических норм, а как инструмент стратегического управления, способствующий снижению инвестиционных, операционных и репутационных рисков, укреплению доверия заинтересованных сторон и обеспечению устойчивой доходности [20]. Повышенное внимание со стороны регуляторов (например, внедрение SFDR (Sustainable Finance Disclosure Regulation) в ЕС), инвестиционного сообщества и потребителей оказывает прямое давление на бизнес, требуя прозрачности, социальной ответственности и экологической адаптивности. В ответ на это компании, интегрирующие ESG-принципы в свои процессы, получают доступ к долгосрочному капиталу, льготным условиям финансирования и более высокую оценку со стороны инвесторов [32].

Особое значение в обеспечении устойчивости и направленности финансовых потоков на долгосрочные цели приобретают управляющие компании (УК) — институциональные инвесторы, выполняющие ключевую роль в трансформации инвестиционного ландшафта и ответственного финансирования. Будучи профессиональными посредниками между источниками капитала и объектами вложений, УК осуществляют широкий спектр функций, включая структурирование инвестиционных портфелей, селекцию активов, стратегическое планирование, интеграцию риск-менеджмента, обеспечение прозрачности через раскрытие информации, а также взаимодействие с регуляторами в целях соблюдения нормативных требований [11, с. 3]. В данном контексте именно управляющие компании становятся важным механизмом передачи и масштабирования ESG-принципов на инвестиционном рынке. Глобальные ESG-инвестиции демонстрируют стремительный рост (в статье приводится оценка порядка 50 трлн долл. США), что свидетельствует о возрастающем интересе инвесторов к принципам устойчивого развития. При этом, согласно прогнозу PwC, к концу 2025 года объем глобальных активов под управлением (AUM) достигнет 145,4 трлн долларов.

Однако несмотря на рост интереса к ESG-интеграции, в научной и практической среде сохраняется неопределенность относительно ее реального влияния на финансовую эффективность управляющих компаний. Существуют как исследования, подтверждающие позитивную корреляцию между устойчивыми стратегиями и доходностью, так и скептические позиции, указывающие на высокие издержки и слабую измеримость ESG-эффекта. Кроме того, отсутствие единых методологических стандартов затрудняет сопоставимость данных и обуславливает разнородность эмпирических результатов. В связи с чем, возникает потребность в комплексном исследовании, направленном на оценку влияния ESG-принципов на финансовую результативность управляющих компаний в разных институциональных аспектах, что позволит не только выявить закономерности и различия в подходах к устойчивому управлению актива-

ми, но и выработать практические рекомендации для инвестиционного сообщества, регулирующих органов и самих компаний.

Цель исследования — осуществить сравнительный анализ мирового опыта интеграции принципов устойчивого развития в деятельность управляющих компаний и выявить степень и характер их влияния на финансовую результативность.

Обзор литературы

Анализ научной и прикладной литературы свидетельствует о росте академического интереса к проблеме устойчивого инвестирования и его влияния на деятельность финансовых посредников.

Значительное число исследований подтверждает наличие положительной корреляции между уровнем ESG-интеграции и финансовой результативностью компаний [12; 18; 27; 37; 39]. В частности, ESG-подходы способствуют повышению устойчивости к рыночным, операционным и репутационным рискам, укрепляют доверие инвесторов, а также стимулируют долгосрочную доходность инвестиционных портфелей [4; 21; 24; 28; 33; 36]. Отдельные исследования акцентируют внимание на конкретных эффектах реализации устойчивых стратегий, включая повышение рентабельности капитала (ROE), снижение стоимости заимствований, рост инвестиционной привлекательности и капитализации компаний [10; 16; 34; 38]. Такие эффекты особенно заметны в юрисдикциях с развитой ESG-инфраструктурой и нормативной поддержкой устойчивого финансирования.

В то же время в академическом сообществе присутствуют и альтернативные точки мнения. Ряд исследований указывает на возможные издержки внедрения ESG-практик, включая рост административной нагрузки, снижение операционной гибкости и снижение краткосрочной прибыльности [31; 35].

Существует также нейтральная позиция, согласно которой влияние ESG-принципов на финансовую результативность компаний остается незначительным или статистически незначимым [5; 13; 15; 19; 25; 23; 29]. При этом отмечается, что многие управляющие компании по-прежнему ограниченно интегрируют принципы устойчивого развития в свои бизнес-модели. Причинами выступают, в частности, не только отсутствие единых международных стандартов оценки устойчивости, но и сохраняющаяся неопределенность относительно прямого влияния ESG-практик на показатели прибыльности. Более того, в ряде случаев принципы устойчивого развития воспринимаются, скорее, как репутационный актив, чем как инструмент повышения инвестиционной эффективности [9].

Таким образом, несмотря на наличие широкого спектра мнений, существует очевидная потребность в дополнительном сравнительном и эмпирически обоснованном исследовании, ориентированном на сопоставление ESG-рейтингов и финансовых показателей управляющих компаний в разных институциональных контекстах. Данное исследование направлено на преодоление существующих методологических пробелов, связанных с отсутствием единой системы оценки ESG-эффективности и стандартизации финансовых результатов в данной области.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели в данном исследовании применяется комплексный интегрированный аналитический подход [1; 6], сочетающий количественный и институциональный анализ на двух взаимосвязанных уровнях: институциональном (страновом) и корпоративном (уровень управляющих компаний). Впервые осуществляется системное сопоставление данных международных ESG-баз с финансовыми показателями управляющих компаний, полученными из официальных финансовых отчетов. Такой подход обеспечивает комплексное понимание того, как качество ESG-среды в различных юрисдикциях влияет на финансовую результативность участников инвестиционного рынка.

На институциональном уровне анализируется влияние качества ESG-инфраструктуры стран на финансовые показатели управляющих компаний, зарегистрированных в этих юрисдикциях. Методология включает:

— систематизацию стран по качеству ESG-среды на основе агрегированных показателей из международных индексов (Yale EPI, World Bank ESG Indicators, MSCI Country ESG Ratings, Refinitiv ESG Scores и др.).

— преобразование исходных ESG-оценок в сопоставимую шкалу через линейную нор-

мализацию. В основе лежит метод min-max нормализации, широко используемый в эмпирических исследованиях для сведения разнотипных данных к единому масштабу [14; 22]. Процедура заключалась в приведении всех значений к единой шкале от 0 до 10 по формуле (1):

$$ESG_{norm} = ((X_i - X_{min}) / (X_{max} - X_{min})) \times 10. \quad (1)$$

где X_i — исходное значение ESG-показателя;

X_{min}, X_{max} — минимальное и максимальное значение в выборке;

ESG_{norm} — нормализованное значение на шкале от 0 до 10.

— формирование композитного ESG-рейтинга страны. Для повышения объективности, итоговая переменная «ESG-рейтинг страны» рассчитывалась как среднее значение по всем доступным нормализованным оценкам (2):

$$ESG_{country} = (\Sigma\ ESG_{norm\ i}) / n. \quad (2)$$

где n — количество ESG-рейтингов в открытых источниках для данной страны.

Данный подход нивелирует методологические различия между агентствами и снижает риск искажения данных за счет аномалий в отдельном рейтинге. В качестве ключевых предпосылок данного уровня анализа выделяются следующие факторы:

— страны с развитой ESG-экосистемой (например, страны Европейского Союза) внедряют комплексные нормативные требования по раскрытию ESG-рисков и устойчивому инвестированию (в частности, регламент SFDR в ЕС), что стимулирует управляющие компании интегрировать ESG-принципы в свои бизнес-модели;

— наличие развитой ESG-инфраструктуры способствует привлечению долгосрочного капитала, снижению стоимости заемных средств и повышению инвестиционной привлекательности управляющих компаний.

На корпоративном уровне исследуется влияние индивидуальных корпоративных ESG-оценок на финансовую результативность конкретных управляющих компаний. Методология включает:

— сбор ESG-оценок компаний из международных баз (MSCI ESG Ratings, Refinitiv ESG, Sustainalytics, Bloomberg ESG, Morningstar) и их нормализация в шкалу (0–10).

— сопоставление ESG-оценок с фактическими финансовыми метриками за 2022–2024 гг. из официальной отчетности управляющих компаний.

Ключевые основания для корпоративного уровня анализа включают:

— ESG-принципы рассматриваются не только как этическая или социальная ответственность, но и как инструмент снижения репутационных и операционных рисков, повышения устойчивости эмитентов, что оказывает положительное влияние на финансовую отдачу;

— увеличивающийся спрос со стороны институциональных инвесторов и представителей поколений миллениалов на ESG-ориентированные инвестиционные продукты создает дополнительные стимулы для роста доходности и повышения конкурентоспособности компаний;

— доступность подробных корпоративных ESG-данных и финансовых показателей публичных управляющих компаний позволяет проводить точный и объективный количественный анализ.

В качестве основных финансовых показателей эффективности используются относительные метрики, обеспечивающие стандартизацию и сопоставимость результатов между компаниями различного масштаба: чистая прибыль на объем активов под управлением (Net Income / Assets Under Management); рентабельность собственного капитала и активов (Return on Equity, Return on Assets); показатель чистой маржи (Net Income / Revenue).

Для анализа применяется метод корреляционного анализа, что обеспечивает всестороннее исследование взаимосвязей на обоих уровнях (табл. 1).

Предложенный методологический подход к оценке влияния ESG-принципов на прибыльность управляющих компаний обеспечивает аналитическую глубину, необходимую для выявления как системных институциональных эффектов, так и индивидуальных корпоративных практик ESG-интеграции, что позволяет не только подтвердить экономическую значимость ESG-факторов, но и конкретизировать механизмы их влияния в различных институциональных контекстах.

Таблица 1 — **Методологический подход к оценке влияния ESG-принципов на прибыльность управляющих компаний**

Уровень анализа	Аспект исследования	Параметры сравнения	Научно-методологические преимущества
ESG-уровень институциональног о контекста (страновой уровень)	Анализ влияния нормативной и институциональной среды на деятельность управляющих компаний	Страновые ESG-рейтинги ↔ усредненные финансовые показатели управляющих компаний	Позволяет учитывать влияние регуляторных механизмов, инфраструктуры устойчивого развития и макроэкономических факторов
ESG-уровень корпоративного управления (уровень компаний)	Оценка эффективности реализации ESG-стратегий и их влияния на финансовую результативность	Корпоративные ESG-рейтинги ↔ показатели прибыльности конкретных компаний	Обеспечивает выявление влияния конкретных ESG-инициатив на операционную деятельность и финансовые результаты управляющих компаний

Источник: разработано авторами.

Эмпирические результаты

Как свидетельствуют результаты предыдущих исследований, более 80 % мировых ESG-активов сосредоточено в Европе и США, что подчеркивает их безусловное лидерство в формировании глобальной повестки устойчивого финансирования [11]. Данные тенденции во многом обусловлены активными регуляторными мерами. В Европейском союзе действуют ключевые нормативные акты, направленные на интеграцию ESG-принципов в финансовую систему: директива MiFID II (2018), требующая учета ESG-факторов в инвестиционных продуктах; Регламент об устойчивом финансировании (SFDR, 2021), обеспечивающий прозрачность в раскрытии ESG-информации; система классификации Taxonomy Regulation и директива NFRD, регулирующая нефинансовую отчетность. В других странах также наблюдается прогресс в ESG-регулировании. В США SEC разрабатывает стандарты раскрытия ESG-данных, а в Китае реализуется политика «зеленого финансирования», направленная на сокращение углеродного следа. Совокупность этих мер стимулирует бизнес к интеграции ESG-подходов, повышает прозрачность корпоративной отчетности и способствует притоку капитала в устойчивые и ответственные проекты. Эффективная ESG-стратегия, в свою очередь, становится фактором повышения конкурентоспособности компаний на глобальном уровне.

На первом этапе исследования был проведен детализированный анализ институциональной среды, в которой функционируют управляющие компании. Основная исследовательская гипотеза состоит в том, что качество ESG-инфраструктуры на уровне страны оказывает прямое влияние на внедрение устойчивых практик и, как следствие, на финансовую эффективность управляющих компаний.

Для оценки влияния ESG-инфраструктуры на поведение компаний в сфере управления активами проведена классификация стран по уровню развития ESG-среды. Систематизация основана на Environmental Performance Index (EPI) Yale, а также на качественных институциональных параметрах, включая правовое регулирование ESG, транспарентность, политику в области климата и уровень раскрытия корпоративную информации (табл. 2).

Из данных таблицы 2 можно сделать основной вывод: все качественные и количественные данные подтверждают градацию стран по качеству ESG-инфраструктуры, при этом страны Северной Европы, Канады, Великобритании, Германии и Франции стабильно занимают верхние позиции в рейтингах EPI. Средний уровень ESG-среды характерен для США, Японии и ряда развивающихся рынков. Индии, России, Индонезии и Пакистана присущи низкие ESG-рейтинг и слабое институциональное обеспечение устойчивого развития.

Согласно институциональной теории [26; 17; 30], внешняя среда (включая нормативное регулирование, культурные нормы, устойчивые практики и ожидания заинтересованных сторон) формирует поведение компаний и задают «правила игры», способствуя институциональному изоморфизму, при котором бизнес-структуры стремятся соответствовать преобладающим моделям в условиях неопределенности и давления со стороны регуляторов и общества. В этом контексте

государственная ESG-повестка становится не просто фоном, а определяющим вектором трансформации бизнес-моделей. Политики в сфере устойчивого развития (включая требования к раскрытию нефинансовой отчетности, систему налоговых и финансовых стимулов, стандарты устойчивого инвестирования) задают рамочные условия функционирования управляющих компаний. В результате, операторы рынка, действующие в институционально зрелой ESG-среде, вынуждены интегрировать экологические и социальные принципы в корпоративное управление, усиливать внутренние системы риск-менеджмента, совершенствовать процессы устойчивого выбора активов. Такая адаптация способствует не только соответствию нормативным требованиям, но и повышает операционную эффективность, что отражается в росте финансовой результативности.

Таблица 2 — Систематизация стран по качеству институциональной ESG-среды, 2024 год

Уровень ESG-среды	Страна	Yale EPI	ESG-параметры	Управляющие компании AUM
Высокий	Швеция	85+	Комплексная экологическая политика, сильное регулирование	SEB Investment Mgmt, Swedbank Robur
Высокий	Германия	83+	SFDR, Taxonomy, ESG-трансформация в бизнесе	DWS Group, Union Investment
Высокий	Франция	82+	Устойчивое регулирование, ESG-отчетность	Amundi, AXA Investment Managers
Высокий	Нидерланды	84+	ESG-инициативы на уровне ЕС, высокие стандарты отчетности	Robeco, NN Investment Partners
Высокий	Финляндия, Дания	85+	Экологическое лидерство, высокая транспарентность	Nordea Asset Mgmt, Danske Invest
Высокий	Великобритания	81+	ESG-дисклозер, «green finance»	Schroders, Legal & General Investment Mgmt
Высокий	Канада	80+	ESG-обязательства на биржах, государственные стимулы	RBC Global Asset Mgmt, TD Asset Mgmt
Средний	США	70–75	Частный сектор активен, регулирование неоднородное	BlackRock, Vanguard, State Street
Средний	Япония	77+	ESG-переход в бизнесе, нормативная база в развитии	Nomura AM, Nikko Asset Management
Средний	Южная Корея	74+	Переходный этап регулирования ESG	Mirae Asset Global Investments, Samsung AM
Средний	Чили	75+	Развивающаяся ESG-отчетность, климатические инициативы	Banchile Inversiones, AFP Habitat
Средний	ОАЭ	72+	Зелёные инвестиции, климатические обязательства	Emirates NBD Asset Mgmt, Abu Dhabi Investment Co.
Средний	Бразилия	70+	ESG в агро- и энергетике, риски институциональной среды	BTG Pactual, Itaú Asset Mgmt
Низкий	Индия	<60	Начальный уровень регулирования ESG	SBI Funds, HDFC Asset Management
Низкий	Россия	<55	ESG-отчетность не стандартизирована, регулирование ограничено	Сбер Управление Активами, ВТБ Капитал
Низкий	Индонезия	<60	Проблемы с охраной окружающей среды, слабое управление	Mandiri Investment Management, Bahana TCW
Низкий	Нигерия, Пакистан	<50	Отсутствие системного подхода к ESG, институциональные риски	ARM Investment (NG), UBL Fund Managers (PK)

Источник: составлено авторами.

Для проверки гипотезы о влиянии институциональной ESG среды на финансовую эффективность управляющих компаний проведена группировка стран по трем уровням зрелости ESG инфраструктуры (высокий, средний и низкий) с последующей агрегацией ключевых финансовых метрик по крупнейшим компаниям в каждой категории за период 2022–2024 гг. (табл. 3).

Для выявления степени взаимосвязи между качеством ESG-среды на уровне стран и финансовыми результатами компаний целесообразно использовать коэффициент линейной парной корреляции Пирсона (r). Данный показатель отражает направление и силу линейной связи между двумя количественными переменными, в данном случае — ESG-рейтингом страны и каждым из финансовых показателей. Основываясь на методологии исследования, присвоим ESG-рейтинг странам от 0 до 10 (табл.4).

Таблица 3 — **Группировка стран с разным качеством ESG-среды за период 2022–2024 гг.**

Уровень ESG-среды	Страна	Компания	ROE (%)	ROA (%)	Net Income / AUM (%)	Net Income / Revenue (%)	ESG-оценка (MSCI/Sustainalytics/ Refinitiv)
Высокий	Германия	DWS Group	21,2	3,0	0,56	28,1	AA (7,8/10) / 20,1
Высокий	Германия	Union Investment	14,5	2,1	0,42	24,5	A (6,5/10) / 24,3
Высокий	Франция	Amundi	12,9	1,9	0,48	26,7	AA (7,4/10) / 21,2
Высокий	Франция	AXA Investment Managers	13,4	2,0	0,51	27,3	AA (7,6/10) / 18,5
Средний	США	BlackRock	15,5	2,2	0,45	25,4	AA (7,2/10) / 21,8
Средний	США	Vanguard	13,8	1,8	0,39	23,9	A (6,8/10) / 25,7
Средний	Япония	Nomura AM	10,2	1,5	0,34	21,3	BBB (5,8/10) / 30,2
Средний	Япония	Nikko Asset Mgmt	9,5	1,4	0,31	19,7	BBB (5,5/10) / 33,0
Низкий	Индия	SBI Funds	8,7	1,3	0,28	18,5	BB (4,5/10) / 34,6
Низкий	Индия	HDFC Asset Mgmt	9,2	1,4	0,30	19,8	BB (4,7/10) / 33,1
Низкий	Россия	Сбер Управление Активами	8,0	1,1	0,25	17,2	BB (4,3/10) / 36,8
Низкий	Россия	ВТБ Капитал	7,6	1,0	0,21	16,0	B (3,9/10) / 40,5

Примечание: для каждой страны приведены усредненные значения, собранные из открытых источников (Refinitiv, MSCI, Bloomberg, годовая отчетность компаний и отраслевые метрики).

Источник: составлено авторами.

Таблица 4 — **Исходные данные для проведения корреляционного анализа (страновой уровень)**

Страна	ESG-рейтинг (X)	Рентабельность собственного капитала - ROE (%) (Y1)	Рентабельность активов – ROA (%) (Y2)	Чистая прибыль / AUM (%) (Y3)	Чистая прибыль / Выручка (%) (Y4)
Германия	8,69	17,85	2,55	0,49	26,3
Франция	8,31	13,15	1,95	0,495	27,0
США	7,95	14,65	2,00	0,42	24,65
Япония	7,23	9,85	1,45	0,325	20,5
Индия	6,35	8,95	1,35	0,29	19,15
Россия	5,95	7,80	1,05	0,23	16,6

Источник: расчеты авторов.

В результате проведенного анализа установлена взаимосвязь между ESG-рейтингом стран и ключевыми финансовыми показателями управляющих за период 2022–2024 гг. Наблюдается позитивная корреляция между уровнем ESG-среды на страновом уровне и прибыльностью управляющих компаний. Чем выше ESG-рейтинг страны и компании, тем выше значения рентабельности. В целом, данные подтверждают, что качественная ESG-среда способствует более высокой финансовой эффективности. Кроме того, рассчитанные коэффициенты парной линейной корреляции Пирсона демонстрируют, насколько тесно связаны ESG-условия страны и эффективность компаний, работающих в этой юрисдикции.

Результаты проведенного корреляционного анализа подтверждают наличие статистической взаимосвязи между уровнем институционального качества ESG-среды в стране и ключевыми финансовыми показателями эффективности деятельности управляющих компаний. Полученные данные показывают наличие влияния институциональной среды устойчивого развития в формировании финансовых результатов, особенно в аспектах управления активами и операционной эффективности.

Таблица 5 — **Результаты корреляционного анализа между ESG-рейтингом стран и финансовыми показателями управляющих компаний**

Финансовый показатель	Коэффициент линейной парной корреляции (rxy)
ROE	0,932
ROA	0,951
Net Income / AUM	0,978
Net Income / Revenue	0,975

Источник: расчеты авторов.

В целом, эмпирические данные подчеркивают фундаментальную роль институциональной зрелости ESG в обеспечении прибыльного развития финансового сектора, что делает ин-

тегрaцию ESG-критериев стратегически важной для повышения конкурентоспособности и долгосрочной стабильности компаний.

На втором этапе оценивается влияние корпоративного ESG-рейтинга управляющей компании на ее финансовую эффективность. Основная цель — выявить, существует ли устойчивая статистическая связь между уровнем ESG-комплаенса и ключевыми финансовыми метриками компаний, осуществляющих управление активами. Используем усредненные ESG-рейтинги управляющих компаний и соответствующие финансовые показатели (табл. 6).

Таблица 6 — **Исходные данные для проведения корреляционного анализа (корпоративный уровень)**

Компания	ESG-рейтинг* (X)	Рентабельность собственного капитала / ROE (%) (Y1)	Рентабельность активов / ROA (%) (Y2)	Чистая прибыль / AUM (%) (Y3)	Чистая прибыль / Выручка (%) (Y4)
DWS Group	8,6	21,2	3,0	0,56	28,1
Union Investment	7,9	14,5	2,1	0,42	24,5
Amundi	8,6	12,9	1,9	0,48	26,7
AXA IM	8,5	13,4	2,0	0,51	27,3
BlackRock	8,0	15,5	2,2	0,45	25,4
Vanguard	7,8	13,8	1,8	0,39	23,9
Nomura AM	6,4	10,2	1,5	0,34	21,3
Nikko AM	6,2	9,5	1,4	0,31	19,7
SBI Funds	4,6	8,7	1,3	0,28	18,5
HDFC AM	4,7	9,2	1,4	0,30	19,8
Сбер Управление Активами	4,4	8,0	1,1	0,25	17,2
ВТБ Капитал	4,0	7,6	1,0	0,21	16,0

Примечание: средний ESG-балл приведен по шкале MSCI / Sustainalytics / Refinitiv.

Источник: составлено авторами.

В результате проведенного анализа установлена количественная взаимосвязь между ESG-рейтингом компании и ключевыми финансовыми метриками за период 2022–2024 гг. (табл. 7).

Проведенный корреляционный анализ также выявил статистически подтвержденную положительную зависимость между корпоративным ESG-рейтингами управляющих компаний и ключевыми финансовыми показателями их деятельности за период 2022–2024 гг. Результаты показали, что коэффициенты линейной корреляции Пирсона варьируются от 0,799 (ROA) до 0,964 (Net Income / Revenue), что свидетельствует о наличие положительной взаимосвязи между уровнем ESG-комплаенса и финансовой эффективностью компаний.

Таблица 7 — **Результаты корреляционного анализа между ESG-рейтингом компаний и их финансовыми показателями**

Финансовый показатель	Коэффициент линейной парной корреляции (rxy)
ROE	0,848
ROA	0,799
Net Income / AUM	0,882
Net Income / Revenue	0,964

Источник: расчеты авторов.

Данные результаты имеют прикладное значение для цели системного внедрения ESG-стратегий в практику управляющих компаний с целью повышения их инвестиционной привлекательности и финансовой устойчивости.

При этом, необходимо отметить, что наличие положительной статистической взаимосвязи не обязательно говорит о прямой зависимости между ESG-рейтингом стран/компаний и финансовыми показателями управляющих компаний.

Таким образом, как на страновом, так и на корпоративном уровнях ESG-показатели демонстрируют статистически значимую положительную корреляционную связь с финансовой результативностью управляющих компаний (табл. 8).

Анализ подтвердил, что ESG не просто репутационный фактор, а экономически значимая переменная, тесно связанная с рентабельностью бизнеса, что соответствует как современным научным подходам, так и эмпирическим данным международной практики, укрепляя тезис о необходимости институционализации устойчивого финансирования на всех уровнях. В условиях глобального перехода к устойчивому финансированию, игнорирование ESG-факторов становится экономически неоправданным, а их интеграция — необходимым условием повышения корпоративной устойчивости и инвестиционной привлекательности.

Таблица 8 — **Сводные результаты корреляционного анализа влияния принципов устойчивого развития на прибыльность управляющих компаний в мировой практике**

Уровень анализа	Результат корреляции (r)	Интерпретация
Страновой	r ≈ 0,91	Сильная положительная связь между качеством институциональной ESG-среды (ESG-рейтинг страны) и средними финансовыми результатами управляющих компаний. В странах с более развитой и устойчивой ESG-инфраструктурой и институциональными условиями (включая климатическую политику, защиту прав собственности, уровень коррупции, регулирование корпоративной отчетности) имеют место быть тенденции к увеличению рентабельности бизнеса, что, в целом, может свидетельствовать о значимой роли институционального ESG-контекста в формировании финансовых результатов компаний.
Корпоративный	r ≈ 0,97	Очень сильная корреляция между ESG-рейтингами компаний и их финансовыми результатами. Чем выше ESG-оценка компании, тем выше ее прибыльность (особенно ROE и Net Income / AUM), что подтверждает эффективность реализации ESG-стратегий на уровне управления, прозрачности и устойчивости бизнеса: компании с высокими ESG-оценками обладают более высокой эффективностью использования капитала и активов; ESG-фокус влияет не только на восприятие бренда или PR, но и на внутреннюю операционную результативность и финансовые мультипликаторы; подтверждается гипотеза, что ESG-стратегии — это не просто имидж, а практика управления рисками и устойчивости, имеющая измеримый эффект.

Источник: составлено авторами.

Заключение

Проведенное исследование представляет собой комплексный анализ взаимосвязи между ESG-показателями и финансовой результативностью управляющих компаний как на страновом, так и на корпоративном уровнях. В рамках данной статьи поставлены и решены задачи количественной оценки степени ESG-рейтингов на ключевые финансовые метрики, а также выявления и значимости данной связи с использованием методов корреляционного анализа.

На основе результатов анализа удалось подтвердить наличие положительной корреляции между уровнем ESG-комплаенса и показателями рентабельности, что свидетельствует о влиянии роли устойчивого развития в формировании экономической эффективности бизнеса. Полученные данные демонстрируют, что интеграция ESG-факторов ведет к повышению финансовой результативности, снижению рисков и росту инвестиционной привлекательности компаний.

Исходя из анализа качества институциональной ESG-среды можно разделить страны по трем градациям. Верхние позиции в рейтингах EPI занимают страны Северной Европы, Канады, Великобритании, Германии и Франции; средний уровень — США, Япония; слабое институциональное обеспечение устойчивого развития — Индия, Россия, Индонезия и Пакистан.

Важно отметить, что представленное исследование проводилось на основе данных за 2022–2024 годы, что отражает актуальные тенденции и современные вызовы устойчивого финансирования. Ограничения исследования связаны с выборкой и доступностью ESG-рейтингов, что открывает перспективы для дальнейших исследований с расширением географического и отраслевого охвата.

Литература

1. Александров Я.Б. Оценка стоимости компании на развивающихся рынках: сравнительный подход // Экономика и математические методы. — 2019. — Т. 55, №3. — С. 109-123. DOI: 10.31857/S042473880005768-3. EDN: IJMNUW.
2. Берендеева А.Б. Теоретические постулаты концепции устойчивого развития и ESG-трансформации // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. — 2024. — №1(42). — С. 8-25. EDN: DYZVWN.
3. Данилов Ю.А. Устойчивые финансы: новая теоретическая парадигма // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65. №9. — С. 5-13. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-5-13. EDN: ZNMGRX.
4. Ефимова О.В., Волков М.А., Королёва Д.А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. 2021. — №25(4). — С. 82-97. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-82-97. EDN: VXDKKZ.
5. Захматов Д.Ю., Валитов Г.Ш. Влияние ESG-факторов на рыночную капитализацию российских компаний // Сибирская финансовая школа. — 2022. — №3. — С. 183-192. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-3-183-192. EDN: XIBDAS.

6. Кармалита В.А. Синергетический подход к макроэкономическим исследованиям // Экономика и математические методы. 2021. — Т. 57, №4. — С. 17-26. DOI: 10.31857/S042473880017525-6. EDN: WAANNL.
7. Котова В.А., Середина М.И. ESG — трансформация и устойчивое развитие: современные тенденции // Инновационная наука. — 2024. — №1(2). — С. 80-85. EDN: AQXPGE.
8. Кузнецов М.Е. ESG трансформация как новая управленческая парадигма // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2023. — №4. — С. 404-421. DOI: 10.24891/fa.16.4.404. EDN: WNTPPA.
9. Львова Ю.Н., Ларионов К.А. Оценка финансового воздействия ESG-факторов на рыночную стоимость компании и показатели привлекательности ее акций // Экономические науки. 2023. — №229. — С. 45-52. DOI: 10.14451/1.229.45. EDN: DBRNUU.
10. Овечкин Д.В. Ответственные инвестиции: влияние ESG-рейтинга на рентабельность фирм и ожидаемую доходность на фондовом рынке // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. — 2021. — №1. — С. 43-53. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-1-43-53. EDN: SRVZPS.
11. Петрушин А.В. Влияние применения ESG-факторов на стоимость бизнеса управляющих компаний: мировой опыт // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №12(150). — С. 1-11. DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.109. EDN: HTGITH.
12. Alshehhi A., Nobanee H., Khare N. The Impact of Sustainability Practices on Corporate Financial Performance: Literature Trends and Future Research Potential // Sustainability. — 2018. — №10, Vol. 2. 494. DOI: 10.3390/su10020494
13. Behl A. et al. Exploring the relationship of ESG score and firm value using cross-lagged panel analyses: case of the Indian energy sector // Annals of Operations Research. — 2021. — №313, Vol. 1. — Pp. 231-256. DOI: 10.1007/s10479-021-04189-8. EDN: AQOEHP.
14. Bishop C.M. Pattern Recognition and Machine Learning. — Springer Science+Business Media, 2006. — 746 p.
15. Brammer S., Brooks C., Pavelin S. Corporate Social Performance and Stock Returns: UK Evidence from Disaggregate Measures // Financial Management. — 2006. — №35, Vol. 3. — Pp. 97-116. DOI: 10.1111/j.1755-053x.2006.tb00149.x
16. Cohen G. The impact of ESG risks on corporate value // Review of Quantitative Finance and Accounting. — 2023. — №60, Vol. 4. DOI: 10.1007/s11156-023-01135-6. EDN: NUBLQO.
17. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. — 1983. — №48(2). — Pp. 147-160.
18. Ferrarese C., Hanmer J. The impact of ESG investing in corporate bonds. — London: Fidelity International, 2018. — 14 p.
19. Han J.-J., Kim H. J., Yu J. Empirical study on relationship between corporate social responsibility and financial performance in Korea // Asian Journal of Sustainability and Social Responsibility. — 2016. — №1, Vol. 1. — Pp. 61-76. DOI: 10.1186/s41180-016-0002-3.
20. Inderst G., Stewart F. Incorporating Environmental, Social and Governance (ESG) Factors into Fixed Income Investment. — Washington, World Bank, 2018. — 76 p.
21. Jo H., Na H. Does CSR reduce firm risk? Evidence from controversial industry sectors // Journal of Business Ethics. — 2012. — №110(4). — Pp. 441-456. DOI: 10.1007/s10551-012-1492-2. EDN: CFBHIW.
22. Jolliffe I. T., Cadima J. Principal component analysis: A review and recent developments // Philosophical Transactions of the Royal Society A. — 2016. -№374(2065), 20150202. DOI: 10.1098/rsta.2015.0202.
23. Lopez de Silanes F., McCahery J. A., Pudschedl P. ESG Performance and Disclosure: A CrossCountry Analysis // SSRN Electronic Journal. — 2019. — №481. DOI: 10.2139/ssrn.3506084
24. Krüger P. Corporate goodness and shareholder wealth // Journal of Financial Economics. — 2015. — №115, Vol. 2. — Pp. 304-329. DOI: 10.1016/j.jfineco.2014.09.008.
25. Landi G., Sciarelli M. Towards a more ethical market: the impact of ESG rating on corporate financial performance // Social Responsibility Journal. — 2019. — №15(1). — Pp. 11–27. DOI: 10.1108/srj-11-2017-0254.
26. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. — 1977. — №83, Vol. 2. — Pp. 340-363.
27. Melas D., Nagy Z., Kulkarni P. (). Factor investing and ESG integration // In: Jurczenko E., ed. Factor investing: From traditional to alternative risk premia. Amsterdam: Elsevier, 2017. — Pp. 389-413.
28. Nagy Z., Kassam A., Lee L.-E. Can ESG add alpha? An analysis of ESG tilt and momentum strategies // The Journal of Investing. — 2016. — №25, 2. — Pp. 113-124. DOI: 10.3905/joi.2016.25.2.113.
29. Nollet J., Filis G., Mitrokostas E. Corporate social responsibility and financial performance: A nonlinear and disaggregated approach // Economic Modelling. — 2016. — №52. — Pp. 400-407. DOI: 10.1016/j.econmod.2015.09.019
30. Oliver C. Strategic Responses to Institutional Processes // Academy of Management Review. — 1991. — №16, 1. — Pp. 145-179. EDN: BIXDJF.
31. Saygili E., Arslan S., Birkan A. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul // Borsa Istanbul Review. — 2022. — №22, 3. — Pp. 525-533. DOI: 10.1016/j.bir.2021.07.001. EDN: SFAOYL.
32. Schoenmaker D., Schramade W. Principles of Sustainable Finance. — Oxford, Oxford University Press, 2018. — 432 p.

33. Sinha R., Datta M., Ziolo M. Inclusion of ESG factors in investments and value addition: A meta-analysis of the relationship // In: Tarczyński W., Nermend K., eds. Effective investments on capital markets. — Cham: Springer International Publishing, 2019. — Pp. 93-109. DOI: 10.1007/978-3-030-21274-2_7.
34. Shabbir M.S. Nexus between corporate social responsibility and financial and non-financial sectors' performance: A non-linear and disaggregated approach // Environmental Science and Pollution Research. — 2020. — №27, 31. — Pp. 39164-39179. DOI: 10.1007/s11356-020-09972-x. EDN: AHZCIQ.
35. Taliento M., Favino A., Netti A. Evidence of a corporate 'sustainability advantage' from Europe // Sustainability. — 2019. — №11, 6, 1738. DOI: 10.3390/su11061738.
36. Vishwanathan P. et al. Strategic CSR: A concept building meta-analysis // Journal of Management Studies. — 2020. — №57, 2. — Pp. 314-350. DOI: 10.1111/joms.12514.
37. Whelan T., Atz U., Clark C. ESG and financial performance: Uncovering the relationship by aggregating evidence from 1,000 plus studies published between 2015-2020. — New York: NYU STERN, 2021. — 19 p.
38. Wu S. The impact of ESG performance on firm value: The moderating role of ownership structure // Sustainability. — 2022. — №14, 21. — 4507. DOI: 10.3390/su142114507.
39. Yoon B., Lee J., Byun R. Does ESG Performance Enhance Firm Value? Evidence from Korea // Sustainability. — 2018. — №10, 10. — 3635. DOI: 10.3390/su10103635.

CULTURAL POLICY AND BUDGET PRIORITIES: FINDING A BALANCE OF EFFICIENCY

Pomogaybina Elena Pavlovna, *Postgraduate student, St. Petersburg State Economic University, St. Petersburg (Russia)*

In the current context the development of Russia's financial system is undergoing significant changes. The strategic direction for public finance development through 2028 clearly prioritizes the transition from increasing budgetary funding to performance-based budgeting as a key tool for ensuring the state's financial stability. Traditionally viewed as a socially significant sector culture requires special attention in the context of the new budget policy. A turning point emerged in 2025 when cultural activities were formally integrated into the federal project «Labor Productivity», operating under the national initiative «Efficient and competitive Economy», signaling a new approach to cultural development. This project aims to improve the performance of social organizations including cultural institutions signaling a transition to a new stage of resource management in the cultural sector. The current budget allocation mechanism fails to account for the correlation between the growth of budget funding and labor productivity dynamics in the cultural sector. Consequently, it fails to account for the effectiveness of these funds which diminishes the role of state support in the context of the transition to a «culture as investment» model. The methodological framework of the research is grounded is systems analysis, the theory of budget expenditure efficiency, and the concept of result-based budgeting. To deepen the analysis, the study employed statistical methods and economic-mathematical modeling. This approach enabled the identification of a comprehensive set of interrelated indicators that shape the effectiveness of budget expenditures in the cultural sector. Consequently, the research resulted in the development of a three-tiered model for assessing expenditure effectiveness: «efficiency — productivity — effectiveness» was developed. This model allows for systematic analysis of the impact of government support, taking into account not only financial but also socio-cultural impact, and the development of a more informed budget policy.

Keywords: *results-based budgeting; budget; expenditures; cultural sector; labor productivity; efficiency; financial support; finance.*

EDN: LKCFXH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.35***

Цитировать: *Помогайбина Е.П. Культурная политика и бюджетные приоритеты: поиск баланса эффективности // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 249–254. EDN: LKCFXH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.35*

Культурная политика и бюджетные приоритеты: поиск баланса эффективности

УДК 336.143
5.2.4

© Помогайбина Е.П., 2026

В современных условиях развитие финансовой системы России претерпевает существенные изменения. Стратегическое направление развития государственных финансов до 2028 года четко определяет приоритетность перехода от наращивания объемов бюджетного финансирования к повышению эффективности использования выделяемых ресурсов как ключевого инструмента обеспечения финансовой устойчивости государства. Сфера культуры, традиционно рассматриваемая как социальная значимая отрасль, требует особого внимания в контексте новой бюджетной политики. Значительным шагом в этом направлении стало включение культуры в 2025 году в федеральный проект «Производительность труда», реализуемый в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика». Данный проект направлен на повышение результативности работы организаций социальной сферы, в том числе и учреждений культуры, что свидетельствует о переходе к новому этапу управления ресурсами в сфере культуры. Действующий механизм распределения бюджетных средств не учитывает влияние производительности труда и динамики бюджетного финансирования сферы культуры. В результате, не оценивается реальная отдача от вложенных средств, что снижает эффективность государственной поддержки в условиях, когда культура должна рассматриваться как инвестиция. Методологическая база исследования построена на методах системного анализа, теории эффективности бюджетных расходов, концепции бюджетирования, ориентированного на результат. В работе также использованы методы статистического анализа, экономико-математического моделирования. В ходе работы выявлен

ПОМОГАЙБИНА
Елена Павловна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург (Россия)
SPIN-код: 8058-7615
ORCID: 0009-0005-6837-6017

комплекс взаимосвязанных показателей, определяющих эффективности расходов бюджетов на культуру. В результате исследования разработана трехуровневая модель оценки эффективности расходов «экономность — продуктивность — результативность», которая позволяет системно анализировать отдачу от государственной поддержки, учитывать не только финансовую, но и социально-культурную отдачу, а также выстраивать более обоснованную бюджетную политику.

Ключевые слова: *бюджетирование; ориентированное на результат; расходы бюджетов; сфера культуры; производительность труда; эффективность; финансовое обеспечение; финансы.*

Введение

Расходы бюджетов на культуру оцениваются в рамках системного процесса, охватывающего три взаимосвязанных направления: анализ результативности финансирования учреждений культуры, мониторинг целевых показателей и контроль за использованием выделенных средств по назначению. Нормативную базу этой деятельности составляет ст. 34 Бюджетного кодекса РФ, закрепляющая требования к экономности и продуктивности при расходовании бюджетных ассигнований. Согласно данной статье, органы власти и получатели средств обязаны либо выходить на запланированные результаты при минимальных затратах, либо обеспечивать наилучший результат в пределах установленного объема финансирования — в зависимости от того, какой из двух критериев применяется в конкретной ситуации [1].

Сводить эффективность расходов в сфере культуры исключительно к экономии бюджетных средств — значит упрощать проблему: не менее значимым остается вопрос о том, какой реальный вклад культурная деятельность вносит в общественной развитие. Ряд исследователей рассматривают принцип эффективности подобных расходов в двойственном контексте — экономическом и социальном. Первый предполагает анализ отдачи от каждого затраченного бюджетного рубля как на уровне отрасли в целом, так и применительно к отдельным учреждениям, то есть оценку достаточности финансового обеспечения для развития культуры. Второй ориентирован на измерение вклада культурной деятельности в общественные процессы — сохранение наследия, просвещение населения, формирование творческого потенциала общества и решение актуальных социальных задач [2, 4-6]. Классификация показателей эффективности требует комплексного подхода, при котором финансовые параметры и практические итоги деятельности учреждений культуры рассматриваются в совокупности. К финансовым параметрам относятся совокупный объем выделяемых ресурсов, их источники, а также распределение средств между отдельными мероприятиями и учреждениями. Практические итоги деятельности учреждений культуры охватывают результаты реализованных культурных мероприятий на федеральном, региональном и местном уровнях, а также степень эффективности предоставления государственных (муниципальных) услуг учреждениями культуры — то, насколько эта деятельность приносит реальную пользу населению [7].

В рамках концепции Н.М. Гусевой, оценка расходов бюджетов на культуру выстраивается через три взаимосвязанных уровня. Первый из них — экономность — отражает степень рациональности при привлечении ресурсов и минимизацию сопутствующих издержек — без соблюдения этого условия устойчивое функционирование учреждений культуры оказывается затрудненным. Продуктивность, второй элемент, характеризует внутренние процессы системы: речь идет о том, насколько эффективно ресурсы преобразуются в промежуточные результаты в расчете на единицу вложений. Наиболее высоким по своему положению в данной иерархии выступает уровень результативности, который позволя-

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025)

ет судить о том, в какой мере достигаются конечные цели деятельности — социально или экономически значимые — ради которых и осуществляется финансирование сферы культуры [1].

Следовательно, рост отдачи от бюджетных вложений в сферу культуры предполагает переориентацию с формального расходования средств на достижение конкретных, поддающихся измерению результатов, ощутимых как для общества, так и для государства, — при условии рационального распределения располагаемых ресурсов.

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях ограниченных бюджетных возможностей особую значимость приобретает повышение эффективности расходования средств в сфере культуры. Ключевая задача состоит не в механическом сокращении финансирования, а в поиске внутренних резервов и оптимизации процессов, позволяющих достигать стратегических целей при рациональном использовании ресурсов. 2025 год для сферы культуры стал поворотным: она вошла в федеральный проект «Производительность труда», реализуемого в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика». Производительность труда в отрасли культуры предполагает переосмысление устоявшихся моделей работы, оптимизацию внутренних бизнес-процессов и формирование новых стандартов эффективности, учитывающих как бюджетные ограничения, так и социальные функции учреждений культуры [2]. В качестве одного из целевых ориентиров проекта зафиксирован рост посещений учреждений культуры в расчете на одного сотрудника: к 2030 году соответствующее значение должно составить 135,48% [3]. Производительность труда, в соответствии с методикой Минкультуры РФ, определена как отношение числа посещение к численности работников.

Концептуальная основа производительности труда в отрасли культуры строится на зависимости между объемом оказываемых услуг и численностью персонала. Сама по себе идея опирается на следующую зависимость: увеличение объема услуг при неизменной численности персонала свидетельствует о росте результативности, что открывает возможность либо снизить расходы при сохранении прежнего объема услуг, либо нарастить объемы оказываемых услуг при прежнем уровне финансирования. Вместе с тем, часть экспертного сообщества расценивает подобный механизм прежде всего как инструмент бюджетной оптимизации, а не как средство реального повышения качества работы отрасли [3]. Однако при грамотно выстроенной системе целевых индикаторов эти риски поддаются минимизации, а формальные нормативы способны превратиться в действенный механизм отраслевого развития.

Включение показателя производительности труда в систему оценки эффективности дает возможность определять те территории, учреждения культуры, чья деятельность отличается наибольшей результативностью. При опоре на данный показатель в ходе анализа использования бюджетных средств формируется объективная база для их перераспределения между регионами и отдельными учреждениями — что в итоге позволяет сосредоточить финансирование на направлениях с наибольшей социально-экономической отдачей.

Оценка эффективности расходов бюджетов на культуру базируется на системе индикаторов, отражающих эффективность деятельности на уровне ГРБС. Система оценки в предлагаемом подходе строится на сочетании количественных и качественных показателей. Учитывая специфику сферы культуры и трансформации приоритетов бюджетной политики повышение эффективности расходов бюджетов на культуру становится стратегической целью, требующей построения системы мониторинга по трехуровневой модели: «экономность — продуктивность — результативность». Такой подход позволяет обеспечить сбалансированное развитие учреждений культуры, гармонично сочетая финансовую

---

[2] Эффективность и результативность: пути повышения производительности труда в отрасли культуры. URL: https://ock.roskultproekt.ru/wp-content/uploads/2025/12/jeffektivnosti-rezultativnost-puti-povyshenija-proizvoditelnosti-truda-v-otrasli-kultury.pdf

[3] Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13.12.2024г. № 2563 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Производительность труда», входящего в состав национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика».

устойчивость с достижением социальных результатов, так как позволяет учесть двойственную природу сферы культуры, которая требует стабильного финансового обеспечения и защиты от рыночных провалом, с одной стороны, а с другой — способствует динамичному развитию, реагируя на меняющиеся запросы общества.

Значимость показателей для оценки эффективности бюджетных расходов в рамках трехуровневой модели целесообразно дифференцировать следующим образом:

— экономность — 40%;

— продуктивность — 35%;

— результативность — 25%.

Предлагаемая структура весов создает баланс между эффективностью использования средств бюджетов и достижением целей, минимизируя риски смещения акцентов как в сторону чрезмерной экономии, так и в направлении достижения результатов без учета затрат. Экономность является фундаментом эффективного использования средств, поскольку в условиях ограниченного бюджета критически важно избегать перерасходов и оптимизировать затраты. В связи с этим, вес данной группы показателей является превалирующим. Продуктивность служит связующим звеном между рациональным использованием средств и достижением конечных целей, обеспечивая оптимальное соотношение между затратами и результатами. Вес данного показателя не является приоритетным, так как без обеспечения экономности высокие показатели продуктивности могут сопровождаться нерациональным использованием ресурсов. Результативность, несмотря на ее важность, не может иметь наибольшей удельный вес, поскольку достижение целевых показателей данной группы часто зависит от внешних факторов и может быть сопряжено с чрезмерными расходами.

Для каждого измерения выбраны экономические показатели, которые характеризуют эффективность расходов бюджетов на культуру в достижении тех или иных целей (табл.).

Таблица — **Показатели трехуровневой модели оценки эффективности расходов бюджетов на культуру**

Критерий эффективности	**Показатель**	**Формула**
Экономность	Стоимость единицы услуги	$СУ = \frac{P_i}{M_i}$, где Pi - объем бюджетных ассигнований, направленных на финансовое обеспечение i-го учреждения культуры Mi – количество посещений организаций культуры в i-периоде
	Бюджетная обеспеченность населения	$К_{об} = \frac{P_i}{N_i}$, где Pi - объем бюджетных ассигнований, направленных на финансовое обеспечение i-го учреждения культуры Ni – численность населения субъекта РФ.
Продуктивность	Выработка на одного работника (производительность труда)	$N_i = \frac{M_i}{K_i} * 100\%$, где Mi – количество посещений организаций культуры в i-периоде. Ki – численность работников (основной и вспомогательный персонал) в организациях культуры в i-периоде, которая определяется как среднемесячная численность, человек
	Норматив числа получателей услуг	$H_n = \frac{N_{pl}}{N_w}$, где Npl – число получателей услуг, оказываемых учреждениями культуры субъекта РФ; Nw – среднесписочная численность работников учреждений культуры субъекта РФ
	Уровень оплаты труда работников учреждений культуры по отношению к средней заработной плате	$УОТ = \frac{СЗПК}{СЗПР} * 100\%$, где СЗПК – средняя заработная плата работников учреждений культуры, СЗПР – средняя заработная плата в субъекте РФ
Результативность	Уровень удовлетворенности населения РФ качеством предоставления услуг в сфере культуры	На основе социологических опросов. Отчетность Минкультуры

Составлено автором.

Для обеспечения сопоставимости разнородных показателей применяется процедура нормализации, в рамках которой значения каждого индикатора приводятся к единой шкале. Оценка эффективности расходов бюджетов на культуру основывается на суммарном значении интегрированных балльных оценок, сформированных по итогам проведенного анализа. Итоговый показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$I=0,4*Э_э+0,35*Э_п+0,25*Э_р.$$

Сравнение этого показателя между регионами или периодами дает возможность оценить эффективность расходования средств: чем выше стоимость единицы индекса, тем эффективнее используются ресурсы.

Представляется возможным выделение трех уровней эффективности:

— абсолютная эффективность — предполагает, что поставленные цели достигаются в максимально возможной мере. Это фиксируется тогда, когда совокупный балл достигает порогового значения в 1 балл либо превышает его;

— относительная эффективность — фиксируется в тех случаях, когда итоговый показатель укладывается в диапазон от 0,7 до 0,99 балла включительно, что свидетельствует о частичном достижении запланированных результатов;

— неустойчивая эффективность — если суммарный показатель не достигает отметки 0,6 баллов, принятые меры признаются недостаточно результативными.

На основе предложенной методики оценим эффективность расходов бюджетов на культуру. Фокус исследования сосредоточен на культурно-досуговых учреждениях (КДУ), как самой массовой категории организаций в сфере культуры. Ключевое внимание в рамках исследования уделено КДУ Ленинградской области — учреждениям региона, участвующим в пилотном проекте «Производительность труда» [4]. В Ленинградской области насчитывается 364 организации, осуществляющих культурно-досуговую деятельность на муниципальном уровне [5], что обеспечивает репрезентативность выборки для анализа.

Исследование интегральных показателей за 2022-2024 годы демонстрирует неоднородную динамику эффективности использования бюджетных средств в сфере культуры региона. Наблюдается как позитивная, так и негативная динамика в различных муниципальных образованиях (рис).

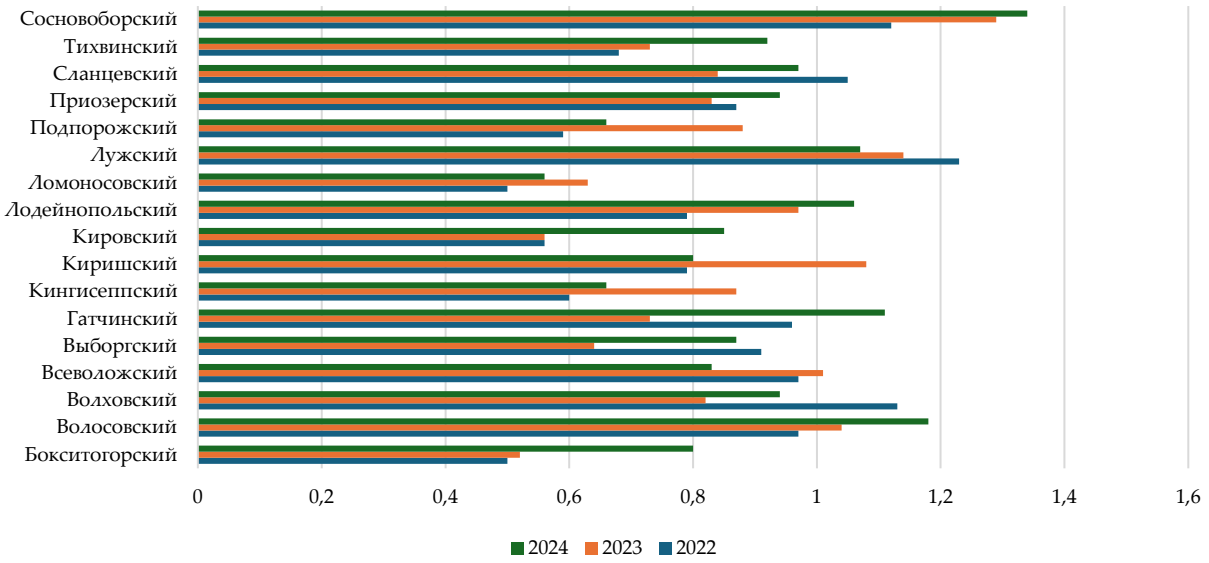

Рисунок — **Результаты интегрального анализа эффективности расходов бюджетов Ленинградской области на КДУ по районам в 2022-2024 гг.**

[4] Эффективность и результативность: пути повышения производительности труда в отрасли культуры. URL: https://ock.roskultproekt.ru/wp-content/uploads/2025/12/jeffektivnosti-rezultativnost-puti-povyshenija-proizvoditelnosti-truda-v-otrasli-kultury.pdf

[5] Статистика в сфере культуры // Комитет по культуре и туризму Ленинградской области. URL: https://kit.lenobl.ru/statistika/

Исследованная выборка муниципальных образований Ленинградской области демонстрирует значительные отличия в уровнях интегральной эффективности, варьирующейся в диапазоне от 0,4 до 1,4 баллов. Лидерами по эффективности использования бюджетных средств в 2024 году на основе разработанной модели оценки является Сосновоборский, Лужский, Лодейнопольский, Гатчинский и Волосовский районы. Для них характерно превышение порогового значения (>1), что свидетельствует об абсолютной эффективности и рациональном использовании бюджетных средств при высоком показателе производительности трудах.

В то же время ряд районов характеризуются нестабильной динамикой. Так, Волховский район Ленобласти, будучи лидером по показателю эффективности в 2022 году, утратил свой статус к 2024 году, снизив показатель с 1,13 баллов до 0,94 баллов. Аналогичная ситуация прослеживается у Сланцевского района Ленобласти, где относительно 2022 года показатель упал на 0,08 пунктов. Подобное положение дел нередко объясняется либо нестабильностью выработки на единицу трудовых ресурсов, либо сдвигами в степени финансовой устойчивости.

Заключение

В результате исследования установлено, что оценка эффективности использования бюджетных средств в сфере культуры формируется под влиянием комплекса взаимосвязанных показателей. Наилучшие результаты демонстрирует те территории, где стоимость услуг, уровень бюджетного финансирования и производительность труда персонала складываются в сбалансированное соотношение.

Среди факторов, определяющих результативность работы учреждений культуры, производительность труда занимает одну из ведущих позиций. Эмпирические данные свидетельствуют о наличии прямой корреляции: районы с относительно высокой выработкой в расчете на одного занятого, в частности, Сосновоборский и Лужский районы характеризуются более высокими интегральными показателями эффективности. Вместе с тем, наращивание объема финансирование само по себе не влечет роста эффективности — без оптимизации прочих составляющих деятельности прирост средств не дает ожидаемого результата.

Литература

1. Гусева Н.М. Оценка эффективности расходования общественных средств в сфере культуры / Н.М. Гусева // Управленец. — 2014. — №3(49). — С. 30-37. EDN: SKEUVV
2. Карепина О.И. Бюджетное финансирование и контроль эффективности расходов в учреждениях культуры / О.И. Карепина, С.Н. Меликсетян // Международный бухгалтерский учет. — 2017. — Т. 20, №14(428). — С. 810-827. DOI: 10.24891/ia.20.14.810 EDN: ZBFIRD
3. Музычук В.Ю. Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? / В.Ю. Музычук // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21, №4. — С. 502-517. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517 EDN: OYLCDT
4. Сабельникова Н.В. Управление эффективностью деятельности в сфере культуры в условиях экономической нестабильности / Н.В. Сабельникова // Петербургский экономический журнал. — 2016. — №4. — С. 168-175. EDN: XFWJJL
5. Сафиулин Р.А. Состояние и оценка учреждений культуры в региональной экономической политике Красноярского края / Р.А. Сафиулин // Прогрессивная экономика. — 2024. — №8. — С. 143-155. DOI: 10.54861/27131211_2024_8_143 EDN: GQPALB
6. Семенова Н.Н. Мониторинг эффективности и результативности бюджетного финансирования учреждений культуры в регионе / Н.Н. Семенова, К.А. Ишуткина // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2017. — №2(410). — С. 22-31. EDN: XKNVTD
7. Серяева М.Г. Финансирование сферы культуры Российской Федерации и показатели результативности ее развития / М.Г. Серяева // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2019. — Т. 8, №2(27). — С. 305-308. DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0075 EDN: WMJPCE

MANAGEMENT OF ORGANIZATION'S STRATEGIC HUMAN RESOURCES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Pribylov Vladislav Pavlovich, *Postgraduate student, Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)*

This study explores the development of a unique approach to strategic human resource management in the context of digital economic transformation. The analysis demonstrates that human resources are a key element of an enterprise's strategic resource management system, fulfilling a dual role as both an object of management and an active participant in organizational change. The author's approach to assessing the strategic importance of personnel, based on the adaptation of the VRIO model to human resources, represents a significant advance in scientific innovation. Specifically, key parameters for assessing strategic human resource potential have been identified, including digital competency, engagement, interoperability, and the complexity of reproduction. As a result, an integrated indicator of employee strategic importance has been developed, enabling the assessment of their contribution to the organization's strategic competitiveness, taking into account the challenges of digital transformation. Practical recommendations have been formulated for developing strategic human resources through training, improving incentive systems, fostering a corporate culture, and supporting organizational interaction, based on the results of an empirical expert assessment of the strategic importance parameters of each employee.

Keywords: *strategic management; human resources; digital transformation; strategic resources; corporate culture; human-centeredness; resource-based approach.*

EDN: LVLXIP ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.36***

Цитировать: *Прибылов В.П. Управление стратегическими человеческими ресурсами организации в условиях цифровой трансформации // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 255–261. EDN: LVLXIP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.36*

УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 338.24
5.2.6

© Прибылов В.П., 2026

Исследование посвящено развитию авторского подхода к управлению стратегическими человеческими ресурсами организации в условиях цифровой трансформации экономики. В ходе анализа обосновано, что человеческие ресурсы являются ключевым элементом системы управления стратегическими ресурсами предприятия, поскольку выполняют двойственную роль как объекта управления и одновременно как активного участника организационных изменений. Научную новизну составляет авторский подход к оценке стратегической значимости персонала на основе адаптации модели VRIO применительно к человеческим ресурсам, а именно, определены основные параметры оценки стратегического кадрового потенциала, включающие уровень цифровых компетенций, вовлеченность, способность к взаимодействию и сложность воспроизводства. В результате разработан интегральный показатель стратегической значимости сотрудников, позволяющий оценивать их вклад в стратегическую конкурентоспособность организации с учетом вызовов цифровой трансформации; сформулированы практические рекомендации по развитию стратегических человеческих ресурсов посредством обучения, совершенствования системы мотивации, формирования корпоративной культуры и поддержки организационного взаимодействия, определяемые исходя из результатов эмпирической экспертной оценки параметров стратегической значимости каждого сотрудника.

Ключевые слова: *стратегическое управление; человеческие ресурсы; цифровая трансформация; стратегические ресурсы; корпоративная культура; человекоцентричность; ресурсный подход.*

ПРИБЫЛОВ Владислав Павлович, *аспирант, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)*
SPIN-код: 4720-3319
ORCID ID: 0009-0008-8023-8612

Введение

Управление стратегическими ресурсами организации как концепция формирования и обеспечения устойчивых долгосрочных конкурентных преимуществ в рыночной среде имеет достаточно долгую традицию в науке и практике менеджмента. Ресурсный подход в стратегическом менеджменте предполагает выделение, целенаправленную поддержку и развитие тех ресурсов компании, которые обеспечивают устойчивые конкурентные преимущества [8, 11]. При этом стратегический характер ресурсов определяется соответствием свойствам ценности, редкости, трудности копирования и встроенности в организационные процессы (VRIO-анализ) [10]. Разумеется, конкретный состав стратегических ресурсов для каждой организации уникален, он будет зависеть и от отрасли, и от накопленного опыта, и от состояния конкуренции и технологического развития основного рынка, а также ресурсных рынков.

В составе стратегических ресурсов отдельно выделяют человеческие ресурсы — совокупность сотрудников, обладающих знаниями, навыками, опытом, компетенциями, без которых стратегическое развитие компании невозможно. К человеческим ресурсам в концепции ресурсного подхода относят не только собственно человеческий капитал и систему знаний, носителем которых является персонал предприятия, но и технологии управления персоналом, направленные на развитие компетенций и повышение мотивации сотрудников [5].

Цифровая трансформация экономики создает новые требования к содержанию и способам сохранения конкурентных преимуществ, концентрируя их вокруг способности организации разрабатывать и применять новые цифровые технологии для создания новых продуктов и потребительской ценности, изменения рыночного позиционирования, совершенствования внутренних бизнес-процессов и т.д. В этих условиях происходит переосмысление значения и роли персонала, как в контексте цифровой грамотности, так и в связи с тенденциями автоматизации и замещения рабочей силы технологиями [1]. Цифровизация, предлагая персонализированный подход к сотруднику, усиливает персонализацию, и в то же время несет риски пренебрежения личностью и гуманизацией [3].

Поэтому востребованной исследовательской задачей является обоснование подхода и выработка инструментов управления стратегическими человеческими ресурсами, соответствующих вызовам цифровизации и современному пониманию изменяющейся роли человека в организационных системах. Для разработки практических управленческих инструментов следует рассмотреть логику выявления и оценки стратегических человеческих ресурсов как интегрирующего элемента системы управления стратегическими ресурсами в современных условиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Человеческие стратегические ресурсы организации занимают двойственную позицию, являясь, с одной стороны, объектами управления, а с другой — подлинными субъектами управленческой деятельности, поскольку благодаря их активности происходит использование и преобразование всех ресурсов в организации. В частности, топ-менеджмент как субъект управления должен выстроить организационные системы и культуру, которые будут мотивировать сотрудников организации к постоянному развитию. Руководители среднего и низового звена, линейные специалисты, эксперты, выполняя решения вышестоящих руководителей, сами своей деятельностью, знаниями и навыками осознанно и целенаправленно задействуют все остальные ресурсы и формируют общие результаты организации [14]. Самостоятельно проявляя инициативу и активность, сотрудники выступают как конечным стратегическим ресурсом развития бизнеса, так и субъектом управления, определяющим способы объединения и использования всех ресурсов для функционирования и трансформации бизнеса.

Исходя из двойственной роли персонала для системы управления стратегическими ресурсами и связующего значения организационных способностей, эти элементы стратегических ресурсов можно считать центральными при формировании и развитии инструментов управления организацией, активными субъектами, участвующими в формировании и реализации стратегических решений (рис.).

Рисунок — **Значение человеческих ресурсов в системе управления стратегическими ресурсами организации** *(составлено автором)*

Стратегические человеческие ресурсы — это сотрудники, представляющие стратегическое значение для развития бизнеса, причем как управленцы, так и профильные специалисты. В контексте цифровой трансформации к таким сотрудникам следует отнести не только технологов, маркетологов, аналитиков, финансистов, но также прежде всего уникальных технических специалистов по искусственному интеллекту, анализу данных, кибербезопасности и т.д. Их стратегическое значение определяется в разной пропорции знаниями и умениями, приобретенными в рамках обучения, работы, сопровождения проектов, а также понимания бизнес-процессов и особенностей компании, поскольку наработанные процедуры, практики, неформальные отношения зачастую дают дополнительную ценность работникам, которую невозможно приобрести или целенаправленно сформировать в новых сотрудниках.

С позиции долгосрочной конкурентоспособности организации в условиях цифровой трансформации человеческие ресурсы рассматриваются не как обслуживающий производственный фактор, а как значимый стратегический актив, выступающий носителем цифровых компетенций и интегратором инновационных организационных изменений. Стратегические человеческие ресурсы увязывают цифровые технологии, стратегию, организационную структуру, культуру, знания и операционные процессы в организации, формируя способы использования и наращивания стратегического потенциала любой организационно-функциональной природы.

В наиболее концентрированном виде настоящим стратегическим ресурсом из числа кадрового потенциала, выполняющим субъектную роль, является лидер цифровой трансформации компании — управленец, который руководит внедрением новых цифровых технологий и изменением бизнес-модели на их основе. Такой лидер должен задавать цифровую стратегию и видение, уметь транслировать их по всем уровням организации, эффективно организовывать и мотивировать команды в компании для решения конкретных задач цифровой трансформации с фокусом на долгосрочную устойчивость [15]. В то же время в стратегическом плане лидер цифровой трансформации ориентируется на создание ценности для клиентов через цифровые каналы и постоянную адаптацию к изменениям внешней среды, рассматривая их как источник и критерий целесообразности пересборки бизнес-модели и изменения бизнес-процессов [13].

Стратегическую ресурсную значимость лидер цифровой трансформации приобретает в том случае, если аккумулирует сочетание стратегических, технологических и социальных компетенций, необходимых для внедрения и сопровождения цифровых изменений в организации. Поэтому необходимо его участие в цифровых проектах компании на разных позициях, наставничество и коучинг со стороны более опытных руководителей, а также системные организационные практики, такие как ротация ролей между разными функциональными подразделениями в организации, поддержка инициатив, создание кросс-функциональных команд.

Вместе с тем позиция и сила лидера цифровой трансформации должна поддерживаться профильными ИТ-специалистами и другими профессионалами, необходимыми для развития бизнеса, и пронизывать всю систему управления и работы с человеческими ресурсами. Таким образом обеспечивается комплексная поддержка и реализация потенциала всех других ресурсов развития организации, поскольку технологические изменения (в материальных и нематериальных активах) требуют актуализации и поддержания необходимого уровня навыков персонала.

Способность и готовность персонала организации к цифровым преобразованиям является необходимым условием конкурентоспособности и долгосрочной устойчивости при цифровой трансформации экономики и основной деятельности компании. Если при точечном внедрении цифровых технологий соответствующие компетенции необходимы только отдельным сотрудникам, то при системной цифровизации компании весь её персонал должен быть знаком и уверен в работе с цифровыми технологиями. Это реализуется путем внедрения программ обучения, развития и карьерного роста через внутренние платформы [6]. Для получения и актуализации компетенций сотрудникам необходимо постоянное обучение и развитие в цифровой сфере. Такую инновационно-ориентированную, поддерживающую среду создает лидер цифровой трансформации через инициативу в обучении и обмене знаниями, стимулирование креативности, вовлечение сотрудников в эксперименты, распределение прав принятия решений и пр.

В логике ресурсно-ориентированного подхода стратегические человеческие ресурсы следует развивать с акцентом на их ценность, редкость, труднокопируемость и организованность (VRIO) [9] в условиях цифровизации. Для этого оценку и анализ предлагается проводить в трех измерениях:

1) наличие кадров (на каких позициях они размещены, что конкретно делают и что должны делать);

2) компетенции всех этих сотрудников — как профессиональные, так и надпрофессиональные и гибкие навыки;

3) встроенность этих кадров в команды, процессы управления, взаимодействие внутри организации.

Для параметрической оценки соответствия элементов человеческих стратегических ресурсов стратегическому статусу в условиях цифровизации, помимо количества, штатной расстановки, функционального распределения по соответствию выполняемым задачам, нужно охарактеризовать навыки, скорость адаптации, нацеленность на развитие и формирование результата и отдельные элементы по модели VRIO. Предлагается формировать единый индекс стратегической значимости отдельных сотрудников, объединяющий следующие обобщенные характеристики:

— наличие видения стратегии цифровой трансформации и компетенций, необходимых для её реализации (условно соответствует элементу V);

— базовая и продвинутая цифровая грамотность в сфере использования данных, автоматизации процессов и пр. (условно соответствует элементу R);

— вовлеченность и скорость взаимодействия, включая готовность пробовать учиться, навыки кросс-функционального взаимодействия со смежными специалистами (условно соответствует элементу O);

— сложность подбора, обучения, развития такого специалиста для организации (условно соответствует элементу I).

С позиции диагностики большинство из представленных параметров носят качественный характер, что затрудняет возможность формирования объективных индикаторов стратегического значения элементов кадрового потенциала для стратегического развития. Поэтому для их оценки рекомендуется использовать усредняющий мнения экспертный метод, в котором свои оценки могут выставить собственники, топ-менеджеры, а также приглашенные эксперты-консультанты. Для оценки каждого из четырех параметров целесообразно разработать расширенный вопросник, характеризующий раскрытие каждого сотрудника по соответствующему параметру в практической деятельности, успешность внедрения цифровых инноваций, значимость участия в стратегических инициативах, качество и результативность внутреннего взаимодействия в организации.

Логика оценки элементов стратегических человеческих ресурсов с условным примером расчета представлена в таблице 1.

Важно не только наличие сотрудника с необходимым образованием и опытом на нужном месте, так или иначе связанном с разработкой, проверкой, внедрением, сопровождением цифровых технологических решений, но и применимые к контексту конкретной компании, неотторжимые от сотрудника опыт и навыки. Поэтому такие специалисты по мере внедрения и изменения продуктов, настройки процессов, реализации стратегических проектов приобретают дополнительную ценность, обеспечивают сохранение конкурентных преимуществ. Замена специа-

листа на такой позиции скорее всего потребует времени и средств на знакомство нового сотрудника с особенностями баз данных, бизнес-процессов, платформы, инструментов и техник, применяемых в организации. В свою очередь, это может привести к потере преимущества перед конкурентами в динамично меняющейся рыночной среде. Поэтому компетентные и высококлассные ИТ-специалисты составляют основу для стратегических человеческих ресурсов организаций в контексте цифровой трансформации экономики. В связи с этим, потенциально узким местом предлагаемого метода является то, что он, рассматривая каждого ключевого сотрудника по отдельности, не позволяет учесть синергетический эффект от их взаимодействия и согласованной работы, а также отсутствие взаимозаменяемости специалистов.

Таблица 1 — **Оценка элементов стратегических человеческих ресурсов в соответствии с моделью VRIO** *(разработано автором)*

Характеристики	ФИО, долж-сть	ФИО, долж-сть	ФИО, долж-сть	ФИО, долж-сть
Роль в управлении стратегическими ресурсами	Лидер цифровой трансфо-рмации	ИТразра-ботчик	Аналитик больших данных	Марке-толог
V (ценность) – стратегическое видение цифровой трансформации, от 1 до 10	10	8	7	10
R (редкость) – уровень цифровой грамотности, от 1 до 10	10	10	10	8
O (организованность) – вовлеченность и взаимодействие, от 1 до 10	10	9	6	8
I (трудность копирования) – сложность получения и взращивания в организации, от 0 до 1	0,9	0,7	0,6	0,5
Итоговая оценка (V+R+O)*I/3	9,0	6,3	4,6	4,3

На основе итоговой VRIO-оценки можно ранжировать сотрудников по их важности для организации, а исходя из поэлементных характеристик — определить потенциал развития и необходимость целенаправленной работы с кадрами для устойчивого стратегического развития с учетом вызовов цифровой трансформации (табл. 2).

Таблица 2 — **Методы работы с сотрудниками для поддержания и развития их стратегического потенциала в условиях цифровой трансформации** *(разработано автором)*

Характеристика	Методы формирования, поддержания, развития	Целевые группы сотрудников
V (ценность) – стратегическое видение цифровой трансформации	Стратегические сессии, обучение, участие в отраслевых событиях, командная работа	Лидер цифровой трансформации
R (редкость) – уровень цифровой грамотности	Дополнительное обучение, тренинги, наставничество, коучинг	Линейные сотрудники, специалисты
O (организованность) – вовлеченность и взаимодействие	Корпоративные мероприятия, проектные сессии, горизонтальная ротация, делегирование	ИТ-специалисты, аналитики данных
I (трудность копирования) – сложность получения и/или взращивания в организации	Программы мотивации и индивидуального развития, командная работа, делегирование	Все сотрудники с высоким уровнем параметра (риски и сложность замены)

Особое внимание следует уделить сотрудникам с высокими значениями параметра «трудность копирования». Означая высокую значимость сотрудника для стратегического развития компании, он также сигнализирует о том, насколько рискованна потеря такого работника.

Предлагаемые мероприятия следует интегрировать в общие планы развития человеческого капитала организации, актуализировать их ежегодно с учетом постоянного мониторинга и обновления оценок стратегической значимости выделенных сотрудников. Важно признать, что практически все они ориентированы на формирование корпоративной культуры, согласованной с бизнес-целями, способствующей повышению вовлеченности и долгосрочному созданию ценности [7]. Отдельные исследования демонстрируют, что поддерживающая культура имеет критическое значение в обеспечении устойчивости цифровой

трансформации [12], а «человекоцентричное удержание персонала» становится предпосылкой конкурентоспособности организации [4]. Соответственно, в контексте развития стратегических человеческих ресурсов лидеры должны отдавать приоритет не только технологическому развитию и повышению квалификации сотрудников, но также трансформации среды и культуры, чтобы максимально вовлекать всех в процессы цифровой трансформации и формировать резерв стратегически значимых сотрудников.

Ввиду субъективности экспертных мнений, лежащих в основе параметрической оценки, открытое сопоставление важности сотрудников может спровоцировать явные или скрытые конфликты, демотивировать, разочаровать. Индивидуальную работу с кадрами следует проводить не только на основе их ценности для компании, но также с учетом социально-психологических характеристик личности [2]. Поэтому для поддержания благоприятной корпоративной среды, культуры взаимодействия и единства, нужно с осторожностью относиться к публичному выделению и ранжированию сотрудников, значимых с позиции стратегического цифрового развития.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что цифровая трансформация как непрерывный процесс изменений в бизнесе, основанный на развитии технологий, предполагает постоянное развитие человеческого капитала, совершенствование кадрового потенциала, соответствующее актуальным целям организации, её стратегии, стадиям цифровизации отдельных процессов и бизнеса в целом. Для системного представления содержания стратегических человеческих ресурсов, требований к уровню и формам их развития, синхронизированными с технологическими изменениями, ресурсным потенциалом и конкурентными позициями организации, следует определять количественные и качественные параметры стратегических человеческих ресурсов. Их диагностика должна носить системный, периодический характер и становиться основой разработки инструментов по поддержанию и развитию элементов стратегических человеческих ресурсов.

Такой подход, интегрируя ресурсную концепцию управления организацией и стратегический подход к управлению конкурентоспособностью в соответствии с условиями цифровой трансформации, обеспечивает человекоцентричность в управлении стратегическими ресурсами организации через приоритизацию человеческого капитала, доверия, вовлечения и работы со всеми категориями работников с особым акцентом на важнейших характеристиках лидеров цифровой трансформации и уникальных сотрудников, обеспечивающих формирование и реализацию ключевых конкурентных преимуществ организации.

Литература

1. Багдыков К.Т., Шевченко Д.А. Развитие корпоративной культуры и гибких компетенций в контексте цифровой трансформации компании // Креативная экономика. — 2022. — Т. 16, №6. — С. 2277-2288. — DOI 10.18334/ce.16.6.114799. — EDN ZPUXNW.
2. Гламазда А.В., Шевченко Д.А. Менеджмент компании в условиях санкционного давления и конфронтации // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. — 2026. — №1.- С. 61-70.
3. Лукашевич Н.С., Алексеева Н.С. Развитие подходов к системам мотивации трудовых коллективов в контексте цифровизации и человекоцентричности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2025. — №2(81). — С. 133–142.
4. Митрофанова Е.А., Митрофанова А.Е. Стратегия человекоцентричного удержания персонала как ключевой фактор конкурентоспособности организации // Лидерство и менеджмент. — 2026. — Т. 13, №3. — С. 323-336.
5. Прибылов В.П. Трансформация содержания и структуры стратегических ресурсов бизнеса в цифровой среде // Инновационные тренды в международном бизнесе и устойчивом менеджменте: сб. ст. IV Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 05–07 декабря 2024 года. — Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный федеральный университет, 2025. — С. 84-88.
6. Соколов Д.Н., Завьялова Е.К. Интеграция стратегических ресурсов организации в условиях новой экономики: концептуальная модель // Вестник СПбГУ. Менеджмент. — 2018. — Т. 17. Вып. 1. — С. 46–68.
7. Трофимова Н.Н. Культура высокой производительности с позиций стратегического управления организацией в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — №3, Т. 6. — С. 40-46.

8. Хэмел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. — М.: Олимп-Бизнес, 2002. — 288 с.
9. Alifia S., Dalimunthe G. P. Operationalisation of Internal Analysis Using the Vrio Framework: Assessing Resource and Capability Management in a Bandung-Based Coffee Business (Case Study: Kopi Anjis) // International Journal of Economics and Management Research. — 2024. — №3. — Pp.286-296.
10. Barney J.B. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of management. — 1991. — Vol. 17. №1. — Pp. 99–120.
11. Barney J., Wright M., Ketchen D.J. The Resource-Based View of the Firm: Ten Years After 1991 // Journal of Management. — 2001. — №27. — Pp. 625-641.
12. Bindel Sibassaha J.L., Pea-Assounga J.B.B., Bambi P.D.R. Influence of digital transformation on employee innovative behavior: roles of challenging appraisal, organizational culture support, and transformational leadership style // Frontiers in Psychology. — 2025. — №16. — 1532977.
13. McCarthy P., Sammon D., Alhassan I. The characteristics of digital transformation leadership: Theorizing the practitioner voice // Business Horizons. — 2024. — №67(4). — Pp. 411-423.
14. O'Reilly C.A., Tushman M.L. The ambidextrous organization // Harvard Business Review. — 2004. — №82(4). — Pp. 74–81.
15. Schiuma G., Santarsiero F., Carlucci D., Jarrar Y. Transformative leadership competencies for organizational digital transformation // Business Horizons. — 2024. — №67(4). — Pp. 425-437.

DEVELOPMENT OF A DYNAMIC OLAP MODEL FOR SYSTEM MONITORING OF THE PERFORMANCE INDICATORS OF AN ORGANIZATION'S PROJECT ACTIVITIES

Rasskazova Irina Nikolaevna, *PhD of sociology, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow (Russia)*

Of scientific interest is the modeling of a strategic project management system in a modern organization, capturing the fragility, uncertainty, and multi-variant nature of its future, as well as the tools for adapting the project system to changes in a dynamic market environment. According to the proposed research hypothesis, integrated project management in a modern organization should be implemented using a dynamic OLAP model in a continuous system monitoring format across three blocks: nine functional areas of the project, key areas of activity for each functional area, and five phases of its life cycle. The scientific novelty and significance of this study stem from the fact that the proposed dynamic OLAP model for system monitoring of project performance indicators in a modern company combines modern management technologies and traditional agile project management methods. As a result, the application of the model facilitates the implementation of project goals, accelerates the adoption of optimal project decisions by the project office by increasing cross-functional interaction between project teams in the Agile Release Train format, improves the level of scenario planning in the process of strategically setting up the organization's project portfolio, and improves the effectiveness of systemic monitoring of the performance indicators of the organization's employees in the projects being implemented.

Keywords: *dynamic OLAP model; system monitoring; comprehensive adaptive project solutions; project functional areas; project lifecycle; and integration management of project activities.*

EDN: MEKUNU **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.37**

Цитировать: *Рассказова И.Н. Разработка динамичной OLAP-модели системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности организации // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 262–269. EDN: MEKUNU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.37*

УДК 338.2
5.2.6

© Рассказова И.Н., 2026

РАЗРАБОТКА ДИНАМИЧНОЙ OLAP-МОДЕЛИ СИСТЕМНОГО МОНИТОРИНГА ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

РАССКАЗОВА Ирина Николаевна, *кандидат социологических наук, доцент Института управления, Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, Москва (Россия)*

SPIN-код: 3957-9779
ORCID ID: 0009-0008-5777-8848
ResearcherID: PXB-6047-2026

Научно-исследовательский интерес представляет моделирование системы стратегического управления проектами в современной организации с фиксацией хрупкости, неопределенности, многовариантности ее будущего и инструментов адаптивности проектной системы к изменениям динамичной рыночной среды. Согласно предложенной гипотезе исследования, интеграционное управление проектной деятельностью современной организации должно осуществляться на основе динамичной OLAP-модели в непрерывном формате системного мониторинга по трем блокам: по девяти функциональным областям проекта, основным направлениям деятельности по каждой функциональной области проекта и пяти фазам его жизненного цикла. Научная новизна и значимость данного исследования определяется тем, что предложенная динамичная OLAP-модель системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности современной компании соединяет современные управленческие технологии и традиционные методики гибкого проектного управления. В результате, применение модели содействует реализации проектных целей, ускорению принятия проектным офисом оптимальных проектных решений за счет повышения кросс-функционального взаимодействия проектных команд в формате Agile Release Train, повышению уровня сценарного планирования в процессе стратегической настройки портфеля проектов организации, эффективности системного мониторинга показателей результативности деятельности сотрудников организации в реализуемых проектах.

Ключевые слова: *динамичная OLAP-модель; системный мониторинг; комплексные адаптивные проектные решения; функциональные области проекта; жизненный цикл проекта; интеграционное управление проектной деятельностью.*

Введение и актуальность проблематики исследования

Разработка и реализация грамотных комплексных адаптивных проектных решений — одна из самых сложных технологических процедур в управленческой деятельности проектного офиса, поскольку в современной управленческой практике в условиях экономической турбулентности российского рынка отмечена принципиальная невозможность достижения полной рационализации и максимальной результативности принятия оптимальных проектных решений. Прогностичность и проактивность руководителей современных организаций, их системное мышление, профессионализм, тренировка ситуативности и вариативности при реализации проектной деятельности организации предоставляют им возможность оперативно ориентироваться в сложных экономически волатильных условиях, проектируя модели будущих событий и принимая грамотные управленческие решения по реализации корпоративных проектов и программ. Поэтому в настоящее время руководители современных организаций, работая в сложных экономических условиях, используют в процессе разработки комплексных проектных решений инновационные разработки по сценарному планированию и проектному управлению организационными изменениями в формате системного мониторинга. Цель исследования — представить авторскую разработку динамичной OLAP-модели системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности современной компании как интеграционную поддержку принятия грамотных проектных решений.

Проблема разработки модели системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности современной компании в научных исследованиях затронута в работах Н.А. Гильченко (2010) [3], Н.А. Исаевой и М.А. Коробицыной (2012) [5], С.Н. Брускина (2015) [2], Ю.К. Гриненко и М.Б. Матова (2022) [4], И.Г. Рзун (2023) [7], А.С. Лылова и А.В. Курдюмова (2025) [6] и др. При всей широте диапазона научных исследований по проектному управлению разработка динамичной модели системного мониторинга показателей результативности проектной работы организации остается фрагментарной как в научном, так и в прикладном плане. Научное обоснование возможности внедрения в практику проектного управления предложенной автором модели обусловлено, прежде всего, эмпирическим подтверждением профессиональной полезности и управленческой значимости ее использования в проектной деятельности современной организации.

Теоретико-методологическую базу исследования составили следующие методы и принципы познания социально-экономических явлений и процессов: социального детерминизма, системности, синергетического и структурно-функционального анализа управленческих процессов, происходящих в проектной деятельности современных организаций [8, с. 63]. Практическая значимость исследования определяется тем, что теоретические выводы и научные результаты исследования предоставляют возможность их использования в процессе разработки и апробации модели системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности современной организации с обязательным учетом ее специфики, стратегических приоритетов и ключевых направлений работы в конкретном целевом рыночном сегменте.

Результаты исследования

Интеграционное управление проектной деятельностью компании на основе динамичной OLAP-модели предполагает осуществление сквозной аналитики по всем ключевым показателям результативности проектной работы в формате системного мониторинга по трем блокам: управление проектом по пяти фазам жизненного цикла проектной деятельности организации; управление проектом по девяти функциональным областям проекта; управление основными направлениями деятельности по всем функциональным областям проекта. Результаты исследования показывают, что представленная на рисунке динамичная OLAP-модель имеет серьезную профессиональную полезность и управленческую значимость в процессе оценки результативности проектной деятельности организации. Аргументированность и обоснованность OLAP-модели будущих событий

в системе стратегического управления проектами организации предполагает создание эффективного оценочного инструментария, фиксирующего все ключевые показатели результативности проектной работы компании и сотрудников всех уровней.

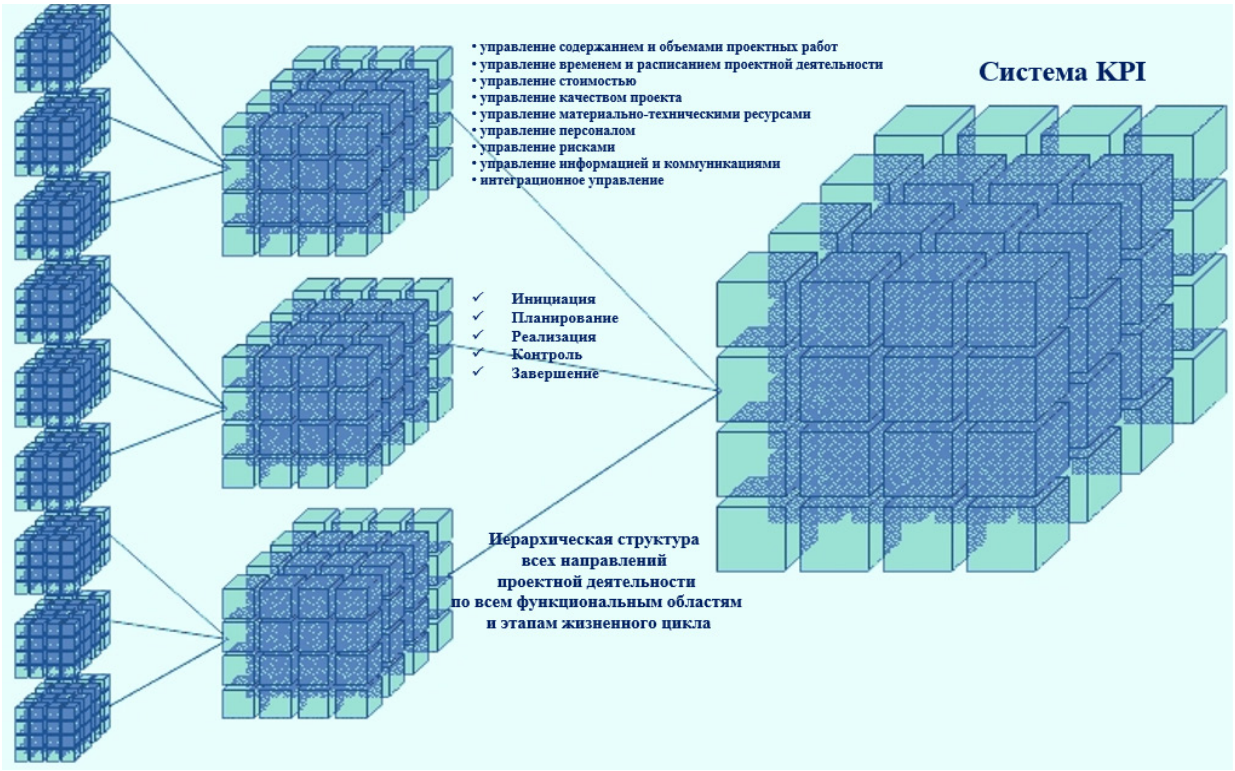

Рисунок — **Динамичная OLAP-модель системного мониторинга показателей результативности проектной деятельности организации**

Стратегический анализ показателей, влияющих на эффективность деятельности сотрудников, современной проектной организационной структуры управления целесообразно осуществлять в формате непрерывного диагностико-прогностического отслеживания необходимой проектной информации — системного мониторинга. Системный мониторинг проектной деятельности организации целесообразно выстраивать как комплекс взаимосвязанных элементов фиксации состояния всех проектных работ по реализуемым корпоративным проектам с целью своевременного выявления проблем, «узких мест» и оценочных мероприятий по уровню соответствия полученных результатов поставленным стратегическим целям проектной работы. Системный мониторинг как обязательный компонент грамотной реализации корпоративных проектов и программ требует серьезной профессиональной подготовленности специалистов проектного офиса, осуществляющих подобную работу, корректного подбора оценочного инструментария, методического и финансового обеспечения.

Ключевыми целями проведения системного мониторинга проектной деятельности организации являются: минимизация необъективности оценки результативности реализации оптимальных сценариев проектной деятельности компании и повышение уровня достоверности результатов путем привлечения к мониторингу экспертов разного профиля и специализации. Системный мониторинг представляет собой систему сбора, обработки, анализа, хранения и распространения проектной информации, и поэтому он должен выстраиваться в виде определенной технологической модели с целью обеспечения возможности сравнительного анализа полученных результатов проектной работы компании [4, с. 675-676]. Реализация системного мониторинга предполагает обязательное определение критериев, которые бы в полной мере отражали результативность мониторинговой деятельности в проектном управ-

лении: диагностичность, непрерывность, оперативность, научность, информативность, полезность, обновляемость, достоверность и актуальность. Интеграционное управление проектной деятельностью современной организации на основе динамичной OLAP-модели должно осуществляться в непрерывном формате системного мониторинга по разработанному автором алгоритму — по девяти функциональным областям проекта, основным направлениям деятельности по каждой функциональной области проекта и пяти фазам его жизненного цикла, включающим следующие направления деятельности, а именно: аналитика стратегических инициатив проектной команды; аудит проблемных ситуаций в работе проектных команд; корректировка программы действий проектных команд; разработка практических рекомендаций по оптимизации комплексных адаптивных проектных решений.

Разработка и реализация комплексных адаптивных проектных решений представляет собой монопроект проектного офиса компании по реализации организационных изменений в процессе реализации корпоративного проекта. Реализация проектных решений предполагает выполнение поставленных проектных задач в соответствии со стратегической целью проектной работы, оценку полученных результатов и корректировку проектных задач в случае необходимости. Таким образом, в процессе разработки комплексных адаптивных проектных решений в организации формируется «продуктивный» стиль работы, т.к. все проектные команды активно вовлекаются в реализацию стратегического плана проектной деятельности через четкое исполнение своих должностных обязанностей и следуют дедлайнам.

Динамичная OLAP-модель системного мониторинга за счет Agile-формата помогает систематизировать работу проектных команд, оперативно добавлять в разработку новых продуктов функциональность, системные демонстрации проектных решений по каждой итерации. В работе проектных команд участвуют не только менеджеры продуктов, заказчики, но и системные архитекторы, которые отвечают за сложные проектные решения, организационные изменения и управление портфелем корпоративных проектов с целью минимизации бизнес-рисков. Таким образом, стратегические цели организации транслируются в систему ключевых показателей результативности ее проектной деятельности в мониторинговом формате. Измерение ключевых показателей результативности проектной деятельности компании предоставляет возможность специалистам проектного офиса оценивать текущие и планируемые результаты исполнения проектных решений, обеспечивая оперативную связь результатов операционной деятельности проектных команд с долгосрочными стратегическими перспективами развития компании.

Гибкий портфельный уровень дает компании максимальную бизнес-гибкость. С этой целью в современных организациях в настоящее время осуществляется Agile-трансформация с целью эффективного кросс-функционального взаимодействия проектной и операционной деятельности компании, проектного и портфельного управления, продуктовых, кросс-продуктовых и кросс-платформенных проектных задач с грамотными решениями по непрерывной координации центров затрат, бюджетов, выпусков инновационных продуктов [1, с. 27]. Ключевыми преимуществами динамичной OLAP-модели являются следующие позиции, а именно: увеличение скорости выхода новых продуктов на рынок, повышение организационной дисциплины, эффективное распределение корпоративных ресурсов, улучшение видимости и прозрачности всех проектов и программ, усиление интенсивности коммуникаций со всеми заинтересованными лицами. Динамичная OLAP-модель системного мониторинга проектной деятельности организации как интеграционная поддержка комплексных адаптивных решений помогает проектному офису избежать блокировки потока создания ценности новых продуктов в условиях экономической волатильности российского рынка и не работать в режиме функциональных колодцев. Данная модель — это управленческий инструмент по компенсации непредсказуемых событий в условиях динамичной рыночной среды, приоритезации бэклога проектных задач и оперативному реагированию на сложные многоуровневые проблемные ситуации в процессе реализации корпоративных проектов.

Основные направления проектной деятельности по всем функциональным областям управления корпоративными проектами можно представить следующим образом: управление содержанием и объемами проектных работ; управление временем и расписанием; управление стоимостью проектных работ; управление качеством, управление материально-техническим обеспечением, управление проектной командой, управление рисками проекта, управление информацией и коммуникационным пространством, интеграционное управление проектом [3, с. 133]. Разработка динамичной OLAP-модели предполагает необходимость актуализации системы ключевых показателей результативности работы проектной команды по данным функциональным областям управления проектами, на основе которой реализуется системный мониторинг.

Управление содержанием и объемами проектных работ осуществляется в процессе реализации всего жизненного цикла проекта. Жизненный цикл проекта является алгоритмом структуризации проекта, по которому осуществляется планирование и финансирование проектных работ и разработка комплексных адаптивных решений, и поэтому системный мониторинг необходимо проводить по всем фазам жизненного цикла проекта — инициации, планирования, реализации, контроля и завершения работы проектной команды. Завершение фазы жизненного цикла проекта означает создание промежуточного или окончательного результата проектной деятельности команды — контрольных точек, мониторинг которых предоставляет руководителям проектного офиса компании возможность собрать банк информации для оперативного принятия адаптивных комплексных проектных решений управленческой командой. Управление содержанием и объемами проектных работ представляет собой систему стратегических проектных целей и направлений деятельности проектной команды. Система ключевых показателей результативности деятельности становится, таким образом, базой для системного мониторинга по исполнению стратегических решений проектного офиса. Проектная деятельность современной организации всегда представлена сетевой моделью и иерархической структурой всех проектных работ, необходимых корпоративных ресурсов и ключевых показателей результативности деятельности проектной команды, и поэтому управление содержанием и объемами проектных работ является базовой и обязательной частью проектного менеджмента. Управление содержанием и объемами проектных работ включает в себя ряд направлений проектной работы, а именно: определение необходимых объемов проектных работ; анализ содержания проектной деятельности организации; системный мониторинг изменений по контрольным точкам проекта; описание временных рамок и ограничений в проектной деятельности организации; разработка общей иерархической структуры проектных работ; оформление технического задания по работе проектных команд.

Управление временем и расписанием проектной деятельности организации предполагает распределение времени выполнения проектных работ по всем фазам жизненного цикла проекта, составление сетевых графиков реализации проектных работ и системный мониторинг по всем метрикам для достижения стратегических целей проектной работы организации. Данная функциональная область предполагает определение состава проектных работ, оценку их последовательности и продолжительности, а также составление и контроль расписания вех проектных работ. Разработка сетевых моделей комплекса проектных работ организации осуществляется с помощью современных инструментов проектного менеджмента, а именно: календарный план по диаграммам Гантта, сетевые графики по методике PERT и критического пути. Данный инструментарий предоставляет руководителям возможность определить ранние и поздние даты начала и окончания проектных работ, а также временные резервы по проектным работам, которые не находятся на критическом пути. Вместе с тем, в работе проектных команд используются Agile-механики — разработка бэклогов спринта и продукта, планирование итераций и обзоров спринтов, прозрачная статистика в процессе оценки проектных задач, разработка Agile-доски и календаря проектной команды, проведение ретроспективы рабочего процесса и командных митапов. Целесообразно пред-

ставить основные направления проектной деятельности организации по всем функциональным областям корпоративного проекта с целью проведения системного мониторинга системы ключевых показателей результативности работы проектной команды, а именно: разработать систему стратегических целей проекта и их оцифровать; представить объем и последовательность проектных работ; составить расписание и контролировать его выполнение; проанализировать сроки выполнения проектных работ; представить источники и формат финансирования проекта; распределить стоимость корпоративных ресурсов по каждому направлению проектной деятельности организации; управлять изменениями в бюджете проекта; определить стандарты качества проектных работ компании; управлять закупками, поставками, запасами и распределением ресурсов проекта; осуществлять администрирование контрактов; провести количественный и качественный анализ рисков.

Управление стоимостью проектных работ осуществляется по модели системного мониторинга и определяется совокупностью стоимости корпоративных ресурсов проектной работы и стоимостей запланированных проектных работ по двум основным направлениям в рамках утвержденного бюджета — контроль расходов и календарному плану проектной деятельности. Управление стоимостью проектных работ включает в себя следующие направления деятельности: планирование корпоративных ресурсов в соответствии с бюджетом и сметой проекта; оценка стоимости корпоративных ресурсов; распределение общей стоимости по каждому виду проектных работ; контроль в режиме системного мониторинга всех изменений по вопросам финансирования проекта.

Управление качеством проекта представляет собой комплекс мероприятий по планированию, обеспечению и контролю качества в соответствии с системой менеджмента качества, которая обеспечивает высокий уровень качества продукции в соответствии с требованиями нормативных правовых документов, потребительскими ожиданиями клиентов компании и всех заинтересованных сторон — сотрудников организации, акционеров, инвесторов и бизнес-партнеров компании. Следует отметить тот факт, что ответственность за качество должна быть адресной, и поэтому в модель системного мониторинга можно ввести модули «администрирование» и «зона ответственности».

Управление материально-техническими ресурсами проектной деятельности реализуется с целью обеспечения оптимального использования корпоративных ресурсов для достижения стратегических целей деятельности проектной команды с запланированными ключевыми показателями результативности деятельности проекта. Основными задачами данной функциональной области являются следующие направления проектной работы — управление закупками (материалов, оборудования и т.д.) и управление снабжением, т.е. управление поставками, запасами и распределением материально-технических ресурсов по всей иерархической структуре проектных работ организации. Управление персоналом проекта предполагает формирование проектной команды, умеющей работать в условиях неопределенности на нужный результат. Таргетированность проектной команды и ее кросс-функциональное взаимодействие со всеми участниками проектной работы определяет успешность реализации проекта, его экономическую и социальную эффективность [2].

Управление рисками проекта в соответствии с основной задачей системы управления рисками компании — достижение оптимального соотношения между приемлемым риском (риск-аппетитом) и корпоративной стратегией развития организации. Ключевой этап работы проектной команды — это разработка матрицы функциональной области проектной деятельности организации по управлению рисками как инструмента достижения стратегических целей проекта и системы реагирования на новые вызовы многофакторной динамичной рыночной среды. Разработанная проектной командой матрица оценки рисков проекта может стать также инструментом разработки и реализации проактивных проектных решений управленческой команды. Данная матрица предполагает измерение в мониторинговом формате вероятности и вредоносности наступления рискового события с целью минимизации рисков для жизнедеятельности организации в целом и реализации комплексных проект-

ных решений. Матрица оценки рисков проекта должна включать следующие направления работы: описание риска (внешний рыночный, внутренний); оценка степени влияния риска (вероятность события незначительна или критическая); замер частоты возникновения риска (постоянный, периодический, разовый); оценка масштабности риска (региональный, сегментный: например, рост стоимости обслуживания клиентов); стратегии нейтрализации или профилактики рисков по всем видам проектных работ. Невозможно разработать и реализовать комплексное адаптивное проектное решение без мониторинга и оперативной системы реагирования руководителей на идентифицированные риски, и поэтому в процессе системного мониторинга необходимо проводить аудит рисков на протяжении всего жизненного цикла проектной деятельности организации. Динамичная OLAP-модель как интеграционная поддержка функциональной области по управлению рисками проекта успешно может решить данные рабочие задачи.

Управление информацией и коммуникациями в процессе реализации проектной деятельности компании оперативно обеспечивает участников проектной команды актуальной и достоверной информацией, представляющей собой корпоративный банк стратегической информации как основы разработки и реализации грамотных управленческих решений [6]. Управление информацией и коммуникациями проекта предоставляет информацию для осуществления системного мониторинга показателей результативности деятельности проектной команды, т.к. включает в себя следующие направления работы: планирование коммуникаций; распределение стратегической информации среди всех участников проектной деятельности организации; составление проектной отчетности; документирование результатов выполненных проектных работ (или отклонений от стратегического плана); администрирование процесса сбора, распространения и анализа информации на всех фазах жизненного цикла проектной деятельности компании.

Заключение

Интеграционную поддержку принятия грамотных комплексных адаптивных проектных решений в условиях экономической волатильности российского рынка и бизнес-контекста возможно осуществить только на основе системного мониторинга по динамической OLAP-модели. Интеграционное управление проектной деятельностью организации осуществляется по всем ключевым показателям результативности деятельности в формате системного мониторинга по трем блокам: управление проектом по пяти фазам жизненного цикла проектной деятельности организации; управление проектом по девяти функциональным областям проекта; управление основными направлениями деятельности по всем функциональным областям проекта.

Ключевые предложения по оптимизации проектной деятельности современной организации на основе динамичной OLAP-модели:

— спроектировать корпоративную модель единого информационного пространства проектной работы компании на основе динамичной OLAP-модели, осуществляющей автоматизированную проверку поисковых прогнозов и сценариев развития организации в долгосрочной перспективе, поиск подозрительных недостоверных данных, аномалий и анализ рисков в процессе управления проектами, а также оперативный обмен и консолидации информации среди участников проектной команды;

— разработать и реализовать PR-программу по сопровождению проектной работы компании, предполагающей проведение анализа конкурентного профиля организации, подбор инструментов продвижения по ключевым инфоповодам, медиапланирование и реализацию коммуникационных стратегий взаимодействия с клиентами компании в формате коммуникационной открытости и коллегиальности;

— провести обучение проектных команд по проектному управлению и развитию метанавыков, необходимых для решения стратегических задач проектной работы в соответствии с потребительскими запросами клиентов организации;

— протестировать систему поддержки принятия грамотных управленческих решений на основе динамической OLAP-модели для расширенной аналитики по различным

измерениям с целью корректировки функциональных возможностей модели.

Таким образом, интеграционное управление проектной деятельностью организации на основе динамичной OLAP-модели предоставляет управленческой команде и проектному офису возможность принимать грамотные комплексные адаптивные проектные решения и мониторить в системном формате поступающую стратегическую информацию и, таким образом, результативно работать в условиях динамичной рыночной среды. Результаты исследования показывают, что предлагаемая автором модель обеспечивает интеграционную поддержку стратегического плана развития компании, минимизирует ситуативность действий проектных команд по отношению к потребителям товаров и услуг, уменьшает ключевые риски и развивает стратегическую гибкость и адаптивность компании к условиям динамичного бизнес-контекста.

Литература

1. Бизнес-модели: 55 лучших шаблонов / О. Гассман, К. Франкенбергер, М. Шик; пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Альпина Паблишер, 2018. — 432 с.
2. Брускин С.Н. Системы поддержки принятия решений в корпоративном планировании с использованием информационной бизнес-аналитики: практика и перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. — 2015. — Т. 1, №11. — С. 593-598.
3. Гильченко Н.А. Интеграция информационных систем управления проектами и финансового мониторинга // π-Economy. — 2010. — №4(102). — С. 131-135.
4. Гриненко Ю.К., Матов М.Б. Особенности применения BI-технологий в условиях развития цифровой экономики // Московский экономический журнал. — 2022. — №6. — С. 670-682.
5. Исаева Н.А., Коробицына М.А. Разработка информационной системы поддержки принятия управленческих решений на производственном предприятии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. — 2012. — Т. 10, №2. — С. 55-68.
6. Лылов А.С., Курдюмов А.В., Сарычева В.И. Аналитические системы в бизнесе // Агропродовольственная политика России. — 2025. — №5, 2025. — С. 59-68. DOI:10.35524/2227-0280_2025_05_59
7. Рзун И.Г. Разработка стратегии компании с применением методов информационной бизнес-аналитики // Вестник Академии знаний. — 2023. — №2(55). — С. 464-470.
8. Управление инвестиционными программами и портфелями проектов: справочное пособие / Ю.Н. Забродин, А.М. Михайличенко, А.М. Саруханов, В.Д. Шапиро, Н.Г. Ольдерогге. — М.: Дело АНХ, 2010. — 576 с.

STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE 21ST CENTURY. XXIII. THE MAIN PART OF THE GLOBAL SOUTH IN 2010–2024

Seidametova Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Temnenko Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, RC (Russia)

The purpose of the research is to describe the second-level structural unit the "Main Part of the Global South" (GS:MP) for 2010-2024 and to identify smaller first-level structural elements within the GS:MP structural unit. The research procedure consists of constructing annual distributions of GS:MP countries on planes of four interrelated index pairs. The economic indices included in these pairs are calculated based on the annual values of GDP, population, and GDP per capita for each country. For each annual distribution, the statistical parameters of the linear regression equation are calculated on the corresponding index plane, and lists of GS:MP countries included in each of the four identified first-level structural elements are provided. The scientific novelty lies in the very identification of the second-level structural unit of GS:MP, the discovery of its structure, and the calculation of certain statistical parameters of GS:MP. The presented data, as a result, form a new level of understanding of the structure of the Global South.

Keywords: *Global Economy; economic indices; the Main Part of the Global South; structural elements.*

EDN: MJWWJR ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.38***

Цитировать: *Сейдаметова З.С., Темненко В.А. Структура и динамика Глобальной Экономики в XXI веке. XXIII. Главная Часть Глобального Юга в 2010-2024 // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 270–281. EDN: MJWWJR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.38*

УДК 339.97
5.2.5

© Сейдаметова З.С., Темненко В.А., 2026

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ. XXIII. ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА В 2010-2024

СЕЙДАМЕТОВА Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

ТЕМНЕНКО Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования — описание структурной единицы второго уровня «Главная Часть Глобального Юга» (GS:MP) в 2010-2024 гг. и выявление небольших структурных элементов первого уровня внутри структурной единицы GS:MP. Процедура исследования состоит в построении ежегодных распределений стран, принадлежащих GS:MP на плоскостях четырех взаимосвязанных индексных пар. Экономические индексы, входящие в эти пары, вычисляются по ежегодным значениям ВВП, численности населения и ВВП на душу населения каждой страны. Для каждого ежегодного распределения вычисляются статистические параметры уравнения линейной регрессии на соответствующей индексной плоскости, а также приводятся списки стран GS:MP, входящих в каждый из четырех выявленных структурных элементов первого уровня. Научная новизна заключается в самом выявлении структурной единицы второго уровня GS:MP, и обнаружении её структуры и вычислении некоторых статистических параметров GS:MP. Представленные данные в результате формируют новый уровень понимания структуры Глобального Юга.

Ключевые слова: *глобальная экономика; экономические индексы; Главная Часть Глобального Юга; структурные элементы.*

Введение

Опираясь на опубликованные ранее исследования и размышления о структуре Глобального Юга (см., напр., [1], [2], [3]), мы отметим, что рассматриваем Глобальный Юг как структурную единицу третьего уровня в современной Глобальной Экономике. В эту структурную единицу третьего уровня входит структурная единица второго уровня, описанная нами ранее: «Донжон Глобального Юга» (см., [3], а также [4], [5], [6]).

В «Донжон Глобального Юга» входят три структурные единицы первого уровня, которые мы называем структурными элементами Глобальной Экономики. Мы будем здесь и далее пользоваться трехуровневой

системой обозначений, для того чтобы адекватно отображать трехуровневую структуру Глобального Юга. Три структурных элемента Донжона Глобального Юга в статьях [1], [2], [3] обозначались как GS(m), GS(s) и GS(st), где конструкция GS обозначала «Глобальный Юг», символ «m» обозначал «средние экономики Глобального Юга» (the "medium countries of the Global South"), символ «s» обозначал «малые экономики Глобального Юга» (the "small countries of the Global South"), символ «st» обозначал «малейшие экономики Глобального Юга» (the "smallest countries of the Global South"). В новых трехслойных обозначениях между символом Глобального Юга GS и символом, обозначающим структурный элемент («m», «s» или «st») мы введем конструкцию «Dj», обозначающую «Донжон». Соответственно, структурный элемент GS(m) будет обозначаться в этой трехуровневой записи как GS:Dj(m). В полной расшифровке эта запись должна читаться так: «структурный элемент «m» Донжона Глобального Юга».

Кроме Донжона Глобального Юга, в Глобальный Юг входит еще одна крупная структурная единица, названная в [1] и [3] «Главная Часть Глобального Юга» (в сокращенным обозначением «MP», the "Main Part"). Эта структурная единица содержит около полусотни стран, как и «Донжон Глобального Юга» или «Глобальный Север». В статье [3] было отмечено, что «Главная Часть Глобального Юга», вероятно, является структурной единицей второго уровня и, соответственно, она обладает внутренней структурой в виде набора некоторых единиц первого уровня («структурных элементов»). Но при подготовке статьи [3] мы не выявили внутренних структур MP и даже не обнаружили принцип, позволяющий выявить эту внутреннюю структуру.

Соответственно, цель этой статьи — визуальное выявление структурных элементов Главной Части Глобального Юга в виде расслоения всего массива стран этой структурной единицы второго уровня на некоторые слои, упорядоченные по убыванию Продукт-Индекса P на плоскости базовой пары индексов {D, P}, где D — Демографический Индекс, вычисленный по известной численности населения (POP), а P — Продукт-Индекс, вычисляемый по известной величине Валового Внутреннего Продукта (GDP). После визуального выявления этих структурных элементов по известному ежегодному распределению стран Главной Части Глобального Юга на плоскости базовой пары индексов {D, P}, мы проверяем устойчивость во времени структурного элемента, выявленного по ежегодным статистическим данным, а также изучаем устойчивость этих структурных элементов при переносе данных на плоскость, образованную другой парой экономических индексов. Наряду с базовой парой индексов {D, P}, мы используем сопряженную пару индексов {П, Q}, в которой П — Индекс Продуктивности, вычисленный по величине ВВП на душу населения (GDP/PC), а Q — «Индекс Абсолютной Мощи», пропорциональный среднему геометрическому индексов D и P. Эти две пары индексов {D, P} и {П, Q} определены следующим образом [1]:

$$P = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP}{\max\{GDP\}}}, \quad (1)$$

$$D = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{POP}{\max\{POP\}}}, \quad (2)$$

$$П = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP/PC}{\{GDP/PC\}_{e.v.}}}, \quad (3)$$

$$Q = 10^2 \cdot \sqrt{\frac{P \cdot D}{\max\{P \cdot D\}}}. \quad (4)$$

В этих формулах max{GDP} есть максимальное значение GDP, достигнутое в некоторой стране мира в тот год, для которого вычисляется индекс P, а max{POP} есть численность населения в самой населенной стране мира в тот год, для которого вычисляется индекс D. Величина, обозначенная {GDP/PC}*e.v.* есть некоторое «эталонное значение» GDP/PC. В качестве такого «эталона продуктивности» мы используем GDP/PC *Люксембурга*: это государство уже несколько десятилетий является чемпионом Глобального Севера по GDP/PC.

Три индекса P, D, П связаны известным индексным тождеством:

$$P = \frac{П}{П_c} \cdot D, \quad (5)$$

где П*c* есть некоторый важный глобальный параметр («критическая продуктивность»), вычисляемый по формуле:

$$\Pi_c = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{\max\{GDP\}}{\max\{POP\} \cdot \{GDP/PC\}_{e.v.}}}. \quad (6)$$

Наряду с масштабированным Индексом Продуктивности П (см. формулу (3)), в некоторых ситуациях удобно использовать линейный Индекс Экономической Продуктивности EPI:

$$EPI = 10^2 \cdot \frac{GDP/PC}{\{GDP/PC\}_{e.v.}}. \quad (7)$$

Этот линейный индекс показывает какую долю (в процентах) составляет GDP/PC данной страны от «эталонного» значения GDP/PC, в качестве которого мы используем данные о GDP/PC Люксембурга.

Из сопоставления (7) и (3) следует, что индексы П и EPI связаны простым соотношением:

$$EPI = 10^2 \cdot \left(\frac{\Pi}{10^2}\right)^4. \quad (8)$$

Соответственно, сформулированная цель статьи в рамках использования индексного аппарата, подразумевает решения следующих задач:

1) построить ежегодные (2010-2024) распределения стран Главной Части Глобального Юга на базовой плоскости {D, P} с одновременным определением ежегодных параметров уравнения линейной регрессии, и выявить визуально структурные элементы Главной Части Глобального Юга на этой плоскости; будет показано, что визуально выявляются четыре структурных элемента, которые мы обозначим в порядке убывания характерных значений индекса P буквами a, b, c и d. Полное «трёхслойное» обозначение структурного элемента «a» имеет вид: GS:MP(a). Расшифровывается это обозначение следующим образом: «Структурный Элемент «a» Главной Части (MP) Глобального Юга (GS)»;

2) подготовить электронное приложение к статье, содержащее ежегодные списки стран GS:MP, с указанием на принадлежность страны к структурному элементу GS:MP(a), GS:MP(b), GS:MP(c) или GS:MP(d);

3) построить ежегодные распределения стран GS:MP на плоскости сопряженной пары индексов {П, Q} с одновременным построением границ структурных элементов a, b, c и d в соответствии со списками стран, принадлежащих каждому структурному элементу; определить ежегодные параметры уравнения линейной регрессии для GS:MP на плоскости {П, Q};

4) построить ежегодные распределения стран GS:MP на плоскости вспомогательной пары индексов {P, П} с обозначением границ структурных элементов a, b, c, d на этой плоскости и вычисление ежегодных параметров линии линейной регрессии для GS:MP на этой плоскости;

5) построить ежегодные распределения стран GS:MP на плоскости вспомогательной пары индексов {D, П} с обозначением границ структурных элементов a, b, c, d согласно ранее установленным списком стран, принадлежащих этим структурным элементам и вычисление параметра линейной регрессии GS:MP на этой плоскости;

6) подготовить электронное приложение к этой статье, состоящее из «четверок» графиков для каждого года, демонстрирующих распределение стран GS:MP на четырех областях экономических индексов {D, P}, {П, Q}, {P, П}, {D, П} с обозначением границ структурных элементов a, b, c, d.

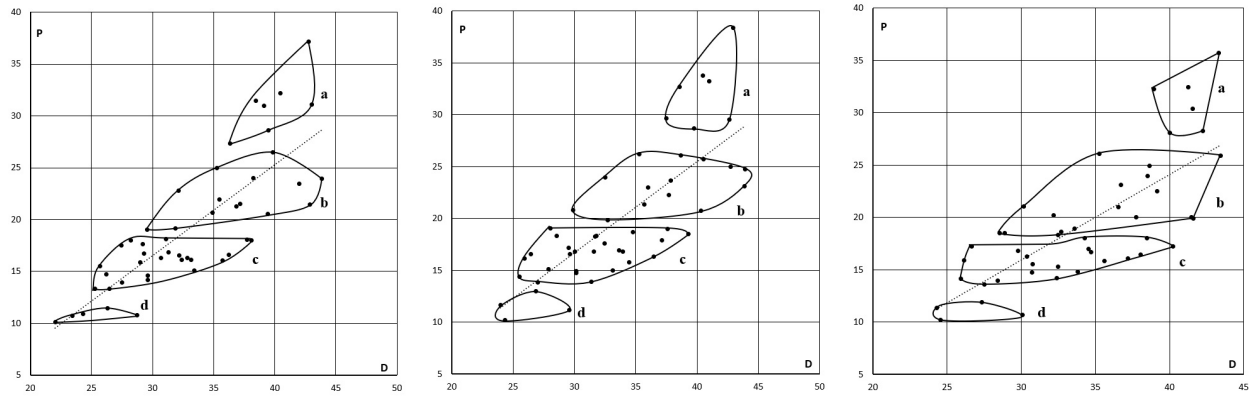
Теоретической базой этого исследования были предшествующие исследования структуры и динамики Глобальной Экономики (см., напр., [1]-[4], а также [7], [8], [9]).

Практическое значение этого исследования состоит в сделанном впервые описании внутренней структуры Главной Части Глобального Юга.

Все статистические данные Глобальной Экономики, приведенные в статье, заимствованы из базы данных Мирового Банка [10].

Страны GS:MP на плоскости базовой пары индексов {D, P}

Рисунок 1 показывает распределение стран Главной Части Глобального Юга на плоскости индексов {D, P} в 2010 г. Рисунок 2 показывает тоже распределение в 2014 г. Рисунок 3 есть распределение стран GS:MP в 2018 г.

2010 2014 2018

Рисунки 1–**3 — Распределение стран GS:MP на плоскости индексов {D, P}** в 2010 (1), 2014 (2), 2018 (3)

Таблица 1 — **Страны GS:MP на плоскости {D, P} и структурные элементы**

№	Country Name	ISO-3	Structural elements	GDP	POP	GDP-PC	P	D	П	Q
1	Colombia	COL	a	2.865E+11	4.5E+07	6392.76	37.15	42.78	49.00	44.64
2	Algeria	DZA	a	1.612E+11	3.6E+07	4495.92	32.17	40.46	44.87	40.40
3	Peru	PER	a	1.475E+11	2.9E+07	5047.20	31.47	38.45	46.19	38.95
4	Ukraine	UKR	a	1.412E+11	4.6E+07	3078.41	31.12	43.03	40.82	40.98
5	Iraq	IRQ	a	1.385E+11	3.1E+07	4430.43	30.97	39.10	44.71	38.97
6	Morocco	MAR	a	1.009E+11	3.2E+07	3067.85	28.61	39.47	40.78	37.63
7	Angola	AGO	a	8.38E+10	2.3E+07	3586.66	27.32	36.35	42.41	35.29
8	Sudan	SDN	b	7.415E+10	3.4E+07	1706.41	26.49	39.85	35.22	36.39
9	Sri Lanka	LKA	b	5.864E+10	2.1E+07	2836.97	24.98	35.26	39.99	33.23
10	Uzbekistan	UZB	b	4.977E+10	2.9E+07	1742.35	23.98	38.23	35.41	33.90
11	Myanmar	MMR	b	4.954E+10	4.9E+07	1003.03	23.95	43.84	30.84	36.29
12	Kenya	KEN	b	4.541E+10	4.2E+07	1093.64	23.44	41.97	31.51	35.12
13	Guatemala	GTM	b	4.068E+10	1.4E+07	2852.56	22.80	32.13	40.05	30.31
14	Cote d'Ivoire	CIV	b	3.494E+10	2.1E+07	1654.18	21.95	35.45	34.95	31.24
15	Ghana	GHA	b	3.22E+10	2.6E+07	1258.96	21.51	37.18	32.64	31.67
16	Tanzania	TZA	b	3.201E+10	4.5E+07	730.78	21.48	42.85	28.49	33.97
17	Yemen, Rep.	YEM	b	3.091E+10	2.5E+07	1249.06	21.29	36.88	32.58	31.38
18	Cameroon	CMR	b	2.751E+10	2E+07	1383.81	20.68	34.91	33.42	30.09
19	Uganda	UGA	b	2.667E+10	3.2E+07	824.74	20.52	39.43	29.37	31.85
20	Zambia	ZMB	b	2.027E+10	1.4E+07	1469.36	19.16	31.87	33.93	27.67
21	Bolivia	BOL	b	1.965E+10	1E+07	1922.06	19.01	29.57	36.28	26.55
22	Senegal	SEN	c	1.612E+10	1.3E+07	1286.60	18.09	31.11	32.82	26.57
23	Nepal	NPL	c	1.6E+10	2.7E+07	589.17	18.06	37.75	27.00	29.24
24	Afghanistan	AFG	c	1.586E+10	2.8E+07	562.50	18.02	38.10	26.69	29.34
25	Honduras	HND	c	1.584E+10	8450933	1874.27	18.01	28.19	36.06	25.23
26	South Sudan	SSD	c	1.46E+10	9714419	1503.13	17.65	29.19	34.12	25.42
27	Papua New Guinea	PNG	c	1.425E+10	7583269	1879.24	17.54	27.44	36.08	24.57
28	Zimbabwe	ZWE	c	1.204E+10	1.3E+07	937.84	16.82	31.30	30.33	25.69
29	Haiti	HTI	c	1.186E+10	9842880	1204.86	16.75	29.29	32.29	24.81
30	Mozambique	MOZ	c	1.141E+10	2.3E+07	494.58	16.59	36.24	25.84	27.46
31	Cambodia	KHM	c	1.124E+10	1.4E+07	782.70	16.53	32.19	28.99	25.83
32	Mali	MLI	c	1.069E+10	1.6E+07	688.33	16.33	32.82	28.07	25.92
33	Chad	TCD	c	1.067E+10	1.2E+07	896.88	16.32	30.71	29.99	25.07
34	Malawi	MWI	c	1.013E+10	1.5E+07	688.14	16.11	32.39	28.07	25.58
35	Burkina Faso	BFA	c	1.011E+10	1.6E+07	627.27	16.10	33.13	27.42	25.86
36	Madagascar	MDG	c	9.983E+09	2.2E+07	459.38	16.05	35.70	25.37	26.80

Продолжение табл. 1

№	Country Name	ISO-3	Structural elements	GDP	POP	GDP-PC	P	D	П	Q
37	Benin	BEN	c	9.535E+09	9445710	1009.49	15.87	28.99	30.89	24.01
38	Nicaragua	NIC	c	8.759E+09	5855734	1495.73	15.53	25.72	34.08	22.38
39	Niger	NER	c	7.851E+09	1.7E+07	471.61	15.11	33.40	25.54	25.16
40	Lao PDR	LAO	c	7.132E+09	6323418	1127.84	14.75	26.22	31.76	22.03
41	Guinea	GIN	c	6.853E+09	1E+07	667.28	14.61	29.60	27.85	23.29
42	Rwanda	RWA	c	6.125E+09	1E+07	594.16	14.20	29.63	27.06	22.97
43	Tajikistan	TJK	c	5.642E+09	7621779	740.28	13.92	27.47	28.58	21.89
44	Kyrgyz Republic	KGZ	c	4.794E+09	5447900	880.04	13.36	25.26	29.85	20.57
45	Togo	TGO	c	4.746E+09	6571855	722.23	13.33	26.47	28.41	21.03
46	Sierra Leone	SLE	d	2.578E+09	6436698	400.54	11.44	26.34	24.52	19.44
47	Central African Republic	CAF	d	2.143E+09	4660067	459.78	10.92	24.29	25.38	18.24
48	Burundi	BDI	d	2.032E+09	9126605	222.66	10.78	28.74	21.17	19.71
49	Liberia	LBR	d	1.998E+09	4019956	497.02	10.73	23.41	25.87	17.75
50	Eritrea	ERI	d	1.59E+09	3147727	504.97	10.14	22.02	25.98	16.73

Таблица 1 дает список стран GS:MP в 2010 г. с указанием принадлежности страны к одному из четырех выделенных нами элементов a, b, c, d. В этой таблице приведены также основные экономические параметры каждой страны (GDP, POP, GDP/PC) в 2010 г. и экономические индексы этого года, вычисленные по приведенным выше формулам ((1)-(4)). В таблице 1 также для каждой страны приведен её трехбуквенный код ISO-3 [11]. Таблица 1 упорядочена по убыванию GDP (и, соответственно, Продукт-Индекса P). Эта таблица и рисунки 1, 2, 3 демонстрируют принцип выделения структурных элементов в GS:MP. Эти структурные элементы a, b, c, d — это расслоение всех стран на некоторые слои по P, без пересечений этих слоев.

Электронное приложение №1 (t.ly/V12IW) к этой статье содержит списки стран GS:MP с 2010 по 2024 г., с указанием для каждой страны в каждый год ее принадлежности одному из структурных элементов a, b, c, d, а также с экономическими индексами D, P, П, Q каждого года.

Таблица 2 — **Число стран в каждом из структурных элементов a, b, c, d и общее число стран в Главной Части Глобального Юга с 2010 по 2024 г.**

Структурные элементы / год	GS:MP(a)	GS:MP(b)	GS:MP(c)	GS:MP(d)	Общее число стран в GS:MP	Комментарии
2010	7	14	24	5	50	
2011	7	15	24	5	51	В 2011 Сирия переместилась в GS:MP(b) из MW(t)
2012	7	15	24	4	50	С 2012 по 2024 отсутствуют данные об Эритрее. Она выбыла из GS:MP(d)
2013	7	14	26	4	51	Сирия переместилась из GS:MP(b) в GS:MP(c). Сомали появилась в GS:MP(c)
2014	7	14	26	4	51	
2015	6	18	22	4	50	Танзания перешла из GS:MP(b) в GS:DG. Ангола перешла из “a” в “b”. Непал, Папуа Новая Гвинея, Гондурас и Зимбабве перешли из “c” в “b”
2016	7	18	19	4	48	Судан перешел из “b” в “a”. Гватемала из “b” ушла в GS:Dj(m). Камбоджа и Сенегал перешли из “c” в “b”. Исчезли данные о Южном Судане (ушел из “c”)
2017	7	17	20	4	48	Зимбабве перешла из “b” в “c”
2018	6	17	20	4	47	Судан перешел из “a” в “b”. Мьянма из GS:MP(b) в GS:DG
2019	6	18	18	4	46	Сирия перешла из “c” в “b”. Исчезли данные об Йемене
2020	6	16	20	4	46	Замбия и Сирия перешли из “b” в “c”
2021	6	15	20	4	45	Кения ушла из GS:MP(b) в GS:DG
2022	7	15	17	4	43	Ангола перешла из “b” в “a”. Замбия перешла из “c” в “b”. Нет данных Афганистана и Сирии
2023	6	16	18	4	44	Ангола перешла из “a” в “b”. Появились данные Афганистана
2024	6	15	18	4	43	Замбия перешла из “b” в “c”. Исчезли данные Афганистана

Таблица 2 показывает распределение структурных элементов a, b, c, d по числу стран, принадлежащих каждому из них в 2010-2024 г.

Таблица 2 демонстрирует определенную степень структурной устойчивости Главной Части Глобального Юга и ее структурных элементов a. b, c, d. Общее число стран GS:MP и число стран в каждом структурном элементе меняются, но не радикально. Танзания, Кения и Мьянма из-за неуклонного роста населения превысили условный барьер D=44 и из GS:MP перешли в структурную единицу «Демографические Гиганты Глобального Юга» GS:DG. В этой структурной единице немногим более десяти стран, и, возможно, ее следовало бы считать (неделимым далее) структурным элементом, т.е. структурной единицей первого уровня. Но мы сохраняем для нее обозначения структурных единиц второго уровня допуская, что страны GS:DG образуют статистически неоднородную группу с еще не обнаруженной нами внутренней структурой.

На рисунках 1, 2, 3 показана пунктирная прямая линия линейной регрессии Главной Части Глобального Юга на плоскости {D, P}. Уравнение этой линии имеет вид:

$$P=\alpha_{MP(DP)} \cdot D-\beta_{MP(DP)}. \quad (9)$$

В этом уравнении коэффициент наклона α и свободный член β имеют набор индексов. Символ MP в индексах для α и β напоминает, что речь идет о Главной Части Глобального Юга. Символ (DP) напоминает, что параметры α и β в уравнении (9) описывают прямую линию на плоскости {D, P}.

Коэффициент детерминации для уравнения (9) также содержит эти же индексы: $R^2_{MP(DP)}$.

Используя индексное тождество (5) как некоторый образец, уравнение (9) можно придать следующий вид:

$$P = \frac{\Pi_{MP}}{\Pi_c} \cdot \tilde{D}, \quad (10)$$

где $\tilde{D}$ есть «эффективный» Демографический Индекс:

$$\tilde{D}=D-\delta D_{MP}, \quad (11)$$

а δD_{MP} есть «дефект» Демографического Индекса:

$$\delta D_{MP} = \frac{\beta_{MP(DP)}}{\alpha_{MP(DP)}}. \quad (12)$$

Параметр Π_{MP} в уравнении (10) есть некоторое характерное для GS:MP значение масштабированного Индекса Продуктивности П. Нетрудно увидеть, что

$$\Pi_{MP}=\alpha_{MP(DP)} \cdot \Pi_c. \quad (13)$$

В таблице 3 приведены параметры уравнения линейной регрессии и другие статистические характеристики GS:MP, связанные с этим уравнением. В таблице 3 приведены для каждого года (2010-2024) коэффициенты $\alpha_{MP(DP)}$ и $\beta_{MP(DP)}$, коэффициент детерминации $R^2_{MP(DP)}$, критическая продуктивность Глобальной Экономики Π_c (см. формулу (6)), характерный индекс Π_{MP}, вычисленный по формуле (13) и вычисленные по Π_{MP} и формуле (8) значения EPI_{MP}. Приведен также «дефект» Демографического Индекса δD_{MP}.

Таблица 3 — **Параметры уравнения линейной регрессии для GS:MP на плоскости индексов {D, P}**

Параметры / год	$\alpha_{MP(DP)}$	$\beta_{MP(DP)}$	$R^2_{MP(DP)}$	Π_c	Π_{MP}	EPI_{MP}	δD_{MP}
2010	0.8756	9.7159	0.6546	56.437	49.42	5.96	11.10
2011	0.9029	10.139	0.6365	55.871	50.44	6.48	11.23
2012	0.9010	10.189	0.6023	57.141	51.48	7.02	11.31
2013	0.9035	10.335	0.5943	56.541	51.08	6.81	11.44
2014	0.8804	9.698	0.5974	56.712	49.93	6.21	11.02
2015	0.8487	9.2243	0.6124	59.473	50.47	6.49	10.87
2016	0.8341	9.1614	0.6067	59.581	49.70	6.10	10.98
2017	0.8421	9.3621	0.6002	59.649	50.23	6.37	11.12
2018	0.8164	8.5851	0.5557	59.500	48.58	5.57	10.52
2019	0.8261	9.0809	0.5758	60.586	50.05	6.27	10.99
2020	0.7818	7.9095	0.5693	59.575	46.58	4.71	10.12
2021	0.7825	8.0100	0.5268	59.276	46.38	4.63	8.01
2022	0.8371	9.7248	0.5952	61.559	51.53	7.05	11.02
2023	0.7916	8.3440	0.5450	62.210	49.24	5.88	10.54
2024	0.7963	8.2895	0.5392	61.840	49.24	5.88	10.41

Мы не располагаем каким-либо априорным знанием о статистических характеристиках этого ансамбля из примерно полусотни стран, входящих в GS:MP. Поэтому мы склонны при анализе таблицы 3 придерживаться сверхосторожного и сверхконсервативного подхода. Мы будем предполагать, что все годичные вариации статистических параметров α, β, R^2 и др. в этой таблице отображают случайные движения стран на плоскости {D, P}, а

в целом ансамбль этих стран является (почти) стационарным. Например, вариации параметра $R^2_{MP(DP)}$ на интервале от ≈0.53 до ≈0.65 говорят о том, что при этой (почти)постоянной величине R^2 мы должны считать ансамбль GS:MP статистически неоднородным, но имеющим достаточно высокую и (почти)постоянную корреляцию между D и P (т.е. между численностью населения и величиной ВВП).

Разумеется, таблица 3 содержит некоторые указания на то, что некоторые изменения статистических параметров GS:MP выходят за рамки случайных флуктуаций и отображают общую динамику этого ансамбля стран. Например, в ковидную и постковидную эпоху (2020 и 2021) параметры α и β имеют наименьшие значения для всего рассматриваемого периода в пятнадцать лет. Коэффициент детерминации R^2 имеет в 2021 наименьшее значение. То же самое можно сказать о других интегральных параметрах GS:MP ($П_{MP}$, EPI_{MP}, δD_{MP}). Возможно, эта аномалия в ежегодных статистических характеристиках не случайна. Однако будет достаточно осторожным решением игнорирование этой аномалии. Будет осторожным решением считать все статистические характеристики GS:MP (почти)постоянными, напр., EPI_{MP}≈6, а δD_{MP}≈11. Характерное значение линейного Индекса Экономической Продуктивности EPI_MP≈6 близко к наибольшему значению EPI среди всех стран GS:MP, а иногда даже превосходит это наибольшее значение. Дефект Демографического Индекса δD_{MP} чрезвычайно высок. Нетрудно показать, используя формулы (10) и (11), что доля населения, принимающего участие в создании видимого для статистики экономического продукта, измерения величин ВВП, составляет k^4, где

$$k = 1 - \frac{\delta D_{MP}}{D}. \qquad (13)$$

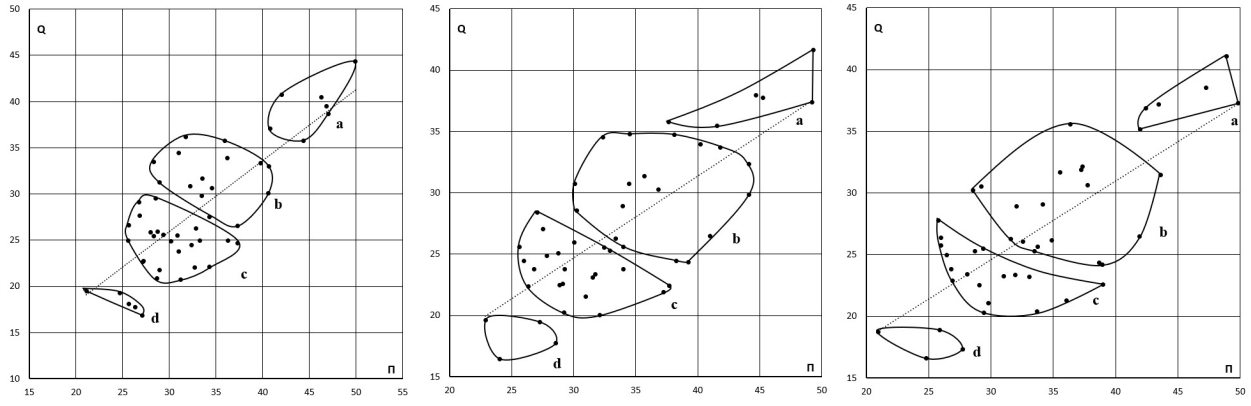
Даже для самых больших стран GS:MP, имеющих D≈30—40, эта доля составляет менее 30% населения. Остальное население, как можно предположить, занято в теневой экономике или в натуральном хозяйстве.

Страны GS:MP на плоскости сопряженной пары индексов {П, Q}

Рисунки 4, 5 и 6 показывают распределение стран Главной Части Глобального Юга на плоскости экономических индексов {П, Q} в некоторые годы: 2011 (рис. 4), 2015 (рис. 5) и 2019 (рис. 6). На этих рисунках показаны контуры границ структурных элементов a, b, c, d, а также показана прямая линия линейной регрессии GS:MP на плоскости {П, Q}. Уравнение этой линии имеет вид:

$$Q = \alpha_{MP(П,Q)} \cdot П + \beta_{MP(П,Q)}. \qquad (14)$$

В таблице 4 приведены ежегодные статистические параметры линейной регрессии (14): коэффициент наклона α, свободный член β и коэффициент детерминации R^2.

2011 2015 2019

Рисунки 4–6 — **Распределение стран GS:MP на плоскости индексов {П, Q} в 2011 (4), 2015 (5), 2019 (6)**

Таблица 4 — **Статистические параметры Главной Части Глобального Юга на плоскости экономических индексов {П, Q} в 2010-2024**

Параметры / год	$\alpha_{MP(П,Q)}$	$\beta_{MP(П,Q)}$	$R^2_{MP(П,Q)}$	Параметры / год	$\alpha_{MP(П,Q)}$	$\beta_{MP(П,Q)}$	$R^2_{MP(П,Q)}$
2010	0.8070	2.1613	0.5827	2018	0.6275	5.9948	0.5333
2011	0.7705	2.8013	0.5902	2019	0.6390	5.4020	0.5460
2012	0.7107	4.1997	0.5793	2020	0.6362	5.8756	0.5101
2013	0.6993	4.5782	0.5798	2021	0.6138	6.4576	0.5298
2014	0.6947	4.6659	0.5621	2022	0.6473	4.7904	0.5662
2015	0.6670	4.6650	0.5429	2023	0.6160	6.1817	0.5373
2016	0.6715	4.8695	0.5400	2024	0.6079	6.4850	0.5321
2017	0.6633	5.0034	0.5452				

Возможно, годичная вариация статистических параметров α, β, R^2 в таблице 4 имеют некий экономический смысл. Однако, руководствуясь принципом осторожности при интерпретации впервые выявленных характеристик GS:MP, можно предположить следующую минималистскую интерпретацию этой таблицы:

1. Умеренное и (почти)постоянное значение коэффициента детерминации $R^2 \approx 0.55 \pm 0.04$ свидетельствует о статистической неоднородности и стационарности ансамбля стран, принадлежащих GS:MP. Можно отметить, что для Глобального Севера (GN) и Донжона Глобального Юга GS:D, корреляция между индексами П и Q отсутствует.

2. (Почти)постоянный коэффициент наклона линейной регрессии $\alpha \approx 0.7 \pm 0.1$ свидетельствует о стационарности ансамбля стран GS:MP на рассматриваемом временном промежутке 2010-2024.

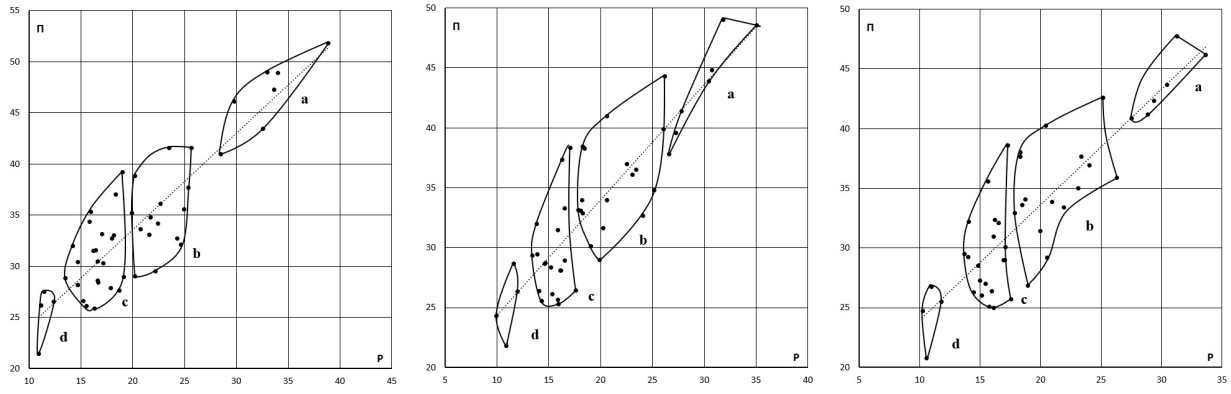
3. За исключением первых двух лет (2010 и 2011) свободный член β уравнения линейной регрессии можно считать (почти)постоянной случайной величиной с большим статистическим разбросом ($\beta \approx 5.3 \pm 1.2$). В первые два года рассматриваемого периода $\beta < 3$, коэффициент детерминации R^2 и коэффициент наклона α превосходят свои значения в остальные годы. Возможно, эта временная аномалия является реальной. Но ограниченные статистические данные таблицы 4 не позволяет оценить достоверность этой аномалии.

Страны GS:MP на плоскости вспомогательной пары индексов {P, П}

Рисунки 7, 8 и 9 показывают распределение стран, принадлежащих Главной Части Глобального Юга на плоскости экономических индексов {P, П}. Рисунок 7 показывает это распределение в 2012 г., рисунок 8 соответствует 2016 году. На рисунке 9 показано распределение 2020 г. На каждом рисунке показаны контуры границ структурных элементов a, b, c, d. На этих рисунках показана также прямая линия линейной регрессии ансамбля стран GS:MP на плоскости индекс {P, П}. Эта линия имеет уравнение:

$$П = \alpha_{MP(P,П)} \cdot P + \beta_{MP(P,П)} . \qquad (15)$$

Ежегодные коэффициенты уравнения (15) α, β и коэффициент детерминации R^2 для уравнения (15) приведены в таблице 5.

2012 2016 2020

Рисунки 7-8 — **Распределение стран GS:MP на плоскости индексов {P, П}**

Таблица 5 — **Статистические параметры уравнения линейной регрессии (15) для GS:MP на плоскости экономических индексов {P, П} в 2010-2024**

Параметры / год	$\alpha_{MP(P,П)}$	$\beta_{MP(P,П)}$	$R^2_{MP(P,П)}$	Параметры / год	$\alpha_{MP(P,П)}$	$\beta_{MP(P,П)}$	$R^2_{MP(P,П)}$
2010	0.8883	15.164	0.7782	2018	0.9956	14.035	0.7570
2011	0.9007	14.927	0.7886	2019	1.001	14.364	0.7614
2012	0.9418	14.724	0.7875	2020	0.9696	14.239	0.7364
2013	0.9448	14.307	0.7867	2021	1.0042	13.272	0.7556
2014	0.9348	14.437	0.7747	2022	1.0139	14.409	0.7694
2015	0.9668	14.965	0.7551	2023	1.0406	14.083	0.7566
2016	0.9656	14.673	0.7528	2024	1.0400	14.043	0.7534
2017	0.9720	14.590	0.7579				

И вновь, если ограничиться чистокачественной сверхосторожной интерпретацией таблицы 5, можно сказать, что страны Главной Части Глобального Юга в 2010-2024 гг. представляют собой (почти)стационарный ансамбль ежегодных статистических параметров: α=1.06±0.04, β=14–15 (только в 2021 г. β несколько меньше) и весьма высоким коэффициентом детерминации R^2 от 0,74 до 0,79. Этот высокий коэффициент R^2 на плоскости {P, П} может иметь только одно объяснение: Экономическая Продуктивность П и Демографический Индекс D для GS:MP является статистически независимыми переменными. Только в этом случае экономическая продуктивность П и Валовый Внутренний Продукт, измеряемый индексом P могут иметь столь сильную линейную корреляцию.

Распределение стран GS:MP на плоскости вспомогательной пары индексов {D, П} в 2010-2024 гг.

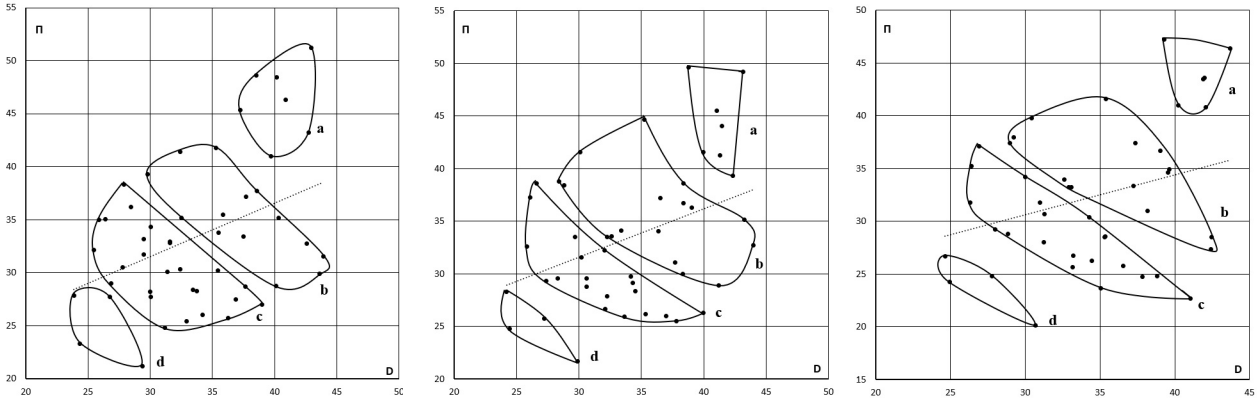
Рисунки 10–12 демонстрируют распределение стран Главной Части Глобального Юга на плоскости вспомогательной пары индекса {D, П} в 2013 (рис. 10), 2017 (рис. 11) и 2021 (рис. 12).

На рисунках 10, 11 12 показаны контуры границ структурных элементов a, b, c, d. Показана также прямая линия линейной регрессии GS:MP на плоскости {D, П}. Эта линия удовлетворяет уравнению:

$$П=\alpha_{MP(D,П)} \cdot P+\beta_{MP(D,П)} . \qquad (16)$$

В таблице 6 приведены ежегодные значения параметров α и β уравнения (16), а также коэффициент детерминации R^2 этого уравнения.

Весьма низкое и очень неустойчивое значение $R^2_{MP(D,П)}$ ($R^2_{MP(D,П)}$≈0.09÷0.2) говорит об отсутствии четко выраженной статистической связи между индексами D и П, т.е. о статистической независимости численности населения (POP) и удельного ВВП на душу населения (GDP/PC). Для ансамбля стран, входящих в Главную Часть Глобального Юга целесообразно воспринимать эти две экономические переменные в качестве независимых случайных величин. При таком взгляде на соотношение POP и GDP/PC конкретные значения (почти)постоянных параметров α и β, приведённые в таблице 6 (α≈0,38÷0.50, β≈18±2) не очень важны.

2013 2017 2021

Рисунки 10–12 — **Распределение стран GS:MP на плоскости индексов {D, П} в 2013 (10), 2017 (11), 2021 (12)**

Таблица 6 — **Статистические параметры уравнения регрессии (16) для GS:MP на плоскости {D, П} в 2010-2024**

Параметры / год	$\alpha_{MP(D,П)}$	$\beta_{MP(D,П)}$	$R^2_{MP(D,П)}$	Параметры / год	$\alpha_{MP(D,П)}$	$\beta_{MP(D,П)}$	$R^2_{MP(D,П)}$
2010	0.4929	16.004	0.2046	2018	0.4188	18.978	0.1117
2011	0.5107	15.914	0.1980	2019	0.4474	18.299	0.1283
2012	0.5059	16.711	0.1686	2020	0.3796	19.622	0.1051
2013	0.5031	16.417	0.1624	2021	0.3799	19.213	0.0931
2014	0.4741	17.229	0.1536	2022	0.4836	17.113	0.1487
2015	0.4654	18.132	0.1482	2023	0.4144	19.573	0.1044
2016	0.4492	17.995	0.1421	2024	0.4096	19.937	0.0989
2017	0.4570	17.887	0.1418				

Внимательный читатель, несомненно, заметит, что «ковидные» годы 2020 и 2021 отмечены в таблице 6 наименьшими значениями параметра наклона α и коэффициента детерминации R^2, а также повышенным значением свободного члена уравнения регрессии β. У нас нет критерия, чтобы оценить, в какой мере эта малозаметная динамика чисел говорит об упорядоченных глобальных процессах, а в какой мере отображает (почти) случайные ежегодные смещения стран на плоскости {D, П}.

Визуальный квартет: четыре проекции GS:MP на индексные плоскости {D, P}, {П, Q}, {P, П}, {D, П}

Наиболее убедительно концепция Главной Части Глобального Юга воспринимается при одновременном изучении всех четырёх ежегодных распределений стран Главной Части Глобального Юга на четырёх плоскостях индексных пар {D, P}, {П, Q}, {P, П}, {D, П}. Рисунки 13, 14 и 15 показывают эти визуальные квартеты для трех лет: 2022 (рис. 13), 2023 (рис. 14) и 2024 (рис. 15).

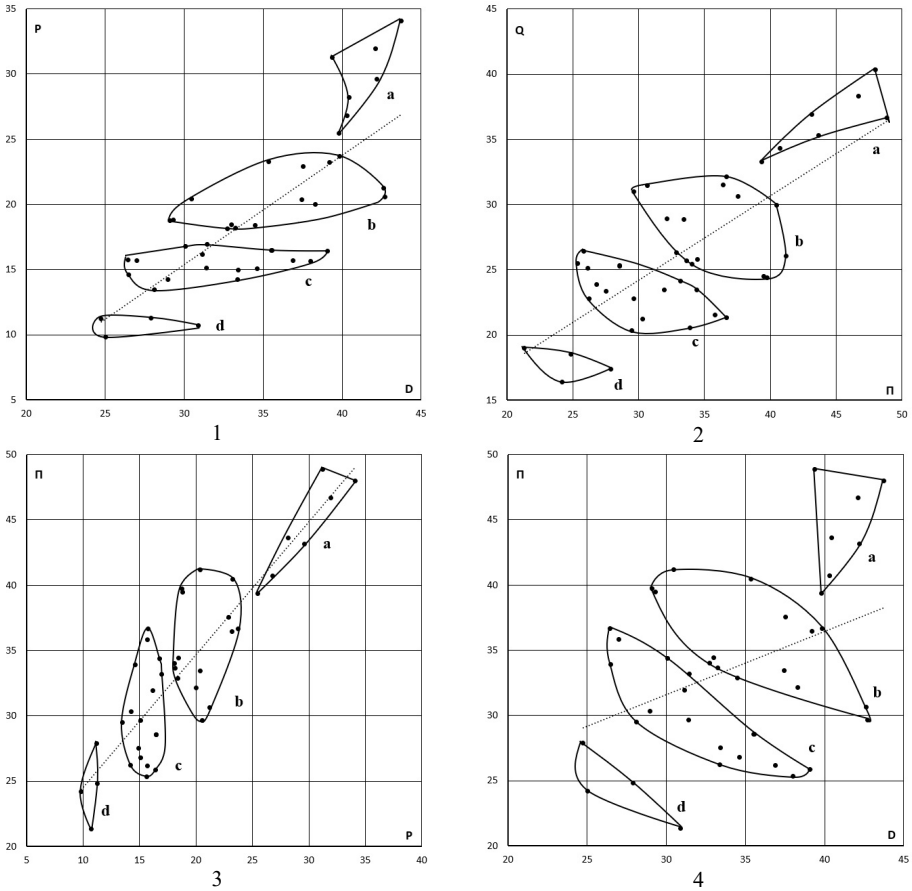

Рисунок 13 — **Главная Часть Глобального Юга на плоскостях четырёх индексных пар, 2022**

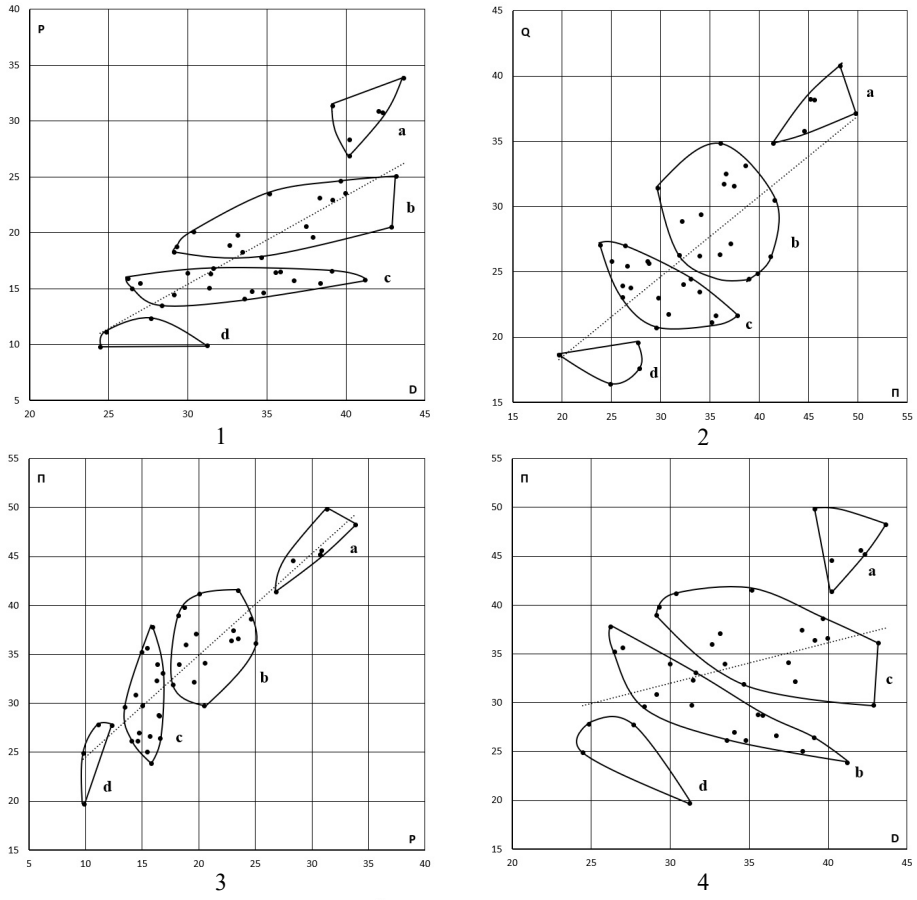

Рисунок 14 — **Главная Часть Глобального Юга на плоскостях четырёх индексных пар, 2023**

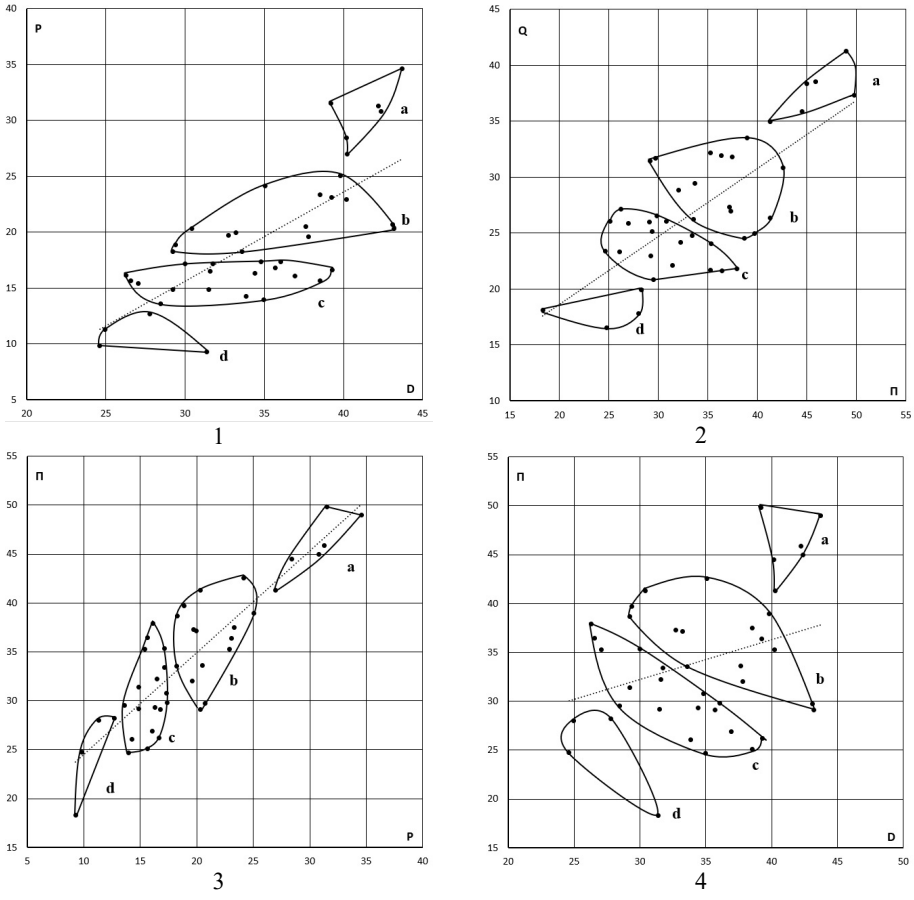

Рисунок 15 — **Главная Часть Глобального Юга на плоскостях четырёх индексных пар, 2024**

Полностью за 15 лет (2010-2024) эти визуальные квартеты приведены в электронном приложении №2 (t.ly/ITBMY) к этой статье. Это визуальное приложение совместно со списками стран в электронном приложении №1 позволяет отождествить любую страну в любой год из четырёх структурных элементов GS:MP(a), GS:MP(b), GS:MP(c), GS:MP(d). Например, можно увидеть, что структурному элементу GS:MP(d) в любой год принадлежат одни и те же страны с весьма маломощной экономикой: Сьерра Леоне, Либерия, Центрально-Африканская Республика и Бурунди. Этому структурному элементу принадлежит, вероятно, еще одна африканская страна Эритрея, но статистические сведения о ней в базе данных [10] есть только за два года.

Выводы

Мы полагаем, что приведённые в статье материалы убедительно подтверждают сам факт (почти)стационарного существования обнаруженной нами структурной единицы второго уровня: Главная Часть Глобального Юга и факт существования внутри этой структурной единицы небольших (почти)стационарных структурных элементов a, b, c, d.

Литература

1. Seidametova Z.S. Ensemble of structural components of the Global Economy / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства. 2026. — Вып. 12. — С. 481-485.
2. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. II. Two levels of the structural elements of the global economy / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — С. 265-273.
3. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XV. Donjon of the Global South and other structural elements / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 289-295.
4. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XVI. The Donjon of the Global South: Changes in Composition and Unchanged Marker Countries in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 296-302.
5. Seidametova Z.S., Temnenko V.A. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XIX. Correlation of GDP and population for the Donjon of the Global South in 2010–2024 // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 287-292. https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.40
6. Seidametova Z.S., Temnenko V.A. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. XX. The “Small Economies” and the “Smallest Economies” of the Global South in 2010-2024 // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 293-303. https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.41
7. Seidametova Z.S. Minimal statistical description of the Global Economy: Base index pairs and their transformations / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2023. — №4(82). — С. 167-175.
8. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. I. Scaled indices and the expanding framework for the global economy / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — С. 257-265.
9. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the Global Economy in the 21st century. III. Methodology for identifying structure / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 162-171.
10. GDP. Population. GDP/PC. 2024 / The World Bank. Indicators [e-resource]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/
11. ISO 3166 country codes [E-resource]. — URL: https://www.iso.org/obp/ui/

STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE 21ST CENTURY. XXIV. DYNAMICS OF ECONOMIC PRODUCTIVITY OF THE LARGEST COUNTRIES OF THE GLOBAL ECONOMY

Seidametova Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Temnenko Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, RC (Russia)

The purpose of the research is to conduct a comparative analysis of the quarter-century dynamics (2000-2024) of the economic productivity of a group of nineteen largest countries in the Global Economy, with a GDP of at least 10^{12} US dollars in 2024; to identify subgroups of countries with different the Economic Productivity Index scores and their dynamics; to identify subgroups of the most productive countries and the least productive countries; and to identify possible situations of "status exchange" (the transition of countries from one subgroup to another). The scientific novelty lies in the complete description of the economic dynamics of all the world's largest countries. The presented analysis, as a result, allows us to identify the specific features of the long-term economic dynamics of the largest countries and to assess possible trends in these dynamics for the coming years.

Keywords: *Global Economy; largest countries; Economic Productivity Index; "productivity groups"; productivity trend; status exchange.*

EDN: NGEHLI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.39***

Цитировать: *Сейдаметова З.С., Темненко В.А. Структура и динамика Глобальной Экономики в XXI веке. XXIV. Динамика экономической продуктивности крупнейших стран Глобальной Экономики // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 282–290. EDN: NGEHLI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.39*

УДК 339.97

5.2.5

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ. XXIV. ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ КРУПНЕЙШИХ СТРАН ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

© Сейдаметова З.С., Темненко В.А., 2026

СЕЙДАМЕТОВА Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

ТЕМНЕНКО Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования — сравнительный анализ четвертьвековой динамики (2000-2024) экономической продуктивности группы девятнадцати крупнейших стран Глобальной Экономики, имеющих в 2024 г. ВВП не менее 10^{12} долларов США; выделение подгрупп стран, различающихся по Индексу Экономической Продуктивности и его динамике; выделение подгрупп наиболее продуктивных стран и наименее продуктивных стран; выявление возможных ситуаций «обмена статусов» (перехода стран из одной подгруппы в другую). Научная новизна заключается в полном описании экономической динамики всех крупнейших стран мира. Представленный анализ позволяет в результате увидеть особенности долгосрочной экономической динамики крупнейших стран, оценить возможные тренды этой динамики на ближайшие годы.

Ключевые слова: *глобальная экономика; крупнейшие страны; Индекс Экономической Продуктивности; «группы продуктивности»; тренд продуктивности; обмен статусов.*

Введение

В этой статье мы представляем описание и сравнительный анализ динамики экономической продуктивности девятнадцати крупнейших экономик мира в течение двадцатипятилетнего периода с 2000 по 2024 гг. В качестве исследовательского инструмента мы используем графики зависимости Индекса Экономической Продуктивности EPI от времени t. Индекс Экономической Продуктивности EPI — это безразмерная величина, которая показывает, какую долю (в процентах) составляет ВВП на душу населения (GDP/PC) некоторой страны от «эталонного» значения этой величины {GDP/PC}_(e.v.):

$$\mathrm{EPI} = 10^2 \cdot \frac{\mathrm{GDP/PC}}{\{\mathrm{GDP/PC}\}_{\mathrm{e.v.}}}. \qquad (1)$$

GDP/PC каждой страны измеряется в текущих долларах США. В качестве «эталонного» значения GDP/PC используется GDP/PC Люксембурга. Эта страна в течение последней четверти века имеет наибольшее значение ВВП на душу населения среди стран Глобального Севера (GN). Монако и Лихтенштейн превосходят Люксембург по величине ВВП на душу населения. В некоторые годы Бермуды также имеют GDP/PC выше Люксембургского. Но эти три страны не принадлежат Глобальному Северу. Они входят в другой структурный элемент Глобальной Экономики, который называется «Малые Экономики» (SE). Для стран структурного элемента SE в базе данных Мирового Банка [2] в некоторые годы отсутствуют данные о ВВП и ВВП на душу населения. Эти страны неудобны в качестве «эталона продуктивности», в качестве глобального измерителя экономических величин. Люксембург тоже не является «идеальным» измерителем. Величина GDP/PC Люксембурга очень быстро росла между 2000 и 2008 гг., а после мирового финансового кризиса 2008 г. и по настоящее время эта величина демонстрирует осцилляции значительной амплитуды. Однако Глобальная Экономика не имеет идеальных неизменных измерителей. Использование безразмерного нормированного индекса EPI (1) для оценки экономической продуктивности каждой страны позволяет в определённой степени устранить влияние глобальной инфляции при сопоставлении экономических данных разных лет. Описание структурных элементов Глобальной Экономики можно найти, напр., в [5].

Список «крупнейших экономик» мы сформировали следующим образом. Мы включили в этот список все те страны — «триллионеры», у которых в 2024 ВВП превышает 10^{12} долларов США. Мы назвали эти девятнадцать стран «клуб 12-13». ВВП этой группы стран заключено на интервале от наименьшего значения $\$1.215\cdot10^{12}$ (Нидерланды) до наибольшего значения $\$2.875\cdot10^{13}$ (США). Две страны этого клуба имеют в 2024 ВВП>$\$10^{13}$ (США и Китай). Остальные имеют ВВП больше $\$10^{12}$, но меньше, чем $10^13. По принадлежности к структурным элементам Глобальной Экономики члены «клуба 12-13» распределены так. Три страны принадлежат структурному элементу СверхГиганты (SG). Это США (экономический СверхГигант), Индия (демографический СверхГигант) и Китай (дважды СверхГигант — экономический СверхГигант и демографический СверхГигант). Четыре страны этого «клуба» составляют в течение последних двадцати лет структурный элемент «Гиганты Срединного Пути» MW(g). Это Бразилия, Российская Федерация, Мексика и Турция (страны перечислены в порядке убывания ВВП 2024 года). Десять стран «клуба 12-13» составляют структурный элемент «Гиганты Глобального Севера» GN(g). Это Германия, Соединённое Королевство, Франция, Италия, Канада, Австрия, Испания, Саудовская Аравия и Нидерланды. Две страны, принадлежащие этому «клубу 12-13» имеют статус «Изолированных Объектов» Глобальной Экономики, IO. Это Япония и Индонезия. Япония с 2000 по 2009 была экономическим СверхГигантом. В 2010 г. растущий ВВП Китая превысил ВВП Японии. Произошёл «обмен статусов» [6]. Япония утеряла статус экономического СверхГиганта, «передав» его Китаю. Китай приобрёл статус экономического СверхГиганта в дополнение к статусу демографического СверхГиганта, которым он уже обладал. Япония превратилась в Изолированный Объект Глобальной Экономики, не входящий ни в один структурный элемент Глобальной Экономики. Индонезия также является Изолированным Объектом Глобальной Экономики. Эта страна слишком велика по численности населения и по ВВП, для того чтобы её считать частью Глобального Юга (GS).

Следует отметить, что Саудовская Аравия причислена нами к странам GN(g) только с 2022 г. [7]. В течение двенадцати лет перед этим эта страна имела статус Изолированного Объекта Глобальной Экономики, постепенно передвигаясь на плоскости экономических индексов из области стран Срединного Пути (MW) к области стран Глобального Севера.

Корея присоединилась к структурному элементу GN(g) в 2013. До этого она также, как и Саудовская Аравия, провела несколько лет в статусе Изолированного Объекта, перемещаясь от стран Срединного Пути (MW) к Гигантам Глобального Севера. Испания также была Изолированным Объектом Глобальной Экономики в начале XXI века. Эта страна присоединилась к GN(g) в 2003 г.

В статье [7] мы рассматривали динамику Экономических Гигантов в 2010-2024. В списке стран статьи [7] не присутствовали СверхГиганты. Динамика каждой страны описывается в [7] с помощью динамического секстета. Динамический Секстет, по определению есть совокупность шести графиков, показывающих изменения во времени t четырёх нормированных масштабированных экономических индексов P, D, П, Q, а также траекторию каждой страны на двух плоскостях пар экономических индексов {D, P} и {П, Q}. Эти экономические индексы определены следующим образом (см., напр., [5] и [5]):

$$P = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP}{\max\{GDP\}}}, \quad (2)$$

$$D = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{POP}{\max\{POP\}}}, \quad (3)$$

$$П = 10^2 \cdot \sqrt[4]{\frac{GDP/PC}{\{GDP/PC\}_{e.v.}}}, \quad (4)$$

$$Q = 10^2 \cdot \sqrt{\frac{P \cdot D}{\max\{P \cdot D\}}}. \quad (5)$$

Здесь max{GDP} в формуле (2) есть нормировочный знаменатель в формуле для вычисления Продукт-Индекса P. В качестве такого нормировочного знаменателя, измерителя величины ВВП, мы используем ежегодное значение ВВП США. Эта страна в течение многих десятилетий имеет наибольшее в мире значение ВВП в текущих долларах США. В формуле (3) max{POP} есть «измеритель» населения, нормировочный знаменатель. В качестве такого «измерителя» мы используем ежегодное значение численности населения в самой населённой стране мира (с 2022 г. это Индия, ранее это Китай). Некоторые обоснования используемой нами процедуры масштабирования (извлечение корня четвёртой степени формулах (2), (3), (5)) приведено в статье [5]. Нетрудно убедиться, что линейный (не масштабированный) Индекс Экономической Продуктивности EPI (формула (1)) и масштабированный Индекс Продуктивности П (формула (4)) связаны простым соотношением:

$$EPI = 10^2 \cdot \left(\frac{П}{10^2}\right)^4. \quad (6)$$

Соответственно, статья [7] в сопоставлении с этой статьёй есть исследование меньшего числа стран (не включены СверхГиганты) на более коротком интервале времени (15 лет вместо четверти века в настоящей статье), но с более богатым инструментарием (динамический секстет вместо одного графика EPI(t) в настоящей статье). Сосредотачиваясь на изучении только экономической продуктивности EPI всех крупнейших стран Глобальной Экономики на протяжении четверти века, мы надеемся увидеть некоторые динамические закономерности, отражающие подвижность структуры Глобальной Экономики и дополняющие мгновенные ежегодные состояния Глобальной Экономики в виде фиксированного набора структурных элементов Глобальной Экономики, описанного, напр., в [5].

Цель исследования — анализ динамики экономической продуктивности девятнадцати крупнейших стран Глобальной Экономики за четверть века, 2000-2024. Эта цель предполагает решение следующих задач: 1) сопоставление списка крупнейших стран и описание критерия для выявления всех крупнейших стран (приведено во введении); 2) составление полной таблицы данных по Индексу Экономической Продуктивности EPI для всех крупнейших стран Глобальной Экономики за все годы с 2000 по 2024 гг. (данные за 2025 в базе данных [2] в момент написания статьи в июле 2026 отсутствовали), с учётом исправления данных за последние годы в этой базе [3]; 3) подготовка графиков зависимости EPI(t) для всех крупнейших стран Глобальной Экономики; 4) анализ графиков и EPI(t), выявление подобия или уникальности некоторых графиков; 5) выявление и описание по этим графикам некоторых значимых событий в Глобальной Экономике. Теоретической базой этого исследования были наши предшествовавшие исследования структуры и динамики Глобальной Экономики XXI века (см. напр., [5], [6], [7], [8], [9]).

Практическое значение этого исследования состоит в углублении понимания экономической динамики Глобальной Экономики в достаточно длинной временной шкале.

Таблица данных об экономической продуктивности крупнейших стран Глобальной Экономики в 2000-2024

В таблице 1 приведены значения Индекса Экономической Продуктивности EPI девятнадцати крупнейших стран Глобальной Экономики за последние четверть века с 2000 по 2024.

Страны в таблице 1 упорядочены по убыванию ВВП 2024 года. ВВП Нидерландов, занимающих последнее место в этом «клубе 12-13», составляет 4.23% от ВВП США. Продукт-Индекс P Нидерландов составляет 45.3 в 2024. Эта величина согласуется с принятыми нами ранее критериями причисления стран к списку экономических гигантов [7], [9]: P>44.0. Швейцария, следующая за Нидерландами в 2024 г. по величине ВВП, имеет P<44.0 и не является экономическим гигантом.

Таблица 1 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI крупнейших стран Глобальной Экономики в 2000-2024 гг.**

Страна / год	USA	China	Germany	Japan	India	United Kingdom	France	Italy	Canada	Brazil	Russian Federation	Korea, Rep.	Mexico	Australia	Spain	Indonesia	Turkiye	Saudi Arabia	Netherlands
2000	74,66	1,97	48,69	80,50	0,91	58,12	46,07	41,38	49,88	7,66	3,64	25,19	15,58	44,95	30,31	1,58	8,79	18,08	53,87
2001	76,66	2,17	48,78	71,03	0,93	57,61	46,34	42,32	49,18	6,49	4,34	23,87	16,53	40,66	31,73	1,53	6,40	17,21	55,53
2002	71,69	2,17	47,54	61,92	0,88	56,74	45,82	42,21	45,76	5,33	4,49	24,84	15,15	39,30	32,27	1,68	6,87	15,81	55,36
2003	60,12	1,96	46,14	53,87	0,83	52,43	45,10	41,90	43,08	4,65	4,53	22,34	11,38	36,11	32,75	1,60	7,16	14,19	54,42
2004	54,51	1,97	44,56	50,03	0,82	52,74	44,15	40,91	41,99	4,73	5,36	21,55	10,30	40,29	32,54	1,49	7,88	14,29	52,83
2005	54,48	2,17	42,62	46,69	0,88	51,99	42,93	39,58	44,92	5,89	6,57	23,96	10,74	42,57	32,63	1,54	9,10	16,62	51,85
2006	51,00	2,31	40,04	39,64	0,88	49,03	40,17	36,93	44,61	6,46	7,62	23,95	10,51	40,31	31,27	1,73	8,82	16,36	49,46
2007	44,71	2,51	38,74	33,29	0,95	46,89	38,67	35,24	41,55	6,81	8,47	22,14	9,47	38,20	30,32	1,71	9,04	14,66	48,20
2008	40,33	2,88	37,88	33,11	0,83	39,36	37,80	34,00	38,79	7,31	9,66	17,73	8,79	41,27	29,49	1,78	9,00	15,73	48,06
2009	43,13	3,50	38,06	37,75	1,00	35,41	38,14	34,02	37,36	7,83	7,83	17,50	7,76	39,13	29,40	2,05	8,24	13,77	48,18
2010	43,87	4,10	37,49	40,55	1,22	35,71	36,68	32,50	42,89	10,04	9,63	20,81	8,86	47,03	27,54	2,79	9,58	16,20	45,99
2011	42,06	4,72	39,24	40,97	1,22	35,38	36,84	32,47	43,88	11,09	12,02	20,09	9,05	52,60	26,61	3,04	9,49	18,85	45,56
2012	46,00	5,60	38,95	43,65	1,27	37,75	36,30	31,13	46,78	10,95	13,70	22,61	9,63	60,47	25,16	3,26	10,40	21,38	44,47
2013	44,41	5,85	38,58	34,08	1,20	36,19	35,50	29,63	43,86	10,22	13,31	22,65	9,43	56,83	24,23	3,00	10,48	19,95	43,50
2014	44,57	6,17	39,83	31,11	1,26	38,36	34,82	28,76	41,20	9,76	11,40	23,65	9,29	50,58	23,86	2,81	9,84	19,29	42,77
2015	53,82	7,60	38,97	33,15	1,51	42,64	34,75	28,68	41,34	8,33	8,83	27,25	9,58	53,82	24,42	3,15	10,48	19,38	42,85
2016	54,13	7,57	39,42	36,83	1,60	38,34	34,67	28,96	39,58	8,12	8,14	27,39	8,56	46,70	24,82	3,33	10,26	18,64	43,07
2017	54,37	8,00	40,52	35,24	1,78	36,82	35,19	29,41	40,95	8,98	9,73	28,68	8,80	48,96	25,58	3,48	9,71	18,98	44,17
2018	53,79	8,48	41,05	34,04	1,69	36,99	35,58	29,65	39,86	7,81	9,66	28,64	8,67	49,04	26,01	3,34	8,19	20,70	45,42
2019	57,77	9,00	41,52	35,85	1,82	37,85	35,92	29,87	41,14	7,85	10,23	28,30	9,26	48,83	26,24	3,68	8,18	20,76	46,55
2020	54,34	8,90	39,99	34,20	1,64	34,40	33,51	27,31	37,08	5,92	8,72	27,13	7,61	44,37	23,08	3,33	7,39	17,45	44,62
2021	52,52	9,44	38,46	29,79	1,67	35,05	32,66	27,26	39,16	5,76	9,37	26,28	7,75	45,39	22,80	3,24	7,29	18,19	43,92
2022	61,06	10,18	38,97	27,06	1,93	36,90	32,71	27,82	43,93	7,13	12,22	25,94	9,20	52,08	23,74	3,83	8,54	24,36	45,62
2023	61,28	9,79	41,42	25,59	1,91	37,77	33,80	29,70	41,00	7,85	10,71	26,98	10,48	49,20	25,32	3,69	10,11	27,34	48,03
2024	61,35	9,66	40,72	23,58	1,96	38,64	33,46	29,31	39,44	7,48	10,81	26,30	10,30	46,89	25,64	3,57	11,53	25,49	49,00

По таблице 1 нетрудно отследить, что США 16 раз занимали среди крупнейших стран первое место по экономической продуктивности, 4 раза занимали второе место, 4 раза занимали третье место и только один раз в 2011 заняли четвертое место, пропустив вперёд Австралию, Нидерланды и Канаду. Австралия пять раз занимает первое место по экономической продуктивности (2010-2014 гг.), девять раз второе место и три раза третье место. Нидерланды трижды занимают первое место (2007-2009 гг.), семь раз занимают второе место и десять раз занимают третье место по экономической продуктивности. Эти страны формируют тройку самых продуктивных стран среди крупнейших экономик мира. Среди Гигантов Глобального Севера GN(g) Австралия и Нидерланды имеют самые высокие значения Экономической Продуктивности. Австралия иногда близка к гипотетическому верхнему пределу экономической продуктивности стран Глобального Севера, который зависит от численности населения (уменьшается с ростом Демографического Индекса D [10]).

В списке таблице 1 есть несколько стран, в разные годы конкурировавших за место в тройке наиболее продуктивных стран.

В 2000 г. Япония занимала первое место по Индексу Продуктивности EPI в этом списке, в 2001-2002 опустилась на второе место, в 2003 оказалась на третьем месте и далее не принимала участия в борьбе за места в лидирующие тройке. Соединённое Королевство в 2000-2007 дважды занимала второе место по экономической продуктивности и пять раз третье место. Но, резко потеряв в экономической продуктивности во время глобального финансового кризиса 2008 года, Соединённое Королевство больше не появилось в тройке лидеров (табл. 1).

На последнем месте по экономической продуктивности среди крупнейших стран неизменно находится Индия. Индекс Экономической Продуктивности EPI Индии вырос за четверть века более чем в два раза, но остался зажат в узкий туннель «двухпроцентной продуктивности». Индонезия неизменно занимает предпоследнее место по экономической продуктивности среди крупнейших стран мира. Как и у Индии, Индекс Экономической Продуктивности Индонезии вырос за четверть века более чем в два раза. Но, как и у Индии, экономическая продуктивность Индонезии зажата в некий «четырехпроцентный туннель». Данные таблицы 1 не дают основания предположить, что Индия или Индонезия могут в ближайшие годы выйти из этих «туннелей» и совершить какой-либо значительный рывок вверх по шкале продуктивности. «Третье место снизу» по продуктивности в течение восемнадцати лет (2000-2017) занимал Китай. С 2018 по 2024 в тройку наименее продуктивных экономик среди крупнейших стран вошла Бразилия, заменив Китай, который поднялся вверх по шкале экономической продуктивности.

Графики экономической продуктивности крупнейших стран Глобальной Экономики в 2000-2024 гг.

Семь рисунков от рисунка 1 до рисунка 7 показывают динамику Индекса Экономической Продуктивности EPI для некоторых малых подгрупп стран из общей группы крупнейших стран, рассматриваемых в этой статье.

Рисунок 1 — это единственный рисунок, на котором представлен график изменения индекса EPI только для одной страны. Это Япония, которая демонстрирует — пусть и со значительными колебаниями — стойкое падение индекса EPI в течение четверти века.

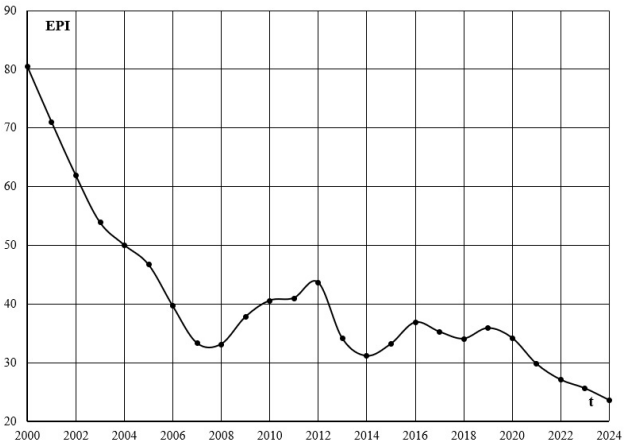

Рисунок 1 — **Индекс Экономической Продуктивности Японии EPI в 2000-2024**

Индекс EPI от значения 86.50 в 2000 (наибольшее значение среди крупнейших экономик в этом году) упал до EPI=23.58 в 2024 г. Если через эти две точки на графике провести аппроксимирующую экспоненту вида

$$EPI(t)=EPI(2000)\cdot exp(-\beta(t-2000)), \qquad (7)$$

то, как нетрудно вычислить, β=0.05116, а время падения EPI вдвое, $\tau_{1/2}$:

$$\tau_{1/2} = \frac{\ln 2}{\beta} \approx 13.5 \text{ лет.}$$

В действительности, экспонента (7) очень плохо аппроксимирует график, представленный на рисунке 1. В первые годы темп падения EPI более высокий: падение продуктивности в два раза всего за шесть лет. В последующие годы этот темп падения EPI несколько понижается. Возможно, к 2040 Япония войдёт в подгруппу «десятипроцентных» стран (EPI~10), в которую сейчас входят Китай, Россия, Мексика и Турция.

Известно, что процессы экономического торможения Японии начались ещё в 90-ые годы XX века [4]. В 2003 в Японии появился термин «Потерянное десятилетие» (Lost Decade, Ushinawareta Junem) для описания экономических процессов 1990-х (и, возможно, для выражения надежды на улучшение в будущем). Но позже, в 2012 г., в это описание экономических процессов включили период с 2001 по 2010 и появился термин «Потерянное двадцатилетие» (Lost 20 Years), который сейчас сменился термином «Потерянное тридца-

тилетие» (Lost 30 Years). Можно отметить, что GDP/PC Японии в текущих долларах США, мог и не убывать столь быстро или даже расти: в 2008 г. и GDP/PC Японии ($39992) был почти такой же, как и в 2000 ($38173). Экономика Япония стагнировала не сама в себе, но резко отставала от быстропрогрессирующей в эту эпоху Глобальной Экономики.

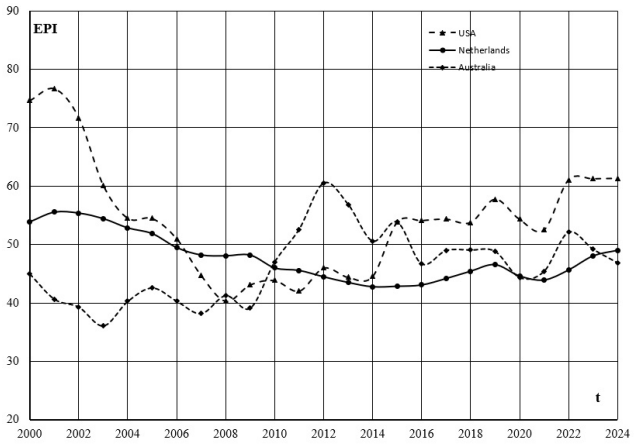

Рисунок 2 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI для США, Австралии и Нидерландов в 2000-2024**

Рисунок 2 представляет группу EPI(t) для трёх стран с самой высокой экономической продуктивностью среди крупнейших экономик мира. Это США, Австралия и Нидерланды. После высокоамплитудных колебаний первой половины рассматриваемого двадцатипятилетнего периода США входят в устойчивое состояние по продуктивности в полосе EPI=50-60. Среднее значение EPI США за последние три года (2022-2024) составляла 61.23±0.1. Экономическая продуктивность Австралии также имела высокоамплитудные осцилляции в эти 25 лет и, возможно, эти осцилляции глубоко встроены в экономику Австралии. В последние три года среднее значение EPI Австралии составляет 49.39±1.80. Нидерланды являются в некотором смысле образцом экономической стабильности. Среднее значение EPI Нидерландов за 25 лет составляет 47.81±3.31. Поскольку индекс EPI указывается соотношение GDP/PC данной страны и Люксембурга (как эталона продуктивности) небольшое среднеарифметическое отклонение EPI от среднего значения демонстрирует синхронность экономической динамики Нидерландов и Люксембурга. Низкое амплитудное отклонение EPI от среднего демонстрирует, что экономика Нидерландов подвержена малозаметным долгопериодическим колебаниям: медленная волна падения EPI с 2001 до 2014 и последующая волна подъёма до 2024 года, прерванная небольшой «ковидной депрессией 2020-2022». Колоссальная геополитическая турбулентность эпохи (крупномасштабные военные действия, таможенные войны и высокая скорость развития искусственного интеллекта) делают почти невозможными глобальные экономические прогнозы. Но если вынести за скобки эту турбулентность и ориентироваться только на графики рисунка 2, то «прогноз» по EPI для этих трёх стран можно сформулировать следующим образом. США формируют подгруппу крупнейших стран, состоящую из единственной страны с характерным значением EPI>60. Это самое высокое значение Индекса Экономической Продуктивности среди крупнейших стран и не существует причин (в самих США) ожидать, что это первенство США кому-либо уступят. Нидерланды и Австралия формируют малую подгруппу «50», состоящую из этих двух стран с характерным значением EPI≈50. Эта подгруппа в ближайшие годы сохранится, но для Австралии возможны определённые всплески и спады продуктивности в короткой временной шкале 3-4 года.

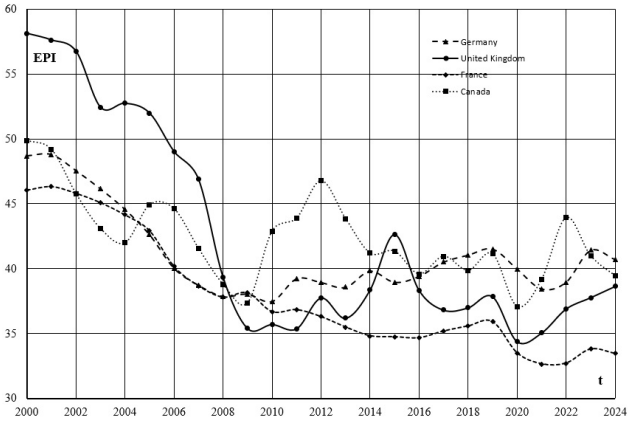

Рисунок 3 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI для Германии, Соединенного Королевства, Франции и Канады в 2000-2024**

Рисунок 3 представляет зависимость от времени t Индекса Экономической Продуктивности EPI для четырёх экономических гигантов Глобального Севера: Германия, Соединённое Королевство, Франция и Канада.

Общая черта этих четырёх графиков — падение EPI с 2000 по 2008-2009 (для Канады это падение с осцилляциями). Для Германии это падение переходит в период высокой стабильности. Среднее значение EPI Германии за девятнадцать лет с 2006 по 2024 составляет 39.47 с небольшим среднеарифметическим отклонением ±1.04. Соединённое Королевство также демонстрирует после начального падения экономическую стабильность. Среднее значение индекса EPI Соединённого Королевства за 16 лет с 2009 по 2024 составляет 37.14 со среднеарифметическим отклонением ±1.38. Экономика Канады несколько менее устойчива, чем экономики Германии и Соединенного Королевства. Её продуктивность может демонстрировать немалые всплески и падения. После большого всплеска в 2010-2013 Канада входит в полосу относительной экономической стабильности. Среднее значение индекса EPI для Канады за 11 лет с 2014 по 2024 составляют 40.42 со среднеарифметическим отклонением ±1.23. Можно описать эти результаты такой краткой формулировкой: эти три страны, Германия, Соединённое Королевство и Канада, формирует подгруппу «40», состоящую из этих трёх стран с характерным значением EPI≈40. Нет причин ожидать значительных изменений продуктивности для этих трёх стран. Но для Канады возможны осцилляции продуктивности.

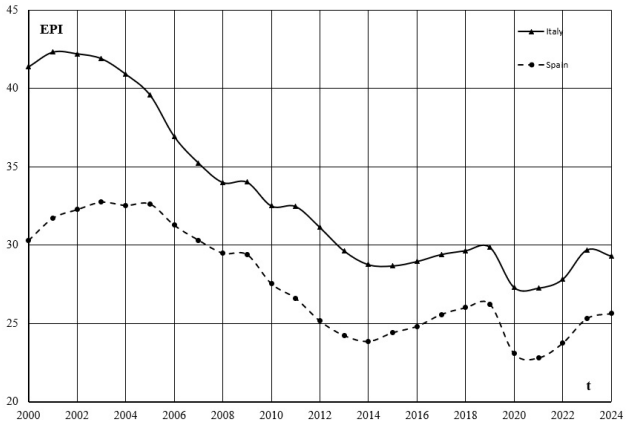

Рисунок 4 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI для Италии и Испании в 2000-2024**

График EPI Франции на рисунке 3 переплетаются с графиками Германии, Соединённого Королевства и Канады. Однако EPI Франции упало ниже характерного значения EPI≈40 ещё в 2007 г. и больше никогда не поднималось до этого значения. Если аппроксимировать график EPI(t) для Франции той же экспоненциальной формулой (7), что и для Японии, то по данным за 2006 г. и 2024 г. для Франции β=0.0133, а время спада продуктивности вдвое:

$$\tau_{1/2} \simeq 52 \text{ года.}$$

Соответственно, деградация экономики Франции идет гораздо медленнее, чем деградация экономики Японии. Но, вероятно, нет никаких причин причислить Францию к подгруппе «40», в которую входят Германия, Соединённое Королевство и Канада.

Рисунок 4 показывает графики EPI(t) для двух европейских стран, Италии и Испании. Повторяющиеся изгибы этих двух графиков формируют визуально некоторую речку постепенно уменьшающейся ширины. В настоящее время, к середине 20-ых годов XXI века, эти две страны формируют подгруппу «25-30» с характерным значением EPI≈25-30 и с возможной тенденцией к дальнейшему падению EPI. Этот интервал значений EPI относится к области наибольших значений EPI среди «тёплых» экономик Глобального Севера [11].

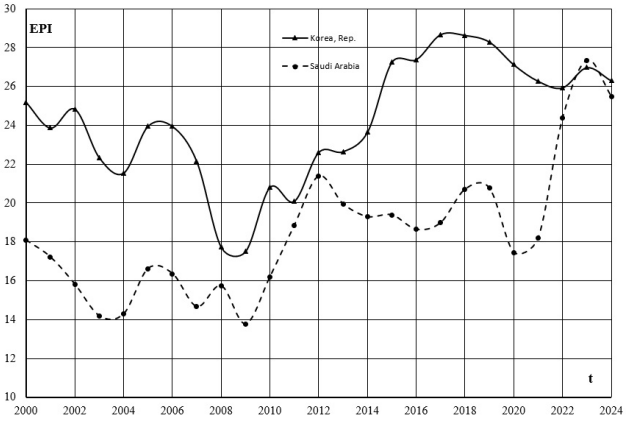

Рисунок 5 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI для Кореи и Саудовской Аравии в 2000-2024**

Рисунок 5 представляет графики экономической продуктивности EPI(t) двух стран — Кореи и Саудовской Аравии. Оба этих графика показывают значительную амплитуду осцилляции продуктивности. Эти графики то сближаются, то отдаляются друг от друга. Как правило, экономическая продуктивность Кореи превосходит продуктивность Саудовской Аравии, но один раз, в 2023,

EPI Саудовской Аравии на половину процентного пункта превысил EPI Кореи. Ранее мы описывали колебания EPI Саудовской Аравии как биение «нефтяного сердца» Глобальной Экономики [12], или как биение «делового сердца» Глобальной Экономики [13]. Несомненно, Республика Корея, судя по рисунку 5, также принадлежит к «деловому сердцу» Глобальной Экономики.

Эти две страны, Республика Корея и Саудовская Аравия, формируют в группе крупнейших стран мира, подгруппу «25», с характерным в последние годы значением EPI≈25. Отличие этой подгруппы от рассматриваемой выше подгруппы «25-30» (Испания и Италия) состоит в том, что для Кореи и особенно для Саудовской Аравии можно увидеть за четверть века некоторый тренд на повышение EPI, а в паре «Испания-Италия» можно увидеть тренд на понижение продуктивности.

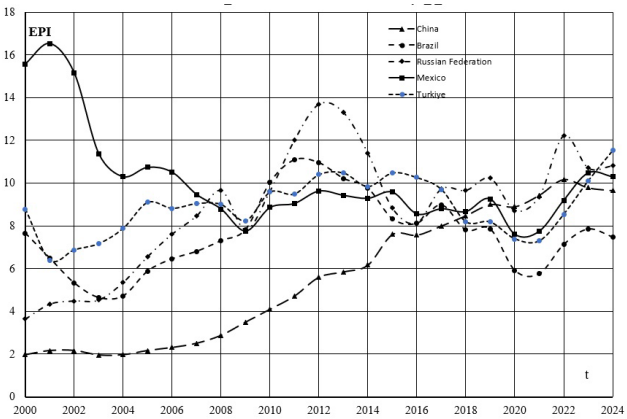

Рисунок 6 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI для Китая, Бразилии, России, Мексики и Турции в 2000-2024**

Рисунок 6 содержит графики EPI(t) пяти стран. Четыре страны из этих пяти — Бразилия, Россия, Мексика, Турция — это гиганты Срединного Пути MW(g), которые имеют значительные осцилляции продуктивности в окрестности характерного значения EPI≈10. Пятая страна, представленная на рисунке 6, это Китай. В результате быстрого экономического прогресса в течение десятилетия 2008-2018 Китай к концу рассматриваемого двадцатилетнего периода уверенно вошел в эту подгруппу «10», а Бразилия, по-видимому, выбывает из этой подгруппы, перемещаясь в тройку стран, имеющих наименьшую продуктивность среди крупнейших стран Глобальной Экономики.

С большой наглядностью, этот процесс «обмена статусов» между Китаем и Бразилией виден на рисунке 7. На этом рисунке показаны три страны, имеющие наименьшие значения экономической продуктивности среди крупнейших стран Глобальной Экономики. Наименее продуктивной страной в этом клубе Гигантов и СверхГигантов является Индия. Несомненно, эта страна остаётся на последнем месте в этом клубе в обозримом будущем. Возможно, график EPI(t) для Индии выделяет в Глобальной Экономике немалую группу стран, уступающих Индии по продуктивности (the “under-India-countries”, UIC), требующих специального анализа. В 2024 было не менее 48 таких стран по данным [2] (для некоторых низкопродуктивных стран, напр., для Эритреи, данные за 2024 в [2] отсутствуют). Тридцать из этих 48 стран, сосредоточенны в структурной единице «Главная Часть Глобального Юга», описанной в предшествующей статье этого журнала.

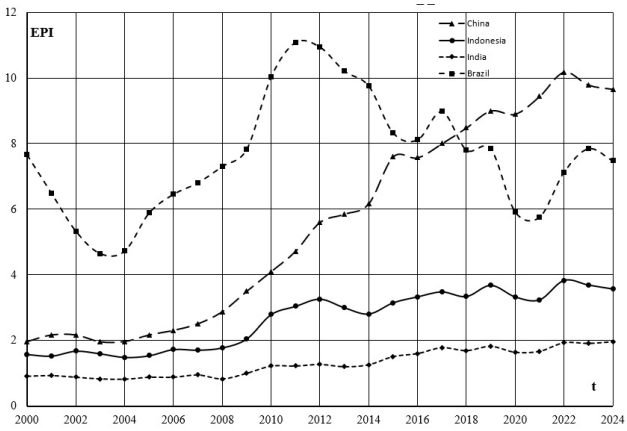

Рисунок 7 — **Индекс Экономической Продуктивности EPI для Индии, Индонезии, Китая и Бразилии в 2000-2024**

«Вторая снизу» по экономической продуктивности страна, показанная на рисунке 7, — это Индонезия. Она уверенно превосходит Индию по EPI, но кажется маловероятным, что в обозримом будущем EPI Индонезии превысит значение 4%. «Третья снизу» по Индексу Экономической Продуктивности EPI страна — это Китай в первые 18 лет (2000-2017) рассматриваемого временного промежутка. В последние семь лет (2018-2024) это Бразилия. Экономическая продуктивность Бразилии имеет огромные осцилляции. Мы не можем уверенно сказать, что в ближайшем

будущем сохранится преимущество Китая над Бразилией по индексу EPI. Но на базе этого короткого промежутка в 7 лет, мы можем о писать текущее состояние продуктивности следующим образом: в 2018 году произошёл обмен статусов: Китай передал «третье место снизу» Бразилии и вступил в подгруппу «10». Бразилия приняла статус «третьей страны снизу по продуктивности» и, возможно, выпала из подгруппы «10». При дальнейшем падении продуктивности Бразилия может покинуть структурный элемент «Гиганты Срединного Пути» MW(g) и превратиться в Изолированный Объект Глобальной Экономики.

Выводы

В статье описана динамика экономической продуктивности девятнадцати крупнейших стран Глобальной Экономики за четверть века, с 2000 по 2024. Выделены небольшие подгруппы стран, имеющих общие черты в экономической динамике. Отмечена деградация продуктивности Японии и Франции. Отмечен вероятный «обмен статусов» между Китаем и Бразилией, произошедший в 2018 г. Отмечено, что заслуживает отдельного анализа экономическая динамика большой группы стран Глобального Юга, уступающих Индии по экономической продуктивности.

Источники

1. Economy of Japan / Wikipedia [e-resource]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Japan
2. GDP. Population. GDP/PC. 2025 / The World Bank. Indicators [e-resource]. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/
3. GDP. Population. GDP/PC. Обновленные данные в базе данных Мирового Банка, 14.02.2026 / The World Bank. Indicators [e-resource]. — URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators
4. Lost Decades / Wikipedia [e-resource]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Lost_Decades

Литература

5. Seidametova Z.S. Structure and Dynamics of the Global Economy in the 21st century. XXII. Laws and regularities of the Global Economy / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №3(93). — С. 277-294.
6. Seidametova Z.S. The decline of Japan as the greatest event of the Global Economy in the 21st century / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства. — 2024. — Вып. 10. — С. 431-435.
7. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XI. Dynamics of economic giants in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №4(90). — С. 177-194.
8. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. I. Scaled indices and the expanding framework for the global economy / Z. S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №2(88). — С. 257-265.
9. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. VII. Dynamics of economic giants in 2000-2009 / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2025. — №3(89). — С. 224-236.
10. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XVII. The Global North on a plane {the Demographic Index, the Productivity Index} in 2010-2024 / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогическ. Университета. — 2026. — №2(92). — С. 217-226.
11. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XIV. Pareto Diagram of Productivity for the Global North Countries in 2010-2024 / Z. S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №1(91). — С. 210-219.
12. Seidametova Z.S. Structure and dynamics of the global economy in the 21st century. XVIII. Gulf Cooperation Council countries in 2010-2024 / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №2(92). — С. 226-235.
13. Seidametova Z.S. Structure and Dynamics of the Global Economy in the 21st century. XXI. Global North's countries capable of expeditious development and countries with high economic volatility (2010-2024) / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2026. — №3 (93). С. 294-303.

TRANSFORMATION OF MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN PARTICIPANTS IN THE RUSSIAN DEBT MARKET

Uglitskikh Olga Nikolaevna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Sizon Yuliya Evgenievna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Stavropol State Agrarian University, Stavropol (Russia)

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the transformation of infrastructure and mechanisms of participants in the government securities market of the Russian Federation in the context of external challenges. The scientific novelty of the study lies in identifying the transformation of the debt market of the Russian Federation as an integral system, in particular, the change in the roles of issuers of government securities is justified, the mechanisms for replacing the external investor base with the internal one and the effectiveness of adapting infrastructure in the context of digitalization are identified, which together ensures the stability of the debt market in conditions of sanctions isolation. As a result, directions for optimizing debt policy, expanding the instruments of the debt market and reducing the cost of borrowing were identified.

Keywords: *finance; regulation of the financial market; development of the financial market under new conditions; stability of the debt market under sanctions isolation; government securities; infrastructure; Russia's debt market.*

EDN: NMHQZX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.40***

Цитировать: *Углицких О.Н., Сизон Ю.Е. Трансформация механизмов взаимодействия участников долгового рынка России // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 291–295. EDN: NMHQZX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.40*

УДК 336.761

5.2.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОВОГО РЫНКА РОССИИ

© Углицких О.Н., Сизон Ю.Е., 2026

Цель исследования — комплексный анализ трансформации инфраструктуры и механизмов взаимодействия участников рынка государственных ценных бумаг РФ в условиях внешних вызовов. Научная новизна исследования заключается в выявлении трансформации долгового рынка РФ как целостной системы, в частности, обоснования смены ролей эмитентов ГЦБ, выявления механизмов замещения внешней инвесторской базы внутренней и эффективность адаптации инфраструктуры в условиях цифровизации, что в совокупности обеспечивает устойчивость долгового рынка в условиях санкционной изоляции. В результате определены направления оптимизации долговой политики, а также расширения инструментария долгового рынка и снижения стоимости заимствований.

Ключевые слова: *финансы; регулирование финансового рынка; развитие финансового рынка в новых условиях; устойчивость долгового рынка в условиях санкционной изоляции; государственные ценные бумаги; инфраструктура; долговой рынок России.*

УГЛИЦКИХ Ольга Николаевна, *кандидат экономических наук, доцент*

СИЗОН Юлия Евгеньевна, *кандидат экономических наук, доцент*

Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь (Россия)

Введение

Современный рынок государственных ценных бумаг (ГЦБ) Российской Федерации переживает этап глубокой реструктуризации, обусловленной комплексом внешних и внутренних вызовов, возникших в 2022 году и продолжающихся по сей день. Санкционное давление, отключение от международных финансовых инфраструктур, заморозка активов и необходимость обеспечения финансового суверенитета заставили пересмотреть традиционные подходы к функционированию долгового рынка. [2] В этих условиях ГЦБ перестали быть исключительно инструментом покрытия бюджетного дефицита и превратились в стратегический элемент макроэкономического регулирования, управления ликвидностью банковской системы и формирования внутреннего безрискового актива. Особую роль в этом процессе играют участники рынка — эмитент, посредники, инвесторы и инфраструктурные организации, чьё слаженное взаимодействие обеспечивает

устойчивость, ликвидность и предсказуемость финансовой системы в условиях внешней изоляции. Анализ их функциональной роли и механизмов кооперации позволяет не только понять текущее состояние российского долгового рынка, но и выявить ключевые факторы его адаптивности и потенциал дальнейшего развития, чем обуславливается актуальность исследования.

Цель исследования составляет комплексный анализ трансформации институциональной структуры и механизмов участников рынка государственных ценных бумаг РФ в условиях внешних вызовов, сформулировала следующие задачи: 1) рассмотреть особенности долговой политики Министерства финансов и инструментария государственных ценных бумаг; 2) оценить роль посредников и инфраструктурных институтов в обеспечении ликвидности, бесперебойности расчетов и учета после отключения от международных систем; 3) определить перспективы дальнейшего развития российского долгового рынка.

Методологическая база исследования основана на совокупности общенаучных и специальных экономических методов, включающих статистический, сравнительный и логический анализ. Теоретическую базу исследования составили фундаментальные концепции государственного долга и фискальной политики, теории портфельного инвестирования, современные подходы к анализу ликвидности и микроструктуры финансовых рынков. Практическая значимость исследования состоит в разработке комплексного анализа трансформации российского рынка государственных ценных бумаг.

Особенности долговой политики Министерства финансов и инструментария государственных ценных бумаг

Министерство финансов Российской Федерации, выступающее в роли эмитента федеральных ГЦБ, в указанный период трансформировало свою деятельность от пассивного управления долгом к активной долговой политике, ориентированной на стратегические цели. Возобновление выпуска государственных краткосрочных облигаций (ГКО) в августе 2022 года стало ответом на необходимость гибкого управления кассовыми разрывами и формирования короткого участка кривой безрисковых ставок. Одновременно Минфин расширил инструментарий за счёт введения инфляционно-индексируемых облигаций (ОФЗ-ИН), позволяющих компенсировать инфляционные потери инвесторам, а также «зелёных» выпусков (ОФЗ-З), направленных на финансирование экологических проектов в рамках национальной стратегии устойчивого развития. В 2023 году доля ОФЗ-ИН в общем объёме новых выпусков составляла 18,2%, в 2024 году — 21,5%, а к 2025 году достигла 24,7%, что свидетельствует о последовательной политике диверсификации долгового портфеля и адаптации к макроэкономической ситуации. Аналогично, если в 2022 году «зелёные» облигации отсутствовали, то в 2023 году их доля составила 3,1%, а в 2024 году — уже 5,8% [4].

Такая эволюция инструментария отражает переход от узкофискальной функции к многофункциональному использованию ГЦБ в интересах социально-экономической стабильности и суверенитета. При этом Минфин сохранил строгую дисциплину на первичном рынке: отмены аукционов или «провалы» размещений практически не фиксировались, что подтверждает устойчивый спрос со стороны инвесторов и доверие к государству как к заемщику даже в условиях беспрецедентной неопределённости. Важным шагом стало расширение доступа к ГЦБ для розничных инвесторов через программу «Инвестируй в будущее России», предусматривающую льготный налоговый режим и минимальный порог входа в 1 000 рублей. К концу 2025 года общее число участников программы превысило 2,1 млн человек, а привлечённые средства составили более 340 млрд рублей, что демонстрирует успешность государственной политики по привлечению населения на финансовые рынки и диверсификации источников финансирования бюджета.

Деятельность Минфина в рассматриваемый период может быть количественно охарактеризована на основе официальной статистики. В таблице 1 представлены ключевые параметры внутреннего долгового предложения за 2023-2025 гг.

Согласно анализу данных таблицы 1, эмитент успешно балансирует между ростом объёмов заимствований и снижением их стоимо-

сти: чистое заимствование выросло на 579,8 млрд рублей, тогда как средняя купонная ставка снизилась на 1,2 процентных пункта. Параллельно наблюдается стратегическое удлинение долговой кривой и диверсификация инструментов, что снижает риски рефинансирования и делает долговую нагрузку более предсказуемой.

Таблица 1 — **Основные параметры внутреннего долгового предложения Минфина РФ**

Показатель	2023	2024	2025	Абсолютное отклонение (+;-)
Общий объём эмиссии ОФЗ, млрд руб.	5210,4	5870,2	6345,8	1135,40
Чистое заимствование (нетто), млрд руб.	2105,3	2440,6	2685,1	579,80
Средняя купонная ставка по новым выпускам, %	8,65	7,92	7,45	-1,20
Средний срок погашения, лет	6,2	6,5	6,8	0,60
Доля инфляционно-индексируемых ОФЗ (ОФЗ-ИН), %	18,2	21,5	24,7	6,50
Доля «зелёных» ОФЗ (ОФЗ-З), %	0,0	3,1	5,8	5,80
Доля иностранных инвесторов на конец года, %	12,3	15,8	19,2	6,90
Объём привлечений по программе «Инвестируй в будущее России», млрд руб.	42,5	158,3	340,0	297,50

Роль посредников и инфраструктурных институтов в обеспечении ликвидности, бесперебойности расчетов и учета после отключения от международных систем

Центральной фигурой в обеспечении ликвидности и стабильности вторичного рынка выступают посредники, в первую очередь основные дилеры — крупные финансовые институты, уполномоченные Минфином участвовать в аукционах и поддерживать двусторонние котировки. По состоянию на 2025 год в перечне дилеров насчитывается 12 организаций, включая Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк и другие системообразующие банки. Именно они обеспечивают до 89% совокупного оборота по ОФЗ на Московской бирже, выполняя функцию маркет-мейкеров даже в периоды повышенной волатильности. В первые месяцы 2023 года, когда иностранные инвесторы практически полностью вышли из рынка, дилеры сыграли роль «амортизатора», предотвратив коллапс ликвидности и обеспечив бесперебойное функционирование торговой инфраструктуры. Среднесуточный оборот по ОФЗ, несмотря на внешние шоки, вырос с 218,5 млрд рублей в 2023 году до 272,1 млрд рублей в 2025 году, а средний bid-ask спред по наиболее ликвидным выпускам сузился с 0,28% до 0,13%, что соответствует уровню развитых долговых рынков. Такое сужение спредов стало возможным благодаря конкуренции среди дилеров, развитию алгоритмических торговых систем и модернизации посттоговой инфраструктуры. Доля алгоритмических сделок, по оценкам Национальной фондовой ассоциации, увеличилась с 32% в 2023 году до 48% в 2025 году, что свидетельствует о высоком уровне технологической зрелости рынка. Одновременно посредники активно развивают цифровые каналы взаимодействия с розничными инвесторами: мобильные приложения, функции автоматического реинвестирования купонов и упрощённые процедуры открытия инвестиционных счетов. Через такие сервисы в 2023-2025 гг. было открыто более 2,8 млн новых ИИС, что дополнительно стимулировало ликвидность за счёт расширения инвесторской базы [1].

Для наглядного отражения динамики ключевых показателей, характеризующих деятельность посредников и уровень ликвидности рынка, представим таблицу 2, составленную на основе официальных данных Московской биржи и Банка России за 2023-2025 гг.

Таблица 2 — **Показатели ликвидности и деятельности посредников на рынке ОФЗ**

Показатель	2023	2024	2025	Абсолютное отклонение (+;-)
Среднесуточный оборот по ОФЗ, млрд руб.	218,5	246,3	272,1	53,6
Доля сделок с участием основных дилеров, %	87,2	88,5	89,3	2,1
Средний bid-ask спред по ликвидным ОФЗ, %	0,28	0,15	0,13	-0,15
Количество основных дилеров	12	12	12	0
Объём клиринга по ОФЗ в НКЦ, млн сделок	7,4	8,2	9,1	1,7
Доля ОФЗ в НРД, % от общего выпуска	99,1	99,4	99,6	0,5
Доля алгоритмических сделок, %	32	41	48	16
Количество новых ИИС с доступом к ОФЗ, тыс. ед.	340	720	1800	1460

Данные таблицы 2 подтверждают последовательное улучшение параметров ликвидности и усиление роли посредников в обеспечении устойчивости рынка. Рост оборота, сужение спредов, увеличение доли автоматизированных операций и расширение доступа для розничных инвесторов свидетельствуют о высоком уровне зрелости российского долгового рынка даже в условиях внешнего давления.

Однако ключевым фактором устойчивости рынка ГЦБ в 2023-2025 гг. стало формирование внутренней инвесторской базы, компенсировавшей уход нерезидентов. Если на начало 2023 года доля иностранных инвесторов в портфеле ОФЗ составляла 34,7%, то к концу 2025 года она сократилась менее чем до 5%. Эту нишу заняли институциональные инвесторы — банки, негосударственные пенсионные фонды (НПФ) и страховые компании, чья совокупная доля в портфеле ОФЗ выросла с 69,5% в 2023 году до 78,8% в 2025 году. Банковский сектор стал «якорным» инвестором: объём вложений банков в ОФЗ увеличился с 5 842 млрд рублей на 1 января 2023 года до 8 910 млрд рублей на 1 января 2025 года. Это связано не только с необходимостью выполнения норматива ликвидности (Н6), установленного Банком России, но и с использованием ОФЗ в качестве обеспечения по операциям РЕПО с ЦБ, что позволяет банкам получать ликвидность на выгодных условиях [3].

НПФ, в свою очередь, размещают в ГЦБ пенсионные накопления граждан в соответствии с требованиями регулятора, предусматривающими обязательное инвестирование не менее 30% резервов в высоконадёжные активы. Объём их вложений вырос с 1 245 млрд до 1 870 млрд рублей за тот же период, причём с конца 2024 года НПФ активно наращивают позиции в ОФЗ-ИН, стремясь обеспечить реальную доходность будущим пенсионерам. Страховые компании также увеличили вложения в ГЦБ с 980 млрд до 1 420 млрд рублей, что обусловлено как регуляторными требованиями к финансовой устойчивости [4], так и стремлением к стабильному купонному доходу в условиях волатильности других активов.

В совокупности, институциональные инвесторы сформировали надёжную, предсказуемую и устойчивую базу спроса на государственные облигации, что позволило Минфину привлекать финансирование на приемлемых условиях даже в условиях внешнего давления. Параллельно наблюдался рост участия розничных инвесторов: их число увеличилось с 10,2 млн до 19,8 млн человек, что стало результатом не только государственной поддержки, но и высокого уровня доверия к государству как эмитенту в условиях ограниченного выбора надёжных рублёвых активов.

Структуру и динамику владения государственными ценными бумагами институциональными инвесторами в 2023-2025 гг. наглядно демонстрирует таблица 3, составленная на основе официальных данных Банка России и Московской биржи.

Таблица 3 — **Структура держателей ОФЗ среди институциональных инвесторов, млрд руб.**

Категория инвесторов	2023	2024	2025	Доля в совокупном портфеле ОФЗ на конец года, %
Коммерческие банки	5842	7410	8910	48,1
НПФ	1245	1520	1870	10,1
Страховые компании	980	1180	1420	7,7
Управляющие компании и ПИФы	420	580	780	4,2
Банк России	835	835	1150	6,2
Прочие институциональные инвесторы	310	390	460	2,5
Итого (институциональные)	9632	11915	14590	78,8
Общий объём ОФЗ в обращении	13850	15200	18520	100,0

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, наблюдается устойчивый рост совокупного объёма вложений институциональных инвесторов в ОФЗ — с 9,6 трлн рублей в 2023 году до 14,6 трлн рублей в 2025 году. Во-вторых, доля институциональных инвесторов в общем портфеле ОФЗ увеличилась с 69,5% до 78,8%, что свидетельствует об укреплении внутренней финансовой базы рынка. В-третьих, доминирующая роль принадлежит банковскому сектору, чья доля превышает 48%, что делает банки ключевым «якорным» инвестором государственного долга [5].

Заключение: перспективы дальнейшего развития российского долгового рынка

Важнейшую роль в обеспечении расчётов и сохранении бесперебойности функ-

ционирования рынка сыграли инфраструктурные институты — Московская биржа, Национальный клиринговый центр (НКЦ) и Национальный расчётный депозитарий (НРД). После отключения от международных систем Euroclear и Clearstream в марте 2022 года именно они взяли на себя полную ответственность за учёт, клиринг и расчёты по всем обращающимся на внутреннем рынке бумагам. НКЦ, выступая в роли центрального контрагента, минимизировал кредитные риски участников, а НРД обеспечил надёжное хранение и передачу прав собственности на ценные бумаги. Объём активов, находящихся на хранении в НРД, вырос с 112,4 трлн рублей в 2023 году до 158 трлн рублей в 2025 году, а доля ОФЗ в НРД достигла 99,6%. Расчётные операции были переведены в национальные платёжные каналы — систему БЭСП и СПФС, что позволило сохранить непрерывность денежных потоков даже при ограничениях на использование SWIFT. Среднее время исполнения расчётов сократилось с 45 минут в 2023 году до 10 минут в 2025 году, а число критических инцидентов, повлиявших на расчётные процессы, снизилось с трёх до нуля. Эти достижения стали возможны благодаря масштабной модернизации внутренних процессов, усилению кибербезопасности и тесной координации с Банком России. Все операции с использованием электронного документооборота осуществляются с применением квалифицированной электронной подписи, контроль за происхождением капитала и операциями с нерезидентами [2].

В 2025 году начался пилотный этап по выпуску цифровых ОФЗ на основе технологии распределённых реестров, что открывает перспективы для дальнейшего снижения операционных издержек, ускорения расчётов и расширения доступа к рынку для новых категорий участников.

Таким образом, долговой рынок России представляет собой зрелую, суверенную и стратегически важную систему, способную не только выдерживать внешние шоки, но и служить фундаментом для долгосрочного развития национальной экономики. Его эффективность обеспечивается не столько отдельными участниками, сколько слаженными механизмами их взаимодействия на всех этапах жизненного цикла ценных бумаг — от разработки инструмента до его погашения. В будущем долговой рынок станет ключевым фактором сохранения финансовой стабильности и обеспечения суверенитета в новых геополитических и экономических реалиях.

Литература

1. Балдина Е.И. Обзор и перспективы долгового рынка России / Е.И. Балдина // Финансовый менеджмент. — 2026. — №1. — С. 3-12. EDN: PQPTDD
2. Балюк И.А. Влияние внешних санкций на долговую политику России // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — №13(4). — С. 29-43. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-29-43
3. Барлыбае А.А. Замещающие облигации на российском рынке ценных бумаг / А.А. Барлыбаев, А.Т. Ульмаскулова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2023. — №11-3. — С. 343-346. DOI: 10.17513/vaael.3097 EDN: SNRDHU
4. Дзуцева Л.Т. Продукты и инициативы в области зеленых финансов в Российской Федерации / Л.Т. Дзуцева, Ю.А. Казеннова, О.И. Маренина, М.Ю. Маковецкий // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2025. — №6. — С. 63-71. DOI: 10.17513/vaael.4193 EDN: DYNTIL
5. Макушин М.С. Детерминанты доходностей облигаций федерального займа с переменным купоном (ОФЗ-ПК) / М.С. Макушин // Финансовый журнал. — 2025. — Т. 17. №5. — С. 8–25. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-5-8-25 EDN: OQDNKM

MANAGEMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN INDUSTRIAL ENTERPRISES: INSTRUMENTS AND PRIORITIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Ushakov Alexander Sergeevich, *Postgraduate student, Surgut State University, Surgut (Russia)*

Manufacturing enterprises that supply the construction sector with materials, components, structures, and engineering equipment hold a significant position in Russia's economy. National and industry level strategic documents define two closely linked priorities for these enterprises: the digital transformation of production processes and the pursuit of sustainable development objectives. A diagnostic assessment of the current situation reveals several systemic challenges, including low labor productivity, a lack of skilled personnel, technological and component import dependence, and weak connectivity of the construction industry to the digital ecosystem. Addressing these challenges necessitates a novel set of management instruments. This paper proposes an integrated toolkit that enables enterprises to align their internal digitalization efforts with the external requirements of the construction sector, particularly through integration with building information modeling (BIM). A digital maturity assessment methodology grounded in the analysis of information processes is introduced, facilitating the identification of priority development directions. The sustainable development indicator framework is expanded with a module that captures digital maturity and import independence. Approaches to business process transformation based on artificial intelligence and organizational innovations are substantiated.

Keywords: *digital transformation; industrial enterprises; sustainable development; building information modeling; management toolkit; business processes; digital maturity.*

EDN: NRRKXU **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.41**

Цитировать: *Ушаков А.С. Управление цифровой трансформацией промышленных предприятий: инструментарий и приоритеты устойчивого развития // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 296–303. EDN: NRRKXU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.41*

УДК 338.24
5.2.6

© Ушаков А.С., 2026

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

УШАКОВ Александр Сергеевич, *аспирант, Сургутский государственный университет, Сургут (Россия)*

Предприятия обрабатывающей промышленности, поставляющие строительному комплексу материалы, конструкции, детали и инженерное оборудование, занимают одно из ключевых мест в экономике России. В действующих стратегических документах федерального и отраслевого уровней определены две главные взаимосвязанные задачи, стоящие перед такими предприятиями: цифровая трансформация производственных процессов и реализация целей устойчивого развития. Выполненный анализ позволил обнаружить комплекс системных проблем — невысокую производительность труда, нехватку квалифицированных кадров, зависимость от импортных поставок, а также слабую включённость строительной отрасли в цифровую среду. Для решения перечисленных проблем необходим новый управленческий инструментарий. В статье предлагается комплекс средств, позволяющих предприятиям согласовывать внутреннюю цифровизацию с внешними требованиями строительной отрасли путём интеграции с ТИМ-моделями (технологиями информационного моделирования). Разработана методика оценки цифровой зрелости, основанная на анализе информационных процессов, что облегчает выявление приоритетных направлений развития. Система показателей устойчивого развития дополнена блоком, характеризующим цифровую зрелость и уровень импортонезависимости предприятия. Обоснованы подходы к преобразованию бизнес-процессов на базе технологий искусственного интеллекта и организационных инноваций.

Ключевые слова: *цифровая трансформация; промышленные предприятия; устойчивое развитие; технологии информационного моделирования; инструментарий управления; бизнес-процессы; цифровая зрелость.*

Введение

Промышленный комплекс, и в особенности обрабатывающие производства, играет ключевую роль в экономике Российской Федерации, формируя около 13,5% валового внутреннего продукта. Особое место в этой системе занимают предприятия, обеспечивающие строительный комплекс материалами, изделиями, конструкциями и оборудованием (далее — ПОСК). От эффективности их функционирования напрямую зависит себестоимость, качество и сроки реализации инвестиционно-строительных проектов, что определяет стратегическую важность данного сегмента для развития смежных отраслей и экономики в целом.

В условиях современных геополитических вызовов и санкционного давления перед отечественной промышленностью стоят амбициозные задачи, закрепленные в ключевых стратегических документах РФ: обеспечение технологического лидерства, цифровая трансформация производств, достижение импортонезависимости и реализация целей устойчивого развития (УР), включающих экономическую эффективность, экологическую безопасность и социальное благополучие. Цифровая трансформация (ЦТ) рассматривается не просто как технологический тренд, а как критически важный инструмент для решения системных проблем ПОСК, таких как низкая производительность труда, неполная загрузка мощностей, дефицит квалифицированных кадров и высокий уровень негативного воздействия на окружающую среду.

Однако анализ текущей практики показывает, что процессы цифровизации и управления устойчивым развитием на предприятиях часто проходят изолированно, без должной координации. Отсутствие комплексного, научно обоснованного подхода к управлению этими взаимосвязанными процессами не позволяет в полной мере использовать синергетический потенциал цифровых технологий для повышения экономической, экологической и социальной результативности. Особую остроту этой проблеме придает необходимость интеграции ПОСК в формирующееся цифровое пространство строительной отрасли. Центральным компонентом этого пространства выступают технологии информационного моделирования (ТИМ). Слабая совместимость (низкая интероперабельность) цифровых платформ предприятий с ТИМ-моделями порождает угрозы утраты рыночных позиций и падения конкурентоспособности. Указанные обстоятельства подтверждают необходимость создания комплексного набора инструментов для управления цифровой трансформацией ПОСК, нацеленного на обеспечение их устойчивого развития.

Хотя в научной литературе представлено достаточно много работ по смежным темам, вопросы о том, как именно взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга цифровая трансформация и устойчивое развитие применительно к специфике предприятий — поставщиков строительного комплекса, остаются проработанными недостаточно полно. Отсутствует системное методическое обеспечение, которое позволило бы руководству таких предприятий управлять ЦТ и УР в их единстве — с учётом как внутренних изменений в бизнес-процессах, так и требований эффективного взаимодействия с внешним окружением, в первую очередь с участниками инвестиционно-строительных проектов в рамках ТИМ. Общее строение предлагаемого инструментария показано на рисунке 1.

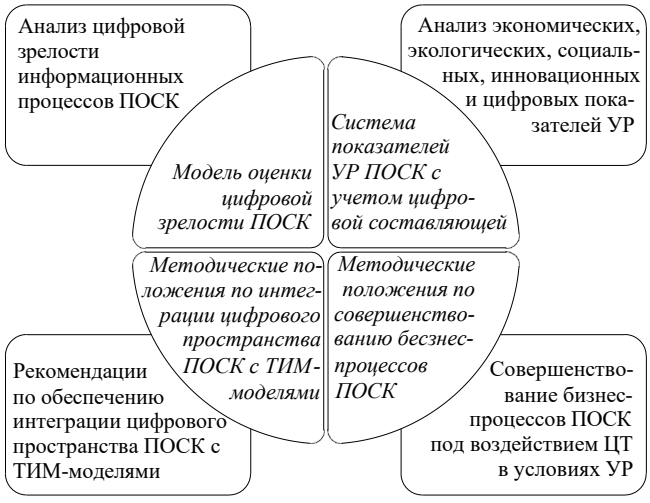

Рисунок 1 — **Комплексный инструментарий управления цифровой трансформацией предприятий ПОСК в условиях устойчивого развития**

В качестве информационной базы исследования использовались: статистические материалы Росстата; стратегические и программные

документы РФ, определяющие направления цифровой трансформации и устойчивого развития, отчёты промышленных компаний в области устойчивого развития [1], а также исследования А.Р. Булиной [1-3], Н.М. Гришиной [4], Е.А. Ильиной [5], П.С. Кузьмина [6] и Е.А. Лясковской [7]. Теоретико-методологический фундамент работы опирается на классическую экономическую теорию (А. Смит, Д. Рикардо), теорию экономической динамики Й. Шумпетера [8], кластерный подход М. Портера, административную теорию А. Файоля, концепцию подрывных инноваций К. Кристенсена, а также на положения концепции устойчивого развития, закреплённые в документах ООН.

Методический инструментарий составляют общенаучные приёмы анализа и синтеза, метод экспертных оценок, методы математического и матричного моделирования, классификация и группировка данных, метод построения дерева решений, а также социологические методы (анкетирование, опросные листы), применяемые для выделения значимых тем и показателей устойчивого развития [2].

Построение методического подхода к оценке цифровой зрелости базировалось на анализе восьми ключевых информационных процессов, характерных для ПОСК, с последующим выделением четырёх уровней зрелости (нулевой, начальный, активное развитие, цифровая зрелость) и формированием оценочной матрицы. Система показателей устойчивого развития формировалась путём анализа отчётов об УР более 250 предприятий, выделения существенных тем с применением балльной шкалы (1 — существенная, 0,5 — средняя, 0 — несущественная) и последующего отбора 33 индикаторов. Интегральный показатель «Вектор устойчивого развития» рассчитывался на основе направленности изменений индикаторов. Методические положения по интеграции с ТИМ-моделями разработаны на основе группировки предприятий (3 группы) и анализа измерений ТИМ (3D-7D). Модель совершенствования бизнес-процессов построена, согласно IDEF0, с использованием процессного подхода и концепции сквозных процессов [2; 3].

Апробация разработанного инструментария проведена на промышленных предприятиях, относящихся к трём различным группам ПОСК, с использованием данных об устойчивом развитии и цифровой зрелости, предоставленных менеджментом предприятий, а также из открытых источников.

Оценка цифровой зрелости ПОСК

Разработан методический подход к оценке цифровой зрелости, основанный на анализе информационных процессов ПОСК (сбор, хранение, обработка, обмен, защита информации) [1; 2]. Выделены восемь параметров оценки, сгруппированных по трём направлениям: внутренний информационный обмен (коммуникации между структурными подразделениями, интеллектуализация производства); а также блоки, связанные с защитой, обработкой и хранением данных.

Выделены четыре уровня цифровой зрелости: нулевой (уровень 0) — цифровые технологии либо полностью отсутствуют, либо носят единичный, разрозненный характер; начальный (уровень 1) — осуществляется тестовая эксплуатация цифровых решений; активное развитие (уровень 2) — проводится комплексная цифровизация бизнес-про-

---

[1] Постановление Правительства РФ от 03.05.2019 № 551 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства».

Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 «О порядке формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства».

СП 328.1325800.2020 «Информационное моделирование в строительстве. Правила описания компонентов информационной модели».

Стратегическое направление в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности (утв. Правительством РФ, 2024).

Стратегия научно-технологического развития РФ (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145).

Стратегия развития промышленности строительных материалов на период до 2030 года (утв. Правительством РФ).

Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ (утв. Правительством РФ, 2022).

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития РФ».

Deloitte. Digital Maturity Assessment Model. 2023.

GRI Standards 2021. Global Reporting Initiative.

KPMG. Digital Readiness Framework. 2024.

Process Intelligence: аналитика бизнес-процессов на основе ИИ. URL: https://www.sap.com

[2] Методика расчёта Вектора устойчивого развития // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https://rspp.ru

цессов; цифровая зрелость (уровень 3) — достигнут максимально возможный на данный момент уровень использования цифровых технологий, сформировано единое цифровое пространство [1; 9; 10]. Для каждого параметра дана характеристика на всех уровнях в матричной форме [2].

Общий уровень цифровой зрелости рассчитывается по формуле (1):

$$\text{ОЦЗ} = \frac{\sum_{i=1}^{8} \Phi_i}{8}, \quad (1)$$

где Φ_i — уровень цифровой зрелости по i-му параметру.

На основе полученного значения с использованием «дерева решений» (рис. 2) менеджмент определяет приоритетные направления управления цифровой трансформацией.

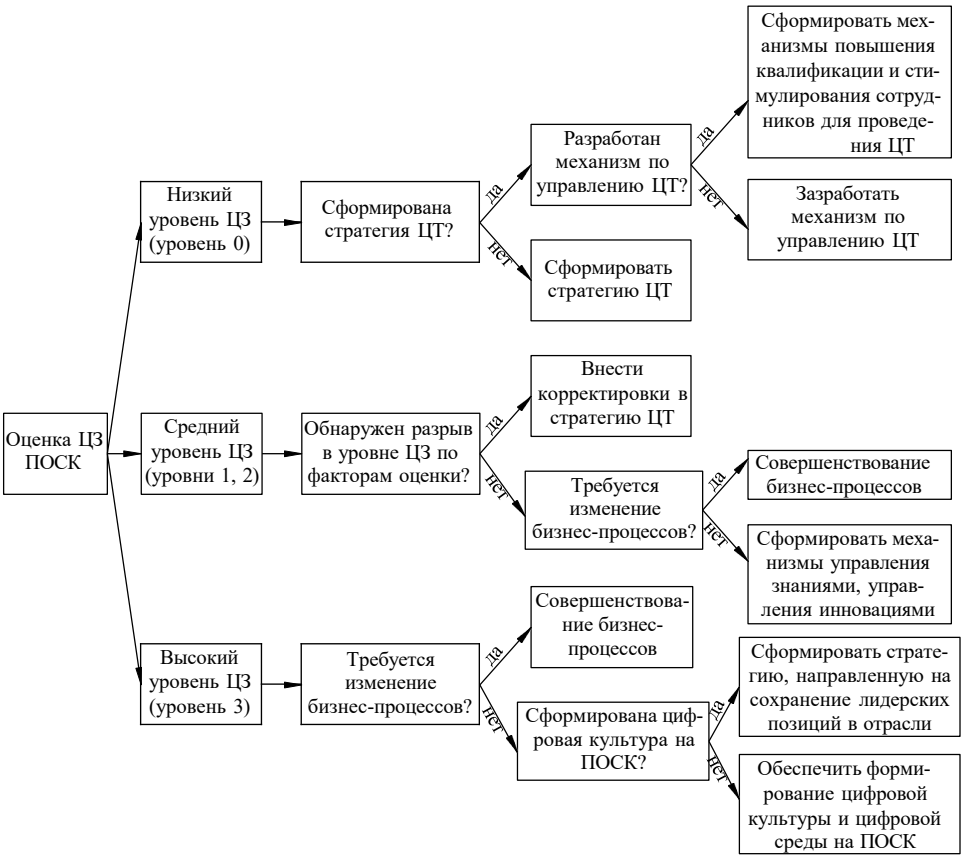

Рисунок 2 — **Дерево решений по управлению цифровой трансформацией ПОСК на основе результатов оценки цифровой зрелости**

Система показателей устойчивого развития с цифровой составляющей

Система показателей устойчивого развития для предприятий ПОСК объединяет четыре группы индикаторов: экономические, экологические, социальные, а также инновационные и цифровые. Отбор конкретных показателей проводился по результатам анализа отчётов в области устойчивого развития более чем 250 компаний с использованием балльной шкалы существенности.

Экономические показатели включают объём созданной прямой экономической стоимости, выпуск продукции в натуральном выражении, отношение заработной платы к минимальному размеру оплаты труда, инвестиции в социальные и благотворительные проекты. Экологические показатели охватывают энергопотребление и энергоёмкость, забор воды, водоотведение и водопотребление, выбросы парниковых газов и загрязняющих веществ, образование и вовлечение отходов в производство. Социальные показатели включают количество вновь нанятых сотрудников, текучесть кадров, общую численность персонала, обучение по охране труда, расходы на охрану труда, производственный травматизм и смертность, профессиональные заболевания, часы обучения и расходы на обучение персонала.

Инновационные и цифровые показатели включают долю отечественного оборудования и программного обеспечения, объём финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, экономический эффект от цифровизации, производительность труда, уровень интеграции с ТИМ-моделями и объём капиталовложений в цифровые проекты [1-3].

Интегральный показатель «вектор устойчивого развития» рассчитывается по формуле (2):

$$\bar{YP} = \frac{\sum_{i=1}^{K} H}{K - K_{ot}}, \quad (2)$$

где H=1 при росте «прямого» индикатора (>1%), H=—1 при снижении (>1%), H=0 при

изменении ≤1%. Динамика оценивается как положительная ($\bar{YP}$>3), разнонаправленная (—3≤$\bar{YP}$≤3) или отрицательная ($\bar{YP}$<—3).

Интеграция цифрового пространства ПОСК с ТИМ-моделями

Анализ измерений ТИМ (3D-7D) позволяет выделить три группы ПОСК, различающиеся по роли в информационной модели строительного объекта.

Первая группа — производители строительных материалов, не требующих детализированной визуализации (бетон, кирпич, изоляционные материалы, металлоконструкции). Такие предприятия задействованы в ТИМ-модели на этапах 4D и 5D и осуществляют взаимодействие со строительными организациями.

Вторая группа — производители отделочных материалов и компонентов инженерных систем (отделочные покрытия, трубы, арматура). Данные предприятия участвуют в ТИМ-модели в диапазоне измерений 3D-5D и взаимодействуют как с проектными, так и со строительными организациями.

Третья группа — производители инженерного оборудования (лифтовое хозяйство, вентиляционные системы, насосное оборудование, электротехнические устройства). Эти предприятия вовлечены во все рассматриваемые измерения ТИМ-модели (3D-7D) и взаимодействуют с проектными, строительными и эксплуатирующими организациями.

На рисунке 3 приведена схема, иллюстрирующая взаимодействие выделенных групп ПОСК с участниками инвестиционно-строительных проектов при различных измерениях ТИМ-модели.

Для каждого измерения ТИМ предложен набор мероприятий по интеграции: для 3D — формирование ТИМ-каталогов выпускаемой продукции на базе отечественного программного обеспечения (Renga, nanoCAD, Model Studio), а также организация совместного проектирования с использованием приложений типа Tekla; для 4D — передача сведений о стоимости продукции в федеральную государственную информационную систему ценообразования в строительстве и внедрение цифровых каналов продаж; для 5D — создание цифровых паспортов и сертификатов, переход на внешний электронный документооборот [2]; для 7D (предприятия третьей группы) — оснащение оборудования датчиками и метками радиочастотной идентификации, разработка цифровых двойников, внедрение технологий Интернета вещей.

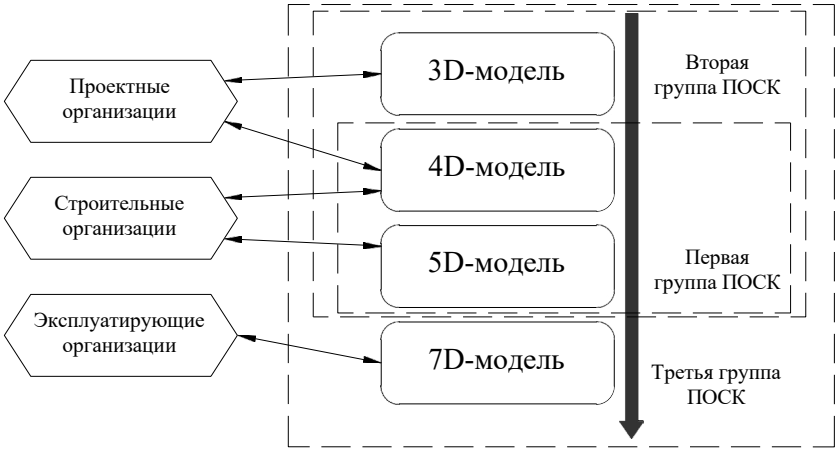

Рисунок 3 — **Схема взаимодействия предприятий ПОСК с участниками инвестиционно-строительных проектов при различных измерениях ТИМ-модели**

Модель совершенствования бизнес-процессов при цифровой трансформации

Модель совершенствования бизнес-процессов ПОСК, выполненная в нотации IDEF0, включает три последовательных этапа.

Этап А1 (диагностика влияния цифровых технологий) — предусматривает анализ проблем процесса, проведение SWOT-анализа, ранжирование процессов. Целесообразно применение технологий искусственного интеллекта (Process Intelligence) для аналитики текущих бизнес-процессов и выявления операций, которые могут быть автоматизированы.

Этап А2 (моделирование нового бизнес-процесса) — состоит из трёх подэтапов: планирование новых операций и процедур на основе данных об устаревающих операциях; разработка организационных инноваций (с опорой на классификацию инноваций Й. Шумпетера [8]); совершенствование организационной структуры с учётом эволюции профессий [2; 3].

Этап А3 (внедрение оптимизированного бизнес-процесса) — осуществляется с использованием систем автоматизации бизнес-процессов (ELMA BPM Suite, Bizagi BPM Suite) и финансовых ресурсов, с возможностью последующей корректировки по обратной связи [2].

В рамках модели определена схема эволюции профессий при цифровой трансформации (табл. 1).

Таблица 1 — **Эволюция профессий на ПОСК при цифровой трансформации**

Категория	Период до ЦТ	Период после ЦТ
Устаревающие (исчезающие) профессии	Неквалифицированный персонал (грузчик, уборщик, сборщик, упаковщик); административный персонал (секретарь,делопроизводитель, бухгалтер по первичной документации)	Роботизация/ цифровизация профессий
Трансформирующиеся профессии (профессии-реновейтеры)	Инженеры, конструкторы, специалисты по контролю качества, обработчики материалов (штамповщик, токарь, фрезеровщик и др.), юристы, логисты	Специалисты по ИИ и большим данным, проектировщики робототехники, операторы роботов, инженеры VR/AR, цифровые логисты, блокчейн-юристы
Новые профессии	-	Специалисты по кибербезопасности (эксперт по защите данных, аналитик угроз); ESG-специалисты (экоаналитик, специалист по работе с ESG-показателями)

Источник: составлено автором на основе [2; 3; 9].

Проверка комплексного инструментария

Практическая проверка предложенного инструментария осуществлялась на базе промышленных предприятий, представляющих три выделенные группы ПОСК. Полученные в ходе оценки уровни цифровой зрелости и устойчивого развития обобщены в таблице 2.

Таблица 2 — **Результаты оценки цифровой зрелости и устойчивого развития предприятий**

Показатель	Предприятие А (группа 3)	Предприятие Б (группа 2)	Предприятие В (группа 1)
ОЦЗ (цифровая зрелость)	0,5 (уровень 0)	0,13 (уровень 0)	1,5 (уровень 1)
Вектор УР	+2	+8	+3
Интеграция с ТИМ	Частичная (3D)	Отсутствует	Отсутствует

Для предприятий группы 3 установлен нулевой уровень цифровой зрелости при наличии частичной интеграции с ТИМ [2]. Для предприятий группы 2 зафиксирован наиболее низкий уровень цифровой зрелости и значительное количество пропусков в данных по экологическим, инновационным и цифровым показателям [3]. Для предприятий группы 1 уровень цифровой зрелости оценен как начальный, однако выявлена существенная неравномерность цифровизации: высокий уровень защиты информации сочетается с нулевым уровнем цифровизации каналов продаж, интеграции с ТИМ и обработки данных. Также установлено ухудшение экологических показателей при росте объёмов выпуска продукции.

Проверка подтвердила практическую применимость разработанного комплексного инструментария.

Обсуждение полученных результатов

Предложенный в данном исследовании комплексный инструментарий управления цифровой трансформацией ПОСК позволяет закрыть пробел, который был обнаружен при анализе имеющихся публикаций по теме [6; 7]. В сравнении с существующими подходами к оценке цифровой зрелости (разработки Deloitte, KPMG, а также модель Schumacher с соавторами) [10], характеризующихся широкой вариативностью параметров и отсутствием единого подхода, предложенная методика базируется на системном анализе информационных процессов, что обеспечивает комплексность и универсальность. Матричная форма представления результатов, в отличие от абстрактных шкал, даёт менеджменту наглядное понимание того, какие именно бизнес-процессы требуют первоочередной цифровизации.

Предложенная система показателей устойчивого развития, включающая цифровую и инновационную составляющие, развивает существующие подходы (GRI Standards, методику

РСПП), адаптируя их к специфике ПОСК. Введение показателя «Уровень интеграции с ТИМ-моделями» отражает ключевое требование современного этапа цифровой трансформации строительной отрасли — необходимость интероперабельности всех участников инвестиционно-строительных проектов.

Методические положения по интеграции с ТИМ-моделями, основанные на группировке предприятий и дифференциации мероприятий по измерениям ТИМ, позволяют менеджменту ПОСК выстроить дорожную карту интеграции с учётом реальных возможностей предприятия и требований со стороны проектных, строительных и эксплуатирующих организаций.

Разработанная модель совершенствования бизнес-процессов, в отличие от традиционных подходов к реинжинирингу, учитывает не только технологические, но и организационные и кадровые аспекты цифровой трансформации. Предложенная схема эволюции профессий позволяет менеджменту заблаговременно планировать мероприятия по переподготовке персонала и минимизировать социальную напряжённость.

Ограничения исследования — предложенный инструментарий ориентирован на предприятия обрабатывающей промышленности — поставщики строительного комплекса. Его применение на предприятиях других отраслей может потребовать адаптации параметров оценки цифровой зрелости и набора показателей устойчивого развития. Кроме того, апробация проведена на ограниченном количестве предприятий, что определяет необходимость дальнейшего накопления эмпирических данных.

В плане практической значимости, разработанный инструментарий может быть использован менеджментом ПОСК для диагностики текущего уровня цифровой зрелости, оценки динамики устойчивого развития, планирования мероприятий по интеграции с ТИМ-моделями и реинжиниринга бизнес-процессов. Разработанные методические рекомендации могут найти применение также при разработке отраслевых стандартов, регламентирующих цифровую трансформацию и устойчивое развитие.

Заключение

По итогам проведённого исследования был разработан и успешно апробирован комплексный инструментарий, предназначенный для управления цифровой трансформацией предприятий — поставщиков строительного комплекса, в контексте обеспечения их устойчивого развития.

Предлагаемый методический подход к определению уровня цифровой зрелости, базирующийся на анализе восьми ключевых информационных процессов и предусматривающий градацию по четырём уровням, даёт возможность объективно оценивать актуальное состояние цифровой трансформации на предприятии и выявлять диспропорции в степени цифровизации отдельных бизнес-процессов.

Сформированная система показателей устойчивого развития, охватывающая экономические, экологические, социальные, инновационные и цифровые группы (всего 33 индикатора), вместе с расчётом интегрального индекса «вектор устойчивого развития», позволяет руководству предприятия отслеживать динамику устойчивого развития и принимать обоснованные управленческие решения.

Разработанные методические рекомендации в области интеграции цифрового пространства ПОСК с ТИМ-моделями, принимающие во внимание выделенные группы предприятий и разные измерения ТИМ (3D-7D), нацелены на достижение интероперабельности с участниками инвестиционно-строительных проектов и на уменьшение угроз, связанных с утратой рыночных позиций.

Разработанная модель совершенствования бизнес-процессов в нотации IDEF0, включающая диагностику, моделирование и внедрение, а также учитывающая эволюцию профессий, позволяет управлять изменениями при цифровой трансформации с минимизацией социальной напряжённости.

Апробация на промышленных предприятиях, относящихся к трём различным группам, подтвердила практическую применимость разработанного инструментария и позволила сформулировать дифференцированные рекомендации для каждой группы предприятий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методического обеспечения управления знаниями при цифровой трансформации и формированием цифровой культуры на предприятиях ПОСК.

Литература

1. Булина А.Р. Инструменты управления цифровой трансформацией промышленных предприятий строительной отрасли в контексте обеспечения устойчивого развития // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — №1(13). — С.18-36.
2. Булина А.Р., Солопова Н.А. Влияние цифровых технологий на бизнес-модели промышленных предприятий строительной индустрии // Вестник МГСУ. — 2025. — Т. 20, №1. — С.119-132.
3. Булина А.Р., Солопова Н.А. Модель оценки цифровой зрелости для промышленных предприятий строительной индустрии // E-Management. — 2023. — Т. 6, №2. — С.4-13.
4. Гришина Н.М., Борисова Л.А., Князева Н.В. Интеграция информационных моделей в строительстве // Вестник МГСУ. — 2021. — Т. 16, №3. — С. 312-325.
5. Ильина Е.А. Управление цифровой трансформацией промышленных предприятий: дис. … канд. экон. наук. — СПб., 2022. — 254 с.
6. Кузьмин П.С. Цифровая зрелость предприятия: методика оценки и направления развития // Вопросы экономики. — 2023. — №5. — С.78-94.
7. Лясковская Е.А. Влияние цифровой трансформации на устойчивое развитие промышленных предприятий // Экономика и управление. — 2022. — №4. — С. 45-58.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982. — 456 с.
9. Kane G.C. Digital maturity: How leading companies get digital transformation right // MIT Sloan Management Review. — 2017. — Vol. 58, No. 4. — P. 22-28.
10. Schumacher A., Erol S., Sihn W. A maturity model for assessing Industry 4.0 readiness and maturity // Procedia CIRP. — 2016. — Vol. 52. — P. 161–166.

METHODOLOGY FOR EXPRESS ANALYSIS OF ADAPTIVE POTENTIAL IN THE SYSTEM OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF INTEGRATED CORPORATE STRUCTURES

Fedorov Viktor Mikhailovich, *PhD of Economics, Associate Professor, Omsk State Technical University, Omsk (Russia)*

The article proposes an original methodology for express analysis of the adaptive potential of integrated corporate structures, taking into account the specifics of vertically and horizontally integrated holdings in the conditions of economic turbulence of 2025-2026. The relevance of developing an express analysis methodology is due to gaps in the theory and practice of anti-crisis management: the absence of standardized tools for rapid assessment of adaptive potential dimensions. It allows to predict crisis situations, optimize resources and minimize the depth of the downturn, increasing the competitiveness of integrated corporate structures. The objective of the study is to create a reproducible tool for the rapid assessment and improvement of the anti-crisis resilience of integrated corporate structures. Research objectives: formalization of the adaptive potential of an integrated corporate structure in four dimensions (financial, organizational, innovative, external); step-by-step structuring of the express analysis of adaptive potential (data collection, indicator calculation, index aggregation, interpretation); development of recommendations on potential levels for strategic management decisions. The proposed methodology is based on the principles of synergy (the effect of multi-level coordination), institutional theory (the influence of structures on adaptation), and adaptive management (flexible process reconfiguration). The methodology was tested using a typical integrated corporate structure of the Russian oil industry — Gazprom Neft PJSC. The theoretical value of the developed methodology lies in its development of scientific principles for crisis management of integrated corporate structures, its uncovering of the essence of adaptive potential in the crisis management system of integrated corporate structures, and its formation of a methodological basis for the rapid assessment of a corporate system's ability to counteract crisis impacts and the adoption of rational crisis management decisions. The implementation of the proposed toolkit creates a scientifically sound foundation for further research in the field of adaptive crisis management.

Keywords: *express analysis; adaptive crisis management; adaptive potential; tools; integrated corporate structures; economic turbulence; general adaptability index.*

EDN: PJZTHI **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.42**

Цитировать: *Федоров В.М. Методика экспресс-анализа адаптивного потенциала в системе антикризисного управления интегрированными корпоративными структурами // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 304–310. EDN: PJZTHI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.42*

УДК 330.46
5.2.6

© Федоров В.М., 2026

МЕТОДИКА ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗА АДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫМИ КОРПОРАТИВНЫМИ СТРУКТУРАМИ

В статье предлагается оригинальная методика экспресс-анализа адаптивного потенциала интегрированных корпоративных структур, учитывающая специфику вертикально и горизонтально интегрированных холдингов в условиях экономической турбулентности 2025-2026 гг. Актуальность разработки методики экспресс-анализа обусловлена пробелами в теории и практике антикризисного управления: отсутствием стандартизированных инструментов для быстрой оценки измерений адаптивного потенциала. Она позволяет прогнозировать кризисные ситуации, оптимизировать ресурсы и минимизировать глубину спада, повышая конкурентоспособность интегрированных корпоративных структур. Цель исследования — создание воспроизводимого инструмента для оперативной оценки и повышения антикризисной устойчивости интегрированных корпоративных структур. Задачи исследования: формализация адаптивного потенциала интегрированной корпоративной структуры в четырех измерениях (финансовом, организационном, инновационном, внешнем); поэтапное структурирование экспресс-анализа адаптивного потенциала (сбор данных, расчет индикаторов, агрегация индекса, интерпретация); разработка рекомендаций по уровням потенциала для стратегических управленческих решений. Предлагаемая методика опирается на принципы синергетики (эффект многоуровневой

координации), институциональной теории (влияние структур на адаптацию) и адаптивного менеджмента (гибкая реконфигурация процессов). Апробация методики осуществлена на примере типовой интегрированной корпоративной структуры нефтепромышленного комплекса России — ПАО «Газпром нефть». Теоретическая ценность разработанной методики заключается в развитии научных положений антикризисного управления интегрированными корпоративными структурами, раскрытии сущности адаптивного потенциала в системе антикризисного управления интегрированными корпоративными структурами, а также в формировании методологической основы для оперативной диагностики способности корпоративной системы к противодействию кризисным воздействиям и принятию рациональных антикризисных управленческих решений. Внедрение предложенного инструментария создает научно обоснованный фундамент для дальнейших исследований в области адаптивного антикризисного управления.

Ключевые слова: *экспресс-анализ; адаптивное антикризисное управление; адаптивный потенциал; инструментарий; интегрированные корпоративные структуры; экономическая турбулентность; общий индекс адаптивности.*

ФЕДОРОВ Виктор Михайлович, *кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный технический университет, Омск (Россия)*
SPIN-код: 9678-5459
ORCID ID: 0009-0001-5827-1669

Введение

Интегрированные корпоративные структуры (далее — ИКС), такие как холдинги, концерны и финансово-промышленные группы, играют ключевую роль в российской экономике, обеспечивая эффект масштаба, диверсификацию рисков и вертикальную интеграцию цепочек поставок. В условиях глобальной нестабильности 2026 г., включая санкции, цифровизацию и геополитические шоки, адаптивный потенциал ИКС определяет конкурентоспособность и выживание. Существующие подходы к оценке адаптивности, такие как SWOT-анализ или комплексные метрики антикризисной устойчивости, требуют значительных ресурсов и времени, что неэффективно для оперативного менеджмента. Актуальность разработки экспресс-методики обусловлена необходимостью быстрой диагностики в динамичной среде, где затягивание процесса адаптации приводит к потерям капитализации ИКС. Цель настоящего исследования заключается в разработке и обосновании методики экспресс-анализа адаптивного потенциала ИКС. Объект исследования — ИКС российской экономики; предмет исследования — методические инструменты их диагностики. В процессе исследования применялись общенаучные и специальные методы познания: сравнительный и структурно-функциональный анализ, методы экспресс-диагностики, коэффициентный анализ, а также приемы анализа, синтеза, группировки и интегральной оценки.

Вопросы экспресс-анализа адаптивного потенциала в системе антикризисного управления с различной степенью разработанности освещались в трудах А.А. Бакаева [1], А.В. Красникова [2], И.В. Сименко и В.А. Усикова [3], Т.А. Филатовой [4], Э.М. Шагалиевой [5], Е.М. Широниной [6] и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Адаптивный потенциал ИКС определяется как способность структуры к быстрой реконфигурации ресурсов и процессов в ответ на внутренние и внешние изменения. ИКС обладают адаптивным потенциалом благодаря многоуровневой структуре, где материнская компания координирует дочерние общества для достижения эффекта синергии. Этот потенциал проявляется в четырех измерениях: финансовой устойчивости, организационной гибкости, инновационности и внешней адаптивности. Адаптивный потенциал служит стратегической основой антикризисного управления ИКС, выступая профилактическим механизмом: высокий потенциал минимизирует глубину кризисов за счет раннего прогнозирования и гибкого перераспределения ресурсов.

Предлагаемая методика включает четыре этапа: сбор данных, расчет индикаторов, агрегацию в интегральный индекс и интерпретацию (см. табл. 1). Она строится на принципах синергетики, институциональной теории и адаптивного менеджмента, обеспечивая воспроизводимость и практическую применимость.

Таблица 1 — **Этапы экспресс-анализа адаптивного потенциала ИКС**

Этап	Название этапа	Цель этапа
1	Сбор данных	Формирование базы для 40 индикаторов (10 на 4 блока)
2	Расчет индикаторов	Нормирование в сравнимую шкалу 0–1
3	Агрегация в индекс	Синтез блочных индикаторов и общего индекса адаптивности ИКС
4	Интерпретация	Диагностика и рекомендации

Методика реализуется через четко структурированный алгоритм, где действия и инструменты каждого этапа взаимосвязаны и опираются на рабочую группу (3-5 человек — финансового директора (для финансового блока), HR-директора (организационный блок), стратегического директора или директора по развитию (инновации и внешний блок) — обеспечивающих экспертную интерпретацию данных и практическую реализуемость рекомендаций.

На первом этапе (сбор данных) группа использует информацию из трех источников: финансовой отчетности, внутренних KPI-дашбордов и краткого опроса топ-менеджеров.

На втором этапе для количественных показателей применяется формула x_i=min(1,max(0, $\frac{\text{факт} - \text{мин}}{\text{макс} - \text{мин}}$), где мин/макс — отраслевые нормы; для качественных данных опросов используется упрощение x_i=-балл/10 (среднее по респондентам), с автоматической коррекцией отклонений, что обеспечивает сравнимость всех 40 индикаторов в шкале 0-1.

Третий этап (агрегация) синтезирует данные в блочные баллы: для каждого из 4 блоков — финансового, организационного, инновационного и внешнего — рассчитывается $B_k = \frac{1}{10}\sum_{i=1}^{10} x_i$; затем формируется общий индекс A=0.25$\sum_{k=1}^{4} B_k$, автоматически обновляющийся при изменении данных (см. табл. 2).

Таблица 2 — **Система индикаторов адаптивного потенциала ИКС**

БЛОК 1: ФИНАНСОВЫЙ	**Индикатор**	**Формула расчета**	**Норма (мин–макс)**	**Вес внутри блока**
1.1	Текущая ликвидность	Оборотные активы / Краткосрочные обязательства	0.5–2.0	0.10
1.2	Абсолютная ликвидность	Денежные средства / Краткосрочные обязательства	0.2–0.8	0.10
1.3	Рентабельность активов (ROA)	Чистая прибыль / Активы	0–15%	0.10
1.4	Рентабельность продаж	Чистая прибыль / Выручка	0–12%	0.10
1.5	Финансовая устойчивость	Собственный капитал / Активы	0.3–0.7	0.10
1.6	Доля заемных средств	Заемный капитал / Общий капитал	0–0.5	0.10
1.7	Покрытие процентов	EBIT / Процентные расходы	2–8	0.10
1.8	Быстрая ликвидность	(Оборотные активы - Запасы) / Краткосрочные обязательства	0.7–1.5	0.10
1.9	Динамика денежных потоков (CF)	(CF_t - CF_t-1) / CF_t-1	-20% – +20%	0.10
1.10	Доля дивидендов	Дивиденды / Чистая прибыль	0–0.5	0.10
БЛОК 2: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ	**Индикатор**	**Формула расчета**	**Норма (мин–макс)**	**Вес внутри блока**
2.1	Децентрализация решений	Процент децентрализованных решений	30–80%	0.10
2.2	Время принятия решений	Средний срок на принятие решений (в днях)	1–7 дней	0.10

2.3	Производительность труда	Выручка / Среднесписочная численность персонала	Отраслевая норма ±20%	0.10
2.4	Загрузка мощностей	Факт.выпуск / План	80–100%	0.10
2.5	Текучесть кадров	Уволено / Средняя численность персонала	0–12%	0.10
2.6	Удовлетворенность персонала	Опрос (ср.балл/10)	6–9	0.10
2.7	Скорость найма	Дни на вакансию	15–45 дней	0.10
2.8	Коэффициент простоев	Простоев / План	0–5%	0.10
2.9	Эффективность контроля	Нарушений в мес.	0–2	0.10
2.10	Готовность к принятию антикризисных мер	Процент готовности антикризисных сценариев	60–100%	0.10
БЛОК 3: ИННОВАЦИОННЫЙ	**Индикатор**	**Формула расчета**	**Норма (мин–макс)**	**Вес внутри блока**
3.1	Доля НИОКР в выручке	НИОКР-расходы / Выручка	0–5%	0.10
3.2	Количество патентов	Патенты / Год (норм.по отрасли)	0–10	0.10
3.3	Доля новых продуктов	Выручка от новых продуктов / Общая	0–25%	0.10
3.4	Время до вывода нового продукта на рынок (Time-to-Market)	Количество дней вывода продукта	90–360 дней	0.10
3.5	Эффективность вложений в НИОКР (ROI R&D)	Прибыль от НИОКР / Затраты	0–3	0.10
3.6	Уровень цифровизации	Процент автоматизированных процессов	20–80%	0.10
3.7	Инвестиции в обучение	Затраты / Фонд оплаты труда	1–5%	0.10
3.8	Пилотные проекты	Проекты в год	0–5	0.10
3.9	Скорость внедрения новых технологий	Месяцы на технологию	3–12 мес.	0.10
3.10	Конкурентные преимущества	Экспертная оценка (балл/10)	5–10	0.10
БЛОК 4: ВНЕШНЯЯ СРЕДА	**Индикатор**	**Формула расчета**	**Норма (мин–макс)**	**Вес внутри блока**
4.1	Доля экспорта	Экспорт / Выручка	0–50%	0.10
4.2	Диверсификация рынков	Доля i-й страны в общей выручке ИКС	0–0.8	0.10
4.3	Стратегические партнерства	Альянсы / Возможные партнерства	20–60%	0.10
4.4	Диверсификация поставщиков	Поставщики / 50	5–20	0.10
4.5	Кибербезопасность	Инцидентов в год	0–2	0.10
4.6	Соответствие регуляторным требованиям	Штрафы / Выручка	0–0.5%	0.10
4.7	Экологические риски	Эко-штрафы / Выручка	0–0.3%	0.10
4.8	Логистические издержки	Логистические расходы / Выручка	3–8%	0.10
4.9	Реакция на рынок	Дни на адаптацию	15–45 дней	0.10
4.10	Глобальный охват	Страны присутствия	1–10	0.10

Четвертый этап (интерпретация) переводит числовой A в управленческие решения по шкале: A < 0.40 — низкий потенциал; 0.40-0.70 — средний; A > 0.70 — высокий.

Управленческие решения и приоритетные меры в рамках экспресс-анализа адаптивного потенциала ИКС могут иметь следующий характер (см. табл. 3).

Произведем практическое применение методики экспресс-анализа адаптивного потенциала на примере ПАО «Газпром нефть» как типичной ИКС: холдинг с НПЗ (Омский, Московский), добычей и сбытом; выручка в 2025 г. — 3 607 млрд руб., EBITDA — 1 071 млрд руб., чистая прибыль — 246 млрд руб. [1].

Апробация методики на ПАО «Газпром нефть» оформлена в аналитических таблицах по 40 индикаторам (см. табл. 4-8).

[1] Официальный сайт «Интерфакс. Центр раскрытия корпоративной информации». URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=347&type=4

Таблица 3 — **Управленческие решения по уровням адаптивного потенциала**

Уровень	Характеристика	Приоритетные меры	Рекомендуемые меры по блокам индикаторов
< 0.40	Низкий (кризисный риск)	Санация	▪финансовый: рефинансирование, повышение ликвидности; ▪организационный: сокращение штата, централизация решений; ▪инновационный: увеличение доли НИОКР в выручке; ▪внешний: расторжение убыточных контрактов.
0.40-0.70	Средний (стабилизация)	Оптимизация	▪финансовый: оптимизация дебиторской задолженности, повышение рентабельности; ▪организационный: обучение менеджеров, снижение текучести; ▪инновационный: внедрение пилотных проектов, повышение цифровизации процессов; ▪внешний: новые партнерства, диверсификация рынков.
> 0.70	Высокий (конкурентное преимущество)	Экспансия и развитие	▪финансовый: корректировка дивидендной политики; ▪организационный: децентрализация решений, активизация проектной деятельности; ▪инновационный: расширение продуктовой линейки; ▪внешний: увеличение экспорта, выход на новые рынки.

Таблица 4 — **Финансовый блок**

№	Индикатор	Значение	Норма мин-макс	Нор мир.	Вес
1.1	Текущая ликвидность	1.2	0.5–2.0	0.58	0.10
1.2	Абсолютная ликвидность	0.14	0.2–0.8	0.05	0.10
1.3	Рентабельность активов	3.8%	0–15%	0.29	0.10
1.4	Рентабельность продаж	6.8%	0–12%	0.57	0.10
1.5	Финансовая устойчивость	0.45	0.3–0.7	0.57	0.10
1.6	Доля заемных средств	0.5	0–0.5	0.01	0.10
1.7	Покрытие процентов	5.2	2–8	0.47	0.10
1.8	Быстрая ликвидность	1.02	0.7–1.5	0.43	0.10
1.9	Динамика денежных потоков (CF)	-3%	-20% – +20%	0.77	0.10
1.10	Доля дивидендов	0.47	0–0.5	0.94	0.10

Источники: здесь и далее рассчитано на основе данных ПАО «Газпром нефть», Министерства энергетики, сообщества инвесторов «Смартлаб» [2].

Финансовый блок ПАО «Газпром нефть» демонстрирует средний уровень устойчивости (индекс 0.68) благодаря приемлемой рентабельности (ROA 3.8%, ROS 6.8%) и коэффициенту долга 1.02, но требует оптимизации ликвидности и денежных потоков из-за высокого CAPEX (599 млрд руб.). Это обеспечивает базовую стабильность, минимизируя кризисные риски.

Таблица 5 — **Организационный блок**

№	Индикатор	Значение	Норма мин-макс	Нормир.	Вес
2.1	Децентрализация решений	65%	30–80%	0.53	0.10
2.2	Время принятия решений	4 дня	1–7 дней	0.50	0.10
2.3	Производительность труда	28.5млн/чел	Отраслевая норма ±20%	0.85	0.10
2.4	Загрузка мощностей	95%	80–100%	0.75	0.10
2.5	Текучесть кадров	7%	0–12%	0.42	0.10
2.6	Удовлетворенность персонала	7.5/10	6–9	0.50	0.10
2.7	Скорость найма	30 дней	15–45 дней	0.50	0.10
2.8	Коэффициент простоев	2%	0–5%	0.60	0.10
2.9	Эффективность контроля	1/мес	0–2	0.50	0.10
2.10	Готовность к принятию антикризисных мер	85%	60–100%	0.83	0.10

Составлено автором.

Организационный блок на высоком уровне (индекс 0.76) за счет производительности труда (28.5 млн руб./чел.) и загрузки мощностей (95%), с низкой текучестью и сильной цифровизацией. Гибкость решений поддерживает синергию в ИКС.

[2] Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». URL: https://www.gazprom-neft.ru/

Официальный сайт «Газпром нефть – инвесторам». URL: https://ir.gazprom-neft.ru/reports-and-results/financial-results/

Официальный сайт Министерства энергетики. URL: https://minenergo.gov.ru/open-data/open-data-page?open-data=&section=7705847529-reestrnpz&data=data-20230929T1000-structure-20190212T1700

Официальный сайт сообщества инвесторов «Смартлаб». URL: https://smart-lab.ru/q/SIBN/f/y

Таблица 6 — **Инновационный блок**

№	Индикатор	Значение	Норма мин-макс	Нормир.	Вес
3.1	Доля НИОКР в выручке	1.8%	0–5%	0.36	0.10
3.2	Количество патентов	45/год	0–10	0.90	0.10
3.3	Доля новых продуктов	15%	0–25%	0.60	0.10
3.4	Время до вывода нового продукта на рынок (Time-to-Market)	200 дней	90–360 дней	0.57	0.10
3.5	Эффективность вложений в НИОКР (ROI R&D)	1.8	0–3	0.60	0.10
3.6	Уровень цифровизации	70%	20–80%	0.78	0.10
3.7	Инвестиции в обучение	3%	1–5%	0.50	0.10
3.8	Пилотные проекты	4/год	0–5	0.80	0.10
3.9	Скорость внедрения новых технологий	6 мес	3–12 мес.	0.50	0.10
3.10	Конкурентные преимущества	8/10	5–10	0.75	0.10

Составлено автором.

Инновационный потенциал высокий (индекс 0.78) благодаря программе НИОКР (1.8% выручки), 70% цифровизации и 4 пилотным проектам в год, укрепляя конкурентные преимущества в нефтедобыче (+5% год).

Таблица 7 — **Блок внешней среды**

№	Индикатор	Значение	Норма мин-макс	Нормир.	Вес
4.1	Доля экспорта	35%	0–50%	0.70	0.10
4.2	Диверсификация рынков	0.3	0–0.8	0.75	0.10
4.3	Стратегические партнерства	45%	20–60%	0.42	0.10
4.4	Диверсификация поставщиков	12	5–20	0.50	0.10
4.5	Кибербезопасность	1/год	0–2	0.50	0.10
4.6	Соответствие регуляторным требованиям	0.1%	0–0.5%	0.20	0.10
4.7	Экологические риски	0.05%	0–0.3%	0.17	0.10
4.8	Логистические издержки	5%	3–8%	0.57	0.10
4.9	Реакция на рынок	25 дней	15–45 дней	0.50	0.10
4.10	Глобальный охват	8 стран	1–10	0.78	0.10

Составлено автором.

Блок внешней среды стабилен (индекс 0.74) с долей экспорта 35%, охватом 8 стран и партнерствами, низкими цифровыми и экологическими рисками.

Таблица 8 — **Итоговая агрегация и рекомендации**

Блок	**Индекс блока**	**Взвешенный вклад**	**Уровень**	**Меры**
Финансовый	0.68	0.16	Средний	Оптимизация долговой нагрузки
Организационный	0.76	0.19	Высокий	Децентрализация
Инновационный	0.78	0.20	Высокий	Рост НИОКР
Внешний	0.74	0.17	Высокий	Выход на новые рынки
Общий	0.73	1.00	Высокий	Экспансия и развитие

Составлено автором.

Индикатор показывает высокий адаптивный потенциал (A=0.73>0.70) и подтверждает стратегическую устойчивость ИКС в условиях волатильного нефтяного рынка. Несмотря на снижение выручки на 11% за 9 мес. 2025 г. (до 2.7 трлн руб.) из-за низких цен на нефть, компания сохранила EBITDA 789 млрд руб. и чистую прибыль 234 млрд руб., с низким долгом, что усиливает антикризисный буфер. Добыча выросла на 4% (97.5 млн т.), что позволяет поддерживать операционную гибкость; общий индекс — на 3% выше среднего по отрасли (оценка ~0.70 для нефтегазовых ИКС), что создает возможность минимизировать глубину потенциального кризисного состояния ИКС.

Заключение

Таким образом, методика экспресс анализа адаптивного потенциала — это инструмент оценки способности ИКС быстро реагировать на кризисные сигналы внешней и внутренней среды и перестраивать управленческие процессы без резкого падения эффективности. Разработанная методика обеспечивает экспресс-диагностику адаптивного потенциала ИКС, внося вклад в теорию адаптивного менеджмента, ее практическая ценность — в оперативных рекомендациях для повышения антикризисной устойчивости.

Литература

1. Бакаев А.А. Адаптивное управление бизнес-процессами промышленного предприятия / А.А. Бакаев, А.А. Шалыгин // Форпост науки. — 2024. — Т. 18, №1. — С. 4-11. — DOI 10.22394/sp241.4-11.
2. Красников А.В. Проблемы и ограничения в адаптивном управлении социально-экономической динамикой с использованием цифровых экосистем / А.В. Красников // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. — 2025. — №4. — С. 206-215. — DOI 10.5281/zenodo.18082514.

3. Сименко И.В. Абсорбционный потенциал как основа формирования адаптивной стратегии развития предприятий розничной торговли / И.В. Сименко, В. А. Усиков // Торговля и рынок. — 2023. — Т. 1, №3(67). — С. 158-163.
4. Филатова Т.А. Формирование адаптивной методики оценки уровня кадровой составляющей экономической безопасности хозяйствующих субъектов / Т.А. Филатова, Э.Э. Колца, А.А. Якимова // Ученые записки Международного банковского института. — 2024. — №1(47). — С. 201-218.
5. Шагалиева Э.М. Факторы эффективности использования экономического потенциала предприятий нефтегазового сектора / Э.М. Шагалиева // Вестник молодого ученого УГНТУ. — 2025. — №3(31). — С. 100-107.
6. Широнина Е.М. Адаптивный потенциал предприятия через призму системно-деятельностного подхода / Е.М. Широнина // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 6, №10(163). — С. 46-56. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.06.006.

REASSEMBLING EDUCATION: WHY ADULT ENGINEERS NEED MICROARCHITECTURE

Akifi Olesya Igorevna, *PhD of Philology, Associate Professor, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod (Russia)*

Samosenkova Tatyana Vladimirovna, DSc of Pedagogical sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University, Belgorod (Russia)

Existing engineering training systems do not fully incorporate the principles of andragogy and the potential of microlearning, resulting in low adaptability of the educational process for adult learners. The current demand for the development of continuous education and the rapid acquisition of new qualifications by certified engineers is not adequately addressed in the modern educational system. Identifying and resolving the contradiction between linear learning models and the need for a personalized, modular structure of engineering education content constitutes the key research problem. The goal is to develop and theoretically substantiate the architecture of an adaptive learning system that implements the synergy of the andragogic approach and the principles and advantages of microlearning. The methodological basis is a critical analysis and synthesis of the theoretical principles of andragogy and the systems-activity approach, implemented through pedagogical design and adaptive systems modeling. The empirical strategy is a combination of qualitative and quantitative methods. The study involved training an experimental group of engineers using a prototype adaptive educational system, which demonstrated positive dynamics in adult learners' acquisition of the material. The study presented a multilayered pedagogical architecture for the system, including: a semantic model of the engineer-learner; a repository of stratified content with andragogical markup; and an adaptive core implementing selection algorithms. Adaptation scenarios for different user levels were defined.

Keywords: *andragogy; microlearning; adaptive educational system; adult learning; lifelong learning; instructional design; engineering education; postgraduate education.*

EDN: PQLPKJ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.43***

Цитировать: *Акифи О.И., Самосенкова Т.В. Пересборка образования: почему взрослым инженерам нужна микроархитектура // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 311–319. EDN: PQLPKJ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.43*

Пересборка образования: почему взрослым инженерам нужна микроархитектура

УДК 378.14
5.8.2

Существующие системы подготовки инженеров не в полной мере учитывают принципы андрагогики и возможности микрообучения, что приводит к низкой адаптивности образовательного процесса взрослых обучающихся. Актуальное в настоящее время требование развития непрерывного образования и быстрого освоения новых квалификаций дипломированными инженерами не находит релевантного ресурса в современной образовательной системе. Выявление и устранение противоречия между линейными моделями обучения и потребностью в персонализированном, модульном построении содержания инженерного образования составляют ключевую научную проблему исследования. Цель — разработать и теоретически обосновать архитектуру адаптивной обучающей системы, в которой реализуется синергия андрагогического подхода, принципов и преимуществ микрообучения. Методологическим базисом является критический анализ и синтез теоретических положений андрагогики и системно-деятельностного подхода, реализованный через методы педагогического дизайна и моделирования адаптивных систем. Эмпирическая стратегия представляет собой сочетание качественных и количественных методов. Материалами исследования стало проведение обучения экспериментальной группы инженеров на прототипе адаптивной образовательной системы, которая показала положительную динамику в освоении материала взрослыми обучающимися. В результате исследования представлена многослойная педагогическая архитектура системы, включающая: семантическую модель инженера-обучающегося; репозиторий стратированного

© Акифи О.И., Самосенкова Т.В., 2026

АКИФИ Олеся Игоревна, *кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород (Россия)*
SPIN-код: 5596-6000
ORCID: 0000-0002-2267-3631

САМОСЕНКОВА Татьяна Владимировна, *доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород (Россия)*
ORCID: 0000-0002-6399-5872

контента с андрагогической разметкой; адаптивное ядро, реализующее алгоритмы выбора. Определены сценарии адаптации для различных уровней пользователей.

Ключевые слова: *андрагогика; микрообучение; адаптивная образовательная система; обучение взрослых; непрерывное обучение; педагогический дизайн; инженерное образование; последипломное образование.*

Введение

В настоящее время возрастает внимание к качеству инженерного образования в России, Президент Российской Федерации В.В. Путин в Перечне поручений по итогам заседания Государственного Совета указывает на необходимость цифровизации образования, приоритетности непрерывного образования и поддержки и развития инженерного направления [1]. Запущенный еще в 2023 году национальный проект «Наука и университеты» одним из приоритетных направлений обозначает усиление привлекательности российской науки в мировом пространстве [2]. Реализация концепции непрерывного образования взрослых на законодательном уровне начала действовать с 2016 года и включала в себя комплекс мероприятий по организации непрерывного обучения взрослых [3]. Выход России из Болонской образовательной системы в 2022 году означает не только корректировку ступеней образования, но более прочную связку в освоении профессиональных компетенций между первой и последующей ступенями высшего образования, что также указывает на необходимость разработки нового типа обучающей системы, позволяющей быстро закрывать «белые пятна» взрослым обучающимся, входящим в последипломное обучение.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена трансформацией системы образования, глобальными вызовами трансформации промышленности (Индустрия 4.0/5.0), где ключевым фактором конкурентноспособности становится скорость обновления инженерных кадров. Существующие цифровые платформы имеют два основных недостатка: предлагают линейное обучение без учета психологии взрослых специалистов и используют микрообучение в отрыве от целостной картины знаний. Такие подходы создают разрыв между потребностью в обучении и реальной вовлеченностью в учебный процесс. Предложенная архитектура направлена на устранение этого разрыва.

Следовательно, целью исследования является разработка архитектуры адаптивной модульной системы подготовки инженеров, основанная на синтезе андрагогики и микрообучения. Главная идея заключается в динамическом конструировании индивидуальной образовательной траектории на основе профессионального опыта, текущего контекста и мотивации инженеров последипломного уровня обучения.

Научная проблема предметно ограничена механизмами адаптации и методами интеграции андрагогического подхода и микрообучения в модульной образовательной системе. Выявлена и сформулирована на основе существующих противоречий между действующей практикой инженерной подготовки и современными требованиями к ее результату, а также отсутствием системной реализации андрагогики и микрообучения в педагогической архитектуре.

Исследование соответствует стратегическим направлениям развития образования и экономики России: обеспечение технологического суверенитета; реализация мировых трендов в образовании, где акцент смещается на персонализированное обучение в течение всей жизни («Образование 4.0», принятое на Всемирном экономическом форуме); снижение времени адаптации молодых специалистов и исследователей.

[1] Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета. 25 декабря 2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/state-council/79143

[2] Наука и университеты: национальный проект. URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project

[3] Проект развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://kpfu.ru/do/struktura-i-funkcii/otdel-nepreryvnogo-obrazovaniya/proektkoncepcii-razvitiya-nepreryvnogo-184853.html

Теоретическая значимость работы состоит в разработке междисциплинарного подхода, который объединяет андрагогику, педагогический дизайн, адаптивные системы и искусственный интеллект (ИИ). Изучив труды российских и зарубежных ученых, методистов, описывающих как теорию, так и практическое использование, можем сказать, что данное исследование одно из первых формализует принципы андрагогики в виде понятных для цифровых ресурсов правил, составляющих адаптивное ядро обучающей платформы. Это позволило трансформировать качественные психолого-педагогические закономерности в алгоритмическую плоскость.

Учитывая интегративность исследования, выделяем 4 направления научной новизны: андрагогическое, адаптационное, семантическое и динамическое. Это нашло отражение в конвергенции образовательных потребностей и профессионального или научно-исследовательского опыта пользователя. При этом алгоритмы адаптации образовательной системы разработаны на основе принципов андрагогики, а микроконтент имеет семантическую разметку, учитывающую изучаемую тему и тип инженерной деятельности пользователя. Совокупность этих подходов образует единую систему, позволяющую производить динамическую компоновку индивидуального образовательного маршрута, обеспечивая системность знаний, а не его функционирование в микроформатах.

Научная новизна позволяет сформулировать гипотезу исследования, которая заключается в том, что интеграция принципов андрагогики в архитектуру адаптивной системы микрообучения позволит значимо повысить когнитивную вовлеченность и темп формирования компетенций у взрослых обучающихся последипломного уровня, а также расширить мировое значение российского инженерного образования.

Предложенное исследование заполняет научный пробел теоретического обоснования и разработки архитектурно реализованной модели интеграции андрагогики и микрообучения в адаптивной модульной системе подготовки инженеров, повышая автономию и эффективность инженерного образования.

Обзор литературы

Инженерное образование, принципы и реализация микрообучения, возможности применения адаптивных систем в образовании достаточно давно вызывают исследовательский интерес в российской и зарубежной литературе. Наибольшую актуальность для нашего исследования представляют работы, изучающие и представляющие эмпирические результаты в рассмотрении вопросов специфики инженерного образования, мотивационных аспектов к обучению у инженеров, успехи и ограничения микрообучения, принципы андрагогики в техническом образовании и существующие адаптационные модели обучения.

Важность возможности трудоустройства и получения востребованных на рынке труда квалификаций при выборе технического вуза описано в исследовании Р.М. Петруневой, Н.А. Овчар и М.Д. Мартыновой [12]. В этой работе проведено большое исследование, показывающее важность возможности реализовать полученные знания на практике. Исследование касается абитуриентов и выбора вуза для поступления, авторы демонстрируют важность практикоориентированности обучения как в профессии, так и в науке на этапе после получения диплома. Исследование Г.В. Тихомирова и С.Н. Рыжова, основанное на обширном и глубоком анализе трендов инженерного образования, выявило, что наиболее актуальны для этих специальностей такие направления в образовании, как междисциплинарность, непрерывное образование, обучающая среда и проблемно ориентированное обучение [14]. Это доказывает необходимость формирования новой архитектуры образовательного процесса, способной включить все эти течения и быстро обновляться в соответствии с требованиями рынка труда.

Основные проблемы микрообучения рассматриваются в ряде работ [4; 11; 17; 19]. В исследовании В.И. Блинова, И.С. Сергеева и Н.Ф. Родичева микрообучение признается одной из самых интересных тенденций в области образования за счет его ситуативности, доступности, удобной интеграции теории и практики, но рекомендуется поиск продуктивного баланса различных дидактик для устранения проблемы фрагментарности знаний [4]. Зарубежные исследователи

отмечают перспективность микрообучения именно в технических специальностях, как особенно сложных к пониманию, при этом указывается на необходимость систематичности, готовности преподавателей и неясности долгосрочных результатов [17], а также как необходимую часть современного модульного образования [19].

Исследование Е.Ю. Есениной и коллектива авторов охватывает большой объем информации о современных и востребованных методах получения знаний среди взрослых обучающихся, где выявлена потребность в доступном формате, но отсутствие таких программ, неосвоенные платформы, в то же время признается, что микрообучение и цифровая среда способны закрыть множество образовательных потребностей специалистов [11].

Исследования по андрагогике представлены как в российской, так и в зарубежной науке [3; 7; 8; 10; 11; 18; 23]. Учет специфики обучения взрослых рассматривается на примере образования по медицинским [8], социологическим [7], педагогическим [3; 18] специальностям. Продуктивность андрагогического подхода в инженерном образовании рассмотрена в исследовании коллег из Индии [20], где проведено исследование среди взрослых обучающихся технологического университета и доказана необходимость использовать принципы андрагогики в построении учебных заданий. Развитие образования взрослых как показателя стабильности и высокого уровня страны отмечено в исследовании М.Ю. Семенова, М.Н. Кичеровой и И.С. Трифоновой [13]. Андрагогика в инженерном образовании рассматривается как реализация модульного обучения (на примере ДПО) [10]. Последипломное обучение взрослых инженеров представлено в современной науке не очень широко и требует разработки современных педагогических стратегий. В работе группы исследователей из Инженерного колледжа Индии подробно рассмотрены типы реализации адаптивного обучения, основанного на системе ИИ и блокчейна. Представлены алгоритмы адаптивности с учителями и с учащимися, продуктивность формирования итоговых сертификатов и прозрачность проверки успешности для работодателя, отмечены сложности с конфиденциальностью личных данных и отсутствие практического применения [22]. Данная работа достаточно разносторонне и полно описывает систему адаптивности в цифровой образовательной среде, но без конкретной области внедрения, без учета возрастной и профильной стратификации.

Использование ИИ в теории построения новой педагогической системы для школьников и студентов также рассматривается в ряде современных исследований [5; 6; 9]. Существующие в настоящее время адаптивные системы сфокусированы на образовании детей, частично реализуется в студенческой среде, но не обнаружено для взрослых обучающихся.

В США в начале 2000-х г.г. были запущены массовые открытые онлайн курсы (МООС), которые стали прорывом в широком охвате обучающихся вне зависимости от географии. В России подобные курсы недостаточно широко распространены, на платформе «Открытое образование» представлено 1404 вуза и 375 программ [4], все они имеют линейную традиционную структуру.

Еще меньшее внимание уделено взрослым исследователям, желающим продолжить образование после получения диплома: поступить в магистратуру или аспирантуру по инженерному профилю.

Проведенный обзор научной литературы выявил проблемную ситуацию: признание перспективности гибкости микрообучения для обучения взрослых, учет андрагогических факторов в формировании мотивации к получению образования, персонализация адаптивных систем и отсутствие моделей, объединяющих эти показатели для инженерных дисциплин.

Материалы и методы

Исследование реализовано в методической рамке смешанного дизайна, сочетающего теоретико-методологическое моделирование и квази-экспериментальную апробацию прототипа системы. Выполнено в три этапа:

1) теоретический, включающий системный анализ и концептуальное моделирование архитектуры образовательной среды;

2) практический, предлагающий разработку, состоящую из создания прототипа

[4] Проект «Национальная платформа открытого образования»: сайт. URL: https://openedu.ru

адаптивного ядра на основе структурированных андрагогических правил;

3) эмпирический, представляющий собой сравнительное исследование эффективности прототипа.

Тип выборки респондентов основан на характеристиках совокупности генеральных критериев: возраст не моложе 23 лет, профильное инженерное образование, прохождение различных программ последипломного обучения на момент проведения исследования. Контрольная группа (КГ) составила 20 человек, из которых 6 проходили курсы повышения квалификации и/или переподготовки, 8 — обучались на заочном отделении, имея уже трудовой стаж по профессии от 2 до 6 лет, 6 — поступили в магистратуру и аспирантуру по инженерным специальностям. Экспериментальная группа (ЭГ) состояла из 17 человек, из которых 4 — обучающиеся на курсах повышения квалификации и/или переподготовки, 8 — обучались на заочном отделении инженерных специальностей, имея трудовой стаж от 2 до 6 лет, 5 — поступили в магистратуру и аспирантуру. Обучающиеся КГ проходили курс традиционного обучения, без внедрения микрокурсов и без адаптации к опыту. Обучение на прототипе ЭГ было частично перенесено на прототип адаптивной системы с андрагогическим ядром.

Методологическая основа исследования базируется на андрагогическом подходе, как базовой рамки определения ключевых переменных обучающихся: потребность знать, Я-концепция, роль опыта, готовность учиться, ориентация на обучение и мотивация [23]. Методология строится также на таксономии Блума в инженерном контексте (категоризация уровней усвоения [16]) и использует модель ADDIE в дистанционном обучении [21] для структурирования процесса разработки педагогического проектирования. Для верификации результатов исследования были учтены параметрические и непараметрические статистические методы оценки процесса получения высшего образования [1; 2], использование методологии ANOVA для анализа взаимодействия факторов при статистическом сравнении нескольких групп [24].

Эмпирический материал выбран на тему «Технологии информационного моделирования зданий в управлении строительными проектами». Такая тема позволила применить экспериментальную базу и среди обучающихся строительных специальностей, и среди специалистов в сфере IT БГТУ им. В.Г. Шухова, так как информационное моделирование является одной из ключевых компетенций современного инженера-строителя, содержит как теоретические, так и практические навыки работы.

Количественный метод анализа данных формируется из сравнения средних показателей для проверки гипотезы о различиях в усвоении материала; дисперсионный анализ применялся для оценки влияния фактора имеющегося опыта на эффективность адаптации; корреляционный анализ использовался для связи между вовлеченностью и результатом.

Качественный анализ заключается в интервьюировании участников ЭГ об опыте взаимодействия с системой и оценки контента.

Результаты исследования

Представленные результаты апробации прототипа адаптивной андрагогической системы на выборке инженеров-строителей уникальны еще и тем, что включают не только работающих специалистов, желающих в короткие сроки получить дополнительную квалификацию и продолжить практическую деятельность, но и аспирантов и магистрантов, занимающихся научными исследованиями и разработками.

До начала обучения был проведен пре-тест (знание BIM) и самооценка имеющегося опыта. Различия между КГ и ЭГ по этому показателю оказались статистически незначимыми, что подтверждает корректность формирования групп.

По результатам проведенной проверки основной гипотезы (влияние адаптивной андрагогической системы на результат обучения) были получены следующие показатели: скорость формирования компетенций, прирост знаний и качество усвоения, долгосрочное удержание знаний.

Скорость формирования компетенций оценивалась по временному показателю — достижение 80% правильных ответов в пост-тесте. Результаты показали, что среднее время в ЭГ составило 4,2 часа, а в КГ — 6,7 часов. Данные различия имеют статистическую значимость и приводят к выводу, что адаптивная система,

построенная с включением избыточного материала, выстраивает траекторию обучения от поставленной задачи и сокращает время усвоения компетенции в среднем на 37%.

Прирост знаний и качество их усвоения оценивались по показателю разности баллов между пре-тестом и пост-тестом, исходя из максимальной оценки в 100 баллов. Результаты пост-теста продемонстрировали средний прирост знаний 41,3 баллов в ЭГ и 29,7 баллов в КГ. Применив таксономию Блума (знание, понимание, применение, анализ), были получены следующие итоги: наибольшие различия зафиксированы в категориях применение (в ЭГ выше на 45%) и анализ (в ЭГ выше на 51%). Это подтверждает, что андрагогическая адаптация учебного материала более эффективна в подготовке к решению прикладных задач.

Отмечено, что для категории «Запоминание» различия не достигли статистической значимости, что вполне ожидаемо в связи с отсутствием различий в усвоении фактологии, но при этом, предполагается, что адаптивная система позволяет уделить больше времени для более глубоких когнитивных процессов.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что андрагогически-ориентированное обучение с опорой на стаж обучаемых, смещает образовательный фокус с простого запоминания на развитие профессионального мышления. Инженеры в ЭГ научились применять, анализировать и оценивать BIM-модели — именно те компетенции, которые востребованы в современной реальной практике.

Результаты отсроченного теста (через 4-6 недель) показали эффективность уровня долгосрочного удержания знаний следующими данными: в ЭГ средний уровень удержания составил 87,3%, а в КГ — 71,5%. По этому критерию различия оказались статистически значимыми — 8,12. Следовательно, микрообучение, выстроенное с опорой на опыт и реальные задачи, способствует лучшему закреплению материала в долговременной памяти. Важными результатами являются показатели влияния на вовлеченность и мотивацию, как внутреннюю (проверка опросником), так и внешнюю (проверка логами платформы).

Качественные результаты были получены путем проведения анализа интервью и открытых вопросов обучающимся. Основные направления андрагогически-ориентированного обучения, которые были оценены респондентами, это значимость ощущения индивидуального подхода (83% опрошенных), релевантность материала конкретным задачам (69% опрошенных) и экономия времени для получения знаний исключительно по темам «белых пятен» (74% опрошенных). В ходе интервью были отмечены и критические замечания, касающиеся прозрачности адаптации системы: около 12% пользователей выразили желание видеть больше пояснений предложения следующего модуля.

Метрики, выбранные для результатов исследования выбраны в соответствии с операционализацией выдвинутой гипотезы.

Полученные статистические результаты позволяют сделать вывод, что интеграция андрагогических принципов в адаптивную систему микрообучения приводит к значимому улучшению ключевых показателей эффективности обучения инженеров: сокращению времени обучения, повышению качества усвоения материала и долгосрочной ретенции знаний, а также росту внутренней мотивации. Обнаружено, что описанный эффект наиболее выражен для опытных специалистов, что подтверждает гипотезу о критической роли учета профессионального опыта в обучении взрослых.

Обсуждение и заключение

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении классической теории андрагогики в ряде ключевых аспектов, при этом адаптируя ее к современным реалиям цифровой образовательной среды и возможностям адаптивных алгоритмов. Выявлено 6 направлений расширения: динамическая алгоритмизация, опора на опыт, сглаживание противоречия между микрообучением и целостностью знания, поддержка готовности учиться, развитие Я-концепции и эмпирическая верификация.

В классической андрагогике 6 принципов Ноулза описывают, что важно для взрослого обучающегося, но не предлагают инструментов для достижения потребностей. Представленная модель расширяет эти статичные принципы в динамическую алгоритмизацию: принципы андрагогики форма-

лизированы в виде алгоритмов, читаемых адаптивным ядром, в результате чего андрагогика становится исполняемым кодом обучающей системы. Например, стратификация пользователей по наличию стажа и условия в алгоритме: если стаж > 5 лет и (базовая задача), то исключить модули уровня 1,2 и запустить траекторию «от проблемного кейса». Переосмысление принципа «опора на опыт» в цифровую эпоху перестает быть статичным, как в классической андрагогике, а трактуется как цифровой след. Адаптивное ядро ориентируется не только на заявленный стаж, но и на реальное поведение обучающегося в процессе выполнения заданий. Например, если новичок (без стажа) быстро выполняет сложные задания, то система перестраивает его образовательный профиль.

В классической андрагогике существует акцент на целостность, системность обучения, основанной на связи нового с уже известным материалом. Расширение в модели данного исследования состоит в том, что предложен механизм семантической сборки микромодулей в целостные компетенции, впервые андрагогический принцип «ориентация на решение задач» соединяется с технологией микрообучения через динамическое графовое моделирование знаний. Система не просто выдает часть контента, а показывает, как это связано с различными компетенциями.

Индивидуализация принципа «готовность учиться» и мотивация расширяется в предложенной модели от классического понимания взрослым необходимости новых знаний к «контекстному триггеру». Адаптивное ядро получает информацию о необходимом инженерном проекте и предлагает микромодуль на конкретную тему. Таким образом, готовность учиться перестает быть абстрактным понятием, а привязывается к конкретному текущему рабочему или исследовательскому контексту для обучающегося.

Развитие принципа автономии расширяется за счет предложения градуированной автономии — адаптивное ядро предлагает оптимальную траекторию, но оставляет право выбора за пользователем. Реализована обратная связь, реагирующая на частое отклонение пользователя от предложенного маршрута. Расширение классического андрагогического постулата тут заключается в том, что автономия может быть и поведенческим паттерном.

Эмпирическая верификация андрагогических постулатов отличается от традиционной описательной и предписывающей модели. Андрагогика получает инструмент для собственной валидации и уточнения в различных профессиональных доменах. Предложенная модель знаменует переход от дескриптивной андрагогики к вычислительной, где принципы обучения взрослых становятся основой для педагогического дизайна с использованием искусственного интеллекта.

На стыке андрагогики, педагогики и возможностей адаптивных систем возникают новые категории — цифровой опыт, контекстный триггер, градуированная автономия, семантическая сборка.

Что касается практической значимости исследования и предложенной в нем интегративной системы, то она заключается в возможности и перспективности внедрения в корпоративные университеты, получающие конкретные запросы по компетенциям для рынка труда. Также данная модель окажется продуктивной для ДПО. Ее преимущество в снижении времени выхода на компетентность, в отличие от существующих образовательных моделей. В современной ситуации реформы образовательной системы в России именно такой тип обучения может стать наиболее востребованным, если опираться на недавно проведенное совещание министр науки и высшего образования Российской Федерации Валерия Фалькова с проректорами 17 вузов, участвующих в пилотном проекте выхода из Болонской системы [5].

Поставленные в начале исследования цели достигнуты: осуществлена измеримость параметров андрагогических принципов; проведена разметка контента для адаптивной сборки образовательного модуля; эмпирически подтверждена логика работы ядра; доказано, что синтез подходов работает лучше, чем традиционное микрообучение без андрагогической адаптации; проведенные учет стажа обучающихся обеспечивает преимущество в усвоении материала; микрообучение сохраняет

[5] Минобрнауки России. Валерий Фальков провел совещание, посвященное информационному сопровождению пилотного проекта по переходу на новую модель высшего образования. 11.03.2026. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/99986/

системность и целостность знаний благодаря семантической сборке микромодулей.

Следовательно, разработанная архитектура существует не только как концептуальная модель, но и реализована в виде прототипа, эмпирически подтвердившего свою продуктивность. Ключевые результаты (сокращение времени обучения, качественный прирост знаний, высокая ретенция и мотивация) напрямую вытекают из заложенного в систему синтеза андрагогических принципов и технологий микрообучения.

Отмечается, что результаты КГ и ЭГ различаются именно из-за интеграции микрообучения и андрагогической адаптивности. Таким образом, модель реализует заявленную в данном исследовании идею: андрагогика выступает содержательной основой для адаптивных алгоритмов, а микрообучение становится технологической формой доставки контента. Именно эта интеграция создает актуальное качество инженерного образования для взрослых.

Исследование имеет некоторые ограничения, связанные со сложностью создания семантической сети для узких инженерных специальностей, существует риск чрезмерной алгоритмизации образовательного процесса, потеря «человеческого» фактора, что является негативной стороной построения продуктивного образования. Остаются не до конца решенными вопросы конфиденциальности данных пользовательского профиля. Проведенному эмпирическому исследованию может недоставать статистической мощности из-за недостаточного количества участников эксперимента, в связи с чем практические исследования продолжаются и имеют перспективы развития. Помимо этого, предложенное исследование закладывает фундамент для нового направления на стыке андрагогики и искусственного интеллекта. Ближайшие перспективы связаны с технологическим усилением прототипа и его масштабирование. Далее возможно расширение темы в область интеграции с экосистемой рынка труда и кадровым потенциалом и формированием вычислительной андрагогики. Для быстро изменяющегося мира и современного образования актуально развитие направления формирования педагогической архитектуры, интегрирующей педагогические, специальные и цифровые методики представляется эффективным и перспективным.

Литература

1. Анищик Т.А., Ахлестова А.А., Волков Е.О. Исследование проблем процесса обучения в вузе в условиях реализации традиционной и дистанционной форм и подходов к их решению с использованием непараметрических методов (часть 1) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2021. — №171. — С. 1-25. https://doi.org/10.21515/1990-4665-171-001
2. Анищик Т.А., Ахлестова А.А., Сердюк О.А. Исследование проблем процесса обучения в вузе в условиях реализации традиционной и дистанционной форм и подходов к их решению с использованием непараметрических методов (часть 2) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2021. — №172. — С. 1-15. https://doi.org/10.21515/1990-4665-172-001
3. Бережная О.В., Коблева А.Л. Модель персонифицированной образовательной программы курсов повышения квалификации педагогических кадров: андрагогический подход // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2025. — №2(107). — С. 205-212. https://doi.org/10.37493/2307-907X.2025.2.19
4. Блинов В.И., Сергеев И.С., Родичев Н.Ф. Микрообучение — из бизнеса в образование: перспективное направление развития дидактики // Образование и наука. — 2022. — Т. 24, №9. — С. 43–68. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-9-43-68
5. Бузни В.А., Осипенко С.Д. Искусственный интеллект как инструмент персонализации образовательных процессов в педагогическом инжиниринге // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — №87-2. — С. 67-71. EDN JQDRTQ.
6. Гончарова А.В., Толмачева Е.В., Пархомова Е.С. Русский язык как иностранный в аспекте его цифровизации // Русский лингвистический бюллетень. — 2023. — №5(41). https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.18
7. Евдокимова Т.А., Гарданова Ж.Р. Психологическая специфика взрослых обучающихся как целевой аудитории ДПО (на примере специалистов социономического профиля) // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — №88-2. — С. 426-430. EDN RXBQFM.
8. Змеев С.И., Соколова А.С. Тенденции и проблемы андрагогической организации обучения в контексте повышения качества медицинского и фармацевтического образования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12, №3-2. — С. 303-306.
9. Капелюш М.Б., Шаламова Е.В. Диджитализация образования: интеграция смешанного обучения в образовательные программы // Вестник педаго-

гических наук. — 2025. — №9. — С. 141-148. EDN KQBRAW.
10. Майорова М.А., Майорова С.Н. Андрагогическая модель обучения слушателей программ ДПО инженерных вузов // Вестник педагогических наук. — 2023. — №8. — С. 82-86. EDN ASHDJM.
11. Модернизация методического аппарата андрагогики в контексте дополнительного профессионального образования / Е.Ю. Есенина, Н.Ф. Родичев, Ю.В. Ермачкова, К.Г. Кузнецов // Образование и наука. — 2025. — Т. 27, №8. — С. 88-116. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-8-88-116
12. Петрунева Р.М., Овчар Н.А., Мартынова М.Д. Стратегии профессионально-образовательного выбора абитуриентов технических вузов // Интеграция образования. — 2024. — Т. 28, №1. — С. 81–97. https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.081-097
13. Семёнов М.Ю., Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Международный опыт образования взрослых: трансформация институциональных форм // Интеграция образования. — 2024. — Т. 28, №2. — С. 193–210. https://doi.org/10.15507/1991-9468.115.028.202402.193-210
14. Тихомиров Г.В., Рыжов С.Н. Анализ трендов обеспечения качества инженерного образования в Российской Федерации и международных сообществах // Профессорский журнал. Серия: Технические науки. — 2022. — №1(5). — С. 34-48. https://doi.org/10.18572/2686-8598-2022-5-1-34-48
15. Boumalek K., Bakki A., El Mezouary A., Hmedna B., Eddahibi M. Micro-learning design and micro-course structuring: a systematic literature review // Interactive Learning Environments — 2025. — №1-27.
16. Huitt W. Bloom et al.'s taxonomy of the cognitive domain. Educational Psychology Interactive. — Valdosta, GA: Valdosta State University, 2011 — P. 1-4.
17. Jainuri M., Kamid K., Syaiful S., Huda N. Microlearning effectiveness in higher education: A systematic review and meta-analysis of student retention and learning outcomes // Jurnal Pendidikan Matematika. — 2025. — №7(2). — P. 1-15.
18. Jones C., Penaluna K., Penaluna A. The promise of andragogy, heutagogy and academagogy to enterprise and entrepreneurship education pedagogy // Education+ Training. — 2019. — Т. 61. №9. — P. 1170-1186. https://doi.org/10.1108/ET-10-2018-0211
19. Sozmen E.Y. Perspective on pros and cons of microlearning in health education // Essays in Biochemistry. — 2022. — Т. 66. №1. — P. 39-44. https://doi.org/10.1042/EBC20210047
20. Sethy S.S. Adapted andragogy to teach adult engineering students: analysing their feedback about engineering ethics course–an indian context // Studies in the Education of Adults. — 2025 — P. 1-12. https://doi.org/10.1080/02660830.2025.2474801
21. Spatioti A.G., Kazanidis I., Pange J. A comparative study of the ADDIE instructional design model in distance education // Information. — 2022 — Т. 13. №9. –P. 402. https://doi.org/10.3390/info13090402
22. Kumar S., Kameswari Y.L., Moram V., Pasha M. Adaptive Learning in Modern Education Systems Leveraged by AI and Blockchain // Blockchain and AI in Shaping the Modern Education System. — 2025 — pp. 44-71.
23. Knowles M.S. From pedagogy to andragogy // Religious Education. — 1980. — Т. 75. №4. — P. 202-211.
24. Quirk T. J. One-way analysis of variance (ANOVA) // Excel 2019 for Social Science Statistics: A Guide to Solving Practical Problems. Cham: Springer International Publishing. — 2021. — P. 167-184. https://doi.org/10.1007/978-3-030-64333-1_8

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CONTINUITY BETWEEN SECONDARY VOCATIONAL AND HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF MODERNIZING THE «COLLEGE–UNIVERSITY» INTERACTION SYSTEM

Andreyev Oleg Evgenievich, *PhD of Historical sciences, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (branch), Arzamas (Russia)*

This article presents solutions to the problem of continuity between secondary vocational education (SVE) and higher education (HE) in the context of modernization of the Russian education system. A comprehensive solution is proposed for the implementation of a higher education program for training future civil servants. The relevance of the study is determined by the fact that modernization of the SVE-HE system requires not only updating the content of educational programs but also the development of new mechanisms for continuity between educational levels. The features of the integration of educational programs and the development of network interactions (between educational organizations and educational levels) are considered. The author proposes a set of solutions within the framework of a scientific understanding of the mechanisms and the development of practical measures for implementing continuity of education in the SVE-HE system in order to improve the quality of specialist training for professional work in the field of management.

Keywords: *continuity; secondary vocational education (SVE); higher education (HE); continuing education; integration of educational programs; training of specialists in the field of management.*

EDN: PRDIGR ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.44***

Цитировать: *Андреев О.Е. Проблемы и перспективы преемственности среднего профессионального и высшего образования в условиях модернизации системы взаимодействия «колледж–вуз» // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 320–327. EDN: PRDIGR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.44*

УДК 377.015
5.8.7

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «КОЛЛЕДЖ–ВУЗ»

© Андреев О.Е., 2026

АНДРЕЕВ Олег Евгеньевич, *кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (филиал), Арзамас (Россия)*
SPIN-код: 1338-8360
ORCID ID: 0009-0005-3218-112X

В статье представлены пути решения проблемы преемственности среднего профессионального образования (СПО) и высшего образования (ВО) в контексте модернизации российской системы образования. Комплексное решение проблемы предлагается в условиях реализации программы высшего образования по подготовке будущих государственных служащих. Актуальность исследования определяется тем, что модернизация системы «СПО–ВО» требует не только обновления содержания образовательных программ, но и формирования новых механизмов преемственности между уровнями образования. Рассмотрены особенности процессов интеграции образовательных программ и развитие сетевого взаимодействия (образовательных организаций и ступеней образования). Автором предлагается комплекс решений в рамках научного осмысления механизмов, а также разработки практических мер по реализации преемственности образования в системе «СПО–ВО» с целью повышения качества подготовки специалистов в условиях профессиональной деятельности в сфере управления.

Ключевые слова: *преемственность; среднее профессиональное образование (СПО); высшее образование (ВО); непрерывное образование; интеграция образовательных программ; подготовка специалистов в сфере управления.*

Преемственность среднего профессионального и высшего образования в условиях модернизации системы «СПО–ВО» по праву выступает одной из ключевых задач государственной образовательной политики Российской Федерации в системе осуществления непрерывного образования. В последние годы система профессионального образова-

ния претерпевает значительные изменения, которые были обусловлены как внутренними потребностями отраслей экономики, управления так и глобальными вызовами, связанными с процессами цифровизации, ускорением научно-технического прогресса и трансформацией общей ситуации на рынке труда. Обозначился ряд проблем системного характера. По-прежнему, сохраняются трудности согласования учебных планов, различия в требованиях к подготовке выпускников. Решение проблемы интеграции учреждений среднего профессионального (СПО) и высшего образования (ВО) в единое образовательное пространство представляется наиболее актуальным в свете необходимости развития их комплексного взаимодействия по повышению качества подготовки специалистов в сфере управления. Формирование способности выпускников к дальнейшей эффективной профессиональной деятельности обусловлена факторами организационно-методического, инфраструктурного и ресурсного характера. В настоящее время организация подготовки специалистов в системе «колледж-вуз» требует новых усилий по совершенствованию взаимодействия на фоне продолжающегося процесса модернизации образования, охватившего учреждения СПО и ВО. Федеральным законом от 21.04.2025 № 85-ФЗ [1] «О внесении изменений в статью 70 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" [2]» установлены новые правила поступления выпускников СПО в высшие учебные заведения, а также возможность поступления без ЕГЭ только по профильным направлениям.

Преемственность рассматривается как базовый принцип непрерывного профессионального образования, обеспечивающий согласованность целей, содержания, технологий и форм обучения на разных ступенях образовательной траектории личности. Исследователи отмечают [1], что интеграция между СПО и вузами позволяет эффективно решать региональные проблемы ускоренной и качественной подготовки специалистов, однако на практике сохраняются значительные трудности: разрыв между уровнями подготовки, недостаточная согласованность учебных планов, организационные и социально-психологические барьеры перехода.

Особое значение преемственность приобретает в условиях внедрения федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, когда требуется не только передача знаний, но и формирование у студентов компетенций, востребованных на рынке труда. Таким образом, развитие сетевого взаимодействия в системе среднего профессионального и высшего образования с привлечением к работе по обеспечению комплексного методического пространства работодателей будет в целом способствовать внедрению инновационного подхода в образовании.

Целью исследования является исследование проблемы преемственности, а также факторов, оказывающих влияние на процесс перехода выпускников среднего профессионального образования на уровень обучения в высшей школе, в условиях модернизации систем СПО и ВО. Для осуществления цели поставлены и решены следующие задачи: 1) определение проблем преемственности, возникающих по линии взаимодействия «СПО–ВО», на фоне процессов модернизации в системе образования; 2) рассмотрение возможности развития сетевого взаимодействия по обеспечению преемственности в условиях образовательного перехода «СПО–ВО»; 3) разработка рекомендаций в качестве возможных путей решения проблемы преемственности между средним профессиональным и высшим образованием; 4) оценка перспектив по обеспечению преемственности в рамках непрерывного образования.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации научного представления о процессе непрерывного образования в аспекте реализации преемственности в системе «СПО–ВО» в условиях ее модернизации. Практическая значимость статьи заключается в разработке рекомендуемых мер, направленных на достижение эффективного результата. Разработанные предложения могут быть использованы в работе по формированию учебных планов и образовательных программ коллективов экспертов и специалистов, представляющих образовательные организации и работодателей.

[1] Федеральный закон от 21.04.2025 N 85-ФЗ «О внесении изменений в статью 70 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

[2] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г., № 273-ФЗ (последняя редакция).

Методология и методы. В ходе исследования применены: анализ результатов научных исследований, анализ содержания нормативных документов, систематизация и сопоставительный анализ учебных планов и образовательных программ, синтез, обобщение.

Теоретическую основу статьи составили работы Е.А. Гнатышиной [6], А.В. Савченков Л.П. Алексеевой, посвященные вопросам подготовки профессионально-педагогических кадров и изучению проблемы преемственности. Работы В.И. Блинова [3;4], С.И. Сергеева, С.А. Осадчевой посвящены изучению механизмов преемственности в условиях процесса подготовки кадров госслужащих в высшей школе. В исследовании Н.В. Ивановой [7], Е.В. Яковлевой, М.А. Виноградовой рассматривается содержание организационно-управленческих инструментов, реализуемых в различных моделях сетевого взаимодействия «педколледж — вуз», в рамках педагогического образования. Содержание непрерывного образования в контексте организационных моделей исследуют В.В. Афанасьев [1], М.В. Новиков, О.А. Коряковцева [8], И.Ю. Тарханова [9] и др.

Проблема непрерывного образования в системе педагогического образования исследуется продолжительное время. В рамках проведенных исследований заслуживает внимания концепция В.В. Афанасьева [1], М.В. Новикова, позволившая учесть имеющийся опыт разработок, предложенных к внедрению на протяжении последнего периода по созданию учебно-педагогических комплексов в ряде областей. Действительно, возможность формирования и внедрения региональных моделей сетевого взаимодействия позволит решить проблемы преемственности, как на региональном, так и на межрегиональном уровне. Объединение образовательных учреждений различного уровня и профессиональной специализации открывает большие перспективы для углубленной работы в данном направлении.

С точки зрения подготовки специалистов государственного управления, к проблеме моделей взаимодействия образовательных учреждений обращались В.И. Блинов, И.С. Сергеев, С.А. Осадчева [3].

В рамках изучения вопроса о преемственности в образовании в контексте изучения программ общего, профессионального и дополнительного профессионального образования изложено мнение о наличии определённой нелинейности в реализации образовательной преемственности при подготовке управленческих кадров в вузе. При этом, наблюдается нарушение прямой содержательной преемственности, обусловленное тем, что траектории формирования необходимых компетенций могут быть различными: отраслевая подготовка может, как предшествовать управленческой, так и следовать за ней. Указанные обстоятельства позволяют предположить существование преемственных связей, которые не сводятся исключительно к содержанию дидактических единиц [3, с. 9]. Приняв за основу данную позицию, следует согласиться, что профессиональная подготовка госслужащих осуществляется не только на уровне высшего образования, но и среднего и дополнительного. Студенты, окончившие обучение в СПО в рамках укрупненной группы специальностей, объективно не получают достаточного представления о подготовке в вузе по профилю. Вопрос о развитии сетевого взаимодействия в подготовке специалистов государственного и муниципального управления предлагается решать посредством комплексной методической разработки совместно с представителями работодателей.

Следует отметить, что различные подходы к формированию общеобразовательных и профессиональных циклов в СПО и ВО при образовательном переходе показывают обоснованное различие в перечне компетенций, реализуемых в блоках дисциплин, а также в специфике практической подготовки студентов.

В процессе обеспечения непрерывного образования важное место отведено вопросу о сетевом взаимодействии между уровнями образования. В изучении проблемы преемственности среднего профессионального и высшего образования Е.А. Гнатышиной [6; 7], Л.П. Алексеевой, А.В. Савченковым сосредоточили внимание на интеграции, направленной на формирование единой педагогической системы в Российской Федерации [7, с. 42]. Справедливым является мнение о том, что сетевое взаимодействие изучено недостаточно и требуется построение стратегии и определенного алгоритма [6, с. 211].

На основе результатов исследования сетевого взаимодействия образовательных организаций различных уровней А.А. Чистов [10] подчеркивает значение данного процесса как основного условия повышения эффективности организации образовательного процесса [10, с. 368 — 369]. Необходимо акцентировать внимание на то обстоятельство, что повышение эффективности ставится в зависимость от решения проблемы кадрового обеспечения, качества подготовки и способности специалистов реализовать организационно-методические цели и задачи образовательных организаций.

Н.В. Ивановой [7], Е.В. Яковлевой, М.А. Виноградовой представлен анализ деятельности образовательных организаций в сфере педагогического образования ряда регионов страны, реализующих различные модели сетевого взаимодействия. Особый интерес данная концепция представляет с точки зрения изучения целевых, содержательных и результативных компонентов подготовки педагогических кадров в вузе и колледжах. Сделан вывод о наличии проблемы несоответствия, возникающего в работе по проектированию моделей взаимодействия организаций СПО и ВО. В числе основных критериев исследователями отмечены: организационно-структурная разнородность; недостаточная проработанность функционала субъектов сетевого взаимодействия; несовершенство нормативно-правовой базы, регламентирующей взаимодействие по линии СПО-ВО; отсутствие эффективных финансовых механизмов, способных обеспечить рациональное использование сетевых ресурсов на региональном и на межрегиональном уровнях [7, с. 188].

В контексте изучения проблемы ресурсов И.Ю. Тархановой [9], А.М. Ходыревым рассматривается вопрос о реализации существующих моделей взаимодействия среднего профессионального и высшего образования. В рамках концепции выделяются такие группы ресурсов, как: кадровые ресурсы (учитывается социальный и профессиональный опыт преподавателей организаций СПО и ВО); институциональные ресурсы (образовательные программы вузов и педагогических колледжей, научно-исследовательская и методическая компетентность профессорско-преподавательского состава вуза и преподавателей СПО и т.д.); ресурсы среды (образовательная среда, способная обеспечить процесс повышения профессионального уровня выпускников в рамках освоения программ как среднего профессионального и высшего образования) [9, с. 189]. На основе вышеуказанного, роль ресурсов для решения проблемы преемственности, их использование видятся как основа для программирования процессов преемственности.

Педагогическое образование в плане реализации преемственности СПО и ВО имеет определенный опыт, который был закреплен на нормативно-правовом уровне. Переход выпускников педагогических колледжей на программы обучения в высшие учебные заведения встречает меньше проблем на организационном и методическом уровне Условия перехода были регламентированы в виде рекомендаций в 2004 году [3]. В нашей работе предлагается использовать данный опыт для реализации преемственности в подготовке кадров госслужащих.

Анализ преемственности в рамках укрупнённой группы 38.00.00 «Экономика и управление» выявляет наличие значительного разрыва в академической траектории, обусловленного, прежде всего, расхождением в подходах к формированию общеобразовательных и профессиональных циклов в СПО и ВО. Данная проблема детерминирована отсутствием синхронизированной логики построения учебных планов: программы среднего профессионального образования ориентированы на формирование прикладных навыков в области бухгалтерского учёта, анализа хозяйственной деятельности и документооборота, в то время как высшее образование смещает акцент на фундаментальную экономическую теорию, макроэкономическое моделирование и стратегический менеджмент [4].

---

[3] Письмо Минобразования РФ от 9 марта 2004 г. №03-23ин/42-03 «О направлении Рекомендаций по разработке содержания образования и организации образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования (вузах) для лиц, имеющих среднее профессиональное образование педагогического профиля».

[4] Приказ Минобрнауки России от 05.02.2018 №69 (ред. от 03.07.2024) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.02.2018 №50137).

В результате, с одной стороны, возникает дублирование материала в рамках гуманитарного и социально-экономического блоков, а с другой — наблюдается содержательное расхождение в перечне и содержании общепрофессиональных дисциплин. Это вынуждает студентов повторно осваивать значительный объём информации, что снижает мотивацию и увеличивает фактические сроки получения знаний на уровне высшего образования.

Программы подготовки СПО нацелены на освоение обучающимися производственных навыков, в то время как образовательная система высших учебных заведений сориентирована, прежде всего, на теоретическую подготовку.

На основе статистического анализа контингента обучающихся по программам среднего профессионального образования (СПО) на базе вузов выявлен ряд системных тенденций и проблемных зон. Наиболее массовыми укрупнёнными группами специальностей и профессий (УГСН) являются 38.00.00 — Экономика и управление, 40.00.00 — Юриспруденция и 23.00.00 — Техника и технологии наземного транспорта. Совокупная доля студентов, осваивающих специальности в рамках этих трёх направлений, составляет 35,3% от общего контингента обучающихся в образовательных организациях высшего образования (ОО ВО) по программам СПО [5].

Фундаментальным шагом может стать внедрение и развитие модели взаимодействия ассоциации образовательных организаций СПО и ВО, базирующейся на принципе взаимопризнания образовательных результатов [7, с. 183]. Данный формат предполагает выстраивание стратегических партнёрских отношений между колледжами и университетами, в рамках которых вузы осуществляют официальный перезачёт освоенных дисциплин, практических модулей и сформированных компетенций. Такое взаимодействие позволяет минимизировать дублирование учебного материала, оптимизировать сроки получения высшего образования и повысить учебную мотивацию контингента, ориентированного на непрерывное профессиональное развитие.

Параллельно с этим критически важным условием является интеграция профессиональных стандартов в образовательные программы обоих уровней. Синхронизация учебных планов колледжей и вузов с актуальными требованиями рынка труда обеспечивает формирование у выпускников компетенций, релевантных современным производственным задачам. Это гарантирует высокий уровень трудоустройства и профессиональную готовность специалистов к выполнению трудовых функций непосредственно после завершения обучения.

Неотъемлемым элементом синергетического подхода является активное внедрение индивидуальных образовательных траекторий для студентов, осуществляющих переход с уровня СПО на уровень ВО. Индивидуализация учебного плана позволяет учитывать имеющийся у обучающегося априорный багаж знаний и навыков, что исключает необходимость повторного освоения идентичного материала. Данный подход способствует концентрации усилий на изучении новых, более узкоспециализированных дисциплин, делая образовательный процесс более целенаправленным и эффективным.

Наконец, для обеспечения глубокой и устойчивой преемственности необходимо целенаправленное развитие совместных (сквозных) профессиональных модулей. Такие модули, разрабатываемые и верифицируемые совместно представителями СПО и ВО, призваны синхронизировать формируемые компетенции и создать единое образовательное пространство. Интеграция фундаментальных основ среднего звена с углублёнными аспектами высшей школы позволяет формировать у студентов целостную систему интегрированных знаний и навыков, обеспечивая им значимое конкурентное преимущество на рынке труда.

Важным компонентом в организации сетевого взаимодействия по обеспечению программы преемственности в системе «колледж-вуз» является координация с работодателями. Справедливо мнение исследователя Д.А. Басовского [2] о том, что в сфере профессионального образования одной из проблем, требующих комплексного решения, является

[5] Журнал «Российское образование». Российское профессиональное образование: а должен ли быть четкий «водораздел» между ВО и СПО? — 04.06.2025. — URL: https://ruobraz.ru/theme/rossiyskoe-professionalnoe-obrazovanie-a-dolzhen-li-byt-chetkiy-vodorazdel-mezhdu-vo-i-spo/

оторванность образования от работодателя, потребности которого не всегда учитываются [2, с.26]. Таким образом, работодатель в системе разработки комплексной программы преемственности должен принять самое активное участие. Позиция работодателей в ассоциации разработчиков может быть представлена отраслевыми органами и учреждениями самого различного профиля и уровня. Квалификация специалиста в сфере государственного управления напрямую зависит от степени знания специфики и уровня представления обучающихся о деятельности базовых организаций.

Отдельно следует обозначить аспект реализации программы СПО непосредственно в структуре вуза. В данном случае, представляется более широкий спектр возможностей и перспектив для построения эффективного взаимодействия. В частности, Арзамасский политехнический колледж имени В.А. Новикова (Отделение СПО) является структурным подразделением Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (АФ ННГУ) и выступает элементом в системе непрерывного развития образования, так как реализует целый ряд программ профессиональной подготовки специалистов: 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям), 44.02.01 Дошкольное образование, 44.02.02 Преподавание в начальных классах, 09.02.03 Программирование в компьютерных системах. Миссия подразделения заключается в формировании устойчивой образовательной траектории, где колледж служит базовым звеном для подготовки абитуриентов вуза и квалифицированных кадров для рынка труда, в системе образования.

Анализ данных приемной комиссии за последние три года демонстрирует, что около 30% выпускников техникума продолжают обучение в АФ ННГУ по программам высшего образования. Остальные выпускники выходят на региональный и общероссийский рынки труда, что свидетельствует о дуальной эффективности реализуемой модели подготовки. В условиях перехода к новой системе приема в вуз выпускников СПО на соответствующие направления ВО с учетом профиля подготовки показатели приемной кампании 2026 года могут измениться.

Одним из стратегических приоритетов ННГУ является расширение спектра реализуемых программ среднего профессионального образования. Данное решение обусловлено целесообразностью открытия смежных специальностей, позволяющих эффективно применять и развивать ключевые для филиала университета программы компетенций в новых предметных областях.

Таким образом, колледж гармонично дополняет образовательную систему университета, интегрируя уровень СПО в структуру высшего образования. Указанное обстоятельство формирует комплексный и завершенный портфель образовательных услуг вуза в сфере профессионального образования. Успешное развитие данной модели должно позволить в перспективе АФ ННГУ преодолеть существующие проблемы в рамках реализации преемственности при переходе от СПО к ВО на собственной образовательной платформе [6].

На основе проведенного анализа выявлены проблемы, которые отражают современные вызовы модернизации системы «колледж–вуз» и требуют комплексного подхода к их решению. Во-первых, это организационно-методическая проблема синхронизации образовательных программ обучения, которая усугубляется отсутствием единого интеграционного образовательного пространства между колледжами и вузами (наблюдается дублирование содержания учебных дисциплин в учебных планах колледжей и вузов, что снижает мотивацию студентов и приводит к потере времени; присутствует недостаточная гибкость и адаптивность учебных планов к индивидуальным образовательным траекториям студентов, поступающих в вуз после колледжа; вузы часто неохотно перезачитывают дисциплины, изученные в СПО, требуя повторного обучения).

Во-вторых, проблема нормативного и инфраструктурного обеспечения, состоящая в необходимости модернизации нормативной базы для поддержки многоуровневых и сетевых образовательных программ (как показывает наблюдение, не во всех регионах созданы

[6] СПО в структуре вуза: проблемы и перспективы развития // Аккредитация в образовании: информационно-аналитический журнал. — №140. URL: https://ruobraz.ru/theme/rossiyskoe-professionalnoe-obrazovanie-a-dolzhen-li-byt-chetkiy-vodorazdel-mezhdu-vo-i-spo/

условия для эффективного сетевого взаимодействия колледжей и вузов, отсутствуют единые центры компетенций, доступные всем участникам образовательного процесса.

В-третьих, проблема кадрового обеспечения взаимодействия по реализации преемственности образования «колледж—вуз» (недостаточное использование потенциала профессорско-преподавательского состава вузов для работы со студентами колледжей; ограниченность ресурсов для организации совместных образовательных программ, практик и научных исследований).

В-четвертых, требует решения проблема недостаточного вовлечения работодателей в процесс формирования образовательных программ (подготовка выпускников не всегда соответствует требованиям рынка труда; отсутствие тесного системного взаимодействия между колледжами, вузами и предприятиями (органами власти, учреждениями и организациями) затрудняет создание центров компетенций и внедрение практико-ориентированных модулей).

Решение проблемы преемственности в системе профессионального образования в условиях внедрения модели взаимодействия «колледж—вуз» требует комплексного подхода, основанного на принципах интеграции, непрерывности и ориентации на требования рынка труда. Ключевым условием выступает формирование единого образовательного пространства, обеспечивающего согласованность целей, содержания, технологий и форм обучения на смежных ступенях профессионального образования.

Организационно-педагогические условия для обеспечения преемственности на уровне образовательных организаций включают:

— коррекцию и синхронизацию учебных планов колледжей и вузов;

— внедрение интегративно-модульного подхода;

— создание механизмов зачёта ранее освоенных дисциплин;

— привлечение профессорско-преподавательского состава вузов к работе со студентами колледжей.

Пути решения проблемы преемственности в системе взаимодействия «колледж—вуз» и определение перспективных результатов от применения представлены в таблице.

Таблица — **Решение проблемы преемственности в условиях внедрения модели взаимодействия «колледж—вуз»**

Пути решения	Меры обеспечения	Ключевые преимущества и результат
1. Интеграция образовательного пространства на основе профессиональных стандартов	Разработка учебных планов на основе актуальных требований рынка труда, отражённых в профстандартах СПО, а также формируемых компетенций в рамках квалификационных требований к государственным и муниципальным служащим , в условиях подготовки специалистов на уровне высшего образования.	Соответствие формируемых компетенций выпускников запросам работодателей, повышение уровня трудоустройства, актуальность знаний, необходимых в профессиональной сфере.
2. Индивидуализация учебных планов	Создание и более широкое применение персонализированных траекторий обучения для студентов, переходящих из СПО в ВО, с учётом их предыдущего опыта и знаний.	Расширение возможностей усвоения без повторного изучения уже освоенных дисциплин, фокус на новых знаниях, повышение эффективности и целенаправленности обучения.
3. Разработка совместных профессиональных модулей дисциплин	Создание и признание вузами и колледжами единых модулей, синхронизирующих формируемые компетенции и объединяющих актуальные сильные стороны обоих уровней образования.	Формирование единого образовательного пространства, получение интегрированных знаний и навыков в профессиональном аспекте.
4. Взаимодействие с работодателями	Вовлечение предприятий, органов власти, учреждений, организаций в образовательный процесс для формирования у выпускников не только теоретических знаний, но и практических компетенций, востребованных на современном рынке труда.	Повышение конкурентоспособности на рынке труда как самих выпускников, так и отраслей региональных экономик в целом.

Таким образом, на основе исследования новейших методик и практического опыта в образовательной сфере разработана комплексная программа по реализации преемственности в системе взаимодействия «колледж—вуз». Реализация представленных направлений позволяет создать основы для формирования единого образовательного

пространства в масштабе сетевого взаимодействия нескольких образовательных организаций СПО и ВО, на уровне отдельного региона. Обеспечение преемственного перехода от среднего профессионального к высшему образованию возможно на базе реализации непрерывного процесса подготовки востребованных в отрасли специалистов государственного и муниципального управления.

Заключение

Рассмотренный материал позволил сделать вывод о необходимости разработки комплексной программы мер для решения проблемы преемственности. Представленный анализ показал, что решение проблемы преемственности среднего профессионального и высшего образования в условиях модернизации системы взаимодействия носит комплексный характер и включает в себя ряд ключевых компонентов, относящихся к организационно-методическому, ресурсному, нормативному аспектам.

Внедрение и практика реализации различных моделей взаимодействия «колледж — вуз» в перспективе предполагает методическое единство образовательного процесса, что реализуется посредством разработки и реализации комплексных образовательных программ на уровне учебных заведений среднего профессионального и высшего образования, а также индивидуальных образовательных траекторий для студентов, переходящих с уровня СПО на уровень ВПО. Такой подход способствует успешной адаптации обучающихся к новым условиям образовательной среды, минимизирует риски дублирования учебного материала и обеспечивает рациональное включение студентов в научно-исследовательскую и опытно-экспериментальную деятельность уже на начальных этапах вузовского обучения, а затем и в профессиональную деятельность в отрасли управления.

Литература

1. Афанасьев В.В. Региональная модель непрерывного педагогического образования / В.В. Афанасьев, М.В. Новиков // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2008. — №1. — С. 70-79. DOI: 10.51314/2073-2635-2008-1-70-79 EDN: JVDMTF
2. Басовский Д.А., Дегтярева И.Г. Перспективы внедрения элементов дуальной модели образования в учреждении среднего профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда — 2017. — №3- С. 25-27. EDN: ZMQRNL
3. Блинов В. И. Преемственность в образовании: современные подходы / В.И. Блинов, И.С. Сергеев, С.А. Осадчева // Профессиональное образование и рынок труда. — 2025. — Т. 13, №1. — С. 6-21. DOI: 10.52944/PORT.2025.60.1.001 EDN: PWETCI
4. Блинов В.И. Развитие среднего профессионального образования: сценарий и прогнозы / В.И. Блинов, Е.Ю. Есенина // Профессиональное образование. Столица. — 2015. — №3. — С. 5-7. EDN: UNLNFR
5. Гнатышина Е.А. Реализация принципа преемственности в условиях сетевого взаимодействия организаций среднего профессионального и высшего образования / Е.А. Гнатышина, А.В. Савченков, Е.В. Евплова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — №5. — С. 41-46. EDN: ZEZBVN
6. Гнатышина Е.А., Алексеева Л.П., Савченков А.В. подготовка профессионально-педагогических кадров в условиях инновационной деятельности вуза // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т.7, №1(22). — С. 210-215. EDN: YWKWYW
7. Иванова Н.В. Анализ моделей интеграции деятельности образовательных организаций СПО-ВО для построения единого пространства непрерывного педагогического образования / Н.В. Иванова, Е.В. Яковлева, М.А. Виноградова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2022. — №2(113). — С. 178-190. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-2-113-15 EDN: EIADEE
8. Коряковцева О.А., Тарханова И.Ю. Непрерывное образование как средство социализации взрослого человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — №8. — С. 132-135. EDN: ULKWGP
9. Тарханова И.Ю., Ходырев А.М., Организационные модели непрерывного педагогического образования в системе "колледж — вуз" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2019. — №2(54). — С.-186-190. EDN: RBFNUD
10. Чистов А.А. Сетевое взаимодействие учреждений среднего профессионального и высшего образования (результаты исследования) // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — №80(1). — С. 368-371. EDN: ZZPMBU

MUSICALITY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS

Wang Shuya, *Postgraduate student, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod (Russia)*

The musical and artistic development of students in the theory of music pedagogy is one of the most important problems. Its solution is complicated by contradictions in musical psychology, which hinder the identification of the necessary research directions. One of the contradictions is the lack of clarity in understanding the term "musicality", which is important for teaching musicians. The purpose of the article is to define approaches in an unambiguous understanding of the term musicality. Musicality itself was designated by B. Teplov as the unity of the "emotional and auditory sides" with the leading emotional. However, in the theory of musical psychology, this attitude began to change. Researchers have been paying more and more attention to the "auditory side" as the most important determinant of musicality. At the same time, emotional and sensory development in the theory and practice of music pedagogy was noticeably impaired. At the same time, the essential defining aspect of musicality is the sensory-emotional sphere. It is this fact that music psychology theorists and music educators should take into account in their work. Since the characteristic of any phenomenon is based on its essential features, and the emotional side of musicality appears to be such, the assessment of musicality should reflect not its complex nature, but the quality that forms its basis. And this quality is the emotional component of the musician's artistic talent. The theoretical understanding of this concept in music psychology will open the way for practical teachers and methodologists to search for new teaching methods aimed at musical and artistic development.

Keywords: *musicality; musical psychology; musical pedagogy; musician's emotions; emotional and sensory sphere; musical ear.*

EDN: QMOYFH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.45***

Цитировать: *Ван Ш. Музыкальность как предмет научного анализа // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 328–333. EDN: QMOYFH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.45*

УДК 377.015
5.8.7

© Ван Ш., 2026

Музыкальность как предмет научного анализа

Музыкально-художественное развитие обучающихся в теории музыкальной педагогики составляет одну из важнейших проблем. Ее решение затруднено противоречиями в музыкальной психологии, препятствующими в определении нужных направлений исследований. Одно из противоречий — отсутствие однозначности в понимании важнейшего для обучения музыкантов термина «музыкальность». Целью исследования является определение подходов в однозначном понимании термина музыкальность. Сама музыкальность была обозначена Б. Тепловым как единство «эмоциональной и слуховой сторон» при ведущей эмоциональной. Однако в теории музыкальной психологии эта установка стала меняться. Все большее внимание исследователями уделялось «слуховой стороне», как важнейшей детерминанты музыкальности. При этом эмоционально-чувственное развитие в теории и практике музыкальной педагогики заметно ущемлялось. Вместе с тем, сущностно определяющей стороной музыкальности является чувственно-эмоциональная сфера. Именно это обстоятельство должны учитывать в своих работах теоретики музыкальной психологии и музыкальные педагоги. Так как характеристика любого явления опирается на его сущностные признаки, а в музыкальности таковой представляется эмоциональная сторона, то в оценке музыкальности должна быть отражена не ее комплексная природа, а качество, составляющее ее основу. И этим качеством является эмоциональная составляющая художественного дарования музыканта. Теоретическое осмысление этого понятия в музыкальной психологии откроет путь педагогам практикам и методистам для поиска новых приемов и методов обучения, нацеленных на музыкально-художественное развитие.

Ключевые слова: *музыкальность; музыкальная психология; музыкальная педагогика; эмоции музыканта; эмоционально-чувственная сфера; музыкальный слух.*

ВАН Шуя, *аспирантка, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород (Россия)*

ORCID ID: 0009-0003-7121-2844

Введение

Необходимость приоритетного музыкально-художественного развития в музыкальной педагогике уже почти столетие звучит все ярче и настойчивее. Но более всего это заметно в научных исследованиях и музыкально-педагогических статьях. Что же касается практики музыкального обучения, то реализация таких призывов выглядит скромнее. Разумеется, что у каждого музыканта есть свое представление о содержании этого процесса и о свойствах личности пианиста, которые нужно воспитывать. Оно, безусловно, обогащается за счет выводов эмпирической педагогики, но в довольно ограниченных пределах, не позволяющих выйти на системный уровень, на основании которого должны создаваться современные методики обучения.

Важным условием успешного изучения процесса музыкально-художественного воспитания является осмысление его сущности: чтобы что-то развивать нужно сначала понять — что именно развивать, а уже поток как это делать. Поэтому целью исследования является определение подходов в понимании термина музыкальность, основанных на системном представлении сущности такого явления как музыкальность. Серьезную помощь в ответах на такие вопросы должна оказать музыкальная наука. Было бы, конечно, неоправданным преувеличением сказать, что подобные изыскания в этой области не проводились. Существуют серьезные работы *Л.Л.* Бочкарева [2], В.И. Петрушина [9], Ю.А. Цагарелли [14], А.В. Тороповой [13] и других признанных авторитетов музыкальной психологии. Но, они во многом опирались на фундаментальные труды Б.М. Теплова, отличающиеся не только глубиной и многообразием решаемых научных проблем, но и рождением определенных противоречий, неизбежных спутников ограничений, связанных с уровнем развития психология в то время. Поэтому опора на основные установки, заложенные в трудах Б.М. Теплова, с учетом допущенных неточностей, выдвинула ряд дискуссионных положений, не позволяющих сегодня даже в теории полноценно решать задачи, поставленные практикой сегодняшнего дня.

Очевидно, музыкально-художественное развитие музыкантов обеспечивается сложно организованной совместной деятельностью, наставника и его учеником. В ней принимают участие многие компоненты, взаимодействующие друг с другом на основе системной организации. Это выдвигает целый рад исследовательских задач: выявление компонентов, совместно участвующих в процессе музыкального развития, их характеристики, функциональное назначение, характер взаимосвязи с другими компонентами, наконец, иерархическое положение в системе.

Для успешного решения исследовательских задач, прежде всего, нужен непротиворечивый научный аппарат, который позволяет оперировать терминами. А для этого применяемые для анализа термины, должны иметь однозначное содержание. Только в этом случае возможно ответить на вопросы, связанные с познанием такого сложного явления, как музыкально-художественного развитие пианиста. Без этого на каждом этапе научного поиска исследователя ожидают встречи с противоречиями и ошибочными суждениями, не позволяющие понять процесс в системном обличии.

Все сказанное в полном объеме относится к выявлению содержания, пожалуй, «ключевого» термина, в музыкальной психологии, названного «музыкальность». Ведь смысловое наполнение этого термина как раз и представляет серьезную проблему в музыкальной психологии, так как нужной однозначностью не отличается.

Особенно важно это обстоятельство для музыкальной педагогики, для музыкально-исполнительского искусства в целом. И этому есть свои причины. Музыкально-исполнительское творчество относится к одному из самых сложных видов деятельности человека. Его научное осмысление на протяжении десятилетий претерпевало подъемы и падения. И если достижения теории пианизма не всегда оказывали позитивное влияние на пианистическую практику, то промахи и заблуждения часто приводили к серьезным ошибкам, имевшим самые негативные последствия для судеб многих талантливых пианистов. Об этом писали многие теоретики пианизма и музыкальной педагогики (Г. Коган, *Л.* Баренбойм, К. Мартинсен, Е. Зингер, О. Шульпяков, В. Сраджев, М. Берлянчик и др.) В последнее время, на системные ошибки, заводившие в тупик фортепианную педагоги-

ку на протяжении ее многовековой истории, упоминала в своих исследованиях Е Цзы [4].

Результаты и их обсуждение

Одна из причин возникновения противоречий в современных исследованиях заключается в том, что они, как и в свое время Б. Теплов, не придавали серьезного значения системному строению музыкальности, в которой каждый компонент занимал свое место в иерархически организованной структуре. Чаще всего осмысление термина «музыкальность» ограничивалось перечислением тех или иных его свойств, которые каждый теоретик выделял в качестве основных. Между тем, если говорить о системе, то каждый ее компонент, выполняя свою функцию в системе, неизбежно вступал во взаимодействие с другими. Но, работая в слаженном ансамбле, компоненты имели не только разные основания, но и разное иерархическое положение.

В середине XX века Б.М. Теплов в своей работе «Психология музыкальных способностей» [12], ставшей настольной книгой всех последующих исследователей в области музыкальной психологии, писал о музыкальности, как о явлении, состоящем из двух сторон, связанных с эмоциональной отзывчивостью и тонкостью дифференцированного восприятия музыки. При этом он подчеркивал их единство: «Эти две стороны музыкальности — условно назовем их эмоциональной и слуховой — не имеют смысла, взятые сами по себе, одна без другой» [12, с. 37]. Это принципиальная позиция Б. Теплова, согласно которой музыкальность представляет собой многосоставное явление, определяемое указанными двумя факторами, неразрывно связанными в единство. Не проводя подробного анализа этих двух сторон, заметим, что в начале своей монографии Б. Теплов указал на важнейшую роль эмоциональности в оценке музыкальности. Однако постепенно всё бóльшее внимание стал уделять слуховой стороне и музыкальным способностям.

Данная тенденция привела к дискуссионной оценке свойств музыкальности в теории музыкальной психологии, что негативно отразилось не только на практике обучения пианистов, но и на ее теории. Если сравнить, даже в самом общем плане, обе стороны музыкальности, то можно обнаружить их разные основания и функциональное предназначение для музыкальной деятельности. Вне эмоций не будет самого главного — содержания музыки, даже если будет развит музыкальный слух. Об этом убедительно говорил сам Теплов в своей работе, ссылаясь на Ф. Стендаля, который описал некого экспедитора, обладающего исключительно тонким музыкальным слухом, при полной эмоциональной невосприимчивости содержания музыки. В такой ситуации его способность «указывать на малейшую ошибку, в игре оркестра» сочеталась с полной невосприимчивостью ее эмоционального содержания, что не позволяло назвать его музыкальным. И наоборот, страстный любитель музыки, отличающийся глубоким эмоциональным отношением к ней, но не обладающий развитым музыкальном слухом, демонстрировал завидную музыкальную впечатлительность. Отсюда возникает логичный вывод: центром музыкальности является не ладовое чувство или способность внутреннего представления звуков, как об этом писал Б. Теплов [12, с.304], а эмоционально-чувственная сфера, эмоции человека. В пользу такого заключения говорит то, что если мы сравним эмоции как психический феномен в жизни человека с музыкальным слухом, то обнаружится, что в музыкальной деятельности они, конечно, связаны друг с другом. Но при этом у них принципиально разные основания. Правда, Теплов в своей работе точно не указывал, что ладовое чувство, способность к музыкальному представлению и музыкально-ритмическое чувство составляют именно *ядро музыкальности*. Он писал о них как о «трех основных музыкальных способностях». Но его последователи, учитывая общий тон монографии Б. Теплова, подкорректировали его слова, однозначно указав на то, что «ядро» составляют именно эти три способности [12, с.44]. Данное мнение «реформаторов» музыкальности широко распространилось в современной научной литературе и на просторах Интернета.

Эмоциональная сфера представляют собой древнейшее образование, которое помогало животным в филогенезе адаптироваться к окружающей среде. По своему функциональному предназначению, она, в какой-то степени, сродни некоторым функциям мышления человека, регулирующими его деятельность.

Эмоции, как уточняется в «Большом психологическом словаре», — это «психические процессы, связанные непосредственной оценкой значимости для индивида действующих на него факторов. Выражаются прежде всего в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей. Являются одним из главных регуляторов деятельности» [1, с.761]. То есть, эмоции — это комплекс древнейших психических механизмов, регулирующих жизнедеятельность животного мира. У человека он не только дополняется, но и, в значительной мере, замещается мышлением. Говоря об эмоциях с позиции музыканта, можно предположить, что эмоциональность — это свойство личности человека, отражающее способность чувственно-эмоционального восприятия музыкального материала, его оценку через переживание и способствующее передаче чувств и настроений в исполнительской деятельности.

Как и мышление, эмоции составляют систему разнообразных психических механизмов, обладающих в своей совокупности глубоко индивидуальными особенностями. Принципиально изменить их, добиться замены одного комплекса на другой — задача вряд ли разрешима, она, скорее всего, предопределена генетически и не подвластна системе обучения и воспитания. Это обосновано тем, что эмоции тесно связаны с такими психическими процессами, как инстинкты, мотивы и т.д. А они часто протекают подсознательно и слабо поддаются вербальному воздействию.

В отличие от эмоций, *музыкальный слух* — это специфическое функционирование сенсорики человека, регулируемое музыкально-художественным мышлением и являющееся его частью. Эмоции и слуховые афферентации могут вступать в различные взаимодействия. Но его характер изменчив и регулируется целями деятельности человека. При этом, эмоции носят не изолированный характер, они вписаны в структуру личности каждого человека и должны быть соответствующим образом «социализированы» [11]. Вряд ли мы оценим яркую эмоциональность зрителя, потрясенного предательством Яго и выбежавшего на сцену во время спектакля, чтобы его убить. А вот все то, что можно соотнести с социализацией личности и музыкально-художественным воспитанием в целом — это и есть функция «слуховой стороны».

Переводя сказанное в плоскость психологии, можно отметить: эмоции значительно более широкое явление, чем музыкальный слух. Они могут быть вызваны и музыкой, и театральным спектаклем, и кинофильмом, и захватывающим литературным произведением. И если многочисленные особенности музыкального слуха отражают определенные психические явления, то эмоциональность сродни мышлению человека, не случайно в работах психологов часто исследуется связь эмоций и мышления (Л.С. Выгодский, А.Н. Леонтьев, О.К. Тихомиров, И.А. Васильев и В.Л. Поплужный и т.д.), и даже используется термин «эмоциональное мышление» (Г. Майер.).

Суть эмоций отражена в многочисленных определениях. Однако единого мнения в этом вопросе нет. Один из авторитетных психологов П.В. Симонов в своей работе «Теория отражения и психология эмоций» [10, с.134] подчеркнул, что общего признания не получила ни одна из классификаций эмоций. О сложности психологического изучения эмоций можно ознакомиться в блестящей монографии Е.П. Ильина «Эмоции и чувства» [6]. А известный американский психолог К. Изард откровенно писал: «До 80-х годов нашего столетия психология фактически игнорировала эмоции» [5, с. 15]. Поэтому легко понять неразработанность проблемы эмоции в музыкальной психологии.

Тем не менее, приведем одно из определений: «Эмоции — особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [8, с. 683]. Для нас важно понимание, что множество психических процессов, связанных с эмоциями, происходят на подсознательном уровне. А его изучение составляет исключительно сложную исследовательскую задачу. Поэтому, не имея конкретных методов развития эмоциональной сферы исполнителей, интуиция педагогов-музыкантов обратилась к косвенному пути решения проблем, связанных с воспитанием эмоций,

что четко просматривается в эмпирической музыкальной педагогике.

Но это не отрицает необходимость осмысления вопросов, связанных с музыкально-художественным развитием пианистов, в теории музыкальной педагогики. Для этого нужно четко понимать различное функциональное предназначение эмоциональной и слуховой сторон в обучении пианиста. Эмоции — важнейший аспект в музыкальном творчестве, составляющий основу музыкальности. Слуховая сторона выполняет много функций. Среди них помощь в уточнении и совершенствовании эмоциональной сферы, в формировании художественного образа музыкального произведения, оценка и понимание звучащей музыки и своего исполнения и т.д.

Важнейшая роль музыкальных способностей в осуществлении музыкальной деятельности вполне оценена музыкальной педагогикой. Отсюда и усиленное внимание к их совершенствованию. А вот роль первой стороны музыкальности: «эмоциональной» (по Теплову), до сих пор остается малоизученной. Между тем, в развитии именно этой сферы педагогического воздействия заложены решения многих проблем музыкально-художественного развития пианистов, что, в свою очередь, может лечь в основу дальнейшего совершенствования самой музыкальной педагогики.

Понимание музыкальности как сложного многосоставного явления, симбиоза эмоциональных и музыкально-слуховых свойств человека, служит источником возникновения противоречий в музыкальном обучении. Причина в том, что термину «музыкальность» в музыкальной психологии придается расширительное толкование. Попытки увязать музыкальность со «слуховой стороной» на деле приводят к недооценке и даже ущемлению эмоционально-чувственной составляющей в музыкальной деятельности. В результате музыкальность в сознании музыкантов-педагогов и теоретиков воспринимается, более всего, как комплекс музыкальных способностей или задатков.

И это мнение в наше время получило самое широкое распространение. В частности, в музыкальной энциклопедии утверждается: «Музыкальность – комплекс природных задатков, обеспечивающих возможность воспитания в человеке музыкального вкуса, способности полноценного восприятия музыки, подготовки из него музыканта-профессионала» [7, с. 789]. Когда в самом начале XIX века в 1805 году К. Михаэлис, перечисляя способности, нужные для слушания и исполнения музыки, упоминал «музыкальный вкус, позволяющий оценивать музыку как приятную или неприятную» [15], то это вполне соответствовало пониманию некоторых музыкальных явлений на уровне бытовых представлений, сформировавшихся под воздействием музыкальной практики того времени. Но когда музыкальность увязывается с музыкальным вкусом в таком авторитетном издании, как «Музыкальная энциклопедия», то это не может не вызывать определенные вопросы.

Как известно, в структуру музыкального вкуса входят, по крайней мере, несколько компонентов: интеллектуальный, музыкально-слуховой, эмоциональный и оценочный. Формирование музыкального вкуса — сложнейший процесс, характеризующийся сплавом самых разнообразных детерминант, требующий применения комплексного подхода на протяжении многих лет воспитания музыканта. Эмоциональность, бесспорно, имеет отношение к формированию музыкального вкуса. Б. Теплов в свое время указывал: «Способность эмоциональной отзывчивости на музыку должна составлять поэтому как бы центр музыкальности» [12, с. 37]. Именно это, сущностное качество музыкальности осталось не отмеченным в «Музыкальной энциклопедии».

Характеристика любого явления опирается на его сущностные признаки. А в музыкальности таковой представляется эмоциональная сторона. Поэтому в оценке музыкальности должна быть отражена не ее комплексная природа, а качество, составляющее ее основу. И этим качеством является эмоциональная составляющая художественного дарования музыканта.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать несколько выводов:

1. Музыкальность — не комплекс равнозначных компонентов, а качественная характеристика, где системообразующим фактором являются эмоции и чувства человека.

2. Б. Теплов, характеризуя музыкальность, указал на две ее стороны: эмоциональную и слуховую, при этом придал эмоциональной составляющей главенствующее положение. Однако в последующих рассуждениях это иерархическое построение было нарушено.

3. Данное противоречие имело серьезные последствия для развития музыкальной психологии, в которой на ведущую роль в определении музыкальности была выдвинута «слуховая сторона».

4. Эмоции составляют основу музыкальности. Роль слуховой сферы заключается в формировании и совершенствовании музыкально-художественного мышления.

Литература

1. Большой психологический словарь. — 4-е изд. расширенное / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков и В.П. Зинченко. — М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. — 811 с.
2. Бочкарев *Л.Л.* Психология музыкальной деятельности. — М.: ИПРАН, 1997. — 350 с.
3. Гаджиева З.Ш. Музыкальность: сущностное качество природы человека или отчуждённый феномен? / Гаджиева З.Ш., Малухова Ф.В., Торопова А.В. // Музыкальное искусство и образование. — 2015. — №1. — С. 42-54.
4. Е Цзы. Инновационный подход в современном обучении пианистов (на материале применения цифровых фортепиано): дис. … канд. пед. н. — Белгород, 2026. — 197 с.
5. Изард К.Э. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 2009. — 464 с.
6. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. / 2 изд. — СПБ.: Питер, 2011. — 783 с.
7. Музыкальность // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. — Т. 3. / гл. ред. Ю.В. Келдыш. — М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1976. — 1104 с.
8. Педагогика. Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапацевич. — Минск: Современное слово, 2005. — 720 с.
9. Петрушин В.И. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика. — М.: Academia, 2003. — 366 с.
10. Симонов П.В. Теория отражения и психология эмоций. — М.: Наука, 1970. — 134 с.
11. Сраджев В. К вопросу о социализации личности как стратегической цели системы общего и профессионального образования. / Сраджев В., Бороздина О. // Вестник высшей школы «Alma mater». — 2023. — №10. — С. 8-16.
12. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. — М., *Л.*: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. — 335 с.
13. Торопова А.В. Музыкальная психология и психология музыкального образования. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: ЮРАЙТ, 2019. — 191 с.
14. Цагарелли Ю.А. Психология музыкально-исполнительской деятельности. — СПб.: Композитор, 2008. — 367 с.
15. Michaelis K.F. Über die Prüfung musikalischer Fähigkeiten // Berlinische Musikalische Zeitung. — 1805. — №1(56). — 222–230.

FUNCTION-BASED MODELLING AS A PEDAGOGICAL TECHNOLOGY FOR DEVELOPING DISCOURSE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES

Gubina Alexandra Igorevna, *Postgraduate student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg (Russia)*

The study aims to substantiate the need to bridge the gap between formal proficiency in Russian as a foreign language at level B2 (TORFL-2) and students' ability to produce coherent, logical, and contextually appropriate discourses in academic and professional settings. The timeliness of addressing this issue is due to the lack of integral, diagnostic, and reproducible technologies in the practice of teaching Russian as a foreign language (RFL) aimed at forming discourse competence based on the real communicative needs of advanced-level learners. The aim of the study is to present and justify functional modelling as an effective pedagogical technology for forming discursive competence in foreign students at level B2. To achieve this aim, the following tasks have been solved: the place of discourse competence within the structure of foreign language communicative competence has been clarified; the technology of functional modelling has been developed and theoretically substantiated; a five-stage algorithm for forming discourse competence has been introduced; a modular system of tasks based on the functional-stylistic principle has been designed. The methodological foundation of the study comprises the concept of communicative competence by M. Canale and M. Swain, the provisions of the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR), and the key principles of pedagogical technology by V.P. Bespalko. The research employs methods of theoretical analysis and pedagogical modelling of the RFL teaching process. The novelty of the study lies in the development of functional-based modelling technology that meets the criteria of systematicity, diagnosticity, and reproducibility; the principle of functionality ensures a progression from communicative intention to the selection of linguistic means. As a result, the content of discourse competence for level B2 has been specified, including analytical-interpretive, productive-genre, interactive-strategic, metalinguistic, and regulatory components; a structural-content model with a five-stage algorithm has been developed; a modular system of tasks based on styles of the Russian language has been created; and a diagnostic toolkit has been proposed.

Keywords: *Russian as a foreign language (RFL); discourse competence; functional modelling; pedagogical technology; level B2 (TORFL-2).*

EDN: QOZMIN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.46***

Цитировать: *Губина А.И. Функциональное моделирование как педагогическая технология формирования дискурсивной компетенции иностранных студентов на занятиях по русскому языку // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 334–340. EDN: QOZMIN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.46*

УДК 372.881.1
5.8.2

© Губина А.И., 2026

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Исследование обращено к обоснованию необходимости преодоления разрыва между формальным владением русским языком как иностранным на уровне В2 (ТРКИ-2) и способностью иностранных студентов продуцировать связные, логичные и ситуативно-адекватные дискурсы в академической и профессиональной среде. Своевременность обращения к проблеме обусловлена отсутствием в практике преподавания РКИ целостных, диагностичных и воспроизводимых технологий формирования дискурсивной компетенции, ориентированных на реальные коммуникативные потребности обучающихся продвинутого этапа. Цель исследования — представить и обосновать технологию функционального моделирования как эффективное средство формирования дискурсивной компетенции у иностранных студентов уровня В2. Для достижения цели решены следующие задачи: уточнено место дискурсивной компетенции в структуре иноязычной коммуникативной компетенции; разработана и теоретически обоснована технология функционального моделирования; представлен пятиэтапный алгоритм формирования дискурсивной компетенции; разработана модульная система заданий по функционально-стилистическому принципу. Методологическую

основу работы составили концепция коммуникативной компетенции М. Канале и М. Свейн, положения Общеевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR), а также основные положения педагогической технологии В.П. Беспалько. В исследовании использовались методы теоретического анализа и педагогического моделирования процесса обучения русскому языку как иностранному. Новизна исследования заключается в разработке технологии функционального моделирования, отвечающей критериям системности, диагностичности и воспроизводимости; принцип функциональности обеспечивает движение от коммуникативной интенции к отбору языковых средств. В результате уточнено содержание дискурсивной компетенции для уровня В2, включающее аналитико-интерпретационный, продуктивно-жанровый, интерактивно-стратегический, метаязыковой и регулятивный компоненты; разработана структурно-содержательная модель с пятиэтапным алгоритмом; создана модульная система заданий по стилям русского языка; предложен диагностический инструментарий.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный (РКИ); дискурсивная компетенция; функциональное моделирование; педагогическая технология; уровень В2 (ТРКИ-2).*

ГУБИНА Александра Игоревна, *аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург (Россия)*

SPIN-код: 4204-3851

ORCID ID: 0009-0008-1823-8937

Введение

Глобализация высшего образования и академической мобильности придает особую значимость подготовке специалиста, способного к эффективной профессиональной коммуникации на иностранном языке. В вопросах преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) это требование модифицируется в необходимость формирования у иностранных студентов дискурсивной компетенции (далее — ДК) — способности создавать и анализировать связные, логичные и ситуативно-адекватные высказывания в различных жанрах и функционально-стилистических ситуациях общения, востребованных в учебно-профессиональной сфере.

Однако, как показывает практика преподавания РКИ на уровне В2 (ТРКИ-2), на данный момент образовалось острое противоречие. С одной стороны, студенты этого уровня владеют основным грамматическим и лексическим материалом, они способны понимать и интерпретировать общее содержание аутентичных текстов и формулировать свои мысли на множество бытовых тем. С другой стороны, при создания более сложного и структурно-содержательного текста и дискурса они испытывают следующие трудности: могут нарушать логику изложения, неадекватно использовать средства когезии, не всегда способны распознать скрытие подтексты, смыслы, понять логику авторской мысли, затрудняются поддерживать дискуссии на более развернутые академические темы, при этом, не нарушая общую стилистическую стройность высказывания.

Проблема также кроется в отсутствии в практике обучения РКИ технологий, которые обеспечивали бы системное формирование ДК с опорой на реальные коммуникативные потребности иностранных студентов на уровне В2. Поскольку сложившиеся традиционные методики, ориентированные на поэтапное усвоение лексических и грамматических единиц в рамках определенной академической или профессиональной сферы, не дают гарантированного результата в развитии сложных дискурсивных умений. Кроме того, отсутствует преемственность — дискурсивная компетенция развивается локально, точечно — в зависимости от конкретных потребностей обучающихся.

Цель исследования — представить и обосновать технологию функционального моделирования как эффективное средство формирования дискурсивной компетенции у иностранных студентов уровня В2 на занятиях РКИ. Выполнение данной цели сопровождается выполнением ряда задач: 1) определить роль дискурсивной компетенции в составе иноязычной коммуникативной компетенции, а также обозначить ее содержание; 2) разра-

ботать и теоретически обосновать технологию функционального моделирования как педагогическую технологию формирования дискурсивной компетенции; 3) представить технологию и раскрыть взаимосвязь каждого этапа с формируемыми компонентами дискурсивной компетенции; 4) разработать модульную систему заданий, построенную по функционально-стилистическому принципу.

Роль дискурсивной компетенции в составе иноязычной коммуникативной компетенции

В первую очередь, стоит более обратиться к вопросу о положении дискурсивной компетенции, поскольку данная тема до сих пор недостаточно прочно определена в методике преподавания. Вслед за М. Канале и М. Свейн [7, с. 29], а также в соответствии с Общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком [1], дискурсивная компетенция понимается как интегративный компонент иноязычной коммуникативной компетенции, отвечающий за способность выстраивать предложения в связные, логичные и когерентные устные и письменные тексты, а также интерпретировать такие тексты в соответствии с коммуникативной ситуацией.

В современных исследованиях по формированию дискурсивной компетенции предлагаются различные подходы и инструменты. Так, в работе М.А. Одинокой обосновывается использование когнитивных аналогий с физическими объектами в качестве структурных опор для построения дискурса. Авторы предлагают четырёхэтапную модель развития ДК и подчёркивают важность этого этапа для перехода к автономному речепорождению [5, с. 455].

В статье М.Б. Носовой предложена блочная методическая система, включающую восемь блоков, которые включают в себя формирование фоновых знаний. В этой статье доказано, что процесс формирования ДК не линеен, а представляет собой сеть взаимосвязанных узлов, поскольку каждый блок формирует все компоненты ДК одновременно [4, 193]. Работа Ю.Г. Давыдовой, в свою очередь, предлагает методический инструментарий по формированию ДК, состоящий из двухуровневой системы упражнений (аналитико-ориентационный уровень — анализ текста, подстановка маркеров и творческий уровень — дебаты, ролевые игры, эссе), где также приведены конкретные формулировки заданий [2, с. 1141]. Е.Н. Елистратова обращается к грамматико-дискурсивной компетенции, где был обоснован продуктивный подход к обучению дискурсивной грамматике и выделено три уровня развития компетенции: репродуктивный, функционально-достаточный и продуктивный [3, с. 2]. Наконец, в исследовании В.П. Шероновой и А.А. Ефремова приводится развёрнутый перечень умений, входящих в ДК (ментальные, организационные, компенсаторные), и уточняются понятия когезии и когерентности, что вносит значимый вклад в методику обучения [6, с. 43].

Содержание компонентов дискурсивной компетенции

Применительно к уровню В2 содержание ДК выходит за рамки простой связности. В рамках данной статьи предлагается следующее содержание ДК, которое включает в себя четыре взаимосвязанных компонента:

1. Аналитико-интерпретационный компонент ДК . В данный компонент входит способность обучающегося анализировать представленный аутентичный текст-эталон. Развивая данный компонент, студент учится анализу структуры и связности текста, выявлению авторской позиции, критической оценке аргументации текста.

2. Продуктивно-жанровый компонент затрагивает ключевую способность обучающегося к созданию устных монологических высказываний (например, выступление с докладом, презентацией, убеждающей речью) и письменных текстов (например, написание реферативной статьи, аннотации критической рецензии, официального письма) в соответствии с композиционными и стилистическими нормами жанра. Подчеркивается важность использования широкого спектра средств логической связи.

3. Интерактивно-стратегический компонент включает в себя инициацию, поддержание и завершение коммуникации, способность

[1] Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume. – Council of Europe, 2020. – URL: http://coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/cefr-descriptors

аргументированно отстаивать свою точку зрения в дискуссии, поддерживать высказывания или использовать своевременные контраргументы, использовать дискурсивные маркеры для управления темой, адекватно реагировать в условиях спонтанной речевой ситуации.

4. Метаязыковой и регулятивный компонент. Самонаблюдение, самоанализ, рефлексия по поводу используемых языковых средств и стратегий, планирование речевого взаимодействия, свободное оперирование профессиональным терминологическим аппаратом являются неотъемлемой частью дискурсивной компетенции. Именно это позволяет студентам на уровне B2 и выше критически оценивать собственные речевые высказывания и оценивать свой прогресс по итогам учебной деятельности. В сумме эти компоненты становятся целевым ориентиром при проектировании технологии обучения, рассматриваемой далее.

В отечественной педагогической традиции технология обучения отличается от метода (как способа деятельности) и методики (как совокупности приёмов) тремя ключевыми характеристиками: системность и целостность — все элементы процесса (цели, содержание, методы, средства, диагностика) взаимосвязаны и подчинены единой цели; диагностичность — цели формулируются в терминах наблюдаемых и измеримых действий обучающихся; воспроизводимость — технология может быть применена разными преподавателями в сходных условиях с ожиданием сопоставимого результата [1, с. 45].

Основные этапы технологии функционального моделирования и их связь с компонентами дискурсивной компетенции

Эти фундаментальные основы позволяют определить функциональное моделирование как технологию, которая синтезирует три положения: педагогический дизайн, педагогическое моделирование и принцип функциональности. Центральным элементом технологии является пятиэтапный алгоритм, каждый этап которого соотнесён с определёнными компонентами ДК и завершается созданием диагностируемого продукта.

В таблице 1 детально иллюстрируется последовательность этапов технологии, каждый их которой связан с определенным компонентом дискурсивной компетенции, что обеспечивает комплексность ее формирования.

Таблица 1 — **Описание этапов технологии функционального моделирования и их связь с компонентами дискурсивной компетенции**

Этап	Описание	Диагностируемый результат	Компонент дискурсивной компетенции
1	Дискурсивный анализ и рецепция. Студенты работают с аутентичными текстами-образцами. По заданному алгоритму студенты выделяют коммуникативную интенцию автора, структуру, дискурсивные маркеры, имплицитные смыслы	Аналитическая карта дискурса и глоссарий клише.	•Аналитико-интерпретационный •Метаязыковой и регулятивный
2	Структурно-ситуативное моделирование. Преподаватель формулирует новую, но аналогичную коммуникативную задачу в смоделированной ситуации. Студенты создают план-сценарий будущего дискурса: определяют цель и интенцию, выбирают жанр и структуру, отбирают языковые средства из составленного глоссария.	План-сценарий с ключевыми тезисами и подобранными дискурсивными маркерами.	•Продуктивно-жанровый •Метаязыковой и регулятивный
3	Продуктивное взаимодействие. Студенты реализуют подготовленный план в условиях устной спонтанной коммуникации: участвуют в дебатах, дискуссиях, ролевых играх, круглых столах. Преподаватель выступает в роли модератора, фиксируя проявления ДК и помогает рефлексировать по итогам дискуссии.	Видеозапись и транскрипт дискуссии, краткая устная самооценка по итогам.	•Продуктивно-жанровый •Интерактивно-стратегический •Метаязыковой и регулятивный
4	Продуктивное творчество. Студенты самостоятельно создают законченный письменный продукт в заданном жанре (аннотация, сравнительное реферативное резюме, мотивационное письмо, заявка на грант, рецензия). После выполнения пишут	Письменный текст, а также метаязыковой комментарий, рефлексия и заполнения листа самооценки	•Продуктивно-жанровый •Интерактивно-стратегический •Метаязыковой и регулятивный

Продолжение табл. 1

Этап	Описание	Диагностируемый результат	Компонент дискурсивной компетенции
	краткий комментарий-рефлексию об использованных дискурсивных стратегиях.		
5	Интегративная диагностика и оценка. Проводится итоговое тестирование (метаязыковой тест; письменное задание; устная дискуссия), а также защита портфолио работ с этапов 1–4. Студент заполняет лист самооценки и письменно рефлексирует о прогрессе.	Итоговый балл и уровень сформированности ДК (низкий, средний, высокий). Оцениваются все четыре компонента комплексе.	•Аналитико-интерпретационный •Продуктивно-жанровый •Интерактивно-стратегический •Метаязыковой и регулятивный

Данный алгоритм циклически повторяется для каждого нового модуля, обеспечивая системность и управляемость процесса. Этот алгоритм наглядно демонстрирует, как каждый этап технологической модели соотносится с формируемыми группами умений. Сквозным элементом всех этапов выступает метаязыковая рефлексия, которая обеспечивает осознанность учебной деятельности.

Модульная система заданий, построенная по функционально-стилистическому принципу

Разработанная система включает модули, соответствующие ключевым функциональным стилям и сферам общения, актуальные для студентов уровня B2, которые касаются научный, публицистический, официально-деловой, художественный и разговорный стили.

Каждый модуль выстроен по единой методической матрице (табл. 2), где задания распределены по пяти этапам предложенной технологии. Здесь представлено основное наполнение двух модулей — научный и публицистический стили.

Стоит также более детально рассмотреть одно из упражнений в рамках Модуля 1, так как это позволит продемонстрировать, как реализуются компоненты ДК в рамках одного изолированного действия.

Выполнение задания, предполагающего написание сравнительного реферативного резюме на основе двух-трёх статей, одновременно задействует и формирует несколько взаимосвязанных компонентов дискурсивной компетенции.

Таблица 2 — **Методическая матрица формирования дискурсивной компетенции (фрагмент)**

Этапы	Модуль 1. Научный стиль	Модуль 2. Публицистический стиль
1. Дискурсивный анализ и рецепция	Анализ научной статьи: структура, клише, термины. Составление интеллект-карты.	Анализ записи дебатов: стратегии, аргументы, дискурсивные маркеры.
2. Структурно-ситуативное моделирование	Планирование тезисов выступления на конференции. Отбор языковых средств.	Планирование аргументов и реплик для дискуссии на заданную тему. Создание глоссария маркеров полемики.
3. Продуктивное взаимодействие (устный дискурс)	Устное представление научного тезиса с опорой на инфографику. Вопросы-ответы.	Участие в учебных дебатах «Нужна ли русскому языку реформа правописания?».
4. Продуктивное творчество (письменный дискурс)	Написание аннотации к научной статье (200–250 слов).	Написание аналитического эссе по итогам дискуссии.
5. Интегративная диагностика и рефлексия	Самоанализ выступления и письменной работы по критериям. Взаимооценка.	Анализ видеозаписи дебатов: эссе-рефлексия или SWOT-анализ «Мой вклад в дискуссию: успехи и зоны роста».

Во-первых, аналитико-интерпретационный компонент развивается за счёт необходимости выявить общие точки и противоречия в позициях разных авторов. Студент учится проводить сравнительный анализ нескольких источников, выделять ключевые тезисы, отличать главную информацию от второстепенной, а также распознавать скрытые смыслы, например, имплицитно выраженное согласие/несогласие. Эта работа требует также критической оценки аргументации: обучающийся должен понять, на каких основаниях каждый автор строит свою позицию, и затем синтезировать эти данные в связном изложении.

Во-вторых, продуктивно-жанровый компонент формируется через соблюдение жан-

ровых норм реферативного резюме: необходимо сохранить сжатость, объективность передачи содержания исходных текстов, логичность перехода от одной позиции к другой. Кроме того, задание требует обязательного использования не менее пяти различных дискурсивных маркеров, что способствует развитию навыков когезии и когерентности. Студент учится правильно выбирать маркеры противопоставления («однако», «в отличие от»), сопоставления («сходным образом», «как и»), добавления («кроме того», «более того») и вывода («таким образом», «следовательно»), адекватные именно данному типу дискурса.

ЗАДАНИЕ 7.
На основе 2–3 статей на тему "***Влияние интернета на русский язык***" напишите сравнительное реферативное резюме **(200–250 слов)**. Выделите общие точки и противоречия в позициях авторов. Используйте **не менее пяти** различных дискурсивных маркеров (союзы, вводные слова) для логической связи частей. После выполнения напишите краткий **комментарий (50–70 слов)**: ***"Какие стратегии и элементы я использовал(а) для сравнения позиций?***"

Рисунок 1 — **Пример задания из модуля 1 «Научный дискурс» (письменное продуктивное задание)**

Наконец, метаязыковой и регулятивный компонент развиваются благодаря рефлексивному комментарию, который студент пишет после выполнения резюме. Вопросы после задания побуждают обучающегося осознанно использовать собственные речевые действия. Он учится анализировать свой выбор маркеров, оценивать их уместность и эффективность, а также планировать более совершенные стратегии в будущем. Это способствует формированию навыков самонаблюдения, самоанализа и свободного оперирования профессиональной терминологией (например, студенты выделяют стратегию сравнения, «маркеры контраста: однако, напротив», и разные ранее изученные приемы когезии).

Таким образом, одно задание интегрирует развитие трёх ключевых групп умений, причём метаязыковая рефлексия выступает связующим звеном, позволяя студенту осознать, как именно аналитические операции и жанровые решения реализуются через конкретные языковые средства.

Для оценки эффективности разработанной технологии функционального моделирования был предложен комплексный диагностический инструментарий, включающий три типа заданий, каждый из которых нацелен на проверку определённых групп дискурсивных умений. Первый тип заданий представлен метаязыковым тестом. Данный тест направлен на диагностику знаний дискурсивных маркеров и средств когезии, понимание профессиональных терминов (когезия, когерентность, интенция, дискурсивный маркер и др.), а также на выявление способности обучающихся распознавать имплицитные смыслы, включая подтекст и авторскую позицию. Второй компонент диагностики — письменное продуктивное задание. Здесь студентам предлагается создать полноценный текст в рамках определённого функционального стиля. Ключевой особенностью этого задания является обязательная последующая рефлексия, в ходе которой обучающийся комментирует использованные дискурсивные стратегии и языковые средства.

Третий тип заданий — устное интерактивное задание, которое предполагает участие в групповой дискуссии или дебатах. После завершения устной части студент проводит самоанализ собственного речевого поведения, оценивая логичность, аргументированность и использование дискурсивных маркеров. Суммируя баллы по всем трём компонентам, поэтому можно получить суммарный результат, что позволяет объективно судить об уровне сформированности дискурсивной компетенции.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. В работе уточнено место дискурсивной компетенции в структуре иноязычной коммуникативной компетенции. Применительно к уровню B2 выделены и охарактеризованы четыре взаимосвязанных компонента ДК: аналитико-интерпретационный, продуктивно-жанровый, интерактивно-стратегический, метаязыковой и регулятивный, что позволяет диагностично формулировать цели обучения. Была разработана и обоснована технология функционального моделирования, отвечающая критериям системности, диагностичности и воспроизводимости.

Представлена структурно-содержательная модель технологии, ядром которой выступает пятиэтапный алгоритм: дискурсивный анализ и рецепция, структурно-ситуативное моделирование, продуктивное устное взаимодействие, продуктивное письменное творчество, интегративная диагностика и оценка. Также была обоснована связь каждого этапа с компонентами ДК, где сквозным элементом всех этапов является метаязыковая рефлексия. Наконец, разработана модульная система заданий по функционально-стилистическому принципу. Предложен диагностический инструментарий, позволяющий оценить уровень сформированности ДК.

Таким образом, все поставленные задачи решены, цель исследования достигнута. Перспективы дальнейших исследований связаны с адаптацией технологии для других уровней (B1, C1) и разработкой онлайн-курса на основе модульной системы.

Литература

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. — М.: Педагогика, 1989. — 192 с.
2. Давыдова Ю.Г. Формирование дискурсивной компетенции студентов языковых вузов на практических занятиях по иностранному языку / Ю.Г. Давыдова // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 7, №11. — С. 1139-1145. — DOI 10.30853/ped20220201
3. Елистратова Е.Н. Продуктивно-технологическая основа совершенствования грамматико-дискурсивной компетенции студентов бакалавриата направления подготовки "Лингвистика" / Е.Н. Елистратова, А.В. Рубцова // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. — 2018. — ART 2644.
4. Носова М.Б. Содержание дискурсивной компетенции и процесс её формирования при обучении русскому языку иностранных военнослужащих / М.Б. Носова // Филология и культура. — 2022. — №4(70). — С. 192-201. — DOI 10.26907/2782-4756-2022-70-4-192-201.
5. Одинокая М.А. Моделирование процесса развития иноязычной дискурсивной компетенции магистрантов в аспекте скевоморфизма / М.А. Одинокая, А.В. Рубцова, Ю.В. Еремин // Научно-методический электронный журнал "Концепт". — 2026. — №2. — С. 453-471.
6. Шеронова В.П. К вопросу о содержании понятия «дискурсивная компетенция» в обучении иностранному языку / В.П. Шеронова, А.А. Ефремов // Международный студенческий научный вестник. — 2023. — №6. — С. 43.
7. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. 1980. — Vol. 1. — P. 1–47.

POST-SOVIET EDUCATIONAL SPACE: TRANSFORMATION OF VALUE ORIENTATIONS AND CHALLENGES FOR TRAINING OF PEDAGOGICAL PERSONNEL *

Zalazaeva Oksana Viktorovna, *Postgraduate student*

Zhuravleva Larisa Stanislavovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Melitopol State University, Melitopol

This article presents the results of an empirical study devoted to the problems of transformation of value orientations and current challenges for training of modern pedagogical personnel in the post-Soviet space. The purpose of the study was to systematize the transformation of value orientations of pedagogical education in the post-Soviet space (1991-2026) and to identify key challenges for training of pedagogical personnel. The study was based on surveys, focus groups, and content analysis of teachers' views (using the Zaporizhzhia region as an example). The results of the study allowed us to identify four main stages of the transformation of value orientations, identify key contradictions, and systematize the challenges for the training of pedagogical personnel into five groups. Based on the research materials, has identified the directions of the axiological strategy for the development of pedagogical education in the post-Soviet space.

Keywords: *post-Soviet educational space; value orientations, axiology of pedagogy; pedagogical personnel; transformation of values; challenges in education.*

EDN: QPMWNZ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.47***

Цитировать: *Залазаева О.В., Журавлёва Л.С. Постсоветское образовательное пространство: трансформация ценностных ориентиров и вызовы для подготовки педагогических кадров // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 341–348. EDN: QPMWNZ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.47*

*ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ***

УДК 37.014
5.8.2

Данная статья представляет результаты эмпирического исследования, посвященного проблемам трансформации ценностных ориентиров и актуальных вызовов для подготовки современных педагогических кадров на постсоветском пространстве. Цель исследования заключалась в систематизации трансформации ценностных ориентиров педагогического образования на постсоветском пространстве (1991-2026 гг.) и выявлении ключевых вызовов для подготовки педагогических кадров. Методологической основой данного исследования стали опросы, фокус-группы и контент-анализ взглядов преподавателей и студентов (на примере Запорожской области). Результаты исследования позволили выделить четыре основных этапа трансформации ценностных ориентиров, выявить ключевые противоречия и систематизировать вызовы для подготовки педагогических кадров по пяти группам. На основе материалов исследования обозначены направления аксиологической стратегии развития педагогического образования на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: *постсоветское образовательное пространство; ценностные ориентиры; аксиология педагогики; педагогические кадры; трансформация ценностей, вызовы образования.*

© Залазаева О.В., Журавлёва Л.С., 2026

ЗАЛАЗАЕВА Оксана Викторовна, *аспирант*
SPIN-код: 2407-3551
ORCID ID: 0009-0009-4439-499X

ЖУРАВЛЁВА Лариса Станиславовна, *доктор педагогических наук, профессор*
SPIN-код: 7421-2047
ORCID ID: 0000-0002-4007-1140

Мелитопольский государственный университет, Мелитополь

* The publication materials were prepared as part of the state assignment on the topic "Axiological foundations of the strategy for the development of modern pedagogy in the post-Soviet educational space" (FRRS-2026-0008).

** Материалы публикации подготовлены в рамках выполнения государственного задания на тему «Аксиологические основы стратегии развития современной педагогики на постсоветском образовательном пространстве» (FRRS-2026-0008).

Введение

Одной из первостепенных проблем постсоветского образовательного пространства является радикальная трансформация ценностных ориентиров, которая затронула содержание и методы профессиональной подготовки педагогических кадров. Распад СССР привел общество к возникновению независимых государств, каждое из которых сформировало собственную образовательную сферу.

Будущие педагоги — это не просто специалисты, а основные проводники трансляции ценностных ориентиров для подрастающего поколения. Стоит отметить, что от того, какие ценностные ориентиры закладываются в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов, зависит направленность всего образовательного пространства. В связи с этим, цель исследования — теоретическое обоснование и систематизация трансформации ценностных ориентиров педагогического образования на постсоветском пространстве и выявлении ключевых вызовов для подготовки педагогических кадров.

Исследование полагается на теоретические методы (анализ, синтез, обобщение, систематизация), эмпирические методы (анкетирование, структурированная беседа, метод фокус-групп), а также методы количественного и качественного анализа данных, включая контент-анализ.

Эмпирическое исследование проводилось в период с февраля по апрель 2026 г. и включало три основных этапа:

1) анкетирование: для реализации данного этапа разработан диагностический инструментарий (авторская анкета), направленный на выявление ценностно-смысловых детерминант педагогического образования на постсоветском пространстве. Выборку составили 14 респондентов — преподавателей факультета общего образования, репрезентирующих разные уровни научной квалификации (наличие ученых степеней и званий);

2) фокус-группы: данный этап предполагал организацию двух тематических дискуссионных сессий с участием преподавателей (метод группового интервью) и написание рефлексивных эссе студентами как метод субъективной семантической репрезентации ценностей;

3) контент-анализ: на данном этапе организовано изучение субъективных педагогических позиций и аксиологических установок преподавателей посредством качественно-количественного анализа вербальных данных. В эмпирическом исследовании приняли участие 14 преподавателей высшей школы.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках проведения исследования проанализированы данные включенного педагогического наблюдения и интерпретированы диагностические материалы, направленные на выявление этапов трансформации ценностно-смысловой сферы педагогического образования на постсоветском пространстве. Фрагменты высказываний респондентов (с сохранением семантики и грамматики оригинальных ответов) представлены в таблице 1.

Таблица 1 — **Этапы трансформации ценностных ориентиров педагогического образования на постсоветском пространстве (оценка преподавателей по результатам анкетирования фокус-групп)**

Период	Название этапа	Ценностные признаки	Характер вызовов
1991-1999	деидеологизация	приоритет свободного выбора, отказ от коммунистического варианта воспитания подрастающего поколения	падение престижа профессии педагога, утрата системы ценностей и принципов воспитания
2000-2009	национально-ориентированный поиск	культурное возрождение, ценности патриотизма в локальном измерении	конфликт региональных ценностей, неравномерность трансформаций
2010-2019	возвращение системного воспитания	социализация, духовно-нравственное воспитание, гражданственность	формальный подход к ценностным аспектам воспитания
2025-2026	ценностный плюрализм с элементами традиционализма	конкуренция между инновационными и традиционными ценностями	риск смешивания ценностных ориентиров педагогического образования

В ходе анализа студенческих эссе, было выявлено феномен «ценностная фрагментация». Данный феномен проявляется в сознании будущего педагога ценностных ориентиров, которые в классической педагогической аксиологии принято считать альтернативными. С точки зрения представителей педагогической аксиологии, ценностная фрагментация представляет собой не только дефицит ценностной зрелости современного общества, а именно интегративного качества, которое обеспечивает внутреннюю согласованность ценностных ориентиров подрастающего поколения. Фрагменты ответов представлены в таблице 2.

Таблица 2 — **Примеры противоположных ценностных ориентиров (по результатам анализа студенческих эссе)**

Ценностный ориентир А	Ценностный ориентир Б	% сосуществования
личный успех, карьерный рост	самоотдача, работа «по призванию»	78%
взаимопомощь в коллективе, общее дело	автономия, независимость	63%
авторитет, опора на традиции	отказ от шаблонов, инновации	82%
воспитание как формирование	воспитание как сопровождение	55%

При проведении исследования анализировали готовность преподавателей к аксиологическому сопровождению подготовки педагогических кадров в стенах высшей школы. Фрагменты ответов представлены в таблице 3.

Таблица 3 — **Анализ готовности преподавателей к аксиологическому сопровождению подготовки педагогических кадров в стенах высшей школы**

Утверждение	Согласны	Не согласны	Затрудняюсь ответить
«Ценностная подготовка педагогических кадров важнее, чем предметная»	85%	8%	7%
«Я целенаправленно включаю аксиологический компонент в учебный процесс»	60%	15%	25%
«Чувствую себя компетентным в вопросах педагогической аксиологии»	50%	23%	27%

По результатам исследования наблюдается дефицит системной реализации, выраженность вызовов о оценках преподавателей позволил дополнить картину и на основе контент-анализа высказываний в фокус-группах и открытых вопросов анкеты, нами была проведена эмпирическая верификация пяти групп вызовов, а именно:

1. Ценностная неопределённость стандартов (87%).
2. Кризис профессиональной идентичности (78%).
3. Конфликт ценностей между поколениями (70%).
4. Политизация воспитания подрастающего поколения (59%).
5. Отсутствие единого аксиологического понимания на постсоветском пространстве (65%).

Расхождение между «традиционными» и «современными» ценностными ориентирами подтверждает феномен ценностной фрагментации уже на этапе профессионального становления будущих педагогов.

В настоящее время объективно актуализируется потребность в консолидации общего постсоветского образовательного пространства, что обусловлено необходимостью выработки единых аксиологических ориентиров и преодоления дезинтеграционных тенденций. Распад СССР в 1991 году выявил комплекс объективных противоречий между бывшими советскими республиками в образовательном ландшафте, проявляющихся на уровне институциональных, содержательных и ценностно-смысловых расхождений. В качестве одного из ключевых факторов интеграции стран СНГ выступает образовательная сфера, поскольку транслируемые в ней социокультурные смыслы и педагогические идеалы формируют основу для межгосударственного диалога. Изменения, затрагивающие систему образования, создают методологические предпосылки для идентификации детерминант, необходимых для разработки и имплементации образовательных реформ в рамках национальных образовательных систем. Подобные трансформации могут быть реализованы государствами на основе комплекса взаимосвязанных элементов: образовательных институтов, нормативно-правовых

актов, дидактических принципов, научно-методических подходов — с целью укрепления образовательного потенциала постсоветского пространства [1].

Распад СССР повлек за собой глубинную системную трансформацию постсоветского образовательного пространства. При этом методологически значимым представляется тезис о том, что роль педагогики и философии образования в становлении ценностно-смысловых детерминант профессиональной подготовки педагогических кадров трудно переоценить. Именно эти дисциплины, выступая в качестве инструментов научного познания и рефлексии, служат мировоззренческой и методологической основой для выявления аксиологических ориентиров педагогов, на которых базируется современное образовательное пространство [14].

В рамках аксиологического подхода к профессиональной подготовке педагогов одним из ключевых механизмов выступает иерархическая система ценностных установок, регулирующая профессиональное сознание и педагогическую деятельность. Подобная методологическая оптика создает условия для широкой реализации субъект-субъектных отношений в образовательной среде. При этом преподаватель перестает быть простым ретранслятором предметного знания и выполняет функцию фасилитатора и тьютора, направляя обучающихся на путь самостоятельной учебно-познавательной деятельности с обязательным включением механизмов ценностной рефлексии и осмысления окружающей социокультурной среды [2].

Развитие аксиосферы личности будущего педагога способствует становлению педагогической аксиологии как самостоятельного методологического конструкта в осмыслении педагогических явлений и процессов. Аксиологический подход выступает неотъемлемым компонентом современной педагогической науки, в рамках которой воспитанник рассматривается как высшая ценность социума и подлинный субъект образования. Педагогическая аксиология может быть интерпретирована как методологическая база функционирования образовательного пространства и развития современной педагогики. Значительный вклад в развитие данного направления внесли труды В.А. Сластенина, И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянова и др., разработавших концепцию ценностных ориентаций как системообразующего фактора педагогической деятельности [13].

Ключевым конструктом в аксиологии выступает понятие «ценностные ориентиры» (аксиологические детерминанты), характеризующее социокультурную значимость явлений действительности в контексте постсоветского образовательного пространства. Педагогическая аксиология качественно преобразует характер интеракции между педагогом и обучающимся: в эпицентре внимания оказывается целостный комплекс экзистенциальных и профессионально значимых ценностей, формирование у субъекта образования потребности в их интериоризации и последующей реализации. Образовательная организация, действуя как институт социализации, начинает целенаправленно обучать воспитанника адаптивным стратегиям уверенной ориентации в окружающей среде, различению качественной многомерности и аксиологической неоднородности действительности.

Педагогическая действительность, рассматриваемая как подсистема социальной сферы, аккумулирует в себе всю совокупность педагогических явлений, объединенных их принадлежностью к целенаправленному процессу профессиональной подготовки педагогических кадров. При этом аксиологическая зрелость самого педагога выступает значимым предиктором эффективности его взаимодействия с учащимися в процессе освоения последними социально одобряемых ценностей. Личность наставника становится для учеников референтным образцом для подражания, ценностно ориентированным эталоном, побуждающим к целенаправленной работе над собой. Управление образовательными возможностями и развитие субъектной позиции обучающихся остаются в компетенции педагога, обладающего сформированной аксиологической компетентностью. Формирование ценностных ориентаций должно стать в современном педагогическом процессе систематическим, интенциональным и целенаправленным компонентом.

Педагогические ценностные ориентиры, выполняя функцию личностных смыслов, служат не только средством удовлетворе-

ния профессиональных и экзистенциальных потребностей педагога, но и выступают в качестве регулятивов его социальной и профессиональной активности, ориентированной на достижение гуманистических целей развития постсоветского образовательного пространства.

В условиях цифровой трансформации общества и образования актуальным становится рассмотрение процессов дигитализации педагогического научного знания. В данном контексте мы разделяем научные взгляды О.А. Чиковой, которая утверждает, что цифровая трансформация педагогического образования представляет собой комплекс взаимосвязанных изменений в системе педагогического образования, затрагивающих все его компоненты (целевой, содержательный, процессуальный, результативно-оценочный) и основывающихся на принципах взаимной адаптации цифровых технологий и педагогических инструментов [15].

В современном социокультурном и образовательном контексте не только актуализируются результаты научных изысканий предшествующих лет, но и оформляются новые концептуальные подходы (аксиологический, антропологический, субъектно-деятельностный), детерминированные социально-политическими трансформациями на постсоветском образовательном пространстве. Ценностные ориентиры высшего педагогического образования, процесс формирования аксиосферы и ценностно-смысловой сферы личности обучающихся рассматриваются с позиций интеграции психолого-педагогического, культурно-философского и социально-педагогического подходов, что позволяет преодолеть узкодисциплинарный взгляд на профессиональное становление будущего педагога [12].

В данном ключе особую значимость приобретают исследования Н.В. Асафьевой, И.Г. Боронилова, согласно которым ценностные ориентиры выступают в качестве системообразующего компонента психологической структуры личности, концентрирующего вокруг себя когнитивные (знания, убеждения), аффективные (эмоционально-оценочные отношения) и поведенческие (реализация в деятельности) процессы. Ценностно-смысловое ядро определяет вектор разрешения профессионально-жизненных задач, направленность личности на самореализацию и профессиональную идентичность. В свою очередь, Н.В. Геращенко уточняет, что ценностные ориентиры педагогических кадров — это сложный социально-психологический феномен, включающий как направленность личности (мотивационно-ценностные ориентации), так и содержательную сторону профессиональной активности. Этот феномен детерминирует общее отношение человека к социуму, к себе как субъекту деятельности и придаёт личностный смысл его поступкам и поведению в профессиональной среде, выступая в роли внутреннего регулятора и механизма рефлексивной саморегуляции [3; 5].

Анализируя практический опыт подготовки педагогических кадров в условиях трансформации ценностных ориентиров на постсоветском образовательном пространстве, можно констатировать наличие разных форматов поддержки будущих педагогов. В ряде городов России функционируют специализированные организации (ассоциации молодых педагогов, психолого-педагогические кластеры, центры профессионального роста), где система наставничества (включая феномен «педагогического коучинга») содействует укреплению профессиональной мотивации, развитию стрессоустойчивости и резилентности молодых специалистов, помогает решать проблемные педагогические ситуации и вопросы, развивать универсальные и специфические профессиональные компетенции (в логике компетентностного подхода), что подчёркивает Е.Ю. Бухтиарова [4].

С позиций профессиологии и акмеологии, ценностная культура и ценностные ориентиры педагога в профессиональном плане определяют стиль педагогического мышления, характер принятия решений, стратегии взаимодействия с участниками образовательного процесса, что неразрывно связано с духовно-нравственным состоянием общества и прогрессирующими тенденциями его развития. На индивидуально-личностном уровне ценностная культура и процесс профессионального становления предстают как интегративное, сложно структурированное психолого-педагогическое пространство, для которого характерны: высокий уровень развития когнитивной сферы (профессиональное

самосознание, педагогическая рефлексия), согласованность и стабильность ценностных иерархий (отсутствие внутренних ценностных конфликтов), что свидетельствует о психологическом единстве и целостности личности, её субъектной позиции в профессии. Как отмечают Е.В. Лебедева и Д.П. Заводчиков, преодоление деструктивных тенденций на ранних стадиях профессионализации требует планомерного формирования реалистичной профессиональной Я-концепции и акмеологически окрашенного образа будущей профессии педагога, что предполагает внедрение специальных психолого-педагогических условий: ценностно-рефлексивных тренингов, практико-ориентированных модулей, супервизии и психолого-педагогического сопровождения на всех этапах профессиональной подготовки [10].

Аксиологический подход, применительно к профессиональному развитию педагогов, однозначно дает возможность сфокусироваться на внутренней ценностно-смысловой детерминации этого процесса, разворачивающегося в личных качествах и профессиональных компетенций педагога, самообразовании, самопознании. Ценностные ориентиры будущих педагогов, могут обладать разной степенью стабильности и целостности, что зависит от целенаправленности и системности воздействия профессионального обучения на учащихся педагогического вуза [7; 11].

В условиях модернизации системы дополнительного профессионального образования (ДПО) педагогических кадров возникает объективная потребность в проектировании ценностного компонента содержания программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Данный компонент должен включать: педагогическую аксиологию как теоретико-методологическую базу, ценностный потенциал учебных предметов (внутридисциплинарные и метапредметные ценностные контексты), а также интегрированный модуль гуманитарных дисциплин, раскрывающий ценности российской культуры (историко-культурные, нравственно-этические, гражданско-патриотические) и методику их трансляции обучающимся через систему аксиологически насыщенных образовательных ситуаций и диалоговых форм взаимодействия. На современном этапе ключевым остаётся вопрос качества профессиональной подготовки педагогических кадров, который не может быть сведён лишь к совокупности знаний, умений и навыков. Главными показателями такой подготовки выступают ценностные ориентиры и личностные характеристики, в частности: готовность и способность к саморазвитию и самосовершенствованию (реализация потенциала личностно-профессионального роста), устойчивая мотивация на работу с учащимися (включая личностно-ориентированное взаимодействие и эмпатийное принятие), способность учителя к применению полученных знаний в реальной образовательной деятельности (трансфер знаний в практику на основе деятельностно-смыслового подхода), а также владение диагностическим инструментарием оценки уровня сформированности ценностной сферы ребёнка и умение проектировать индивидуальные траектории аксиологического развития [8; 9].

Исследование ценностных ориентиров педагогических кадров на постсоветском образовательном пространстве, рассматриваемых как наиболее прогрессивная часть молодого населения, постоянно находится в фокусе внимания педагогов и психологов, что обусловлено рядом факторов. Студенческая молодёжь, особенно будущие педагоги, оказывается в эпицентре современных социально-экономических и культурных вызовов, фиксируя ключевые события и изменения в социуме через призму субъективного переживания и ценностно-опосредованного восприятия. Студенчество выступает одним из главных субъектов социальных изменений (наряду с объектом воспитательных воздействий), являясь своеобразным рефлексивным индикатором общественных процессов и определяя вероятностную траекторию развития общества сквозь трансформацию ценностных ориентиров и смысложизненных стратегий. Изучение базовых ценностных ориентиров молодёжного сознания в контексте студенческих субкультур, формирующихся в том числе на фоне социальных проблем и вызовов (например, ценностная неопределённость, снижение доверия к институтам, рост информационного давления), позволяет получить комплексную информацию о состоянии социума, выявить его наиболее острые проблемы и зоны риска,

а также спрогнозировать направления аксиологической социализации подрастающих поколений. В рамках исследуемой темы особую значимость приобретает утверждение Л.Н. Каримовой и З.С. Дустовой о том, что признание субъектности студенческой молодёжи детерминирует необходимость её активного включения в решение приоритетных образовательных задач общества и, что особенно важно, в процесс трансляции базовых смыслов, ценностных ориентиров и культурных кодов последующим поколениям (механизм межпоколенной аксиологической преемственности). Это предполагает не только информирование, но и вовлечение студентов в проектирование ценностно-ориентированных образовательных практик, волонтёрство, наставничество и другие формы социально-педагогической активности, способствующие интериоризации (присвоению) ценностей и их последующей экстериоризации в профессиональной деятельности [4].

Заключение

Проведенное нами исследование подтвердило актуальность изучения проблемы трансформация ценностных ориентиров и вызовов для подготовки педагогических кадров на постсоветском образовательном пространстве. Ценностные ориентиры представляют собой динамическую систему, которая реагирует на социально-политические изменения и вызовы общества. Таким образом, на основании проведённого теоретического анализа и получении эмпирических данных, укажем, что каждый этап трансформации ценностных ориентиров сопровождался специфическими вызовами для подготовки педагогических кадров.

Эмпирически зафиксирован феномен «ценностной фрагментации» — сосуществования несовместимых ценностных систем в сознании будущих педагогов, что влечет за собой риски снижения воспитательной эффективности. Модернизация педагогического образования на постсоветском пространстве практически невозможна без целенаправленной аксиологической стратегии, учитывая специфику и общие вызовы современного общества.

Педагогическая аксиология выступает основой для преодоления вызовов и модернизации педагогических кадров на постсоветском образовательном пространстве. Полученные данные подтверждают необходимость быть направлены на сравнительный анализ ценностных ориентиров будущих педагогов в разных постсоветских странах, а также на разработку диагностического инструментария для оценки зрелости ценностных ориентиров студентов педагогических направлений подготовки.

Литература

1. Абрамов В.И., Семенов М.А., Маланичева Н.В., Стрельникова И.А. Системы образования в России и странах содружества независимых государств (СНГ): на пути к общему образовательному пространству // Человек и образование. — 2022. — №3(72). — С. 7-20.
2. Алиева С.А, Аталаева Н.П.Г., Башхаджиев Т.Д. Реализация аксиологического подхода в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — №85-4. — С. 32-36.
3. Асафьева Н.В., Боронилова И.Г. Ценностно-смысловые ориентации и проблема осмысленности профессионального выбора современных студентов психолого-педагогических направлений // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2020. — №6. -С. 65-69.
4. Бухтиарова Е.Ю. Клуб молодых педагогов: поддержка учителя в освоении профессии // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2020. — №6(72). — С. 67–70.
5. Геращенко Н.В., Барыкина, М.А., Мельникова М.Ф. Ценностно-смысловые ориентации как составляющая профессионального благополучия будущих специалистов в области физической культуры и спорта // Актуальные вопросы физического и адаптивного физического воспитания в системе образования: сб. ст., Волгоград, 26-27 апреля 2022 года. — Волгоград: Волгоградская государственная академия физической культуры, 2022. — Т. 4. — С. 65-71.
6. Каримова Л.Н., Дустова З.С. Исследование ценностно-смысловых ориентаций студенческой молодежи в поликультурной среде // Педагогический журнал Башкортостана. — 2023. — №2(100). — С. 12-24.
7. Конобеев А.В., Трешина И.В. Опыт проектирования аксиологического содержания подготовки будущего учителя иностранного языка // Наука и школа. — 2024. — №2. — С. 273-282. DOI:10.31862/1819-463X-2024-2-273-282
8. Костенко М.А. Аксиологическая компетентность и профессиональный опыт педагога: перспективы дополнительного образования // Педагогический ИМИДЖ. — 2025. — Т. 19, №3. — С. 395-412.
9. Кудряшова Н. М., Богомолова Е. В. Подготовка будущих учителей начальной школы к культур-

но-просветительской деятельности: комплексное использование культурологического и аксиологического подходов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — №4. — С. 52-70.
10. Лебедева Е.В., Заводчиков Д.П. Профессиональная идентичность и трансперспектива профессионального развития будущих педагогов // Научный диалог. — 2018. — №12. — С. 452–464.
11. Потапчук С. В., Рокицкая Ю. А., Чепышко О. В. Аксиологические дефициты профессионального развития педагогов в образовательном пространстве специального (коррекционного) образовательного учреждения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — №2. — С. 135-150.
12. Семенова Н. А., Никитин А. А. Ценностно-смысловые ориентиры будущих педагогов: анализ понятий и обзор исследований на современном этапе // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. — 2024. — Вып. 6(58). — С. 154-169.
13. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 11-е изд. — М.: Академия, 2012. — 608 с.
14. Тореева Т.А. Аксиологический компонент подготовки педагогов-исследователей в классическом университете: педагогические и философские аспекты // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. — 2025. — Т. 23, №1. — С. 28–53.
15. Чикова О.А. Цифровая трансформация содержания педагогического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2020. — Т. 2, №3(73). — С. 22-39.

PEDAGOGICAL TECHNOLOGY FOR DESIGNING A DEVELOPING SYSTEM OF IN-HOUSE TRAINING FOR TEACHERS IN A GENERAL EDUCATION ORGANIZATION

Ilyasova Olga Anatolyevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Chelyabinsk Institute of Educational Development, Chelyabinsk (Russia)*

The article addresses the problem of improving the content and methods of informal professional development of specialists in the general education system. The results of the study are presented, the purpose of which is to substantiate and characterize the pedagogical technology of designing a developing system of intra-corporate education for teachers of a general education organization. The work is supported by a systematic methodology, the principle of regulated evolution, the idea of a self-learning organization, and a technological approach to creating educational systems. This expands the theoretical understanding of the design of informal learning processes for teachers. The scientific novelty of the obtained results is the characteristic of the bases, signs, stages and content of the technology of designing the developing system of intra-corporate education. During its design, the emphasis is placed on ensuring the developing potential of the system being created, its compliance with the characteristics of in-house training. The practical significance of the solution obtained lies in the possibility of using the proposed technology in the activities of specialists of educational institutions interested in improving the processes of continuous professional development of teachers of the general education system.

Keywords: *general education organization; additional professional education; informal professional development; in-house training; teaching staff; pedagogical technology; pedagogical design.*

EDN: QSEGGV **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.48**

Цитировать: *Ильясова О.А. Педагогическая технология проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 349–356. EDN: QSEGGV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.48*

УДК 371.13
5.8.7

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЫ ВНУТРИКОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© Ильясова О.А., 2026

Исследование обращается к проблеме совершенствования содержания и способов неформального повышения квалификации специалистов системы общего образования. Представлены результаты исследования, целью которого является обоснование и характеристика педагогической технологии проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации. Работа поддерживается системной методологией, принципом регулируемого эволюционирования, идеей самообучающейся организации, технологическим подходом к созданию образовательных систем. Это расширяет теоретические представления о проектировании процессов неформального обучения педагогов. Научную новизну полученных результатов составляет характеристика оснований, признаков, этапов и содержания технологии проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения. При ее проектировании сделан акцент на обеспечении развивающего потенциала создаваемой системы, ее соответствии признакам внутрикорпоративного обучения. Практическая значимость полученного решения состоит в возможности применения предложенной технологии в деятельности специалистов общеобразовательных организаций, проявляющих интерес к совершенствованию процессов непрерывного профессионального развития педагогов системы общего образования.

Ключевые слова: *общеобразовательная организация; дополнительное профессиональное образование; неформальное повышение квалификации; внутрикорпоративное обучение; педагогические работники; педагогическая технология; педагогическое проектирование.*

ИЛЬЯСОВА Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский институт развития образования, Челябинск (Россия)*

Введение

В настоящее время в отечественной системе образования реализуются инициативы, нацеленные на поддержку индивидуальности, воспитания патриотичной и социально ответственной личности. Это обусловливает процесс совершенствования содержания, форм и методов образования. Одним из существенных факторов, обеспечивающих динамичность развития системы образования, является способность общеобразовательных организаций и педагогов к внедрению актуального содержания образования и разработке способов его эффективной реализации.

Предметом совершенствования выступают не только ключевые компоненты образовательного процесса, но и его методическое, кадровое, информационное обеспечение. Другими словами, образовательной организации важно осуществлять комплексный процесс изменений, согласованный с приоритетами и тенденциями развития образовательной системы Российской Федерации. Практика показывает, что успешность школ, демонстрирующих достижения в качественной подготовке обучающихся, основывается на внедрении в практику профессиональной деятельности современных, перспективных, научно-обоснованных педагогических технологий. Одним из ключевых направлений, обеспечивающих качество современного образования, является проектирование процесса непрерывного профессионального развития педагогов, расширение способов научно-методической поддержки молодых специалистов, организация деятельности по обобщению и освоению опыта успешных педагогов.

В настоящее время происходит существенное переосмысление подходов к осуществлению процесса научно-методического сопровождения специалистов системы образования. Образовательная организация становится значимым субъектом дополнительного профессионального образования, органично дополняя формальное повышение квалификации различными способами неформального обучения. Обращается внимание на преодоление профессиональных затруднений педагогов и наращивание новых знаний в области педагогики и психологии. Это позволяет специалистам школ разрабатывать меры по реализации инициатив федеральных проектов в сфере образования исходя из специфики и условий деятельности общеобразовательной организации.

К современным и эффективным организационно-педагогическим решениям в области развития кадрового потенциала общеобразовательной организации можно отнести создание системы внутрикорпоративного обучения. Такая система объединяет сложившиеся в школе способы повышения квалификации педагогов на основании четких целей, единого содержания, интеграции стратегий командного и индивидуального обучения. В наших публикациях уже рассматривались методологические основания, содержательные характеристики, принципы проектирования такой системы в общеобразовательной организации. Особый акцент был сделан на развивающемся характере такой системы, за счет которого поддерживается непрерывность профессионального развития педагогов: обогащение знаний и умений, готовность к изменениям, накопление опыта решения сложных профессиональных задач. Внедрение системы внутрикорпоративного обучения педагогических работников дает сильный импульс к комплексному развитию общеобразовательной организации. Устанавливающиеся в процессе реализации подобной системы практики обмена знаниями позволяют охарактеризовать школу как самообучающуюся организацию.

В научной литературе охарактеризованы ключевые черты самообучающейся организации и общие подходы к созданию среды профессионального развития специалистов [5]. Но процесс создания и функционирования системы внутрикорпоративного обучения в общеобразовательной организации не был представлен на технологическом уровне. Данные проведенных опросов руководителей общеобразовательных организаций свидетельствуют о том, что они склонны использовать существующие традиционные способы обучения педагогов, но при этом затрудняются в обеспечении его развивающего характера. Это обусловлено в том числе и тем, что руководители недостаточно хорошо информированы о преимуществах системы внутрикорпоративного обучения, не владеют технологией ее проектирования. Разработка соответствующей технологии позволит

специалистам общеобразовательных организаций, имеющим полномочия в части организации повышения квалификации педагогов, применять алгоритмы проектирования системы внутрикорпоративного обучения и обеспечивать тем самым ее целенаправленное развитие.

В связи с этим цель представленной статьи определяется как обоснование и характеристика педагогической технологии проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации. Для достижения поставленной цели были определены задачи: выявить методологические основания разработки указанной технологии, раскрыть содержание и этапы ее внедрения. Достижение данных задач опирается на системную методологию, принцип регулируемого эволюционирования, технологический подход к созданию образовательных систем, а также обеспечивается применением методов анализа научной литературы и педагогического проектирования.

Материалы и методы

Разработка технологии проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации опирается на методологию системного подхода. Ключевая опорная позиция состоит в том, что образовательные процессы и явления интерпретируются как педагогические системы. В педагогике представлены убедительные подходы к структуризации таких систем и изучению способов их совершенствования [8].

Педагогическая система выступает предметом проектирования, поддерживая совершенствование существующих и создание инновационных процессов, в том числе в сфере повышения квалификации педагогов [3; 10]. В проводимом нами исследовании данная методология была применена к проектированию внутрикорпоративного обучения, которое рассматривается как системный объект. Процесс непрерывного развития педагогов в общеобразовательной организации обеспечивается целостностью и единством целевых ориентиров, содержания, способов осуществления и оценки неформального обучения. Данное положение имеет существенное значение для разработки технологии проектирования такой системы, которая представляет собой поэтапное создание компонентов системы и поддержание их развивающего характера.

Основываясь на положении системного подхода о том, что развитие является существенным признаком системного объекта, Г.Н. Сериков и Д.Ф. Ильясов обосновали принцип регулируемого эволюционирования. Его сущность состоит в том, что педагогически целесообразное, постепенное совершенствование объектов педагогической действительности позволяет наделять их новыми свойствами и поддерживать развитие [4]. Можно уверенно утверждать, что система внутриорганизационного обучения проходит стадии становления, функционирования и перспективного развития. Прохождение данных стадий осуществляется с учетом разработанных принципов проектирования, а также в процессе введения соответствующих педагогических условий. Проектируемая технология будет определять алгоритм введения данных элементов в среду внутрикорпоративного обучения. Это обеспечит пошаговое развитие проектируемой системы в соответствии с поставленными задачами.

Предложенная нами идея опирается на теоретические представления о технологичности педагогических процессов, сложившиеся в отечественной научной мысли. Как отмечается в публикации В.П. Овечкина, А.Е. Причинина и Н.Ю. Ерофеевой, создание педагогической технологии предполагает опору на научные знания, учет диагностических данных, алгоритмизацию педагогического процесса с установленными на каждом этапе целями. Это обеспечивает успешность педагогических процессов [7]. В публикации И.Г. Долининой отмечается, что технология играет существенную роль в обеспечении реализуемости идей педагогических исследований. Фактически, она является способом трансляции теоретических построений в педагогическую практику [1].

Стоит отметить, что в научной периодике встречаются исследования, характеризующие технологии организации отдельных процессов внутрикорпоративного обучения. Так, в публикации Л.Д. Духаевой представлен процесс развития у учителей культуры кон-

цептуализации профессионального опыта в школе. Данный процесс описан в виде этапов, позволяющих учителям освоить необходимые знания и умения в развивающей среде самообучающейся организации [2]. В статье Е.А. Селивановой обсуждаются алгоритмы и способы организации внутриорганизационного обмена знаниями [11]. В статье О.Д. Федорова и О.И. Николенко рассматривается процесс реализации командной стратегии реализации внутрикорпоративного обучения педагогов [12]. Статья А.А. Ковшовой посвящена рассмотрению процесса постепенного создания условий для осуществления внутрикорпоративного обучения. Подразумевается разработка его содержательной основы и внедрение способов сопровождения учителей во время и после прохождения обучения [6]. В публикации И.В. Резанович описывается практика применения технологии повышения квалификации педагогов психолого-педагогических классов, реализующейся в системе внутрикорпоративного обучения [9].

Стоит отметить, что рассмотренные публикации объединяет системный взгляд на процесс профессионального развития педагогов. Самообучающаяся организация и внутрикорпоративное обучение рассматриваются как системные объекты, внедрение которых поддерживается определенной стратегией или технологией. Безусловно, процессы обмена знаниями, командного обучения, педагогической рефлексии являются важными признаками внутрикорпоративного обучения. Предлагаются конкретные алгоритмизированные решения по проектированию содержания и способов неформального образования педагогов. Вместе с тем в научной периодике не представлена и не описана комплексная технология проектирования устойчивой, развивающейся системы внутрикорпоративного обучения, охватывающая процесс внедрения всех ее компонентов в практику повышения квалификации педагогов общеобразовательной организации.

Соглашаясь с мнениями исследователей, следует отметить, что технология понимается как алгоритмизированный процесс реализации образовательных систем, принципов и условий, направленный на решение конкретной педагогической задачи. Учитывая данные подходы, считаем целесообразном разработать педагогическую технологию проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации.

Результаты исследования

Технология внутрикорпоративного обучения охватывает процессы регламентации, целеполагания, проектирования содержания и способов реализации, оценки результативности непрерывного профессионального развития педагогов, осуществляющегося в общеобразовательной организации. Она выстраивается на основе признаков педагогической технологии. При ее проектировании учитывается концептуальная основа: методология системного подхода, идеи регулируемого эволюционирования, представления об эффективных способах неформального обучения (обмен знаниями, командное обучение). Системный характер технологии обусловливается наличием разработанных представлений о компонентах системы внутрикорпоративного обучения. Процесс проектирования предполагает опору на диагностические средства: мониторинг образовательных результатов обучающихся, состояния профессиональной компетентности и профессиональных затруднений педагогов. Включаемые в состав технологических операций процедуры мониторинга, обеспечивают результативность создаваемой системы. Эти признаки в своей совокупности обеспечивают воспроизводимость технологии в педагогической практике.

Общий алгоритм проектирования и обеспечения функционирования системы внутрикорпоративного обучения соотносится с концептуально-целевым, нормативно-организационным, содержательно-программным, конструктивный-методическим и результативно-мониторинговыми этапами. Предметом проектирования на каждом этапе становятся компоненты соответствующей системы. На каждом этапе конкретизируются задачи, содержание организационно-педагогической деятельности, порядок применения принципов и педагогических условий, ожидаемый результат.

На концептуально-целевом этапе технологии определяются цели непрерывного профессионального развития педагогов, которые

составляют ключевой компонент проектируемой системы. На данном этапе решаются задачи изучения подходов к выстраиванию системы внутрикорпоративного обучения, анализа оснований для выявления целевых ориентиров. При их определении учитывается принцип нацеленности на приоритеты государственной политики в сфере образования.

Содержание первого этапа связывается с деятельностью тех специалистов, которые осуществляют организацию процессов повышения квалификации педагогов — это представители администрации общеобразовательной организации. Они изучают возможности, характеристики и обобщенные компоненты системы внутрикорпоративного обучения, что позволит им освоить представления о самообучающейся организации, методах командного обучения, способах организации обобщения опыта и обмена знаниями.

Далее осуществляется процедура детализации целей и задач внутрикорпоративного обучения, с учетом результатов анализа внутренних и внешних ориентиров. К внешним ориентирам относятся приоритеты государственной политики в сфере образования, обеспечивающие перспективы совершенствования профессионализма педагогов. К внутренним ориентирам можно отнести корпоративные ценности, потребности и актуальные для общеобразовательной организации педагогические задачи. Например, вопросы развития естественно-математического образования, языковой и социокультурной несовершеннолетних иностранных граждан, создания профильных предпрофессиональных классов, приобщения школьников к духовно-нравственным ценностям и т.п. Также необходимо осуществить диагностику профессиональных затруднений и потребностей педагогов, что является важным условием точного определения целей их профессионального развития.

Результатом данного этапа является определение перспективных целевых приоритетов профессионального развития педагогов, с позиций включения педагогов в процесс реализации актуальных федеральных проектов в сфере образования, формирования корпоративной культуры, совершенствования профессиональных компетенций.

На нормативно-организационном этапе осуществляется создание локальных актов, характеризующих регламенты внутрикорпоративного обучения и обеспечивающее внедрение целевого и процессуального компонентов создаваемой системы. Здесь решаются задачи закрепления целей, регламентов, полномочий субъектов внутрикорпоративного обучения. Становятся востребованными ключевые принципы, отражающие специфику внутрикорпоративного обучения.

Содержание деятельности специалистов общеобразовательной организации связывается с созданием и совершенствованием локальных актов, в которых отражаются долгосрочные целевые ориентиры, результаты и способы реализации внутрикорпоративного обучения. Это обстоятельство можно обозначить как важное условие создания соответствующей системы. Также можно создать положение о системе внутрикорпоративного обучения, в котором закрепляются цели профессионального развития педагогов, регламенты его осуществления, полномочия специалистов, результативные характеристики реализуемого процесса, что позволит упорядочить формы реализации внутрикорпоративного обучения, в том числе способы командного взаимодействия и индивидуальных образовательных маршрутов. Создаваемые локальные акты могут отражать способы участия педагогов в неформальном образовании в качестве обучающихся, менторов, наставников организаторов. Также целесообразно закрепить способы стимулирования таких специалистов.

В результате реализации данного этапа создаются нормативные условия и регламенты осуществления внутрикорпоративного обучения, в рамках которых будут действовать его субъекты.

Содержательно-конструктивный этап предполагает определение перспективных содержательных направлений повышения квалификации педагогов, что является отдельным компонентом проектируемой системы. К реализуемым задачам можно отнести проектирование содержания обучения с учетом целевых ориентиров, принципов опоры на научные психолого-педагогические знания и успешный педагогический опыт.

Деятельность специалистов на данном этапе связывается с определением ключевых содержательных направлений, которые станут основой для создания программ внутрикорпоративного обучения, обучающих мероприятий, индивидуальных маршрутов профессионального развития педагогов. Для этого осуществляется анализ актуальных профессиональных задач, научных психолого-педагогических знаний. Необходимо обеспечить его актуальность, например, за счет изучения опыта общеобразовательных организаций, включенных в региональную инновационную инфраструктуру. Эти направления можно закрепить в отдельном локальном нормативном акте или программе внутрикорпоративного обучения.

Результатом данного этапа будет создание долгосрочных и краткосрочных программ внутрикорпоративного обучения, отражающих перспективные направления содержания профессионального развития педагогов.

На конструктивно-методическом этапе технологии определяются способы неформального обучения, которые будут применены для реализации обучающих мероприятий. Предметом проектирования выступают такие компоненты системы, как формы, методы и ресурсы внутрикорпоративного обучения. Ключевая задача состоит в создании развивающей среды для командной работы, обмена знаниями, накопления, обобщения и трансляции интегрированного опыта. Решение данной задачи можно связать с созданием условий, обеспечивающих результативность и развивающий характер создаваемой системы. Осуществляемые действия можно описать в виде последовательной реализации нескольких мер.

Первая мера связывается с разработкой и внедрением в практику повышения квалификации педагогов способов обмена знаниями, командных методов обучения, процессов накопления, обобщения и трансляции педагогического опыта. Необходимо учитывать возможность сочетания командной и индивидуальной стратегий профессионального развития педагогов. Для этого необходимо проанализировать и задействовать традиционные и инновационные формы профессионального взаимодействия педагогов, включая коллективные (педагогический совет, методические мероприятия), командные (проектные сессии, семинары, мастер-классы), индивидуальные (самообразование, работа в сетевых методических сообществах). Следующая мера связывается с созданием благоприятной коммуникативной среды, что осуществляется в процессе применения методов популяризации научных психолого-педагогических знаний, обмена знаниями, анализа и обобщения педагогического опыта, инновационной деятельности. Данным методам отдается приоритет при проведении обучающих мероприятий. Еще одна реализуемая мера связывается с определением кадровых, материально-технических, информационных ресурсов. Это обеспечит включение педагогов в обмен знаниями в качестве менторов и наставников, создание условий для проведения обучающих мероприятий, доступ к верифицированному информационно-образовательному контенту.

Результатом данного этапа станет создание условий для комфортной профессиональной коммуникации и сохранения психологического здоровья педагогов. Особенностью данного этапа является инициирование процесса внутрикорпоративного обучения в реальной педагогической практике.

Результативно-мониторинговый этап технологии предполагает определение способов мониторинга полученных в ходе обучения педагогов результатов и их реализацию. Эти компоненты системы внутрикорпоративного обучения обеспечивают информированность об эффективности ее реализации, направлениях совершенствования. Решаемая задача связывается с разработкой критериев, методов и средств мониторинга, процедур анализа результатов внутрикорпоративного обучения. При этом учитываются принципы и создаются условия, обеспечивающие объективность и системность оценочных процедур.

Деятельность специалистов, создающих систему внутрикорпоративного обучения, заключается в выборе необходимых критериев, к которым можно отнести, например, состояние профессиональной компетентности, качество общего образования в общеобразовательной организации, результативность обучающих мероприятий и т.д. Также необходимо определить полномочия и способы осуществления мониторинговых процедур,

которые разрабатываются на основе анализа данных о результативности процесса неформального обучения. Важно предусмотреть возможности использования открытых источников данных о состоянии компетентности педагогов и динамике результатов образования. Необходимо разработать способы самодиагностики и рефлексии профессионального развития педагогов.

Результатом данного этапа будет регламентация процедур анализа данных о результативности реализации программ внутрикорпоративного обучения. Также будет складываться практика оценки и рефлексии получаемых результатов.

В целом, представленная технология позволяет осуществить проектирование, начать внедрение и обеспечить развивающий характер системы внутрикорпоративного обучения. Эффективность предложенного подхода была подтверждена данными, полученными в ходе внедрения предложенного организационно-педагогического решения в практику научно-методического сопровождения профессионального развития педагогов. Технология проектирования системы внутрикорпоративного обучения была апробирована в семи общеобразовательных организациях Челябинской области. Три из этих организаций имели статус региональных инновационных площадок. Перед ними стояла задача совершенствования системы внутрикорпоративного обучения и подготовки педагогов к реализации инновационного проекта. Остальные общеобразовательные организации преследовали цель совершенствования качества образования и совершенствования воспитательной среды школы.

Представителям администрации было предложено ознакомиться с преимуществами и ключевыми чертами внутрикорпоративного обучения, а также подробно изучить содержание этапов технологии проектирования соответствующей системы. В ходе апробации специалисты школ строго соблюдали алгоритмы деятельности, предложенные в рамках технологии. Полученные результаты оценивались в ходе опроса с использованием авторской анкеты «Внутрикорпоративное обучение», а также беседы с представителями администрации.

По результатам опроса можно сделать вывод, что практическое применение технологии внутрикорпоративного обучения влияет на позитивное отношение к ее возможностям в организации профессионального развития педагогов. Также у специалистов школ значительно расширилась осведомленность о характерных для внутрикорпоративного обучения способах неформального обучения, например, методах командного обучения.

По результатам бесед с представителями администрации было установлено, что в общеобразовательных организациях удалось реализовать предложенную технологию. По оценкам специалистов, ее применение позволило освоить новые подходы к процессу совершенствования компетентности педагогических кадров, увлечь специалистов идеями самообучающейся организации.

В общеобразовательных организациях инновационного типа создавалась дорожная карта создания системы внутрикорпоративного обучения. В данной карте отражалось содержание и способы подготовки педагогов к реализации инновационного проекта. Особенностью реализации внутрикорпоративного обучения в данных общеобразовательных организациях была опора на научные психолого-педагогические знания, использование собственного опыта и привлечение опытных педагогов в качестве менторов и наставников для педагогического коллектива.

В других общеобразовательных организациях определялись долгосрочные цели профессионального развития педагогов, создавались перспективные программы внутрикорпоративного обучения. Особенности реализации содержания данных программ заключались в нацеленности на решение перспективных профессиональных задач, широком использовании методов командного обучения, гибком реагировании на профессиональные затруднения педагогов. Специалисты отмечают, что в педагогическом коллективе начали складываться устойчивые формы профессиональной коммуникации разных специалистов, в том числе основанные на применении информационных ресурсов и сервисов.

Можно сделать вывод о принципиальной применимости предложенной технологии внутрикорпоративного обучения. Отдельные затруднения вызвала разработка эффективных процедур оценивания результативности

обучающих мероприятий. При этом внутрикорпоративное обучение в общеобразовательных организациях приобрело черты системности, нашло отражение в локальных актах, осуществлялось с учетом предлагаемых принципов и условий. Во всех случаях было установлено, что в рамках внутрикорпоративного обучения была создана благоприятная развивающая среда для повышения квалификации педагогов.

Заключение

Изложенный в рамках научной статьи материал раскрывает проблему применения в общеобразовательной организации современных организационно-педагогических решений, нацеленных на совершенствование процесса непрерывного профессионального развития педагогов. Данные решения основываются на системной методологии, учитывают принцип регулируемого эволюционирования, поддерживают идеи самообучающейся организации, технологизации педагогических процессов. Констатируется, что в научной литературе рассматриваются различные способы организации внутрикорпоративного обучения, но не представлена комплексная технология его проектирования и внедрения в педагогическую практику.

Основным результатом статьи является обоснование и характеристика педагогической технологии проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов общеобразовательной организации. Представленная технология будет обеспечивать соответствие проектируемой системы ключевым идеям и признакам внутрикорпоративного обучения: достижение уровня самообучающейся организации, внедрение форм командного взаимодействия, обмен знаниями. Ее развивающий характер будет обеспечиваться нацеленностью на решение перспективных и актуальных задач педагогической деятельности. Данные позиции характеризуют научную новизну предлагаемого авторского решения. Практическая применимость технологии обеспечивается описанием содержания деятельности субъектов, создающих условия для системного профессионального развития педагогов общеобразовательной организации.

Литература

1. Долинина И.Г. Методология диссертационных исследований по профессиональной педагогике: разработка педагогической технологии / И.Г. Долинина // Вестник Университета российского инновационного образования. — 2023. — №2. — С. 22–30.
2. Духаева Л.Д. Методика развития у учителей культуры концептуализации профессионального опыта в школе как самообучающейся организации / Л.Д. Духаева // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2019. — №1(38). — С. 89–96.
3. Заир-Бек Е.С. Современная методология проектных исследований инноваций в образовании / Е.С. Заир-Бек // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2017. — №185. — С. 15–23.
4. Ильясов Д.Ф. Принцип регулируемого эволюционирования в педагогике / Д.Ф. Ильясов, Г.Н. Сериков. — М.: ВЛАДОС, 2003. — 336 с.
5. Ильясов Д.Ф. Школа как самообучающаяся организация / Д.Ф. Ильясов, В.В. Кудинов, А.Х. Зарипов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2011. — №1(6). — С. 37–42.
6. Ковшова А.А. Особенности организации внутрикорпоративного обучения учителей как формы дополнительного профессионального образования / А.А. Ковшова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13, №5.
7. Овечкин В.П. Педагогическая технология: сущность, структура, проектирование / В.П. Овечкин, А.Е. Причинин, Н.Ю. Ерофеева // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. — 2019. — Т. 29, №1. — С. 94–102.
8. Педагогическая система: теория, история, развитие: коллективная монография / под ред. В.П. Бедерхановой, А.А. Остапенко. — М.: Народное образование, 2014. — 128 с.
9. Резанович И.В. Рефлексивно-творческая технология внутрикорпоративного обучения педагогов психолого-педагогических классов / И.В. Резанович // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2025. — №3(64). — С. 17–29.
10. Романова Л.М. Системно-синергетический подход к организации повышения квалификации преподавателей высшей школы / Л.М. Романова, Р.Р. Гарифуллина // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2025. — №3(64). — С. 47–56.
11. Селиванова Е.А. Обмен знаниями как условие непрерывного профессионального роста педагога / Е.А. Селиванова // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. — 2022. — №1(36). — С. 68–70.
12. Федоров О.Д. Внутрикорпоративное обучение в системе непрерывного педагогического образования / О.Д. Федоров, О.И. Николенко // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2021. — №3(48). — С. 57–70.

NEURAL NETWORKS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND PROBLEMS OF INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE EDUCATIONAL PROCESS

Klimova Olga Yurevna, *PhD of Sociology, Associate Professor, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow (Russia)*

Zakharova Mariya Alekseevna, *PhD of Philology, Lecturer*

Isakovich Ekaterina Aleksandrovna, *PhD of Pedagogy, Associate Professor*

Institute of Education in the Sphere of Social Sciences and Humanities, Volgograd State Conservatory named after P.A. Serebryakov, Volgograd (Russia)

The rapid adoption of artificial intelligence technologies has led to a significant transformation of the educational process. The powerful potential of new technologies compels us to seek productive ways and strategies for using neural networks in foreign language teaching. The aim of this study is to conduct a comparative analysis of the use of neural networks in foreign language teaching for students of various fields of study and to identify the feasibility of using neural networks in education, as well as the prospects and risks of their implementation. The empirical base is represented by data from a sociological survey conducted in May 2026 among undergraduate students at Russian universities. The survey results revealed a positive attitude among students toward the implementation of artificial intelligence in the educational process. Negative aspects of this process were also identified, indicating a lack of student confidence in AI. The article highlights the need for further study of the integration of artificial intelligence into the educational process, taking into account the survey results and student opinions. However, the assessments of students majoring in the humanities and engineering differed only slightly.

Keywords: *artificial intelligence; neural networks; educational process; foreign language training; technical and humanitarian fields of study; digitalization; higher education system.*

EDN: QUZOVO ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.49***

Цитировать: *Климова О.Ю., Захарова М.А., Исакович Е.А. Использование нейросетей в обучении иностранному языку и вопросы интеграции искусственного интеллекта в учебный процесс // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 357–363. EDN: QUZOVO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.49*

УДК 371.69
5.8.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ И ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта привело к серьезной трансформации образовательного процесса. Мощный потенциал новых технологий заставляет искать продуктивные способы и стратегии применения нейросетей в процессе обучения иностранному языку. Цель исследования — провести сравнительный анализ применения нейросетей в процессе обучения иностранному языку студентами разных профилей подготовки и выявить целесообразность использования нейросетей в учебе, а также перспективы и риски их внедрения в учебный процесс. Эмпирическая база представлена данными социологического опроса, который проводился в мае 2026 года среди студентов-бакалавров российских вузов. Результаты анкетирования показали позитивный настрой студентов к внедрению искусственного интеллекта в образовательный процесс. Также выявлены отрицательные стороны этого процесса, что говорит о неполном доверии студентов к инструменту ИИ. Обращается внимание на необходимость дальнейшей проработки вопроса интеграции искусственного интеллекта в учебный процесс с учетом результатов опроса и мнений студентов. При этом оценки обучающихся гуманитарных и технических специальностей отличаются незначительно.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; нейросети; учебный процесс; обучение иностранному языку; технические и гуманитарные направления подготовки; цифровизация; система высшего образования.*

© Климова О.Ю., Захарова М.А., Исакович Е.А., 2026

Климова Ольга Юрьевна, *кандидат социологических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва (Россия)*
SPIN-код: 1649-9110,
ORCID 0009-0009-9959-3021

Захарова Мария Алексеевна, *кандидат филологических наук, преподаватель*
SPIN-code: 4677-8805,
ORCID: 0009-0000-2856-1254
Researcher ID: QQA-3024-2026

Исакович Екатерина Александровна, *кандидат педагогических наук, доцент*
SPIN-код: 5739-4694
ORCID: 0009-0005-0551-1840

Волгоградская государственная консерватория имени П.А. Серебрякова, Волгоград (Россия)

Введение

Совершив революцию в различных сферах — от медицины и робототехники до сельского хозяйства и промышленности — искусственный интеллект стал основным предметом для обсуждения. Очевидно, вопрос требует более тщательного анализа, когда речь заходит о применении искусственного интеллекта в образовательной сфере. В рамках этого исследования особое внимание уделено вопросу, в какой мере целесообразно внедрение искусственного интеллекта в учебный процесс и насколько он полезен студентам при выполнении ими практических заданий по иностранному языку.

О том, что данный вопрос представляет собой особую актуальность и значимость, говорит тот факт, что Указом Президента РФ от 10 октября 2019г. была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года с внесением необходимых изменений в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [1]. К направлениям стратегии относятся а) реализация научных исследований в области искусственного интеллекта; б) повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей; и в) совершенствование системы подготовки кадров в этой области.

Как следствие, требуют реализации задачи формирования универсальных и профессиональных компетенций преподавателя с учетом цифровой трансформации общества в целом и образовательной системы в частности. На сегодняшний день далеко не все преподаватели готовы к вызовам цифровизации, не у всех есть опыт общения с искусственным интеллектом в процессе обучения студентов иностранному языку. Между тем, современный мир диктует свои правила игры, когда должно формироваться новое представление о миссии преподавателя как проводника в передовое пространство научных идей и компетентных специалистов [4, с. 170]. Очевидно, что тема данного исследования актуальна и представляет интерес для преподавателей высшей школы.

[1] Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Прежде всего следует обратиться к определению самого понятия «искусственный интеллект». На сегодняшний день в научных кругах не существует общепринятого определения данного понятия. Так, О.В. Толстель считает искусственный интеллект междисциплинарным направлением, в рамках которого создаются объекты, способные решать задачи подобно человеку [12, с. 99]. Р.М. Валиев под искусственным интеллектом понимает технологические решения на основе теоретических и прикладных принципов работы с базой данных, что способно автоматизировать рутинные процессы [2, с. 118]. И.Н. Габдулов под искусственным интеллектом понимает сферу компьютерных технологий, необходимых для автоматизации разумного поведения [3, с. 175]. И.Ю. Пащенко рассматривает ИИ как собирательную модель, фундаментом которой являются информационные технологии с интеллектуальным функционалом [8, с. 102]. М.В. Самарцева считает, что искусственный интеллект — это технологические решения, имитирующие возможности когнитивных функций человека с целью получения результатов, аналогичных тем, что получаются в процессе умственной деятельности людей. [10, с. 51]

Определение данного понятия вариативно, у каждого автора своя формулировка в зависимости от рассматриваемого научного аспекта. В рамках данного исследования речь идет об искусственном интеллекте как о способности компьютерных систем к корректной интерпретации данных, возможности обучения на них и применения полученных знаний для выполнения конкретных задач. Необходимо также отметить, что параллельно в данной работе используется термин «нейросеть». Это объясняется тем, что нейросеть понимается как математическая модель для обработки данных, а понятие искусственного интеллекта намного шире и представляет собой огромную область компьютерной науки с целью создания систем, помогающих в решении тех задач, которые традиционно требовали участия человека. Нейросеть — это лишь конкретный метод и функционал в рамках мощного инструмента под названием «искусственный интеллект».

Обзор литературы

Тема целесообразности использования искусственного интеллекта в образовательном

процессе не нова. В последнее время появилось большое количество исследований, связанных с применением этого инструмента. Сама мысль о том, чтобы создать искусственные нейронные сети, появилась из стремления ученых понять, как функционирует мозг человека, и постараться воспроизвести аналогичные процессы в машине. Грандиозный прорыв в этом направлении произошел в середине XX века. Первопроходцами были нейропсихолог Уоррен Маккалок и математик Уолтер Питтс, которые в 1943 году предприняли попытку смоделировать искусственный нейрон, опубликовав выводы в своей научной работе «Логическое исчисление идей, присущих нервной деятельности». Нейрон объяснялся ими как простая схема, где имеются входы с весами, а на выходе происходит формирование сигнала. Тем самым, ученые смогли объяснить, как происходит процесс обработки информации и принятия решения [15, с. 123].

Спустя несколько лет, в 1958 году, психологом и нейрофизиологом Фрэнком Розенблаттом была создана первая способная к обучению модель, в основе которой лежали процессы, связанные с восприятием и обработкой информации [16, с. 402]. Со временем появлялись все новые и новые разработки в области искусственного интеллекта, которые давали различным сферам общественной жизни мощный импульс, связанный с вычислительными мощностями и большими объемами данных.

В числе современных исследователей нейросетевых технологий статья А. Смита, Б. Джонса, К. Брауна относительно развития навыков будущих учителей с учетом возможностей использования нейросетей, перспектив персонализации обучения и автоматизации рутинных процессов, повышения конкурентоспособности педагога и возможности сохранять свои позиции в эпоху цифрового образования [17, с. 51].

В исследовании Д. Эванса, Ф. Гарсия, Х. Ким дан обзор эмпирических данных и представлена доказательная база того, что нейросети способны значительно улучшить образовательный процесс, поскольку способствуют творческому подходу в обучении [14, с. 469].

В отечественной науке за последнее время также растет число исследований, связанных с использованием нейросетей в образовании. В частности, в исследовании И.А. Алешковского [1, с. 342] и В.А. Шамиса А.Т. [13, с. 22] представлены результаты опроса среди студентов на предмет того, как часто они пользуются нейросетями для подготовки к занятиям, как они относятся к инструменту ИИ и какие они видят плюсы и минусы этого процесса.

В исследованиях 2024 года перспективы использования нейросетей в педагогическом образовании рассматриваются А.Ю. Столбоушкиным и Е.А. Крыловой, исследуется адаптивная образовательная среда для обучения преподавателей нового поколения. При этом учитываются когнитивные особенности учащихся и демонстрируются перспективы применения нейросетей для оценки эмоционального состояния студента [11, с. 97]. В свою очередь, В.Р. Знатдинов и А.И. Кершенгольц уточняют преимущества и недостатки применения искусственного интеллекта для самостоятельного изучения материала, в заключении придя к выводу, что в целях повышения мотивации и включенности каждого участника в учебный процесс необходимо внедрять инструменты нейросети в самостоятельную работу студентов [5, с. 147].

В исследовании 2025 года С.Н., Малявин и С.В. Макуха ставят основной акцент на отношении самих студентов к инструментам ИИ и к применению генеративной модели в процессе обучения, что позволяет выявить необходимость адаптировать студенческую среду к применению новых технологий и не надо препятствовать этому процессу [7, с. 67]. Кроме того, примеры практического использования нейросетей для подготовки визуальных материалов при обучении иностранным языкам студентов колледжа были изложены в совместной статье Е.А. Исакович, М.А. Захаровой и Е.В. Трофимовой [6, с. 308]. Обратной стороне этого процесса, то есть касающейся сопутствующих рисков, посвящено исследование Е.А. Поспеловой [9, с. 141].

Таким образом, в современных исследованиях нейросети рассматриваются как передовой инструмент, неразрывно связанный с цифровой трансформацией системы образования. К основным направлениям применения нейросетей исследователи относят вопросы персонализации учебной деятельности и автоматизации рутинных процессов.

Результаты исследования и их обсуждение

Данное исследование обращено к вопросам, непосредственно связанным с применением нейросетей в учебном процессе при обучении иностранному языку студентов гуманитарных и технических направлений подготовки, поскольку в научной литературе наблюдается некоторый дефицит подобного рода сравнительных исследований. Актуальность данного материала обусловлена потребностью изучить специфику применения нейросетей студентами технических и гуманитарных направлений подготовки при изучении иностранного языка, сравнить и сопоставить, как это внедряется в их учебный процесс и профессиональную деятельность, и выявить плюсы и минусы данной технологии. Необходимо отметить, что для студентов технических специальностей главными областями применения нейросетей являются программирование, написание кода, анализ данных, решение технических задач в то время, как для обучающихся гуманитарных направлений это в основном генерация изображений, текста, мелодии и разработка творческих проектов. Поскольку профили подготовки у данных студентов совершенно разные, актуальный сравнительный анализ поможет обозначить ключевые моменты, которые влияют на профессиональные компетенции студентов, а также определит наиболее действенные механизмы внедрения ИИ в процесс обучения иностранному языку.

В этой связи, цель исследования — провести сравнительный анализ применения нейросетей в процессе обучения иностранному языку студентами разных профилей подготовки и выяснить, каким образом студенты используют нейросети в учебе, насколько они считают их полезными и какие они видят перспективы и риски. Основная гипотеза исследования состоит в том, что нейросеть является эффективным дополнительным ресурсом при обучении иностранному языку, повышает качество обучения, развивает языковые компетенции, но только в тех случаях, когда использование нейросети методически обосновано и целесообразно.

Чтобы подтвердить или опровергнуть основную гипотезу исследования, следует обратиться к результатам анкетирования, которое проводилось в мае 2026 года среди студентов-бакалавров второго курса Московского финансово-промышленного университета «Синергия», обучающихся по специальности 09.03.02 «Информационные системы и технологии», и студентов Института социально-гуманитарного образования Волгоградской государственной консерватории имени П.А. Серебрякова, обучающихся по направлениям подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура», 53.03.01 «Музыкальное искусство эстрады (эстрадное пение)», 53.03.02 «Музыкально-инструментальное искусство», 53.03.03 «Вокальное искусство», 53.03.04 «Искусство народного пения» (бакалавриат) и по специальности 53.05.01 «Искусство концертного исполнительства» (специалитет). В опросе участвовало 104 человека, по 52 студента от каждого вуза.

В анкете восемь вопросов закрытого типа, когда предполагается наличие готовых вариантов ответов. Анкетирование проводилось анонимно в целях получения максимально честных ответов. Результаты социологического опроса обработаны, проанализированы и представлены ниже.

В ответе на первый вопрос анкеты о том, как часто студенты используют нейросеть в учебном процессе, большинство учащихся университета «Синергия» ответили, что они делают это несколько раз в неделю (77%), в то время, как обучающиеся по направлениям и специальностям искусств и культуры дали вариант «используем ежедневно» в большинстве ответов (63%). При этом вариант «не использую вообще» дали только 2 студента из 104 опрошенных.

Очевидно, что нейросети произвели революцию в образовании, помогая не только преподавателям, но и студентам. Нельзя игнорировать этот момент или пытаться этому противостоять. Судя по ответам учащихся, искусственный интеллект прочно вошел в студенческую среду и вряд ли уступит свои позиции в ближайшее время. Тем более, что сегодня этот инструмент доступен практически каждому благодаря сервисам, которые работают круглосуточно и могут быть открыты как с компьютера, так и с телефона, что дает возможность получить помощь в любое время суток.

Следующий вопрос анкеты проясняет, для каких именно задач студенты используют нейросеть при подготовке к занятиям по иностранному языку. Студенты и технического, и гуманитарного направлений единодушны во мнении, что чаще всего они обращаются за помощью к ИИ для поиска и обобщения информации (35%), что вполне объяснимо, поскольку практически все задания по иностранному языку связаны с изучением источников и систематизацией изученного материала. Примерно 23% респондентов остановили свой выбор на написании эссе, рефератов и докладов, поскольку для данных видов работ необходимо структурировать и редактировать текст, а также формулировать ключевые тезисы. 20% студентов используют нейросети для генерации идей проектов и мероприятий. Следует отметить, что процент использования нейросетей для генерации идей различных проектов и мероприятий несколько выше у студентов специальностей в сфере искусств и культуры. Это связано со спецификой их творческой деятельности: нужны нестандартные решения и свежие подходы для внеучебных проектов. 18% опрошенных используют нейросети для перевода текстов, и совсем небольшой процент у тех, кто делает с помощью нейросетевых технологий презентации (4%).

В третьем вопросе анкеты авторы интересовались, помогает ли использование нейросетей учиться эффективнее на занятиях по иностранному языку. Все без исключения студенты ответили на этот вопрос утвердительно, с той лишь разницей, что большая часть учащихся технического направления ответила, что нейросеть помогает в учебе однозначно и определенно (81%), в то время как большинство учащихся гуманитарного направления ответили, что эта технология помогает им лишь частично (62%). Такое распределение ответов вполне объяснимо, учитывая особенности учебного процесса студентов абсолютно разных направлений подготовки. Следует заметить, что в ответе на этот вопрос не было ни одного отрицательного мнения. Ни один респондент не сказал, что он не видит никакой пользы в применении ИИ.

Совершенно очевидно, что сегодня нужно рассматривать технологии ИИ как неотъемлемую часть учебного процесса, и по-другому уже не будет. Но надо помнить, что информацию, сгенерированную нейросетью, нужно проверять и использовать дозированно.

В четвертом вопросе ответы студентов технического и гуманитарного направлений примерно одинаковые. Подавляющее большинство (59%) считают, что главным преимуществом в использовании нейросетей в обучении является экономия времени на выполнение заданий, что связано с высокой учебной нагрузкой и необходимостью быстрого поиска информации. 15% респондентов основным «плюсом» называют возможность доступа к разнообразным источникам информации в одном месте, что также является важным моментом для студентов обеих групп. Еще 13% (в основном студенты технического направления) к преимуществам относят возможность получить объяснение трудной темы простыми словами. Это объясняется тем, что в их учебной программе преобладают сложные математические и инженерные дисциплины. 10% опрошенных (главным образом студенты гуманитарного направления подготовки) ключевым достоинством нейросетей называют помощь в генерации идей, поскольку специфика их обучения предполагает выполнение большого количества творческих заданий. Совсем мало (3%) тех, кому нейросеть помогает для персонализации обучения. Возможно, такой низкий процент связан с тем, что студенты не до конца понимают значение данного термина и используют нейросети лишь в качестве инструмента для выполнения отдельных задач.

В пятом вопросе анкеты спрашивалось о недостатках и рисках при использовании нейросетей в учебном процессе. Здесь мнение студентов обоих направлений подготовки снова практически совпало. Одна треть респондентов основной проблемой видит ошибки и неточности в ответах нейросетей. Вероятно, у студентов уже был подобный опыт, отсюда и их опасения. Еще одна треть студентов считает, что главной опасностью использования нейросетей является риск снижения самостоятельного мышления. Хорошо, что студенты осознают данную проблему и пытаются этому противостоять. 18% опрошенных считают главной опасностью для себя сложности с проверкой достоверности информации, что потребует дополнительных

временных затрат, поэтому проблема верификации информации рассматривается студентами как недостаток в работе нейросетей. 11% осознают опасность зависимости от технологий, что действительно может привести к снижению мотивации и навыков самостоятельного поиска информации. 8% студентов обозначили опасность плагиата и академической нечестности как одну из основных проблем. Возможно, это происходит потому, что студенты не до конца понимают значимость этических и правовых аспектов использования ИИ в образовательной среде.

В шестом вопросе анкеты авторы интересовались, как студенты оценивают перспективы использования нейросетей в обучении иностранному языку. 97% учащихся обоих направлений подготовки однозначно ответили, что нейросеть можно рассматривать как дополнительный инструмент, но не основной. Это можно объяснить тем, что для успешного овладения иностранными языками нужно живое общение и развитие коммуникативных навыков, следовательно, главная роль в учебном процессе принадлежит преподавателю. 3% студентов сомневаются в его пользе, поскольку считают традиционные методы намного эффективнее. Вероятно, это говорят приверженцы классических методик и проверенных практик. 2% опрошенных уверены, что использование нейросетей в обучении нежелательно вообще, очевидно, опасаясь ухудшения качества образования и получения готовых ответов без какой-либо самостоятельной мыслительной работы.

В седьмом вопросе спрашивалось, является ли использование нейросетей в образовании временной тенденцией или долгосрочным трендом. 89% всех респондентов ответили, что нейросети прочно интегрировались в учебный процесс и их влияние будет только усиливаться в будущем. 7% студентов уверены, что это временная тенденция, интерес к которой скоро угаснет. Возможно, они считают, что появятся другие, более совершенные технологии в образовании. 4% учащихся затруднились с ответом.

Последний (восьмой) вопрос был посвящён тому, смогут ли студенты в ближайшие 5-10 лет успешно учиться без использования нейросетей. Студенты обоих направлений подготовки едины во мнении, что это зависит от специальности: 82% респондентов ответили, что в каких-то сферах нейросети будут востребованы, в каких-то — нет. Действительно, в таких областях, как программирование, анализ данных, маркетинг, дизайн, ИИ уже давно и прочно укрепил свои позиции. С другой стороны, есть профессии с очень высокой степенью ответственности, где ИИ не справится. Это, например, медсестры, воспитатели, психологи, актеры, режиссеры, социальные работники, которых нейросеть не сможет заменить. 9% учащихся убеждены, что можно учиться и без нейросетей, поскольку традиционные методы по-прежнему работают. Еще 9% студентов высказали уверенность в том, что в будущем применение нейросетей станет практически обязательным, так как без этого ценного ресурса будет сложно конкурировать. Работодатели ожидают от своих сотрудников умения работать с нейросетью, что в итоге экономит время и улучшает эффективность рабочих процессов.

Заключение

В целом, исследование показало, что студенты технических и гуманитарных направлений зрело и реалистично воспринимают возможности искусственного интеллекта. Студенты считают, что этот инструмент обладает высоким потенциалом, чтобы быть включенным в процесс обучения иностранному языку.

Студенты обоих вузов положительно характеризуют новые ресурсы и возможности и считают, что необходимо двигаться в этом направлении. При этом результаты, полученные от студентов творческих и технических направлений, мало чем отличаются. Анализ этих различий позволил выявить характерные черты взаимодействия студентов с технологиями ИИ, а также понять, как нейросети влияют на профессиональные компетенции учащихся, на качество образования и творческий потенциал.

Схожесть ответов студентов технического и гуманитарного направлений подтверждает тот факт, что вне зависимости от профиля подготовки нейросети рассматриваются студентами прежде всего как легкий и удобный способ повысить эффективность выполнения заданий и сэкономить время, а небольшие различия в ответах обусловлены спецификой изучаемых в вузе дисциплин.

Таким образом, основная гипотеза исследования подтвердилась. Нейросеть, с точки зрения студентов обоих вузов, является эффективным дополнительным ресурсом при обучении иностранному языку, повышает качество обучения, развивает языковые компетенции.

Литература

1. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2024. — Т. 24, №2. — С. 335-353. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353
2. Валиев Р.М. Развитие искусственного интеллекта: подходы к определению / Р. М. Валиев // Креативная экономика. — 2024. — Т. 18, №1. — С. 115-126. https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120257.)
3. Габдулов И.Н. Определение понятия искусственного интеллекта // Аллея науки. — 2019. — №9. — С. 173-176.
4. Глотова М.Ю., Самохвалова Е.А., Мухлынина О.А. Развитие навыков в области нейросетевых технологий для будущих педагогов: возможности и преимущества // Наука и школа. — 2023. — №5. — С. 162–172. https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-5-162-172.
5. Знатдинов В.Р. Использование нейросетевых технологий для моделирования самостоятельной работы студентов в рамках учебного процесса вуза / В.Р. Знатдинов, А.И. Кершенгольц, А.М. Юдина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №9(147). — https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.112. EDN: IPAWLR
6. Исакович Е.А. Использование нейросетей для генерации визуальных материалов при обучении иностранным языкам студентов колледжа (специальность Графический дизайн) / Е.А. Исакович, М.А. Захарова, Е.В. Трофимова // Вестник ГГУ. — 2026. — №2. — С. 302-312. EDN FEFVXQ.
7. Малявин С.Н., Макуха С.В. Использование искусственного интеллекта студентами в учебной деятельности (на примере студентов РГПУ им. А.И. Герцена) // Социально-экономическое управление: теория и практика. — 2025. — №21(3). — С 65–72. https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-3-65-72.
8. Пащенко И.Ю. Искусственный интеллект и смежные технологии: о понятии, информационной природе и публично-правовых аспектах // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — №2. — С. 99-105. https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-99-105
9. Поспелова Е.А. Оценка преподавателями влияния генеративного ИИ на образование и сопутствующих рисков // Образование и наука. — 2026. — Т. 28, №6. — С. 133–162. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2026-6-133-162.
10. Самарцева М.В. Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии // Проблемы права. — 2025. — №2(98). — С. 43-54.
11. Столбоушкин А.Ю., Крылова Е.А., Лактионов С.А., Умнов В.С. Перспективы использования нейросетей в педагогическом образовании // Вестник СибГИУ. — 2024. — №2(48).
12. Толстель О.В. Некоторые применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Физико-математические и технические науки. — 2005. — Вып. 1—2. Сер. Информатика и телекоммуникации. — С. 95-106.
13. Шамис В.А., Копылова А.М., Пантелеева Е.А. Применение нейронных сетей в образовательном процессе студентов вуза // Стандарты и мониторинг в образовании. — 2024. — №3. — С. 20-26. https://doi.org/https://doi.org/10.12737/1998-1740-2024-12-3-20-26
14. Evans D., Garcia F., Kim H. Neural Network Technologies in Education: A Review of the Empirical Literature // World Journal of Education. — 2021. — №4. — Pp. 463–479.
15. McCulloch W.S., Pitts W. (). A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity // The Bulletin of Mathematical Biophysics. — 1943. — №5(4). — Pp. 115–133.
16. Rosenblatt F. The Perceptron: A Probabilistic Model for Information Storage and Organization in the Brain // Psychological Review. — 1958. — №65(6). — Pp. 386–408.
17. Smith A., Jones B., Brown C. The Development of Skills in the Field of Neural Network Technologies for Future Teachers: Opportunities and Advantages // Neural Network Technologies in Education. — 2022. — №1. — Pp. 43–68.

Business discourse in the format of intercultural communication: essential characteristics, substantive component and main levels of the learning process

Komleva Elena Valerievna, *DSc of Philology*

Gerasimova Ksenia Yurievna, *PhD of Pedagogic sciences*

Miroshnikova Daria Viktorovna, *PhD of Pedagogic sciences*

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

The importance of purposeful mastery of intercultural business discourse by higher education students is a key prerequisite for professional success in a multicultural environment. The relevance of this study stems from the labor market demand for university graduates capable of designing and implementing effective intercultural business communication in various institutional contexts, taking into account the norms and expectations of partners from different cultures. The theoretical and methodological basis of the study is formed by the tenets of the theory of institutional discourse in the format of intercultural communication. The purpose of the study is to substantiate business discourse as a complex phenomenon serving as a substantive element of the educational program for training future specialists from various professional fields in intercultural business communication. The scientific novelty of the study is determined by its results. The paper reveals the essential characteristics of business discourse as a multifaceted phenomenon and one of the main types of institutional discourse with significant species-specific differences. The substantive aspect of the process of teaching business discourse in the format of intercultural communication is characterized as part of an integrated didactic system. A typology of tasks is proposed, correlated with the levels of intercultural business discourse development (metacommunicational, reproductive, and productive). The specifics of teaching the fundamentals of maintaining communicative balance in the process of highly effective business communication are examined. The main concluding thesis is that mastering a high level of intercultural business discourse is an integral part of the professional profile of a modern specialist.

Keywords: *business discourse; intercultural communication; addresser; addressee; levels of training in intercultural business discourse; professional communication; communicative balance.*

EDN: ROMNXM ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.50***

Цитировать: *Комлева Е.В., Герасимова К.Ю., Мирошникова Д.В. Деловой дискурс в формате межкультурной коммуникации: сущностные характеристики, содержательная составляющая и основные уровни процесса обучения // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 364–370. EDN: ROMNXM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.50*

УДК 372.881.1
5.8.2

Деловой дискурс в формате межкультурной коммуникации: сущностные характеристики, содержательная составляющая и основные уровни процесса обучения

© Комлева Е.В., Герасимова К.Ю., Мирошникова Д.В., 2026

Комлева Елена Валерьевна, *доктор филологических наук*
SPIN-код: 7017-5375
ORCID ID: 0009-0001-4290-9293
ResearcherID: GYU-4914-2022

Герасимова Ксения Юрьевна, *кандидат педагогических наук*
SPIN-код: 3248-9712
ORCID ID: 0000-0002-9210-0230
ResearcherID: AAI-6422-2020

Значимость целенаправленного овладения межкультурным деловым дискурсом обучающимися высшей школы выступает одним из ключевых условий профессиональной состоятельности в поликультурной среде. Актуальность исследования обусловлена запросом рынка труда на выпускника вуза, способного проектировать и реализовывать эффективную деловую межкультурную коммуникацию в различных институциональных контекстах с учётом норм и ожиданий партнёров иной культуры. Теоретико-методологическую базу исследования составляют положения теории институционального дискурса в формате межкультурной коммуникации. Цель исследования — обосновать деловой дискурс как комплексный феномен, выступающий содержательным элементом образовательной программы подготовки будущих специалистов из различных профессиональных областей к межкультурному деловому общению. Научная новизна исследования обусловлена его результатами. В работе раскрыты сущностные характеристики делового дискурса как многоаспектного феномена и одного из основных типов институционального дискурса, обладающего значительными видовыми различиями. Охарактеризована содержательная сторона процесса

обучения деловому дискурсу в формате межкультурной коммуникации как часть комплексной дидактической системы. Предложена типология заданий, соотнесенная с уровнями формирования межкультурного делового дискурса (метакоммуникационный, репродуктивный, продуктивный). Рассмотрены особенности обучения основам поддержания коммуникативного равновесия в процессе высокоэффективного делового общения. Главный заключительный тезис состоит в том, что овладение высоким уровнем межкультурного делового дискурса является неотъемлемой частью профессионального портрета современного специалиста.

Ключевые слова: *деловой дискурс; межкультурная коммуникация; адресант; адресат; уровни обучения межкультурному деловому дискурсу; профессиональное общение; коммуникативное равновесие.*

МИРОШНИКОВА Дарья Викторовна,
кандидат педагогических наук
SPIN-код: 9747-2410
ORCID ID: 0000-0001-9069-7734
ResearcherID: U-6094-2017

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Введение

Существенные трансформации в социально-экономических реалиях современности, появление и интенсификация новых международных контактов в различных сферах деятельности, усиление этнолингвокультурной составляющей в деловом общении требуют создания эффективной парадигмы межкультурной деловой коммуникации и в очередной раз актуализируют обращение к проблеме овладения деловым дискурсом на высоком уровне будущими специалистами. Умение эффективно выстраивать межкультурную деловую коммуникацию, осуществлять грамотное лингвопрагматическое планирование с учетом масштабных перемен в современном мире способствует гармонизации вербального и невербального взаимодействия внутри делового сообщества и является необходимым профессионально значимым умением современного специалиста, повышающим его востребованность и конкурентоспособность на рынке труда. Овладение будущими специалистами межкультурным деловым дискурсом в рамках высшего профессионального образования рассматривается как необходимый компонент формирования прочного основания, обеспечивающего проведение равностатусных деловых переговоров на международном уровне и систематическое наращивание межотраслевой кооперации в различных секторах отечественной экономики.

В современном научном мире сложились теоретические предпосылки, позволяющие обосновать значимость обучения деловому межкультурному дискурсу в процессе подготовки будущих профессиональных кадров. Так, сущностные характеристики делового дискурса как одного из основных типов институционального дискурса подробно освещены в научных трудах М.К. Гетманской, Л.В. Романовской, А.О. Стеблецовой, Ю.В. Стодолинской, Л.П. Тарнаевой, А.О. Хохловой. Авторы останавливаются как на компонентном составе делового дискурса, так и на его типичных лингвистических характеристиках. Многоаспектный перечень составляющих содержательной стороны обучения деловому дискурсу в формате межкультурной коммуникации представлен К.Ю. Герасимовой, М.К. Гетманской, Г.К. Гизатовой, Н.А. Вишневецкой, О.Г. Ивановой, Е.В. Комлевой, Д.В. Мирошниковой, О.Н. Романовой, Н.М. Симеоновой, Е.В. Сурковой, Г.Ф. Филлиповой. В частности, ученые акцентируют внимание как на трехуровневой системе процесса обучения межкультурному деловому дискурсу, так и на потенциальных трудностях и рисках, с которыми могут столкнуться будущие специалисты в процессе деловой коммуникации в межкультурном формате. Также рассматриваются ключевые аспекты выстраивания высокоэффективного делового общения, подчеркивается особая значимость овладения будущими профессионалами основами поддержания коммуникативного равновесия в процессе делового общения (И.А. Стернин).

Цель исследования состоит в том, чтобы обосновать деловой дискурс как комплексный феномен, являющийся содержательным элементом образовательной программы по подготовке будущих специалистов из различных профессиональных областей и способствующий формированию навыков межкультур-

ного общения у участников образовательного процесса.

В рамках данного исследования авторами выделяется для решения следующий перечень задач: 1) выявить сущностные характеристики феномена «деловой дискурс»; 2) охарактеризовать содержательную составляющую процесса обучения деловому дискурсу в формате межкультурной коммуникации; 3) представить основные уровни (метакоммуникационный, репродуктивный и продуктивный) обучения межкультурной деловой коммуникации, подкрепив каждый из них соответствующими языковыми, условно-речевыми и проблемно-коммуникативными заданиями; 4) изучить особенности сохранения и поддержания коммуникативного равновесия в процессе делового общения.

Научная новизна заключается в том, что в исследовании раскрыто содержание обучения деловому дискурсу как одного из основных компонентов современной профессиональной подготовки будущих специалистов в формате межкультурной коммуникации; выявлены взаимообусловленные элементы содержательной составляющей процесса обучения деловому межкультурному дискурсу как дидактической системы.

Теоретическая значимость исследования состоит, во-первых, в уточнении места делового дискурса как коммуникативного явления в системе таких смежных понятий как профессиональная коммуникация, институциональный дискурс, профессиональный дискурс, межкультурное взаимодействие; во-вторых, теоретической ценности представленной модели уровневого формирования межкультурного делового дискурса (метакоммуникационный, репродуктивный, продуктивный уровни) сближающей лингводидактический и дискурсивно-прагматический подходы, демонстрирующей механизм перехода от знания обучающимися основ деловой межкультурной коммуникации к самостоятельному дискурсивному действию; в-третьих, в расширении понимания «межкультурности» за счет единства вербального и невербального через развитие у обучающихся умения наблюдать и интерпретировать социокультурные маркеры и невербальное поведение, а также соотносить выбор модальных и этикетных средств взаимодействия с культурными ожиданиями партнера, что усиливает теоретическое положение о дискурсе как единстве языковых, поведенческих и социокультурных кодов.

Практическая значимость исследования обусловлена потенциалом полученных в исследовании результатов как основания для проектирования учебных программ дисциплин, курсов и модулей по межкультурной деловой коммуникации. Представленная типология заданий для каждого уровня формирования межкультурного делового дискурса (метакоммуникационный, репродуктивный, продуктивный) позволяет расширить как спектр профессиональных сфер для отработки деловых ситуаций, так и их содержание.

Результаты исследования и их обсуждение

Важность обращения именно к деловому дискурсу связана с его обширной, многоаспектной природой, поскольку он представляет собой один из основных типов институционального дискурса, который в свою очередь правомерно включает в себя профессиональный, академический, политический и публичный типы дискурса [1, с. 161; 5; 8; 11]. В данной статье внимание сосредоточено на изучении более широкого явления — делового дискурса. В целом, ключевыми составляющими делового дискурса как институционального являются роли коммуникантов, цель и прототипное место общения [6, с. 251]. Так, адресант и адресат могут обладать как равностатусными ролями (коллега-коллега, партнер-партнер) в формате делового дискурса, так и разностатусными ролями (руководитель-подчиненный/исполнитель). Главной целевой установкой в аспекте делового дискурса выступает, как правило, получение какой-либо прибыли в результате осуществления деловой деятельности. Типовым местом делового общения является конференцзал, офис и т.д. [6, с. 251].

В свою очередь, к наиболее характерным лингвистическим чертам делового дискурса относят: отсутствие избыточности лексических единиц; значительное использование «штампов, готовых «языковых трафаретов», характерных для стандартизированных ситуаций делового общения; отсутствие подтекста и нечеткости выражаемой мысли при передаче сообщения от адресанта адресату;

преимущественно императивный характер документации; недопустимость чрезмерной формализации или демократизации делового общения [10, с. 84].

Обучение деловому дискурсу в формате межкультурной коммуникации подразумевает определенную дидактическую систему, обусловленную такой направленностью содержания учебных материалов и учебной деятельности будущих специалистов, которая связана с овладением ими комплексом знаний, умений и навыков, определяющих их готовность к грамотному осуществлению делового межкультурного общения и успешного достижения желаемых результатов в нём. Следует отметить, что овладение будущими специалистами деловым дискурсом в рамках межкультурной коммуникации связано с изучением и совершенствованием комплекса взаимосвязанных лингвистических и экстралингвистических явлений. То есть, обучающиеся овладевают лексико-грамматическими единицами и конструкциями, являющимися универсальными для сферы делового общения и направленными на передачу вежливого обращения и «оправданно-необходимой косвенности в общении»; совершенствуют умения эффективно планировать и выстраивать подготовленную и неподготовленную монологическую, диалогическую и полилогическую речь с позиции делового дискурса; овладевают механизмом неконфликтного общения и моделями социально корректного коммуникативного поведения в межкультурном деловом пространстве; изучают речевой портрет представителей различных культур, развивая при этом умение «вести социокультурные наблюдения» и «адекватно воспринимать социокультурную информацию» для последующего продуктивного участия в межкультурных деловых беседах и переговорах; знакомятся с иноязычными средствами выражения модальности, характерными для употребления в различных ситуациях межкультурного делового общения [1, с.160; 4; 7, с. 44, 47].

Постижение основ делового дискурса обучающимися, получающими высшее профессиональное образование, подразумевает развитие и совершенствование навыков межкультурной деловой коммуникации как в устной, так и в письменной формах. В целом, процессуальная сторона обучения межкультурному деловому дискурсу, по мнению Н.М. Симеоновой, связана с тремя уровнями, а именно метакоммуникационным, репродуктивным и продуктивным [7, с. 46]. Для первого уровня характерно овладение будущими специалистами структурными характеристиками делового дискурса, деловой лексикой и основами её грамотного использования в формате межкультурного делового общения. В свою очередь, на репродуктивном уровне обучающимся следует предложить выполнение условно-речевых упражнений, в формате которых развиваются навыки адекватного оперирования иноязычными лексико-грамматическими единицами и средствами модальности в рамках деловой коммуникации в соответствии с исходным коммуникативным намерением. Продуктивный уровень базируется на игровом моделировании и подразумевает выполнение обучающимися проблемно-коммуникативных заданий, в формате которых совершенствуется сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических умений и навыков, среди которых умение распознавать и верно трактовать скрытые коммуникативные интенции в формате межкультурного делового дискурса, грамотно и гибко применять синтез разнообразных этикетных средств, речевых стратегий и тактик [7, с. 46-47]. Как правило, содержательное и соответственно лексико-грамматическое наполнение упражнений и заданий в рамках вышеназванных уровней связано с особенностями ведения деловых телефонных переговоров, поиска вакансий и процесса трудоустройства, договоренности о деловой встрече, обсуждения различных услуг и товаров и т.д. [11, с. 115].

На основе данной классификации были структурированы коммуникативные задания для обучающихся в соответствии с тремя указанными уровнями (метакоммуникативный, репродуктивный, продуктивный) и содержанием обучения деловой коммуникации будущих специалистов различных сфер.

Уровень 1: Метакоммуникативный (овладение структурными элементами деловой коммуникации).

Цель: Узнавание и воспроизведение базовых структур, формул вежливости, стандартной деловой лексики в контексте.

Примерные упражнения, использованные в работе: Matching Formulas to Situations (соотнесение клише и подходящих ситуаций); Gap-fill with Standard Vocabulary (заполнение пропусков в коммуникативных ситуациях лексическими единицами согласно заданной ситуации); Categorizing Business Lexis (систематизирование деловой лексики); Building a Mini-Dialogue (построение небольших коммуникативных ситуаций); Recognizing Formal vs. Informal Register (распределение заданных коммуникативных ситуаций на две группы — ситуации делового стиля и ситуации бытового разговорного характера).

Уровень 2. Репродуктивный (условно-речевые упражнения).

Цель: Адекватное оперирование лексико-грамматическими единицами и средствами модальности в заданных коммуникативных рамках.

Примерные упражнения, использованные в работе: Substitution Drill (замена неформальной лексики и речевых клише подходящими деловыми фразами); Transforming Direct Speech into Polite Requests (работа с модальностью: трансформация прямой речи в вежливую просьбу); Role-play with a Guided Script (ролевая игра по заданному сценарию); Sentence Completion (восполнение фраз); «Correct the Tone» Email Rewrite (корректирование «тона» письма в более вежливый).

Уровень 3. Продуктивный (проблемно-коммуникативные задания, игровое моделирование).

Цель: Распознавание скрытых интенций, гибкое применение речевых стратегий, решение проблем в межкультурном контексте.

Примерные упражнения, использованные в работе: Simulation: The Hidden Agenda Meeting (воссоздание условий деловой встречи — задача: обнаружить скрытую повестку собрания); Case Study and Negotiation (разбор и симуляция кейсов): The Problematic Supplier («живой» диалог с проблемным партнером по деловой встрече); Cross-Cultural Communication Dilemma (решение задач межкультурной коммуникации); Mediation Role-play (ролевая игра: исполнение роли медиатора).

Необходимо также отметить, что овладение деловым дискурсом подразумевает верную интерпретацию вербального и невербального поведения партнеров по межкультурному деловому общению. Важно учитывать, что в процессе изучения основ иноязычного делового дискурса обучающиеся могут испытывать ряд трудностей, обусловленных некоторыми расхождениями в этикетных нормах российской и других культур, а также психологическими и национальными особенностями адресанта и адресата. К тому же, будущие специалисты должны принимать во внимание то обстоятельство, что влияние на характер и исход межкультурного делового общения оказывают такие факторы, как гендерная и возрастная принадлежность реципиентов. Зачастую действенными оказываются полярно разные речевые стратегии и тактики среди лиц женского и мужского пола, а также среди представителей разных поколений.

По мнению Г.Ф. Филипповой, формирование культуры языковой личности будущего профессионала, включающей нормативный, коммуникативно-прагматический и этический элементы, является одним из ведущих аспектов в процессе обучения деловому дискурсу. Если нормативный элемент подразумевает грамотное использование литературного языка, то формирование двух других элементов неразрывно связано с умением выстраивать деловое общение «с позиций профессиональной пользы и продуктивности» [13, с. 600].

Помимо этого, обучение базисным аспектам межкультурного делового дискурса тесно связано с овладением обучающимися основами подержания коммуникативного равновесия в процессе делового общения, что напрямую определяет степень его эффективности и результативности. Отметим, что соблюдение коммуникативного равновесия противоречит мысли о том, что для одних субъектов делового дискурса процесс общения будет эффективным, а для других нет. Коммуникативное равновесие подразумевает сохранение комфортных, положительных отношений между адресатом и адресантом. Существует два формата коммуникативного равновесия: вертикальное и горизонтальное [9, с. 65]. Первый формат подразумевает сохранение коммуникативного комфорта и уважительного отношения в субъект-объектном иерархическом взаимодействии (например, начальник-под-

чиненный). Второй вариант распространяется на поддержание коммуникативного равновесия в процессе общения среди «равных» (к примеру, деловой партнер-деловой партнер).

Будущим специалистам следует учесть, что коммуникативное равновесие в межкультурном деловом общении может быть нарушено из-за различий в языковых системах, восприятии времени, невербальной коммуникации и отношении к деловой репутации. Учет этих факторов позволит профессионалам адаптировать свое речевое поведение, избегать коммуникативных ошибок и соблюдать «коммуникативные ожидания» партнера, создавая тем самым необходимый уровень комфорта [3, с. 37]. Ключевым препятствием в межкультурной коммуникации зачастую становятся лингвистические различия, включающие проблемы адекватного перевода, лингвокультурные и диалектные особенности, а также нюансы выбора подходящих лексических средств в зависимости от коммуникативной ситуации.

В целом, по мнению А.И. Ковригиной, учет лингвистических особенностей получаемого в ходе деловых переговоров сообщения, а также способность принимать во внимание характерные черты реципиента как языковой личности и представителя другой культурной среды тесно связаны с формированием прагматического компонента коммуникативной компетенции будущего специалиста, готового осуществлять продуктивное межкультурное деловое общение и отдавать предпочтение «выигрышным моделям и стратегиям поведения в переговорном процессе» [3, с. 37-38].

Заключение

Представленный анализ позволяет заключить, что владение высоким уровнем иноязычной деловой коммуникации является неотъемлемой частью профессионального портрета современного специалиста из различных сфер деятельности. В процессе постижения основ делового дискурса на этапе получения высшего профессионального образования обучающиеся учатся выстраивать «лингвистически грамотное межкультурное взаимодействие, необходимое для установления, развития и поддержания деловых контактов»; верно интерпретировать модальность и содержательную составляющую делового сообщения; предотвращать возникновение очагов коммуникативной напряженности, учитывая этнокультурные особенности реципиента [2, с. 26-27; 7, с. 47]. Обучение деловому дискурсу в аспекте межкультурной коммуникации способствует расширению «профессионального мышления будущих специалистов» [13, с. 601], помогая им выстроить высокоэффективное деловое общение.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающий характер и служит перспективным направлением для дальнейшего научного поиска, связанного с обучением будущих специалистов из различных профессиональных областей практическим аспектам делового дискурса и речевого воздействия на основе коммуникативного и предметного содержания дисциплин лингвистического профиля в вузе. За рамками данной работы остается ряд вопросов, требующих более пристального внимания, особенно в свете современной динамики межкультурных контактов, такие как, например, вопросы когнитивных механизмов фреймирования и рефреймирования в деловом дискурсе, интерпретации контекстов межкультурной коммуникации, обучение студентов различных профилей подготовки рефреймингу на родном и иностранном языках для развития у них более гибкого коммуникативного мышления. Кроме того, в поле интересов авторов данной статьи попадает дифференцированное изучение различных сфер межкультурной коммуникации, так как дискурсивные практики, хотя и содержат некоторые наборы универсальных моделей делового языка, однако вопрос выявления корреляций между профессиональной областью, национальной культурой и предпочитаемыми стратегиями речевого воздействия остается малоизученным.

Таким образом, дальнейшие научные изыскания в заданном направлении могут быть сосредоточены на пересечении когнитивной лингвистики, теории речевого воздействия и межкультурной дидактики, что откроет возможности для создания более точных и адресных моделей обучения деловому дискурсу.

Литература

1. Гетманская М.К. О роли делового дискурса в профессионально ориентированном обучении иностранному языку / М.К. Гетманская // Казанский педагогический журнал. — 2020. — №4(141). — С. 159-165. EDN: LJUYTX.

2. Иванова О.Г., Гизатова Г.К. Бизнес-коммуникация в поликультурном мире // CI Международные научные чтения (памяти П.М. Голубицкого): сб. ст. Международн. науч.-практич. конф. (Москва, 08 февраля 2021 г.). — М., 2021. — С. 26-30. EDN: CSUITK.
3. Ковригина А.И. Обучение профессиональной коммуникации: латиноамериканский стиль ведения деловых переговоров как феномен культуры // Актуальные проблемы преподавания иностранного языка: традиции и новые парадигмы: сб. ст. Международн. науч.-практич. конф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 23 марта — 12 октября 2023 г.). — М., 2024. — С. 36-43. EDN: KLBVAT.
4. Комлева Е.В. Алгоритм организации кооперативного общения в межкультурном профессиональном дискурсе / Е.В. Комлева, К.Ю. Герасимова, Д.В. Мирошникова. — Оренбург: Экспресс-печать, 2024. — 156 с. EDN: JJKWLC.
5. Прагматика профессионального дискурса / К.Ю. Герасимова, Н.Т. Николаева, Д.В. Мирошникова [и др.]. — СПб.: Реноме, 2022. — 240 с. EDN: GWXHTD.
6. Романовская Л.В., Хохлова А.О. Функционально-синергетический анализ речевого воздействия в деловом дискурсе // Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин в школе и вузе: сб. ст. III Всероссийской науч.-практич. конф. (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 27 января 2023 г.). — М., 2023. — С. 249-256.
7. Симеонова Н.М. Обучение иноязычному деловому дискурсу студентов финансово-экономического профиля / Н.М. Симеонова // Вопросы педагогики. — 2017. — № 4. — С. 43-47. EDN: WBZUUA.
8. Стеблецова А. О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. — №6(717). — С. 532–543.
9. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. — Воронеж, 2001. — 227 с. EDN: QXOQUP.
10. Стодолинская Ю.В. Бизнес дискурс как самостоятельный тип дискурса / Ю.В. Стодолинская // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2013. — №9. — С. 82-86. EDN: RUPOCV.
11. Суркова Е.В. Основные аспекты развития межкультурной компетенции студентов-иностранцев в рамках дисциплины "Деловой иностранный язык" / Е.В. Суркова, Н.А. Вишневецкая, О.Н. Романова // Primo Aspectu. — 2024. — №3(59). — С. 113-117. DOI: 10.35211/2500-2635-2024-3-59-113-117. EDN: OUGITE.
12. Тарнаева Л.П. Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблемы / Л.П. Тарнаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — №12(42). — С. 171-174. EDN: SYEEMR.
13. Филиппова Г.Ф. Специфика межкультурного дискурса в контексте обучения основам деловой коммуникации // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития: сб. ст. Международн. науч.-практич.конф. (Казанский государственный энергетический университет, 07-08 ноября 2024 г.). — Казань, 2025. — С. 599-602. EDN: RMCBPJ.

A MODEL FOR DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF FUTURE PHILOLOGY TEACHERS BASED ON HYBRID LEARNING

Kravtsova Victoria Ivanovna, *Postgraduate student, Starobelsk Faculty (branch), Lugansk State Pedagogical University, Starobelsk (Russia)*

The study presents a developed model of foreign language competence for future philology teachers based on a hybrid learning format. The relevance of this study stems from the urgent need for proficiency in a foreign language on par with the national language for professional work in a hybrid learning environment. The purpose of the study is to examine the scientific and theoretical material and develop a model for developing foreign language competence in future philology teachers based on a hybrid learning format. A theoretical interpretation of the foreign language competence model is presented, which is determined by the relationship with the hybrid learning format, particularly its sociocultural component. The relationship between foreign language competence and hybrid learning is substantiated as a meta-component of the digital educational infrastructure. A model of foreign language competence for future philology teachers based on a hybrid learning approach is proposed. It includes the following blocks: determination-target, scientific-methodological, organizational-activity, criteria-diagnostic, hybrid infocommunication, and results-based. The scientific-methodological block consists of systemic, activity-based, competency-based, linguacultural, student-centered, interdisciplinary, and project-based approaches. The advantages of a hybrid learning approach for future philology teachers in developing foreign language competence are highlighted: online educational platforms, video and audio materials, an online phonetic trainer, and practical communicative activities using artificial intelligence. The development of foreign language competence in future philology teachers is carried out using "auxiliary, handy" digital solutions integrated into the hybrid learning approach. The interdependence of the foreign language competence model provides a clear understanding of a promising strategy for developing the foreign language competence of future philology teachers through the use of a hybrid model within a digital ecosystem. Its practical significance stems from the fact that the developed model will achieve a new level of foreign language competence development based on a hybrid learning format during the training of future philology teachers.

Keywords: *foreign language competence; future philology teachers; foreign language competence model; communicative situation; pedagogical conditions; hybrid learning format.*

EDN: SHUSNO **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.51**

Цитировать: *Кравцова В.И. Модель формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридного обучения // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 371–380. EDN: SHUSNO. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.51*

УДК 378.046
5.8.7

Модель формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридного обучения

© Кравцова В.И., 2026

В статье представлена разработанная модель иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения. Актуальность исследования обусловлена тем, что существует острая необходимость владения иностранным языком наравне с национальным языком для осуществления профессиональной деятельности в условиях гибридной формы обучения. Целью исследования является изучение научно-теоретического материала и разработки модели формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения. Представлена теоретическая интерпретация модели иноязычной компетенции, которая детерминирована взаимосвязью с гибридной формой обучения, в частности его социокультурным компонентом. Аргументирована взаимосвязь иноязычной компетенции и гибридной формы обучения, как метакомпонент цифровой инфраструктуры образования. Предложена модель иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения, включающая следующие блоки: научно-методологический, детерминационно-целевой, организационно-деятельностный, критериально-диагностический, гибридный инфокоммуникационный и результативный. Научно-методический блок состоит из системно-

го, деятельностного, компетентностного, лингвокультурогического, личностно-ориентированного, междисциплинарного и проектного подходов. Указаны преимущества гибридной формы обучения будущих учителей-филологов при формировании иноязычной компетенции, которые следуют логическим направлениям: постановка цели, необходимые цифровые средства и результат достигнутой цели. Формирование иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения осуществляется при помощи «слияния» инновационной и классической форм обучения. Каждый содержательный блок иноязычной компетенции определяется методологическими принципами и педагогическими условиями в образовательной ситуации цифрового пространства. Достоверность практической значимости сформированности иноязычной компетенции представлена разработанной моделью иноязычной компетенции, которая выступает индикатором профессионализма будущих учителей-филологов.

Ключевые слова: иноязычная компетенция; будущие учителя-филологи; модель иноязычной компетенции; коммуникативная ситуация; педагогические условия; гибридная форма обучения.

КРАВЦОВА Виктория Ивановна, *аспирант, Старобельский факультет (филиал), Луганский государственный педагогический университет, Старобельск (Россия)*
SPIN-код: 1121-2485
ORCID ID: 0009-0003-5689-1789

Введение

Подлинные текущие реалии педагогических условий преподавания иностранного языка требуют существенных изменений. Для достижения необходимого результата важно четко определить образовательный маршрут для формирования иноязычной компетенции. Коммуникативные способности будущих учителей-филологов занимают важное место в профессиональном становлении. Именно формирование иноязычной компетенции страдает от недостатка обеспечения подходящих образовательных ресурсов. Одним из приоритетно действенных способов по формированию иноязычной компетенции является гибридная форма обучения. Гибридная форма обучения представляет собой новый формат обучения, который обогащает классическую форму обучения. Все участники образовательного процесса понимают значимость гибридной формы обучения, но не в полной мере применяют эту форму в учебной деятельности при формировании иноязычной компетенции будущих учителей-филологов.

Иноязычная компетенция представляет собой многослойный феномен, который поддается формированию в условиях гибридной формы обучения в рамках синергетического подхода при изучении иностранного языка. До сих пор иностранный язык ощущается многими как некая слепая стихия, который невозможно контролировать, регулировать и подчинить.

Заложенный потенциал по формированию иноязычной компетенции используется не в полной мере. Будущие учителя-филологи сталкиваются с коммуникативной тревожностью и психолого-педагогическими трудностями спонтанной речи на иностранном языке. Это неудовлетворительный этап образовательной деятельности по формированию языковой личности будущих учителей-филологов. Для поддержания языковой личности на высоком профессиональном уровне важно погрузиться в научно-литературный первоисточник по формированию иноязычной компетенции.

В основе формирования иноязычной компетенции лежат макроэлементы и микроэлементы составляющих внутренней организации компетенции. Причиной некачественного формирования иноязычной компетенции является нечеткое объяснение понимания модели иноязычной компетенции. В следствии этого, иностранный язык изучается как «явление» коммуникации при этом не имея ничего общего с коммуникацией. Цель исследования заключается в изучении научно-теоретического материала и разработки модели формирования иноязычной компетенции будущих учителей-фило-

логов на основе гибридной формы обучения. Актуальность исследования представлена в реализации коммуникации на иностранном языке в ситуации, при которой иностранный язык не только остаётся лингва франка в образовании, но и становится всё более значимым в регионах с растущим экономическим и культурным влиянием. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: 1) изучить результаты исследований в области разработанной модели иноязычной компетенции, рассмотреть структуру и содержание иноязычной компетенции; 2) проанализировать взаимосвязь особенностей иноязычной компетенции и гибридной формы обучения в процессе педагогической деятельности; 3) разработать модель иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения будущих учителей-филологов.

Методической основой исследования стал теоретический фундамент исследований, посвященных изучению модели формирования иноязычной компетенции Г.М. Романцева, М.С. Шевченко, Ж.Н. Бисенбаева, Л.И. Корнеева, Ма Жучай, О.Э. Белкина, В.В. Гузикова, Т.Л. Гурулева, А.Н. Дворцова, О.С. Елшина, Н.С. Якимова, Чао Чуньхуа, О.Г. Бардина и др., изложили свои познания о гибридной форме обучения И.А. Нагаева, К.А. Баранников, Д.П. Ананин, Н.Г. Стрикун, О.Н. Алканова, А.Е. Байзаров, О.Ю. Афанасьева, М.Г. Федотова, Ф.Г. Байрамгалин. Бесценные работы стали ориентиром для анализа и создания необходимых условий по формированию иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения. В итоге, представленный научно-теоретический материал стал основой для выявления взаимосвязи между особенностями иноязычной компетенции и гибридной формы обучения, которая послужила стимулом для построения модели иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения.

Модель иноязычной компетенции, структура и содержание

Согласно словарю профессионально-педагогических терминов [1], модель — это образец, который является стандартом, последовательность алгоритмических действий для отображения эпизода реальности. Модель сформированности иноязычной компетенции зависит от ряда факторов, включая знания и умения, которые ложатся в основу дидактических принципов и методов. Понятие «модель» функционирует в пределах установленных закономерностей и особенностей, которые необходимо преобразовать в иллюстративный материал, который формирует понимание иноязычной компетенции от небольших фрагментов информации к полному объему информации.

М.С. Шевченко склоняется к тому, что будущие учителя-филологи должны обладать широким спектром личностных качеств, которые имеют неподдельное влияние на языковую наполняемость. На основании этого, модель иноязычной компетенции включает четыре направления: целевое направление, теоретико-методологическое направление, процессуально-содержательное направление и оценочно-результативное направление. Целевое направление подразумевает понимание структуры и правил коммуникации, стремление к усовершенствованию и личностному развитию, проявление проактивной учебной позиции. Помимо, овладения языком необходимо «приручить» дополнительные компетенции, которые являются психолого-педагогическими навыками и умениями. Решение нестандартных языковых решений заключает в себе выбор правильных речевых формулировок [15, с. 2-3].

Ж.Н. Бисенбаева, Ж.Д. Дуйсенбекова, Е.А. Аширметов указывают на результативность вследствие достижения поставленных задач по формированию иноязычной компетенции, которая подвергается воздействию личностно-ориентированного подхода. Этот подход способствует созданию благоприятных условий для формирования иноязычной компетенции, при помощи гибкости учебного процесса с учетом личностных интересов. Исследователи сосредотачивают свое внимание на организационном этапе, который добивается поставленных дидактических целей, разрабатывает новые методы и

[1] Романцев Г.М., Федоров И.В., Осипова О.В., Тарасюк О.В. Словарь профессионально-педагогических терминов/ Г.М. Романцев, И.В. Федоров, О.В. Осипова, О.В. Тарасюк. — Екатеринбург: Издательство российского государственного профессионального педагогического университета. — 2005. — 456 с.

средства для формирования иноязычной компетенции, усовершенствует процесс преподавания иностранного языка. В то же время, доминантным в формировании иноязычной компетенции является сосредоточенность на индивидуальной деятельности учащихся. Самостоятельная работа должна быть ассимилирована в учебный процесс [5, с. 14-17].

Л.И. Корнеева демонстрирует формирование иноязычной компетенции, начиная с элементарных языковых практик. Именно, модель формирования иноязычной компетенции в вузах Китая начинается с понимания коммуникативных поступков, адаптации к непредвиденным коммуникативным ситуациям, делегировании полномочий и сглаживание конфликтных ситуаций. Формирование иноязычной компетенции полностью подчиняется познавательной и коммуникативной деятельности. В процессе познавательной деятельности расширяются культурные горизонты, появляется осознание языковых ценностей и мировоззрения народа изучаемого языка [10, с. 62].

Ма Жунюй ссылается на использование принципа последовательности, системности и свойства первостепенности. Свойство первостепенности способствует формированию иноязычной компетенции начиная с базовых правил, которые задают правильное направление к организации учебных действий. Учебный материал должен излагаться логично, структурировано. Правильное соотношение самостоятельной работы и аудиторной работы повышает эффективность формирования иноязычной компетенции. Аудирование, говорение, чтение и письмо должны взаимодополнять друг друга, следовать рациональной последовательности. [11, с. 163].

О.Э. Белкина делит процесс формирования иноязычной компетенции на два этапа. Первый — грамматико-переводной этап, второй — подсознательный. Во время выполнения разнообразных упражнений параллельно анализируются грамматические правила. В то же время, грамматика не требует формального обучения, она воспринимается интуитивно, без особых усилий. Понимание материала происходит на бессознательном уровне. Этот способ развивает привыкание к языку, его звучанию, что гарантирует преодоление языкового барьера, в следствии, успешного формирования иноязычной компетенции [4, с. 45-46].

В.В. Гузикова, Л.Е. Зеленина, Г.В. Походзей обращают внимание на «метод чужой логики», который помогает понять логику и суть мышления иностранного высказывания. При этом методе развивается языковая догадка, которая абсорбирует знания грамматики и лексической насыщенности высказывания через многообразие языковых практики и речевых упражнений [6, с. 105].

Т.Л. Гурулева изучает формирование иноязычной компетенции на примере китайского языка. Действенным подходом к формированию иноязычной компетенции является ранжирование компонентов иноязычной компетенции китайского языка. Модель иноязычной компетенции китайского языка представлена в триедином измерении. В свою очередь, китайские исследователи в области преподавания иностранных языков выделяют: 1) речевые переводческие умения; 2) коммуникативные ситуации и речевые публичные акты; 3) тематические юниты для глубокого изучения фонетике, грамматике и лексике. Отличительной характеристикой формирования иноязычной коммуникативной компетенции английского языка и китайского выступает количество необходимых знаний для определенного уровня в китайском, тем временем, в английском языке эти грани размыты. Автор утверждает, что формирование иноязычной компетенции зависит от уровневой организации изучения как родного, так и иностранного языка [7, с. 116-118].

А.Н. Дворцова А., И.П. Акиншева ссылаются на социокультурное развитие личности, которое способствует формированию иноязычной компетенции. Однако важно обогащать знания не только социальными реалиями языка, но и понимать специфику разговорного языка. Надлежит разграничивать сферы общения, например, делового, официального и технического стилей общения. Несомненно, формирование иноязычной компетенции становится возможным при изучении языковых оборотов и клише изучаемого языка. Состояние языка напрямую зависит от образа мышления, привычек и эстетического вкуса изложения устной речи.

Культурные факторы становятся фундаментом формирования иноязычной компетенции [8, с. 98-99].

О.С. Елшина утверждает, что формирование иноязычной компетенции напрямую зависит от сопоставительного подхода родного и иностранного языка. Естественно, главная функция языка — это коммуникация, не только устная, но и письменная. Будущий филолог должен совершенствовать свою собственную речь, чтобы стать образцом культурного языкового поведения. Для полноценного формирования иноязычной компетенции необходимо выработать языковую привычку интерпретировать прочитанную информацию, воспринимать «культурный фон» языка, умело адаптировать информацию под собственную коммуникативную ситуацию. Важное место занимает последовательность этапов подготовки по формированию иноязычной компетенции: 1) фасилитация индивидуальной, парной, групповой, командной работы, которые руководствуются teambuilding мероприятиями; 2) активная речевая позиция, участие в коммуникации, владение подходящей лексикой; 3) индивидуальный подход к каждому участнику учебного процесса; 4) выполнение ряда мероприятий для повышения интереса и мотивации [9, с. 69-72].

Н.С. Якимова утверждает, что формирование иноязычной компетенции невозможно без изучения ее главных составляющих (части, которые составляют одно целое). Составляющими иноязычной компетенции являются речевая компетенция, языковая компетенция, социокультурная компетенция, компесаторная компетенция и учебно-познавательная компетенция. Речевая компетенция предполагает практику в аудировании и говорении. Языковая компетенция предполагает усвоение новых языковых формулировок. Социокультурная компетенция направлена на знакомство с культурой, традициями страны не только изучаемого языка, но и своей родной страны. Компесаторная компетенция обеспечивает поиск недостающих языковых единиц, определений, которые отсутствуют в том или ином языке. Учебно-познавательная компетенция способствует поиску информации, ее анализу и переработки. Эта компетенция легче формируется при помощи инновационных технологий и Интернет-источников, к тому же, дополнительно практикуются и усовершенствуются знания фонетического строя языка. Следовательно, формирование иноязычной компетенции полагается на перечисленные пункты: 1) соответствие учебным требованием (наличие необходимого оснащения); 2) целеполагание (определение уровня владения языком); 3) настроенность на потребности и интересы учащихся; 4) культивирование познавательной активности [16, с. 223-225].

Чао Чуньхуа — приверженец формирования иноязычной компетенции на основе последовательных обучающих действий. Исследователь понимает, что «все новое — это забытое старое», поэтому формирование иноязычной компетенции начинается с 90-х годов XX века. Период развития и формирования делится на три этапа: 1) этап формирования, создания; 2) этап развития; 3) этап классификации и систематизации. Этап создания и формирования иноязычной компетенции характеризуется комплексным подходом, который сочетает структурность, функциональность и лингвострановедение. Формирование иноязычной компетенции протекает в четырех видах деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме. Особое внимание уделяется фонетическому строю языка и грамматике. В свою очередь, на этапе развития доминирует коммуникативная деятельность, которая насчитывает знания, умения и навыки соответствующее речевому взаимодействию. Этот этап ознаменовался следующими уровнями: 1) общее описание компетенции, которая отвечает на вопрос: что это; 2) описание устной и письменной речи языка; 3) описание понимания устной и письменной деятельности (акцент на языковых паттернах языка). Этап классификации и систематизации сосредотачивает свое внимание на таких плоскостях: коммуникативная компетенция (умелое использование языковых средств для достоверной передачи информации), выбор темы и ситуации общения (репрезентативность информационного содержания); соблюдение ключевых критерий иноязычной компетенции (тренировка со звуками, слогами, словами, грамматикой); практическая деятельность в разных видах деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо и перевод) [14, с.24-25].

О.Г. Бардина, Е.А. Юринова, С.Г. Долженко рассматривают иноязычную компетенцию как интегративную составляющую учебного процесса. Иноязычная компетенция должна соотноситься с требованиями, которые создаются в конкретной среде. Исследователи утверждают, что эффективность сформированности иноязычной компетенции всецело соответствует надлежащему официальному заказу. Формирование иноязычной компетенции проходит три стадии: получения знаний, отработка необходимых навыков, выработка коммуникативных стратегий. Формирование и реализация иноязычной компетенции сопровождается рядом пошаговых действий, начиная с погружения в языковую атмосферу до создания коммуникативной ситуации и соответствующего коммуникативного поведения. Для закрепления эффекта иноязычной компетенции необходимо правильно поставить цели, содействовать когнитивно-познавательной деятельности, побуждать к иноязычной деятельности для преодоления языкового барьера. Первое место занимает моделирование ситуации успеха при формировании иноязычной компетенции. Более того, необходимо создать речевое поведение согласно языковому паттерну коммуникантов, как вербальному, так и невербальному. [3, с. 82-90].

Характеристика указывает на личностную готовность для усвоения языковых знаний и умений, изучение иноязычной компетенции указывает на психолого-педагогический аспект. Комплексное формирование иноязычной компетенции осуществляется параллельно с внутренними и внешними факторами. Одним из внешних факторов формирования иноязычной компетенции является использование инновационно-информационных технологий, в частности, гибридной формы обучения [13, с. 127].

Взаимосвязь особенностей иноязычной компетенции и гибридной формы обучения в процессе педагогической деятельности

Гибридная форма обучения имеет ряд преимуществ и достоинств для формирования иноязычной компетенции. Формирование иноязычной компетенции зависит от высокого уровня гибкости структуры занятия, обеспечивает экономию времени и средств, характеризуется индивидуализированным и персонифицированным подходом, обладает универсальностью и интерактивностью [12, с. 280].

Гибридное обучение сочетает электронное и традиционное обучение, которое открывает новые горизонты в понимании культуры изучаемого языка. Гибридное обучение — это новые возможности «присутствия» в любом месте, находясь на своем рабочем месте с определенным инновационным устройством. При этом ситуация общения и коммуникации носят практичный и реальный характер [1, с. 12].

Синхронность обучения усваивается при гибридной форме обучения. Содержание гибридной формы обучения относится к методологической концепции, при этом гибридное обучение носит механическо-техническую функциональность. Гибридная форма обучения направлена на интересы учащегося. Цель гибридного обучения заключается в передаче содержания обучения, учащимся предоставляется возможность внедрить субъектную позицию [2, с. 41-43].

Другими словами, процесс формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридного обучения одновременно является и целью, и средством обучения. Первостепенно, для качественного формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов рассматривается как «упорядочивание» всех структурных элементов. Элементы иноязычной компетенции представляют собой «архитектурный набор» для полного понимания языковой профессиональной деятельности. Именно, «фундаментом» для формирования иноязычной компетенции является гибридная форма обучения, которая характеризуется инновационной дидактической площадкой, например, ноутбук, компьютер, планшет, телефон и выход в систему интернет.

Для создания модели иноязычной компетенции важно разобраться в особенностях иноязычной компетенции. Особенностями иноязычной компетенции являются следующие позиции:

1) компоненты (субкомпетенции) иноязычной компетенции: речевая компетенция,

языковая компетенция, социокультурная компетенция, компесаторная компетенция, учебно-познавательная компетенция;

2) уровни владения иностранным языком: низкий, элементарный, средний, высокий, профессиональный;

3) психологические особенности и закономерности: мотивация, самоэффективность, когнитивные способности;

4) активные структурные элементы: фонема, морфема, лексема, предложение;

5) влияние инновационных технологий: внедрение инновационных технологий, в том числе использование гибридной формы обучения;

6) ситуативность использования языковых знаний: академическая ситуация, профессиональная ситуация, технолого-специализированная ситуация.

Повышается мастерство в овладении иностранным языком постепенно, шаг за шагом. Более того, формирование иноязычной компетенции достигается через многократные повторения, сфокусированные на заучивание и спонтанное общение с носителями языка. Постоянство и постепенность языковой практики возможны лишь при обращении к инновационным подручным средствам и инструментам. Под подручными средствами понимаем информационно-технические средства, которые обеспечивают реализацию гибридной формы обучения. Гибридная форма обучения обеспечивает условия для превосходного усовершенствования иноязычной компетенции. Нельзя опровергнуть взаимосвязь гибридной формы обучения с процессом формирования иноязычной компетенции, которая характеризуется такими положениями:

1) структурность (линейность и структурность понимания языка и знаковой системы в информационной инфраструктуре);

2) функциональность (наличие определенных возможностей по формированию иноязычной компетенции);

3) лингвострановеденье (безлимитный масштабный доступ к Интернет-ресурсам и видео материалу для знакомства и изучения культуры языка);

4) выбор темы и ситуации общения (характеризуется гибкостью процесса обучения, которая затрагивает интересы учащихся, которые способствуют коммуникативной деятельности через моделирование ситуации успеха).

Модель иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения будущих учителей-филологов

В процессе исследования была создана модель формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения, основанная на детерминационно-целевом блоке, научно-методологическом блоке, организационно-деятельностном блоке, критериально-диагностическом блоке, гибридный инфокоммуникационном блоке и результативном блоке.

Детерминационно-целевой блок вырабатывает в правильности и целесообразности формирования цели для выполнения поставленных задач. Естественно, целевая установка предопределяется социальным заказом. Для постановки целей и задач основным ориентиром становятся нормативно-правовые документы, которые отражают не только государственную политику, но и государственный заказ по формированию профессиональных компетенций.

Научно-методологический блок насчитывает необходимые подходы и принципы для рационального формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов. Следующие подходы в данном блоке включены в научно-методологический блок:

— системный подход, который указывает на формирование иноязычной компетенции как целостную, единую систему. Все компоненты иноязычной компетенции взаимодополняют друг с другом. Обратная связь всех участников образовательного процесса является доминантной в системном подходе;

— деятельностный подход, указывает на активную позицию каждого участника образовательного процесса. Деятельностный подход способствует формированию целей и задач учебной деятельности по формированию иноязычной компетенции, в процессе этого подхода появляются вопросы, которые указывают на то, что нужно достичь, каким образом, для чего;

— компетентностный подход отвечает за практическое применение имеющихся теоретических знаний, усовершенствуется процедура самостоятельной работы, парной и групповой видов деятельности;

— лингвокультурологический подход фокусируется на изучении культуры и традиций страны изучаемого языка, указывает на ситуации реального общения в определенных коммуникативных ситуациях, заостряется внимание на языковые нормы языка и языковых явлений;

— личностно-ориентированный подход сконцентрирован на личностных качествах, которые прямо пропорционально влияют на самоорганизованность, самоэффективность, дисциплинированность и самостоятельность в процессе обучения;

— междисциплинарный подход является главным триггером для объединения различных учебных дисциплин с языковыми знаниями, которые в дальнейшем носят практический характер и отождествляют языковые явления в реальных условиях;

— проектный подход является результатом достижения поставленных целей, демонстрацией сформированности коммуникативных умений.

Организационно-деятельностный блок демонстрирует гибридную форму обучения как средство достижения цели по формированию иноязычной компетенции будущих учителей-филологов. Гибридная форма обучения является опциональной формой создания виртуальной образовательной среды.

Научно-методологический блок является основой модели формирования иноязычной компетенции, потому что описывает ход учебного процесса, методы, средства и формы организации обучения. В этом блоке предоставили образовательный алгоритм ICDA. Алгоритм выполняет функцию организации образовательного процесса. Основной задачей по достижению цели выступает четкое следование по алгоритму ICDA = *Immerse* (I) + *Curiosity* (C) + *Desire* (D) + *Action* (A) (immerse — погружение, curiosity — любопытство, desire — желание, готовность, action — действие на результат). Алгоритм предписывает поочередность выполнения конкретных действий для погружения в иноязычную атмосферу. Итак, ICDA алгоритм подталкивает к погружению в иноязычную ситуацию путем использования ритмико-мелодичных речевых упражнений, которые порождают чувство заинтересованности и желания познать новые языковые знания, что провоцирует коммуникативную ситуацию успеха активную учебную позицию для изучения иноязычного материала.

Критериально-диагностический блок состоит из 4 критериев формирования иноязычной компетенции будущих учителей филологов: мотивационно-волевой, лингвистический, коммуникативно-деятельностный, социолингвистический. Уровень сформированности иноязычной компетенции располагается по шкале начально-элементарный, базово-профессиональный, профессионально-продвинутый.

В связи со структурообразующей функцией формирования иноязычной компетенции принципы процесса обучения как дискурсивные методологические положения определяют выбор содержания, методов, форм и средств обучения при изучении иностранного языка. Методологическими принципами формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов стали:

— принцип визуализации;

— принцип осознанности обучения;

— принцип автономности и самоэффективности;

— принцип гибкости и целесообразности обучения;

— принцип мультимодальности;

— принцип соответствия.

Более того, для реализации поставленной цели важно выполнить следующие педагогические условия:

— интегративное применение целевого языка в процессе моделирования педагогических ситуаций на основе гибридного обучения;

— выполнение тренировочных упражнений в мультимедийном формате;

— приобретение знаний о реальном мире при помощи инновационных ресурсов;

— использование образовательного алгоритма ICDA при использовании гибридной формы обучения.

Гибридный инфокоммуникационный блок отличается комплексом технологических средств для эффективного формирования иноязычной компетенции будущих учи-

телей-филологов. Компонентами гибридной формы обучения являются формат занятий (синхронные, асинхронные), учебные материалы (электронные учебники, видеоуроки, дополнительные аудиоверсии занятий), электронная инфраструктура занятия (онлайн платформы, совместимость с устройствами, мобильные приложения), коммуникативные чаты (форумы, веб-конференции), средства оценивания достижений (онлайн-тестирование). Гибридная форма обучения представлена образовательным пространством, которое дополняет классическую форму обучения. Использование гибридной формы обучения укрепила языковую практику в процессе учебной деятельности. Преимуществом гибридной формы обучения является не ограниченный доступ к дополнительным ресурсам, платформам и материалам обучения, которые обеспечивают персонификацию образования. Таким образом, гибридная форма обучения гарантирует беспрерывность и вовлеченность в учебно-информационное пространство.

Заключение

Изученность и анализ феномена иноязычной компетенции и гибридной формы обучения взаимодополняют друг друга, являются не отделимыми процессами для формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов. Структура иноязычной компетенции состоит из речевых, языковых, социокультурных, компесаторных и учебно-познавательных компонентов. Компоненты иноязычной компетенции требуют эффективного и регулярного развития. Образование XXI века характеризуется своей масштабностью и объемом знаний, которые постоянно сливается с иноязычной компетенцией. Эти выводы стали основополагающими для разработки модели иноязычной компетенции будущих учителей-филологов.

Разработанная модель иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридного обучения сочетает процесс формирования из классической и инновационной деятельности. В модели иноязычной компетенции представлены детерминационно-целевой, научно-методологический, организационно-результативный, критериально-диагностический, гибридный инфокоммуникационный и результативный блоки. Цикличность представленных блоков начинается с постановки цели, затем анализа результатов. Модель фокусирует свое внимание на личностно-ориентированном, коммуникативном, социокультурном и сопоставительном подходах. Центральным пунктом стала гибридная форма обучения при формировании иноязычной компетенции будущих учителей-филологов.

Следовательно, гибридная форма обучения является мощной образовательной платформой. Гибридная форма обучения обеспечивает непрерывность, постоянство и системность формирования иноязычной компетенции. Цифровые инструменты незаметно заполнили большую часть образовательной деятельности, что положительно сказывается на развитии языковых навыков через цифровую вовлеченность. Цель исследования достигнута и подтверждает то, что модель иноязычной компетенции будущих учителей-филологов укрепляет свою позицию в сочетании с гибридной формой обучения, иллюстрируя научно обоснованный метод усовершенствования иноязычной подготовки будущих учителей-филологов.

Практическая значимость данного исследования будет незаменимой для преподавателей иностранных языков, разработанная модель демонстрирует новый подход формирования иноязычной компетенции будущих учителей-филологов на основе гибридной формы обучения. Преподаватели иностранного языка могут модифицировать предоставленную модель под свои педагогические условия на основе гибридной формы обучения в педагогических высших учебных заведений.

Гибридная форма обучения расширяет географические границы для практического применения языковых умений. Ключевым действием гибридной формы обучения является идеализирование иноязычной компетенции будущих учителей-филологов. Представленные результаты направлены на раскрытие феномена иноязычной компетенции и гибридной формы обучения по формированию иноязычной компетенции в цифровом образовательном пространстве. Гибридная форма обучения дополняет классическое образование и способствует формированию у будущих учителей-филологов

профессиональных компетенций на более высоком уровне.

Литература

1. Афанасьева О.Ю. Гибридное образовательное пространство как фактор подготовки будущего учителя в педагогическом вузе / О.Ю. Афанасьева, М.Г. Федотова, Ф.Г. Байрамгалин // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2022. — №4. — С. 7-24. DOI: 10.25588/CSPU.2022.170.4.001 EDN: NXWPWL
2. Баранников К.А. Гибридное обучение: российская и зарубежная практика / К.А. Баранников, Д.П. Ананин, Н.Г. Стрикун, О.Н. Алканова, А.Е. Байзарова // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. — 2023. — №2. — С. 33-69. 10.17323/1814— 9545-2023-2-33-69. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-2-33-69 EDN: SBPTHD
3. Бардина О.Г. Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции у студентов педагогического вуза посредством CLIL / О.Г. Бардина, Е.А. Юринова, С.Г. Долженко // Образование и наука. — 2020. — №7(22) — С. 77-100. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-7-77-100 EDN: JLFZHG
4. Белкина О.Э. Осознанное развитие грамматической компетенции подходы второго иностранного (испанского) языка через эксплицитный и имплицитный подходы преподавания / О.Э. Белкина // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. — 2021. — №1(73). — С. 43-49. EDN: GHDDQT
5. Бисенбаева Ж.Н. Модель формирования иноязычной компетенции как инструмент совершенствования языковой политики / Ж.Н. Бисенбаева, Ж.Д. Дуйсенбекова, Е.А. Аширметов // Гуманитарные науки. Педагогика. — 2020. — №4 (59). — С. 12-18.
6. Гузикова В.В. Модель формирования деловой иноязычной компетенции студентов неязыковых специальностей / В.В. Гузикова, Л.Е. Зеленина, Г.В. Походзей // Педагогическое образование в России. — 2020. — №6. — С. 103-108. DOI: 10.26170/po20-06-11 EDN: ROMMCH
7. Гурулева Т.Л. Трансформация системы компетенций владения китайским языком: структурно-содержательный анализ версии 3.0 / Т.Л. Гурулева // Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин. — 2021. — С.113-123. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.11 EDN: FVXNVO
8. Дворцова А.Н. Социокультурная компетенция как средство реализации принципа культуросообразности в процессе обучения китайскому языку / А.Н. Дворцова, И.П. Акиншева //Гуманитарные исследования. — 2020. — №1(26). — С. 97-100. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-97-100 EDN: APGQEJ
9. Елшина О.С. Содержание филологической компетенции у студентов языковых факультетов / О.С. Елшина // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2025. — №2(20). — С. 67-77.
10. Корнеева Л.И. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку в Китае и России: сравнительно-сопоставительный анализ / Л.И. Корнеева // Педагогическое образование в России. — 2019. — №2. — С. 61-65. DOI: 10.26170/po19-02-07 EDN: YYSKYH
11. Ма Жунай. Дидактическая модель формирования межкультурной коммуникативной компетенции на начальном этапе обучения китайскому языку как иностранному / М. Жунай // Педагогический журнал. — 2019. — №2А(9). — С. 160-168.
12. Нагаева И.А. Анализ опыта организации и проведения практических занятий в онлайн-формате / И.А. Нагаева // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — №86-1. — С. 280-283. EDN: RQOVAF
13. Нагаева И.А. Гибридное обучение как потенциал современного образовательного процесса / И.А. Нагаева, И.А. Кузнецов // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2022. — №3(84). — С. 126-139. DOI: 10.24412/2224-0772-2022-84-126-139 EDN: VUUDUQ
14. Цао Ч. Трансформация стандартов компетенций владения китайским языком / Ч. Цао // Научно-методический электронный журнал "Концепт". — 2024. — №06. — С. 18-31. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11080 EDN: CVAKNN
15. Шевченко М.С. Модель развития языковой личности в процессе профессиональной подготовки студентов-филологов / М.С. Шевченко // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — №6(8). — С. 1-11. EDN: SKMJYV
16. Якимова Н.С. Совершенствование навыков владения студентами английским языком при изучении дополнительных курсов иностранного языка (на примере китайского) / Н.С. Якимова // Педагогика. — 2013. — №2(20). — С. 222-225. EDN: PLRIUX

PEDAGOGICAL TECHNOLOGY FOR DEVELOPING THE MILITARY-PROFESSIONAL IDENTITY OF FOREIGN CADETS OF A RUSSIAN MILITARY UNIVERSITY

Kulakov Andrey Anatolyevich, *Postgraduate student, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar (Russia)*

The ever-growing interest of African, Asian, and Latin American countries in Russian military education is stimulating the expansion of its exports and the increase in the number of foreign cadets at domestic military academies. At the same time, the sociocultural environment of military educational institutions is inevitably becoming multicultural, multinational, and multi-confessional, necessitating the development of pedagogical technologies that ensure the effective adaptation processes of foreign cadets. Military professional identity is a crucial value-motivational structure, determining the vectors, content, and intensity of the adaptation and cognitive practices of foreign cadets. It characterizes the degree to which future officers embrace military service activities as the dominant direction of personal and professional self-realization, based on their value-based attitude toward the social institution of the army, the military community, the functions it implements, norms, rules of conduct, and historically established traditions. The process of developing military-professional identity is nonlinear and periodically accompanied by crises, which, in the absence of targeted psychological and pedagogical support, can become destructive. The purpose of this article is to substantiate the pedagogical technology for forming the military-professional identity of foreign cadets at a Russian military university. The theoretical basis for a pedagogical technology designed to provide a manageable process for developing the military-professional identity of foreign cadets at Russian military universities is based on the concepts of J.E. Marcia and L.B. Schneider. This technology implements the integral integrity of military-professional training and education. An important component is a methodological seminar aimed at enhancing the cross-cultural and psychological-pedagogical competencies of the university's faculty and command staff. The pedagogical measurement data presented in the article demonstrate that the integration of the proposed pedagogical technology into the educational process has a positive impact on the professional self-determination of future officers of foreign armies.

Keywords: *military-professional identity of foreign cadets; military-professional identity statuses; pedagogical technology; stages of pedagogical technology; diagnostics of military-professional identity; Methodological seminar for the faculty and command staff of the military university.*

EDN: TAWIDP ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.52***

Цитировать: *Кулаков А.А. Педагогическая технология формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 381–392. EDN: TAWIDP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.52*

УДК 378.1
5.8.7

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ВУЗА

© Кулаков А.А., 2026

Постоянно возрастающий интерес государств Африки, Азии и Латинской Америки к российскому военному образованию стимулирует расширение масштабов его экспорта и увеличение количества иностранных курсантов в отечественных военных вузах. При этом социокультурная среда военных образовательных учреждений неизбежно обретает поликультурный, полинациональный и поликонфессиональный характер, чем и опосредуется необходимость разработки педагогических технологий, обеспечивающих эффективные адаптационные процессы иностранных курсантов. Военно-профессиональная идентичность является важнейшей ценностно-мотивационной структурой, определяющей векторы, содержание и интенсивность адаптационных и познавательных практик иностранных курсантов. Она характеризует степень принятия будущими офицерами военно-служебной деятельности как доминантного направления личностной и профессиональной самореализации на основе ценностного отношения к социальному институту армии, воинскому сообществу, реализуемым им функциям, нормам, правилам поведения и исторически сложившимся традициям. Процесс формирования военно-профессиональной идентичности протекает нелинейно и периодически сопровождается кризисами, которые в от-

сутствие целенаправленной психолого-педагогической поддержки способны принимать деструктивный характер. Целью исследования является обоснование педагогической технологии формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза. Теоретическую основу педагогической технологии, призванной придать управляемый характер процессу формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российских военных вузов, составили концепции J.E. Marcia и Л.Б. Шнейдер. Технология реализует неразрывную целостность военно-профессионального обучения и воспитания. Ее важным компонентом является методический семинар, направленный на повышение кросс-культурных и психолого-педагогических компетентностей профессорско-преподавательского и командного составов вуза. Приведенные в статье данные педагогических измерений показывают, что интеграция предлагаемой педагогической технологии в образовательный процесс оказывает позитивное влияние на профессиональное самоопределение будущих офицеров иностранных армий.

КУЛАКОВ Андрей Анатольевич, *аспирант, Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар (Россия)*

SPIN-код: 3069-3459

Ключевые слова: *военно-профессиональная идентичность иностранных курсантов; статусы военно-профессиональной идентичности; педагогическая технология; этапы педагогической технологии; диагностика военно-профессиональной идентичности; методический семинар профессорско-преподавательского и командного составов военного вуза.*

Введение

Современный мир характеризуется высокой степенью политической, экономической, культурной и технологической неоднородности. В этих условиях экспорт военного образования становится значимым фактором политической консолидации стран, так как выпускники военных вузов, ставшие офицерами различных национальных армий, в течение всей профессиональной жизни часто сохраняют верность ценностям и традициям своей «alma mater». Поэтому ряд западных и российских ученых подчеркивают, что вопрос формирования военно-профессиональной идентичности курсантов военных университетов и академий в общей системе их подготовки является одним из наиболее важных [1; 5; 7; 8; 18; 19; 20].

Известно, что самым крупным экспортером военного образования в Новейшей истории являются США. По данным Т. Маклауклин, Л.Дж.М. Сеймур, С.П.Б. Мартел (2022 г.), только за период с 1999 по 2016 гг. американскими военными университетами и академиями были реализованы 34 программы военного обучения, охватившие около 2,4 млн иностранцев [22]. М.С. Мартинес (2021 г.) отметила, что на фоне официально декларируемого мультикультуризма программы обучения иностранных военнослужащих не только позитивно влияли на их узкопонимаемый профессионализм, но также имплицитно выступали как инструмент «мягкой силы», средство формирования у обучающихся представлений об американских моделях культуры, общества и его политической системы, армии и военного образования как об универсумах, актуальных для всех времен, государств и этносов. При этом упор делался на аффинитет (от лат. *affinitas* — родство, близость), то есть встречную познавательную активность курсантов, направленную на профессионально значимую информацию, а также культуру и язык принимающей стороны [21].

Объемы экспорта военного образования российскими военными вузами значительно скромнее, чем американские. Подготовку офицеров для иностранных армий в России осуществляют 14 военных академий, 2 военных университета и 11 военных училищ. Ежегодный выпуск составляет около 2000 курсантов, а их общее число достигает 10000.

Однако и в таких масштабах проблема формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов не утрачивает своей остроты [9].

П. Калиджури (2011 г.) и Д.В. Хенк (2026 г.) считают, что неудачи в подготовке иностранных военнослужащих связаны с упрощенными подходами преподавателей и командиров к обучению иностранных курсантов при отсутствии у них необходимых кросс-культурных компетенций, опыта наблюдений и межличностных взаимодействий с представителями других культур [14; 16]. В этом случае остро встает вопрос о доминирующей культуре. Й. Мустафа (2021 г.) в обзоре литературы по проблеме культурного шока у иностранных военнослужащих констатировала, что даже «мягкое» навязывание ценностных стереотипов при их погружении в поликультурные, полиэтнические и поликонфессиональные среды способно приводить к развитию психологических барьеров, препятствующих успешному освоению программ обучения, особенно, в краткосрочной перспективе [24]. С другой стороны, отмечает автор, культурный шок не следует понимать только в негативном ключе, так как в долгосрочной перспективе усилия, направленные на адаптацию иностранцев к принимающей культуре и среде, обеспечивают вполне оптимистические сценарии инкультурации и личностного развития [23] (см. также статью А.В. Жукова и В.А. Ковалева, 2024 г. [3]).

Д.В. Хенк и А. Аббе (2024 г.) справедливо указывают на принципиальную невозможность формирования у профессорско-преподавательского и командного составов военных вузов исчерпывающих кросс-культурных компетенций, поскольку контингент курсантов может одновременно включать представителей несколько десятков стран, этносов и культур [17].

Очевидно, что в этих условиях программа обучения иностранцев должна быть ориентирована не только на обретение ими профессиональных знаний, умений и навыков, но и на формирование в их сознании наднационального ценностного-мотивационного концепта, где центральное звено составляет «модус военного служения» (А.Р. Фонарев [11], см. также [6]), а профессия офицера осмысливается как генеральная линия самореализации, предназначенность, жизненная миссия. Этот концепт получил в психолого-педагогической литературе терминологическое обозначение «военно-профессиональная идентичность». В исследовании С.Л. Ланкастер и Р.П. Харт (2015 г.) убедительно доказано, что достигнутая военно-профессиональная идентичность непосредственно связана с эффективностью профессионального функционирования военнослужащих и переживанием ими психологического благополучия [19].

Обоснование педагогической технологии формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза и составляет цель этой статьи.

Теоретико-методологические основы исследования

В научных источниках под термином «военно-профессиональная идентичность» понимается интегративный психологический феномен, характеризующийся степенью осознания личностью своей тождественности военному сообществу, принятием военно-профессиональной деятельности как актуального вектора самореализации и саморазвития, наличием ценностного отношения к функциям, нормам, правилам поведения и образу жизни, связанным с военной службой. Р.Б. Йохансен, Дж.Кр. Леберг, М. Мартинуссен (2014 г.) справедливо характеризуют военно-профессиональную идентичность как предиктор (от англ. *predictor* — предсказатель) служебной эффективности и карьерной успешности военнослужащих [18, с. 523]. Военно-профессиональная идентичность курсантов военного вуза носит динамический характер и не может быть «выучена» или непосредственно передана от одного субъекта другому, чем и объясняется необходимость создания в социокультурных средах военного вуза комплекса социально-профессиональных, образовательных и индивидуально-личностных условий, стимулирующих ее формирование и развитие (В.О. Акбутаев [1], М.В. Колесников [5], Л.А. Кузнецова [7] и др.).

В сборнике «Warriors or Peacekeepers?» («Воины или миротворцы?», ред. К. Энстад и П. Холмс-Эбер, 2020 г.) приводятся данные сравнительных исследований военно-профессиональной идентичности офицеров США,

Канады, Норвегии, Германии, Нидерландов, Дании, Аргентины и формулируется мысль, что ее «ядро» должны составлять наднациональные ценностные инварианты, благодаря которым армия функционирует как социальный институт на протяжении всей истории человечества. Примерами таких инвариантов являются чувства долга, гражданственности, чести, персональной ответственности, готовности к самопожертвованию во имя великой цели, верности благородным традициям офицерства и др. Для формирования в сознании иностранных военнослужащих таких инвариантов недостаточно заучить отличительные особенности различных культур и национального менталитета. Необходимо развитие эмоционального интеллекта (affective domain) и личностного принятия универсальных принципов армии как специфического и имеющего многотысячелетнюю историю социального института [15].

Этот подход поддерживается и российскими учеными. В частности, Е.П. Ермолаева (2017 г.) утверждала, что ценностные инварианты («ментальное ядро») являются важнейшим ориентиром профессиональной идентификации мирового сообщества специалистов в сферах медицины, образования, социального обслуживания, спасения, юриспруденции и военного дела. Они лежат в основе понятий служебного долга, профессиональной чести, компетентности, ответственности и деонтологических кодексов социетальных профессий [2].

Позднее аналогичное мнение высказала А. Аббе в работе «Оценка программ межкультурной подготовки в вооруженных силах» (2021 г.). В ней автор подчеркнула иллюзорность установки на изучение других культур и, вместе с тем, отметила важность активного поиска «культурно-общего» (*culture-general*), то есть относительно устойчивых универсальных принципов, обеспечивающих эффективное функционирование и развитие социального института армии и включенных в этот институт военнослужащих [13]. Именно через эти инварианты воинского служения со времен древнеримских легионов до современных высокотехнологичных национальных армий актуализируется феномен общественного и индивидуального сознания, который в русле известной концепции К. Юнга условно можно обозначить термином «архетип воина». Этот ценностно-мотивационный «каркас» обеспечивает взаимопонимание и эффективные взаимодействия военнослужащих, принадлежащих различным культурам. Э. Уэлле (2024 г.) справедливо считает, что в отсутствие такого архетипа в общественном сознании и сознании военнослужащих армия обречена на распад или трансформацию в опасную для общества деморализованную вооруженную толпу [25; см. также 3; 4].

Означает ли сказанное выше, что наднациональные инварианты военно-профессиональной идентичности полностью замещают собой национально-культурные? С нашей точки зрения, нет. Они, безусловно, доминируют при выполнении основных военно-профессиональных функций (например, планировании военных действий, управлении воинскими подразделениями, логистике и т.п.), но в части ценностно-мотивационного опосредствования военно-профессиональной деятельности национально-культурные и конфессиональные различия сохраняют свое значение (скажем, индивидуализм или коллективизм, представления о чести и достоинстве личности, религии, смерти и загробной жизни и т.п.).

Поэтому содержание обучения и программы военно-профессионального воспитания должны строиться таким образом, чтобы у курсанта не возникало необходимости выбора альтернатив между «быть офицером» и «быть представителем определенной культуры», а сформировать военно-профессиональную идентичность, потенциально адаптивную к любому национально-культурному контексту. Это развивает личностное качество резильентности (от англ. *resilience* — упругость, эластичность, устойчивость), позволяющее успешно противостоять стрессогенным факторам, сохраняя физическую, эмоциональную, когнитивную и социальную устойчивость, а также способность к оптимистическому по окраске смыслопорождению при пребывании в инокультурной среде [26].

Материалы и методы

Ученые считают, что переживания личности по поводу профессиональной идентичности носят экзистенциальный характер. Одной из весьма популярных в научном сообществе

является концепция статусов идентичности Джеймс Э. Марсия (1966 г. [20]), которая позднее в работах ряда отечественных психологов получила интерпретацию и развитие в профессиональном контексте. В частности, Л.Б. Шнейдер [12] считает, что кризисы профессиональной идентичности, связанные с сомнениями в правильности профессионального выбора и своей тождественности избранной профессии, являются неизбежным этапом профессионального развития. Успешное преодоление кризисов укрепляет профессиональную идентичность. При этом нелинейный и неравномерный характер процесса формирования профессиональной идентичности получил экспериментальное подтверждение.

В работах Л.Б. Шнейдер, опирающейся на исследования Дж.Э. Марсия, даны характеристики пяти статусов профессиональной идентичности и предлагается валидная и надежная методика их диагностики. В нашем исследовании они получили военно-профессиональную интерпретацию [12]. Кратко охарактеризуем статусы военно-профессиональной идентичности курсантов.

Так, о статусе достигнутой военно-профессиональной идентичности можно говорить в случае, когда курсант преодолел кризисные состояния, осознал свои профессиональные потенциалы, принял как личностно значимые цели и ценности модуса военного служения и на фоне оптимистической гипотезы будущего проявляет готовность к преодолению внешних и внутренних препятствий к их достижению. Офицерство — это социально-профессиональная группа, выполняющая в обществе важную стабилизирующую функцию, так как, наряду со специальными знаниями, обладает умениями и навыками законного применения насилия и оружия. Военная служба сопряжена с экстремальными нагрузками, рисками, ограничениями и самоограничениями, включенностью в жесткую служебную иерархию и др. Верность избранному жизненному пути опирается на безусловное принятие кодекса чести офицера и восприятие реальности сквозь призму обретающих глубокий личностный смысл категорий — «присяга», «приказ», «долг», «ответственность», «модус служения» и др. Достигнутая военно-профессиональная идентичность несовместима с эгоцентрической установкой, нравственными деформациями, формальным отношением к службе, низкой психологической устойчивостью в стрессовых ситуациях [10].

Статус «мораторий идентичности» относится к курсантам, находящимся в состоянии кризиса по поводу поиска путей дальнейшей профессионализации. Они переосмысливают свои прошлые выборы и примеряет на себя потенциально возможные векторы дальнейшего профессионального развития. С одной стороны, это состояние сопровождается негативными по эмоциональной окраске переживаниями и повышенной тревожностью. С другой стороны, мораторий симулирует повышенный интерес к широкому спектру вариантов профессионального самоопределения.

Статус предопределенной профессиональной идентичности относится к курсантам, профессиональный выбор которых сделан под давлением социального окружения, референтных личностей и групп. В этом случае некритически перенимаются «готовые» идентификационные образы, ценности, цели, убеждения и паттерны поведения.

Курсантам, переживающим статус диффузной идентичности, свойственны неопределенность или откровенная ошибочность образа профессии, чем провоцируются повышенный уровень тревожности, неуверенность в своих силах и способностях. При этом ослаблена волевая сфера личности и активность, направленная на разрешение стоящих перед нею проблем.

Наконец, статус псевдопозитивной идентичности характерен для курсантов, переживающих состояние некритического слияния с военно-профессиональной общностью и пиететным отношением к внешне отчетливо наблюдаемым признакам и паттернам профессионального поведения. При этом внешнее так и остается внешним, без его интериоризации в сферу профессиональных убеждений, что приводит к стереотипизации, шаблонности профессионального Я [8].

Поскольку все статусы, кроме достигнутой военно-профессиональной идентичности, в сущности являются разновидностями девиаций (от лат. *deviatio* — отклонение), то одной из важнейших задач военного вуза является разработка и интеграция в образо-

вательный процесс педагогической технологии, в которой органическое единство учебно-познавательной, военно-служебной и военно-воспитательной практик вкупе с психолого-педагогическим сопровождением обеспечат переживаниям иностранными курсантами кризисов созидательный характер и мобилизуют их волевую сферу на преодоление трудностей во имя достижения личностно значимой цели.

Разработанная нами педагогическая технология формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов военного вуза апробирована в Федеральном государственном казенном военном образовательном учреждении высшего образования «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской революции краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» Министерства обороны Российской Федерации в период с 2022 по 2026 гг. В исследовании приняли участие: контрольная группа из 34 курсантов, представляющих Вьетнам, Габон, Гвинею-Биссау, Лаос, Монголию, Палестину; экспериментальная группа из 42 курсантов, странами происхождения которых являлись Абхазия, Ангола, Вьетнам, Гвинея-Бисау, Зимбабве, Лаос, Монголия и Южная Осетия. Технология предусматривает 4 этапа, каждый из которых опосредуется собственным целеполаганием.

Первый (1-й — 2-й семестры) этап, получивший название «Защита Отечества как профессия», был направлен на формирование в сознании иностранных курсантов адекватного образа офицера и ценностного отношения к социальному институту армии и военной деятельности. Указанный образ выступает как важнейший мотиватор принятия ценностных оснований военно-профессиональной деятельности, познавательных и военно-служебных практик. Информационную компоненту образа офицера включали дисциплины: «История», «Философия», «Правоведение», «Иностранный язык (английский), «Иностранный язык (русский)», «Общевоинские уставы», «Военная история», «Военно-профессиональная практика». В плане военно-политической работы предусматривались встречи с харизматическими представителями военных профессий и выпускниками прошлых лет, добившихся значительных успехов в карьере. Психологическая служба вуза проводила индивидуальные и групповые профориентирующие консультации.

Второй (3-й — 4-й семестры) этап технологии — «Я — защитник Отечества» преследовал цель кристаллизации у иностранных курсантов образа «Я — будущий офицер», в котором ценностные основы офицерской профессии обретают формат стратегических жизненных ценностей, рационально и эмоционально значимых планов личностного и профессионального саморазвития на определенную перспективу времени. Этому способствуют целенаправленно создаваемые диалогические ситуации в рамках дисциплин ученого плана — «Иностранный язык (английский). «Иностранный язык (русский)», «Военно-профессиональная практика». Здесь курсанты накапливают опыт восприятия, анализа, понимания и оценки различных профессиональных ситуаций и коллизий. Большое значение отводится совершенствованию умений и навыков военной и межличностной коммуникаций, а также развитию способности к интериоризированному во внутреннее пространство личности диалогу с самим собой и воображаемыми другими. Коммуникативный опыт позитивно влияет на развитие готовности к рефлексивному погружению вглубь самого себя, психологической наблюдательности и понимания субъектности других участников военно-профессиональных взаимодействий. План военно-политической работы вуза включал просмотр специально подобранных аудиовизуальных медиатекстов и дискуссии по их поводу.

Третий (5-й — 6-й семестры) этап технологии получил название «Профессия офицера как служение». Под служением понимается такой тип отношений личности, при котором она переживает чувство ответственности за взятые на себя функции и бескорыстно реализует их вне прямой связи со сложившимися условиями, обстоятельствами и сиюминутными эгоистическими интересами. Профессия офицера на данном этапе осмысливается и эмоционально переживается иностранными курсантами как жизненная миссия, как фундаментальная мировоззренческая ценность, сохраняющая свой личностный смысл в долгосрочной перспективе.

Опыт ценностного осмысления профессии как жизненной миссии иностранные курсанты получают в рамках курсов «Социология и политология», «Иностранный язык (английский), «Иностранный язык (русский)», а также в ходе Военно-профессиональной практики. В программе военно-политической работы вуза применяются такие формы работы как мастер-классы и ролевые игры.

Четвертый (7-й — 8-й семестры) этап педагогической технологии назван «Самоорганизация курсанта в процессе обучения и военно-профессиональной деятельности». Его информационное наполнение образует учебный курс «Психология и педагогика», а также включенные в комплекс военно-воспитательных мероприятий мастер-классы, ролевые игры и профессиональные конкурсы. Важную роль играют имитационно-моделирующие ситуации, погружение в которые помогает освоить навыки исследования, осознания, прогноза и адекватной оценки путей эффективного и результативного разрешения профессиональных проблем.

Для успешного формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов военного вуза необходимо обеспечить психолого-педагогическую и кросс-культурную компетентности профессорско-преподавательского и командного составов, а также его консолидацию на ценностях модуса военного служения. С этой целью были организован методический семинар преподавателей и командиров, работающих с иностранными курсантами. Содержание семинара приведено в таблице 1.

Таблица 1 — **Дидактические единицы методического семинара преподавателей и командиров, работающих с иностранными курсантами военного вуза**

№ п/п	Дидактические единицы
1	Тема: **Исторические и социокультурные аспекты формирования национальных армий стран Азии, Африки, Латинской Америки и СНГ** Компаративный анализ воинской культуры в регионах происхождения иностранных курсантов (например, кодекс чести, воинские этикеты, военные ритуалы и исторически сложившиеся традиции) и их сопоставление с российскими военными традициями в целях осмысления психотравмирующих точек культурного конфликта и вариантов конвергенции.
2	Тема: **Военно-профессиональная идентичность как фактор активизации познавательной деятельности и военной социализации. Модус военного служения** Сущность военно-профессиональной идентичности и ее влияние на процесс профессиональной социализации будущих офицеров в образовательной среде военного вуза, на их познавательную активность и выборы средств достижения профессионально и карьерно значимых целей. Через дихотомии «воин-наемник vs воин-патриот», «исполнитель vs инициативный командир» конкретизируется понятие «модус военного служения» как важнейший ценностный элемент военно-профессиональной идентичности. Положение иностранного выпускника российского военного вуза в национальных армиях стран происхождения. Формирование в сознании иностранного курсанта «образа будущего профессионального Я» как «элитного специалиста» и «агента модернизации национальной армии».
3	Тема: **Характеристики компонентов и статусов военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза** Военно-профессиональная идентичность иностранных курсантов как целостность, в структуру которой входят когнитивный, аффективный, аксиологический и конативный компоненты. Психолого-педагогические характеристики моратория, достигнутого, предопределенного, диффузного и псевдопозитивного статусов военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза.
4	Тема: **Социокультурные и психологические проблемы формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов в учебных курсах и профессионально-воспитательной работе российского военного вуза** Характеристики переживаний иностранными курсантами культурного шока и когнитивного диссонанса по поводу несовпадения ранее сложившихся культурных и профессиональных стереотипов с военно-профессиональной и образовательной реальностями. Трудности языкового барьера в межнациональных коммуникациях, вызывающие не только проблемы взаимопонимания, но и элементы инфантилизации личности, связанные с невозможностью выразить сложные идеи и мысли на чужом языке. Специфика межличностной коммуникации в многонациональном воинском коллективе: от стереотипов к эффективному взаимодействию. Управление конфликтами в многонациональном воинском коллективе. Пути преодоления неуставных отношений в многонациональном воинском коллективе. Эффективные реакции на отказы иностранных курсантов выполнять приказы по этнокультурным причинам.
5	Тема: **Психолого-педагогическая поддержка формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов российского военного вуза** Национально-культурные различия вербального и невербального межличностного общения. Языковые барьеры. Адаптация лексики, синтаксиса, грамматики, интонационно-динамических компонентов и темпа речи. Порядок слов в предложении. Формирование фонематического и интонационного видов слуха. Особенности невербальной коммуникации в разных национальных культурах. Проверка понимания и создание доверительной атмосферы

Продолжение табл. 1

№ п/п	Дидактические единицы
	общения. Особенности организации тренингов межкультурной коммуникации. Обратная связь и рефлексия как инструменты коррекции процесса формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов. Методика проведения индивидуальных бесед и организации дискуссий в группах курсантов.
6	Тема: **Средства психолого-педагогической диагностики статусов военно-профессиональных идентичности иностранных курсантов российского военного вуза** Опросники и тесты на выявление статусов военно-профессиональной идентичности. Психолого-педагогические наблюдения за повседневной деятельностью курсантов, то есть индивидуальными особенностями участия в учебно-познавательных и служебных практиках, воинских ритуалах, дискуссиях, строевой подготовке и спортивных мероприятиях, межличностных взаимодействиях по горизонтали и вертикали, а также за типичными реакциями на приказы и критику и др.; анализ степени интеллектуальной и духовной активности будущих офицеров в процессе контекстного обучения и решения задач case-study с примерами конкретных ситуаций из жизни курсантов.
7	Тема: **Психолого-педагогическая поддержка проектирования карьеры иностранных курсантов российского военного вуза** Педагоги и командиры как ключевые агенты влияния в процессе формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов военного вуза. Разработка и реализация индивидуально-дифференцированных образовательных маршрутов, учитывающих этнокультурные и психологические особенности иностранных курсантов военного вуза. Развитие критического мышления и информационного иммунитета (устойчивости к манипуляциям сознанием) курсантов. Профессиональная рефлексия и наррация. Формирование у будущих офицеров готовности к осознанным действиям в экстремальных условиях. Принятие решений в условиях морального выбора (правила ведения боя, отношения с мирным населением, пленными и т.п.). Карьерные траектории личного и военно-профессионального роста иностранных курсантов. Проектирование, планирование и реализация воспитательных мероприятий по формированию военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов. Роль ритуалов (принятие присяги, почетные караулы, поднятие флага, почитание памяти павших в военных конфликтах и др.) и неформальных мероприятий (фестивалей культур, занятий военно-исторических и дискуссионных клубов). Практикум для преподавателей и командиров по созданию сценариев воспитательной работы с иностранными курсантами и аргументации ответов на сложные вопросы о военной доктрине и внешней политике России в условиях многополярного мира.
8	Тема: **Цикл гуманитарных учебных курсов в военном вузе как средство формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов** Специфика учебных курсов и практик, играющих определяющую роль в формировании военно-профессиональной идентичности будущих офицеров иностранных армий. На первом этапе технологии («Защита Отечества как профессия», 1-й – 2-й семестры) – это «История», «Философия», «Военная история», «Правоведение», «Иностранный язык (английский)», «Иностранный язык (русский)», «Общевоинские уставы», «Военно-профессиональная практика». На втором этапе («Профессия офицера как служение», 3-й – 4-й семестры): «Иностранный язык (русский)», «Иностранный язык (английский)», «Военно-профессиональная практика». На третьем этапе («Я – защитник Отечества», 5-й – 6-й семестры): «Иностранный язык (русский)», «Иностранный язык (английский)», «Социология и политология», «Военно-профессиональная практика». На четвёртом этапе («Самоорганизация в военно-профессиональной деятельности», 7-й – 8-й семестры): «Психология и педагогика», «Военно-профессиональная практика».

Результаты и их обсуждение

Следует отметить, что достигнутая военно-профессиональная идентичность не гарантирует того, что на этапах перехода от курса к курсу, от одного учебного предмета к другому, от теоретического обучения к практикам и т.д. иностранный курсант вновь не погрузится в негативные по эмоциональной окраске переживания, возвращающие его на фоне учебных неудач или разочарований в избранной профессии к статусам диффузии и моратория. Подавляющее число иностранных курсантов в ходе профессиональной социализации неоднократно переживают фрустрацию (от лат. *frustratio* — расстройство планов, ожиданий и замыслов), сопровождающуюся повышенной тревожностью, чувствами растерянности, неуверенности в своих силах, депрессивными состояниями, иногда провоцирующими необдуманные поступки. Важно стремиться к тому, чтобы достигнутая военно-профессиональная идентичность носила устойчивый характер, когда препятствия лишь укрепляют решимость в достижении личностно значимых целей.

Для диагностических целей в исследовании использовался опросник МИПИ Л.Б. Шнейдер [12]. Диагностические мероприятия проводились на «входе» и по завершению каждого этапа технологии. В таблице 2 представлены результаты диагностических мероприятий, отражающие динамику военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов контрольной и экспериментальной групп в экспериментальной части нашего исследования.

Таблица 2 — **Динамика формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов военного вуза**

Статус	Контрольная группа курсантов (%); n=34					Экспериментальная группа курсантов (%); n=42				
	Вход	Этапы				Вход	Этапы			
		1	2	3	4		1	2	3	4
Достигнутая ВПИ	0	0	0	11,8	38,2	0	0	9,5	40,5	76,2
Диффузная ВПИ	26,5	35,3	20,6	11,8	0	33,3	30,9	9,5	0	0
Мораторий ВПИ	32,4	29,4	35,3	41,1	29,4	38,1	23,8	35,7	21,4	7,1
Предопределенная ВПИ	5,9	5,9	8,8	5,9	5,9	2,4	4,8	4,8	0	0
Псевдопозитивная ВПИ	35,2	29,4	29,4	29,4	26,5	26,2	40,5	40,5	38,1	16,7

Результаты диагностик подтверждают, что военно-профессиональная идентичность не может быть сформирована «одним скачком», то есть в результате какого-либо единичного мероприятия и требует комплексных усилий и значительного отрезка времени. Результаты измерений и педагогических наблюдений за чертами открытого поведения иностранных курсантов позволяют сделать некоторые обобщения.

На начальном этапе обучения подавляющее большинство иностранных курсантов остро переживают психологический шок от погружения в иную культурную и языковую среду. Несовпадение реальности со сформировавшимся еще на родине ожиданиями вызывает психологический дискомфорт по поводу организации жизни в военном подразделении, требованиями уставов, отношениями субординации и проч. В этих условиях общение с этнически родственными обучающимися становится способом компенсации стресса. С одной стороны, оно создает своеобразные «островки безопасности», а с другой — способствует передаче и усвоению ценного опыта жизни и взаимодействий в образовательной среде военного вуза. Вследствие диффузности, откровенной ошибочности или фрагментарности образов сознания «идеальный офицер» и «Я — офицер», внимание обучающихся преимущественно сосредоточено на внешних атрибутах воинского служения. Заметим, что даже в завершающей фазе обучения свыше 60% курсантов контрольной группы продолжали переживать различного характера трудности военно-профессиональной адаптации, в то время как в экспериментальной группе их количество не превышало 24%.

Диагностика показывает, что кризисные явления сохраняют свое влияние на втором этапе обучения, в массиве курсантов экспериментальной группы доминируют статусы псевдопозитивной (40,5%) и моратория (35,7%) военно-профессиональной идентичности. Вместе с тем, формируется небольшая группа (9,5%) курсантов с достигнутой военно-профессиональной идентичностью, которая способна сыграть роль «локомотива», примера для подражания. Эффективность этого «локомотива» обнаруживается в диагностических мероприятиях уже через год, когда количество курсантов с достигнутой военно-профессиональной идентичность резко возрастает до 40,5%. Наблюдения и беседы с курсантами позволили зафиксировать постепенное становление у части из них отношения к профессии офицера, перспективам военно-профессиональной самореализации и модусу служения как к важным смысложизненным ценностям. Обучение военной профессии, военно-профессиональная практика и военно-служебная деятельность начинают восприниматься не как навязанные извне требования и догмы, а как принципиально важный элемент военной социализации. На фоне заметного смягчения языкового барьера создаются предпосылки для межкультурных взаимодействий курсантов не только по горизонтали (то есть «внутри» своей группы и потока), но и по субординационной вертикали как по бытовым и военно-служебным темам, так и по вопросам гуманитарной и военно-научной составляющих обучения.

Диагностические данные фиксируют наличие статуса «мораторий» у 41,1% курсантов контрольной группы на третьем этапе обучения. Этот феномен нередко обозначается в научной литературе термином «кризис третьего курса». У 40,5% курсантов экспериментальной группы регистрируется понимание

военной службы как основной жизненной миссии, принятие модуса военного служения. Внутренние сомнения по поводу профессионального выбора сменяются уверенностью в своих перспективах как военного специалиста и командира. Соответствующее уставным требованиям поведение определяется не угрозой санкций, а пониманием его целесообразности. Понятия офицерской чести, долга, ответственности за подчиненных и вверенные материально-технические ресурсы интериоризируются как устойчивые внутренние убеждения и принципы. Курсанты готовят себя к роли командира, обученного в соответствии со стандартами современной военной науки, практики и военного искусства. Формирующееся «Мы-чувство» не ограничено национальными рамками. Отмечается резкий рост познавательных интересов по отношению к специальным дисциплинам и практикам, учебная успеваемость становится стабильно высокой.

На четвертом этапе обучения представленность курсантов с достигнутой военно-профессиональной идентичностью в экспериментальной группе оказалась существенно выше, чем в контрольной группе (76,2% против 38,2%). Военно-профессиональная идентичность иностранных курсантов закрепляется как устойчивая личностная черта. Полученные компетенции и сформированная ценностно-смысловая система обеспечивают автономность личности и готовность к самоорганизации и самоуправлению, принятию самостоятельных тактических решений, планированию деятельности и руководству группой. Национальная и военно-профессиональная идентичности в их сознании образуют синтез, что создает предпосылки к тому, чтобы функционировать как своеобразный «мост» между различными культурами и военными системами. Старшекурсники охотно принимают на себя роль наставников по отношению к обучающимся на младших курсах, причем, не только членов землячеств, но и представителей других стран и этносов, выступая проводниками норм и традиций армии и конкретного военного вуза.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводам, часть которых сформулируем ниже:

— военно-профессиональная идентичность представляет собой динамичный интегративный психологический феномен, определяющий степень принятия личностью военной-профессиональной деятельности как средства самореализации и саморазвития на основе осознания своей тождественности военному сообществу, признания важности своего членства в нем и ценностного отношения к реализуемым им социальным функциям;

— военно-профессиональная идентичность является важнейшей ценностно-мотивационной структурой курсанта, определяющей векторы и интенсивность его адаптационных и познавательных практик. Ее «ядро» составляют вневременные, надрегиональные и наднациональные инварианты, ориентированные на архетип офицера и модус военного служения с характерными для них смысловыми концептами — чувствами долга и самоотверженности, гражданственности и патриотизма, чести и доблести, верностью благородным традициям офицерства и персональной ответственностью, а также высоким уровнем развития волевой сферы, обеспечивающим самообладание и самоуправление даже в самых сложных обстоятельствах;

— качественный анализ данных диагностик и педагогических наблюдений позволяет охарактеризовать мораторий, предопределенный, псевдопозитивный достигнутый и диффузный статусы военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов;

— педагогическая технология формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов военного вуза должна быть направлена не только на становление системы профессиональных знаний, умений и навыков, но также и на освоение ценностных императивов военного служения, выступающих как ведущий мотив овладения военной профессией;

— интеграция педагогической технологии в образовательную среду военного вуза востребует консолидации профессорско-преподавательского, командного и курсантского составов на ценностных инвариантах социального института армии, идеального образа офицера, модуса военного служения и обеспечивать неразрывную целостность военно-профессионального обучения и воспитания, чему способствует организация методического се-

минара для профессорско-преподавательского и командного составов. Тематика семинара направлена на повышение кросс-культурной и психолого-педагогической компетентностей в вопросах формирования военно-профессиональной идентичности иностранных курсантов;

— сопоставление данных диагностических срезов в контрольной и экспериментальной группах иностранных курсантов доказывает, что динамика количества иностранных курсантов с достигнутым статусом военно-профессиональной идентичности в экспериментальной группе существенно опережает динамику в контрольной группе, что подтверждает педагогическую целесообразность и эффективность педагогической технологии.

Литература

1. Акбутаев В.О. Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов / В.О. Акбутаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2024. — Т. 24. — Вып. 1. — С. 67–72. EDN: FMSBSS. https://doi.org/10.18500/1819-7671- 2024-24-1-67-72
2. Ермолаева Е.П. Мультидисциплинарный подход в модели «человек — профессия — общество» / Е.П. Ермолаева // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. — 2017. — Т. 2, №1. — С. 3-23.
3. Жуков А.В. Адаптация иностранных военных курсантов в принимающую среду военных вузов России в контексте зарубежных теорий этнической миграции / А.В. Жуков, В.А. Ковалев // Гуманитарный вектор. — 2024. — Т. 19, №1. — С. 122–131. — https://doi.org/10.21209/1996-7853-2024-19-1-122-131
4. Кафтан В.В. Идейно-архетипический код служения русского воинства и современность / В.В. Кафтан, А.П. Погорелый // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2024. — Т. 14, №6. — С. 81–90. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90
5. Колесников М.В. Формирование военно-профессиональной идентичности курсантов учебных центров Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.1. / Колесников Максим Викторович. — Челябинск, 2022. — 186 с.
6. Косицын Ф.Г. К вопросу о ценностных основаниях воинского служения курсантов военных вузов Министерства обороны Российской Федерации / Ф.Г. Косицын // Вестник адъюнкта: электронный научный журнал. — 2021. — №1.
7. Кузнецова Л.А. Военно-педагогическая идентичность курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации как условие их успешной медиации / Л.А. Кузнецова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №1(139). EDN AHJCFR. https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.58
8. Микрюков Ю.В Уровни формирования профессиональной идентичности у курсантов военных вузов: критерии и показатели / Ю.В. Микрюков // Педагогика: история, перспективы. — 2021. — Т. 4, №2. — С. 55–61. https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-2-55-61
9. Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности / В. К. Николаев // Высшее образование в России. — 2022. — Т. 31, №2. — С. 149–166. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166
10. Паленый А.В. Технология профессиональной подготовки иностранных военных обучающихся на основе личностно-ориентированного подхода: автореф. дис. ... кандидата пед. наук: 5.8.7 / А.В. Паленый. — Армавир, 2025. — 26 с.
11. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала: монография / А.Р. Фонарев. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2005. — 560 с.
12. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография / Л.Б. Шнейдер. — М.: Московский открытый социальный университет, 2001. — 272 с.
13. Abbe A. Evaluating Military Cross-Cultural Training Programs / A. Abbe // Expeditions with MCUP. — 2021. — P. 1–59. https://doi.org/10.36304/ExpwMCUP.2021.06
14. Caligiuri P. Training, Developing, and Assessing Cross-Cultural Competence in Military Personnel: Technical Report 1284 / P. Caligiuri, R. Noe, R. Nolan [et al.]. — Arlington, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences, 2011. — VIII, 67 p.
15. Enstad, K. Warriors or Peacekeepers? Building Military Cultural Competence / K. Enstad, P. Holmes-Eber, eds. — Cham: Springer, 2020. — XVI, 239 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36766-4
16. Henk D. Cross-Cultural Competence: A Key Enablement for 21st Century Military Leaders / D. Henk // Open Journal of Leadership — 2026. — №15. — P. 1-24. https://doi.org/10.4236/ojl.2026.151001
17. Henk D.W. Restoring Priority on Cultural Skill Sets for Modern Military Professionals / D.W. Henk, A. Abbe // Parameters: U.S. Army War College Quarterly. — 2024. — Vol. 54, №3. — P. 69–86. https://doi.org/10.55540/0031-1723.3304
18. Johansen R.B. Military identity as predictor of perceived military competence and skills / R.B. Johansen, J.C. Laberg, M. Martinussen // Armed Forces & Society. — 2014. — Vol. 40, №3. — P. 521–543. https://doi.org/10.1177/0095327X13478405
19. Lancaster S.L. Military Identity and Psychological Functioning: A Pilot Study / S. L. Lancaster, R. P. Hart // Military Behavioral Health. — 2015. — Vol. 3. — №1. — P. 83–87. https://doi.org/10.1080/21635781.2014.995254

20. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status / J.E. Marcia // Journal of Personality and Social Psychology. — 1966. — Vol. 3 — №5. — P. 551–558. https://doi.org/10.1037/h0023281
21. Martinez Machain C. Exporting Influence: U.S. Military Training as Soft Power / C. Martinez Machain // Journal of Conflict Resolution. — 2021. — Vol. 65 — №2-3. — P. 313–341. https://doi.org/10.1177/0022002720957713
22. McLauchlin T. Tracking the rise of United States foreign military training: IMTAD-USA, a new dataset and research agenda / T. McLauchlin, L.J.M. Seymour, S.P.B. Martel // Journal of Peace Research. — 2022. — Vol. 59. — №2. — P. 286–296. https://doi.org/10.1177/00223433211047715
23. Mockaitis A. I. Elgar Encyclopedia of Cross-Cultural Management / A. I. Mockaitis, C. L. Butler, eds. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. — 354 p.
24. Mustafa Y.A Review of Culture Shock: Attitudes, Effects and the Experience of International Students / Y. Mustafa // Journal of Intercultural Communication. — 2021. — Vol. 21. — №3. — P. 4–25. DOI 10.36923/jicc.v21i3.18.
25. Ouellet E. Military culture: Understanding deeper dynamics through the warrior archetype / E. Ouellet // Bulletin of «Carol I» National Defence University. — 2024. — Vol. 13. — №1. — P. 7–30. https://doi.org/10.53477/2284-9378-24-01
26. Phyo Z. The paradox of resilience: A mixed-methods study of dual-identity navigation in military medical education / Z. Phyo, Y.P. Aung, T.T. Naing [et al.] // Social Science & Medicine. — 2025. — Vol. 372. — Article 117978. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2025.117978

INTEGRATION OF DIDACTIC AND PEDAGOGICAL APPROACHES IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

Kutuzova Zoya Yuryevna, *PhD of Pedagogical sciences, Senior Lecturer, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol (Russia)*

This article addresses the pressing issue of improving the professional training of future foreign language teachers in higher pedagogical education. It focuses on the educational process, which integrates didactic and pedagogical approaches, enabling the development of students' professional competence, combining linguistic, methodological, reflective, digital, and student-centered components. The purpose of the study is to theoretically substantiate and empirically test pedagogical conditions that ensure the effective integration of didactic technologies and pedagogical practices in developing the professional competence of students at a pedagogical university. To achieve this goal, we analyzed existing professional training models, identified the structural components of competence, such as subject-communicative, didactic, pedagogical, student-centered, and integrative, and designed and tested a system of pedagogical conditions. The study is based on the principles of integrative, competency-based, student-centered, and reflective approaches. A formative experiment conducted among fourth-year students confirmed the high effectiveness of the developed pedagogical conditions. The experimental group demonstrated statistically significant increases in all competence components, particularly in the pedagogical-reflective and digital-integrative areas. Qualitative analysis demonstrated the development of conscious, reflective, and motivationally sustainable professional behavior in future teachers. The novelty of the study lies in the substantiation and practical testing of a set of pedagogical conditions that ensure the organic unity of didactic and pedagogical approaches specifically in the training of foreign language teachers in today's digital environment.

Keywords: *professional competence; foreign language teacher; University; integration of didactic and pedagogical approaches.*

EDN: TELYDU ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.53***

Цитировать: *Кутузова З.Ю. Интеграция дидактических и педагогических подходов в процессе формирования профессиональной компетентности учителей иностранных языков // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 393–398. EDN: TELYDU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.53*

УДК 378
5.8.7

ИНТЕГРАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

© Кутузова З.Ю., 2026

Исследование посвящено актуальной проблеме совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков в системе высшего педагогического образования. В центре внимания находится образовательный процесс, в процессе которого интегрируются дидактические и педагогические подходы, что позволяет сформировать профессиональную компетентность студентов, объединяющую лингвистические, методические, рефлексивные, цифровые и личностно-ориентированные компоненты. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирической проверке педагогических условий, обеспечивающих эффективную интеграцию дидактических технологий и педагогических практик в процессе формирования профессиональной компетентности студентов педагогического вуза. Для достижения цели решались задачи по анализу существующих моделей профессиональной подготовки, выделению структурных блоков компетентности, таких как предметно-коммуникативный, дидактический, педагогический, личностно-ориентированный и интегративный, а также по проектированию и апробации системы педагогических условий. Работа построена на принципах интегративного, компетентностного, личностно-ориентированного и рефлексивного подходов. В результате формирующего эксперимента, проведённого среди студентов четвертого курса, подтверждена высокая эффективность разработанных педагогических условий. В экспериментальной группе зафик-

КУТУЗОВА Зоя Юрьевна, *кандидат педагогических наук, ст. преподаватель, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел (Россия)*

SPIN-код: 9348-2875

сирован статистически значимый прирост по всем компонентам компетентности, особенно в педагогической-рефлексивной и цифровой-интегративной сферах. Качественный анализ показал формирование осознанного, рефлексивного и мотивационно устойчивого профессионального поведения у будущих учителей. Новизна исследования состоит в обосновании и практической апробации комплекса педагогических условий, обеспечивающих органичное единство дидактических и педагогических подходов именно в подготовке учителей иностранных языков в современных цифровых реалиях.

Ключевые слова: *профессиональная компетентность; учитель иностранного языка; вуз; интеграция дидактических и педагогических подходов.*

Введение

В современном мире цифровизации и технологий, одной из главных задач в педагогическом вузе является подготовка высококвалифицированных учителей с высоким уровнем сформированности профессиональной компетентности. Подготовка учителей иностранных языков особенно значима на сегодняшний день, так как в процессе формирования профессиональной компетентности у студентов формируются не только предметные, но и межкультурные, цифровые, коммуникативные компетенции [7, с. 147]. Именно в связи с этим и следует обратить внимание на взаимосвязь дидактических и педагогических подходов, проанализировать условия формирования и педагогический инструментарий.

Таким образом, целью исследования является теоретическое обоснование и анализ педагогических условий интеграции дидактических и педагогических подходов в процессе формирования профессиональной компетентности у учителей иностранных языков в условиях вуза. Тема актуальна в связи с тем, что вопрос о подготовке учителей иностранных языков традиционно вызывает серьёзные дискуссии у отечественных и зарубежных исследователей на стыке дидактики и педагогических наук.

Согласно исследованиям Н.В. Мирза и Е.О. Аккерман, профессиональная компетентность будущих учителей иностранных языков является интегративным качеством, объединяющим коммуникативные, дидактические и личностные компоненты, которые последовательно осуществляются в условиях вузовской подготовки. [5, с. 249-253] Это свидетельствует об своеобразном объединении дидактических и педагогических подходов, позволяющих преодолеть фрагментарность подготовки и обеспечить целостное развитие будущего специалиста.

Важным вопросом в осмыслении этой проблемы стала работа Л.Ф. Ивановой, в которой была разработана интегративная модель развития профессиональной компетентности учителя иностранного языка. Представленная модель выступает как целостная социально-профессиональная система, включающая в себя интеграцию социопедагогического блока компетенций, таких как социальных, духовных, психолого-педагогических и методических с предметными компетенциями. При этом, особое внимание уделяется преодолению противоречий между узкопредметными и целостными педагогическими подходами, а также созданию условий для формирования у будущего учителя иностранных языков исследовательской компетентности [2, с. 88]. Проанализировав данную модель, отметим, что здесь акцентируется особое внимание на сочетании дидактических и педагогических условий в процессе профессиональной подготовки учителей иностранных языков.

В современном контексте методическая компетенция будущих учителей иностранных языков выступает одним из главных компонентов профессиональной компетентности. В частности, О.Н. Исаева и С. В. Сомова рассматривают формирование методической компетенции через интегративный подход, который объединяет теоретическую подготовку и практическую деятельность. При этом, особенно важен рефлексивный анализ. Особое значение придаётся междисциплинарным связям, участию студентов в иссле-

довательской работе и профессиональных конкурсах, что позволяет эффективно реализовывать лингводидактический потенциал подготовки [3].

Как отмечают зарубежные исследователи, целостное развитие будущего специалиста обеспечивается за счет объединения цели, содержания, методов, форм и инструментов обучения в единую систему [9]. Системный подход обеспечивает всестороннее развитие специалиста, формируя профессиональную компетентность от лингвистической и коммуникативной компетенции до методической, психологической, цифровой, межкультурной. Иными словами, будущий учитель иностранных языков должен владеть знаниями в области своего предмета и уметь интегрировать эти знания на практике. Кроме того, как отмечает Дж. Чарамита, современная дидактика изучения иностранных языков не может ограничиваться только предметными подходами. [8] В данном процессе требуется тесное взаимодействие дидактических технологий с педагогическими и социокультурными аспектами профессионального становления.

Анализ научной литературы показывает, что противопоставление дидактических и педагогических подходов является непродуктивным. Наиболее перспективным направлением выступает их органичная интеграция в процессе формирования профессиональной компетентности будущих учителей иностранных языков. Так, представляя собой многоуровневое, интегративное и длительное обучение будущих учителей иностранных языков в вузе, процесс формирования профессиональной компетентности — это в том числе и развитие личностных качеств выпускников. Данный процесс включает в себя следующие блоки:

— предметно-коммуникативный или лингвистический блок (овладение коммуникативной, социолингвистической, дискурсивной компетенциями, позволяющее использовать иностранный язык как инструмент межкультурной коммуникации);

— дидактический блок (знание современных технологий обучения иностранным языкам, которое помогает проектировать уроки, отбирать учебные материалы и использовать в своей будущей работе цифровой инструментарий);

— педагогический блок (знание педагогических приёмов и методов, умение мотивировать и организовывать образовательный процесс, развитие рефлексивных умений и педагогической интуиции);

— личностно-ориентированный блок (опирается на эмоционально-ценностное отношение к профессии и учащимся, развитие толерантности и эмпатии);

— интегративный блок (интеграция дидактических и педагогических подходов, которая на практике помогает решать профессиональные задачи).

Процесс осуществляется в несколько этапов: адаптационно-коммуникативный (освоение иностранных языков и базовых коммуникативных умений); поисково-дидактический (освоение методических знаний и приемов) и интеграционный (освоение предметных знаний и личностный рост). В результате, можно выделить следующие педагогические условия формирования профессиональной компетентности у будущих учителей иностранных языков:

— сочетание дидактических подходов и педагогических;

— формирование мотивации к будущей профессии и использование интерактивного инструментария: проекты, рефлексивные семинары, мастер-классы и т.д.;

— создание рефлексивной образовательной среды и использование междисциплинарных связей;

— вовлечение студентов в реальную профессиональную деятельность: практика, исследовательская работа, конкурсы профессионального мастерства и другие.

Теоретическое обоснование проблемы позволяет перейти к обсуждению результатов исследования, в котором раскрывается эффективность педагогических условий интеграции дидактических и педагогических подходов в процессе формирования профессиональной компетентности у будущих учителей иностранных языков.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2024-2025 учебном году был проведен формирующий эксперимент среди студентов Института педагогики и психологии по направлению подготовки 44.03.05

«Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык». В эксперименте приняли участие две группы четвертого курса: экспериментальная (ЭГ) — 15 студентов и контрольная (КГ) — 15 обучающихся. Группы были эквивалентны по исходному уровню профессиональной компетентности, полу, мотивации к будущей профессии и академической успеваемости по данным констатирующего этапа.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью t-критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок, если уровень значимости $p < 0,05$ [1, с. 124].

Основными этапами эксперимента выступили констатирующий: сентября-октябрь 2024, когда диагностировался исходный уровень сформированности профессиональной компетентности. На формирующем этапе в ноябре — мае 2025 были реализованы педагогические условия в ЭГ, а в КГ сохранялась традиционная подготовка. Во время контрольного этапа в июне 2025 г. проводилась повторная диагностика и сравнительный анализ результатов.

Необходимо отметить, что первый этап включал оценку портфолио будущих учителей иностранных языков с учетом опыта, полученного в ходе прохождения ими педагогической практики. На формирующем этапе в экспериментальной группе были реализованы следующие педагогические условия интеграции дидактических и педагогических подходов:

— сочетание дидактических технологий Kahoot, Quizlet, Canva for Education, ChatGPT для генерации заданий с педагогическими практиками рефлексии и личностно-ориентированного взаимодействия;

— мотивационно-интерактивный блок: проектная деятельность, рефлексивные семинары «Мой педагогический рост», мастер-классы практикующих учителей;

— создание рефлексивной образовательной среды через междисциплинарные модули и ведение электронного портфолио с обязательным аналитическим компонентом;

— погружение в реальную профессиональную деятельность: усиленная практика в школах с исследовательским заданием, участие в региональном конкурсе «Учитель иностранного языка — 2025», студенческих научных конференциях.

Формирующий этап эксперимента подтвердил эффективность интеграции дидактических и педагогических подходов в процессе формирования профессиональной компетентности у будущих учителей иностранных языков. За относительно короткое время студенты значительно улучшили свои профессиональные навыки (рис. 1).

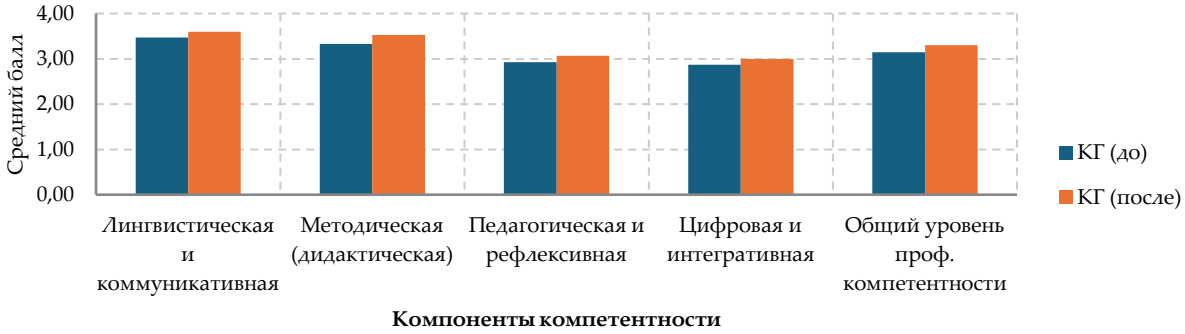

Рисунок 1 — **Результаты до и после формирующего этапа**

Обучение в КГ осуществлялось по классическому, обычному плану без целенаправленной интеграции указанных условий. Результаты эксперимента представлены в таблице.

Статистический анализ показал, что различия между ЭГ и КГ по итогам эксперимента статистически значимы (t = 4,12–5,78; p < 0,01 по всем компонентам). В экспериментальной группе зафиксирован существенный прирост по всем компонентам, особенно выраженный в педагогической и рефлексивной (+1,20) и цифровой/интегративной (+1,20) сферах. Это свидетельствует о высокой эффективности внедрённых условий, направленных на рефлексию, междисциплинарные связи и практико-ориентированную деятельность.

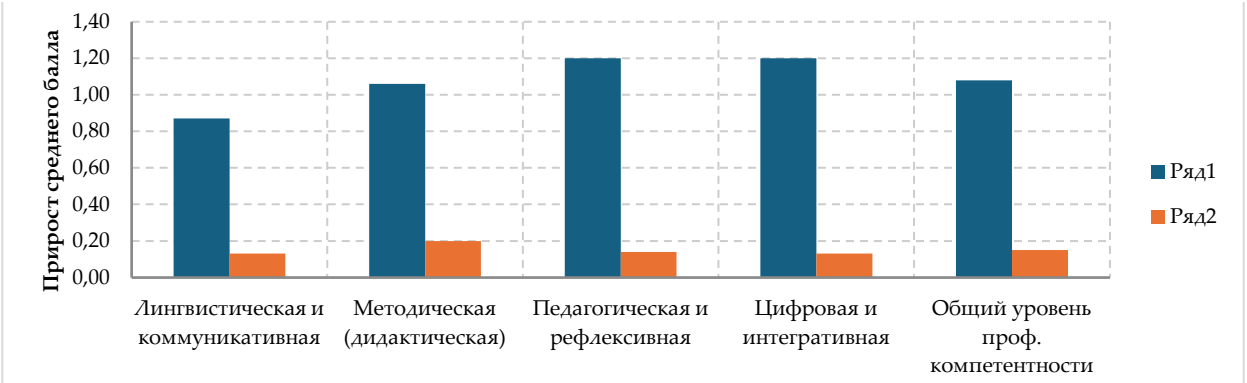

Рисунок 2 — **Сравнение прироста показателей в ЭГ и КГ**

Таблица — **Результаты эксперимента по пятибалльной шкале**

Компонент компетентности	ЭГ (до)	ЭГ (после)	Прирост (ЭГ)	КГ (до)	КГ (после)	Прирост (КГ)
Лингвистическая и коммуникативная	3,40	4,27	+0,87	3,47	3,60	+0,13
Методическая (дидактическая)	3,27	4,33	+1,06	3,33	3,53	+0,20
Педагогическая и рефлексивная	2,87	4,07	+1,20	2,93	3,07	+0,14
Цифровая и интегративная	2,80	4,00	+1,20	2,87	3,00	+0,13
Общий уровень профессиональной компетентности	3,09	4,17	+1,08	3,15	3,30	+0,15

Качественный анализ рефлексивных дневников и экспертных заключений подтверждает, что студенты ЭГ стали более осознанно проектировать уроки, уверенно интегрировать цифровые инструменты с личностно-ориентированным подходом, проявлять эмпатию и толерантность, а также демонстрировать устойчивую мотивацию к профессии. В КГ изменения были минимальными и носили преимущественно репродуктивный характер.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что в условиях подготовки учителей иностранных языков и качественного формирования их профессиональной компетентности интеграция дидактических и педагогических подходов выступает одним из наиболее эффективных механизмов обучения в вузе. Теоретический анализ показал, что противопоставление этих двух подходов теряет смысл, если только их органичное единство позволяет преодолеть фрагментарность подготовки и обеспечить целостное развитие специалиста, объединяющее лингвистические, методические, рефлексивные, цифровые и личностные компоненты.

Перспективы дальнейшей работы видятся в расширении масштаба эксперимента на другие курсы и направления подготовки, а также в разработке долгосрочной модели сформированности профессиональной компетентности выпускников уже в условиях их самостоятельной педагогической деятельности. В конечном итоге, такой подход позволит готовить учителей иностранного языка нового поколения.

Литература

1. Гришкина Т.Е. Критерий Стьюдента в психолого-педагогических исследованиях // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. — 2021. — №58. — С. 124–130.
2. Иванова Л.Ф. Интегративная модель развития профессиональной компетентности учителя иностранного языка // Иностранные языки в школе. — 2002. — №2–3. — С. 88-93. EDN: QBKIRR
3. Исаева О.Н., Сомова С.В. Формирование методической компетентности будущего учителя иностранного языка // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — №9(159). DOI: 10.60797/IRJ.2025.159.31. EDN: CYBRAJ
4. Кондрашова Е.В. Применение методов математической статистики в педагогических исследованиях // Современные наукоёмкие технологии. — 2022. — №12.
5. Мирза Н.В., Аккерман Е.О. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка в условиях вуза // Международный журнал экспериментального образования. — 2016. — №4–2. — С. 249–253. EDN: VSPRKN

6. Скворцова Д.А. Проверка эффективности методики подготовки будущих учителей математики к работе в цифровой образовательной среде // Современные проблемы науки и образования. — 2025. — №4(68). — С. 47-60. DOI: 10.24412/2079-9152-2025-68-47-60. EDN: HLNKYC
7. Шкабара И.Е. Подготовка будущего учителя иностранного языка к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образования // Вестник ШГПУ. — 2023. — №4(60). — С. 147-156. DOI: 10.52772/25420291_2023_4_147. EDN: XJSYYY
8. Ciaramita G. Mediation in Language Teaching and Learning in Secondary Education: The Case of Spain and Italy: doctoral thesis. — Castelló de la Plana: Universitat Jaume I, 2023. — 272 p.
9. Shakiyeva A., Zhorabekova A., Abilkhairova Z., Yessimgaliyeva T., Makulbek A. Methodical system for formation of professional competences of a future foreign language teacher in conditions of distance learning // Frontiers in Education. — 2023. — Vol. 8. — Article 1186908. DOI: 10.3389/feduc.2023.1186908. EDN: BVVEBT

ADAPTIVE MODEL OF DIAGNOSIS AND CORRECTION OF EDUCATIONAL DEFICITS OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE SYSTEM OF PREPARATION FOR THE OGE/USE IN THE ZAPOROZHYE REGION *

Loba Inna Sergeevna, *Senior Lecturer at the Department of Computer Science, Armavir State Pedagogical University, Armavir (Russia)*

The article examines the process of the Zaporizhzhia region's integration into the Russian educational system in its complex, systemic influence. The theoretical and methodological analysis focuses on the comprehensive study of the impact of the transition stage on the diagnosis and correction of educational deficits among high school students in the system of preparation for the main state exam/unified state exam. The purpose of the study is to develop an adaptive model for preparing high school students for the main state exam/unified state exam in the context of the region's integration into the Russian educational space. The objectives include analyzing the factors that enable integration into the educational environment of the Russian Federation, identifying and overcoming educational deficits among high school students, and incorporating final certification into the educational system of the Russian Federation. Special attention is paid to a multifaceted analysis of factors that transform the educational environment, including regulatory adaptation, staffing, infrastructure transformation, certification requirements, and the psychological climate. These interrelated factors influence the identification and overcoming of educational shortcomings. They form the basis for developing an adaptive model of preparation for the state final certification. The identification of theoretical approaches and methodological guidelines is necessary for creating an effective system of support for high school students during the transition period. Based on the analysis of these factors and their complex impact, the theoretical and methodological foundations for developing an adaptive model of preparation for high school students for the OGE/EGE are laid. This model should take into account the specifics of the transition stage, be flexible, and respond to changing conditions, ensuring maximum efficiency in diagnosing and correcting learning deficits, ultimately leading to successful graduation exams. Systemic and comprehensive approaches are used, allowing the proposed model to be viewed as a set of interconnected elements. Pedagogical diagnostics methods are necessary for identifying deficiencies and monitoring educational outcomes. The individual educational needs of students are taken into account based on the principles of differentiated and inclusive education. Methodological guidelines have been defined for building an adaptive model of support for high school students. Mechanisms for diagnosing and correcting deficiencies have been formulated, taking into account the specifics of the transition period. The degree of influence of factors on the effectiveness of preparation for the state final certification has been identified.

Keywords: *transition stage of the annexed regions, educational shortcomings, diagnostics, correction, adaptive model, legal and regulatory adaptation, personnel support, infrastructure transformation, certification requirements, psychological climate, and theoretical and methodological analysis.*

EDN: TZPAGV **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.54**

Цитировать: *Лоба И.С. Адаптивная модель диагностики и коррекции учебных дефицитов старшеклассников в системе подготовки к ОГЭ/ЕГЭ в Запорожской области // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 399–408. EDN: TZPAGV. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.54*

УДК 387
5.8.2

© Лоба И.С., 2026

АДАПТИВНАЯ МОДЕЛЬ ДИАГНОСТИКИ И КОРРЕКЦИИ УЧЕБНЫХ ДЕФИЦИТОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ К ОГЭ/ЕГЭ В ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ **

В статье рассматривается процесс интеграции Запорожской области в российскую образовательную систему в его комплексном, системном влиянии. Теоретико-методологический анализ посвящен комплексному изучению влияния переходного этапа на диагностику и коррекцию учебных дефицитов старшеклассников в системе подготовки к ОГЭ/ЕГЭ. Целью исследования является разработка адаптивной модели подготовки старшеклассников к ОГЭ/ЕГЭ в условиях интеграции региона в российское образовательное пространство. Поставленные задачи включают анализ факторов, позволяющих интегрировать в образовательную среду РФ; выявление

* This research was supported by the Ministry of Education of the Russian Federation within the framework of the state task in the field of science (topic number OTGE-2026-0020)

** Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0020)

и преодоление учебных дефицитов у старшеклассников; включение итоговой аттестации с учетом интеграции в образовательную систему РФ. Особое внимание уделяется многоаспектному анализу факторов, трансформирующих образовательную среду, в частности, нормативно-правовой адаптации, кадрового обеспечения, инфраструктурной трансформации, аттестационных требований и психологического климата. Данные взаимосвязанные факторы влияют на выявление и преодоление учебных дефицитов. Формируется основа для разработки адаптивной модели подготовки к государственной итоговой аттестации. Выявление теоретических подходов и методологических ориентиров необходимо для создания эффективной системы поддержки старшеклассников в переходный период. На основе анализа этих факторов и их комплексного воздействия, закладываются теоретические и методологические основы для разработки адаптивной модели подготовки старшеклассников к ОГЭ/ЕГЭ. Эта модель должна учитывать специфику переходного этапа, быть гибкой и реагировать на изменяющиеся условия, обеспечивая максимальную эффективность в диагностике и коррекции учебных дефицитов, обеспечивая, в конечном итоге, успешную сдачу выпускных экзаменов. Используются системный и комплексный подходы, позволяющие рассматривать предложенную модель как совокупность взаимосвязанных элементов. Методы педагогической диагностики необходимы для выявления дефицитов, мониторинга образовательных результатов. Учёт индивидуальных образовательных потребностей обучающихся построен на принципах дифференцированного и инклюзивного обучения. Определены методологические ориентиры для построения адаптивной модели поддержки старшеклассников. Сформулированы механизмы диагностики и коррекции дефицитов с учётом специфики переходного периода. Выявлена степень влияния факторов на эффективность подготовки к государственной итоговой аттестации.

Ключевые слова: *переходный этап присоединенных регионов; учебные дефициты; диагностика; коррекция; адаптивная модель; нормативно-правовая адаптация; кадровое обеспечение; инфраструктурная трансформация; аттестационные требования; психологический климат; теоретико-методологический анализ.*

ЛОБА Инна Сергеевна, *старший преподаватель кафедры информатики, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир (Россия)*

Введение: нормативно-правовая адаптация как основная составляющая содержания и процедур диагностики

В результате переходного этапа в школах Запорожской области возникли проблемы, связанные с изменениями в правилах и законодательстве, компетенций учителей, школах, настроении учеников. Они действуют не по отдельности, а дополняя друг друга, нося интегративный характер. Основная задача для их устранения — изучить, как именно все эти факторы или дефициты влияют вместе, чтобы понять механизм этих действий. Предлагаемая адаптивная модель диагностики и коррекции на сегодняшний день позволяет не только находить трудности в обучении старшеклассников, но и помочь им успешно преодолеть их, учитывая региональные особенности.

Сущность этого механизма заключается в приведении нормативно-правовой базы Запорожской области в соответствие с российским законодательством об образовании (Федеральный закон № 273-ФЗ, ФГОС, порядок проведения ГИА, СанПиН и др. [1]) созда-

[1] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области».

ёт новую регуляторную среду, которая прямо определяет:

— Требования к результатам обучения (предметные, метапредметные, личностные результаты по ФГОС).

— Формы и процедуры оценивания (ОГЭ/ЕГЭ как обязательные итоговые аттестационные испытания).

— Права и обязанности участников (включая особые условия для обучающихся с ОВЗ).

— Ответственность образовательных организаций за качество подготовки выпускников.

1. Диагностика и коррекция учебных дефицитов носит комплексный характер и начинается с внедрения новых нормативно-правовых актов в образовательной сфере. Введение ФГОС СОО знаменует собой сдвиг парадигмы образования в сторону системно-деятельностного подхода, ориентированного на формирование не только предметных знаний, но и универсальных учебных действий (УУД), а также личностных результатов.

В результате реализации данного аспекта возникают прямые последствия для диагностики и коррекции:

— Расширение объекта диагностики, в результате которого происходит смещение акцента с исключительно предметной диагностики на комплексную оценку, включающую метапредметные (УУД) и личностные результаты. Это требует разработки и применения более широкого спектра диагностических инструментов, способных выявлять не только пробелы в знаниях, но и в развитии навыков планирования, анализа, самоконтроля, коммуникации, а также ценностных ориентаций.

— Междисциплинарный характер коррекции, который заключается в выявлении учебных дефицитов, обусловленных недостаточным формированием метапредметных или личностных компетенций, зачастую требующий комплексного подхода к коррекции. Необходимо не только привлечение специалистов из различных предметных областей и психолого-педагогического сопровождения, но и интеграцию коррекционных задач в общеобразовательный процесс [6].

2. Утверждение кодификаторов ОГЭ/ЕГЭ итоговой аттестации (ОГЭ/ЕГЭ) представляют собой нормативно закрепленные перечни проверяемых элементов содержания и требований к уровню подготовки обучающихся.

— Ориентацию диагностического инструментария таким образом, чтобы диагностические процедуры были максимально ориентированы на соответствие структуре и содержанию кодификаторов. Нетрудно заметить, что при выявлении учебных дефицитов важно сфокусироваться на тех аспектах знаний и умений, которые непосредственно проверяются на экзамене.

— Целенаправленность коррекционных программ, направленная на устранение выявленных дефицитов, непосредственно связана с элементами содержания и требованиями кодификаторов, призвана обеспечить успешное прохождение обучающимися итоговой аттестации.

3. Введение порядка проведения государственной итоговой аттестации (ГИА) регламентирует организационные аспекты экзаменационного процесса, включающие структуру контрольно-измерительных материалов (КИМ), временные ограничения, использование разрешенных материалов и процедуры апелляции.

Используется интеграция процедурных особенностей и в коррекционные программы, которые будут учитывать не только содержание экзамена, но и его процессуальные особенности. При этом обучающимся необходимо развивать навыки работы в условиях экзамена: эффективное распределение времени, стратегию выполнения заданий разного типа, понимание правил апелляции. Это придает коррекции практическую направленность и способствует адаптации к стрессовым условиям аттестации [4].

4. Изменение системы оценки качества образования Всероссийских проверочных работ (ВПР) Национальных исследований качества образования (НИКО) формирует дополнительную систему мониторинга образовательных достижений.

Требуется расширение диагностической базы: ВПР и НИКО предоставляют дополнительные диагностические срезы, которые расширяют понимание уровня подготовленности обучающихся. Полученные данные в дальнейшем будут использованы для выявления динамики учебных дефицитов; отслеживание прогресса /регресса в освоении материала.

Очень важными остаются оценки эффективности коррекционной работы, в частно-

сти анализ влияния предпринятых мер на результаты обучающихся; идентификации системных проблем, выраженная в выявлении общих трудностей в классе или школе, требующих корректировки педагогического подхода.

К нашему сожалению, приходится констатировать, что для Запорожской области характерен нормативно-правовой разрыв — период, когда старая (украинская) нормативная база уже не действует, а новая (российская) ещё не полностью имплементирована или не освоена педагогами [5]. Разумеется, сложившаяся ситуация создает зону неопределённости, требующей особых подходов к диагностике и коррекции.

Таким образом, нормативно-правовая адаптация образовательной системы трансформирует подходы к диагностике и коррекции учебных дефицитов, делая их более комплексными, целенаправленными и ориентированными на достижение современных образовательных результатов.

Подготовка педагогических кадров как ресурсное условие эффективной коррекции

Сущность этого механизма заключается в успешности выявления и преодоления учебных дефицитов старшеклассников, что находится в прямой зависимости от профессиональной компетентности педагогов [3, С.3], включающей:

— Предметную компетентность (глубокое знание содержания учебного предмета в соответствии с российскими программами).

— Методическую компетентность (владение методами диагностики дефицитов, приёмами организации коррекционной работы, технологиями подготовки к ГИА).

— Психолого-педагогическую компетентность (понимание возрастных особенностей старшеклассников, умение работать с экзаменационной тревожностью, владение приёмами мотивации).

— Информационно-цифровую компетентность (использование онлайн-ресурсов, платформ для диагностики и самоподготовки, аналитических инструментов для обработки результатов).

Критический анализ перечисленных дефицитов позволяет выявить системные проблемы и наметить пути их решения.

1. Дефицит знания кодификаторов ОГЭ/ЕГЭ обнаруживается в работе с учащимися — педагог не обладает четким представлением о структуре, содержании и уровне требований, предъявляемых к выпускникам на ОГЭ/ЕГЭ. Это отражается в отсутствии понимания конкретных проверяемых элементов содержания и критериев оценки [4, С.2].

В результате возникает деформация диагностического процесса, в ходе которой педагог испытывает затруднения в точном соотнесении наблюдаемых трудностей ученика с конкретными элементами содержания, подлежащими проверке на экзамене. И, как итог, выявляются лишь общие проблемы, без глубокого понимания их причинно-следственных связей с требованиями аттестации.

Неэффективная коррекция приводит к тому, что коррекционные мероприятия, основанные на нечетком понимании проверяемых требований, оказываются малоэффективными. При этом фокус коррекции смещается с устранения конкретных пробелов, важных для экзамена, на повторения общего характера, которые не гарантируют успешного прохождения аттестации.

2. Неумение анализировать типичные ошибки, когда педагог не способен глубоко анализировать характер ошибок, совершаемых обучающимися. В этой ситуации, вместо выявления корневых причин недопонимания или неусвоения материала, педагог прибегает к механическому повторению [1].

Такой коррекционный процесс становится «слепым», не направленным на устранение истинных причин затруднений. Повторное объяснение материала без анализа и исправления сути ошибки приводит к тому, что обучающийся снова совершает аналогичные недочеты. В этой связи, отсутствие целенаправленного исправления корневых причин ошибок ведет к низкой эффективности коррекции. Учебные дефициты остаются не устраненными, что отрицательно сказывается на итоговой успеваемости и результатах аттестации.

3. Отсутствие навыков дифференциации заданий, когда педагог применяет унифицированный подход к обучению и диагностике, предлагая всем учащимся задания одинакового уровня сложности, независимо от их индивидуальных образовательных потребностей и уровня подготовки приводит к сниже-

нию мотивации и вовлеченности. В контексте сказанного, высокоуспевающие обучающиеся, не получая адекватной стимуляции и возможности для развития, теряют мотивацию. В свою очередь, низкоуспевающие обучающиеся, сталкиваясь с непосильными заданиями, испытывают фрустрацию и не справляются с учебным материалом [2].

Те же коррекционные усилия, которые не дифференцируются, в конечном итоге ведут к нецелесообразному расходованию ресурсов (времени, усилий) как со стороны педагога, так и со стороны обучающихся.

4. Низкая психологическая компетентность, когда педагог не обладает достаточными знаниями и навыками для работы с психологическими аспектами учебного процесса, в частности, с экзаменационной тревожностью. В этой связи педагог должен снижать уровень тревожности обучающихся, для чего своими действиями/бездействием не способствовать его усилению, тем самым не «возводить» психологические барьеры, препятствующие эффективному усвоению знаний и применению их на практике. Дело в том, что такие психологические барьеры, как высокая тревожность, страх неудачи, могут полностью блокировать любые коррекционные усилия. Даже если педагог обладает предметными знаниями и умеет проводить диагностику, влияние психологического фактора может свести на нет все усилия.

Таким образом, устранение перечисленных дефицитов у педагогов является важнейшим условием для построения эффективной системы диагностики и коррекции учебных дефицитов, нацеленную на полновесную подготовку учащихся к итоговой аттестации.

Имеющиеся в свободном доступе источники свидетельствуют: педагоги Запорожской области могут испытывать профессиональный стресс, связанный с необходимостью переучивания, освоения новых программ и стандартов. В то же время, часть учителей сами имеют учебные дефициты (в содержании российского образования), что создаёт риск их трансляции обучающимся. Вместе с тем, диагностика профессиональных дефицитов педагогов и система повышения их квалификации является обязательным компонентом модели коррекции учебных дефицитов старшеклассников [7].

Инфраструктурные и ресурсные изменения как материальная основа диагностико-коррекционного процесса

Сущность этого механизма видится в инфраструктурных и ресурсных изменениях, под которыми понимается совокупность материально-технических, организационных, информационных и финансовых условий, обеспечивающих или ограничивающих возможность реализации качественной диагностики и коррекции:

— Материально-техническое оснащение (наличие компьютеров, принтеров, проекторов, доступ к интернету для проведения онлайн-диагностики и использования цифровых образовательных ресурсов).

— Организационная инфраструктура (наличие в школе психолого-педагогического консилиума, службы медиации, программ наставничества, функционирование системы дополнительного образования и консультационных пунктов).

— Учебно-методическое обеспечение (обеспеченность учебниками ФПУ (федерального перечня), наличие диагностических материалов (КИМ, демоверсии, банки заданий), методических пособий по коррекционной работе.

— Информационно-цифровая среда (использование платформ типа «Сдам ГИА», «Решу ЕГЭ», Яндекс. Учебник, Российская электронная школа, наличие электронных журналов и дневников для мониторинга динамики).

Современная система образования опирается на многообразие ресурсов и инфраструктурных компонентов, которые оказывают существенное влияние как на процесс диагностики учебных дефицитов, так и на разработку и реализацию эффективных коррекционных программ. К ним относятся:

1. Цифровые платформы с банком заданий — обеспечивают возможность проведения быстрой и автоматизированной диагностики учебных дефицитов по широкому спектру тем. Это позволяет педагогу оперативно выявлять пробелы в знаниях и умениях и осуществить индивидуализацию профиля дефицитов. Платформа способна аккумулировать данные по каждому обучающемуся, формируя детальный индивидуальный профиль его учебных дефицитов. Это дает наглядное

представление о сильных и слабых сторонах ученика [4].

Более того, на основе сформированного профиля учебных дефицитов платформа может генерировать персонализированные тренировочные задания, максимально соответствующие индивидуальным потребностям обучающегося. Платформа позволит автоматически отслеживать динамику освоения материала и степень устранения дефицитов, предоставляя объективные данные об эффективности коррекционных мероприятий.

2. Психолого-педагогический консилиум — обеспечивает комплексную оценку причин возникновения учебных дефицитов. В нем участвуют не только педагоги, но и психологи, социальные педагоги, что позволяет выявить не только педагогические, но и психологические, социальные, или личностные факторы, влияющие на учебный процесс.

Разработка комплексных коррекционных программ на основе междисциплинарной диагностики консилиум разрабатывает комплексные программы коррекции. Эти программы предусматривают участие различных специалистов, учитывая всесторонние аспекты проблем обучающегося, и направлены на решение как академических, так и сопутствующих психологических или социальных затруднений.

3. Доступ к интернет-ресурсам в результате — обучающиеся и педагоги получают возможность использовать разнообразные интернет-ресурсы, такие как видео-лекции, вебинары, открытые банки заданий, для проведения самостоятельной диагностики учебных дефицитов. Это расширяет спектр доступных инструментов и позволяет получить дополнительные данные. Интернет-ресурсы позволяют организовать самостоятельную работу обучающегося по устранению выявленных дефицитов. Обучающийся может получать доступ к необходимой информации и практическим заданиям в удобном для него темпе и формате и с указанными дедлайнами.

Интернет-среда облегчает организацию дистанционных консультаций между педагогом и обучающимся, что особенно актуально для оперативного уточнения вопросов и получения поддержки в процессе коррекции.

4. Адаптированные учебники и пособия — не являются инструментом диагностики. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что их структура и подача материала могут косвенно указывать на возможные зоны трудностей, требующие дальнейшей проверки. Учебники и пособия предоставляют материал в упрощенной, доступной форме, что является неоценимым ресурсом для организации повторения и закрепления тем, где были выявлены учебные дефициты. Это позволяет обучающимся, испытывающим трудности, лучше усваивать информацию и систематизировать знания.

Интеграция данных ресурсов и компонентов в образовательный процесс создает синергетический эффект, позволяя проводить более точную и своевременную диагностику учебных дефицитов, а также разрабатывать и реализовывать персонализированные и эффективные коррекционные программы.

Инфраструктурные условия в Запорожской области могут существенно различаться. Часть школ, особенно в сельской местности, могут испытывать дефицит ресурсов (устаревшая материально-техническая база, недостаток учебников ФПУ, слабый интернет). Решение этих задач обязывает вести учёт ресурсной асимметрии при разработке модели диагностики и коррекции, а также осуществлять поиск альтернативных (малозатратных) решений [5].

Особенности итоговой аттестации как целевой ориентир и измерительный эталон

Как мы полагаем, ОГЭ и ЕГЭ являются не только формой итогового контроля, но и, по сути, основным драйвером всей образовательной деятельности в старшей школе [2]. Особенности аттестации влияют на диагностику и коррекцию через следующие параметры:

— Структура КИМ (соотношение заданий базового, повышенного и высокого уровня сложности; наличие заданий с кратким и развёрнутым ответом; тематическое распределение).

— Система оценивания (первичные и тестовые баллы, минимальные пороги, шкалы перевода, критерии оценивания заданий с развёрнутым ответом).

— Форматы заданий (тесты закрытого и открытого типа, задачи на анализ информации, сочинения, эссе, устная часть по иностранным языкам).

— Регламент проведения (продолжительность экзамена, разрешённые справочные материалы, правила поведения и процедура апелляции).

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) представляет собой стандартизированную процедуру, имеющую ряд специфических особенностей, которые требуют особого внимания при диагностике и коррекции учебных дефицитов у выпускников.

1. Наличие заданий различных уровней сложности позволяет диагностировать уровень притязаний обучающегося адекватно оценивать свои силы и выбирать задания, соответствующие текущему уровню подготовки. Важным является умение анализировать задания, выбирать оптимальные для себя и эффективно распределять усилия между задачами разной степени трудности.

Видится необходимость и в корректировке навыков тайм-менеджмента, в результате которого происходит обучение эффективному распределению времени при решении заданий, включая умение не «застревать» на задачах, которые вызывают значительные трудности [1].

Развитие умения выбирать задания, которые гарантированно принесут баллы, и эффективно использовать для этого доступное время, не рискуя потерять очки из-за излишней концентрации на сложных задачах.

2. Задания с развёрнутым ответом (сочинение, эссе, развёрнутое решение).

На наш взгляд, необходимо диагностировать навыки письменной аргументации, способность формулировать и обосновывать свою позицию, используя релевантные аргументы. Умение структурировать ответ: способность логично и последовательно излагать мысли, соблюдая структуру, заданную форматом задания (например, тезис-аргумент-пример-вывод).

Следует обратить внимание и на важность грамотности, логики рассуждений, уровня владения языком, орфографическими, пунктуационными и грамматическими нормами, а также стройность и последовательность мыслительных процессов.

Обязательно корректировать формирование структуры ответа и проводить целенаправленную работу над построением ответа, включая освоение клише и речевых оборотов, способствующих логичному изложению (тезис, аргументы, примеры, вывод). Также развитие связной письменной речи, в которой тренировка навыков письменного изложения мыслей, расширение лексического запаса, совершенствование синтаксических конструкций для более точного и выразительного выражения идей.

3. Тайминг экзамена закладывает диагностику и организацию темпа работы, в результате повышается способность выполнять задания в установленные временные рамки. Умение распределять время влияет на эффективность планирования времени для выполнения различных частей экзаменационной работы. «Скорость реакции» способствует быстрому анализу задания и немедленному их выполнению.

Необходимо корректировать тайм-менеджмент для регулярного выполнение заданий в условиях ограниченного времени, моделирование экзаменационной ситуации для выработки навыков эффективного распределения времени.

Отработка выполнения работ с лимитом времени осуществляется в организации практической тренировки выполнения полных вариантов экзаменационных работ в режиме реального времени для выработки привычки к работе в условиях временных ограничений.

4. Стрессогенность ситуации диагностирует уровень экзаменационной тревожности для определения интенсивности и проявления психологического напряжения, связанного с предстоящей аттестацией.

Для формирования стресс-совладающего поведения необходимо изучение способов, которыми обучающийся справляется с предэкзаменационным стрессом (конструктивные или деструктивные). Для этого необходима психологическая подготовка, то есть проведение занятий, направленных на формирование позитивного отношения к экзамену, развитие уверенности в своих силах. А также обучение техникам саморегуляции, при котором происходит освоение практических приемов релаксации, дыхательных упражнений, техник визуализации для снижения уровня тревожности.

Моделирование экзаменационной обстановки в качестве проведения репетиционных экзаменов в условиях, максимально прибли-

женных к реальным, для привыкания к атмосфере и снижения постстрессовых реакций.

Анализ этих особенностей ЕГЭ позволяет педагогам целенаправленно выявлять и корректировать те аспекты подготовки выпускников, которые выходят за рамки чисто предметных знаний и напрямую связаны с успешностью прохождения самого экзаменационного испытания.

Мы придерживаемся позиции, что старшеклассники Запорожской области могут испытывать «двойной стресс», связанный с необходимостью за короткий срок освоить не только новое содержание, но и новые форматы заданий, логику построения ответов, критерии оценивания. Особенно это относится к гуманитарным предметам (история, обществознание, русский язык, литература), где историко-культурный контекст и требования к развёрнутым высказываниям весьма существенно различаются. В этой ситуации, диагностика и коррекция должны учитывать контекстуальную несовместимость прежнего и нового опыта.

5. Психологический аспект как субъективная проекция переходного этапа.

Сущность механизма в том, что переходный этап интеграции — это не только институциональная и нормативно-правовая трансформация, но и психологическое событие для каждого участника образовательного процесса [6]. Психологический аспект включает:

Для старшеклассников:

— Неопределённость (непонимание требований, критериев оценки, структуры экзамена).

— Тревожность (страх не сдать, «подвести» себя и семью, не оправдать ожиданий).

— Когнитивный диссонанс (рассогласование между тем, что изучали ранее, и тем, что спрашивают на экзамене).

— Снижение мотивации (ощущение, что «все усилия напрасны», перегрузка).

— Прокрастинация (откладывание подготовки из-за ощущения непосильности поставленной задачи).

Для педагогов:

— Профессиональный стресс (необходимость переучиваться, осваивать новые программы и стандарты).

— Синдром самозванца (сомнение в собственной компетентности, страх «недоучить» детей).

— Эмоциональное выгорание (на фоне повышенной нагрузки и ответственности).

Для родителей:

— Тревога за будущее ребёнка (поступление в вузы РФ, конкуренция).

— Чувство беспомощности (неспособность помочь ребёнку из-за незнания новых требований).

— Недоверие к новой системе (сравнение с тем, «как было раньше»).

Психологические феномены и их коррекция в контексте подготовки к экзаменам играют существенную роль в успешности прохождения аттестационных испытаний. Понимание их проявлений и разработка целенаправленных коррекционных стратегий позволяют минимизировать негативное влияние внутренних факторов на академические результаты.

1. Экзаменационная тревожность проявляется в снижении продуктивности наблюдается ухудшение когнитивных функций, таких как внимание, память, скорость обработки информации, непосредственно во время экзамена. «Замирание» при встрече с трудным заданием: Обучающийся испытывает ступор и не может приступить к решению задачи, вызывающей затруднение. Забывание выученного материала происходит из-за высокого уровня стресса, результатом может быть временная потеря доступа к ранее усвоенной информации. Вот почему, важно грамотно организовать тренинги стресс-менеджмента, которые обучают навыкам управления стрессовыми состояниями, распознавания их триггеров и эффективного реагирования. Обучение дыхательным и расслабляющим техникам, а именно- освоение практических методов релаксации, таких как глубокое дыхание, прогрессивная мышечная релаксация, которые помогают снизить физиологические проявления тревоги. Моделирование экзаменационной ситуации в виде регулярного проведения пробных экзаменов в условиях, максимально приближенных к реальным, позволяющих адаптироваться к стрессовой обстановке и снижать остроту реакции на новые или сложные задания.

2. Выученная беспомощность проявляется в психологической уверенности в невозможности сдать экзамен, закономерным последствием которой является рождение убежде-

ние обучающегося о своей неспособности успешно пройти аттестацию, независимо от приложенных усилий.

Происходит отказ от попыток решения трудных заданий, когда вместо попытки найти разумное решение, обучающийся предпочитает воздержаться этих действий, оценивая их как бессмысленные. Разумеется, это не так. Вот почему необходима коррекционная работа по формированию атрибуции успеха, где акцент на том, что успех в учебе и на экзаменах зависит в первую очередь от приложенных усилий, последовательности и стратегии подготовки, а не только от врожденных способностей. Декомпозизация цели предлагает обучающемуся разбивать подготовку к экзамену или решение сложных заданий на небольшие, посильные шаги. Успешное выполнение каждого малого шага способствует формированию ощущения контроля и повышению мотивации.

3. Когнитивный диссонанс проявляется в ошибках, связанных с переносом прежних алгоритмов. Он возникает при столкновении с новыми форматами заданий или измененными требованиями, когда обучающийся пытается применить ранее усвоенные, но уже неактуальные или не совсем подходящие методы решения. Для коррекционной работы необходима специальная работа по «переучиванию», заключающаяся в: целенаправленном обучении новым подходам и алгоритмам действий, применимым к новым форматам заданий. Оправдывает ожидания проговаривание различий в рамках активного обсуждения и акцентирования внимания на отличиях между старыми и новыми форматами или требованиями, чтобы помочь обучающемуся осознать необходимость изменения стратегии. В свою очередь, создание новых когнитивных карт позволяет организовать помощь в построении новой системы знаний и связей, где старые алгоритмы интегрируются или замещаются новыми, более адекватными текущим условиям.

4. Низкая самоэффективность проявляется в отказе от самостоятельной работы, когда обучающийся предпочитает не брать на себя ответственность за процесс обучения и результат, а заниматься перекладыванием ответственности. Возникает склонность винить в неудачах внешние обстоятельства, учителя или репетиторов, а не собственную недостаточную активность. В сложившейся ситуации, первостепенной задачей будет грамотная организация коррекционной работы поэтапного формирования самостоятельности, где постепенное увеличение доли самостоятельной работы, начиная с простых заданий и постепенно усложняется.

Фиксация и рефлексия малых успехов предусматривает отмечать и обсуждать с обучающимся даже небольшие достижения, чтобы он мог осознать свою роль в их достижении и увидеть результаты своих усилий.

Использование техник «маленьких шагов» разбивка больших задач на мелкие, конкретные действия, выполнение которых помогает обучающемуся почувствовать свою компетентность и постепенно наращивать уверенность в своих силах.

Не подлежит сомнению, что для обеспечения всесторонней поддержки обучающихся в процессе подготовки к экзаменам, работа с данными психологическими феноменами требует комплексного подхода, включающего как педагогические, так и психологические методики.

Психологический аспект Запорожской области имеет дополнительное измерение — социально-исторический контекст перехода из одной образовательной и социокультурной системы в другую. Это может сопровождаться не только учебными, но и ценностно-смысловыми дефицитами (несовпадение трактовок исторических событий, разное понимание роли государства, гражданского общества и т.д.). Исходя из такого подхода, диагностика и коррекция должны учитывать этот глубинный пласт, особенно при подготовке к экзаменам по истории, обществознанию, литературе, русскому языку.

Заключение: интегративная схема адаптивной модели

Выделенные механизмы не действуют изолированно, а образуют систему взаимосвязанных факторов:

Нормативно-правовая адаптация
↓
Изменение требований к результатам
и процедурам оценки
↓

↓
Необходимость подготовки
педагогических кадров (компетенции)
↓ (при недостатке ресурсов)
Инфраструктурные ограничения
(нехватка времени, пособий,
оборудования)
↓
Особенности итоговой аттестации
(стрессогенность, новые форматы)
↓
Психологические реакции участников
(тревожность, снижение мотивации)
↓
Учебные дефициты старшеклассников
(предметные, метапредметные,
регуляторные).

С учетом сказанного выводим, что разрабатываемая модель диагностики и коррекции должна учитывать всю целостную систему влияний, а не фокусироваться исключительно на предметно-содержательной стороне дефицитов.

Литература

1. Володин В.В. Реализация модели формирования готовности будущих учителей к проявлению педагогической заботы // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). — 2023. — Вып. 5(51). — С. 80–89.
2. Воробьева Э.Р., Воробьев А.А., Глебова И.С. Индивидуализация образовательного процесса подготовки обучающихся к государственной итоговой аттестации: монография. — Казань: САНТРЕМ, 2023. — 139 с.
3. Золотарева А.В., Байбородова *Л*.В., Груздев М.В., Харисова И.Г. Обеспечение единства федеральной системы научно-методического сопровождения профессионального развития педагогических кадров: возможности и риски // Образование и наука. — 2023. — №25(9). — С. 12-43. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-9-12-43
4. Крылова Н.Г., Тихомирова Е. В. Особенности готовности к ЕГЭ старшеклассников, использующих услуги репетитора // Ярославский педагогический вестник. — 2024. — №1(136). — С. 207–217.
5. Павликов С.Г. Реализация законодательства об образовательной деятельности на территории «новых субъектов» в российском федеративном государстве // Социально-политические науки. — 2024. — Т. 14, №2. — С. 62–66.
6. Романченко *Л*.Н. Итоги интеграции в образовательную систему России Херсонской области: проблемы и пути их решения / *Л*.Н. Романченко // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13, №1.
7. Федоров В.А., Кубрушко П.Ф., Дубицкий В.В., Феоктистов А.В. Профессионально-педагогическое образование в России на современном этапе: концептуальный аспект // Образование и наука. — 2022. — №24(7). — С. 11-44. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-7-11-44

A SYSTEMIC SET OF PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR CONSTRUCTIVE AND MODEL ACTIVITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE UNITY OF IDEAL AND TECHNOLOGICAL COMPONENTS

Lukash Sergey Nikolaevich, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, Armavir State Pedagogical University, Armavir (Russia)*

Rubilkina Raisa Alekseevna, *Lecturer, Adyghe Pedagogical College named after Kh. Andrukhaev; applicant, Armavir State Pedagogical University, Maykop (Russia)*

This research article examines the development of creative abilities in preschool children through constructive and modeling activities. The objective of the study is to provide a theoretical justification and experimental verification of pedagogical conditions under which constructive and modeling activities in preschool educational institutions are transformed into a space for genuine children's creativity. The objectives are to identify a systemic set of pedagogical conditions in the unity of the ideal and technological components; to test a model for implementing pedagogical conditions during a formative experiment; to evaluate the dynamics of indicators of pupils' creative development. The methodological basis is the hypothesis that the development of creative abilities will be effective if a pedagogical model is built, supported by a systemic set of pedagogical conditions in the logic of the continuity of the domestic educational tradition, where the ideal component (spiritual and moral example, meaning) performs a system-forming function in relation to the technological one (method, technique). The results of the experimental work prove the proposed hypothesis about the theoretical justification and empirical confirmation of the inseparability and interdependence of the ideal and technological components in the structure of pedagogical conditions for the development of creative abilities in senior preschoolers through constructive and modeling activities in a kindergarten setting.

Keywords: *senior preschool child; children's creative abilities; constructive and modeling activities; domestic educational tradition; pedagogical model; ideal and technological components.*

EDN: VGYIBZ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.55***

Цитировать: *Лукаш С.Н., Рубилкина Р.А. Системная совокупность педагогических условий конструктивно-модельной деятельности в образовательном процессе ДОО в единстве идеального и технологического компонентов // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 409–417. EDN: VGYIBZ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.55*

УДК 373.23
5.8.1

Системная совокупность педагогических условий конструктивно-модельной деятельности в образовательном процессе ДОО в единстве идеального и технологического компонентов

В научной статье рассматривается проблема развития творческих способностей у детей дошкольного возраста посредством конструктивно-модельной деятельности. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке педагогических условий, при которых конструктивно-модельная деятельность в дошкольных образовательных организациях (далее — ДОО) трансформируется в пространство для действительного детского творчества. Задачи: выявить системную совокупность педагогических условий в единстве идеального и технологического компонентов; апробировать модель реализации педагогических условий в ходе формирующего эксперимента; осуществить оценку динамики показателей творческого развития воспитанников. В качестве методологического основы выдвигается гипотеза о том, что развитие творческих способностей будет осуществляться эффективно, если выстроена педагогическая модель, обеспечиваемая системной совокупностью педагогических условий в логике преемственности отечественной образовательной традиции, где идеальный компонент (духовно-нравственный образец, смысл) выполняет системообразующую функцию по отношению к технологическому (метод, прием). Результаты экспериментальной работы доказывают выдвинутую гипотезу о теоретическом обосновании и эмпирическом подтверж-

© Лукаш С.Н., Рубилкина Р.А., 2026

ЛУКАШ Сергей Николаевич, *доктор педагогических наук, профессор, Армавирский государственный педагогический университет, Армавир (Россия)*
SPIN-код: 4281-6804
ORCID: 0000-0003-4065-5901
Research ID: AAO-5828-2020

РУБИЛКИНА Раиса Алексеевна, *преподаватель, Адыгейский педагогический колледж им. Х. Андрухаева; соискатель, Армавирский государственный педагогический университет, Майкоп (Россия)*
SPIN-код: 5023-9507
ORCID: 0009-0001-3782-8464
Research ID QQC-5032-2026

дении неразрывности и взаимозависимости идеальной и технологической составляющих в структуре педагогических условий развития творческих способностей у старших дошкольников посредством конструктивно-модельной деятельности в условиях детского сада.

Ключевые слова: *ребенок старшего дошкольного возраста; творческие способности детей; конструктивно-модельная деятельность; отечественная образовательная традиция; педагогическая модель; идеальная и технологическая составляющая.*

Введение

Анализ современных актуальных документов и научных источников подтверждает тот факт, что существует потребность государства в активной творческой личности, способной ставить цель, планировать действия и достигать результат оригинальными, уникальными методами и способами. В условиях стремительно меняющегося мира и обновления содержания дошкольного образования (ФГОС ДО, ФОП ДО) акцент смещается с передачи готовых знаний дошкольникам на формирование у них инициативности, вариативного мышления и способности к созидательному преобразованию среды [1]. Конструктивно-модельная деятельность (LEGO-конструирование, бумагопластика, работа с бросовым и природным материалом, 3D-моделирование) обладает мощным, но далеко нереализованным потенциалом для развития творчества.

В связи с этим, педагогам дошкольного образования необходимо активно внедрять конструктивно-модельную деятельность в образовательный процесс детского сада, опираясь на принципы организации полифункциональной и безопасной развивающей предметно-пространственной среды. Материально-технические ресурсы такой среды, включающие природный, бросовый декоративный материал, детали конструктора и бумагу, представляют воспитанникам возможность свободного конструирования разнообразных моделей, что в свою очередь выступает фактором активизации их творческого развития.

Вместе с тем, проведенный анализ свидетельствует о том, что существующее методическое обеспечение не в полной мере позволяет эффективно решать задачи организации творческого развития детей старшего дошкольного возраста [1; 9; 11]. Проблема заключается в том, что на практике конструирование, нередко, сводится к действиям по образцу, не стимулируя воображение. Ключевая коллизия современной практики ДОО заключается в разрыве между «технологическим» (освоение инженерных навыков, алгоритмов сборки, модной робототехники) и «идеальным» (способность одухотворить постройку, вложить в нее смысл, переживание, этическое отношение). Без идеального плана конструктивно-модельная деятельность вырождается в механический тренинг моторики и интеллекта, утрачивая статус собственно творческой деятельности, которая, согласно русской педагогической традиции (К.Д. Ушинский, В.В. Зеньковский, В.А. Сухомлинский), всегда есть воплощение внутреннего, душевно-духовного движения вовне, есть «сотворение добра и красоты» [6; 10; 13]. В связи с этим потребность в выявлении и обосновании педагогических условий, при которых конструктивно-модельная деятельность становится пространством для действительного детского творчества в ДОО, становится проблемой, которая требует решения.

Результаты исследования и их обсуждение

Разрешение данной проблемы определило цель данного исследования, что, в свою очередь, потребовало выдвижения гипотетического предположения о том, что развитие творческих способностей у дошкольников посредством конструктивно-модельной дея-

[1] Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказом Министерства образования и науки РФ от 17.02. 2023 г. № 955.

Об утверждении Федеральной образовательной программы дошкольного образования: Приказ Минпросвещения России от 25.11.2022 №1028.

тельности будет осуществляться эффективно если будет выстроен целостный процесс, обеспечиваемый системной совокупностью педагогических условий в логике преемственности отечественной образовательной традиции, рассматривающей творчество как единство двух образовательных процессов: идеального, воплощенного в высших нравственно-духовных ориентирах, устойчивых общенациональных ценностях и примерах поведения, служащих образцом для подражания, и технологического, включающего конкретные методы, формы и инструменты педагогического воздействия.

Одной из ключевых основ данной гипотезы выступает понятие «отечественная образовательная традиция» — проверенный временем положительный педагогический опыт, базирующийся на ментально-ценностных основаниях российского социума, который утвердил себя в обществе и может быть передан последующим поколениям. Образовательная традиция выступает фундаментом, на котором строится, в том числе, современное развитие общества, сохраняющее связь с национальной культурой [2]. Как подчеркивала академик РАО Е.В. Бондаревская, именно национальная традиция в воспитании служит основой для «…возрождения культурно-сообразных форм существования нашего сегодняшнего общества» [4, с. 19]. Стержнем российской образовательной традиции является гуманистический идеал, направленный на становление личности, устремленной к высокому, духовному («возвышенное питание» как «воспитание») [3; 7]. Гуманистический идеал в отечественном образовании соотносился с процессом учения как путь к духовному росту, поиску жизненных смыслов и восхождению к «Образу и Подобию» [5].

В этой связи, в контексте выдвинутой нами гипотезы, наиболее целесообразен переход от функционального перечисления условий к их системному обоснованию в аспекте отечественной культурно-исторической образовательной традиции. Данный исследовательский вектор позволяет избежать бездумного заимствования западных моделей «креативности ради креативности» и реализовывать исследование в ценностно-смысловой парадигме российского образования [8].

Развивая данную логику, мы выстроили системную совокупность педагогических условий, где идеальное (ценностно-целевое) определяет технологическое (инструментально-методическое). Таким образом, искомая совокупность педагогических условий в процессе конструктивно-модельной деятельности должна обеспечить восхождение ребенка от технологического освоения материала к идеальному смыслопорождению, и от встречи с нравственно-эстетическим образцом к технологическому мастерству его личностного воплощения в конструкции. Системная совокупность педагогических условий в единстве идеального и технологического компонентов выстроена как трехуровневая система соответствующей педагогической модели, где каждый уровень является условием для разворачивания следующего. Технологический и идеальный компоненты модели не параллельны, они пронизывают друг друга на каждом уровне.

Уровень 1. Ценностно-смысловое насыщение среды и деятельности (базовый уровень, примат идеального)

Прежде чем дать в руки инструмент, необходимо пробудить в душе потребность к созидательному преображению мира. Это условие отвечает за мотивационно-смысловую основу творчества.

Идеальный компонент (образцы и смыслы)

Условие «Встреча с Прекрасным»: систематическое введение детей в мир архитектурных и инженерных шедевров не как дидактического материала, а как воплощения человеческого духа, заботы и красоты (например, просмотр образа храма Покрова на Нерли не для анализа куполов, а для переживания чувства «застывшей музыки», гармонии с природой). Создание «банка культурных образцов» (фото, видео, макеты), отбираемых по критерию нравственно-эстетической выразительности.

Условие «Конструирование как поступок»: постановка проектных задач с ярко выраженным этическим содержанием, где конструкция решает проблему другого, проявляет заботу, доброту, дружбу. («Построим для игрушек, которые долго лежали в коробке и грустили, уютный и веселый город Дружбы, где у каждого будет свой домик, соединенный мостиками»).

Технологический компонент (воплощение смыслов)

Условие «Среда неоформленного материала»: разнообразие не только типовых конструкторов, но и обилие природного (шишки, ветки, мох), бросового (береста, ткань, пробки), «незавершенного» материала. Именно он, не имея жесткой функции, становится идеальным проводником для воплощения детского замысла и одухотворения конструкции. Сам материал провоцирует технологический поиск: как соединить непрочное с прочным, как передать фактуру «пушистости» или «колючести» персонажа.

Уровень 2. Диалогическое взаимодействие в событийной общности «педагог — ребенок — культурный образец» (уровень развития)

Этот уровень обеспечивает сам процесс рождения и воплощения замысла. Здесь идеальные ориентиры не транслируются директивно, а проживаются в сотворчестве со взрослым.

Идеальный компонент (образцы поведения и отношения)

Условие «Педагог как носитель творческого отношения»: личность воспитателя, демонстрирующего не «знание, как правильно», а увлеченное любопытство, способность радоваться неожиданному решению, сомневаться и искать. Образец взрослого, для которого «ошибка» — это не брак, а новая задача. Это прямая трансляция ценности поиска и уважения к индивидуальному видению.

Условие «Безоценочное принятие замысла»: смещение фокуса с оценки «похожести на образец» на ценность авторского высказывания. Вопросы не «правильно ли?», а «расскажи, о чём твоя постройка? Какое настроение она создаёт?» Это формирует внутреннюю свободу как основу подлинного творчества.

Технологический компонент (методы и инструменты педагогического воздействия)

Условие «Проблемно-диалогический метод»: полный отказ от жестких инструкций и прямого показа. Замена их открытыми техническими и художественными проблемными ситуациями: «Как построить мост через широкую реку, чтобы по нему могли пройти все звери, но он не мешал плыть кораблям?». Освоение технологии здесь происходит как открытие, порожденное смыслом (изучение разных типов опор и перекрытий не ради самого знания, а ради решения ценностно-окрашенной задачи).

Условие «Технология творческого поля». Постепенное расширение веера технологических возможностей для реализации одного и того же идеального замысла. Ребенок задумал «дворец для Золушки». Первый уровень — он строит его из знакомых кубиков. Педагог, видя это, создает зону с новыми материалами (фольга, перышки, проволока), техниками (оригами, скручивание), не навязывая их, а делая доступными, провоцируя на новое витком технологического совершенствования ради все более полного воплощения заветного образа.

Уровень 3. Рефлексивно-презентационная событийность (итоговый уровень, закрепление единства)

Этот уровень обеспечивает осознание ребенком себя как творца и присвоение опыта единства идеального и технологического.

Идеальный компонент (осознание себя в культуре)

Условие «Эстетизация детского продукта»: отношение к детской постройке не как к поделке, а как к макету, арт — объекту, достойному музейного представления. Организация выставок с подсветкой, подиумами, автографом автора. Это формирует у детей ценность собственного труда и уважение к чужому, переводя продукт из плоскости «задание выполнено» в плоскость «я создал произведение».

Технологический компонент (вербализация и осознание метода)

Условие «Технология авторского комментария»: организация детских презентаций-экскурсий для сверстников и родителей, где ребенок не просто показывает постройку, а рассказывает историю ее создания: откуда пришел замысел (идеальное), с какими трудностями столкнулся и как их решил (технологическое). Эта рефлексия скрепляет два плана в сознании ребенка и делает опыт творчества осознанным и присвоенным.

Результаты исследования и их обсуждение

Апробация выдвинутой гипотезы осуществлялась на базе МБДОУ «Детский сад № 52 «Золотой ключик» и МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 22» г. Майкоп (Республика Адыгея). В исследовании (период с 2022 по 2025 гг.) приняли участие 120 воспитанников старшего дошкольного возраста, разделенных на контрольную и экспериментальную группы. Работа реализовывалась в три последовательных этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

В качестве диагностического инструментария, направленного на выявление уровня развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста, был отобран комплекс методик, включающий проективную методику «Рисунок несуществующего животного» (М.З. Дукаревич), позволяющую оценить оригинальность и нестандартность воображения; методику «Свободный рисунок» (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина, Л.Ю. Субботина), направленную на выявление творческой инициативы и эмоциональной выразительности; методика «Дорисовывание фигур» (О.М. Дьяченко), ориентированную на оценку вариативности и гибкости мышления [12].

В результате проведения констатирующего этапа эксперимента была осуществлена диагностика исходного уровня развития творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста. Установленное преобладание низкого уровня развития творческих способностей определило реализацию образовательной программы «Традиция и инновация в детском конструировании: развитие творческих способностей дошкольников в культурном контексте Адыгеи», ориентированную на воплощение педагогической модели, реализации педагогических условий, которые были представлены выше.

Ключевой целью программы выступило развитие творческих способностей у детей посредством конструктивно-модельной деятельности. В качестве материально-технических средств реализации КМД использовались: материалы для конструирования (конструкторы (например, LEGO, Kapla, деревянные блоки); пластилин, глина для лепки; картон и бумага (разный формат, цвет); ткани, нитки, бусины и другая фурнитура для создания моделей; сборные наборы, которые можно склеить или собрать (например, модели транспорта, домов). Инструменты: ножницы, клей, краски, кисти для творчества, линейки, чтобы учить детей измерять и чертить. Игровые зоны: специально оборудованные центры для конструирования с заданной темой (например, «Символы и орнаменты Адыгеи», зона «Гостеприимный дом: традиционный быт в макетах», пространство «Памятники и достопримечательности г. Майкопа»); использование мебели, которая может быть переставлена для создания пространственных конструкций. Оборудование: использование компьютеров или планшетов с приложениями для создания детьми собственных моделей. Методическая литература: наглядные пособия, альбомы по архитектуре, дизайну и конструированию.

Содержательный компонент разработанной педагогической модели реализовывался посредством интеграции ведущих видов детской деятельности, которые в структуре образовательной программы «Традиция и инновация в детском конструировании: развитие творческих способностей дошкольников в культурном контексте Адыгеи» были систематизированы в трех направлениях.

Первое направление модели охватывает непосредственную работу с детьми старшего дошкольного возраста посредством организации серии занятий по конструктивно-модельной деятельности, построенных на творческих заданиях. Структурно оно делится на три этапа: вводный, основной и заключительный. Вводный этап (сентябрь) включал четыре занятия, направленных на мотивацию и первичное ознакомление с приемами конструирования и материалами. Пример тематики занятий: «Старинная сторожевая башня»; «Адыгский орнамент на ковре или ограде»; «Адыгская усадьба (Унэ)»; «Горы Адыгеи: Фишт и Оштен».

В рамках основного этапа реализации программы «Традиция и инновация в детском конструировании: развитие творческих способностей дошкольников в культурном контексте Адыгеи» решалась ключевая задача исследования — оптимизация и развитие творческих способностей детей в ходе конструктивно-модельной деятельности. Данный

этап, включающий серию из 26 занятий, был выстроен как система последовательно усложняющихся конструктивных задач, интегрирующих региональный культурный компонент и принципы отечественной педагогической традиции. Примером тематических занятий являются: «Узоры адыгского орнамента»; «Мост через реку Белую»; «Водопады Руфабго»; «Моя семья»; «Праздничный стол для гостей (Адыгэ хабзэ); «Наш город Майкоп: памятник Дружбе»; «Символы на флаге Адыгеи»; «Гостевая деревянная чаша и кувшин»; «Адыгский плетень»; «Адыгская сакля (жилище горца); «Летняя кухня и колодец во дворе»; «Плетеная корзинка для адыгского хлеба (хьэлжъо)»; «Хозяин Кавказских гор: кавказский зубр»; «Традиционный адыгский очаг»; «Адыгская арба (телега)»; «Каштановая аллея города Майкопа»; «Древний дольмен»; «Памятник Дружбы в Майкопе»; «Поляна горного эдельвейса»; «Народная культура и традиции»; «Майкопский курган»; «Праздничный стол: адыгские сыры и хьэлжъо»; «Робот-путешественник по Майкопу» «Город будущего в Адыгее»; «Каменный очаг в традиционном жилище»; «Мой адыгский дворик»). Данный этап работы был рассчитан на семь месяцев (с октября по апрель) и включал систематическую реализацию различных видов конструктивно-модельной деятельности.

В качестве материальной основы занятий использовались: детали разнообразных конструкторов; методические комплекты программы «От Фребеля до робота: растим будущих инженеров», творчески адаптированные под региональный компонент (карты, схемы и алгоритмы для создания инженерно-архитектурных моделей «Висячий мост в парке Победы г. Майкопа»; «Здание Адыгейского республиканского национального музея», «Древнее меотское укрепленное поселение», а так же использован природный, бросовый и комбинированный материал; бумага, картон и элементы деревянного строительного набора. Содержательное наполнение организованной образовательной деятельности обеспечивалось за счет интеграции пяти образовательных областей ФГОС ДО (познавательное, речевое, социально-коммуникативное, художественно- эстетическое и физическое развитие детей).

Закрепляющая часть образовательной программы (май, 5 занятий) была направлена на интеграцию и творческую трансформацию накопленного конструктивного опыта. Темы занятий: «Майкоп будущего: город в гармонии с природой»; «Аллея Славы и Памятник Дружбы»; «Современный детский сад с адыгскими мотивами»; «Эко — макет природного заповедника (Фишт и водопады Руфабго)» позволяли детям выступать в роли создателей конструкций, переводя технические навыки в плоскость культурного самовыражения. Использование как традиционных материалов (природные, бумажные, строительные), так и инновационных средств (LEGO WeDo, DACTA) способствовало формированию у детей дошкольного возраста целостного представления о созидательном труде, укорененном в традициях и устремленном в будущее.

Для углубленного развития творческих и инженерных способностей в рамках программы была внедрена кружковая деятельность на базе «Цифровой STEAM-лаборатории». Инновационная развивающая предметно-пространственная среда включала комплекс высокотехнологичного оборудования: робототехнические конструкторы и полигоны для обучения программированию (включая наборы «НАУРОБО» и комплекс «Наум» с голосовым управлением), а также оснащенные цифровыми датчиками и мультимедийными микроскопами естественнонаучные лаборатории. Интеграция данных инструментов с 3D-мультипликационной лабораторией и базовым курсом логики создала условия для того, чтобы дети могли переводить традиционные культурные образы Адыгеи (архитектурные формы, орнаменты, ландшафты) в современные цифровые и робототехнические постройки и проекты, реализуя тем самым синтез традиции и инновации.

Второе содержательное направление программы было ориентировано на развитие творческих способностей у детей посредством системы специально разработанных игр и упражнений, выстроенных в алгоритме «педагог — ребенок — культурный образец». Данный алгоритм обеспечивал целостный процесс зарождения, осмысления и воплощения творческого замысла в материале. Игровые формы работы реализовывались в

свободное от организованной образовательной деятельности время и интегрировались в различные виды детской активности: познавательную, творческую, коммуникативную и бытовую. Содержательное наполнение этого направления было нацелено на закрепление и перенос конструктивных навыков, освоенных в ходе занятий, в новые игровые ситуации. Ключевой педагогической технологией выступало совместное с взрослым проживание конструктивно — модельной деятельности, реализуемое в форме сотворчества, что обеспечивало поддержку детской инициативы и самостоятельности ребенка.

Третье направление программы было ориентировано на активное вовлечение родителей (законных представителей) в процесс развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста посредством конструктивно-модельной деятельности. Целью данного блока выступало формирование у семьи ценностного отношения к детскому созидательному труду, повышение педагогической компетентности родителей и создание единого воспитательного пространства в контексте культурного наследия Республики Адыгея. Реализация данного направления осуществлялась в период с сентября по май и включала цикл из 10 разноформатных мероприятий, концептуально объединенных в три логических блока:

1. Информационно-просветительский блок, направленный на трансляцию идей преемственности и демонстрацию потенциала КМД. В него вошли: консультация «Творчество в традициях Адыгэ хабзэ: как поддержать созидательный труд ребенка в семье», родительское собрание «От сакли до робота: вместе растим юных зодчих Адыгеи», а также оформление информационно-методического пространства «Мастерская семейного творчества: конструирование в культурном контексте Адыгеи».

2. Практико-ориентированный блок, обеспечивающий прямой перенос освоенных детьми навыков в домашнюю среду через совместное творчество. Ключевыми формами стали: практикум «Адыгский орнамент в кубиках: учимся конструировать вместе с детьми», мастер-класс по созданию традиционных музыкальных инструментов (шычэпщын и кэмыгу), семейная мастерская «Дары гор: конструируем из природного материала Адыгеи», а также практикум «Мосты через Белую: инженерные задачи для родителей и детей» с использованием современных конструкторов.

3. Презентационно-рефлексивный блок, стимулирующий публичную демонстрацию результатов и переживание ситуации успеха. Данный этап включал выставку-ярмарку «Семейная мастерская Адыгеи», семейный фестиваль макетов «Мой Майкоп: город в моем сердце» и итоговую презентацию проектов «Юные зодчие Адыгеи: защита семейных творческих работ». Подобная структуризация работы с родителями позволила преодолеть формальный характер традиционных консультаций, трансформировав семью из пассивного наблюдателя в активный субъект педагогического процесса.

Для диагностирования степени развития творческих способностей и их распределения по уровням (высокий, средний, низкий) были выделены следующие критерии: продуктивность, оригинальность и гибкость мышления, способность разрабатывать идею в сотворчестве со взрослым.

Результатом программы «Традиция и инновация в детском конструировании: развитие творческих способностей дошкольников в культурном контексте Адыгеи», построенной на основе педагогической модели с учетом педагогических условий ее реализации, явилась положительная динамика развития творческих способностей у детей экспериментальной группы в процессе КМД.

Результаты диагностики по методике М.З. Дукаревич «Рисунок несуществующего животного» представлены на рисунке 1.

Сравнительный анализ данных итоговой диагностики выявил статистически значимые различия между группами. В ЭГ прирост показателей высокого уровня развития творческих способностей составил 22% относительно КГ, при одновременном нивелировании низкого уровня развития. Данная статистика свидетельствует о результативности целенаправленной педагогической работы. Качественным показателем эффективности эксперимента стала трансформация коммуникативной активности детей: презентации своих построек приобрели высокую степень логической обоснованности и смысловой насыщенности. Дети дошкольного возраста

перешли от репродуктивного подражания к продуктивному творческому поиску, самостоятельно анализируя условия задачи и предлагая нестандартные способы ее решения. Например: «Я волшебник, я создал несуществующее животное, которое умеет плавать и летать…»; «У животного есть друзья, Пушкозавр, Шпрот и Акула — дикобраз, они веселые…». Особого внимания заслуживает качественное своеобразие объяснений, даваемых детьми с высоким уровнем творческих способностей (рассказы детей отличались сюжетной целостностью, включали несколько взаимосвязанных эпизодов и персонажей). Показательно, что свободное изложение собственного замысла оказывалось для дошкольников существенно более продуктивным, чем описание рисунка в диалоге с педагогом. Данный результат подтверждает тезис о том, что подлинно творческая деятельность инициируется и направляется внутренним замыслом ребенка, который выступает главным организующим началом как в процессе создания продукта, так и в процессе его осмысления.

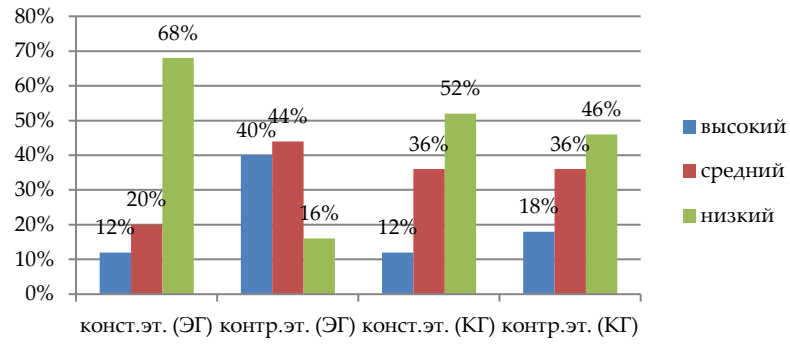

Рисунок 1 — **Сравнительные результаты диагностики по методике М.З. Дукаревич «Рисунок несуществующего животного»**

Для выявления уровня развития творческих способностей применялась методика «Свободный рисунок» (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина, Л.Ю. Субботина), которая была использована на этапе констатирующего эксперимента. Выполняя задание, дети на констатирующем этапе чаще формально рисовали известные им предметы и не могли ответить на вопросы педагога. По итогам формирующего этапа большинство детей продемонстрировали способность к созданию оригинальных, нестандартных графических образов, подкрепляя их развернутыми и содержательными вербальными пояснениями. Существенным качественным показателем стало и повышение уровня эмоциональной вовлеченности и познавательного интереса дошкольников в процессе диагностических процедур.

Результаты диагностики по методике «Свободный рисунок» (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина, Л.Ю. Субботина) представлены на рисунке 2.

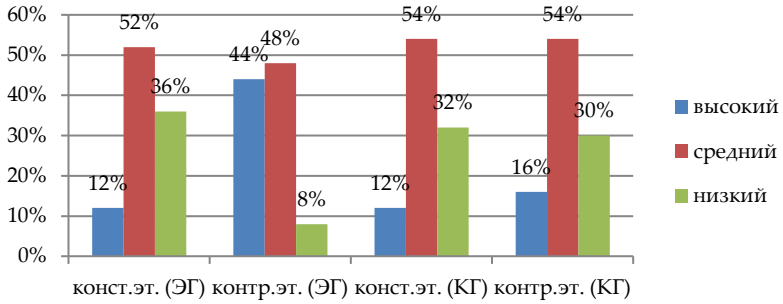

Рисунок 2 — **Сравнительные результаты диагностики по методике «Свободный рисунок» (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина, Л.Ю. Субботина)**

Заключение

Таким образом, результаты формирующего этапа эксперимента подтвердили эффективность разработанной модели педагогических условий. Реализация данной модели в рамках образовательной программы «Традиция и инновация в детском конструировании: развитие творческих способностей дошкольников в культурном контексте Адыгеи» обеспечила существенную положительную динамику в развитии творческих способностей, продуктивного воображения и креативности у детей старшего дошкольного возраста, что свидетельствует о результативности выдвинутой гипотезы. Различные образовательные активности значительно увеличили мотивацию детей к творческому самовыражению, способствовали осознание ребенком себя как творца и присвоение опыта единства идеального и технологического в сотворчестве со взрослым. Кроме того, активное сотрудничество с ро-

дителями способствовало созданию единой воспитательной среды, которая характеризуется потребностью к созидательному преображению мира, что еще больше укрепило позитивные результаты в развитии творческих способностей старших дошкольников. Модель реализации педагогических условий и подходы к ее выполнению показали свою эффективность и могут быть рекомендованы для дальнейшего использования в практике дошкольного образования.

Развитие творческих способностей в логике российской педагогической традиции — это не что иное, как процесс одухотворенного техницизма, когда конструктивно-модельная деятельность становится для ребенка личностно значимым способом выражения своего мироощущения, этического выбора и переживания красоты, опосредованным мастерством владения инструментом и материалом. Именно в этом двуединстве, обеспеченном выявленной совокупностью условий, творчество старшего дошкольника обретает качество культурной созидательной деятельности, а не просто поведенческой реакции.

Литература

1. Асмолов А.Г. Ребенок в культуре взрослых. — М.: Юрайт, 2025. — 245 с.
2. Багдасарян В.Э. Исторические модели российского школьного образования: образовательные реформы в контексте государственных идеологических трансформаций // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. — 2025. — №3. — С. 8-36. doi:10.18384/2949-5164-2025-3-8-36
3. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. — СПб.: Наука, 2004. — 702 с.
4. Бондаревская Е.В. Концепция и опережающая стратегия модернизации педагогического образования в Федеральном университете. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. — 216 с.
5. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. — М.: Наука, 2003. — 456 с.
6. Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX веке. — М.: Академический Проект, 2021. — 384 с.
7. Лукаш С.Н. Гражданское воспитание: «образ» и «образец» — возвращение к основам отечественной педагогики / С.Н. Лукаш, Е.В. Яковлева // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 355–361.
8. Лукаш С.Н. Цивилизационная парадигма модернизации отечественного образования / С.Н. Лукаш // Педагогика. — 2022. — №4. — С. 26-37.
9. Рубилкина Р.А. Конструктивно-модельная деятельность как средство развития творческих способностей у старших дошкольников / Р.А. Рубилкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. — 2024. — Вып. 2. — С. 29-35.
10. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. — М.: Молодая гвардия, 1971. — 105 с.
11. Таджибаев С.С. Формирование конструкторских умений у детей старшего дошкольного возраста в конструктивно-модельной и творческой деятельности ДОУ / С.С. Таджибаев // Наука и мир. — 2020. — №3-2(79). — С. 66-67.
12. Туник Е.Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. — СПб.: Дидактика плюс, 2011. — 304 с.
13. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 628 с.

ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE SELF-EDUCATION COMPETENCE OF A FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHER

Martynyuk Emilia Sergeevna, *Lecturer of the Department of Foreign Languages, Melitopol State University, Melitopol (Russia)*

The article analyzes the problem of forming self-education competence in future foreign language teachers in the context of dynamically changing requirements for higher pedagogical education. The relevance of the work is due to the increasing role of independent and continuous learning in the context of professional mobility and rapid transformation of the educational environment, which is reflected in modern regulatory documents (Federal Law "On Education in the Russian Federation", Federal State Educational Standard for Higher Education). The purpose of the study is to clarify the content of the concept and structure the model of self-education competence of a future teacher, as well as to identify the key components of its formation. The study is based on the competence-based and personality-activity approaches, as well as the analysis and synthesis of theoretical concepts by Russian (I.A. Zimnyaya, A.V. Khutorskoy, E.G. Azimov, and others) and foreign researchers (R. White, D.C. McClelland, and R. Boyatzis). As a result of the work, the self-education competence has been defined as an integrative personal and professional education that allows for the organization, implementation, and evaluation of one's own educational activities. An original structural model has been proposed, which includes the need-motivational, orientation-cognitive, operational-activity, and reflective-evaluative components, providing a comprehensive understanding of the self-education competence. The novelty of the research lies in the systematic description of the structure and content of the self-education competence in relation to future foreign language teachers. The results obtained create a basis for the subsequent development of diagnostic tools and methodological recommendations for the formation of this competence in a pedagogical university.

Keywords: *self-education; self-education competence; structure of self-education competence; need-motivational component; orientation-cognitive component; operational-activity component; reflective-evaluative component; future foreign language teacher; self-educational activity.*

EDN: VTFLTI ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.56***

Цитировать: *Мартынюк Э.С. Сущностные характеристики компетенции самообразования будущего учителя иностранного языка // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 418–424. EDN: VTFLTI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.56*

УДК 37.026.7
5.8.2

© Мартынюк Э.С., 2026

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПЕТЕНЦИИ САМООБРАЗОВАНИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

МАРТЫНЮК Эмилия Сергеевна, *преподаватель кафедры иностранных языков, Мелитопольский государственный университет, Мелитополь (Россия)*
SPIN-код: 9851-2050
ORCID: 0009-0002-3385-2755

В статье анализируется проблема формирования компетенции самообразования у будущих учителей иностранного языка на фоне динамично изменяющихся требований к высшему педагогическому образованию. Актуальность работы обусловлена возрастанием роли самостоятельного и непрерывного обучения в условиях профессиональной мобильности и быстрой трансформации образовательной среды. Цель исследования — уточнить содержание понятия и структурировать модель компетенции самообразования будущего педагога, а также обозначить ключевые компоненты её формирования. В качестве методологической основы использованы компетентностный и личностно-деятельностный подходы, а также анализ и синтез теоретических положений отечественных (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, Э.Г. Азимов и др.) и зарубежных исследователей (Р. Уайт, Д. МакКлелланд, Р. Бояцис). В результате работы определена компетенция самообразования как интегративное личностно-профессиональное образование, позволяющее организовывать, реализовывать и оценивать собственную образовательную деятельность. Предложена оригинальная структурная модель, включающая потребностно-мотивационный, ориентационно-когнитивный, операционально-деятельностный и рефлексивно-оценочный компоненты, что обеспечивает комплексное понимание самообразовательной компетенции. Новизна исследования заключается в системном описании структуры и содержания компетенции самообразования применительно к будущим преподавателям иностранного языка. Полученные результаты создают базу

для последующей разработки диагностических инструментов и методических рекомендаций по формированию данной компетенции в условиях педагогического вуза.

Ключевые слова: *самообразование; компетенция самообразования; структура компетенции самообразования; потребностно-мотивационный компонент; ориентационно-когнитивный компонент; операционально-деятельностный компонент; рефлексивно-оценочный компонент; будущий учитель иностранного языка; самообразовательная деятельность.*

Современное образование характеризуется интенсивным обновлением содержания, технологий и форм организации учебного процесса, что особенно отчётливо проявляется в сфере обучения иностранным языкам. Появление новых методических подходов, активное внедрение цифровых ресурсов, изменение форм и критериев оценивания языковой подготовки (международные экзамены, стандартизированные тесты, обновлённые федеральные государственные образовательные стандарты) требуют от учителя не только высокого исходного уровня профессиональной компетентности, но и готовности к её постоянному совершенствованию. В этих условиях особую значимость приобретает компетенция самообразования будущих учителей иностранного языка как ключевое условие их профессиональной мобильности и устойчивого развития на протяжении всей педагогической карьеры.

В современных условиях одним из приоритетных направлений российского образования выступает формирование у обучающихся ключевых компетенций, обеспечивающих их успешную деятельность и жизненную самореализацию. Данный подход закреплён на нормативном уровне. Так, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. (ред. от 02.07.2021) в статье вторая цель образования определяется как «обеспечение саморазвития, самореализации личности, создание условий для непрерывного образования». В разделе V данного закона подчёркивается, что к основным задачам реализации образовательных программ относится формирование у обучающихся универсальных учебных действий, в том числе способности к самостоятельному освоению новых знаний и умений.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО), утверждённые приказами Минобрнауки России (например, Приказ от 12.08.2020 № 984 и др.), фиксируют в числе общекультурных и профессиональных компетенций «способность к саморазвитию, самосовершенствованию, использованию современных методов и технологий, в том числе для решения профессиональных задач». Тем самым на уровне нормативных документов прямо обозначается значимость сформированности у выпускников способности к самообразованию как к самостоятельному и непрерывному обучению на протяжении всей жизни.

Таким образом, развитие компетенции самообразования как способности к самостоятельному и непрерывному обучению становится неотъемлемой образовательной целью и ценностью, отражённой как в концептуальных подходах к образованию, так и в его нормативно-правовом обеспечении. Это, в свою очередь, подчёркивает значимость её формирования в современной педагогической практике и определяет актуальность теоретического осмысления содержания и структуры данной компетенции, а также механизмов её развития у студентов педагогических вузов.

Проблема самообразования педагога находит отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей: Р. Уайта, Д. МакКлелланда, Р. Бояциса, Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина, А.В. Хуторского, И.А. Зимней и др., где подчёркивается, что без сформированной готовности к самостоятельному освоению нового опыта, знаний и технологий невозможно обеспечить соответствие профессиональной деятельности современным требованиям. Вместе с тем анализ психолого-педагогической литературы показывает, что, несмотря

на наличие разнообразных подходов к трактовке понятий «компетенция», «самообразование», «профессиональная компетентность учителя», вопрос о содержании и структуре компетенции самообразования именно будущих учителей иностранного языка раскрыт недостаточно полно и носит фрагментарный характер.

В современной научной литературе понятие «компетенция» рассматривается как ключевая категория, лежащая в основе анализа эффективности профессиональной и образовательной деятельности. Его содержательное наполнение формировалось под влиянием как зарубежных, так и отечественных исследований, в которых постепенно происходил переход от узкого понимания компетенции как совокупности знаний, умений и навыков к её трактовке как сложного, многокомпонентного образования, включающего личностные характеристики, мотивацию, ценности и реальную способность действовать результативно в конкретных ситуациях. Понятие компетенции получило развитие как в зарубежных (Р. Уайта, Д. МакКлелланда, Р. Бояциса), так и в отечественных исследованиях (Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина, А.В. Хуторского, И.А. Зимней и др.)

Одним из первых к осмыслению компетенции как самостоятельного объекта научного анализа обратился Р. Уайт. Введя в научный оборот термин «competence» (1959), он определил компетентность как совокупность способностей, обеспечивающих успешное выполнение деятельности и эффективное взаимодействие человека с окружающей средой. Важным шагом стало выявление связи между когнитивными компонентами и мотивационными тенденциями личности, что позволило рассматривать компетентность не только как результат образования, но и как динамическое, личностно обусловленное образование. Р. Уайт отмечал, что одних знаний недостаточно: существенную роль играет внутренняя готовность и мотивированность к их применению [17, с. 332].

Значительный вклад в разработку теории компетенций внёс Д. МакКлелланд, работа которого «Testing for competence rather than for intelligence» (1973) обозначила поворотный момент в переосмыслении критериев успешности человека в деятельности. МакКлелланд отстаивал идею приоритета оценки реальных способностей личности действовать продуктивно в конкретных жизненных и профессиональных ситуациях по сравнению с традиционными показателями интеллекта и академической успеваемости. Тем самым компетенция стала пониматься как совокупность значимых для успешной деятельности характеристик, проявляющихся в наблюдаемом поведении и подтверждаемых практическими результатами [16, с. 13].

Развивая эти идеи, Р. Бояцис предложил рассматривать компетенцию как фундаментальную характеристику личности, обеспечивающую эффективность или превосходство в профессиональной деятельности. В его концепции компетенция включает мотивы, личностные черты, ценности, «образ Я», представления о социальной роли, знания и навыки, образуя иерархическую структуру. Ученый выделяет разные уровни проявления компетенций: глубинные мотивы и черты — на бессознательном уровне, образ «Я» и социальную роль — на сознательном, а навыки — на поведенческом. Такой подход позволяет трактовать компетенцию как интегративное, многокомпонентное образование, в котором внутренние личностные ресурсы напрямую связаны с реальными результатами деятельности [15, с. 340].

В новом словаре методических терминов и понятий Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин рассматривают компетенцию как «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплины, а также способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретённых знаний, умений, навыков» [1, с. 107]. Здесь чётко прослеживаются два аспекта — это наличие знаний, умений и навыков и способность осуществлять деятельность на их основе. Таким образом, компетенция понимается как содержательно-практический результат обучения.

По мнению А.В. Хуторского, компетенция — это «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определённому кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним» [13, с. 8]. В этом определении подчёркиваются целостность (совокупность взаимос-

вязанных качеств), адресность (по отношению к определённому кругу предметов и процессов) и ориентированность на продуктивную деятельность. То есть, компетенция понимается как заранее спроектированная, структурированная готовность к действию в конкретной сфере.

Ряд ученых, таких как О.В. Галустян, Л.А. Радченко и М.А. Плешаков, отмечают, что компетенция подразумевает не только знания, умения, опыт, но и совокупность ценностей, личностных и профессиональных качеств. Тем самым в понятие вводится ценностно-личностный компонент: компетенция — это не просто «умею», но и «принимаю», «ценю», «ориентируюсь» в определённой системе смыслов [6, с. 11].

В «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко компетенция трактуется как уровень усвоения человеком определённой области знаний и деятельности, проявляющийся в его широкой осведомлённости и авторитетности в данной сфере. Здесь акцент смещён к степени овладения областью и признанию профессиональной состоятельности субъекта [3, с. 864].

Вместе с тем, в работе Г.В. Мухаметзяновой компетенция выступает как целостная система знаний, умений и навыков, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности, а также как способность реализовать свою компетентность на практике. В другой формулировке она уточняет: компетенции — это комплекс знаний, умений, навыков и опыта деятельности, необходимых студентам для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности. Здесь явно усиливается деятельностный и практико-ориентированный аспект, а также добавляется опыт деятельности как обязательный компонент компетенции [10, с. 608].

И.А. Зимняя трактует компетенцию в определённой сфере как комплекс взаимосвязанных качеств личности, обеспечивающих «системный эффект» — способность решать как поставленные, так и нестандартные практические задачи. По её мнению, компетенция включает знания, умения и навыки, относящиеся к данной области деятельности, но не исчерпывается ими, поскольку важна их целостная организация, обеспечивающая успешность решения задач [7, с. 20].

В трактовках В.А. Кальней и С.Б. Шишова компетенция — это общая способность, основанная на знаниях, опыте, ценностях и склонностях, приобретённых в процессе обучения. Они подчёркивают, что компетенция не сводится к простым знаниям, навыкам или умениям. Авторы рассматривают её как способность устанавливать связь между знанием и конкретной ситуацией, как умение найти подходящую процедуру для решения проблемы и мобилизовать в данной ситуации имеющиеся знания и опыт [14, с 320]. Таким образом, в понимании компетенции явно присутствует ситуационный и операциональный компоненты.

Дополняя все вышеперечисленное, Т.Л. Кремнёва отмечает, что говорить о компетенции можно только тогда, когда она проявляется в конкретной ситуации. Непроявленная компетенция, остающаяся на уровне потенциальных возможностей, не является компетенцией, а лишь скрытой возможностью. Это подчёркивает, что компетенция не только задаётся и формируется, но и должна быть актуализирована в реальной деятельности [9, с. 35].

Анализ современных отечественных и зарубежных исследований показывает, что по мере развития научных представлений в области образования и психологии понятие «компетенция» наполняется всё более глубоким и многогранным содержанием. От исходного понимания её как совокупности знаний, умений и навыков учёные переходят к трактовке компетенции как сложного личностно-деятельностного образования, включающего ценности, опыт, установки и реальную способность человека эффективно действовать в конкретных ситуациях.

Систематизируя приведённые подходы, можно выделить несколько ключевых черт понятия «компетенция»:

— это целостная система взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности, опыта, ценностей и установок);

— это обобщённая способность действовать в определённой сфере и решать в ней как типовые, так и нестандартные задачи;

— это способность мобилизовать и соотносить знания, опыт и ценности с конкретной ситуацией, выбирая адекватный способ действия;

— это потенциал, ориентированный на реальное проявление в деятельности и выявляющийся в конкретных жизненных и профессиональных контекстах.

На этой теоретической основе становится возможным ввести понятие «компетенция самообразования» как частный, но принципиально важный вид компетенции, относящийся к сфере организации человеком собственного обучения. Так, под компетенцией самообразования целесообразно понимать интегральную компетенцию личности, выражающуюся в её способности самостоятельно ставить цели обучения, планировать, организовывать, осуществлять и оценивать собственную образовательную деятельность, мобилизуя знания о способах учения, умения и опыт познавательной деятельности, а также опираясь на ценностно-мотивационное отношение к непрерывному саморазвитию.

В научной литературе представлено множество подходов к раскрытию структуры самообразования и компетенции самообразования, однако при всём разнообразии терминологии и акцентов можно выделить ряд общих, устойчиво повторяющихся идей.

Так, Г.М. Коджаспирова описывает самообразование через мотивационный, когнитивный, процессуальный, организационный и нравственно-волевой компоненты, подчёркивая, что успешное самообразование опирается не только на знания и умения, но и на внутреннюю мотивацию, волевые усилия и умение организовать собственную деятельность [8, с. 507].

В свою очередь, А.Р. Боранбаева, К.М. Беркимбаев и К.М. Арымбаева предлагают четырёхкомпонентную модель структуры самообразования: личностный, гностический, операционный и управленческий компоненты, где:

— личностный компонент — фиксирует мотивацию, ценности, способности и волевые качества;

— гностический — знания, в том числе о самом процессе самообразования;

— операционный — умения работать с информацией и осуществлять мыслительные операции;

— управленческий — навыки постановки задач, планирования, выбора форм и средств самообразования, самоконтроля и самоанализа [4, с. 92].

В исследованиях Ю.С. Беленковой акцент делается на рефлексивном компоненте: развитие метакогнитивных навыков и рефлексии рассматривается как условие эффективного управления собственной познавательной деятельностью, что напрямую соотносится с регуляцией, контролем и оценкой процесса самообразования [2, с. 38].

По мнению Р.Р. Сагитовой, компетенция самообразования включает в себя многогранную структуру, включающую потребностно-мотивационный, ориентационно-когнитивный, операционально-деятельностный и рефлексивно-оценочный компоненты [12, с. 357]. Здесь чётко прослеживаются четыре ключевые линии: наличие устойчивой потребности в саморазвитии, владение знаниями о самообразовании, умение организовать и осуществлять деятельность, а также способность к её анализу и оценке.

Близкую логику развивает Л.М. Бронникова, выделяя мотивационно-личностный, когнитивный, информационно-коммуникационный и управленческо-регулятивный компоненты [5, с. 129]. В её подходе мотивация и личностные качества, познавательные способности, информационная и коммуникативная компетентность, а также навыки планирования и самоконтроля образуют целостную систему, обеспечивающую готовность к самообразованию.

О.Ю. Поляничко структурирует компетенцию самообразования через учебно-познавательную, коммуникативную, информационную и ценностно-смысловую составляющие, подчёркивая важность не только знаний и умений, но и ценностных оснований, определяющих личностный смысл самообразовательной деятельности [11, с. 149].

Сопоставление этих подходов позволяет увидеть, что в разных терминах и комбинациях исследователи фактически выделяют одни и те же смысловые блоки:

— мотивационно-личностное основание (потребность, интерес, ценности, установки);

— знаниевая и ориентационная база (знания о предметной области и о способах самообразования, понимание целей и условий);

— собственно-деятельностная составляющая (умения планировать, искать и перерабатывать информацию, применять знания на практике);

— регулятивно-рефлексивный уровень (самоконтроль, самооценка, анализ и коррекция собственной деятельности).

По результатам исследования предложена интегративная модель структуры самообразовательной компетенции будущих учителей иностранного языка, включающая четыре взаимосвязанных компонента:

1. Потребностно-мотивационный компонент. Отражает наличие устойчивой потребности в саморазвитии, интерес к познанию, внутреннюю и внешнюю мотивацию к самообразованию, а также ценностное отношение к непрерывному обучению. Он включает личностные смыслы, установки, ориентацию на профессиональный и личностный рост, что обеспечивает внутреннюю готовность студента к самообразовательной деятельности.

2. Ориентационно-когнитивный компонент. Связан с системой знаний, необходимых для эффективного самообразования: как предметных (общеобразовательных и профессиональных), так и метапредметных — о способах, формах, технологиях и стратегиях самообразования. В его состав входит умение ставить цели, ориентироваться в информационном пространстве, осознанно выбирать ресурсы и методы обучения, что обеспечивает осмысленное планирование собственной образовательной траектории.

3. Операционально-деятельностный компонент. Характеризует практическую сторону реализации самообразовательной деятельности. Включает умения планировать и организовывать работу, искать, отбирать и перерабатывать информацию, пользоваться различными источниками и средствами, применять усвоенные знания и навыки в учебных и профессиональных ситуациях, взаимодействовать с другими в процессе обучения. Этот компонент отражает реальную способность студента действовать, реализуя намеченные самообразовательные задачи.

4. Рефлексивно-оценочный компонент. Предполагает развитые навыки самонаблюдения, самоанализа и самооценки собственной самообразовательной деятельности. Включает умение оценивать степень достижения поставленных целей, эффективность выбранных методов и стратегий, выявлять трудности и причины неудач, корректировать планы и способы работы, прогнозировать дальнейшие направления саморазвития. Фактически этот компонент обеспечивает замыкание самообразовательного цикла и его непрерывное совершенствование.

Тем самым, предложенная четырёхкомпонентная структура отражает и обобщает ключевые положения существующих научных подходов, позволяя рассматривать самообразовательную компетенцию будущего учителя иностранного языка как целостное, динамическое образование, интегрирующее мотивационные, когнитивные, деятельностные и рефлексивные характеристики личности.

Заключение

В проведённом исследовании была рассмотрена проблема формирования компетенции самообразования у будущих учителей иностранного языка в условиях современных требований к высшему педагогическому образованию. Анализ нормативных документов (ФЗ «Об образовании в РФ», ФГОС ВО), а также отечественных и зарубежных научных исследований показал, что способность к непрерывному самообразованию выступает ключевым условием профессиональной успешности и конкурентоспособности педагога в быстроменяющейся образовательной среде.

На основе теоретического анализа уточнено содержание компетенции самообразования будущего учителя иностранного языка. Она была определена как интегративное личностно-профессиональное образование, выражающееся в способности самостоятельно ставить цели обучения, планировать, организовывать, осуществлять и оценивать собственную образовательную деятельность, опираясь на ценностно-мотивационное отношение к непрерывному саморазвитию, систему знаний о способах учения, владение необходимыми умениями и опытом познавательной деятельности.

Предложена структурная модель компетенции самообразования, включающая четыре взаимосвязанных компонента:

— потребностно-мотивационный, отражающий наличие устойчивой потребности в саморазвитии, интереса к познанию и положительного отношения к непрерывному профессиональному росту;

— ориентационно-когнитивный, связанный с системой знаний о целях, содержании,

способах и ресурсах самообразовательной деятельности;

— операционально-деятельностный, характеризующий сформированность умений планировать, организовывать и осуществлять самообразовательную деятельность, а также применять полученные знания в учебно-профессиональной практике;

— рефлексивно-оценочный, обеспечивающий самоанализ, самоконтроль и коррекцию собственной самообразовательной деятельности, а также осмысление её результатов и перспектив.

Показано, что предложенная структура позволяет целостно описать компетенцию самообразования как компонент профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка и может служить теоретической основой для разработки критериев, показателей и диагностических процедур оценки уровня её сформированности у студентов.

Полученные результаты создают предпосылки для дальнейших исследований, связанных с проектированием содержания и технологий формирования компетенции самообразования в образовательном процессе вуза, разработкой методического обеспечения, диагностических инструментов и экспериментальной проверкой эффективности различных педагогических условий, способствующих развитию самообразовательной компетенции будущих учителей иностранного языка.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Беленкова Ю.С. Роль рефлексии в процессе самообразования и саморазвития // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — №72-4. — С. 38–41.
3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. — 864 с.
4. Боранбаева А.Р., Беркимбаев К.М., Арымбаева К.М. Понятие, содержание и элементы самообразования // European research. — 2016. — №1(2). -С. 90–92.
5. Бронникова Л.М. Из опыта реализации методической системы формирования компетенции самообразования у учащихся средней общеобразовательной школы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — №102. — С. 129–134.
6. Галустян О.В., Радченко Л.А., Плешаков М.А., Пальчикова Г.С. Понятия компетенции и компетентности в современной педагогике // История, теория и методология педагогического образования. — 2019. — №2. — С. 10–14.
7. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический подход) // Высшее образование сегодня. — 2006. — №8. — С. 20–26.
8. Коджаспирова Г.М. Формирование готовности учителя начальных классов к профессиональному самообразованию: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.01. — М., 1995. — 507 с.
9. Кремнева Т.Л. Компетентностный подход как базовый принцип европейской системы образования // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». — 2009. — №3. — С. 33–38.
10. Мухаметзянова Г.В. Профессиональное образование: системный взгляд на проблему / отв. ред. Н.Б. Пугачева. — Казань: Идел-Пресс, 2008. — 608 с.
11. Поляничко О.Ю. К проблеме конструирования модели системы аудиторно-внеаудиторной самостоятельной работы студентов педвузов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — Вып. 6. — С. 149–154.
12. Сагитова Р.Р. Модель формирования самообразовательной компетенции студентов вуза в условиях модернизации образования Электронный ресурс // Казанский педагогический журнал. — 2015. — №4-1. — С. 357-361.
13. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. — М., 2011. — №1. — С. 1–13.
14. Шишов В.С., Кальней В.А. Школа: Мониторинг качества образования. — М.: Педагогическое общество России, 2000. — 320 с.
15. Boyatzis R.E. The competent manager: a model for effective performance. — New York: John Wiley & Sons, 1982. –340 p.
16. McClelland D.C. Testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist. — 1973. — Vol. 28, №1. — P. 1–14. DOI: 10.1037/h0034092
17. White R.W. Motivation reconsidered: The concept of competence // Psychological Review. — 1959. — Vol. 66, №5. — P. 297–333.

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND SOCIO-CULTURAL INTEGRATION OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Mashkova Alisa Sergeevna, *Assistant, Belgorod State National Research University, Belgorod (Russia)*

Balykov Viacheslav Vitalievich, *Lecturer of continuing education, Financial University under Government of Russian Federation, Moscow (Russia)*

Al-Hayani Muaadh Gamal Mohammed, *Postgraduate student, Belgorod State National Research University, Belgorod (Russia)*

The study focuses on the features of interpersonal communication, the choice of social circles, and the hidden barriers that foreign students face at Russian universities, using the National Research University "BelSU" and RUDN University as examples. The relevance of the work is driven by the need to move from the formal internationalization of universities to the creation of a truly effective inclusive environment. Such an environment should mitigate acculturation stress and help academic migrants successfully integrate into the new society. The objectives of the study include: 1) analyzing the structure of communication in pairs such as "foreigner–Russian" and "foreigner–student from a third country"; 2) identifying the main directions of communicative sympathies and alienation; 3) assessing the impact of everyday stereotypes and verbal microaggressions on mental health; 4) substantiating the role of the teacher in adaptation and proposing practical measures to prevent discrimination at the university. The theoretical basis for the study is Z. Bauman's concept of "liquid modernity," the ABC model of culture shock, and N. M. Lebedeva's approaches to ethnocultural adaptation. Empirical data was collected through a questionnaire survey ($N=41) and processed using descriptive statistics and frame analysis. The study revealed a noticeable imbalance in communication: 36.6% of international students are forced to initiate contact, while only 14.6% of Russians take the initiative. As a result, based on empirical data, the everyday interactions of students were analyzed, and hidden areas of ethnocultural tension were identified. The hidden nature of ethnocultural pressure was confirmed: although overt xenophobia is almost nonexistent, 85.4% of respondents regularly encounter everyday stereotypes. This provokes the development of "outsider syndrome" in 80.5% of respondents. At the same time, a strong network of international mutual assistance is developing within the university (46.3% of students are close friends with students from other countries). Finally, it has been proven that the key support for foreigners in the new environment is the teacher (indicated by 29.3% of respondents).

Keywords: *intercultural communication; sociocultural adaptation; international students; higher education; educational migration; ethnocultural barriers; stereotyping; inclusive environment.*

EDN: WJAEYX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.57***

Цитировать: *Машкова А.С., Балыков В.В., Аль-Хаяни М.Г.М. Межкультурная коммуникация и социокультурная интеграция иностранных граждан в российской образовательной среде // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 425–432. EDN: WJAEYX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.57*

УДК 378

5.8.2

Межкультурная коммуникация и социокультурная интеграция иностранных граждан в российской образовательной среде

© Машкова А.С., Балыков В.В., Аль-Хаяни М.Г.М., 2026

Исследование посвящено особенностям межличностного общения, выбору круга контактов и скрытым барьерам, с которыми сталкиваются иностранные студенты в российских университетах на примере НИУ «БелГУ» и РУДН. Актуальность работы продиктована необходимостью перехода от формальной интернационализации вузов к созданию реально работающей инклюзивной среды. Такая среда должна смягчать аккультурационный стресс и помогать академическим мигрантам успешно интегрироваться в новое общество. В задачи исследования входит 1) анализ структуры общения в парах «иностранец — россиянин» и «иностранец — студент из третьей страны»; 2) установление основных направлений коммуникативных симпатий и отчуждения; 3) оценка влияния бытовых стереотипов и словесной микроагрессии на психику; 4) обоснование роли преподавателя в адаптации и предложить практические меры для профилактики дискриминации в вузе. Теоретической базой для исследования послужили концепция «текучей современности» З. Баумана, АВС-модель культурного шока и подходы к этнокультурной адап-

МАШКОВА Алиса Сергеевна, *ассистент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород (Россия)*

SPIN-код: 5228-2587

ORCID ID: 0009-0009-7879-3673

БАЛЫКОВ Вячеслав Витальевич, *педагог дополнительного образования Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва (Россия)*
SPIN-код: 3700-6477
ORCID ID 0009-0005-7034-3601

АЛЬ-ХАЯНИ Муаадх Гамаль Мохаммед, *аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород (Россия)*
SPIN-код: 4863-5656

тации Н.М. Лебедевой. Эмпирические данные собраны в ходе анкетного опроса ($N=41$) и обработаны с помощью описательной статистики и фрейм-анализа. Исследование выявило заметный дисбаланс в общении: 36,6% иностранных студентов вынуждены первыми идти на контакт, тогда как встречную инициативу проявляют лишь 14,6% россиян. В результате, на основе эмпирических данных проанализированы повседневные контакты студентов и выявлены скрытые зоны этнокультурного напряжения. Подтвержден скрытый характер этнокультурного давления: хотя открытой ксенофобии почти нет, 85,4% опрошенных регулярно сталкиваются с бытовыми стереотипами. Это провоцирует развитие синдрома «чужака» у 80,5% респондентов. В то же время внутри университета формируется крепкая сеть международной взаимопомощи (46,3% студентов тесно дружат с представителями других стран). Наконец, доказано, что ключевой опорой для иностранцев в новой среде выступает преподаватель (на это указали 29,3% опрошенных).

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация; социокультурная адаптация; иностранные обучающиеся; высшее образование; образовательная миграция; этнокультурные барьеры; стереотипизация; инклюзивная среда.*

Введение

Интернационализация высшей школы по-прежнему остается одним из приоритетов российской академической политики. Геополитическая нестабильность последних лет ощутимо изменила логистику и направления образовательной миграции. Привычные потоки трансформировались, но иностранные студенты продолжают приезжать в отечественные вузы. А значит, вопрос их реального, а не формального включения в новую образовательную среду не утратил актуальность.

Сегодня исследователи активно изучают самые разные стороны студенческой адаптации: от языковых барьеров до механизмов преодоления стресса. Если смотреть на эти процессы через призму современной социологии, крайне продуктивной оказывается концепция «текучей современности» Зигмунта Баумана. Она дает возможность иначе взглянуть на то, как быстро меняются социальные связи, почему стираются привычные институциональные правила и насколько уязвим отдельный человек перед лицом постоянной неопределенности.

В качестве базового аналитического инструмента в данной работе используется ABC-модель культурного шока. Она объединяет сразу три уровня: аффективный (как человек справляется со стрессом), поведенческий (как перестраивает свои привычки) и когнитивный (как идентифицирует себя в новой группе) [6, с. 136]. В отечественной науке фундаментальный вклад в разработку проблем этнической идентичности и межэтнических контактов внесла Т.Г. Стефаненко [12]. Обобщая классические подходы, она отмечает, что при анализе межэтнических взаимодействий необходимо учитывать как вопросы социальной идентичности, так и те коллективные переживания, которые формируются в русле субъективной культуры этноса [12]. Феномен этноцентризма — естественную склонность индивида оценивать чужое поведение через оптику собственных традиций — при столкновении с инокультурной средой фиксирует Н.М. Лебедева [9]. Разрушение этой установки и выход к взаимной толерантности требуют от вуза жестко направленных институциональных усилий; сами по себе такие барьеры не исчезают.

Специфические детали трансформации образовательного пространства всё чаще становятся центральным предметом анализа. Архитектонику адаптационного процесса (от стадии «медового месяца» вплоть до глубокой интеграции) реконструирует коллектив Ю.А. Волкова, обосновывая при этом решающую функцию эмоционального интеллекта [7, с. 181–182]. Проблематика же дефицита ресурсов социального восприятия в ходе межкуль-

турного общения попадает в исследовательский фокус Е.В. Воеводиной и А.Г. Тюрикова [6, с. 137].

А исследования Е.В. Бринюк и Н.А. Козловцевой подтверждают, что дидактические барьеры заметно снижаются, если студентов активно вовлекать в работу полиэтнических групп, где сам язык превращается в объединяющий инструмент сотрудничества [5, с. 54]. Однако, несмотря на обширную накопленную базу, ученые нередко фокусируются на формальных критериях успеваемости или рассматривают иностранных студентов как некую однородную массу. При этом за кадром остаются скрытые механизмы отчуждения, микродинамика повседневных контактов и пространственная география симпатий внутри студенческих групп.

Именно в восполнении этого пробела состоит научная новизна данного исследования. С опорой на данные проведенного опроса, представлен комплексный фрейм-анализ коммуникативных барьеров и факторов, определяющих ход адаптации иностранцев в российских университетах (НИУ «БелГУ» и РУДН). Данная работа отходит от классических статистических срезов и реконструирует реальную архитектонику общения: с кем именно контактируют студенты — со своими соотечественниками, с представителями третьих стран, инокультурной образовательной среды или с преподавателями. Это позволило выявить неочевидные причины стереотипов и предложить конкретные институциональные механизмы для борьбы с «синдромом чужака». Специфика предложенного подхода состоит в отказе от обобщенного взгляда на межкультурную среду вуза и сосредотачивает внимание на локальных микровекторах. Это позволило четко зафиксировать, что многие барьеры в общении имеют сугубо географическую природу. Кроме того, полученные данные наглядно доказывают ключевую роль наставников: именно преподаватели оказываются главной опорой для иностранцев.

Эмпирическая база исследования

Анкетирование иностранных обучающихся проводилось в июне–июле 2026 года на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») и Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). В исследовании приняли участие 41 респондент ($N=41$). Средний возраст опрошенных составил 23,8 года; среди них 70,7% мужчин и 29,3% женщин. По уровню обучения участники распределились следующим образом: слушатели подготовительных отделений — 41,5% (17 чел.), бакалавры — 36,6% (15 чел.), магистранты — 17,1% (7 чел.) и аспиранты — 4,8% (2 чел.).

Географическая структура выборки охватывает представителей более чем 20 государств мира, распределенных по макрорегиональным группам:

— Центральная, Южная и Юго-Восточная Азия — 31,7% (13 чел.) (Туркменистан, Афганистан, Китай, Пакистан, Вьетнам, Бангладеш, Таджикистан);

— Ближний Восток и Северная Африка– 26,8% (11 чел.) (Ирак, Египет, Йемен, Алжир, Иордания, Иран, а также представители Курдистана);

— Экваториальная и Южная Африка (страны к югу от Сахары) — 17,1% (7 чел.) (Чад, Конго, Замбия, Нигерия, Мали, Ангола);

— Прочие страны и регионы — 24,4% (10 чел.) (Турция и единичные представители других государств).

Фрейм 1. Архитектоника коммуникативных векторов и вектор инициативы в студенческой среде

Собранный эмпирический материал обнажает резкую полярность в опыте общения иностранных обучающихся с местной молодежью. С одной стороны, частоту таких контактов, как высокую оценивает более половины анкетируемых (56,1%), а еще 14,6% — считают ее умеренной. Однако практически треть выборки (29,3%) попадает в зону коммуникативного вакуума, где взаимодействие сведено к абсолютному минимуму. Близкие друзья среди россиян нашлись у 36,6% респондентов. При этом диаметрально противоположную позицию заняли 24,4% опрошенных — они прямо констатировали, что практически не общаются с российскими студентами. Если анализировать общую архитектуру связей, вырисовывается весьма показательная картина. Интенсивность контактов с соотечественниками (4,05 балла) и преподавательским составом (3,78 балла) существенно обгоняет

частоту общения с местными сверстниками (3,44 балла) (рис. 1).

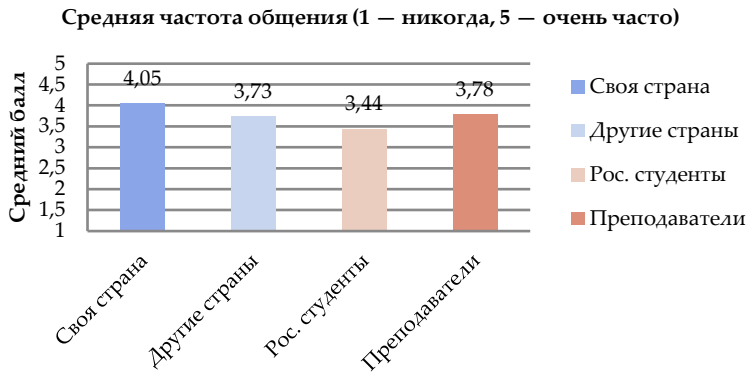

Рисунок 1 — **Средняя частота общения**

Фундаментальный барьер выявляется при анализе направленности коммуникативной инициативы. Возникает выраженный дисбаланс:

— 36,6% иностранных обучающихся вынуждены брать инициативу исключительно на себя;

— 31,7% — фиксируют практическое отсутствие контактов;

— 14,6% — отмечают встречную активность со стороны российских студентов.

Подобная пассивность в неформальном общении со стороны российских студентов, которая может быть обусловлена языковым барьером или низкой межкультурной сензитивностью и острая нехватка социальной поддержки, как уже доказывали коллеги, неизбежно загоняют иностранца в изоляцию и запускают механизмы аккультурационного стресса [7, с. 180]. Получается парадоксальная ситуация: местная студенческая среда транслирует внешнюю доброжелательность на официальном уровне, но не всегда переходит в неформальное общение, что создает эффект коммуникативного вакуума.

Совершенно иная картина складывается внутри самого контингента иностранных обучающихся. Здесь активно работают землячества (с соотечественниками постоянно на связи 68,3% опрошенных). Более того, интенсивно развиваются горизонтальные интернациональные сети — близкую дружбу со студентами из третьих стран завели 46,3% респондентов. Фактически в стенах университета возникает закрытая автономная система взаимопомощи, которая и компенсирует провалы интеграции в основной макросоцум. Разорвать эту изоляцию, как показывают исследования Е.В. Бринюк и Н.А. Козловцевой, помогает создание смешанных, полиэтнических групп. В них русский язык из простого объекта изучения вынужденно трансформируется в единственный реальный инструмент для общения [5, с. 55].

Фрейм 2. География коммуникативных симпатий и факторы этнокультурных барьеров

Выявляя детерминанты успешного общения, мы определили ключевые условия, при которых диалог складывается наиболее удачно. Фундаментом здесь ожидаемо выступает общий язык — на этот фактор указало подавляющее большинство (70,7%). Для 41,5% респондентов принципиально важна личная открытость собеседника, его встречная готовность идти на контакт. Что касается схожести культурных традиций, совместного быта или учебы, то эти критерии набрали для опрошенных одинаковый вес, получив по 31,7% голосов.

Причины коммуникативных сбоев распределились так: языковой барьер (51,2%), различия в бытовых привычках (41,5%) и несовпадение культурных норм (36,6%). Ограниченный словарный запас и опасение допустить неточность — вот что, согласно данным параллельных исследований, сильнее всего сковывает речевую активность обучающихся-иностранцев [10, с. 266].

Распределение симпатий по странам даёт дифференцированную выборку. Наименьшая дистанция зафиксирована с обучающимися из африканских государств (Нигерия, ДР Конго, Замбия), Ближнего Востока (Сирия, Иран) и Латинской Америки (Эквадор). Противоположный результат демонстрируют контакты с китайскими, афганскими и туркменскими студентами — здесь барьеры, в первую очередь языковые и социокультурные, проявляются наиболее остро. Российская среда занимает обе позиции одновременно: часть опрошенных воспринимает её как прозрачную для общения, другая — как труднопреодо-

лимую. Такая вариативность указывает на то, что культурная дистанция выполняет функцию фильтра, регулирующего скорость установления доверия в многонациональном коллективе.

Выявленные тенденции получают содержательное объяснение при анализе специфики отдельных региональных групп — например, представителей Ближнего Востока и Северной Африки, составляющих 26,8% выборки. Академическая адаптация арабских обучающихся протекает под влиянием сложного комплекса социокультурных и психологических особенностей. К ним относятся: высокая эмоциональная подвижность, выраженная мотивация, но при этом частое столкновение с требованиями строгой учебной дисциплины, а также огромная значимость коллективистских традиций и концепта «сохранения лица» [1, с. 114–115; 2, с. 19–22]. Исследования доказывают, что для данной группы трудности освоения среды часто усугубляются именно культурной установкой любой ценой сберечь репутацию [10, с. 266]. Взаимодействие этих черт с ценностью родственных и религиозных связей требует от преподавательского состава формирования адаптивной образовательной среды [2, с. 14-16].

Оценка этнокультурных барьеров показывает, что открытая ксенофобия в академическом пространстве не носит системного характера (вариант «часто» отметили не более 9,8%). Однако латентная вербальная микроагрессия выступает постоянным негативным фактором. С избирательным отношением по национальному или внешнему признаку сталкивались 85,4% респондентов, а негативные высказывания, шутки и стереотипы фиксировали 73,2%. Структура источников этого деструктивного фона парадоксальна: как наглядно отражено на рисунке 2, основное давление исходит не от российского студенчества, а от людей вне университета и от других иностранных обучающихся.

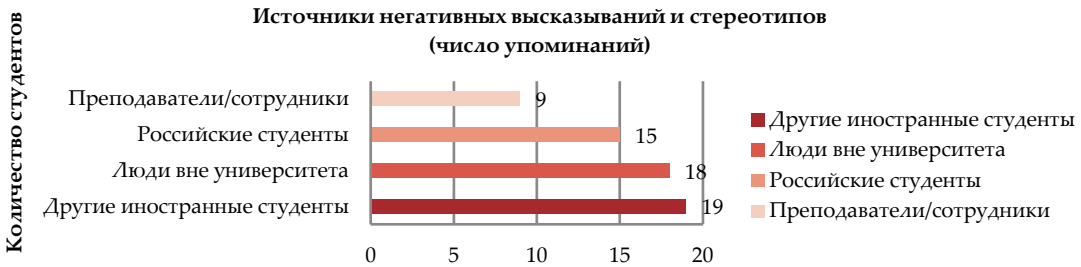

Рисунок 2 — **Источники негативных высказываний и стереотипов**

Как доказывают В.В. Гриценко и соавторы, в условиях воспринимаемой дискриминации этническая идентичность становится важнейшим ресурсом и буфером, снижающим стрессогенное воздействие новой среды [8, с. 174]. Тем не менее, системное вербальное микродавление приводит к тому, что 80,5% иностранных обучающихся хотя бы раз испытывали чувство «чужого» в университете, формируя затяжной адаптационный синдром.

Фрейм 3. Институциональное измерение инклюзии и пути преодоления латентного синдрома отчуждения

Как подчеркивают исследователи, процесс социокультурной интеграции академических мигрантов носит поэтапный характер, проходя стадии от первоначального аккультурационного шока и фазы «юмора» до «домашнего периода» (homestage), когда новая образовательная среда начинает восприниматься как комфортная и предсказуемая [7, с. 182]. Успешность преодоления кризисных барьеров и снижение рисков психоэмоционального выгорания напрямую зависят от развития эмоционального интеллекта студентов и своевременной институциональной поддержки [7, с. 184–185] (рис. 3).

В русле данных теоретических положений наш собственный эмпирический анализ факторов, способствующих преодолению отчуждения, выявил ключевое значение институциональной среды. Данные анкетирования показывают, что в качестве

главной институциональной опоры иностранные обучающиеся выделяют профессорско-преподавательский корпус — на этот фактор указали 29,3% респондентов. Примечательно, что значимость фигуры наставника в данном случае обходит даже неформальные товарищеские связи со сверстниками. Что касается базовых предпосылок, на которых строится успешный диалог, участники опроса сформировали своеобразную опорную триаду. Лидирующие позиции разделили между собой владение русским языком и взаимное уважение к культуре собеседника — оба этих критерия получили равное количество выборов (по 28 голосов).

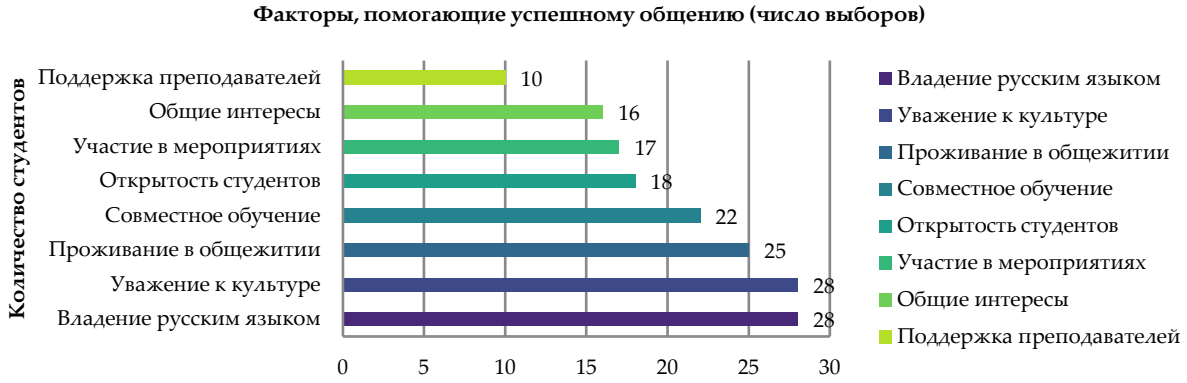

Рисунок 3 — **Факторы успешного общения**

Замыкает эту тройку ключевых условий совместный быт в пространстве общежития, набравший 25 упоминаний. При этом важно понимать, что сам по себе факт нахождения в кампусе не гарантирует успешной интеграции. Напротив, как показывают исследования Е.В. Воеводиной и А.Г. Тюрикова, изолированное проживание иностранных обучающихся в общежитии способно стать серьезной предпосылкой для их социального отчуждения в принимающей культуре. [6, с. 140]. Именно отсутствие опыта повседневных, рутинных взаимодействий закрепляет ресурсный дефицит межкультурной коммуникации. Следовательно, институциональная поддержка со стороны вуза требует разработки дифференцированных подходов не только к академической среде, но и к политике расселения.

Что касается адаптации непосредственно образовательного процесса, показательными являются исследования успешной инклюзии студентов из Пакистана и Южной Азии. Здесь доказана эффективность комплекса мер, включающих: освоение преподавателями базовых культурных норм обучающихся, адаптацию языкового дискурса на начальных этапах, стимулирование работы в смешанных группах и обеспечение гибкости в процедурах оценивания [11, с. 178–179].

Ответы на открытый вопрос «Как Вы считаете, что университет может сделать для улучшения общения между студентами разных стран?» показали, что обучающимся не хватает неформальных способов взаимодействия. Участники опроса предлагают уйти от «для галочки» организованных мероприятий и проводить больше совместных практических занятий. Например, они видят пользу в решении общих задач: «Создайте общую проблему, и тогда им придётся общаться вместе, чтобы найти решение». Студенты прямо пишут, что им нужны не протокольные встречи, а реальные поводы для кооперации, «нужны живые мероприятия вроде кулинарных мастер-классов, турниров по настолкам или квестов по городу».

В контексте поиска новых форматов в студенческой среде обсуждается идея так называемого «перевернутого менторства», при котором старшекурсник помогает новичку с бытовой адаптацией, взамен получая практику иностранного языка и знакомство с новой культурой. Тем не менее, этот инструмент выглядит крайне дискуссионным. Вопрос ответственности старшекурсников, отсутствия надежных механизмов контроля и дефицита реальной мотивации у принимающей стороны показывают, что подобная инициатива требует глубокой доработки и вряд ли может

быть внедрена директивно без риска превратиться в очередную формальность.

Серьезным барьером на пути к интеграции остается содержательный разрыв в языковой подготовке. Существующие программы русского языка как иностранного (РКИ) дают неплохую грамматическую базу и знакомят с общими культурными аспектами, однако оставляют «слепую зону» в виде повседневного бытового дискурса. Студенты остро нуждаются в практических модулях, о чем прямо говорят в своих анкетах: «Проведение разговорных кружков для тех, кто с нуля учит язык, и занятия по диалогам на бытовые темы — покупки, аренда квартиры, поход в поликлинику, оформление официальных бумаг». Обычные консультации с перегруженным куратором этот дефицит не закрывают.

Сама организация институциональной поддержки сегодня упирается в кадровые ограничения. Практика показывает снижение качества помощи из-за колоссальной нагрузки на кураторов, вынужденных вести сразу несколько студенческих групп параллельно с преподавательской деятельностью. Очевидно, что эффективное сопровождение возможно лишь при кардинальном пересмотре этой системы: куратор должен быть освобожден от преподавательской рутины и вести строго одну академическую группу, являясь полностью мотивированным на эту работу специалистом.

Наконец, поверхностный характер многих текущих инициатив оставляет пространство для латентных конфликтов и эмоционального напряжения в студенческой среде. Нужна не формальная галочка в отчете, а глубокая поддержка. В перспективе вузам стоит задуматься о введении специализированной должности независимого медиатора, который занимался бы оперативным урегулированием межкультурных столкновений и профилактикой ксенофобии на уровне университетского кампуса.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы и прикладные результаты:

1. Исследование обнажило ключевую проблему вузовской интеграции — отсутствие паритетной инициативы. Значительная доля участников (36,6%) отмечает, что принимающая сторона занимает пассивную позицию, оставляя задачу выстраивания контактов исключительно на них. В разрезе географического восприятия наблюдается резкая дифференциация: симпатии и коммуникативные барьеры четко привязаны к конкретным регионам. Так, диалог с представителями Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки дается без особых затруднений. Прямо противоположная картина складывается в отношении студентов из Туркменистана, Афганистана и Китая, где уровень сложности общения резко возрастает. Неоднозначную позицию занимает и сама Россия: местная среда одновременно фигурирует в ответах и как самая доступная, и как самая недоступная для понимания. Данная дифференциация, вероятно, связана не с личностными характеристиками студентов, а с объективной степенью культурно-языковой дистанции и различиями в образовательных системах стран исхода.

2. Характер деструктивных факторов. Главным барьером межкультурного взаимодействия выступает не открытая ксенофобия, а латентная вербальная микроагрессия (стереотипы и неуместные шутки), с которой сталкиваются 73,2% опрошенных. Усугубляет ситуацию и жилищный фактор: изолированное проживание в общежитии нередко работает не на сплочение, а на социальное отчуждение, консервируя коммуникативный дефицит. [6, с. 140].

3. Запрос на прикладную совместную деятельность. Преодоление барьеров требует отказа от формально-отчетных мероприятий и «приветственных вечеринок». Респонденты прямо заявляют о необходимости создания реальных практических вызовов и общих задач. В качестве перспективной технологии здесь выступает метод телеколлаборации — виртуальное межкультурное взаимодействие, снижающее напряженность посредством совместной цифровой проектной деятельности, что полностью отвечает запросам студентов на совместный поиск решений. [6, с. 141].

4. Модернизация языковой подготовки. Существующие программы РКИ дают неплохую грамматическую базу, но оставляют «слепую зону» в виде повседневного бытового дискурса. Студенты остро нуждаются в практических модулях и диалогах, ориенти-

рованных на реальные жизненные ситуации (аренда жилья, поликлиника, оформление документов).

Институциональные рекомендации. Организация поддержки упирается в кадровые ограничения и перегрузку кураторов. Эффективная адаптация станет возможной только тогда, когда куратор будет освобожден от преподавательской рутины и закреплен строго за одной группой, а в структуре университета появится должность независимого медиатора для оперативного урегулирования межкультурных столкновений.

Подводя итог, можно утверждать, что успешная социокультурная интеграция иностранных обучающихся не может происходить стихийно. Переход от формально-декларативных подходов к созданию подлинно инклюзивной образовательной среды требует целенаправленных институциональных усилий и перестройки университетской практики. Реализация предложенного комплекса мер позволит не только снизить аккультурационный стресс академических мигрантов, но и сформировать устойчивый фундамент для укрепления позиций российского высшего образования на международной арене.

Литература

1. Аль-Хаяни М.Г.М. Психологические особенности арабских студентов в условиях цифровизации образования: анализ мотивации, учебных стилей и влияния культурного контекста / М.Г.М. Аль-Хаяни // Профессионально-педагогическая культура учителя и преподавателя: теория и практика образовательной деятельности в современном обществе: сб. ст. X Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию кафедры педагогики НИУ «БелГУ», Белгород, 20–21 марта 2025 года. — Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2025. — С. 112-116. — EDN: TTECKV
2. Аль-Хаяни М.Г.М. Арабские студенты в образовательной среде: психологические и культурные особенности / М.Г.М. Аль-Хаяни, В.В. Балыков // Этнопсихология: теория и практика: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Москва, 21-22 ноября 2025 года. — М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2025. — С. 14-16. EDN: MUCIKI
3. Балыков В.В. Психологические особенности арабских студентов в контексте образования: мотивация, стиль обучения и культурный контекст / В.В. Балыков // Этнопсихология: теория и практика: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Москва, 16-17 ноября 2023 года / отв. редакторы В.В. Гриценко, О.С. Павлова. — М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. — С. 19-22. EDN: MEMJEG
4. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с. ISBN: 978-5-469-00034-1 EDN: QOABEJ
5. Бринюк Е.В. Методика обеспечения эффективной социокультурной адаптации иностранных граждан к условиям российской образовательной среды / Е.В. Бринюк, Н.А. Козловцева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2019. — Т. 8, №3(28). — С. 53-56. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0012 EDN: PBZMVE
6. Воеводина Е.В. Социокультурные барьеры адаптации иностранных обучающихся в условиях российского высшего образования / Е.В. Воеводина, А.Г. Тюриков // Народонаселение. — 2021. — Т. 24, №4. — С. 134-146. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.11 EDN: OWUDPF
7. Волков Ю.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в новой академической среде: культурные, академические и психологические аспекты / Ю.А. Волков, О.И. Башеров, Ю.В. Яшина, М.Н. Савельева // Управление образованием: теория и практика. — 2024. — Т. 14, №10-1. — С. 180-190. DOI: 10.25726/w0324-3052-0114-a EDN: UQAVUG
8. Гриценко В.В. и др. Воспринимаемая угроза и дискриминация как модераторы связи этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России // Социальная психология и общество. — 2022. — Т. 13, №4. — С. 163-181. DOI: 10.17759/sps.2022130410 EDN: YLFPVQ
9. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.М. Лебедева. — М.: ЮРАЙТ, 2018. — 491 с.
10. Машкова А.С. Межкультурные особенности восприятия учебного материала по русскому языку как иностранному в Российской образовательной среде / А.С. Машкова, В.В. Балыков, М.Г.М. Аль-Хаяни // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — №89-2. — С. 265-268. EDN: OENYVY
11. Садик М. Практические рекомендации по повышению межкультурной коммуникации со студентами-пакистанцами в образовательной среде российских вузов / М. Садик, В.В. Балыков // Этнопсихология: теория и практика: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Москва, 21-22 ноября 2025 года. — М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2025. — С. 178-181. EDN: HKBVGL
12. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. — М.: Институт психологии РАН, 1999. — 320 с.

EXISTENTIAL ORIENTATION OF VALUE-MOTIVATIONAL CHARACTERISTICS OF THE FORMATION OF THE POSITION OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A SUBJECT OF AN INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORY IN THE CONDITIONS OF ANOMIE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Miklоshevich Ksenia Stanislavovna, *Deputy Head of the Department of Fundamentals of Russian Statehood and Civil Law, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk (Russia)*

This study aims to develop a concept for moving beyond critical judgments of the contemporary process of developing a position as a subject of educational activity in the context of anomie to a projective understanding of pedagogical technologies for overcoming it. This paper proposes a combination of Robert Merton's theory of anomie and Abraham Maslow's existential focus on the value-motivational components of the process of developing a law enforcement officer's position as a subject of an individual educational trajectory. This combination is proposed as a conceptual framework for overcoming motivational-value pathologies in educational activity. The purpose of the study is to examine the individual educational trajectory as a process of existential self-actualization of the subject's self in the context of the prevalence of simulative pedagogical and educational practices. The objectives of this work are: a pedagogical analysis of the sociological projection of anomie in educational activity of a subjectless nature, identification of the existential motivational and value characteristics of the formation of the position of the law enforcement officer as a subject of IET, and identification of the existential orientation of the employee's personality in light of the integration of the sociological and pedagogical projections of the individual's position as a subject of IET. The work is based on the methodology of structural functionalism and anomie by Robert Merton, the phenomenology of singular anthropology by Fyodor Girenok, the sociological theory of university anomalies, Philip Zimbardo's theory of the total educational institution, and Dmitry Leontiev's theory of existential-humanistic self-actualization of the subject of educational activity. The study established that the existential vacuum in the process of developing the position of an individual subject of IET can be understood as a problem for pedagogical science only through an analysis of their value-motivational characteristics based on a combination of the sociological theory of frustrations and Abraham Maslow's theory of self-actualization. As a theoretical basis for further research into the process of developing the position of an internal affairs officer as an individual subject of IET, the concept of a person-centered pedagogical analysis in light of the singular anthropology of the subject is proposed.

Keywords: *anomie; individual educational trajectory; personality; motivation; self-actualization; internal affairs officer; position formation; existential orientation;values.*

EDN: WMELEX ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.58***

Цитировать: *Миклошевич К.С. Экзистенциальная направленность ценностно-мотивационных характеристик формирования позиции сотрудника ОВД как субъекта индивидуальной образовательной траектории в условиях аномии образовательной среды // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 433–441. EDN: WMELEX. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.58*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ СОТРУДНИКА ОВД КАК СУБЪЕКТА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ В УСЛОВИЯХ АНОМИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

УДК 378.147
5.8.1

© Миклошевич К.С., 2026

Исследование направлено на разработку концепции перехода от критических суждений современного процесса формирования позиции субъекта образовательной деятельности в условиях аномии к проективному осмыслению педагогических технологий ее преодоления. В данной работе предлагается сочетание теории аномии Роберта Мертона с экзистенциальной направленностью ценностно-мотивационных составляющих процесса формирования позиции сотрудника ОВД как субъекта индивидуальной образовательной траектории Абрахама Маслоу. Это соединение представляет в качестве концептуальной основы преодоления мотивационно-ценностных патологий образовательной деятельности. Целью исследования выступает рассмотрение индивидуальной образовательной траектории как процесса экзистенциальной направленности самоактуализации самости субъекта в условиях господства симу-

лятивных педагогических и образовательных практик. Задачами работы являются: педагогический анализ социологической проекции аномии образовательной деятельности бессубъектного характера; выявление экзистенциальных мотивационно-ценностных характеристик формирования позиции сотрудника ОВД как субъекта ИОТ; обозначение экзистенциальной направленности личности сотрудника в свете интеграции социологической и педагогической проекций позиции личности как субъекта ИОТ. Работа построена на методологии структурного функционализма и аномии Роберта Мертона, феноменологии сингулярной антропологии Федора Гиренка, социологической теории вузовских аномалий, теории образовательного учреждения тотального типа Филипа Зимбардо и теории экзистенциально-гуманистической самоактуализации субъекта образовательной деятельности Дмитрия Леонтьева. В результате исследования удалось установить, что экзистенциальный вакуум процесса формирования позиции субъекта ИОТ может быть осмыслен как проблема педагогической науки лишь при условии анализа его ценностно-мотивационных характеристик на основе сочетания социологической теории фрустраций с теорией самоактуализации Абрахама Маслоу. В качестве теоретической основы дальнейших исследований процесса формирования позиции сотрудника ОВД как субъекта ИОТ предлагается концепция его личностно-центрированного педагогического анализа в свете сингулярной антропологии субъекта.

Ключевые слова: *аномия; индивидуальная образовательная траектория; личность; мотивация; самоактуализация; сотрудник органов внутренних дел; формирование позиции; экзистенциальная направленность; ценности.*

МИКЛОШЕВИЧ Ксения Станиславовна, *заместитель начальника кафедры основ российской государственности и цивилистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск (Россия)*

Введение

Современная образовательная подсистема социализации личности в условиях трансформации российского общества находится в аномическом состоянии довольно длительный период. Причин этой длительности довольно много. Одной из важнейших из них выступает парадоксальная ценностная мотивация. В данном случае мы понимаем под этим процесс превалирования имитационной или симулятивной позиции в образовательной деятельности субъекта над подлинным процессом освоения статусно-ролевого набора. Примечательно, что в условиях господства критических суждений о состоянии системы высшего образования деятельности парадоксальная ценностно-мотивационная составляющая позиции личности как субъекта рассматривается как аномалия. Однако критическое определение наличия данного феномена не преодолевается проектами ее преодоления. Апелляция к академической этике или к ценностям академической свободы в данном случае является не более чем целью. Средств для достижения этой цели у студенческого и профессорско-преподавательского сообществ либо нет, либо они есть у отдельного сектора научно-педагогического сообщества высшей школы. Однако это сообщество не имеет глобального влияния на самоорганизацию образовательной деятельности субъекта.

Для ухода от столь опасной тенденции развития образовательной деятельности субъекта в его мотивационной составляющей представляется важным анализ мотивационно-ценностной составляющей процесса формирования позиции личности субъекта индивидуальной образовательной траектории (далее ИОТ) в условиях аномии. При этом важнейшим аспектом этого анализа выступают не только критические суждения об этом процессе, но и возможность перехода субъекта ИОТ от критического мышления к проектному мышлению. Именно этот переход и выступает целью данного процесса.

Для большей конкретизации данного процесса как объекта пока только теоретического исследования мы решили остановиться на мотивационно-ценностной составляющей процесса формирования позиции сотрудника органов внутренних дел как субъекта ИОТ. Выбор данной категории курсантского сообщества наиболее важен в силу того, что аномия, с одной стороны, выступает объектом не только их образовательной, но и будущей профессиональной деятельности, а с другой — ее преодоление составляет экзистенциальную направленность их профессионального мировоззрения.

Если же имитация образовательной деятельности будет превалировать и дальше, то процесс высшего образования будет все дальше отходить от нормализации. Следует отметить, что имитация процесса формирования позиции личности как субъекта ИОТ в данном случае не нашла еще большого отражения ни в социологической, ни тем более в педагогической науке.

Как отмечают Г.Е. Зборовский и П.А. Абрамова, «вопрос об имитациях образовательной и научной деятельности как особом типе вузовских аномалий стал разрабатываться недавно, прежде всего, российскими исследователями» [8, с. 501].

Среди работ наиболее важных для понимания социологической основы нашего исследования следует отметить работы В.П. Бабинцева [1], Ю.В. Латова [14; 15], Я.И. Серкиной [22]. Наряду с этим наиболее актуально история исследования процесса формирования позиции субъекта индивидуальной образовательной траектории в педагогической науке представлена в работе Я.В. Боровиковой и В.А. Пивоварова [4].

Что касается критического восприятия изученности нашей проблемы, то в качестве недостатка здесь следует указать на то, что на сегодняшний день социологической аналитикой аномии мотивации образовательной деятельности и педагогическими исследованиями не существует точек соприкосновения и взаимопонимания. Кризисное состояние, индивидуальных образовательных траекторий или их симулятивное состояние как аномическое является критической констатацией факта и не более того.

Технологического педагогического противодействия этому на уровне теоретических исследований, на уровне изменения дидактических или методических приёмов или аналитики педагогического опыта, направленного на аномию, встретить практически невозможно, за исключением ряда работ А.И. Бобкова [2; 3] и Д.А. Леонтьева [16]. Концептуально экзистенциально-антропологическое прочтение данной проблемы представлено в работах Ф.И. Гиренка [6] и А.О. Карпова [12].

Что касается проектного мышления, проектного осмысления, преодоления данного состояния, то здесь пока речи об этом не ведётся. Хотя в педагогических трудах, посвященных личностно-центрированному анализу процесса формирования ИОТ, ряд исследователей предлагают определённые методики, технологии преодоления имитативной мотивации сотрудников, но они не связывают это с аномическим состоянием [9; 13; 26]. Здесь критические суждения всегда направлены на то, что источником симулятивной образовательной позиции становится самообразовательное сообщество сотрудников ОВД. Профессорско-преподавательское сообщество не подвергается анализу, как порождающее данную аномическую ценностно-смысловую направленность. И это свидетельствует о том, что симулятивное состояние процесса формирования позиции личности сотрудника ОВД как объекта ИОТ будет преодолено [25].

Новизна работы заключается в том, что представлена попытка на теоретико-методологическом уровне соединить феномен аномии в образовании с экзистенциальной направленностью личности с позиции самоактуализации самости как технологии осуществления нормального процесса самоорганизации образовательной деятельности. Процесс формирования позиции субъекта ИОТ рассматривается как процесс перехода от ретроспективного алгоритмического критического мышления когнитивно-критического характера к проективному мышлению сингулярного типа [6, с. 6].

Результаты исследования и их обсуждение

В социальной реальности образовательная деятельность все больше и больше сталкивается с тем, что имитационные индивидуальные образовательные траектории становятся

образцами, а не формами культурно неодобряемой девиации. Это типичное аномическое состояние, порожденное фрустрацией интеллектуального сообщества в системе современного образования. Поэтому в нашем исследовании ценностно-мотивационных характеристик процесса формирования позиции личности как субъекта ИОТ фундаментальную роль играет теория аномии Роберта Мертона. Концепция аномии в системе высшего образования в социологической проекции нами наиболее глубоко рассмотрена Г.Е. Зборовским и П.А. Абрамовой. Ими даны основные определения аномии и история ее исследования в рамках социологии образования. Поэтому мы отсылаем к их работе тех, кто хочет более подробно изучить историю исследования проблемы [8]. Ссылаемся на этот труд, чтобы не повторяться. Вместе с тем мы прекрасно понимаем, что аномическое состояние в данном случае является фундаментальным состоянием. Однако нельзя не отметить, что в социологических исследованиях образовательных патологий, если и превалируют критические суждения в основном как описательная практика [1].

Наряду с этим не следует забывать о том, что позиция личности напрямую зависит от состояния образовательной подсистемы общества, которая может быть не только в состоянии нормальной социальной динамики, но и находится в состоянии аномии. Это состояние Р. Мертон описывает, как социальную систему, имеющую «…атмосферу взаимного недоверия, аномии, при которой общие ценности потонули в пучине личных интересов». Люди в данном случае воспринимают образовательную среду, как «арену соперничающих между собой мошенников» [19, с. 218].

Аномическое состояние образовательной среды в данном случае определяется, как состояние предпочтения субъектами образовательной деятельности наиболее эффективной в техническом плане образовательной процедуры «вне зависимости оттого, узаконена она культурой или нет» [19, с. 218]. По мере того, как нормы образовательной деятельности размываются, потребность в выработке и выборе приемлемых технологий становится все более важной составляющей [20].

В случае процесса формирования позиции личности как субъекта ИОТ во многих случаях аномичным становится квазиинтеллектуальная образовательная траектория, когда статус есть, а роли нет вообще или она не та, которая требуется. Например, сотрудник органов внутренних дел должен выступать в роли следователя, умелого организатора оперативно-следственных мероприятий, а он принимает роль бюрократа-начальника авторитарного типа. В результате следствие будет осуществляться в неправильном направлении [10, с. 712]. Наиболее часто такая форма аномии встречается в образовательной деятельности, когда знание не добывается путем проб и ошибок, а строится на слепом подражании определенной модели, в результате приносящей статус без нормальной социализации. Р. Мертон отмечает, что в состоянии аномии образовательная деятельность превращается в процесс «…посредством которого превознесение цели порождает в буквальном смысле слова деморализацию, то есть разинституционализацию средств» [19, с. 249].

В формировании позиции личности аномическое состояние предполагает отсутствие желания делиться с образовательной средой и с преподавателем своими проблемами в отношении самоопределения смысла своей образовательной деятельности. Причина здесь кроется в том, что цели образования в аномическом обществе поставлены настолько неконкретно и широко, более того недостижимо, что в итоге участники данного процесса испытывают состояние деморализации [25].

Образовательная деятельность все больше превращается из сферы социальной мобильности в сферу потребления ради потребления. Образовательные услуги растут в отрыве от проблем самоактуализации, вместе с тем растет желание их потреблять без личностного роста [24, с. 150].

Все это связано с тем, что «Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой, не отвечающим ни перед кем. Он издевается над ценностями других людей. Его единственная вера — философия отрицания. Он живет тонкой линией чувств, пролегающей вне будущего и вне прошлого». Аномия является состоянием ума, в котором человеческое восприятие социальной сплоченности — движущая пружина его морального состояния — разрушено или фатально ослаблено» [19, с. 283].

Однако в ситуации аномии возникают определенные процессы формирования специфических типов позиций личности. Мертон предлагает всего пять типов: бунтарь, конформист, ритуалист, новатор и ретриатист [19, с. 255].

В связи с тем, что аномия является состоянием тотальным, нам необходимо обозначить, что формирование позиции личности сотрудника ОВД направлено на получение последним возможности для самостоятельного преодоления данного состояния в самом себе, как субъекте образовательной деятельности за счет самоактуализации [17].

Для этого в сознании сотрудника должны быть закреплены образовательные и психолого-педагогические ценности. Это закрепление создает систему его образовательно-ценностных ориентаций, превращая его образовательную деятельность в фундамент его профессиональной деятельности [9, с. 20].

Здесь профессиональная зрелость и профессиональная ответственность не рассматриваются как ценности, достигаемые вне образовательной среды, а наоборот только в ней и достигаемые. Так формируется ориентация на глубинное общение с коллегами и преподавателями, как процесс становления самоактуализации в профессиональной среде. Ориентация на создание доселе неизвестной образовательной траектории сотрудника выступает, как основа творческого восприятия правоохранительной деятельности [27, с. 148].

Акцент внимания сотрудника на личностном росте и профессиональном сотрудничестве в образовательной деятельности ведет его к осознанию того, что его образовательная траектория меняется лишь в рамках самоактуализации. Из пассивного хранителя правопорядка он становится субъектом созидающем его. Это преобразование значительно повышает его образовательный потенциал и обеспечивает переход с пассивной позиции объекта, на активную позицию субъекта ИОТ [21, с. 589].

Он, в конце концов, осознает, что образовательная траектория лишь тогда эффективна, когда она предполагает понимание духовного роста, как обмена духовными ценностями в процессе образовательной деятельности. Более того данный обмен ведет к тому, что в рамках профессиональной деятельности сотрудника он начинает занимать ведущую позицию. Служба превращается в служение и уже не рассматривается как некое временное состояние личности [16, с. 155].

Здесь также важна методология конкретизации ценностей образовательной деятельности, какие ценности он ищет, а какие творит, насколько осознает свою причастность к производству уникального смысла своей образовательной деятельности [2, с. 329].

Представляется принципиально важным, что в мотивационно-ценностных характеристиках процесса формирования позиции личности сотрудника ОВД ключевую роль играет понятие «индивидуально-личностная система образовательных ценностей». Это понятие мы предлагаем ввести, как продолжение разработанной Е.Н. Шияновым «индивидуально-личностной системы педагогических ценностей» [11]. Это структурно схожие системы, только в нашей системе акцент делается на образовательной деятельности сотрудника, а не на преподавательской деятельности педагога. В связи с этим данная система включает следующие компоненты:

— ценности, связанные с утверждением личностью активной роли в образовательной и профессиональной среде (общественная значимость образовательного труда сотрудника ОВД, престижность образовательной и правоохранительной деятельности, признание социальной значимости профессии ближайшим окружением и специального образования сотрудника и др.);

— ценности, удовлетворяющие потребность в глубинном общении, как важнейшей составляющей формирования активной позиции сотрудника как субъекта ИОТ и расширяющие его круг (общение с преподавателями, коллегами, представителями референтных групп, обмен духовными ценностями в рамках разработки и реализации ИОТ и др.) [1];

— ценности, ориентирующие на саморазвитие творческой индивидуальности, как цели ИОТ и полноты человеческого бытия, как необходимого фундамента ее реализации (возможности развития в рамках формирования позиции субъекта ИОТ профессио-

[1] Jackson N. Personal development planning: what does it mean? / N. Jackson/ URL: https://www.researchgate.net/publication/265158472_Personal_development_planning_ what_does_it_mean

нально-творческих способностей сотрудника, приобщение его к мировой культуре образования, занятия любимым предметом в рамках образовательной программы, постоян¬ное самосовершенствование в образовательном труде и др.) [16];

— ценности, позволяющие осуществить самореализацию личностного потенциала сотрудника в рамках индивидуальной образовательной траектории (самоопределение образовательного труда сотрудника ОВД, как носящего творческий, вариативный характер, осознание романтичности и увлекательности образовательной деятельности, осознание возможности помощи самому себе и другим субъектам образовательной деятельности и др.);

— ценности, дающие возможность удовлетворять прагматические потребности личности сотрудника, как субъекта ИОТ (возможности получения социальных гарантий для образовательной деятельности и материального вознаграждения за ее успешность, длительность учебного и каникулярного отпуска, как времени активной реализации ИОТ, карьерный рост и его прямая зависимость от выбранной позиции личности в рамках образовательной деятельности и др.) [18].

Устойчивость данной системы ценностей личности сотрудника выступает индикатором стабилизации индивидуальной позиции сотрудника ОВД как субъекта ИОТ, определяет ее познавательную, со-циальную и профессиональную мотивационную составляющие [13, с. 195].

Чтобы достигнуть высшего уровня мотивации в процессе формирования позиции личности сотрудника ОВД как субъекта ИОТ необходимо акцентировать его внимание на том, что смысл этих ценностей экзистенциален, они должны использоваться в ИОТ как инструменты внешней и внутренней ориентации на экзистенциальный смысл образования [7, с. 30].

Состояние данной системы характеризуются субъектной значимостью составляющих ее ценностей. На основе осознания ее субъективного характера возникает экзистенциально-гуманистическая направленность личности сотрудника, как базовое условие утверждения активной позиции субъекта ИОТ. Как отмечает В.И. Сериков «При усвоении ценностных аспектов материала обнаруживается качественно новая функция мотивации: мотив обусловливает содер¬жание того, что усваивается, поскольку ценность не просто понима¬ется (значение), но и принимается (смысл), причем последний именно и обусловливает то, как она будет понята. А так как ценностная структура материала в значительной мере выстраивается излагающим его субъектом (учителем), то понятие «содержание» утрачивает четкие программные границы, становится функцией, продуктом взаимодей¬ствия многих субъектов учебной деятельности» [23, с. 90].

Выбор ценностей для активной позиции личности позволяет обозначить, как объективное состояние образовательной деятельности сотрудника, экзистенциальная направленность личности отражает активное отношение человека к этому объективному состоянию, которое творит и создает личность сотрудника, как творца доселе неизвестной ИОТ [12, с. 67].

Найденный личностный смысл образовательной деятельности отражает динамический аспект ценностного отноше¬ния сотрудника к окружающей действительности. В свою очередь, понимание личностного смысла в усвоении сотрудником образовательных ценностей выступает интегральным показателем развития побудительной сферы позиции личности, как субъекта ИОТ [4, с. 65]. Вместе с тем, чем более существенно в структуре ценностных ориентаций сотрудника представлены ценности самоактуализации личности, личностного роста, смысложизненных ориентаций, тем быстрее осознается субъектная значимость профессии. Через это осознание формируется пози¬тивная ориентация на самоутверждение в рамках образовательной деятельности. Именно она выступает основой развития профессио¬нально-субъектной позиции сотрудника, как творца ИОТ [10, с. 712].

Экзистенциальная направленность личности сотрудника ОВД в рамках нашего исследования ведет к тому, что ИОТ в данном случае представляется результатом изменения позиции личности. Она изменяется с понимания «образования для жизни» на «образование как жизнь». Здесь проживание сменяется переживанием. «Полый» человек становится полным не из-за того, что

его кто-то наполняет, а в результате того, что меняет акцент образования с пройденного на пережитое, значимость объективного знания на субъективное понимание. Как отмечал Д. Бьюджентал, «важнейшая особенность "человеческой природы" — внутренне присущая человеку мотивация к "поиску здравого", которая, как только ее освобождают, побуждает человека двигаться ко все большей эффективности и удовлетворенности в жизни» [28].

Основной характеристикой формирования самоактуализированной экзистенциально-направленной позиции личности как субъекта ИОТ выступает уход от ситуации мотивации «попредметной специализации» вращение знающего много о мире и не знающего ничего о себе.

В связи с этим немаловажной чертой формирования ценностно-мотивационной составляющей позиции личности как субъекта ИОТ выступает ее понимание, как пути самоутверждения личности. Для этого необходимо привести личность сотрудника к состоянию того, что саморазвитие в образовательной деятельности актуализируется лишь в принятии личностно утверждающей ситуации, как основного мотива его образовательной деятельности [5].

Здесь важной мотивацией является не тот факт, как сотрудник создал ИОТ, а тот, зачем он ее создал? Решение образовательных задач, предложенных сотруднику «извне», отходит на второй план. В первую очередь, здесь важен именно самостоятельный личностный выбор уникальных образовательных задач [25]. Именно их постановка и составляет содержание ИОТ сотрудника с активной экзистенциально-гуманистической мотивацией [26].

Заключение

В заключении данной статьи следует отметить, что аномическое (симулятивное) состояние процесса формирования позиции личности как субъекта индивидуально образовательной траектории является результатом приведения образовательного пространства современных высших учебных заведений в состояние учреждений тотального типа [3]. В них смысл жизни и смысло-жизненные ориентации субъекта ИОТ исключены в силу ориентации на предсказуемый результат образовательной деятельности. Здесь уникальность личности как цель процесса формирования позиции субъекта ИОТ зачастую лишь декларируется. И самое главное, что критическое мышление, историческая ретроспекция на сегодняшний день, а далее, информационная алгоритмизация сознания, ничем не преодолевается [14, с. 32]. Она, наоборот, с одной стороны, вызывает приспособление бюрократического сообщества, и с другой стороны, вызывает растерянность профессорско-преподавательского сообщества [22]. Иначе говоря, педагогика высшей школы как таковая на сегодняшний день не приобретает черты андрогогического мышления. Андрогогики высшей школы с его неформальным проектным мышлением в виду отсутствия актуализации латерального педагогического мышления не содержится.

Наряду с этим необходимо сказать и о том, что для системы подготовки кадров для правоохранительной деятельности состояние согласия с аномией образовательной деятельности как симулякр является наиболее опасным. Чтобы выйти из этого состояния, нам необходим личностно-центрированный педагогический подход с экзистенциальной направленностью личности сотрудника. Именно на нем должен быть основан процесс формирования индивидуальной образовательной траектории. В противном случае, технологического преодоления аномического состояния системы образования сотрудников органов внутренних дел реально не будет. Это и есть новая постановка проблемы педагогического исследования.

Литература

1. Бабинцев В.П. Современные стратегии личностно-профессионального становления студенческой молодежи / В.П. Бабинцев, П.К. Великих // Управление городом: теория и практика. — 2021. — №2(40). — С. 3-6. EDN: BJEMJB
2. Бобков А.И. Компетентностный подход как бюрократическая технология устранения экзистенциальной направленности личности в вузовском образовательном пространстве / А.И. Бобков, С.А. Гальцев, А.В. Балашов // Образование и право. — 2024. — №1. — С. 328-330. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-1-328-330 EDN: MQFXEP
3. Бобков А.И. "Тотальный Зимбардо" как проблема педагогической антропологии высшего образования / А.И. Бобков, С.А. Гальцев, А.В. Балашов, А.Г. Карелин // Образование и право. — 2024.

— №11. — С. 368-375. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-11-368-375 EDN: QUPZOC

4. Боровикова Я.В. Феномен "Индивидуальная образовательная траектория" в психолого-педагогических исследованиях / Я.В. Боровикова, В.А. Пивоваров // Система среднего профессионального образования: традиции, инновации, перспективы: материалы Международной научно-методической конференции, Воронеж, 25 сентября 2025 года. — Воронеж: Центр опережающей профессиональной подготовки, 2025. — С. 62-71.
5. Гаранина Р.М. Вопросы саморазвития личности студента высшего учебного заведения / Р.М. Гаранина // Международный научный журнал. — 2024. — №5(98). — С. 156-164. DOI: 10.34286/1995-4638-2024-98-5-156-164 EDN: GMQLQB
6. Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография / Ф.И. Гиренок. — М.: Проспект, 2021. — 304 с. ISBN: 978-5-392-32759-1 EDN: CLGMNA
7. Давыдова Т.Е. Траектория развития человеческого потенциала студентов университета в свете возможностей новой реальности / Т.Е. Давыдова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. — 2025. — №1. — С. 28-32. CIN. EDN: CINPLL
8. Зборовский Г.Е. Типологии аномалий в высшем образовании / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2021. — Т. 21, №3. — С. 497-511. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-497-511 EDN: ESWMID
9. Зеер Э.Ф. Концептуально-теоретические основы персонализированного образования / Э.Ф. Зеер, О.В. Крежевских // Образование и наука. — 2022. — Т. 24, № 4. — С. 11-39. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-11-39 EDN: JXGKAX
10. Зеер Э.Ф. Психолого-педагогические особенности формирования профессиональной успешности субъекта деятельности / Э.Ф. Зеер, А.А. Шаров // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — №81-2. — С. 711-713. EDN: GZAVIF
11. Исаев И.Ф. Аксиологический и культурологический подходы к исследованию проблем педагогического образования в научной школе В.А. Сластенина / И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов // Сибирский педагогический журнал. — 2005. — № 2. — С. 193-208. EDN: JVTKPF
12. Карпов А.О. Феномен образования: экзистенциальный порядок бытия / А.О. Карпов // Философские науки. — 2024. — Т. 67, №1. — С. 54-73. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-1-54-73 EDN: EXHOAM
13. Купавцев Т.С. Концептуальные основы педагогической поддержки личностного саморазвития сотрудника МВД России / Т.С. Купавцев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — №4(86). — С. 193-200. EDN: NUVPFX
14. Латов Ю.В. Неформальные "правила игры" в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний / Ю.В. Латов, Г.А. Ключарев // Общественные науки и современность. — 2015. — №2. — С. 31-42. EDN: TOPTGL
15. Латов Ю.В. Экспертная компетентность слушателей Академии управления МВД России как ресурс научных исследований / Ю.В. Латов, А.Л. Ситковский // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: сб. ст. Международной научно-практической конференции, Москва, 05 июля 2024 года. — М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. — С. 88-93. EDN: HCHYPF
16. Леонтьев Д.А. От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации / Д.А. Леонтьев // Вопросы образования. — 2024. — №1. — С. 142-161. DOI: 10.17323/vo-2024-17626 EDN: PFHLDU
17. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. — СПб.: Питер, 2019. — 400 с.
18. Мельникова Э.П. Педагогические инструменты самореализации в технологии развития ценностно-смысловой грамотности / Э.П. Мельникова, А.В. Хуторской, С.Г. Воровщиков, Т.В. Свитова // Эйдос. — 2025. — №4. EDN: SDOYVP
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873 с.
20. Морозова И.С. Выбор студентом индивидуальной образовательной траектории: субъектная позиция и стратегии выбора / И.С. Морозова, Н.А. Бугрова, З.В. Крецан, Е.В. Евсеенкова // Психологическая наука и образование. — 2023. — Т. 28, №2. — С. 30-45. DOI: 10.17759/pse.2023280203 EDN: FDHHKY
21. Нежкина Л.Ю. Экзистенциальный подход в подготовке сотрудников правоохранительной системы / Л.Ю. Нежкина, О.Л. Подлиняев // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2021): сб. ст. Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 апреля 2021 года. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. — С. 589-593. EDN: IUNALW.
22. Серкина Я.И. Дигитализация образовательного пространства вуза: дизъюнкция вместо интеграции / Я.И. Серкина // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2021. — Т. 46, №4. — С. 790-793. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-790-793 EDN: BGFFMX
23. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. — М.: Логос, 1999. — 272 с.
24. Третьякова В.С. Самоактуализация как предиктор персонификации личности студента / В.С. Третьякова, А.А. Шаров, Э.Ф. Зеер // Образование и наука. — 2025. — Т. 27, №5. — С. 142-167. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-5-142-167 EDN: RCYSRB
25. Ходякова Н.В. Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции

/ Н.В. Ходякова, А.И. Митин, О.А. Ульянина // Психология и право. — 2021. — Т. 11, №1. — С. 195-209. DOI: 10.17759/psylaw.2021110115 EDN: FCMNII

26. Ходякова Н.В. Целеполагание в образовательном процессе / Н.В. Ходякова // Педагогика и психология: академический журнал. — 2025. — №2(9). — С. 8-14. EDN: BLNGTW
27. Шапошникова Н.Ю. Планирование индивидуального развития студентов Великобритании: модели реализации / Н.Ю. Шапошникова // Высшее образование в России. — 2020. — Т. 29, №4. — С. 146-154. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-4-146-154 EDN: VOEJBZ
28. Экзистенциальная психология глубинного общения. Уроки Джеймса Бюджентала. — М.: Смысл, 2001.

DESCRIPTION OF A MODEL FOR THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY IN FUTURE TEACHERS DURING THE ACTIVITIES OF A SEARCH TEAM *

Morkovkin Viktor Vladimirovich, *Postgraduate student, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk (Russia)*

The purpose of this study is to analyze the components of the author's structural and functional model for the development of civic identity among future teachers in the context of a search party. The relevance of the study is determined by complex global transformations in foreign policy and new social guidelines. In light of this, the modern teacher is a leading figure in the transmission of spiritual and moral values, purposefully shaping the younger generation's sense of belonging to their country. Despite the undeniable importance of developing the civic identity of future teachers, it is necessary to find new means of improving this process. One such area is the study of the development of civic identity among future teachers in the context of a search party. This article examines the current state of knowledge of civic identity development, provides interpretations of the concepts of "civic identity," "civic identity of a future teacher," and "search party," and presents a structural and functional model of civic identity development among future teachers in the course of a search party's activities, consisting of five interrelated components: target, theoretical and methodological, substantive, procedural, and result-evaluative. The listed components reflect the peculiarities of the formation of the civic identity of future teachers in the context of the search party activities.

Keywords: *civic identity of the future teacher; formation of civic identity; search party; model of formation of civic identity in the context of the search party.*

EDN: WPQOMU **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.59**

Цитировать: *Морковкин В.В. Моделирование формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 442–447. EDN: WPQOMU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.59*

УДК 378
5.8.7

© Морковкин В.В., 2026

Моделирование формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда **

МОРКОВКИН Виктор Владимирович,
аспирант, Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск (Россия)
SPIN-код: 2894-7391
ORCID: 0009-0009-4231-1409

Цель исследования — анализ компонентов авторской структурно-функциональной модели формирования гражданской идентичности будущих учителей в условиях деятельности поискового отряда. Актуальность исследования обусловлена сложными глобальными трансформациями во внешней политике и новыми социальными ориентирами. В свете этого, современный учитель является одной из ведущих фигур в трансляции духовно-нравственных ценностей, целенаправленном формировании чувства сопричастности подрастающего поколения к своей стране. Несмотря на неоспоримую значимость формирования гражданской идентичности будущих учителей, необходим поиск новых средств совершенствования процесса. К одному из подобных направлений относится изучение формирования гражданской идентичности будущих учителей в условиях деятельности поискового отряда. В статье рассмотрена степень изученности формирования гражданской идентичности, даны трактовки понятий «гражданская идентичность», «гражданская идентичность будущего учителя», «поисковый отряд», а также представлена структурно-функциональная модель формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда в виде пяти взаимосвязанных компонентов: целевого,

* The study was carried out with the financial support of research projects on the priority areas of activity of the partner universities of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University and the Shadrinsk State Pedagogical University in 2026 on the topic «Modeling the Formation of the Civic Identity of Future Teachers in the Context of Search Team Activities».

** Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов партнеров ЮУрГГПУ и ШГПУ в 2026 году по теме «Моделирование формирования гражданской идентичности будущих учителей в условиях деятельности поискового отряда».

теоретико-методологического, содержательного, процессуального, результативно-оценочного. Посредством перечисленных компонентов отражены особенности формирования гражданской идентичности будущих учителей в условиях деятельности поискового отряда.

Ключевые слова: *гражданская идентичность будущего учителя; формирование гражданской идентичности; поисковый отряд; модель формирования гражданской идентичности в условиях деятельности поискового отряда.*

Введение

Формирование гражданской идентичности в последнее время стало неотъемлемой частью общественной и государственной повестки. Расширяется спектр законодательных документов (Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Указ Президента Российской Федерации №858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» и др.), в которых закрепляется значимость и необходимость формирования общероссийской гражданской идентичности. Одним из субъектов общественной жизни, который напрямую взаимосвязан с процессом формирования гражданской идентичности, являются высшие педагогические учебные заведения. Именно от степени проявления гражданской идентичности учителя во многом зависит уровень гражданской идентичности подрастающего поколения. Целенаправленное, планомерное и последовательное формирование гражданской идентичности будущих учителей должно осуществляться в вузе.

Изучению сущностных характеристик гражданской идентичности и особенностей её формирования посвящены исследования А.Г. Асмолова, Н.В. Безгиной, Т.В. Водолажской, Л.М. Дробижевой, И.В. Кожанова, О.А. Коряковцевой, А.Ю. Полунова, Н.В. Сафина, Х.А.С. Халадова, О.А. Брауна, А.С. Бугаевой, И.В. Вилковой, О.В. Козловой, Н.В. Лебедевой, Е.А. Найденовой, В.А. Тишкова, Е.Н. Тазетдиновой, С.Н. Голиковой и др. Гражданская идентичность изучается с позиций педагогики, психологии, философии, политологии, социологии. Тем не менее, в научном педагогическом дискурсе не отражены возможности деятельности поисковых отрядов непосредственно в формировании гражданской идентичности будущих учителей. Проектирование модели формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда также не представлено в педагогических исследованиях.

Трактовки понятий «гражданская идентичность», «гражданская идентичность будущего учителя» и «поисковый отряд»

«Гражданская идентичность» как междисциплинарное понятие по-разному трактуется с позиций конкретных наук. В данном исследовании акцентировано внимание на педагогическом аспекте. В частности, Т.В. Водолажская полагает, что «гражданская идентичность — это принадлежность к сообществу граждан того или иного государства, имеющая для индивида значимый смысл» [4, с. 140]. В свою очередь, определение феномена, представленное в работах А.Г. Асмолова и Е.В. Краснова, на первый план выводит «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе» [1; 7, с. 165]. В первом случае ведущий фрейм построен на значимом для индивида смысле, во втором — акцентно выделено функционирование на общекультурной основе. Оба признака имеют свое отражение в гражданской идентичности. Схожие точки зрения обозначены в работах А.С. Бугаевой и И.В. Кожанова [3; 6]. А.С. Потемкин строит определение через «комплексное личностное качество, позволяющее обучающимся всецело отождествлять себя с Россией, осознавать свою принадлежность к ней, ее обществу и культуре» [10, с. 14]. В работе И.Б. Байханова отмечается, что гражданскую идентичность

достаточно часто сравнивают с понятием «патриотизм», однако гражданская идентичность является куда более глубоким явлением. Он также отмечает, что гражданская идентичность подразумевает сопричастность к своей стране [2, с. 66].

Итак, ключевыми характеристиками для гражданской идентичности являются отождествление личности со своей страной, чувство сопричастности к народу страны и её истории, желание действовать во благо страны. Гражданская идентичность будущего учителя может быть представлена как интегративное качество, предполагающее свободное, значимое и глубокое отождествление собственной личностной принадлежности к гражданскому обществу, его социокультурному и этническому многообразию, ценностям и готовность к проектированию ценностно-ориентированной образовательной среды.

Центральное место в процессе формирования гражданской идентичности играет поисковая деятельность. Поисковую деятельность не выделяют в отдельное понятие, закрепленное на законодательном уровне. Данная ситуация обусловлена тем, что с юридической точки зрения «Поисковое движение России» возникло лишь в 2013 году, то есть является довольно молодым. Это предоставляет широкий простор для дальнейшего научно-теоретического обоснования на основе практического опыта деятельности поисковиков. В качестве ведущих направлений поисковой деятельности сегодня выделяют: 1) непосредственно поисковую (полевую) деятельность; 2) архивную деятельность; 3) просветительскую деятельность; 4) научно-исследовательскую деятельность; 5) проектную деятельность [9, с. 102].

В ходе исследования удалось заключить, что понятие «поисковый отряд» в настоящее время не проанализировано с научной точки зрения. Исходя из ключевых признаков, направлений и целей поисковой деятельности, в данной работе поисковый отряд предлагается рассматривать как добровольное общественное объединение, внесённое в единый общероссийский реестр поисковых организаций, имеющее своей целью сохранение и увековечение памяти погибших в годы Великой Отечественной войны посредством поисковой, архивной, научно-исследовательской, проектной и просветительской работы [9, с. 102]. Участие в деятельности поискового отряда вызывает глубокий эмоциональный отклик, помогает осознать всю важность исторических событий страны, увеличить чувство сопричастности к своей стране и её истории, комплексно влияя на общий уровень гражданской идентичности. Для организации формирования гражданской идентичности будущего учителя в ходе деятельности поискового отряда необходимо моделирование данного процесса. Известно, что педагогическое моделирование направлено на мысленное построение педагогического процесса, на анализ отдельных фрагментов какого-либо педагогического явления или феномена.

Е.А. Лодатко приводит в своем исследовании довольно всестороннее определение педагогической модели, отражающее главную цель создания таких моделей. Педагогическая модель — это мысленная система, имитирующая или отражающая определенные свойства, признаки, характеристики объекта педагогического исследования, принципы его внутренней организации или функционирования, и презентующаяся в виде культурной формы, присущей определенной социокультурной практике [8, с. 126]. На основе анализа теоретической литературы по вопросам педагогического моделирования, обобщения опыта работы студенческого поискового отряда Шадринского государственного педагогического университета «Знамя Победы» была разработана модель формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда.

Ориентируясь на типологию моделей, данная разработка представляет собой структурно-функциональную модель, которая предполагает рассмотрение структуры феномена гражданской идентичности будущего учителя. При этом в данной модели акцент делается на формировании гражданской идентичности, что подразумевает моделирование функционирования именно этого процесса. Моделирование осуществляет прогностическую функцию и помогает подойти к организации процесса.

Структурно-функциональная модель формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда

Структура разработанной модели включает в себя целевой, теоретико-методологический, содержательный, процессуально-деятельностный и результативно-оценочный компоненты.

Целевой компонент отражает цель — формирование гражданской идентичности будущего учителя в ходе деятельности поискового отряда. В целевом компоненте обосновывается социальный заказ на необходимость формирования гражданской идентичности среди молодежи, в том числе, среди будущих учителей. В современном обществе созрела необходимость в том, чтобы граждане государства четко соотносили себя с собственным народом и государством. Это способствует социальной консолидации, проявляется в популяризации воспитания патриотизма среди молодежи.

Теоретико-методологический компонент модели содержит методологические подходы формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поискового отряда, а также основные принципы её формирования. Модель строится на аксиологическом, личностно-деятельностном и событийном подходах. Обоснование выбранных подходов вытекает из процессуальных особенностей формирования гражданской идентичности и специфики деятельности поискового отряда.

Содержательный компонент отражает само понятие «гражданская идентичность» и его структурные компоненты. Определение гражданской идентичности будущего учителя представлено нами выше. С опорой на анализ, представленный И.Б. Байхановым [2], В.Н. Ефименко [5] и Х.А.С. Халадовым [11], в структуре гражданской идентичности будущего учителя удалось выделить ценностно-мотивационный, когнитивный и деятельностно-трансляционный компоненты.

Ценностно-мотивационный компонент включает в себя чувство принадлежности к многонациональному российскому социуму, любовь к природе родного края, чувство принадлежности к своему этносу, патриотизм, принятие ценности другой личности, желание участвовать в общественно-политической жизни страны, готовность личности осуществлять деятельность в интересах и во благо общности и государства. Ценностно-мотивационный компонент строится вокруг положительного отношения к своей стране, ее истории, народу и т.д. Данный компонент содержит те ценностные ориентации, которые приводят к личностно-значимому отождествлению с определенной общностью. Мотивационное наполнение компонента состоит в том, что сформированные ценности выступают в качестве ключевого мотива дальнейшей деятельности.

Когнитивный компонент представляет собой систему знаний законов государства, знаний о народах России, знание основных исторических событий, признание целостности России, уважение ценности семьи, культуры народов России и истории своей страны. Формируемые знания способствуют лучшему пониманию не только исторических, культурных и социально-экономических аспектов жизни государства и общества, но и феномена гражданской идентичности, в частности. Эти знания служат основой для осознания значимости и необходимости формирования и укрепления гражданской идентичности не только для собственной личности, но и в рамках будущей педагогической деятельности.

Деятельностно-трансляционный компонент отражает специфику педагогической деятельности и предполагает умения осуществлять трансляцию необходимых знаний, осуществлять проектирование ценностно-ориентированной образовательной среды.

Процессуально-деятельностный компонент модели представляет собой совокупность организационных форм, методов и средств формирования гражданской идентичности будущего учителя в ходе деятельности поискового отряда.

Организационные формы в рассматриваемой модели представлены, в основном, во внеаудиторной деятельности, что определяется спецификой поисковой деятельности, не включенной напрямую в образовательный процесс вузов. Организационные формы будут соответствовать ключевым направлениям деятельности поисковых отрядов.

В рамках учебной деятельности в педагогическом вузе организационные формы фор-

мирования гражданской идентичности в ходе деятельности поисковых отрядов включают тематические лекции по истории Великой Отечественной войны, ценностно-смысловые дискуссии, круглые столы, тренинговые занятия, семинары с элементами проблемного изложения и т.д.

Внеаудиторная деятельность строится на ведущих направлениях поисковой работы и включает в себя следующие организационные формы: поисковые археологические экспедиции, поисковые церемонии (например, торжественное захоронение останков бойцов Красной армии), акции, мастер-классы, тематические выставки, уроки мужества, встречи, экскурсии, проектные группы, просветительские мероприятия, встречи и т.д. Многообразие организационных форм обусловлено тем, что при активном включении студента в подготовку и реализацию деятельности поискового отряда на каждом этапе происходит воздействие на конкретные компоненты гражданской идентичности.

В рамках реализации предложенных выше организационных форм предполагается реализация следующих методов формирования гражданской идентичности: биографического метода, беседы, рассказа, интервью, обсуждения, тренинговых упражнений, изучения и анализа научной и исторической литературы, критического анализа архивных документов, проектного метода.

В рамках разработанной модели применяются следующие средства, которые можно разделить на большие группы: материально-технические средства (оборудование для археологических раскопок, инвентарь для благоустройства полевого лагеря, музейные экспонаты и т.д.); дидактические и информационные средства (архивные документы, картотеки, базы данных, личные документы бойцов и офицеров Красной армии, методическая литература по поисковой деятельности); коммуникативные средства (публичные выступления, неформальное общение между поисковиками).

Результативно-оценочный компонент модели выполняет оценочную функцию. По итогу реализации модели необходимо зафиксировать качественные изменения в уровне сформированности гражданской идентичности будущих учителей. В связи с этим результативно-оценочный компонент включает в себя: критерии сформированности гражданской идентичности, уровни сформированности гражданской идентичности, конечный результат — достаточный уровень сформированности гражданской идентичности.

Поскольку оценить уровень сформированности гражданской идентичности можно, опираясь на структурные компоненты гражданской идентичности, то и критерии для их определения будут соответствовать выделенным в исследовании компонентам. Уровни сформированности гражданской идентичности в разработанной модели представлены в классической вариации: низкого, среднего, высокого.

Важным для применения разработанной модели формирования гражданской идентичности будущего учителя в ходе деятельности поискового отряда является выявление и определение педагогических условий её эффективной реализации. В ходе исследования нами были выявлены следующие педагогические условия реализации представленной модели: организация эмоционально-ценностной аттракции будущих учителей к важным историческим событиям России в ходе архивно-поисковой работы; участие будущих учителей в интегративной просветительской и научно-исследовательской деятельности; организация профессиональной деятельности участников поискового отряда с распределением социально-профессиональных позиций.

Заключение

Формирование гражданской идентичности будущих учителей является одним из актуальных научных направлений. Действенными возможностями в данном ключе обладает поисковый отряд. Деятельность поискового отряда вызывает эмоциональный отклик его участников, способствует более интенсивному формированию чувства сопричастности к своей стране, осознания общности народа. Для обеспечения целенаправленного и последовательного формирования гражданской идентичности будущих учителей необходимо моделирование данного процесса. В результате исследования была разработана модель формирования гражданской идентичности будущих учителей в ходе деятельности поис-

кового отряда, состоящая из целевого, теоретико-методологического, содержательного, процессуального и результативно-оценочного компонентов.

Литература

1. Асмолов А.Г., Карабанова О.А., Гусельцева М.С. Формирование гражданской идентичности как ключевая задача образования и социокультурной модернизации России. — М.: Федеральный институт развития образования, 2012. — 252 с. EDN: JTFEOP
2. Байханов И.Б. Гражданская идентичность учителя в условиях информационного общества // Преподаватель XXI век. — 2024. — № 4. — Ч. 1. — С. 63-76. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-63-76 EDN: HQXXKU
3. Бугаева А.С. Формирование гражданской идентичности студенческой молодежи в процессе обучения в вузе // Современные подходы в противодействии терроризму и экстремизму: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции (БФУ им. И. Канта, 26-28 октября 2023 г.). — Калининград, 2023. — С. 27-33. EDN: UMFVYV
4. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. — 2010. — № 5-6 (43-44). — С. 140-142. EDN: VZZOQD
5. Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия "Гражданская идентичность" // Теория и практика общественного развития. — 2013. — №11. — С. 250-254. EDN: RRUAXR
6. Кожанов И.В. Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования: дис.... д-ра пед. наук: 13.00.01. — Уфа, 2018. — 463 с. EDN: KOLXMT
7. Краснов Е.В. Теоретические подходы к пониманию гражданской идентичности обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — №62-1. — С. 164 — 167. EDN: VVGZQA
8. Лодатко Е.А. Типология педагогических моделей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. — 2014. — №1(16). — С. 126-128. EDN: SEDONR
9. Морковкин В.В., Дубаков А.В. Поисковый отряд и его роль в формировании гражданской идентичности будущих учителей // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2025. — №4(68). — С. 100-106. DOI: 10.52772/25420291_2025_4_100 EDN: KZZAWM
10. Потемкин А.С. Метод изучения проявления российской гражданской идентичности. — М.: Издательские решения, 2022. — 62 с.
11. Халадов Х.А.С., Ходырев А.М., Головина И.В. Специфика гражданской идентичности студентов — будущих педагогов и отечественные практики ее формирования в условиях академической мобильности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2024. — №3(44). — С. 228-236. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-228-236 EDN: IMTVOT

«DIGITAL CAMP» AND «DIGITAL ABUNDANCE» IN EDUCATION: IDENTIFYING A POTENTIAL SCENARIO USING CONTRASTIVE ANALYSIS

Neborsky Egor Valentinovich, *DSc of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Research Center for Predictive Research in Education, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod (Russia)*

Digital transformation policy and related pedagogical practice can be conceptually expressed as two diametrically opposed sets of views on the processes themselves and the ways of their implementation — "digital camp" and "digital abundance". The aim of this study was to characterize a potential scenario for the development of digital transformation in education using the method of contrastive analysis, which was substantiated and tested for the first time in predictive studies in the field of education in this article. The predictive and systemic approaches served as the methodological basis. As a result of the study, the phenomena of "digital camp" and "digital abundance" were presented as concepts of digital transformation in education (educational policy and pedagogy). The leading idea in the concept of "digital camp" is the idea of centralization; the basic principles are security, standardization, secrecy; the methods and means of implementation are filters, evaluation, exclusion, limitation. The leading idea in the concept of "digital abundance" is the idea of decentralization; the basic principles are choice, diversity, openness; The methods and means of implementation are network, exchange, addition, and expansion. The key parameters for the contrastive analysis procedure were: platforms (the basic infrastructure of digitalization), data (the "raw material" of digitalization), access (coverage), and tools (user tools). The analysis revealed the following predictors: the degree of openness of the educational platform APIs; user data policy; the degree of pedagogical autonomy and the breadth of choice of digital resources and solutions; and investment direction. A potential development scenario for the next decade has been formulated, expressed as a "70/30" model, where, while two concepts coexist, the "digital camp" concept will prevail. The most pressing issue for the next decade appears to be the issue of user data policy.

Keywords: *digital camp; digital abundance; digitalization of education; predictive approach; contrastive analysis method; predictors; predictive research; predictive research in pedagogical science.*

EDN: WQBGBY **DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.60**

Цитировать: *Неборский Е.В. «Цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» в сфере образования: выявление потенциального сценария методом контрастивного анализа // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 448–455. EDN: WQBGBY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.60*

УДК 378
5.8.1

© Неборский Е.В. , 2026

«ЦИФРОВОЙ ЛАГЕРЬ» И «ЦИФРОВОЕ ИЗОБИЛИЕ» В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СЦЕНАРИЯ МЕТОДОМ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА

Политика цифровой трансформации и связанная с ней педагогическая практика, могут быть концептуально выражены в виде двух диаметрально противоположных совокупностей взглядов на сами процессы и способы их реализации — «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие». Цель исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать потенциальный сценарий развития цифровой трансформации в сфере образования, используя метод контрастивного анализа, который был обоснован и впервые апробирован в прогностических исследованиях в сфере образования в данной статье. В качестве методологической основы выступают прогностический и системный подходы. В результате исследования явления «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» представлены как концепции цифровой трансформации в сфере образования (образовательной политике и педагогике). В качестве ведущей идеи в концепции «цифровой лагерь» выступает идея централизации; базовыми принципами являются безопасность, стандартизация, закрытость; способами и средствами реализации — фильтры, оценка, исключение, ограничение. В качестве ведущей идеи в концепции «цифровое изобилие» выступает идея децентрализации; базовыми принципами выступают возможность выбора, разнообразие, открытость; способами и средствами реализации — сеть, обмен, добавление, расширение. В качестве ключевых параметров для проведения процедуры контрастивного

анализа были определены: платформы (базовая инфраструктура цифровизации), данные («сырье» цифровизации), доступ (широта охвата), инструменты (средства для пользователя). В результате анализа выявлены следующие предикторы: степень открытости API образовательных платформ; политика в отношении пользовательских данных; степень педагогической автономии и широты выбора цифровых ресурсов, цифровых решений; направление инвестиций. Сформулирован потенциальный сценарий развития на ближайшее десятилетие, который выражается в виде модели «70/30», где при одновременном сосуществовании двух концепций будет преобладать концепция «цифрового лагеря». Наиболее острой проблемой на ближайшее десятилетие представляется проблема политики в отношении пользовательских данных.

Ключевые слова: *цифровой лагерь; цифровое изобилие; цифровизация образования; прогностический подход; метод контрастивного анализа; предикторы; прогностические исследования; прогностические исследования в педагогической науке.*

НЕБОРСКИЙ Егор Валентинович, *доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, заведующий научно-исследовательским центром прогнозных исследований в сфере образования, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород (Россия)*
SPIN-код 2675-9322
ORCID ID 0000-0002-8995-9802
ResearcherID N-2352-2016

Введение

Цифровая экономика, являясь третьей социально-экономической формой, после сельскохозяйственной и промышленной, становится движущей силой для изобретений, экспериментов и инноваций [13], а процессы цифровизации затрагивают практически все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и образования. Особенно актуально это стало в период пандемии COVID-19 [2], поскольку наличие самих цифровых ресурсов еще не означает их интеграцию в учебный процесс [9].

В современных условиях стремительной цифровизации изобилие цифровых ресурсов и информации становится макроуровневым явлением, т.е. внешним состоянием, которое само по себе не является ни положительным, ни отрицательным [14]. Многое зависит от действий конкретного человека, его намерений, навыков работы с данными, критического мышления и понимания контекста.

В то же время, некоторые исследователи выдвигают гипотезу о цифровой коммуникативной капитализации, когда такое изобилие целенаправленно используется некоторыми акторами с целью получения внимания и, как следствия, прибыли [8]. В сфере образования цифровое изобилие ресурсов часто приводит к тому, что они начинают меньше использоваться учениками (особенно, в области математики и естественных наук) [10], поскольку время и внимание являются ограниченными ресурсами. И такое изобилие приводит к «размыванию» образовательного процесса, критериев его качества.

Цифровые инструменты дают возможность фиксировать цифровые следы учеников [11], собирать аналитику [12], вести наблюдение в реальном времени. С одной стороны, такие достижения позволяют персонализировать обучение, делая его более доступным и качественным. С другой стороны, высказываются опасения, что такая стремительная цифровизация является «надзорным капитализмом», выгодоприобретателем которого становятся крупные ИТ-компании [15], а сами участники педагогического процесса, как показывают опросы, сообщают о подрыве доверия, увеличению перформативного поведения [7]. Усугубляется положение вещей утечками персональных данных учеников [6].

Таким образом в процессе цифровой трансформации можно наблюдать два противоположных друг другу явления, которые могут быть сформулированы в виде концепций: «цифровой лагерь» (с условно негативной коннотацией) и «цифровое изобилие» (с условно позитивной коннотацией). Цель данного исследования — охарактеризовать потенциальный сценарий развития цифровой трансформации в сфере образования, используя метод контрастивного анализа.

В качестве методологической основы для стратегического анализа двух явлений, выраженных в концепциях «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие», взят прогностический подход, рассматривающий объект (или

явление), как развивающийся, трансформирующийся [3; 4]; а также системный подход, позволяющий анализировать информацию в ее системном представлении [1; 5].

Методом исследования выступает метод контрастивного анализа. Метод контрастивного анализа в прогностике представляет собой метод сопоставления двух противоположных по своей сути или форме явлений, сравнение на контрасте, с целью выявления предикторов, позволяющих спрогнозировать развитие явления в одном или ином направлении. В теоретическом плане результаты, полученные с помощью метода контрастивного анализа, могут дать набор данных, который позволяет формировать адекватную стратегию действий с целью избегания интерференции, т.е. смешивания параметров из разных явлений. Например, декларируется цель «цифрового изобилия», но создается фильтр в виде обязательной экспертной оценки, т.е. цель не может быть изначально достигнута по причине того, что фильтр, как параметр, характерный для «цифрового лагеря», будет унифицировать данные и ограничивать доступ для альтернативной информации или решениям, которые могут быть отнесены к не-экспертным, следовательно, использование фильтра будет сокращать количество потенциальных вариантов, т.е. разнообразия и изобилия.

Процедура применения метода контрастивного анализа выглядит следующим образом: а) выбираются два противоположных по своей сути или форме явления (объекта); б) осуществляется общий анализ с целью формирования концептуальных основ самих явлений (объектов) и их формулировка; в) происходит отбор ключевых параметров, позволяющих сопоставлять характеристики двух явлений (объектов); г) осуществляется процедура контрастивного анализа — процесс поиска различий (в ходе анализа могут обнаруживаться и пересекающиеся характеристики, но они не могут быть абсолютно сходными; сами сходства являются показателем ошибки отбора явлений (объектов), т.е. выбранные явления (объекты) не противоположны по своей сути или форме и выборка является неудачной); д) на основе полученных данных выявляются предикторы, позволяющие спрогнозировать изменения, охарактеризовать их.

Научной новизной данного исследования выступили: а) впервые сформулирован и апробирован метод контрастивного анализа в прогностических исследованиях в сфере образования; б) явления «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» представлены как концепции цифровой трансформации в сфере образования (образовательной политике и педагогике) и даны их характеристики, выявленные по определенным параметрам; в) выявлены предикторы, позволяющие прогнозировать по возникающим изменениям дальнейшее развитие образовательной политики и педагогических практик; г) разработан прогнозный сценарий развития сферы образования в условиях цифровой трансформации на ближайшие 10 лет.

«Цифровой лагерь» и «цифровое изобилие»: концепции цифровой трансформации в сфере образования

Концепция как система взглядов, определяющая общую стратегию действий, как правило, содержит ведущую идею, базовые принципы, способы и средства реализации идеи. Процессы цифровой трансформации, политика цифровизации и связанная с ней педагогическая практика, могут быть концептуально выражены в виде двух диаметрально противоположных совокупностей взглядов на сами процессы и способы их реализации — «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие».

В качестве ведущей идеи в концепции «цифровой лагерь» выступает идея централизации, базовыми принципами — *безопасность, стандартизация, закрытость*, а способами и средствами реализации — *фильтры, оценка, исключение, ограничение*. В сфере цифрового образования это выражается через усиление контроля за образовательной деятельностью, централизованное управление контентом и платформами, в том числе принудительное навязывание других сервисов в рамках собственной экосистемы, стандартизацию образовательных маршрутов и траекторий, их типизацию и профилизацию, экспертную фильтрацию контента, ограничение доступа к альтернативным платформам и контенту, приоритет безопасности со всеми вытекающими последствиями в виде различных барьеров, требований как можно большего количества персональных данных.

В качестве ведущей идеи в концепции «цифровое изобилие» выступает идея децентрализации, базовыми принципами — *возможность выбора, разнообразие, открытость*, а способами и средствами реализации — *сеть, обмен, добавление, расширение*. В сфере цифрового образования это выражается через открытый доступ к различным, в том числе конкурирующим между собой цифровым платформам и ресурсам, децентрализации и персонализации обучения, в свободе выбора и доступа к различным цифровым ресурсам и контенту, необходимости постоянного обучения новым навыкам или освоению новых программ, интерфейсов, функций, расширению возможностей для творчества в учебном процессе.

Технологический и педагогический контекст

Для проведения процедуры контрастивного анализа необходимо определить базовые параметры, по которым можно было бы осуществлять сопоставление. Параметров не обязательно должно быть много, но они должны быть ключевыми, отражать суть (структуру, функции) исследуемого явления. Реализация концепций «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» завязана на целях и тех инструментах, с помощью которых они воплощаются. Как бы парадоксально это ни прозвучало, фигура «пользователя» в них оказывается в роли объекта воздействия. Именно поэтому в качестве ключевых параметров были выбраны: платформы (базовая инфраструктура цифровизации), данные («сырье» цифровизации), доступ (широта охвата), инструменты (средства для пользователя). Результаты контрастивного анализа представлены в таблице.

Таблица — **Сопоставление концепций «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» в образовании по ключевым параметрам**

Параметр	«Цифровой лагерь»	«Цифровое изобилие»
Платформы	Единая закрытая экосистема, единый ресурс	Множество совместимых платформ, ресурсов
Данные	Обязательный сбор (иногда скрытый), контроль, хранение	Защита приватности, право на забвение
Доступ	Ограниченный, фильтруемый	Открытый, наличие «путеводителей», дополнительной информации
Инструменты	Стандартизированный набор	Разнообразный набор, в зависимости от потребностей

С точки зрения педагогического контекста, реализация концепций «цифрового лагеря» и «цифрового изобилия» выглядит следующим образом.

«Цифровой лагерь»: а) педагог выступает в роли контролера и исполнителя предписаний (учебно-методические материалы уже существуют, нужно только соблюдать правила их использования); б) обучение сводится к выполнению стандартизированных заданий (учебные задания проверены «экспертным» фильтром); в) возрастает роль формальных показателей, правил, норм, ритуалов (важно не то, «что» делать, а важно «как» делать); г) снижение мотивации как со стороны педагогов (нет возможности проявить навыки творческой деятельности), так и со стороны студентов (повторяемость, однообразие, предсказуемость).

«Цифровое изобилие»: а) педагог выступает в роли фасилитатора и навигатора (функция «старейшины» в племени, у которого есть опыт или навыки «ориентирования»); б) персонализация и, как следствие, более высокий уровень вовлеченности (в разнообразии учебный материал, режим и формат его освоения будет более адресным); в) стимулирование навыков самоорганизации и обучения в течение жизни (разнообразие является триггером для освоения нового — материала, интерфейса и функционала платформы); г) проектная деятельность и исследовательское обучение (в условиях разнообразия стандартные схемы работают все хуже, а для обучения в таких условиях требуются навыки поиска, анализа, работы с информацией, в том числе на оценку ее достоверности).

Предикторы и риски развития

Процедура выявления предикторов выглядит следующим образом: а) по выбранным ключевым для процесса цифровой трансформации в сфере образования параметрам был осуществлен контрастивный анализ и выявлены различия в характеристиках между концепциями «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» в образовании; б) на основе полученных результатов контрастивного анализа

по каждому параметру определяется сигнал, т.е. обобщенная характеристика проявления параметра, которая дает основания для отнесения явления к первой или второй концепции; в) на основе *сигнала* формулируется *предиктор*, как конкретизированная форма, через которую проявляется характеристика, дающая основание отнести ее к первой или второй концепции.

Например, в качестве первого параметра для контрастивного анализа был выбран ключевой для процесса цифровой трансформации параметр — «платформы». Цифровые платформы представляют собой базовую инфраструктуру цифровой среды и их наличие или отсутствие характеризует сам процесс цифровизации. На осное контрастивного анализа выявлены различия в характеристиках между концепциями «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» в образовании: «единая закрытая экосистема, единый ресурс» и «множество совместимых платформ, ресурсов». Обобщенной характеристикой проявления параметра в практике в данном случае является потенциал сохранения единства или разнообразия. Потенциал в данном случае является сигналом. Конкретизированной формой воплощения потенциала (сохранения единства или разнообразия), является степень открытости/закрытости платформы, точнее ее API (аббр. от англ. application programming interface — дословно интерфейс программирования приложения). Таким образом, предиктором в данном случае будет степень открытости API образовательных платформ.

По результатам анализа были выявлены следующие предикторы:

— *степень открытости API образовательных платформ* (этот показатель дает основания для отслеживания развития политики в сфере цифровой трансформации, поскольку главная задача API помогать разным системам и программам «безбарьерно» обмениваться данными, следовательно, чем выше открытость, тем проще пользователю использовать множество различных функций и сторонних платформ, т.е. важен здесь не сам «поставщик» информации, а удобство «пользователя»);

— *политика в отношении пользовательских данных* (чем более строгим и требовательным является сбор данных, вплоть до обязательного входа через биометрию, специальный мессенджер или по паспортным данным и при этом не гарантируется их сохранение, тем выше вероятность развития «цифрового лагеря», чем меньше требований к «пользователю», у которого по факту есть право на забвение и соблюдения принципа «экономии данных», т.е. возможность вообще отказаться от использования цифрового продукта, тем выше проявления «цифрового изобилия»);

— *степень педагогической автономии и широты выбора цифровых ресурсов, цифровых решений* (степень педагогической автономии и возможности выбора самых разнообразных цифровых ресурсов и решений, фактического доступа к ним также свидетельствует о смещении политики в одну или другую сторону);

— *направление инвестиций* (если инвестиции идут на ограничение других ресурсов и на создание или усиление одного ресурса, а также инфраструктуры, следовательно по таким инвестициям можно сделать вывод о том, что политика направлена на реализацию «цифрового лагеря»; если инвестиции идут на создание качественного и разнообразного контента и цифровых инструментов, которые могут размещаться на конкурирующих между собой платформах, следовательно, можно говорить о том, что политика направлена на реализацию «цифрового изобилия»).

Важно отметить, что обе концепции («цифровой лагерь» и «цифровое изобилие»), на которых формируется образовательная политика и педагогическая практика, содержат ряд рисков.

Риски при реализации «цифрового лагеря»: а) цифровое неравенство (кто контролирует ресурс — тот принимает решение о доступности); б) потеря или значительная утрата разнообразия (любое разнообразие, в том числе культурное, является невостребованным); в) снижение общего уровня критического мышления (когда есть один контент, одна платформа, одна экосистема, нет необходимости в поиске, анализе, адаптации и перестройке); г) стимулирование конформизма (контент «упаковывается» по одним и тем же правилам и схемам); д) технологическая зависимость от монополистов (пользователь находится в прямой зависимости от владель-

ца цифрового ресурса и от того контента и возможностей, которые существует на этом ресурсе, платформе).

Риски при реализации «цифрового изобилия»: а) перегрузка от информационного шума и дезориентация (пользователь вынужден анализировать большой объем информации, ему сложно оценивать разные ресурсы и решения, это провоцирует усталость); б) размывание контуров качества образования (в многообразии критериев сложно определить вес каждого из них); в) проблема верификации источников (эффект Вузла, ложные данные нейросетей, квалификация автора источника); г) усиление разрыва между мотивированными и немотивированными учениками (немотивированным становится все сложнее в бесконечной «гонке», в «шумном» разнообразии).

Потенциальный сценарий развития

Из-за технических ограничений по объему излагаемого материала, определяющегося спецификой научной статьи, как разновидности представления результатов исследования, конкретно в данной статье сценарий будет сформулирован в очень сжатом виде, но все же даст возможность сформировать общие представления и логику изложения материала.

Алгоритм выглядит следующим образом. На основе предикторов (степень открытости API образовательных платформ; политика в отношении пользовательских данных; степень педагогической автономии и широты выбора цифровых ресурсов, цифровых решений; направление инвестиций) анализируется общая ситуация и разрабатывается вероятностный сценарий развития. Такой сценарий может быть разработан для страны или конкретной географической локации и даже образовательной организации.

Сценарий прописывается на основе прогнозной модели на период ближайших 10 лет (т.е. период до 2035 г.). Модель состоит из двух частей — противоположных друг другу концепций, где определяется соотношение одной части к другой, на контрасте, поскольку человечество живет не в вакууме, а развитие событий определяется конфликтом и противоречиями, т.е. в образовательной практике одновременно реализуются и концепция «цифрового лагеря», и концепция «цифрового изобилия» как результат действий разных заинтересованных социальных групп (стейкхолдеров). Кроме того, окончательной «победы», как некой точки кульминации, где фиксируется раз и навсегда одна из концепций — не существует. Метод контрастивного анализа направлен на определение вероятности преобладания одной концепции над другой, как одновременно сосуществующих в реальности.

В данном случае, модель будет выражена как «70/30», где вероятность развития сценария «цифрового лагеря» составляет 70%, а вероятность «цифрового изобилия» 30%. Это определяется следующими соображениями: а) степень открытости API образовательных платформ пока находится на невысоком уровне, поскольку сами ресурсы концентрируются, скорее, внутри закрытых экосистем, т.е. «открытость» «территориально» ограничивается всеми доступными способами; политика открытого доступа и открытого исходного кода хотя и существует, но манипулятивно обходится крупными цифровыми компаниями; б) политика в отношении пользовательских данных является самым слабым звеном в практике цифровой трансформации, вне зависимости от того, регулируется повестка государством или частными компаниями; это «ахиллесова пята» современного этапа цифровизации — от скрытого сбора персональных данных и сбора материалов для обучения искусственного интеллекта, до предоставления пользователям самостоятельно нарушать собственную приватность (например, регулярное размещение фотографий собственных детей в социальных сетях); в) степень педагогической автономии и широты выбора цифровых ресурсов, цифровых решений часто определяется институциональной принадлежностью; многие цифровые ресурсы не создают «качественной» конкуренции на данном этапе цифровой трансформации, т.е. функциональное и содержательное различие неглубоко по природе своей, что связано с общими трендами («модой»), запросами пользователей, а также «засорением» информационного пространства текстами, созданными нейросетями, на которых они же и обучаются в дальнейшем (метафорически это можно представить как «ксерокопию с ксерокопии»);

г) направление инвестиций в подавляющем большинстве случаев пока все еще направлено на развитие инфраструктуры во многих уголках мира и в этом смысле процесс цифровой трансформации еще находится, скорее, на технологическом этапе развития.

«Черными лебедями», т.е. потенциально возможными, но неожиданными событиями, могут выступить — локальные военные конфликты в Европе и Юго-Восточной Азии с разрушением инфраструктуры в период конца 2020-х гг. — начала 2030-х гг.; еще более глубокий энергетический кризис и провал зеленой экономики. Такие факторы спровоцируют переход инвестиций в инфраструктуру, экономию ресурсов с их концентрацией, а сфера образования будет недополучать необходимых средств и мер поддержки.

Заключение

Метод контрастивного анализа, как сопоставление двух противоположных по своей сути или форме явлений, в области прогностики, позволяет не только структурно представить характеристику самих явлений, но и дает возможность таким образом выявлять предикторы, позволяющие спрогнозировать развитие явления в одном или ином направлении. Кроме того, данные, получаемые с его помощью, помогают формировать адекватную стратегию действий. Концептуальное обоснование таких явлений, как «цифровой лагерь» и «цифровое изобилие» в сфере образования, дает возможность более глубокого понимания самих явлений, позволит избегать интерференции, подмены понятий, поскольку в цифровой политике, вне зависимости от того, в какой плоскости она реализуется (в государственной или коммерческой), показатели из разных концепций зачастую смешиваются; сами же концепции одновременно реализуются в образовательной практике и какая-либо из них окончательно не фиксируется в качестве «победителя».

Выявленные в результате исследования предикторы также дают возможность для отслеживания изменений в протекающих процессах цифровой трансформации и позволяют прогнозировать вероятность преобладания той или иной концепции, в зависимости от того, как именно в практике реализуются выявленные параметры (степень открытости API образовательных платформ; политика в отношении пользовательских данных; степень педагогической автономии и широты выбора цифровых ресурсов, цифровых решений; направление инвестиций). Наиболее острой проблемой на ближайшее десятилетие представляется проблема политики в отношении пользовательских данных.

Литература:

1. Блауберг И.В., Садовский Ю.Н., Юдин Э.Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. — М.: Знание, 1969. — 48 с.
2. Захарова У.С., Вилкова К.А., Егоров Г.В. Этому невозможно обучить онлайн: прикладные специальности в условиях пандемии // Вопросы образования. — 2021. — №1. — С. 115–137. — DOI 10.17323/1814-9545-2021-1-115-137. — EDN XZFFLV.
3. Неборский Е.В. Прогностический подход: анализ тенденций, потенциала и рисков в образовании // Антропологическая дидактика и воспитание. — 2025. — Т. 8, №6. — С. 64–80. — EDN PGATMG.
4. Неборский Е.В. Прогностический подход к исследованию образования: анализ и интерпретация // Ценности и смыслы. — 2024. — №2(90). — С. 81–96. — DOI 10.24412/2071-6427-2024-2-81-96. — EDN PZYKCJ.
5. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. — М.: Наука, 1978. — 390 с.
6. Alier M., Guerrero M. J. C., Amo D., Severance C., Fonseca D. Privacy and E-Learning: A Pending Task // Sustainability. — 2021. — Vol. 13(16). — 9206. — DOI 10.3390/su13169206
7. Calderwood S.J. Surveillance Digitisation, Performativity, and Teacher-Student Relationships in a Blended Learning Setting // Postdigital Science and Education. — 2026. — Vol. 8. — P. 500–524. — DOI 10.1007/s42438-024-00537-6.
8. Gavra D.P., Dekalov V.V. Digital communicative capitalization in the age of platforms and communicative abundance // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. — 2023. — Vol. 28, No. 4. — P. 734-740. — DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-4-734-740. — EDN KOJATN.
9. Jeong D., Moon H.-S., Jeong S., Moon C. Digital capital accumulation in schools, teachers, and students and academic achievement: Cross-country evidence from the PISA 2018 // International Journal of Educational Development. — 2024. — Vol. 107. — 103024. — DOI 10.1016/j.ijedudev.2024.103024
10. Joshi D., Khanal J., Chapai K. P. S., Adhikari K. The impact of digital resource utilization on student learning outcomes and self-efficacy across different economic contexts: A comparative analysis of PISA, 2022 // International Journal of Educational Research Open. — 2025. — Vol. 8. — 100443. — DOI 10.1016/j.ijedro.2025.100443.

11. Micheli M., Lutz C., Büchi M. Digital footprints: an emerging dimension of digital inequality // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. — 2018. — Vol. 16, No. 3. — P. 242–251. DOI 10.1108/JICES-02-2018-0014.
12. Oliva-Córdova L., Tohom M., Cruz R., Martín-Núñez J. Application of learning analytics in medical education: Enhancing student digital competences within the STEAM framework // International Journal of Educational Research Open. — 2025. — Vol. 9. — 100511. — DOI 10.1016/j.ijedro.2025.100511.
13. Pan W., Xie T., Wang Z., Ma L. Digital economy: An innovation driver for total factor productivity // Journal of Business Research. — 2022. — Vol. 139. — P. 303–311. — DOI 10.1016/j.jbusres.2021.09.061.
14. Volk S., Schulz A., Blassnig S., Marschlich S., Nguyen M. H., Strauß N. Selecting, avoiding, disconnecting: a focus group study of people's strategies for dealing with information abundance in the contexts of news, entertainment, and personal communication // Information, Communication & Society. — 2025. — Vol. 28(1). P. 21–40. DOI 10.1080/1369118X.2024.2358167.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — New York: Public Affairs, 2019. — 704 p.

PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF DEVELOPING STUDENTS' MEDIA LITERACY THROUGH HUMANITIES EDUCATION

Sopiga Vyacheslav Anatolievich, *PhD of Agricultural sciences, Associate Professor*

Granina Natalya Feodosyevna, *senior lecturer*

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg (Russia)

In the context of the digital transformation of all spheres of public life, the problem of developing media literacy among students is becoming particularly relevant. The article presents a theoretical justification and practical development of approaches to fostering media literacy among students of humanities disciplines as a key component of their professional training and personal development in the modern information society. The study focuses on the theoretical foundations of media literacy, its structure and functions. Special attention is paid to the analysis of the pedagogical potential of humanities disciplines in fostering critical thinking, the ability to analyze and evaluate media content, and skills in countering disinformation. Based on the assessment of empirical data regarding the level of media literacy among students in the 1st–3rd years, a positive trend in the learning process was identified, along with problem areas that require pedagogical intervention. In conclusion, options for integrating a media education component into the content of humanities disciplines are proposed, including the introduction of special sections, separate courses, and practice-oriented training sessions; the key role of the teacher as a holder of media competence and a transmitter of media culture is also substantiated.

Keywords: *media literacy; humanities education; media competence; critical thinking; disinformation; media education; students; higher education; pedagogical foundations of media literacy development.*

EDN: XJENVH ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.61***

Цитировать: *Сопига В.А., Гранина Н.Ф. Педагогические основы формирования медиаграмотности обучающихся средствами гуманитарного образования // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 456–463. EDN: XJENVH. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.61*

УДК 378.147
5.8.7

© Сопига В.А., Гранина Н.Ф., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

СОПИГА Вячеслав Анатольевич, *кандидат сельскохозяйственных наук, доцент*

ORCID: 0000-0003-4925-9921

ГРАНИНА Наталья Феодосьевна, *старший преподаватель*

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург (Россия)

В условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни проблема формирования медиаграмотности обучающихся приобретает особую актуальность. В статье представлены теоретическое обоснование и практическая разработка подходов к формированию медиаграмотности обучающихся гуманитарных специальностей как ключевого компонента их профессиональной подготовки и личностного становления в условиях современного информационного общества. В фокусе исследования стоят теоретические основы медиаграмотности, её структура и функции. Особое внимание уделяется анализу педагогического потенциала гуманитарных дисциплин в формировании критического мышления, способности к анализу и оценке медиаконтента, навыков противодействия дезинформации. По результатам оценки эмпирических данных относительно уровня медиаграмотности студентов 1-3 курсов, удалось установить положительную динамику в процессе обучения, а также проблемные зоны, требующие педагогического вмешательства. В заключение предложены варианты интеграции медиаобразовательного компонента в содержание гуманитарных дисциплин, включая введение специальных разделов, отдельных курсов и практико-ориентированных тренингов, а также обоснована ключевая роль преподавателя как носителя медиакомпетентности и транслятора медиакультуры.

Ключевые слова: *медиаграмотность; гуманитарное образование; медиакомпетентность; критическое мышление; дезинформация; медиаобразование; обучающиеся; высшая школа; педагогические основы формирования медиаграмотности.*

Введение

Современное общество находится в состоянии глубокой трансформации, обусловленной стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека. Глобальная информационная сеть, социальные медиа, цифровые платформы стали неотъемлемой частью повседневной реальности, предоставляя беспрецедентные возможности для доступа к информации, общения, образования и самореализации. Вместе с тем, информационное изобилие сопряжено с серьёзными рисками: распространением недостоверной и фальсифицированной информации, манипуляцией общественным сознанием, киберугрозами и деструктивным контентом [10].

В этих условиях особую значимость приобретает медиаграмотность — способность личности критически воспринимать, анализировать, оценивать и создавать медиаконтент в различных формах и на различных платформах [9; 12]. Медиаграмотность становится не просто желательным, а необходимым качеством современного человека, обеспечивающим его информационную безопасность и полноценное участие в жизни общества.

Особая ответственность за формирование медиаграмотности лежит на системе высшего образования, призванной готовить выпускников не только как профессионалов в узкой области, но и как полноценных граждан, способных ориентироваться в сложной информационной среде. В этом контексте гуманитарное образование обладает значительным потенциалом. Цели гуманитарного образования — формирование мировоззрения, нравственных ценностей, критического мышления, культуры межличностных отношений — напрямую коррелируют с задачами медиаобразования [3; 5]. Гуманитарные дисциплины (история, философия, социология, культурология, филология, лингвистика) по самой своей природе предполагают работу с текстами, их интерпретацию, анализ и критическую оценку, что составляет основу медиаграмотности [1].

Вместе с тем, анализ педагогической практики показывает, что потенциал гуманитарных дисциплин в формировании медиаграмотности используется далеко не в полной мере. Как правило, работа с медиатекстами носит фрагментарный, бессистемный характер, не ставит целенаправленных задач по развитию медиакритического мышления и навыков противодействия дезинформации. В связи с этим, целью данного исследования является теоретическое обоснование и практическая разработка подходов к формированию медиаграмотности обучающихся средствами гуманитарного образования в условиях современного информационного общества.

Понятие медиаграмотности эволюционировало от узкого понимания как способности пользоваться техническими средствами массовой коммуникации до многоаспектной компетенции, включающей когнитивные, эмоциональные, социальные и этические компоненты. В современной научной литературе медиаграмотность определяется как способность получать доступ к медиа, анализировать и оценивать медиаконтент с точки зрения его достоверности, целей создания и возможного влияния, создавать медиасообщения в различных формах и контекстах, а также рефлексировать собственное медиапотребление и его последствия [2; 7; 9; 10].

Структура медиаграмотности традиционно включает четыре группы навыков, выделенных в рамках модели, предложенной Рене Хоббс и развитой в работах других исследователей: доступ (доступ к медиаресурсам и поиск информации), анализ (критическая оценка содержания, источников и целей медиасообщений), оценка (формирование суждений о качестве и достоверности информации с учётом контекста), создание (продуцирование собственного медиаконтента) [11; 12]. Дополнительным компонентом выступает рефлексия — осознание собственного медиаповедения, его мотивов и последствий.

Актуализация проблемы медиаграмотности в системе высшего образования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, кардинальным изменением информационной среды: переходом от дефицита информации к её избытку, доминированием цифровых платформ, ростом значимости социальных медиа как источников новостей и формирования общественного мнения [5]. Во-вторых, возрастанием масштабов дезинформации и фейковых новостей, что подтверждается многочисленными соци-

ологическими исследованиями. По данным открытых интернет-источников, свыше 90% респондентов из числа граждан России хотя бы однократно сталкивались с недостоверными сведениями, распространяемыми через различные цифровые платформы и медиаканалы [1]. В-третьих, осознанием того, что медиаграмотность является необходимым условием информационной безопасности личности и государства, а также полноценного участия граждан в демократических процессах [1; 10].

Гуманитарное образование представляет собой благоприятную среду для развития медиаграмотности в силу своей специфики. В научной литературе подчёркивается, что дисциплины гуманитарного профиля нацелены на развитие у студентов общекультурных и социально-ориентированных компетенций, освоение систематизированных историко-культурных знаний, приобретение опыта самостоятельной творческой деятельности, а также на воспитание нравственных ориентиров и формирование этических норм межличностного взаимодействия [3; 5]. Работа с различными видами текстов (историческими документами, философскими трактатами, художественной литературой, публицистикой) неизбежно требует от студентов умения анализировать источники, выявлять авторскую позицию, распознавать скрытые смыслы и манипулятивные приёмы.

Т.С. Жилинская подчёркивает, что фундаментализация гуманитарного образования предполагает включение в учебные программы «целостных концептуальных курсов», ориентированных на формирование элементов рационального мышления и представлений о современной научной картине мира [3]. В контексте информатизации общества это означает необходимость педагогической адаптации опыта медиатизации, накопленного человечеством, и включения его в содержание гуманитарных дисциплин. Особую значимость приобретает работа с массмедийным текстом, который, по определению Т.Г. Добросклонской, представляет собой «актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [1].

Интеграция медиаобразования в гуманитарное образование может осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, как включение медиаобразовательных элементов в содержание существующих дисциплин (например, анализ медиатекстов на занятиях по иностранному языку, социологии, культурологии). Во-вторых, как введение специальных курсов или модулей, посвящённых медиаграмотности (например, «Основы медиаграмотности», «Критический анализ медиа»). В-третьих, как реализация практико-ориентированных проектов и тренингов, направленных на формирование конкретных навыков работы с информацией [4; 10].

Ключевым условием эффективности этого процесса является уровень медиакомпетентности самого преподавателя. Как справедливо отмечает С.И. Симакова, от уровня сформированности медиакомпетентности педагога зависит его влияние на формирование медиакультуры обучающихся [8]. Преподаватель должен не только владеть теоретическими знаниями в области медиа, но и сам демонстрировать критическое отношение к информации, использовать современные медиаресурсы в образовательном процессе, быть готовым к обсуждению со студентами актуальных медийных проблем.

Методы и организация исследования

Для проверки теоретических положений и выявления реального уровня медиаграмотности студентов было проведено эмпирическое исследование на базе Уральского юридического института МВД России. Для достижения поставленных исследовательских целей была сформирована выборка из 60 обучающихся очного отделения, охватывающая 1, 2 и 3 курсы. Критерии отбора не предусматривали дифференциации по полу, возрасту или специальности. Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с декабря 2024 года по февраль 2025 года включительно с использованием метода неструктурированного интервью, исключающего предварительную подготовку вариантов ответов. Выбор данной процедуры обусловлен стремлением получить релевантные, нешаблонизированные ответы, объективно отражающие степень ин-

[1] Исследование: более 90% опрошенных россиян сталкивались с фейками. URL: https://ria.ru/20231214/feyki-1915671398.html

формированности студентов. Впоследствии массив полученных данных подвергся содержательной группировке с приведением к типизированным формулировкам, сохраняющим основную смысловую нагрузку первоначальных высказываний [9].

Студентам были заданы пять вопросов, направленных на выявление:

— уровня понимания базовых понятий медиасферы (вопрос 1);

— опыта столкновения с недостоверной информацией и способности её идентифицировать (вопрос 2);

— знакомства с понятием «медиаграмотность» (вопрос 3);

— мотивации к повышению уровня медиаграмотности (вопрос 4);

— предпочтительных форм интеграции медиаобразовательного компонента в учебный процесс (вопрос 5).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ полученных данных позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии медиаграмотности студентов и динамике её формирования в процессе обучения. Данные опроса позволяют установить:

— последовательный рост уровня осведомлённости студентов в отношении базовых категорий медийной сферы по мере перехода с младших на старшие курсы. Так, если на первом курсе лишь 45% опрошенных способны дать развёрнутое и корректное определение таким ключевым понятиям, как «медиа», «медиапространство» и «массмедиа», то к третьему курсу данный показатель достигает 75%. Это свидетельствует о том, что в процессе обучения, даже без специальных курсов, происходит естественное накопление знаний о медиасреде, что является благоприятной основой для целенаправленного формирования медиаграмотности;

— положительную динамику навыков распознавания фейков в процессе повышения медиаграмотности. Согласно проведенному опросу, 86,7% студентов неизбежно контактируют с недостоверными сведениями в медиасреде. Динамика самооценки навыков распознавания фейков выглядит обнадёживающей: показатель возрастает с 30% (1-й курс) до 65% (3-й курс). Однако 13,3% респондентов полностью отрицают возможность верификации информации, а 41,7% — испытывают с этим серьёзные трудности, что свидетельствует о существовании значительной проблемной зоны, требующей адресной педагогической коррекции;

— устойчивую динамику роста уровня понимания понятия медиаграмотности: с 35% на 1 курсе до 80% обучающихся на 3 курсе, что определяет необходимость целенаправленной просветительской работы с первого курса обучения;

— высокую степень внутренней мотивации студентов к развитию данного компонента своей компетентности, что является важнейшим условием успешности педагогических воздействий;

— отсутствие ярко выраженных предпочтений по поводу формата интеграции медиаобразовательного компонента. Наиболее популярными являются варианты включения соответствующих разделов в существующие гуманитарные дисциплины (31,7%) и в дисциплины информатики (28,3%). Лишь 10% респондентов высказались за введение отдельной дисциплины. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что наиболее органичным и эффективным будет интегрированный подход, при котором медиаобразовательные элементы включаются в содержание различных дисциплин, в первую очередь гуманитарного цикла.

Сопоставление результатов проведённого опроса с данными общероссийских исследований [2] демонстрирует выраженное сходство позиций. В частности, 86,7% студентов подтверждают опыт взаимодействия с ложным контентом, что согласуется с общенациональными показателями, фиксирующими аналогичную ситуацию. При этом 13,3% обучающихся указывают на объективные сложности при идентификации фейков, что также находится в рамках общероссийского тренда. Таким образом, можно констатировать, что проблема дезинформации в полной мере актуальна для системы высшего образования, а уровень сформированности медиаграмотности студентов сопоставим со среднестатистическими данными по стране.

[2] Исследование: более 90% опрошенных россиян сталкивались с фейками. URL: https://ria.ru/20231214/feyki-1915671398.html

Для наглядного представления динамики формирования ключевых компонентов медиаграмотности в процессе обучения на основе полученных данных нами разработана диаграмма, представленная на рисунке 1.

Как следует из диаграммы, показатели по всем трём измеряемым компонентам медиаграмотности демонстрируют устойчивый рост от первого к третьему курсу. Наиболее значительный прирост наблюдается в области знания термина «медиаграмотность» и способности идентифицировать фейки, что, вероятно, связано с общим повышением информационной культуры студентов в процессе обучения. Однако показатели понимания базовых понятий и, особенно, способности идентифицировать недостоверную информацию остаются недостаточно высокими даже на старших курсах, что указывает на необходимость внедрения целенаправленных педагогических стратегий.

Для иллюстрации структуры медиаграмотности как интегративного личностного качества, формируемого в том числе и средствами гуманитарного образования, разработана модель, представленная на рисунке 2.

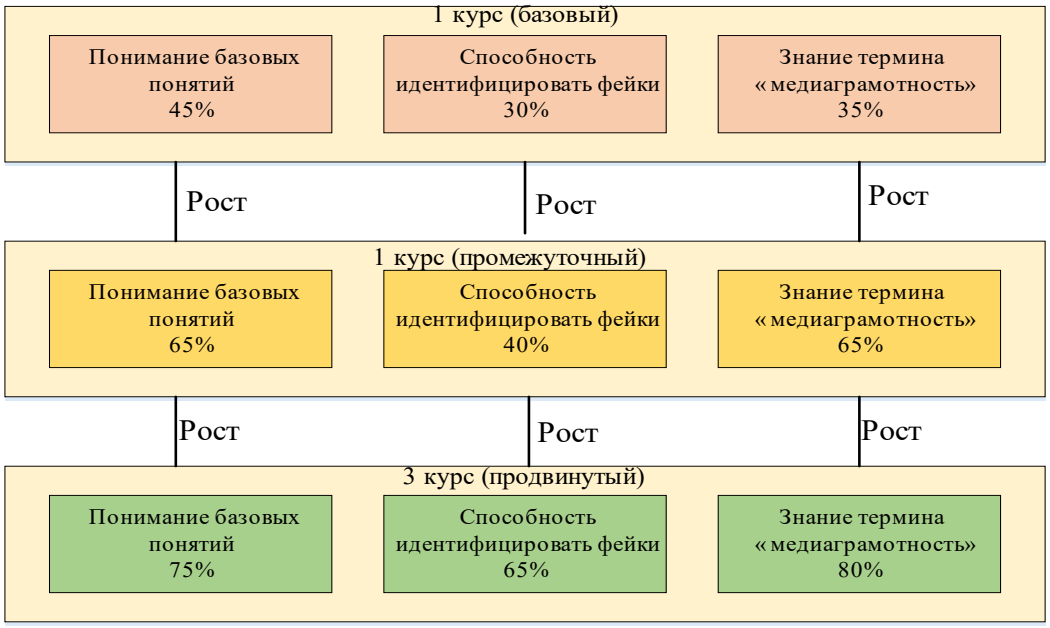

Рисунок 1 — **Динамика формирования компонентов медиаграмотности у студентов 1-3 курсов**

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Обсуждение и практические рекомендации

Проведённое исследование подтверждает, что гуманитарное образование обладает значительным, но не полностью реализованным потенциалом в формировании медиаграмотности обучающихся. Студенты демонстрируют естественный рост уровня медиаграмотности в процессе обучения, что связано с общим интеллектуальным развитием, расширением кругозора и опыта работы с информацией. Однако этот процесс происходит стихийно и не даёт системных, гарантированных результатов. Выявленные проблемные зоны (затруднения в идентификации фейков даже на старших курсах, недостаточное понимание базовых терминов у части студентов) требуют целенаправленного педагогического вмешательства.

Интеграция медиаобразовательного компонента в гуманитарное образование должна строиться на следующих принципах [4; 5; 10]:

1. Медиаобразовательная работа должна начинаться с первых курсов и пронизывать весь процесс обучения, постепенно усложняясь и углубляясь.

2. Формирование медиаграмотности должно осуществляться не в рамках отдельного изолированного курса, а через интеграцию медиаобразовательных элементов в содержание различных гуманитарных дисциплин (история, философия, социология,

культурология, лингвистика). Это соответствует современным тенденциям развития гуманитарного знания в направлении междисциплинарности и широкой интеграции [3].

3. Обучение должно быть построено на работе с реальными медиатекстами, решении кейсов, выполнении практических заданий по анализу информации, что способствует формированию прикладных навыков, а не только абстрактных знаний [4; 6].

4. Студенты должны выступать не просто пассивными получателями знаний, а активными участниками образовательного процесса: анализировать, дискутировать, создавать собственные медиапродукты [4].

5. Студенты мотивированы на повышение медиаграмотности и заинтересованы в различных форматах, что создаёт благоприятную основу для реализации образовательных программ.

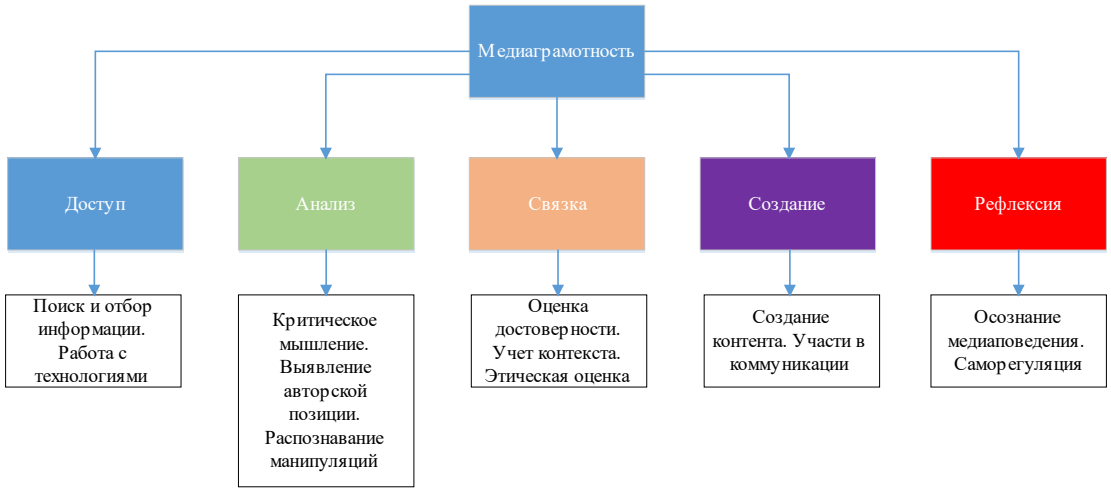

Рисунок 2 — **Структурная модель медиаграмотности**

Источник: составлено авторами на основе [9; 12]

Исходя из данных принципов и результатов опроса, наиболее эффективной представляется интегрированная модель, при которой медиаобразовательные модули или темы встраиваются в содержание существующих гуманитарных дисциплин. Например, в рамках курса «Социология» можно анализировать методы социологических опросов и способы их искажения в СМИ; в рамках «Культурологии» — изучать феномен массовой культуры и механизмы формирования ценностей через медиа; на занятиях по «Истории» — учиться работать с историческими источниками и распознавать фальсификации; на занятиях по «Иностранному языку» — анализировать иноязычные медиатексты, развивая одновременно языковые и медиакомпетенции [9]. Ю.Н. Грицкевич с соавторами подчёркивают важность использования массмедийного текста при преподавании дисциплин лингвистического цикла, что позволяет «правильно и профессионально воспринимать и оценивать информацию с точки зрения её полноты, достоверности, а также авторитетности источника и возможных установок, целей автора» [1].

Важной задачей является повышение медиакомпетентности самих преподавателей [8]. Необходимо организовать систему повышения квалификации, тренингов и семинаров для педагогических работников вузов по вопросам медиаобразования, что позволит им более эффективно использовать педагогический потенциал своих дисциплин и служить примером для студентов. И.Г. Катенева также отмечает, что «высокий уровень компетенций в сфере современного медиаобразования может быть сформирован только в формате практико-ориентированной подготовки» [4], что в равной степени относится и к преподавателям, и к студентам.

Практическая реализация предложенных подходов может осуществляться в следующих формах:

— Введение в рабочие программы гуманитарных дисциплин специальных тем или

разделов, посвящённых критическому анализу медиа, информационной безопасности и методам противодействия дезинформации.

— Разработка и проведение элективных курсов или факультативов по медиаграмотности для студентов всех направлений подготовки.

— Организация мастер-классов, тренингов и деловых игр с участием практикующих журналистов, медиааналитиков, специалистов в области информационной безопасности.

— Включение в учебные планы практико-ориентированных заданий, предполагающих создание студентами собственных медиапроектов, блогов, аналитических обзоров.

Заключение

В условиях стремительной цифровизации и информационной турбулентности формирование медиаграмотности обучающихся становится одной из приоритетных задач современного высшего образования. Гуманитарное образование, в силу своей направленности на развитие критического мышления, ценностно-смысловой сферы и коммуникативных навыков, обладает значительным потенциалом для решения этой задачи. Проведённое эмпирическое исследование подтверждает актуальность и своевременность целенаправленной работы по интеграции медиаобразовательного компонента в содержание гуманитарных дисциплин. Выявленная положительная динамика уровня медиаграмотности в процессе обучения свидетельствует о восприимчивости студентов к данной работе, а проблемные зоны указывают на необходимость системных педагогических воздействий.

Эффективное формирование медиаграмотности возможно при соблюдении ряда условий: системности и преемственности образовательной работы, междисциплинарного подхода, практической направленности обучения, активной позиции студентов и высокого уровня медиакомпетентности преподавателей. Предлагаемые варианты интеграции — включение медиаобразовательных элементов в существующие дисциплины, введение специальных курсов или практико-ориентированных тренингов — позволяют гибко адаптировать образовательный процесс к потребностям и запросам обучающихся.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку и апробацию конкретных учебно-методических комплексов, диагностического инструментария для оценки уровня сформированности медиаграмотности, а также на изучение влияния медиаобразовательных технологий на качество профессиональной подготовки и информационную культуру будущих специалистов в условиях динамично меняющейся цифровой среды.

Литература

1. Грицкевич Ю.Н. Медиатекст и медиаграмотность в системе высшего образования / Ю.Н. Грицкевич, С.В. Лукьянова, Л.М. Попкова // Самарский научный вестник. — 2022. — Т. 11, №4. — С. 289-294. — DOI: 10.55355/snv2022114304 EDN: EQVAZD
2. Желтухина М.Р. Медиаграмотность в цифровую эпоху: технологии формирования / М.Р. Желтухина, Л.А. Донскова, Л.Л. Зеленская // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — №81-4. — С. 153-156. EDN: SDHEIV
3. Жилинская Т.С. Медиаграмотность студентов культурологических специальностей: пути формирования и диагностика в процессе обучения информатике / Т.С. Жилинская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. — 2011. — №15. — С. 121-125. EDN: UIJRWX
4. Катенева И.Г. Формирование медиаграмотности и медиакомпетентности студентов педагогических вузов в рамках городских медиаобразовательных проектов (на примере проекта "Медиасреда" Новосибирского государственного педагогического университета) // Сибирский педагогический журнал. — 2022. — №1. — С. 148-159. DOI: 10.15293/1813-4718.2201.14 EDN: MPSKAX
5. Мусийчук С.В. Медиаграмотность в информационную эпоху через призму понятий "фейк" и "фейк ньюз" / С.В.. Мусийчук, А.К. Макарова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, №6. EDN: HWGFKW
6. Мусифуллин С.Р. Формирование медиаграмотности студентов педагогического вуза в условиях трансформации образовательного процесса // Science for Education Today. — 2023. — Т. 13, №1. — С. 7-27. DOI: 10.15293/2658-6762.2301.01 EDN: XJVTHE
7. Мухиятдинова А.М. Роль информационных технологий в повышении медиаграмотности и информационной культуры студентов / А.М. Мухиятдинова // Среднее профессиональное образование. — 2025. — №5(357). — С. 62-66. EDN: RYZQTU
8. Симакова С.И. Формирование медиакомпетентности в системе вузовского образования / С.И. Симакова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — №22 (313). — С. 160-165. EDN: RFKNDB

9. Сопига В.А. Формирование медиаграмотности обучающихся средствами гуманитарного образования / В.А. Сопига // Правоохранительные органы: теория и практика. — 2025. — №1(48). — С. 141-144. EDN: INBTRR
10. Филонова А.С. Интегративная модель медиабезопасности в образовательной среде вуза // Непрерывное образование: XXI век. — 2026. — Т. 14, №1. DOI: 10.15393/j5.art.2026.10964 EDN: GGEXQH
11. Hobbs R. Digital and Media Literacy: A Plan of Action / R. Hobbs. — Washington, D.C.: The Aspen Institute, 2010. — 48 p.
12. Kachak T. Development of future teachers' media literacy: Model of integration of media education into academic courses / T. Kachak, T. Blyznyuk, O. Budnyk, H. Lemko // Revista Inclusiones. — 2021. — Vol. 8, №6. — P. 115-129.

ASSESSING THE ROLE OF PUBLIC AND PRIVATE HIGHER EDUCATION IN ACHIEVING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Stepanov Viktor Ivanovich, *PhD of Pedagogical sciences, Altai Economics and Law Institute, Barnaul (Russia)*

Stepanova Natalya Viktorovna, *PhD of Technical sciences, Senior Researcher, JSC NPF "Information and Network Technologies", Moscow (Russia)*

The purpose of the study is to carry out a comprehensive assessment and comparative analysis of the contribution of public and private higher education institutions to achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) formulated by the United Nations. To achieve this goal, a number of tasks were solved: the importance of the concept of sustainable development was revealed; the specific features of public and private higher education were considered; their advantages and disadvantages were analyzed, and the importance of their close interaction was substantiated. The study demonstrates that public universities provide a scientific foundation, equal access to education for different segments of society, and integration of sustainable development goals at the federal and regional levels. The private educational sector shows great flexibility and instant adaptation to market requirements, intensive development of business culture. The study revealed that neither public nor private universities individually are a universal solution, so their harmonious integration is extremely important. The theoretical and practical value of the article and the possibilities of its use lie in creating a conceptual framework for building a productive model of multidimensional partnership between public and private education, as well as the state and business corporations. The results obtained in the course of the research can be applied by government authorities to improve educational policy, university management and entrepreneurs in order to develop joint applied programs, environmental and social projects. The presented strategy provides an opportunity to integrate resources and enhance the contribution of the higher education sector to solving pressing problems of sustainable development. The implementation of this strategy promotes the formation of partnerships between budgetary and commercial universities, government and business, the introduction of innovative approaches and the scaling of effective solutions and practices at the regional and federal levels.

Keywords: *higher education; public universities; private universities; sustainable development; educational strategies; partnership; government; business; startups.*

EDN: YCJQVJ ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.62***

Цитировать: *Степанов В.И., Степанова Н.В. Оценка роли государственного и частного высшего образования в достижении Целей устойчивого развития // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 464–469. EDN: YCJQVJ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.62*

УДК 378

5.8.1

© Степанов В.И., Степанова Н.В., 2026

Оценка роли государственного и частного высшего образования в достижении Целей устойчивого развития

Целью статьи является выполнение комплексной оценки и сравнительного анализа вклада государственных и частных высших учебных заведений в достижение Целей устойчивого развития (ЦУР), сформулированных Организацией Объединенных Наций. Для осуществления указанной цели были решены ряд задач: раскрыто значение концепции устойчивого развития; рассмотрены специфические особенности государственного и частного высшего образования; проанализированы их преимущества и недостатки, обоснована важность их тесного взаимодействия. В исследовании продемонстрировано, что государственные вузы обеспечивают научный фундамент, равный доступ разных слоев общества к образованию, объединение целей устойчивого развития на федеральном и региональном уровнях. Частный образовательный сектор показывает большую пластичность и мгновенную адаптацию к требованиям рынка, интенсивное развитие бизнес-культуры. В ходе исследования выявлено, что ни государственные, ни частные вузы по отдельности не являются универсальным решением, поэтому крайне значима их гармоничная интеграция. Теоретическая и практическая ценность статьи и возможности ее использования заключены в создании концептуальной базы для построения продуктивной модели многоаспектного партнерства между бюджетным и частным образованием, а также

государством и бизнес-корпорациями. Полученные в ходе исследования результаты могут применяться органами государственной власти для улучшения образовательной политики, руководством вузов и предпринимателями с целью разработки совместных прикладных программ, экологических и социальных проектов. Представленная стратегия дает возможность интегрировать ресурсы и повышать вклад сферы высшего образования в решение насущных проблем устойчивого развития. Реализация данной стратегии способствует образованию партнерств между бюджетными и коммерческими вузами, государством и бизнесом, внедрению инновационных подходов и масштабированию эффективных решений и практик на региональном и федеральном уровнях.

Ключевые слова: *высшее образование; государственные вузы; частные вузы; устойчивое развитие; образовательные стратегии; партнерство; государство; бизнес; стартапы.*

СТЕПАНОВ Виктор Иванович, *кандидат педагогических наук, Алтайский экономико-юридический институт, Барнаул (Россия)*

SPIN-код: 3977-2628

СТЕПАНОВА Наталья Викторовна, *кандидат технических наук, старший научный сотрудник, АО НПФ «Информационные и сетевые технологии», Москва (Россия)*

SPIN-код: 4156-4771

Введение

В ситуации интенсивных процессов глобализации, вызывающих климатические проблемы, рост социального неравенства и серьезные экономические изменения, концепция устойчивого развития выступает значимой парадигмой, предлагающей равномерное решение экономических, социальных и экологических проблем с целью гармоничного развития человеческого общества и поддержания благополучия текущего и последующих поколений. Образование, в первую очередь, его высшая ступень, признается в мировом сообществе важнейшим инструментом и ключевым катализатором, необходимым для достижения семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР), которые были провозглашены в 2015 году Организацией Объединенных Наций на период до 2030 года [1] (рис.). Следует отметить, что, согласно концепции ЦУР, высшая школа отвечает не только за реализацию ее четвертого пункта, связанного с обеспечением качественного образования, но и оказывает серьезное влияние на осуществление всех остальных целей. Высшие образовательные учреждения выступают одновременно центрами подготовки профессиональных кадров для рынка труда и мощными факторами социальных, культурных и технологических преобразований, так называемыми «интеллектуальными хабами», инструментами масштабных инноваций. Кроме того, они активно участвуют в формировании профессиональных и моральных ориентиров для будущих руководителей.

Рисунок — **Цели в области устойчивого развития, разработанные ООН**

Современная как мировая, так и российская, высшая школа характеризуется сложной структурой и широким разнообразием форм управления и собственности. В широком контексте выделяют два типа образовательных учреждений: государственные и частные. Государственные высшие учебные заведения опираются на мощную бюджетную поддержку и осуществляют обширные социальные заказы. Частные вузы отличаются институциональной гибкостью по отношению

[1] Цели Устойчивого Развития // UNIDO. URL: https://unido.ru/overview/mdg/

к изменениям, происходящим во внешней среде, быстрой адаптацией к требованиям общества, готовностью к внедрению инновационных образовательных стратегий.

Актуальность данной статьи определяется необходимостью комплексного и научно обоснованного анализа того, каким образом государственные и частные вузы внедряют концепцию устойчивого развития в разные сферы своей деятельности: педагогическую и исследовательскую работу, практику управления кампусами. Глубокое осознание институциональной специфики государственных и частных высших учебных заведений, их сильных и слабых сторон даст возможность разработать более эффективные механизмы интегративного взаимодействия и обмена опытом между двумя образовательными секторами. Данное партнерство способно увеличить вклад в решение остро стоящих мировых и национальных проблем. В связи с этим, ключевой целью статьи выступает комплексная оценка и сравнительный анализ значения государственного и частного секторов высшего образования в рамках реализации концепции устойчивого развития. Это важно для определения актуальных направлений преобразования академической среды.

Материалами исследования послужили: документ «Цели устойчивого развития», разработанный ООН, научные труды ученых — монографии, статьи в рецензируемых журналах, а также актуальные интернет-публикации экспертов, посвященные концепции устойчивого развития и его целям, роли государственного и частного высшего образования в достижении указанных целей. Методологической основой исследования выступил комплексный подход, интегрирующий целый комплекс методов. Теоретический и контент-анализ позволили подробно рассмотреть мнения специалистов — исследователей и экспертов, касающиеся проблематики статьи. Структурно-функциональный метод дал возможность проанализировать специфику государственного и частного секторов высшего образования в контексте реализации концепции устойчивого развития, а сравнительный анализ позволил сопоставить их и выявить достоинства и недостатки каждого. С помощью методов систематизации, обобщения и синтеза были упорядочены полученные в ходе исследования сведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Внедрение Целей устойчивого развития в сферу современного высшего образования выступает объектом интенсивных научных дискуссий. Анализ точек зрений ученых и экспертов дает возможность составить целостное и многогранное представление о данном процессе. По мнению А.В. Суслова, образование в современном мире выступает одним из важнейших компонентов устойчивого развития, так как оно участвует в формировании мировоззрения молодого поколения [8, с. 97]. Е.А. Локтионова и Д.И. Хлебович считают современный университет главным проводником устойчивого развития и говорят о том, что внедрение новых подходов в деятельность вузов является очень важным [7, с. 177]. Е. Логинова разделяет эту точку зрения и отмечает, что университеты выступают основными источниками прогресса и выступают ключевым фактором достижения ЦУР [2]. В документах Национальной координационной Сети ассоциированных школ UNESCO роль университетов в осуществлении ЦУР признается очень значимой для создания в мире единого образовательного пространства [3]. Анализируя функционирование современной системы высшего образования, О.В. Котомина освещает вопросы регионального устойчивого развития. Она говорит о том, что региональное устойчивое развитие является залогом общенационального и мирового процветания [6, с. 322].

Между государственными и частными вузами в плане достижения Целей устойчивого развития существуют определенные различия. Каждый из секторов имеет свои достоинства и недостатки [3, с. 72; 4, с. 85]. Главным преимуществом государственных вузов является их стратегическая направленность. Часто они внедряют ЦУР в долгосрочные программы развития, как «Приоритет-2030», объеди-

[2] Логинова Е. На острие прогресса: университеты как ключевой элемент достижения Целей устойчивого развития // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://www.hse.ru/news/edu/863536774.html

[3] Роль университетов в реализации Целей устойчивого развития // Национальная координационная Сеть ассоциированных школ UNESCO. URL: https://aspnet-unesco.ru/contacts/

нившая 140 высших учебных заведений, относящихся к 56 регионам России. В указанной программе принципы устойчивого развития заложены в качестве мощной базы, необходимой для формирования региональных кластеров [4; с. 86].

Вторым преимуществом государственного сектора выступает широкая общественная доступность. Государственные вузы обеспечивают равные возможности для широких категорий населения к получению качественного высшего образования. Они занимаются подготовкой специалистов для работы в государственных организациях, активно реализующих масштабные социальные программы [1, с. 56].

Еще одним достоинством является возможность проведения фундаментальных исследований. Правительство финансирует крупные научные проекты, формирующие прочную познавательную базу для решения обширного круга глобальных проблем: от борьбы с нищетой до изменения климата [1, с. 57].

И последнее преимущество государственного образовательного сектора — обеспечение высокой социальной ответственности. Высшие учебные заведения активно привлекаются для решения региональных проблем. Они эффективно осуществляют на практике проекты в области повышения качества здравоохранения, развития инфраструктуры, улучшения экологии [5, с. 10].

Тем не менее, несмотря на целый ряд достоинств, государственные вузы имеют определенные ограничения. Серьезной проблемой является бюрократизация. Достаточно часто вузы гонятся за формальным повышением показателей, например, за тем, чтобы занять высокие позиции в рейтингах, меньше обращая внимание на содержательную работу по реализации ЦУР. Другая проблема — медленные темпы преобразований. Особенности управления и стойкие академические традиции способны замедлять процессы по внедрению инноваций [4, с. 85].

Главными преимуществами частного высшего образования в контексте реализации ЦУР выступают гибкость, адаптивность, ориентированность на рынок. Частные вузы гораздо более быстро реагируют на изменения в требованиях общества и запросах бизнеса. Они занимаются разработкой прикладных программ, связанных с устойчивым развитием, например, в области экологичных «зеленых» технологий и корпоративной ответственности перед обществом.

Второе значимое достоинство частного сектора — инициативность и склонность к партнерству. Многие частные вузы сотрудничают с бизнесом, различными международными компаниями, некоммерческими организациями, создавая совместные проекты.

Третье преимущество — развитая предпринимательская культура, включающая в себя наличие бизнес-мышления, готовность рисковать [5, с. 11].

Тем не менее, частное образование также имеет ряд ограничений. В первую очередь, это проблема коммерциализации. В условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции частные вузы нацелены прежде всего на получение прибыли. Это может приводить к снижению финансирования фундаментальных исследований, в отличие от прикладных, которые менее значимы для долгосрочного развития науки и общества.

Еще один недостаток частного сектора — ограниченная доступность образования. В коммерческих вузах доступ к качественному обучению порой зависит от платежеспособности студента.

Таким образом, каждый из секторов образования — государственный и частный — имеют свои преимущества и недостатки в области достижения ЦУР, потому объединение их сил может дать наиболее высокие результаты.

В таблице представлен сравнительный анализ роли государственного и частного образования в области устойчивого развития.

Следует отметить, что ситуации увеличения числа глобальных проблем в мире ни государственный, ни частный сектора высшего образования не способны выступать универсальным инструментом для реализации Целей устойчивого развития по отдельности, а только в совокупности. Такие острострящие современные проблемы, как общественное неравенство, изменение климатических условий, израсходование природных ресурсов требуют многогранного подхода. Очевидно, что двойственная концепция «государственное против частного» в области образования утрачивает свою продуктивность. Обособленная жизнь государственного и частного образо-

вательных секторов и конкуренция за абитуриентов должны смениться новой моделью отношений, связанной с взаимодополняемостью [1, с. 60].

Таблица — **Сравнительный анализ роли государственного и частного образования в области устойчивого развития**

Критерий	Государственное образование	Частное образование
Ориентированность	Нацеленность на комплексную реализацию: сфера образования, наука, общество	Более прикладная, ориентированная на рынок
Масштаб воздействия	Способно задавать тренды и длительную повестку	Быстрее развивает и расширяет успешные практики
Инновационность	Больше работает с государственными инициативами	Интенсивно внедряет инновационные форматы (студии стартапов, онлайн-образование)
Доступность	Обеспечивает равный доступ к качественному образованию широким слоям населения	Гораздо менее доступно из-за коммерческой основы

Государственные вузы в данной интеграции способны брать на себя роль фундамента образовательной и научно-исследовательской системы. Они могут задавать стратегическое направление, синхронизировать собственные долгосрочные планы как с национальными, так и с общемировыми целями устойчивого развития. Государственный образовательный сектор обладает мощными административными, инфраструктурными и финансовыми ресурсами, способными поддерживать фундаментальную научную базу. Государственные университеты имеют возможность отвечать за капиталоемкие и долгосрочные исследовательские проекты, которые не дают моментальной финансовой окупаемости, но очень значимы для инновационных достижений в сферах медицины, энергетики, экологии. Государственные вузы обеспечивают стабильность, поддерживают социальную справедливость и дают равный доступ к качественным знаниям широких групп населения. Они нацелены на формирование кадрового резерва для социальной сферы и государственного управления [3, с. 80].

Частные высшие учебные заведения, в силу своей высокой гибкости и адаптивности к изменениям рынка, выступают сильным катализатором институциональных инноваций. Они свободны от жесткой бюрократии и могут быстро приспосабливать учебный процесс и механизмы вузовского управления под динамично изменяющиеся тенденции современного мира. Частные университеты мгновенно улавливают изменения на рынке труда по сравнению с государственными вузами. Они больше ориентированы на запуск прикладных обучающих программ по инновационным дисциплинам: ESG-менеджменту, «зеленой» экономике и чистым технологиям. Частные учебные заведения нацелены на развитие предпринимательства и стартапов среди студенческой молодежи. Для них в первую очередь характерно не теоретическое изучение Целей устойчивого развития, как для государственных вузов, а предложение реальных технологичных и коммерчески выгодных решений с целью достижения ЦУП. Частные университеты решаются на то, чтобы привлекать венчурные инвестиции. Также они способны выстраивать персональные маршруты обучения для студенты (кастомизированные треки). Все эти смелые инновационные методы позволяют достигать больших успехов в условиях экономической нестабильности [5, с. 15].

Таким образом, для достижения высокой эффективности в области устойчивого развития важно перейти от изолированной деятельности государственного и частного секторов к их целостной, совместной, взаимодополняющей работе. Современная образовательная модель, направленная на поддержание устойчивого развития, должна основываться на партнерстве между бюджетными, частными вузами, государством (главным заказчиком и регулятором экономики), бизнес-предприятиями (инвесторами и пользователями технологий) и населением, отвечающим за социальные запросы) [3, с. 75; 4, с. 90]. В рамках реализации такой модели требуется создавать совместные масштабные обучающие программы, крупные научно-образовательные кластеры и многофункциональные технопарки, в которых фундаментальные научные открытия государственных институтов будут быстро проверяться опытным путем и выходить на коммерческую основу в бизнес-инкубаторах частных вузов.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что изменение системы высшего образования в Целях устойчивого развития продиктованы требованиями современной экономики во всем мире. В настоящее время процесс уже запущен, но требует большей интенсивности в плане интеграции бюджетных и частных вузов между собой, а также с государством и бизнесом. Это не только структурная, но масштабная ценностная перестройка. Интеграция всех интеллектуальных и материальных ресурсов, свободный обмен лучшими научными достижениями и академическими практиками, глубокое понимание ответственности за будущие поколения дадут возможность высшей школе стать по-настоящему мощным катализатором устойчивого развития, гарантом процветания общества как на национальном, так и на общемировом уровнях.

Литература

1. Беспалый С.В. Высшее образование и цели устойчивого развития: реализация в развивающихся странах / С.В. Беспалый, Г.Ж. Альназарова, А.А. Капцов, А.А. Петренко, Ж.С. Бутенов // Grand Altai Research & Education. — 2023. — №2(20). — С. 55-66. EDN: IRHUKX
2. Вахрушина (Дурасова) А.А. Устойчивое развитие в сфере высшего образования: учетно-аналитический и образовательный контекст. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2025. — 242 с.
3. Жаде З.А. Роль университета в достижении целей устойчивого развития Республики Адыгея / З.А. Жаде, А.М. Шадже, И.Н. Гайдарева // Социально-политические исследования. — 2024. — №3(24). — С. 71-81. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-71 EDN: RFGXFY
4. Зиневич О.В. Высшее образование для глобального и локального устойчивого развития / О.В. Зиневич, Е.А. Мелехина // Высшее образование в России. — 2023. — Т. 32, №3. — С. 84-102. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-84-102 EDN: IIFKQE
5. Исаенко Е.В. Роль университетов в достижении целей устойчивого развития: ключевые направления деятельности и стратегия продвижения на рынке образовательных услуг / Е.В. Исаенко, Е.Е. Тарасова, Э.А. Гомонко // Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2024. — Т. 1, №1(104). P. 9-20. DOI: 10.21295/2223-5639-2024-1-9-20 EDN: HIFHBC
6. Котомина О.В. Оценка функционирования системы высшего образования в интересах устойчивого развития региона // Вестник Пермского университета. Серия "Экономика". — 2022. — Т. 17, №3. — С. 321-337. DOI: 10.17072/1994-9960-2022-3-321-337 EDN: SOGDQU
7. Локтионова Е.А. Университет как проводник устойчивого развития: задачи, подходы и практика / Е.А. Локтионова, Д.И. Хлебович // Вестник российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. — 2020. — №6(114). — Т. 17. — С. 176-187. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-6-176-187 EDN: CXUUFB
8. Суслов А.В. Образование как необходимый элемент устойчивого развития // Образовательные ресурсы и технологии. — 2022. — №3(40). — С. 96-103. DOI: 10.21777/2500-2112-2022-3-96-103 EDN: ENRHJB

THE POSSIBILITIES OF PERSONALIZING THE ADAPTED TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Torkunova Yulia Vladimirovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, Sochi State University, Sochi (Russia)*

Gafiyatullina Alina Rafaelyevna, *Senior Lecturer, Kazan State Energy University, Kazan (Russia)*

This article examines the theoretical and methodological foundations of the transition from traditional mass education models to personalized learning within the context of economic digital transformation and evolving labor market demands. The relevance of this research is driven by the necessity to adapt vocational education systems to new employer expectations, which increasingly prioritize practical competencies, adaptability, and readiness for lifelong learning over formal academic credentials. The aim of the study is to substantiate the potential for personalizing the adaptive training of future professionals through digital technologies. The paper presents a comparative analysis of mass instruction, differentiated learning, and personalized education models across key parameters, including educational objectives, the instructor's role, assessment methodologies, technological infrastructure, and associated risks. Key contradictions between the technological capabilities of digitalization and contemporary pedagogical practice are identified, highlighting challenges such as the digital divide, inadequate methodological training of faculty, scarcity of high-quality digital content, and the risks of algorithmic bias.

Keywords: *personalized education; digital transformation; adaptive training; individual learning pathways.*

EDN: YZDUCF ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.63***

Цитировать: *Торкунова Ю.В., Гафиятуллина А.Р. Возможности персонализации адаптированной подготовки будущих специалистов в условиях цифровой трансформации // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 470–476. EDN: YZDUCF. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.63*

УДК 378.14
5.8.7

Возможности персонализации адаптированной подготовки будущих специалистов в условиях цифровой трансформации

© Торкунова Ю.В., Гафиятуллина А.Р., 2026

ТОРКУНОВА Юлия Владимировна, *доктор педагогических наук, профессор, Сочинский государственный университет, Сочи (Россия)*

ГАФИЯТУЛЛИНА Алина Рафаэльевна, *старший преподаватель, Казанский государственный энергетический университет, Казань (Россия)*

В статье рассматриваются теоретико-методологические основания перехода от традиционных моделей массового обучения к персонализированному образованию в условиях цифровой трансформации экономики и изменяющихся требований рынка труда. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации системы профессионального образования к новым запросам работодателей, которые всё меньше ориентируются на формальные дипломы и всё больше — на реальные компетенции, гибкость и готовность специалистов к непрерывному обучению. Цель исследования — обоснование возможностей персонализации адаптированной подготовки будущих специалистов с использованием цифровых технологий. В работе проведён сравнительный анализ моделей массового обучения, дифференциации и персонализации по ключевым параметрам (цели, роль педагога, формы оценивания, технологическое обеспечение, риски). Выявлены основные противоречия между технологическими возможностями цифровизации и реальной педагогической практикой, включая проблемы цифрового неравенства, недостаточной методической подготовки преподавателей, дефицита качественного контента и рисков алгоритмической предвзятости.

Ключевые слова: *персонализация образования; цифровая трансформация; адаптированная подготовка; индивидуальные образовательные траектории.*

Введение

Динамичная цифровая трансформация экономики РФ кардинально меняет запросы работодателей к выпускникам. Компании всё меньше полагаются на формальные дипломы и ожидают от специалистов реальных умений и гибкости. Так, исследования показывают, что традиционные профессиональные направ-

ления перестают гарантировать трудоустройство: в одних отраслях наблюдается переизбыток кадров, в других — острый дефицит. По данным К.В. Рангу и М.Г. Бистриной, развитие платформенной экономики с удалённой работой и гибким графиком ведёт к изменению профессиональных траекторий в сторону полного раскрытия компетенций личности [6]. Компании же обращают всё больше внимания на набор конкретных навыков и готовность к обучению: 93% работодателей отмечают нехватку нужных компетенций у кандидатов, а в объявлениях о работе указано в среднем на 30% больше требований, чем годом ранее.

Образовательным организациям целесообразно переориентировать содержательные приоритеты: исключительно теоретическое знание утрачивает самодостаточный характер, уступая место прикладным компетенциям и способности к их адаптивному применению в вариативных профессиональных контекстах. Данные тенденции обусловливают объективную необходимость интеграции практико-ориентированных педагогических технологий (проектного обучения, производственных практик, ситуационных кейсов) и междисциплинарного подхода к формированию компетенций. В этой связи трансформация образовательного процесса предполагает переход от репродуктивной трансляции статичного информационного массива к развитию метапредметных навыков: аналитической работы с данными, критического мышления, профессиональной ответственности и коммуникативной культуры [4]. Результаты мониторинга требований рынка труда свидетельствуют о приоритетности аксиологических и социально-психологических характеристик выпускников (профессиональная этика, исполнительность, надежность, социальная зрелость), что объективно актуализирует задачу гармонизации профессиональной подготовки и ценностно-ориентированного воспитания.

Наконец, цифровая экономика требует постоянного обновления знаний [3]. Специалисты вынуждены непрерывно учиться новым технологиям и сервисам, поэтому ключевым становится формирование навыков самообразования и метапознания. С учётом этих изменений эксперты призывают интегрировать в учебные планы дисциплины по ИИ, большим данным и другим «цифровым» областям, а также развивать преемственность образовательных траекторий (СПО–бакалавриат–магистратура) с накоплением компетенций на каждом этапе. Рекомендации включают тесное взаимодействие вузов с работодателями (создание базовых кафедр, привлечение практиков) и внедрение механизмов формирующего оценивания, учитывающих реальные результаты трудоустройства выпускников.

Ниже приведена таблица, сравнивающая модели традиционного (массового) образования, дифференциации, персонализации по ключевым параметрам (цель, роль учителя, оценивание, технологии, риски).

Таблица 1 — **Сравнительная характеристика моделей обучения**

Модель	Цель	Роль учителя	Оценивание	Технологии	Риски/ ограничения
Массовое обучение	Стандартизированное усвоение базовых знаний	Транслятор знаний («лектор»)	Итоговые тесты, экзамены	Традиционные (учебник, доска)	Теряет индивидуальность, не развивает soft-skills
Дифференциация	Подгруппы по уровню/интересам при единой цели	Модификатор подхода в группах	Комбинация формирующего и итогового	Частичное использование ЭОС	Возможен дефицит кадров и ресурсов
Персонализация	Индивидуальные образовательные траектории студента	Наставник/ куратор	Формирующее оценивание, адаптивное	AI-системы, Learning Analytics, LMS	Цифровое неравенство, алгоритмическая предвзятость

Современная образовательная парадигма претерпевает глубокий сдвиг под давлением цифровизации и меняющихся когнитивных потребностей студентов. Классическая «фабрично-заводская» модель массового образования, унаследованная от индустриальной эпохи, основана на стандартизации учебной программы и одном темпе освоения материала для всех. Такая модель, по мнению ряда авторов, «убивает индивидуальность каждого обучающегося», подавляя разнообразие интересов, стилей обучения и темпов восприятия.

В эпоху, когда знания быстро устаревают, на первый план выходят умения критически

мыслить, учиться в течение жизни и адаптироваться. Как отмечает международный опыт, в XXI веке учащиеся ожидают индивидуальных рекомендаций в обучении, и школы по всему миру уже активно интегрируют элементы персонализации [1]. Искусственный интеллект (ИИ) активно проникает в различные сферы нашей жизни, и образование не стало исключением. Использование ИИ в учебном процессе открывает новые горизонты, но также влечет за собой определенные риски. В этой статье мы рассмотрим как возможности, так и угрозы, связанные с внедрением ИИ в образовательную среду. Недавно проведенное анкетирование преподавателей и студентов показало, что 84% студентов и 62% преподавателей используют искусственный интеллект в своей деятельности.

По мере того, как технология даёт возможность «собирать» цифровой след учащегося (успешность в заданиях, паттерны повторений, обращений к подсказкам и пр.), персонализация превращается в управляемый процесс. Новые форматы обучения (микроуроки, геймификация, VR/AR-симуляции) и гибридные очно-дистанционные модели делают образование более гибким и вписывают учебу в повседневную жизнь. При этом учащимся предлагается право выбора: от элективов до собственных проектов, что повышает вовлечённость и мотивацию.

Несмотря на очевидные преимущества персонализации, система образования сталкивается с фундаментальными противоречиями. С одной стороны, требования рынка труда требуют гибкости, персонализированного подхода и широкого набора компетенций [2], с другой — традиционные институциональные рамки и учебные практики остаются ориентированными на стандартизацию, что создаёт «огромный разрыв» между образовательными программами и запросами работодателей. Аналогично, хотя цифровые технологии обещают новые возможности (ИИ-тьюторы, аналитика данных, онлайн-платформы), на практике реализация этих инноваций часто «не успевает за технологическим прогрессом».

Таким образом, проблемным полем данного исследования выступает дисбаланс между потенциальными возможностями и фактическими результатами: противоречие между массовостью и индивидуализацией. Необходим анализ не только существующих преград (кадровых, методических, инфраструктурных), но и путей их преодоления с учётом актуальной ситуации на рынке труда и в образовательной политике.

Традиционная модель обучения в высшей школе предполагает жесткую группировку по единой программе, стандартизированные методы контроля и фронтальное преподавание. Как указывают исследователи, такая система «в ситуации совместного пребывания многих студентов препятствует индивидуализации образования». Основными характеристиками традиционного подхода являются единство учебного плана и ориентация на усреднённого выпускника.

Современная педагогика выделяет следующие факторы для перехода к персонализированному обучению:

— способность ученика самостоятельно ставить цели, планировать их достижение и рефлексировать над результатами, совокупность приводит к развитию субъектности учащихся;

— на рынке труда и в науке ценятся критическое мышление, креативность, гибкие метанавыки и междисциплинарные компетенции;

— персонализированное обучение позволяет адаптировать учебный процесс под разный начальный уровень, особенности восприятия и особые потребности учащихся, что снижает стресс и повышает вовлечённость, мотивацию расширяя инклюзию.

Современные технологии открывают большие перспективы для персонализации. Обучающие платформы и системы на базе искусственного интеллекта способны в реальном времени анализировать прирост знаний каждого ученика, выявлять темп обучения, пробелы и автоматически предлагать дополнительные материалы. Однако на практике использование технологий остаётся фрагментарным, поскольку при неверной педагогической подаче технологии могут лишь формально дублировать очный урок, не улучшая обучаемостью. Технологии должны

[1] Перспективы персонализированного обучения с ИИ. URL: https://habr.com/ru/articles/889836/

[2] ВЦИОМ зафиксировал огромный разрыв между образованием и потребностями работодателей в РФ URL: https://tass.ru/obschestvo/18811605

быть инструментом достижения целей, а не самоцелью. Если цифровизация воспринимается как административная формальность, существует риск создания «видимости» обучения, при которой ни глубина знаний, ни критическое мышление не развиваются. Для полноценной интеграции цифровых средств необходимо переосмысление педагогической культуры — переход от консервативной передачи знаний к личностно-ориентированному подходу, где каждый ученик становится активным субъектом обучения.

Идеи индивидуального подхода к обучению восходят к философам и педагогам доклассического времени, учитывавшим «внутреннюю природу ребёнка» (Коменский, Песталоцци, Руссо). В дореволюционной России эти гуманистические взгляды получили развитие, но ограниченность массового образования делала их применимыми лишь в частных школах.

С развитием индустриального общества сформировалась классно-урочная система и единство контента обучения. Доминировала «фабрично-заводская» модель: стандартизированная программа и темп для всех, поточно-групповая организация. Тем не менее, именно в СССР были разработаны и внедрены ключевые основы перехода к личностно-ориентированному обучению: культурно-историческая концепция «зона ближайшего развития», деятельностный подход Леонтьева, теория поэтапного формирования умственных действий (Гальперин) и системы развивающего обучения (Занков, Эльконин–Давыдов). Эти подходы сместили акцент с механической передачи знаний на развитие самостоятельности мышления, объективно требуя учета индивидуальных темпов и особенностей.

В 1980–2000-е гг. понятие индивидуализации получило новое содержание. Е.С. Рабунский рассматривает индивидуальный подход в образовании как «действенное внимание к каждому ученику, его творческой индивидуальности в условиях классно-урочной системы обучения по общеобразовательным учебным программам и факультативам, которое предполагает разумное сочетание фронтальных, групповых и индивидуальных занятий для повышения качества обучения и развития каждого школьника» [5]. А.А. Кирсанов считает, что индивидуализация обучения — более широкое понятие, которое включает в себя как деятельность учителя, так и учащихся, а также все этапы обучения: подготовку к усвоению нового учебного материала, первичное восприятие и осмысливание знаний, первичное закрепление и применение знаний на практике, домашнюю работу.

Цифровая эпоха вывела индивидуализацию на новый уровень — персонализацию. В современных источниках персонализацию связывают с внутренней мотивацией и творческой самореализации личности: это высшая форма индивидуализации, когда обучающийся движим желанием «быть собой», самостоятельно ставит цели и выбирает контент.

В вузовской практике как персонализации уделяют особое внимание развитию проектных и аналитических навыков, а также созданию гибких образовательных траекторий [1]. Опыт внедрения индивидуальных образовательных маршрутов показывает преимущества (междисциплинарность, гибкость) и риски (упрощение фундаментальной подготовки, разрыв сообществ) такой модели.

Результаты исследования

Адаптированная подготовка специалистов предполагает моделирование учебного процесса с учётом быстроменяющегося рынка и разнообразных образовательных потребностей. В литературе можно выделить направление, связанное с инженерно-технической подготовкой, в которой адаптированность выстраивается вокруг противоречия между современным запросом на компетентность и традиционным уровнем подготовки. Структурно-содержательное ядро таких моделей включает четыре взаимосвязанных аспекта:

— целевой — сближение целей образовательного процесса с реальными задачами производства, например, через проектные кейсы, имитирующие принятие решений в профессиональной среде;

— содержательный — междисциплинарный отбор учебного материала, направленный на формирование профессиональных и цифровых компетенций через интеграцию разных предметных областей;

— информационно-технологический — формирование готовности будущих специ-

алистов использовать IT-инструменты для анализа данных и принятия решений, а также приспосабливаться к цифровой среде профессии;

— аксиологический — согласование личностных ценностей студента с ценностями профессиональной среды, обеспечивая осмысленную мотивацию и ценностно-ориентированное выполнение будущей работы.

Интеграция этих элементов обеспечивает рост адаптационного потенциала выпускника — запаса ресурсов, позволяющего ему самостоятельно изменять себя под требования профессии и поддерживать профессиональное равновесие в условиях неопределённости.

Результаты обучения описываются через профессиональные компетенции, выраженные в конкретных трудовых действиях. Оценка достигаемых результатов включает не только традиционные знания, но и индикаторы навыков коммуникации, решения задач и использования специализированных технологий. Такие модели, хотя и различаются по предметной области, объединены общими основаниями: деятельностным подходом (обучение как активный процесс изменения личности) и компетентностной парадигмой (формирование интегрированных профкомпетенций, включающих технологические и ценностные компоненты).

Цифровые технологии являются ключевым фактором, катализатором персонализации образования. К основным технологическим драйверам персонализации относят:

— искусственный интеллект и машинное обучение — адаптивные образовательные системы анализируют скорость усвоения материала, успехи при выполнении заданий и поведенческие паттерны обучающихся. На этой основе строятся индивидуальные траектории: система предлагает подходящие задания и ресурсы, заполняя пробелы и усложняя материал по мере готовности студента. ИИ может выступать виртуальным тьютором, отвечая на вопросы и предлагая объяснения на разных уровнях сложности, разгружая преподавателя от рутинных операций;

— облачные платформы и Big Data — обеспечивают масштабируемую инфраструктуру для хранения и обработки образовательных данных, а также позволяют создавать экосистемы сервисов (LMS, анализаторы успеваемости, интерактивные тренажёры) с учётом локальных и глобальных запросов;

— интернет вещей (IoT) — дает возможность собирать контекстную информацию об учебной среде (например, сенсоры контроля посещаемости, распознавание внимания), чтобы адаптировать образовательный процесс под внешние условия.

Сферы применения персонализации охватывают разные области: в образовании это развитие ИОТ (выбор элективов), микрообучение (модули по 3–7 минут), адаптивная проверка знаний и мгновенная обратная связь.

Однако вместе с преимуществами цифровизация несёт серьёзные вызовы и риски. В первую очередь, это зависимость от технологий. С увеличением использования ИИ в учебном процессе обучающиеся становятся зависимыми от технологий, что негативно сказывается на их способности к самостоятельному мышлению и решению проблем. Приходя на работу молодые программисты уже не могут обойтись без помощи искусственного интеллекта [3].

Чрезмерная цифровизация грозит утратой социальных и эмоциональных навыков, поскольку они легче формируются в живом взаимодействии. Последние исследования показывают, что у людей, постоянно использующих ИИ снижаются способности: креативность, критическое мышление [2].

В условиях свободного доступа к инструментам искусственного интеллекта актуализируется проблема обеспечения валидности образовательного контента, поскольку стохастическая природа генеративных моделей обусловливает вероятность фактических ошибок, придумывания фактов и феномена галлюцинаций.

Обсуждение результатов

Формирование прикладных рекомендаций основывается на сопоставлении российских и зарубежных моделей цифровизации образовательной среды, актуальных требований рынка труда, а также успешного опыта проектирования индивидуальных образо-

[3] Горе от интеллекта. Как ИИ и нейросети меняют рынок труда 20 февраля 2025. URL: https://konkurent.ru/article/75090/

вательных траекторий. В частности, необходимо развивать практико-ориентированное обучение с учётом запросов работодателей, в том числе за счёт трансформации выпускных квалификационных работ в реальные прикладные проекты. Кроме того, электронные учебные курсы следует не просто переводить в онлайн-формат, а наполнять их инструментами образовательной аналитики и разрабатывать с учётом удобства и качества пользовательского дизайна [7].

Реализация предложенных прикладных рекомендаций требует поэтапного внедрения, позволяющего обеспечить управляемость процессов цифровой трансформации и минимизировать организационные риски.

На первом этапе целесообразно провести аудит текущего состояния цифровой образовательной среды вуза: оценка уровня цифровой зрелости, анализ используемых образовательных платформ, выявление дефицитов в области цифровых компетенций преподавателей и студентов. Одновременно осуществляется согласование требований с работодателями и формирование перечня актуальных профессиональных компетенций. На втором этапе происходит проектирование обновлённых образовательных программ. В этот период осуществляется переработка учебно-методических комплексов, внедрение проектных форм обучения, а также разработка моделей трансформации выпускных квалификационных работ.

Третий этап связан с внедрением цифровых образовательных решений, включая интеграцию систем образовательной аналитики, развитие электронных курсов нового поколения и внедрение инструментов персонализации обучения. Формируется единая цифровая образовательная среда, обеспечивающая накопление и анализ данных об образовательной траектории обучающихся.

Следующий этап предполагает пилотное тестирование обновлённых образовательных моделей с последующей корректировкой на основе обратной связи от студентов, преподавателей и работодателей. Заключительный этап включает постоянный мониторинг эффективности внедрённых решений и их адаптация к изменяющимся требованиям рынка труда и технологической среды.

Заключение

Дополнительно следует отметить, что персонализация связана с повышением конкурентоспособности университетов, их интеграцией в глобальное образовательное пространство и способностью оперативно реагировать на изменения структуры занятости и технологических укладов.

Реализация персонализированных моделей обучения требует поэтапного внедрения цифровых решений, включая создание единой образовательной цифровой среды вуза, интеграцию разрозненных информационных систем, развитие платформ для управления индивидуальными траекториями обучения, а также использование предиктивной аналитики для сопровождения образовательного процесса. При этом особое внимание должно уделяться обеспечению качества данных, прозрачности алгоритмов и сохранению академической автономии образовательных организаций.

В долгосрочной перспективе можно ожидать формирования гибридной модели высшего образования, в которой сочетаются цифровые технологии, проектное обучение и индивидуальное наставничество. Такая модель предполагает смещение акцента с передачи фиксированного объёма знаний на формирование способности к самостоятельному профессиональному развитию и адаптации в условиях неопределённости.

Таким образом, цифровая трансформация образования открывает возможности для качественного переосмысления принципов подготовки специалистов. Персонализация обучения выступает ключевым инструментом повышения его эффективности, однако её реализация требует системных изменений на уровне образовательной политики, организационных практик и педагогической культуры.

Литература

1. Гафиятуллина А.Р. Проблемы и методы построения индивидуальной образовательной траектории выпускника вуза в условиях индустрии 4.0 / А.Р. Гафиятуллина, Ю.В. Торкунова // Вестник РМАТ. — 2023. — №1. — С. 37-41.
2. Данилаев Д.П., Маливанов Н.Н. Цифровизация инженерного образования. Часть 1: Проблемы, целевые задачи и направления // AlmaMater. — 2024. — №11. — С. 8-18. DOI 10.20339/AM.11-24.008.
3. Закиева Р.Р. Категориальный аппарат и научные основания управления качеством инженерно-техни-

ческого образования // Педагогика. — 2024. — Т. 88, №10. — С. 30-37.
4. Натальсон А.В., Торкунова Ю.В. Методологические аспекты формирования цифровых компетенций выпускников вузов // Вестник РМАТ. — 2023. — №2. — С. 59-66.
5. Рабунский Е.С. Индивидуальный подход в процессе обучения в школе / Е.С. Рабунский. — М.: Просвещение, 1975. — 182 с.
6. Рангу К.В., Развитие российского рынка труда в условиях цифровой трансформации экономики / К.В. Рангу, М.Г. Бистрина // Вестник РУДН. — 2026. — №1. — С. 110-117.
7. Шорина Т.В. Особенности пространственного отображения информации образовательными ресурсами вуза / Т.В. Шорина // Russian Journal of Education and Psychology. — 2023. — Т. 14, №4-2. — С. 65-72.

PEDAGOGICAL PREVENTION OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR AMONG STUDENTS OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Kholevchuk Yulia Aleksandrovna, *Lecturer of Department of Information Systems, Transport College, State Maritime University named after Admiral F.F. Ushakov, Novosibirsk (Russia)*

This topic is driven by ubiquitous digitalization, which affects all spheres of human life, including education. Along with the opportunities offered by information and telecommunications technologies for learning, development, and socialization, technologization is giving rise to new forms of destructive behavior, the key features of which are anonymity, cross-border nature, and 24/7 accessibility, greatly increasing their negative impact. This article examines the theoretical and methodological aspects of pedagogical prevention of destructive behavior among students of professional educational institutions in the digital environment. The main types of destructive manifestations are analyzed and the author's definition of "destructive behavior among students of professional educational institutions in the digital environment" is presented.

Keywords: *pedagogical prevention; destructive behavior; digital environment; digital culture; and critical thinking.*

EDN: ZMNQJC ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.64***

Цитировать: *Холевчук Ю.А. Педагогическая профилактика деструктивного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 477–484. EDN: ZMNQJC. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.64*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

УДК 37.013
5.8.7

© Холевчук Ю.А., 2026

Обращение к теме обусловлено повсеместной цифровизацией, затрагивающей все сферы жизнедеятельности человека, включая образование. Параллельно с возможностями, которые предлагают информационно-телекоммуникационное технологии для обучения, развития и социализации, технологизация порождает новые формы деструктивного поведения, ключевыми особенностями которых являются анонимность, трансграничность и круглосуточная доступность, что многократно усиливает их негативное воздействие. В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты педагогической профилактики деструктивного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде. Анализируются основные виды деструктивных проявлений, дано авторское понятие «деструктивное поведение обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде».

Ключевые слова: *педагогическая профилактика; деструктивное поведение; цифровая среда; цифровая культура; критическое мышление.*

ХОЛЕВЧУК Юлия Александровна,
преподаватель отделения информационных систем Транспортного колледжа, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новосибирск (Россия)

ORCID: 0009-0002-2714-7099

Введение

Современный этап развития общества характеризуется повсеместной цифровизацией, которая трансформирует все сферы жизни человека, включая образование и межличностную коммуникацию. Информационно-телекоммуникационное технологии открывают широкие возможности для обучения, развития и социализации, но в то же время порождает новые формы деструктивного поведения: кибербуллинг, вовлечение в противоправные онлайн группы, участие в деструктивных сообществах, распространение недостоверной информации и экстремистского, суицидального контента, троллинг. Ключевыми особенностями этих форм являются: анонимность, трансграничность и круглосуточная доступность, что многократно усиливает их негативное воздействие [7].

В сложившейся ситуации проблема профилактики деструктивного поведения приоб-

ретает особую значимость в государственной политике в области воспитания и образования подрастающего поколения. Современные подходы в профилактике такого поведения рассматриваются в работах С.В. Дроковой и О.В. Петрова [3]. Президентом Российской Федерации 9 ноября 2022 года был подписан Указ №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Данный документ определяет стратегические ориентиры государственной политики, направленной на защиту российского общества от распространения деструктивных идей, и подтверждает необходимость последовательного противодействия угрозам, возникающим в цифровом пространстве.

Несмотря на масштаб угрозы, большинство используемых сегодня профилактических мер ориентированы на информирование обучающихся о рисках, но не формируют у них навыков безопасного поведения в цифровой среде.

Условием перехода к эффективной превентивной деятельности является высокий уровень профессиональной подготовки педагогов. Как показывает анализ деятельности профессиональных образовательных организаций, существует проблема низкого уровня цифровой компетенции педагогических работников, отсутствия системного диагностического инструментария и дефицита научно-методических разработок. Это порождает противоречие между объективной потребностью в эффективной педагогической профилактике деструктивного поведения обучающихся в цифровой среде и недостаточной готовностью педагогов профессиональных образовательных организаций к решению данной задачи.

Таким образом, проблема исследования заключается в необходимости теоритического обоснования и разработки педагогических подходов к профилактике деструктивного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде. Цель исследования — теоретическое обоснование и разработка модели педагогической профилактики деструктивного поведения обучающихся в цифровой среде.

Понятие деструктивного поведения и шкала дифференциации

В соответствие с общепринятым определением, под деструктивным поведением понимается устойчивые действия личности, отклоняющиеся от социальных норм и ценностей, приводящие к причинению ущерба материальным объектам, окружающим людям или саморазрушению. Причинно-следственная связь деструктивного поведения обучающихся с их криминализацией раскрыта в исследовании М.А. Дорофеевой, Д.А. Харламовой и Д.В. Жокова [4].

Дальнейшая дифференциация отклоняющегося поведения осуществляется по двум основаниям: виду нарушаемой нормы и характеру негативных последствий. Это позволяет выделить три основные группы: антисоциальное (делинквентное) поведение, противоречащее правовым нормам; асоциальное поведение, отклоняющееся от нравственных норм, и аутодеструктивное (саморазрушительное) поведение, угрожающее целостности и развитию самой личности.

В данной статье под деструктивным поведением обучающихся профессиональных образовательных организаций в цифровой среде понимается совокупность умышленных или неосознаваемых действий в виртуальном пространстве, нарушающих правовые, социальные или моральные нормы, причиняющих вред личности (в том числе самому субъекту), обществу и обладающих специфическими признаками: анонимность, высокая скорость распространения деструктивного контента, круглосуточная доступность и трансграничность.

Современные научные исследования предлагают различные подходы к систематизации указанных феноменов. Одним из наиболее релевантных является выделение следующих видов деструктивного поведения в цифровой среде: киберагрессивное (троллинг, буллинг, хейтинг), антисоциальное (интернет-мошенничество, участие в деструктивных группах), аутоагрессивное и самоповреждающее, киберзависимое (интернет-зависимость, думскроллинг, фаббинг), киберрискованное (просмотр шок-контента, опасные челленджи). Опыт исследования кибербуллинга представлен в работе Т.А. Заглодиной и Л.Э. Панкратовой [5].

В контексте задач педагогической профилактики целесообразно выделить три основных блока деструктивных проявлений.

Деструктивное поведение, направленное на других субъектов. Данный блок включает различные формы киберагрессии: кибербуллинг — умышленно агрессивные действия в условиях цифровой коммуникации, совершаемые одним лицом или группой по отношению к уязвимому индивиду. Киберсталкинг — навязчивое преследование. Троллинг и хейтинг — провокационные и оскорбительные высказывания. Флейминг — эмоциональные перепалки в публичных дискуссиях. Скулшутинг — вооруженное нападение в учебном заведении.

Деструктивное поведение, направленное на общественные нормы и институты. К данной группе относится участие деструктивных интернет-сообществах, распространяющих идеологию экстремизма, терроризма, национализма. Значительную угрозу представляют группы, пропагандирующие опасные увлечения (зацепинг, треш-стримы). Как отмечают Н.В. Голубых и К.В. Потанин, предупреждение вовлечения обучающихся в деятельность таких сообществ требует особого внимания [2].

Деструктивное поведение, направленное на самого субъекта. В цифровой среде данная форма проявляется участием в сообществах суицидальной направленности («группы смерти», опасные квесты), создающие у участников ощущение безысходности и формирующие интерес к смерти. Сюда же относятся: распространение контента, пропагандирующего селфхарм (умышленное стремление наносить себе телесные повреждения), думскролинг- навязчивое потребление негативных новостей.

Таким образом, представленная трехуровневая классификация позволяет системно подойти к анализу деструктивных проявлений обучающихся в цифровой среде, выделив объект деструктивной направленности (общество, сам субъект, другой человек) в качестве классификационного критерия. Данный подход сохраняет теоретическую преемственность с фундаментальными работами Е.В. Змановской в области девиантологии, в то же время учитывает специфику цифровой среды, где границы между указанными формами становятся размытыми, а их симбиоз порождает новые гибридные феномены (например, поведение, сочетающее черты жертвы и агрессора). Данное обстоятельство требует особого внимания при разработке диагностического и профилактического инструментария, поскольку обучающийся может одновременно выступать в роли жертвы и инициатора деструктивных действий, что усложняет определение истинной роли участника.

Вышеуказанные виды деструктивного поведения и их классификация являются содержательной основой для последующего анализа факторов уязвимости обучающихся профессиональных образовательных организаций, а также для обоснования структуры профессиональных компетенций педагога в области цифровой профилактики.

Факторы уязвимости обучающихся профессиональных образовательных организаций пред деструктивным влиянием цифровой среды

Эффективность педагогической профилактики деструктивного поведения в цифровой среде определяется пониманием тех причин и условий, которые повышают восприимчивость обучающихся к деструктивному контенту и вовлечению в противоправные интернет-сообщества. Анализ научной литературы позволяет выделить четыре группы факторов уязвимости: возрастные (психологические), социально-психологические, педагогические и средовые (цифровые).

Возрастные факторы. Период обучения в профессиональных образовательных организациях (15-23 года) совпадает с наиболее сенситивным этапом личностного развития-поздним подростковым и ранним юношеским возрастом. Данный этап, в соответствие с периодизацией Э. Эриксона, характеризуется кризисом идентичности (активным поиском своего места в мире, профессиональным самоопределением и формированием системы ценностей).

Главной потребностью этого возраста является принадлежность к референтной группе, которая становится образцом поведения и источником социальных норм. При дефиците позитивных офлайн сообществ (спортивные секции, кружки, творческий досуг) обучающиеся переходят в виртуальное пространство, вступают в группы деструктивной

направленности, где получают иллюзию приятия, значимости защищенности. Для данного возраста характерны следующие проявления: стремление к эмансипации от взрослых, повышенная внушаемость, максимализм и отсутствие критического мышления к восприятию информации, поступающей из цифровой среды.

Социально-психологические факторы. У обучающихся профессиональных образовательных организаций есть выраженная социально-психологическая специфика. Значительная часть обучающихся имеет низкую учебную мотивацию, повышенную тревожность и сниженную самооценку. Исследования показывают, что у 40-60 % обучающихся существуют трудности в межличностной коммуникации, замкнутость или агрессивность, как защитная реакция. Данные психологические особенности подвергают молодых людей влиянию со стороны манипуляторов в цифровой среде. Деструктивные сообщества создают чувство причастности и востребованности, чего не хватает в учебном коллективе.

Организационно-педагогические факторы. Специфика организации образовательного процесса в профессиональных образовательных организациях создает предпосылки повышенной уязвимости. Значительная часть времени отводится на самостоятельную работу, контроль со стороны педагогов ограничивается учебной дисциплиной и посещаемостью, практически не затрагивает цифровую активность обучающегося. Отсутствие ограничений на использование личных цифровых устройств, свободный доступ в интернет формируют ситуацию неконтролируемого пребывания в цифровой среде.

К этому добавляется недостаточная подготовленность педагогов к выявлению и профилактике деструктивных правлений в цифровой среде, низкая цифровая культура, отсутствие навыков мониторинга цифрового следа и алгоритма действий при обнаружении признаков вовлечения обучающегося в деструктивное сообщество.

Из этого следует, что система профессиональных образовательных организаций зачастую оказывается не готовой к системной профилактической работе.

Средовые (цифровые факторы). Характеристики цифровой среды усиливают вышеперечисленные факторы уязвимости обучающихся. Анонимность позволяет деструктивным сообществам действовать безнаказанно, а самому обучающемуся — скрывать свою причастность. Алгоритмы рекомендаций в цифровой среде автоматически предлагают все более деструктивный контент. Круглосуточная доступность и трансграничность означают, что воздействие может осуществляться 24/7 из любой точки мира. Особую роль играет игровая форма подачи угроз: деструктивные челленджи (связанные с удушьем или перекрытием кислорода- «блэкаут»), рискованные селфи, «игры» («синий кит», «исчезни на сутки»), которая снижает критичность восприятия и провоцирует участие из любопытства.

Совокупность факторов. Вышеперечисленные факторы действуют комплексно. Совокупность возрастной потребности в группе, социально-психологическая нестабильность, отсутствие организационного контроля и агрессивность цифровой среды создают условия, в которых обучающийся становится максимально уязвим для вовлечения в деструктивные интернет-сообщества. Понимание комплексного подхода к формированию факторов уязвимости необходимо для разработки многоуровневой системы педагогической профилактики.

Эффективность профилактики деструктивного поведения в цифровой среде зависит от уровня профессиональной готовности педагогов профессиональных образовательных организаций к осуществлению превентивной деятельности.

В соответствие с определением А.В. Хуторского, под профессиональной компетенцией педагога в сфере цифровой профилактики понимается совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу объектов и процессов (деструктивные интернет-сообщества, механизмы вовлечения, диагностика рисков) и необходимых для качественной превентивной работы [8].

Ключевые компоненты профессиональной компетентности педагога в области профилактики деструктивного поведения в цифровой среде

На основе теоритического анализа и обобщения практического опыта можно выделить

четыре ключевых компонента профессиональной компетентности педагога профессиональных образовательных организаций в области профилактики деструктивного поведения в цифровой среде.

Когнитивный компонент. Представляет собой систему знаний, которые необходимы для понимания сущности, механизмов и проявлений деструктивного поведения в цифровом пространстве. В его структуру входят: знание типологии деструктивных интернет сообществ (экстремистские, суицидальные, пропагандирующие насилие); понимание психологических механизмов вовлечения (использование кризиса идентичности, игровая форма подачи); навыки распознавания внешних и поведенческих маркеров деструктивного поведения (специфическая лексика, резкая смена круга общения, уход в себя, безразличие к собственной жизни и здоровью); знание нормативно-правовых актов в данной сфере (Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" от 29.12.2010 N 436-ФЗ; Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»).

Диагностический компонент. Данный компонент отражает способность педагога своевременно выявлять признаки вовлечения обучающегося в деструктивные интернет-сообщества и верно оценивать степень риска. Ключевые умения должны включать: применение скрининговых методик для выявления групп риска (тестирование, включенное наблюдение); проведение мониторинга цифрового следа обучающихся в открытых источниках с соблюдением законодательства о персональных данных; анализ контента, создаваемого и потребляемого обучающимся; использование социометрических методик для анализа межличностных отношений внутри учебной группы (выявление отверженных, игнорируемых остальными членами группы); способность интерпретации полученных данных для определения дальнейшего вектора решения проблемы.

Профилактический компонент. Данный компонент является основным и подразумевает владение методами и технологиями первичной, вторичной и третичной профилактики, разделенной по уровням превентивного воздействия и адаптированной к условиям цифровой среды.

Первичная профилактика (формирование устойчивости) включающая: проведение занятий по развитию критического мышления и гигиене цифровой среды (кейс-методы); организацию позитивной цифровой среды (ведение официальных студенческих сообществ); внедрение в воспитательную работу цифрового этикета и безопасного поведения в сети. Развитие информационной культуры обучающихся как элемент профилактики противоправного поведения обосновано в работе А.В. Анисимова, В.Г. Волкова и О.М. Овчинникова [1].

Вторичная профилактика (раннее вмешательство) предполагает: индивидуальное консультирование обучающихся из группы риска; медиацию конфликтов (кибербуллинг, троллинг).

Третичная профилактика (реабилитация) предусматривает: цифровое наставничество над студентами, состоявших в деструктивных сообществах; вовлечение их в позитивную цифровую среду; мониторинг рецидивов. Опыт формирования жизнестойкости обучающихся через наставничество описал С.В. Кох [6].

Рефлексивный компонент обеспечивает саморазвитие педагога в области цифровой профилактики и включает в себя: способность к анализу своей профилактической деятельности, выявлению ее сильных и слабых сторон; умение корректировать методы работы на основе обратной связи от обучающихся, коллег, результатов мониторинга; готовность повышать квалификацию в связи с появлением новых деструктивных феноменов; понимание своей цифровой уязвимости и этических границ вмешательства в цифровую жизнь студентов.

Условия эффективной реализации компетентностной модели педагога

Указанные компоненты взаимосвязаны и представляют единую систему: когнитивная подготовка создает основу для диагностики, диагностика обеспечивает адресность профилактики, профилактическая деятельность порождает опыт, который обогащает когнитив-

ную базу. Таким образом, компетентностная модель педагога имеет саморазвивающийся характер.

Для практической реализации данной модели необходима разработка и внедрение в систему образования программ повышения квалификации для педагогов профессиональных образовательных организаций, включающая модули по цифровой гигиене, диагностике деструктивных рисков и технологиям превентивной работы.

Таким образом, эффективная профилактика деструктивного поведения обучающихся в цифровой среде возможна при условии сформированности всей совокупности указанных компонентов профессиональной компетентности педагога.

Эффективная реализация компетентностной модели педагога невозможна без диагностического и профилактического инструментария, адаптированного к условиям цифровой среды и специфике контингента профессиональных образовательных организаций. Данный инструментарий должен обеспечивать решение нескольких взаимосвязанных задач: своевременное выявление групп риска среди студентов, оценка уровня деструктивных проявлений, проведение превентивных мероприятий, разделенных по уровням профилактики.

Диагностика в профилактике деструктивного поведения необходима для раннего предупреждения. Она дает возможность получать педагогу оперативную информацию о состоянии цифровой безопасности обучающихся, их склонностях и рисках быть вовлеченными в деструктивные сообщества. В состав диагностического инструментария необходимо включить несколько групп методов.

Скрининговые методики для выявления групп риска. Это опросники и анкеты, направленные на выявление факторов уязвимости: уровня тревожности, склонности к агрессии, суицидальных намерений, интернет- зависимости. Например, опросник «Склонность к деструктивному поведению в интернете» (методика А.Е. Личко), опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга» (В.П. Шейнов [9]), шкала интернет-зависимости Чена. Использование скрининга дает возможность в короткие сроки обследовать группы обучающихся и выявить контингент для углубленной диагностики.

Мониторинг цифрового следа. Данный метод включает в себя систематическое наблюдение за открытыми источниками цифровой активности студентов с соблюдением законодательства о персональных данных. Посредством мониторинга выявляются такие маркеры, как вступление в деструктивные сообщества, участие в опасных челленджах, распространение контента экстремисткой и суицидальной направленности. Для автоматизации мониторинга могут применяться специализированные программные комплексы (например, «Крибрум»).

Анализ потребляемого и создаваемого контента. Предполагает углубленное изучение конкретных материалов, публикуемых студентом (тексты, видео, изображения), с точки зрения их деструктивной направленности. Наиболее информативен данный метод при работе с обучающимися, уже показавшими тревожные признаки.

Социометрические методики. Позволяют изучить неформальную структуру взаимоотношений в учебной группе, выявить возможных жертв кибербуллинга; студентов, склонных к участию в деструктивных интернет-группах; потенциальных инициаторов травли. В цифровой среде анализ структуры групповых чатов является аналогом традиционной социометрии. Социометрические данные служат основой для адресной профилактической работы.

Диагностика сформированности компетенций у педагогов. Для оценки готовности применения профилактических мер педагогом необходимо оценить его готовность. Применяются следующие методы: тестирование на знание видов деструктивных сообществ и нормативно-правовой базы; кейс-метод (решение педагогических ситуаций по выявлению и реагированию на деструктивное поведение); рефлексивные методики (оценка уровня своей цифровой компетентности). Совокупность указанных методов позволяет разработать индивидуальную программу повышения квалификации для каждого педагога.

Профилактический инструментарий. Представляет собой совокупность технологий, форм и методов работы, направленных на формирование устойчивости к деструктивному влиянию, раннее вмешательство и реа-

билитацию. В соответствии с трехуровневой моделью профилактики, можно выделить: технологии первичной, вторичной и третичной профилактики.

Технологии первичной профилактики (формирование цифровой устойчивости). Они ориентированы на весь контингент обучающихся и направлены на создание защитных факторов: развитие критического мышления и медиаграмотности (проведение интерактивных занятий по распознаванию манипуляций, фейков, скрытой рекламы деструктивных сообществ); организацию позитивной цифровой среды (создание официальных студенческих сообществ ВКонтакте, МАХе с размещением просоциального контента, например, с волонтерскими проектами, творческими конкурсами, публикациями спортивных достижений обучающихся); формирование навыков цифровой гигиены (внедрение в воспитательную работу курсов «Безопасный интернет»); работа с родителями через цифровые каналы (памятки о признаках вовлечения в деструктивные сообщества). Указанные меры базируются на подходах, изложенных в работах по развитию информационной культуры [1] и современных подходах к профилактике [3].

Технологии вторичной профилактики (раннее вмешательство). Применяются при выявлении первых признаков деструктивного поведения и направлены на предотвращение перехода в устойчивую форму. Индивидуальное онлайн-консультирование (организация конфиденциального чата с социальным педагогом, в котором студент может сообщить о своих переживаниях). Использование когнитивно-поведенческих онлайн-упражнений. Медиация в цифровой среде: разрешение конфликтов (кибербуллинг, травля) в виртуальном пространстве [5].

Технологии третичной профилактики (реабилитация). Ориентированы на студентов, ранее вовлеченных в деструктивные сообщества или проявлявших формы деструктивного поведения: вовлечение в киберволонтерскую деятельность (предложение обучающемуся, ранее состоящему в деструктивном сообществе, оказывать помощь в выявлении опасных сообществ и активностей со стороны студентов); наставничество в цифровой сфере(закрепление за студентом наставника для общения и совместного досуга в сети, например сетевые игры) [8]; психологическая реабилитация онлайн (ведение дневника эмоций); мониторинг цифровой активности (анализ цифрового следа).

Заключение

Оценивание результативности диагностического и профилактического инструментария можно проводить по следующим критериям: снижение количества обучающихся, участвующих в деструктивных интернет-сообществах; уменьшение количества случаев кибербуллинга и иных форм проявления деструктивного поведения; повышение уровня цифровой гигиены; снижение тревожности и повышение самооценки у обучающихся из группы риска.

Таким образом, диагностический и профилактический инструментарий –это взаимосвязанная система, которая позволяет педагогу на каждом этапе применять необходимые методы и технологии профилактики. Важным условием эффективности является регулярное повышение квалификации педагогов в области цифровой профилактики и внедрение межведомственного взаимодействия (образовательная организация-правоохранительные органы-общественные организации).

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанной модели в деятельности педагогов для раннего выявления рисков и организации адресной профилактической работы. Актуальными направлениями дальнейших исследований являются проверка диагностических методик, создание программ профилактики деструктивного поведения (например, кураторские часы «Безопасный интернет», тематические недели, посвященные цифровой безопасности); разработка курсов повышения квалификации педагогов в области цифровой гигиены и превентивной работы.

Литература

1. Анисимов А.В. Развитие информационной культуры обучающихся, как элемент профилактики противоправного поведения / А.В. Анисимов, В.Г. Волков, О.М. Овчинников // Глобальный научный потенциал. — 2024. — №2(155). — С. 12-15.
2. Голубых Н.В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремисткой направленности

/ Н.В. Голубых, К.В. Потанин // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2020. — №4(28). — С. 121-124.

3. Дрокова С.В. Современные подходы к профилактике деструктивного поведения обучающихся / С.В. Дрокова, О.В. Петров // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — №71(2). — С. 120-124.
4. Ерофеева М.А. Деструктивное поведение несовершеннолетних как причинно-следственная связь их криминализации / М.А. Ерофеева, Д.А. Харламова, Д.В. Жоков // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2022. — №2. — С. 45-52.
5. Заглодина Т.А. Кибербуллинг в образовательном процессе: опыт исследования в студенческой среде / Т.А. Заглодина, Л.Э. Панкратова// Современные проблемы науки и образования. — 2021. — №2. — С. 45-52.
6. Кох С.В. Психология деструктивных проявлений в системе СПО: опыт формирования жизнестойкости через наставничество / С.В. Кох // Учительский журнал. — 2025. — №3. — С. 12-19.
7. Симдянкина Ю.С. Трансформация кибербуллинга в образовательной среде: новые вызовы и направления профилактики / Ю.С. Симдянкина // Технопарк универсальных педагогических компетенций: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары), 5 марта 2026г.) / под ред. Ж.В. Мурзиной. — Чебоксары: Среда, 2026. — С. 21-28.
8. Хуторской А.М. Методологические основания применения компетентстного подхода к проектированию образования / А.В. Хуторской // Высшее образование в России. — 2021. — №12(218). — С. 85-91.
9. Шейнов В.П. Опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»: разработка и предварительная валидизация / В.П. Шейнов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2020. — №3(17). — С. 521-541.

THE SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF THE MUSIC EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA

Tselkovaya Yulia Mikhailovna, *Senior Lecturer, Department of Music and Social and Artistic Education*

Aleynikova Natalia Gennadievna, *Associate Professor, Department of Choral Conducting and Socio-Cultural Projects*

Zakharchenko Natalia Sergeevna, *Associate Professor, Department of Choral Conducting and Socio-Cultural Projects*

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol (Russia)

The purpose of the study is to comprehensively analyze the sociocultural phenomenon of the music education system in Russia to identify its structural components, historical patterns of development, and mechanisms of influence on the formation of national identity and the preservation of the cultural code. The study is relevant because the processes of globalization and the unification of cultural codes affect all education systems in Russia, including the music education system, which serves as a key instrument for preserving national identity. The role of music education extends far beyond the professional training of artists, fulfilling vital sociocultural functions: transmitting traditional values, shaping a harmoniously developed individual, and strengthening civil society through social integration. Studying this phenomenon as a holistic system, rather than simply a collection of educational institutions, is timely and scientifically significant. As a result, it was possible to identify serious contradictions between academic tradition and the expansion of popular culture, which threaten the preservation of the unique Russian school and thereby determines the growing need for the development of scientifically based recommendations for improving educational practices in this area.

Keywords: *music education system; socio-cultural phenomenon; cultural heritage; value orientations; cultural policy; cultural code.*

EDN: ZWHMDB ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.65***

Цитировать: *Целковая Ю.М., Алейникова Н.Г., Захарченко Н.С. Социокультурный феномен системы музыкального образования в России // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 485–492. EDN: ZWHMDB. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.65*

Социокультурный феномен системы музыкального образования в России

УДК 378
5.8.2

Целью исследования является комплексный анализ социокультурного феномена системы музыкального образования в России для установления структурных компонентов, исторических закономерностей развития и механизмов влияния на формирование национальной идентичности и сохранение культурного кода. Актуальность исследования обусловлена тем, что процессы глобализации и унификации культурных кодов затрагивают все системы образования в России, включая систему музыкального образования, выступающей ключевым инструментом сохранения национальной идентичности. Роль музыкального образования выходит далеко за рамки профессиональной подготовки артистов, выполняя важнейшие социокультурные функции: трансляцию традиционных ценностей, формирование гармонично развитой личности и укрепление гражданского общества через социальную интеграцию. Изучение этого феномена как целостной системы, а не просто совокупности учебных заведений, является своевременным и научно значимым. В результате удалось выявить наличие серьезных противоречий между академической традицией и экспансией массовой культуры, что ставит под угрозу сохранение уникальной российской школы и тем самым определяет нарастающую потребность в разработке научно обоснованных рекомендаций для совершенствования образовательных практик в этой области.

Ключевые слова: *система музыкального образования; социокультурный феномен; культурное наследие; ценностные ориентиры; культурная политика; культурный код.*

© Целковая Ю.М., Алейникова Н.Г., Захарченко Н.С., 2026

ЦЕЛКОВАЯ Юлия Михайловна, *старший преподаватель кафедры Музыки и социально-художественного образования*

АЛЕЙНИКОВА Наталья Геннадьевна, *доцент кафедры Хорового дирижирования и социально-культурных проектов*

ЗАХАРЧЕНКО Наталья Сергеевна, *доцент кафедры хорового дирижирования и социально-культурных проектов*

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь (Россия)

Введение

Вопросы музыкального образования в России представляют собой сложный социокультурный феномен, который требует глубокого анализа и осмысления. Актуальность исследования определяется нарастающей потребностью в осмыслении роли музыкального образования как института, обеспечивающего сохранение культурного кода нации в эпоху глобализации и экспансии массовой культуры. В условиях, когда унификация культурных стандартов становится глобальным трендом, именно музыкальное образование в России продолжает выполнять функцию трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей, что особенно значимо в контексте государственной политики, направленной на их поддержку.

Объектом исследования выступает система музыкального образования в России, рассматриваемая через призму её социокультурных функций и влияния на развитие гражданского общества.

К изучению истории, противоречий и проблем системы профессионального музыкального образования России обращаются А.С. Базиков [2], И.С. Кобозева [6], О.А. Литвиненко [7], Н.А. Миронова [8] Т.И. Науменко [8], О.М. Рой [9] Е.Р. Сизова и И.Н. Немыкина [10], Н.В. Шириева и Е.А. Дыганова [12]. Несмотря на очевидную значимость изучения института музыкального образования, его социокультурная роль редко становится предметом самостоятельного, системного научного анализа, что и обуславливает необходимость обращения к проблематике. Таким образом, данное исследование направлено на выявление и осмысление тех факторов, которые формируют современное музыкальное образование в России, а также на анализ его роли в воспитании гражданской идентичности и эстетическом просвещении.

Ключевая проблема, требующая научного осмысления, заключается в наблюдаемом снижении интереса к классическому музыкальному образованию среди широких слоев населения, особенно в молодежной среде, что приводит к постепенному размыванию его традиционных ценностных оснований. Современная социокультурная ситуация характеризуется вытеснением сложных академических жанров более доступными формами массовой культуры, что создает реальный риск утраты уникальной российской традиции музыкального просвещения, складывавшейся на протяжении нескольких столетий. Недостаточная рефлексия обществом роли этого института как основы культурной преемственности усугубляет ситуацию, делая проблему поиска путей сохранения и адаптации системы особенно острой.

Для достижения поставленной цели комплексного анализа социокультурного феномена системы музыкального образования в России необходимо решить ряд конкретных задач: во-первых, проанализировать исторические этапы становления системы музыкального образования в России как социокультурного института, выделив ключевые ценностные доминанты каждого периода. Во-вторых, рассмотреть социокультурные функции музыкального просвещения и их влияние на воспитание личности. В-третьих, определить современные проблемы и противоречия функционирования данного института и предложить возможные направления сохранения его традиционной роли в условиях неизбежных культурных изменений.

В рамках нашего исследования необходимо проследить становление профессиональной музыкального образования как элемента просветительской миссии в различные исторические эпохи.

В основе исследования лежит идея о том, что российская система музыкального образования представляет собой не просто совокупность учебных заведений и методик, а уникальный социокультурный институт, который на протяжении нескольких столетий выполняет ценностно-ориентационную, идентификационную и воспитательную функции. Поддерживая преемственность классической традиции, эта система формирует культурный код нации, определяя духовный облик нескольких поколений россиян.

Отношение власти к музыкальному образованию как к необходимому рычагу кардинально менялось на протяжении российской истории, отражая смену государственных приоритетов. Этот путь можно разделить на три ключевых этапа, каждый из которых имел свою логику и цели. Эпоха Петра I и XVIII век открывает музыку как инструмент

государственной службы. В этот период отношение власти к музыке было сугубо прагматичным. Музыка не рассматривалась как высокое искусство или средство духовного воспитания, а была функциональным инструментом для нужд государства. Создание первых профессиональных военных оркестров стало стимулом для появления первых школ при полках. В это же время создавался Хор Государевых певчих дьяков, который стал не только церковным, но и светским институтом. Он обеспечивал музыкальное сопровождение официальных церемоний, и его участники получали своеобразное «музыкальное образование». При Анне Иоанновне и особенно при Екатерине II были учреждены придворные театры. Для них готовили артистов, в том числе через специальные классы в Театральной школе при Московском университете. Власть видела в музыке способ продемонстрировать мощь и просвещённость империи.

В XIX веке произошёл фундаментальный сдвиг. Под влиянием идей Просвещения и роста национального самосознания власть начала воспринимать музыку как важнейшую часть национальной культуры и символ цивилизованности страны. Государство в лице императорской семьи и аристократии начало оказывать прямую финансовую и организационную поддержку. Ключевым событием стало открытие Русского музыкального общества (РМО) при покровительстве великой княгини Елены Павловны, а затем — первых консерваторий в Санкт-Петербурге (1862) и Москве (1866). Это событие стало поворотным моментом в истории отечественной культуры, ознаменовав переход от любительского и придворного музицирования к профессиональному академическому образованию. Основание этих двух учебных заведений было не просто открытием новых школ, а настоящей культурной революцией [8, с. 23].

Важность этого события заключается в нескольких ключевых аспектах: легитимизации музыки как профессии и в демократизации музыкального образования. Консерватории впервые в России дали музыке официальный статус профессии, поставив её в один ряд с юриспруденцией, медициной или военным делом. Они провозгласили, что для поступления важны не сословное происхождение и связи, а исключительно талант и трудолюбие. Это открыло двери для одарённых юношей и девушек из мещан, купечества и даже крестьянских семей. Музыка перестала быть привилегией исключительно аристократии.

Профессиональная музыкальная педагогика зародилась в России лишь в начале XIX века, основываясь на достижениях лучших музыкальных школ — итальянской и немецкой, одновременно соединяя новые методы с основами русского церковного пения. Данный синтез позволил создать самобытную педагогическую традицию. Музыка стала профессией, а не просто придворной службой. В отличие от предыдущей эпохи, консерватории провозгласили принцип: талант важнее происхождения. Это был революционный шаг, сделавший элитарное искусство доступным для одарённых людей из недворянских сословий. Власть стала покровителем искусств, а музыка превратилась в предмет национальной гордости. В этих условиях подготовка квалифицированных кадров, способных не только исполнять, но и распространять академические музыкальные ценности, становилась насущной задачей, определявшей вектор развития всей культурной политики государства. Государство поддерживало её, чтобы Россия могла занять достойное место в ряду ведущих культурных держав мира [10, с. 22].

В советский период отношение к музыкальному образованию стало самым масштабным и системным за всю историю. Оно сочетало в себе идеологический контроль и беспрецедентную демократизацию. Воспитание «нового советского человека» — гармонично развитой, духовно богатой личности, преданной идеалам коммунизма. Музыка была признана одним из самых мощных инструментов для достижения этой цели. Власть видела в музыке универсальный рычаг для воспитания масс. Это был самый масштабный социальный эксперимент по внедрению искусства в жизнь каждого гражданина с целью формирования его мировоззрения.

Государство рассматривало музыкальное просвещение как инструмент культурной революции, что привело к созданию разветвленной сети музыкальных школ и кружков по всей стране. Бесплатный доступ к обучению открыл возможности для детей из рабочих и крестьянских семей, ранее отрезанных от

академической музыки. В 1930-е годы оформилась стройная трехступенчатая система, включающая музыкальные школы, училища и консерватории, что закрепило институциональную основу массового музыкального образования. Таким образом, массовость сочеталась с четкой иерархией уровней подготовки.

Одновременно с массовым направлением формировалась элитарная ветвь, ориентированная на выявление и углубленную подготовку наиболее талантливых учащихся. Были созданы специальные музыкальные школы-десятилетки при консерваториях, где одаренные дети получали интенсивное образование с раннего возраста. Эта система позволяла готовить исполнителей и композиторов высочайшего уровня, обеспечивая преемственность профессиональных традиций. [8, с. 25, 31].

Таким образом, музыкальное образование выступает не просто сферой профессиональной подготовки, но и важнейшим каналом передачи культурного опыта от поколения к поколению. Тем самым система музыкального образования формирует культурный фундамент, на котором строится дальнейшее развитие личности и общества.

Третий период развития музыкального образования в России представляет собой не просто систему подготовки профессиональных музыкантов, но глубокий социокультурный феномен, тесно вплетенный в ткань национальной истории и идентичности. На рубеже XX–XXI веков эта сфера претерпела значительные трансформации под влиянием глобализации, экономических реформ и смены ценностных ориентиров общества.

Исследователи отмечают, что музыкальное образование является неотъемлемой частью культуры, выполняя функции сохранения традиций, формирования духовных ценностей и трансляции культурного кода нации. Важнейшей методологической концепцией здесь выступает идея культуросообразного образования. Она подразумевает, что овладение человеком культурными ценностями определяет задачи образовательной системы на каждой ступени. Музыка воздействует на нравственное воспитание и формирует конкретный тип личности, способной к восприятию высоких идеалов. [4, с. 45]

Следует отметить, что рассмотрение сферы художественного, и в частности, музыкального образования как стратегического ресурса государства является ключевым элементом современной культурной политики Российской Федерации. Данный подход предполагает отказ от восприятия культуры исключительно как отрасли социальной инфраструктуры или развлекательной индустрии. Вместо этого культура позиционируется в качестве фундаментального фактора национальной безопасности, сохранения цивилизационной идентичности и обеспечения устойчивого развития человеческого капитала. [7]

Цели концепции «мягкой силы» неоднократно озвучивались высшим руководством России. Так, в июле 2012 года на встрече с послами и постпредов в его выступлении прозвучало, что: «...политика «мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов путём убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на её достижениях не только в материальной, но и в духовной, культурной и интеллектуальной сферах» [1].

В последующих выступлениях, развивая эту мысль, Владимир Путин неоднократно подчёркивал, что «мягкая сила» России складывается из нескольких ключевых элементов, одним из которых называет культурное наследие — продвижение русской культуры, языка, литературы, искусства и достижений российской исполнительской школы, а также образование. По его мнению, привлечение иностранных студентов в российские вузы способствует формированию в других странах лояльной к России элиты.

В дальнейшем эта концепция получила формальное закрепление. В 2016 году был принят «План действий по реализации концепции «мягкой силы», а в 2022 году утверждена новая «Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», детализирующая эти задачи.

Инструменты «мягкой силы» используются для продвижения ценностей, позициони-

[1] Совещание послов и постоянных представителей России. Владимир Путин выступил на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации. Тема заседания — «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности» // Администрация Президента России. — 9 июля 2012 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15902

руемых как основа цивилизационной самобытности России и альтернатива западным либеральным концепциям. Эти ценности, опирающиеся на историческое, культурное и духовное наследие, часто определяются как традиционные. [11] К ключевым элементам этой ценностной базы относятся: патриотизм, духовность и культура как мост, который мы видим, как продвижение русской культуры (литературы, музыки, балета) как универсального языка для объединения народов.

Система музыкального образования в России, на наш взгляд, представляет собой эффективный механизм реализации данной концепции, действуя в рамках парадигмы «общественной дипломатии». Являясь действенным институтом, она воспитывает «трансляторов» культурных ценностей и способствует продвижению традиционных ценностей, составляющих основу российской цивилизации.

В публичных высказываниях Президента Российской Федерации В.В. Путина музыкальное образование определяется именно как категория стратегического государственного приоритета. Концептуализация культурного наследия как «мягкой силы» и стратегического ресурса начала активно формироваться в программных документах и публичных выступлениях руководства страны после 2012 года. Одним из первых системных заявлений на эту тему стало Послание Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 года. В данном выступлении Президент подчеркнул необходимость рассматривать культуру не как издержку бюджета, а как центральный элемент, объединяющий нацию.

Хотя термин «музыкальное образование» не был выделен отдельно, была заложена идеологическая основа для его последующего включения в перечень стратегических активов. Речь шла о необходимости создания условий для творческого развития личности, что напрямую связано с доступностью качественного музыкального воспитания.

Ключевым моментом, закрепившим статус музыкального образования на государственном уровне, стало утверждение «Основ государственной культурной политики» Указом Президента РФ № 808 от 24 декабря 2014 года. Этот документ прямо указывает на необходимость поддержки и развития системы художественного образования как основы профессионального роста в сфере искусства. 1 сентября 2026 года во время встречи с деятелями культуры и преподавателями Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского В.В. Путиным было сделано важное заявление: «Система музыкального образования — это наш уникальный стратегический ресурс, который мы должны беречь и развивать».

В данном контексте Президент связал сохранение системы подготовки музыкантов с необходимостью укрепления суверенитета России в гуманитарной сфере. Он указал на то, что российская школа исполнительского мастерства признана во всем мире, и утрата этих позиций недопустима. Было дано прямое поручение Правительству проработать меры по совершенствованию системы отбора и поддержки одаренных детей, а также по модернизации материально-технической базы музыкальных школ и училищ, подчеркнув их роль как первого звена в цепочке воспроизводства национальных кадров в области искусства.

В последующие годы тезис о стратегическом значении музыкального образования регулярно подтверждался и дополнялся новыми аспектами. Так, в ходе оглашения Послания Федеральному Собранию 1 марта 2018 года, говоря о национальном проекте «Культура», Президент поставил задачу сделать культуру доступной для каждого гражданина. Это подразумевало масштабную модернизацию детских школ искусств по всей стране, которые являются основной инфраструктурой начального музыкального образования.

Наиболее полно и комплексно позиция главы государства была озвучена на заседании Совета при Президенте по культуре и искусству 27 октября 2023 года. В своем вступительном слове В.В. Путин сформулировал проблему следующим образом: «Поддержка отечественной системы музыкального образования — это не ведомственная задача, а вопрос стратегической важности. От того, какие ценности мы закладываем в наших детей через музыку, зависит будущее нашего общества, его культурный код и способность отвечать на глобальные вызовы».

На этом же совещании были поставлены конкретные задачи по интеграции цифровых

технологий в образовательный процесс, созданию единого культурно-образовательного пространства и повышению социального статуса педагогов-музыкантов, что подтверждает переход от декларативных заявлений к реализации комплексной государственной стратегии.

Анализ публичных выступлений В.В. Путина за период с 2013 по 2023 годы позволяет проследить эволюцию государственной позиции в отношении музыкального образования. Произошел последовательный переход от общей гуманистической риторики о важности культуры к прагматичному определению системы музыкального образования как «стратегического ресурса». Эта концепция последовательно реализуется через принятие основополагающих документов, таких как «Основы государственной культурной политики», разработку и финансирование национального проекта «Культура», а также через постановку конкретных задач перед органами исполнительной власти. Таким образом, музыкальное образование рассматривается государством не как факультативная сфера досуга, а как критически важный инструмент формирования национального самосознания, сохранения исторической памяти и обеспечения долгосрочного конкурентного преимущества России на мировой арене.

Однако одних лишь государственных мер недостаточно. Не менее важна активная позиция гражданского общества. Именно профессиональные сообщества, ассоциации педагогов, фонды и общественные советы способны инициировать диалог о насущных проблемах, вырабатывать адаптивные методики и осуществлять контроль за качеством образования. Основные вызовы нового времени связаны с переходом к рыночным отношениям в сфере культуры. Система музыкального образования должна быть готова настроена на подготовку специалистов широкого профиля, компетентных не только в исполнительстве, но и в смежных областях. Узкопрофессиональная ориентация приводит к одномерности педагогических воздействий, что недопустимо в условиях современной социокультурной среды. Таким образом, синергия государственной поддержки и общественной инициативы создаёт устойчивую экосистему, в которой лучшие традиции российского музыкального просвещения не только сохраняются, но и получают новое развитие.

Отметим, что в современную эпоху наблюдается трансформация ценностных ориентиров, что выражается в нарастании противоречий между традиционной академической моделью и императивами массовой культуры. Данные тенденции создают серьёзные вызовы для академической системы, которая по своей природе не ориентирована на массовый спрос и не может конкурировать с индустрией развлечений в скорости производства и доступности продукта. Более того, развитие технологий, включая создание музыки с помощью машинных алгоритмов, только усугубляет ситуацию. Исследователи предупреждают, что это «ускорит уже существующую гомогенизацию и примитивизацию музыкальных стилей и жанров», а в условиях, когда статус музыки как товара массового спроса усиливается, «дорогостоящая подготовка классических музыкантов может оказаться нерентабельной» [12]. Таким образом, ценности массовой культуры вступают в прямое противоречие с самой сутью академического образования, основанного на долгосрочных инвестициях в личность и искусство.

Противоречия между традиционной академической моделью и вызовами массовой культуры наиболее ярко проявляются в разрыве между элитарностью академического образования и ориентацией массовой культуры на широкого потребителя. Академическая система, требующая от ученика многолетних усилий, дисциплины и погружения в сложный культурный контекст, по определению не может быть массовой. Она формирует элиту — как в профессиональном, так и в культурном смысле, — что вступает в конфликт с демократическими и уравнительными тенденциями современного общества. Этот разрыв усугубляется тем, что массовая культура предлагает лёгкие и быстрые формы удовлетворения эстетических потребностей, не требующие от потребителя специальной подготовки или рефлексии. В результате академическое музыкальное образование, с его акцентом на длительное развитие и высокие стандарты, рискует оказаться невостребованным в обществе, где ценность сиюминутного успеха и коммерческой выгоды доминирует.

Исходя из поставленных государством задач, музыкальное образование необходимо рассматривать как инструмент формирования культурного кода, как уникальной совокупности культурных особенностей, определяющих лицо нации, её самобытность и социальную особенность. Сохранение этого кода приобретает всё большую значимость в эпоху глобализации. Музыкальное народное творчество и профессиональное искусство выступают главным средством передачи этого кода. Через музыку происходит приобщение к национальным традициям, погружение в историю народа и формирование гражданской позиции. Отметим, что музыка также выступает инструментом социализации, формируя приверженность национальным ценностям и отечественным образцам культуры. И вопросы влияния музыки на социальную идентичность молодежи приобретают особую актуальность.

В условиях нарастающей культурной трансформации перед системой музыкального образования встает дилемма: как сохранить фундаментальные основы отечественной школы, одновременно отвечая на вызовы времени. Решение видится не в консервации традиций, а в их гибкой адаптации к современным социокультурным реалиям без утраты содержательного ядра. Это означает, что программы обучения должны учитывать изменяющийся контекст, но приоритетом остается воспитание целостной личности, а не только узкого специалиста. Практическая реализация данного принципа требует пересмотра методик и содержания учебных курсов на всех уровнях — от детских музыкальных школ до вузов. Важно не разрушать сложившуюся трехуровневую структуру, а наполнить её новыми элементами, сохраняя преемственность поколений. Такой подход позволяет избежать разрыва между академической традицией и запросами молодёжи, обеспечивая естественное развитие национальной школы в XXI веке.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что музыкальное образование в России является сложным, полифункциональным социокультурным механизмом, который выполняет критически важную задачу по сохранению и развитию национального культурного кода. Анализ источников показывает, что данная система находится на этапе глубокой трансформации, вызванной необходимостью адаптации к современным экономическим реалиям и изменившимся запросам общества.

Ключевым выводом исследования является то, что эффективность музыкального образования как инструмента формирования идентичности зависит от баланса между сохранением богатых традиций русской академической школы и внедрением инновационных методик, в которых переход от узкопрофессиональной модели к подготовке специалиста широкого профиля, компетентного в различных сферах искусства и педагогики, представляется неизбежным шагом для выживания и процветания отрасли. Музыка, будучи «универсальным языком человечества», служит мостом между поколениями, транслируя духовные ценности и обеспечивая преемственность, формируя личность, осознающую свою принадлежность к великой культуре России. Таким образом, инвестиции в развитие музыкального образования следует рассматривать не как затратную статью бюджета, а как стратегическое вложение в человеческий капитал и сохранение суверенитета страны в духовной сфере.

Заключение

В ходе исследования, мы пришли к выводу, что роль музыкального образования выходит далеко за рамки подготовки профессиональных музыкантов. Оно рассматривается как стратегический ресурс для сохранения национальной самобытности, трансляции культурного кода от поколения к поколению и формирования целостной, духовно богатой личности, укорененной в своей культуре. Проведённый ретроспективный анализ подтвердил, что российская система музыкального образования представляет собой уникальный социокультурный институт, сложившийся в результате длительной исторической эволюции и институционализации. Уже с XIX века в рамках просветительских инициатив закладывались ценностные доминанты, которые впоследствии были усилены советской моделью массовой подготовки кадров и продолжают свое развитие в настоящее время. Это создало устойчивую традицию, в рамках которой музыкальное образование

выполняет не только профессиональные, но и широкие социокультурные задачи — передачу классического наследия и формирование культурного кода нации. Выявлено, что данная модель не сводится к профессиональному обучению: она включает в себя воспитание духовно-нравственных ориентиров и формирование культурной идентичности учащихся. Таким образом, исторически сложившийся институт продолжает играть роль ключевого инструмента трансляции классического наследия и ценностных оснований нации, что подтверждает его уникальность как социокультурного феномена.

Данное исследование показало многогранность системы музыкального образования в его трансляционной, идентификационной, воспитательной, эстетической и социально-интеграционной составляющих, которые реализуются в едином педагогическом процессе. Однако анализ текущего состояния выявил серьёзные противоречия между академической традицией и экспансией массовой культуры, что ставит под угрозу сохранение уникальной российской школы. В связи с этим исследование подтверждает необходимость целенаправленной государственной поддержки, направленной на сохранение фундаментальных основ системы при одновременной адаптации к современным реалиям. Только такой подход позволит предотвратить размывание культурной идентичности и обеспечить преемственность поколений в условиях глобализации, не разрушая при этом ценностных оснований, заложенных предшествующими поколениями. Таким образом, настоящее исследование призвано выявить и осмыслить ключевые факторы, определяющие облик современного музыкального образования в России, а также проанализировать его роль в формировании гражданской идентичности и осуществлении эстетического просвещения. Результаты исследования не только акцентируют внимание на значении музыкального образования в России как важного социокультурного феномена, но и подчёркивают нарастающую потребность в разработке научно обоснованных рекомендаций для совершенствования образовательных практик в этой области.

Литература

1. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1965. — 152 с.
2. Базиков А.С. Музыкальное образование в современной России: основные противоречия и пути их преодоления: дис. д-ра пед. наук. — Тамбов, 2002. — 386 с.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI в. — М.: Пед. о-во России, 2002. — 508 с.
4. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. (Парадоксы. Наследия. Векторы развития). — М.: Эгвес, 2000. — 272 с.
5. Кобозева И.С. Музыкальное образование в контексте современной культурной политики // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — №3. — С. 295 — 298.
6. Литвиненко О.А. Значимость музыкального образования в современной культуре. Образовательная социальная сеть. (2020). nsportal.ru
7. Миронова Н.А. Московская консерватория. Истоки. (Воспоминания и документы. Факты и комментарии). — М., 1995. — 96 с.
8. Науменко Т.И. Советское музыкознание: pro et contra. Работа над архивными материалами советской эпохи // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. — 2022. — №4. — С. 22–37.
9. Рой О.М. Влияние музыкальных предпочтений на социальную идентичность российской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2025. — Т. 10, №4. — С. 534-543.
10. Сизова Е.Р., Немыкина И.Н. Классическое музыкальное образование в России: вопросы истории и теории: моногр. — Челябинск: ЧГИМ, 2008. — 146 с.
11. Чимаров С.Ю. К вопросу о российском облике политики «мягкой силы» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2018. — Т. 216. — С. 93– 98.
12. Шириева Н.В., Дыганова Е.А. Музыкальное образование в эпоху трансгуманизма // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8, №3. — 56PDMN320.

VALUE-SEMANTIC CONSTANTS AS A STABLE FOUNDATION FOR THE DEVELOPMENT OF CULTURE — THE INDIVIDUAL — SOCIETY

Grigorev Anatoly Fedorovich, *DSc of Cultural science, PhD of Pedagogical science, Professor, Professor of Cultural science MAN, Honored worker of Arts ChR, member of the Union of composers of the Russian Federation, editor of journal «KANT»; Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol (Russia)*

Grigorieva Marina Anatolyevna, *PhD of Political science, editor of journal «KANT», Stavropol (Russia)*

The article provides an overview of scientific articles published in the journals KANT and KANT: Social Sciences & Humanities between 2024 and 2026, which focus on the problem of value-semantic categories as stable foundations for the development of culture — the individual — society. The article offers a scientific review of articles devoted to the ontology and philosophical reflection on value categories in historical perspective, to identifying the essence of the sphere of the existence of values, to digitalization as the main resource for overcoming challenges, to improving the spiritual dimension and fostering a culture of self-awareness, to historical memory as a value-semantic resource for civilizational development and a mechanism for consolidating a multinational society, to education as a key element of the cultural code of civilization, to the worldview gaps in modern Russian society, and to the spiritual security of the individual and society. The journal addresses issues related to the relationship between traditional and non-traditional values and the formation of modern people's life strategies in the context of the informatization of social relations. The pages of the journal reveal the fundamental value foundations that determine the specific nature of the world order in Russian society and contribute to the development of a society-wide understanding of the historical path of the Russian state's improvement.

Keywords: *value based categories; digitalization as the main resource for overcoming challenges; improvement of the spiritual dimension and the formation of a culture of self awareness; historical memory as a value and meaning resource for civilizational development and a mechanism for consolidating a multinational society; education as a key element of the cultural code of civilization; worldview gaps in modern Russian society; spiritual security of the individual and society.*

EDN: LFOAKN ***DOI: 10.24923/2222-243X.2026-60.obz***

Цитировать: *Григорьев А.Ф., Григорьева М.А. Ценностно-смысловые константы как устойчивое основание развития культуры — человека — общества // KANT. — 2026. — №3(60). — С. 493–506. EDN: LFOAKN. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-60.obz*

УДК 130/2
5.7.8

Ценностно-смысловые константы как устойчивое основание развития культуры — человека — общества

В статье осуществляется обзор научных статей, опубликованных в журналах KANT и KANT: Social Sciences & Humanities за 2024-2026 годы, посвященных проблематике ценностно-смысловых категорий как устойчивым основаниям развития культуры — человека — общества. В статье предлагается научный обзор статей, посвященных онтологии и философской рефлексии ценностных категорий в исторической ретроспективе, выявлению сущности сферы бытия ценностей, цифровизации как главному ресурсу для преодоления вызовов, совершенствованию духовного начала и формированию культуры самосознания, исторической памяти как ценностно-смысловому ресурсу цивилизационного развития и механизму консолидации многонационального общества, образованию как ключевому элементу культурного кода цивилизации, мировоззренческим разрывам современного российского общества, духовной безопасности человека и общества, проблемам соотношения традиционных и нетрадиционных ценностей, формированию жизненных стратегий современного человека в условиях информатизации общественных отношений. На страницах журнала выявляются базисные ценностные основания, определяющие специфику мироустройства российского общества и способствующие развитию в обществе понимания исторического пути совершенствования Российского государства.

Ключевые слова: *ценностные категории; цифровизация как главный ресурс преодоления вызовов; совершенствование духовного*

© Григорьев А.Ф., Григорьева М.А., 2026

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Федорович, *доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор (ВАК), профессор культурологии МАН (Сан-Марино), заслуженный деятель искусств Чеченской Республики, член Союза композиторов Российской Федерации, главный редактор журнала «KANT»; Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь (Россия)*

ГРИГОРЬЕВА Марина Анатольевна, *кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «KANT», Ставрополь (Россия)*

начала и формирование культуры самосознания; историческая память как ценностно-смысловой ресурс цивилизационного развития и механизм консолидации многонационального общества; образование как ключевой элемент культурного кода цивилизации; мировоззренческие разрывы современного российского общества; духовная безопасность человека и общества.

Современное общественное развитие, подстегиваемое инновационными технологиями и процессами глобализации, сопровождается многочисленными вызовами экологического, политического, экономического, экзистенциально-антропологического характера. Вектор развития человечества во многом зависит от самого человека и его ценностных ориентаций. В этой связи сохранение базисных ценностей духовной культуры является важнейшим условием безопасного устойчивого развития общества, сохранения его культуры и поддержания идентичности его субъектов.

Научные дискуссии по проблематике выявления онтологических оснований ценностей, их значимости в современном мире подтверждает актуальность, поскольку именно система ценностей в огромной степени определяет идеологию, государственную политику, и в то же время, именно идеология, мировоззренческие основания и ценности определяют субъективную сторону национальных характеров. Очевидно, что «у любой цивилизации всегда имеется некий символ веры, несущий в себе основополагающие смыслы существования страны, выраженные в идеологии» [22, с. 95-101]. Кардинальное несходство выбранных путей культурного развития определяет условия цивилизационного противостояния, борьбу традиционных и нетрадиционных ценностей, что и определяет стремление и желание получить преимущество не только во внешней экономической и военной мощи, но и в духовной сфере. Это и определило сегодня новый фронт духовного противостояния — идеологический, сопровождающийся отменой российской культуры и искусства, подменой и фальсификацией истории, и навязыванием, насаждением не традиционных ценностей. Западные стратеги сосредоточены не только на успех в экономическом или политическом противостоянии, но, прежде всего, в идеологической сфере. Нельзя не согласиться с авторами статьи, что западные страны, ставшие оппонентами однополярной глобализации, как правило, опираются на ценности, выработанные в ходе их историко-культурного развития и построены на либеральных ценностях, возникших в ходе развития проекта модерна и под влиянием леворадикальных политических течений. [22, с. 95-101]

Культурно-исторический тип как политико-правовой феномен и форма многополярной глобализации представляет собой необходимое условие разрешения сложившейся хаотизации в мировом порядке. В своей статье *Ф.Р. Имамвердиев* говорит о необходимости экспликации становления цивилизационного порядка в условиях глобальной нестабильности и выявления факторов, определяющих направление культурно-исторического процесса и способствующих достижению справедливого мирового порядка. В статье проанализирована роль политико-правовых идей как неотъемлемых элементов культурно-духовных ценностей в становлении справедливого миропорядка, а также показано возникновение и развитие баланса центробежных сил сквозь призму культурно-цивилизационной идентичности. [11, с. 221-225]

Философская рефлексия ценностных категорий в исторической ретроспективе

Аксиологическая проблематика занимала умы философов в эпоху античности. Результатом этико-правовой деформации, постигшей античное полисное общество на рубеже V-IV вв. до н.э., стали, как известно, релятивизм и нигилизм, утверждавшие относительность добра и зла, справедливости и блага. Результатом философской рефлексии был, с одной стороны, знаменитый "сократовский поворот", а с другой — "идеальное государство" Платона, утверждавшие традиционные для эллинов ценности. В статье *А.В. Чернова* и соавторов рассмотрена аксиология платоновской концепции "иде-

ального государства", а также причины, её породившие. По Платону, аксиологическим основанием образцового государства является справедливость, под которой он понимал "должное воздаяние каждому", а вовсе не свобода и связанные с ней социальные пороки. Платон выступает последовательным и непримиримым противником всякого либерального дискурса. В итоге, его "идеальное государство" провозглашает приоритет общего блага над личным, общественное разделение труда по принципу "каждому — своё", а также строгую социальную иерархию. При этом, платоновское государство сочетает в себе как крайне левые идеи, так и крайне правые, являясь по сути своеобразным лево-правым тоталитаризмом. [32, с. 226-227]

Выявлению сущности сферы бытия ценностей, её эволюции в концепциях кантианцев, а также степени влияния на другие онтологические сферы, выведенные Г. Лотце, среди которых: "всеобщие законы-истины" и "область опыта", посвящена статья *И.М. Мешкова, А.А. Атик.* Видные представители кантианства, такие как Г. Лотце, В. Виндельбанд и Г. Риккерт, по-разному видели структуру "аксиосферы", а также её отношение к другим сферам бытия. Такого рода постановка проблемы исходит из тезиса И. Канта: "царство целей есть обитель ценностей". В кантианстве в качестве сферы бытия ценностей использовались такие понятия, как "мир", "царство", "обитель", "область" и др. Авторами статьи определяется, как данные сферы взаимодействовали между собой в концепциях кантианцев. В результате было выяснено, что системы сфер Г. Лотце, состоящие из "царства ценностей", "всеобщих законов-истин", "области опыта", были переосмыслены и доработаны В. Виндельбандом. Так, второй мыслитель "всеобщие законы-истины" именует сферой "общезначимых идеальных норм", реализующихся в "области опыта" как обители ценностей. Г. Риккерт в своей концепции проводит дальнейшее переосмысление вышеприведённых сфер, где значимость становится "ценностной значимостью", сущностью трансцендентального, а норма возводится к действительности, субъекту, как и оценка. Тем самым, сфера "всеобщих законов-истин" выведенная Г. Лотце, продолженная в качестве "идеальных норм" у В. Виндельбанда, в сущности которой заложена значимость истин отдельных от ценностей, включается в "царство ценностей" у Г. Риккерта. [20, с. 242-247]

«Миф о Сизифе» — это первое эссе, раскрывающее философию абсурдизма Альбера Камю, где рассматривается экзистенциальная проблематика человека в мире. Статья *Д.А. Калашникова* посвящена анализу данного эссе на предмет его гуманных и этических положений в отношении индивидуальной человеческой личности и его свободы, а также иллюстрации самой философии, через первое эссе автора. В результате исследования был установлен глубинный гуманизм философии Альбера Камю, который в видении философа облекается в более трагичную форму в отношении человеческого существования, но тем самым и делает жизнь человека по итогу ценной, что находит отражение в этике философа и его методах преодоления экзистенциальной проблематики. [12, с. 213-221]

В другом эссе "Бунтующий человек" писателя и философа Альбера Камю экзистенциальная проблематика человека в мире, описанная в эссе "Миф о Сизифе", получила своё развитие и перешла от индивидуальной проблематики к общественно-социальной, став философией солидарности. Статья посвящена анализу гуманных и этических положений в отношении философского понятия "бунта" и проблематики "нигилизма", как негативного следствия бунта, потерявшего меру, а также анализу понятия свободы и природы человека через призму проблематики угнетенных и угнетателей. В статье устанавливается, что А. Камю находится в поисках меры, анализируя феномен бунта на протяжении человеческой истории и развития философского знания. В результате был выявлен особый вид этики и гуманизма, характерный для философии Альбера Камю, который в качестве главной ценности берет человека и его бунт, как особый элемент, присущий каждому из нас, что находит отражение в этике философа и его методах преодоления экзистенциальной проблематики как на индивидуальном, так и межличностном уровне. [12, с. 213-221]

О.А. Бакланова, рассматривая аксиологический базис социальности в современном мире, показывает специфику процессов типологизации социальности, с учетом не толь-

ко формальных и неформальных структур, но и ценностей, заложенных в основание коллективной идентичности. По мысли автора, ценности, пропагандируемые в политической сфере, или дискутируемые в слишком активной, навязчивой форме, могут сбивать с толку наблюдателя, содержать противоположные ценностные значения. Происходит это оттого, по мысли автора, что обычно общество проблематизирует именно те ценности, в которых испытывает острый дефицит. Нельзя не согласиться с автором в том, что индивидуальные установки всегда отражают более интегральный, социальный уровень ценностей, то есть социальность оказывается не самими связями между людьми как социальными субъектами, а свойством, качеством связей, преобладающих в базовом наборе человека. Это состояние распределения связей между элементами системы, при котором усилия их взаимного отношения в составе целого, обеспечивают её устойчивость. [2, с. 161-165]

В статье *Е.В. Бакеевой* исследуется возможность теоретического осмысления свободы в условиях происходящего в настоящее время активного развития нейронаук. Исследование опирается на кантовскую концепцию свободы как "способности начинать ряд событий". Основным тезисом статьи выступает утверждение невозможности самой постановки вопроса о соотношении свободы и необходимости применительно к деятельности мозга как фрагмента "объективной реальности". Данное положение аргументируется посредством трактовки свободы как подлинного начала, не подлежащего объективации. Подобная трактовка предполагает преимущественно апофатический характер осмысления свободы, исходя из которого автором формулируются основные концептуальные "невозможности" в отношении исследования феномена свободы. [1, с. 155-161]

Исследование *В.И. Миллер* направлено на выявление онтологических оснований понятий: "гуманизм" и "патриотизм", посредством категории любви в значениях человеколюбия и любви к Отечеству. Актуальность исследования обоснована необходимостью исследовать гуманизм и патриотизм в обращении к наследию русской религиозной философии и проектов трансгуманизма в свете того, что 2025 год в России объявлен годом защитника. Теоретические представления о содержательных характеристиках категории любви позволили сравнить религиозный и секулярный подходы, которые формулируют различные оценки понятий "гуманизм" и "патриотизм". В русской религиозной философии это синтез религиозного и гуманистического, в трансгуманизме — светского и гуманистического. Общим для этих двух философских теорий стало позиционирование ценности гуманизма и представление многообразных форм его практической реализации. [21, с. 296-302]

В статье *Ю.Ш. Стрелец* и *М.И. Щегловой* рассмотрен феномен "жертвы" как конструкта социокультурных процессов. Авторами предлагается структура процесса жертвенности, которая сводима к тому, кто приносит жертву, кем жертвуют, кому жертва адресована и кто благополучатель. Приводятся аргументы Рене Жирара в пользу точки зрения о жертве, как условия преодоления социальных кризисов через легализацию насилия над жертвой и достижение катарсиса. "Лечебная" роль в жертве для общества обнаружена и Вальтером Буркертом. Готовность к жертве как индикатор перехода общества к новому уровню цивилизационного развития отмечал и Лев Гумилев. В статье рассмотрены указанные тезисы, обоснованы выводы из них и дана критика, преимущественно, сводимая к моральной оценке принятия жертвы. Определено место феномена жертвы в концепте исторического долга. [28, с. 325-329]

Н.А. Уржумцева пытается осмыслить соотнесённости рационального, иррационального и нерационального состояний повседневного мыслимого социального бытия. Осуществляется интерпретация рационального подхода к анализу совместной жизнедеятельности людей посредством философской герменевтики и феноменологических штудий. Этапы конструирования понятия "повседневности", анализ работ Гуссерля — "наличное знание" есть иррациональное, порядок повседневности; Шюца — "жизненный мир" или интерсубъективная реальность, на основании которой формируются все другие миры, где реализуется взаимодействие индивидов. У Бергера и Лукмана иррациональное понимание мира выражается в смысле или знаковой системе и передаётся посред-

ством языка, выстраивается коммуникация; у Хайдеггера автоматическая подчинённость человека иррациональному и важность выведения мысли из подчинения иррационального, через нерациональное. [30, с. 301-306]

И.А. Черных и *Е.В. Леусенко* выявляют факторы, оказывающие негативное воздействие на разработку универсальной концепции справедливости, приемлемой для всех членов общества, а также теоретические основы для построения справедливого общества и разрешения социальных противоречий в современном обществе. В статье акцентировано внимание на анализе концепций справедливости, их применимости и ограничений в контексте конкретных социальных реалий, системном анализе взаимосвязи справедливости с экономическими, политическими и социальными процессами. В результате исследования были выявлены значимые проблемы поиска справедливого общества, связанные с концептуальной неопределенностью справедливости, плюрализме и конкуренции идей в вопросе абсолютной идентификации феномена справедливости, а также в субъективности восприятия справедливости индивидами, что делает невозможным создание системы, удовлетворяющей всех. Стремление индивида максимизировать свою выгоду, даже если это противоречит коллективным интересам и принципам социальной справедливости, также является существенной проблемой. [35, с. 266-274]

Очевидно, что современный мир характеризуется, прежде всего, кризисом культуры. Рассматривая приоритет синергетической методологии над диалектикой в вопросе исследования кризиса культуры, *Н.А. Углинская* и *Р.В. Шкут* отмечают, что «для адекватного отражения процессов, происходящих в современной культуре, являющейся открытой системой, обладающей способностью изменять программы своего развития, понадобился новый подход», и уточняют, что, «в отличие от диалектики, которая объясняет кризис как ситуацию накопления противоречий в культуре, синергетика стремится учесть динамику этих противоречий, чтобы не просто констатировать факт кризиса, а выявить его причины и рассмотреть возможности его исхода». Авторы утверждают, что «синергетика, признавая инструментальную роль кризиса культуры как необходимого механизма достижения устойчивости культуры вводит представления о конструктивном потенциале хаоса и нестабильности» [29, с. 301-306].

Совершенствование духовного начала и формирование культуры самосознания

Несмотря на то, что в современном философском дискурсе тема духовности занимает важное место в вопросе определения ориентаций и мотивов деятельности и поведения подрастающего поколения, исследования взаимосвязи процессов духовной культуры и социализации подрастающего поколения на системном уровне практически не ведутся.

Для выделения основных принципов и подходов в процессе развития личности с высоким духовным потенциалом в условиях современного кризиса *И.А. Черных* уточняет содержание понятий "культура", "человек культуры" и "образ человека культуры" в философском, психологическом и педагогическом ракурсах. Автор исследует потенциал образа человека культуры как ориентира в формировании культурно-ценностных направлений личности, определяющих способ ее бытия в мире и приходит к выводу, что образ человека культуры является идеалом, ориентиром, надсистемой, в которой развивается человек и сама культура, то есть в нем запечатлены те социокультурные нормы, представления, установки, которые определяют идеальное "Я" человека, целостность его личности. В результате исследования автор приходит к выводу, что в современный образ человека культуры заложена идея духовного совершенства, выражающаяся прежде всего в верности абсолюту, личной дисциплине и подчинении себя выбранной цели, внутренней свободе, практической реализации идеала и усилиях, которые прикладывает человек на этом пути. Формирование духовных новообразований в человеке происходит через развитие творческой индивидуальности, общечеловеческих ценностей и интернационализацию этих ценностей. [34, с. 274-279]

По справедливой мысли *А.В. Лукьянова,* духовная культура является основой формирования чувств и рассудка и связана с формированием «трансцендентального субъекта» и, очевидно, требует исследования в этом клю-

че. Человеческое величие проявляется в его устремлённости к духовному существованию, которое раскрывается и реализуется через творчество, то есть из единства мышления и переживания. Культура, в конечном счёте, выражает целостность человеческой жизни и самой человеческой природы. Культура соотнесена с развитием цивилизации, поскольку оно влечёт переосмысление жизненных значений и ценностных ориентиров. Духовное «Я», выступающее как культурное «Я», формирует программы общественной жизни, ориентированные на будущее. По мере ускорения общественных изменений, возрастает значимость культурного творчества. Человек накапливает и упорядочивает систему ценностей, и в итоге целостный, обобщённый образ человеческого мира выражается в культурных универсалиях. Культурное время воссоединяет все формы чувственности (в том числе пространство и время). [17, с. 69-74]

В статье *О.В. Кашириной* и *Е.А. Сергодеевой* дается характеристика культуры самосознания, ее функции в современном цивилизационном развитии и обоснован запрос на формирование культуры самосознания, ориентированной на будущее. В ходе исследования уточнено понятие самосознания как рефлексивной предповеденческой структуры, связанной с осознанием самого себя и своего места в окружающей действительности, охарактеризованы его гносеологический, онтологический, и аксиологический статусы. Авторами концептуализирована культура самосознания как внутренняя самоорганизация его субъекта на основе духовных ценностей и принципов смыслополагания; описаны ее функции в цивилизационном развитии, обосновано, что в современную эпоху культура самосознания получает новое понимание в качестве оснований информационного отбора. Обращает на себя внимание сформулированный авторами тезис о том, что культура самосознания должна выстраиваться на основе модели будущего, что позволяет цивилизационным субъектам успешно адаптироваться к вызовам глобального развития, а также формировать новые императивы ответственности в контексте перспектив социальной активности. [36, с. 283-288] И.А. Черных осуществляет попытку обосновать тезис о том, что в современных условиях социализация молодого поколения должна основополагаться на совершенствование духовного начала в его сознании путем приобщения к идеалам, ценностям, нормам и традициям, заложенным предыдущими поколениями. Именно эти социальные практики должны стать определяющими в процессе духовной социализации. В результате исследования представлены выводы, что опора на ценности духовной культуры в процессе социализации способствует обретению личностью духовного опыта, развитию ценностных ориентаций, духовных потребностей и духовных чувств. В таком случае возникает понимание смыслов, социальных стереотипов и образцов мышления и поведения, закрепленных в этом обществе, а социокультурная ситуация общества направляет ценностные приоритеты в сторону их развития. [36, с. 283-288] Справедливо отмечает И.А. Черных, что на личностном уровне духовная культура формирует духовное начало в человеке в процессе социализации, что именно духовно-практическая деятельность лежит в основе социализации подрастающего поколения и имеет наибольшее значение для формирования у детей и молодежи духовных ценностей, но формирование духовного начала в человеке возможно только в случае, если есть запрос на формирование культуры самосознания.[36, с. 283-288]

Отмечая возрастающее внимание к духовной природе человека, *Е.Ю. Бикметов* и *М.А. Пушкарёва* исследуют процесс самоуправления личности, сопровождающийся развитием культуры принятия решений в условиях стохастического социума. С этой целью авторами выявляется структура духовного акта управления и обосновывается связь самоуправления с духовной природой принятия решения. Авторы обращают внимание на тот момент, что самоуправление личности включает в себя выбор цели, а также духовную энергию действия, при этом самоуправление проходит стадии выработки, принятия и осуществления, а цель управленческого решения находится под воздействием личных и групповых интересов. Духовная природа самоуправления личности исследуется, с точки зрения управляемости, социальной и духовной организации в целом. Самоуправление личности связано с приверженностью культурному, духовному наследию при условии, что человек выступает целью развития. [3, с. 189-192]

Историческая память как ценностно-смысловой ресурс цивилизационного развития и механизм консолидации многонационального общества

Актуальность исследования *О.В. Кашириной* и *Е.А. Сергодеевой* обусловлена особой остротой и значимостью исторической памяти в процессах консолидации многонационального российского общества и формировании ее цивилизационного кода. Авторами сосредоточено внимание на осмысление исторической памяти как ценностно-смыслового ресурса цивилизационного развития и механизма консолидации многонационального общества, на выявление аксиологических оснований смысло-языкового кризиса и определении механизмов формирования духовно-нравственного иммунитета молодежи. Идеи статьи раскрываются через культурно-временной анализ единства прошлого, настоящего и будущего и интерпретацию кризисных трансформаций коммуникативных пространств. Историческая память рассматривается как механизм ценностной саморегуляции личности в контексте информационного противоборства. В результате установлено, что историческая память выступает системообразующим фактором национальной идентичности и основой духовно-нравственного иммунитета молодежи, обеспечивающего критическое мышление, устойчивость к деструктивным воздействиям и сохранение цивилизационного кода в условиях глобальной неопределенности. [14, с. 39-43]

В статье *Е.А. Нижник* представлен анализ общественных скреп как фундаментального механизма социальной интеграции и устойчивости современных обществ. Автор исследует влияние цивилизационного фактора на формирование социальных скреп, устанавливает сходства и различия в процессах их возникновения в новых исторических условиях. На основе компаративного подхода анализируются региональные и национальные модели общественных скреп, сложившиеся в различных цивилизационных ареалах. Особое внимание уделяется дальневосточной модели (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур), сформированной под влиянием конфуцианской этики, а также моделям стран Средней Азии и США. Рассматривается специфика источников общественных скреп: от традиционных ценностей и религиозных норм до идеологических конструктов и правовых институтов. Выявляется общее и особенное в механизмах поддержания социальной солидарности, а также реакция различных моделей на вызовы цифровизации, миграции и постглобализации. Делается вывод о цивилизационной обусловленности общественных скреп и невозможности существования универсальной модели, применимой для всех обществ. [23, с. 88-93]

Российское искусство — инструмент «мягкой силы»

Российское искусство и образование рассматриваются в качестве инструмента «мягкой силы», с выявлением его специфических черт, влияющих на укрепление гражданской консолидации, преодоление социокультурных разрывов, формирования ценностных установок. В статье *Ю.В. Руденко* рассматриваются проблемы и перспективы формирования, ценностных установок и воспитания гражданственности у студентов, а также обозначены педагогические средства, с помощью которых образовательная среда вуза способна оказывать воздействие на жизненные установки студентов. [25, с. 492-497] Наукой и практикой подтвержден огромный педагогический потенциал музыкального искусства в формировании духовных ценностей. В исследовании *Д.В. Дробжевой* осуществляется отбор педагогических путей, обеспечивающих эффективность процесса формирования у подростков ценностного отношения к русскому музыкальному искусству с позиций целостного музыкально-педагогического процесса. В результате исследования выявлены сущностные характеристики и особенности процесса формирования у подростков ценностного отношения к русскому музыкальному искусству. [7, с. 384-392]

Статья *С.А. Дроздова* посвящена анализу влияния ценностных ориентиров искусства на общество через призму культурологического аспекта художественной подготовки в педвузе. Культура на Руси издревле играла важную роль в объединении разных народов. Изобразительное искусство, помимо воспитания, также обладает образовательными и просветительскими функциями, поэтому та-

кие ценности, как соборность, жертвенность, патриотизм и любовь к Родине, отражаются в художественных произведениях. На основе иконографического и семиотического анализа С.А. Дроздова выявляет специфические черты русского искусства как фактора национальной консолидации, а также предлагает специальные условия для повышения эффективности художественной подготовки в педвузе. Акцент сделан на механизмах, посредством которых образы в различных видах искусств воздействуют на воспитание личности. Автор убежден в необходимости проведения государственной культурной политики, поддерживающей традиционное искусство и образование, что поможет еще сильнее укрепить духовное единство российского общества. [9, С.366-374.]

В исследовании *Т.В. Лутуценко* и *С.Ю. Рыковой* осуществляется философский анализ механизмов, форм и последствий актуализации культурного наследия для понимания направления вектора эволюции культурного пространства в эпоху глобального цивилизационного перехода. В обосновании концепции актуализации культурного наследия как ключевого, диалектического механизма, который не только обусловливает парадигмальный сдвиг культуры в условиях современных трансформаций, но и выступает мощным контрдискурсивным инструментом против унификации и инструментализации, обеспечивая при этом культурную автономию и развитие личности, было выявлено, что парадигмальный сдвиг культуры в современном обществе является не деструктивным, а сложным адаптационным процессом, центральным катализатором которого выступает актуализация культурного наследия. Культура дает возможность активного переосмысления прошлого, в контексте передачи культурного опыта, придающего ему экзистенциональную и эпистемологическую релевантность. [16, с. 225-230.]

Образование как ключевой элемент культурного кода цивилизации

Современная профессиональная подготовка будущих педагогов всё более отчётливо ориентируется на формирование ценностной позиции, обеспечивающей способность к сопровождению интеллектуально-творческого развития воспитанников в условиях инклюзивной образовательной среды. В статье *Ж.В. Марфиной* рассматривается образование как ключевой элемент культурного кода цивилизации, выступающий основным механизмом трансляции ценностей, норм и смыслов, обеспечивающих устойчивое развитие общества в XXI веке. На основе философско-антропологического и аксиологического подходов автором анализируется структура культурного кода, выявляются его уровни и механизмы, а также формулируются основные ценностные ориентиры современности — достоинство, свобода, ответственность, истина, справедливость, солидарность, устойчивое развитие, культурная память и этика технологий. Особое внимание уделяется влиянию глобализации, цифровизации и экологического кризиса на трансформацию образовательной аксиосферы. [19, с. 230-235]

Актуальность исследования *К.В. Мамонтовой* обусловлена необходимостью переосмысления задач среднего специального педагогического образования в условиях гуманизации, цифровизации и реализации принципа инклюзии. Внимание акцентируется на формировании у учащихся педагогических колледжей способности к аксиологически ориентированному педагогическому взаимодействию, направленному на развитие творческого и интеллектуального потенциала воспитанников с особыми образовательными потребностями. Внимание автора сосредоточено на выявление ценностно-смысловых оснований профессиональной подготовки будущих педагогов к сопровождению интеллектуально-творческого развития воспитанников в инклюзивной образовательной среде. В ходе исследования раскрываются стратегии профессиональной подготовки, включающие рефлексивные, эвристические и проектные методы развития креативного мышления. Сформулированные положения конкретизируют теоретические основания проектирования программ профессиональной подготовки педагогических кадров в системе среднего специального образования. [18, с. 448-456]

Проблема соотношения традиционных и нетрадиционных ценностей

В статье *А.В. Неронова* и *М.Ю. Нероновой* рассматривается проблема соотношения тра-

диционных и нетрадиционных ценностей и осуществляется попытка понимания сути противоречия между ними. Поиск оснований различия между ними позволяет установить причины кризисных явлений в современной культуре. Широкое распространение нетрадиционных ценностей вызвано результатами реализации проекта модерна, что привело к кризису Западного этоса и идентичности человека. Кризис этоса, в свою очередь, связан с отсутствием в нем онтологического основания и влечет за собой кризис идентичности и разрушение ценностей. Напротив, в этосе культур, поддерживающих традиционные ценности, присутствует онтологическое основание, что позволяет данным культурам сохранять идентичность и устойчивую систему ценностей. По результатам исследования авторы пришли к выводу, что основой устойчивой системы ценностей является наличие в национальном этосе онтологического основания, которое представляет собой фундамент мировоззрения и передается из поколения в поколение. Именно онтологическое основание является культурной константой, сохраняющей основные ценности от спонтанных изменений во времени и являющейся причиной их исторического развития, а не упадка. [22, с. 95-101]

С.В. Януш и *С.П. Золотарев* исследуют условия, способствующие формированию устойчивых традиций и динамичному развитию общества. Традиции и инновации представлены как взаимозависимые элементы единой развивающейся системы. Для этого используется эволюционная модель формирования науки, предложенная Стивеном Тулмином. Традиция — это не статичная структура, а динамичная среда, которая способствует появлению и распространению новых идей. Профессиональные сообщества, научные институты и другие социальные структуры играют ключевую роль в отборе и внедрении новых технологий. Факторы отбора инноваций представляют собой сложную систему, состоящую из внутренних и внешних элементов. Внутренние факторы, связанные с конкретной духовной или социальной сферой, определяют, насколько инновация соответствует основным ценностям и принципам традиции. Внешние факторы, такие как политические, экономические и культурные тенденции, отражают влияние окружающей среды. Результаты анализа позволяют авторам заключить, что традиции остаются жизнеспособными благодаря сложному взаимодействию механизмов по отбору инноваций, которые фильтруются когнитивными установками и тесно связаны с институциональными факторами, создающими барьеры для одних инноваций, одновременно открывая путь для развития других. [38, с. 169-176]

Проблема формирования жизненных стратегий современного человека в условиях информатизации общественных отношений

Т.В. Лугуценко и *О.А. Андреева* обсуждают проблему формирования жизненных стратегий современного человека в условиях информатизации общественных отношений, определения сущности дихотомии "жизнь и дух", её влияния на познания смысла существования человека в духовной реальности, что является одной из ключевых проблем постижения им своего места в мире. Философско-антропологический подход к анализу формирования жизненных стратегий современного человека проведен на основе методов гегелевской диалектики; учения К. Маркса о противоречиях в социальной и производственной структурах и взглядах А. Тойнби на развитие цивилизаций. Авторами обоснован тезис о том, что философско-антропологический подход дает возможность выявить глубинные основы формирования жизненных стратегий человеком, что формирование жизненных стратегий современного человека связано не только с дихотомией "жизнь и духовная реальность", но и со сферой должного, где происходит интеллектуальное конструирование образа социальной действительности. [15, с. 206-212]

Не менее значимой в формирования жизненных стратегий современного человека является проблема межпоколенного конфликта как вида социального конфликта, имеющего ценностные и смысловые основания. Выявляя ценностно-смысловые основания, экзистенциальные характеристики и социокультурные особенности конфликта поколений в современном обществе, *Ю.А. Черномазова* концептуализирует понятие поколения как социально-культурной общности, объеди-

ненной общими смыслами и ценностями, и межпоколенного конфликта как вида социального конфликта, имеющего ценностные и смысловые основания. Автор обрисовывает особенности межпоколенных противоречий в современном обществе, обусловленные его префигуративной культурой, ускорением темпов социальных изменений и детрадиционализацией, характеризует межпоколенные разрывы в современном российском обществе, обостряющие аксиологические противоречия генерационных взаимодействий. В результате автором делается вывод о том, что одним из способов перевода межпоколенных конфликтов в позитивное русло является формирование полифигуративной культуры, предполагающей нахождение точек пересечения ценностей и смыслов генерационных жизненных миров. [33, с. 312-316]

Н.А. Шергенг и *А.И. Нафикова* осуществляют попытку найти устойчивые основания современного социального развития на основе базовых ценностей, представленных в формате социальных норм. В ходе исследования обосновано и определено, что, несмотря на инновационный характер современного социального развития, в котором продвижение технологических находок в социальной сфере направлено на разрешение социальных конфликтов и улучшение качества жизни граждан, социальные нормы в их базовом и традиционном формате выступают в качестве фундаментальных оснований гармоничного человеческого и общественного бытия. [37, с. 268-273]

Цифровизация как главный ресурс для преодоления вызовов

Значительное влияние на все общественные отношения и формирование ценностей оказывает цифровизация, которая составляет главный ресурс для преодоления вызовов, время от времени возникающих в развитии обществ и цивилизаций. Вызовы сопровождают любое развитие, и чем динамичнее и масштабнее развитие, тем больше появляется вызовов. В результате в современном обществе быстро меняются социальные, политические, культурные и экономические условия жизнедеятельности людей. Значение стало иметь правильное и адекватное определение целей и путей развития социального субъекта.

Н.Н. Равочкин, выявляя общую специфику медиатизации культуры в условиях современной общественной жизни, благодаря активному внедрению технических средств в социальную ткань определяет особенности медиатизации рассматриваемой сферы. В ходе исследования автор осуществляет содержательный анализ объекта исследования, рассматривает воздействие передовых технических средств на область культуры, выявляет векторы трансформации медиаиндустрии и культуры в общесоциальном масштабе, обозначает изменения в коммуникации, произошедшие при переходе к цифровому формату, демонстрирует проявления медиатизации культуры в современном мире. [24, с. 294-298]

В контексте трансформации медиаиндустрии и культуры в общесоциальном масштабе представляется интересной научная дискуссия *А.В. Силютиной* о соотношении традиций и инноваций в современном обществе. Очевидно, что новация всегда спроецирована на культуру и зависит от времени и места, где она воспринимается в качестве инновации и оценивается как социокультурный феномен. С социально-философских позиций автор анализирует социокультурные аспекты инновационного сознания, диалектику старого и нового в социальной системе и символических системах. На том основании, что инновация сопряжена не только с изменением социальной системы, но и с её сохранением, то есть, с преемственностью к прежнему ее состоянию, автором выявлено важное значение технизации для становления инновационного сознания. Справедливо замечание автора о том, что «постоянная рефлексия, взвешенный, осторожный подход к реформированию общества, контроль рисков, приоритет безопасности и гуманизации, соблюдение баланса интересов отдельного человека и государства позволят найти оптимальное соотношение традиций и инноваций, избежать недостатков того и другого и выйти на путь устойчивого развития и процветания». [27, с. 304-309]

Нельзя не признать значительного влияния цифровых технологий на формирование мировоззрения человека и общества. *С.П. Золотаревым* определены существующие социальные отношения, которые требуют глубокого понимания философских и

этических проблем, возникающих в эпоху цифровой трансформации и требующих формирования основ для внедрения в общественную жизнь результативных норм и принципов, действующих на эти процессы. Обозначены семь научных учений, обуславливающих развитие цифровизации, а также основные категории, раскрывающие сущность социальной справедливости на базе внедрения цифровых технологий в общественную жизнь. Представленный автором социально-философский анализ способствует выявлению позитивных и негативных аспектов влияния различных видов передачи информации на экономическую и социокультурную жизнь человека в эпоху информационного общества. Автор справедливо замечает, что, несмотря на существование различных философских школ, предлагающих собственные подходы к решению этических дилемм, связанных с цифровизацией, необходимо внедрение "этики ответственности" и "этики добродетели" как важных инструментов по развитию человеческих качеств, необходимых для ориентации личности в сложном цифровом мире. [10, с. 252-260]

Мировоззренческие разрывы современного российского общества

Характеризуя мировоззренческие разрывы современного российского общества, *Е.А. Сергодеева* с соавторами выявляет обусловливающие их факторы и возможности преодоления негативных последствий. В ходе исследования уточнено понятие мировоззренческого разрыва как нарушения смысловой целостности мировоззрения, выяснено соотношение этого феномена с мировоззренческим кризисом и конфликтом, перечислены актуальные мировоззренческие разрывы современного российского общества, выявлены детерминирующие их факторы, обрисованы возможности преодоления мировоззренческих разрывов и продемонстрированы основания их сглаживания, коренящиеся в культурной самобытности российской цивилизации. В результате сформулирован вывод о том, что преодоление современных мировоззренческих разрывов возможно на основе сохранения самобытности российского культурного кода с учетом цивилизационных целей и многообразных вызовов глобального развития. [26, с. 350-354]

Для определения базовых принципов противоположных трактовок героизма в советской литературе периода "оттепели" *И.В. Федяй* и *М.В. Жукова* выявляют протомеханизмы постоянного воспроизведения противостояния почвенничества и западничества в русской культуре. В результате исследования было вскрыто, что противоречие между ними заложено в базовых онтологических установках восприятия пространства и времени. Эти базовые онтологические установки и определяют операционные системы, способы организации мыслительного пространства: а именно, противостояние метаязыка "традиции" метаязыку "современности". Авторы подчеркивают, что принципы, организующие это противостояние, нельзя рассматривать с исторической точки зрения. Поскольку они носят нормативный характер, поэтому данные топики — "традиция" и "современность" — не следуют друг за другом, а присутствуют всегда одновременно. И разница временных эпох лишь в том, чей метаязык очерчивает дискурс. С этой точки зрения главным противоречием советской эпохи является противоречие между почвенническим характером континентальной государственности (геополитика) и модернистским характером марксистко-ленинской идеологии. Это противоречие разных топик, создающих противоположные операционные структуры — метаязык традиции, которым определялось бытие русской государственности и метаязык современности, на которой основывалась революционная идеология марксизма. Решалось данное противоречие двумя путями — попыткой приспособить идеологию бытию государства (сталинизм), либо путем приспособления государства революционной идеологии модерна (левоглобализм). Это и определило деление русской литературы периода "оттепели" на русскую, где героизм трактовался как попытка сохранить культурный код, против вестернизации, урбанизации, размывания традиций; и русскоязычную, где героизм сводился к борьбе с корнями культурно-историческими, национальными, государственными, т. е. мыслился как диссидентство политическое, социальное, либо вообще экзистенциальное. Герой понимался как индивидуалист, обрывающий связи либо с политической системой, с обществом, либо вообще со всей культурно-исторической

традицией. Вскрытием основ противоположных трактовок героизма, через выявление протомеханизмов постоянного воспроизведения в русской культуре противостояния почвенничества и западничества, и определяется научная новизна исследования. [31, с. 293-300]

В статье *С.В. Дрожжиной* рассматривается индивидуальная ценностная картина мира как уникальный комплекс приоритетов, взглядов и убеждений, который формируется под влиянием опыта, окружающей среды, культуры и образования. Особое внимание уделяется анализу ценностной картины в рамках не только психологии, но и расширенного философского подхода — экофилософии, которая рассматривает человека и его мироотношения в контексте целостной экологии. Рассматриваются различные философские подходы к пониманию ценностей и их роль в формировании поведения и жизненных приоритетов. Автор подчеркивает, что ценностная картина мира не является статичной, а динамично трансформируется под воздействием жизненных обстоятельств, включая экстремальные условия. Исследование расширяет границы понимания индивидуальных ценностей и предлагает рассматривать их в междисциплинарном экофилософском пространстве, что способствует более глубокому пониманию внутреннего мира человека и его взаимоотношений с природой и обществом. [8, с. 200-205]

Проблема духовной безопасности человека и общества

На основе классической трансцендентальной методологии социально-философский анализ духовной безопасности человека и общества представлен в статье *Е.Ю. Бикметова* и соавторов. Авторы выявляют историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности, прослеживают её трансформацию с целью обосновать гипотезу о переходе от реактивной модели к проактивной. По мысли авторов, в настоящее время происходит расширение функционального пространства трансцендентального «Я», которое включает в себя безопасность экзистенции и культурного, коммуникативного пространства-времени действия сил, направленных на сохранение и воспроизводство социума, предотвращение экспансии технократических тенденций, связанных с особенностями деятельности субъекта в сложном и эластичном бытии. Авторы отмечают характерную закономерность в процессе, когда замедляется духовный, энергетический ритм человека и социума, то утрачиваются сущностные силы (любовь, надежда на более справедливый мир, нравственная воля). Безопасность социума связана с духовными импульсами, определяющими социальное явление, которое завершается в направлении становления нравственности, когда себя полностью осознало, т.е. достигло определенной формы понимания общественных процессов. [3, с. 19-23]

В статье *О.В. Джавад* предпринимается историко-философская реконструкция эволюции культуры безопасности как специфической формы социальной рациональности. Показано, что трансформация представлений о безопасности обусловлена глубинными изменениями антропологического, онтологического и эпистемологического порядка. Анализ проводится в диахронном ключе: от традиционных сообществ, ориентированных на сакральные модели защиты, через модернистский проект рационального контроля к постмодернистскому «обществу риска», где безопасность перестаёт быть внешней гарантией и превращается во внутренний эксперимент субъекта. Методологическую основу составляют концепции У. Бека (общество риска), М. Фуко (дисциплинарная власть и биополитика), А. Тойнби (цивилизационный подход), а также идеи М. Вебера, М. Элиаде и Э. Гидденса, позволяющие раскрыть связь между изменениями социальной структуры и способами концептуализации безопасности. В результате показано, что формирование современной культуры безопасности отражает не просто развитие технологий и институтов, но прежде всего антропологический сдвиг: утрату сакрального, гипертрофию индивидуализма и возвышение рефлексивной рациональности. Обоснован переход от «реактивной» культуры безопасности (ориентированной на прошлое и коллективные ритуалы) к «проактивной» (требующей от индивида постоянного самоконтроля и управления рисками). Особое внимание уделено трансформации функций власти, науки, церкви и медиа в процессе институци-

онализации дискурса безопасности. Статья демонстрирует, что культура безопасности эволюционирует через изменение антропологической матрицы, а не линейно — от примитивных к высокотехнологичным практикам. [6, с. 48-54]

В статье Х.С. Вильданова и соавторов анализируются проблема концептуализации и специфики подходов к проблемам аксиологической безопасности и социальной справедливости в современном российском обществе. В ходе исследования дается характеристика особенностей подходов к решению проблем аксиологической безопасности, связанных с защитой традиционных духовных ценностей, рассматриваются источники аксиологической безопасности как системные внутренние и внешние риски и угрозы, направленные не только на разрушение традиционных и духовных ценностей общества и социального субъекта, но и на разрушение социальных, экономических и политических основ государственности. Авторы анализируют основные проблемы и возможные пути решения проблем, связанных с аксиологической безопасностью в РФ. [5, с. 200-204]

Литература

1. Бакеева Е.В. Возможность свободы // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 155-161. EDN: IWNETO. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.23
2. Бакланова О.А. Аксиологические основания социальности в современном обществе // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 161-165. EDN: JPBTJS. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.24
3. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Степанов В.А. Духовная безопасность как социальное явление с позиции классического трансцендентального подхода // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 19-23. EDN: AOTRDU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.3
4. Бикметов Е.Ю., Пушкарёва М.А. Духовная природа самоуправления личности // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 189-192. EDN: MLJYSA. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.26
5. Вильданов Х.С., Юлмухаметов А.Аб., Фазлутдинова Л.Р. Концептуализация и специфика подходов к проблемам аксиологической безопасности и социальной справедливости // KANT. — 2024. — №2(51). — С. 200-204. EDN: JRDRRY. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.32
6. Джавад О.В. Историко-философские предпосылки формирования культуры безопасности: от традиционного общества к рискованному миру современности // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 48-54. EDN: DMAPRL. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.7
7. Дробжев Д.В. Формирование у подростков ценностного отношения к русскому музыкальному искусству как педагогическая проблема // KANT. — 2024. — №4(53). — С. 384-392. EDN: UINOHI. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-53.58
8. Дрожжина С.В. Критерии экзистенциальных ценностей индивидуальной ценностной картины мира в пространстве экофилософии // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 200-205. EDN: MQZCPX. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.30
9. Дроздов С.А. Ценностные ориентиры искусства в воспитании общества и укреплении духовного единства России (на примере культурологического аспекта художественной подготовки в педагогическом вузе) // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 366-374. EDN: UNUFFA. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.51
10. Золотарев С.П. Проблемы социальной справедливости в эпоху цифровизации: социально-философский анализ // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 252-260. EDN: MQPBAM. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.37
11. Имамвердиев Ф.Р. Цивилизационный порядок как коэволюция политико-правовых и культурно-духовных ценностей // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 221-225. EDN: NIPIEL. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.32
12. Калашников Д.А. Гуманизм абсурда: в поисках смысла существования // KANT. — 2024. — №4(53). — С. 213-221. EDN: OHRVDZ. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-53.33
13. Каширина О.В., Сергодеева Е.А. Культура самосознания как ценность цивилизационного развития // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 278-282. EDN: NTCFPG. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.40
14. Каширина О.В., Сергодеева Е.А. Роль исторической памяти в формировании духовно-нравственного иммунитета современной российской молодежи // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 39-43. EDN: BTMADR. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.7
15. Лугуценко Т.В., Андреева О.А. Жизненные стратегии современного человека в контексте дихотомии "жизнь и духовная реальность": философско-антропологический аспект // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 206-212. EDN: OAZDMN. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.32
16. Лугуценко Т.В., Рыкова С.Ю. Парадигмальный сдвиг культуры в процессе трансформаций культурного пространства // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 225-230. EDN: NCRDEG. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.34
17. Лукьянов А.В., Ханова Р.В., Хасанова Л.Р. Духовная культура как основа формирования чувств и рассудка: философский анализ // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 69-74. EDN: CSKHUM. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.11

18. Мамонтова К.В. Ценностно-смысловой аспект профессиональной подготовки будущих педагогов к развитию интеллектуально-творческих способностей воспитанников в условиях инклюзивной образовательной среды // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 448-456. EDN: XPDUKY. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.63
19. Марфина Ж.В. Образование как культурный код цивилизации: аксиологические ориентиры XXI века // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 230-235. EDN: NGHQCO. https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.35
20. Мешков И.М., Атик А.А. Соотношение сфер бытия и "царства ценностей" в философии кантианства // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 242-247. EDN: PHTIFD. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.36
21. Миллер В.И. Категория любви в гуманизме и патриотизме (на примере ценностных установок русской религиозной философии и трансгуманизма) // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 296-302. EDN: PJUGRY. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.44
22. Неронов А.В., Неронова М.Ю. Онтологическое основание этоса как условие формирования устойчивых ценностей // KANT. — 2026. — №1(58). — С. 95-101. EDN: FIVLIP. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.13
23. Нижник Е.А. Общественные скрепы как основа сохранения традиционных национальных ценностей // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 88-93. EDN: DKPIOU. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.14
24. Равочкин Н.Н. Медиатизация культуры в реалиях современной общественной жизни: философский анализ // KANT. — 2024. — №4(53). — С. 294-298. EDN: QOPOGL. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-53.45
25. Руденко Ю.В. Культурный код и нравственный императив: аксиологическая составляющая гражданственности в фокусе психолого-педагогического образования // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 491-497. EDN: ZIZIRE. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.76
26. Сергодеева Е.А., Димитрова С.В., Гуляк И.И. Современные мировоззренческие разрывы и приоритеты развития российского общества // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 350-354. EDN: QWWNWB. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.53
27. Силютина А.В. Проблема соотношения традиционных и инновационных ценностей в современном обществе // KANT. — 2024. — №4(53). — С. 304-309. EDN: QRIGXS. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-53.47
28. Стрелец Ю.Ш., Щеглова М.И. Взаимосвязь феномена "жертвенности" и социокультурных процессов // KANT. — 2024. — №4(53). — С. 325-329. EDN: RGLIEF. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-53.50
29. Углинская Н.А., Шкута Р.В. Эвристический потенциал синергетической парадигмы рассмотрения кризиса культуры // KANT. — 2024. — №2(51). — С. 301-306. EDN: RBZPWA. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.50
30. Уржумцева Н.А. Интерпретация жизни человека и общества: рациональные и иррациональные подходы // KANT. — 2025. — №1(54). — С. 374-379. EDN: TLTXTB. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-54.57
31. Федяй И.В., Жуков М.В. Концепции героизма периода "оттепели" в контексте сквозного противостояния почвенничества и западничества в русской культуре // KANT. — 2025. — №2(55). — С. 293-300. EDN: RSPPSS. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-55.44
32. Чернов А.В., Новикова С.В., Лебедева Г.В. Справедливость как аксиологическая основа "идеального государства" Платона: путь к тоталитаризму // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 262-267. EDN: TEUNYC. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.42
33. Черномазова Ю.А. Межпоколенные конфликты в современном обществе: ценностно-смысловые аспекты анализа // KANT. — 2024. — №2(51). — С. 312-316. EDN: RZGECN. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.52
34. Черных И.А. Сущность понятия "образ человека культуры" и его роль в процессе формирования личности современного человека // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 274-279. EDN: SKICHC. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.41
35. Черных И.А., Леусенко Е.В. Справедливость как проблема поиска справедливого общественного устройства // KANT. — 2025. — №3(56). — С. 266-274. EDN: QWBODL. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.40
36. Черных И.А. Ценности духовной культуры как один из ориентиров социализации современного человека // KANT. — 2025. — №4(57). — С. 283-288. EDN: RHVNFJ. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.45
37. Шергенг Н.А., Нафикова А.И. Социальные ценности и нормы как устойчивое основание современного социального развития // KANT. — 2024. — №3(52). — С. 268-273. EDN: TKJEUB. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-52.43
38. Януш С.В., Золотарев С.П. Взаимосвязь между традиционными основами (устоями) и инновациями с социально-философских позиций // KANT. — 2026. — №2(59). — С. 169-176. EDN: HXSRZI. DOI: https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-59.25